

История мира от историков в двадцати пяти томах, том 01. Прологомены, Египет, Месопотамия

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES

VOLUME I—PROLEGOMENA; EGYPT, MESOPOTAMIA

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1905

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[КЛЮЧ К ИСТОЧНИКАМ.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЧАСТЬ I. ПРОЛЕГОМЕНА](#)

[КНИГА I. ИСТОРИЯ, ИСТОРИКИ И НАПИСАНИЕ ИСТОРИЙ](#)

[ГЛАВА I НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ](#)

[ГЛАВА II МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НАПИСАНИЯ ИСТОРИИ](#)

[ГЛАВА III МЕТОДЫ ИСТОРИКОВ](#)

[ГЛАВА IV МИРОВЫЕ ИСТОРИИ](#)

[ГЛАВА V СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ](#)

[КНИГА II. ВЗГЛЯД НА ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД](#)

[ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ](#)

[ГЛАВА II КОСМОГОНΙΑ — ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА](#)

[ГЛАВА III КОСМОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ — ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕИ](#)

[ГЛАВА IV ДРЕВНОСТЬ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА](#)

[ГЛАВА V ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ И АРИЙСКИЙ ВОПРОС](#)

[ГЛАВА VI О ДОИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ](#)

[ЕГИПЕТ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЕГИПЕТ КАК МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[ОБЩИЙ ОБЗОР ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ](#)

[СТАРОВЕЧЕСКОЕ МЕМФИССКОЕ ЦАРСТВО](#)

[СТАРОВЕКЕ ТЕБАНСКОЕ \(СРЕДНЕЕ\) ЦАРСТВО](#)

[НОВОЕ ТЕБАНСКОЕ ЦАРСТВО](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА I. ЕГИПЕТСКАЯ РАСА И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ](#)

[СТРАНА И ЕЕ ЖИТЕЛИ](#)

[ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ](#)

[ГЛАВА II. ДРЕВНЕЕ МЕМФИССКОЕ ЦАРСТВО](#)

[Первая династия тинитов](#)

[Вторая династия тинитов](#)

[Третья династия мемфитов](#)

[ДИНАСТИЯ ПИРАМИД](#)

[СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ ПИРАМИД](#)

[СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД](#)

[КРАСИВАЯ НИТОКРИС](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. ДРЕВНЕЕ ТЕБАНСКОЕ ЦАРСТВО](#)

[Одиннадцатая династия](#)

[ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУНТ](#)

[ДВЕНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ](#)

[ПАМЯТНИКИ ДВЕНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ: КЛАССИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД](#)

[РУИНЫ КАРНАКА](#)

[ПАДЕНИЕ ТЕБАНСКОГО ЦАРСТВА](#)

[ИНОСТРАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ГИКСОСОВ; СЕМНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ](#)

[ГЛАВА IV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ](#)

[\[XVIII династия: ок. 1635-1365 гг. до н.э.\]](#)

[ИЗГНАНИЕ ГИКСОСОВ: ААХМЕС И ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[ТЕХУТИМЕС II; ЦАРИЦА ХАТШЕПУТ](#)

[ТРИУМФЫ ТЕХУТИМА III; ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. XIX ДИНАСТИЯ](#)

[ЦАРЬ СЕТИ](#)

[РАМСЕС II ВЕЛИКИЙ](#)

[ВОЕННАЯ ПОЭМА ПЕНТАУРА](#)

[ЦАРСТВО ХЕТА И ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ](#)

[СМЕРТЬ РАМСЕСА II](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI. НАХОЖДЕНИЕ КОРОЛЕВСКИХ МУМИЙ](#)

[КАК ЭТИ МОНАРХИ ОКАЗАЛИСЬ ЗДЕСЬ?](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII. ПЕРИОД УПАДКА \[XIX–XXV династии: ок. 1285–655 гг. до н. э.\]](#)

[МЕНЕПТА](#)

[ОТ СЕТНЕКХТА ДО РАМСЕСА VIII И МЕРИ-АМЕНА МЕРИ-ТМУ](#)

[ГОРЕЧЬ СОЛДАТА](#)

[ЕГИПЕТ ПОД ГЕНЕРАЛЬСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ НАЕМНИКОВ](#)

[ЭФИОПСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ](#)

[ТАБЛИЦА СОВРЕМЕННЫХ ДИНАСТИЙ](#)

[ГЛАВА VIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ](#)

[ПСАТЕК](#)

[ДОБРЫЙ ЦАРЬ САБАХ \[ШАБАК\] И ПСАММЕТИЧ](#)

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ЕГИПТЕ](#)

[ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И КОНЕЦ АВТОНОМИИ ЕГИПТА](#)

[ЗВЕРСТВА КАМБИЗА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. НРАВЫ И ОБЫЧАИ ЕГИПТЯН](#)

[ПОЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ](#)

[ВОЕННОЕ ОРУЖИЕ](#)

[МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ БОЯ](#)

[СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ](#)

[ЕГИПЕТЦЫ ГЛАЗАМИ ГЕРОДОТА](#)

[ЖИЛИЩА НАРОДА](#)

[ГЛАВА X. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ](#)

[РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ПОДАРКИ](#)

[ДАРЫ И БОГАТСТВА ХРАМОВ](#)

[ДИОДОР О ПОЧТЕНИИ ЖИВОТНЫХ](#)

[СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ ПОЧТЕНИЯ АПИСА, СВЯЩЕННОГО БЫКА](#)

[МЕТОДЫ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ МЕРТВЫХ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XI. ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА](#)

[Иероглифы](#)

[«С ПОМОЩЬЮ КАКИХ СИМВОЛОВ, ИЗОБРАЖЕНИЙ И КАРТИНОК УЧЕНЫЕ
ЕГИПЕТЯНЕ ВЫРАЖАЛИ ТАЙНЫ СВОИХ УМОВ](#)

[ГАДКА СФИНКСА](#)

[ЛИТЕРАТУРА](#)

[«КОВБОЙ»: СКАЗКА О ДВЕНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ ИСТОРИИ ЕГИПТА](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ](#)

[ЕЩЕ ОДНО ДРЕВНЕЕ СООБЩЕНИЕ О НИЛЕ](#)

[ГРЕЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОКИ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ПРОБЛЕМА ЕГИПЕТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

ТАБЛИЦА МАНЕТОНА ЕГИПЕТСКИХ ДИНАСТИЙ

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

Глава I. Египетская раса и ее происхождение

Глава II. Древнее Мемфисское царство

Глава III. Древнее Фиванское царство

Глава IV. Восстановление

Глава V. Девятнадцатая династия

Глава VI. Находка царских мумий

Глава VII. Период упадка

Глава VIII. Завершающие сцены

Глава IX. Обычаи и нравы египтян

Глава X. Египетская религия

Глава XI. Египетская культура

Приложение А. Классические традиции

Приложение В. Проблема египетской хронологии

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ЕГИПТА, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ, С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

МЕСОПОТАМИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТНОШЕНИЯ ВАВИЛОНИИ С ДРУГИМИ СЕМИТСКИМИ СТРАНАМИ

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ МЕСОПОТАМИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ И ХОДА СОБЫТИЙ, А ТАКЖЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

НАШИ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

ДРЕВНИЕ ЦАРСТВА ВАВИЛОНИИ

ЦАРСТВО КЕНГИ

ЦАРСТВО КИШ

ЦАРСТВО ГИШБАН

ЦАРСТВО ШИРПУРЛА

ЦАРСТВО УР (БИБЛЕЙСКИЙ «УР ХАЛДЕЙСКИЙ») I ДИНАСТИЯ

ЦАРСТВО ГУТИ И ЛУЛУБИ

ЦАРСТВО АГАДЕ

ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ УРА

ЦАРСТВО ЭРЕХ

ЦАРСТВО ИСИН

[ТРЕТЬЯ ДИНАСТИЯ УРА](#)

[ЦАРСТВО ЛАРСА](#)

[ЦАРСТВО ВАВИЛОН](#)

[АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

[НОВАЯ ИМПЕРИЯ ВАВИЛОНА 606-538 гг. до н.э.](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[ЗЕМЛЯ](#)

[КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ВАВИЛОНА: ШУМЕРЫ](#)

[СЕМИТСКИЕ ВАВИЛОНЦЫ](#)

[РОДИНА ВАВИЛОНСКИХ СЕМИТОВ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВАВИЛОНА](#)

[НАЧАЛО ИСТОРИИ](#)

[ПРАВИТЕЛИ ШИРПУРЛЫ](#)

[ЦАРИ КИША И ГИШБАНА](#)

[ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ УРА](#)

[ЦАРИ АГАДЫ](#)

[ЦАРИ УРА](#)

[ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРОН ЮЖНО-АРАВИЙСКОЙ ДИНАСТИИ](#)

[КАССИТСКАЯ ДИНАСТИЯ](#)

[АССИРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВАВИЛОНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИИ](#)

[ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[АССИРИЙСКИЕ СТОЛИЦЫ: АШШУР И НИНЕВИ](#)

[ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИИ](#)

[ПЕРВЫЙ ВЕЛИКИЙ АССИРИЙСКИЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ И ЖЕСТОКОСТЬ АШУРНАЗИРПАЛА](#)

[ШАЛМАНЕСЕР II И ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[ТИГЛАТ-ПИЛЕСЕР III \(745-727 гг. до н. э.\)](#)

[САЛМАНАСАР IV](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV. ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ АССИРИЙСКОГО ВЕЛИЧИЯ \(722-626 гг. до н. э.\)](#)

[СЕННАХЕРИБ](#)

[ЭСАРХАДДОН И АШУРБАНАПАЛЬ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ЭСАРХАДДОНА \(681-668 гг. до н. э.\)](#)

[РАННИЕ ГОДА АШУРБАНАПАЛА \(668-652 гг. до н. э.\)](#)

[ВОЙНА БРАТЬЕВ \(652-648 гг. до н. э.\)](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ВОЙНЫ АШУРБАНАПАЛА \(648-626 гг. до н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. УПАДОК И ПАДЕНИЕ АССИРИИ](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ГОДА И ПАДЕНИЕ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ \(626-609 гг. до н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА](#)

[СОВРЕМЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ](#)

[НАБОПОЛАССАР И НАБУХОДОНОСОР](#)

[ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НАБУХОДОНОСОРА](#)

[ПРАВЛЕНИЕ НАБОНИДА \(556-538 гг. до н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII. МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ](#)

[МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ](#)

[НАШИ ИСТОЧНИКИ](#)

[АССИРИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ КОСТЮМЫ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ](#)

[ИСКУССТВО МИРА В ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ](#)

[ВАВИЛОН И ЕГО ОБЫЧАИ, ОПИСАННЫЕ ОЧЕВИДЦЕМ](#)

[ПОЗДНЕЕ КЛАССИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВАВИЛОНА](#)

[ТОРГОВЛЯ ВАВИЛОНЦЕВ](#)

[КОРАБЛИ СРЕДИ АССИРИЕВ](#)

[ЗАКОНЫ ВАВИЛОНЦЕВ И АССИРИЙЦЕВ](#)

[Продажа раба](#)

[Продажа раба](#)

[Продажа дома](#)

[КОДЕКС ХАММУРАБИ](#)

[Обнаружение кодекса](#)

[Разные положения](#)

[Положения, касающиеся рабов](#)

[Положения, касающиеся грабежа](#)

[Оренде и возделывании земли](#)

[Относительно каналов](#)

[Торговля, долги](#)

[Внутреннее законодательство, развод, наследование](#)

[Законы, касающиеся усыновления](#)

[Законы о возмещении](#)

[Правила, касающиеся врачей и ветеринарных хирургов](#)

[Незаконная клеймение рабов](#)

[Правила, касающиеся строителей](#)

[Правила, касающиеся судоходства](#)

[Правила, касающиеся найма животных, ведения сельского хозяйства, заработной платы и т. д.](#)

[Правила, касающиеся покупки рабов](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII. РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНЦЕВ И АССИРИЙЦЕВ](#)

[АССИРИЙСКАЯ ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ МИРА](#)

[ВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ](#)

[ЭПОС О ГИЛГАМИШЕ](#)

[Спуск Иштар в Аид](#)

[ГЛАВА IX. ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА](#)

[ЛИТЕРАТУРА И НАУКА](#)

[Эпистолярная литература](#)

[ИСКУССТВО](#)

[АССИРИЙСКОЕ ИСКУССТВО](#)

[АССИРИЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ИСКУССТВА](#)

[КЛАССИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ХАЛДЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И АСТРОЛОГИИ](#)

[ВАВИЛОНСКИЙ ГОД](#)

[ВАВИЛОНСКИЙ ДЕНЬ И ЕГО ДЕЛЕНИЕ НА ЧАСЫ](#)

[АССИРИЙСКАЯ НАУКА](#)

[СНОСКИ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ](#)

[СОТВОРЕНИЕ МИРА И ВОДОСПУСК, ОПИСАННЫЕ ПОЛИИСТОРОМ](#)

[ДРУГИЕ КЛАССИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ](#)

[О халдейских царях и потопе](#)

[О Вавилонской башне](#)

[Об Аврааме \[?\]](#)

[О Набонассаре](#)

[О разрушении Иудейского храма](#)

[О Навуходоносоре](#)

[О халдейских царях после Навуходоносора](#)

[О празднике Сакея](#)

[Фрагмент Мегасфена о Навуходоносоре](#)

[НИНУС И СЕМИРАМИДА](#)

[СЕМИРАМИДА СТРОИТ ВЕЛИКИЙ ГОРОД](#)

[СЕМИРАМИДА НАЧИНАЕТ КАРЬЕРУ ЗАВОЕВАТЕЛЬНИЦЫ](#)

[СЕМИРАМИДА ВТОРГАЕТСЯ В ИНДИЮ](#)

[ДРУГОЙ ВЗГЛЯД НА СЕМИРАМИС](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ОТ НИНЬЯСА ДО САРДАНАПАЛА](#)

[РАЗРУШЕНИЕ НИНЕВИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ В. РАСКОПКИ В МЕСОПОТАМИИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ](#)

[РУИНЫ НИНЕВИИ И ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ М. БОТТА](#)

[ОТКРЫТИЯ ЛЕЙАРДА В НИНЕВИИ](#)

[ПОЗДНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ](#)

[РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК](#)

[СОКРОВИЩА НИНЕВИИ](#)

[БИБЛИОТЕКА ЦАРЯ НИНЕВИИ](#)

[КАК ЧИТАЛИ АССИРИЙСКИЕ КНИГИ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Земля и народ](#)

[Глава II. История Древнего Вавилона](#)

[Глава III. Возвышение Ассирии](#)

[Глава IV. Четыре поколения величия Ассирии](#)

[Глава V. Упадок и падение Ассирии](#)

[Глава VI. Возрождение и падение Вавилона](#)

[Глава VII. Обычаи и нравы Вавилонии-Ассирии](#)

[Глава VIII. Религия вавилонян и ассирийцев](#)

[Глава IX. Вавилонская и ассирийская культура](#)

[Приложение А. Классические традиции](#)

[Приложение В. Раскопки в Месопотамии и их результаты](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ МЕЗОПОТАМИИ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ, С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «История мира в двадцати пяти томах», том 01

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 01

Пролегомены; Египет, Месопотамия

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 20 марта 2016 г. [электронная книга № 51514]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

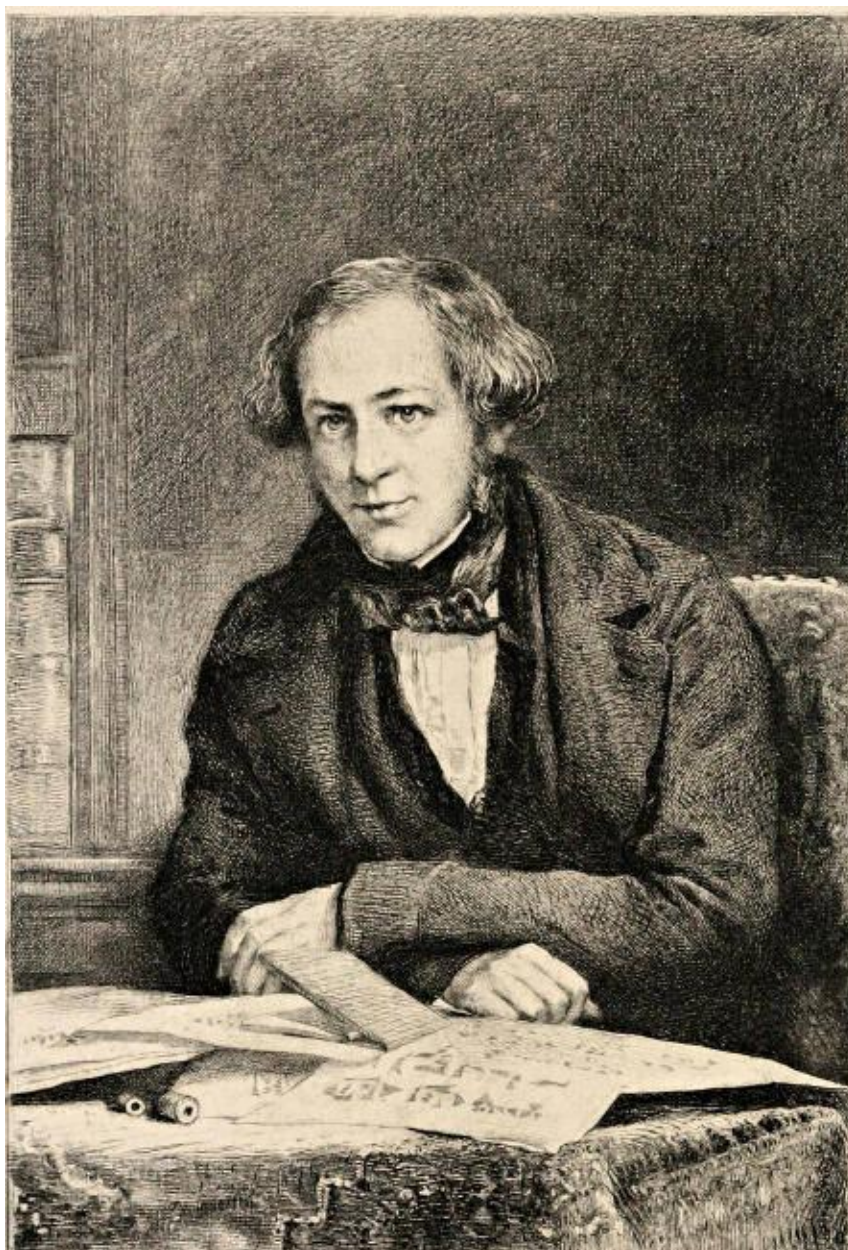
Язык: английский

Благодарности: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В 25 ТОМАХ, ТОМ 01» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

РАУЛИНСОН

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии выдающегося совета консультантов и авторов,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ I — ПРОЛЕГОМЕНА; ЕГИПЕТ, МЕСОПОТАМИЯ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1905

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.
Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Нью-Йорк, США.

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.

Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.

Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.

Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.

Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.

Профессор Альфред Рамбо, Парижский университет.

Капитан Ф. Бринкли, Токио.

Профессор Эдуард Мейер, Берлинский университет.

Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.

Профессор Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.

Профессор Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.

Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.

Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.

Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.

Профессор Х. Марцали, Будапештский университет.

Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.

Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.

Проф. Франц Р. фон Кронес, Грацский университет.

Профессор Вильгельм Солтау, Университет Заберна.

Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.

Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.

Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.

Д-р Фредерик Робертсон Джонс, Колледж Брин Моур.

Барон Барнардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.

Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.

Проф. Адольф Харнак, Берлинский университет.

Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.

Проф. Герман Дильс, Берлинский университет.

Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.

Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.

Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.

Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

КЛЮЧ К ИСТОЧНИКАМ.

«История мира глазами историков» в некотором смысле является сборником, но сборником уникального характера. Основная часть работы состоит из прямых цитат из авторитетных источников, приведенных с скрупулезной точностью; но наш метод работы с этим материалом настолько новаторский, что случайный читатель может просматривать главу за главой, не подозревая, что все это не является работой одного автора. Тем не менее, каждая цитата, независимо от ее длины, сопровождается четкой ссылкой на источник, и читатель, желающий узнать имена авторов и названия цитируемых работ, может без малейших затруднений удовлетворить свое любопытство. Ключ к идентификации авторитетов находится в незаметных буквенных ссылках (называемых типографом «верхними буквами»), таких как ^(b) ^(c) ^(d) , которые разбросаны по всему тексту. Эти ссылочные буквы в каждом случае ссылаются на «Краткий список ссылок» в конце книги, где по главам указаны имена авторов и названия произведений. Если какое-либо произведение цитируется более одного раза в главе, для идентификации этого произведения в каждом случае используется одна и та же ссылочная буква.

Ссылочные буквы используются двумя способами: они либо (1) помещаются в конце предложения, и в этом случае обозначают фактическую цитату, либо (2) помещаются рядом с именем автора, и в этом случае обозначают источник, на который ссылается автор, но который не обязательно цитируется. Каждая ссылочная буква в конце предложения относится ко всему материалу, который предшествует ей, вплоть до последней ссылочной буквы, расположенной аналогичным образом. Цитата, обозначенная таким образом, может быть любой длины — от нескольких предложений до многих страниц. Эта цитата может содержать ссылочные буквы второго типа, только что описанные, но в этом случае их можно полностью игнорировать при определении границ цитаты; из контекста будет ясно, что авторство не изменилось. С другой стороны, каким бы непрерывным ни казалось повествование, ссылочная буква в конце предложения всегда должна пониматься как разделяющая одну цитату от другой.

Все это может показаться немного сложным, как описано здесь, но на практике окажется удивительно простым и эффективным. Читателю достаточно провести эксперимент, чтобы убедиться, что он может без малейших затруднений отследить авторство каждой строки произведения. Однако следует добавить, что ссылочная буква ^(a) используется только для редакционных материалов и что в очень редких случаях эта буква используется в сочетании с другой буквой, например ^(ab) ^(ac) ^(ad) , чтобы указать на материалы, которые были адаптированы редакцией, но не цитируются дословно. Пожалуй, нет необходимости объяснять, что прямые цитаты, составляющие основную часть нашей работы, часто приводятся в сокращенном виде путем опущения избыточного или по какой-либо причине недопустимого материала. Необходимость таких изменений очевидна, поскольку в противном случае разнообразные материалы невозможно было бы гармонизировать или привести в соответствие с требованиями нашего пространства. Но, помимо этого, никакой свободы в отношении материала, представленного в виде прямой цитаты, не допускается. В тех случаях, когда редакционные изменения считаются необходимыми, использование справочных букв делает такие изменения возможными без введения малейшей двусмысленности. Мы повторяем, что каждая строка работы с максимальной точностью приписывается своему источнику. Любой материал, не указанный иным образом, — например, различные введения, хронологии, библиографии и т. п. — будет считаться редакционным. Скобки также обозначают редакционный материал.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ I

ЧАСТЬ I. ПРОЛЕГОМЕНА

КНИГА I. ИСТОРИЯ, ИСТОРИКИ И НАПИСАНИЕ ИСТОРИЙ

СТРАНИЦА

ГЛАВА I

Некоторые общие соображения	1
-----------------------------	---

(Восточный период.) 2. Классические историки, 3. Средневековая и современная история, 4.

ГЛАВА II

Материалы для написания истории	5
---------------------------------	---

ГЛАВА III

Методы историков	9
------------------	---

ГЛАВА IV

Всемирная история	13
-------------------	----

ГЛАВА V

Современная история	22
---------------------	----

КНИГА II. ВЗГЛЯД НА ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

ГЛАВА I

Введение	32
----------	----

ГЛАВА II

Космогония — древние и современные представления о происхождении мира	33
---	----

ГЛАВА III

Космология и география — древние и современные представления	38
--	----

ГЛАВА IV

Древность Земли и человека	40
----------------------------	----

ГЛАВА V

Расы человека и арийский вопрос	43
---------------------------------	----

ГЛАВА VI

О доисторической культуре	45
---------------------------	----

Язык, [44](#)(.Одежда и жилища доисторического человека,) [46](#)(. Использование огня,) [46](#)(. Орудия мира и войны,) [47](#)(. Одомашнивание животных,) [47](#)(. Сельское хозяйство,) [48](#)(. Правительство,) [49](#)(. Искусство живописи, скульптуры и декоративной архитектуры,) [50](#)(. Искусство письма,) [50](#)(.)

ЧАСТЬ II. ЕГИПЕТ

Вступительная статья. Египет как мировое влияние.	Автор: д-р Адольф Эрман	57
---	-------------------------	----

Краткая история Египта (4400-332 гг. до н.э.)	65
---	----

ГЛАВА I

Египетская раса и ее происхождение	77
------------------------------------	----

Страна и ее жители, [81](#). Доисторический Египет, [88](#).

ГЛАВА II

Древнее Мемфисское царство (около 4400-2700 гг. до н.э.)	90
--	----

(Первая династия,) [90](#). Вторая династия, [92](#). Третья династия, [92](#). Династия пирамид, [93](#). Современное описание пирамид, [95](#). Строители пирамид, [98](#). Прекрасная Нитокрис, [104](#).

ГЛАВА III

Древнее Фиванское царство (около 2700–1635 гг. до н. э.)	106
--	-----

Одиннадцатая династия, [106](#). Путешествие в Пунт, [108](#). Двенадцатая династия, [110](#). Памятники двенадцатой династии; классический взгляд, [113](#). Руины Карнака, [115](#). Падение Фиванского

царства, [117](#) (Иностранное правление.) [118](#) (Правительство гиксосов; семнадцатая династия.) [121](#) (

ГЛАВА IV

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ \(около 1635-1365 гг. до н.э.\)](#) [126](#)

(Восемнадцатая династия.) [126](#). Изгнание гиксосов: Аахмес и его преемники, [127](#). Техутимос II; царица Хатшепсут, [133](#). Триумфы Техутимоса III; его преемники, [136](#).

ГЛАВА V

[ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ \(около 1365-1285 гг. до н.э.\)](#) [141](#)

(Царь Сети.) [142](#). Рамсес (II) Великий, [144](#). Военное стихотворение Пентаура, [148](#). Царство Хета и девятнадцатая династия, [150](#). Смерть Рамсеса II, [153](#).

ГЛАВА VI

[НАХОДКА ЦАРСКИХ МУМИЙ](#) [155](#)

Как эти монархи оказались здесь? [157](#).

ГЛАВА VII

[ПЕРИОД УПАДКА \(ДЕВЯТНАДЦАТАЯ И ДВАДЦАТАЯ ДИНАСТИИ: ок. 1285-655 гг. до н.э.\)](#) [162](#)

Менептах, [162](#). От Сетнехта до Рамсеса VIII и Мери-Амена Мери-Тму, [166](#). Страдания солдата, [170](#). Египет под властью наемников, [171](#). Завоевание Эфиопии, [174](#). Таблица современных династий, [179](#).

ГЛАВА VIII

[ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ \(ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ – ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ДИНАСТИИ: 655–322 гг. до н.э.\)](#) [180](#)

(Псамметхик.) [180](#). Добрый царь Сабах (Шабак) и Псамметхик, [184](#). Восстановление Египта, [185](#). Персидское завоевание и конец египетской автономии, [188](#). Зверства Камбиза, [191](#).

ГЛАВА IX

[НРАВЫ И ОБЫЧАИ ЕГИПТЯН](#) [196](#)

(Положение царя.) [198](#). Оружие войны, [202](#). Методы ведения войны, [205](#). Социальные обычаи, [208](#). Египтяне глазами Геродота, [212](#). Жилища народа, [216](#).

ГЛАВА X

[ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ](#) [219](#)

(Религиозные праздники и жертвоприношения.) [222](#). Дары и богатства храмов, [225](#). Диодор о поклонении животным, [228](#). Современное описание поклонения Апису, священному быку, [232](#). Методы бальзамирования мертвых, [236](#).

ГЛАВА XI

(Иероглифы,) [249](#). «Какими знаками, изображениями и образами ученые египтяне выражали тайны своих умов», [250](#). Загадка сфинкса, [251](#). Литература, [257](#). «Выброшенный»: рассказ о двенадцатой династии, [260](#).

ГЛАВА XII

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(Еще одно древнее описание Нила,) [273](#). Греческое представление о происхождении египетской истории, [278](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Таблица египетских династий Манефона, [291](#).

[ЧАСТЬ III. МЕСОПОТАМИЯ](#)

ГЛАВА I

(Земля,) [338](#). Первоначальные жители Вавилона: шумеры, [342](#). Семитские вавилоняне, [344](#). Первоначальная родина вавилонских семитов, [347](#).

ГЛАВА II

Начало истории, [351](#). Правители Ширпурлы, [351](#). Цари Киша и Гишбана, [356](#). Первая династия Ура, [359](#). Цари Агаде, [360](#). Цари Ура, [363](#)(. Возвышение южноаравийской династии,) [363](#). Касситская династия, [364](#). Ассирийское завоевание Вавилона, [364](#).

ГЛАВА III

Земля и народ, [369](#). Ассирийские столицы: Ашшур и Ниневия, [371](#). Возвышение Ассирии, [372](#). Первый великий ассирийский завоеватель, [377](#). Правление и жестокость Ашшурназирпала, [380](#). Салманасар II и его преемники, [387](#)(. Тиглатпилесер III,) [391](#)(. Салманасар IV,) [395](#)(.)

ГЛАВА IV

[ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ ВЕЛИЧИЯ АССИРИИ \(722-626 гг. до н. э.\)](#) [397](#)

(Сеннахериб,) [403](#). Эсархаддон и Ашшурбанапал, [416](#). Царствование Эсархаддона, [419](#). Ранние годы Ашшурбанапала, [425](#). Война братьев, [431](#). Последние войны Ашшурбанапала, [434](#).

ГЛАВА V

[УПАДОК И ПАДЕНИЕ АССИРИИ \(626-606 гг. до н. э.\)](#) [438](#)

Последние годы и падение Ассирийской империи, [440](#).

ГЛАВА VI

[ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА \(555-538 гг. до н. э.\)](#) [446](#)

(Современная хронология,) [448](#). Набополассар и Навуходоносор, [449](#). Последователи Навуходоносора, [453](#). Царствование Набонида, [455](#).

ГЛАВА VII

[ОБЫЧАИ И ПРАВЫ ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ](#) [460](#)

Методы ведения войны, [460](#). Наши источники, [461](#). Ассирийские военные костюмы и методы ведения войны, [468](#). Искусство мира в Вавилонии-Ассирии, [472](#). Вавилон и его обычаи, описанные очевидцем, [473](#). Более позднее классическое описание Вавилона, [479](#)(.Торговля вавилонян,) [484](#)(. Корабли у ассирийцев,) [491](#)(. Законы вавилонян и ассирийцев,) [494](#)(. Продажа раба,) [496](#)(. Продажа дома,) [497](#)(. Кодекс Хаммурапи,) [498](#)(. Обнаружение кодекса,)[498](#) (. Разные положения,) [501](#) (. Положения, касающиеся рабов,) [502](#) (. Положения, касающиеся грабежа,) [502](#) (. Положения, касающиеся аренды и возделывания земли,) [503](#) (. Положения, касающиеся каналов,) [504](#) (. Торговля, долги,) [504](#) (. Внутреннее законодательство, развод, наследование,) [505](#) (. Законы, касающиеся усыновления,)[509](#) (. Законы о возмещении,) [509](#) (. Положения, касающиеся врачей и ветеринарных хирургов,) [510](#) (. Незаконная клеймение рабов,) [510](#) (. Положения, касающиеся строителей,) [511](#) (. Положения, касающиеся судоходства,) [511](#) (. Положения, касающиеся найма животных, сельского хозяйства, заработной платы и т. д.,)[511](#) (.Правила, касающиеся покупки рабов,) [513](#) (.)

ГЛАВА VIII

[РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНЯН И АССИРИЙЦЕВ](#) [515](#)

(Ассирийская история сотворения мира,) [520](#). Вавилонская религия, [521](#). Эпос о Гильгамеше, [525](#). Спуск Иштар в Аид, [530](#).

ГЛАВА IX

[ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА](#) [534](#)

Литература и наука, [536](#). Эпистолярная литература, [539](#). Искусство, [543](#). Ассирийское искусство, [552](#). Ассирийская скульптура и эволюция искусства, [558](#). Классическая оценка халдейской философии и астрологии,[563](#)(. Вавилонский год,) [565](#)(. Вавилонский день и его деление на часы,) [566](#)(. Ассирийская наука,) [567](#)(.)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Сотворение мира и всемирный потоп, описанные Полисторием, [573](#). Другие классические фрагменты: о халдейских царях, [575](#). О халдейских царях и всемирном потопе, [576](#). О Вавилонской башне, [577](#). Об Аврааме, [577](#). О Набонассаре, [577](#). О разрушении Иудейского храма, [577](#) (. О Навуходоносоре.) [577](#) (. О халдейских царях после Навуходоносора.) [578](#) (. О празднике Сакея.) [579](#) (. Фрагмент Мегасфена о Навуходоносоре.) [579](#) (. Нинус и Семирамида.) [580](#) (. Семирамида строит великий город.) [584](#) (. Семирамида начинает завоевательную карьеру.) [588](#) (. Семирамида вторгается в Индию.) [589](#) (. Другой взгляд на Семирамиду.) [593](#) (. Царствование Ниньяса до Сарданапала.) [594](#) (. Разрушение Ниневии.) [598](#) (.)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Руины Ниневии и первое открытие М. Ботта, [600](#). Открытия Лейарда в Ниневии, [604](#). Позднейшие открытия в Вавилонии и Ассирии, [610](#). Результаты раскопок, [612](#). Сокровища из Ниневии, [613](#) (. Библиотека царя Ниневии.) [618](#) (. Как читали ассирийские книги.) [623](#) (.)

ЧАСТЬ I. ПРОЛЕГОМЕНА

КНИГА I. ИСТОРИЯ, ИСТОРИКИ И НАПИСАНИЕ ИСТОРИЙ

ГЛАВА I НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В целом, историки всех известных эпох, по-видимому, преследовали одни и те же общие цели. Они, как правило, стремились либо прославить что-то или кого-то, либо развлечь и просветить своих читателей. Наблюдаемое разнообразие исторических сочинений возникает не из-за разницы в общих мотивах, а из-за различных интерпретаций относительного статуса этих объектов и из-за различий в суждениях о том, как достичь этих целей, в сочетании, конечно, с разным мастерством в литературном сочинении и разной степенью свободы действий.

Что касается свободы выборочного суждения, то самые ранние историки, чьи записи известны нам, практически не пользовались ею. Их задачей было прославлять того монарха, который приказал им писать. Записи Рамсеса, Сеннахириба или Дария рассказывают только об успешных походах, в которых противник упоминается лишь в противовес доблести победителя.

Таким образом, эти самые ранние историки достигали целей исторического сочинения самым простым способом, пересказывая реальные или предполагаемые деяния царей, таких как Рамсес, Сеннахирим или Давид, или богов, таких как Осирис, Иштар или Яхве. Что касается развлечения и обучения, то от читателя ожидалось, что он будет впечатлен рассказом о великих деяниях и придет к выводу, что ему будет полезно поклоняться прославленному монарху, человеку или богу.

Чуть позже, в так называемый классический период, историки обрели более свободное положение и более широкий взгляд на вещи и стали прославлять героев, которые не были ни богами, ни царями, а представляли народ в более популярном смысле. Так, в *«Илиаде»* больше внимания уделяется подвигам Ахилла, Аякса и Гектора, чем деяниям Менелая и Приама, противостоящих царей. До сих пор подвиги всех этих героев просто приписывались королю. Теперь же внимание обращается на личности более низкого ранга. Более того, государство теперь рассматривается отдельно от его конкретного правителя. Истории Геродота, Ксенофонта, Фукидида, Полибия фактически прославляют не отдельных личностей, а народы.

Этот переход от чисто эгоистической к альтруистической точке зрения знаменует собой большой шаг вперед. Теперь писатель гораздо яснее видит идею развлечения читателя, не пугая его, и думает о том, чтобы научить его вопросам, касающимся хорошего гражданства и общественной морали, а не почтения к царям и богам. Тем самым историк отмечает прогресс цивилизации греческого и раннего римского периодов.

В средневековье наблюдается сильная реакция. Устрашение вновь становится методом воздействия на сознание; прославление богов и героев — главной целью. Как и в периоды упадка Египта, Персии и Индии, ранний монотеизм уступил место политеизму. Агиология в значительной степени заменяет светскую историю. Постоянно растущее число святых

требует внимания и почитания. Прославлять их, показывать тщетность всех человеческих действий, которые не ведут к такому прославлению, снова стало целью историка. Но это влияние отнюдь не является доминирующим; и, хотя нет такого списка историков, достойных упоминания, как в классический период, все же появляются такие имена, как Эйнхард, биограф Карла Великого; Де Жуанвиль, панегирист Святого Людовика; Виллани, Фруассар и Монстреле, летописцы; а также Комин, Макиавелли и Гуиччардини.

В современный период боги были более или менее распущены, герои изменены, даже короли подчинены. Мы слышим много разговоров о «философии» истории, даже о «науке» истории. Здравый смысл и критический дух, как полагают, господствуют повсюду. Однако, в конце концов, было бы слишком смело предполагать, что какой-либо историк, даже из самой современной школы, писал бы совершенно без предвзятости в отношении расы, положения или религии. И в любом случае перед современным историком стоят те же идеалы, которые, в общем, двигали его предшественниками — прославлять что-то или кого-то, пусть даже это будет принцип, а не личность, и развлекать и обучать своих читателей.

Восточный период

Самыми ранними историками, чьи сочинения дошли до нас, являются авторы записей на памятниках Египта и Месопотамии. Позже мы увидим, что эти записи, сделанные на языках, знание которых было восстановлено только в прошлом веке, представляют большой исторический интерес благодаря фактам, которые они описывают, и пониманию, которое они дают нам о жизни своего времени. Однако на данный момент нас интересует только метод их построения. Они являются частью записей, датируемых многими веками до начала христианской эры. Имена их авторов совершенно неизвестны. В некоторых случаях повествование действительно изложено от первого лица, но из этого не следует делать вывод, что предполагаемый автор — который, конечно же, является королем, чьи деяния прославляются — является фактическим составителем повествования. Настоящие писцы, простые помощники королевского двора, и не мечтали о том, чтобы их имена были упомянуты в записях рядом с именами их королевских господ. Тем не менее, их работа сохранила для будущих поколений имена королей, которые в противном случае были бы полностью забыты. Например, Техутимос III из Египта и Ашшурбанапал из Ассирии, два самых могущественных монарха древности, перестали быть известными даже по имени за несколько веков до начала нашей эры, и в течение двух тысяч лет никто не знал о существовании таких людей. Однако теперь, благодаря памятникам, их деяния известны нам почти так же полно, как деяния Александра или Цезаря.

В одном отношении эти древнейшие исторические записи действительно имеют преимущество перед более поздними произведениями. Они были в основном высечены на камне или отпечатаны на глине, обожженной до твердости камня, и дошли до нас с гарантией подлинности, которой всегда не хватает многим произведениям более поздних периодов. Вавилонские и ассирийские записи были погребены вместе с руинами городов, местонахождение которых было забыто на протяжении веков. Самые поздние из этих записей не видел ни один человек более двух тысяч лет. Их безымянные авторы, таким образом, как будто обращаются к нам напрямую через века. Как бы ни мечтали эти самые ранние историки о бессмертии своих трудов, они вряд ли могли надеяться, что через двадцать пять веков после исчезновения с лица земли народа, к которому они принадлежали, и после того, как язык, на котором они писали, перестал быть известен

людям, они будут обращаться к внимательной аудитории в регионах, находящихся далеко за пределами их мира. Однако эта уникальная слава была уготована именно им.

Классические историки

Достаточно одного взгляда на историков классического периода, чтобы увидеть, насколько изменилась точка зрения, с которой они пишут. Здесь мы уже не видим людей, подчиненных монарху или движимых религиозным рвением прославлять одного человека, одну эпоху или одну страну, полностью исключая все остальное. Мы перешли от ограниченности взглядов к универсальности. Даже гомеровские легенды касаются событий двух континентов и нескольких стран. Геродот и Диодор посвятили написанию своих историй всю свою жизнь. Они путешествовали из одной страны в другую и знакомились с предметом своих исследований как можно больше из первых рук. Они общались с учеными из многих стран и слушали их рассказы об анналах своих народов. Они взвешивают и обдумывают, хотя и с помощью совершенно иных умственных балансов, чем те, которые используют историки в наши дни. Они тратят тридцать, сорок лет на написание своих книг. Таким образом, мы получаем от них не простые хроники отдельных событий, а всеобщие истории. Они во многом отличаются от всеобщих историй нашего времени, но в их откровенном, человеческом взгляде на мир есть своеобразное очарование. По интересу для широкого читателя они, пожалуй, никогда не были превзойдены. А благодаря цитированию фактов и легенд они стали кладом знаний, из которого до сих пор черпают следующие поколения историков.

Есть и другие не менее замечательные историки того периода, некоторые из них даже превосходят этих мастеров с некоторых точек зрения. Имена Фукидида, Ксенофонта, Полибия среди греков, Тацита, Ливия, Цезаря среди римлян, не говоря уже о других, так же знакомы каждому образованному человеку нашего времени, как имена Гиббона, Маколея или Бэнкрофта. Некоторые из них были людьми, которые участвовали в описываемых ими событиях и, ограничиваясь определенными периодами, трактовали эти периоды настолько мастерски, с такой широтой взгляда и проницательным суждением, что их выводы имеют вес для всех последующих поколений историков. Фукидид, писавший в V веке до нашей эры, даже в нашу критическую эпоху считается непревзойденным историческим писателем. Часто повторяется рассказ о том, что Маколей отчаялся когда-либо сравниться с ним, хотя чувствовал, что может надеяться повторить работу любого другого историка. Полибий и Тацит с уважением упоминаются самыми взыскательными исследователями. Очевидно, что это была кульминационная эпоха в написании историй.

Средневековая и современная история

Мы видели, что в классический период за короткий промежуток времени, равный шести поколениям, было написано множество великих исторических трудов. В средневековый период не было такой интеллектуальной активности в этом направлении. На протяжении более тысячи лет не было создано ни одного произведения, которое могло бы сравниться с великими произведениями более ранних периодов. В западном мире теперь доминировала одна тема, и умы, которые при других обстоятельствах могли бы создать истории широкого масштаба (), довольствовались тем, что повторяли одну и ту же мысль. Поэтому вместо историй у нас есть церковные записи.

Со временем наступила реакция, но прошло много времени, прежде чем влияние доминирующего духа было подчинено более здравому взгляду. Фактически, едва ли до нашего поколения, со времен классического периода, историки были способны бросить ясный и беспристрастный взгляд на всю область истории.

К середине XVIII века вновь возникла школа светских историков с широкими взглядами и высокими целями. Теперь люди снова стремились писать мировую историю, не подчиненную одной идее. Первыми великими представителями этого движения были Гиббон и Юм в Англии, Шлоцер и Мюллер в Германии. У них было множество последователей, большинство из которых были немцами.

Отношение этих современных писателей философское; они склонны признавать в сухих фактах человеческого существования важность, соразмерную исключительно урокам, которые они могут преподать для улучшения человечества. Согласно этой современной точке зрения, каждый факт должен быть соотнесен с множеством других фактов, прежде чем его истинное значение может быть воспринято. События, с этой точки зрения, бессмысленны, если мы не знаем ничего о человеческих мотивах, которые привели к их осуществлению. Задача историка состоит в поиске причин, в попытке построить на уроках истории истинную философию жизни. Как уже отмечалось, эта задача ничем не отличается от той, которую ставили перед собой такие древние писатели, как Полибий, но в наше время этой стороне предмета уделяется больше внимания, чем в прежние века. Другими словами, философия истории нашего времени является более сознательной философией. В течение последнего столетия выражение «философия истории» было в ходу, и было принято, чтобы люди, не являющиеся в первую очередь историками, рассуждали на эту тему. В последнее время, вновь следуя духу времени, мы стали говорить даже о «науке» истории; действительно, в частности, в Германии история сегодня занимает бесспорное положение истинной науки. Слово «наука» — очень гибкий термин, однако есть те, кто отрицает, что его можно правильно применять, по крайней мере пока, к нашему совокупному знанию исторических фактов. Вопрос сводится к определению, решение которого не имеет особого значения.

Существенно то, что современный исторический исследователь полностью движим духом научной точности и беспристрастности. А поскольку беспристрастность в значительной степени зависит от широты взглядов, то довольно любопытно, что тщательные исследования специалиста косвенно способствуют формированию всеобъемлющего взгляда на мир историка. Профессор Фриман хорошо выразил эту мысль, когда сказал:

«Моя позиция заключается в том, что во всех наших исследованиях истории и языка — а изучение языка, помимо всего прочего, является одной из важнейших отраслей изучения истории — мы должны отбросить все различия между «древним» и «современным», «мертвым» и «живым» и смело взяться за великий факт единства истории. Поскольку человек одинаков во все времена, история человека во все времена едина. Ни один язык, ни один период истории не могут быть поняты в полной мере; ни один из них не может быть облечен в свою высшую значимость и высшую пользу, если рассматривать его полностью сам по себе, без ссылки на его связь с другими языками, другими периодами истории, которые вместе с ним составляют великое целое человеческого, или, по крайней мере, арийского и европейского, бытия».

Такая позиция, занятая одним из самых скрупулезных исследователей среди современных историков, весьма интересна, поскольку иллюстрирует реакционную тенденцию, которая, вероятно, будет характерна для исторических работ ближайшего будущего. Поскольку дотошный анализ был доведен до предела утонченности, вероятно, наступит реакция в

сторону более всестороннего изучения исторических событий в их более широких взаимосвязях. В конце концов, работа специалиста действительно важна только тогда, когда она дает материал для более широких обобщений. Все мелкие исследователи в области биологии, геологии и смежных наук в первой половине XIX века бессознательно собирали материал, который, будучи интересным сам по себе, приобрел реальное значение главным образом в той мере, в какой он в конечном итоге помог прояснить великое обобщение Дарвина. Возможно, мелкие историки сегодня находятся в аналогичном положении.

Специалист, увлеченный своим предметом, склонен забывать о реальной незначительности своих трудов. Целые эпохи находятся под властью идеи микроскопических исследований, и исследователи даже приходят к выводу, что микроскопический анализ сам по себе является целью, тогда как, если правильно рассмотреть, он является лишь средством для достижения цели. Мы как раз переживаем такую эпоху в отношении исторических исследований. Но, как только что было сказано, кажется вероятным, что мы приближаемся к новой эпохе, когда работа специалиста будет подчинена своей истинной цели, одновременно доказывая свою реальную ценность как средство для достижения надлежащей цели исторических исследований — понимания мировых исторических взаимосвязей событий.

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НАПИСАНИЯ ИСТОРИИ

Очевидно, что материалы для написания истории в основном состоят из письменных источников. Правда, всевозможные памятники, включая руины погребенных городов, остатки древних стен и дорог, а также все другие следы бывшей цивилизации, должны быть отнесены к источникам, которые помогают исследователю в его попытке воссоздать условия прошлого. Но для того, чтобы получить четкое представление о событиях прошлых дней, абсолютно необходимо, как подробно указал сэр Джордж Корнуолл Льюис, иметь доступ к современным письменным источникам, либо из первых рук, либо через переписчиков, в случае если оригинальные источники были уничтожены. В результате своего исчерпывающего исследования достоверности ранней римской истории Льюис пришел к выводу, что традиция прошлого события вряд ли может передаваться устно из поколения в поколение с какой-либо точностью деталей более чем на протяжении столетия.

Теоретически, следовательно, невозможно составить точную историю событий, охватывающих период более четырех поколений до появления письменности. На практике же сфера строго исторического взгляда на прогресс человечества ограничена гораздо более узкими рамками по той простой причине, что самые ранние письменные источники, которые в противном случае могли бы дать нам представление о далеком прошлом (), очень редко сохранялись. Уничтожение древних надписей с течением веков привело к большому разногласию в мнениях относительно времени появления письменности у различных народов. В частности, в отношении греков этот спор велся очень горячо, и многие ученые утверждали, что письменность в Греции практически не использовалась до VI века до н. э.

Позднейшие открытия, в частности, изучение надписи на статуе Рамсеса в Абу-Симбеле, показали, что прежние оценки были слишком консервативными, и теперь кажется вероятным, что греки были знакомы с искусством письма за несколько, а может быть, и за

много веков до того, как было установлено ранее. Однако не следует полагать, что в те далекие времена искусство письма было повсеместным. С другой стороны, без сомнения, умение писать было действительно большим исключением для среднестатистического человека, и такие трудности, как отсутствие письменных материалов, препятствовали сочинению текстов до относительно позднего периода. Но то, насколько широко или мало практиковалось искусство письма в древности, не имеет большого значения для современных историков, поскольку практически все образцы древней письменности в Греции исчезли в течение последующих веков. Ни один фрагмент книги, ни один клочок пергамента или папируса, ни одна восковая табличка из земли классической Греции не сохранились до наших дней.

Греческие авторы известны нам только благодаря усилиям последующих поколений переписчиков; и, за исключением сравнительно небольшого числа египетских папирусов, почти ничего не сохранилось из литературы классической Греции, что было бы старше средневековья. Конечно, существует значительное количество монументальных надписей, датированных классической эпохой. Они представляют большой интерес для археологов, но в совокупности дают лишь скудное представление об истории древности. Если бы мы полагались на эти записи во всем, что мы знаем о греческой истории, то всю историю этого народа можно было бы рассказать, насколько мы могли бы надеяться ее узнать, на нескольких страницах.

С Египтом и Месопотамией дело обстоит несколько иначе, поскольку климат первого и стойкость письменных материалов, использовавшихся во втором, позволили современному миру получить прямые сообщения, которые в других обстоятельствах неизбежно были бы утрачены. Но даже здесь исторические записи не так многочисленны и не так всеобъемлющи, как можно было бы надеяться. Историческое письмо в полном смысле этого слова является относительно современным искусством. Ближе всего к нему среди народов древности подошли только записи о личных деяниях отдельных царей. Такие записи, безусловно, являются отличным материалом для истории, но сами по себе они едва ли составляют историю. Все известные списки египетских надписей дают лишь беглый обзор египетской истории; и если месопотамские записи в этом отношении несколько более удовлетворительны, то только в отношении сравнительно короткого периода поздней ассирийской истории их можно назвать чем-то вроде исчерпывающих. Что касается других народов древнего Востока — индийцев, персов, сирийцев, жителей Малой Азии — то все сохранившиеся до наших дней монументальные записи сводятся к разрозненной серии расплывчатых предположений.

В классическом мире Рим в этом отношении находится в немногим лучшем положении, чем Греция. Что касается обеих этих стран, то наши знания почти исключительно основаны на трудах историков относительно позднего периода. До Геродота, жившего в V веке до н. э., практически не существует последовательной истории Греции, и, несмотря на все усилия археологов, записи о прогрессе Рима едва ли достаточны, чтобы отодвинуть завесу доисторического прошлого за время изгнания царей. Более того, даже через столетие или два после этого события будущий историк по-прежнему находится на очень зыбкой почве. Причина этого заключается в том, что в этот ранний период в Риме не было современных историков, а до появления таких современных летописцев невозможно составить достоверную историческую хронику.

Как только стало модным писать хроники событий, этот обычай быстро распространился и прочно укоренился в народе. Со времен Геродота не было недостатка в греческих историках, а после Полибия появилась непрерывная череда римских летописцев.

Если бы все сочинения этих различных авторов сохранились до наших дней, у нас было бы достаточно материала для воссоздания истории всей поздней классической эпохи в мельчайших деталях; но, к сожалению, историки работали с нестойкими материалами. В среднем, от отдельного папируса или пергаментного свитка вряд ли можно было ожидать, что он сохранится более чем на несколько поколений, и, если в это время не были сделаны его копии, содержащиеся в нем записи неизбежно терялись. Такова была судьба большей части исторических сочинений, не меньше, чем произведений в других областях литературы.

Многие фрагменты древних писателей дошли до нас довольно любопытным путем. В позднюю эпоху Рима стало модно составлять антологии и сборники, и именно благодаря таким сборникам мы знаем большинство классических авторов. Одной из самых любопытных из этих антологий является антология, составленная Афинеем в начале III века н. э. Этот автор назвал свое произведение «*Deipnosophistæ*» («*Пир мудрецов*»). Он попытался придать ему несколько художественную форму, сделав его якобы диалогом, в котором высказывания компании обедающих были переданы другу, который не присутствовал на банкете. Участники банкета должны были приводить цитаты из классических писателей, поэтому книга в основном состоит из таких цитат. Произведение дошло до нас не в полном виде, но, несмотря на это, в антологии представлено не менее восьмисот авторов и двух тысяч пятисот различных произведений. Из этих авторов около семисот известны исключительно по отрывкам Афиней.

Два или три века спустя другой грек по имени Стобей составил сборник отрывков из произведений греческих писателей всех доступных ему периодов, предшествовавших его собственному. Число авторов, цитируемых в этой антологии, превышает пятьсот, и опять же большая часть из них совершенно неизвестна нам, за исключением этого единственного источника. Еще один сборник отрывков был составлен в конце IX века Фотием, патриархом Константинополя, который сделал выдержки из произведений около 280 авторов, с которыми он познакомился благодаря разнообразным чтениям. В дополнение к этим работам отдельных составителей в византийский период было составлено две или три антологии, в том числе важная коллекция фрагментов греческих поэтов, которая до сих пор существует под названием «*Греческая антология*», и тщательно составленный набор энциклопедий, созданный под руководством Константина Порфиrogenета. Но без таких сборников, дополненных биографическими справками таких работников, как Суидас, и фрагментами, которые дошли до нас по нескольким другим каналам, было бы трудно представить, что столько авторов писали в течение всего периода греческой деятельности, поскольку только небольшая часть из них представлена полными произведениями, которые дошли до нас. Такие факты дают представление о умственной деятельности авторов древности, одновременно указывая на полезный урок о бренности человеческих трудов. В нашу эпоху, когда книги легко размножаются с помощью печати, легко забыть, насколько ненадежным было существование рукописей в древности. Создание одного экземпляра любого объемного произведения было долгим и трудоемким занятием, и каждое последующее копирование было столь же медленным и сложным, как и первое. В этих условиях, без сомнения, значительная часть книг никогда не копировалась, а тираж очень большого дополнительного количества, скорее всего, был ограничен двумя или тремя экземплярами. Только те произведения, которые с самого начала были признаны необычайно интересными или ценными, имели разумные шансы быть скопированными достаточно часто, чтобы обеспечить их сохранение на протяжении многих последующих поколений.

Рассматривая область сохранившихся рукописей, мы естественным образом задумываемся о качестве произведений, которые, вероятно, могли обеспечить себе

вечность, и чем больше мы рассматриваем эту тему, ограничиваясь для наших целей историческими сочинениями, тем яснее становится, что единственным главным качеством, которое давало жизнь сочинениям автора, было качество человеческого интереса. Другими словами, именно такие исторические сочинения, которые были произведениями искусства, а не зависели от других достоинств, воспроизводились последующими поколениями переписчиков и в конечном итоге смогли пройти окончательную проверку, наложенную монахами средневековья, которые сделали палимпсестами многие сочинения авторов, заслуживавших лучшей участи. Результатом этого процесса выживания сильнейших стало то, что все греческие историки до Геродота были преданы забвению, в результате чего сам Геродот выделялся как, по-видимому, абсолютный создатель нового искусства. На самом деле, если бы мы знали всю правду, то, несомненно, выяснилось бы, что в писаниях Геродота не было никакой реальной революции в методе. Он превзошел всех своих предшественников настолько, что будущие переписчики не видели необходимости сохранять какие-либо другие работы, кроме его, поскольку она практически охватывала всю область остальных. Возможно, неправильно говорить, что эти переписчики не видели смысла сохранять более ранние рукописи. Они не думали о сохранении одной книги и уничтожении другой; они просто копировали работы, которые их интересовали или которые, по их мнению, могли заинтересовать покупателей книг. Исчезновение не скопированных работ было просто негативным результатом, о котором никто не заботился напрямую.

Доказательством ценности произведения Геродота является тот факт, что оно дошло до нас в полном виде в многочисленных копиях, что можно сказать только о трех или четырех других значительных исторических сочинениях всего классического периода; двумя другими из этой избранной компании являются Фукидид и Ксенофонт, оба из которых были современниками Геродота, хотя и значительно моложе его, и поэтому, вполне справедливо, считаются представителями следующего поколения. Из других греческих историков биографические сочинения Плутарха, работы Страбона и Павсания, которые являются скорее географическими, чем строго историческими, и *«Жизнь Александра Великого»* Арриана — единственные из большого числа несомненно написанных, которые дошли до нас в полном виде. Обзор римских историков дает еще более поразительную иллюстрацию, поскольку здесь ни одно из великих исторических произведений не сохранилось в полном виде. Монументальное произведение Ливия полностью сохранилось в том, что касается ранних книг, которые посвящены мифическому и полумифическому периоду развития Рима (), но те части, которые касались более поздней истории Рима, о которой автор мог говорить и, вероятно, говорил, опираясь на свои личные знания, почти полностью утрачены. Другими словами, переписчики средневековья сохранили наименее ценную часть Ливия, несомненно, потому что они находили героические сказания о мифическом Риме более интересными, чем фактические изложения событий поздней республики и ранней империи. Трудно предположить, что Ливий описывал события более позднего периода с меньшим мастерством, чем его ранние работы, но на него были наложены другие условия. Теперь ему приходилось иметь дело с гораздо более полными записями, чем раньше, и, без сомнения, он обращался ко многим темам, которые казались ему важными просто потому, что они были под рукой, но которые другое поколение считало утомительными и не заслуживающими того, чтобы их копировать. Таким образом, мы снова видим, что в оценке потомков наиболее подходящими для сохранения оказались не важные исторические повествования, а интересные истории.

Другие великие историки Рима, Тацит, Дионисий, Дион Кассий, Полибий, все они оказались в худшем положении, чем Ливий, хотя несколько более кратких шедевров, таких как две истории Саллюстия и *«Галльская война»* Цезаря, а также такие биографии, как

«Жизнь» Светония и Корнелия Непоса, смогли пробиться через средневековье и обрести безопасное убежище в печатном станке без существенных потерь.

Но, пожалуй, самым показательным примером из всех является краткая всемирная история Юстина, которая, хотя и не в полном объеме, сохранилась в различных рукописях в своей основной структуре. Это произведение является художественным изложением обширной и в свое время авторитетной всемирной истории, написанной Трогом Помпеем. Юстин, будучи студентом в Риме во времена ранних цезарей, был побужден составить эпитомию этого труда, по-видимому, чтобы доказать своим друзьям в провинциях, что он не тратит время зря. Он так хорошо справился с этой задачей, что будущие поколения не видели смысла утруждать себя многословностью оригинального произведения, а довольствовались копированием и перепечатыванием эпитомы, указывая на мораль, что краткость, наряду с художественным совершенством, является самым верным путем к вечной памяти для историка — урок, который многие современные писатели упустили из виду к своему ущербу.

ГЛАВА III МЕТОДЫ ИСТОРИКОВ

Любопытный факт, кажущийся парадоксом, заключается в том, что первые две великие истории, когда-либо написанные, а именно истории Геродота и Фукидида, выделяются как типичные примеры двух совершенно разных методов исторического письма. Геродот, «отец истории», писал с явным намерением развлечь читателя. В его использовании материалов нет большой логичности последовательности; он просто блуждает от одной темы к другой, не обращая особого внимания на хронологию, но с явным намерением повсюду рассказать все хорошие истории, которые он узнал в ходе своих путешествий. Было бы слишком смело утверждать, что в его компоновке материалов нет никакого метода, но тот метод, который у него есть, в целом затмевается и затуманивается в ходе изложения. Так, например, он пишет историю Персидских войн и доходит до того момента в истории Персии, когда на престол вступает Камбиз и готовится к вторжению в Египет. Упоминание Египта дает ему, так сказать, повод для совершенно нового рассуждения, которое он разрабатывает в объеме целой книги, подробно описывая все, что он узнал о самом Египте, его истории, его народе, его нравах и обычаях, при этом в большинстве случаев никак не упоминая Камбиза. В конце концов он, конечно, возвращается к персидскому царю и продолжает свой рассказ, не обращая внимания на отступление и, по-видимому, совершенно не замечая несоответствия в том, что он ввел гораздо больше постороннего материала о Египте, чем всего материала, относящегося к Персидской империи. Метод Геродота оправдался результатами. Есть все основания полагать, что он был чрезвычайно популярен в свое время — насколько это было возможно в те дни — и сохранил эту популярность на протяжении всех последующих поколений. Но о нем часто говорили, что его работа едва ли является историей в узком смысле этого слова; это приятное собрание рассказов, в котором не делается особой попытки провести грань между фактом и вымыслом, поскольку главной целью является развлечение читателя. Как таковая, работа Геродота стоит во главе жанра, который на протяжении всех последующих веков был представлен здесь и там яркими примерами.

«Анабасис» Ксенофонта, в котором подробно рассказывается история Кира Младшего и его десяти тысяч греческих союзников, по сути является историческим произведением того же типа. Конечно, оно радикально отличается от произведения Геродота тем, что

придерживается строгой последовательности одного повествования, едва ли давая малейшее представление о каких-либо других областях, кроме тех, которые непосредственно связаны с историей десяти тысяч. Но она похожа на Геродота в том, что ее основная цель — развлечь читателя, рассказывая о приключениях отважных героев. Ксенофонт действительно делает достаточно длинную паузу в начале второй книги, чтобы произнести хвалебную речь о характере Кира — речь, которая явно является предвзятой оценкой друга, а не спокойным суждением критического историка. Но, если не считать этого, Ксенофонт, хотя и является философом, совершенно не интересуется философией рассматриваемого предмета. Он совершенно игнорирует аморальные черты восстания Кира против своего брата. Более того, ему, похоже, никогда не приходило в голову, что это братоубийственное предприятие имеет какие-то предосудительные черты или может рассматриваться в каком-либо ином свете, кроме как в свете похвального поступка, законной целью которого был трон. Несомненно, сам факт исключения философского из произведения Ксенофонта был одной из причин его большой популярности, поскольку, как всем известно, Ксенофонт наряду с Геродотом считается самым читаемым из классических авторов. Было бы совершенно нецелесообразно подчеркивать мнение о том, что внутренние достоинства произведения Ксенофонта не в полной мере оправдывают его популярность. Здесь достаточно отметить тот факт, что это знаменитое произведение преемника Геродота по сути принадлежит к тому же классу, что и произведение самого мастера.

Из римских историков, без сомнения, наиболее схожим с Геродотом по общей направленности был Ливий. Автор самой известной истории Рима действительно не делает таких экскурсов в историю отдаленных народов, как Геродот, но он подробно описывает историю своего народа, уделяя внимание скорее литературной, чем строго исторической стороне; передавая нам в лучшем виде ту серию прекрасных легенд, которыми все последующие поколения были вынуждены довольствоваться вместо собственно истории. В таком историческом письме мало философских размышлений, мало поиска мотивов. По сути, это искусство рассказчика, примененное к фактам и басням истории.

Возвращаясь теперь к Фукидиду, мы, как уже было сказано, продемонстрировали совершенно иной план и мотив. Фукидид действительно рассказывает историю Пелопоннесской войны; более того, он рассказывает ее с таким богатством деталей, которое не превосходил ни один другой историк древности и к которому немногие приближались. Но помимо изложения простых фактов, Фукидид всегда ищет мотивы. Он дает нам представление о причинах событий, как он их понимает. Очевидно, что он больше думает об этой стороне предмета, чем о простом изложении самих фактов. Его привлекает скорее философия истории, чем история сама по себе, и он хочет донести это до читателя.

Только два или три других писателя всего классического периода, чьи произведения дошли до нас, последовали за Фукидидом с значительным успехом в этой попытке писать историю философски; двумя наиболее выдающимися представителями этого метода были грек Полибий, который рассказал историю подъема Рима к мировой власти, и Тацит, известный автор *«Анналов»* и самой ранней истории германского народа. Эти три примера — Фукидид, Полибий и Тацит — сразу же опровергают утверждение, которое в противном случае можно было бы сделать, что философское или, если угодно, дидактическое историческое сочинение является по сути современным продуктом. Если бы не эти исключения, можно было бы сделать радикальное обобщение, что история древних времен была собранием рассказов, предназначенных для развлечения читателя, а строго современный исторический метод направлен скорее на обучение, чем на развлечение. Однако такие обобщения, предполагающие, что вся тенденция человеческой мысли коренным образом изменилась в течение исторического времени, несомненно, являются ошибочными. Вполне возможно, что ранние историки как класс стремились писать скорее

развлекательные повествования, чем философские истории, а историки XIX века как класс, напротив, изменили порядок мотивов, но не следует забывать, что наше суждение здесь основано лишь на фрагменте всего творчества древних историков. Мы уже отмечали в другом контексте, что имена нескольких сотен греческих писателей сохранились до нас исключительно благодаря одному или двум антологическим сборникам; а теперь, говоря об исторических трудах, необходимо помнить, что огромное количество из них было полностью утрачено. Целые группы историков известны нам только по имени, и есть все основания полагать, что многие другие группы, которые когда-то существовали и писали более или менее важные работы, не оставили нам даже этого воспоминания. Разрозненные фрагменты греческих исторических работ, которые дошли до нас, оторванные от значительной части своего первоначального контекста, заполняют три больших тома знаменитого собрания греческих классиков Дидо, под редакцией К. О. Мюллера; в нем представлены несколько сотен авторов.

Мы отметили, что все предшественники Геродота были стерты из памяти, главным образом, возможно, благодаря превосходству самого Геродота. Точно так же все истории Александра Македонского, написанные его соратниками и современниками, а также его преемниками в следующем столетии, без исключения полностью исчезли.

Несомненно, превосходство работы Арриана, который обобщил и попытался гармонизировать содержание более важных предшествующих историй Александра, было причиной окончательного исчезновения последних. Трудно переоценить ту интеллектуальную испытательную камеру средневековья, через которую должна была пройти вся классическая литература и из которой лишь изредка появлялись отдельные произведения. Почти трогательно сознавать, сколько произведений героически прошли через эту кузницу, но потерпели поражение, не дойдя до цели. Например, известно, что существовало произведение Феопомпа о поздних греческих событиях, состоящее из пятидесяти с лишним книг, которое сохранилось в IX веке, о чем свидетельствует составленный тогда монахом краткий изложение его содержания, но от которого сегодня не осталось ни одной строки. Даже те произведения, которые дошли до нас в менее фрагментарном состоянии, обычно не сохранились целиком в одной рукописи, а представлены нам в виде скомпонованных из различных фрагментов, часто хранящихся в широко разбросанных коллекциях. Объяснение заключается в том, что копирование рукописи большого объема было довольно героической задачей, и поэтому переписчик часто довольствовался выдержками из одной книги из произведения, которое он с удовольствием воспроизвел бы целиком, если бы не связанный с этим труд.

Суть всего этого в нашем нынешнем контексте заключается в том, что мы очень неполно знаем историков древности и поэтому почти наверняка ошибочно оцениваем их как класс, когда пытаемся обобщить их. По самой природе дела историк, который рассказывал хорошую историю в приятном стиле, имел гораздо больше шансов быть увековеченным благодаря усилиям переписчиков, чем философский историк, каким бы глубоким он ни был, который выдвигал свои теории в ущерб самому повествованию. Однако, с учетом всего этого, вряд ли можно сомневаться в том, что за последние полтора века произошло заметное развитие научного духа в его применении к работе историка и что средняя историческая работа XIX века находится на гораздо более высоком философском уровне, чем средняя историческая работа древности. Если бы мы попытались охарактеризовать самые последние этапы исторического творчества, то, пожалуй, не ошиблись бы, сказав, что в отношении исторической письменности, как и в отношении многих других предметов, это в первую очередь век специалистов. В последние годы ни одна историческая работа не могла рассчитывать на широкое признание среди историков, если она не была основана на личном исследовании самых отдаленных источников, имеющих отношение к данному

периоду, которые могли быть доступны. Последний период был в первую очередь временем поиска малоизвестных или забытых записей, раскопок старых писем и государственных документов, изучения до сих пор игнорируемых архивов и критического анализа противоречивых заявлений предполагаемых авторитетов, доступных ранее.

Эта работа началась с Гиббона и Нибура, если можно говорить о каком-либо интеллектуальном движении, имеющем четкое начало; ее продолжили Гроте, Моммзен, Джордж Корнуолл Льюис, Клинтон и множество более поздних исследователей, чьи конкретные работы будут привлекать наше внимание по мере продвижения вперед. Естественно, что, поскольку каждое поколение специалистов опирается на труды всех предыдущих поколений, с каждым последующим десятилетием работа становилась все более и более тщательной и скрупулезной. Гиббон, несмотря на то что был специалистом, охватил тысячелетний период европейской истории и практически не оставил без внимания ничего, что относится к этому периоду. Нибур специализировался на нескольких веках ранней римской истории, но его всеобъемлющий взгляд охватывал также Грецию и Восток, и он считался мастером во всей области древней истории. Моммзен посвятил свои усилия изучению Римской республики и империи на протяжении всего периода их существования, а также всех аспектов их политической, коммерческой и социальной жизни.

Однако среди большинства современных исследователей наблюдается тенденция ограничивать свое внимание более узкой областью. В своей *«Истории Англии»* Маколей пытается дать действительно подробную историю только примерно семнадцати лет. Карлайл посвящает шесть больших томов *«Истории Фридриха Великого»*, а такие авторитеты, как Фриман (), Стаббс (Stubbs), Гардинер (Gardiner) и Гэрднер (Gairdner), посвятили годы терпеливых исследований изучению отдельных периодов английской истории. Очевидным результатом всех этих кропотливых и трудоемких усилий является накопление массива более или менее несогласованных деталей, касающихся сырых фактов истории, которые может освоить только специалист в каждой конкретной области, и более отдаленные связи которых с мировой историей не всегда ясно различимы. Редко кому удается одновременно обладать вкусом и способностью к кропотливым исследованиям и к широким и точным обобщениям. Поэтому большая часть работы специалиста, замечательная в своем роде, все же должна рассматриваться скорее как сырой материал, чем как готовый продукт. Задача мирового историка состоит в том, чтобы попытаться собрать этот сырой материал, визуализировать его в его отношениях с другими подобными массивами и построить на его основе единую структуру истории, в которой каждая часть будет представлена в ее правильных отношениях со всеми остальными.

Обратимся на мгновение к работе мировых историков прошлого и взглянем на результаты их различных попыток объединить индивидуальную историю людей и народов в всеобъемлющую историю человечества.

ГЛАВА IV МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

Ни один историк, достойный этого имени, не может повествовать о событиях даже ограниченного периода, не упомянув хотя бы косвенно о их всемирном историческом значении. В той мере, в какой автор не способен охватить общую картину, сила его фактов ослабевает; любой узкий период истории, на котором сосредоточено внимание, приобретает

на данный момент непропорционально большое значение и неизбежно воспринимается совершенно несоразмерно. Только когда ограниченный период рассматривается в сопоставлении с другими периодами, он может приобрести что-то похожее на свое истинное значение. В некоторой степени это понимали все писатели с самых ранних времен, и, соответственно, мы видим, что очень немногие древние авторы не рассматривали современные события в широком контексте, даже когда подробно описывали события ограниченного периода; и часто, как в случае с Геродотом, место, отведенное истории событий, не имеющих непосредственного отношения к основной истории, совершенно несоразмерно тому, которое отведено самой основной истории. Таким образом, в определенном смысле история Геродота является всемирной историей, поскольку она более или менее всесторонне освещает практически все народы, известные грекам того времени. Фукидид, как мы видели, гораздо более строго придерживается точного текста; однако даже он посвящает вводную книгу « » краткому изложению прошлого истории греков в качестве подготовки к полному пониманию Пелопоннесской войны.

Но, в конце концов, следует провести довольно четкое различие между такими историями, которые якобы описывают события определенного периода, и более всеобъемлющими трактатами, которые ставят перед собой явную задачу осветить историю всех народов во все времена.

Из произведений последней категории — собственно мировых историй — самое древнее из тех, что дошли до нас, является одновременно, вероятно, самым всеобъемлющим по своему охвату и самым обширным по содержанию из всех, что были написаны в древности. Это так называемая «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Диодор был греком, уроженцем Сицилии, который жил во времена Юлия Цезаря и Августа. Он поставил перед собой явную задачу написать всеобъемлющую историю мира и посвятил тридцать лет выполнению этой задачи. Эта история, в первоначальном варианте, состояла из сорока книг, в которых рассматривалась вся история человечества от древнейших времен до эпохи Августа. Диодор признавал неопределенность ранней хронологии и не пытался оценить точный возраст мира, но он рассчитывает время, охватываемое тем, что он считает собственно историческим периодом, в следующих терминах:

«Согласно Аполлодору, мы насчитали восемьдесят лет от Троянской войны до возвращения Гераклида; оттуда до первой Олимпиады — триста двадцать восемь лет, исчисляя время от лакедемонских царей; от первой Олимпиады до начала Галльской войны (где заканчивается наша история) — семьсот тридцать лет; так что вся наша работа (состоящая из сорока книг) представляет собой историю, охватывающую события одиннадцатисот тридцати восьми лет, помимо тех времен, которые предшествовали Троянской войне».

В предисловии Диодор далее объясняет точный объем своего труда и точное деление книг следующими словами:

«Наши первые шесть книг охватывают события и мифологию эпох, предшествовавших Троянской войне, из которых три первые содержат варварские, а следующие за ними — почти все греческие древности. В одиннадцати следующих книгах мы рассказали о том, что происходило в каждом месте со времени Троянской войны до смерти Александра. В следующих двадцати трех книгах мы изложили все остальные события и дела до начала войны, которую римляне начали против галлов; в то время император Юлий Цезарь (который за свои великие достижения получил прозвище Дивус), покорив воинственные народы галлов, расширил Римскую империю до Британских островов; его первые действия приходятся на первый год сто восьмой Олимпиады, когда Ирод был главным магистратом в Афинах. Но что касается временных ограничений, содержащихся в этом произведении, мы

не ограничили те события, которые произошли до Троянской войны, какими-либо определенными рамками, поскольку не смогли найти никаких оснований, на которые можно было бы с уверенностью опираться».

Из этих сорока книг до нас дошли только пятнадцать, а именно первые пять, которые охватывают историю только до Троянской войны, и книги с одиннадцатой по двадцатую, которые охватывают период от вторжения Ксеркса в Грецию до покорения Греции римлянами. Остальные книги представлены значительными фрагментами, которые, однако, даже в совокупности, незначительны по объему по сравнению с пятнадцатью книгами, которые сохранились целиком.

Учитывая время, когда она была написана, эта работа Диодора была действительно выдающимся произведением, хотя современные критики склонны обращать внимание скорее на ее недостатки, чем на достоинства. Действительно, стало модным говорить о Диодоре как о слабоумном, предвзятом человеке, который без разбора собирал материалы для истории из всех источников и давал их миру, правдивые и ложные вместе, совершенно не подвергая их критическому анализу. Однако такая оценка является большой несправедливостью по отношению к Диодору, что можно легко доказать, даже бегло прочитав его работу. Возможно, не будет преувеличением сказать, что ближе к истине будет оценка Плиния, который утверждает, что Диодор был первым из греков, кто писал серьезно и избегал мелочей. То, что Диодор писал серьезно, ясно свидетельствует его работа; то, что он в значительной степени избегал мелочей, показывает масса материала, которую он уместил в сравнительно небольшом пространстве; и то, что он был далек от использования своих материалов без выборочного суждения, должно быть очевидно для любого, кто просматривает эти материалы. Совершенно верно, что он допустил много ошибок. Иногда он принимал за факт то, что было лишь басней, его хронология не всегда точна, его повествования о событиях не всегда фотографически точны. Но подумайте о задаче, которую он перед собой поставил. Он стремился написать историю всего мира, известного в его время и поколении, включив в свое повествование все ведущие события всех народов земного шара, известные в то время. Никто не может выполнить такую задачу, даже в наши дни, когда имеется множество записей и отредактированных авторитетных источников, не допустив ошибок.

Любой, кто пытается писать историю философски, рано или поздно сталкивается с тем фактом, что все исторические записи пронизаны вымыслом. Отделить нити правды от нитей вымысла — задача критического суждения. Любому, кто рассмотрит этот вопрос, станет совершенно ясно, что, делая такой выбор, историк любого поколения не может не быть предвзятым и подверженным влиянию предрассудков и предубеждений своего времени. Конечно, Диодор не был свободен от таких предрассудков и предубеждений. Он смотрел на мир глазами первого века до НАШЕЙ ЭРЫ, а не глазами двадцатого века НАШЕЙ ЭРЫ. Этот век, не меньше, чем наш, — и, возможно, не больше, — был веком веры и суеверий; но вера того времени не была верой нашего времени; суеверия греков и римлян не были нашими суевериями. Они были легковерным народом; мы — легковерный народ: но точный тип их легковерности во многом отличался от типа нашей легковерности.

Следовательно, судя о Диодоре, мы должны судить о нем как о римлянине первого века до НАШЕЙ ЭРЫ, а не как о европейце двадцатого века НАШЕЙ ЭРЫ. И если мы будем помнить об этом, то, прочитав его страницы, мы обнаружим, что Диодор ни в коем случае не отличался от своих современников простой легковерностью, которая без вопросов принимает все, что ей говорят, не подвергая это критике. Диодор, конечно, рассказывает нам сказочные истории о происхождении мира и создании различных народов, но он явно предупреждает нас, что рассказывает эти истории не как предметы своего собственного верования, а для

того, чтобы зафиксировать в истории мнения, распространенные среди разных народов о своем происхождении.

Эти рассказы кажутся нам сказочными, гротескными, абсурдными, но у нас нет оснований сомневаться, что многие из них казались столь же мифическими и самому Диодору; и современная критика не должна забывать, что существует еще один мифический рассказ о сотворении мира и происхождении определенной расы, который, если бы Диодор знал о нем, он, несомненно, рассказал бы вместе с остальными и рассматривал бы с тем же скептицизмом, который он проявляет по отношению к другим, как сказочные, гротескные и абсурдные, но которые были бы приняты критиками всего христианского мира в каждом веке до нашего как подлинная историческая запись о реальном сотворении земли и как правдивый рассказ о ее избранном народе.

Одним словом, современная критика должна помнить, когда упрекает Диодора и других, подобных ему, в их легковёрности, что общепринятая вера Европы XIX века казалась бы Диодору столь же абсурдной, сказочной и мифической, как любая история, которую он рассказывает нам, может показаться критику XX века.

Что же касается ошибок Диодора в более строго исторических частях его повествования, то и к ним каждый беспристрастный критик должен относиться с определенной терпимостью, учитывая огромное преобладание тех случаев (), в которых записи Диодора заслуживают полного доверия. Рассматривая эти вопросы, очень легко создать мифы, которые затуманивают наше представление о реальном статусе древнего автора. Так, например, когда-то было принято считать Фукидида самым беспристрастным, справедливым и беспристрастным историком, который когда-либо жил; но вряд ли можно сомневаться в том, что настоящая причина, по которой эта оценка сложилась в отношении имени Фукидида, заключается в том, что, как указывает профессор Махаффи, Фукидид является единственным авторитетом в истории большей части периода, который он описывает. Даже Мюллер признавал, что в начале первой главы своей книги, где он рассматривает греческую историю в целом и вплоть до Пелопоннесской войны, Фукидид не проявляет той беспристрастности, которая отличает его в более поздних частях повествования. Но именно в этой ранней главе Фукидид рассматривает события, которые зафиксированы другими историками. Именно здесь, и в основном только здесь, его рассказ можно проверить с помощью данных других авторов. Если бы мы могли аналогичным образом проверить рассказ о Пелопоннесской войне в целом, то, без сомнения, мы бы обнаружили по крайней мере некоторые несоответствия, которые существенно изменили бы почти идолопоклонническую оценку Фукидида, которая стала и долгое время оставалась несомненно связанной с его именем.

Применив эту мысль к Диодору, сразу становится очевидным, что историк, описывающий ограниченный период древности, не подвергается такому сравнению, как тот, кто берется за написание истории всего мира. По самой природе дела такой писатель противостоит всей компании специалистов; и, в конце концов, неудивительно, если это можно доказать, что в нескольких или во всех областях есть специалисты, чья точность превосходит точность Диодора в каждой конкретной области. Безусловно, всеобъемлемость его задачи должна учитываться при оценке, и, принимая все это во внимание, можно справедливо повторить, что общая оценка современной критики не в полной мере отражает заслуги автора первой попытки написать полную и всеобъемлющую историю мира.

Кроме того, не следует забывать, что в использовании авторитетных источников Диодор иногда проявлял избирательное суждение, которое заслуживает самой высокой похвалы. Заметный пример можно найти в его трактовке периода греческой истории после Пелопоннесской войны, когда спартанцы и фиванцы боролись за господство. Этот период

был описан Ксенофоном в его «*Эллиннике*», и, поскольку Ксенофонт был непосредственным свидетелем многих событий, которые он описывает, можно было бы предположить, что его авторитет в отношении этого периода можно считать неоспоримым. Но на самом деле Ксенофонт, хотя и был философом и учеником Сократа, не был свободен от влияния личных предубеждений. Он был другом Агесилая, и его восхищение этим героем, а также его привязанность к спартанцам в целом настолько повлияли на его повествование, что он очень несправедливо отнесся к заслугам великого Эпаминонда. Действительно, если бы мы полагались только на Ксенофонта, мир никогда бы не получил в более поздние времена ничего похожего на справедливую оценку заслуг великого фиванца, а поскольку рассказ Ксенофонта об этом периоде является единственным сохранившимся современным, это был действительно редкий случай, когда потомкам была сохранена справедливая оценка величайшего из фиванцев, которого некоторые критики склонны считать величайшим из всех греков; и именно Диодору мы должны быть благодарны за то, что он оказал эту историческую справедливость великому человеку, заслуги которого в противном случае могли бы быть затмечены личными предубеждениями современного историка.

Диодор, рассматривая этот период, выбрал в качестве своего авторитета не Ксенофонта, а Афора. Как именно он пришел к этому решению, неизвестно; достаточно того, что это решение было правильным. Никто, кроме предвзятого критика, не может усомниться в том, что во многих других случаях его суждение было столь же проницательным при выборе из расходящихся рассказов того, который был наиболее правдоподобным.

Частично относительное пренебрежение, которое выпало на долю Диодора, можно объяснить его манерой изложения. Он изложил свою работу в форме анналов, в которых преобладала хронологическая идея. Он рассказывает историю одного народа в определенном году, а затем переходит к другим народам, чтобы проследить за судьбой каждого из них в том же периоде. При таком подходе весь план неизбежно теряет непрерывность. Чтобы следить за развитием сюжета через постоянно прерывающиеся главы, приходится переключаться с одной темы на другую, от Ассирии к Египту, от Греции к Риму. Естественно, что при таком подходе интерес читателя ослабевает. С точки зрения популярности, такой подход явно является ошибкой.

План Геродота, который брал историю каждой нации и вел ее через длительный период без перерывов, имеет много преимуществ; он бесконечно более художественен. Именно благодаря такому подходу, а не фактической формулировке его истории, Геродот приобрел гораздо большую всеобщую известность, чем Диодор; ведь в тех частях своей истории, где он действительно пытается вести непрерывное повествование, Диодор демонстрирует большое мастерство рассказчика. В первой части своего труда, которая, к счастью, в основном сохранилась до наших дней, когда он рассказывает о том, что он считает легендарной историей народов до установления фиксированной хронологии, его повествование идет непрерывно, во многом напоминая повествование Отца истории. Так было с его описанием раннего Египта и с его еще более интересной историей древней Ассирии. Одни только эти части его работы делают его одним из самых важных авторов древности, чьи сочинения сохранились до наших дней, и мы будем иметь возможность в значительной степени опираться на него при изложении истории этого периода.

То, что только что было сказано о отношении современных критиков к Диодору, не следует понимать как означающее, что этот самый ранний из великих историков мира в целом не нашел благодарной аудитории. Факты дела вполне опровергают такое предположение. Автор пишет, чтобы его читали, и в конечном счете единственным

достоверным критерием ценности его работы является сохранение или игнорирование этой работы последующими поколениями читателей.

По этому критерию очень немногие древние писатели получили такую же оценку, как Диодор. Правда, около трех четвертей его произведений утрачено, но, справедливо оценивая значение этого факта, необходимо учитывать объем того, что сохранилось. Самое краткое сравнение дает нам некоторые очень интересные данные. Похоже, что из всей серии предшественников Диодора ни один историк не оставил нам ничего, что можно было бы сравнить по объему с сохранившимися материалами. Только один предшественник в любой области литературы, а именно Аристотель, значительно превосходит его в этом отношении, и еще один писатель, Платон, примерно равен ему. Если обратиться к современникам Диодора и его последователям в использовании греческого языка, то результат будет аналогичным. Только один писатель превосходит его по объему произведений. Это Плутарх, биограф и философ, а не историк в строгом смысле этого слова. Ни один другой греческий писатель в какой-либо области не равен Диодору, хотя два историка, Дион Кассий и Дионисий Галикарнасский, находятся в непосредственной близости от него. Если подумать о том, сколько труда потребовалось для сохранения любого рукописного текста на протяжении долгих поколений средневековья, эти данные говорят о многом в отношении общей оценки, данной потомками творчеству Диодора. Из длинного списка греческих историков, который насчитывает сотни имен, как показывают фрагментарные остатки, только трое, столь же древних, как Диодор, превзошли его по успеху: Геродот, Фукидид и Ксенофонт. Однако общий объем работ этих трех авторов не намного превышает объем сохранившихся сочинений Диодора. Работы Геродота и Фукидида вместе взятые не содержат больше материала, чем книги с одиннадцатой по двадцатую Диодора, которые сохранились *целиком*.

Конечно, было бы абсурдно предполагать, что один лишь объем рукописей, сохранившихся до эпохи книгопечатания, является критерием ценности произведения древнего автора; но, с другой стороны, всегда помня о труде, затраченном на создание одной копии большого произведения, было бы столь же абсурдно отрицать, что объем рукописей имеет определенное значение для ценности содержания, которое они сохраняют. Несомненно, многих переписчиков отпугивал от начала копирования рукописи большой объем работы, и если у них не было особых предпочтений, они выбирали более небольшую книгу только из-за этого. Кроме того, несомненно, многие переписчики уставали от своей работы в случае более объемных произведений и бросали ее после копирования нескольких книг. Это здравое объяснение, без сомнения, объясняет тот факт, что, как правило, сохранились скорее ранние книги, чем поздние из произведений, которые дошли до нас в фрагментарном состоянии. Если бы Геродот и Фукидид написали сорок книг вместо восьми или девяти, вряд ли даже их гениальность была бы достаточна для сохранения всего этого количества. Случай Ливия, чье произведение, несмотря на красоту стиля, дошло до нас в столь ущербном виде, вполне подтверждает это предположение. Поэтому то, что половина произведения Диодора утрачена, ни в коей мере не умаляет его заслуг; удивительно скорее то, что столько из него сохранилось.

Мы так подробно остановились на произведении Диодора, потому что оно во многих отношениях может считаться типичным для мировой истории в целом. Безусловно, это было величайшее произведение мировой истории, созданное в древности, о достоинствах которого мы сегодня можем судить. На самом деле, до нас дошла только одна другая всемирная история, и эта работа Юстина сама по себе является лишь сокращением сочинения другого автора, Трога Помпея. Учитывая время, когда она была написана, эта работа Трога, если судить по сокращению, была замечательным произведением, и само сокращение имеет большую ценность, поскольку проливает свет на некоторые периоды,

которые в противном случае не были бы хорошо освещены в сохранившихся документах. Однако в целом это скорее сборник исторических фактов, чем всеобъемлющее произведение, подобное труду Диодора. О произведениях других античных историков невозможно говорить с какой-либо степенью уверенности. Полибий считал Афора единственным человеком, написавшим всемирную историю до его времени. Известно, что Афор жил в V веке до н. э. и был соучеником другого историка, Феопомпа, в знаменитой школе Исократа в Афинах, но его работа известна нам только по неполным фрагментам и косвенным цитатам других авторов. То же самое можно сказать и о работах Феопомпа, о которых только что шла речь, и о Тимее, другом греке, чьи сочинения отличались некоторой всеобъемлемостью в плане мировой истории. Но даже если бы эти работы сохранились, вряд ли кто-либо из них мог бы сравниться с великой историей Диодора, которая навсегда останется величайшим примером написания всемирной истории в древности.

Как мы уже видели, Диодор довел свою работу до времени Галльских войн Цезаря. В его произведениях есть упоминания, которые позволяют предположить, что он прожил до эпохи Августа. Вероятно, он умер незадолго до начала христианской эры.

Ни один грек более позднего времени и ни один римлянин любого периода не создал произведения, которое заменило бы историю Диодора, хотя большинство византийских историков создавали хроники, многие из которых в той или иной степени были кратким изложением всемирной истории. Несколько из них сохранились, но никто не думает сравнивать их с произведением более древнего писателя. Однако хронологическое произведение Евсевия заслуживает особого упоминания. Это был всего лишь краткий обзор всемирной истории, но относительно полный, и благодаря утрате более амбициозных работ он приобрел большую ценность для современных историков. Первоначально он был написан на греческом языке, но самая важная копия, дошедшая до нас, как ни странно, является армянским переводом. Именно латинский перевод этой армянской рукописи является работой, на которую обычно ссылаются современные историки, говоря о Евсевии. Энциклопедия истории, составленная для Константина Порфиrogenета, о которой уже упоминалось, также должна быть упомянута как действительно важная всемирная история. Она была основана почти исключительно на греческих авторах, которые цитировались подробно, с такими сокращениями или изменениями, которые были необходимы для согласования различных текстов друг с другом. Как средство сохранения работ многочисленных важных греческих историков, этот сборник имел огромную ценность, но, к сожалению, дошел до нас в сильно искаженном виде. В византийский период умы будущих историков западного мира были настолько заняты церковными спорами и летописями местных князей, что никто не думал о всемирной истории в более широком смысле. Мы должны быть благодарны за то, что здесь и там находились монахи, которые проявляли достаточный интерес и энергию, чтобы копировать древних авторов и таким образом частично сохранить их. Учитывая интеллектуальную атмосферу того времени, удивительно не то, что так много языческих авторов было утрачено, а то, что кто-то из них был сохранен. Тем не менее, даже в так называемый темный век иногда появлялись проблески света. Один из них, представляющий особый интерес для английского читателя, заключается в том, что король Альфред перевел на англосаксонский язык краткую всемирную историю Орозия, произведение, которое в противном случае было бы малоизвестно, но которое, благодаря своей краткости и весьма необычному переводу на «варварский язык», несомненно, сыграл важнейшую роль в том, что англосаксы IX века получили представление о событиях древних времен.

Лучшим руководством по исторической точке зрения поколений, которые положили начало тому, что мы привыкли считать современным периодом, является *«История мира»*, написанная сэром Уолтером Рэли в конце его жизни, в конце XVI века. Рэли не был историком по выбору, но был привлечен к этой задаче в качестве развлечения во время своего заключения. Работа, насколько он ее завершил, состоит из пяти книг, названия которых носят поучительный характер. Первая книга: «О первых веках мира, от сотворения до Авраама». Вторая книга: «О временах от рождения Авраама до разрушения храма Соломона». Третья книга: «От разрушения Иерусалима до времени Филиппа Македонского». Четвертая книга: «От правления Филиппа Македонского до установления этого царства в роду Антигона». Пятая книга: « » («От установления власти преемников Александра на Востоке до завоевания Азии и Македонии римлянами, которые подчинили себе все»).

Похоже, что Роли не затронул в своей истории период после ранней Римской империи, но, несмотря на это, его книга очень объемна и насчитывает более восьмисот огромных страниц в формате quarto, что значительно превышает объем сохранившихся частей сочинения Диодора. Роли очень часто указывает свои источники в примечаниях на полях, но даже если бы он этого не делал, было бы легко понять, на какие источники он опирался. Очевидно, что в отношении ранней истории человечества он в значительной степени полагался на Библию, а в остальном, без сомнения, имел доступ к дюжине классических авторов, имена которых мы уже неоднократно упоминали. Естественно, что страницы Рэли кажутся современному читателю архаичными, однако в них не недостает отрывков (), которые демонстрируют проницательную практическую интуицию придворного и государственного деятеля. В целом, работа была достаточно интересной, чтобы быть переизданной в 1687 году, через столетие после смерти автора. Действительно, до этого времени практически не было мировой истории, которая могла бы составить конкуренцию работе Рэли, написанной со времен античности. Любопытно, что между трудом Диодора, написанным незадолго до начала христианской эры, и совершенно аналогичным по своему охвату трудом сэра Уолтера Рэли, написанным шестнадцатью столетиями позже, не было создано ни одного труда по всемирной истории, который можно было бы сравнить с ними. В XVII веке ситуация в области литературы по всемирной истории также не претерпела заметных изменений.

Настоящее возрождение исторической литературы наступило в XVIII веке. Около 1730 года один английский издатель обратил внимание на скудность современной литературы в этой области и решил создать всеобщую историю самого широкого охвата. К этому проекту присоединились такие люди, как Арчибальд Бауэр, Джон Кэмпбелл, Уильям Гатри, Джордж Сейл, Джордж Псалманазар и Джон Свинтон, и в течение следующих двадцати лет была завершена длинная серия томов, посвященных всем этапам всеобщей истории, за исключением, что любопытно, истории Великобритании. Позднее издание, измененное и улучшенное по сравнению с ранними томами и дополненное описанием английской истории, было опубликовано в конце XVIII века под редакцией известного доктора Тобиаса Смоллетта. Эта работа, первая важная история мира, созданная в современную эпоху, вызвала большой интерес. С учетом более поздних событий странно, что эта работа была переведена на различные европейские языки, включая немецкий. Создание этой работы было замечательным достижением, но различные части работы имели очень разную степень ценности. Компетентный немецкий критик, писавший в середине XIX века, признавал, что части всеобщей истории, относящиеся к древности, были довольно хорошо сделаны, но отмечал, что освещение средневековья было поверхностным, а освещение современной истории — еще хуже.

Поскольку история древности была в значительной степени реконструирована за последние пятьдесят лет, очевидно, что данная всеобщая история теперь может

рассматриваться только с антикварным интересом. Тем не менее, она содержит бесчисленные описательные пассажи, которые сегодня так же исторически точны и интересны, как и в момент написания.

Стремление к историческому сочинению, монументальным доказательством которого является эта всеобщая история, нашло свое выражение чуть позже в великих исторических трудах Юма, Робертсона и Гиббона. Благодаря этим писателям, в конце XVIII века Англия легко опередила все другие страны в области исторического сочинения. Более того, в области всеобщей истории она была первой и не имела себе равных. Однако в начале XIX века в Германии была создана великая всемирная история. Это была работа Шлоссера. В своей первоначальной форме эта работа была завершена в 1824 году; она была строго техническим произведением. Но примерно двадцать лет спустя ученик Шлоссера под руководством самого автора разработал популярное издание всемирной истории, которое вскоре получило огромный тираж в Германии и которое в повторных изданиях до сих пор находит множество читателей. Эта работа Шлоссера, вероятно, была бы переведена на английский язык, если бы в этой области не появилась другая великая всеобщая история. Это была работа, которую редактировал доктор Ларднер и которая начала выходить в 1830 году, примерно через столетие после появления той первой всеобщей истории на английском языке, о которой мы только что упомянули. Работа доктора Ларднера, как и ее английский предшественник, была создана группой специалистов, но отличалась от нее тем, что каждый том или набор томов, посвященных определенному периоду или стране, был написан специалистом, авторство которого было указано на титульном листе, в то время как предыдущая работа « » была полностью анонимной. Другими словами, это была, по сути, коллекция монографий, каждая из которых была написана более или менее известным авторитетом и которые в совокупности составляли историю мира. Работа в целом состояла из большого количества томов. Разумеется, отдельные части имели разную ценность, но в целом работа была превосходной, и многие тома до сих пор имеют ценность, хотя большая часть их содержания, естественно, устарела.

Выпуск популярного издания всемирной истории Шлоссера в Германии ознаменовал эпоху в этом жанре литературы. Почти одновременно с этим в Германии увидели свет несколько других всемирных историй, и с тех пор до наших дней всемирные истории непрерывно издаются немецкой прессой. Они различаются по объему: от удивительно сжатой и прекрасно философской работы Роттока в четырех небольших томах, опубликованной около 1830 года, до гигантской серии Онкена, которая только что завершена. В этом списке немецких всемирных историй, помимо вышеупомянутых, заметные места занимают работы Беккера, Лео и Вайса. Но, пожалуй, самой примечательной из всех является всемирная история доктора Георга Вебера. Эта работа доктора Вебера заняла лучшие годы жизни автора. Она состоит из восемнадцати томов, и на ее издание ушло около двадцати лет. Мы будем иметь возможность более подробно остановиться на работе доктора Вебера в другом месте, а также часто цитировать ее. Здесь достаточно сказать, что доктора Вебера можно по праву назвать Диодором современности, поскольку его работа, безусловно, является самым полным и всеобъемлющим изложением всемирной истории, когда-либо написанным одним автором.

Наряду с работой Вебера следует упомянуть еще одну всемирную историю немецкого происхождения. Это работа Ранке. Она сильно отличается от работы Вебера по своему замыслу, в некоторых отношениях более философская и часто менее подробная в изложении событий. Автор, признанный почти величайшим из немецких историков, приступил к работе в позднем возрасте и привнес в нее, пожалуй, столько исторических знаний в различных областях, сколько ни один человек никогда не достигал. К сожалению, он не дожил до завершения своей работы, которая в ее нынешнем виде охватывает только

период до конца средневековья и поэтому не может быть сопоставлена в полном объеме с завершенной работой Вебера.

Самая последняя из всех великих немецких всемирных историй, серия Онкена, о которой только что упоминалось, является работой, построенной в основном по плану серии доктора Ларднера начала века. Каждый том серии Онкена написан практически как самостоятельное произведение авторитетным специалистом, и между различными частями структуры нет тесной связи, хотя, несомненно, редактор попытался заставить различных авторов в какой-то мере следовать одной и той же схеме изложения. Работа состоит из около пятидесяти очень больших томов в формате октаво, что делает ее самой объемной из всех современных всемирных историй.

ГЛАВА V СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Примечательно, что с момента публикации серии работ доктора Ларднера в первой половине XIX века не было предпринято ни одной удовлетворительной попытки представить английскому читателю всю историю мира в одном произведении. В то время как немецкие издательства выпускали бесконечный поток книг по всемирной истории, англоязычный мир « » оставался совершенно бездействующим, так что до сих пор не было ни одной работы на английском языке, изданной менее полувека назад, которая могла бы составить конкуренцию любому из многочисленных немецких изданий. Работа Бакля в некоторой степени восполнила бы этот пробел, если бы он дожил до ее завершения, однако даже его усилия были направлены скорее на философские обобщения относительно эволюции человечества, чем на повествование об исторических событиях.

Если мы попытаемся объяснить этот дефицит литературы в такой увлекательной области, как всемирная история, то решение не заставит себя долго ждать: оно кроется в самой масштабности задачи. Мы живем в век специалистов, и в той мере, в какой человек осознает полное значение специальных знаний по любому предмету в его современной интерпретации, он должен чувствовать безнадежность попыток получить более чем общие знания в различных областях. Тем не менее, любой, кто пытается написать всеобъемлющую историю мира, должен применять к каждому периоду истории знания, приближающиеся к знаниям специалиста. Именно понимание этого факта привело к созданию такого симпозиума, как серия *Oncken*, о которой только что упоминалось, и, наоборот, именно понимание того же факта привело к относительно игнорированию такой замечательной работы, как работа Вебера. Современные критики склонны считать, что написание действительно всеобъемлющей всемирной истории в наше время — задача, превышающая возможности любого отдельного человека. Если учесть огромный объем исследовательской работы в до сих пор неизученных областях, которая ведется во всех областях истории, становится очевидным, что ни один человек не может надеяться справиться с постоянно растущим потоком специальной литературы. В последние годы почти в каждой области истории были опубликованы специальные библиографии, которые даже специалистов приводят в замешательство обилием представленных в них материалов.

Чтобы привести лишь один пример, библиография ранней английской истории до 1485 года, недавно составленная профессором Гроссом, представляет собой большой том мелким шрифтом. Для любого специалиста было бы делом всей жизни даже бегло ознакомиться со

всеми работами, упомянутыми в этом списке; однако это лишь небольшой уголок той области, которую должен охватить историк-мировик. Очевидно, что историк-мировик, если он пытается лично составить повествование по всей теме, должен довольствоваться более или менее поверхностным взглядом на каждую область; его чтение может быть действительно обширным, но оно ни в коем случае не может быть исчерпывающим. Кроме того, по самой природе дела, он часто должен читать только для того, чтобы собрать материал для ежедневной работы по написанию, и независимо от его памяти, он неизбежно забудет большую часть многочисленных деталей, с которыми он имел дело. В случае человека с такой обширной эрудицией и такой целеустремленностью, как доктор Вебер, следует честно признать, что он может достичь такого обзора всей мировой истории, который было бы крайне несправедливо называть действительно поверхностным. Однако даже такой труженик, как Вебер, должен был в значительной степени полагаться на вторичные источники для получения фактов. Он не мог прочесть из первых рук более чем небольшую часть авторов, о которых он вынужден выносить явное или косвенное суждение. Одним словом, какова бы ни была ценность работ того класса, лучшим примером которого является работа Вебера, такие работы, по самой своей природе, должны довольствоваться статусом более или менее удачных компиляций, лишенных авторитета, который современный критик не готов предоставить ничему, кроме строго оригинальных работ, то есть работ, основанных на непосредственном изучении самых отдаленных источников, — единственного смысла, в котором слово «оригинальный» может быть правильно применен к любой форме исторического сочинения.

Если мы перейдем от мировых историй, написанных одним человеком, к тем, которые созданы симпозиумом специалистов, то столкнемся с совершенно иными, но не менее настойчивыми сериями внутренних недостатков.

Во-первых, внутренний недостаток индивидуального подхода не преодолен полностью, поскольку в настоящее время специализация достигла такой степени, что немногие люди чувствуют себя вполне комфортно за пределами относительно ограниченного периода, даже в истории одной нации. Если же одному человеку поручают написать всю историю, скажем, греков, он неизбежно пропускает области, которые не были равномерно охвачены его специальными исследованиями, и в определенные периоды он должен чувствовать себя более или менее в положении общего историка. Конечно, можно было бы ответить на это возражение, привлекая достаточное количество авторов, чтобы каждый ограниченный период был освещен настоящим специалистом; но большая трудность в такой схеме заключается в полном отсутствии гармонии взглядов, которая должна быть присуща такой работе.

Один взгляд на серию Оккена убедит любого, насколько трудно даже приблизительно достичь истинной перспективы мировой истории в рамках симпозиального плана. Так, в этой серии, чтобы привести лишь один пример непропорционального подхода, можно найти, что различные относительно незначительные периоды современной немецкой истории занимают объемные тома, тогда как истинная перспектива свела бы их к простым главам. Только с очень предвзятой современной точки зрения можно считать, что история Фридриха II заслуживает большего внимания, чем вся история греческого мира. Когда допускаются такие несоответствия, возникает опасность, что предполагаемая всемирная история станет скорее историей одной нации в ее отношениях с другими нациями, прошлыми и настоящими, чем беспристрастным изложением истории наций в целом.

В настоящей работе была сделана попытка избежать, с одной стороны, ловушек одностороннего подхода к одной личности, а с другой — несогласованного подхода специалистов. Мы постарались представить специальные знания, привлекая специалистов

из всех областей и позволяя им излагать информацию своими словами; но в то же время мы постарались избежать предвзятых взглядов, от которых специалисты меньше всего свободны, представляя противоположные мнения различных исследователей во всех случаях, когда между наиболее компетентными экспертами нет согласия.

Авторитеты, на которых обязательно основаны исторические сочинения и которые в других работах просто упоминаются по имени или, в лучшем случае, с указанием тома и страницы, здесь цитируются подробно их собственными словами, где это возможно, всегда с полной ссылкой на автора и с точным указанием работы, из которой взят отрывок. Такие авторитеты цитируются не только из исторических сочинений на английском языке, но и из всего спектра исторических сочинений всех веков. Мы надеемся, что немногие важные имена были упущены. Общее количество различных работ, процитированных таким образом (а не просто упомянутых), составит около тысячи. Эти цитаты варьируются по длине от пояснительных абзацев до отрывков из многих страниц, в среднем составляющих около двух тысяч слов каждая. Около полутора тысяч таких обширных цитат взяты из иностранных языков, и подавляющее большинство из них было переведено с оригиналов специально для настоящей работы, представляя таким образом материал, ранее недоступный читателям на английском языке. Языки, представленные в этом списке важных исторических работ иностранного происхождения, включают практически все языки цивилизованных народов, древних и современных, — египетский, вавилонский, ассирийский, арабский, сирийский, персидский, китайский, японский, а также весь спектр европейских языков от греческого, латинского и русского до итальянского, испанского, португальского, французского, голландского, немецкого и скандинавских. Из всех этих языков оригинальные слова различных авторов были переведены на наиболее буквальный английский язык, соответствующий нашей идиоме. Можно с уверенностью утверждать, что редко когда столь разнообразное изложение космополитической мысли собиралось в одном произведении.

Но эти отрывки не приводятся в виде случайных ссылок, сгруппированных в сносках или приложениях; они вплетены в текст последовательного повествования о мировой истории, так что они сами составляют основную часть этого повествования. Таким образом, история Германии в основном рассказывается словами немецких писателей, а история Франции — словами французских историков. Однако, чтобы избежать предвзятости национального взгляда на историю, рассказ о нации, изложенный таким образом местным историком, всегда подвергается корректировке со стороны иностранцев. Таким образом, мы получаем как сочувственную, так и критическую точки зрения. Когда авторитеты не согласны по какому-либо важному факту истории или когда существуют значительные различия во мнениях при оценке влияния великого события или реального статуса известной личности, мы не полагаемся на оценку одного историка, а цитируем противоположные мнения, даже если они прямо противоречат друг другу, причем каждое из них, конечно, сопровождается указанием на его источник.

Чтобы придать единство этим различным точкам зрения и объединить весь объем материала в последовательную и всеобъемлющую историю мира, повсюду свободно вводятся оригинальные редакционные пассажи как часть основного повествования, которые фактически составляют основу всего текста и служат для разъяснения и гармонизации точек зрения цитируемых авторитетов. Особенностью оригинального редакционного материала является то, что он включает, в первую очередь, критические оценки работ важных историков всех эпох, информируя читателя о статусе — даже о конкретных предубеждениях и предвзятости — авторитета, к которому его просят обратиться. Таким образом, новичок везде ставится в некоторое равенство со специалистом в своей оценке авторитетов. В тех случаях, когда цитируются противоречивые мнения

авторитетов, номинально равных по значимости, читателю предоставляются данные, на основе которых он может сформировать собственное обоснованное мнение о вероятности того или иного мнения. Кроме того, повсюду приводятся подробные дополнительные библиографии работ, с которыми целесообразно ознакомиться, и в совокупности они составляют такую критическую библиографию всего спектра исторических сочинений, которая не может не заинтересовать даже обычного читателя.

Наш метод представления критической библиографии и критический отбор самих отрывков позволяют использовать цитаты не только из последних авторитетных источников в любой области, но и из работ великих историков прошлого. Таким образом, в случае древней истории, мы обращаемся к классическим авторитетам, где это возможно: Геродоту для персидских войн, Фукидиду для пелопоннесских войн, Ксенофону для более поздней греческой истории, Саллюстию, Цезарю, Ливию, Дионисию, Диону Кассию, Тациту, Аммиану и другим для римской истории; и так далее без ограничений. Геродот описывает битву при Фермопилах; Арриан рассказывает о славных деяниях Александра; Дионисий повествует историю Виргинии; Полибий показывает нам Ганнибала, пересекающего Альпы; Аппиан изображает падение Карфагена; Иосиф Флавий — падение Иерусалима; Зосим — падение Пальмиры. Таким образом, масса материалов из первых рук, большая часть которых до сих пор была абсолютно недоступна читателям на английском языке, а еще большая часть — доступна только в редких и дорогих изданиях, становится доступной даже для самых малообразованных. Но — что наиболее важно — такие материалы не предоставляются сами по себе, без поддержки. Они дополняются выводами последних исследований в различных областях. Так, чтобы привести лишь один пример, в истории ранней Греции цитируются не только Геродот, Фукидид, Диодор, Павсаний и другие древние авторитеты, но и целый ряд современных исследователей, от Митфорда, Тирлволла и Гроде до Куртиуса, Безольда, Бузольта, Геддеса, Шлимана, Махаффи, Берри и в целом последних исследователей в области классической археологии.

Благодаря этой системе проверки древних источников с помощью редакционной критики и других современных экспертных данных, иногда можно даже воспользоваться трудами людей, которые не являются в первую очередь историками, но которые, как и многие другие великие авторы, писали важнейшие эссе на исторические темы; таким образом, материал, в высшей степени живописный и интересный, часто представляется таким образом, который технический историк, каким бы великим ни был его научный авторитет, редко может повторить.

Еще одно особое достоинство этой системы заключается в том, что она позволяет нам сохранить образцы работ большого круга историков, чье влияние было велико и чьи сочинения ранее были стандартными, но чьи книги в целом были вытеснены более поздними работами. Некоторые из классических авторов являются тому примером. Некоторые из них действительно читаются студентами колледжей повсюду, но большая часть из них совершенно неизвестна среднему читателю, как будто они никогда не существовали. Кто читает Павсания, Диодора, Полибия, Аппиана, Диона Кассия, Дионисия, Элиана, Арриана, Квинта Курция или Зосима? Тем не менее, эти люди являются единственными оригинальными авторитетами, оставшимися нам во многих областях древней истории. Их работы являются источниками, которые современные авторы могут лишь пересказывать в своих произведениях о тех временах. Поэтому, безусловно, стоит обратиться к самим этим авторам и услышать их рассказ из первых рук, применив к нему корректирующее суждение более поздней критики, а не полагаться на простой пересказ какого-то современного составителя.

Почти такой же аргумент применим к частям работ некогда известных историков более позднего времени: таких историков, как Юм, Митфорд, Тирлволл и многих других. Их работы в целом больше не могут быть рекомендованы студентам, которые должны ограничиваться одним авторитетом, поскольку во многих частях их труды устарели; однако есть и другие части их работ, которые сегодня столь же ценны, как и в момент их написания, и кажется прискорбным, что великое имя может исчезнуть из общественного сознания только потому, что ход прогресса лишил его верховной власти. Неизбежно, что настоящее всегда будет занимать важное место в сознании человечества, а эгоизм будет с особой силой подчеркивать важность недавнего прошлого. «Каждое поколение отбрасывает идеи своих предшественников, как застрявшие корабли», — говорит Эмерсон. Однако не следует забывать, что потомки часто играют странные шутки с репутацией. Геродот был подвергнут насмешкам через несколько веков после своей смерти «ложному Плутарху», который известен сейчас только благодаря своей атаке на великого историка, в то время как критикуемое произведение, хотя и вызывавшее подозрения на протяжении нескольких поколений, спустя более двух тысяч лет ценится так же высоко, как и в день его написания.

Точно так же суждения нашего века специализации могут быть пересмотрены потомками; и в любом случае было бы прискорбно, если бы когда-то важная историческая работа была полностью забыта. Однако такая судьба угрожает произведениям любого уровня. Сборник Мюллера, содержащий фрагменты греческих историков, представляет собой лишь обрывки из сочинений более пятисот авторов, о которых ничего не известно — даже точный век, в котором они жили, — кроме того факта, что они написали произведения, единственными памятными следами которых являются эти фрагменты. Если бы удалось найти хотя бы одну страницу рукописи любого из этих авторов, сегодня она была бы оценена в разы дороже своего веса в золоте.

Точно такой же процесс разрушения постепенно уничтожает свидетельства исторических трудов писателей последних поколений даже сейчас. Размножение книг с помощью печатного станка, возможно, немного замедляет этот процесс, но он от этого не становится менее неизбежным. Значительное количество произведений, которые были известны полвека назад, сегодня абсолютно недоступны для потенциальных покупателей: даже крупные книжные рынки Парижа, Берлина и Лондона не могут их обеспечить или поставить. Несколько экземпляров этих произведений все еще сохранились в частных коллекциях и публичных библиотеках, но их судьба предрешена. Библиотеки созданы для того, чтобы сгорать. Когда-нибудь язык пламени уничтожит последний экземпляр любого произведения, изданного только в одном тираже, и автор станет отныне лишь именем и воспоминанием; или, если, по случайности, какой-нибудь современный Суидас или Стобей процитирует фразу из его произведения, эта фраза будет храниться в каталогах фрагментов историков XVIII и XIX веков. Для многих таких авторов настоящая работа может выполнять функцию Суиды или Стобея, поскольку на наших страницах будет представлен длинный список этих устаревших писателей — не всегда сохраненных из-за их антикварного интереса, но цитируемых в связи с событиями, касающимися, в отношении которых их авторитет по-прежнему является стандартом, и потому что считается, что в выбранных случаях их трактовка не превосходит никаких более поздних работ; иногда, с другой стороны, — но реже — цитируются из-за своеобразности их стиля, из-за архаичности мышления, через которое они отражают дух своего времени, или из-за их простой причудливости.

Но, подчеркивая универсальность вкуса, который оценивает материал по его достоинствам, не исключая ничего только потому, что оно старое, необходимо также подчеркнуть, что в основном такой отбор приводит к включению преимущественно недавнего материала. Каждое поколение строит на достижениях предыдущего, и работа в целом носит прогрессивный характер. Поэтому мы обращаемся не только к последним книгам, но и к недавним выпускам периодических изданий, публикациям научных обществ и т. п. И чтобы положить конец современности, величайшие живые эксперты в каждой области внесли свой вклад в виде оригинальных эссе и характеристик, в которых излагаются последние достижения. Эти материалы, в которых мастера своего дела обобщают результаты многолетних исследований, являются не менее ценной частью нашей работы.

Большая часть того, что было сказано до сих пор, подчеркивала вариативность или антологический характер нашей работы. Но очевидно, что существует и другая, совершенно иная точка зрения, с которой можно рассматривать нашу историческую структуру. Эта точка зрения рассматривает нашу историю не как компиляцию — антологию — а как совершенно новую и оригинальную работу. Небольшое размышление покажет, насколько оправдано наше обращение к этому аспекту темы. Ведь даже при самом беглом рассмотрении становится очевидным, что внутренние материалы, составляющие историю, могут быть как угодно обильными и ценными, но это ни в коей мере не предполагает, что составленная из них история будет художественным или ценным произведением, так же как обильное наличие кирпичей, мрамора и раствора не обязательно определяет постройку красивого здания. Материалы, безусловно, являются необходимыми условиями, но не менее важно умелое обращение с ними. Должен быть архитектор, который спланирует структуру в целом, и художники и ремесленники, которые выберут и обработают материалы в соответствии с планом, иначе результатом будет не здание, а куча кирпичей.

Поскольку мы довольно подробно остановились на основных материалах нашей исторической конструкции, необходимо столь же подробно остановиться на формировании архитектурного проекта — чтобы остаться в рамках нашей метафоры — в соответствии с которым материалы были сначала отобраны, а затем объединены с другими материалами; каждый камень не только отобран по надлежащему качеству и размеру, но и отточен и отполирован, чтобы вписаться в свою нишу.

Сравнение с архитектором, строящим здание, каким бы дешевым и банальным оно ни было, нельзя обойти, если мы хотим дать читателю яркую картину нашего метода строительства. Необходимо понимать, что независимо от того, хорош ли наш результат или плох, в нем нет ничего случайного, ничего произвольного. Мы не начали слепо искать материал, надеясь увидеть, как из хаоса сформируется художественная структура. Весь наш план был заранее продуман так же тщательно, как и план любого другого архитектора. Во-первых, был определен тип структуры: другими словами, объем нашего предмета — всемирная история; весь спектр важных событий в жизни человечества с древнейших времен до наших дней. Во-вторых, был определен приблизительный размер проектируемой структуры — ее площадь, высота, общая масса; или, говоря терминологией нашей конкретной структуры, количество томов, размер каждого тома, общая масса или количество страниц.

Затем были определены пропорции структуры, количество этажей и комнат на каждом этаже; относительные размеры и габариты различных отделов; или, говоря языком книг, пропорциональное количество томов или страниц, которые будут отведено каждому важному разделу истории: столько-то томов — Древнему Востоку, столько-то — классическому миру, столько-то — средневековью, столько-то — важным разделам современной истории.

Все это, повторим, было точно заранее определено до того, как был выбран хотя бы один блок материала для строительства. Это не означает, что в первоначальный план не было внесено абсолютно никаких изменений — пожалуй, ни один архитектор никогда не строил здание, в котором это было бы абсолютно верно; но верно то, что первоначальный план был настолько тщательно продуман, настолько хорошо обдуман, что изменения совершенно незначительны по сравнению с неизменными частями структуры. Этот момент следует подчеркнуть и четко помнить, потому что от него в значительной степени зависит наша уверенность в том, что мы создали сооружение, не лишенное художественных и правильных пропорций. Именно заранее определенные пропорции, и только они, могли сдерживать энтузиазм безудержной специализации и сохранить нечто похожее на истинную историческую перспективу. Снова и снова доказывалось, что специалист, когда он сосредотачивался на определенном периоде, находился в положении микроскописта, рассматривающего свой удивительно интересный микрокосм. Весь остальной мир на мгновение отгораживался от , и маленький круг микроскопического поля, который в реальности может иметь диаметр в одну сотую дюйма, возвышался перед взором под углом, который буквально заставлял его казаться затмевающим сам мир.

Итак, исторический исследователь, когда он погружается в литературу о каком-либо периоде — пусть даже о незначительном — оказывается окруженным грудой литературных кирпичей, которые закрывают от его взора целые горные хребты истории. Он сразу же требует — чувствует, что ему необходимо — место для своего увеличенного кротового холма; и только заранее определенные редакционные ограничения удерживают его от заполнения целых томов увлекательными историями о каком-нибудь незначительном королевстве, которое с точки зрения мировой истории заслуживает лишь нескольких страниц. Консервативная оценка фактов заключается в том, что нет такого периода в нашей истории, по которому не было бы собрано в десять раз больше материала, чем можно было бы использовать в *полном объеме*. Чертеж архитектора всегда лежал открытым на редакционном столе, а линейка и циркуль всегда были готовы сдерживать и контролировать чрезмерный энтузиазм работника, чье рвение в противном случае привело бы его к тому, что он представил бы мегалиты там, где спецификация требовала, а план позволял использовать только крошечные кирпичи.

Что касается того, были ли планы архитектора по сути хорошими, требовали ли спецификации кирпичи там, где они были логически необходимы, и мегалиты на своем месте, — эти вопросы здесь не будут рассматриваться. Но можно сказать несколько слов о руководящих мотивах, которые доминировали в концепции и которые, как можно надеяться, никогда не упускались из виду. Этих руководящих мотивов два: во-первых, надежда достичь высокого уровня исторической точности в самом критическом понимании этого термина; во-вторых, желание сохранить как можно больше человеческого интереса в самом широком и лучшем смысле этих слов. Для достижения первой из этих целей необходимо быть свободным от предрассудков, иметь неустанный энтузиазм в сборе свидетельств, обладать научной и критической проницательностью в оценке доказательств; для достижения второй цели необходимо, чтобы родственные способности применялись не к фактам истории, а к литературному представлению этих фактов, чтобы хорошая и правдивая история не была испорчена в процессе ее изложения.

Стремление быть свободным от всех предрассудков в оценке исторических фактов является, таким образом, ключевой нотой всей нашей философии исторической критики; а стремление сохранить интерес — человеческий интерес — является ключевой нотой нашей философии исторического сочинения.

Для достижения любой из этих целей, пожалуй, наиболее необходимо всеобъемлющее сочувствие. Не должно быть расовых предрассудков, национальных предрассудков. Не должно быть попыток очернить или обелить исторических персонажей в соответствии с личными предубеждениями. Не должно быть никаких особых аргументов за или против какой-либо формы правления, какой-либо расовой склонности или какого-либо индивидуального поступка. Одним словом, во всех областях должна быть свобода от предрассудков, за исключением, конечно, предрассудков в пользу общих принципов права, в отношении которых все цивилизованные нации всех эпох были практически единодушны. Но поступки, мотивы, суеверия всех времен и всех рас должны рассматриваться, насколько это возможно, через ту же прозрачную призму беспристрастности. Как между египтянами, ассирийцами, евреями, индусами, персами, монголами — тот, кто хочет создать всемирную историю поистине всеобъемлющего характера, не должен иметь никаких предвзятых мнений или предубеждений.

В равной степени необходимо быть свободным от предубеждений в отношении различных классов идей. «Все, что касается человечества, интересует меня» — таков должен быть девиз редактора. Некоторые люди интересуются только военными событиями, сражениями, договорами и т. п.; другие заботятся только о конституционных и государственных делах; третьи же думают в основном о литературе и искусстве или о науке. Но редакционный дух всемирной истории должен демонстрировать универсальность вкусов, восприимчивую ко всему этому. Ксеркс в Фермопилах и Эсхил, пишущий свою трагедию «Персы»; Александр, оплакивающий Гефестиона, и Фидий, строящий Парфенон; Август Цезарь, спорящий с Антонием о господстве над миром, и Дионисий, рассказывающий о мифах раннего Рима; Ричард Львиное Сердце, ведущий крестовый поход, и Данте, оживляющий итальянский язык; все эти и подобные темы на протяжении всей истории должны в равной степени, пропорционально своему относительному влиянию, вызывать сочувственное внимание историка. С таким же рвением он должен рассказывать о предполагаемых беззакониях Мессалины или Екатерины Медичи и о благородном самоотречении Корнелии; о корысти Цезаря и самоотречении Цинцинната или Святого Людовика. Руководствуясь здравым смыслом, он должен стремиться избегать, с одной стороны, чрезмерной доверчивости невоспитанного ума, а с другой — догматического скептицизма, который так часто искажает суждения специалиста.

Но тогда, можно спросить, какова мораль нашей истории, нашей драмы? Должны ли мы довольствоваться представлением голых фактов и оставлять их философскую интерпретацию на волю случая? На это можно ответить, что в сознании большинства из нас глубокая философская идея — это та, которая согласуется с нашими собственными предубеждениями; другие взгляды являются поверхностными, извращенными или явно ошибочными. Поэтому мудрый интерпретатор истории будет крайне осторожен в выдвижении своих более или менее догматических интерпретаций событий, о которых он рассказывает. Из этого не следует, что нельзя высказывать никакого мнения; на самом деле, молчаливое выражение мнения подразумевается при выборе почти каждого отрывка. Но свидетели со всех сторон должны быть беспристрастно выслушаны в любом случае, когда невозможно достичь четкого баланса доказательств; а когда доказательства являются наглядными, они должны быть представлены со всей справедливостью, без оговорок и намеков, независимо от их кажущегося значения.

К счастью, изучение мировой истории само по себе способствует именно такой беспристрастности. Тот, кто внимательно следил за историей взлетов и падений народов, узнал, что человеческая природа везде в своей основе очень похожа; что ни одна раса, нация, даже отдельный человек не являются идеально хорошими или полностью плохими; что прошлое всегда было золотым веком для пессимистов, будущее — утопией для мечтателей, и что широкий оптимизм в отношении настоящего — вера в то, что в целом условия любого данного времени настолько хороши, насколько позволяет характер этого времени, — является, пожалуй, самой безопасной философией жизни.

В целом, мы можем быть довольны убеждением, что, каким бы незаметным ни было наше философское послание, внимательный читатель этих страниц не сможет не почувствовать великие уроки истории. Мы сильно ошибаемся в понимании смысла этой истории, если она в целом не способствует расширению кругозора, более истинному гуманизму, более высокой морали, личной и общественной; одним словом, более полноценному гражданству в самом широком и полном смысле этого слова. Действительно, для достижения уровня лучшего гражданства исторические исследования абсолютно необходимы. Никто не может иметь компетентного мнения о делах своей страны без таких исследований; никто не может быть справедливым судьей политических принципов партии, которую он поддерживает, или той, которой он противостоит, если он не подготовился к этому, изучив политические системы прошлого. «Если бы я начал раньше и потратил тридцать лет на чтение истории, — сказал Шиллер, — я был бы совсем другим и гораздо лучшим человеком, чем я есть». Вторя этим словам, мы можем сказать, что перспективы любого конституционного правительства были бы более радужными, если бы каждый молодой человек и каждый мужчина, который осуществляет или собирается осуществлять обязанности избирателя, и каждая женщина, чьи советы помогают или стимулируют отца, брата, мужа или сына к выполнению своих гражданских обязанностей, могли бы потратить не тридцать лет, скажем, а столько же недель на изучение истории народов. Маловероятно, что студент, который начал с такого старта, захотел бы остановиться на достигнутом. Он приобрел бы достаточно знаний, чтобы проявить живой интерес, и не потребовалось бы никаких побуждений, чтобы он продолжил; ведь панорама истории, как только мы немного вникнем в нее, раскрывая перед нами ее бесконечное разнообразие сцен, вряд ли может быть воспринята иначе, как с неугасающим интересом; если, конечно, вид не затуманен атмосферой, через которую он представляется. Чтобы предотвратить такое затуманивание, чтобы представить историю через прозрачное средство, необходимо только, чтобы повествование было верно фактам в представлении действительно важных тем. Именно это мы имели в виду, когда говорили, что интерес — человеческий интерес — является ключевой нотой нашей философии исторического сочинения. Редакция убеждена, что внимание, основанное на интересе, является основой умственного развития. Литературное произведение, лишенное интереса, может, конечно, служить полезной цели, но сфера его влияния с самого начала ограничена, если читатель должен относиться к нему как к заданию, а не как к развлечению. Интерес разрушает барьеры между работой и игрой. Интерес фиксирует внимание, а фиксированное внимание является основой запоминания.

Поэтому можно смело утверждать, что при отборе материала для нашей работы мы руководствовались принципом, что при прочих равных условиях лучшее описание любого исторического события — это самое живописное и увлекательное описание, ведь что, в конце концов, означает живописность, как не стремление к яркому воспроизведению реальности? Написанные слова предназначены для чтения, и любой писатель, который, как Полибий, презирает литературные изыскания, должен ожидать, что его в свою очередь будут презирать или, по крайней мере, игнорировать. Правильно представленное повествование об истории должно вызывать такой же захватывающий интерес, как и роман,

— ведь что может быть увлекательнее, чем правдивая история из жизни людей? В настоящей работе сделана попытка поднять историю до уровня художественной литературы с точки зрения интереса, не жертвуя при этом научной точностью. Здесь не приводится никаких сведений только потому, что они живописны, в ущерб более правдивому повествованию; но предпочтение всегда отдается яркому рассказу, а не скучному, если оба имеют одинаковую достоверность в отношении фактов. Чтобы еще больше усилить яркость изложения, повсюду вставлены иллюстрации. Всего их тысячи, взятых из самых разных источников и составляющих, как полагают, одну из самых замечательных серий исторических иллюстраций, когда-либо собранных.

В целом, можно сказать, что наша цель заключалась в том, чтобы драматизировать историю, ведь что такое драматизация, как не имитация жизни? Наши различные книги и разделы являются сценами для действий и сцен пьесы, и мы надеемся, что с помощью введений в виде пролога и иллюстраций, помогающих зрителю, персонажи будут двигаться по сцене перед читателем с яркостью живых актеров. Нельзя с уверенностью обещать, что в пьесе не будет скучных сцен, но мы надеемся, что в целом она будет легко читаться, как слова, «легко скользящие по языку».

В частности, мы надеемся, что наша драматизация истории представит события длинной пьесы в чем-то похожем на истинную перспективу, где крупные события занимают важное место в нашей истории, а менее значимые отходят на второй план. В помощь этому подходу, перед поднятием занавеса повсюду вводятся таблицы хронологии, если можно использовать нашу метафору. Это фактически списки действующих лиц. Даже второстепенные персонажи будут здесь названы, хотя они выступают только в качестве хора или произносят несколько реплик в пьесе, где главные герои будут доминировать над ситуацией, как они доминировали в реальной жизни и как они доминируют в памяти потомков. Александр, Цезарь, Карл Великий, Наполеон — такие фигуры будут занимать важное место в нашей исторической драме; однако никогда не будет забыто, что пьеса — это не монолог. Второстепенные актеры будут иметь возможность высказаться от начала до конца.

Из этого следует, что основная история нашей истории связана с деяниями людей действия. Но здесь, в самом начале, может возникнуть важный вопрос: являются ли деяния людей действия, в конце концов, великими событиями истории? Утвердительный ответ можно дать с большой уверенностью. Великие люди действия вырезают контуры истории. Высокая культура может возникнуть только на почве, удобренной материальным процветанием. Мечи Леонида, Фемистокла и Пausания должны обрезать дерево цивилизации, прежде чем цветок культуры Перикла сможет расцвести в Афинах. В анналах Рима до завоеваний и кровопролитий Мария, Суллы и Цезаря нет таких имен, как Ливий, Гораций, Овидий и Вергилий. Но поспешим добавить, что поступки людей действия никогда не могут быть правильно поняты, если не рассматривать их в связи с интеллектуальной и социальной средой, в которой эти люди действия действовали. Другими словами, нельзя игнорировать цивилизацию и культуру каждого последующего периода. Здесь они будут рассмотрены во всех фазах, насколько это позволяют ограничения пространства. Они создают атмосферу для нашей картины или, если хотите, декорации для нашей сцены.

Одним словом, наша работа, если ее замысел был реализован в действительности, становится всеобъемлющей историей прогресса человечества во всех сферах деятельности и мысли, рассказанной драматично и живописно, но в то же время авторитетно, словами великих исторических писателей всех веков. Возвращаясь к нашей метафоре, это книга о подлинной драме истории; единством действия является историческая правда, единством времени — эпоха человека, а сценой — мир.

КНИГА II. ВЗГЛЯД НА ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ

Полная история мира, строго говоря, должна начинаться с создания мира как среды обитания человека и проследивать каждый шаг человеческого прогресса с момента появления человека на Земле. К сожалению, современные знания не позволяют нам выполнить эту теоретическую обязанность. Сегодня мы знаем, что пробелы в истории эволюции человека, доступные нам сегодня, значительно превышают записанные главы; что, короче говоря, период, которым в настоящее время довольствуется история, является лишь мгновением по сравнению с огромными промежутками времени, которые, признавая наше незнание, мы называем «доисторическими». Но это признание ограниченности наших знаний является довольно недавним явлением — не более чем полувековым. До 1859 года христианский мир был уверен в том, что хронология истории человечества полностью известна, начиная с самого года его сотворения. Достаточно обратиться к первой главе Книги Бытия, чтобы найти в полевой заметке дату 4004 год до НАШЕЙ ЭРЫ, записанную с полной уверенностью как год появления человека на Земле. Там же можно найти краткое, но исчерпывающее описание того, как он появился, а также создания самой Земли, его места обитания. Как только что было сказано, до примерно полувека назад жители нашей части земного шара были уверены в том, что эта запись и эта дата являются частью нашего достоверного знания о истории человечества. Поэтому авторы общих исторических трудов начала XIX века начинают свои рассказы с сотворения человека в 4004 году до НАШЕЙ ЭРЫ и продолжают до наших дней, следуя полной и, казалось бы, достоверной хронологии.

С тех пор наши знания о мире и истории человечества значительно расширились, что привело к любопытному результату: сегодня никто не думает указывать точную дату начала истории человечества, разве что для того, чтобы отметить, что она, вероятно, уходит корнями в сотни тысяч лет назад. Историк, конечно, может говорить о датах, предшествующих 4004 году до НАШЕЙ ЭРЫ. Египтолог склонен датировать строительство пирамид на целую тысячу лет раньше. Ассириолог учится с определенной долей уверенности говорить о состоянии цивилизации в Халдее примерно 6000 или 7000 лет до н. э. Но он больше не считает эти даты близкими к началу истории. Он знает, что человек в ту эпоху, в центрах прогресса, достиг высокой стадии цивилизации, и он уверен, что было несколько тысяч веков более раннего времени, в течение которых человек медленно поднимался через дикость и варварство, о которых у нас есть только самые фрагментарные записи. Он не претендует на то, что знает что-либо, кроме как по умозаключениям, о «зарождении цивилизации» (). Куда бы он ни обратился в центрах прогресса, таких как Китай, Египет, Халдея, Индия, он находит самые ранние доступные записи, охватывающие в лучшем случае период всего лишь восьми или десяти тысяч лет, свидетельствующие о уже далеко продвинувшейся цивилизации. О точном происхождении любой из цивилизаций, с которыми он имеет дело, он не знает абсолютно ничего. «Сотворение человека» с его фиксированной хронологией — это глава, которая исчезла из нашей современной истории.

Тем не менее, для правильного понимания развития человеческой мысли, а также из личного интереса, важно иметь в виду отношение наших предшественников в области

исторической письменности к этой всегда интересной проблеме космогонии. Не только древние евреи считали, что они решили эту проблему. Действительно, как мы увидим, евреи были скорее распространителями, чем создателями истории космогонии, которую они сделали общепринятой; и каждая другая нация, достигнув определенной стадии умственного развития, по-видимому, создавала или заимствовала набор хроник, которые, адаптированные к потребностям каждой нации, объясняли создание Земли и ее человеческих обитателей способом, очень льстивым для самолюбия нации, дающей это повествование. Сегодня никто не воспринимает эти рассказы всерьез, как само собой разумеющееся, но, с другой стороны, они представляют постоянный интерес как исторические документы. По крайней мере, они интересны тем, что иллюстрируют прогресс человеческих знаний за относительно короткий период с тех пор, как эти странные рассказы стали широко распространенными.

ГЛАВА II

КОСМОГОНИЯ — ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА

Ни один мыслящий человек в любую эпоху не мог не задаваться вопросом о происхождении мира. Ответы, которые древние давали на этот вечный вопрос, были различны, но все они имели одну общую черту, а именно крайнюю неопределенность. Даже после того, как люди достигли относительно высокой стадии цивилизации, их представления о природных явлениях, окружающих их, были настолько проникнуты суеверием и настолько окутаны невежеством в отношении реальных причин, что их объяснения причин и следствий в природном мире относятся скорее к области поэзии, чем к области науки. Если это относится к таким явлениям, как ветер, облака, дождь и молния, проявления которых наблюдаются постоянно, то, естественно, это в десятикратной силе относится к великой тайне происхождения вещей. Однако человеческий разум, детски простой в своих вопросах, всегда требует ответа и принимает его, если он произнесен с определенной авторитетностью, с детской верой. Великие поэты и пророки всех древних народов давали, каждый по-своему, ответы на загадку космогонии, и многие из этих предполагаемых решений дошли до нас, давая нам представление о менталитете их времени. Стоит процитировать два или три из них в кратком изложении, хотя бы для того, чтобы показать их схожую тенденцию и подчеркнуть их общую черту — неопределенность.

Вот космогоническая схема финикийцев, переданная нам Санхониафоном:

«В начале всего было темное и ветреное воздыхание, или ветерок густого воздуха и мутный Хаос, напоминающий Эреб; и все это было безграничным и в течение долгого ряда веков не имело пределов. Но когда этот ветер влюбился в свои собственные первоначальные принципы (Хаос) и произошло тесное соединение, эта связь была названа Потос; и это было началом сотворения всего. Но он (Хаос) не знал своего собственного происхождения; и от его объятий с ветром родился Мот; которого некоторые называют грязью, а другие — гниением водянистой смеси. И от этого произошло все семя творения и рождение вселенной.

«И были некоторые животные без чувств, из которых были произведены разумные животные, и их называли Зофасемин, то есть созерцатели небес; и они были сформированы в форме яйца: и из Мота сияли солнце, луна, меньшие и большие звезды. И когда воздух начал давать жизнь, благодаря своему огненному воздействию на море и землю, появились

ветры и облака, а также очень сильные потоки и потоки небесных вод. И когда они были таким образом разделены и унесены с своих мест жаром солнца, и все снова встретились в воздухе и столкнулись друг с другом, в результате появились гром и молнии: и от звука грома вышеупомянутые разумные животные пробудились, испугались шума и двинулись по земле и по морю, мужчины и женщины».

Эта схема сотворения мира у финикийцев представляет особый интерес для западного мира из-за тесных отношений, которые существовали между финикийцами и евреями. По аналогичной причине идеи вавилонян и ассирийцев, записанные на так называемых табличках сотворения мира, найденных в Ниневии, заинтересовали библеистов.

Двигаясь еще дальше на восток, можно обнаружить у индусов несколько иную систему мышления, изложенную не менее поэтическим языком. Так, в одной из священных книг Брахма, Вечный Творец, представлен как создатель земли, увидевший свое отражение в океане пота, упавшего с его лба (Реклю).

Китайская космогония представлена в форме предполагаемых ответов на вопросы, заданные Конфуцием. Вот характерный отрывок в переводе Макклатчи:

«В начале Неба и Земли, до того как хаос разделился, я думаю, существовали только две вещи: Огонь и Вода; и осадок воды сформировал Землю. Когда мы поднимаемся на высоту и смотрим вниз, множество холмов по внешнему виду напоминают волны моря; Вода просто текла так: я не знаю, в какой период она застыла. Сначала она была очень мягкой, но потом застыла и стала твердой. Один спросил, напоминала ли она песок, выброшенный приливом? Он ответил: «Именно так: самый грубый осадок Воды стал Землей, а самая чистая часть Огня стала Ветром, Громом, Молнией, Солнцем и Звездами.

«Его спросили: «С момента создания Неба и Земли до настоящего времени прошло не 10 000 лет; я не знаю, как было до этого времени?». Он ответил: «До этого было другое ясное начало (*т. е.* другое Небо и Земля), подобное нынешнему». Когда его спросили, могут ли Небо и Земля полностью погибнуть, он ответил: «Нет, не могут, но когда человечество полностью деградирует, тогда все вернется к Хаосу, и люди и вещи перестанут существовать, и тогда Мир начнется заново». Кто-то спросил, как был создан первый человек, и он ответил, что путем трансмутации воздуха; тонкие части света и тьмы и пять элементов объединились и создали его форму. Буддисты называют это трансмутацией и созданием. В настоящее время вещи трансмутируются и создаются в изобилии, как вши.

«До того, как Хаос разделился, Светло-Темный Воздух был смешан и темный, а когда он разделился, в центре образовалось огромное и самое яркое отверстие, и были созданы два Е. Шао Кан-цзы считает, что 129 600 лет составляют Юэн (Кальпу); тогда, до этого периода в 129 600 лет, было другое отверстие и расширение Мира; а до этого было еще одно, подобное нынешнему; так что Движение и Покой, Свет и Тьма не имеют начала. Поскольку малые вещи предвещают великие, это можно проиллюстрировать на примере смены дня и ночи. То, что Ву-Фун говорит о Великом Прекращении всего Воздуха, об огромном и безграничном волнении всех вещей, о том, что вся поверхность вод меняет свое положение, горы разрываются на части, каналы стираются, люди и вещи приходят к концу, а древние следы уничтожаются — все это относится к полному разрушению мира Потопом. Мы часто видим на высоких горах раковины морских улиток и жемчужных устриц, как бы образовавшиеся посреди камней; эти камни были (частью) почвы прежнего мира. Морские улитки и жемчужные устрицы принадлежат воде; так что то, что было внизу, изменилось и стало высоким; то, что было мягким, изменилось и стало твердым. Это глубокая тема, и ее следует исследовать.

«На вопрос, существовало ли множество вещей до разделения Неба и Земли, он ответил: существовала лишь идея каждой вещи. Небо и Земля порождают все вещи, и на протяжении всего времени, древнего и современного, не могут быть отделены от всех вещей».

Следует отметить, что, иллюстрируя трудности перевода мысли одного языка на слова другого, г-н Ф. Х. Бальфур ставит под сомнение некоторые переводы каноника Макклатчи. Так, предложение, которое Макклатчи интерпретирует как «Во всей вселенной, где нет судьбы, нет воздуха, а где нет воздуха, нет судьбы», г-н Бальфур читает вместо «судьбы» «разум», а вместо «воздуха» — «материя», и предложение становится: «Во всей вселенной, где нет разума, нет материи, а где нет материи, нет разума». Такие расхождения в переводе вполне ожидаемы в случае любого восточного языка. Не забудем, как Джордж Смит, один из первых великих толкователей ассирийских табличек, прочитал еврейскую историю о саде Эдема в неясной формулировке клинописного документа, где, как быстро продемонстрировал Менант, автор документа сочинил совершенно другую историю. Это «чтение в Гомере того, чего Гомер никогда не знал» — слишком знакомая тема, чтобы требовать дальнейшего разъяснения, но особенно желательно иметь это в виду при рассмотрении философских и религиозных представлений любого чуждого народа.

Отворачиваясь от Востока, интересно расспросить греческих писателей о схемах сотворения мира, которые были распространены в классическую эпоху. В историях Греции и Рима у нас будет возможность рассмотреть их более подробно. Для настоящей цели, возможно, достаточно будет цитаты из Диодора, который писал с полным знанием как греческих, так и римских идей примерно в начале нашей эры.

Диодор начинает свою историю мира с краткого изложения современных представлений о сотворении мира. Он говорит: «О происхождении человека существует два мнения среди самых известных и авторитетных натуралистов и историков. Некоторые из них считают, что мир не имел начала и не будет иметь конца, и также говорят, что человечество существовало вечно и никогда не было времени, когда оно впервые появилось. Другие, напротив, считают, что мир был сотворен и подвержен тлению, и что было определенное время, когда люди впервые появились на свет; ибо вначале все вещи были смешаны, небо и земля составляли одну массу и имели одну и ту же форму. Но потом, по их словам, когда одно за другим появились телесные существа, мир наконец обрел тот вид, который мы видим сейчас, и что воздух находился в постоянном движении, его огненные части поднимались вместе на самое высокое место, его природа «по причине своей легкости» всегда стремилась вверх, по этой причине и солнце, и огромное количество звезд содержатся в этой сфере; что грубая и земная материя, сгустившись под воздействием влаги, по причине своего веса опустилась вниз, в это место, постоянно вращаясь. Море было образовано из влажной, а грязевая земля — из более твердой, но все еще очень мягкой, которая постепенно сначала стала коркой под воздействием тепла солнца, а затем, после того как поверхность земли высохла и, так сказать, забродила, влага впоследствии во многих местах всплыла на поверхность, как это можно увидеть в стоячих прудах и болотистых местах, когда, после того как земля промерзла, воздух внезапно нагревается без постепенного изменения, и поскольку влага порождает существ от тепла, то так созданные существа, увлеченные росой ночных туманов, росли и увеличивались, а днем затвердевали и становились твердыми от тепла солнца, и таким образом формы всех видов живых существ были выведены на свет, и те, которые имели больше тепла, поднялись ввысь и стали птицами и птицами воздуха, а те, которые имели больше земли, были отнесены к числу ползучих существ и других существ, полностью приспособленных к жизни на земле. Затем те звери, которые по своей природе были водными и влажными, называемые рыбами, поспешили к месту, естественному для них; и когда земля впоследствии стала более сухой и твердой под воздействием тепла солнца и сухих ветров, она не имела больше силы

производить более крупных живых существ. И Еврипид, ученик Анаксагора, кажется, придерживается того же мнения о первом поколении всех вещей, ибо в своей *«Мениппе»* он пишет следующие стихи:

«Смешанная масса

Небо и Земля когда-то были

Одной формы; но после разделения

Тогда люди, деревья, звери земные С птицами небесными

Впервые появились в одном поколении».

Но если кому-то кажется невероятной эта способность земли порождать живые существа в самом начале всего сущего, египтяне приводят свидетельства этой энергии земли, опираясь на то, что происходит там и по сей день; ибо они говорят, что около Фив в Египте, после разлива реки Нил, земля покрывается грязью и илом, многие места гниют под воздействием солнечного тепла, и там размножаются множество мышей. Поэтому несомненно, что из земли, когда она затвердевает, а воздух изменяется от росы и естественного темперамента, рождаются животные, благодаря чему в самом начале всего сущего из земли произошли различные живые существа. И таковы мнения о происхождении всего сущего».

Трудно сказать, в какой степени эта греческая концепция сотворения мира возникла под влиянием восточной концепции. Безусловно, сходство между этим описанием и рассказом Моисея, содержащимся в первых двух главах Книги Бытия, заслуживает внимания. Вполне вероятно, что идеи как евреев, так и греков в определенной степени были сформированы под влиянием египетской мысли. Как бы то ни было, именно схема космогонии, выраженная в еврейских легендах, стала доминирующей в постклассическую эпоху и беспрекословно господствовала в западном мире более тысячи лет. На самом деле, эта оценка времени реального господства еврейской мысли слишком занижена, поскольку эта мысль, хотя и подвергалась сомнению в некоторых своих чертах наукой эпохи Возрождения, которая положила начало периоду современной истории, тем не менее сохранила свое влияние на мысли людей, лишь немного ослабев, еще на полтысячелетия.

Только к концу XVIII века была сделана попытка заменить старые поэтические догадки о загадке творения научными, и прошло еще столетие, прежде чем новые объяснения полностью вытеснили старые. Именно Лаплас, великий французский математик, в конце XVIII века разработал так называемую туманную гипотезу, которую можно справедливо считать первой вполне научной попыткой объяснить происхождение мира. Гипотеза предполагает, что в неопределенно далеком прошлом вся солнечная система и пространство далеко за ее пределами были заполнены «огненным туманом», состоящим из вещества в газообразном состоянии, которое теперь образует Солнце и планеты. Это газообразное тело, сжимаясь из-за потери тепла и вращаясь вокруг своей оси, время от времени оставляло после себя последовательные кольца из собственного вещества, которые, уплотняясь, превращались в планеты; оставшееся ядро вещества в конце концов сжалось, образовав тело, которое мы называем Солнцем.

Наука XIX века разработала эту туманную гипотезу, не изменив ее существенно. Доктор Кролл и сэр Норман Локьер предприняли сложные попытки объяснить происхождение самого «огненного тумана», из которого, согласно гипотезе, образовались наша солнечная система и бесконечное множество подобных звездных систем. Метеорическая гипотеза Локьера предполагает, что первобытный огненный туман был результатом столкновения роя метеоров; теория Кролла постулирует столкновение темных звезд: но обе теории по

сути идентичны в своей основной идее, которая заключается в том, что ранее затвердевшие тела Вселенной становятся газообразными в результате взаимного столкновения, тем самым предоставляя материал для тех изменений, которые описаны в небулярной гипотезе Лапласа. Правдивая или ложная, эта гипотеза сегодня является выражением самого глубокого космогонического научного предположения, которое современная мысль смогла заменить поэтическими догадками древности.

Что касается создания живых существ на Земле, включая человека, то восточная идея, которая не давала никакого объяснения, а скорее скрывала полное невежество за ширмой категоричных утверждений, была в конце XIX века вытеснена научными объяснениями эволюционистов. Теория эволюции, впервые сформулированная в научных терминах в конце XVIII века старшим Дарвином, поэтом Гете и французским философским зоологом Ламарком, и получившая такое удивительное развитие благодаря теории естественного отбора Дарвина в 1859 году, полностью завоевала поле как объяснение развития человека через серию низших организмов. Но не следует забывать, что эта теория, со всеми ее революционными последствиями, пока не дает четкого научного объяснения происхождения самого низшего организма, который является первым в ряду живых существ. Этот последний шаг предстоит сделать науке будущего. Между тем, современная теория развития вполне достаточна, чтобы заменить научным объяснением происхождения человека причудливые фантазии древних мечтателей; а более смелые мыслители считают, что разрыв между неорганическим миром и самыми низшими предками человека не является непреодолимым препятствием для применения теории всеобщей эволюции.

ГЛАВА III

КОСМОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ — ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕИ

Неясные представления древних о происхождении мира были неразрывно связаны с их ограниченными представлениями о современном состоянии самого мира.

Любопытно подумать, насколько небольшая часть обитаемого земного шара была ареной всей той человеческой деятельности, записи о которой составляют древнюю историю. Египет, Месопотамия, Сирия, Греция и Италия в совокупности составляют лишь небольшой участок территории, окружающий Средиземное море. Персия и Индия, простирающиеся на восток, лежали где-то на границах мира, как его представляли себе даже в относительно поздние классические времена. Несомненно, с самого раннего времени между Индией и Западом существовали связи. Тем не менее завоевания Александра считались проникновением в доселе совершенно неизвестные регионы и открытием нового мира для греческой мысли. Аналогичным образом, два века спустя вторжение Цезаря в Британию привлекло внимание географов к регионам, о которых до того существовали лишь самые смутные представления.

Испания была давно известна благодаря исследованиям и торговым предприятиям финикийцев и греков, и когда она стала частью римской территории, она была так же хорошо известна, как Галлия или Британия. Но эти границы — Индия на востоке, Британия на севере, Испания на западе и Верхний Египет в направлении экватора — были пределами известного мира, как его понимали в классической эпохе. Расплывчатые предания, вероятно

основанные на фактах, записанных Геродотом, о том, что группа финикийцев выплыла из Красного моря и обогнула по воде весь южный континент, чтобы вновь появиться с запада у Геркулесовых столбов — или современного Гибралтара, — служили скорее подтверждением теории о том, что весь континентальный массив окружен всемирным морем, чем расширением географических знаний в каком-либо точном смысле.

Учитывая ограниченность древних географических знаний, удивительно, насколько четким, точным и правильным было представление классических географов о форме и даже, в общем плане, о размерах Земли. Безусловно, восточные мыслители применяли к космологии те же поэтические концепции, которые доминировали в других областях. Индусы представляли себе мир, покоящийся на спине гигантского слона, который, в свою очередь, стоял на спине черепахи и таким образом пересекал безграничное молочное море. Греческая мифология дает нам знакомый образ человеческого великана Атланта, поддерживающего мир. Но такие поэтические представления, каким бы влиянием они ни обладали когда-то у греков, были вытеснены до конца классической эпохи идеями строго научного характера.

Вскоре после начала христианской эры жил грек по имени Страбон, чей статус истинного научного географа с радостью признается и сегодня. Здесь уместно процитировать замечания Страбона о космологии, которые показывают, каких высот достигла наука география среди греков. С учетом изменений в терминологии другой эпохи, это такие вещи, которые мог бы сказать современный географ, но они были написаны более двух тысяч лет назад:

«Мы подробно рассмотрели эти темы в первой книге «Географии». В настоящее время мы сделаем несколько замечаний о совместном действии природы () и Провидения. О действии природы: все вещи сходятся в одной точке, а именно в центре всего, и принимают вокруг него сферическую форму. Земля — самое плотное тело и ближе к центру, чем все остальные: менее плотная и ближайшая к ней — вода: но и земля, и вода — сферы, первая — твердая, вторая — полая, содержащая в себе эту землю. О действиях Провидения, которое проявляет волю, склонно к разнообразию и является творцом бесчисленных произведений. На первом месте, значительно превосходя все остальное, находится порождение животных, из которых самые совершенные — это боги и люди, ради которых были созданы все остальные. Богам Провидение отредило небо, а людям — землю: крайние части мира, ибо крайние части сферы — это центр и окружность. Но поскольку вода окружает землю, а человек не является водным, а наземным животным, живущим в воздухе и требующим много света, Провидение сформировало на земле много возвышенностей и впадин, чтобы эти впадины принимали всю или большую часть воды, покрывающей землю под ними, а возвышенности поднимались и скрывали воду под ними, за исключением той, которая была необходима для использования человеческим родом и окружающими его животными и растениями.

«Но поскольку все вещи находятся в постоянном движении и претерпевают большие изменения (ибо невозможно, чтобы такие вещи такой природы, столь многочисленные и обширные, могли быть иначе регулированы в мире), мы не должны предполагать, что земля или вода всегда остаются в этом состоянии, сохраняя вечно одинаковый объем, без увеличения или уменьшения, или что каждая из них сохраняет одно и то же фиксированное место, особенно поскольку взаимное превращение одной в другую наиболее соответствует природе из-за их близости; но что большая часть суши превращается в воду, а большая часть воды становится сушей, точно так же, как мы наблюдаем большие различия в самой земле. Один вид земли легко крошится, другой — твердый и каменистый, содержит железо, и так далее. Существует также разнообразие в качестве воды: некоторые воды соленые, другие — пресные и пригодные для питья, третьи — лечебные, полезные или вредные, четвертые —

холодные или горячие. Удивительно ли поэтому, что некоторые части земли, которые сейчас заселены, раньше были заняты морем, а то, что сейчас является морями, раньше было заселенной землей? Точно так же когда-то существовавшие источники иссякли, а другие всплыли на поверхность; то же самое произошло с реками и озерами; кроме того, горы и равнины превратились друг в друга. Об этом я уже говорил подробно, а сейчас скажу следующее:

«Геометрия и астрономия, как мы уже отмечали ранее, кажутся абсолютно необходимыми в этой науке. Фактически очевидно, что без такой помощи было бы невозможно точно познать конфигурацию Земли, ее климат, размеры и подобную информацию.

«Поскольку размеры Земли были продемонстрированы другими авторами, мы здесь примем как данность и признаем точными их выводы. Мы также предположим, что Земля имеет сфероидальную форму, что ее поверхность также сфероидальна и, прежде всего, что тела имеют тенденцию тяготеть к ее центру, что ясно даже для самого среднего понимания. Однако мы можем кратко показать, что Земля имеет сфероидальную форму, исходя из того, что все вещи, как бы далеко они ни находились, стремятся к ее центру, и что каждый человек притягивается к ее центру тяжести; это более ясно доказывается наблюдениями за морем и небом, поскольку здесь требуются только свидетельства чувств и обычные наблюдения. Выпуклость моря является еще одним доказательством этого для тех, кто плавал по морю, поскольку они не могут видеть огни на расстоянии, когда они находятся на одном уровне с их глазами, но если поднять их выше, они сразу становятся видимыми, хотя и находятся на большем расстоянии. Таким образом, когда поднимаешь глаза, ты видишь то, что раньше было совершенно незаметно. Гомер говорит об этом, когда говорит:

«Поднимаясь на огромной волне, он быстро увидел вдали». Моряки, приближаясь к месту назначения, видят, как берег постоянно поднимается перед их взором, и объекты, которые сначала казались низкими, начинают подниматься. Наши гномоны, среди прочего, также являются свидетельством вращения небесных тел, и здравый смысл сразу показывает нам, что если бы глубина Земли была бесконечной, такое вращение не могло бы иметь место.

С точки зрения современных знаний поразительно, что такие правильные и научные взгляды на форму Земли были подчинены и, в конце концов, почти полностью вытеснены странными ошибочными представлениями восточных мечтателей. Случайная фраза из еврейских писаний относится к углам Земли, и этого было достаточно, чтобы распространить ложное представление о космологии, которое доминировало в мире на протяжении тысячелетия. Древнегреческая концепция никогда не исчезла полностью, как показала вера Колумба, но она была настолько подавлена под тяжестью церковной власти, что сохранялась только в виде единичных несогласных с идеями своего времени; и когда Колумб и Магеллан доказали ложность восточной концепции, а Коперник и Галилей еще больше революционизировали еврейскую концепцию, сторонники ложного взгляда сражались не на жизнь, а на смерть за концепцию, которая стала тесно связана с теми религиозными догмами, которые для них были священнее самой жизни.

В конце концов, конечно, победила истина, но только в XIX веке главные сторонники старой еврейской космологии официально отказались от своей позиции и признали, что Земля круглая и не является центром Вселенной.

ГЛАВА IV

ДРЕВНОСТЬ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА

Вообще говоря, древние народы гордились своей предполагаемой древностью. Понятия точной хронологии для длительных периодов времени практически не существовали. Полное понимание значения хронологии как фундамента истории было приобретено только в относительно современную эпоху. Цифры, которые древние использовали для обозначения своего национального существования, были очень приблизительными и страдали от той же неопределенности, которая характеризовала и другие их представления.

Геродот, основываясь на том, что он узнал в Египте, приписывал египтянам национальное существование в тринадцать тысяч лет. Диодор продлевает этот период до двадцати трех тысяч лет, а некоторые другие сообщения, распространенные в классическую эпоху, увеличивают эти цифры еще на десять тысяч. Даже это — скудный период по сравнению с утверждениями вавилонян, которые исчисляют годы существования своей нации в сотнях тысяч, а китайцы, как говорят, при подсчете своей истории не ограничиваются миллионами лет.

Вавилоняне были астрономами древности, и, несомненно, менее научные греки считали их знания о звездах чем-то совершенно оккультным и были готовы поверить почти любому хронологическому утверждению, выдвинутому вавилонянами. Римляне, будучи практичными людьми, какими они всегда были в период своего расцвета, были склонны с большим скептицизмом относиться к таким утверждениям. Цицерон заявляет о своем явном скептицизме в отношении утверждения, что вавилонские записи охватывают период в двести семьдесят тысяч лет. Однако его скептицизм, вероятно, был основан скорее на проникательной здоровой оценке человеческих дел, чем на каких-либо предвзятых представлениях о древности человека. Одним словом, древние как класс не боялись времени, и у большинства из них не было религиозных или иных предубеждений, которые ограничивали бы их оценку возраста нации или точного возраста самого мира. Позднейшие евреи были исключением из этого правила. В конце концов он стал рассматривать неясные исторические записи своего народа как священные книги, вдохновленные в каждом слове и подробно описывающие, среди прочего, точную генеалогию лидеров его расы от сотворения мира до его собственного времени. В действительности, вряд ли древний еврей придавал большое значение точному периоду времени, охватываемому его записями, поскольку, как уже было сказано, вопросы точной хронологии мало занимали умы людей в те времена; но в более позднее время исследователи еврейских записей пытались установить точный возраст Земли и точный период существования человечества, объединив различные разрозненные записи еврейских писаний, спустя долгое время после того, как современный исторический метод был тщательно применен ко всем другим доступным писаниям древности.

Эти письменные источники евреев считались особой категорией и рассматривались как обладающие подлинностью, которой не обладали никакие другие древние документы; и хотя ни два авторитетных учения, делая независимые вычисления, никогда не могли прийти к согласию относительно точных фактов, содержащихся в еврейской хронологии, тем не менее каждый выдающийся исследователь с полной уверенностью придерживался своей собственной оценки, и некоторые из них нашли школы последователей, которые с таким же рвением, как и сами учителя, боролись за точные даты, которые, по их мнению, были представлены в неясных еврейских оценках. В целом, эти оценки относят сотворение мира и человека к периоду примерно за четыре тысячи лет до нашей эры; год Потопа, который, как предполагалось, поглотил всех жителей Земли, за исключением одной семьи, по разным оценкам приходится на период между 3200 и 2300 годами до нашей эры. То, что некоторые из этих цифр отражают правду о периоде пребывания человека на Земле, стало принято во всем христианском мире как догмат веры, и подвергать его сомнению считалось ересью.

Более крупные цифры, которые использовали греки, египтяне, месопотамцы и другие народы, стали считаться абсурдными догадками, которые было бы кощунством поддерживать теперь, когда правда стала известна; и все же, как сегодня известно каждому, эти более крупные цифры, хотя и были неопределенными догадками, гораздо ближе к действительной правде, чем ограниченные числа, которые их заменили.

Изменение точки зрения, с которой современные историки рассматривают древнюю хронологию, было достигнуто в результате научного развития, продолжавшегося около столетия. Более точное знание космической схемы не привело к необходимому пониманию продолжительности времени, в течение которого эта схема действовала.

Лаплас, формулируя свою небулярную гипотезу, не мог точно сказать, сколько времени потребовалось для ее развития, и в его расчетах не было ничего, что пролило бы свет на древность Земли как обитаемой сферы.

Кювье, великий современник Лапласа, без сомнения, принимал небулярную гипотезу как достоверное объяснение происхождения мира, но он придерживался концепции о возрасте человека в шесть тысяч лет так же строго, как и любой средневековый монах. Кювье был первым, кто доказал, что некоторые окаменелые скелеты не принадлежали ни одному из существующих видов животных. Другими словами, он верил, что когда-то на Земле обитали расы огромных животных, но сейчас их представителей уже нет. Однако это не наводило его на мысль о том, что Земля была заселена в течение длительного времени, а лишь подтверждало, как он полагал, что действительно произошла великая катастрофа, подобная всемирному потопу. Осталось за Чарльзом Лайелом, известным английским геологом, работавшим в направлении, впервые предложенном другим великим англичанином, Джеймсом Хаттоном, доказать, что последовательные популяции Земли, останки которых найдены в ископаемых слоях, жили в течение огромных периодов времени и сменяли друг друга на Земле не в результате какой-либо внезапной катастрофы, а в результате медленных процессов естественного развития и упадка различных видов существ.

После доказательств Лайелла среди геологов произошла внезапная смена взглядов на возраст Земли, и в наши дни период, в течение которого Земля была заселена теми или иными видами существ, исчисляется не конкретными тысячами, а неопределенными сотнями тысяч или даже миллионами лет.

Последним убежищем для сторонников старой хронологии стало утверждение, что сам человек существует на Земле всего около шести тысяч лет, независимо от того, что могло быть правдой о его нечеловеческих предшественниках. Но даже от этого утверждения пришлось отказаться, когда исследования палеонтологов были направлены на изучение окаменелостей человека.

Исследования Шмерлинга, Буше де Перта, самого Лайелла и множества более поздних ученых показали, что окаменелые останки человека были найдены в смешанных слоях и на дне пещер в условиях, свидетельствующих об их чрезвычайной древности; и в течение четверти века после 1865 года, когда Лайелл опубликовал свою эпохальную работу о древности человека, новая идея полностью завоевала умы, и теперь никто больше не думает оспаривать чрезвычайную древность человека, как никто не думает ставить под сомнение большой возраст самой Земли. Конечно, никто больше не претендует на то, чтобы точно датировать первое появление человека. Новые цифры приобретают некоторую неопределенность, характерную для оценок вавилонян, но считается доказанным, что возраст человеческой расы исчисляется, по крайней мере, десятками тысяч лет. Единственными доступными в настоящее время подсказками, которые могут придать какую-то определенность расчетам, являются исследования египтологов и ассириологов.

В Египте, как мы увидим, найдены останки, которые относят историю цивилизации к примерно 5000 году до нашей эры, а в Месопотамии последние находки, как полагают, продлевают эту историю еще на две тысячи лет. Таким образом, человек существовал в состоянии высокой цивилизации в период, предшествовавший христианской эре примерно в два раза дольше, чем ранее считалось возрастом самой Земли.

Насколько древнее могут быть останки варварского человека, сохранившиеся в самых старых пещерах, можно только гадать, и попытки оценить это не имеют никакого смысла. История в ее обычном понимании касается только деяний цивилизованного человека; и, в самом деле, в некотором смысле такой ограниченный взгляд абсолютно навязан историку, поскольку только цивилизованный человек способен создавать записи, которые сохраняются на протяжении веков таким образом, чтобы рассказать последующим поколениям связную историю. Наконечники стрел и обугленные палки каменного века человека действительно являются доказательством того, что этот человек существовал и вел определенный образ жизни, о котором эти памятные предметы дают некоторые ясные намеки; но они не указывают путь, по которому мы могли бы надеяться проследить точную историю тех последующих поколений, с которыми человек каменного века был связан, например, со строителями египетских пирамид. Мы можем, конечно, в общих чертах проследить ход человеческого прогресса. Мы знаем, что, используя грубые каменные орудия, высеченные из камня, человек в конце концов освоил искусство полировки камней трением, что позволило ему изготавливать более совершенные орудия. Мы знаем, что позднее он научился плавить металлы, что было замечательным достижением; и когда это было достигнуто, мы можем предположить, что он довольно быстро развил смежные искусства, которые привели к более высокой цивилизации.

Исходя из этих знаний, мы говорим о палеолите или эпохе грубого камня, о неолите или эпохе полированного камня, о бронзовом веке и, наконец, о железном веке как о великих эпохах в прогрессе человечества. Но мы можем связать одну из этих эпох с другой только в самых общих чертах, и любая попытка составить точную хронологию в отношении них совершенно не удастся. Это не имело бы большого значения, если бы мы были уверены, что в каждом конкретном случае мы прослеживаем историю одной и той же отдельной расы на протяжении последовательных периодов; но на самом деле о такой единственности расы говорить не приходится. Есть все основания полагать, что каждая раса, которая когда-либо достигала более высокой цивилизации, проходила через эти различные стадии, но известные примеры американских индейцев, которые находились в грубом каменном веке, когда их континент был открыт Колумбом, и африканских и австралийских рас, которые даже сейчас не продвинулись дальше, иллюстрируют тот факт, что разные расы проходили через эти различные стадии развития в широко разнесенных во времени периодах, и лишают всякой уверенности любые попытки вычислить точную хронологию.

ГЛАВА V

РАСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И АРИЙСКИЙ ВОПРОС

Вопрос о расах человечества вызвал большое разнообразие мнений среди ученых и исследователей этнологии, и с самого начала следует признать, что пока не было сделано никаких окончательных выводов. Одни этнологи склонны рассматривать физические характеристики как основу для классификации, другие руководствуются в большей степени языком. На ранних этапах исследования библейские традиции оказали предвзятое влияние,

и с развитием науки этот вопрос в целом, по-видимому, стал более запутанным, а не более ясным. Некоторое время существовало единодушие в том, что египтяне и их союзники были хамитами, вавилоняне, евреи, финикийцы и их союзники — семитами, а все остальные неарийские расы объединялись в одну группу под названием туранцы. Однако в последнее время искусственный характер такой классификации становится все более очевидным, и все большее число людей склоняется к мнению, что все народы, проживающие в районе Средиземного моря, образуют одну расу, включающую в себя, как очевидно, представителей старых рас хамитов, семитов и ариев. Еще одна классификация группирует народы земли в соответствии с их различными стадиями цивилизации. Но, не пытаясь перечислить все предложенные системы, можно обобщить их, повторив, что не существует единой классификации, признанной всеми авторитетными исследователями в этой области.

Однако здесь, как и везде, наблюдается тенденция к сохранению старых систем и старых названий, и, несмотря на отказ от них со стороны новейших школ этнологии, классификация на хамитов, семитов, ариев и туранцев, без сомнения, по-прежнему пользуется наибольшей популярностью. В частности, арийская раса, к которой принадлежат все современные европейские расы, кажется, все больше и больше оправдывает свои претензии на признание. Благодаря относительно новой науке сравнительной филологии было доказано и теперь стало общеизвестным, что языки индусов и персов на Дальнем Востоке основаны на тех же принципах фонетики, что и греческий и латинский языки и их дочерние языки, а также язык великой германской расы.

Именно это родство языков является определяющей чертой арийской расы. Поскольку исторические исследования все более ясно показывают, что народ в своих странствиях, будь то как завоеватель или завоеванный народ, может принять язык другого народа, стало ясно, что классификация человечества, основанная на этнических чертах, не обязательно будет соответствовать классификации, основанной на языке. Поэтому филологи, которые придерживаются слова «арийский» или идеи, которую оно обозначает, в последнее время склонны настаивать, как, например, профессор Макс Мюллер в самых решительных выражениях, что, отстаивая арийскую расу, они имеют в виду исключительно группу людей, говорящих на арийском языке, совершенно не обращая внимания на физическое сходство этих людей. И именно в этом смысле, и только в этом, смуглая раса Индии должна считаться родственной светлокожей скандинавской; короче говоря, все народы современной Европы и классические народы древности должны быть смешаны в произвольном союзе с народами далекой Персии и Индии.

Хотя эта классификация, устанавливающая арийскую расу на основе языка, поддерживается всеми филологами и, действительно, поддается самой легкой проверке, наблюдается растущая тенденция к неодобрению использования самого слова «арийский». Это слово вошло в моду в то время, когда все считали, что родиной народа, к которому оно относилось, была Центральная Азия; долгое время считалось само собой разумеющимся, что это была колыбель арийской расы, отсюда и общее признание этого названия. Однако в течение последнего столетия предполагаемый факт азиатского происхождения ариев был поставлен под сомнение, и, по-видимому, растет число ученых, которые, основываясь на данных филологии, склонны полагать, что колыбелью этой расы — если это раса — была не Центральная Азия, а, возможно, Западная или Северо-Западная Европа. Мы не будем здесь останавливаться на обсуждении доказательств этой новой точки зрения; достаточно сказать, что эти доказательства кажутся весьма убедительными, если не окончательными.

Многим филологам, в том числе и тем, кто по-прежнему считает, что вероятность азиатского происхождения этой расы выше, теперь кажется целесообразным принять

название, значение которого вызывает меньше сомнений, и в последнее время стало довольно обычным заменить слово «арийский» сложным словом «индоевропейский» или, что, возможно, лучше, «индогерманский». Такое слово, очевидно, обобщает тот факт, что индийцы на Дальнем Востоке и германская раса на Дальнем Западе имеют язык, который в основном одинаков, не подразумевая при этом какую-либо теорию о происхождении или других отношениях этих широко рассеянных народов. Таким образом, это название имеет несомненный научный статус, что делает его привлекательным, но, тем не менее, оно слишком громоздко, чтобы сразу же заменить слово «арийский» в обычном употреблении. Более того, не кажется, что есть какие-либо веские причины для такой замены. Со временем слова очень часто приобретают значение, которое их первоначальное происхождение совершенно не оправдывает, и нет больше причин исключать слово «арийский», даже если будет абсолютно доказано, что Азия не была колыбелью индогерманской расы, чем есть причин отбрасывать очень большое количество слов греческого и латинского происхождения, которые широко используются в различных современных европейских языках. Действительно, можно считать само собой разумеющимся, что большинство людей, которым знакомо слово «арийский», не имеют такого предубеждения, которое это слово вызывает в умах специальных ученых, и в любом случае, когда явно отвергаются любые этнологические предубеждения в связи с этим словом, вполне оправданно для удобства продолжать использовать слово «арийский» в качестве синонима более сложного термина «индогерманский».

ГЛАВА VI О ДОИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Говорят, что под историей в обычном понимании обычно подразумевают исключительно деяния цивилизованного человека, но на самом деле объем истории, как она записывается в настоящее время, далеко не охватывает всю историю цивилизации. До начала письменной истории человек эволюционировал до стадии, на которой были достигнуты большинство величайших достижений искусства. То есть он овладел артикулированной речью. Он научился одеваться и строить жилища. Он знал, как использовать огонь. Он мог изготавливать орудия войны и мира. Он окружил себя домашними животными. Он пополнял свои запасы пищи, занимаясь сельским хозяйством. Он создал системы управления. Он знал, как украсить свое окружение с помощью живописи и декоративной архитектуры, и, наконец, что, пожалуй, самое важное, он изобрел искусство письма и довел его до совершенства.

Развитие этих искусств не является предметом истории как таковой, но не потому, что развитие этих искусств не составляло бы истинную историю, если бы ее ход был известен, а просто потому, что мы совершенно не знаем всех подробностей этого вопроса.

Однако, чтобы получить более четкое представление о состоянии человеческой культуры на заре истории как таковой, возможно, стоит бегло взглянуть на каждое из великих изобретений и достижений, от которых зависит вся структура цивилизации.

Во-первых, язык.

Возможно, самый большой шаг в истории прогресса человечества был сделан, когда появилась практика артикулированной речи. Было бы противоречиво всему, что мы знаем о человеческой эволюции, предполагать, что это развитие было внезапным или что оно одним махом превратило нечеловеческий вид в человеческий. Хорошо известно, что многие низшие животные способны общаться друг с другом способом, который предполагает по крайней мере неясную форму речи, и был поставлен вопрос, не артикулируют ли высшие виды обезьян на самом деле способом, строго сопоставимым с вокализацией человека. Как бы то ни было, остается очевидным факт, что один вид животных в очень далеком прошлом развил способность к вокализации в направлении артикулированной речи до такой степени, что со временем разрыв между этим видом и всеми другими увеличился до такой степени, что стал непреодолимой пропастью.

Без языка явного типа невозможны были бы даже зачатки цивилизации. Пожалуй, никто так убедительно не выразил ценность артикулированной речи в одной фразе, как Гердер, когда он сказал: «Лира Амфиона не построила городов. Никакая волшебная палочка не превратила пустыни в сады. Это сделал язык — великий источник социальности».

Очевидно, что если бы мы могли узнать историю эволюции артикулированной речи, она стала бы одной из величайших глав в истории человечества; но столь же очевидно, что мы никогда не сможем узнать эту историю, кроме как посредством умозаключений. Когда наступил рассвет истории как таковой, человек так долго практиковался в речи, что разработал бесчисленное количество языков, настолько сильно отличающихся друг от друга, что их легко классифицировать по нескольким основным типам. Изучая эти языки, филолог делает более или менее обоснованные выводы о более поздних этапах роста и развития языка. Но он не получает ни малейшего представления о тех ранних этапах развития, которые составляли происхождение или создание языка.

Второе. Одежда и жилье доисторического человека.

Ничто не удивляет исследователя древности больше, чем обнаружение в самом начале цивилизации таких памятников, как пирамиды и великие скульптуры Египта и Месопотамии. Но при кратком размышлении становится ясно, что человек должен был научиться строить жилища, а также одеваться, прежде чем он мог начать свое завоевание мира, которое было так далеко продвинуто еще до зарождения истории. Несомненно, первоначальная родина человека находилась в тропическом или субтропическом климате, и он не мог покинуть эти благоприятные регионы, пока не достиг значительного развития, почти первым шагом которого было приобретение средств защиты от холода. Как только идея такой защиты была усвоена, ее доработка была лишь вопросом времени. Удивительно наблюдать, насколько близко, как в отношении одежды, так и в отношении строительства, человек приблизился к современным стандартам в то время, когда он впервые создал монументальные или другие записи, которые дошли до нас.

Третье. Использование огня.

Столь же фундаментальным, как вопрос жилья и одежды, и даже более удивительным, если рассматривать его как изобретение, было признание пользы огня и разработка методов его произвольного получения. Возможно, что какой-то отдельный человек на относительно ранней стадии развития человечества разработал и довел до совершенства

эту идею, став фактическим изобретателем огня, примененного в человеческих целях. Если это действительно так, то величайшего изобретателя, чем он, не было. Но даже самое буйное воображение не способно предположить, где и когда мог жить этот человек. Однако не вызывает сомнений, что использование огня должно было быть хорошо известно самым ранним поколениям людей, которые пытались уйти далеко от тропиков. Одетый, имеющий жилье и огонь, человек был способен завоевать все регионы, но без огня он не осмелился бы бросить вызов зимам даже средних широт, не говоря уже об арктических регионах.

Без сомнения, самым ранним методом получения огня, который использовался на практике, было трение сухих палок, во многом по образцу, который до сих пор используется некоторыми дикими племенами. Очевидно, что кремний и сталь, которые на протяжении многих тысяч лет были единственным практичным средством получения огня среди цивилизованных народов, не могли войти в моду до железного века. Спички, которые в конечном итоге вытеснили кремний и сталь, были изобретены в XIX веке.

Четвертое. Орудия мира и войны.

Гигантский скачок произошел, когда человек впервые научился регулярно использовать дубинку, и, без сомнения, переход от дубинки к механически заостренному копыю был столь же долгим и трудным, как и эволюция от копья к современной многозарядной винтовке. Но еще до начала истории из дубинки развился боевой топор из металла, а из примитивного копья — металлическое копьё, стрела, меч и кинжал; лук, дополнением к которому была стрела, также давно был усовершенствован, и из него развились различные другие орудия войны, кульминацией которых стал гигантский таран.

Из орудий более мирного характера лодки различных типов обеспечивали средства передвижения по воде, а повозки с колесами и осями, действующие по тому же принципу, который используется и сегодня, были усовершенствованы, и оба эти вида транспорта использовались в некоторых своих вариантах как для военных целей, так и в мирных искусствах. Производство с самого начала включало в себя изготовление материалов для одежды, которое прошло путь от примитивного искусства обработки шкур до ткачества шерстяных тканей и тонкого льна, которые можно сравнить с продукцией современных ткацких станков. Камни обрабатывались и из них делали кирпичи, которые использовались в качестве строительных материалов. Принцип действия блока был хорошо понятен как средство, помогающее человеку в работе, а гончарный круг, с помощью которого изготавливались различные предметы быта, был удивительно похож на те, которые до сих пор используются для тех же целей. Во всех этих видах производства было достигнуто такое совершенство, что в течение нескольких тысяч лет прогресс в этой области был крайне незначительным. Только к концу XVIII века началась серия великих механических достижений с применением пара для привода машин, что революционизировало производство и впервые радикально изменило системы транспорта, которые были в моде до начала истории; а всего лишь несколькими веками ранее изобретение пороха преобразовало методы ведения войны, которые были в моде в течение аналогичного периода.

Пятое. Одомашнивание животных.

Если внимательно подумать, нетрудно представить, насколько революционным было одомашнивание животных. Первобытный человек сначала, вероятно, не имел представления о возможной полезности окружающих его животных, кроме как в качестве объектов охоты; но, несомненно, на очень раннем этапе у детей появилась привычка приручать или пытаться приручать таких животных, как волки, лисы и кошки различных племен, когда они были еще молодыми, так же как и сегодняшние дети любят делать то же самое. Это более быстро привело к ранней одомашниванию или полудомашниванию таких животных, как тот вид волка, от которого произошли различные породы собак. Считается, что собака была первым животным, которое стало по-настоящему одомашненным. Очевидно, что это животное могло быть полезно человеку в охоте даже на самых ранних этапах эволюции человека; и вполне возможно, что прошло много поколений, прежде чем какие-либо животные были добавлены в список спутников человека. Но большой шаг был сделан, когда травоядные животные, полезные не для охоты, а для получения молока и мяса в пищу, стали подчиняться человеку. С того дня человек перестал быть просто охотником и рыбаком; он стал скотоводом, и, начав вести пастушескую жизнь, он твердо встал на первую ступеньку лестницы цивилизации. В жизни пастушеского народа произошли очевидные изменения. Конечно, они могли оставаться кочевниками, но их странствия были ограничены новым фактором. Они должны были идти туда, где можно было найти корм для своих стад. Кроме того, огромное значение приобрели экономические факторы, связанные с тем, что стада одного народа становились естественной добычей менее цивилизованных народов того же региона. Поэтому возникла необходимость принимать меры для защиты стад, что неизбежно привело к усилению чувства общности. До этого, как можно предположить, одна семья могла жить самостоятельно, практически не сталкиваясь с вмешательством со стороны других семей. До тех пор, пока дичь была в изобилии и одинаково доступна для всех, не было никаких причин, по которым одна семья должна была бы систематически вмешиваться в дела другой, за исключением отдельных случаев, когда возникали ссоры строго личного характера. Но пастушеская жизнь внесла элемент соперничества, который неизбежно привел к постоянной опасности войн и, как следствие, к растущей необходимости в таких совместных действиях со стороны многочисленных семей, которые составляли основу первобытного правительства. Любопытно поразмышлять об этих двух противоположных результатах, которые, вероятно, стали почти прямым следствием введения обычая одомашнивания животных для пропитания. С одной стороны, рост духа войны между племенами, с другой — развитие духа племенного единства, зародышей национальности.

Естествоиспытатели много размышляли о точном происхождении различных пород домашних животных. В общем плане можно сказать, что Азия является великой родиной домашних животных как класса. Возможно, собака является потомком какого-то европейского волка и, вероятно, стала спутницей человека еще до той великой гипотетической миграции ариев на восток, которая, по мнению современных этнологов, предшествовала азиатскому заселению этой расы. Кошка, вероятно, также является потомком европейской дикой кошки, но овцы, коровы, ослы и лошади, а также домашняя птица, почти несомненно, имеют азиатское происхождение. Из них лошадь, вероятно, была одомашнена последней, поскольку мы видим, что египтяне не использовали это животное до относительно позднего этапа исторического периода, а именно до примерно XX века до нашей эры. Это не означает, что лошадь была неизвестна азиатским народам до столь позднего периода, но это указывает на относительно недавнее использование этого животного по сравнению, например, с использованием крупного рогатого скота, который был завезен в Египет до начала исторического периода. С начала истории к списку одомашненных животных не было добавлено ни одного важного животного и только одна птица — индейка.

Шестое. Сельское хозяйство.

Исследования филологов позволяют с уверенностью утверждать, что после перехода к скотоводческому образу жизни прошло много времени, прежде чем человек стал земледельцем. Доказательством этому служит, например, тот факт, что греки и римляне используют слова, очевидно имеющие одно и то же происхождение, для обозначения различных одомашненных животных, в то время как подобная единообразия не наблюдается в названиях культурных злаков или сельскохозяйственных орудий. Теоретические соображения о вероятном состоянии скотоводческого человека приводят к тому же выводу, поскольку разрыв между кочевым образом жизни владельцев стад, главной заботой которых было найти пастбище, и постоянным проживанием земледельческого народа действительно велик. Конечно, самые ранние земледельцы, возможно, не были строго постоянными жителями какого-либо конкретного района; он мог мигрировать, как птицы, в зависимости от сезонов и полностью менять регион своего проживания из года в год, но по самой природе дела он должен был оставаться на одном месте в течение нескольких месяцев подряд, то есть от посева до сбора урожая; и для людей с кочевыми инстинктами это вмешательство в их желания могло быть чрезвычайно раздражающим, не говоря уже о работе, связанной с возделыванием почвы. Но как только преимущества производства растительной пищи по заранее разработанному плану, вместо зависимости от нестабильных даров природы, были полностью поняты и оценены, был сделан еще один большой шаг вперед в направлении окончательной цивилизации. Между прочим, можно добавить, что это дало еще один стимул для одного племени грабить другое и, наоборот, еще один мотив для укрепления уз племенного единства.

Сельскохозяйственные растения, как и домашние животные, практически все имеют азиатское происхождение. Однако есть три важных исключения, а именно кукуруза среди зерновых и два сорта картофеля, все из которых являются коренными для Западного полушария и, следовательно, были неизвестны цивилизованным народам древности. За исключением этих трех видов, все важные сельскохозяйственные растения были известны и культивировались в течение бесчисленных поколений до начала исторического периода.

Седьмое. Правительство.

Мы только что видели, как введение одомашненных животных и сельскохозяйственных растений, должно быть, повлияло на общинные привычки первобытного человека в направлении создания местного самоуправления. Есть основания полагать, что до принятия этих мер наиболее развитой формой человеческого поселения было племя или клан, состоящий из членов одной семьи. Единицей этого поселения была сама семья, во главе которой стоял мужчина, который был одновременно кормильцем, защитником и хозяином. Поскольку различные члены семьи держались вместе, подчиняясь стадному инстинкту, который человек разделяет с большинством животных, было естественно, что один из членов клана считался лидером всего клана. В обычном порядке вещей таким лидером был самый старший мужчина, основатель первоначальной семьи; но, вероятно, существовала постоянная тенденция, когда молодые мужчины с ярко выраженными способностями стремились к лидерству и отбирали у патриарха его право на господство.

Однако такая власть, будь то по праву возраста или по праву превосходных способностей, в ранние времена, должно быть, была очень ограничена по своему объему, поскольку первобытный человек по необходимости в значительной степени полагался на свои собственные усилия как для добывания пищи, так и для защиты себя и своей ближайшей семьи от врагов, и в таких условиях, должно быть, развивалась независимость характера, подразумевающая нежелание подчиняться авторитарной власти другого человека. Только когда пастушеская и земледельческая фазы цивилизации полностью устоялись, общины достигли таких численных размеров, что вопрос о лидерстве в клане стал постоянно выходить на первый план; и, без сомнения, очень долгая серия внутренних конфликтов и революционных разногласий должна была предшествовать окончательному признанию того факта, что ни одна большая община людей не может стремиться к чему-либо подобному целостности без четкого признания какой-либо централизованной власти. В условиях ранних этапов цивилизации, когда человек подвергался набегам врагов, было вполне естественно, что эта централизованная власть была предоставлена человеку, чье признанное мастерство в войне вызывало уважение и восхищение со стороны его соплеменников. Так возникла система монархического правления, которая, как мы видим, была полностью установлена во всех древних народах, когда они впервые вышли из мрака доисторического периода. Медленные шаги прогресса, благодаря которым права личности стали более сбалансированными по отношению к всепоглощающим узурпациям монарха и небольшой группы его сторонников, составляют один из главных элементов истории, которая будет раскрыта на наших страницах. Но в начале истории нет никаких признаков этой реакции. Монарх является всевластным; его подданные кажутся просто марионетками в его руках.

Восьмое. Искусство живописи, скульптуры и декоративной архитектуры.

Изобразительные фрагменты из слоновой кости и рога оленя, найденные в пещерных отложениях каменного века, являются достаточным доказательством того, что человек рано развил в себе желание и способность рисовать. Несомненно, на протяжении последующих поколений пещерные жители более или менее стабильно совершенствовали это искусство, хотя свидетельства такого прогресса в большинстве своем утрачены. Однако памятники Египта и Месопотамии сохранились в достаточно полном виде, чтобы доказать, что графическое искусство достигло действительно высокой степени развития еще до окончания доисторического периода. Однако справедливости ради следует добавить, что в этом направлении изменения в первые века исторического периода были гораздо более значительными, чем изменения в прикладных искусствах.

Уже в IX веке до н. э. ассирийцы развивали искусство барельефной скульптуры таким образом, что оно представляло собой удивительный прогресс по сравнению со всем, что, по разумным предположениям, могло быть создано доисторическим человеком, и всего три века спустя наступил кульминационный период греческого искусства, который ознаменовал этап почти революционного прогресса.

Девятое. Искусство письма.

Еще одно искусство следует упомянуть даже в самом беглом обзоре. Это самое позднее и в некоторых отношениях величайшее из всех — искусство письма. В некотором смысле это искусство является лишь развитием искусства рисования, но это развитие имеет настолько важные последствия, что его вполне можно считать отдельным. Более того, оно привело к результатам, настолько важным для историка и настолько непосредственно связанным со всеми нашими будущими исследованиями, что нам следует рассмотреть его более подробно.

Все различные фазы доисторической культуры, которые мы только что рассмотрели, оставили более или менее смутные воспоминания, служащие ориентиром для исследователей более поздних эпох; но материалы для собственно истории начали накапливаться только после того, как человек научился выражать свои мысли в письменной форме. Несомненно, первые шаги в этом направлении были сделаны в очень ранние времена. Мы видели, что пещерные люди даже создавали графические, хотя и примитивные изображения, в том числе сцены охоты, которые по сути имеют ту же цель и в определенной степени тот же результат, как если бы события были описаны словами. Несомненно, после каменного века не было поколения, которое бы в той или иной степени не прибегало к графическому изображению идей.

Значимое значение имеет известная история, рассказанная Геродотом о послании, отправленном скифами Дарию. Напомним, что скифский гонец принес тело птицы, мыши и лягушки, а также связку из пяти стрел. На вопрос о значении этого странного подарка гонец ответил, что его инструкции состояли в том, чтобы преподнести предметы и удалиться. Дарий и его офицеры были очень озадачены, пытаясь истолковать это послание. Сам Дарий был склонен рассматривать его как признание со стороны скифов того, что они признают его владыкой своей территории, земли, воды и воздуха; но один из офицеров великого царя дал другое толкование, которое вскоре было принято как правильное. По его мнению, сообщение означало, что, если персы не научатся летать по воздуху, как птицы, рыть землю, как мыши, или нырять в воду, как лягушки, они не смогут уклониться от стрел скифов. Мисс Амелия Б. Эдвардс в своей замечательной книге «Egypt» (Египет в древности) высказала несколько предположений о том, как именно птица, мышь, лягушка и стрелы были представлены Дарию. Она полагает, что они были прикреплены к куску коры или, возможно, к фрагменту шкуры в фиксированном положении, так что фактически становились иероглифами. Вопрос интересный, но не имеет жизненно важного значения, поскольку точный способ представления никоим образом не изменил бы смысл, а лишь повлиял бы на готовность его интерпретации. Настоящий интерес заключается в самом факте передачи идей с помощью символов, что составляет суть искусства письма.

Можно предположить, что примитивные методы передачи сообщений, подобные методам скифов, практиковались более или менее независимо и с большей или меньшей степенью изощренности варварскими и полудицилизованными племенами повсюду. Хорошо

известный случай с американскими индейцами, которые обычно посылали пояс из ракушек и стрелу в качестве объявления войны, является наглядной иллюстрацией этого. С цивилизованной точки зрения, разница между таким представлением материальных объектов и использованием примитивных изображений вместо самих объектов не кажется очень большой. Однако, без сомнения, это был чрезвычайно трудный разрыв. Приняв эту идею, любой мог соединить лягушку, птицу, мышь и стрелы, но лишь немногие обладали художественными навыками, необходимыми для создания достаточно узнаваемых изображений этих предметов. Правда, пещерные люди гораздо более раннего периода развивали способность рисовать очертания таких животных, как олень и мамонт, с удивительной достоверностью. Профессор Сейс сделал из этого вывод, что средний человек, живший в пещерах Франции в ту далекую эпоху, мог рисовать так же хорошо, как средний француз сегодняшнего дня; но даже беглый анализ показывает, что имеющиеся факты ни в коем случае не дают оснований для столь радикального вывода. Нет никаких доказательств и нет никаких оснований полагать, что рисунки пещерных людей, дошедшие до нас, являются произведениями обычных людей того периода. Напротив, гораздо более вероятно, что они были созданы не обычными людьми, а художественными гениями своего времени — Микеланджело, Рафаэлем или, если хотите, Ландсиром, Боннером и Коро.

Нет никаких оснований полагать, что обычный пещерный человек мог нарисовать сцену охоты на оленя или знаменитую картину с мамонтом, так же как нет оснований полагать, что обычный француз сегодняшнего дня мог бы нарисовать *«Конную ярмарку»*. Поэтому нет оснований полагать, что обычный скиф мог бы сделать себя столь же понятным для Дария, нарисовав картинки вместо того, чтобы отправить реальные предметы, хотя вполне возможно, что среди скифских орд были люди, которые могли бы это сделать. Идея таких изобразительных идеограмм, по-видимому, еще не пришла в голову скифам, но эта идея была реализована за много веков до этого другими народами, находившимися на более высоком уровне цивилизации. По крайней мере за четыре тысячи лет до эпохи Дария вавилоняне, над потомками которых должен был править персидский царь, изобрели или разработали пиктографическое письмо и довели его до такой степени совершенства, что оно могло передавать не только общие понятия, но и тонкие оттенки значения. Египтяне, вероятно, в столь же далеком периоде, разработали, по-видимому, независимую систему пиктографического письма и довели ее до удивительной степени совершенства.

Известно по крайней мере еще три системы пиктографического письма в усовершенствованных формах, а именно: система, использовавшаяся хеттами в Западной Азии, система китайцев и система мексиканских индейцев в Америке. Невозможно установить, когда именно были введены эти системы, равно как и доказать полную независимость различных систем, но все они были разработаны в доисторические периоды. Нет никаких оснований сомневаться в том, что в каждом случае пиктографическое письмо изначально состояло из простого графического изображения объекта, представляющего идею, связанную с этим объектом, точно так же, как скифы нарисовали мышь, птицу, лягушку и стрелы, чтобы передать сообщение Дарию. Несомненно, прошло неопределенное количество времени после того, как использование таких идеограмм стало модным, прежде чем был сделан следующий большой шаг, который заключался в использовании изображения не только для представления какой-либо идеи, связанной с изображенным объектом, но и для представления звука. Вероятно, первые шаги в этом развитии были сделаны благодаря попытке изобразить имена людей. Поскольку имя человека часто представляет собой сочетание слогов, не имеющих самостоятельного значения, было очевидно сложно изобразить это имя в виде изображения, и все же, по сути дела, имя человека часто могло составлять наиболее важную часть записи. Рано или поздно эта проблема была решена, как доказывают египетские иероглифы, путем принятия системы

фонетики, в которой определенная картинка обозначает звук каждого слога имени. Изображения, выбранные для такого слогового использования, обычно выбирались потому, что название объекта, представленного изображением, начиналось с данного звука. После введения такой слоговой системы ее очевидная полезность привела к ее применению не только для написания имен собственных, но и для общих целей письма.

Оставался еще один шаг, а именно, провести окончательный анализ звуков, который сводит множество слогов к примерно двадцати пяти элементарным звукам, и признать, что, предоставив символ для каждого из этих звуков, можно отказаться от всей громоздкой структуры идеограмм и слогов. Египтяне провели этот анализ еще до начала истории и создали алфавит, но, как ни странно, они не отказались и в последующие времена не отказались от системы идеограмм и слогов, которые отмечают этапы эволюции алфавита. Вавилоняне в начале своего исторического периода разработали наиболее сложную систему слогов, но их письменность не достигла стадии алфавита.

Внедрение алфавита с исключением более примитивных методов было подвигом, совершенным в исторический период финикийцами, некоторые детали которого мы рассмотрим позже. Этот подвиг по праву считается одним из величайших достижений всего исторического периода. Но эта оценка не должна заставлять нас забывать о том, что египтяне и вавилоняне, а вероятно, и китайцы, обладали полностью разработанными системами письменности задолго до самого начала того исторического периода, о котором мы все время говорим. Действительно, как уже было сказано, настоящая история не могла начаться, пока отдельные человеческие деяния не стали записываться в письменной форме.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЯ ЕГИПТА

Основана главным образом на следующих источниках

Х. К. БРУГШ, Э. А. УОЛЛИС БАДЖ, К. К. БУНСЕН, Ж. Ф. ШАБА, АДЛЬФ
ЭРМАН, К. Р. ЛЕПСИУС, А. Э. МАРИЕТТ, Г. К. К. МАСПЕРО, ЭДУАРД
МЕЙЕР, В. М. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ, ДЖ. ГАРДНЕР УИЛКИНСОН

ВМЕСТЕ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

ЕГИПТА КАК МИРОВОГО ВЛИЯТЕЛЬНОГО

АДОЛЬФОМ

АДОЛЬФА ЭРМАНА

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

КЛАВДИЯ ЭЛИАНА, У. М. БЕЛОУ, СВЯЩЕННОЙ БИБЛИИ, Ж. Б. БИОТА, СЭМЮЭЛА БИРЧА,
ДЖ. Ф. ШАМПОЛЬОНА, ДИОДОРА СИКУЛСКОГО, ГЕОРГА ЭБЕРСА, АМЕЛИИ Б.
ЭДУАРДС, РОБЕРТА ХАРТМАННА, А. Х. Л. ХИРЕНА, ГЕРОДОТА,
ФЛАВИЕМ ИОСЕФОМ, Х. ЛАРЧЕРОМ, ДЖ. П. МАХАФФИ, МАНЕТО,
АММИАН МАРКЕЛЛИН, ДЖОН МАУНДЕВИЛЛ, МЕЛА
ПОМПОНИЙ, Л. МЕНАРД, ПАУСАНИЙ, ПЕТРОНИЙ, ПЛИНИЙ,
Плутарх, Р. Покок, Пьер Лепаж Ренуф,
И. РОСЕЛЛИНИ, Э. ДЕ РУЖЕ, К. САВАРИ, Ф. ВОН
ШЛЕГЕЛЬ, Г. СЕРГИ, СОЛИН, СТРАБОН, ИСААК
ТЕЙЛОР, ТУРИНСКИЙ ПАПИРУС И
ДИНАСТИЧЕСКИЕ СПИСКИ КАРНАКА, АБИДОСА,
И САККАРЫ, А. ВИДЕМАНН,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС И
ТОМАС ЯНГ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.,
Автор: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ЕГИПЕТ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ЕГИПЕТ КАК МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ. АВТОР: Д-Р АДОЛЬФ ЭРМАН	57
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕГИПТА	65
ГЛАВА I. ЕГИПЕТСКАЯ РАСА И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ	77
ГЛАВА II. ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО МЕМФИС	90
ГЛАВА III. ДРЕВНЕЕ ФИВАНСКОЕ ЦАРСТВО	106
ГЛАВА IV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ	126
ГЛАВА V. XIX ДИНАСТИЯ	141
ГЛАВА VI. НАХОДКА ЦАРСКИХ МУМИЙ	155
ГЛАВА VII. ПЕРИОД УПАДКА	162
ГЛАВА VIII. ЗАВЕРШАЮЩИЕ СЦЕНЫ	180
ГЛАВА IX. ОБЫЧАИ И НРАВЫ ЕГИПТЯН	196
ГЛАВА X. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ	219
ГЛАВА XI. ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА	240
ГЛАВА XII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ ИСТОРИИ ЕГИПТА	263
ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ	267
ПРИЛОЖЕНИЕ В. ПРОБЛЕМА ЕГИПЕТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ	287
КРАТКИЙ СПРАВОЧНЫЙ СПИСОК АВТОРИТЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ	293
ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ЕГИПТА	295

Древний и современный Египет

ЕГИПЕТ КАК МИРОВАЯ СИЛА ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-РОМ АДОЛЬФОМ ЭРМАНОМ

Профессор египтологии Берлинского университета; директор Берлинского египетского музея; член Королевской Прусской академии наук, Берлин, и т. д.

Страны, заложившие основу нашей цивилизации, не являются теми, через которые проходит транспортный поток из страны в страну. Ни Вавилон, ни Египет не лежат на одном из естественных транспортных путей мира; они находятся в укромных местах, окруженных горами или пустынями, а моря, омывающие их берега, таковы, что обычный моряк скорее избегает их, чем часто посещает.

Но именно эта изолированность, которая нам, с нашими современными представлениями, кажется препятствием для развития культуры, сыграла свою роль в продвижении развития человечества в этих древних землях; она обеспечила их жителям менее беспокойную жизнь, чем та, которая выпадает на долю народов, живущих в примитивных условиях. Египет, в частности, не имел ни одного определенного противника, никого, кто мог бы встретиться с ним на равных условиях поблизости. К западу от него простиралась пустыня, ведущая бесконечными блужданиями к малонаселенным землям. На востоке пустыня была действительно менее обширной, но за ней лежало Красное море, и тот, кто пересекал его, достигал лишь другой пустыни, аравийской пустоши. На юг на сотни миль простиралась бесплодная земля Нубии, где даже водный путь Нила не выполняет свою обычную функцию, так что народы Судана также отрезаны от Египта. И даже путь из Палестины к Нилу, который мы склонны считать таким коротким и легким, предполагал несколько дней марша через безводную пустыню и болотистую местность. Эти соседние страны,

бесплодные, как они есть, конечно, были заселены, но их жители были бедными кочевниками; они могли время от времени завоевывать Египет, но не могли нанести постоянный ущерб его цивилизации.

Таким образом, люди, жившие в Египте, могли беспрепятственно наслаждаться всеми благами, которые давала им их страна. Ведь в этой уникальной речной долине людям было легче жить и процветать, чем в большинстве других стран мира. Не то чтобы жизнь здесь была такой, как в тропических странах, где плоды земли просто падают в рот, а человечество развращается в приятной лени; житель Египта должен был возделывать свои поля, ухаживать за скотом, но если он это делал, то получал щедрую награду за свой труд. Каждый год река удобряла его поля, чтобы они приносили ячмень, полбу и корм для его волов. Он стал оседлым земледельцем, серьезным и трудолюбивым человеком, которому были избавлены от беспокойства и лишений, которые испытывали кочевые племена. Поэтому в этом месте рано развилась цивилизация, которая намного превосходила цивилизации других народов и с которой могла в какой-то степени соперничать только цивилизация далекой Вавилонии, где были несколько схожие местные условия. И эта цивилизация, а также национальные особенности египетского народа, которые шли рука об руку с ней, были настолько сильны, что смогли пережить даже тяжелую бурю. Давным-давно, в далекой древности, которая лежит далеко за пределами всех преданий, Египет однажды постигло то же бедствие, которое было суждено ему дважды в исторические времена — он был завоеван арабскими бедуинами, которые так долго господствовали над страной, что египтяне приняли их язык, хотя и изменили и адаптировали его при этом весьма любопытным образом. Это перенесение азиатского языка на африканскую почву является единственным, но зато неизгладимым следом, оставленным этим первобытным вторжением; во всех других отношениях завоеватели слились с египетским народом, которому они, как варвары, не могли ничего предложить. В идеях и воспоминаниях более поздних египтян нет ничего, что указывало бы на то, что бедуинский элемент был поглощен этой расой; несмотря на их язык, они представляются нам истинными детьми своей необычной страны, народом, для которого пустыня и ее обитатели являются чем-то чуждым и непонятным. То же самое, *с некоторыми изменениями*, произошло в полном свете истории при возникновении ислама; тогда тоже невоенная земля была покорена быстрым наступлением бедуинов, которые также навязали ей свой язык в дни своего правления; и все же египетский народ остается прежним, и люди, которые сегодня говорят по-арабски в долине Нила, имеют мало общего с арабами пустыни.

Задолго до периода, с которого начинается наше историческое знание, эти египетские земледельцы заложили основы своей цивилизации. Они по-прежнему ходили обнаженными и с удовольствием раскрашивали свои тела зеленым пигментом; их правитель по-прежнему носил львиный хвост на поясе и странный диковинный хохолок на голове; его скипетр по-прежнему был посохом, который можно было вырезать из дерева; но эти посохи уже правили обширными владениями, полными больших и малых поселений. И в каждом из них уже были дворяне, ответственные перед королем за управление им, с почтением смотревшие на его «великий дом» и платившие ему дань своим зерном и скотом. И посреди глиняных хижин в каждом месте стояла большая хижина с плетеными стенами, вход в которую был украшен шестами; это было не что иное, как святилище их бога. Они уже вырезали его изображение из дерева и носили его по городу во время праздников. Многообразны достижения, которых египтяне достигли к этому времени. Они превращают кремневые камни из пустыни в ножи и оружие высочайшего качества, из тростника из болотистой местности делают веревки, маты и лодки, они знакомы с искусством изготовления черепицы и глиняной посуды из глины. Они вырезают из дерева и слоновой кости, и их резные изделия уже имеют свой особый характер. Кроме того, они подготовили

почву для своих величайших достижений и научились записывать свои мысли с помощью небольших рисунков; письменность по-прежнему в основном пиктографическая, но уже сейчас некоторые конкретные рисунки используются для обозначения звуков.

На этот первобытный период египетской нации мы можем только смотреть издалека; мы не сталкиваемся с ним лицом к лицу до тех пор, пока два царства, на которые до сих пор была разделена страна, не были впервые объединены царем Менесом; это, возможно, произошло после середины четвертого тысячелетия. Это объединение, должно быть, дало сильный импульс жизни нации, и всего через несколько поколений после правления царя Менеса памятники, дошедшие до нас, демонстрируют большинство черт, характерных для египетской цивилизации в более поздние века. Мощь Египта () быстро растет; еще через несколько веков — в период, который мы привыкли называть Древним царством, — его развитие продвинулось так далеко, что теперь, кажется, нет ничего, что было бы вне его сил. Об этом свидетельствуют гигантские сооружения IV династии, чьи великие пирамиды бросают вызов времени. Как гордо и самосознательно должно было быть это племя, которое стремилось создать для себя вечный памятник! И если в последующие века эта страсть к грандиозному угасла, то это лишь признак дальнейшего развития нации; она устала от колоссальных масштабов и обратила свое внимание на более утонченную жизнь, изящество которой до сих пор смотрит на нас с памятников V династии.

Таким образом, даже в период Древнего царства Египет был страной с высоким уровнем цивилизации: централизованное правительство, высокий уровень технического мастерства, бурно развивающаяся религия, искусство, достигшее своего апогея, литература, стремящаяся к своей кульминации, — все это мы видим в его памятниках. Это раннее цветение, проявленное человечеством в то время, когда другие народы еще были погружены в зимний сон. Только в древней Вавилонии, где царили столь же благоприятные условия, народ шумеров достиг подобного уровня развития. Любой, кто сравнит эти две древние цивилизации Вавилонии и Египта, не может не заметить, что они имеют много общего в обычаях: в обеих странах печать отпечатывается на глине, и в обеих годах отсчитываются по определенным событиям. Идея о том, что между ними существовала какая-то связь и что тогда, как и в более поздние времена, продукты обеих стран распространялись по всему миру благодаря торговле, приходит на ум сама собой. Но существенных доказательств в поддержку этой гипотезы по-прежнему нет и, вероятно, никогда не будет.

Великая эпоха Древнего царства заканчивается крахом, государство распадается на составные части, а уровень цивилизации в провинциях быстро падает. Но он не менее быстро поднимается снова, когда в конце третьего тысячелетия до нашей эры Египет вновь объединяется под властью одного правителя.

Среднее царство, как мы обычно называем эту эпоху, является вторым периодом расцвета; действительно, это время, на которое египтяне последующих поколений смотрели как на классический период своей литературы; и много веков спустя школьники все еще терпеливо переписывали мудрые уроки, которые первый царь этого периода давал своему сыну, или приключения его современника Синухе, и тем самым учились изящному стилю, в котором египтяне Среднего царства были такими мастерами. Кроме того, это эпоха, в которой, насколько нам известно, египетское оружие впервые было принесено в более отдаленные земли; в это время Нубия стала египетской провинцией, и золото ее пустыни отныне принадлежало фараонам. Память об этом расширении влияния Египта сохранилась среди египтян более поздних времен, воплотившись в полумифической фигуре великого царя Сесостриса. Когда легенда сообщает, что этот монарх также подчинил себе далекие земли на севере, мы сейчас не имеем возможности судить, насколько правдива эта история.

Но мы можем видеть, что в то время Египет поддерживал торговые отношения со странами Средиземноморья, поскольку их изящные вазы были найдены в египетских мусорных кучах того периода и, возможно, были импортированы в долину Нила тогда, как и позже, в качестве сосудов для хранения деликатных иностранных масел.

Эти славные дни второго периода египетской истории длились всего двести лет, а затем снова наступил период политического упадка, и Египет на несколько столетий практически исчез из поля зрения. О его судьбе в этот промежуток времени мы знаем только одно: он вновь стал жертвой варварских завоевателей. Гиксосы — предположительно бедуинское племя из сирийско-аравийской пустыни — долгое время правили Египтом как его господа. Но власть этих варваров была, естественно, слабой, и пока иностранный великий царь пребывал в своем лагере в дельте, египетские князья правили как его вассалы в великих городах Египта. И когда, как и следовало ожидать, могущество варваров ослабло, могущество этих династов возросло, пока один из них, правивший в маленьком городе Фивы в далеком Верхнем Египте, не поднялся на такую высоту власти, что получил господство не только над другими князьями, но в конечном итоге и над самими гиксосами. Около 1600 года до н. э. Египет вновь стал свободным и оказался под властью той же верхнеегипетской династии, которая сделала имена его города Фивы и его бога Амона известными навеки. Начался Новый царство, величайшая эпоха в истории долины Нила.

Власть царства быстро расширялась за его пределы. Техутимос I и его сын, неутомимый воин Техутимос III, подчинили себе регион, простиравшийся на север до северной Сирии и на юг до Судана; Египет стал соседом царства Митани [или Митанни] на Евфрате, восходящей державы Ассирии и древней Вавилонии. Две древние цивилизации, которые развивались на протяжении тысячелетий в Месопотамии и долине Нила, таким образом, вступили в прямой контакт, и мы вряд ли ошибемся, если скажем, что в течение этих веков большая часть цивилизованного мира, наследниками которого мы являемся, сошлась воедино в общей жизни. В результате этих новых отношений между странами, вероятно, развилась оживленная торговля. Страны Средиземноморья, где в то время процветала так называемая микенская цивилизация, принимали в ней свое участие, о чем свидетельствуют многочисленные микенские сосуды, найденные в гробницах и руинах Нового царства, а также произведения египетского технического искусства, обнаруженные в центрах микенской цивилизации.

Влияние этих изменившихся отношений на Египет легко увидеть. Огромные богатства вливаются в страну и позволяют фараонам воздвигнуть гигантские сооружения тебанских храмов. Но в тот самый момент, когда дух древнего Египта находит свое великолепное воплощение в этих зданиях, он начинает терпеть утраты и изменения. Старая простая одежда больше не подходит для правителей столь великой империи; она должна уступить место более дорогой. Устаревший литературный язык, унаследованный от древних времен, постепенно вытесняется вульгарным языком. И если до этого времени египтяне с гордостью смотрели на все другие народы как на жалких варваров, то, встретившись лицом к лицу с не менее древней цивилизацией Вавилона и бурным ростом сирийской и средиземноморской культур, они, должно быть, поняли, что такое узкое мировоззрение несостоятельно. Сыновья азиатских вассалов Египта служат его царю, их дочери сидят в его гареме; сирийские наемники составляют один из полков его телохранителей, иностранные пленники работают на стройках, которые он возводит. Все его офицеры, военные и гражданские, побывали на азиатской земле, а его «писцы» умеют читать и писать клинопись Вавилонии. Не менее сильное влияние, должно быть, оказала и торговля, привлекавшая в Египет иностранных купцов; они привозили серебряные изделия, различные породы дерева, лошадей и волов, вино, пиво, масло и мази, а в обмен увозили разнообразные продукты египетской промышленности и ремесел. В конечном итоге не только исчезло их

традиционное опасение перед иностранцами, но и азиатская мода стала популярной среди образованных египтян. Они кокетничают иностранными ханаанскими фразами и считают допустимым молиться Баалу [Белу], Астарте и другим богам чужеземных народов. Азиатские певицы заменили старую египетскую арфу лирой своей родной страны, и многие интеллектуальные ценности, возможно, перекочевали в Египет вместе с их песнями.

Гораздо сложнее подробно оценить влияние египетского господства на Азию и Европу. Из находок, сделанных в этих странах, мы можем видеть, какое количество мелких египетских изделий из стекла и фаянса, серебра и бронзы было экспортировано в этот период, и мы можем сделать вывод, что именно в это время промышленное искусство Сиро-Финикии приобрело египетский стиль. Точно так же мы можем предположить, что именно тогда наша цивилизация переняла все те вещи, которые, несомненно, были изобретены или усовершенствованы на египетской земле и которые мы встречаем даже в самые древние греческие и этрусские времена — формы домашней мебели, колонн, статуй, оружия, печатей и многих других вещей, которые до сих пор играют свою роль в нашей повседневной жизни, хотя мы все не осознаем их египетского происхождения. В тот период, когда Египет занимал первое место в Азии и Европе, поток египетского влияния, должно быть, распространился на весь мир — поток, силу которого мы до сих пор можем только догадываться по оставленным им следам.

Что касается самых ценных знаний, которые другие народы могли почерпнуть у египтян, то мы не имеем о них никакой информации, хотя несомненно, что их интеллектуальное богатство, их религия и поэзия, их медицинские и арифметические навыки могли быть не менее широко распространены за пределами Египта, чем продукты их технического мастерства. Если, например, наша религия говорит нам о бессмертии души, более совершенном, чем меланхоличное существование теней, то эта концепция впервые встречается в древнем Египте; египетской же является и идея о том, что судьба умерших определяется жизнью, прожитой на земле. Эти концепции пришли к нам через иудейскую религию. Но не могли ли иудеи получить их из Египта, страны, которая так заботливо относилась к своим умершим? Бесшумные пути, по которым такие мысли переходят от народа к народу, действительно, невозможно проследить. Или, если многое в гномической поэзии евреев поразительно напоминает нам богатую пословичную литературу Египта, то идея искать ее происхождение в долине Нила возникает почти спонтанно. Здесь, конечно, у нас тоже нет доказательств; о таких связях можно только догадываться.

Таким образом, первая часть Нового Царства, или то, что мы привыкли называть XVIII династией, является одним из тех периодов, которые выделяются как способствовавшие прогрессу мира. Для самого Египта это сотрудничество с другими народами могло бы принести новое и более высокое развитие, если бы он был способен действительно ассимилировать приток новых идей. Но старая нация уже не была к этому способна; у нее не хватило сил, чтобы сбросить балласт, которым ее обременяли тысячелетия существования.

Около 1400 года до н. э. один из фараонов — Аменхотеп IV — действительно предпринял серьезную попытку порвать с обычаями и традициями и приспособить веру и мышление своего народа к новым условиям. Он попытался создать новую религию, в которой поклонялись бы только одному богу — Солнцу, божеству, которое могли бы одинаково почитать все народы его царства. И это звучит странно не по-египетски, когда гимны этому новому богу настаивают на том, что все люди, сирийцы, эфиопы и египтяне, одинаково дороги ему; он сделал их разными по цвету кожи и языку и поместил их в разные земли, но он одинаково заботится обо всех.

Но эта попытка четвертого Аменхотепа не увенчалась успехом, и дух древнего Египта восторжествовал над отвратительным еретиком. И этим триумфом судьба Египта была предрешена. Правда, в следующем столетии, при Сетосе и Рамсесе, он пережил период внешнего великолепия, о котором до сих пор свидетельствуют великие храмы Карнака, Луксора и Мединет-Хабу. Но это была иллюзорная слава. Египет был изношен и истощен; он больше не мог поддерживать свое политическое превосходство, его могущество пришло в плачевное состояние, а более молодые и энергичные народы Ближнего Востока заняли место, которое когда-то принадлежало ему. И с этим начинается долгая и печальная агония египетской нации. Главная власть переходит из рук царей в руки жрецов, от них — к командирам сирийских наемников; а затем Египет становится добычей эфиопских варваров, с которыми за него вступают в борьбу ассирийцы. В течение пяти долгих веков несчастная нация терпит эти бедствия, и, насколько мы можем видеть, они не приводят к каким-либо изменениям в ней; она, по правде говоря, полностью истощена.

После падения Ассирийской империи политическая ситуация вновь меняется в пользу Египта, и Псамтик I и его преемники возвращают ему богатство и власть. Но старая нация уже не умела мудро воспользоваться благоприятной судьбой; у нее не было собственных идей, и она не могла найти подходящую форму для своего нового великолепия. Египтяне довольствовались причудливым подражанием во всем Древнему царству, самому раннему периоду своей национальной славы, а современники Неку и Априса [Уах-аб-Ра] с удовольствием притворялись подданными Хеопса, носили титулы его двора и писали на языке и по орфографии, которые были в употреблении две тысячи лет назад. Ученый антиквариат является отличительной чертой этого последнего этапа развития Египта.

Конец VI века принес новые бедствия на эту землю. Камбиз завоевал ее, и она стала персидской провинцией. И хотя после многих тщетных попыток восстания она на время сбросила иноземное иго, около 400 года до н. э., тем не менее, через несколько десятилетий она снова попала в руки персов. С тех пор Египет никогда не имел правителя своей крови; он был несчастной добычей любого, кто решил его захватить.

Александр Македонский был первым, кому досталась эта страна, а после его смерти она стала достоянием его полководца Птолемея. В его семье она передавалась по наследству, пока в 30 году до н. э. не стала провинцией Римской империи. На всей ее территории в этот период процветало только одно место — новый порт Александрия, основанный великим царем на бесплодном западе дельты; он стал метрополией греческого мира, а его купцы и промышленники распространили свою торговлю по суше и морю на все стороны. Но эта же Александрия всегда была чем-то чуждым для Египта, и остальная часть страны не принимала участия в оживленной жизни, которая велась там; она выращивала кукурузу, лен и вино и поставляла их в римский мир, она процветала, но не столько для своей собственной выгоды, сколько для выгоды империи. Греческая культура проникала туда очень медленно, и даже в больших городах внутренних районов греческий язык и греческая религия никогда не были достаточно сильны, чтобы вытеснить местный язык и старую веру. Они постепенно влияли на нее, подобно тому, как современная европейская культура влияет на древнюю цивилизацию Дальнего Востока, но, как китайцы остаются китайцами, несмотря на железные дороги и телеграф, так и египтяне греко-римского периода упорно держались своих традиций. Они твердо придерживались всех национальных обычаев, которые понимали лишь наполовину; прежде всего, они придерживались своей древней веры. И все же к тому времени религия Египта была настолько дегенеративной и развращенной, насколько это вообще возможно. Как это часто бывает с устаревшими верованиями, ее странности процветали за счет ее здоровой стороны; кошки, змеи и крокодилы стали самыми священными существами в глазах простого народа, и процветали всевозможные суеверия. Хранителями этой религии были члены стереотипной иерархии, давно

утратившей связь с внешним миром; они поклонялись своим богам в соответствии со старой традицией, использовали богатые запасы храмов для строительства новых святынь в старом стиле и наслаждались своими щедрыми бенефициями под благосклонной защитой иностранного правительства.

Таким образом, Египет того времени давно лишился всякой жизненной силы; он продолжал существовать, но только потому, что старая нация утратила способность приспосабливаться к новому миру. И все же этот дряхлый египетский характер с его мертвой религией оказал необыкновенное очарование на пресыщенный дух римского мира. Поклонение Исиде и Серапису распространилось повсюду; везде египетские колдуны находили охотную публику для своих суеверий. Римские туристы посещали древнюю землю, с изумлением созерцали ее чудеса, а дома знатные люди строили себе виллы в египетском стиле и украшали их статуями из Мемфиса. Даже самые образованные люди считали Египет святой землей, где все было полно тайн и чудес, а благочестие и истинное поклонение богам имели свое место с древних времен. И даже после того, как мода на все египетское прошла, представление о Египте как о загадочной и священной земле осталось в сознании людей и передавалось из поколения в поколение. Впоследствии любое упоминание о древнем Египте вызывало ассоциации с тайнами, символизмом и эзотерической мудростью. И поэтому все, чему хотят придать ореол таинственности, предпочтительно происходит из Египта, как тайные ложи XVIII века, так и спиритуалисты и шарлатаны наших дней. Древний Египет приобрел эту репутацию, и хотя теперь, когда мы знаем его лучше, мы понимаем, что она мало соответствует его истинному характеру, все наши исследования не смогут развеять иллюзию двух тысяч лет. В будущем, как и в прошлом, отношение большинства людей к остаткам египетской древности будет выражаться в благоговейном трепете. Тем не менее, более уместным было бы другое чувство — чувство благодарности и почтения, подобное тому, которое может испытывать более позднее поколение к предку, основавшему свою семью и наделившему ее большей частью своего богатства. Ведь хотя мы редко можем с уверенностью сказать о какой-либо вещи, находящейся в нашем владении, что она является наследием, унаследованным нами от египтян, тем не менее никто, кто серьезно обращает свое внимание на такие вопросы, не может теперь сомневаться в том, что большая часть нашего наследия происходит от них. Во всех предметах, которые нас окружают сегодня, в каждом искусстве и ремесле, которым мы сейчас занимаемся, есть значительная и важная часть, унаследованная от египтян. И не менее очевидно, что мы обязаны им многими идеями и мнениями, происхождение которых мы уже не можем проследить и которые давно стали для нас естественной частью нашего собственного мышления.

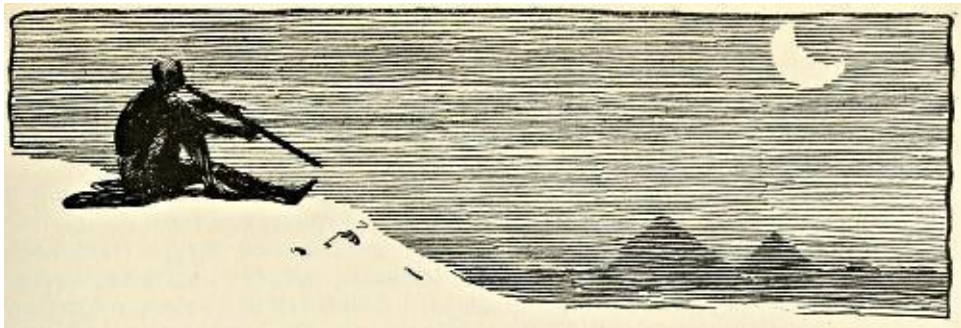
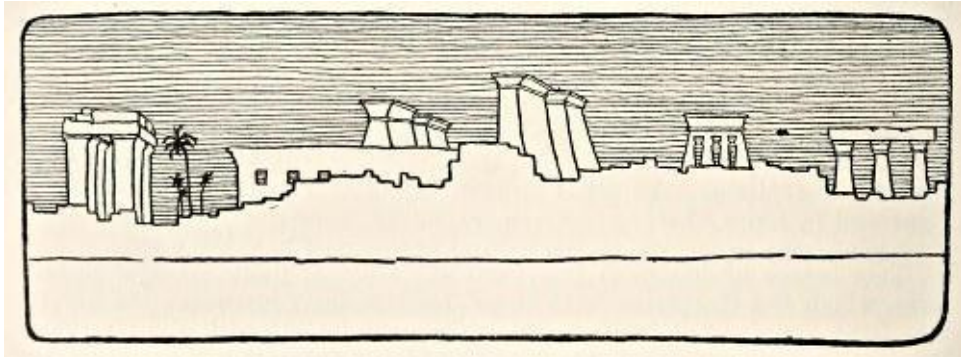
Это наследие идей, не меньшее, чем техническое мастерство и художественные формы, которое египтяне завещали нам, составляет их вклад в развитие человечества. Они не могут соперничать с греками в интеллектуальных дарах и никогда не обладали силой, определяющей ход истории, но они смогли раскрыть свои способности раньше других народов и тем самым заложили для мира прочную основу цивилизации.

Тридцать веков прошло с тех пор, как древний Египет выполнил свою истинную миссию для мира; с тех пор он едва ли сделал что-то большее, чем возделывал свою плодородную землю () на ее службе. Его существование тихо протекало, и все катастрофы, которые обрушились на него со времен Римской империи, не смогли вдохнуть в него новую жизнь. Христианство распространилось в Египте довольно рано, но философские труды, связанные с ним, являются делом образованных эллинистических классов, а не самих египтян. То, что эти последние добавили к христианству, а именно отшельническая и монашеская жизнь, нельзя отнести к его достоинствам. А когда в V веке египтяне откололись от католической церкви, варварский элемент, которому с тех пор поддалась нация, окончательно

восторжествовал. Связь, которая связывала египтян с европейской цивилизацией, была разорвана, и арабское завоевание только закрепило этот разрыв.

Это же арабское завоевание, которое на протяжении веков дошло до того, что лишило древнюю нацию ее древнего языка и навязало новую веру подавляющему большинству ее жителей, оказалось бессильным вдохнуть в нее новую жизнь. Внешне Египет стал арабским, но египтяне имели лишь очень небольшую долю в интеллектуальной жизни арабского средневековья, долю, вероятно, не намного большую, чем та, которую они имели в александрийской культуре.

В наши дни египетской нации вновь предоставляется возможность пробудиться к новой жизни. Она снова связана с Европой, и ее процветание развивается с поразительной быстротой. Со всех сторон на древний народ обрушиваются новые влияния, и мы хотели бы надеяться, что теперь он наконец пробудится к новой жизни. Но, к сожалению, эта надежда имеет мало шансов на осуществление, и все будет повторяться так, как это было давным-давно в греко-римские времена. Иностранцы будут процветать в Египте и приносить в него оттенок своей цивилизации, а достижения европейской цивилизации будут вызывать у египтян глубокое сочувствие. Но сама нация останется неизменной, она больше не поднимется, она изжила себя, и ее интеллектуальные способности исчерпаны. В будущем египетская нация, вероятно, не будет делать для человечества ничего больше, чем усердно снабжать его хлопком и луком, как она делает это сегодня.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕГИПТА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

До недавнего времени было принято считать, что история Египта представляет собой единый период. До нашего поколения никому не было по силам осознать всю необычайную продолжительность этой истории; а если и были люди, которые это осознавали, то общее мнение большинства не позволяло принять их оценку. Однако теперь ограничения во времени больше не являются страшилищем для историков, и мы начинаем осознавать всю важность того факта, что, говоря об историческом Египте, мы имеем в виду эпоху, продолжавшуюся не менее четырех тысяч лет. До открытий XIX века историки располагали лишь скудными материалами, касающимися эпох, предшествовавших троянской войне, которая обозначила крайнюю границу исторического взгляда в Греции; но теперь мы понимаем, что люди, построившие пирамиды в Египте, были по крайней мере так же далеки от Гомера, как Гомер от нас: и сказать, что за пирамидами скрывается огромный отрезок египетской истории, — это всего лишь выражение исторической банальности, поскольку никто больше не предполагает, что народ, недавно вышедший из варварства, мог создать такие сооружения.

На протяжении всего классического периода о истории Египта было известно очень мало, за исключением того, что содержалось в фрагментарных остатках Манефона и более подробных описаниях Геродота и Диодора. Конечно, были и другие упоминания, но для

получения всесторонних знаний об истории этой страны необходимо было понимать египетский язык и расшифровывать иероглифы, а в классический период никто не обладал такими знаниями.

С классической эпохи до начала XIX века знания о древнеегипетской истории практически не пополнялись. Стимулом к приобретению новых знаний послужила в основном египетская экспедиция Наполеона. В состав французской экспедиции входили различные ученые, которые совместными усилиями изучали древности и перевозили как можно больше из них в Париж. В последнем отношении экспедиция потерпела неудачу, как и в некоторых более важных деталях, из-за вмешательства британцев, в результате чего некоторые из наиболее важных древностей, в том числе ставший впоследствии знаменитым Розеттский камень (), оказались в Британском музее. Однако большое количество материалов было перевезено в Париж и заняло ученых Франции примерно на одно поколение до окончательной публикации результатов в монументальном труде.

Но еще до этой публикации, благодаря усилиям Томаса Юнга в Англии и Шампольона во Франции, иероглифы были расшифрованы, и наконец почти неисчерпаемые словесные сокровища Египта стали доступны как свидетели истории. Вполне естественно, что в эту область пришло большое количество исследователей, и с тех пор до сих пор не было недостатка в египтологах ни в области исследований, ни в области интерпретации. В первой половине века среди них выделялись ученики Шампольона, итальянцы Росселлини и Сальволини. Но, пожалуй, самую важную работу проделал немец Лепсиус, который стал признанным ведущим египтологом своего времени и чья *работа «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien»* до сих пор остается одним из самых монументальных трудов по этой теме. В Англии сэр Дж. Гарднер Уилкинсон занялся изучением египетской жизни и на основе надписей на памятниках и изображений пришел к всестороннему пониманию египетских нравов и обычаев. Различные сотрудники Британского музея, начиная с Берча и продолжая Ренофом и Э. А. Уоллисом Баджем, внесли все более значительный вклад в наши знания об египетской археологии.

Страна Шампольона в более позднее время была достойно представлена Мариеттом и Масперо, а в Германии Дюмихен, Мейер и Видеман проделали огромную работу и написали множество трудов, первый из которых посвящен археологии, а два последних — истории. Но, пожалуй, никто другой не уделял столько внимания языку древнего Египта, как профессор Адольф Эрман. В область, которой занимался Уилкинсон в начале века, также вошел профессор Эрман, и самые последние и авторитетные исследования египетских нравов и обычаев — это те, которые он сделал на основе папирусов и монументальных надписей. Уилкинсон в значительной степени полагался на изобразительные представления, но Эрман смог выйти за их пределы и обратиться к более тонким и иногда более просветительским письменным источникам.

Что касается ранней истории Египта, то никто другой не провел столь исчерпывающих исследований, как профессор У. М. Флиндерс Петри, чьи публикации охватывают широкий спектр тем, от самых технических до относительно популярных. Однако для строго популярного изложения этой темы следует обратиться к работам Джорджа Эберса, барона Бунзена и Амелии Б. Эдвардс, а также к книгам сэра Дж. Гарднера Уилкинсона и работам профессора Адольфа Эрмана.

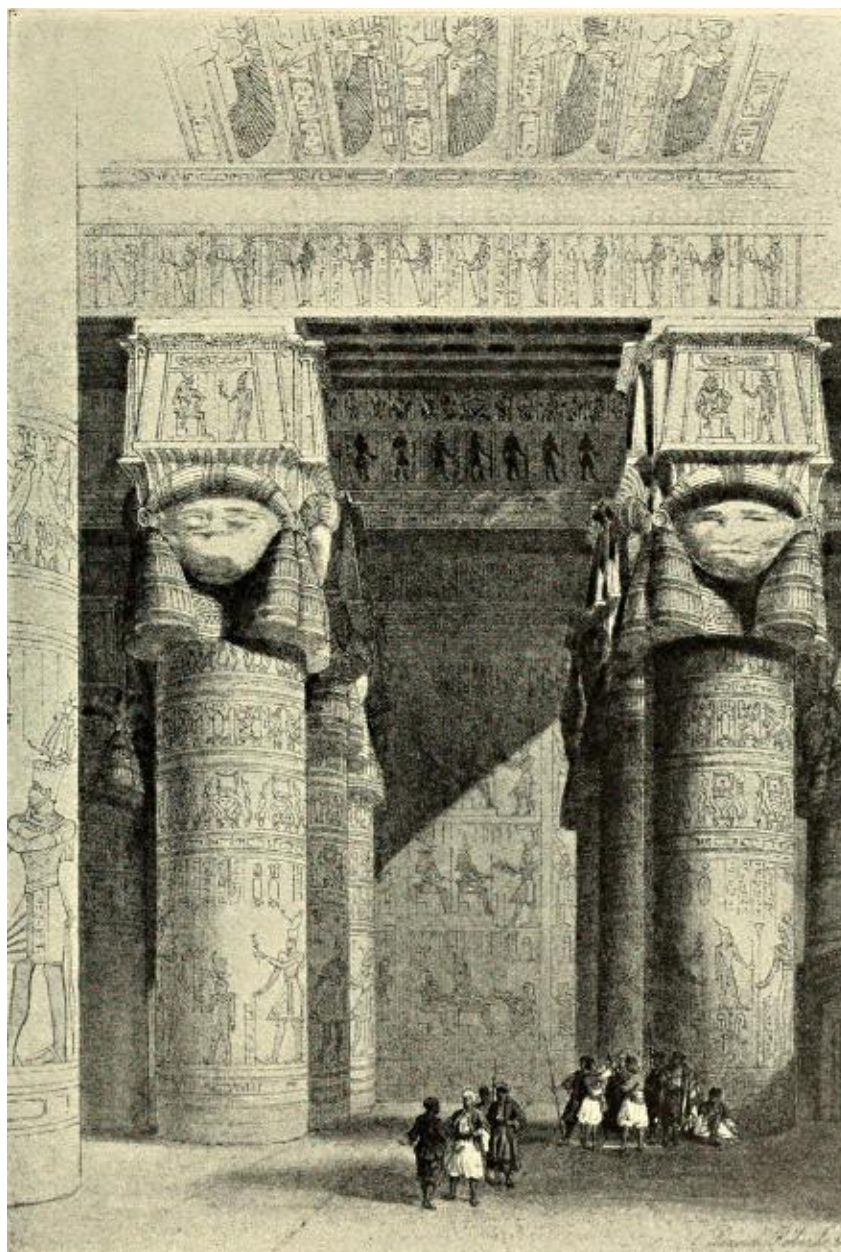
Более полное описание этих авторов и их работ, а также достаточно полная библиография по всей теме приведены в конце истории Египта. Характер материалов, с которыми работали египтологи при создании новой истории одной из древнейших цивилизаций, будет раскрыт по мере нашего продвижения.

Египтяне, о которых идет речь в истории, вероятно, являются результатом слияния коренной белой расы северо-восточной Африки и пришлого народа азиатского происхождения. В архаический период независимые цари правили в дельте Нила (цари Красной короны) и в Верхнем Египте (цари Белой короны). При царе Менесе две короны, вероятно, были впервые объединены, и начался династический период. Согласно египетским традициям, додинастический период был наполнен династиями богов и полубогов, которые, возможно, были первобытными вождями или племенными лидерами. Памятниками додинастического периода являются глиняные вазы, кувшины, скульптурные изделия из слоновой кости и кремневые орудия.

Династии, которые легли в основу всех классификаций египетской истории, основаны на списках египетского жреца Манефона, который написал историю Египта во времена Птолемеев. Оригинальное произведение Манефона до нас не дошло, и восстановить его *в полном объеме* из сохранившихся фрагментарных отрывков совершенно невозможно. Сочинения Иосифа Флавия и Евсевия являются нашими основными источниками списков Манефона, но Иосиф Флавий скопировал списки только частично, а Евсевий, по-видимому, знал их только из вторых или третьих рук, когда, как предполагается, они были несколько искажены в интересах еврейской хронологии. Тем не менее, династии Манефона, как мы их сейчас знаем, вероятно, не сильно отличаются от оригинальных списков. Бесспорно, они основаны на подлинных египетских документах, но среди египтологов существует значительная путаница и много разногласий по поводу того, были ли некоторые династии современными, и для многих периодов списки являются лишь предварительными.

Однако примечательно, что недавние открытия оригинальных египетских списков, таких как так называемый Туринский папирус и династические списки Карнака и Абидоса, подтверждают списки Манефона и показывают, что он был историком очень большого значения. Удобно также рассматривать крупные разделы египетской истории, отмеченные Манефоном, а именно: Древнее Мемфисское царство, включающее первые десять династий; Среднее царство или Древнее Фиванское царство, включающее XI–XVII династии; и Новое Фиванское царство, включающее остальные династии.^[1]

Что касается дат, использованных в следующей хронологии, необходимо дать небольшое пояснение. Ни списки Манефона, ни какие-либо другие доступные источники не позволяют нам в настоящее время с какой-либо точностью указать даты ранних периодов египетской истории. Мнения авторитетных источников о раннем периоде расходятся более чем на три тысячи лет. Так, Шампольон указывает дату 5867 г. до н. э. как начало I династии, а Уилкинсон указывает для того же события дату 2320 г. до н. э. Более поздние авторитеты в целом согласны с тем, что дата, указанная Уилкинсоном, является слишком поздней. Мейер устанавливает 3180 г. до н. э. как минимальную дату и, без сомнения, с готовностью признал бы, что вероятная дата гораздо более отдаленная. Для наших целей было решено принять промежуточную дату, которая в некотором смысле является средним значением между разными мнениями. Здесь в основном использованы даты Бругша, которые довольно точно совпадают с датами Мариетта и Петри, с некоторыми изменениями, необходимыми в связи с недавними открытиями, главным образом в отношении синхронизма с известными датами Ассирийской империи и других стран. Поэтому следует понимать, что все более ранние даты этой хронологии принимаются лишь как приблизительные, причем по мере приближения к более поздним векам приближение становится все более точным. В середине XVIII династии даты не могут отличаться более чем на двадцать лет, а начиная с XXII династии вероятная погрешность действительно очень мала и полностью исчезает с вступлением на престол Псамтека I из XXVI династии.

ХРАМ В КАРНАКЕ

Для настоящих целей нежелательно приводить полный список имен египетских царей. Более подробная информация о монархах и событиях будет представлена в других разделах нашего текста. Но целям нашего предварительного обзора лучше послужит сосредоточение внимания на более важных фараонах и основных событиях, которые придают живописность и интерес египетской истории.

Теперь мы перейдем к обзорному представлению последовательных династий. Такой обзор, как мы полагаем, даст читателю наилучшую подготовку для полного понимания более подробного изложения, которое следует далее.

СТАРОВРЕМЕННОЕ МЕМФИСКОЕ ЦАРСТВО

ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ, 4400–4133 гг. до н. э.

4400 г. до н.э. Восхождение на **престол Менеса**. Основание I династии. Традиция приписывает ему основание Мемфиса, столицы Древнего Мемфитского царства, куда оно было перенесено из Этого или Тиниса; и утверждает, что он был убит бегемотом во время похода против ливийцев.

Памятник. — Гробница, обнаруженная Де Морганом (1897), считается гробницей царя Менеса или его жены Нит-хотеп.

4366 **Тета** — второй царь, который, как говорят, написал труд по анатомии.

Памятник — папирус, купленный в Фивах Эберсом, упоминает о помаде, изготовленной для матери Тета, Шеш.

4266 **Хесепти (Семти)** — пятый царь. Несколько отрывков в «Книге мертвых» упоминают о нем. Царь Сента из II династии владел медицинским трудом, который когда-то принадлежал Семти.

Памятник. — Его гробница была обнаружена Амелино в Абидосе. Среди прочего в ней была найдена эбеновая табличка с изображением царя, танцующего перед Осирисом. (В настоящее время хранится в Британском музее.)

4233 **Мербапен** — шестой царь.

Памятник — гробница в Абидосе, обнаруженная Амелино.

4200 **Семен-Птах (Семсу)** — седьмой царь. Манефон говорит: «Во время его правления Египет поразила страшная чума».

II ДИНАСТИЯ, 4133-3900 гг. до н. э.

4133 **Нетер-бау** — первый царь. Манефон говорит: «Во время его правления возле Бубастиса открылась пропасть, и погибло много людей».

Памятник. — Гробница, обнаруженная Амелино в 1897 году в Абидосе.

4100 **Ка-ка-у** — второй (?) царь; устанавливает или расширяет поклонение Апису, а также Мневису и Мендесскому козлу.

4066 г. **Ба-эн-нете** — третий (?) царь; устанавливает право наследования престола женщинами.

III ДИНАСТИЯ, 3900-3766 гг. до н. э.

3900 **Неб-ка** — первый или третий царь. Согласно Манефону, во время его правления произошло восстание ливийцев, которые подчинились «из-за неожиданного увеличения луны».

3866 **Зесер (Терса)** — второй или четвертый царь. Строитель ступенчатой пирамиды в Саккаре. Доктор Бадж говорит об этом: «Это, безусловно, самое старое из всех крупных сооружений, которые успешно противостояли воздействию ветра и погоды, а также разрушению руками человека».

Памятники — ступенчатая пирамида, Великий Сфинкс в Гизе.

Быстрое развитие цивилизации в течение первых трех династий.

IV ДИНАСТИЯ, 3766-3566 гг. до н.э.

3766 г. **Снеферу** — первый царь. Он ведет войны против грабительских племен пустыни. На памятнике XII династии говорится, что он основал египетское господство на полуострове Синай, который он завоевал из-за его минеральных богатств.

Памятники. — Ряд резных камней, барельеф в Вади-Магара, изображающий его, поражающего врага.

3733 **Хуфу** или **Хеопс** — строитель Великой пирамиды, Хут — «Горизонт».

3666 **Хаф-Ра** — строитель пирамиды Ур — «Великий».

3633 **Мен-кау-Ра** — строитель пирамиды Хер — «Высший». Он расширяет ее после постройки. Затем он строит еще одну пирамиду в Абу-Роаше и, вероятно, был похоронен там.

Мирная династия. Блестящая эпоха искусства и литературы.

V ДИНАСТИЯ, 3566-3300 гг. до н.э.

3566 Новый дом из Элефантина «с священническим характером», основанный **Ус-кафом**.

3533 **Саху-Ра** — один из самых известных правителей Древнего Мемфисского царства. Войны на Синае.

Памятник — пирамида Хаба в Абусире.

3433 **Усен-эн-Ра** — первый фараон, который принял второй картуш со своим личным именем Ан. Он правит полуостровом Синай.

Памятники — пирамида Менасу; табличка с изображением победы в Вади-Магара; две статуи и т. д.

3366 **Тат-ка-Ра (Асса)** — он продолжает вести войну с еще большей активностью на полуострове Синай.

Памятники — Самые древние папирусы с достоверной датой относятся к этому царствованию. Это «Папирус счета», найденный в Саккаре, и «Притчи Птаххотепа».

Птах-Хотеп, вероятно, был дядей и наставником царя, под покровительством которого эта работа была представлена миру.

3333 Конец династии и первый период египетской истории с царем **Унасом**.

Памятник — пирамида Нефер-асу в Саккаре.

В этой династии нет великих памятников. Эпоха упадка. Искусство строительства значительно уступает искусству IV династии. Методы становятся небрежными, украшения — формальными, грубыми и плоскими.

Памятник V династии — стела из Палермо, содержащая, среди прочего, имена некоторых додинастических царей Нижнего Египта.

VI ДИНАСТИЯ, 3300-3000 гг. до н.э.

3300 Новая линия энергичных мемфисских царей, основанная **Тетой**.

Памятник — пирамида Тат-асу в Саккаре, одна из первых и наиболее разграбленных мародерами.

3233 г. **Пепи I** — самый важный правитель этой династии. Он оставил после себя больше памятников, чем любой другой правитель до XII династии. Великие и успешные войны против Ааму и Херуша, населявших пустыню к востоку от дельты. Война против народа Тереба, страны с неопределенным местоположением, вероятно, в Западной Азии.

Памятники. — Длинная надпись на гробнице Уны, генерала Пепи, является нашим источником информации об истории этого правления. Пирамида Мен-нефер в Саккаре; красный гранитный сфинкс из Таниса; статуэтки и т. д.

3066 Царица **Мен-ка-Ра** — Нитокрис Геродота. Начало этой династии характеризуется завоеваниями и исследованиями за рубежом, но к концу () внутренние беспорядки привели королевство к состоянию дезорганизации. Архитектура быстро приходит в упадок.

VII, VIII, IX и X ДИНАСТИИ, 3000-2700 гг. до н.э.

3000-2700 Долгий период смуты. Быстрый упадок власти Мемфиса в VII и VIII династиях, в то время как власть Фив растет. Дельта завоевана и оккупирована сирийскими племенами, которые вытесняют столицу из Мемфиса на юг, в Гераклеополис. Построен великий вал через Суэцкий перешеек, чтобы не пропустить захватчиков. IX и X династии в Гераклеополисе находятся в постоянном конфликте с фиванскими князьями, в результате чего последние постепенно обретают независимость и устанавливают XI (первую фиванскую) династию. Около века X и XI династии, вероятно, правят одновременно.

Памятники — в основном скарабеи.

СТАРОВЕЛИКОЕ (СРЕДНЕЕ) ТЕБАНСКОЕ ЦАРСТВО

XI ДИНАСТИЯ, 2700-2466 гг. до н.э.

2700 Начало Старого (Среднего) Фиванского царства. **Антеф I** (?), первый из девяти (?) царей. Все они похоронены у подножия Западной горы Фиванского некрополя.

Памятник — грубо вырезанный гроб Антефа I, небрежно раскрашенный в красный, синий и желтый цвета. (В настоящее время находится в Лувре.)

2600 **Ментухотеп II (Неб-тауи-Ра).**

Памятники — табличка в Коноссо, рассказывающая о его завоевании тринадцати племен; надписи в карьерах Хаммамата.

2550 **Ментухотеп III** — величайший царь династии, судя по количеству его памятников. Меценат искусства. Его почитание продолжается до наших дней.

Памятники — пирамида Хут-асу в Фивах; плита из песчаника в Силсилесе; плиты в Асуане; храм в Фивах.

2500 **Санх-ка-Ра** — последний царь династии. Во время его правления под руководством Ханну состоялось первое плавание в Пунт и Офир.

Памятники — надписи в Хаммамате, описывающие путешествие в Пунт; статуя, найденная в Саккаре.

ХII ДИНАСТИЯ, 2466-2250 гг. до н.э.

2466 Влияние Фив теперь прочно устоялось, и страна вступает в период величия с **Аменемхатом I**, первым царем, который демонстрирует замечательную энергию. Экспедиция против ливийцев, херуша, мазау и сати (азиатов).

Памятники — великий храм Амона в Фивах; статуи; надписи; папирус, содержащий знаменитые «Наставления сыну»; мемуары Синеха (Синехат или Синхуэ).

2446 **Усертсен I** — руководил зарубежными кампаниями во время правления своего отца. Утверждает свою власть на Синайском полуострове. Военная экспедиция в Нубию, как описано на гробнице Амени. Расширяет храм в Карнаке. Восстанавливает порядок в стране.

Памятники — обелиск в Гелиополисе; портретный бюст и статуи; гробница Амени.

2400 **Аменемхат II** — Работает в шахтах Сарбут-эль-Хадем. Манефон говорит, что он был убит своими камергерами.

2370 **Усертсен II**.

Памятники — любопытный и необычный храм в Иллахуне; бюст царицы Неферт; гробница Хнум-хотепа с историческими записями.

2340 **Усертсен III** — известное имя. Завоеватель Эфиопии после многих походов. Он укрепляет завоевание, устанавливая границу Египта выше Второго водопада и строя крепости Семне и Кумме. Впоследствии почитается как основатель Эфиопии.

Памятники — папирус с длинным гимном королю; статуи; пирамида в Дахшуре; гробница принцессы Сет-хатор, в которой были найдены замечательные драгоценности.

2305 **Аменемхат III** — Строит озеро Мерис в качестве водохранилища для переливных вод Нила. Также дворец Лабиринт. Это его *памятники*.

2265 **Аменемхат IV** — Династия начинает приходить в упадок.

2255 г. Царица **Себек-неферу-Ра**, сестра Аменемхата IV.

ХII династия — великий век для искусства и литературы. Огромная активность в строительстве. Литературный стиль является образцом для будущих веков. Ценные исторические записи на гробницах.

ХIII, ХIV, ХV, ХVI и ХVII ДИНАСТИИ, 2250-1635 гг. до н.э.

2250-1635 г. Период, продолжительность которого неизвестна и который по разным оценкам длился от четырехсот до почти тысячи лет. (См. главу III, стр. 120, 121.) ХIII династия правит в Фивах, и **Себекхотеп I** является ее первым царем. Перед ее окончанием гиксосские завоеватели быстро набирают силу, и новая династия (ХIV) изгоняется в Ксоис в западной части дельты. Гиксосы устанавливают свое правление, и поздние цари ХIV династии, вероятно, являются провинциальными губернаторами с коротким сроком пребывания в должности, удерживаемыми гиксосами для целей

внутреннего управления. XV династия — это династия великих царей гиксосов: **Салатиса, Бнона, Апахнана, Афобиса, Аннаса, Ассета**, и она знаменует собой расцвет их власти. Их главными городами являются Ха-Уар (Аварис), Пелузий и Танис. Они принимают обычаи, язык и письменность египтян. Их главным богом был Сутек, «Великий Сет», которому они построили великий храм в Танисе. XV династия частично совпадает по времени с XIV и XVI династиями Египта; в последней срок полномочий губернаторов провинций постепенно удлиняется. XVII династия является династией как гиксосов, так и египтян, в которой первые начинают терять свою власть.

Памятники — многочисленные статуи, надписи, орудия войны и т. д.

1800 г. Новый дом с юга постепенно отвоевывает Египет у гиксосов. Его главные цари называются **Секененом Ра. Секененом Ра III** женится на Аах-хотеп, принцессе чистой египетской крови. К тому времени, когда ее сын от предыдущего брака, Аахмес I, вступает на престол, гиксосы изгнаны и ограничены районом вокруг Авариса, где они готовятся к последнему сражению.

1730 г. Спуск евреев в Египет.

НОВОЕ ТЕБАНСКОЕ ЦАРСТВО

XVIII ДИНАСТИЯ, 1635-1365 гг. до н.э.

1635 **Аахмес I** — Основал Новое Фиванское царство. Победил и изгнал гиксосов из Авариса; преследовал их в Азии. Вел кампанию против Нубии (), народ которой снова пришлось отбивать. Восстановил храмы в главных городах. Украсил Фивы. Женится на Нефертари.

Памятники — гробы и мумии царя и царицы; статуи; драгоценности из гроба Аах-хотепа.

1610 г. **Аменхотеп I** — Поход против Куша и Ливии. Исторические записи на гробнице адмирала Аахмеса.

Памятники — его гроб и мумия; храм в Фивах; статуи.

1590 г. **Техутимос I** — проникает в Азию до Евфрата. Поход в Ливию.

Памятники — гроб и мумия; обелиски, пилоны и колонны в Карнаке; множество статуй и т. д.; гробница адмирала Аахмеса.

1565 **Техутимос II**.

Памятники — гроб и мумия; часть храмов Дейр-эль-Бахри и Мединет-Абу; статуи.

1552 Царица **Хатшепсут**, правление мирных начинаний. Развитие горнодобывающей промышленности, а также гончарного и стекольного производства. Отправка экспедиции в Пунт.

Памятники — Великий храм Дейр-эль-Бахри; статуи; скульптурное изображение путешествия в Пунт; мебель; доска для игры в шашки и шахматисты и т. д.

1530 **Техутимос III** — начинает свое независимое правление. Великий завоеватель в истории Египта. Южная Сирия восстала некоторое время назад, и в 1529 году он начинает операции в Зару. Второй год независимого правления, битва при Мегиддо в кампании против Рутенну. В последующие годы — кампании в Сирии, всего пятнадцать; города покорены, а Хару, Захи, Рутенну, Хета и Нахарайна стали вассалами.

Активное строительство храмов. Влияние сирийской культуры начинает ощущаться в Египте. Искусство и нравы теряют свои отличительные черты, наступает упадок.

Памятники — гроб и мумия; обелиски; часть храма в Карнаке и т. д.; многочисленные статуи и реликвии всех видов, а также очень полные анналы.

1500 г. **Аменхотеп II** — Поход в Азию для подавления восстания среди своих вассалов.

Памятники — портретные статуи; обелиски и колонны в Карнаке.

1470 г. **Техутимос IV** — продолжает работу по сохранению империи Техутимоса III. Женится на митанской принцессе.

Памятники — статуи, скарабеи, прекрасные частные гробницы.

1455 г. **Аменхотеп III** — за исключением одной кампании в пятом году в Египте, сохраняет свое господство за рубежом. В стране развиваются торговля и искусство. Тесные отношения между Египтом и Сирией. Женится на Ти, возможно сирийского происхождения (мать Аменхотепа IV), а также на Гилухипе (или Киргипе), дочери царя Митанни (Нахараина). Становится союзником царя Митанни. По-видимому, женился также на дочери царя Кардуньяша (Вавилона).

Памятники — очень многочисленные. Аллея сфинксов между Карнаком и Луксором; храм Менту в Карнаке; великий храм в Луксоре; знаменитые колоссы Нила; гробница Аменхотепа, архитектора и администратора, и т. д.

1420 **Аменхотеп IV (Хун-Атен)**. — В начале своего правления царь и двор отреклись от национальной религии и заменили ее строго монотеистическим поклонением Атону, солнечному диску, — концепции, которая удивительно совпадает с современными представлениями о солнце как источнике силы и энергии. Все это движение свидетельствует о гигантском интеллектуальном прорыве. В гимнах новому богу солнца мы, по-видимому, видим первые следы идеи братства людей. Война больше не прославляется. Царь меняет свое имя на Хун-Атен («Великолепие солнечного диска») и строит новую столицу.

Памятники — дворец и гробница в Тель-эль-Амарне; храм Атона; статуи, в том числе одна совершенная статуэтка, которая сейчас находится в Лувре; великий гимн Атону. К этому и предыдущему правлению относится переписка на вавилонском языке и клинопись. Эти таблички были обнаружены в Тель-эль-Амарне, куда Аменхотеп IV перевез их из Фив. Они касаются главным образом отношений египетских царей с царями Вавилонии и Ассирии, браков месопотамских принцесс и т. д., а также беспорядков и потери власти в северной Сирии и Палестине.

1400 **Саа-нехт**.

1390 г. **Тутанхамон**.

1380 **Ай**.

1368 год. **Хор-ем-хеб** — подавляет солнечную религию; вновь завоевывает Эфиопию.

Памятники — его частная гробница, многочисленные стелы и т. д.

XVIII династия — период, в который мир достиг выдающегося прогресса.

ХІХ ДИНАСТИЯ, 1365-1235 гг. до н. э.

1365 **Рамсес I** — Начинает ощущаться сила хетов.

1355 г. **Сети I** — Войны с шасу, хару и хетами. Захват Кадеша и поражение хет. Войны с ливийцами. Покровитель искусства.

Памятники — Колоннада в Карнаке; храм Осириса в Абидосе; Мемнон в Гурне; Плита Абидоса.

1345 **Рамсес II** Великий — фараон угнетения. Известный строитель. Начинается ожесточенная война с хетами и их союзниками (год V). Битва при Кадеше. Непрерывные войны и победы в земле Ханаанской. Мирный договор с хетами. Покорение небольших племен Эфиопии и Ливии. Семитское влияние ощущается в обычаях и языке.

Памятники. — Северный двор храма Птаха в Мемфисе. Новые храмы в Абидосе и Мемфисе. Храмы и статуи в Абу-Симбеле — на колоне одной из статуй некоторые греческие наемники Псаммета I вырезали надпись на архаическом греческом языке. Это самый древний из сохранившихся образцов несемитского алфавитного письма. Рамсеум; поэма Пентавра; договор с хетами и т. д.; табличка из Саккары.

1285 **Менептах** — Ливийцы и их союзники вторгаются в Египет и отбиты. Битва при Пропозисе (год V). Фараон Исхода (около 1270). Этому царю принадлежал папирус, содержащий «Сказку о двух братьях».

1250 г. **Сети II** — беспокойное правление в Па-Рамессу, омраченное претендентом на трон **Аменмесом**, который правил как соперничающий царь, вероятно, в Фивах.

Памятники — прекрасная гробница и небольшой храм.

XX ДИНАСТИЯ, 1235-1075 гг. до н.э.

1235 г. **Сет-нехт** — наследует престол своего отца Сети II. Сипта-Менептах наследует престол своего отца Аменмеса как соперничающий царь. Царство теперь практически находится в состоянии анархии. Власть в основном принадлежит номархам, и один из них, Арису, финикийец, становится их лидером и захватывает трон. Сет-нехт изгоняет его и восстанавливает монархию.

1225 г. **Рамсес III** (иногда считается основателем XX династии) — наследует объединенный Египет, но дезорганизованную империю. Провинции перестали платить дань. Царь начинает завоевание иностранных территорий. Побеждает ливийцев на западе (V год) и великую конфедерацию племен на востоке (VIII год). Сухопутная и морская война. Великое морское сражение у Пелузия. Вторая кампания против ливийцев (11-й год). Восстановлены восточные провинции и вассальные государства. Заговор гарема. Поздние годы мирные. Поощряются горная добыча и торговля. Последний из великих царей Египта.

Памятники — Туринский и Харриский папирусы; изображения завоеванных царей; храмы и т. д.; рассказ о заговоре гарема.

1195-1075 Преемники Рамсеса III правят недолго. Проводились некоторые военные экспедиции, но крупных войн не было. Царство сохраняется, но власть первосвященников становится все более заметной, пока в период правления **Рамсеса IX** она не начинает превосходить власть фараонов. Структура царства начинает быстро разлагаться. **Рамсес XIII**, последний царь династии.

XXI ДИНАСТИЯ, 1075-945 гг. до н.э.

1075 г. **Хер-Хор** — верховный жрец Амона в Фивах — приходит к власти. Рамсесы изгнаны.

В Танисе возникает новый дом. Его глава, Се-Амен, вскоре свергает власть первосвященников, и сын Хер-Хора (**Пьянки**) и внук (**Пайнетем I**) обладают неограниченной властью как первосвященники только в окрестностях Фив. Страной одновременно правят таниты и первосвященники. Рамсесиды пытаются вернуть трон в Фивах. Таниты подавляют это восстание, и Мен-хепер-Ра, один из членов семьи, становится верховным жрецом в Фивах. Соломон женится на дочери танитского царя, вероятно, **Пасебхану II**. Со времен Сети I армия состояла в основном из ливийских наемников, из которых теперь сформировался отдельный класс. Главная власть постепенно переходит от танитов и первосвященников к командирам этих наемников, и один из них, Шашанк из Бубастиса, каким-то образом завоевывает корону Египта. Первосвященники и их сторонники уходят в Эфиопию и основывают новое царство со столицей в Напате.

XXII ДИНАСТИЯ, 945-750 гг. до н.э.

945 **Шашанк I** — правит в Бубастисе. Высшее священство Амона передается принцам правящей династии.

Памятники — зал бубаститов в Карнаке; надписи и т. д.

925 Шашанк вторгается в Иудею, захватывает и разграбляет Иерусалим.

920-750 гг. При преемниках Шашанка высокие посты в правительстве и армии занимают члены королевской семьи, которые создают для себя княжества, а фараон становится номинальным правителем. Египет превращается в страну мелких королей, в дела которой теперь вмешиваются короли Эфиопии (Напаты).

XXIII и XXIV ДИНАСТИИ, 750-728 гг. до н.э.

800 г. Во время правления **Шашанка III** Фивы падают в руки эфиопов. Их завоевания постепенно распространяются на Гермополис под руководством их царя из династии Амараве (), **Пьянки**. В то же время Тефнехт, принц Саиса, подчиняет западную часть дельты и Мемфис, вступает в контакт с Пьянки, но в конце концов присягает на верность эфиопу. Власть Пианхи над Египтом не была полной, поскольку XXIII династия из трех царей (среди которых был **Уасаркен III**) по-видимому правила в дельте, вероятно в Бубастисе, и ей последовала XXIV династия, состоящая из сына Тефнехта, **Бакенранфа**, который был завоеван внуком Пианхи, Шабакком.

Памятники — мемориальная стела Пианхи с описанием его правления.

XXV ДИНАСТИЯ, 728-655 гг. до н.э.

728 **Шабак** — полное господство Эфиопии над Египтом. Он ставит свою сестру Амениритис и ее мужа править Египтом. Единое и строгое правление не практикуется; местные князья по-прежнему сохраняют свою власть. Шабак советует Осии Израильскому не платить дань Салманасару IV. Первая связь Египта с Саргондами.

717 **Шабатак**.

704 **Тирхака** — присоединяется к сирийской коалиции против ассирийцев.

701 Ассирийский царь Сеннахериб вторгается в Палестину. Тирхака спешит на помощь Езекии. Сеннахериб вынужден отступить из-за эпидемии. 673 Ассирийский монарх Эсархаддон доходит до египетской границы, но отступает. 670 Эсархаддон появляется снова, захватывает и разрушает Мемфис. Тирхака бежит в Нубию. Вся страна сдается Эсархаддону, который реорганизует правительство, поставив во главе каждого нома местного князя. Главным из них становится Неку из Саиса. 668 год. Эсархаддон отрекается от престола. Тирхака пытается вернуть страну и отвоевывает Мемфис. 667 год. Ашшурбанапал посылает армию и наносит поражение египтянам. Заговор нескольких египетских принцев с целью восстановления Тирхаки. Они арестованы и наказаны. 664 г. Тирхака умирает; его преемником становится **Танут-Амен**, его пасынок (сын Шабатака). Он терпит поражение от ассирийцев при Кипкипе. Фивы разграблены. Конец эфиопского правления.

664-655 Страной правят мелкие князья. В дельте их двенадцать, они образуют Додекархию. Псамтек из Саиса становится их лидером. Он сбрасывает ассирийское иго с помощью карийских и ионийских наемников и провозглашает себя фараоном.

XXVI ДИНАСТИЯ, 655-527 гг. до н. э.

655 (иногда датируется 666-4) — **Псамтек I** узаконивает свое правление, женившись на эфиопской принцессе Шепенапет. Вторжение в Сирию. Захват Ашдода после длительной осады. Торговые договоры с греками. Двести тысяч его египетских и ливийских солдат дезертируют в Эфиопию из-за зависти к наемникам. Он восстанавливает Фивы.

610 **Неку II** — пытается восстановить канал между Нилом и Красным морем, что ранее пытались сделать Сети I и Рамсес II. По его приказу финикийские мореплаватели совершают кругосветное плавание вокруг Африки. Пытается восстановить власть Египта на востоке и вступает в Сирию. 608, встречается с Иосией в Мегиддо. Царь Израиля погибает в сражении. Неку направляется к Евфрату. 605 г. — поражение Неку от Навуходоносора при Кархемише. Конец египетского господства в Египте.

594 г. **Псамтек II** — отправляется в поход против царя Эфиопии.

589 **Уах-Аб-Ра** — вступает в союз с Седекией и царем Финикии против Навуходоносора, который впоследствии вторгается в Египет. Коалиция терпит неудачу, но его флот помогает Тиру продержаться тринадцать лет. Вступает в войну с греками из Кирены и терпит поражение. Его войска боятся, что он уничтожит их и заменит наемниками; они восстают и выбирают Аахмеса, офицера, своим царем.

570 **Аахмес II** — побеждает Уа-аб-Ра и душит его; женится на дочери Псамтека II, чтобы узаконить свои притязания. Поощряет торговые отношения с греками. Союз с Крезом против Кира Персидского. Камбиз нападает на Египет после смерти Кира.

526 **Псамтек III** — на втором году своего правления потерпел поражение от Камбиза при Пелузии и Мемфисе. Египет становится провинцией Персии, 525-405 гг. до н. э.

XXVII ДИНАСТИЯ, 525-405 гг. до н. э.

525 Перс Камбиз терпит религию, поддерживает храмы и делает все, что может, чтобы примирить народ. Оставляет Египет под управлением первого сатрапа Арианда. Камбиз, в ярости после неудачной экспедиции против Напаты, приказывает разрушить храмы и т. д.

521 г. Дарий I — прилагает все усилия, чтобы примирить народ.

488 Египтяне восстают и изгоняют персов. Устанавливают местного правителя **Хаббоша**, который удерживает власть в течение трех лет.

485 Перс Ксеркс I — Вновь завоевывает Египет и назначает своим братом Ахеменисом правителем.

464 Артаксеркс I.

460 Инар, царь Ливии, помогает египтянам подняться против Персии. Битва при Папрамисе. Мемфис захвачен, но персы восстанавливают свое господство.

424 Ксеркс II. Дарий II. Продолжение попыток египтян сбросить персидское иго.

XXVIII ДИНАСТИЯ, 405-399 гг. до н. э.

405 **Амен-Рут** — местный принц, восставший против Персии, после смерти Дария II становится практически независимым. После его смерти власть переходит к принцу Мендесу.

XXIX ДИНАСТИЯ, 399-378 гг. до н. э.

399 **Ниа-фаа-урут I**. 393 **Хакер**. 380 **Пса-мут**. — Вступают в союз с врагами Персии.

379 **Ниа-фаа-урут II**.

XXX ДИНАСТИЯ, 378-340 гг. до н. э.

378 **Нектанебо I**. — Побеждает персов и греков при Мендесе. Эта победа обеспечивает мир на несколько лет. Возрождение искусства.

364 **Тахус** — Войны с Персией.

361 **Нектанебо II** — Персы вновь вторгаются в Египет, сначала безуспешно.

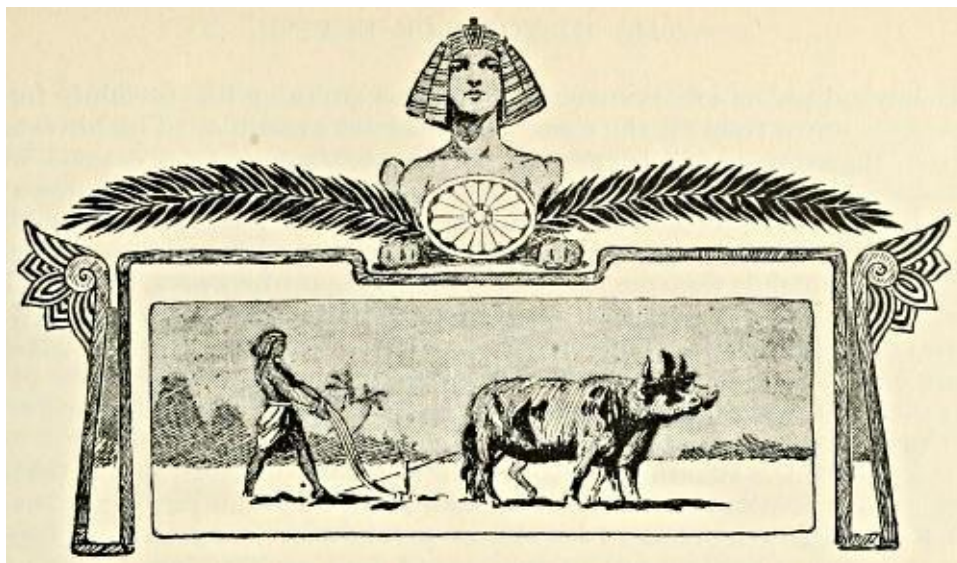
XXXI ст ДИНАСТИЯ, 340-332 гг. до н. э.

340 Ох (Артаксеркс III) — побеждает Нектанебо при Пелусии. Нектанебо бежит в Напату. Ох оказывается жестоким правителем.

332 Александр Македонский появляется в Пелусии. Персы сдаются без боя. Начало греческого господства.

СНОСКИ

[\[1\]](#) [Полное обсуждение египетской хронологии см. в Приложении В.]

ГЛАВА I. ЕГИПЕТСКАЯ РАСА И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

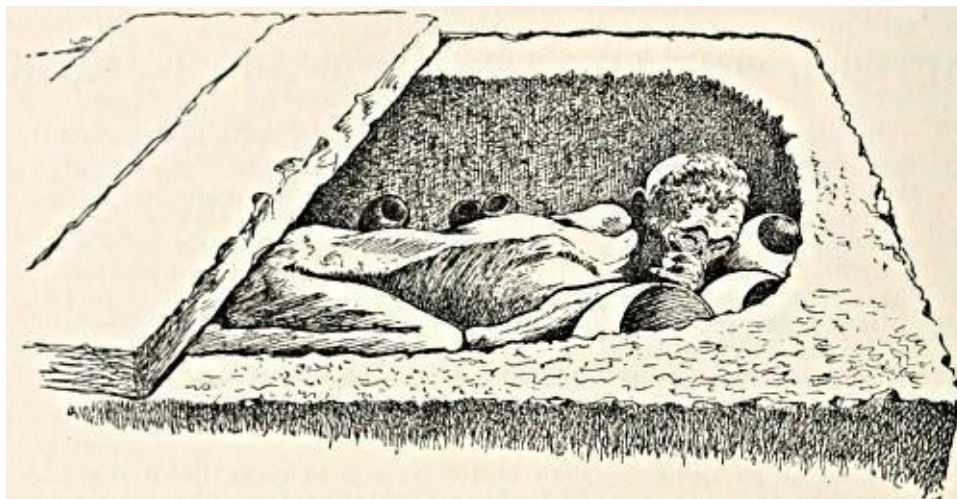
Египет — длинная страна, но узкая, то есть неширокая, поскольку ее нельзя расширить в сторону пустыни из-за недостатка воды. Страна расположена вдоль реки Нил; она простирается настолько, насколько река может служить для наводнений или иным образом, чтобы, когда она течет, она могла распространиться по всей стране; поэтому страна большая по длине. Потому что там почти не бывает дождей, и по этой причине у них нет воды, кроме той, что приносит наводнение этой реки. А поскольку в этой стране не бывает дождей, а воздух всегда чист и прозрачен, то в этой стране живут хорошие астрономы, ибо они не находят там облаков, которые мешали бы им. — *Путешествие и странствия сэра Джона МанDEVИЛЛЯ, рыцаря.*

Существуют две основные теории происхождения египтян: одна предполагает, что они происходят из Азии, другая — что их расовая колыбель находилась в верхних районах Нила, в частности в Эфиопии. Даже сегодня египтологи не пришли к единому мнению о том, какая из этих теорий верна. Среди ранних исследователей этой темы Херен был одним из первых, кто указал на предполагаемую аналогию между формой черепа египтян и индийских народов. Он верил в индийское происхождение египтян.

Один из самых авторитетных современных исследователей, профессор Флиндерс Петри, склоняется к мнению, что египтяне имели общее происхождение с финикийцами и что они пришли в район Нила из страны Пунт, пересекая Красное море. Профессор Масперо, с другой стороны, склоняется к вере в африканское происхождение этой расы; а последняя важная антропологическая теория, выдвинутая профессором Серги, утверждает эфиопское происхождение всей средиземноморской расы, частью которой являются египтяне. Согласно этой теории, раса, первоначально проживавшая в верхних районах Нила, постепенно распространилась на север, в конце концов вторгшись в Азию через Суэцкий перешеек и переправившись на полуострова южной Европы через Крит, Кипр и Сицилию, а также, возможно, после долгого путешествия на запад вдоль средиземноморского побережья Африки, через Гибралтарский пролив.

Истинный научный статус этого вопроса сводится лишь к признанию почти полного незнания. Теория Серги, о которой только что шла речь, находит определенную поддержку в

данных измерений черепов, но было бы чрезмерным выводом () утверждать что-либо с уверенностью на основании выводов, сделанных из всех имеющихся на данный момент наблюдений. Поэтому историк вынужден опираться на простой факт, что за много тысяч лет до нашей эры долина Нила была заселена народом неизвестного происхождения, который достиг очень высокого уровня цивилизации. Каким бы ни было происхождение этого народа и какими бы разнообразными ни были расовые элементы, из которых он состоял, климатические условия Египта давно оказали на все население такое влияние, что все разнообразные элементы слились в единую расовую форму, так что, как указывает профессор Масперо, на самом заре египетской истории жители всей земли Египта составляли единую расу, говорили на одном языке и демонстрировали очень небольшое разнообразие культуры.

Мумия додинастического периода, недавно обнаруженная в Египте

(ныне находится в Британском музее)

Одним из постоянных удивления для исследователей древности является то, что самые массивные сооружения, когда-либо построенные человеком, были найдены в Египте и датируются периодом, настолько отдаленным, что его можно считать почти доисторическим. Трудно избавиться от ощущения, что существовала раса, внезапно поднимавшаяся на очень высокий уровень цивилизации, как будто совершившая резкий скачок из варварства; но, конечно, ни один современный исследователь этого вопроса не рассматривает его в таком свете. Все согласны с тем, что за пирамидами стоит огромный период времени, в течение которого египтяне постепенно продвигались вперед. Профессор Масперо считает, что в течение как минимум восьми или десяти тысяч лет люди населяли эту землю, развивая свою особую цивилизацию. Конечно, такая оценка не претендует на историческую точность; это лишь общее заключение, основанное на том, что кажется разумной скоростью прогресса.

Недавние исследования в Египте были направлены на то, чтобы проникнуть в тайны того, что до сих пор считалось доисторическим периодом, и эти усилия увенчались определенным успехом. В Фаюме профессор Петри провел раскопки, которые обнаружили остатки гораздо более раннего периода, чем период первых династий, признанных до сих пор. Среди других интересных реликвий были найдены саркофаги, содержащие мумифицированные тела в прекрасном состоянии сохранности. Один из них, который сейчас выставлен в Британском музее в Лондоне, показывает тело мужчины полных пропорций, лежащего на боку с подтянутыми к телу коленями. В отличие от мумий более

позднего египетского периода, это древнее изображение не имеет никаких повязок, но результаты процесса бальзамирования, которому оно было подвергнуто, настолько замечательны, что форма различных частей тела и даже черты лица сохранились с удивительно небольшой усадкой или деформацией. Кожа действительно сухая и темная, но ее сходство с кожей живого человека темнокожей расы настолько поразительно, что, глядя на нее, трудно поверить, что перед вами тело человека, жившего, возможно, восемь или десять тысяч лет назад.

Что касается других останков, найденных в ходе более поздних исследований, то среди наиболее интересных и вызывающих размышления находятся кремневые орудия, изготовленные способом, характерным для палеолита или эпохи грубого камня. Однако мы не должны делать слишком поспешных выводов из этих древностей, поскольку профессор Петри уверяет, что египтяне продолжали использовать такие кремневые орудия на протяжении всего периода с IV по X династию. Существуют сомнения относительно того, можно ли считать какие-либо из этих каменных орудий строго доисторического происхождения, или действительно ли какие-либо из древностей, обнаруженных в Египте, свидетельствуют о нецивилизованной стадии истории человечества. Однако последнее мнение заключается в том, что изготовителями керамики и кремневых орудий были аборигены этой страны, которые были вытеснены вторжением египтян, упоминаемых в истории.

Наиболее важные раскопки последних восьми-десяти лет, проводимые Амелино, Петри и Де Морганом, были направлены на сбор останков этой додинастической эпохи.

Вряд ли мы еще услышим утверждение о том, что архаичные предметы, найденные в Накаде и других местах, были делом рук «новой расы» захватчиков, вторгшихся куда-то в те мрачные века между VI и XI династиями, поскольку эта долгая и ожесточенная полемика теперь сменилась полным согласием среди авторитетов в том, что люди, которые могли претендовать на керамику и кремневые предметы, были аборигенами, жившими в Египте, когда египтяне из истории вторглись в страну.

Эти аборигены были изгнаны из своей страны расой, которая постепенно появилась на историческом горизонте и которой давно принято назначать Менеса первым царем, рассматривая предшествующие периоды как время богов и полубогов, правление которых традиция относит к эпохе, длиной от 1000 до почти 40 000 лет. Но есть признаки того, что в течение нескольких лет будет пролито много света на период, предшествовавший царю Менесу. Теперь кажется совершенно ясным, почему именно этот царь был поставлен во главе I династии. Он был первым «господином двух земель» — объединенного Верхнего и Нижнего Египта.

Любой, кто хочет получить ясное представление о национальном существовании, должен признать, что на характер расы огромное влияние оказывают физические и климатические особенности ее окружения. Среди исследователей этого вопроса существуют разные мнения о том, насколько сильно может измениться человек под воздействием изменившейся среды. Но тот, кто рассматривает этот вопрос в свете современных представлений, вряд ли может сомневаться в ответе на любой из поставленных вопросов.

Если допустить, что все расы человечества произошли из одного источника — гипотеза, с которой согласны исследователи самых разных направлений, — то в конечном итоге окажется, что причины всех различий, наблюдаемых сегодня между различными расами на Земле, следует искать в таких условиях окружающей среды, как почва и климат. Человек, населяющий экваториальные регионы, имеет темную кожу и определенные хорошо выраженные черты характера просто потому, что его предки на протяжении почти бесконечных поколений подвергались влиянию тропического климата; а светлокожий

житель северной Европы обязан своими противоположными характеристиками совершенно иным климатическим условиям высоких широт. И то, что верно для этих крайних примеров, не менее верно для всех промежуточных рас.

Одним словом, египтянин не был бы тем человеком, которого мы знаем, если бы он не жил в долине Нила. Месопотамцу потребовалась среда Тигра и Евфрата, чтобы развить свои типичные черты, и то же самое можно сказать о греках и римлянах, а также о представителях всех других рас.

Однако, принимая эту точку зрения, нельзя упускать из виду тот факт, что изменения, вызванные окружающей средой в характере расы, по необходимости происходят чрезвычайно медленно. Особые черты, которые придают расовое отличие любой группе людей, были достигнуты только через многие поколения медленных изменений; и настолько сильна консервативная сила наследственности, что характеристики, таким образом медленно запечатленные в расе, практически неизгладимы. Насколько упорны эти черты, лучше всего иллюстрирует случай современных евреев, которые сохраняют свою расовую идентичность, хотя и рассеяны по всем регионам земного шара. Имея в виду эту иллюстрацию, неудивительно, что любая раса, которая остается в одной и той же среде и, как правило, не смешивается с другими расами, сохраняет те же основные характеристики на протяжении всего исторического периода. На первый взгляд может показаться, что это не является очевидным историческим фактом в отношении любой конкретной расы древности. Например, может показаться, что современный египтянин, который играет столь незначительную роль в мировой истории XIX века, должен быть совсем другим человеком, чем его древний предок, который на протяжении многих веков поддерживал доминирующую цивилизацию мира.

Но не следует забывать, что национальные стандарты являются относительными; другими словами, статус народа зависит не только от уровня цивилизации этого народа, но в равной степени и от относительного уровня цивилизации его соседей. Когда египтяне утратили свою власть, это произошло не столько потому, что они утратили свою врожденную способность к прогрессу, сколько потому, что другие народы обогнали их в гонке, вскоре подчинили и поработили их, тем самым подавив их амбиции. В подтверждение этой точки зрения обратите внимание на тот факт, что египтяне снова и снова, с интервалом в несколько столетий, были способны вырваться из летаргии, навязанной им завоевателями, и на время восстановить свое прежнее положение господства. Но лучшую наглядную иллюстрацию неизменности характера расы дают современные историки, которые одновременно глубоко изучили древние условия, зафиксированные на памятниках, и при этом вступили в контакт с нынешними жителями долины Нила.

Ни один другой ученый современного поколения не провел более глубоких исследований, чем профессор Петри и профессор Эрман, которые оба были вынуждены отметить необычайное сходство манер, обычаев и врожденных характеристик древних и современных египтян. Вот вердикт профессора Эрмана (г 2:

«Народ, населявший древний Египет, до сих пор существует в лице своих потомков, современных египтян. Перемены в истории изменили язык и религию, но вторжения и завоевания не смогли изменить черты этого древнего народа. Сотни и тысячи греков и арабов, поселившихся в этой стране, похоже, были поглощены ею; они изменили расу в больших городах, где их число было значительным, но в сельской местности они практически не оказали никакого влияния. Современный фелач похож на своего предка четыре тысячи лет назад, за исключением того, что он говорит по-арабски и стал мусульманином. В современной египетской деревне можно встретить людей, которые словно сошли с картинок в древнеегипетской гробнице. Нельзя отрицать, что это сходство

отчасти объясняется и другой причиной, помимо продолжения старой расы. Каждая страна и условия жизни накладывают на жителей определенные черты. Кочевник пустыни имеет одинаковые черты, независимо от того, бродит ли он по Сахаре или по внутренним районам Аравии; а копт, сохранивший свою религию на протяжении веков угнетения, на первый взгляд можно принять за польского еврея, который страдал таким же образом. Таким образом, египетская земля с ее неизменными условиями жизни всегда накладывала на население долины Нила один и тот же отпечаток.

«Как нация египтяне кажутся умными, практичными и очень энергичными, но лишенными поэтического воображения; это именно то, чего мы должны ожидать от крестьян, живущих в этой стране тяжелого земледелия. В молодости египетский крестьянин удивительно послушен, разумный и активен; в зрелые годы из-за нужды и забот, а также постоянной работы по добычанию воды он теряет веселье и гибкость ума, которые делали его таким приветливым и многообещающим». Эта картина расы, веселой по натуре, но теряющей счастливый характер и становящейся эгоистичной и ожесточенной, также отражает древний народ».

Однако, как бы ни было общепризнанно, что почва и климат накладывают свой отпечаток на народ, мнения о том, как именно следует интерпретировать расовые характеристики, всегда будут разниться. В случае со всеми восточными народами европейскому уму такая интерпретация представляется особенно сложной. Египтяне не являются исключением из этого правила, как мы увидим.^a

СТРАНА И ЕЕ ЖИТЕЛИ

Вся Северная Африка покрыта большой пустыней, граничащей только на северо-западе со значительным пахотным районом, который в настоящее время образует государства Марокко, Алжир и Тунис. За исключением этой полосы, если не считать узкую полосу побережья между двумя Сиртами (Триполис, Лептис) и в Киренаике (Бенгари), вся эта территория полностью лишена какой-либо высшей цивилизации. Она образует естественную границу средиземноморского мира, за пределы которой не проникла даже древняя цивилизация. Внутренние районы Африки были практически неизвестны греческому и римскому миру.

Грозная пустыня, занимающая более трех миллионов квадратных миль, содержит ряд пониженных участков, в которых находятся источники и процветает растительность, особенно финиковая пальма. Это оазисы. Здесь, и только здесь, возможны постоянные поселения людей. В то же время оазисы служат остановками на утомительном и трудном пути через пустыню, где торговец, желающий приобрести товары в странах на другой стороне, подвергается не только опасностям, угрожающим ему из-за нехватки воды, потери пути и песчаных бурь, но и нападениям бродячих ограбленных орд, которые пересекают пустыню в кочевом беспорядке.

К востоку от великой пустыни, на расстоянии нескольких дней пути от Персидского залива, лежит растянутая плодородная долина, которую в некотором смысле можно считать оазисом колоссальных размеров. Это Египет, долина Нижнего Нила. С обеих сторон она ограничена пустынной землей. На западе возвышается плато Ливийской пустыни, плоское, абсолютно бесплодное, покрытое непроходимыми песчаными отложениями. На востоке постепенно поднимается скалистое нагорье из твердого кварца и мела, за которым кристаллические массивы так называемых Аравийских гор возвышаются на высоту около шести тысяч футов (). По геологическому строению эти два территориальных района совершенно различны, но, хотя кочевые племена и могут в крайнем случае выжить в

восточной пустыне и не полностью лишены растительности, родников и цистерн, в которых собирается дождевая вода после бурь и ливней, цивилизация для них так же недоступна, как и для ливийской пустыни, проникнуть в которую невозможно и которая пригодна для жизни только в оазисах.

Между двумя пустынями, занимающими площадь от пятнадцати до тридцати трех миль, лежит впадина, образующая долину Египта. Она представляет собой русло, которое река вырыла для себя в мягкой меловой почве с неутомимой активностью. Когда-то, тысячи лет назад — сколько именно, неизвестно — она неслась по стране бурными каскадами, следы которых до сих пор хорошо различимы во многих местах. Постепенно река очистила все русло и установила регулярный уровень поверхности. К началу исторического периода творческая деятельность реки уже давно завершилась; с этого момента Нил течет множеством изгибов и с многочисленными притоками через изрезанную долину, которую он значительно затопляет только в середине лета, когда тает эфиопский снег и ищет выход. Плодородная земля простирается ровно настолько, насколько проникают воды Нила или направляются рукой человека в сезон паводков; четкая линия разграничения отделяет черную плодородную землю, образованную илистыми отложениями, оставленными рекой, от серо-желтой прилегающей пустыни. Ширина плодородной территории варьируется; в среднем она составляет восемь, редко более десяти миль. Только в устье Нила она расширяется до обширных болотистых земель дельты, пересеченных многочисленными болотами и озерами.

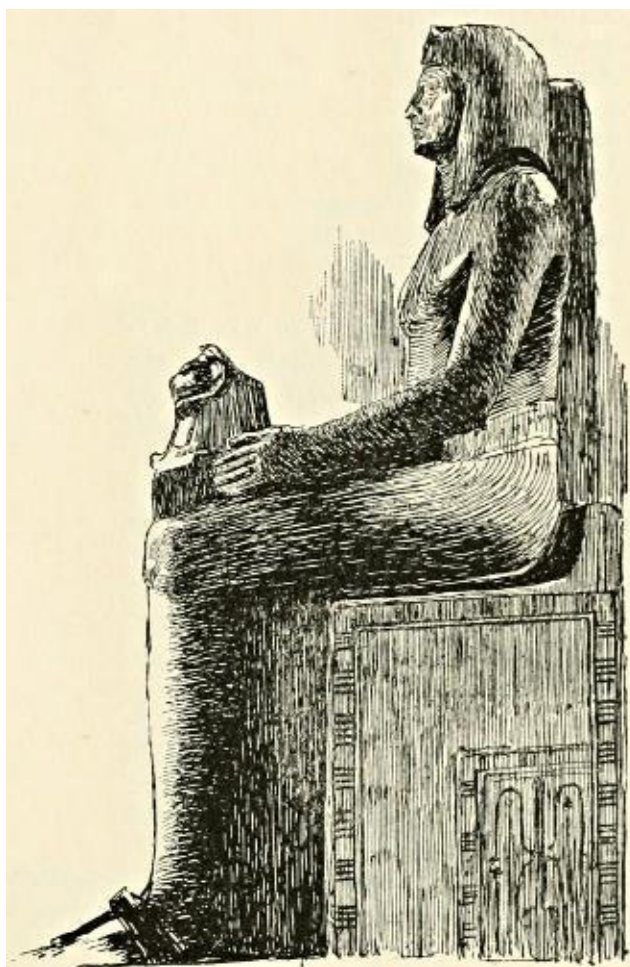
Статуя богини СЕХЕТ

(ныне находится в Британском музее)

Также на юге пограничная территория Египта имеет четкую естественную границу. Чуть выше 24-й параллели, в Гебель-Силсилис, песчаниковое плато примыкает к реке, выше покрывая всю Нубию. Узкая горловина реки у Гебель-Силсилис является южной границей плодородного Египта. Значительная сага, восходящая к арабскому названию горного хребта (Силсилис означает «цепь»), рассказывает о том, как когда-то поток был перекрыт цепью, соединявшей противоположные горы. Примерно в восьми милях выше, у Асуана (Сиены), горный хребет из гранита и сиенита противостоит течению реки, как поперечная рельса. Правда, река пробила твердый камень, но у нее не хватило силы, чтобы его стереть, как она сделала с меловым камнем Египта; в многочисленных порогах она пробивает себе путь между соседними скалами и бесчисленными островами, поднявшимися из ее русла. Однако, без сомнения, поток продолжал углублять свое русло и здесь. Из древних египетских записей об уровне Нила мы знаем, что около четырех тысяч лет назад, во времена XII династии, уровень Нила у крепостей Семне и Кумне, выше второго порога, должен был быть по крайней мере на восемь метров выше, чем в настоящее время. Это можно объяснить только тем, что с тех пор река, должно быть, прорыла равнозначную глубину в скалах района порога.

Этот «первый порог», который делает реальное судоходство практически невозможным — судно может пройти через пороги только с большим трудом и опасностью — всегда составлял южную границу Египта. Выше него Нил течет большой дугой через нубийское песчаниковое плато. Во многих местах его путь преграждают твердые каменные породы,

через которые он прорывает русло в порогах. Долина реки имеет ширину не более пяти-девяти миль. Плодородная земля, которая во времена древнего царства была довольно густо засажена лесом, ограничивается, там где она не исчезает совсем, узкой полосой на берегах, так что жители, чтобы как можно меньше оставлять ее неиспользованной, строили свои деревни на бесплодных, неплодородных возвышенностях над ней. На всем протяжении 1000 миль от Хартума до первого порога в настоящее время находится только 1125 квадратных миль возделанной земли. Только к югу от тропика земля на берегу Красного моря постепенно становится пригодной для возделывания; в основном она здесь носит характер степей. Таким образом, даже по Нилу Египет почти полностью отрезан от Африки. Кампания англичан против Махди вновь дала нам яркую картину того, насколько утомительным и трудным является здесь сообщение; какую опасность представляют тропическое солнце, нехватка жилья и трудности связи для небольшой армии, пытающейся продвигаться здесь.

Статуя МЕНЕПТАХА II, XIX династия

(Сейчас находится в Британском музее)

Египет — самая узкая страна в мире; занимая площадь 570 миль в длину, он содержит не более 12 000 квадратных миль плодородной земли, то есть не больше, чем королевство Бельгия. Необходимо четко помнить об этом факте, особенно потому, что доступные карты могут легко создать ложное впечатление, поскольку они включают пустынные земли в границы Египта и, как правило, не выделяют их каким-либо образом из плодородных земель. Древнее представление коренного населения полностью соответствует географическим особенностям страны. Египет, или Камит, как эта страна называется на

языке коренного населения (название, безусловно, означает «темная страна»), представляет собой лишь плодородную долину Нила. Только здесь проживают египтяне. Оазисы на западе и «красная страна» (Ташерит) на востоке, *то есть* голые, красноватые, мерцающие плато Аравийской пустыни, считаются чуждыми с постоянной регулярностью, и они не заселены египтянами. Истинное положение дел довольно точно отражено в оракуле, который гласил: «Египет — это вся страна, орошаемая Нилом, а египтяне — это все те, кто живет ниже города Элефантина и пьет воду Нила».

Геродот точно определяет Египет как «наследие реки»; только реке он обязан своей плодородностью и благополучием. Если бы не текущая река, песок Ливийской пустыни покрыл бы всю эту изрезанную долину, которая с помощью реки стала одной из самых плодородных и густонаселенных стран на земле.

В то время, с которого начинается наша историческая информация, мы видим, что долина Нижнего Нила заселена народом, который, по примеру греков, мы называем египтянами. Откуда взялось это слово, мы не знаем; мы можем только сказать, что Aígyptos в первую очередь обозначает реку — почти без исключения в «Одиссее» это так. Затем слово было перенесено на страну и ее жителей, а река получила название Neilos (Нил), происхождение которого столь же неясно. У коренного населения не было собственного названия; египтяне называли себя, в отличие от иностранцев, просто «людьми» (rometu). Свою страну, как мы уже упоминали, они называли Камит, «Черная страна»; река называлась Ха-пи. Семитские народы называли Египет, мы не знаем почему, Миор или Муср (иврит Mizraim, окончание очень часто встречается в названиях местностей). В арабской форме Masr это слово в настоящее время стало коренным названием страны и ее столицы, которую мы называем Каиром. Напротив, от названия «египтяне» произошло современное обозначение христианских преемников древнего коренного населения, коптов.

Существует множество оживленных споров относительно этнографического места египтян. В то время как филологи и историки предполагают родство с соседними азиатскими расами, отделяя египтян четкой границей от негритянской расы, этнологи и биологи, среди которых выделяется Роберт Хартманн, определяют их как подлинных детей Африки, которые имели бесспорное физическое родство с расами внутренних районов континента. И, безусловно, в типе современного египтянина есть точки соприкосновения с типичным негром, и мы не будем здесь оспаривать обоснованность возможного утверждения о том, что можно продемонстрировать постепенный переход от египтян к неграм Судана и что в долине Нила мы никогда не сталкиваемся с острым этнологическим контрастом.

Однако следует отметить, что нигде на земле не наблюдается резкого противоречия между расами. Везде можно найти представителей, которые сглаживают различия, и классификация, в которой мы так нуждаемся, никогда не начинается с промежуточных стадий, а с крайностей, в которых расовый тип находит свое наиболее чистое воплощение.

Более того, тип современного египтянина не может сразу решить вопрос о происхождении древнего египетского населения, даже если мы не будем учитывать сложную проблему того, насколько климат и почва оказывают смягчающее влияние на расу. Жители долины Нижнего Нила во времена Нового Царства и с тех пор на протяжении всей истории настолько смешались с чистой африканской кровью, что было бы чудом, если бы не произошло никакой ассимиляции. Несомненно, что турки принадлежат к народам, похожим на монголов, но кто поставит современного османа в один ряд с китайцем или не признает ассимиляцию армянского, персидского, семитского, греческого типа? То же самое верно, например, для мадьяр. Строго аналогичная ситуация наблюдается в Египте. Доказано, что в строении черепа современного египтянина влияние африканского элемента более заметно,

чем в древности. Более того, тщательное сравнение приводит к выводу, что в древнем, как и в современном Египте, сосуществуют два типа: один, более близкий к нубийскому, который, естественно, сильнее представлен в Верхнем Египте, чем в Мемфисе и Каире; и другой, резко отличающийся от него, который мы можем определить как чисто египетский. Посередине между этими двумя типами находится гибридная форма, представленная многочисленными примерами и вполне объяснимая смешением двух рас.

В то время как нубийский тип более близок к чистому негритянскому типу и является коренным для Африки, мы должны рассматривать чисто египетский тип как чуждый этому континенту; это подталкивает нас к предположению, что древнейшую родину египтян следует искать в Азии. Египтяне бесчисленное количество раз изображали себя на памятниках, что позволяет нам достаточно четко распознать их тип.

В большинстве своем это мощные, сплоченные фигуры, часто с энергичными чертами лица. Нередко, как пронзительно заметил Эрман, головы имеют «умное, остроумное выражение, подобное тому, которое мы привыкли встречать у хитрых старых крестьян». Мы видим повторение той же черты в нескольких ранних римских портретах. Наряду с этим мы видим тонкие черты лица: например, нам вспоминается почти женственное выражение лица Рамсеса II. Египетский тип полностью отличается от негритянского; например, структура носа в большинстве случаев тонкая, и нет никаких следов прогнатии, или выпячивания нижней части лица.

На памятниках цвет кожи египетских мужчин, которые в древности ходили полностью обнаженными, за исключением набедренной повязки, красно-коричневый. С другой стороны, женщины, которые были одеты в длинные одежды и не подвергались столь же сильному воздействию воздуха и солнца, изображены более светлым коричневым или желтым цветом. Подобным образом древние греки изображали мужчин на своих вазах красными, а женщин — белыми. Не следует забывать, что искусство передачи тонких оттенков цветов в живописи еще не было освоено.

Так же как египтяне отличаются от населения внутренних районов Африки, так и их ближайшими родственниками являются жители северной зоны континента. К западу от них, на побережье Средиземного моря, а также в оазисах пустыни, проживают народы, которых египтяне называют «тухен». Следуя примеру греков, мы перенесли на всех них название ливийцев, той расы, которая поселилась на территории Кирены, где греки впервые узнали о их существовании. В египетских памятниках мы снова встречаем их под именем Ребу (здесь следует раз и навсегда отметить, что ни в египетской речи, ни в египетской письменности нет буквы L, поэтому в иностранных словах каждое R можно читать как L). Название «Ребу», как показывает греческая форма этого слова, произносилось как «Лебу» [Либу]. К востоку от этих ливийцев, на пустынном плато страны Мармарика, проживают тухенну, которые распространились до границ Египта и даже поселились в западной части дельты. Еще дальше на запад, предположительно в окрестностях Сиртов, мы находим машауаша. Греки, особенно Геродот, сохранили для нас большое количество других имен. Все эти племена, к которым относятся и жители оазисов, наиболее тесно связаны друг с другом и вместе с жителями западной части Северной Африки (), нумидийцами и маврами, образуют большую группу народов, которую мы обозначаем термином «ливийцы» или «мавры», или, в современной терминологии, группой берберских народов. Ливийцы светлокожие; на египетских памятниках они изображены с бело-серой кожей.

У мавров старый тип в некоторой степени сохранился до сих пор. Это воинственные, храбрые племена, не лишенные таланта. Но ни один из них, по правде говоря, не развил высокой цивилизации, хотя они переняли некоторые элементы цивилизации от египтян, а позднее, в Мавритании, от карфагенян. Судя по изображениям на памятниках, среди них

был распространен обычай наносить татуировки на руки и ноги; среди выгравированных знаков мы также встречаем символ Нит, покровительницы Саиса, население которого, по-видимому, состояло в основном из ливийцев.

Как на западе, ливийцы и мавританцы, судя по их языку, связаны с египтянами, так и на юге это верно для большого числа племен к востоку от долины Нила. Это предки современных племен бедия (т. е. абабде, бишарин и других, проживающих в пустынях и степях к востоку от долины Верхнего Нила), а также их родственников фалашей, галла и сомали. Среди них страна и народ Куш достигли особого превосходства в древности; они были юго-восточными соседями египтян, которые первоначально селились в пустынях и степях горной страны к востоку от Нила. В ходе истории они продвигаются вперед против негров долины Нила, предков современных нубийцев, и в конце концов устанавливают здесь могущественную империю.

Евреи и ассирийцы привыкли называть эту страну Кушем, и мы тоже привыкли использовать это название «кушиты» вместо «египтяне». Греки называют их эфиопами. В христианскую эпоху это название было принято народом, жившим гораздо южнее, семитскими жителями великого нагорья Хабеш (Абиссиния), и поэтому этот народ и его язык (геэз) сегодня называются эфиопскими. Но нужно быть осторожным, чтобы не переносить этот термин современного употребления в его современном значении на условия древности. Древняя Эфиопия географически примерно совпадает с современной Нубией.

Еще большее замешательство вызвал термин «кушиты». В Ветхом Завете, в обзоре народов, произошедших от Ноя, имя Куш было перенесено на Вавилонию (Быт. 10:8; возможно, также в истории о грехопадении, 2:13). Это объясняется тем, что горная орда грабителей кассаев, или, как они называли себя, касху, на протяжении веков сохраняла господство в Вавилонии; это название было отождествлено еврейским рассказчиком с названием африканского племени. Современные эксперты сделали из этого недоразумения самые иллюзорные выводы. В результате кушиты стали для них азиатско-африканским коренным народом, обитающим на обширной территории, появляющимся повсюду и никогда не находящимся у себя дома; и везде, где мы сталкиваемся с загадками в переданных нам сведениях или где необходимо сделать смелое предположение, эти кушиты вытаскиваются на свет, только чтобы снова исчезнуть в небытие, как только они выполняют свою работу. Представления такого рода проникли в высокоценные этнографические, филологические и исторические труды.

Из аборта, который вырос из слияния вавилонских грабительских и воинственных орд с африканским племенем, первоначально довольно низкого уровня развития и скудными умственными способностями, был создан народ, которому приписывается начало всей цивилизации, чьему вдохновению, как полагают, обязаны своим происхождением великие памятники Египта как и Вавилона, но личность которого перестает быть ощутимой с того момента, как появляются достоверные исторические свидетельства.

В связи с этим мы должны еще раз остановиться на том факте, что коссайцы и кушиты не имеют между собой ни малейшей исторической связи. Последние являются вполне реальным народом, который постепенно впитал в себя определенную степень внешней цивилизации египтян.

С одной стороны, эти восточноафриканские народы, с другой — ливийцы и мавританцы, египтяне образуют большую группу народов, языки которых тесно связаны друг с другом и которых можно обозначить как североафриканские. Североафриканские языки, как в своей грамматической структуре, так и в словарном запасе, показывают родство, пусть и отдаленное, с языком своих восточноазиатских соседей, семитов, *то есть* жителей Аравии,

Сирии, Ассирии и Вавилонии. Особенно в самой древней форме египетского языка, дошедшей до нас, в языке времен пирамид, мы повсюду сталкиваемся с этим родством. Невозможно не прийти к выводу, что было время, когда предки египтян и остальных североафриканцев говорили на одном языке с семитами.

В таком случае мы склонны заключить, что североафриканцы принадлежат к так называемой кавказской расе людей и что они достигли своего позднейшего места обитания в доисторические времена, после отделения от семитов.

Если это предположение и может претендовать на высокую степень вероятности, то мы не продвинулись далеко в понимании исторического развития Египта. Ведь эти странствия и миграции в любом случае относятся к временам, далеким — да, очень далеким — от всех исторических свидетельств, и они не дают нам никаких новых сведений о характере и развитии египтян. Было высказано еще одно предположение, что иммигранты, прибывшие в Египет, обнаружили, что он был заселен коренным населением, которое они покорили, и что из этого населения произошли рабы, которых мы находим в древнем Египте, в то время как иммигранты стали господами и аристократией.

Возможно, это предположение верно; в его поддержку мы можем привести сходство между характером египетского поклонения животным и религиозными представлениями нескольких африканских народов. Но мы никогда не должны упускать из виду тот факт, что сами египтяне не знают о существовании такой теории.

Если и имела место иммиграция и смешение народов, то ко времени постройки пирамид она уже давно была предана забвению; египтяне считают себя автохтонным народом и — за исключением части населения в низинных землях Нубии, Ливии и Азии — единой нацией, в которой не может быть и речи о столкновении ментальных концепций и в которой гордые и смиренные, лорды и рабы не имеют никаких внешних отличительных признаков.

Историческое изложение требует, чтобы мы рассматривали египтян как единый народ, независимо от того, сколько разных племен поселилось в долине Нила в доисторические времена.^{[b](#)}

Самая ранняя известная в Египте стадия развития человека — палеолит; она совпала с дождливым климатом, который позволял расти по крайней мере некоторым видам растительности на высокой пустыне, поскольку большая часть обработанных кремней найдена на высоте от пяти до пятнадцати сотен футов над Нилом, на плато, которое сейчас является полностью бесплодной пустыней. Изношенные водой палеолитические орудия находят в руслах рек, которые сейчас полностью высохли, а обломочные кремни более позднего типа встречаются в глубоких слоях нильского гравия, которые находятся на высоте двадцати или тридцати футов над самым высоким уровнем нынешней реки. Однако этот тип работы продолжался до эпохи существующих условий, поскольку совершенно острые и свежие палеолитические орудия находят в пустыне на такой же низкой высоте, как и нынешний высокий Нил.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ

Дата изменения климата примерно определяется по глубине отложений Нила. Известно, что в течение примерно трех тысяч лет в разных частях Египта подъем дна Нила составлял в среднем около четырех дюймов в столетие, что было связано с ежегодными отложениями ила во время наводнений. А в различных пробуренных скважинах глубина нильского ила составляет всего около двадцати пяти или тридцати футов. Следовательно, возраст

возделываемых земель можно считать как минимум около восьми или девяти тысяч лет, который, вероятно, несколько увеличивается за счет более мелких отложений в более раннее время.

Непрерывная история простирается примерно до 5000 года до НАШЕЙ ЭРЫ, а известный нам доисторический период непрерывной культуры, вероятно, охватывает еще две тысячи лет; следовательно, наши непрерывные знания, вероятно, простираются примерно до 7000 года до НАШЕЙ ЭРЫ, или примерно до времени, когда произошло изменение климата. В то время мы видим, как раса европейского типа начинает непрерывную карьеру, но с остатками расы стеатопигичной, типа «бушменов» (коранна), известной и представленной в моделированных фигурах. Мы едва ли можем избежать вывода, что эта стеатопигичная раса была расой палеолитического человека в Египте, тем более что эта эквивалентность также известна по остаткам, найденным во французских пещерах. Примечательно, что все известные фигурки этой расы — во Франции, на Мальте и в Египте — представляют женщин, что позволяет предположить, что мужчины были истреблены более поздними народами, а женщины были сохранены в качестве рабынь и, следовательно, были знакомы пионерам европейской расы. Эти палеолитические женщины были широкоплечими, с глубокой поясничной кривизной, большими массами жира на бедрах и ягодицах, с волосами вдоль нижней челюсти и на большей части тела.

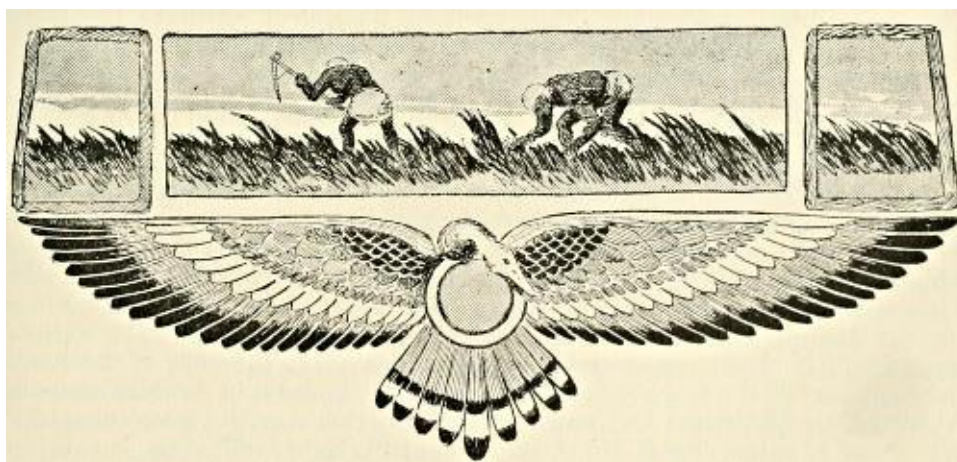
Новая раса, которая пришла в Египет, была европейского типа — стройная, со светлой кожей и длинными волнистыми каштановыми волосами. Череп был очень похож на череп древних и современных алжирцев из внутренних районов; а поскольку один из самых ранних видов их керамики похож по материалу и украшению на современную керамику кабилов, мы можем считать их ветвью алжирцев. По-видимому, они проникли в страну, как только отложения Нила сделали ее пригодной для проживания земледельческого народа. Они уже изготавливали вручную хорошо сформированную керамику, знали о редкости меди и одевались в козьи шкуры. Попад в плодородную страну и, вероятно, смешавшись с более ранней расой, они быстро продвинулись во всех своих производствах и за несколько поколений создали способную цивилизацию. Их работы из кремня были изящными и смелыми, с более тонкой ручной работой, чем у любого другого народа, за исключением их потомков; их каменные вазы были вырезаны из самых твердых материалов с изысканной регулярностью; их резьба по слоновой кости и сланцу была лучше, чем все, что последовало за ними в течение более тысячи лет; и они использовали большое количество знаков, которые, вероятно, были первыми этапами нашего алфавита.

После нескольких веков существования этой культуры в одно и то же время во всех видах деятельности произошли изменения. Вероятно, произошло изменение народа, но не расы, так как тип остался неизменным. Позднее население демонстрирует некоторые восточные сходства; и кажется, что часть раннего ливийского народа проникла в Сирию или Северную Аравию, а затем вернулась через Египет, изменившись под влиянием семитского контакта. Возможно, именно этому притоку семитский элемент в египетском языке и обязан своим появлением.

Этот более поздний доисторический народ привнес новые виды керамики и более развитую торговлю, которая обеспечивала золото, серебро и различные иностранные камни; они также довели искусство обработки кремня до высшей степени регулярности и красоты, а также расширили использование меди и разработали основные инструменты в полном размере. Но они демонстрировали еще меньшее художественное чувство, чем более ранняя ветвь, поскольку все резьба по фигуркам быстро пришла в упадок, как по слоновой

кости, так и по камню. Было введено использование амулетов, а также налобных подвесок из ракушек. А знаки, которые уже были в употреблении, почти полностью исчезли.

Эта доисторическая цивилизация значительно пришла в упадок, когда ее покорил новый приток людей, которые основали династическое правление. По-видимому, они пришли из Красного моря, поскольку вошли в Египет во время правления Коптоса, а не с севера или из Верхнего Нила. Это был народ с высоким уровнем развития искусства, о чем свидетельствуют самые ранние произведения, приписываемые им — скульптуры Мин в Коптосе, — которые отличаются более качественным рисунком, чем любые работы более древних жителей; и они быстро продвинулись в искусстве до благородных произведений I династии. Они также принесли с собой систему иероглифов, которая развивалась вместе с их искусством. Вероятно, они пришли из страны Пунт, расположенной к югу от Красного моря, и, возможно, были ветвью пунической расы, мигрировавшей из Персидского залива по морю в Средиземное море. Они быстро подчинили себе различные племена, проживавшие в Египте, и на памятниках их первых царей изображены по крайней мере пять различных типов людей.⁴ Среди них было две отдельные линии: цари Верхнего и цари Нижнего Египта. На камне из Палермо указаны имена семи независимых царей Нижнего Египта, правивших до времени Менеса: Секер, Тесау, Тау, Теш, Нехеб, Уат-нар и Меха, а в последние несколько лет были обнаружены имена трех додинастических царей Верхнего Египта: Те, Ре и Ка. Выяснить, когда и где правили эти ранние монархи, — вероятно, самая интересная и важная задача, занимающая египтологов сегодня.^а

ГЛАВА II. ДРЕВНЕЕ МЕМФИСКОЕ ЦАРСТВО

ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ
Тиниты

Манефон	Туринский папирус	Абидос	Саккара	Памятники	Годы в Манефоне							
					Африка	Евсевий						
					1	Менес	Мена	Мена		Менес	62	60
					2	Атотис	Ату	Тета		Тета	57	27
					3	Кенкенес		Атет			31	39
					4	Унефес	...а	Ата			23	42
					5	Усафаиды	Хесеп-ти	Хесеп-ти		Хесеп-ти	20	20

6	Миебидос	Мер-ба-пен	Мер-ба-па	Мер-ба-пен		26	26
7	Семенпс	Мен-са-нефер	Сем-эн-Птах		Сем-эн-Птах	18	18
8	Биенечес	...буху	Кебх	Кеб-ху		26	26
Всего 253 (L. 263) 252 или 253 (L. 258)							

[около 4400-4133 гг. до н.э.]

Первым человеческим царем, который, согласно греческим авторам, а также согласно египетским спискам царей, правил долиной Нила, был Менес, называемый на египетском языке Мена. Его семья происходила из Тени, места в Среднем Египте, греческого Тиса [или Тиниса] в Абидосе, места, которое до позднего периода было своего рода религиозным центром царства. Сам Менес, правда, вскоре покинул это место и построил свою резиденцию в другом, более благоприятном месте, где начинались плодородные равнины дельты. Эта новая столица — Мемфис, город, который процветал до самых поздних периодов египетской истории как королевская резиденция и торговый центр. Основание этого места сегодня подвержено наводнениям Нила; так было и в древности, и царь был вынужден защищать землю от этой опасности с помощью мощной дамбы. Дамба, которую он построил, находится в окрестностях места под названием Кочейче. И эта дамба до сих пор защищает всю провинцию Гизе от наводнений.

Эта опасность наводнений в меньшей степени исходит от самого Нила, чем от естественного канала, называемого Бахр-Юсуф [«Река Иосифа»], который огибает Ливийскую пустыню. Таким образом, топографические условия этого места практически не изменились со времен Менеса. Разрушенные руины древнего Мемфиса теперь можно обнаружить лишь по нескольким памятникам, и раскопки здесь были очень непродуктивными, хотя еще во времена арабов остатки города вызвали высочайшее восхищение у арабских авторов. В любом случае, название осталось, и до сих пор большой холм в Митрахени называется Тель-эль-Монф, холм Монфа. Древнеегипетское имя Мемфиса () было Мен-нефер, «хорошее место», священное имя Ха-ха-Птах, «дом божественного лица Птаха», так как Птах оставался на все времена главным богом города. От этого имени, с небольшой долей правдоподобия, пытались произвести греческое название страны Египет.

Деяния, которые в остальном приписываются Менесу, являются именно теми, которыми обычно удостаивается первый правитель страны. По мнению греков, он основал в Мемфисе великий храм Птаха, самый первый храм в Египте; он упорядочил богослужение в храме и почитание бога; кроме того, он был ответственен за введение культа Аписа. Наконец, он даже открыл алфавит, по словам Антиклида, за пятнадцать лет (вероятно, было бы более разумно читать 15 000) до Форонея, архитектора Аргоса.

Диодор добавляет, что царь Менес однажды был преследуем собственными собаками, бежал в озеро Мерис и был перенесен на противоположный берег на спине крокодила. В благодарность и в память о своем чудесном спасении он основал, как гласит легенда, город Крокодилополис и ввел почитание крокодилов, которым он уступил право пользоваться озером. Для себя он воздвиг здесь памятную пирамиду и основал знаменитый Лабиринт. Что касается его характера, то, согласно легенде, он был роскошным принцем, который открыл искусство сервировки стола и научил своих подданных есть в полулежащем положении. В противоречие с этим стоит рассказ Манефона, который изображает его как первого воина-принца и заставляет его сражаться с ливийцами. Согласно Манефону, он погиб, будучи проглоченным бегемотом. Согласно широко распространенной, но совершенно недостоверной истории, в молодости он потерял своего единственного сына Манероса, и народ сочинил на эту тему похоронную песню под названием «Манерос», текст и мелодия которой, как предполагается, сохранились надолго.

До позднего периода Менес почитался в Египте как бог. В этом качестве он появляется на табличке Абидоса как первый из царей; его статуя носится в процессии в Рамсеуме, и даже во времена Птолемеев священник статуй Нектанебо I по имени Ун-нефер был уполномочен почитать его. Его имя просуществовало в Египте даже дольше, чем его почитание; оно было дано одному из самых важных коптских святых, жившим в начале IV века, в честь которого до сих пор названа церковь в старом Каире.

Тета: Эратосфен называл его Атотис I, он, как полагают, правил в течение пятидесяти девяти лет. Согласно Манефону, он построил королевский замок в Мемфисе и написал работу по анатомии, уделяя особое внимание медицине. Последнее предположение в некоторой степени подтверждается рассказом из папируса Эберса о том, что метод стимулирования роста волос, точно описанный в нем, был открыт матерью нашего царя, Шеш. В остальном у нас нет никакой информации о его периоде, за исключением того, что во время правления сына Менеса появился двуглавый журавль; это считалось знаком долгого процветания Египта. Возможно, мы можем объяснить эту легенду тем обстоятельством, что имена двух преемников Менеса образованы от имени бога с головой журавля или ибиса, Техути.

Ата: Во время его правления разразилась великая чума.

Хесеп-ти: [В последние несколько лет было доказано, что правильное чтение этого имени — Сем-ти. Его имя Гора — Тен.

Сем-эн-птах: [Это имя также читается как Семсу.] Согласно Манефону, во время его правления произошла великая чума.

ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ

Тиниты

Манефон	Туринский папирус	Абидос	Саккара	Памятники	Годы в Манефоне	
					Африка	Евсевий

1	Боэтос	...ба-у	Бе-та-у	Нетер-ба-у		38	
2	Чайехос	...ка-у	Ка-ка-у	Ка-ка-у		29	29
3	Бинотрис	...нетерен	Ба-нетер-эн	Ба-нетер-эн		47	47
4	Тлас		Уатнес	Уатнес		17	
5	Сетен	Сента	Сента	Сент	Сент	41	
6	Чайрес	...ка			Пер-аб-сен?	17	
7	Неферчерес			Нефер-ка-Ра		25	
8	Сесохрис					48	
9	Cheneres					30	
Всего 302							

[Есть царь, чье имя Гора читается как Хотеп-Сехмуи, и который, по мнению некоторых авторитетных источников, правил в начале II династии, но пока мы даже не знаем его имени как царя Объединенного Египта]. Ка-ка-у. [При этом царе было введено поклонение быкам Апису.] Банетер-эн. Это Биофис Евсевия. Большое значение для всей истории Египта имеет замечание Манефона о том, что этот царь объявил законной женскую преемственность. В ходе истории Египта нам действительно часто будет приходиться отмечать, какое огромное значение этот народ придавал женской преемственности и как именно это в бесчисленных случаях придавало легитимность вступлению на престол того или иного правителя или династии. Иоанн Антиохийский заставляет Нил течь медом в течение одиннадцати дней во время правления Бинотриса, в то время как Манефон откладывает это чудо до правления Неферхереса.^d

ТРЕТЬЯ ДИНАСТИЯ
Мемфитская

Манефон	Туринский папирус	Абидос	Саккара	Памятники	Годы в Манефоне						
					Африка	Евсевий					
					1	Нечерофес	Секер-нефер-ка		Секер-нефер-ка		28
					2	Тосортос	...тефа		Тефа		29
					3	Тирейс	Татай	Татай	Беби		7
					4	Месохрис	Неб-ка	Неб-ка		Неб-ка-Ра	17
					5	Соуфис	Тер	Тер-са	Т'ер	Т'ер	16
					6	Тосертасис	Т'ер-тета	Тета	Т'ер-тета		19

7	Боли					42
8	Сефурис		Сетэс	Ра-неб-ка?		30
9	Черферес	Хуни	Ра-нефер-ка	Хуни	Хуни	26
ПРИМЕЧАНИЕ — Т' произносится как tch или z.						Всего 214

К сожалению, пока что мы не можем однозначно идентифицировать Нехерофеса на табличках и памятниках. Новая версия, которая имеет много преимуществ (), связывает его с Неб-ка или Неб-ка-Ра (№ 4 в таблице Видемана). Это позволило бы соединить Секер-нефер-ка с Сесокрисом (№ 8, II династия) с дополнительной поддержкой того, что «охрис» явно является греческим эквивалентом «Секер»; а Тефа с Ченересом, хотя последнее предположение, по общему признанию, является лишь догадкой. Это ставит Тэр-са (или Зесер, как его чаще пишут) напротив Тосортоса. Мы знаем, что Зесер построил ступенчатую пирамиду в Саккаре, а Манефон говорит, что Тосортрос «построил дом из тесаных камней». Он является самым важным правителем династии. Манефон также приписывает ему совершенствование искусства письма; он также, по-видимому, был врачом, и по этой причине божественным Эскулапом греков. От Тосертасиса до конца династии мнения о порядке или идентификации различаются, и в результате мы до сих пор не имеем ясности в отношении Тиреса, Месохриса и Суфиса.

ДИНАСТИЯ ПИРАМИД

[около 3766 г. до н. э.]

IV династия представляет особый и уникальный интерес для случайного наблюдателя египетской истории, потому что именно в это время были возведены всемирно известные пирамиды, которые в классическую античность считались одним из чудес света и чье имя для всех последующих поколений стало почти синонимом Египта. Если бы кто-то решил составить список чудес света в наши дни, их число значительно превысило бы классическую оценку в семь, но можно усомниться, что среди них найдется что-то более заслуживающее звания чуда, чем эти пирамиды. Даже если бы они были построены сегодня, они считались бы чудесными сооружениями, а поскольку они датируются самой далекой древностью, когда о современных механических устройствах еще и не мечтали, они кажутся почти чудесными. Ничто, что может показать любая другая страна, не может соперничать с ними или повторить их; они уникальны, как и сам Египет.

Еще больший интерес к пирамидам добавляет тот факт, что мы почти ничего не знаем об их строителях, кроме того, что рассказывают сами эти сооружения. Пирамиды олицетворяют историю целой эпохи. Они являются живым свидетельством того, что в ту эпоху Египет был заселен высокоразвитым народом. Но практически все, что мы знаем об этом народе, — это то, что они были строителями пирамид. Однако даже это уже много, и мы с пользой для себя подробно остановимся на этих памятниках, рассмотрев их с как можно большего числа точек зрения — с одной стороны, глазами Диодора, а с другой — самых последних европейских исследователей.

[около 3733-3633 гг. до н. э.]

Диодор, выражая традиции своего времени, дает следующее занимательное описание этих чудес:^[2]

«Хеммис [Хуфу или Хеопс], восьмой царь из Ремфиса, был родом из Мемфиса и правил пятьдесят лет. Он построил величайшую из трех пирамид, которые считались одним из семи

чудес света. Они стоят в направлении Ливии, в ста двадцати стадиях от Мемфиса и в пятидесяти четырех от Нила. Величие этих сооружений и чрезмерный труд рабочих, вложенный в их строительство, вызывают у зрителей восхищение и изумление. Самая большая из них имеет форму квадрата со стороной 700 футов в основании и высотой более 600 футов, сужаясь по мере подъема, пока не достигает вершины, площадь которой составляет 6 локтей в квадрате. Он построен из цельного мрамора, грубо обработанного, но вечного: хотя прошло уже тысяча лет с момента его постройки (некоторые говорят, что более трех тысяч четырехсот), камни по-прежнему прочно соединены, а все здание остается целым и без малейших признаков разрушения, как и в момент его возведения. Камень, как говорят, был привезен издалека, из Аравии, и строительство велось с помощью земляных насыпей, поскольку в то время краны и другие механизмы были неизвестны. И что наиболее удивительно, так это то, что фундамент, как кажется, был заложен весьма неосторожно, на песчаном месте, где нет ни малейших следов насыпанной земли, ни следов от резки и полировки камней; так что весь сооружение кажется воздвигнутым сразу и закрепленным посреди куч песка каким-то богом, а не построенным постепенно руками людей. Некоторые египтяне рассказывают удивительные вещи и придумывают странные басни об этих сооружениях, утверждая, что горы были сделаны из соли и селитры и что они растаяли под натиском реки, и, растворившись, все было смыто, кроме самого здания. Но это не соответствует действительности; огромное количество рук, поднявших горы, вернуло землю на место, откуда ее выкопали, ибо, как говорят, в этой работе было задействовано триста шестьдесят тысяч человек, и все было едва завершено за двадцать лет.

«Когда этот царь умер, его брат Кефрес [Хаф-Ра] унаследовал его власть и правил шестьдесят пять лет. Некоторые говорят, что это был не его брат, а его сын Чабрис, который вступил на престол. Но все сходятся в том, что преемник, подражая своему предшественнику, воздвиг еще одну пирамиду, похожую на предыдущую как по структуре, так и по искусной работе, но не столь большую, поскольку каждый квадрат основания имел ширину всего в один фулонг.

«На большей пирамиде была высечена надпись о стоимости трав и лука, которые были потрачены на рабочих во время строительства, и которая составила более шестнадцати сотен талантов.

На меньшей пирамиде ничего не написано: вход и подъем находятся только с одной стороны, высеченные ступенями в главном камне. Хотя цари спроектировали эти две пирамиды для своих гробниц, ни один из них не был похоронен там. Потому что народ, разгневанный на них из-за тяжелого труда, которому он был подвергнут, а также из-за жестокости и угнетения со стороны своих царей, угрожал вытащить их трупы из могил, разорвать их на куски и бросить собакам; поэтому оба они на смертном одре приказали своим слугам похоронить их в каком-нибудь неизвестном месте.

«После него правил Микерин [Менхерес] (иначе называемый Черином), сын того, кто построил первую пирамиду. Этот принц начал строительство третьей, но умер, не дойдя до ее завершения; каждый квадрат основания имел триста футов. Стены высотой в пятнадцать этажей были из черного мрамора, подобного тебскому, остальная часть была из того же камня, что и другие пирамиды. Хотя другие пирамиды превосходили эту по величию, тем не менее она значительно превосходила остальные по своеобразию конструкции и размерам камней. На северной стороне пирамиды было высечено имя ее основателя Мецерина. Говорят, что этот царь, ненавидевший суровость прежних царей, всю свою жизнь вел себя мягко и благосклонно по отношению ко всем своим подданным и делал все возможное, чтобы завоевать их любовь и доброжелательность к себе; помимо прочего, он тратил

огромные суммы денег на оракулы и поклонение богам; он дарил щедрые подарки честным людям, которых, по его мнению, обидели и несправедливо судили в судах.

«Есть и другие пирамиды, каждая из которых имеет основание в 200 футов в квадрате и во всем похожа на другие, за исключением размера. Говорят, что эти три последних царя построили их для своих жен.

«Нет ни малейшего сомнения в том, что эти пирамиды намного превосходят все другие сооружения во всем Египте не только по величию и стоимости строительства, но и по совершенству исполнения: ведь архитекторы (как говорят) заслуживают гораздо большего восхищения, чем сами цари, которые оплатили их строительство. Ведь те действовали исключительно благодаря своей изобретательности, а эти не сделали ничего, кроме как использовали богатство, переданное им по наследству от своих предшественников, и труд других людей».^е

СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ ПИРАМИД

Египтяне фиванского периода были вынуждены формировать свое мнение о фараонах менфисской династии так же, как и мы, в меньшей степени на основе конкретных фактов их деяний, а в большей степени на основе размера и количества их памятников: они оценивали величие Хеопса [Хуфу] по размерам его пирамиды, и все народы последовали этому примеру, Хеопс по-прежнему остается одним из трех или четырех имен древних времен, которые звучат знакомо для наших ушей. Холмы Гизы в его время заканчивались голой, продуваемой ветрами равниной. Несколько одиноких мастаб были разбросаны тут и там по ее поверхности, подобно тем, чьи руины до сих пор венчают холм Дахшур.

Сфинкс, еще в древности погребенный по плечи, поднял голову на полпути восточного склона, в его южном углу; рядом с ним храм Осириса, повелителя Некрополя, быстро исчезал под песком; а еще дальше старые заброшенные гробницы покрывали скалу, как соты.

Хеопс [Хуфу] выбрал место для своей пирамиды на северном краю плато, откуда открывался вид на город Белой Стены, одновременно являвшийся священным городом Гелиополисом. Небольшой холм, с которого открывался этот вид, был грубо сглажен и включен в каменную кладку; остальная часть участка была выровнена для укладки первого ряда камней.

После завершения строительства пирамида имела высоту 476 футов и основание 764 фута в квадрате, но под воздействием времени эти размеры сократились до 450 и 730 футов соответственно. До арабского завоевания она сохраняла свою полированную облицовку, окрашенную временем, и была настолько тонко соединена, что можно было бы сказать, что она представляла собой единую плиту от верха до низа. Работа по облицовке пирамиды начиналась с вершины; сначала устанавливалась вершина, затем последовательно укладывались ряды, пока не доходили до основания.

Внутри были применены все возможные ухищрения, чтобы скрыть точное местонахождение саркофага и отбить охоту у раскопщиков, которых случай или настойчивые поиски могли бы привести на правильный след. Первой трудностью для них было бы обнаружить вход под известняковой облицовкой. Он был скрыт почти посередине северной стороны, на уровне восемнадцатого ряда, примерно в сорока пяти футах над землей. Подвижная плита, вращающаяся на каменном шарнире, так эффективно маскировала его, что никто, кроме жрецов и хранителей, не мог отличить эту плиту от соседних. Когда ее поднимали, открывался зияющий проход высотой три с половиной фута и шириной четыре фута. Проход представляет собой наклонную плоскость, проходящую частично через каменную кладку, а частично через твердую скалу на расстояние 318 футов; он проходит через незавершенную камеру и заканчивается тупиком на расстоянии 59 футов дальше.

Великая пирамида называлась Хут, «горизонт», в котором должен был поглотиться Хеопс, так как его отец, Солнце, каждый вечер погружался в западный горизонт. Она содержала только комнаты покойного, без единого слова надписи, и мы бы не знали, кому она принадлежала, если бы каменщики во время ее строительства не нанесли здесь и там красной краской среди своих личных знаков имя царя и дату его правления. Поклонение этому фараону совершалось в храме, построенном немного впереди восточной стороны пирамиды, от которого не осталось ничего, кроме груды руин.

Фараону не нужно было ждать, пока его мумифицируют, чтобы стать богом; религиозные обряды в его честь были установлены при его восхождении на престол; и многие из тех, кто составлял его двор, привязались к его двойнику задолго до того, как его двойник покинул тело. Они верно служили ему при жизни, чтобы в конце концов упокоиться в его тени в маленьких пирамидах и мастабах, которые группировались вокруг него. О Дадеф-Ра (или Татф-Ра), его непосредственным преемнике, мы можем с уверенностью сказать, что он правил восемь лет.

[Это согласно спискам Абидоса и Саккары, но его хронологическое положение по-прежнему остается неопределенным. В надписи Мертитф, одной из цариц Снеферу, упоминается, что она позже была фавориткой Хеопса и даже в старости — Хаф-Ра. Если это правда, то между этими правлениями не остается места для Дадеф-Ра, поэтому он был либо соправителем, либо преемником. В XXVI династии его жрецы в нескольких случаях указывают преемственность как Хеопс, Хаф-Ра, Дадеф-Ра. Профессор Петри отождествляет его с Ратоисом из Манефона и таким образом делает его третьим преемником Хеопса, но профессор Масперо в своем прочтении «Дадеф-Ра» явно не согласен с таким признанием.

Возможно, что этот царь является тем же лицом, что и принц Хортотеф, сын Хеопса, который, как герой известной сказки, является одним из самых известных персонажей ранней египетской литературы.

[около 3666-3600 гг. до н.э.]

Но Хаф-Ра (или Хефрен), следующий сын, который унаследовал трон, построил храмы и гигантскую пирамиду, как и его отец. Он разместил ее примерно в 394 футах к юго-западу от пирамиды Хеопса (Хуфу) и назвал ее Ур, «Великая». Однако она меньше соседней и достигает высоты всего 443 футов, но на расстоянии разница в высоте исчезает, и многие путешественники по этой причине приписывают обеим пирамидам одинаковую высоту.

Внутренняя планировка пирамиды очень проста: она состоит из гранитного прохода, тщательно скрытого в северной стене, который сначала идет под углом 25°, а затем горизонтально, пока не заканчивается гранитной преградой в точке, обозначающей изменение направления; второй проход, который начинается снаружи, на расстоянии нескольких ярдов от основания пирамиды, и, проходя через незавершенную камеру, соединяется с первым; наконец, камера, выдолбленная в скале, но увенчанная остроконечной крышей из тонких известняковых плит. Саркофаг был из гранита и, как и саркофаг Хеопса, не нес ни имени царя, ни изображения бога.

Из сыновей Хаф-Ра, Мен-кау-Ра (Микерин у греков), который был его преемником, едва ли мог мечтать превзойти своего отца и деда; его пирамида, «Высшая» (Хер), едва достигала высоты 216 футов и была превзойдена по высоте пирамидами, построенными позднее. До четверти своей высоты она была облицована сиенитом, а остальная часть, вплоть до вершины, — известняком. Несомненно, из-за нехватки времени обработка гранита не была завершена, но известняк был отполирован настолько, насколько это было возможно. Ограждающая стена была продлена на север, чтобы соединяться со стеной Второй пирамиды и иметь ту же ширину. Храм был соединен с равниной длинной и почти прямой дамбой, большая часть которой пролежала по насыпи, возвышающейся над соседней местностью.

Внутренняя планировка пирамиды несколько сложна и свидетельствует о неожиданных изменениях, произошедших в ходе строительства. Первоначальная центральная часть, вероятно, не превышала 180 футов в ширину у основания и имела вертикальную высоту 154 фута. Она содержала наклонный проход, высеченный в самом холме, и продолговатую камеру с низким потолком, лишенную украшений. Основная часть работы уже была завершена, а облицовка еще не начата, когда было решено изменить пропорции всего сооружения. Менкаура, по-видимому, не был старшим сыном и назначенным наследником Хаф-Ра; будучи еще простым принцем, он готовил для себя пирамиду, подобную тем, что находятся рядом с «Горизонтом», когда смерть отца и брата призвала его на трон.

То, что было достаточно для него в детстве, больше не подходило ему как фараону; масса сооружения была увеличена до нынешних размеров, и в нем был проложен новый наклонный проход, в конце которого зал, обшитый гранитом, давал доступ к своеобразной прихожей. Последний соединялся горизонтальным коридором с первым сводом, который был углублен для этой цели; старый вход, теперь уже не используемый, был грубо засыпан.

Менкаура не нашел своего последнего пристанища на этом верхнем уровне внутренней части пирамиды: узкий проход, скрытый за плитами второй камеры, спускался в секретную крипту, облицованную гранитом и покрытую сводчатой крышей. Саркофаг представлял собой единый блок сине-черного базальта, отполированный и вырезанный в форме дома с

фасадом, имеющим три двери и три отверстия в виде окон, все это обрамлено закругленной лепниной и увенчано выступающим карнизом, подобным тому, который мы привыкли видеть на храмах. Гробница из кедрового дерева имела форму человеческого тела с головой мужчины; она не была ни расписана, ни позолочена, но на ее передней части была вырезана надпись в две колонки, содержащая имя фараона и молитву от его имени.

Пример, поданный Хуфу, Хаф-Ра и Мен-кау-Ра, ни в коем случае не был утрачен в более поздние времена. С начала IV до конца XIV династии — в течение более полутора тысяч лет — строительство пирамид было обычным государственным делом, обеспечиваемым администрацией.

Не только фараоны строили их для себя, но и принцы и принцессы, принадлежащие к семье фараонов, строили свои, каждый в соответствии со своими ресурсами; три из этих второстепенных мавзолеев расположены напротив восточной стороны «Горизонта», три — напротив южной стороны «Верховного», а везде — возле Абусира, в Саккаре, в Дахшуре или в Фаюме — большинство королевских пирамид привлекали вокруг себя более или менее многочисленную свиту пирамид княжеского происхождения, часто упрощенных по форме и несоразмерных.^f

СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД

[около 3766-3566 гг. до н.э.]

Снеферу — первый правитель Египта, о деяниях которого нам что-то известно. Рельеф с надписью в Вади-Магара на полуострове Синай изображает его убивающим дубиной племена Менту, грабителей из пустыни. Согласно надписям XII династии в Сарбут-эль-Хадиме, он, по-видимому, считался основателем египетского господства на полуострове Синай. Его память почиталась на протяжении многих лет; его поклонение часто упоминалось, а в литературных произведениях также вспоминалось его щедрое правление. Вероятно, он был похоронен в Великой пирамиде, которая имеет вид террас, в Медуме, открытие которой началось недавно. В одной из соседних гробниц была найдена статуя ее архитектора, Хенки, и, вероятно, остальные гробницы в Медуме относятся к этой эпохе.

Преемник Снеферу, Хеопс, известный Геродоту как Хеопс, был строителем самой большой пирамиды. Ему также приписывают строительство храмов (храм «Леди пирамид», Исиды, в Гизе и проектирование храма в Дендере), а город Менат-Хеопс носит его имя. Он также сражался на полуострове Синай. Перед огромной гробницей царя в трех небольших пирамидах похоронены его жены и другие родственники, а вокруг них в масштабах — вельможи его двора. То, что греки рассказывают об угнетении Египта Хуфу и Хаф-Ра и об их безбожности, в то время как Мен-кау-Ра, как строитель маленькой пирамиды, рассматривается как праведный и справедливый правитель, — это их собственные слова, которые они вкладывают в уста египтян; такая концепция далека от истины, и картина, которую мы получаем из гробниц того периода, в целом яркая и веселая. Безусловно, каждый современник гордился тем, что принимал участие в этом гигантском сооружении.

После короткого правления Татф-Ра последовал Хаф-Ра, строитель второй пирамиды в Гизе, к которому, вероятно, относится загадочное огромное сооружение из гранита и алебаstra к югу от Великого Сфинкса; в нем были найдены фрагменты девяти статуй царя. Его следующими преемниками были Менкаура, Микерин Геродота, строитель третьей пирамиды в Гизе, и Шепсескаф, о котором мы узнаем что-то определенное из биографии Пта-Шепсеса, похороненного в Саккаре. Он был воспитан при дворе Менкаура вместе с

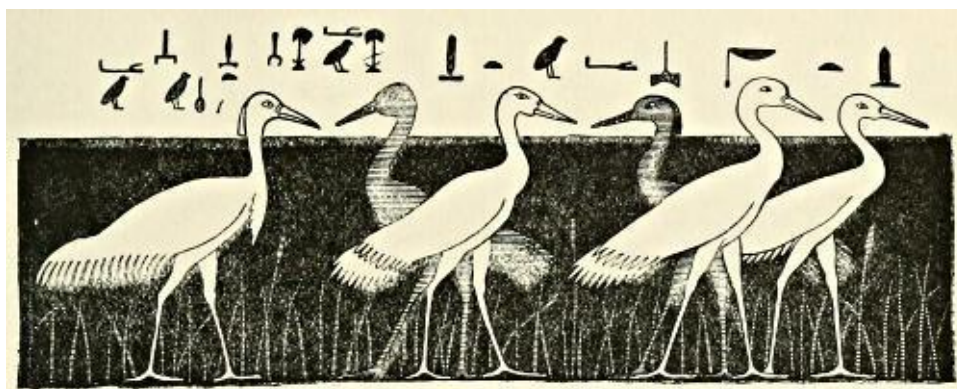
детьми царя; он вырос под опекой Шепсеска-ка-фа, который отдал ему в жены свою старшую дочь, осыпал его почестями и назначил секретарем всех сооружений, которые он планировал построить.

Тот факт, что ни в этой биографии, ни в других памятниках этой эпохи не упоминается о военных походах, а постоянно упоминаются мирные предприятия, путешествия, праздники и, прежде всего, сооружения царя, является важным признаком характера той эпохи.

[около 3566-3300 гг. до н.э.]

Манефон теперь выделяет трех царей, правивших в течение тридцати восьми лет, которые нигде не упоминаются в надписях, а затем начинает новую династию (V) с Усерхересом, который происходил из Элефантины. Но в памятниках указано, что сразу после Шепсес-ка-фа последовал Ускаф (или Усер-ка-ф) [Усерхерес]. Самое большее, что могло произойти, — это короткие перерывы между правлениями, и принц Сехем-ка-Ра жил при пяти царях: Хаф-Ра, Мен-кау-Ра, Шепсес-ка-ф, Ускаф и Саху-Ра, чьи правления длились около века. Весьма вероятно, что новая династия пришла к власти либо мирным, либо насильственным путем; в Туринском папирусе часть, которая, вероятно, содержала сведения о правлении Ускафа, полностью выпала.

Мы знаем очень мало об Ускафе или Усерхересе. Его преемник Саху-Ра, напротив, является одним из самых известных правителей того времени. Он также сражался в Вади-Магаре. Следующих царей невозможно с уверенностью расположить в порядке их правления. Туринский папирус позволяет проследить восемь правлений, в основном коротких, а на пятом месте вводит пробел; списки Абидоса и Саккары дают нам только три имени. Только Нефер-ар-ка-Ра и особенно Ан, первый царь, который дал себе титул (Усер-эн-Ра), были вообще значимыми. Затем последовали Мен-кау-хор (восьмилетнее правление), Асса с именем Тат-ка-Ра (двадцать восемь лет) и Унас (тридцать лет), из которых первый и второй, как и Ан, оставили памятники, увековечивающие их победы на полуострове Синай.

Рисунки египетских птиц

(С памятников)

Первая эпоха египетской истории заканчивается правлением Унаса. Прошло почти триста лет с тех пор, как Снеферу построил свою пирамиду и праздновал победу в Вади-Магаре. На протяжении всего этого периода Мемфис был центром царства, а его некрополь — почти единственным источником информации о том времени. После смерти Унаса — неизвестно, умер ли он мирно или был свергнут в результате революции — на трон взошла новая династия, и центр египетской жизни начал постепенно смещаться. Туринский папирус

справедливо проводит здесь первое основное деление и приводит сумму всех правлений от Менеса до Унаса, но, к сожалению, цифры утрачены.

[около 3866-3300 гг. до н.э.]

Далее следует таблица царей, в которой списки Манефона для III, IV и V династий сравниваются со списками Туринского папируса, Абидосской таблички, Саккарской таблички и настенного списка Карнака.⁴ Следует напомнить, что эти списки, взятые вместе, дают нам основную информацию, доступную в настоящее время о подлинной последовательности ранних египетских правителей. Несмотря на несколько отталкивающий на первый взгляд вид, эта табличка заслуживает тщательного изучения. Она иллюстрирует, как необходимо сопоставлять различные списки, чтобы сформировать полную запись. Она также показывает, насколько сильно эллинизированные имена в списке Манефона отличаются от египетских оригиналов, что дает представление о том, насколько иногда приходится полагаться на догадки при идентификации. Действительно, трудно сказать, что было большим несчастьем: исчезновение истории Манефона или несчастный случай, в результате которого Туринский папирус был разбит на множество маленьких кусочков, которые были восстановлены Сейфартом в ненаучном и почти бесполезном состоянии.^а

Туринский папирус [P.], Абидосская табличка [A.], Саккарская табличка [S.], Карнак [K.].		Манефон	
Зесер, П. А. С.		Династия III—	2 Тосортрос
Перерыв в династии	19 лет		6 Тосертасис
Зесер Тета, П. А. С.	6 лет		
Сетс, А.; Неб-ка-Ра, С.	6 лет		
Нефер-ка-Ра, А.; Хуни, С.	24 года		

Снеферу, А. С. К.	24 года	Династия IV—	1	Сорис
Хуфу, А. С.	23 года		2	Суфис
Татф-Ра, А. С.	8 лет			
Хаф-Ра, А. С.	? лет		3	Суфис
Мен-кау-Ра, А. С.	? лет		4	Менхерес
Шепсес-ка-ф, А. С.	? лет		5	Рхатоисес
			6	Бичерис
			7	Себерчерес
			8	Тамфтис
[Ус-ка-ф, А. С.]	[отсутствует]	Династия V—	1	Узерхерес

[A. S. K.] Саху-Ра	18-38	2	Сефрес
	Сюда относятся:		
	{ Какаа, А.; и Монум.	4 года	
	{ Нефер-Ра, А.	2 года	
	{ Нефер-ар-ка-Ра, С.; и Монум.	7 лет	3 Неферчерес
{ Шепсес-ка-Ра, С.	12 лет	4	Сисирес
{ Нефер-ха-Ра, С.	? лет }	5	Черес
{	Разрыв в династии }		
{ Акау-хор, Монум.	7 лет }		
{ и, возможно, Ахтес	? лет }		

[User-en-Ra, An. A. K.]	10-30 лет }	6	Ратурес
Мен-кау-хор, П. А. С.	8 лет	7	Менхерес
Тат-ка-Ра, Асса., П. А. С. К.	28 лет	8	Танчерес
Унас, П. А. С.	30 лет	9	Оннос
мнадцать правлений,	236-276 лет		
следует добавить шесть правлений, продолжительность которых неизвестна.		Итого: 277 лет для IV династии, 248 лет для V династии, что отличается суммы отдельных правлений.	

Если мы примем пятнадцать лет для каждого из шести отсутствующих правлений, то получим для периода от Зезера до Унаса около 350 лет. Таким образом, на девятнадцать царей Туринского папируса от Менеса до Зезера (исключительно) приходится около 350 лет, от Менеса до Снеферу (исключительно) — около 350, от Снеферу до Унаса — около 300, что очень хорошо согласуется с указаниями на памятниках. (Согласно наиболее достоверным из приведенных цифр Манефона, первые три династии просуществовали 769 лет, IV и V — 525 лет).^{[b](#)}

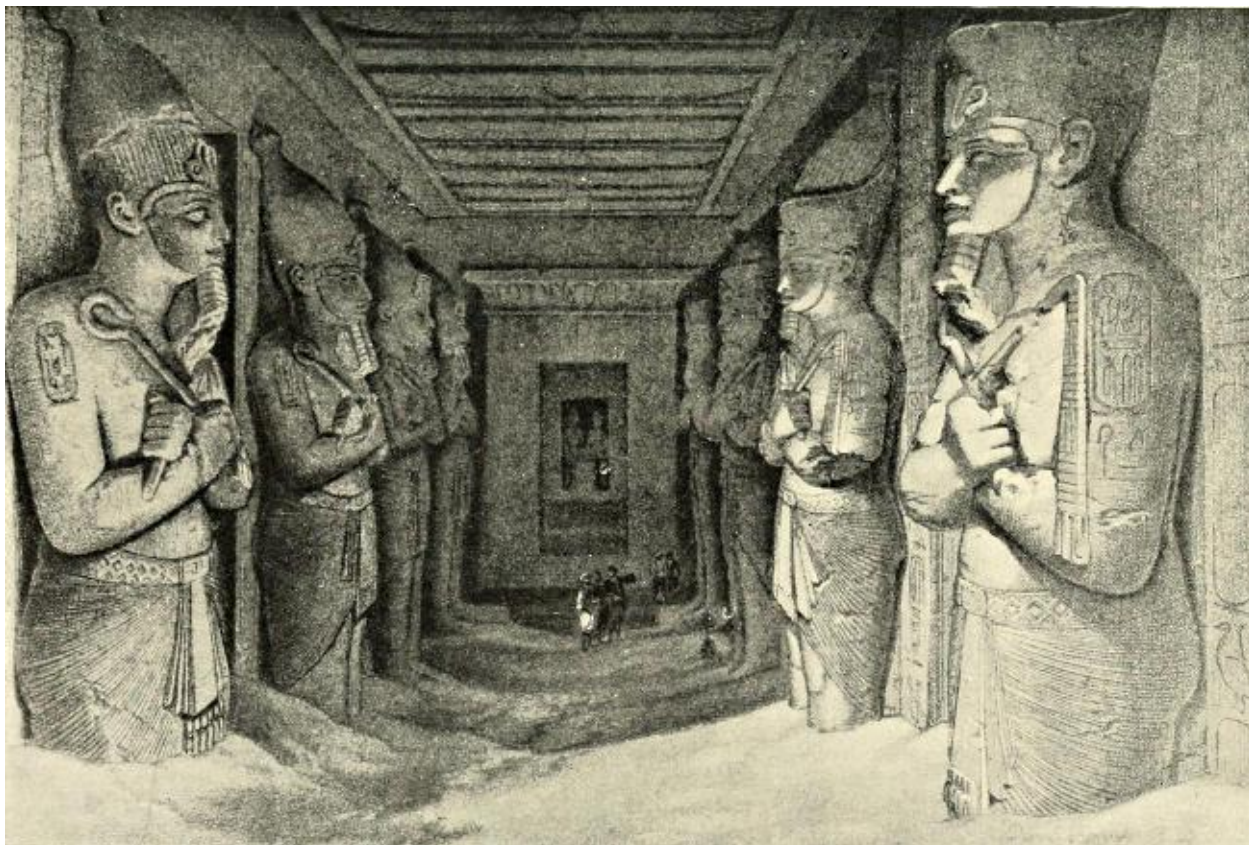
[около 3566-3300 гг. до н.э.]

Недавние открытия пролили некоторый свет на неясности V династии, особенно в отношении царей № 13-19, указанных в таблице выше. Последние исследования показали:

(1) Какаа (№ 13) должен быть лишь другим, вероятно личным, именем либо Нефер-ар-ка-Ра, либо Шепсес-ка-Ра, скорее всего первого.

(2) Акау-хор, упоминаемый в нескольких памятниках, вероятно, является личным именем Нефер-ха-Ра (табличка из Саккары); теперь читается как Нефер-ф-Ра.

Теперь мы также можем отвергнуть Нефер-Ра (№ 14) и Ахтес (№ 19) и считать, что V династия, начинающаяся с Ускафа и заканчивающаяся Унасом, состояла из девяти царей и просуществовала около двухсот двадцати лет.

ИНТЕРЬЕР ХРАМА В АБУ-СИМБЕЛЕ

До нас дошли различные памятники V династии, в том числе надписи на стелах и табличках, алебастровая ваза, полированная чернильная плита и скарабеи. Одним из наиболее интересных памятников этого периода является папирусный свиток, найденный в 1893 году в Саккаре недалеко от ступенчатой пирамиды. Этот папирус содержит рассказ о правлении царя Тат-ка-Ра или Ассы и считается самым старым из сохранившихся фрагментов рукописи. Гораздо более известный папирусный свиток, так называемый папирус Присса, который иногда называют самой старой книгой в мире и который сейчас хранится в Национальной библиотеке в Париже, считается копией оригинала, написанного во времена Ассы. Сам папирус Присса датируется XII династией. Он был написан неким Птах-хотепом, о котором в самой книге говорится как о «сыне царя, от его тела», что может означать, что автор действительно был сыном царя (Бругш) или что он был родственником монарха, возможно, его дядей (Петри). Сам документ представляет особый интерес, помимо своего возраста. Это философские размышления старика, который, с тоской сетуя на немощи старости, с сожалением оглядывается на ушедшие времена, но в целом его взгляд мудр и оптимистичен. «Сердце радуется и ум ликует, — говорит Бругш, — когда следишь за этой старой речью, которая сохраняет интимные мысли принца о возрасте, охватывая весь ход человеческого существования простыми, детскими словами. Здесь содержится благородный урок о подлинном величии человека, ибо на протяжении всего текста он дышит духом человеческой чистоты, который находит единственное подлинное величие в скромном уме».

Профессор Махаффи, высказываясь в несколько похожем духе, обращает внимание на тот факт, что нравы, стремления и нерешенные социальные проблемы далекого времени, в которое писал Птах-хотеп, имеют удивительное сходство с сегодняшними, указывая на мораль, что человечество не сильно изменилось в сущности за прошедшие пять или шесть тысяч лет.

[около 3300-3166 гг. до н.э.]

После V династии, которая, по мнению автора Туринского папируса, положила конец одной эпохе, наступил период длиной в пятьсот и более лет, о котором в истории Египта известно относительно мало. Согласно спискам Манефона, в этот период произошел подъем и падение различных династий, которые, несмотря на скудность сведений о них, вошли в традиционную историю как VI–X династии. Туринский папирус и списки Абидоса, Саккары и Карнака предоставляют нам различные имена, в основном не связанные с именами Манефона. Однако есть два или три исключения, в частности, царь, названный третьим в VI династии Манефона, Филос, который, как полагают, представляет монарха, названного во всех других списках Мери-Ра, или, как он более известен, Пепи, что является его фамилией. Этот монарх, который, вероятно, жил около 3200 г. до н. э., был Рамсесом II своей эпохи. Он оставил нам больше памятников, чем любой другой правитель до XII династии. К ним относятся пирамида в Саккаре, наскальные надписи на стелах в Элефантине и других местах, статуэтки, канонические сосуды, цилиндры и скарабеи. Наиболее примечательным из всех памятников, приписываемых ему, является Красный Сфинкс из Таниса, который сейчас находится в Лувре в Париже и который, если он действительно принадлежит ему (этот вопрос до сих пор не решен даже среди ведущих экспертов), является самым старым из известных сфинксов. Если он подлинный, то лицо этого сфинкса, вероятно, представляет собой изображение Пепи, которое, без сомнения, является самым древним из существующих портретов.

Великий строитель и создатель памятников, он был также великим завоевателем, ведя успешные войны против Ааму и Херуша, которые населяли пустыню к востоку от дельты. Он даже расширил свои завоевания на «землю Терехба», которая, как предполагается, могла быть Сирией или, возможно, находилась еще дальше на севере: сходство названий позволяет предположить, что речь идет о тибаренах, одном из небольших народов Малой Азии. В любом случае, военная экспедиция против этого неизвестного народа была осуществлена с помощью кораблей.

Самое интересное о царе Пепи еще предстоит рассказать. Это то, как до нас дошли записи о его деяниях. Различные памятники, оставленные самим царем, содержат скудные упоминания о его достижениях. Надпись, которая позволяет нам заглянуть в жизнь величайшего монарха своей эпохи, принадлежит не самому монарху, а одному из его слуг. Этот царский чиновник носил имя Уна. Его происхождение неизвестно, и нет оснований предполагать, что он был королевской крови, но он достиг высшего отличия. Согласно надписи над его могилой, он стал «держателем короны Его Величества (царя), управляющим складом и регистратором (священным писцом) доков» для царя Тета, предшественника царя Пепи.

[около 3166-3033 гг. до н.э.]

После смерти своего господина Уна, по-видимому, перешел на службу к следующему правителю, Пепи, в качестве «главы казны Его Величества (короля) со званием компаньона, писца, жреца места его пирамиды». «Его Величество был доволен мной (больше, чем всеми) своими слугами», — заявляет Уна. «(Он также дал мне) право слышать все. Я был один с королевским писцом и хранителем всех тайн. Царь был доволен мной больше, чем кем-либо из своих вождей, членов семьи и слуг».

Далее в надписи подробно описываются услуги, оказанные Уной Пепи и его сыну Мер-эн-Ра. Он полностью заслужил все свои титулы и почести. Похоже, что он отвечал не только за домашние дела, строительные работы, перемещение памятников и тому подобное, но и был

главнокомандующим армией и эффективным помощником Пепи в его завоеваниях внутри страны и за рубежом, как он сам говорит: «Он пять раз посылал меня, чтобы подчинить землю Херуша и подавить их восстание этой силой. Его Величество был доволен этим больше всего на свете, говоря: «Восстали негры этого племени земли Хетам, безопасно до Тахисы; я снова отплыл на лодках с этой силой. Я подчинил эту страну от крайней границы на севере земли Херуша. Затем этой армии было приказано выступить в поход. Они также покорили всех противников, нанеших им поражение. Это место было брошено под мои сандалии. Царь Верхнего и Нижнего Египта Мер-эн-Ра, Божественный Господь, вечно живой, даровал мне титул герцога, губернатора Юга, простирающегося от Абу до севера нома Летополис. Я очень порадовал Его Величество, я очень порадовал Его Величество к удовлетворению Его Величества».

Один из самых интересных отрывков в надписи Уны — это тот, в котором он подробно описывает транспортировку пирамиды Ха-нефера Мер-эн-Ра, построив для нее «грузовую лодку в маленьком доке длиной 60 локтей и шириной 30 локтей, сооруженную за 17 дней в месяце Эпифи». В реке не было достаточно воды, чтобы безопасно буксировать пирамиду, но надпись продолжается: «Это было сделано мною немедленно перед богом (царем). Его Величество Божественный Господь приказал и послал меня выкопать четыре дока на юге для трех грузовых лодок, четыре транспорта в небольшом бассейне земли Уават. Затем правители стран Арарет, Аам и Ма предоставили для них дерево. Это было сделано примерно за год во время наводнения, загруженного большим количеством гранита для пирамиды Ха-нефер Мер-эн-Ра» (перевод Бирча из ⁴).

Помимо своего внутреннего интереса, эта надпись Уны имеет особое историческое значение, поскольку иллюстрирует этап жизни в Египте, который мы не увидим среди семитских народов Азии, а именно тот факт, что простой подданный царя мог оставить постоянную запись о своих деяниях. В Вавилонии и Ассирии в надписях всегда говорит монарх; имя подданного никогда не упоминается. Даже в Египте имя подданного встречается не так часто, но тот факт, что это иногда происходит, отмечает явное различие между характером египетской и азиатской цивилизаций.

[около 3066-3033 гг. до н.э.]

Еще один монарх VI династии приобрел традиционную известность, на этот раз благодаря страницам Геродота. Это царица Нитокрис. Геродот, конечно, не дает нам никаких подсказок относительно времени правления этой женщины-монарха, но ее имя фигурирует в списках Манефона. Геродот привлекла живописная история, рассказанная ему египетскими жрецами о Нитокрисе. Он утверждает, что из трехсот тридцати правителей, преемников Менеса, перечисленных ему из книги египетскими жрецами, только одна была женщиной, уроженкой этой страны. Он продолжает: «Женщина звалась Нитокрис, что было также именем вавилонской принцессы. Они утверждают, что египтяне, убив ее брата, который был их правителем, назначили ее его преемницей; и что впоследствии, чтобы отомстить за его смерть, она хитростью уничтожила большое количество египтян. По ее приказу было построено большое подземное помещение, якобы для проведения праздников, но на самом деле для другой цели. Она пригласила в это место большое количество египтян, которых она знала как главных виновников смерти своего брата, а затем через частный канал впустила в помещение воду из реки. Они добавили, что, чтобы избежать гнева народа, она задушилась в помещении, заполненном пеплом» (Геродот, II, 99).

В Туринском папирусе имя Нит-акерт упоминается как одно из имен фараонов VI династии, поэтому можно предположить, что Геродот писал о реальном персонаже, независимо от того, была ли его история достоверной. Манефон говорит о Нитокрисе, что она правила двенадцать лет, «самая благородная и красивая женщина того времени, прекрасная и в то же время строительница Третьей пирамиды». Бругш, комментируя это, говорит: «Трудно обнаружить историческую основу рассказа Геродота, и мы можем только сказать, что он, вероятно, указывает на то, что во времена царицы Нитокрис в королевстве начались междоусобные убийства и распри, вызванные ядовитой завистью претендентов на трон». Что касается утверждения Манефона () о том, что Нитокрис построила Третью пирамиду, то Перринг объяснил, что Третья пирамида была преобразована и увеличена позднее. Предполагается, что «царица Нитокрис завладела гробницей Менкаура, оставила саркофаг царя в нижнем склепе и поместила свой собственный в камере перед ним. Если руководствоваться обломками голубоватого базальта, лежащими на месте, то она покрыла поверхность памятника дорогостоящим покрытием из полированного гранита, которое впоследствии послужило основой для рассказа изобретательных греческих сказочников о Родописе, гетера, которая обнищала своих друзей, чтобы получить огромные суммы денег для строительства пирамиды».

КРАСИВАЯ НИТОКРИС

С Нитокрис связаны различные легенды. Ей приписывали сверхъестественные способности, и говорили, что после смерти ее обнаженный дух бродил по пирамиде, которую она якобы построила, и что одной лишь магией своей улыбки она сводила с ума своих любовников. История ее мести мужчинам, которые во время бунта убили ее брата, короля, приведена Геродотом выше. Братом, за которого она отомстила, был Ментесуфис, которого Мейер помещает на некотором расстоянии от нее в родословной. Вокруг этой же Нитокрис собрались другие легенды, среди которых и оригинал нашей сказки о Золушке. Согласно этой версии, Нитокрис изначально была куртизанкой по имени Родопис («Розовощекая» — перевод имени Нитокрис на греческий язык). Однажды, когда она

купалась в реке, орел украл одну из ее маленьких позолоченных сандалий и, улетаая, уронил ее на колени королю, который проводил суд под открытым небом. Он был настолько очарован красотой крошечной туфельки, что велел разыскать женщину, которой она подходила, и сделал ее своей королевой.

Помимо исторических повествований Уны и преданий о Нитокрис, о монархах той долгой эпохи, о которой мы говорим, известно лишь немного. Эта эпоха в целом хорошо охарактеризована словами Бругша:^a

После эпохи Не-фер-ка-Ра на египетскую историю опускается глубокая тьма, скрывая даже самые слабые следы существования царей, чьи пустые имена сохранились для нас на табличках из Абидоса и Саккары, имена без дел, звуки без смысла, подобно надписям на гробницах неизвестных, малоизвестных людей. Если мы не ошибаемся, то здесь мы можем представить себе государство, раздробленное на мелкие царства и раздираемое гражданской войной и цареубийствами, из хаков или князей которого не вышел ни один спаситель, который сильной рукой поразил бы непокорных, твердой рукой взял бы ослабленные вожжи и вновь установил бы центральное правительство.^b

Вкратце можно добавить некоторые более или менее неясные подробности о нескольких монархах VI–X династий, на историю которых последние исследования пролили некоторый свет.

Что касается VI династии, то самые современные попытки разъяснить ситуацию помещают Мер-эн-Ра II и Нетер-ка-Ра после Нефер-ка-Ра; Мер-эн-Ра II соответствует Ментесуфису Манефона, в отличие от Метусуфиса [Мер-эн-Ра I] того же историка. Нет-ка-Ра встречается только на Абидосской табличке, за ним следует Мен-ка-Ра, которого также нигде больше не встречается. Но есть некоторые основания полагать, что носитель этого имени идентичен Нит-акерт из Туринского папируса и Нитокрис из Манефона, и в этой связи путаница между Мен-кау-Ра и Нитокрис поддается другому и, возможно, лучшему объяснению, чем то, которое предлагает Перринг; поскольку, хотя Третья пирамида и была расширена, характер ее расширения показывает, что это было сделано в эпоху строителей пирамид, а не так поздно, как в конце VI династии. Поэтому лучше принять теорию М. Масперо об изменениях, изложенную на предыдущей странице; в то время как сходство имен Мен-кау-Ра и Мен-ка-Ра показывает, как Мането был введен в заблуждение, приписав строительство Третьей пирамиды в Гизе царице Нитокрис.

Солдат Древнего Египта

[около 3033-2700 гг. до н.э.]

VII и VIII династии пали из-за распада и упадка. Столица была перенесена в Гераклеополис, предположительно из-за вторжения чужеземцев в дельту.

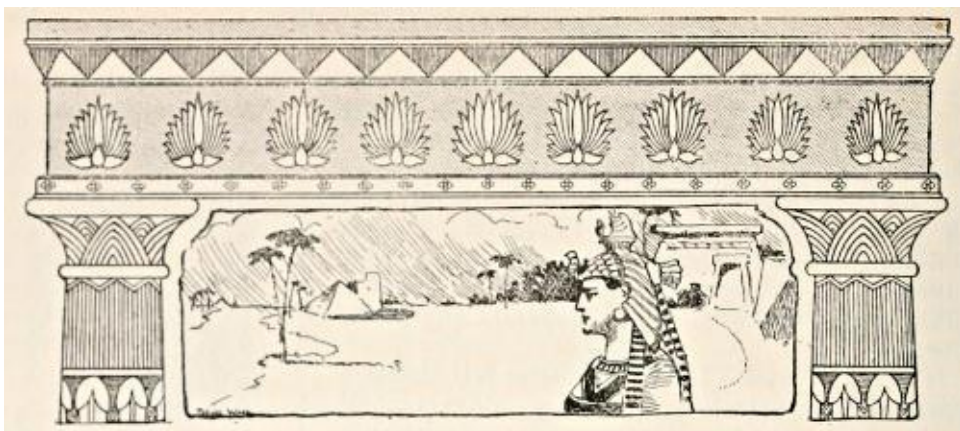
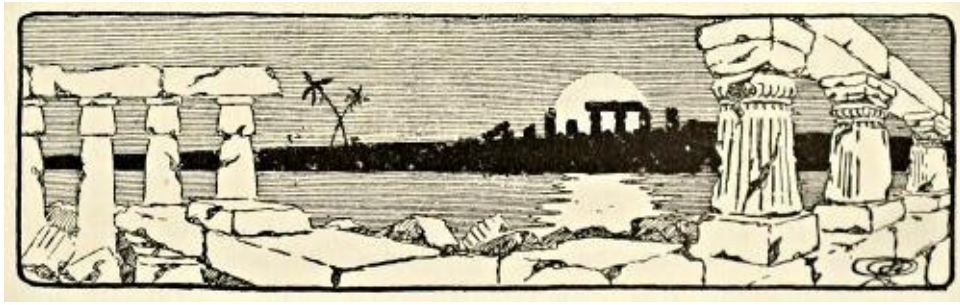
Некоторые авторитеты связывают смещение местной династии с загадочной линией иностранных царей, положение которых до сих пор остается неясным; однако профессор Петри в своей работе 1901 года пишет: «Группа иностранных царей, известных в основном по скарабеем и цилиндрам, — Хян, Самкан, Антар, Якебар, Шеша и Узед — вероятно, принадлежит к XV–XVI династиям, хотя некоторые связи помещают их незадолго до XII династии». Все, что мы пока знаем об этом вторжении, лаконично изложено Эдуардом Мейером: «Мы можем с некоторой уверенностью предположить, что странные сирийские племена напали на Египет и, вероятно, некоторое время правили всей страной или ее частью».

Сейчас выделяются два законных царя IX или X династии: Аб-мери-Ра (Хети), который, возможно, является Ахтхосом Манефона, первым из его записанных IX династий, и Ка-мери-Ра. Но самая интересная историческая информация об этом периоде поступает из трех гробниц принцев Ассиута: Хети I, Тефа-ба и Хети II.

Тебаны теперь практически обрели независимость, и некоторые обстоятельства указывают на то, что начало XI династии было современно X династии. Такое положение дел объясняет тот необычный факт, что Мането отводит XI династии только сорок три года. Считается, что он игнорировал современные династии и, следовательно, мог отвергнуть около ста двадцати лет, в течение которых он не признает XI династию законной.^a

СНОСКИ

^[2] [Здесь и в последующих выдержках из Диодора мы используем перевод XVII века.

ГЛАВА III. ДРЕВНЕЕ ТЕБАНСКОЕ ЦАРСТВО

Египет — это монументальная земля, как египтяне — монументальный народ в истории. — Барон Бунсен.

История цивилизации — это в значительной степени история нескольких великих городов.

Не было великого народа без великого мегаполиса. Падение такого города, как Ниневия, Вавилон, Тир или Сарды, часто означало порабощение или уничтожение целой нации. А простой переход верховной власти от одного города к другому в пределах одной страны означал начало новой эры. Так было в Египте, когда центр власти переместился из Мемфиса в Фивы. По общему согласию историки отмечают период, когда Фивы стали резиденцией правящего монарха и, следовательно, столицей Египта, как новую эру в египетской истории. Эта новая эра обычно называется Старым Фиванским царством или Средним царством.

Эта эпоха верховенства Фив отнюдь не была однородной. В ней было основано и свергнуто много династий; она даже стала свидетелем завоевания страны странной ордой с востока, ордой, о которой говорили как о вторгшихся пастухах, чьи лидеры, сидевшие на троне Египта в течение нескольких поколений, вошли в историю как гиксосы или пастушьи цари. Эти пришельцы удерживали власть так долго, что вполне могли считать себя египтянами. Позднейшие поколения имели на это право не меньше, чем, например, любой кавказец может называть себя американцем. Однако когда гиксосские цари были наконец свергнуты, этот подвиг, по-видимому, был расценен как изгнание захватчиков, и потомки

пришли к выводу, что власть вернулась к своим законным обладателям. Трудно сказать, насколько этнический статус этой расы изменился под влиянием многих поколений пришельцев. Как бы то ни было, египтяне, изгнавшие гиксосских царей и вновь установившие «коренные» династии, в некоторых отношениях были совсем другим народом, чем египтяне, свергнутые гиксосами. Но прежде чем развивать эту мысль, лучше проследить за судьбой самого Древнего Фиванского царства.

Одиннадцатая династия

[около 2700-2500 гг. до н.э.]

Пока что у нас нет достоверного списка правителей XI династии; даже общее количество царей неизвестно, но наиболее авторитетные источники сходятся во мнении, что их было, вероятно, около девяти. Но поскольку эта династия, несомненно, правила в Фивах одновременно с X династией в Гераклаполисе, откуда она была изгнана из Мемфиса, вопрос о том, какой именно фиванский принц в ходе длительной борьбы победил законное правительство и был признан правителем Египта, вероятно, никогда не будет решен. Профессор Петри начинает с Антефа I и далее перечисляет Ментухотепа I, Антефа II, Антефа III, Ментухотепа II, Антефа IV, а затем Нуб-хепер-Ра (или Антефа V). Что касается последнего и его двух преемников, то здесь нет никаких сомнений; мы снова выходим на свет. После Нуб-хепер-Ра идет Неб-хер-Ра, другое имя которого было Ментухотеп, и мы обозначаем его как третьего с таким именем. Он занимает пятьдесят седьмое место в списке Абидоса.

Княжеская династия, из которой вышел выдающийся царь Ментухотеп III, принеший исцеление воссоединенному царству, была тебанского происхождения. Слабые предки его рода носили попеременно имена Антеф и Ментухотеп. Они основали свою царскую резиденцию в городе Фивы, который впоследствии приобрел всемирное значение, а их гробницы (простые, скромные пирамиды, покрытые черепицей) находились у подножия «Западной горы» фиванского некрополя. Здесь несколько древних руин указывают на имена правителей. Именно здесь более двадцати лет назад два довольно скромных саркофага, принадлежавшие этим фараонам, были обнаружены арабами, которые искали золото и не подозревали, какое сокровище они нашли.

В той части города мертвых, которая в настоящее время известна жителям под названием Ассасиф, были найдены эти саркофаги, лишь слегка прикрытые песком и щебнем, и в одном из них находилось забальзамированное тело царя, голова которого была украшена королевским венцом. Крышка гроба была богато позолочена, и священные символы, украшавшие центральную полосу, вскоре раскрыли имя фараона Антефа в королевском картуше.

В 1854 году, когда Бругш впервые остановился на берегах Нила, ему посчастливилось найти в кладовой дома греческого консула гроб второго Антефа, который отличался от первого своим прозвищем «Великий». Гробница сейчас хранится в Лувре как драгоценная и ценная реликвия древнего царства фараонов.

Черные скалы острова Коноссо, расположенного недалеко от любимого Осирисом острова Фила над Первым водопадом, хранят память о Ментухотепе (II), который носил царское имя Неб-тауи-Ра, «Солнце Господа страны». Скульптура, высеченная в твердом камне, изображает фараона как завоевателя тринадцати народов и как преданного слугу своего прародителя Хема или Амсу, знаменитого бога Коптоса. Место с таким названием (египтяне называли его Кобт) в то время пользовалось большой репутацией.

Этот Ментухотеп также увековечен на стене в скалистой долине вместе со своей матерью Амой. Как ясно говорится в его надписи, он велел пробурить глубокий колодец диаметром десять локтей в безводной, пустынной местности, чтобы обеспечить живительной свежей водой всех паломников с их выючными животными и всех людей, которых царь поручил добывать камень в жаркой долине.

Другая надпись, датированная 15-м днем месяца Паофи второго года правления нашего Ментухотепа, посвящена богу Хему, «повелителю народов этой пустыни», затем воздаст честь другим небесным существам и сообщает нам, как было чудесным образом придумано перевезти гигантские каменные глыбы к Нилу, чтобы они послужили для будущего захоронения царского тела. Высокопоставленный чиновник по имени Аменемхат, назначенный, курировавший все подобные работы для фараона, получил специальный приказ перевезти тяжелый груз саркофага и его крышку из гор в место вечного упокоения правителя.

Путь был долгим, а работа тяжелой, поскольку огромный блок тесаного камня имел длину восемь локтей, а соотношение его ширины и высоты составляло четыре к двум. После того как богам были принесены богатые жертвы, три тысячи сильных мужчин смогли сдвинуть гигантский камень с места и скатить его по долине к реке.

У нас меньше информации о другом Ментухотепе, чья пирамида носит имя Ху-асу, «самое сияющее место». Надгробная плита, найденная в тщательно исследованной долине Абидоса, увековечивает память священника, который приносил подношения умершим в пирамиде покойного царя.

Список царей заканчивается Санх-ка-Ра, пятьдесят восьмым в длинной череде Абидоса. Скальная долина Хаммамат увековечивает его память в надписи, имеющей высочайшую ценность. Из Коптоса путь вел через безводные пустыни к побережью Красного моря и был очень популярен среди купцов, которые ради прибыли рисковали жизнью и здоровьем и после мучительных странствий по пустынным тропам доверяли себя в гавани хрупким судам, чтобы они могли направиться к южным регионам более дальних берегов и привезти ценные товары, в основном дорогие пряности с сладким ароматом, из страны Пунт в свою родную страну и храмы богов.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУНТ

Под названием Пунт древние жители Камита понимали далекую страну, омываемую большим морем, полную долин и холмов, богатую эбеновым деревом и другими ценными породами дерева, ладаном, бальзамом, драгоценными металлами и камнями; богатую также животными, поскольку там обитают гепарды, пантеры, пантеры, обезьяны с собачьими головами и длиннохвостые обезьяны. Крылатые существа со странными перьями летали на ветви чудесных деревьев, особенно ладанного дерева и кокосовой пальмы. Таково было представление египтян об Офире, несомненно, побережье современного Сомалиленда, которое находится на виду от Аравии, хотя и отделено от нее морем.

Согласно старой туманной легенде, земля Пунт была первобытным обиталищем богов. Из Пунта небесные существа во главе с Амоном, Гором и Хатор перешли в долину Нила. Прохождение богов освятило прибрежные земли, которые омывали воды Красного моря вплоть до Пунта и чье само название «Земля Бога» (Та-нете) напоминает о легенде. Амен называется Хаком, то есть «Царем Пунта», Хатор — «Госпожой и Правительницей Пунта», а Гор — «святой утренней звездой, восходящей на западе от земли Пунта». К этой же стране принадлежит идол Беса, древняя фигура божества в земле Пунт, который в своих частых странствиях обрел опору не только в Египте, но и в Аравии и других странах Азии, вплоть до

греческих островов. Деформированная фигура Беса с его ухмыляющимся лицом — это не кто иной, как благожелательный Дионис [Вакх], который, путешествуя по миру, щедро дарует народам мягкие манеры, мир и веселье.

Именно при Санх-ка-Ра было совершено первое путешествие в Пунт и Офир. Согласно надписи, все, что могло пригодиться для экспедиции, было заранее мудро организовано, и фараон выбрал ее лидером и проводником благородного Ханну, который дает следующее описание этого путешествия:

«Я был отправлен, чтобы провести корабли к земле Пунт, чтобы привезти фараону благоухающие пряности, которые князья красной страны собирают с страхом и тревогой, которые он внушает всем народам. И я отправился из города Коптос». — «И его величество отдал приказ, чтобы вооруженные люди, которые должны были сопровождать меня, прибыли из южной земли Тебаиды».

После довольно длинного поврежденного участка в надписи, который сохранился в достаточном количестве, чтобы показать, что в ходе рассказа было какое-то упоминание о том, как вооруженные силы были подготовлены для нападения и защиты от врага, и как офицеры короля, каменотесы и другие рабочие сопровождали поезд, Ханну продолжает:

«И я отправился оттуда с войском из трех тысяч человек и прошел через место красной деревушки и через возделанную землю. Я приготовил шкуры и тележки для перевозки двадцати водоносов. И каждый из моих людей ежедневно нес груз... а другой регулировал нагрузку. И я выкопал водоем длиной двенадцать прутьев в лесу и два бассейна в месте под названием Атахет, один из них длиной в прут и двадцать локтей, а другой — в прут и тридцать локтей. И я сделал еще один в Атебе, десять локтей на десять в каждую сторону, чтобы он мог вместить воду глубиной в локоть. После этого я прибыл в портовый город Себа (?) и построил грузовые суда для перевозки товаров всех видов. И я принес великую жертву из волов, коров и коз. И когда я вернулся из Себы (?), я выполнил приказ царя, ибо привез ему все виды товаров, которые нашел в портах священной страны. И я спустился на улицы Уака и Рохана и взял с собой драгоценные камни для статуй домов Бога. Подобного не было со времен царей, и подобного не делали ни одни кровные родственники царя, которые были посланы в эти места со времен (правления) бога солнца Ра. И я сделал это для царя из-за большой милости, которую он питал ко мне».

М. Шабас, который первым сделал эту важную надпись и ее содержание понятными, добавил к своему переводу несколько ценных замечаний о направлении пустынной дороги от Коптоса до Красного моря. Таким образом, мы можем убедиться, что уже в те далекие времена древние египтяне проложили дорогу, по которой можно было установить связь со страной Пунт и транспортировать ее продукты — редкие и дорогостоящие товары — в долину Нила.

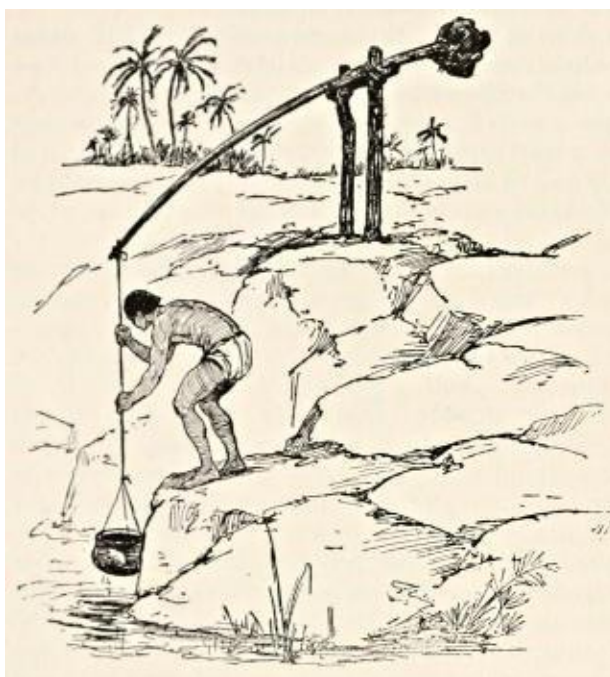
В своем описании путешествия Ханну упоминает пять основных лагерей, в которых путешественники отдыхали, а люди и животные (тогда только ослы, единственные вьючные животные, о которых упоминается, по крайней мере, в этот период) набирались сил для трудного путешествия, наслаждаясь свежей питьевой водой. Более того, именно эта дорога даже во времена Птолемеев и римлян вела из Коптоса в направлении восхода солнца к гавани Леукос Лимен (ныне Коссейр) на Красном море, великой магистрали и торговому пути купцов всех стран, которые торговали чудесными продуктами Аравии и Индии, мосту между народами, который когда-то соединял Азию и Европу.

Хотя, с учетом последних открытий, мы больше не должны рассматривать Пунт и часто упоминаемую «священную страну» как исключительное обозначение южного и западного побережья самой Аравии, все же нет ничего более вероятного, чем то, что уже во время

правления царя Санх-ка-Ра, за двадцать пять веков до начала нашей эры, египтяне имели некоторое представление о побережьях Йемена и Хадрамаута на противоположной стороне моря, которые простирались на глазах у несущих ладан гор Пунта и священной страны Хадрамаут (). Здесь, в этих регионах, по-видимому, следует искать то загадочное место, которое в далекие доисторические времена посылало беспокойные кушитские народы из Аравии, как рои саранчи, за океан, чтобы они поселились на благодатных побережьях Пунта и «священной страны» и продолжили свои странствия дальше вглубь материка в западном и северном направлениях.^{[b](#)}

ДВЕНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ

Трудно удержать в памяти долгий период этих скудных египетских хроник, но не следует забывать, что мы имеем дело с династиями, просуществовавшими долгое время, а не с отдельными правлениями.

[около 2466 г. до н. э.]

XII династия была установлена не без борьбы, и первые годы правления фиванского царя Аменемхата были омрачены заговорами и интригами тех, кто оспаривал его право на трон.

В *наставлениях* своему сыну Усертсену I царь говорит: «Когда наступила ночь, я уделил час отдыху. Я растянулся на мягком диване в своем дворце и пытался уснуть, мой дух почти покорился сну, когда вдруг! они собрались вместе с оружием против меня, и я стал слаб, как полевая змея. Тогда я встал, чтобы сразаться своими руками, и обнаружил, что мне нужно только ударить, чтобы победить. Если я нападал на вооруженного врага, он бежал от меня, и я не знал неудач». Именно этой силе характера царь обязан своим успехом. «Никогда в жизни я не сдавался, — продолжает он, — ни во время нашествия саранчи, ни во время заговоров, затеянных во дворце, ни когда, пользуясь моей молодостью, они объединились против меня».

Юг Мемфиса был последней ареной борьбы против новой династии, но после сдачи укрепленного города Титти весь Египет подчинился власти Аменемхата, который теперь

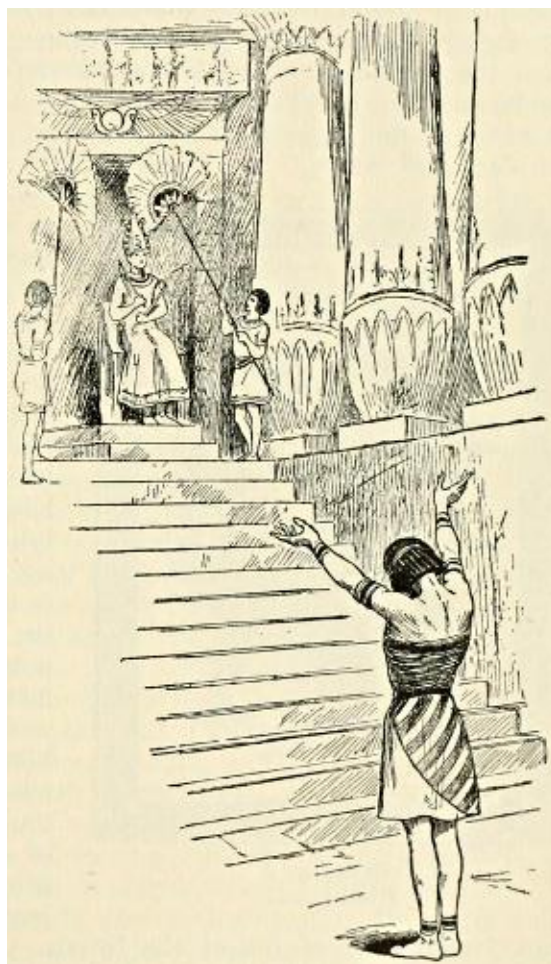
посвятил себя устранению последствий войны и экспедициям против ливийцев, нубийцев и азиатов, чьи вторжения наносили стране огромный ущерб. «Я заставил скорбящего», — говорит царь в тех же *Наставлениях*, — «перестать скорбеть, и его плач больше не слышался. Не было больше вечных сражений, тогда как до моего прихода они сражались друг с другом, как быки, не думающие о прошлом, в то время как благосостояние мудрых и неразумных одинаково игнорировалось. Я заставил возделывать землю вплоть до Абу [Элефантина]. Я распространил радость вплоть до Адху [Дельты]. Я — создатель трех видов зерна, я — друг Нопу [бога зерна]. В ответ на мою молитву Нил затопил поля; под моим правлением никто не голодает и не жаждет, ибо мои приказы выполняются. Все, что я сказал, было новым источником любви ; я сверг льва и убил крокодила. Я победил Уауат, взял в плен Мазау и заставил Сати [азиатов] следовать за мной, как гончие.

[около 2466-2370 гг. до н.э.]

В Нубии царь вновь открыл золотые прииски, которые были заброшены со времен Пепи.

Поскольку Аменемхат был уже не молод, когда взшел на престол, после девятнадцати лет правления он начал ощущать последствия старости, и это привело к тому, что он сделал своего сына Усертсена I соправителем со всеми титулами и привилегиями королевской власти. «Я возвысил тебя из подданного, — пишет он в *«Наставлениях»*, — я даровал тебе право свободно пользоваться оружием, чтобы ты был страшен благодаря этому. Что же касается меня, то я одевался в лучшие одежды моего дворца, чтобы выглядеть как один из цветов моего сада. Я надушивался так свободно, как будто эссенции черпались из цистерн, как вода».

Через несколько лет царь так мало принимал активного участия в управлении государством, что его имя часто опускалось на памятниках рядом с именем его сына; но он по-прежнему давал мудрые советы из дворца, где жил в уединении. Мудрость его советов во многом способствовала процветанию Египта, и старый царь приобрел такую репутацию правителя, что в трактате, написанном его современником об искусстве управления, автор представляет его восходящим как бог и обращающимся к своему сыну: «Ты царствуешь над двумя мирами, ты управляешь тремя регионами. Действуй лучше, чем твои предшественники, поддерживай гармонию между своими подданными и собой, чтобы они не поддавались страху; не сиди в одиночестве среди них, не принимай близко к сердцу и не относись как к брату только к тому, кто богат и высокопоставлен, не оказывай дружбы новичкам, чья преданность еще не доказана».

АМЕНЕМХАТ, ПОЧИТАЕМЫЙ КАК БОГ ПОКОРЁННЫМ ПРИНЦЕМ

В поддержку своих *наставлений* старый царь дает краткое изложение своей жизни, из которого уже были приведены некоторые выдержки. Хотя эта небольшая работа занимает всего три страницы, она стала настоящей классикой и сохранила свое место на протяжении тысячи лет, поскольку во времена XIX династии ее все еще копировали в школах и изучали в качестве упражнения по стилю молодые писцы.

Ничто не иллюстрирует состояние Египта и соседних стран в этот период лучше, чем некоторые отрывки из мемуаров авантюриста по имени Синех. Прибыв ко двору небольшого азиатского вождя, который просил рассказать о могуществе египетского правителя и был удивлен, услышав, что в дворце Аменемхата произошла смерть без его ведома, путешественник дает поэтическую хвалебную речь о царе и его сыне: «Мое изгнание в эту страну было устроено Богом, ибо Египет находится под властью повелителя, которого называют «благодетельным богом», и страх перед ним распространяется на все соседние народы, как власть богини Сехет распространяется на землю в сезон болезней. Я рассказал ему о своих мыслях, и он ответил: «Мы даруем тебе иммунитет». Его сын, Усертсен, вошел во дворец, ибо он управляет делами своего отца; он — несравненный бог, ему нет равных, он — мудрый советник в своих замыслах, благодетельный в своих постановлениях, который приходит и уходит по своей воле. Он завоевывает чужие государства и сообщает о своих завоеваниях своему отцу, который остается во дворце. Он храбрый человек, который правит мечом, его мужество не имеет себе равных; когда он видит варваров, он бросается вперед и рассеивает грабительские орды. Он метатель копьев, который ослабляет руку врага, те, кого он поражает, никогда больше не поднимают копье. Он грозен в разбивании черепов и никогда не был побежден. Он быстрый бегун, который

убивает беглеца, и никто не может его догнать. Он бдителен и готов. Он лев, который бьет когтями и никогда не отпускает свою добычу; он человек с сердцем, обтянутым доспехами, при виде войск, и не оставляет ничего позади себя; он храбрый человек, бросающийся вперед при виде битвы. Он хватает свой щит, прыгает вперед и убивает без второго удара. Никто не может противостоять его стреле; прежде чем он натянет лук, варвары бегут перед ним, как зайцы, ибо великая богиня повелела ему убивать тех, кто игнорирует ее имя, и когда он нападает, он не щадит. Все повержены. Он замечательный друг, который знает, как завоевать любовь; его страна любит его больше, чем себя, и радуется ему больше, чем богу; и мужчины, и женщины готовы воздать ему честь. Он — король; он повелевает с самого рождения; под его властью народ умножился, это уникальное существо божественной сущности, которым эта земля радуется, что им управляют. Он расширил границы Юга, не посягая на регион Севера. Он покорил азиатов и завоевал Немашату».

УСЕРТСЕН I

(С статуи)

[около 2370-2250 гг. до н.э.]

Совместное правление Усертсена I с Аменемхатом I, установленное за десять лет до смерти короля, привело к тому, что Усертсен был принят в качестве преемника своего отца без какого-либо сопротивления. И, следуя примеру своих родителей, этот король (после сорока двух лет) назначил своего сына, Аменемхата II, соправителем; а тот, тридцать два года спустя, поступил так же с Усертсеном II; Аменемхат III и Аменемхат IV также долго правили вместе. Единственные правления, в которых нет доказательств соправительства, — это правления Усерцена III и царицы Себек-неферу-Ра (Шемиофрис из Манефона), которая была последней из династии, просуществовавшей 213 лет, 1 месяц и 27 дней.

История XII династии Египта, безусловно, изложена с большей точностью и полнотой, чем история любой другой династии. Несмотря на недостатки в биографиях восьми монархов и описаниях их войн, мы имеем непрерывный обзор развития их политики, и даже после

прошества четырех тысяч лет и более мы можем составить достаточно точное представление о Египте того периода. Как инженеры, солдаты, друзья искусства и покровители сельского хозяйства, они неустанно трудились над укреплением страны. С расширением границ королевства были рассеяны орды варваров на границах, была завоевана Нубия; была колонизирована долина Среднего Нила от Первого водопада до Четвертого; подача воды была более равномерной благодаря созданию озера Морис и системы каналов; а такие города, как Гелиополис, Фивы, Танис и сотня других менее известных, были украшены прекрасными зданиями. Египет в это время находился в самом процветающем состоянии, и хотя позднее он приобрел еще большую известность благодаря войнам в Азии и дальним завоеваниям, период правления этой династии, когда каждое поколение фараонов следовало по стопам предыдущего в деле эффективного управления, был самым счастливым и мирным из всех.

Двумя театрами военных действий фараонов в этот период были Сирия к востоку от дельты и Нубия, собственно говоря, к югу от Элефантины. Можно было бы подумать, что обширные песчаные просторы, отделяющие сирийцев от Египта, предотвращали бы любые вторжения из того района. Но кочевые племена так часто вторгались в этот район, что пришлось построить ряд крепостей от Красного моря до Нила, чтобы защитить вход в Вадитумилат от орд; и эта стена, начатая Аменемхатом и продолженная его преемниками, обозначала крайнюю границу империи фараонов в этом направлении в то время. За ней простиралась пустыня, мир, почти неизвестный египтянам в то время.

О народах Сирии и Палестины у них были только смутные представления, привезенные туда караванами или доставленные в порты Средиземного моря моряками, которые побывали там. Однако иногда группы эмигрантов или даже целые племена, изгнанные из своей страны нищетой или революциями, прибывали и селились в Египте. Один из барельефов гробницы Хнумхотепа изображает прибытие такой группы. На нем изображены тридцать семь мужчин, женщин и детей, приведенных к правителю нома Мах, которому они преподносят зеленоватую краску, называемую мосмит, и две коробки. Они вооружены, как египтяне, луками, копьями, топорами и дубинами; один из них, идя, играет на инструменте, по форме напоминающем древнегреческую лиру. Крой их одежды, яркость и хороший вкус материалов с бахромой и узорами, элегантность большинства вещей, которые они имеют с собой, свидетельствуют о высокой степени цивилизации, хотя и уступающей египетской. Азия уже поставляла Египту рабов, духи, кедровое дерево и кедровые эссенции, эмалированные драгоценные камни, лазурит, а также вышитые и окрашенные ткани, монополию на которые Халдея сохраняла до времени римлян.^c

Памятники этого великого периода вызывали удивление у древних, и старый путешественник и историк Геродот так описывает чудеса Египта:^a

ПАМЯТНИКИ ДВЕНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ: КЛАССИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Все князья были полны решимости оставить после себя общий памятник своей славы: с этой целью за озером Мерис, недалеко от города Крокодилов, они построили лабиринт, который, могу с уверенностью сказать, превосходит все, что о нем говорили; кто бы ни взял на себя труд сравнить их, обнаружит, что все сооружения Греции значительно уступают этому, как по мастерству исполнения, так и по затратам. Храмы Эфеса и Самоса по праву заслуживают восхищения, а пирамиды можно сравнить с многими великолепными сооружениями Греции, но даже они уступают Лабиринту. Он состоит из двенадцати дворов, все из которых крытые; их входы находятся напротив друг друга, шесть на севере и шесть на юге; одна стена окружает все; помещения бывают двух видов, их полторы тысячи над

поверхностью земли и столько же под землей, всего три тысячи. О первых я говорю из собственного знания и наблюдений, о вторых — из полученной информации.

Египтяне, которые ухаживали за подземными помещениями, не позволили мне их увидеть, и причиной, которую они привели, было то, что в них хранились священные крокодилы и тела царей, построивших лабиринт: поэтому я не осмеливаюсь говорить о них; но верхние помещения я осмотрел сам и считаю их одним из величайших достижений человеческого труда и искусства.

Почти бесконечное количество извилистых проходов через различные дворы вызвало мое горячее восхищение: из просторных залов я проходил через более маленькие помещения, а из них снова в большие и великолепные дворы, почти не имеющие конца. Потолки и стены полностью выполнены из мрамора, последние богато украшены изящнейшими скульптурами; вокруг каждого двора стоят колонны из белейшего и наиболее отполированного мрамора: в месте, где заканчивается лабиринт, стоит пирамида высотой сто шестьдесят локтей, с большими фигурами животных, высеченными на ее внешней стороне, а вход в нее осуществляется по подземному пути.

Как бы ни был удивителен этот лабиринт, озеро Мерис, рядом с которым он находится, еще более необыкновенно: его окружность составляет три тысячи шестьсот стадий, или шестьдесят сцен, что соответствует длине Египта по побережью. Это озеро простирается с севера на юг, а его максимальная глубина составляет двести локтей; оно является полностью результатом человеческого труда, о чем свидетельствует само сооружение, поскольку в его центре можно увидеть две пирамиды, каждая из которых имеет высоту двести локтей над водой и столько же под водой: на вершине каждой из них находится колоссальная мраморная статуя в сидячем положении. Точная высота этих пирамид, следовательно, составляет четыреста локтей; эти четыреста локтей, или сто оргий, соответствуют стадиону в шестьсот футов; одна оргия равна шести футам, или четырем локтям, поскольку один фут равен четырем ладоням, а один локоть — шести.

Воды озера не поступают из источников; земля, на которой оно расположено, сама по себе чрезвычайно сухая, но она соединяется с Нилом через тайный канал; в течение шести месяцев озеро опустошается в Нил, а в остальные шесть месяцев Нил питает озеро. В течение шести месяцев, когда воды озера спадают, рыболовство, которое здесь ведется, приносит королевской казне каждый день талант серебра; но как только Нил начинает вливать свои воды в озеро, оно приносит не более двадцати мин.

[Серебро, добываемое рыболовством на этом озере, по словам Ларше, использовалось для покупки одежды и духов для королевы].

Жители утверждают, что это озеро имеет подземный проход, уходящий вглубь суши на запад, к горам над Мемфисом, где оно впадает в ливийские пески. Мне было не терпелось узнать, что стало с землей, которая, должно быть, где-то накопилась при рытье этого озера; поскольку мои поиски оказались безрезультатными, я расспросил об этом тех, кто жил ближе к озеру. Я был тем более склонен верить им, когда они рассказали мне, куда она была вывезена, так как я слышал о подобном способе, примененном в Ниневии, ассирийском городе. Некоторые грабители, стремившиеся завладеть огромными сокровищами Сарданапала, царя Ниневии, которые хранились в подземных помещениях, начали копать под землей от места, где они жили, в направлении к ним. Сделав самые точные измерения, они продолжили рыть подземелье до дворца царя; с наступлением ночи они регулярно выбрасывали землю в Тигр, протекающий недалеко от Ниневии, и в конце концов достигли своей цели. Совершенно аналогичный план был осуществлен в Египте, за исключением того, что здесь работа велась не ночью, а днем; египтяне выбрасывали землю в Нил по мере ее

извлечения из траншеи; таким образом, она регулярно рассеивалась, и это, как они мне сказали, было процессом образования озера.⁴

Так Геродот объясняет то, что он слабо понимал; его переводчик Уильям Белоу добавил следующий комментарий:⁴

Геродот, Диодор и Помпоний Мела практически не расходятся во мнениях относительно его размеров. Вероятно, он был построен для того, чтобы предотвратить чрезмерное затопление страны Нилом, что достигалось путем отвода такого количества воды, когда возникала угроза наводнения, способного нанести ущерб земле. [Регулирование наводнений Нила было осуществлено в конце XIX века с помощью плотин, описанных в других источниках]. Покок отмечает, что вода имеет неприятный грязный вкус и почти такая же соленая, как морская, что, вероятно, обусловлено содержанием в земле селитры и соли, которая ежегодно остается в грязи. Окружность озера в настоящее время не превышает пятидесяти лиг. Ларшер говорит, что мы должны различать само озеро и канал, соединяющий его с Нилом; что первое было создано природой (), а второе — искусством. Этот канал, представляющий собой грандиозное достижение искусства, до сих пор сохранился в целости и называется Бахр-Юсуф, канал Иосифа. По данным Савари, его длина составляет сорок лиг.

Были еще два канала со шлюзами у их устьев, ведущие от озера к реке, которые поочередно закрывались и открывались, когда Нил полнел или спадал. Это сооружение объединяло все преимущества и восполняло недостатки низкого паводка, удерживая воду, которая бесполезно утекала бы в море. Оно было еще более полезно, когда Нил полнел слишком сильно, принимая излишки, которые мешали бы посеву. Если бы канал Иосифа был очищен, древние насыпи отремонтированы, а шлюзы восстановлены, это озеро могло бы снова служить тем же целям. Пирамиды, описанные Геродотом, больше не существуют, и Страбон их не упоминает.

Если учесть, что это было делом рук одного человека и что его целью было благо и комфорт многочисленного народа, то следует согласиться с М. Савари, что царь, построивший его, совершил гораздо более славное дело, чем пирамиды или лабиринт.⁴

Сам Сфинкс едва ли более явно египетский, чем руины Карнака, торжественный памятник Древнего Фив. Известный египтолог Лепсиус посетил этот регион и описал впечатление, которое произвели на него руины, следующим образом:⁴

РУИНЫ КАРНАКА

Река здесь делит широкую долину на две неравные части. С западной стороны она подходит близко к отвесной ливийской гряде, которая там выступает; с восточной стороны она ограничивает широкую плодородную равнину, простирающуюся до Медамута, места, расположенного на границе Аравийской пустыни, в нескольких часах езды. На этой стороне стоял собственно город Фивы, который, по-видимому, был сгруппирован в основном вокруг двух великих храмов Карнака и Луксора, расположенных на расстоянии более получаса ходьбы друг от друга. Карнак лежит более к северу и дальше от Нила; Луксор в настоящее время омывается волнами реки и, возможно, в прошлом был гаванью города. На западном берегу реки находился некрополь Фив, и все храмы, которые здесь стояли, были в той или иной степени связаны с поклонением мертвым; по-видимому, все жители этой части, которая впоследствии была включена греками в состав Мемнонии, были заняты главным образом уходом за мертвыми и их гробницами. Прежнюю территорию Мемнонии сейчас можно различить по Гунаху и Мединет-Хабу, местам, расположенным на северной и южной оконечностях.

Обзор фиванских памятников естественно начинается с руин Карнака. Здесь стоял великий королевский храм стоворотного Фива, посвященный Амен-Ра, царю богов, и особому местному богу города Амену, названному в его честь (Но-Амен, Диосполис). Ап, наряду с женским артиклем Тап, от которого греки образовали слово «Фива», было названием одного из святилищ Амена. Он также часто используется в иероглифике в единственном числе или, что еще чаще, во множественном числе (Напу) как название города; по этой причине греки, естественно, не меняя артикль, обычно использовали множественное число $\theta\eta\beta\alpha\iota$. Вся история египетской монархии после того, как город Амен был возведен в ранг одной из двух королевских резиденций в стране, связана с этим храмом. Все династии соперничали в славе, внесшей свой вклад в расширение, украшение или восстановление этого национального святилища.

Он был основан их первым царем, могущественным Усертсеном I, во время правления Старой Фиванской династии (XII по Манефону), между 2400 и 2300 годами до н. э., и даже сейчас в центре здания сохранились руины того периода, носящие имя этого царя. Во время династий, непосредственно следовавших за ним, которые в течение нескольких столетий страдали под игом победоносного наследственного врага, это святилище, несомненно, также было заброшено, и ничего, принадлежащего тому периоду, не сохранилось. Но после того, как первый царь XVIII династии, Аахмес, в XVII веке до н.э. одержал победу в своей первой войне против гиксосов, его два преемника, Аменхотеп I и Техутимос I, построили вокруг руин древнейшего святилища великолепный храм с множеством комнат вокруг целлы, широким двором и пилонами, перед которыми Техутимос I воздвиг два обелиска. Два других пилона с примыкающими стенами двора были построены тем же царем под прямым углом к храму в направлении Луксора.

Техутимос III и его сестра расширили этот храм сзади залом, опирающимся на пятьдесят шесть колонн, помимо многих других комнат, которые окружали его с трех сторон и были окружены одной общей внешней стеной. Последующие цари частично закрыли храм с передней стороны, частично построили рядом с ним новые независимые храмы, а также разместили еще два больших пилона к юго-западу, перед теми, что были возведены Техутимесом I, так что теперь четыре высоких пилона образовывали величественный вход в главный храм с этой стороны.

Но гораздо более великолепное расширение храма было осуществлено в XV и XIV веках до н.э. великими фараонами XIX династии ; ведь Сети I, отец Рамсеса Мери-Амена, добавил к первоначальной оси храма самый великолепный зал с колоннами, который когда-либо видели в Египте или где-либо еще. Каменная крыша, поддерживаемая 134 колоннами, покрывает пространство глубиной 164 фута и шириной 320 футов. Каждая из двенадцати центральных колонн имеет окружность 36 футов и высоту 66 футов под архитравом; другие колонны, высотой 40 футов, имеют окружность 27 футов.

Невозможно описать то потрясающее впечатление, которое испытываешь, впервые входя в этот лес колонн и блуждая от одного ряда к другому, между высокими фигурами богов и царей, изображенных на них со всех сторон, иногда выступающих полностью, иногда только частично. Каждая поверхность покрыта различными скульптурами, то рельефными, то углубленными, которые, однако, были завершены только при преемниках строителя; большинство из них, по сути, были выполнены его сыном Рамсесом Мери-Аменом. Перед этим гипостильным залом в более поздний период был расположен большой гипетральный двор размером 270 на 320 футов, украшенный только с боков колоннадами, в который входили через великолепный пилон.

Основная часть храма заканчивалась здесь, имея длину 1170 футов, не включая ряд сфинксов перед внешним пилоном и особое святилище, которое Рамсес Мери-Амен

разместил прямо у самой задней стены храма, на одной оси с ним, но повернутое таким образом, что вход в него находился на противоположной стороне. С учетом этих пристроек общая длина, вероятно, составляла почти 2000 футов, если считать от самых южных ворот внешней стены, которая окружала все пространство, имевшее почти одинаковую ширину. Позднейшие династии, которые теперь обнаружили, что основные храмы были завершены со всех сторон, но которые также желали внести свой вклад в украшение этого центра тебанского поклонения, начали частично возводить отдельные небольшие храмы на большой ровной площади, окруженной вышеупомянутой ограждающей стеной, а частично расширять эти храмы также снаружи.^f

Почти неизменно за славой следует упадок; и теперь, увидев разрушенные памятники Фиванского царства, мы можем перейти к рассмотрению упадка его могущества.^g

ПАДЕНИЕ ФЕБИНСКОГО ЦАРСТВА

[около 2250-1635 гг. до н.э.]

Новая семья (XIII династия), взошедшая на престол с Себехотепом I, судя по многочисленным сходствам в именах, по-видимому, была связана с предыдущей династией; например, два из ее правителей взяли себе имя Аменемхат I, а их фамилия, как обычно полагают, происходящая от имени бога Себека, связана с именем последней царицы, Себек-неферу-Ра.

Себехотеп I упоминается в памятниках только один раз, в измерении высоты Нила в Кумме в первый год своего правления; кроме него, только шестой из его преемников, с замечательным именем Амене-Антеф-Аменемхат, упоминается на двух алтарных табличках фиванского Амена.

Очевидно, ни одно из этих царствований не было продолжительным; узурпации и, вероятно, также восстания номархов потрясли царство, как и в конце VI династии.

В Туринском папирусе есть надпись о Рансенебе, одиннадцатом или двенадцатом преемнике Себехотепа I. Большинство правителей следующей династии (около пятнадцати человек) известны нам только по единичным памятникам, и мы видим, что они по-прежнему правят объединенными царствами Усертсена III, от Таниса до Семне, хотя и в бурной форме. Конечно, не следует слишком высоко оценивать описания их власти и великолепия в « », как это было в последнее время. Они оставили нам только короткие надписи и статуи, некоторые из которых являются шедеврами искусства, и хотя первые относятся к коротким периодам правления и очень ограничены, они полны значения. Тот факт, что шестой царь носил имя Мермеша (т. е. генерал), показывает, что он был узурпатором. У нас есть две колоссальные статуи этого правителя, найденные в Танисе. Десятый царь, Неферхотеп, был сыном частного лица, возможно, приближенного к трону благодаря браку, и мы находим имя этого правителя здесь и там на храмовых постройках в Карнаке и Абидосе; и, наконец, пять царствований, продолжительность которых нам известна, были очень короткими; все эти моменты проливают ясный свет на состояние Египта в то время.

Вышеупомянутый Неферхотеп, правивший одиннадцать лет, по-видимому, был самым могущественным правителем того периода; этот великий правитель появляется со своей семьей в надписях в районе Первого водопада (Асуан, Коноссо, Сехель) и в храме Карнака, а также в большой и очень интересной надписи в Абидосе, и в музее Болоньи есть его статуя, а также статуя его второго сына, Себехотепа V (Ха-нефер-Ра). Старший, Сехатор, умер после нескольких месяцев правления. Колоссальная гранитная статуя Себехотепа V была найдена

в Танисе, еще одна — далеко в Нубии, на острове Арко, далеко выше Второго порога, а в Лувре есть еще две. В Карнаке о нем часто упоминается. Три последних правителя этого дома не имеют большого значения. О следующих правителях известно гораздо меньше, чем о вышеупомянутых. Их имена, вероятно около ста, разделены на династии и занимают почти пять разделов Туринского папируса. Там, где у нас есть даты, в целом их около двадцати двух, более или менее узнаваемых; они показывают, что правления были короткими, длились несколько месяцев, один или два года, и, гораздо реже, три или четыре года. Есть только один случай более длительного правления, и это был первый правитель новой династии, Мер-нефер-Ра Ай, который правил тринадцать лет, восемь месяцев и восемнадцать дней.

Из этого следует, что лишь немногие из этих царей известны нам по памятникам, а большинство — только по незначительным мемориалам. Их имена появляются лишь изредка в каменных карьерах в Хаммамате, Карнаке и Абидосе, или у них есть статуи, которые намного уступают статуям предыдущей эпохи.

И все же у нас есть от этой, а также от предыдущей эпохи, ряд могил и надгробных стел в Абидосе, а также многочисленные скальные гробницы в Эль-Кабе (Элейтия) и, вероятно, также великие скальные гробницы Ассиута (Ликополис), которые свидетельствуют о положении и власти первосвященников Анубиса и правителей нома. Они так же важны для этого периода, как гробницы Бени-Хасана для XII династии, но, к сожалению, они находятся в гораздо худшем состоянии и содержат гораздо меньше исторической информации.

ИНОСТРАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Вышеупомянутые факты ясно показывают, что Египет этого периода управлялся в условиях, схожих с теми, которые существовали в Римской империи в III веке после Рождества Христова.

Фактически, по мере того, как египетская история становится все более ясной, становится очевидным, что существовала целая линия династий, очевидно местных, сосуществовавших с главным царем в Фивах. Если Неферхотеп и Себехотеп V по-прежнему правили Египтом от Нубии до Таниса, то дельта была утрачена их преемниками. Не является невероятной теория Стерна о том, что XIV династия Манефона, состоявшая из 76 царей — из Ксоиса (Саха) в западной дельте, включала ливийских иностранных правителей, которые оккупировали дельту.

Но главными захватчиками того времени были азиатская раса, которая совершила жестокое нападение на власть фараонов в Фивах. Это были менту, или, как их теперь называют, менту из Сатета, то есть «варварской азиатской страны». Их современники и Манефон называли их пастухами или гиксосами.

Какой расы были гиксосы, неизвестно. Некоторые моменты в описании показывают, что речь идет о вторжении бедуинских племен, одним из тех частых набегов кочевников из пустыни на возделанные земли.

Среди последних мнений по этому вопросу есть одно, которое приписывает гиксосам частично семитское, частично туранское происхождение и объясняет их поселение в Египте тем, что они были вытеснены из Западной Азии в результате многочисленных межрасовых конфликтов, которые происходили в этой части мира. Изгнанные люди не могли найти места для отдыха среди диких орд Сирии и переселились в мирную и плодородную долину Нила.

Несомненно, что в Египет под властью гиксосов проникли семитские и ханаанские, а не арабские элементы. Египетский язык впоследствии был пронизан ханаанскими словами; специфически ханаанские божества Баал Астарты (в женском роде), Анит, Решпу и т. д. впоследствии широко почитались в восточной части дельты и во всем Египте. В последующие века мы повсюду встречаем ханаанские имена собственные.

Более точная информация о вторжении гиксосов отсутствует. Несомненно, что они поселились в Нижнем Египте, где основали государство, которым правили по египетскому образцу. Их главными резиденциями были Аварис (Ха-Уар), построенная или расширенная ими пограничная крепость, которая находится в Пелусии или немного южнее, и Танис, могущественная столица восточной части дельты, украшенная многочисленными зданиями XII династии и являвшаяся реальной резиденцией гиксосских царей.

Кроме того, кажется, несомненным, что Мемфис и даже Фаюм оставались в их руках, но Верхний Египет был завоеван, по крайней мере, только временно. Здесь в эту эпоху правили цари, упомянутые в пяти разделах Туринского папируса, и их преемники, возможно, как вассалы, платившие дань, поскольку они иногда носят титул Хака, то есть принца.

Царь Менептах, сын великого Рамсеса, говорит об этом времени как об «эпохе царей Нижнего Египта, поскольку эта земля Кем была в их (власти), а проклятый враг (Аад, Чума) правил в то время, когда цари Верхнего Египта (были бессильны)».

Вполне возможно, что гиксосы грабили Египет во время своих завоеваний, но утверждение Манефона о том, что они систематически разрушали храмы и памятники, опровергается следующими фактами. Главным богом, которому они поклонялись, был Сутек, или Сет с прозвищем «Золотой», под которым понимается Солнце-Баал. Они построили ему великий храм в Танисе, и его культ почитался в восточной части дельты до поздних времен. В это время его также называли «Господом Авариса».

Однако египетские боги были сохранены; цари называли себя «сыновьями Ра» и, как и египетские правители, в основном начинали свои тронные имена с «Ра». Иностранцы в целом приняли египетскую культуру.

Тот факт, что у нас есть математический справочник, написанный «по старым копиям» во время правления гиксосского царя, и что у нас есть палитра писца, подаренная тем же царем писцу Ату, показывает, что письменность была в моде во время их правления. Памятники, приписываемые им, в частности сфинксы с головами царей, найденные в Танисе, группа из двух мужчин перед алтарем с рыбой, фрагмент статуи из Мит-Фареса в Фаюме, сильно отличаются от египетского типа по чертам лица и одежде, но эти работы явно принадлежат египетским художникам и выполнены с большой тщательностью.

Продолжительность правления гиксосов для нас так же неизвестна, как и число их царей. Манефон выделяет две династии (XV и XVI), которые, по словам Иосифа Флавия, правили в общей сложности 511 лет над всем Египтом, в то время как таблицы Африкана дают 284 года для XV (явное искажение цитаты Иосифа Флавия 260) и 518 для XVI. Что касается XVII династии, то, согласно Африкану, 43 пастуха и 43 фиванских царя правили в течение 151 года; и это эпоха борьбы за свободу, которая закончилась изгнанием гиксосов. Эти цифры не могут быть верными, но нет никакой возможности приблизительно установить историческую правду. Однако можно сказать, что, согласно памятникам, между концом XIII династии и началом Нового царства нет промежутка в пятьсот или более лет. Родословные номархов и вельмож Эль-Каба (Эйлейтия) приводят имена нескольких поколений, которые, несомненно, являются современниками XIII и XIV династий.

Памятники первых правителей Нового царства в Фивах показывают тесную связь с более древними фиванскими памятниками, и особенно с памятниками XI династии. Между

временем Аменемхата и Себехотепа и Новым царством, безусловно, нет такого же явного разрыва в культуре и искусстве, как между Древним царством Мемфиса и XII династией.

Цифры Манефона, очевидно, должны быть значительно уменьшены. Некоторые из недолговечных правителей египетских династий должны рассматриваться как современники гиксосских царей и непосредственно связанные с первыми правителями Нового царства, которые начали борьбу за освобождение.

Если мы отведем 150 лет для первых царей XIII династии — а даты неизбежны — то от конца XII династии до изгнания гиксосов под руководством Ахмеса прошло около четырехсот лет. Кроме того, мы также знаем, что царь гиксосов Нуб правил за четыреста лет до Рамсеса II.⁴

Из только что приведенного описания читателю станет ясно, что о периоде XIII-XVII династий мы знаем очень мало. Мало того, что Туринский папирус здесь сильно поврежден, но и вторжение гиксосов значительно запутало те сведения, которые мы косвенно получили от Манефона через Иосифа Флавия, Африкана, Евсевия и других. Петри тщательно изучил этот вопрос, и его выводы, вкратце, следующие:

- 1. Гиксосы не были современниками 453-летней XIII династии.
- 2. Существует период около 100 лет во время XIV династии Египта, в течение которого гиксосы постепенно пришли к власти, и
- 3. XV династия, упомянутая Африканом и Евсевием, представляет собой 260 лет правления великих царей гиксосов, в то время как Африкан включил этот период снова в свою XVI династию, длившуюся 518 лет. С другой стороны, XVI династия, упомянутая Евсевием, является египетской XVI династией, длившейся 190 лет, в которой местные правители сохранили свою власть, но были подчинены и почти затмечены захватчиками.
- 4. XVII династия как у Африкана, так и у Евсевия (напомним, что Иосиф Флавий рассматривал только гиксосов и игнорировал современных ему египетских правителей) является совместной династией гиксосов и египтян. Число ее царей совершенно неизвестно, и в этот период происходила борьба двух рас, которая завершилась триумфом Аахмеса I (XVIII династия) и восстановлением старой расы.

Следующая таблица, составленная на основе работы Петри ⁴ с сохранением его дат, показывает ситуацию, как ее видит этот выдающийся авторитет:

Дата до н. э.	Египетская династия	Годы	Дата до н. э.	Династия гиксосов	Годы
2565	XIII, (60 царей)				
2112		453	2112	За 14 лет до прихода к власти гиксосов.	

			2098		
	XIV, (76 царей)	184		Неизвестный период в 100 лет, в течение которого гиксосы преследовали египтян.	}
		}			
		}	1998		}
1928		}		XV, (6 великих гиксосов) 260 лет.	}
		525			
	XVI, (8 царей)	190			}
		}			511
1738		}	1738		}
	XVII, (? королей)	151		XVII, (? королей) 151 год.	}
		}			
1587		}	1587		}

ПРАВЛЕНИЕ ГИКСОСОВ; СЕМНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ

Для нашего изучения древности было большим счастьем, что рассказ Иосифа Флавия о ранней истории его народа был воспринят греками с сомнением и отрицанием. В страстном ответе своим критикам великий еврейский историк сохранил единственное известное нам свидетельство о появлении и судьбе гиксосов в Египте, хотя, конечно, он ошибается в своей теории, что эти люди были евреями.

Он цитирует Манефона: «Был у нас царь по имени Тимей» (личность этого царя так и не была установлена с уверенностью. Возможно, это был Аменемхат IV (XII династия) или Ра Аменемхат, третий царь XIII династии). «При нем случилось, я не знаю как, что Бог отвернулся от нас, и пришли, удивительным образом, люди низкого происхождения из восточных земель, и имели достаточно смелости, чтобы совершить поход в нашу страну и с легкостью покорили ее силой, причем мы даже не рискнули вступить с ними в сражение».

Возможно, что эта кампания по бесспортивному завоеванию была осуществлена с помощью факторов, до сих пор неизвестных на африканском континенте: боевых колесниц и лошадей.

«Итак, когда они подчинили себе тех, кто управлял нами, они сожгли наши города, разрушили храмы богов и обращались со всеми жителями самым варварским образом. Наконец, они провозгласили одним из своих царем по имени Салатис; он также жил в Мемфисе и заставлял платить дань как верхние, так и нижние области, а также оставил гарнизоны в наиболее подходящих для этого местах. Он стремился в первую очередь обеспечить безопасность восточных районов, предвидя, что ассирийцы, которые в то время обладали наибольшей мощностью, будут стремиться к этому царству и вторгнутся в него; и поскольку он нашел в номе Саите [Сетроите] город, очень подходящий для его целей, который лежал на канале Бубастис и назывался Аварис, он его перестроил и укрепил стенами, а также разместил в нем многочисленный гарнизон из двухсот сорока тысяч вооруженных людей для его охраны. Туда Салатис приезжал летом, отчасти для сбора урожая и выплаты жалования своим солдатам, а отчасти для обучения своих вооруженных людей и тем самым устрашения иностранцев. Когда этот человек процарствовал тринадцать лет, после него процарствовал другой, по имени Беон [или Бнон], сорок четыре года, а после него процарствовал другой, по имени Апахнас, тридцать шесть лет и семь месяцев; после него процарствовал Апофис шестьдесят один год, а затем Яниас пятьдесят лет и один месяц, после всех этих процарствовал Ассис сорок девять лет и два месяца. И эти шестеро были первыми правителями среди них, которые все время воевали с египтянами и очень хотели постепенно уничтожить их до основания. Весь этот народ назывался гиксосами, то есть пастушьими царями. Этот народ и его потомки владели Египтом 511 лет.

«И после этого цари Фив и других частей Египта подняли восстание против пастухов, и между ними разразилась ужасная и долгая война.

При царе по имени Алисфрагмутосис пастухи были покорены и изгнаны из других частей Египта, но заперты в месте, занимавшем десять тысяч акров; это место называлось Аварис.

«Пастухи построили вокруг всего этого места стену, которая была большой и прочной, чтобы хранить все свое имущество и добычу в безопасном месте, но Туммосис, сын Алисфрагмутосиса, попытался захватить их силой и осадой, окружив их четырьмястами восьмьюдесятью тысячами воинов; но, отчаявшись взять это место осадой, они пришли к соглашению с ними, что те должны покинуть Египет и уйти без всякого вреда для себя, куда бы они ни пожелали; и после заключения этого соглашения они ушли со всеми своими семьями и имуществом (), числом не менее двухсот сорока тысяч, и отправились из Египта через пустыню в Сирию; но, опасаясь ассирийцев, которые тогда владели Азией, они

построили в той стране город (), который теперь называется Иудеей, достаточно большой, чтобы вместить такое большое количество людей, и назвали его Иеросолима (Иерусалим)».⁴

Пленники перед фараоном

Современные историки сталкиваются с тем фактом, что о периоде XIII–XVIII династий имеется еще меньше материалов и информации, чем о другом «темном веке», простиравшемся от VII до XI династий. Основные факты, известные нам о XIII династии, были приведены в предыдущей главе. Гиксосы поселились в стране, но еще не пришли к власти. Фараоны по-прежнему полностью владели Верхним и Нижним Египтом.

Это не могло быть так в случае с XIV династией, которая, по словам Манефона, имела свою столицу в Ксоисе (Саха, город на западной стороне центральной дельты), откуда, по всей вероятности, захватчики изгнали правящий дом на запад, а не на юг, вверх по Нилу, возможно, потому, что широкая река и ее обширные болота оказались лучшим средством защиты от народа, до сих пор знакомого только с небольшими и незначительными водотоками. Туринский папирус приводит восемьдесят пять имен этой династии; у Манефона их семьдесят шесть, и только о двух из них сохранились малейшие сведения. За 184 года, в течение которых, как считается, правила эта династия, средняя продолжительность правления составляла всего 2,5 года. Как это объяснить? Похоже, нет сомнений в том, что беспрепятственное правление этой династии длилось всего несколько лет, возможно, менее двадцати. Постепенно вожди гиксosos приобретали влияние и власть, пока, как говорит профессор Петри, местные цари «не стали просто марионетками власти гиксosos, главами местной администрации, которая сохранялась для целей сбора налогов; подобно последним императорам Рима, чье правление также в среднем длилось два с половиной года, или подобно коптской администрации Египта, сохранявшейся во время господства ислама в Египте как единственный практический способ управления страной. Позже, когда гиксосы установили прочное господство над всей землей и имели собственную

сильную власть, этим местным наместникам было позволено дольше удерживаться у власти, и они сформировали XVI династию, современную великим царям-гиксосам».

Костюм солдата фараона

Первые гиксосские цари, по-видимому, с самого начала полностью осознавали, что лучше эксплуатировать страну, чем опустошать ее, и с этой целью они сохранили храмовых писцов и других чиновников местных правителей. Влияние организованного правительства вскоре дало свои плоды.

Была возрождена вся пышность и торжественность двора фараона; новые правители стали цивилизованными и, приняв титулы Аменемхата и Усертсена, сумели узаконить себя как потомков Гора и «сыновей Ра». Местные религии не подвергались вмешательству, но главным объектом их поклонения был Баал, «повелитель всего, жестокий и дикий воин», и из-за его большого сходства с Сетом, «братом и врагом Осириса», Баал и Сет вскоре стали отождествляться, и Сет теперь назывался Сутек, «Великий Сет».

Шесть великих царей гиксосов — упомянутых в рассказе Иосифа Флавия и Манефона — можно считать составляющими XV династию. Их правление, длившееся почти 260 лет, ознаменовало расцвет власти гиксосов. Пока не было никаких признаков восстания среди покоренных народов.

Но когда мы переходим к так называемой XVII династии, годы уже не являются спокойными, а власть — бесспорной. Как указано в предыдущей главе, лучше рассматривать эту династию как совместную династию пастухов и египтян, поскольку ее подъем полностью теряется из виду под властью гиксосов. Мы знаем, что гиксос Апофис (Апепа I) правил всей страной, поскольку его имя встречается далеко на юге; но во времена его тезки Апофиса (Апепа II), примерно триста лет спустя, Фивы были практически независимы. Составители списков упоминают о неудачных попытках восстания со стороны фиванских вассалов за некоторое время до Апепы II, но этому правителю пришлось столкнуться с решительным восстанием под руководством Секенена-Ра-Таа I, который был *хаком* (князем или регентом) на юге. Нет информации о причинах вспышки восстания или его последствиях, но рассказ «Апепа и Секенен-Ра», столь популярный у читателей пятьсот лет спустя, утверждает, что причиной спора были религиозные мотивы, поскольку Фивы

отказывались поклоняться другим богам, кроме Сутеха. Секене-Ра, по-видимому, был потомком ветви египетской королевской династии, поселившейся на крайнем юге, чтобы избежать угнетения гиксосов, и которая, вступив в смешанные браки с эфиопами, приобрела черты темнокожей берберской расы. С упадком власти гиксосов эти люди постепенно продвигались на север из Нубии и начали возвращать земли древней династии фараонов. В течение восьмидесяти лет после смерти Ассиса мы не знаем имен этих берберов, но, наконец, Секенен-Ра I во времена Апефы II провозгласил себя «Сыном Солнца и Царем двух Египтов», и князя Саида объединились с ним. Теперь местные правители XVII династии освободились от любой связи с гиксосами, и борьба стала серьезной. Второй Секенен-Ра, носящий ту же фамилию Таа, последовал за первым, а затем третий, чья жена Аах-хотеп является одной из великих цариц египетской истории, прославленной также как мать почитаемого Неферт-ари. Аах-хотеп, по всей вероятности, была ранее замужем за египтянином, а не бербером, и от него родила старшего Аахмеса, который умер преждевременно, и трех его братьев: Камеса, Сехент-неб-Ра и второго Аахмеса, Амасиса у греков, который основал XVIII династию.

ЕГИПЕТСКИЕ ГИМНАСТЫ

(Из памятников)

Профессор Масперо, один из величайших авторитетов в области истории Египта этого периода, придерживается мнения, что Секенен-Ра-Таа III был единственным мужем Аах-хотеп и, следовательно, отцом Аахмеса, его братьев и Неферт-ари. Однако доктор Петри, один из самых современных исследователей, говорит: «Аахмес всегда (за исключением одного случая) изображается того же цвета, что и другие египтяне, в то время как Неферт-ари почти всегда окрашена в черный цвет. Любая символическая причина, придуманная для объяснения такой раскраски, в равной степени применима к ее брату, который, тем не менее, не черный. Поскольку Неферт-ари особенно почиталась как прародительница династии, мы должны предположить, что она принадлежала к непрерывной женской линии происхождения, в которой, по-видимому, считалась королевская преемственность, и, следовательно, ее черный цвет, скорее всего, унаследован от отца. Единственный вывод, который можно сделать, если эти моменты будут подтверждены, заключается в том, что у королевы Ах-хотеп было два мужа: один черный (отец Неферт-ари), знаменитый Секенен-Ра, который был берберского типа, а другой — египтянин, отец Ахмеса и его старших братьев».

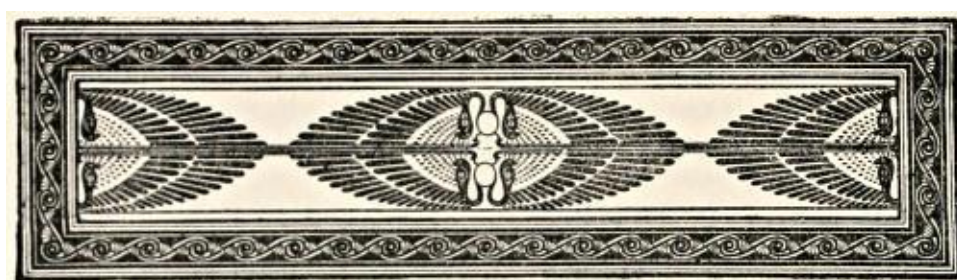
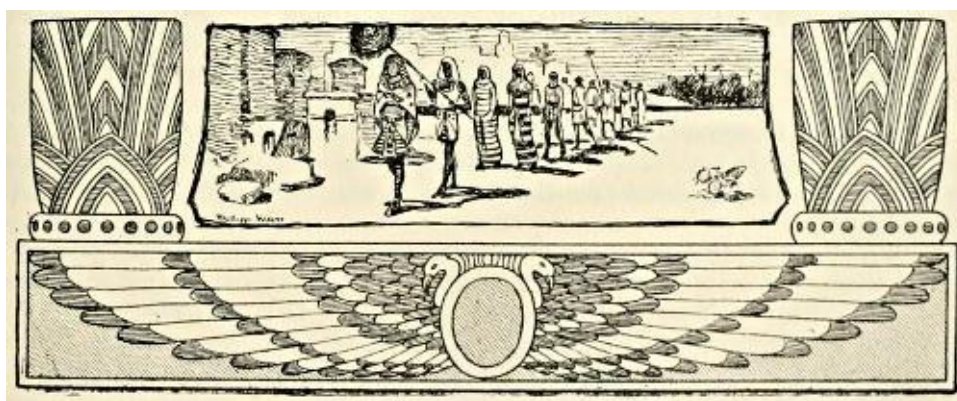
О происхождении Ах-хотеп мало что известно, кроме того, что она была чистокровной королевской крови, но есть документы, которые свидетельствуют о ее очень долгой и насыщенной событиями жизни. В десятом году правления Аменхотепа I она все еще была активна и, должно быть, была почти девяносто лет; и если верить стеле, найденной в Иуфи, она была жива и ей было около ста лет при правлении ее правнука Техутимеса I.

Аах-хотеп имела полное право править как суверен, но она добровольно передала власть своим сыновьям. Когда она умерла, ее тело было с особой тщательностью

забальзамировано, и для нее был изготовлен красивый позолоченный саркофаг. Внутри этого гроба были помещены драгоценности, подарки от мужа и сыновей, которые до недавнего времени были самой известной находкой такого рода. Большинство украшений предназначены для женщин: браслеты, массивные и полые золотые браслеты на лодыжку, другие из золотых бусин, лазурита, сердолика и зеленого полевого шпата, веер с инкрустированной золотом ручкой, зеркало из позолоченной бронзы с ручкой из черного дерева и т. д.

Эта замечательная женщина на протяжении своей долгой жизни, должно быть, была свидетельницей всей драмы восстановления. Родившаяся, когда в стране еще ощущалось гнездо гиксосов, она закрыла глаза не только с освобожденной страной и семьей, прочно сидящей на троне, но и с сирийской родиной ненавистных узурпаторов, уплачивающей тяжелую дань, плодами завоеваний ее собственных потомков в третьем поколении.

Камес и Сехнет-неб-Ра быстро сменили Секенена-Ра III. Борьба против царей-пастухов продолжалась, и когда Аахмес стал фараоном, почти вся страна была освобождена, и только провинции вокруг Ха-Уара (Авариса) оставались в руках гиксосов; но здесь они были готовы оказать отчаянное сопротивление.^a

ГЛАВА IV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

[XVIII династия: ок. 1635-1365 гг. до н.э.]

Окруженные стенами города, склады оружия и боеприпасов, прекрасные породы лошадей, боевые колесницы, слоны, артиллерия и тому подобное — все это лишь овца в львиной шкуре, если только народ не является крепким и воинственным. — Бэкон.

Только что было показано, что ведущие династии Фиванского царства до вторжения гиксосов имели в основном мирный характер. Их эпоха была периодом социальной, литературной и художественной активности, которая обычно наступает для нации только на вершине ее карьеры или когда она переходит в период упадка. Так было и здесь. Египет как нация был вскоре свергнут; чужеземцы вторглись в священные пределы, до сих пор ревностно охранявшиеся даже от мирного вторжения, узурпировали власть и в течение нескольких столетий господствовали над коренными жителями. Эти захватчики, как мы видели, были более примитивным типом цивилизации, чем египтяне. Их правление было временем явно регрессивной эволюции, не оставившим последующим поколениям никаких прочных памятников, подобных тем, которые прославили предыдущие поколения.

Тем не менее, можно задаться вопросом, не было ли в целом влияние этих полуварваров на культурный, но несколько дегенеративный род древней цивилизации в высшей степени благотворным.

Всюду в истории мы видим, что мужественный народ — это народ, который не ослаблен слишком многими поколениями роскошной жизни, которая, кажется, является необходимым спутником высокой культуры. Мы также увидим, что смешанная раса всегда ценится выше всего. Нация, которая закрывается от контактов с другими нациями, находится в состоянии, подобном состоянию породистой породы домашних животных. Расовые особенности могут быть сильно развиты, некоторые более тонкие черты ума и тела могут быть сильно усилены. Но в полном раскрытии совокупных способностей ума и тела есть отклонение, которое приводит к деградации. И когда этот ослабленный род вступает в конкуренцию с какой-то более грубой, но более крепкой расой, исход не вызывает сомнений; его ждет та же судьба, что постигла египтян от рук «варварских» гиксосских завоевателей.

Но выродившаяся или извращенная порода часто демонстрирует удивительную способность к восстановлению под влиянием изменившихся условий, и прилитие свежей крови, привитой такой породе, может творить чудеса. Говорят, что высокоразвитая борзая была бесполезна в качестве охотничьей собаки, пока ее не скрестили с породой бульдога — прилитие крови, которое, не испортив характерные физические особенности борзой, тем не менее вполне достаточно было для восполнения недостающей выносливости и мужества. Можно задаться вопросом, не пришло ли именно такое оживляющее влияние к египтянам через вторжение гиксосов. Трудно предположить, что захватчики оставались в Египте на протяжении веков в достаточном количестве, чтобы поддерживать абсолютный политический контроль, не оказывая какого-либо этнического влияния; и если это допустить, то с физиологической точки зрения вряд ли можно сомневаться, что такое влияние на эту тесно связанную между собой расу было бы благотворным. Оно могло привить бульдожьей энергию гиксосов египетскому народу, отличавшемуся скорее гончей энергией. Но независимо от того, является ли это объяснением изменения, которое произошло в национальном духе, именно бульдожья нация вышла из рабства гиксосов и начала завоевание мира. Проследивая ход событий в этой новой эпохе, мы видим, как Египет приближается к вершине своей мощи.

ИЗГНАНИЕ ГИКСОСОВ: ААХМЕС И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

[около 1635-1610 гг. до н.э.]

Аахмес, вероятно, был между двадцатью пятью и тридцатью годами, когда, как выживший из своих старших братьев, он взшел на престол. Он женился на Неферт-ари, своей сестре или сводной сестре (), которая, возможно, ранее также была обитательницей гарема его братьев; и ее собственные королевские права, присоединенные к его собственным, обеспечили Аахмесу законное право на королевство, которым обладали лишь немногие фараоны.

Его мумия показывает, что он был среднего роста, с хорошо развитой шеей и грудью. Голова небольшая, лоб низкий и узкий, скулы выступающие, волосы густые и волнистые. Он, несомненно, был сильным, активным, воинственным человеком, и эти качества принесли ему успех в войнах.

Из того, что мы сейчас знаем о состоянии борьбы с гиксосами во время вступления Аахмеса на престол, — что их власть была ограничена районом вокруг Авариса, — несомненно, заслуги этого царя в окончательном изгнании гиксосов были сильно преувеличены. Однако, будучи сосредоточенными и сильно укрепившимися в крепости Ха-Уар, они были отнюдь не незначительными противниками. Из-за их положения, которое было еще более недоступным из-за болотистых земель и рек дельты, а также из-за соседней пустыни, всегда существовала опасность нападения на Мемфис, и Аахмес был тем, кто устранил эту последнюю угрозу для восстановленного царства и обеспечил свое господство над всей страной. Поэтому официальные летописцы имели все основания начать новую династию со вступления на престол этого великого царя.

О фактическом изгнании гиксосов существует два рассказа: рассказ Манефона, переписанный Иосифом Флавием и процитированный в предыдущей главе, и рассказ доблестного тезки царя, Аахмеса-си-Абана (сына Абана), записанный на его гробнице в Эль-Кабе.

В версии Манефона говорится, что Аахмес (Алисфрагмутосис) запер пастухов в Аварисе, откуда они были окончательно изгнаны и прогнаны в Сирию его внуком Техутимесом I. Однако это ошибочное утверждение, и египетский историк, несомненно, перепутал захват Авариса с сирийскими войнами Техутимеса. Аахмес-си-Абана не упоминает о захвате Авариса Техутимесом.

Поэтому его рассказ является более точным и полным. Вот что написано на его гробнице:

«Покойный адмирал Аахмес, сын Абаны. Он говорит так: «Я говорю вам, все люди, и сообщаю вам о наградах и почестях, которые выпали на мою долю. Мне восемь раз дарили золотые подарки перед всей страной, а также много рабов, мужчин и женщин; кроме того, мне дали много земли. Титул «Храбрый», который я завоевал, никогда не исчезнет с этой земли».

«Он говорит дальше: «Я видел свет в городе Нехеб [Эль-Каб]. Мой отец был капитаном царя Секенен-Ра; его звали Баба, сын Роанта. Затем я занял его место на корабле под названием «Теленок» во времена царя Неб-пехтет-Ра [Аахмеса]. Я был молод, не имел жены и носил одежду *семт* и *шенну* [одежду молодежи]. Но как только я обзавелся домом, меня поместили на корабль «Север» из-за моей доблести, и я должен был сопровождать повелителя — да будет ему жизнь, здоровье и сила — пешком, когда он ехал на своей колеснице.

«Город Ха-Уар [Аварис] был осажден, и я продемонстрировал свою доблесть в присутствии его величества. Я был повышен до корабля «Ха-ем-мен-нефер» [Вступление в Мемфис]. Они сражались в канале Пазекту, недалеко от Авариса. Я сражался врукопашную и отрубил руку. Геральд короля увидел это, и мне был вручен золотой ошейник за храбрость.

Они сражались во второй раз в этом месте, и я снова отрубил руку; мне был вручен второй золотой подарок.

«Они сражались в Та-кемте, к югу от города. Там я взял живого пленника. Я погрузился в воду — я вел его по воде, чтобы держаться подальше от дороги, ведущей в город. Об этом стало известно глашатаю короля; я снова получил золотой подарок.

«Они захватили Ха-Уар; я увёл оттуда одного мужчину и трёх женщин; его величество подарил их мне в качестве рабов».^b

ЕГИПЕТСКАЯ ПЕХОТА

Во времена Птолемеев существовала традиция, согласно которой царь Аахмес появился перед Аварисом с армией в четыреста восемьдесят тысяч человек, что была долгая осада, которая в конце концов закончилась тем, что царь договорился с осажденными и позволил им мирно уйти со своими женами, детьми и имуществом в Сирию. Но на самом деле Аахмес имел хорошо организованную и оснащенную армию из пятнадцати-двадцати тысяч человек, и город был взят со второго раза. Враг поспешно покинул свои последние опорные пункты и отступил в приграничные провинции Сирии. По какой-то причине — возможно, они угрожали ему с какой-то новой выгодной позиции, или же он хотел нанести окончательный сокрушительный удар — Аахмес решил пересечь границу, что и сделал на пятом году своего правления. Это был первый случай за многие столетия, когда египетский царь ступил на азиатскую землю, и даже тогда он едва переступил порог.

Адмирал Аахмес продолжает свой рассказ:

«В пятом году они осадили город Шархана [Шерохан], и его величество взял его. Я увез оттуда двух женщин и одного слугу, и мне был вручен золотой ожерелье доблести. А мои пленники были отданы мне в рабы».

После захвата Шерохана Аахмес продвинулся к пограничным провинциям Захи (Финикия), а затем повернул назад. Падение палестинского города разбило последнюю надежду гиксосов на восстановление своих владений в Египте. Большинство представителей их расы не бежали вместе с армией, а остались с другими племенами,

которые последовали за ними в Египет, в том числе с израильтянами, чтобы принять любую судьбу, уготованную им новыми завоевателями. Иго не было наложено одинаково на всю страну. Те, кто жил в дельте Нила, были обращены в рабство, и вся эта часть страны была хорошо укреплена, чтобы противостоять бедуинам.

Аахмес вернулся в Африку, но обнаружил, что его присутствие необходимо на юге. Земля Нубии, подчинявшаяся владыкам Фив, была несколько заброшена во время долгой борьбы за власть (), которую фараон только что успешно завершил. Южные народы не смогли ассимилировать дар культуры и цивилизации, навязанный им правителями XII и XIII династий, и сохранили свои обычаи, в то время как храмы, воздвигнутые Усертсеном и Аменемхатом, разрушились и исчезли. Из этого беспорядка развилось серьезное вторжение из Судана. Враждебные племена — какие именно, мы не знаем — спустились по Нилу, насилию людей и оскверняя святилища. Аахмес поспешил встретить их.

«Его Величество отправился на юг, — гласит запись адмирала Аахмеса, — в Хент-эн-Нефер, чтобы уничтожить Ану Хенти, и Его Величество нанес им большой ущерб. Я захватил двух живых мужчин и трех слуг; в очередной раз мне было даровано золото за доблесть, а двух пленников отдал мне в рабы. Затем Его Величество спустился по реке; его сердце наполнилось гордостью за свои храбрые и победоносные деяния; он покориł народы Юга и Севера».

Триумф возвращения был омрачен тревожными новостями с Севера. Остатки расы гиксосов воспользовались отсутствием Аахмеса на Юге, чтобы поднять восстание. Похоже, было два восстания. Одно — со стороны Аата, вероятно, ветви гиксосов, которые двинулись на юг и были уничтожены Аахмесом в Тентоа, другое — со стороны могущественной фракции под руководством некоего Тета-ана. Аахмес-си-Абана рассказывает о его судьбе:

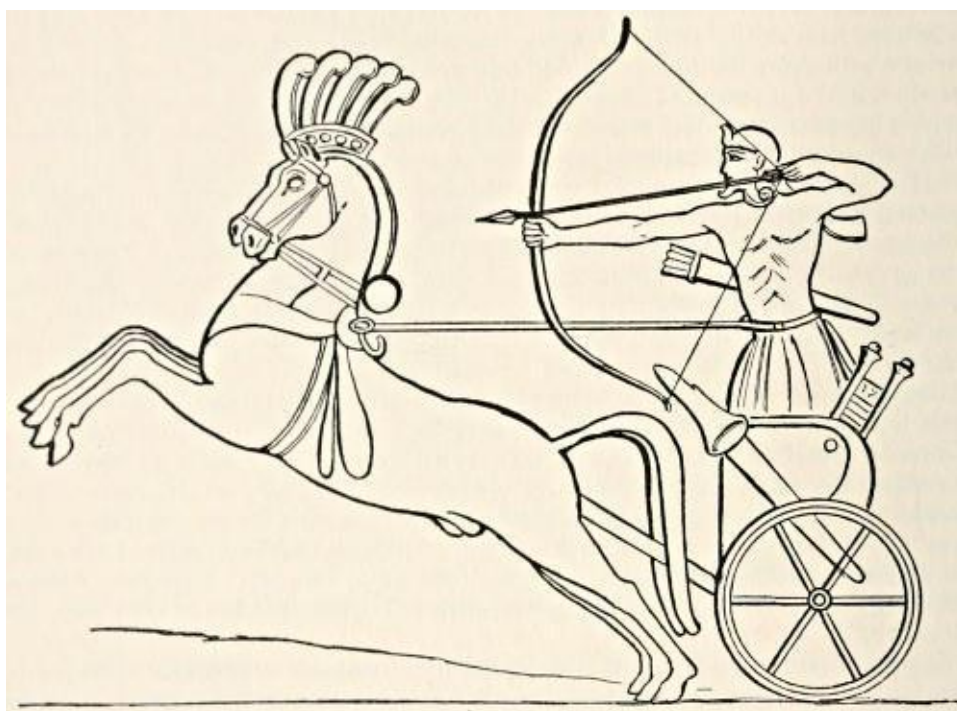
«Затем появился враг по имени Тета-ан; он собрал злобных мятежников. Но его величество убил его и его рабов до последнего».^b

Так была погашена последняя искра азиатского сопротивления. Больше нет записей о походах, предпринятых во время правления этого фараона — по крайней мере, о тех, в которых он принимал участие.

С момента разгрома Тета-ана, примерно в шестом году, до двадцать второго года памятники молчат; и когда они снова заговорили, мы видим мирного, а не воинственного монарха. Закон человеческого прогресса гласит, что за эпохой военных успехов следует возрождение искусства и строительной деятельности. В конце правления Аахмеса, который правил около двадцати пяти лет, это состояние преобладало во всем королевстве. Главные храмы страны были восстановлены или перестроены. Таким образом, боги были вознаграждены за свою божественную помощь в освобождении Египта. Десятая часть всей добычи была посвящена потребностям религиозного культа. Скульпторы и художники, которые на протяжении веков практически не имели работы, восстановили свои навыки благодаря возродившемуся спросу на их услуги, и под влиянием мощного импульса в области культуры появилась новая школа с новыми идеями и методами. На двадцать втором году были вновь открыты карьеры в Туре, чтобы добывать строительный камень для храмов Птаха в Мемфисе и Амона в Фивах, хотя последний не был построен до более позднего правления.

Аахмес умер в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет. Великого фараона похоронили в скромном месте, которое он сам подготовил для себя в некрополе Драх-абул-Негга. Его почитание продолжалось почти тысячу лет, и о нем — и еще больше о царице Нефертари — существует больше примеров поклонения, чем о любом другом правителе.

Аахмес оставил многочисленное потомство, и шесть или семь из его детей были детьми Нефертари. Старший, по-видимому, звали Сапаир, но он умер в молодом возрасте, и вполне вероятно, что Се-Амен был вторым сыном и что он тоже не дожил до зрелого возраста. Но независимо от того, был ли Аменхотеп I вторым или третьим из сыновей Аахмеса, царская власть перешла к нему. Поскольку он был еще несовершеннолетним, бразды правления взяла на себя королева-мать. Нефертари не была праздною обительницей гарема своего мужа, и теперь она утвердила свои многочисленные титулы власти, некоторые из которых имели приоритет над титулами ее мужа и сына. Ничего не известно о ее совместном правлении с Аменхотепом, но оно, несомненно, было процветающим. После смерти ее почитали как божество, наравне с великой фиванской триадой Амен, Хонсу и Мут, поскольку все права королевской династии передавались по ее линии. Ее сыновья Сапаир и Аменхотеп, дочери Сет-амен, Сет-камес и Мерит-амен также были объектами поклонения.

БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА ФАРАОНА

Аменхотеп, по-видимому, не стремился к завоеванию других стран. Его походы ограничивались Африкой. Главным летописью его правления снова является гробница в Эль-Кабе, на которой Аахмес, сын Абаны, записал свои подвиги. Храбрый адмирал был теперь почти пятидесяти лет от роду.

«Мне выпала честь, — рассказывает он, — сопровождать царя Зесер-ка-Ра [Аменхотепа I] в его путешествии в Куш, куда он отправился, чтобы расширить границы Египта. Его величество разгромил этих Ану Хенти [нубийцев] из среды своих войск.

«Вот, я возглавил наших солдат и сражался со всей своей силой. Царь увидел мою храбрость, когда я захватил двух пленников и привел их к его величеству. Через два дня я

доставил его величество обратно в Египет из верхней земли. И мне были даны золотой дар и две рабыни, и я был возвышен до достоинства «воина царя»».

Нубийская кампания была короткой и неважной. Более важная была направлена против Амукехака, которые, по-видимому, были частью ливийской расы Тухенну. Эти люди на протяжении веков были беспокойными и доставляли проблемы фараонам, но сила Нового Царства теперь была вполне способна справиться с ними. Несмотря на эти несколько кампаний, правление Аменхотепа I можно охарактеризовать как период мира и внутреннего процветания. Он просто достиг на юге и западе той безопасности, которую его отец обеспечил на севере. Процветали торговля, сельское хозяйство и городская жизнь, и он действительно заслуживал того почитания, которое на протяжении веков оказывалось ему в столице Фив, где он изображался в образе Осириса. Гроб и мумия этого царя были среди замечательных находок профессора Масперо в Дейр-эль-Бахари. Он так рассказывает об этом: «Длинные гирлянды из увядших цветов украшают мумию с головы до ног. Оса, привлеченная их ароматом, должно быть, села на них в момент погребения и оказалась в плену крышки; насекомое было полностью сохранено от разложения бальзамами бальзамировщика, и его прозрачные крылышки прошли через долгие века, не помявшись».

[около 1590-1565 гг. до н.э.]

Аменхотеп женился на своей сестре Аах-хотеп II, и среди их детей была принцесса Аахмес. У фараона также был сын от наложницы Сенсенб, Техутимос, который был женат на своей сводной сестре Аахмес. Техутимос был, вероятно, немного моложе своей жены. Аахмес, благодаря своему чистому королевскому происхождению, имела гораздо больше прав на трон, чем ее муж и брат, но по какой-то причине она отказалась от своих прав, и Техутимес был коронован в Фивах 21-го дня третьего месяца Фаменот. Если он и был соправителем своего отца, то, должно быть, только в течение короткого времени. Новый царь был высоким, широкоплечим, крепко сложенным мужчиной, обладавшим большой выносливостью. Его полное круглое лицо отличалось длинным носом и квадратным подбородком, а толстые губы были улыбчивыми, но решительными.

В душе этого монарха зарождался новый дух, которому суждено было положить конец изоляции древних царств. Поскольку его собственная страна находилась в фактическом подчинении, у него возникло неизбежное желание вторгнуться в другие земли. Мы видели, как фараоны всегда проявляли определенную робость при переходе через Суэцкий перешеек и как Аахмес, хорошо подготовленный к завоеванию чужих земель, поспешил домой, как только прогнал бежавших гиксосов за границу. Он не был настроен на завоевание мира, но с Техутимесом дело обстояло иначе, хотя определенные внутренние проблемы удерживали его на время дома. Соседняя Сирия с ее большими и богатыми городами, с каждым днем становившаяся все богаче благодаря хорошо организованной торговле по суше и морю, ранее была завоевана халдеями и теперь находилась под их бесспорным господством; и когда этот же дух пробудился в молодом и энергичном восстановленном царстве, что было более естественным, чем то, что его алчность обратилась в том же направлении? Но некоторые трудности внутри страны на время помешали Техутимосу I подавить восстания в окрестностях Второго и Третьего водопадов.

История Аахмеса, которому теперь было почти семьдесят лет, гласит:

«Мне выпала честь сопровождать царя Аа-хепер-ка-Ра [Техутимеса I] в его путешествии в Хент-эн-нефер с целью наказать мятежников из племен и подавить мародеров из гор. На его кораблях я проявил доблесть и был возведен в звание адмирала морского флота. Их народ был увезен живым и в плену. Его Величество вернулся вниз по реке; все земли теперь

были под его властью. Этот подлый царь Ану из Хенти был удерживаем головой вниз, когда царь высадился в Фивах».

Было бы ценно и интересно узнать, какое впечатление произвела на фиванские легионы странная земля Сирии с ее широкими, неровными равнинами, высокими, покрытыми снегом горами, укрепленными городами, расположенными в труднодоступных местах, ее народом, отличающимся по обычаям и с цивилизацией, не уступающей их собственной, когда они наконец оказались в Палестине. Но о том, что они думали и чувствовали, они не оставили ни слова. Строки, которыми Аахмес из Эль-Каба завершает запись о своей долгой жизни — ему должно быть было за девяносто, когда он умер — не содержат больше подробностей, чем остальная часть его рассказа.

«После этого его величество — да будет ему жизнь, здоровье и сила — отправился в Рутен, чтобы отомстить странам. Его величество прибыл в Нахараин [Верхняя Месопотамия]; он нашел врага, который замыслил против него. Его величество нанес им огромный ущерб; в результате побед было захвачено огромное количество живых пленников.

«Вот, я был во главе наших воинов. Его Величество увидел мою храбрость, когда я захватил колесницу, ее лошадей и тех, кто был в ней. Я привел их к Его Величеству и вновь получил золотой ошейник за доблесть. Я вырос и достиг старости; у меня много почестей. Я буду покоиться в могиле, которую сам себе построил».

Техутимес в своей первой кампании пошел гораздо дальше, чем его дед, и его маршрут — от Газы до Мегиддо, Кадеша и Кархемиша — впоследствии стал тем, по которому египтяне следовали всякий раз, когда они спускались к Евфрату. О ходе его похода мы не имеем ни малейшей информации, за исключением того, что, как рассказывает нам Аахмес, он встретил врага в Нахараине. Противная армия находилась под командованием царя Митанни или, возможно, одного из военачальников вавилонского царя Косса, и все мелкие князья северных провинций служили в ней со своими войсками, чтобы отразить нового захватчика. Но победа осталась за Техутимесом. Без сомнения, его армия превосходила армию противника. Ее организация и подготовка неуклонно улучшались со времен Аахмеса, поскольку она постоянно призывалась на службу против племен Эфиопии и Ливии. Сирийцы не уступали ни в эффективности, ни в храбрости, но их страна была сильно дезорганизована, а число их воинов было далеко не таким большим, как у врага. Поэтому они не могли располагать такими силами, как египтяне, собравшиеся против них.

Техутимос воздвиг стелу на Евфрате, чтобы обозначить границы своего владения, а затем, богато обогатившись, вернулся в Фивы. Позднее фараоны, когда они вторгались в Азию, применяли похожие методы — внезапное продвижение по диагонали на северо-восток, разгром и рассеяние любых противостоящих сил, распространение разрушений повсюду, а затем быстрое возвращение на родину, прежде чем приближающаяся зима положит конец всем действиям.

Но успех Техутима в его первой экспедиции был настолько решительным, настолько подавляющим, что он больше никогда не считал необходимым пересекать перешеек. Южная Сирия не роптала против возложенного на нее бремени, хотя север, правда, вскоре выскользнул из рук фараона, если он вообще когда-либо его удерживал. В Газе был оставлен сильный гарнизон, а царь вернулся к своим все еще мятежным подданным в Эфиопии и Нубии. Два или три восстания были легко подавлены. Во время этих экспедиций Техутимес прошел по старому каналу, построенному Усертсеном III, и на скалах, которые его окружают (), было найдено много интересных надписей, относящихся к этой поездке. Одна из них в Асуане гласит: «Год III, 20-е число месяца Пахон, его величество прошел этот канал с силой и мощью в своей кампании по разгрому Эфиопии, презренной»; на другой высечено: «Его величество пришел в Куш, чтобы разгромить презренных»; а на третьей: «Его величество

приказал очистить этот канал, после того как обнаружил, что он завален камнями, так что ни одна лодка не могла пройти по нему. Он прошел по нему, и его сердце наполнилось радостью». Теперь царь передал дела своих южных земель в руки наместника, которого называют «Королевским сыном Куша» и который, следовательно, должен был иметь в своих венах кровь Ра. Кроме того, царь принял обширные меры по укреплению обороны. Он восстановил крепости Семне и Кумме до того состояния, в котором они находились в великие дни XII династии, и построил кирпичную цитадель, чтобы контролировать Нил на острове Томбос, недалеко от Третьего водопада. Все эти меры предосторожности позволили Техутимесу I прожить остаток своего правления, длившегося около двадцати пяти лет, в полном мире. Странные обстоятельства его поздних лет и проблемы его преемника хорошо описаны в монументальном труде Масперо «Борьба народов» и в его истории древних восточных народов.

Положение Техутимеса I было действительно любопытным: хотя он *де-факто* обладал абсолютной властью, его дети от царицы Аахмес имели на него преимущество, поскольку по линии матери она имела больше прав на корону, чем ее муж, и по закону король должен был уйти в отставку в пользу своих сыновей, как только они достигли возраста, позволяющего им править. [Согласно Петри, эти двое были детьми Аменхотепа I от королевы Аах-хотеп и, следовательно, братьями королевы Аахмес]. Старший из них, Уазмес, умер рано. Второй, Аменмес, дожил по крайней мере до подросткового возраста: ему было позволено разделить корону со своим отцом с четвертого года правления последнего, и он также занимал военную должность в дельте, но вскоре он тоже умер, и Техутимес I остался с единственным сыном — Техутимесом, как и он сам, — который мог бы стать его преемником. Матерью этого принца была некая Мут-Неферт, сводная сестра царя по отцовской линии, которая пользовалась таким высоким положением в царской семье, что ее муж разрешил ей изображаться в царском одеянии; однако ее родословная по материнской линии не была столь выдающейся, что не позволяло ее сыну быть признанным наследником престола; поэтому «трон Гора» вновь перешел к женщине, Хатшепсут, старшей дочери Ахмеса.

ТЕХУТИМЕС II; ЦАРИЦА ХАТШЕПСУТ

[около 1565-1530 гг. до н.э.]

Однако сама Хатшепсут не была чистокровной богиней. Ее отец, Сенсенб, не был потомком королевского рода, и этот недостаток в ее родословной угрожал в ее случае осквернить святость солнечной крови. Согласно египетским верованиям, этот недостаток рождения мог быть исправлен только чудом, и бог предков, воплотившийся в земном отце в момент зачатия, должен был снизойти до того, чтобы таким образом вдохнуть новую добродетель в его род. Надписи, которыми Хатшепсут украсила свою капеллу, рассказывают о том, как в ту роковую ночь Амон спустился на Ахмеса в потоке благоуханий и света. Царица приняла его благосклонно, и божественный супруг, покидая ее, объявил ей о приближающемся рождении дочери, в которой его доблесть и сила должны были вновь проявиться здесь, на земле.

Продолжение истории показано в серии картинок. Божества-покровители, которые наблюдают за рождением детей, ведут царицу к ее ложу, и печальная покорность, отраженная на ее лице, вместе с томной грацией всей ее фигуры, делают этот портрет законченным произведением искусства. Ребенок появляется на свет среди криков радости, и благоприятные духи, которые питают и ее, и ее двойника, становятся ее кормилицами. В назначенное время ее земной отец созывает великих вельмож на торжественный праздник и представляет им свою дочь, которая будет править вместе с ним Египтом и миром.

С этого момента Хатшепсут принимает все возможные меры, чтобы скрыть свой пол. Она меняет окончание своего имени и называет себя Хатшепсут, «глава знати», вместо Хатшепсут, «глава фаворитов». Она становится королем Маат-ка-Ра и на всех публичных церемониях появляется в мужском костюме.

Головной убор египетской царицы

Мы видим ее изображенной на фиванских памятниках с обнаженными плечами, без груди, в короткой набедренной повязке и кефии, с диадемой на коротко стриженных волосах и накладной бородой на подбородке. Однако она сохранила женский род при упоминании о себе, а также эпитет, вставленный в ее картуш, который провозглашал ее невестой *Амен-Хнема Амена*. Ее отец еще в юном возрасте обручил ее с братом Техутимесом, который, по-видимому, был младше ее, и этот факт, несомненно, объясняет ту весьма подчиненную роль, которую он играет рядом с царицей. Когда Техутимес I умер, египетский этикет требовал, чтобы во главе дел стоял мужчина, и этот юноша сменил своего отца на посту, но Хатшепсут, уступив мужу видимость власти и внешнюю пышность, полностью сохранила управление государством в своих руках. Сохранившиеся портреты показывают ее с утонченными чертами лица и гордым, энергичным выражением. Овал лица удлинённый, щеки немного впалые, глаза глубоко посаженные под дугой бровей, а губы тонкие и плотно сомкнутые. Она правила такой твердой рукой, что ни Египет, ни его иностранные вассалы не осмеливались предпринимать серьезных попыток выйти из-под ее власти. Один набег, в ходе которого было взято несколько пленных, наказал восстание шасу в центральной Сирии, а обычные экспедиции поддерживали порядок среди народов Эфиопии и подавляли любые попытки восстания. Когда на втором году своего правления Техутимос II получил известие о том, что жители Верхнего Нила перестали соблюдать условия, которые наложил на них его отец, он «разъярился, как пантера», собрал свои войска и без промедления отправился на войну. Присутствие царя с армией наполнило мятежников ужасом, и кампания, длившаяся несколько недель, положила конец их попытке восстания. Техутимос II продолжил дело, начатое его отцом, но прожил не долго после него. Маска на его гробе изображает его с улыбающимся и дружелюбным лицом и с прекрасными трогательными глазами, которые показывают его происхождение от фараонов XII династии. От брака с Хатшепсу () Техутимос оставил только дочерей, но у него был один сын, также Техутимос ([13](#))

), от женщины низкого происхождения, возможно, просто рабыни, по имени Асет. Хатшепсут провозгласила этого ребенка своим преемником, поскольку его молодость и скромное происхождение не могли вызвать у нее ревности. Она обручила его со своей единственной выжившей дочерью, Хатшепсут II, и, таким образом, урегулировав вопрос о преемственности в основной линии, продолжала править в одиночку от имени своего племянника, который еще был несовершеннолетним, как она делала ранее в случае со своим сводным братом.

Ее правление было процветающим, но мы не можем сказать, было ли это процветание результатом ее политического таланта или удачного выбора министров. Она активно продвигала строительные работы под руководством своего архитектора Сенмута не только в Дейр-эль-Бахари, но и в Карнаке, и вообще повсюду в Фивах. Планы строительства были разработаны при Техутиме I, и их реализация шла так быстро, что во многих случаях королеве оставалось только проконтролировать скульптурное украшение почти готовых стен. Однако эта работа дала ей достаточный повод, согласно египетскому обычаю, приписать себе заслугу за все сооружение, и ее мнение о собственных силах с большой наивностью отражено в ее надписях. [Известным событием ее правления было отправление экспедиции через Красное море в поисках ладана].

ТЕХУТИМЕТ II

[около 1530-1520 гг. до н.э.]

Когда Техутимос III достиг зрелого возраста, его тетя, королева, вместо того чтобы отречься от престола в его пользу, все чаще привлекала его к участию в внешних делах государства. Она была вынуждена уступать ему первенство в тех религиозных церемониях, которые могли проводиться только мужчинами, таких как освящение одних из городских ворот Омбоса и основание и размещение храма в Мединет-Хабу, но в большинстве случаев она заставляла его оставаться на втором плане и занимать второстепенное место рядом с ней. Мы не можем определить точный момент, когда эта двойная власть прекратила свое существование. Она еще существовала в XVI году правления, но прекратила свое существование до XXII года. Только смерть могла вырвать скипетр из рук, которые его держали, и Техутимес должен был сдерживать свое нетерпение в течение многих долгих дней, прежде чем стать настоящим правителем Египта. Ему было около двадцати пяти лет^[4], когда это произошло, и он немедленно отомстил за долгое угнетение, которому он подвергался, пытаясь уничтожить саму память о той, кого он считал узурпатором. Все ее портреты, которые он мог испортить, не подвергая себя обвинению в святотатстве, были уничтожены, а ее имя он заменил либо именем Техутима I, либо Техутима II. С первого дня его прихода к власти произошли полные политические изменения как внутри страны, так и за рубежом. Хатшепсут была противницей войны. За все время ее правления не было ни одной военной кампании за пределами Суэцкого перешейка, и к концу своей жизни она потеряла почти все, что ее отец завоевал в Сирии; народ Хару [Финикия] сбросил иго, вероятно, по подстрекательству царя амореев, и от азиатской провинции Египту остались только Газа, Шархана и соседние деревни.^c

Одним из первых действий Техутима III как единоличного царя было проведение экспедиции против Сирии, где постоянные восстания ослабили власть Египта. Он прибыл в Газу 3-го (или 4-го) числа месяца Пахон. Там он отпраздновал годовщину своей коронации и двадцать третий год своего правления. Затем он продолжил поход к Ихем, в двадцати милях к северу от Газы, где узнал от своих послов, что царь Кадеша укрепился в Мегиддо с отрядом мятежников.

ТРИУМФЫ ТЕХУТИМА III; ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Страх перед опасностью горных ущелий возле Алуны заставил некоторых офицеров пожелать повернуть назад и пойти по дороге Зифта. Но Техутимес с негодованием отверг их совет, сказав:

«Клянусь своей жизнью, любовью Ра ко мне, милостью, оказанной мне моим отцом Амоном, Ваше Величество пойдет по дороге Алуны, независимо от того, хотите ли вы пойти по любому из предложенных маршрутов или хотите ли вы следовать за мной. Ведь не скажут ли эти презренные враги, ненавистные Ра: «Если фараон идет по другому маршруту, то он идет из-за страха перед нами»?

Тогда генералы фараона ответили: «Твой отец Амен защищает тебя; мы последуем за тобой, куда бы ты ни повел нас, как слуги следуют за своим господином».

Три дня быстрого марша привели армию без каких-либо происшествий к городу Алуна, расположенному недалеко от реки Кина, немного южнее Мегиддо, и там она разбила лагерь на ночь перед лицом врага с лозунгами:

«Держитесь, мужайтесь! Будьте бдительны! Будьте начеку в лагере!»

На рассвете египетская армия выстроилась в боевой порядок; правое крыло было направлено к реке Кина, а левое простиралось по равнине к северо-западу от Мегиддо. После ожесточенного сражения сирийцы впали в панику и, бросив своих лошадей и колесницы на поле битвы, бежали обратно в Мегиддо; но страх перед врагом заставил закрыть ворота, и среди тех, кого спустили на валы с помощью веревок, были сами жители города, в том числе и сам правитель Кадеша.

«Если бы Бог не позволил солдатам Его Величества заняться разграблением добычи своих презренных врагов, они могли бы тогда взять Мегиддо», — говорится в отчете о походе. Жадность завоевателей спасла жизнь побежденным, потому что, хотя они захватили на поле битвы 2132 лошади, 994 колесницы и всю добычу, оставленную азиатами, они взяли в плен только 140 человек и убили только 83.

Вечером, когда победоносная армия прошла мимо Техутима III с добычей, царь воскликнул:

«Если бы вы взяли Мегиддо, это было бы великой милостью, оказанной мне моим отцом в этот день, ибо, поскольку все вожди страны находятся в пределах стен, взятие Мегиддо было бы равносильно взятию тысячи городов».

Однако город, вскоре осажденный, капитулировал через несколько дней. С его падением кампания закончилась, и вожди Сирии и Месопотамии поспешили принести клятву верности и заплатить дань Египту.

Три последовательные кампании, с XXIV по XXVIII год этого правления, завершили покорение Сирии и южной Финикии.

[около 1520-1503 гг. до н.э.]

В XXIX году Техутимес отправился в Нахарайн, территорию между реками Оронт и Евфрат, и районы к западу от Хилибу были разграблены во славу бога Фив, чьи сокровищницы вскоре наполнились золотом, серебром и сокровищами хеттских князей.

Когда царь возвращался в Египет с «радостным сердцем», ему вдруг пришла в голову мысль, что Захи, богатый вином, маслом и зерном и находящийся за пределами военных маршрутов, будет легкой и богатой добычей. Поэтому он повернул на восток и совершил набег на район Арадус, который египтяне ограбили, забрав скот и продукты.

В следующем году фиванцы вернулись снова, и города Кадеш, Семейра, Арадус и Арату на берегах озера Нисрана пали один за другим. Сыновья их вождей были взяты в заложники. Поход длился до XXXI года, и царь отпраздновал свою победу, установив две стелы возле Кархемиша, одну к востоку от реки, а другую рядом со стелой, воздвигнутой его отцом или дедом, Техутимесом I, почти полвека назад.

Затем он завоевал Ни-^{си}, и получил дань от его князя. Пребывание Техутима III в этом городе было отмечено выполнением королевского долга по убийству диких зверей; и, по сообщениям, царь охотился и убил более ста двадцати слонов.

Все племена Сирии должны были подчиниться могущественному игу египтян, и вожди Ливана, хета [хетты] и царь Сингары принесли клятву верности.

Тем не менее, в XXXVII году под руководством царя Нахараина произошло восстание, которое было подавлено в результате великой битвы недалеко от Алуны. В XLI году война велась в Коэле-Сирии, и когда царь Кадеша отказался принести дань уважения фараону, под крепостными стенами города развернулась смертельная борьба. Осажденные попытались применить уловку, выпустив кобылу среди колесниц Техутимеса, но Аменемхем, офицер гвардии, прыгнул на землю, пронзил животное мечом, отрезал ему хвост и преподнес его царю; тот же храбрый офицер, возглавив отборный отряд, сумел прорвать оборону и ворваться в город.

Едва ли проходил год без стычек с уауату в Эфиопии. Но племена, так долго дрожавшие перед фараонами, бежали при первых признаках нападения. Египтянам оставалось только завладеть стадами и стадами, или любой добычей, оставленной в заброшенных деревнях, и поход полководца был серией легких побед, которые отмечались триумфом по возвращении домой.

Успех Техутимеса III в его походах увеличил размер и богатство королевства и дал основание для присвоения ему имени « » («Великий»); и неудивительно, что его деяния стали предметом поэтических панегириков того периода, высеченных на храме Карнака:

«Я пришел, — сказал ему бог Амон, — чтобы позволить тебе сокрушить князей Захи; я бросаю их к твоим ногам в их землях; я заставляю их видеть твое Величество как повелителя света, когда ты сияешь перед ними по моему подобию.

Я пришел, чтобы позволить тебе сокрушить варваров Азии, взять в плен вождей Рутена. Я заставляю их увидеть твое Величество, украшенное воинским облачением, когда ты будешь владеть оружием на колеснице.

Я пришел, чтобы ты сокрушил земли Востока; Кефа (Финикия) и Асеби (Кипр) боятся тебя; я заставляю их видеть твое Величество подобным молодому быку, твердому сердцем и непобедимому с твоими рогами.

Я пришел, чтобы ты сокрушил народы, живущие в их гаванях. И земли Матена трепещут перед тобой. Я заставляю их увидеть твое величество, подобное бегемоту, повелителю ужаса и недостижимому на водах.

«Я пришел, чтобы ты сокрушил народы, живущие на их островах. Те, кто живет на лоне моря, находятся в пределах досягаемости твоего рычания. Я заставляю их видеть твое величие, как мстителя, стоящего на спине своей жертвы.

Я пришел, чтобы ты сокрушил Тухенну. Острова Утента в твоём распоряжении. Я заставляю их видеть твоё величие, подобное величию разъяренного льва, который усыпает долину трупами.

Я пришел, чтобы ты мог сокрушить морские страны, чтобы пояс океанов был в твоей власти. Я заставляю их видеть твоё величество, как короля птиц, который видит все одним взглядом.

Я пришел, чтобы ты сокрушил владык песков, живущих в лагунах; чтобы ты увел в плен обитателей песков. Я заставляю их видеть твоё величество как шакала Юга, царя бегунов, очистителя двух регионов.

Я пришел, чтобы ты сокрушил варваров Нубии. Вплоть до земли Шат все находится в твоих руках. Я заставляю их видеть твоё Величество подобным твоим двум братьям, Хору и Сету, чьи руки я соединил, чтобы обеспечить твою власть».

Такой успех поразил воображение народа, и Техутимос III вскоре стал считаться героем романтических легенд, как и Хеопс и Усертсен I. Только одна из легенд, бытовавших в течение веков после его смерти, сохранилась до наших дней.

Принц Иоппы поднял восстание и выступил против египтян. Фараон, не имея в то время возможности покинуть свою страну, послал Тутии, одного из своих самых храбрых полководцев, чтобы подавить восстание. Город был вскоре взят.

Техутимос умер в последний день Фаменота в 54-м году своего правления и был похоронен в Фивах.

[около 1503-1455 гг. до н.э.]

Аменхотеп II унаследовал трон своего отца Техутима III.

Сирийцы полагали, что приход нового египетского царя означает возможность сбросить иго фараонов. Но вскоре они поняли свою ошибку. Аменхотеп опустошил районы верхнего Иордана и «как страшный лев, который заставляет страну бежать», 26-го числа месяца Тиби он пересек Арсет, чтобы разведать перевалы Анато. Когда «некоторые азиаты появились на лошадях, чтобы преградить ему путь, он захватил их оружие, и его доблесть сравнилась с таинственной силой Сета, ибо варвары бежали от его взгляда».

10-го числа месяца Эпифи он взял Ни без единого удара. Жители, мужчины и женщины, вышли на стены, чтобы почтить его величество. Другие места, такие как Акерит, подверглись длительной осаде, прежде чем сдались. Но к третьему году восстание было полностью подавлено, и в ходе кампании фараон захватил семерых вождей страны Тхахис. Шестеро из них () были торжественно принесены в жертву Амону, а их руки и головы были выставлены на стенах храма Карнака. С седьмым поступили так же в Напате, чтобы показать пример эфиопским князьям и заставить их уважать власть фараона.

Восстание племен в пустыне и оазисах на востоке Египта было подавлено Аменемхебом, который занимал ту же должность при Аменхотепе, что и при Техутиме III.

Техутимос IV, сын Аменхотепа, был следующим царем Египта, и его успешные походы укрепили его власть в Сирии и Эфиопии.

[около 1455-1400 гг. до н.э.]

При Аменхотепе III, который сменил Техутимеса IV, границы египетского господства были закреплены на севере рекой Евфрат, а на юге — землей галласов.

Сирийцы теперь полностью находились под египетским игом и охотно посылали своих дочерей в королевский гарем; войны древних времен превратились в случайные набеги с целью приобретения рабов или рабочих для строительных работ в долине Нила.

Последние цари XVIII династии были известны как «цари-еретики», поскольку, возмущаясь растущей властью жрецов культа Амона, они создали противостоящие культы. Техутимос IV отказался от Великого Сфинкса и восстановил старый культ Хоремху («Солнце в двух горизонтах»). Аменхотеп III привнес в Фивы религию Атона, солнечного диска, и в 10-м году своего правления учредил в Карнаке праздник в честь новой религии. А Аменхотеп IV, чтобы освободиться от власти верховного жреца в Фивах, решил основать новую столицу для своего царства, в которой Атон должен был быть верховным богом. Религия Атона была, вероятно, самой древней формой религий Ра. Диск, перед которым совершались молитвы, был не только сияющей и видимой формой божества, он был самим богом.

[около 1420-1365 гг. до н.э.]

Аменхотеп III женился на женщине иностранного происхождения и вероисповедания, Ти. У него был сын, который унаследовал его трон под именем Аменхотеп IV. Фигура Аменхотепа IV, как она известна нам по памятникам, демонстрирует те своеобразные и странные черты, которые накладывает на лицо, грудь и живот евнухов кастрация. С другой стороны, мы знаем, что в раннем возрасте он женился на царице Неферт-Ти и имел от нее семерых дочерей. Поэтому вполне вероятно, что если он действительно пережил несчастье, о котором, судя по всему, свидетельствуют его черты лица, то это произошло во время войн Аменхотепа III и среди чернокожего населения Юга. Обычай калечить пленных и раненых среди этих народов стар, как мир. Аменхотеп IV, несомненно, впитал религиозные идеи от своей матери, поскольку он проявлял большой ужас перед культом Амона и поклонялся солнечным божествам, главным образом самому диску.

Но страх вызвать восстание своих подданных сначала удерживал его от слишком открытого признания своей ереси. Он довольствовался сменой своего имени, в котором содержалось имя Амона, на имя Хун-Атен, «Великолепие солнечного диска», и продолжал поклоняться своему отцу Аменхотепу и самому богу Амону. Позже его религиозный фанатизм взял верх над его благоразумием. Культ Амона был запрещен, а его имя стерто везде, где это было возможно. Чистокровные египтяне попали под подозрение из-за своей религии и исчезли из окружения царя, уступив место азиатским персонажам, которые напоминали фараона и были лишены, как и он, своей мужественности.

Фивы, полные памятников, посвященных падшему богу, утратили свой статус столицы.

Хун-Атен построил новую столицу в местечке в Среднем Египте, которое сегодня носит название Телль-эль-Амарна, а он назвал его Хут-Атен, где не было ничего, что напоминало бы о старой религии.

Солнце было главным богом старой религии; все древние солнечные божества, Ра-Хоремху, Гор, были признаны и уважаемы. Памятники показывают нам бога в виде диска, лучи которого спускаются к земле, каждый из которых заканчивается рукой, держащей ансатический крест — символ жизни. Диск называется Атен. Куда бы ни пошел царь, солнечный диск сопровождает его и одаривает его своим благословением.

Но, несмотря на все внимание, которое он уделял религии, Хун-Атен, как и его предки, был великим строителем и завоевателем. Эфиопия, Фивы и Мемфис были полями его деятельности, и он продолжал осуществлять суверенную власть как в Сирии, так и в Африке.

После его смерти корона перешла к принцу Ай, его приемному брату и мужу его старшей дочери Тай. Новый царь, не отказываясь от религии поклонения солнцу, прекратил преследования, направленные против культа Амона, и восстановил религию древних национальных божеств. Его преемниками были его зятья Тут-анк-Амен, а позже Саа-нехт, чье правление, хотя и было коротким, по-видимому, было процветающим. По крайней мере, Тут-анк-Амен изображается как всемогущий фараон, которому иностранные народы с трепетом воздают дань уважения. [Согласно Бругшу, Видеману и Петри, порядок этих царей следующий: Саа-нехт, Тут-анк-Амен и Ай — в обратном порядке по сравнению с приведенным здесь.]

Но после них гражданские и религиозные войны опустошили Египет; трон занимали эфемерные цари, имена которых нам даже неизвестны. [Цари, которые ранее считались принадлежащими к концу этой династии, теперь, как отмечает профессор Петри, «не имеют исторического значения, а являются лишь лингвистическими вопросами». Было достоверно установлено, что имена, о которых идет речь, являются либо ошибками, либо «птолемеевскими опечатками», и теперь они присваиваются монархам этой и других династий].

Царь Хор-ем-хеб восстановил мир, подавил солнечную религию, уничтожил памятники Хун-атена и повсеместно восстановил древний культ. За пределами страны он вновь завоевал Эфиопию, которая на время была утрачена, и сделал землю Пунт данной страной, но не рискнул отправлять экспедиции в Сирию. Завоевания Техутимесов и Аменхотепов, с таким трудом полученные в этом направлении, были утрачены во время религиозных войн. Мелкие местные князья перестали платить дань, и чтобы вновь подчинить их, потребовалось целое поколение завоевателей.

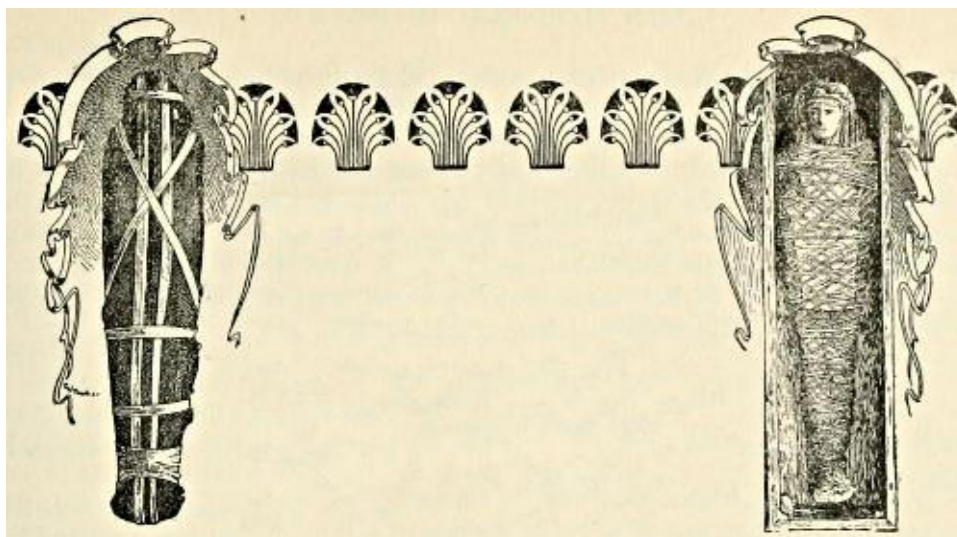
СНОСКИ

[3] [До сих пор остается неясным, был ли Техутимос I или Техутимос II отцом Техутимоса III, но Масперо и Петри склоняются к мнению, что это был Техутимос II.

[4] [Петри говорит, что ему было около тридцати одного года.]

[5] [Город в земле Нахарайн, который иногда путают с Ниневией.]

ГЛАВА V. XIX ДИНАСТИЯ

[около 1365-1225 гг. до н.э.]

Мужи Египта, вы услышали своего царя!

Я ухожу и не вернусь. Но воля

великих богов ясна: и вы должны принести

злые дела, злые страсти, ревностно исполняя

их удовольствие, к их ногам; и пожинать их похвалу,

Хвалу богов, богатую милость! и долгие дни. — Мэтью Арнольд.

Мы подошли к периоду, когда Египет достиг вершины своей мощи; когда ряд великих завоевателей-монархов сделал имя Египта известным и уважаемым далеко за пределами Нила. Из этих великих монархов имя одного в особенности запечатлелось в традициях азиатских народов и вошло в народное сознание. Это был Рамсес II, известный евреям, а через них и западному миру, как фараон угнетения. Несмотря на величие этого монарха, о нем мало что было известно за пределами предвзятых рассказов евреев, вплоть до нашего времени, когда расшифровка памятников принесла на свет записи о многих его военных подвигах. Эти записи, как и все подобные повествования, сильно приукрашены и рассказываются с точки зрения самого завоевателя; но, с должной долей преувеличения, их, без сомнения, можно принять как описания реальных событий.

К имени Рамсеса II привязано особое внимание, помимо неизменного очарования великого завоевателя. Поэтому у нас будет возможность подробно рассмотреть его деяния, как они описаны поэтом-лауреатом того времени, и рассмотреть различные авторитетные оценки, как древние, так и современные, которые были даны этому величайшему герою египетской истории.^a Во-первых, Масперо:

Хор-ем-хеб, происхождение которого неизвестно [не кажется, что есть основания отрицать, что он был тем самым знаменитым полководцем, чья гробница была обнаружена в Саккаре], свел на нет усилия Аменхотепа и других еретических царей по ослаблению власти Фив и их бога, поскольку он восстановил культ Амона во всем его великолепии, разрушил храм Атона и материалы, использованные для возведения одного из триумфальных входов, ведущих в святилище Карнака; имена еретических царей были

стерты, а их памятники полностью уничтожены. Новому царю предстояло многое сделать, чтобы исправить бедствия предыдущих лет; внутри страны весь государственный аппарат был выведен из строя, а за рубежом страны, находившиеся под египетским игом, перестали платить дань. Хор-ем-хеб подавил разбойничество, наказал смертью неблагонадежных работодателей и вернул храмам имущество, которое было у них отобрано. Он ввел дань для далекой страны Пунт, совершал набеги на племена Верхнего Нила и хвастался тем, что покорил те же страны, что и Техутимос III. Мы не имеем точных сведений о его завоеваниях, кроме тех, что содержатся в его памятниках, но их было много, и его правление, по видимому, было славным, процветающим и долгим.

[около 1365-1355 гг. до н.э.]

Неизвестно, когда скипетр перешел в руки Рамсеса I и как он был связан со своим предшественником. [Никогда не было установлено, был ли он сыном, зятем или братом Хор-ем-хеба]. Однако он служил Аи, одному из последних еретических царей, а также Хор-ем-хебу, поэтому он вступил на престол фараонов в довольно преклонном возрасте. Экспедиция в II году против Эфиопии и короткая кампания против хеттов были главными событиями его правления. Он умер через шесть или семь лет после вступления на престол и оставил своим преемником сына Сети (Сетозис по греческой традиции).

ЦАРЬ СЕТИ

[около 1355-1345 гг. до н.э.]

Сети сразу же объявил о себе за рубежом как о завоевателе следующими словами:

«Его Величество только что узнал, что подлые племена шасу подняли восстание. Вожди их племен, собравшись в одном месте, были ослеплены сердцем и насилием, так что каждый из них уничтожает своего соседа».

Сети сразу же двинулся на восток через пустыню, усыпанную кое-где прудами или родниками, каждый из которых был защищен крепостью или, по крайней мере, башней — «Крепость Льва», «Башня Сети I», «Колодец Сети I» и т. д. Где бы ни появлялся враг, он был легко разгромлен, его деревья уничтожены, его урожай безжалостно срублен. Продвигаясь от станции к станции, египтяне прибыли к двум крепостям Рибата [Рехобот из Библии] и Ханаан. Последняя, удачно расположенная у небольшого озера на одном из последних холмов амореев, контролировала вход в один из самых богатых портов южной Сирии. Она подчинилась при первом же нападении, и вся богатая долина была разграблена египтянами.

Этот первый успех повлек за собой и другие, более значительные; и Сети, продвигаясь на север, прибыл в порт Ливана, где он заставил людей срубить свои деревья и отправить их в Египет для строительства, которое он начал в честь Амона. Оттуда он отправился в долину Оронта, чтобы атаковать хеттов, и победа над этими традиционными врагами Египта стала счастливым завершением кампании.^[6]

Возвращение фараона было одним непрерывным триумфом с того момента, как он появился на границе, где его встретили священники, до прибытия в Фивы и принесения в жертву Амону пленников из . И Египет подумал, что великие дни Техутимеса и Аменхотепа вернулись.

К сожалению, однако, эти триумфы были не такими реальными, как казались. Южная Сирия, разгромленная прохождением армий, отказалась от всяких идей сопротивления и сдалась почти без боя. Финикийцы считали, что добровольная дань обходится дешевле, чем война с фараонами, и они вполне утешали себя утратой свободы, захватив морскую торговлю дельты.

Но на севере хетты были более грозными, чем когда-либо. Освободившись во времена еретических царей от постоянного страха египетского вторжения, они не только распространили свое господство на всю Нахарайн, от Каркемиша до Кадеша, но и пересекли Тавр и проникли в Малую Азию. Неизвестно, как далеко они продвинулись в своем господстве, но, по-видимому, оно не распространялось за пределы равнин Киликии и Катании. В любом случае, они вступили в прямые отношения с народами южной и восточной частей полуострова, ликийцами, масу, дарданами () и жителями Илиона и Пидасы. При поддержке таких союзников, а иногда и с помощью своих солдат, хетты были военной силой, вполне способной противостоять египтянам и вести с ними войну. Сети понял положение дел, как только напал на них, и хотя, без сомнения, он без особого труда захватил Кадеш и большинство аморейских городов на Оронте, упорство хеттов, всегда готовых взяться за оружие, несмотря на поражения, в конце концов истощало его терпение.

Устав от войны, он заключил союз с царем Маро-саром, сыном Шапалула, который продлился до его смерти. Власть фараонов не распространялась за пределы Оронта. Таким образом, ограничиваясь южной Сирией и Финикией, она приобрела в солидарности то, что потеряла в протяженности. Похоже, что Сети I вместо того, чтобы просто взимать дань, навязал египетских правителей некоторым из завоеванных народов, а в некоторых местах, таких как Газа и Мегиддо, разместил постоянные гарнизоны.

Правление Сети I, несомненно, ознаменовало блестящую эпоху в истории Египта. Сокровища, награбленные в Сирии, пошли на создание некоторых из самых совершенных египетских памятников, таких как мавзоль в Абидосе и гипостильный зал в Карнаке, гробница царя. В этих работах Сети помогал его сын Рамсес. Еще при жизни отца Сети женился на принцессе Туи из старинной королевской семьи, вероятно, дочери Хор-ем-хеба и внучке Аменхотепа III, так что его сын Рамсес с момента своего рождения считался лояльными египтянами единственным законным царем. Поэтому его отец, чтобы предотвратить восстание, был вынужден сделать его соправителем, когда тот был еще совсем маленьким мальчиком, хотя сначала ни Сети, ни его министры не придавали ему большого значения.

Говорят, что в возрасте десяти лет Рамсес вел войну в Сирии, а согласно греческой традиции, и в Аравии. И именно по возвращении из этих походов, созревший благодаря возрасту и опыту, он начал принимать активное участие во внутреннем управлении королевством и требовать своих королевских прерогатив. И с этого момента мы видим, как его растущая личная доблесть превращает его из малоизвестного принца в царя, «повелителя двух миров».

Сети, теперь уже старый и изможденный подвигами своей молодости, постепенно уступил всю власть своему сыну и до конца своих дней жил в уединении в своем дворце, будучи объектом божественных почестей.

Некоторые изображения в храме Абидоса показывают его сидящим на троне среди богов. В одной руке он держит дубинку, а в другой — сложный скипетр, сочетающий в себе различные символы жизни и смерти. Исида находится рядом с ним, а меньшие боги сидят позади всемогущей пары Амона и Исиды (), к которой Рамсес обращается со своей молитвой. Это преждевременный апофеоз, концепция которого делает честь регенту, но не оставляет сомнений в реальном положении царей в старости. Их почитали как богов, но они

не правили. Сети не был исключением из этого общего правила; его почитали, но он не правил.

Мир был угрожаем непредвиденной опасностью. До сих пор народы Малой Азии находились за пределами сферы влияния Египта, но теперь несколько племен, таких как шарданы и тирсены, чьи названия были новыми для египтян, высадились на побережье Африки и присоединились к ливийцам. Рамсес II разгромил их, а пленных, которых он взял, включил в королевскую гвардию; остальные вернулись в Малую Азию с таким воспоминанием о своем поражении, что Египет был защищен от их вторжения почти на целое столетие. Обеспечив мир на севере, Рамсес отправился в Эфиопию, где он провел последние годы правления своего отца, совершая набеги на кочевые племена на берегах Верхнего Нила.

Узнав о смерти отца, Рамсес покинул Эфиопию и вступил в должность единоличного царя в Фивах. В то время он был на вершине своей славы и имел нескольких сыновей, достаточно взрослых, чтобы сражаться под его знаменем. Первые годы его правления не были омрачены какими-либо значительными войнами: на втором году было проведено короткое походы против амореев, а на четвертом году — к берегам Нар-эль-Келб недалеко от Бейрута. Хета [хетты], верные союзу, заключенному с Сети, не пытались поднять восстание, а народ Ханаана, удерживаемый египетскими гарнизонами, оставался спокойным.

РАМСЕС II ВЕЛИКИЙ

[около 1340 г. до н. э.]

Все шло хорошо до IV года, когда вспыхнуло страшное восстание. Царь хеттов (Мау-тан-ар, сын Маро-сара) был убит, и его преемником стал его брат, Хета-сар, который созвал своих вассалов и союзников и порвал с Египтом. Нахарайн и его столица Каркемиш, Арат и южная Финикия, Кадеш и страна Амаур, Кати и ликийцы присоединились к коалиции, а надежда на грабеж египетских провинций Сирии, если не самого Египта, заставила Илион, Пидасу, Керкеш, Масу и дарданов также присоединиться к Хете против Сесостриса [Рамсеса].

(ныне в Британском музее)

Троянские отряды пересекли весь полуостров и разбили лагерь в долине Оронта, в трехстах милях от своей страны. Армия, выведенная на поле боя Рамсесом, показывает, как легко в то время перемещались народы, поскольку она состояла из ливийцев, машауаша из Ливии, масу и шардана, что было результатом победоносного отражения вторжения несколькими годами ранее.

Фараон основал свою оперативную базу на границе Египта и Аравийской пустыни, в недавно основанном им городе под названием Па-Рамессу-Анекту («город Рамсеса, завоевателя»). Он пересек Ханаан, все еще находившийся под его властью, и быстро двинулся на южные страны, остановившись только в Шабатуне, сирийской деревне, расположенной к юго-западу от Кадеша и откуда был виден город. Во время остановки на несколько дней он осмотрел округу и попытался выяснить положение врага, имея только смутное представление об этом. Но союзники, напротив, были полностью информированы своими разведчиками, которые в основном принадлежали к кочевым племенам шасу, и были в курсе всех их передвижений; и царь хета, их вождь, придумал и осуществил умный маневр, который полностью уничтожил бы египетскую армию, если бы не личная храбрость фараона.

Однажды, когда Рамсес продвинулся немного к югу от Шабатуна, к нему подошли два бедуина и сказали:

«Наши братья, вожди племен, союзники подлого вождя хета, послали нас сообщить Вашему Величеству, что мы желаем служить Вашему Величеству; мы покидаем подлого вождя хета и знаем, что он находится в районе Хилибу к северу от города Тунеп, куда он отступил из страха перед фараоном».

Царь был обманут этим сообщением, которое имело признаки правды, и, чувствуя себя в безопасности от внезапного нападения из-за предполагаемого удаления врага (Хилибу находился в сорока милях к северу от Кадеша), он без опасений двинулся вперед во главе своей домашней колесницы, в то время как основная часть армии (), включая легионы Амена, Ра, Птаха и Сутеха, следовала за ним на расстоянии.

В то время как он таким образом разделял свои силы, союзники, представленные предателями как находящимися далеко, тайно собирались к северо-востоку от Кадеша и готовились атаковать фланг египетской армии на ее марше к Хилибу. Их число было значительным, судя по тому, что в день битвы один только царь Хилибу командовал восемнадцатью тысячами отборных воинов; кроме хорошо обученной пехоты, у них было две тысячи пятьсот колесниц, каждая из которых перевозила по три человека.

Во время этих операций разведчики привели в лагерь генерала двух других шпионов, которых они схватили; и, по-видимому, у царя возникли подозрения, потому что он приказал их хорошо избить, чтобы заставить их сознаться. Тогда они признались, что их послали наблюдать за маневрами египетской армии, и заявили, что союзники, собравшиеся в Кадеше, только ждут благоприятного случая, чтобы появиться. Рамсес созвал военный совет и объяснил их критическое положение. Офицеры оправдались, сославшись на неосторожность губернаторов провинций, которые не проводили ежедневную разведку положения врага, и отправили срочного гонца, чтобы привести основные силы армии на помощь своему вождю.

Пока совет еще заседал, враг приблизился, и когда царь Хета привел свои войска к югу от Кадеша, он атаковал легион Ра и таким образом разделил египетскую армию на две части.

Тогда фараон лично возглавил атаку своих домашних колесниц и восемь раз прорвал ряды окружающей армии, собрал свои войска и выдержал удар до конца дня. К вечеру хеты, утратив преимущество, которое они завоевали утром, отступили перед египетской армией, теперь выстроившейся в линию; с наступлением ночи сражение было приостановлено до следующего дня, когда союзники были полностью разгромлены.

На поле боя погибли конюший принца хетов Гарбатуса, генерал его пехоты и колесниц, глава евнухов и Халпусару, летописец правителя для потомков. Многие подразделения сирийской армии бросились в Оронт, пытаясь переплыть его. Мазрайма, брат (хетанского) царя, сумел достичь другого берега, но правитель страны Нисон утонул. Царь Хилибу был вытащен из воды полумертвым; на изображениях сражения он представлен вниз головой, чтобы выплунуть проглоченную воду. Покоренная армия, без сомнения, была бы полностью уничтожена, если бы вылазка гарнизона Кадеша не остановила продвижение египтян и не позволила беглецам вернуться в город. На следующий день царь Хетана попросил и получил мир.

[около 1340-1324 гг. до н.э.]

Но все надежды на то, что эта блестящая победа положит конец войне, были разочарованы. Ибо страна Ханаан и соседние провинции напали на арьергард победоносной армии, и царь Хета, воспользовавшись этим отвлечением внимания, нарушил мир. Вся Сирия, от берегов Евфрата до Нила, поднялась на оружие. И хотя больше не было крупных сражений, следующие пятнадцать лет были наполнены серией осад и нападений; и как только в одном месте заключался мир, в другом сразу же вспыхивали военные действия.

В VIII году египетская армия находилась в Галилее, под стенами Мерома. В XI году Аскалон был взят, несмотря на героическое сопротивление хананеев. В другой кампании царь продвинулся на север до окрестностей Тунепа и взял два города хетов. Так война продолжалась из года в год, пока враги Рамсеса не были полностью измотаны своими бесполезными усилиями, и царь хетов вновь просил египетского правителя о мире, который был предоставлен и закреплен в XXI году.

Договор был первоначально составлен на языке хета и выгравирован на листе серебра, который был торжественно преподнесен фараону в его городе. Статьи договора были по сути такими же, как и те, что были составлены между царями хета и Рамсесом I и Сети I. Было оговорено, что мир между двумя странами должен быть вечным:

«Если враг вторгнется в страны, находящиеся под властью великого царя Египта, и пошлет к царю Хета, говоря: «Приди, возьми оружие против них», великий царь Хета сделает то, о чем его просит великий царь Египта: великий царь Хета уничтожит своих врагов. А если великий царь Хета не пожелает прийти сам, он пошлет лучников и колесницы страны Хета великому царю Египта, чтобы уничтожить его врагов».

Аналогичная оговорка также гарантирует царю Хета поддержку египетских вооруженных сил. Затем следуют специальные статьи, направленные на защиту торговли и промышленности объединенных наций и на обеспечение более надежного отправления правосудия. Каждый преступник, пытающийся уклониться от этих законов, укрывшись в соседней стране, будет передан должностным лицам своей страны: каждый беглец, не являющийся преступником, каждый подданный, увезенный силой, каждый рабочий, переезжающий с одной территории на другую, чтобы там поселиться, будет отправлен обратно в свою страну, и его эмиграция не будет считаться преступлением. Тот, кто таким

образом изгнан, не должен быть наказан уничтожением его дома, жены или детей, он не должен быть поражен в глаза, рот или ноги, поскольку против него нет уголовного обвинения.

Равенство и совершенная взаимность между двумя странами, экстрадиция преступников и беженцев — вот основные условия этого договора, который можно считать древнейшим памятником дипломатической науки.

Войны Рамсеса II заканчиваются этим союзом, но греческие историки заставляют фараона под именем Сесостриса проникнуть и подчинить себе страны Мидии, Персии, Бактрии и Индии вплоть до океана, и даже говорят, что он проник в Европу до Фракии, где его продвижение было остановлено только из-за нехватки припасов.

[около 1307-1285 гг. до н.э.]

С XXI года до смерти Рамсеса мир в стране не нарушался. Условия договора были добросовестно соблюдены, и союз между двумя правителями вскоре был упрочен семейными узами, поскольку Рамсес женился на старшей дочери царя Хета, а несколько лет спустя пригласил своего тестя посетить долину Нила. Владыка Хета сообщает царю Кати о предстоящем путешествии следующими словами:

«Будь готов, ибо мы отправляемся в Египет, слово царя сказано; давайте повинемся Сесострису [Рамсесу]. Он дарует дыхание жизни тем, кого любит, поэтому весь мир любит его, и Хета в будущем будет единым с ним».

В XXXIII году сирийский принц посетил город Рамсес, вероятно Фивы; он изображен на стеле, высеченной по этому случаю, со своей дочерью и зятем.

Так Египет наконец обрел своих самых ярких врагов, превратившихся в верных союзников, и «народ Камит отныне был единым сердцем с народом Хета, чего не было со времен бога Ра».

После заключения этого союза царь мог теперь посвятить себя строительству памятников. Согласно греческим историкам, «он построил в каждом городе храм, посвященный главному богу этого места».

Рамсес действительно был царем-строителем. За время своего долгого, шестьдесят семилетнего правления он успел завершить работы нескольких поколений, и можно с уверенностью сказать, что в Египте и Нубии нет ни одной руины, которая не носила бы его имя. Великий «спеос» [пещерный храм] Исамбула увековечил память о его походах против негров и сирийцев, а четыре колоссальных монолита высотой двадцать метров украшают вход. В Фивах к храму Аменхотепа (Луксор) был добавлен двор с двумя пилонами и двумя гранитными обелисками, лучший из которых находится на площади Согласия в Париже. Храм Гурна, основанный Сети в честь Рамсеса I, был достроен и освящен. Рамсеум, известный древним под названием Гробница Осимандиаса, дает скульптурное описание кампании V года; и рука Рамсеса II видна в некрополе Абидоса, а также в Мемфисе и Бубастисе, в карьерах Силсила и в шахтах Синая.

Храм в Танисе, заброшенный правителями XVIII династии, был восстановлен и расширен, а город, который был в руинах, был заново построен. Во многих местах архитекторы стерли с статуй и храмов имена их королевских строителей и заменили их картушами Рамсеса II. Украшение гипостильного зала Карнака, безусловно, принадлежит этому царю: Рамсес I разработал план, Сети начал его реализацию, а Рамсес II полностью украсил зал. С третьего года своего правления Рамсес также проявил большой интерес к разработке золотых рудников в Нубии и создал сеть станций с цистернами и колодцами вдоль дороги, ведущей

от Нила к Гебель-Оллаки. Затем он очистил сеть каналов, которые орошают Нижний Египет, включая канал между Нилом и Красным морем на границе пустыни. Он отремонтировал стены и укрепления, которые защищали Египет от бедуинов; и поскольку политическая необходимость заставила его поселиться к западу от дельты, он основал несколько городов на границе, самым важным из которых был Рамсес Анекту.

Поэты того времени оставили нам пышные описания этого города: «Он расположен, — говорят они, — между Сирией и Египтом; он полон вкусных продуктов; он подобен Хермонтису. Его длина равна длине Мемфиса, там восходит и заходит солнце. Все люди покидают свои города и поселяются на его территории; реки моря воздают ему дань уважения угрями и рыбой и приносят плоды своих приливов. Жители города каждый день носят праздничную одежду; их головы, увенчанные новыми париками, помазаны душистым маслом. Они стоят у своих дверей, с руками, полными букетов, зеленых ветвей из города Пахатор, гирлянд из Пахира, у входных ворот фараона. Радость растет и пребывает там без конца».

Как мы видим, поэзия процветала во времена Рамсеса, и рукописи произведений сохранились, но имена авторов не были указаны.

ВОЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПЕНТАУРА

СТАТУЯ РАМСЕСА II

(Британский музей)

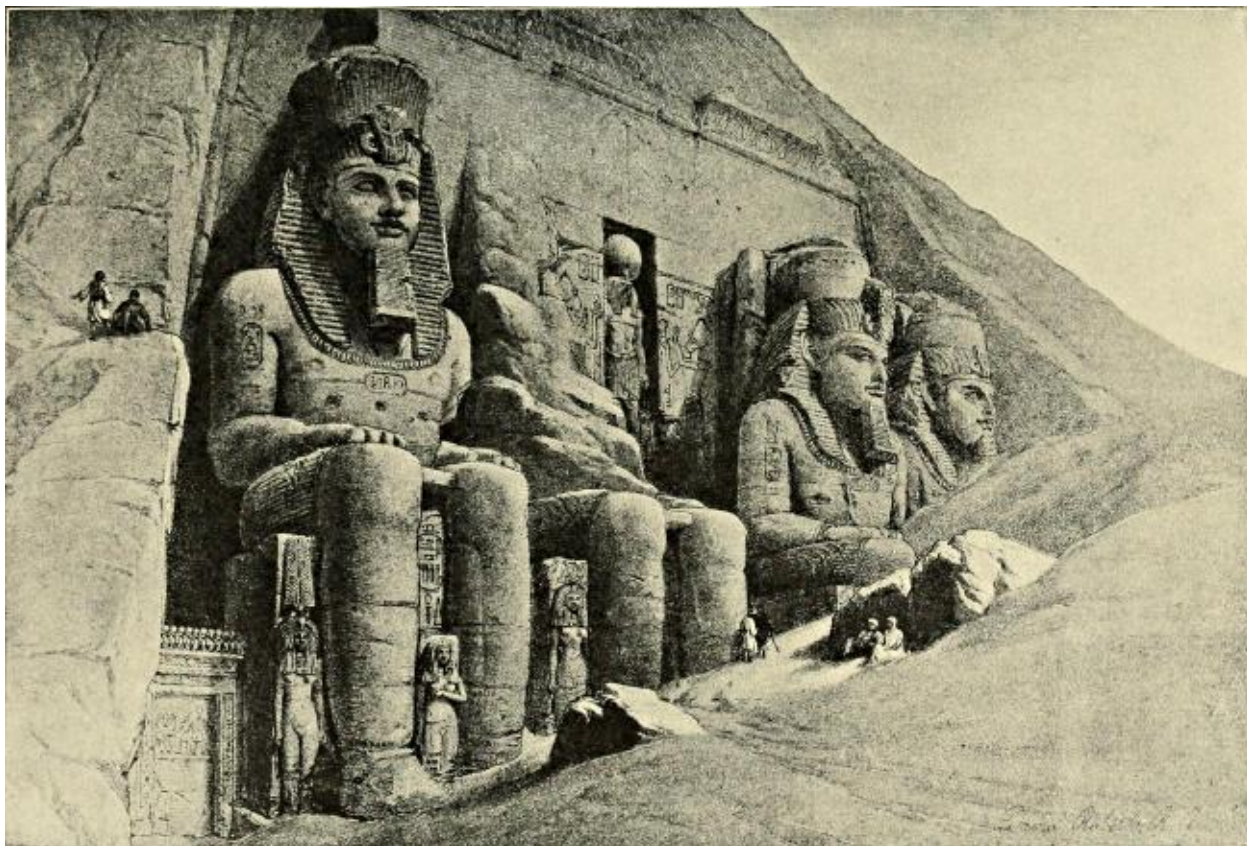
[около 1340 г. до н. э.]

Наиболее часто цитируемым и наиболее вдохновенным стихотворением является «Поэма Пентаура», в которой описываются подвиги Рамсеса в пятом году в битве при Кадеше. [Пентаур, или, вернее, Пентауирит, не является автором, а лишь переписчиком копии, которая сейчас хранится в Британском музее. Автор неизвестен.] Мы знаем тему поэмы: король, застигнутый врасплох принцем Хета, вынужден возглавить атаку во главе своих домашних войск:

«Его Величество теперь поднимается, как его отец Менту. Он берет свое оружие и надевает доспехи, как Баал в свое время. Великие кони несут Его Величество — «Победа Тебам» было их имя, когда они покидали конюшни царя Рамсеса, возлюбленного Амоном. Царь, начав наступление, прорвал ряды подлых кхет. Он был один, с ним не было никого. Выдвинувшись вперед на глазах у тех, кто был позади него, он оказался окруженным двумя тысячами пятьюстами колесницами; отступление ему преградили все воины подлых кхет и многочисленные люди из Аратху, Маса и Пидаса, которые были с ним. На каждой из их колесниц было по три человека, и все они были сгруппированы вместе. «Ни одного принца со мной, ни одного генерала, ни одного офицера лучников, ни одного лучника, ни одной колесницы. Мои солдаты покинули меня, мои всадники бежали, и ни один не остался, чтобы сражаться со мной». Тогда его величество сказал:

«Где ты, мой отец Амен? Разве отец может забыть своего сына? Разве я сделал что-нибудь без тебя? Разве я не шел и не останавливался по твоему слову? Я ни в чем не ослушался твоих приказов. Он велик, повелитель Египта, который повергает варваров на своем пути! Что для тебя эти азиаты? Амен ослабляет нечестивых. Разве я не преподнес тебе бесчисленные дары? Я наполнил твое священное жилище пленниками; я построил тебе храм, который просуществует миллион лет; я отдал все свои богатства для твоих запасов; я предложил тебе весь мир, чтобы обогатить твои владения. Поистине, жалкая судьба уготована тем, кто противостоит твоим замыслам, и счастье тому, кто знает тебя, ибо твои поступки исходят из сердца, полного любви. Я взываю к тебе, мой отец Амен! Вот я нахожусь среди великого и странного собрания, все народы объединились против меня, и я один, кроме тебя. Мои многочисленные воины покинули меня, ни один из моих всадников не

обратил на меня внимания, когда я звал их, они не вняли моему голосу. Но я верю, что Амен для меня больше, чем миллион всадников, чем мириады братьев или молодых сыновей, собравшихся вместе . Дела людей ничтожны. Амен превзойдет их. Я совершил все это по совету Твоих уст, о Амен! и я не преступил Твоих советов: здесь я прославил Тебя до концов земли».

СТАТУИ РАМСЕСА II В АБУ-СИМБЕЛЕ

Здесь царь изображен один, окруженный врагами и находящийся в большой опасности, но его первым порывом является обращение к Богу; и прежде чем броситься в схватку, он произносит эту длинную речь к Амену, и помощь пришла к нему:

«Голос раздался до Хермонтиса. Амен отвечает на мой крик; он протягивает мне руку, я восклицаю от радости, он говорит за моей спиной:

«Я спешу к тебе, к тебе, Рамсес Мери-Амен, я с тобой. Это я, твой отец; моя рука с тобой, и я полезнее сотен тысяч. Я — повелитель силы, любитель мужества, я признал мужественное сердце и удовлетворен, что моя воля будет исполнена».

«Как Менту, я бросаю свои стрелы вправо, я повергаю своих врагов. Я как Баал перед ними. Две тысячи пятьсот колесниц, окружающих меня, разбиты в щепки моими всадниками. Ни у одного из них нет рук, чтобы сражаться, их сердца отказывают, и страх ослабляет их члены. Они не могут натянуть свои луки и не имеют силы владеть копьями. Я бросаю их в воду, как крокодилов, они падают друг на друга. Я не хочу, чтобы кто-то оглядывался назад или поворачивался. Тот, кто упадет, никогда не поднимется на ноги».

Эффект, произведенный этим высказыванием о Боге, был очень велик, особенно на кхету, который, казалось, был остановлен невидимой силой, когда был на грани победы, и колебался в ужасе . Затем они приказали вождям в своих колесницах и опытным воинам

продвигаться вперед, так что отряд царей Арату, Илиона, Ликий, Дарданий, Каркемиша, Керкеша, Хилибу, насчитывающий три тысячи колесниц, двинулся вперед.

«Но все их усилия были тщетны. Я бросился на них, как Менту, мои руки уничтожили их в мгновение ока, я рубил и убивал их, так что они говорили друг другу:

«Это не человек среди нас, это Сутек, великий воин. Это сам Баал. То, что он делает, не по силам человеку. Один, совершенно один, он отбивает сотни тысяч без вождей и без солдат. Давайте поспешим бежать от него, давайте спасем наши жизни, давайте снова вздохнем».

Все, кто пришел сражаться, обнаружили, что их руки ослабели, они не могли больше держать луки или копья. Увидев, что он прибыл на перекресток, царь преследовал их, как грифон».

Только когда враг отступает, он созывает своих солдат, не столько для помощи, сколько для того, чтобы они стали свидетелями его доблести:

«Будьте тверды, не теряйте духа, о мои воины! Вы видите мою победу, а я был один. Это Амен дал мне силу; его рука со мной».

Он ободряет своего щитоносца Менну, который испуган численным превосходством врага, и бросается в схватку.

«Шесть раз я атаковал врага!»

Наконец, к вечеру прибывает его армия и приходит ему на помощь. Он собирает своих генералов и обрушивается на них с упреками.

«Что скажет весь мир, когда узнает, что вы оставили меня в полном одиночестве? Что ни один колесничий и ни один лучник не присоединились ко мне? Я сражался, я отразил миллионы людей в одиночку. «Победа Фив» и «Мут доволен» были моими славными конями. Именно с ними я был один среди ужасающих врагов. Я буду каждый день кормить их сам, когда буду в своем дворце, потому что они были со мной, когда я был среди врагов, вместе с вождем Менной, моим щитоносцем, и офицерами моей конницы, которые сопровождали меня и являются свидетелями сражения; они были со мной. Я вернулся после победоносной битвы и поразил собравшуюся толпу своим мечом».

Стычка первого дня была лишь прелюдией к более важному сражению, и о том, каким успехом оно закончилось для египтян и какими потерями для азиатов, уже было сказано. Поэт не приводит никаких подробностей об этом втором сражении. Он описывает его в нескольких строках, полностью посвященных восхвалению царя. На самом деле, темой является не победа при Кадеше и поражение сирийских войск, какими бы важными они ни были для историка; поэт воспеваает неукротимую храбрость Рамсеса, его веру в помощь богов, непреодолимую силу его руки. Он хотел изобразить его удивленным, покинутым и компенсирующим ошибки генералов своей храбростью. Все факты, которые могли бы ослабить общее впечатление или уменьшить славу королевской храбрости, отодвинуты на второй план. Домашняя гвардия упоминается только один раз; о втором дне битвы есть лишь недостаточное описание. Царь Хета умоляет о мире, Рамсес дарует его и триумфально возвращается в Фивы.

«Приди, наш возлюбленный сын, о Рамсес Мери-Амен! Боги даровали ему бесконечные периоды вечности на двойном троне его отца Тму, и все народы подчинены ему».^b

ЦАРСТВО ХЕТА И ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ

[около 1345-1285 гг. до н.э.]

После предыдущего панегирика Масперо, полезно прочитать более циничный отчет Эдуарда Мейера о правлении великого Рамсеса. Это позволит нам лучше сохранить душевное равновесие. Однако это не должно заставить нас забыть, что мы находимся в присутствии одной из великих эпох цивилизации; ведь все такие великие эпохи имели как своих иконоборцев, так и своих льстецов.^a

Рамсес II преувеличивал свои собственные похвалы в надписях, говоря, что еще в утробе матери он был признан царем и что его отец передал ему управление страной, когда он был еще ребенком. Это верно в той мере, в какой он был торжественно провозглашен преемником престола в ранней юности и, вероятно, возведен в соправители Сети к концу его правления; как наследный принц он сопровождал своего отца в войнах против ливийцев.

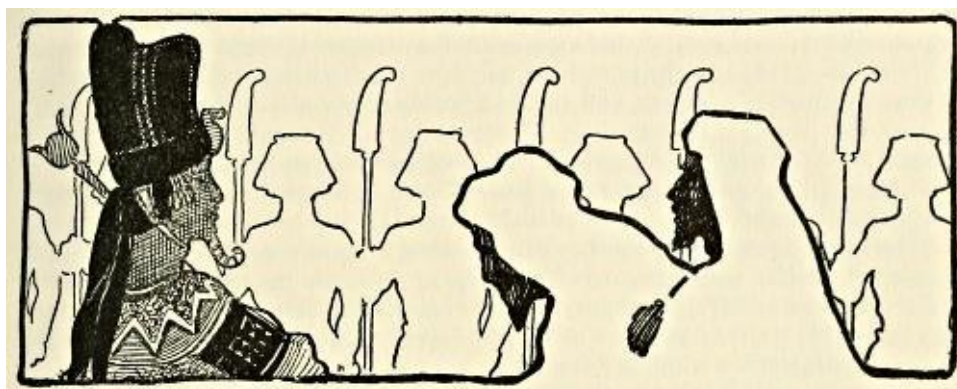
На пятом году правления царь направил свою вторую кампанию против Хета. Царь Хета созвал всех своих союзников и зависимых от него племен, и в окрестностях Кадеша собралась грозная армия. Ему почти удалось уничтожить в засаде авангард, в котором находился Рамсес. Большая часть армии, которая была собрана в спешке, не успела прибыть на поле битвы, и только личная храбрость царя, который хвастался тем, что сражался в одиночку против тысяч, когда все его покинули, принесла победу египтянам. Враги были оттеснены к Оронту и понесли тяжелые потери; царь Хилибу едва не утонул. Рамсес II снова и снова хвастается этой победой; он запечатлел сражение и поэтически воспел его в Луксоре, в Карнаке, в Рамессеуме, построенном в западной части города для поклонения мертвым, и в Нубии, в храме Абу-Симбел. Тем не менее, это был лишь отважный личный подвиг, а не великий военный успех.

Мы ничего не слышим о завоевании Кадеша, и когда Рамсес утверждает, что «царь Хета поднял руки, чтобы поклониться ему», это относится к временным переговорам или перемирию, поскольку мы видим, что война продолжалась без перерыва.

У нас есть только очень неполная информация о продолжении войны. Лишь еще один раз мы видим, как царь проникает далеко на север: в провинции Тунеп в земле Нахарайн он лично сражался против Хета. Как он добрался так далеко на север, мы не знаем.

Ясно, что египтяне все больше и больше отступали и в конце концов были полностью разгромлены. Несомненно, царь Хета мог похвастаться многочисленными победами. С другой стороны, это было лишь хвастовством, когда Рамсес приводил в своих храмовых надписях длинные списки завоеванных народов и городов (), в которые, чтобы сравняться с Техутимесом III, он должен был включить имена Ашшура и Сангары, Маннуса и Карака (Киликия), с которыми царь едва ли сталкивался. Сразу видно, что это не исторический документ.

Когда и на каких условиях был заключен мир, неизвестно, и традиция не сообщает, какую часть Сирии удерживали египтяне. В любом случае Палестина оставалась по сути египетской. По-видимому, было решено, что Южная Сирия должна быть уступлена Египту, а Хета должна сохранить свободу действий на севере.

ПРИНЕСЕНИЕ ДАНИ РАМСЕСУ II

Благодаря этому соглашению между двумя государствами был установлен прочный мир, который вскоре перерос в тесный союз. На двадцать первом году правления Рамсеса II царь Хета-сар предложил фараону один из тех вечных договоров, в которых оба государства гарантировали свою целостность, заключили союз для защиты от всех внешних врагов и взаимно обязались следить за всеми изгнанниками, которые могли бы искать у них убежища, и выдавать всех дезертиров и эмигрантов. Договор действовал в течение долгого времени; тринадцать лет спустя Хета-сар посетил правителя Египта и отдал ему свою дочь в жены. Затем произошло то, что, как говорит бог Птах Рамсесу, «было неслыханным даже со времен Ра до твоих дней». Очевидно, что в таких условиях культурные отношения между Египтом и Сирией должны были быть активными и многообразными.

Мощное влияние, которое Египет оказывал на Восток, уже было описано в связи с этим; и, например, когда мы обнаруживаем, что характеристики египетской легенды, записанной при преемнике Рамсеса, были взяты евреями и перенесены на героя их народа, Иосифа, это лишь одна из многих известных нам особенностей.

Но в Египте мы также видим, что поклонение сирийским божествам распространяется все больше и больше — в то же время Сет-Сутек, могущественный бог-покровитель чужеземцев, даровавший победу врагу, пользовался большим уважением.

Сирийские имена встречаются довольно часто, и, прежде всего, язык находится под ярким влиянием ханаанского. Во многих документах семитские слова использовались почти в той же степени, что и французские в немецкой литературе XVIII века.

После заключения договора с Хета-саром Рамсес II правил Египтом еще сорок шесть лет в мире.

Эта эпоха, время Сети I и Рамсеса II, по праву называется расцветом Нового Фиванского царства. Военные успехи в первой половине этого периода, мирные и упорядоченные отношения в последующее время сделали возможным всеобщее развитие ресурсов страны для правительства и обеспечили подданным комфортное наслаждение жизнью, которое так любили древние египтяне.

Ни о каком другом периоде Египта мы не имеем столько памятников — храмов, гробниц, посвящений и надписей о победах — и столько литературных памятников. Но нигде типичный характер, присущий новому Египту, не проявляется так ярко, как здесь.

Тип превосходит все, и нигде нет места индивидуальности. Напрасно мы ищем новые мысли или оригинальные повороты в храмовых надписях, в гимнах королю, написанных на скалах или папирусе, и в призывах к божествам. Часто отсутствует всякое ошутимое

значение. Все является копией и тщательно проработано по фиксированному образцу; часто отмечалось, насколько сильно от этого пострадала историческая ценность отчетов. По своей ценности они намного уступают отчетам времен Техутимеса III.

Управление страной в новом царстве не сильно отличается от управления в прежнем. Царь предстает перед нами окруженным всей полнотой божественной славы; в официальных отчетах его советники собираются только для того, чтобы восхищаться его сверхчеловеческой мудростью или же подвергаться упрекам за свою недалекость.

Чем дальше мы продвигаемся в истории Египта, тем больше возрастает самонадеянность и абсурдность прославления царя; при правлении Рамсеса II часто создается впечатление, что он считал себя сверхчеловеческим существом, находящимся в прямом общении с богами. Как и Аменхотеп III, мы часто встречаем его в нубийских храмах, где он поклоняется самому себе, сидящему между Аменом и Мут или Хнемом и Анукатом. Возможно, цель заключалась в том, чтобы возвысить правящего царя — как ранее Усертсена III — до уровня территориального бога подчиненных кушитов.

Резиденция Рамсеса II обычно находилась в Танисе, который он недавно построил и украсил многочисленными памятниками, и который теперь получил название «город Рамсеса». Писатели того времени не уставали восхвалять славу этого города, который был морским портом, а также важным торговым центром. Учитывая его многочисленные связи с Сирией, вполне естественно, что центр тяжести королевства был перенесен сюда, и что на восточной границе Египта возникло много новых поселений. Оборонительные сооружения на границе Египта против племен пустыни всегда поддерживались в хорошем состоянии и тщательно охранялись. Как и раньше, Фивы оставались настоящей столицей страны; после них Мемфис отстаивал свое давнее право как старейшая резиденция и место обитания Птаха, отца божеств. Многочисленные частные памятники свидетельствуют о благополучии страны больше, чем здания, как и, в определенной степени, риторические описания писателей.

До нас дошли многочисленные замечательные эксперименты в области скульптуры, прежде всего изображение Рамсеса II, сохранившееся в Турине. Уже упоминалась чудесная и тщательная работа над рельефом в храме Сети I в Абидосе; нельзя отрицать некоторое величие композиции великой военной картины, изображающей события войны в Хете в V году правления Рамсеса II — сбор войск, жизнь в лагере, наступление врага и битву при Кадеше. Царь трижды заказал выполнить эту картину в виде цветного рельефа: в Рамессеуме, в Луксоре и в Абу-Симбеле. Помимо этого, существует множество примеров всех видов искусства, вплоть до самых простых стел, часто очень грубо обработанных.

До нас дошли некоторые литературные произведения того времени, в основном стихотворение, которое Рамсес II сочинил и написал на стенах храмов в память о своей битве с хетами. Это произведение, несмотря на свой официальный характер, не лишено жизненности и поэтичности.

Есть также много повествований, таких как знаменитая сказка о двух братьях, написанная при Менептахе. Прежде всего, это многочисленные послания, риторические исследования, описания могущества царя и его дел, восхваление учености, гимны, нравственные наставления, а также бессмысленные письма, которые, очевидно, служили образцами для настоящих писем и отчетов. Помимо этих сборников, у нас есть также много подлинных писем, отчетов, актов и т. д. (), которые дают нам много информации о жизни и делах египтян в XIII веке до н. э.

Если мы обратим внимание на религиозную жизнь, то ясно увидим, что речь идет об эпохе, в которой еретические устремления полностью подавлены, а ортодоксия утверждает

свое безусловное господство. Религиозная литература того времени сформировалась довольно рано. На каждом шагу мы встречаем формулы победоносной эзотерической доктрины. Многочисленные храмы свидетельствуют о росте власти жрецов. Все естественные отношения были ограничены и подавлены религией. Война велась по приказу и во имя Амена, чтобы увеличить число его подданных и принести ему богатую добычу. Надписи очень мало рассказывают о действиях царей, но много о беседах, которые они вели с божествами, и о том, как они «бросали все земли к их ногам». Старший сын Рамсеса II, Хамуас, стал верховным жрецом Птаха в Мемфисе и тщательно следил за поклонением священному Апису: он распорядился построить знаменитые гробницы Аписа, Серапеум в Мемфисе. Те, кто пришел после него, считали его великим философом и магом.

Нам известно, что, согласно давнему обычаю, чиновники, как правило, помимо государственной должности занимали одну или несколько священнических должностей; естественно, высшее образование и, прежде всего, обучение письму и наукам, полностью находились в руках жрецов. Мы сталкиваемся с ослабляющим воздействием этих условий на протяжении всей истории Египта.

Когда интеллектуальная жизнь становится вялой, исчезает и физическая сила. Поскольку все, что составляет национальность, превращается во внешние формы, нация теряет даже жизненную силу и мощь, необходимые для поддержания независимого существования.^c

СМЕРТЬ РАМСЕСА II

Таким образом, Эдуард Мейер несколько холодно подытожил достижения великого Рамсеса. Слова Бругша являются хорошим эпилогом.

[около 1285 г. до н.э.]

Рамсес II правил долго. Памятники явно свидетельствуют о шестьдесят семи годах правления, из которых, по-видимому, более половины следует отнести к его совместному правлению с отцом. Юбилейное празднование его тридцатилетия в качестве (единственного?) фараона дало повод для больших торжеств по всей стране, о которых часто упоминается в надписях в Силсилесе, Эль-Кабе, Бигге, Сехеле и даже на нескольких скарабеех. Принц и первосвященник Мемфиса Хамуас путешествовал по главным городам страны, чтобы различные правители () достойно подготовили великий и радостный праздник в честь его отца. Годовщина праздника рассчитывалась по фиксированному циклу и, по-видимому, приходилась на момент, когда лунный и солнечный годы совпадали с небольшим интервалом в три или четыре года. Он отмечался как торжественный праздник.

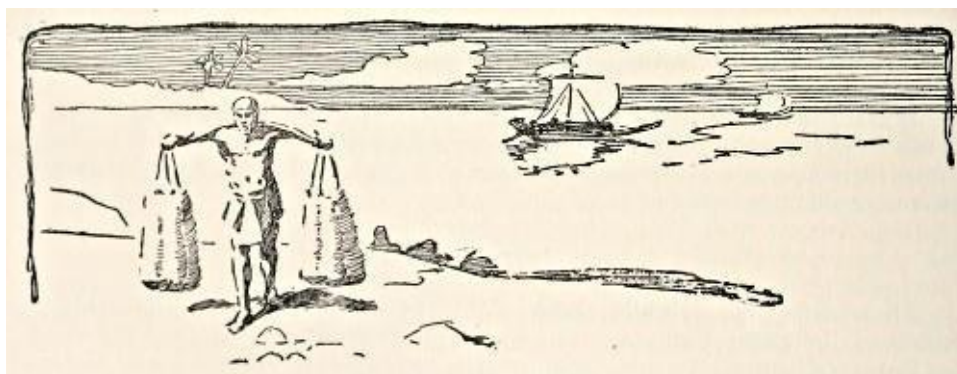
Великий на поле боя, активный в делах мира, Рамсес, по-видимому, также вкусил богатейшие благословения небес в своей семейной жизни. На внешней поверхности фасада храма в Абидосе мы видим портреты и имена, сейчас сохранившиеся лишь частично, 119 детей (59 сыновей и 60 дочерей), что, помимо известных нам законных супругов, любимой жены Исинефер, матери Хамауса, королев Неферт-ари, Мери-мут и дочери царя Хета, подразумевает большое количество младших жен.

Маловероятно, что великий Рамсес покинул эту жизнь, оставив свое земное царство в мирном состоянии. Уже в старости многочисленное потомство сыновей и внуков спорило за наследство своего отца. Были заложены семена периодов бурь и беспорядков. Согласно исторической традиции, эти предположения были самым ярким образом подтверждены последующими событиями.

Тело фараона было предано земле в каменной долине Бибан-эль-Молук. Несмотря на большое количество детей, благодарный сын Сети не оставил после себя потомков, которые могли бы подготовить для отца гробницу, достойную его деяний и имени; гробницу, которая хотя бы в какой-то степени приближалась бы по достоинству к величественным погребальным склепам Сети. Гробница Рамсеса — незначительное, довольно безвкусное сооружение, которое редко посещают путешественники по долине Нила, которые, вероятно, и не подозревают, что великий Сесострис из греческих легенд нашел свое последнее пристанище в этом скромном месте. Этот фараон, возможно, повторил бы при своей смерти то, что он сказал ранее в борьбе с Хета: «Я стоял один; со мной не было никого».^d

СНОСКИ

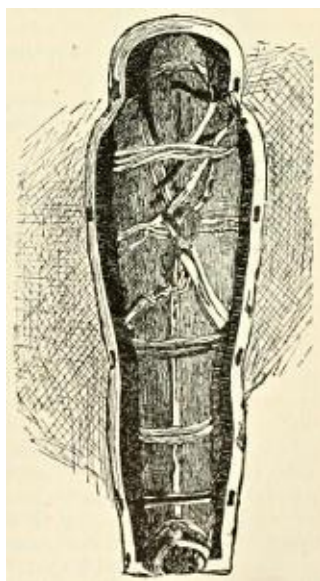
[6] [Хетты, которые теперь отождествляются с хетами, более подробно рассматриваются в специальной главе в томе II.]

ГЛАВА VI. НАХОДКА ЦАРСКИХ МУМИЙ

Ничто в современных открытиях не приблизило древний мир к современному так ярко и внезапно, как находка настоящих тел, плоти и крови фараонов, чудесным образом сохраненных для нас благодаря древнему искусству бальзамирования. Это открытие преодолело пропасть между Древним и Новым, как полуденная вспышка молнии из облаков на землю.

Как это часто бывает, то, что не удалось найти усердному ученому, не ускользнуло от алчности вора. Появление королевских мумий и бесценных рукописей на открытом рынке наполнило исследователей как досадой, так и рвением. М. Масперо рассказывает о различных уловках, с помощью которых влиятельные политики Востока скрывали свои богатые клады, и о почти бесконечных трудностях, которые пришлось преодолеть европейским исследователям, прежде чем они смогли лишить воров их влияния на власти, а затем и их находок. Ученые хотели исследовать и изучить эти находки на месте, а затем распределить их между музеями для пользы других ученых и просвещения общественности. Настоящие первооткрыватели, арабы, стремились только к наживе и сочетали свою бережливость с безжалостностью, ложью, искажением фактов и всевозможными уловками. Здесь не место рассказывать историю борьбы между наукой и коммерцией, но рассказ о раскрытии самой сокровищницы столь же уместен, сколь и захватывающий.^а

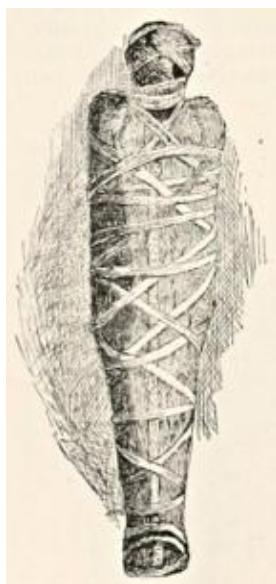
Мумия и Внутренний гроб

В среду, 6 июля 1879 года, господа Эмиль Бругш и Ахмад Эффенди Камаль были проведены Мухаммедом Ахмедом Абд-эр-Расулом к входу в самую погребальную усыпальницу.

Египетский инженер, который давным-давно выдолбил тайную камеру, устроил все самым изобретательным образом. Никогда еще тайная камера не была так хорошо замаскирована. Цепь холмов, которая в этом месте разделяет Бибан-эль-Молук от Фиванской равнины, образует между Ассасифом и Долиной цариц серию естественных амфитеатров, из которых до настоящего времени самым известным был тот, на котором стоит памятник Дейр-эль-Бахари. В скале, отделяющей Дейр-эль-Бахари от последующих амфитеатров, прямо за холмом Шейх Абд-эль-Гурна, примерно в двухстах футах над уровнем возделанных земель, была выкопана яма глубиной сорок футов и шириной шесть футов. На дне ямы, с западной стороны, был вырезан вход в коридор шириной четыре с половиной фута и высотой почти три фута. Протянувшись на длину около двадцати пяти футов, он резко поворачивает на север и простирается на расстояние двухсот футов, не всегда сохраняя одинаковые размеры; в некоторых местах его ширина составляет около шести с половиной футов, в других — чуть больше четырех. Ближе к центру пять или шесть грубо высеченных ступеней указывают на заметное изменение уровня, а справа своего рода незавершенная ниша свидетельствует о том, что когда-то существовала идея () еще раз

изменить направление галереи. Последнее наконец выходит в своего рода нерегулярную продолговатую камеру длиной около двадцати пяти футов.

Первым предметом, который бросился в глаза герру Бругшу, когда он спустился на дно ямы, был бело-желтый гроб с именем Неси-Хонсу. Он находился в коридоре, примерно в двух футах от входа; чуть дальше стоял гроб, форма которого напоминала стиль XVII династии; затем гроб королевы Тиу-Хатор Хонт-туи, затем Сети I. Рядом с гробами и по всей земле были разбросаны ящики с погребальными статуэтками, канопическими вазами, бронзовыми вазами для возлияний ([17](#)), а в самом конце, в углу, образованном поворотом коридора на север, лежал погребальный балдахин королевы Исием-хеб, сложенный и смятый, как бесполезный предмет, который какой-то священник, спеша уйти, небрежно бросил в угол. Вдоль всего большого коридора царила такая же неразбериха и беспорядок; приходилось ползти, не зная, куда ставить руки и колени.

Мумия в погребальных пеленах

Гробницы и мумии, бегло осмотренные при свете свечи, носили исторические имена — Аменхотеп I, Техутимес II, в нише возле лестницы, Аахмес I и его сын Се-Амен, Секене-Ра, царицы Аах-хотеп, Аахмес, Неферт-ари и другие. В камере в конце зала царила полная неразбериха, но с первого взгляда было видно, что преобладает стиль, свойственный XX династии. Отчет Мухаммеда Ахмада Абд-эр-Расула, который сначала казался преувеличенным, был едва ли не более чем смягченным выражением правды: там, где я ожидал найти одного или двух малоизвестных, незначительных царей, арабы раскопали целый гипогей фараонов.

И какие фараоны! Возможно, самые прославленные в истории Египта — Техутимос III и Сети I, Ахмес-освободитель и Рамсес II-завоеватель!

Двух часов хватило для этого первого осмотра, и затем началась работа по извлечению. Благодаря усилиям людей мудира были быстро собраны триста арабов, которые приступили к работе. Лодка музея, поспешно вызванная, еще не прибыла, но рейс Мухаммед, один из надежных лоцманов, был на месте. Он спустился на дно ямы и взялся за извлечение ее содержимого. Господа Бругш и Ахмад Эффенди Камаль принимали предметы по мере их извлечения на поверхность, несли их к подножию холма и выстраивали в ряд, не ослабляя ни на минуту бдительности. Сорокавосемичасовой энергичный труд был достаточен, чтобы извлечь все, но задача была выполнена только наполовину.

Конвой нужно было провести через равнину Фив и через реку до Луксора; несколько гробов, поднятых с большим трудом двенадцатью или шестнадцатью мужчинами, доставлялись от горы до берега в течение семи или восьми часов, и легко представить, каким было это путешествие в пыли и жаре июля.

Наконец, вечером 11-го числа все мумии и гробы были в Луксоре, должным образом завернутые в маты и брезент. Через три дня прибыл пароход музея; оставалось только загрузить его, и он сразу же снова отправился в Булак со своим грузом царей.

Тогда произошло необычное событие: от Луксора до Куфта, вдоль обоих берегов Нила, фелахи-женщины следовали за лодкой с растрепанными волосами и громкими криками, а мужчины стреляли из ружей, как это принято на похоронах.

КАК ЭТИ МОНАРХИ ОКАЗАЛИСЬ ЗДЕСЬ?

И теперь возникает вопрос. Большинство царей и принцев XVIII и XIX династий имели свои гробницы, которые существуют и по сей день или местонахождение которых мы знаем из древних документов: Аменхотеп I в Драх-абул-Негга, Сети I и Рамсес II в Бибан-эль-Молук, а другие — в других местах. Как же так получилось, что их тела были спрятаны между Дейр-эль-Бахари и Шейх-Абд-эль-Гурна, вместе с телами первосвященников Амона? Сами египтяне постарались предоставить нам материалы для ответа. На нескольких мумиях или гробах, которые мы имеем, рукой современных писцов чернилами написаны дата, обстоятельства, а иногда и причина переноса. Это подлинные официальные отчеты, чье свидетельство по этому вопросу является неопровержимым.

Три мумии XIX династии имели общую судьбу. На гробах Сети I и Рамсеса II имеются три надписи, которые идентичны или почти идентичны и относятся к трем разным периодам: на том, что осталось от гроба Рамсеса II, имеются остатки иератического текста^[8], аналогичного второй надписи текста Сети I.

Две самые древние из этих надписей упоминают Хер-Хора. Первая сформулирована следующим образом: «Год VI, 2-й месяц Шаит VII, день экспедиции, предпринятой Хер-Хором, ... первым пророком Амона Ра, царя богов, с целью восстановления погребальной пышности царя Мен-Маат-Ра Л. Х. С. [жизнь, здоровье, сила] Сына Солнца, Сети Менепта, через инспектора», имя которого не очень разборчиво, как и имена его спутников. Надпись, которая была нанесена на гроб Рамсеса II, была стерта, а затем переписана. В том виде, в каком она читается сейчас, достаточно показать, что она, как и предыдущая, относится к VI году и 2-му месяцу сезона Шаит, VII; что экспедиция была предпринята по приказу Хер-Хора, и что ее целью было установить состояние тела Рамсеса II. Однако эта интерпретация даты не обходится без некоторых трудностей. Имя Гер-Хора () не окружено картушем, и из этого факта можно сделать вывод, что упоминание VI года относится к правлению Рамсеса, которого Гер-Хор сменил на троне. С другой стороны, сравнение этой надписи со следующими, на мой взгляд, доказывает, что дата, VI год, вероятно, должна относиться к правлению жреца-царя.

Действительно, в отношении второй надписи не может быть никаких сомнений. Она представлена в двух формах, одна из которых встречается только на гробе Сети I, а другая — на гробах Рамсеса I и Рамсеса II. Надпись Сети I звучит так: « » и переводится следующим образом: «В XVI году, в 4-м месяце сезона Пирт, VII, при царе Се-Амене, в день эксгумации царя Мен-Маат-Ра Сети Мери-эн-Птах Л. Х. С., из его гробницы, чтобы перенести его в гробницу госпожи Ан ... великого жилища, пророком Амен-Ра, царем богов, третьим пророком Хонсумоис Неферхотеп, главным писцом памятника храма Амен-Ра, царя богов, слугой храма Рамсеса II в храме Амена, Несипхашути, сыном Бекен-Хонсу. Начальник

погребального зала сказал в присутствии (царя), в каком состоянии находились (мумии) и что они не пострадали при извлечении из гробницы, где они находились, и перевозке в гробницу госпожи Ан ... из великого жилища, где царь Аменхотеп покоится с миром».

Надпись Рамсеса II отличается от предыдущей только вступительными словами: «В XVI году, в 4-м месяце Пирта, VII, в день эксгумации царя Усер-Маат-Ра-Сотеп-эн-Ра, великого бога гробницы царя Мен-Маат-Ра, Сети Миптаха». Остальная часть во всех отношениях аналогична тексту Сети I.

Надпись Рамсеса I сильно повреждена, но то, что сохранилось, позволяет восстановить формулу в начале, которая является промежуточной между формулой Сети I и формулой Рамсеса II. «(Год XVI, 4-й месяц Пирта, VII, под) царем Се-Аменом, (день) эксгумации (царя Мен-пехтет-Ра Л. Х. С.) из (гробницы царя Мен-Маат-Ра) Сети Миптаха (чтобы перенести ее в эту гробницу) дамы Ан ... из (великого) жилища (где царь Амен) хотеп (покоится) в мире и т. д.».

Три тела, перенесенные в разное время в гипогей Сети, были вынесены оттуда все три в один день. Эта идентичность во времени объясняет, почему во второй части каждой надписи писец всегда использовал множественное число для обозначения состояния мумии: он помещал на каждом из гробов формулу, которая относилась ко всем трем.

Другие гробы XVIII и XIX династий не имеют надписей, но я не сомневаюсь, что примерно в то же время они были объектом частых посещений. Из отчетов, как мне кажется, следует один определенный факт: к концу XX династии тела Сети I, Рамсеса I, Рамсеса II и Техутимеса I уже не находились в своих гробницах и еще не были в скрытой камере, где их обнаружили: их переносили с места на место, и их погребальные принадлежности восстанавливались с довольно короткими интервалами. Что было мотивом для столь частых проверок этого состояния?

Документы, дошедшие до нас от последних царей XX династии, дают нам некоторое представление об эпохе упадка. Египет, измученный шестью веками завоеваний, больше не обладал силой, необходимой для удержания своего господства над провинциями в Сирии, и вместе с ними терял лучшую часть своих доходов. Крупные города дельты — Мемфис, Танис (), Саис (Saïs) — расположенные на естественной торговой магистрали Азии, не сильно пострадали от этого политического упадка страны; но Фивы, которые находились в глубине страны, вдали от крупных торговых путей, и обязаны были своим процветанием исключительно завоеваниям, беднели и быстро пришли в упадок. Строительные работы были в основном приостановлены из-за нехватки материалов, а трудящееся население, плохо оплачиваемое из королевской казны, начало испытывать муки голода. Это привело к забастовкам и ежедневным беспорядкам, которые надзиратели мастерских записывали в своих записных книжках, а затем к грабежам и кражам.

КОРОЛЕВА НУБХАС

Были организованы банды, в которых без разбора участвовали гражданские служащие, офицеры, рабочие и даже женщины, и эти банды приступили к разграблению некрополей. Они взламывали двери гробниц, чтобы вынести ценные предметы, драгоценности, мебель и роскошное оружие, которые благочестивые родственники оставляли вместе с телами умерших.

Вскоре, не довольствуясь нападениями на частных лиц, они осмелились приложить руки к царям. Правительство Рамсеса предпринимало тщетные попытки остановить их грабежи. Расследование, начатое в XVI году правления Рамсеса IX, сообщает нам, что комиссары царя обнаружили одну оскверненную царскую гробницу из каждых десяти, которые они были уполномочены посетить. Любопытно, что одна из исследованных гипогеев принадлежала принцу, мумия которого была найдена в тайной камере Дейр-эль-Бахари, а именно Аменхотепу I; она была еще нетронута.

Отчет об открытии гробницы Себехотепа [VI] сообщает нам, из чего состояла добыча воров: «Мы открыли гробы царя и его жены, царицы Нубхас, а также погребальные ларцы, в которых они лежали. Мы нашли величественную мумию царя, а рядом с ней его меч, а также значительное количество талисманов и золотых украшений на его шее. Голова была покрыта золотом, и золото было разбросано по всей мумии: гробы были покрыты золотом и серебром внутри и снаружи и инкрустированы всевозможными камнями. Мы взяли золото, которое нашли на мумии, а также талисман и украшения на шее и золото из гробов. Мы также взяли все, что смогли найти на королевской супруге, затем сожгли их погребальные гробы и ограбили их мебель, которая состояла из ваз из золота, серебра и бронзы, и разделили их между собой на восемь частей». Можно было бы подумать, что он читает описание мумии королевы Аах-хоп, чьи драгоценности теперь украшают музей в Булаке.

Давайте теперь рассмотрим состояние гробов и мумий, найденных в Дейр-эль-Бахари. Секенен-Ра, Аахмес и его сын Се-Амен, Неферт-ари и Аах-хотеп, безусловно, находятся в своих оригинальных гробах, о чем свидетельствует стиль и отсутствие надписей, указывающих на реставрацию. Amenhotep I и Tehutimes II, по-видимому, сохранили только крышки своих оригинальных гробов; гроб из дерева, очень грубо обработанный, и для того, чтобы поместить мумию Tehutimes II, пришлось уменьшить толщину боковых стенок на уровне плеч. Надписи утверждают, что обертки были обновлены: это могло быть как из-за их естественного износа, так и из-за насилия со стороны человека, и сама по себе

реставрация не доказывает, что мумия пострадала от рук грабителей. Но разве две поддельные мумии принцессы Мешент-темху и принцессы Сет-Амен не являются для нас доказательством нарушения, аналогичного тому, которому подверглись царь Себехотеп и его жена Нубхас?

Грабители, взломав гроб Себехотепа, разбросали кости царя, и гробница оказалась пустой. Нечто подобное, несомненно, произошло и в случае с принцессой Мешент-темху. Гроб был взломан, а надпись на нем, инкрустированная голубой эмалью, частично исчезла; как я показал выше, ее пришлось грубо восстанавливать чернилами. Что касается костей, то они исчезли: вероятно, воры, опасаясь, что их могут потревожить в их кощунственном деле, поспешили унести мумию с собой, а затем, ограбив ее, бросили в каком-нибудь месте, где никто не догадался бы ее искать. С другой стороны, религия не позволяла бестелесной душе наслаждаться полноценной жизнью в другом мире, если тело, которым она обладала во время своей земной жизни, полностью исчезло.

В отсутствие настоящего тела комиссары, ответственные за осмотр и восстановление гробниц, приняли решение изготовить подобия тел для Сети и Мешент-темху. Фрагмент разбитого гроба имитировал бюст Мешент-темху, связка тряпок — голову, другая связка тряпок — ноги, и все это, должным образом обернутое в погребальные пелены, было помещено в гроб, который был более или менее тщательно восстановлен. Была ли душа удовлетворена, узнав поддельное тело?

Со своей стороны, я очень рад, что благодаря этому благочестивому обману обнаружил главную, если не единственную, причину сбора стольких царских мумий в одном месте.

Именно для того, чтобы спасти мертвых фараонов от воров, было решено спрятать их. Надеялись, что яма глубиной тридцать восемь ярдов, за которой следует узкий коридор длиной двести пятьдесят футов, защитит их от осквернения; и опыт показал, что расчет был не так уж далек от истины, поскольку прошли столетия с того дня, когда они были помещены туда, до того, когда арабы шейха Абд-эль-Гурны обнаружили это укрытие.

Некоторые египтологи, на первый взгляд, будут удивлены грубостью этой предполагаемой гробницы и возразят, что она далека от камеры без украшений, грубо высеченной в скале, и великолепных гипогеев Бибан-эль-Молука. Я отвечаю, что разница между гробницами не больше, чем разница между королями. Аменхотеп III, Рамсес II, даже Рамсес V и Хер-Хор правили всем Египтом, Эфиопией, по крайней мере частью Сирии, и располагали людьми и деньгами, необходимыми для высечения и украшения огромных гробниц.^[9]

Пайнет-ем II и его семья владели только беднейшими регионами Египта и Нубии: все, что они могли сделать, это обеспечить своим мумиям такое же погребение, как и более богатым людям их времени. Больше не было особых памятников для каждого из умерших, а только одно общее склеп для всех; больше не было огромных саркофагов из твердого камня, а только простые гробы из полированного дерева, иногда украденные у более ранних царей или частных лиц. Ничто так ясно не свидетельствует о упадке Фив, как растущая бедность последних фиванских царей.^b

Женский головной убор, Древний Египет

СНОСКИ

[\[7\]](#) [Вазы с крышками в форме человеческих фигур или божеств, использовавшиеся для хранения внутренних органов бальзамированных тел.]

[\[8\]](#) [Иератическое письмо — это модифицированная форма иероглифов.]

[\[9\]](#) [Сиринги (множественное число от syrinx) — это узкие и глубокие скальные туннельные гробницы.]

ГЛАВА VII. ПЕРИОД УПАДКА [XIX–XXV династии: ок. 1285–655 гг. до н. э.]

И Господь поразит Египет; Он поразит его и исцелит его; и они обратятся к Господу, и Он помилует их и исцелит их.

В тот день будет дорога из Египта в Ассирию, и ассирийцы придут в Египет, а египтяне в Ассирию, и египтяне будут служить ассирийцам. — *Исаия* хіх. 22, 23.

Итак, царь Ассирии уведет египтян в плен, а эфиопов — в плен, молодых и старых, нагих и босоногих, даже с обнаженными ягодицами, к позору Египта. — *Исаия*, 20:4.

После вершины — неизбежный упадок. Первая из мировых держав под властью Рамессидов, Египет снова деградирует и, после примерно пятисот лет возрождения, переходит во власть жрецов, которые, в свою очередь, вытесняются вторгшимися войсками, на этот раз из Эфиопии. Затем ассирийские завоеватели, придя к мировому господству, вторглись в Египет по тому же маршруту, по которому Техутимос и Рамсес в древности вторглись в Ассирию. Разделенный Египет стал легкой добычей для Эсархаддона. Он снова и снова восставал под властью Ашшурбанапала и столько же раз был заново завоеван. Но смешанное население, состоящее из эфиопов и ассирийцев, вновь придает старой структуре некоторую жизненную силу, и, поскольку разрушение Ассирийской империи избавило египтян от одного из их врагов, они вскоре смогли под руководством Псамметак I (Псамметиха) свергнуть эфиопских «узурпаторов» и вновь установить «местную» династию.

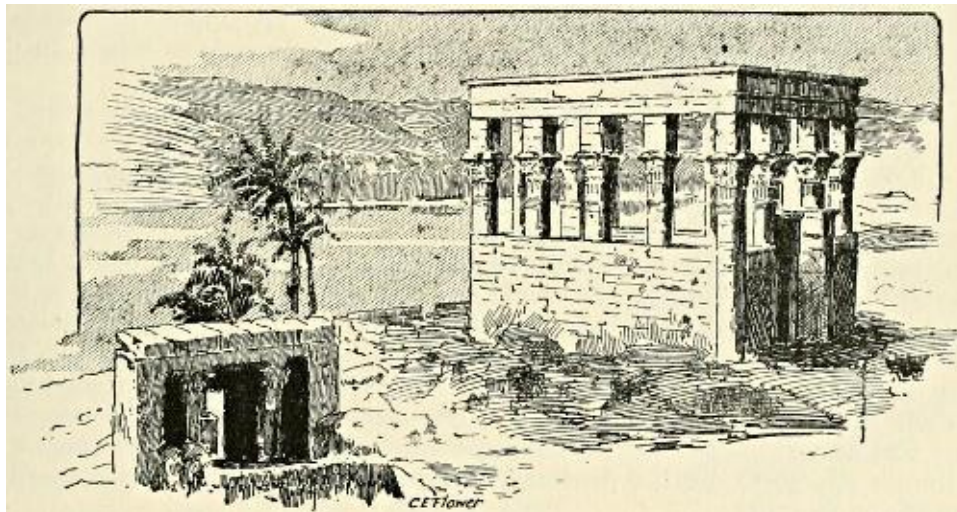
В течение примерно трех четвертей века Египет сохранял автономию и даже боролся за возвращение к тени своей былой мощи, еще раз продемонстрировав жизнеспособность, присущую старому роду. Затем окончательный удар нанес перс Камбиз, и последняя борьба закончилась. Сами по себе эти затянувшиеся борьбы умирающей нации, продолжавшиеся более полутысячелетия, полны интереса, но в сравнительном масштабе они не имеют большого значения. Мы видели великую нацию на пике ее могущества и не будем долго останавливаться на периоде ее упадка, поскольку другие нации на востоке теперь заняли место Египта в качестве мировых центров и привлекают к себе внимание.а

МЕНЕПТА

[около 1285-1250 гг. до н.э.]

Исчезновение старого героя, Рамсеса II, не привело к значительным изменениям в положении дел в Египте. С этого момента Менептах, как фараон, обладал той же властью, которой он ранее обладал в качестве регента. Он уже не был молод. Родившись примерно в начале правления Рамсеса II, он был теперь шестидесяти, возможно, семидесяти лет; таким образом, один старик сменил другого в момент, когда Египет, как никогда, нуждался в активном и энергичном правителе. На этот раз опасность для страны не исходила со стороны Азии, поскольку отношения фараона с его хару [финикийскими] подданными оставались дружественными, и во время голода, опустошившего Сирию, он послал пшеницу своим хеттским союзникам.

Однако народы на севере и востоке, в Ливии и на островах Средиземного моря, в течение некоторого времени находились в беспокойном состоянии, что не сулило ничего хорошего для империй Старого Света. Тамаху, некоторые из которых были вассалами с XII, а другие с первых лет XVIII династии, всегда были проблемными, но никогда не были действительно опасными соседями. Время от времени приходилось посылать против них легкие войска, которые, плывя вдоль побережья или следуя караванными путями, входили на их территорию, вытесняли их из укрытий, уничтожали пальмовые рощи, уводили скот и размещали гарнизоны в главных оазисах — даже в самой Сиве. Однако в течение более чем столетия, по-видимому, на сцену вышли более активные и численно более сильные народы. Поток нашествия, берущий свое начало в регионе Атласа или, возможно, даже в Европе, направлялся к Нилу, вытесняя перед собой разрозненные племена Судана.

ХРАМ НА ОСТРОВЕ ФИЛА

Кем были эти захватчики? Имели ли они какое-то отношение к народу, построившему дольмены на равнинах Магриба? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, мы знаем, что некоторые берберские племена — либу и машауаша, которые занимали промежуточное положение между Египтом и народами, жившими за ними, и поддерживали лишь нерегулярные связи с долиной Нила, теперь были вытеснены на передний план и вынуждены спуститься в долину.

Либу вполне могли в этот период одержать верх над другими жителями пустыни, которые были ослаблены частыми поражениями, нанесенными им египтянами. В момент вступления на престол Менепта их царь Мараджуи, сын Дида, правил обширной территорией.

Возникло великое царство, способное нарушить египетский контроль. Опасность была серьезна. Хетты, отделенные от Нила широкой полосой Финикии, не могли непосредственно угрожать ни одному из египетских городов, но ливийцы, владыки пустыни, были в контакте с дельтой и могли за несколько дней напасть на любую точку долины по своему выбору. Поэтому Менептах поспешил противостоять нападению западных народов, как его отец ранее противостоял нападению восточных народов; и, как ни странно это может показаться, он обнаружил среди войск своих новых врагов некоторых из тех противников, с которыми египтяне сражались под стенами Кадеша шестьдесят лет назад. Шарданы, ликийцы и другие, покинув побережье дельты и финикийские морские порты из-за бдительного наблюдения египтян за своими водами, отправились на ливийское побережье, где их встретили благосклонно. Нельзя сказать, поселились ли они в некоторых местах и образовали ли там те колонии, о которых говорит греческая традиция более позднего времени. Они, безусловно, занимались наемничеством, и многие из них сдавали свои услуги в аренду местным князьям, а другие были зачислены в войска царя Хета или самого фараона. Мараджуи привел с собой значительное количество ахейцев, [Акауаша], шарданов, туришей, шакалишей и ликийцев, когда решил начать войну.

Это была не одна из тех обычных небольших войн, целью которых было лишь взыскание дани с побежденных или завоевание одной из их провинций. Мараджуи имел в виду не что иное, как переселение всего своего народа в долину Нила, чтобы поселиться там навсегда, как это сделали гиксосы до него. Он выступил в поход в конце четвертого года правления фараона или в начале пятого, в окружении элиты своих войск, «лучших из всех воинов и героев каждой земли». Известие об их приближении посеяло ужас среди египтян. Мир, которым они наслаждались в течение пятидесяти лет, охладил их воинственный пыл, и механизм их военной организации несколько заржавел. Постоянная армия почти распалась; полки лучников и колесничих больше не были эффективны, а заброшенные крепости не были достаточно сильны, чтобы защитить границу.

В результате оазисы Фарафра и озера Натрон попали в руки врага при первом же нападении, а западные провинции дельты стали владением захватчика, прежде чем были предприняты какие-либо шаги для их защиты. Мемфис, осознав неминуемую опасность, поднял открытый ропот против нерадивых правителей, которые не уделяли внимания укреплениям страны и позволили сократить гарнизоны ее крепостей. К счастью, Сирия оставалась спокойной. Кхета, в ответ на помощь, оказанную им Менептахом во время голода, проявила дружеское отношение, и фараон смог таким образом вывести войска из своих азиатских провинций. Он мог с полной уверенностью принять необходимые меры для защиты «Гелиополиса, города Тму», от внезапного нападения, «для вооружения Мемфиса, цитадели Пта-Танен, и для восстановления всего, что было в беспорядке; он укрепил Па-Байлос (Билбеис) в окрестностях канала Шакана, на ответвлении канала Гелиополиса»; и он быстро сконцентрировал свои силы за этими быстро организованными линиями. Мараджуи, однако, продолжал наступать; в первые месяцы лета он пересек Канопическое ответвление Нила и теперь собирался разбить лагерь недалеко от города Па-Аршоп (Пропосис).

Фараон не сдвигался с места. Тем временем Мараджуи запланировал атаку на 1-е число месяца Эпифи, на восходе солнца, но она состоялась только 3-го числа. «Лучники Его Величества в течение шести часов сеяли хаос среди варваров; они были избиты мечом».

Увидев эту бойню, Мараджуи «потерял дух; он бросился бежать со всех ног, чтобы спасти свою жизнь, и так успешно, что в спешке оставил свой лук и стрелы, а также все, что было при нем». Его сокровища, оружие, жена, а также скот, который он привез с собой для своих нужд, стали добычей завоевателя; «он вырвал перья из своего головного убора и бежал вместе с теми несчастными ливийцами, которые избежали резни, но офицеры, которые присматривали за лошадьми Его Величества, последовали за ними» и большинство из них перебили мечом. Однако Мараджуи удалось сбежать в темноте и вернуться в свою страну без воды и провианта и почти без сопровождения. Победоносные войска вернулись в лагерь, груженные добычей и гнав перед собой ослов, несущих в качестве кровавых знаков победы множество рук и фаллосов, отрезанных от тел убитых. На поле битвы были найдены тела шести генералов и 6359 ливийских солдат, а также 222 шакалиша, 724 туриша и несколько сотен шардана и акауаша [ахейцев]; несколько тысяч пленных прошли процессией перед фараоном и были распределены между его солдатами, отличившимися в бою.

ЕГИПЕТСКИЙ СОЛДАТ С ОТРЕЗАННОЙ РУКОЙ

Менептах прожил еще некоторое время после этого памятного пятого года, и количество памятников, относящихся к этому периоду, свидетельствует о том, что он правил в мире. Мы видим, что он проводил работы в тех же местах, что и его отец до него — в Танисе, а также в Фивах, в Нубии и в дельте Нила. Он разрабатывал песчаниковые карьеры для получения строительных материалов и продолжал традицию празднования праздников Наводнения в Силсилесе. По крайней мере одна из стел, которые он установил по случаю этих праздников, на самом деле является часовней, с архитравами и колоннами, и до сих пор вызывает восхищение путешественников как своей формой, так и живописным видом. Последние годы его жизни были омрачены интригами принцев, претендовавших на трон, и амбициями министров, которым он был вынужден делегировать свою власть. Один из последних, человек семитского происхождения по имени Бен-Азана из Зор-бисаны, который принял имя своего первого покровителя Рамсеса-упарна-Ра, по-видимому, действовал от его имени

в качестве регента. [Хронологические соображения требуют, чтобы мы поместили исход евреев из Египта в период правления этого фараона].

[около 1250-1235 гг. до н.э.]

Преемником Менепта, по-видимому, стал один из его сыновей, названный Сети в честь своего прадеда. Сети II, без сомнения, достиг среднего возраста к моменту своего вступления на престол, но на его портретах он, тем не менее, изображен с лицом и фигурой молодого человека. Выражение его лица на этих портретах мягкое, утонченное, высокомерное и несколько меланхоличное. Это тип Сети I и Рамсеса II, но ослабленный и, как бы, опечаленный. Надпись его второго года приписывает ему победы в Азии, но другие надписи того же периода указывают на существование беспорядков, подобных тем, которые беспокоили последние годы его отца. Сети умер, по-видимому, не успев закончить свою гробницу. Мы не знаем, оставил ли он законных детей, но после него на престол вступили два правителя, которые не были с ним напрямую связаны, но, вероятно, были внуками Аменмеса и Сиптаха, которых мы встречаем среди детей Рамсеса.

Первый из них также назывался Аменмес и в течение нескольких лет правил всем Египтом и его заморскими владениями. Вторым, которого звали Сипта-Менептах, взойшел на «трон своего отца» благодаря преданности своего министра Би, но в большей степени благодаря своему браку с некой принцессой по имени Та-усер. Он удерживал эту позицию в течение по крайней мере шести лет, в течение которых он совершил экспедицию в Эфиопию и принял в Фивах послы из всех иностранных государств. Он так ревностно поддерживал видимость всемирного господства, что, судя по его надписям, он, должно быть, был равен самым могущественным из своих предшественников в Фивах. Тем не менее, Египет стремительно шел к своему падению. Как только этот монарх исчез, страна начала разваливаться.

Как и в случае с египтянами греческого периода, мы можем только догадываться о том, что произошло после смерти Менептаха и Сети II. Мы знаем только наверняка, что вожди номов находились в постоянной борьбе друг с другом и что в стране, как и во времена Апофиса, доминировала иностранная держава. Дни царства были бы сочтены, если бы не появился спаситель. Прямая линия Рамсеса II была прервана, но его бесчисленные сыновья от бесчисленных наложниц оставили потомство, из которого некоторые, по крайней мере, могли обладать необходимыми способностями и рвением, если не для спасения империи, то, по крайней мере, для продления ее существования и возвращения Фивам дней славного процветания.

Египет около пяти веков назад отправился на завоевание мира, и сначала удача улыбнулась его предприятию. Техутимос I, Техутимос III и несколько фараонов, носивших имя Аменхотеп, прошли со своими армиями от верховьев Нила до берегов Евфрата, и ни одна сила не смогла им противостоять. Однако вскоре против него восстали новые народы, и хетты в Азии и ливийцы в Судане вместе сдержали его амбиции. Ни триумфы Рамсеса II, ни победа Менептаха не смогли восстановить ее престиж или вернуть земли, которые ее соперники отняли у нее за пределами ее древних границ. Теперь под угрозой оказалась сама ее территория, и под вопросом было ее собственное благополучие; она была вынуждена думать не о том, как управлять другими племенами, большими или маленькими, а о том, как сохранить свои владения нетронутыми и независимыми; короче говоря, на карту было поставлено само ее существование.^b

ОТ СЕТНЕХТА ДО РАМСЕСА VIII И МЕРИ-АМЕНА МЕРИ-ТМУ

[около 1230-1220 гг. до н.э.]

В условиях нестабильной обстановки возникла новая династия под руководством Сетнехта, потомка Рамсеса II и правителя Фив (), которому с некоторым трудом удалось подавить мятежников и подчинить сирийского Арису. «Он был подобен богам Хеперу и Сутеху в своей энергии, восстанавливая порядок во всей стране, убивая варваров, которые находились в дельте, и очищая великое царство Египта. Он был регентом двух стран на троне Тму (главного бога Гелиополиса), посвятив себя реорганизации того, что было нарушено, так что каждый нашел брата в каждом из тех, от кого они были так долго отделены; и восстановил храмы и жертвоприношения так хорошо, что традиционное почитание было воздано божественным циклам».

Его сын Рамсес III, который был его соправителем, был последним из великих правителей Египта. В течение тридцати двух лет своего правления он стремился пойти по стопам своего тезки Рамсеса Великого, восстановив целостность империи за рубежом и процветание страны внутри страны. Но, несмотря на успешные военные действия его отца, сирийские провинции были утрачены, а границы попорчены. На востоке бедуины атаковали укрепленные порты дельты и горнодобывающие колонии Синая; на западе народы Ливии вторглись в Нил. Во главе со своими вождями Дидом (вероятно, сыном Мараджуи, современника Менептаха), Машакну, Замару и Заутмару, тухенну, тамаху, кахаку и их соседи покинули песчаные равнины пустыни и завоевали Мареотический ном или район Саид, расположенный в устье Нила, вплоть до большого рукава реки, то есть всю западную часть дельты от города Карбрия на западе до окраин Мемфиса на юге.

[около 1220-1195 гг. до н.э.]

Отбив бедуинов, Рамсес III в пятом году обратил свое оружие против ливийцев и полностью их покорил. «Они были напуганы, как козы, на которых нападает бык, который топчет их ногами, бьет рогами и заставляет дрожать горы, бросаясь на тех, кто приближается к нему». Набеги варваров привели египтян в ярость, они не давали пощады; ливийцы бежали в беспорядке, а некоторые из их племен, задержавшиеся в дельте, были увезены и включены в состав вспомогательной армии.

Мумия РАМСЕСА III

Едва закончились эти беспорядки, как Рамсес напал на Сирию. В то время как Египет был разрушен гражданскими войнами, его старый враг, хета, заставил его потерять остальную часть своей империи (). Народы Малой Азии, постоянно подталкиваемые прибытием новых племен, покинули свои дома и проникли в отдаленные районы Сирии и Египта, привлеченные слухами о богатствах этих стран; данаи, тирийцы, шакалиши, теукри, которые сменили дарданов в гегемонии троянских народов, а также ликийцы и филистимляне присоединились к конфедерации. Те, кто был на кораблях, атаковали побережье, а остальные пересекли Сирию и осадили крепости перешейка. Усилив свои войска за счет подчиненных им по пути народов, они проникли в Киликию, заставили кати и хета [хеттов] следовать за ними, подобрали контингент из Каркемиша, Арату и Кадеша и, пробыв некоторое время в окрестностях этого города в стране амореев, двинулись прямо на Египет.

Но, несмотря на быстроту этой операции, Рамсес был вполне готов к ней. Вооружив устье Нила и места дельты, он начал противостоять врагу. Сражение двух армий и двух флотов произошло в VIII году между Рафией и Пелузием под стенами замка, называемого Башней Рамсеса III.

«Устье реки было похоже на могучую стену из кораблей и судов всех видов, заполненных от носа до кормы отважными вооруженными людьми. Пехотинцы, отборные воины египетской армии, стояли там, как рычащие львы на горах; колесничие, выбранные из самых быстрых героев, были во главе с опытными офицерами всех видов; лошади дрожали во всех конечностях и жаждали растоптать народы.

«Что касается меня, — говорит Рамсес, — я был подобен воинственному Менту. Я поднялся перед ними, и они увидели дело рук моих. Я, царь Рамсес, поступил как герой, знающий свою доблесть и простирающий руку над своим народом в день сражения. Те, кто нарушил границы, больше не будут возделывать землю, время перехода их душ в вечность определено. Те, кто был на берегу, были повержены на берегах воды, убиты, как в моргах. Я уничтожил их корабли, и их товары были поглощены водами».

Несмотря на то, что эта победа была быстрой, она не положила конец войнам Рамсеса III. Ливийцы, старые союзники морских народов, с радостью присоединились бы к войне против Египта в VIII году; и если они этого не сделали, то, без сомнения, потому, что не успели восполнить свои потери. Как только они были готовы, они вновь появились на сцене, и в XI году вождь Капур и его сын Машашал возглавили Машауаша [Максис], Сабита, Кайкаша и другие менее важные племена, которым помогали жители Тира и Ликии, для вторжения в дельту.

«Второй раз их сердца подсказывали им, что они проведут свою жизнь в нотах Египта и будут возделывать долины и равнины, как свою собственную землю».

Но попытка не увенчалась успехом. «Смерть настигла их в Египте, ибо они своими ногами прибежали к печи, пожирающей разложение, к огню храбрости царя, который нисходит, как Баал, с высот небес! Все его члены проникнуты победоносной силой. Правой рукой он хватает толпы; левая простирается, как стрелы, над теми, кто перед ним, чтобы уничтожить их; лезвие его меча острое, как у его отца, Менту. Капур, который пришел требовать почитания, ослепленный страхом, бросил оружие, и его войска поступили так же: он поднял молящий крик к Небу, и его сын поддержал его оружие. Но вот, рядом с ним стоял бог, который знал его самые сокровенные мысли.

«Его Величество обрушился на их головы, как гранитная гора, он раздавил их и оросил землю их кровью, их армия и их солдаты были избиты... они были взяты в плен, они были поражены, их руки были связаны, и, как птицы, заключенные в трюме корабля, они оказались во власти Его Величества. Царь был подобен Менту, его победоносные ноги топтали головы врагов; вожди, которые противостояли ему, были поражены и удержаны за запястья».

Так что ливийцы с тех пор старались не нарушать мир в Египте.

Победы этих двенадцати лет залечили раны предыдущего периода. Путешествие флота вдоль побережья заставило древние сирийские провинции вернуться к своей верности, а союзные народы хеттов, Каркемиша и Кати, увидев порабощение морского народа, вскоре последовали их примеру. Вторая морская экспедиция была направлена против Аравии.

«Я оснастил суда и галеры, вооружив их многочисленными моряками и рабочими. Капитаны морских вспомогательных сил были там с надзирателями и управляющими, чтобы снабдить корабли бесчисленными продуктами Египта. Десятки тысяч всех видов проплывали через великое море Кати. Они прибыли в страну Пунт без каких-либо приключений и приготовились загрузить галеры и суда продуктами Тонутира, со всеми таинственными чудесами этой страны и значительным количеством благовоний Пунта. Их

сыновья, вожди Тонутира, сами пришли в Египет, принеся дань; они благополучно прибыли в страну Коптос и высадились в стране со своими богатствами. Они привезли их в караванах из ослов и людей и погрузили на реку в порту Коптос».

Другие экспедиции на полуостров Синай вернули горнодобывающие районы во владение фараона. Таким образом, Египетская империя была восстановлена в том виде, в каком она существовала в предыдущем столетии во времена Рамсеса II. Шарданы, тирийцы, ликийцы и троянцы больше не высаживались *массово* на побережье Африки.

Поток азиатской эмиграции, который в течение последних ста пятидесяти лет направлялся в долину Нила, теперь повернул на запад и наводнил Италию, одновременно с прибытием туда финикийских колонистов. Тирийцы заняли земли к северу от устья Тибра, шарданы заняли большой остров, который позже был назван Сардинией, и вскоре в Египте от них не осталось ничего, кроме воспоминаний об их набегах и легендарных рассказов об их миграциях от берегов архипелага к побережью западного Средиземноморья.

Филистимляне были единственным народом конфедерации, которому было позволено поселиться в Сирии, и они обосновались вдоль южного побережья между Иоппой и рекой Египетской, в районах, до того заселенных хананеями, и там они в основном жили под игом фараона. На другой границе дельты ливийское племя, называемое Машауаша, также получило уступку территории, и солдаты Машауаша, набранные в Ливии из той части племени, которая расположилась лагерем на берегу Нила, образовали отборный корпус, Ма, лидеры которого сыграли большую роль во внутренней истории Египта.

Геродот рассказывает, что по возвращении Сесостриса (имя, данное этим историком Рамсесу II) он был почти убит в результате предательства. Его брат, которому он доверил управление страной во время своего отсутствия, пригласил его и его детей на великое пиршество; затем он окружил дом дровами и приказал поджечь его. Узнав об этом, царь немедленно посоветовался со своей женой, которая была с ним, и она посоветовала ему взять двух из шестерых детей и положить их на горящее дерево, чтобы они могли использовать их тела как мост, по которому можно было бы перейти. Сесострис так и поступил, и таким образом сгорели двое его детей, а остальные были спасены вместе с родителями.

Памятники доказали, что Сесострис из этой легенды Геродота — не Рамсес II, а его тезка, Рамсес III. Один из братьев царя, упоминаемый в официальных документах под псевдонимом Пен-та-ур, сговорился против него с большим количеством придворных и дам гарема с целью убить фараона и поставить на его место своего брата. Заговор был раскрыт, заговорщики предстали перед судом и были осуждены, некоторые к смертной казни, а другие к пожизненному заключению.

Последние годы правления Рамсеса III прошли мирно. В память о своих войнах он построил в Фивах великий дворец Мединет-Абу, расширил Карнак и восстановил Луксор. Подробности этих благочестивых работ в дельте сохранились в рукописи, хранящейся в библиотеке Гелиополиса, — великом папирусе Харриса.

Из этого документа видно, что Египет не только восстановил свою внешнюю империю, но и возобновил свою торговую и промышленную деятельность. Казалось, что вернулись процветающие времена Техутима III и Рамсеса II.

Тем не менее, упадок был неминуем. Египет, измученный четырьмя веками непрерывных войн, становился все более неспособным к серьезным усилиям. Население, истребленное вербовкой и неэффективно восполняемое постоянным притоком иностранцев, утратило терпение и энтузиазм прежних времен. Высшие классы, привыкшие к комфорту и богатству,

теперь интересовались только гражданскими профессиями и пренебрежительно относились к военному делу.

ГОРЕЧЬ СОЛДАТА

«Почему ты говоришь, что пехотный офицер счастливее писца?» — спросил писец своего ученика. «Позволь мне описать тебе судьбу пехотного офицера и всю глубину его страданий. Его забирают еще совсем ребенком и запирают в казарме; на его животе образуется гнойная рана; в глазах он испытывает постоянную боль; на обеих бровях у него открытые раны; его голова расколота и покрыта гноем. Короче говоря, его бьют, как папирусный свиток, он изранен от давления оружия. Подойди, и я расскажу тебе о его походах в Сирию и его кампаниях в дальних странах. Его хлеб и вода лежат на его плечах, как ноша осла, и делают его затылок похожим на ослиный. Суставы его позвоночника сломаны; он пьет гнилую воду, а затем возвращается на свою стражу. Если он добирается до врага, он дрожит, как гусь, ибо в нем нет мужества. Если он в конце концов возвращается в Египет, он подобен клещу, съеденному червями. Если он заболит, какое облегчение ему найдется? Его уносят на ослике; его одежду уносят разбойники; его слуги бегут от него. Таков пехотинец, а кавалерист не пользуется большим уважением. Писарь Аменонопит говорит писарю Пенбиситу: «Когда это письмо дойдет до тебя, приложи усилия, чтобы стать писарем, и ты поднимешься в мире. Пойдем, я расскажу тебе об утомительных обязанностях офицера колесницы:

«Когда его отправляют в школу отец и мать, он должен отдать двух своих рабов. Надев форму, он идет выбирать лошадей в конюшне. В присутствии Его Величества он берет хороших коней и с криками радости хочет привести их в город галопом. Но лошади не идут без кнута. Тогда, не зная, какая судьба его ждет, он завещает все свое имущество отцу и матери. Затем он отправляется в путь на колеснице, но ее дышло весит больше, чем сама колесница. Поэтому, когда он хочет мчаться на этой колеснице, он вынужден слезть и тянуть ее. Он делает это, падает на рептилию, поскальзывается в кустах, его ноги кусает рептилия, его пятку пронзает укус, его страдания безграничны. Он лежит на земле и получает сотню ударов».

Эти строки были написаны во время правления Рамсеса II под звуки победных песен, когда народ был полон энтузиазма по поводу победы и следовал за триумфальной колесницей фараона с восторженными возгласами. Когда первое опьянение прошло, низшие классы, измученные веками непрекращающихся войн, сокрушенные тяжестью дани и налогов, впали в свою обычную депрессию, а литература превратила страдания солдат в посмешище. Эта усталость от успеха, это отвращение к кровавым, дорого купленным победам объясняет некоторые неясные моменты в истории Египта и проливает свет на быстрое падение здания, с таким трудом воздвигнутого князьями XVIII и XIX династий. Египет Техутима III желал войны; Египет Рамсеса III желал мира любой ценой.

[около 1195-945 гг. до н.э.]

Это особенно проявилось в ходе XX династии. В XXXII году Рамсес, уставший от правления, призвал своего сына Рамсеса IV разделить с ним власть. Он умер два года спустя, и Рамсес IV, процарствовавший не более трех или четырех лет, был сменен дальним родственником Рамсесом V. Затем на престол быстро сменили друг друга четыре сына Рамсеса III: Рамсес VI, Рамсес VII, Рамсес VIII и Мери-Амен Мери-Тму. Эти Рамсесы совершали то тут, то там некоторые экспедиции, но никогда не вели больших войн. Они проживали свои дни в мире

за границей и в мире дома, и если верно, что счастливы те, у кого нет истории, то Египет был очень счастлив под их правлением.

Больше не было постоянных борьбы, больше не было дальних походов в горы Киликии и на равнины Верхнего Нила. Сирия продолжала платить дань в течение некоторого времени, потому что, если Египет, измученный победами, едва имел силы обеспечить послушание, то Сирия была измучена поражениями и не имела больше сил для восстания. Но между этими двумя странами была разница: одна граничила со старостью и никогда не возрождалась, а другая быстро оправилась от своих неудач. Царство Египет умерло от истощения в полном процветании.⁴

ЕГИПЕТ ПОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ НАЕМНИКОВ

Первые признаки слабости империи, кажется, сразу же ощущаются. Египет, разлагающийся изнутри, быстро привлек внимание амбициозных людей, которые жадно поглядывали на его накопленные богатства.

После смерти Рамсеса III Египет перестал оказывать какое-либо влияние на Сирию. Для Египта наступило время растущей бездеятельности и застоя, что в конце концов привело к тому, что на трон был возведен Хер-Хор, верховный жрец Фив. Как долго Хер-Хор правил Египтом, мы не знаем, но мы видим, что его сын Пианхи и его внук Пайнетем I не обладали королевской властью, а лишь унаследовали от своего отца должность верховных жрецов и, как таковые, обладали неограниченной властью в Фивах и их окрестностях.

[около 1000 г. до н. э.]

В это время в Танисе возникла еще одна правящая династия иностранного (ливийского) происхождения. Ее главой был царь Се-Амен (по Манефону, Смендес). Его имя можно увидеть на стенах храма в Танисе и на обелиске в Гелиополисе. Он также правил в Фивах. На шестнадцатом году своего правления он велел осмотреть мумии Рамсеса I, Сети I и Рамсеса II и переложить их в другую гробницу. Очевидно, он сверг власть тебанских первосвященников и заставил их признать свою власть.

После этого Пайнетем I добавил к своему титулу верховного жреца титулы проректора (Фив) и главнокомандующего Югом и Севером, очевидно заняв, наряду с танитскими царями, положение, сходное с положением Хер-Хора при Рамсесе XII. Сын Се-Амена, Пасебхану (греч. Псусеннес), по-видимому, пошел еще дальше: он победил партию фиванских жрецов и передал должность верховного жреца одному из своих сыновей, который, как и внук Хер-Хора, носил или принял имя Пайнетем II. За правлением Пасебхану I последовало несколько коротких правлений, среди которых были правления Аменемэпта, также признанного в Фивах, а затем на трон вззошел Пайнетем.

Как «верховный жрец Амона» в Фивах и главнокомандующий, он наделил властью своих сыновей Масахерту и Мен-хепер-Ра, а затем Пайнетэма (III), сына последнего; и, по-видимому, Хор-Пасебхану II сменил его в Танисе. Правление танитов, по-видимому, длилось около 120 лет (примерно с 1060 по 943 год до н. э.).

Королевство, или, во всяком случае, часть страны, управляемая жрецами Амона, определенно не было хорошо организовано, поскольку мы имеем несколько свидетельств о хищениях имущества храма Амона управляющими и писцами, о грабежах могил и т. д.

Постоянная необходимость переносить мумии ранних царей в западной части Фив из их великолепных гробниц в тайные пещеры свидетельствует о слабости правительства.

Кроме того, крупные государственные судебные процессы проводились по очень простой системе. Вопрос «Виновен или невиновен?» задавался статуе Амона, которая выносила свой вердикт устами оракула.

Видно, насколько идея божественного правления была реализована на практике. Несомненно, в это время в Фивах, а позже в Эфиопии, сформировалась теория, согласно которой царь был не только обязан консультироваться с оракулом во всех своих действиях, но и назначался и мог быть смещен оракулом.

ЕГИПЕТСКИЙ ЖРЕЦ

(Скульптура из Лувра)

Звание главнокомандующего, которое носили фиванские жрецы, по-видимому, отличало их как командиров солдат, взятых из египетских крестьян, в отличие от наемников, которые со времен Сети I составляли основную часть армии. Эта армия частично комплектовалась из жителей страны, а частично — из новых пополнений из Ливии.

Таким образом, в стране сформировалась эксклюзивная группа, похожая на мамелюков, которая держала в своих руках судьбу страны и передавала военную профессию от отца к сыну.

Эти наемники были объединены под общим названием «Ма», образованным от сокращения ливийского названия «Машауаша». По фамилиям воинов мы скоро видим, что ливийцы достигли над ними господства, и хотя неоднократные нападения ливийцев на Египет были успешно отражены, они теперь фактически были правителями страны.

Примечательно, что о корпусе шарданов, о котором так часто упоминалось в более древние времена, больше не говорится; он, должно быть, был поглощен массой других солдат. Но имя Машау сохранилось, и в коптском языке *matoei* до сих пор является распространенным названием солдата. Легко понять, что у них были частые возможности приобретать богатство и землю; короли освобождали их от земельного налога. Во главе их стояли «герцоги Ма» (), а главным командующим был великий герцог Ма. Но многие из таких генералиссимусов, возможно, имели равный ранг.

Биу-уауа, ливиец, прибыл в Египет примерно в то же время, что и Хер-Хор. Его семья приобрела большое значение; его пятый потомок, Наромаф [Нимрод], был назначен «великим герцогом Ма и генералиссимусом» в период правления царя Пайнетэма. После его смерти его сын Шашанк унаследовал его должность командующего армией. Надпись в Абидосе показывает, каким почетом он пользовался, как царь ухаживал за могилой его отца, обращался от его имени к оракулу в Фивах и молил бога о победе генерала. Возможно, что Шашанк в конце концов попытался завоевать корону для себя в 943 (?) г. до н. э.

Мирными или насильственными средствами он стал преемником Хор-Пасебхану II, последнего танита, чью дочь Ка-Ра-маат он выдал замуж за своего сына Усаркена, чтобы укрепить свою династию. Согласно принятому обычаю танитов, он сделал Аупута, другого своего сына, верховным жрецом Амона и главнокомандующим всеми вооруженными силами. Судя по надписям, он, по-видимому, был соправителем своего отца.

При последующих правителях сохранился обычай, согласно которому один из сыновей царя наделялся высшей священнической властью в Фивах, а священство Птаха в Мемфисе передавалось ветви королевской семьи, и другие принцы были как священниками, так и генералами.

Более того, Шашанк, по-видимому, выдвинул потомков Рамсеса, поскольку мы видим, что принц Рамсес занимал высокий военный пост при нем.

История евреев показывает, что фараоны XXI династии не были в состоянии участвовать в азиатских делах. В начале правления Соломона царь того периода, вероятно Пасебхану II, вступил в отношения с израильским государством, захватил Газу для Соломона и отдал ее своей дочери в качестве приданого, а также предоставил убежище политическим беженцам, таким как Иеровоам и Хадад из Эдома, чтобы оставить лазейку для вмешательства.

Отделение Иудеи от Израиля и последовавшая за этим длительная гражданская война дали возможность возобновить экспедиции в Сирию. Так, Шашанк отправился в Сирию на пятом году правления Ровоама. Скучные остатки летописей еврейских царей сообщают только о том, что он унес сокровища храма и дворца в Иерусалиме, то есть золотые щиты, которые Соломон повесил там. Длинный список завоеванных мест на стене храма Карнака показывает, что израильские крепости были также завоеваны и разграблены.

Фараон практически нигде не встретил серьезного сопротивления. Надпись о его победе содержит, в соответствии с модой того времени, только религиозные фразы вместо описания войны. Экспедиция была не чем иным, как грабительским набегом с целью добычи; она не имела политических последствий, и было бы ошибкой думать, что она была предпринята в интересах Иеровоама против царя Иудеи.

Усиление египетской власти, последовавшее за вступлением на престол новой династии, было недолгим. Преемники Шашанка I — Усаркен I, Такелет I, Усаркен II, Шашанк II, Такелет II — упоминаются только по имени на памятниках. В Фивах они расширили вестибюль храма Амона, строительство которого было начато Шашанком I. Мы находим дальнейшие следы их деятельности в Бубастисе, колыбели династии, в Мемфисе и других местах.

[около 800-735 гг. до н.э.]

Под их правлением государство постепенно пришло в полный упадок. Главные полководцы Ма, возможно, частично принадлежавшие к ветвям рода Ама-Аш-Шуа (), основали свои собственные княжества и отряхнулись от Бубаститов. Шашанк III, преемник Такелета II, является последним, чье имя мы находим в Фивах, где длинная и сильно

поврежденная надпись двадцать девятого года его правления говорит о дарах, которые он принес Амону. Затем, по-видимому, южная часть страны была захвачена эфиопами.

Шашанк III правил в общей сложности пятьдесят два года. Затем пришел его сын Памай, который правил не менее двух лет, и его внук Шашанк IV, который правил не менее тридцати семи лет, примерно до 735 года до нашей эры. Мы знаем об этих царях только по упоминаниям о них на нескольких памятниках в честь быков Аписа, которые умерли во время их правления. Таким образом, их верховенство, по крайней мере, должно было быть признано в Мемфисе в течение некоторого времени. Но их власть, вероятно, ограничивалась провинцией Бусирис. Царь Эфиопии Пианхи в своей великой надписи упоминает великого князя Ма, Шашанка из Бусириса, и его преемника Памаю, которые, по-видимому, были тождественны Шашанку III и Памаю. Во времена этого завоевателя, около 775 г. до н. э., мы находим рядом с ними царя Нимрода из Гермополиса, правителя Пефтобаста из Гераклеополиса Магна, который носил царское кольцо, царя Апута из городов дельты Тентрему и Та-ан и царя Уасаркена (III) из Бубастиса. Последний, вероятно, принадлежит к XXIII династии Манефона, которая пришла из Таниса и, согласно Африкану, взошла на престол около 823 г. до н.э. Манефон упоминает Петасебаста как ее основателя, а его преемником был Уасаркен, который, по-видимому, является вышеупомянутым Уасаркеном III. Мането, очевидно, не считал последних правителей XXII династии легитимными, поэтому, хотя они и упоминаются, они не включены в хронологию.

Кроме того, наряду с этими «царями» существовали многочисленные князья (*Ur*) из племени Ма, которые в других случаях назывались лордами (*rpa*) или номархами (*ha*). Независимые правители в нескольких провинциях дельты, в Атрибисе, Мендесе, Себеннитусе, Саисе и т. д., а также проректор Летополиса носили титул первосвященника.

Эти лидеры в основном происходили из числа вождей наемников, и их владения и власть постоянно колебались. Вполне возможно, что отдельные государства образовывали слабую политическую конфедерацию, и вероятно, что потомки старого правящего дома признавались главными феодалами, в то время как те правители, которые узурпировали титул царя, претендовали на полную независимость.

ЭФИОПСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

[около 1000-775 гг. до н.э.]

В то время, когда на верхнем Тигре формировалось великое завоевательное царство и начинало захватывать все окружающие территории, власть фараонов в долине Нила полностью пала. Царство Техутимеса III было разделено на ряд небольших независимых княжеств и управлялось династиями, которые возникли из лидеров наемников. С другой стороны, в верхней долине Нила, на землях, впервые присоединенных к Египту во времена Усертсена III, а затем на протяжении пяти веков Техутимесом I, возникло могущественное царство Куш (греческое Эфиопия, ныне Нубия). Его столицей была Напата в Гебель-Бархале, «священной горе», у подножия которой Аменхотеп III уже основал великое святилище тебанского Амена. Благодаря давним связям с Египтом, египетская культура полностью укоренилась в Эфиопии. Официальным языком был египетский, письменность была иероглифической, стиль одежды царей после Аменхотепа III был таким же, как у фараонов. Прежде всего, египетская, и особенно фиванская, религия Амона приобрела полное господство в Куше. Во имя Амона цари шли на войну; они полностью зависели от его указаний и оракулов; они тщательно соблюдали законы о внешней чистоте и о пище, запрещенной религией. То, что в Египте оставалось теорией, в Эфиопии стало практикой; длинная надпись описывает нам, как сам бог через свое оракуло немедленно избирает царя,

и поразительно подтверждает рассказы греков. Отсюда следовало, что жрецы могли приказывать царю от имени бога положить конец его жизни, и эту привилегию Эргамен устранил в III веке до н. э. Эти обстоятельства позволяют понять, почему египетские жрецы описывали Эфиопию грекам как Землю Обетованную. Из этих обстоятельств можно также предположить, что подъем царства Напата был связан с узурпацией власти жрецами тебанского Амона во время XXI династии, и это предположение подтверждается тем, что многие цари носили имя Пьянхи, известное в семье Хер-Хор. После этого времени о владычестве фараонов над Кушем не было и речи, поэтому, возможно, родственники жрецов Амона основали эфиопский город *около* 1000 года до н. э.

ГОЛОВА УАСАРКЕНА III

(ныне в Британском музее)

Когда власть XXII династии ослабла, цари Напаты смогли распространить свое господство на Верхний Египет. Вероятно, около конца правления Шашанка III, 800 г. до н.э., Фивы могли попасть в их руки; в первой половине VIII века долина Нила до окрестностей Гермополиса находилась под властью эфиопского царя Пианхи. В его время принц Тефнехт из Саиса сумел подчинить западную часть дельты в Нижнем Египте, завоевать Мемфис и заставить всех многочисленных принцев, царей и мелких правителей средней и восточной части дельты, «всех принцев Нижнего Египта, носящих перо» (знак воинского сословия Ма), признать его верховенство. Он не принял титул царя, вероятно, потому что хотел как можно меньше нарушать иерархические отношения, существовавшие между наемными князьями. Из Мемфиса он направился на юг, подчинил Крокодилополис, Оксирих и другие города, осадил Гераклаполис, королевскую резиденцию Пефтобаста, и заставил царя Нимрода из Гермополиса подчиниться. Затем вступил в дело Пянхи, призванный на помощь противниками Тефнехта. Его армия разгромила вражеский флот на Ниле, отбросила Тефнехта обратно в Гераклеополис, осадила Нимрода в Гермополисе и захватила ряд небольших местностей. Затем сам царь появился на поле боя; он заставил Нимрода капитулировать и получил от него богатые подарки. После падения Гермополиса все небольшие города подчинились, только Мемфис пришлось взять штурмом, после того как план Тефнехта по его освобождению провалился. Затем Пянхи продвинулся к дельте; мелкие князья поспешили к нему, чтобы присягнуть на верность и принести ему богатые дары. Таким образом, Тефнехт больше не был достаточно силен, чтобы отстаивать свою позицию; Пианхи, возможно, также испытывал опасения по поводу ведения опасной войны на западе дельты. Он довольствовался тем, что Тефнехт принес присягу на верность в присутствии посла эфиопского царя и послал ему подарки после того, как ему была обещана безопасность.

[около 775-704 гг. до н.э.]

Походы Пянхи, которые пришлось на XXI год его правления (около 775 г. до н. э.), по-видимому, не привели к длительному подчинению Египта. Если вассальный царь Уасаркен (III) из Бубастиса был вторым правителем XXIII династии, то к тому времени эфиопы, должно быть, были изгнаны из Верхнего Египта, поскольку мы встречаем третьего правителя этого дома, Псаммуса, в двух небольших надписях в храме Карнака. В памятниках Манефон позволяет ему уступить место не подтвержденному источниками царю Зет. Затем следует XXIV династия, которая, по его словам, состоит только из Саита Бакенрана

(вероятно, 733-729 гг. до н.э.), который, согласно достоверным греческим источникам, был сыном Тнефакта, то есть Тнефхета (), противника Пианхи. В традиции он восхваляется как мудрый принц и великий законодатель; из памятников мы знаем только, что на шестом году его правления Апис был помещен в ту же гробницу, что и Апис, умерший при Шашанке IV; согласно этому, он, вероятно, сменил последнего титулованного царя XXII династии, но, должно быть, уже некоторое время до этого правил в Саисе.

В Эфиопии за Пьянки (неизвестно, после одного или нескольких междоусобиц) последовал Кашта, который был женат на Шепенапет, дочери царя Уасаркена, вероятно, Уасаркена III из Бубастиса. Его сын Шабак повторил экспедицию в Египет, завоевал Бакенранфа — согласно Манефону, он сжег его заживо — и заставил местные династии признать его верховенство (728 г. до н. э.). Он принял титул царя Египта, но в качестве реальных правителей страны он установил свою сестру Амениритис и ее мужа, Пьянки (II?). Мы часто встречаем Шабак и его сестру в храмах Фив, а также в Хаммамате и других местах; в Карнаке была найдена изысканная алебастровая статуя царицы. Греческая традиция утверждает, что эфиопский царь правил Египтом очень мягко, казней не было, преступников заставляли строить каналы и плотины. Но эфиопы никогда не устанавливали постоянного и единого господства над Египтом. Как и во времена Пьянки, местные династии оставались владельцами своих владений, и среди них, по всей вероятности, были также преемники Тнефхета и Бакенранфа в Саисе, предки XXVI династии.

Хотя в 725 году (II Царств xvii. 4) и в 720 году (Летопись Саргона) Шабак называется «царем Египта», тем не менее в 715 году Саргон говорит о дани «фараона, царя Египта»; в 711 году он упоминает его вместе с царем Мелукхи (т. е. Куша), а во времена Сеннахирима «цари Египта» появляются вместе с «войсками царя Мелукхи».

Многочисленные сражения за владение Нижним Нилом занимали правление Шабак и его преемников; это не позволяло им участвовать в делах Азии, как бы они того ни желали.

[около 704-672 гг. до н. э.]

Шабак из Куша и Египта был сменен в 716 году (?) Шабатахом, который, согласно Манетону, был его сыном и о котором сохранились только разрозненные памятники в Карнаке и Мемфисе. Но в 704 году его сменил более молодой и энергичный принц Тирхака. Последний, по-видимому, не принадлежал к королевской семье, но приобрел трон благодаря браку с женой Шабак и захватил власть от имени сына последнего, Танут-Амена; в Карнаке они вдвоем воздвигли храм Осирису Птаху и здесь оба называются королями в точности одинаковыми терминами. Тирхаке было двадцать лет, когда он получил двойную корону. Многочисленные князья египетских городов признали его верховенство, и он смог обратить свое внимание на возобновление вмешательства Шабак в Сирии. Ряд сирийских князей были готовы присоединиться к освободителю от ассирийского ига, особенно Элулай из Тира, Езекия из Иудеи, который в 714 году сменил Ахаза, и Зидка из Аскалона. Царь Падиз из Экрона остался верным ассирийцам, но его вельможи восстали против него и выдали его Езекии. Можно было надеяться, что Сеннахирим надолго задержится в Вавилонии. Мы знаем, что Меродах-Баладан начал переговоры с Езекией, так что, по-видимому, планировалось создание большой коалиции против Ассирии.

Однако и на этот раз ассирийцы сумели опередить своих противников. Еще до того, как их приготовления были завершены, в начале 701 года Сеннахериб появился в Сирии и сначала обрушился на Элулея. Сидон, Сарепта, Акко и другие подчиненные ему города сдались, а сам он бежал на Кипр. Из Финикии Сеннахериб двинулся на Филистию, получив всевозможную поддержку от тех вассалов, которые остались верными (). Зидка из Аскалона был пленен, его города были разрушены, и был поставлен новый царь. Затем, как сообщает нам Великий

Царь, он двинулся на Экрон, когда на помощь ему пришли войска царя Куша (ассирийский Мелукха) и князя Египта. В Алтаку он разгромил эти войска, взял этот город и Тимнат, подчинил Экрон, где наказал зачинщика восстания, и восстановил царя Пади, который был взят в плен и отправлен в Иерусалим.

Доверяя фараону и Иегове, Езекия продолжал сопротивляться. Тем временем подошла армия Тирхаки, царя Куша. Сеннахирим выступил против него и снова потребовал сдачи Иерусалима. Но Езекия, доверяя слову Иеговы, объявленному ему пророком Исаией, снова отказался. Ночью Малак-Яхве (ангел Господень) поразил ассирийскую армию, в результате чего погибло 185 000 человек, и Сеннахирим был вынужден вернуться в Ниневию.

[около 672-663 гг. до н.э.]

Египтяне рассказали Геродоту похожую историю: после эфиопца Сабакко [Шабакка], бывшего жреца Птаха, Египтом правил Сетос, который был в вражде с кастой воинов. Когда Сеннахирим, «царь арабов и ассирийцев», предпринял поход на Египет, воины отказались сражаться, и Сетос оказался в большом затруднении. Но боги послали полевых мышей на вражескую армию, которая расположилась лагерем в Пелузии, и мыши перегрызли луки и все кожаные ремни врага, так что на следующий день его легко смогли победить египетские ремесленники и купцы, которые были призваны на службу.

Мы никогда не сможем полностью понять, что же на самом деле произошло, особенно пока не будет точно установлено расположение упомянутых мест. Одно можно сказать наверняка: хотя Сеннахериб, возможно, и преувеличил значение победы при Алтаку, он не потерпел поражения от египтян. Ведь в таком случае Тирхака продолжил бы свою победу, тогда как на самом деле он не вмешивался в дела Сирии в течение тридцати лет, а египтяне говорили бы о победе, а не о чуде. Гораздо более вероятно, что это было какое-то стихийное бедствие, предположительно эпидемия, которое заставило Сеннахирима отказаться от вторжения в Египет и снять осаду Иерусалима. Однако надежды на помощь со стороны Египта больше не было, поэтому Езекия заключил мир с Великим Царем и отправил в его столицу тяжелый дань, которую маленький город с большим трудом смог собрать. Несмотря на полупринудительное отступление, господство над Сирией было обеспечено; в течение следующих десятилетий ни одно из мелких государств не осмеливалось даже мечтать о восстании против Ассирии. Только к концу своего правления, , после 672 г. до н. э., Эсархаддон предпринял великую кампанию. В Сирии вновь вспыхнуло восстание, опирающееся на поддержку Эфиопии: царь Тира Баал отказался от своей верности. Эсархаддон решил найти способ положить конец этой постоянно повторяющейся опасности. Тир был вновь блокирован, но основная армия направилась прямо на Египет. Принц пустынных арабов предоставил верблюдов, и утомительный поход от Рафии до Пелузии был успешно завершен. Мы не знаем, был ли Тирхака в состоянии оказать сопротивление; в любом случае, Мемфис был взят, и ассирийская армия проникла до Фив. Тирхака был вынужден отступить в Эфиопию, а многочисленные провинциальные князья Египта подчинились и были утверждены в своих владениях в качестве вассалов, плативших дань. Не менее двадцати из них упоминаются как вызванные в Фивы из дельты и городов Верхнего Египта. Самым могущественным из них был Неку, правитель Саиса и Мемфиса (по Манефону, 671-664 гг. до н. э.), чьи предки, Стефинаты и Нехепсос, уже пришли к власти в Саисе и, вероятно, были прямыми преемниками Тefнехта и Бокхориса (Бакенранфа). По приказу ассирийского царя Неку должен был изменить название Саис на Карбильматати, «сад господина стран»; точно так же его сын Псамтек получил ассирийское имя Набу-шезиб-

анни. С этого времени Эсархаддон называет себя «царем царей Мисира (Нижнего Египта), Паториса (Верхнего Египта) и Куша». 12 числа месяца Айру (апрель) 668 года до н. э. Эсархаддон сложил с себя правительственные полномочия. Он назначил своего внебрачного сына Шамаш-шум-укина наместником вавилонских провинций, а Ашшурбанапал унаследовал корону Ассирийской империи. Смена правителей побудила Тирхаку попытаться вернуть Египет. Менту-ем-ха, правитель Фив, приветствовал его как освободителя. Был также завоєван Мемфис, и в Фивах даже были начаты восстановительные работы. Но успех был недолгим: армия, отправленная Ашшурбанапалом, разгромила эфиопские войска, и Тирхака был вынужден бежать в Фивы, но не смог удержать их (около 667 г. до н. э.). Правда, несколько египетских князей, Неку, Пакруру из Писепта и Шарлудари из Таниса (Пелузий), теперь пытались свергнуть власть иностранца и вернуть Тирхаку, но ассирийские полководцы опередили их; Неку и Шарлудари были взяты в плен, а мятежные города подверглись суровому наказанию. Ашшурбанапал надеялся получить в Неку твердую поддержку своего правления и, вероятно, получив информацию о военных приготовлениях в Эфиопии, освободил его из плена, наградив богатыми подарками и восстановив в его княжестве.

[663-655 гг. до н. э.]

В 664-663 годах Тирхака умер; его преемником стал его пасынок Танут-Амен, который был уже в преклонном возрасте. Сон, обещавший ему двойную корону, побудил его, как он сам утверждает в надписи, в самом начале своего правления () вывести свою армию из Напаты против Египта. В Фивах он не встретил сопротивления; перед Мемфисом вражеские войска были разбиты, а город взят. В одном из этих сражений, вероятно, погиб Неку, самый могущественный из ассирийских вассалов: Геродот сообщает, что он был убит эфиопским царем, а согласно Манефону, он умер в 663 году до н. э. С другой стороны, попытка завоєвать города дельты не увенчалась успехом: но некоторые вассалы, в том числе Пакруру из Писепта, явились ко двору в Мемфисе. Надпись Танут-Амена рассказывает только о длинных теологических беседах, которые царь вел перед ними, и о том, как, после того как их хорошо угостили, каждый вернулся в свой город. О дальнейшем ничего не известно; из анналов Ашшурбанапала мы узнаём, что слабый принц, полностью находящийся под властью теологических фантазий, без единого выстрела покинул страну перед ассирийской армией и вернулся в свою землю. Это положило конец эфиопскому правлению навсегда (около 662 г. до н. э.): Фивы снова попали в руки ассирийцев, и богатая добыча была отправлена в Ниневию. Память об отступлении эфиопов сохранялась до позднего периода; жрецы рассказали Геродоту, что Шабак, представитель эфиопского правления, добровольно покинул Египет после пятидесяти лет правления в результате сна. Правда, они упустили из виду, что в результате этого страна попала в руки ассирийцев.

Следующая таблица поможет читателю разобраться в династиях этого весьма запутанного периода.

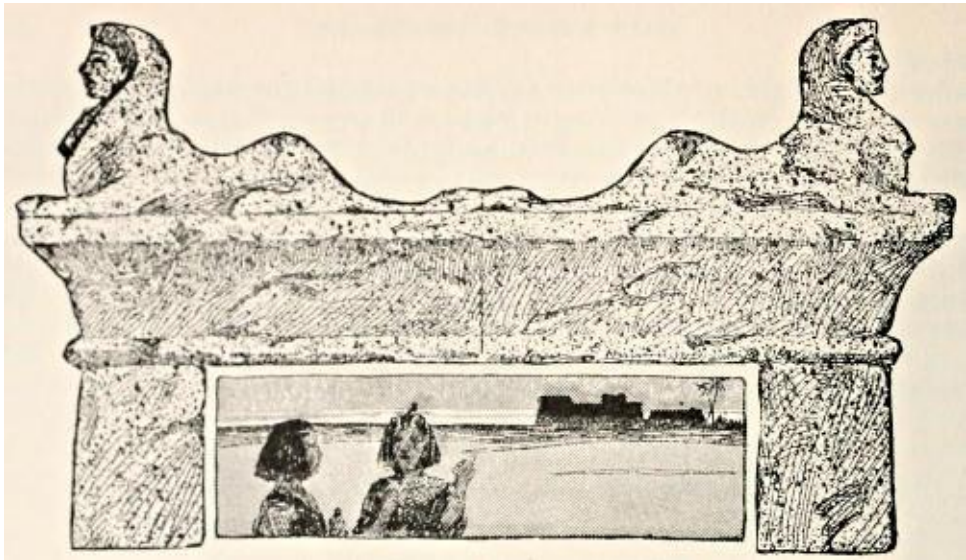
ТАБЛИЦА СОВРЕМЕННЫХ ДИНАСТИЙ

Даты	XXII династия	XXIII династия	XXIV династия	XXV династия
ДО Н	Бубаститы (Из памятников	Таниты (Из Манефона)	Саиты	Эфиопы

• Э •	в Мемфисе)				
800	1. Шашанк III (52 года) (Возможно, С. из Бусириса, из стелы Пьянки)	Петсебаст			
775	2. Памай (не менее 2 лет) (Возможно, П— из Бусириса, со стелы Пьянхи)	Уасаркен III (царь Бубастиса согласно стеле Пьянки)	Тэфнехт (Принц Саиса согласно стеле Пьянхи)	Пьянхи I	
	3. Шашанк IV (не менее 37 лет) (около 771-735).	Псамус (Согласно фиванским памятникам)		Кашта (муж Шепенапет, дочери царя Уасаркена [III?])	
750	Предшественник Бокхориса (Бакенранфа)	Зет (Общая продолжительность этой династии, согласно Африкану, 89 лет. 823-735 гг. ДО Н. Э.)	4. Бокхорис (из Мането, или Бакенранф, из памятников Мемфиса) правил, согласно Африкану, 6 лет, 734-726; согласно Евсевию, 44 года, 772-729 [?])		
725					
			6. Шабатах (716-705 [Манефон])	5. Шабак (728-717 [Манефон]; брат Амениритис, жены Пьянки II)	7. Тирхака (704-664; только до
700	XXVI династия.				

	Саиты (Данные согласно Манефону)			685 [Манефон]]
675	Стефинаты, 684-687 Нехепсос, 677-672 Неку I, 671-664 8. Псаммет I, 663-610 (Псамтек I стал царем всего Египта около 655 года)			Танут-Амен (664-663; правил 12 лет [Мането]]

Цифры 1, 2 и т. д. обозначают прямую преемственность признанных законных фараонов.[d](#)

ГЛАВА VIII. ЗАВЕРШАЮЩИЕ СЦЕНЫ

[Династии XXVI-XXXI: 655-332 гг. до н. э.]

И меч придет на Египет, и великая скорбь будет в Эфиопии, когда падут убитые в Египте, и они унесут ее множество, и ее основания будут разрушены. И те, кто поддерживает Египет, падут; и гордость его могущества падет: от башни Сиены они

падут в нем от меча, говорит Господь Бог. И они будут опустошены среди опустошенных стран, и города его будут среди разрушенных городов. — *Иезекииль XXX. 4, 6, 7.*

Великая нация в период своего упадка не погружается в полную незначительность, не предпринимая судорожных попыток восстановления. Такие попытки были предприняты Египтом в XXVI династии, когда на египетском троне сидели несколько монархов, которые напоминали о былых днях. Среди них особенно выделялись Псамметхик I (Псамметих) и Аахмес II, под благотворным правлением которых Египет добровольно открылся для торговли с внешним миром. Эти правители не построили ни одного долговечного памятника, сравнимого с пирамидами или лабиринтом, и не предпринимали попыток завоеваний, подобных тем, что совершали Техутимос и Рамсес. Но их правление ознаменовалось периодом национального процветания, которого Египет не знал несколько веков; оно также было примечательным тем, что в это время иностранцы впервые зафиксировали наблюдения, которые дошли до нас, касающиеся египетской истории и египетского народа. Поэтому мы рассмотрим некоторые детали этой династии, прежде чем перейти к краткому рассмотрению правления персов в Египте и еще более краткому анализу остальных династий. Этот обзор охватывает более трехсот лет. В течение этого периода центры мирового исторического влияния перемещаются из Ассирии в Вавилонию, из Вавилонии в Персию, а оттуда в Грецию, но Египет больше никогда не занимает своего прежнего положения. Его былая слава только делает его более желанным трофеем для завоевателей. Но сначала следует упомянуть яркий период правления Псамтека.

ПСАТМЕТ

[655-612 гг. до н.э.]

Это было уже не время Техутимеса и Рамсеса. Настала очередь Египта быть поработленным, то «мерзкой расой кушитов», то «мерзкой расой хета» (). Египетские памятники, в которых зафиксированы только победы, не смогли бы рассказать нам об истории этой беспокойной эпохи; только после расшифровки ассирийских надписей мы смогли узнать о двойном завоевании Египта царями Эсархаддоном и Ашшурбанапалом.

Князья дельты получили инвеституру от этих азиатских завоевателей, к которым они, возможно, испытывали меньшую неприязнь, чем к эфиопским царям. Однако дважды Египет был заново завоеван Тирхакой и его преемником Танут-Аменом. Но все эти последовательные вторжения разорвали узы, связывавшие номы с национальным единством; все, что осталось, — это Египет, разделённый на части, как феодальная Европа после вторжения норманнов.

Князья юга продолжали признавать власть эфиопской династии; князья дельты, которых было двенадцать, образовали своего рода федерацию, которую греческие авторы называют Додекархией. Но через пятнадцать лет князь Саиса Псамтек стал предметом подозрений со стороны своих коллег. Геродот рассказывает нам об этом случае.

«В самом начале своего правления оракул предсказал им, что тот из них, кто совершит возлияния в храме Гефеста (Птаха) с помощью медной чаши, получит власть над всем Египтом. Некоторое время спустя, когда они собирались совершить возлияния после принесения жертв в храме, первосвященник подал им золотые чаши, но ошибся в количестве и вместо двенадцати чаш принес только одиннадцать для двенадцати царей. Тогда Псамметих [Псамтек], который случайно находился в первом ряду, взял свой бронзовый шлем и использовал его для возлияний. Другие цари, размышляя над его поступком и оракулом и понимая, что он не действовал по заранее обдуманному плану,

решили, что было бы несправедливо казнить его; но они лишили его большей части его власти и сослали в болота, запретив ему покидать их или поддерживать какую-либо связь с остальной частью Египта.

«Обиженный этим оскорблением и решивший отомстить виновникам своего изгнания, он послал в Буто, чтобы проконсультироваться с оракулом Лето, самым правдивым из египетских оракулов. Ответ был таким, что он будет отомщен людьми из бронзы, пришедшими с моря. Сначала он не мог поверить, что люди из бронзы могут прийти ему на помощь, но вскоре после этого некоторые ионийские и карийские пираты, вынужденные зайти в Египет, вышли на берег, одетые в бронзовые доспехи. Египтянин побежал сообщить об этом Псамметиху, и, поскольку этот египтянин никогда не видел людей, вооруженных таким образом, он сказал им, что люди из бронзы, пришедшие с моря, грабят сельскую местность. Царь, поняв, что оракул сбился, заключил союз с ионийцами и карийцами и обещаниями убедил их принять его сторону. С помощью этих вспомогательных войск и египтян, которые остались ему верны, он сверг одиннадцать царей».

Верхний Египет подчинился без сопротивления, и имена эфиопских царей были стерты с фиванских памятников. Однако, похоже, у них остались некоторые сторонники, поскольку Псамметих взял в жены представительницу их расы, что было средством, используемым каждой династией для легитимизации своего узурпаторства. Он вознаграждал своих союзников, дав им территории около устья Нила в Пелусии, и сделал их своей почетной гвардией. Это не было нововведением: в течение долгого времени египетские цари привыкли нанимать иностранцев, и нет сомнений, что в местной армии было много солдат ливийского или эфиопского происхождения; но они были раздражены благосклонностью, проявленной к новоприбывшим, и эмигрировали в Эфиопию в количестве двухсот сот тысяч человек. Псамтек пытался удержать их, апеллируя к их патриотизму, но они ударили копьями по щитам и ответили, что пока у них есть оружие, они найдут свою страну там, где захотят обосноваться.

Эта массовая дезертирство принесла пользу Египту, который таким образом избавился от военного правления. Завоевания ведут к неизбежным репрессиям. Армии, как и все привилегированные классы, в конце концов становятся коррумпированными, а затем, бесполезными перед лицом врага, превращаются в тяжелое бремя и инструмент гражданской войны. Псамтек не имел причин сожалеть об этих солдатах, которые не смогли отразить иностранное вторжение.

Мирные усилия устранили последствия недавних бедствий; храмы были восстановлены; искусство засияло новым блеском; вся деятельность нации была направлена на торговлю и промышленность. Псамтек начал новую политику, открыв страну для иностранцев.

«Он принимал гостей, посещавших Египет, с гостеприимством, — говорит Диодор, — он был первым из египетских царей, кто открыл рынки для других народов и обеспечил большую безопасность мореплавателям».

Особое расположение пользовались греки, которые помогли завоевать трон. Воодушевленные примером ионийских и карийских авантюристов, чьи услуги он так хорошо оплатил, некоторые милетские колонисты бросили якорь с тридцатью кораблями у входа в Болбитинский залив Нила и основали там укрепленное торговое поселение. Чтобы облегчить торговые отношения в будущем, Псамметих доверил некоторых египетских детей грекам, поселившимся в Египте, чтобы они могли выучить греческий язык, и так появились переводчики, которые образовали отдельный класс в городах дельты. Согласно Диодору, Псамметих даже заставил своих собственных детей изучать греческий язык. С тех пор общение греков с египтянами стало настолько постоянным, что, по словам Геродота, с

момента правления Псамметиха мы с уверенностью знаем все, что происходило в этой стране.

Вступление на престол Псамметиха и XXVI династии датируется 655 годом до нашей эры, и только с этого периода мы имеем точные даты в истории Египта. Полная хронология XXVI династии была восстановлена по памятникам гробницы Аписа, обнаруженным Мариеттом-беем при раскопках Серапеума в Мемфисе и ныне хранящимся в Лувре. Эта хронология несколько отличается от той, которую можно было составить на основе списков Манефона, так что, по словам Де Руже, мы вынуждены не доверять цифрам, сохранившимся в этих списках, которые еще несколько лет назад считались непогрешимым критерием. Была сделана попытка восстановить их утраченный авторитет как инструмента хронологии, придав им бесспорный синхронизм. Согласно расчетам М. Био, восход звезды Сотис (Сириус), отмеченный в Фивах при Рамсесе III, в начале XX династии, пришелся бы на начало XIII века до н. э.

Псамтек датировал свое правление со смерти Тирхаки (664 г.), не принимая во внимание Додекархию, и это, несомненно, является причиной, по которой Геродот указывает его правление продолжительностью в пятьдесят четыре года, хотя на самом деле он правил только сорок четыре года. Он построил южный пилон храма Птаха в Мемфисе и перистильный двор, где кормили быка Аписа. Стены были покрыты барельефами, а колонны заменяли колоссы высотой в двенадцать локтей; вероятно, это были кариатиды, подобные тем, что можно увидеть в Фивах и Абу-Симбеле. Эти сооружения исчезли, как и все другие здания Мемфиса. Единственные памятники правления Псамтека, которые сохранились до наших дней, — это двенадцать колонн высотой двадцать один метр (около шестидесяти девяти футов), руины которых можно увидеть во дворе храма Карнак, где они образовывали двойной ряд. Только одна из этих колонн до сих пор стоит вертикально. Неизвестно, были ли они возведены, чтобы сформировать центральную аллею гипостильного зала, подобного залу Сети, или же они были предназначены для размещения символических изображений, которые служили египтянам военными знаменами, таких как баран, ибис, ястреб, шакал и т. д.

Псамтек и его преемники, хотя и не проживали в Фивах, восстановили его памятники и устранили последствия ассирийского вторжения. В Лувре и Британском музее хранятся многочисленные скульптуры сайтской эпохи, которая является одной из величайших эпох египетского искусства.

Во время правления Псамтека скифы, изгнав киммерийцев, вторглись в Азию и угрожали Египту. Псамтек предпочел откупиться от них деньгами, чем подвергать страну опасности вторжения, и варвары повернули назад на север. Но для защиты Египта на северо-востоке необходимо было закрепиться в Палестине, и поэтому Псамтек осадил город Ашдод.

ЕГИПЕТСКИЕ ПТИЦЫ

(Из памятников)

Эта осада, по словам Геродота, длилась двадцать девять лет, но, возможно, как полагает М. Масперо, переводчики Геродота хотели сказать, что взятие Ашдода произошло на двадцать девятом году правления Псамтека. Его сын Неку II, который унаследовал трон в 612 году, желая извлечь выгоду из перемен, произошедших в Азии, и восстановить господство Египта, дал сражение евреям и сирийцам под Мегиддо. Иосия, царь Иудеи, был убит, его сын Иоахаз, которого иудеи провозгласили царем, был свергнут Неку, который поставил на его место Елиакима, другого сына Иосии, и остался властелином всей Сирии. Но вскоре он обнаружил перед собой грозного противника, ибо царство Вавилона сменило царство Ниневии. Побежденный Навуходоносором при Кархемише на берегах Евфрата, Неку потерял все свои завоевания и поспешно вернулся в Египет.

Его имя остается связанным с предприятием, более важным, чем его военные походы. Два царя XIX династии, Сети I и Рамсес II, прокопали канал, соединяющий восточное русло Нила с Красным морем. Но либо из-за того, что этот канал не был достроен, либо из-за того, что он был засыпан песком, Неку захотел его восстановить. Канал начинался немного выше Бубастиса. По словам Геродота, при его прокладке погибло сто двадцать тысяч рабочих, и Неку прекратил работы вследствие оракула, который предупредил его, что он трудится на благо варваров; оракул сбылся, поскольку канал был достроен персами. В наши дни, когда возникла необходимость открыть прямое сообщение между Красным морем и Средиземным морем, работы начались с восстановления канала Неку, чтобы обеспечить пресной водой рабочих, рывших морской канал.

После отказа от своего проекта Неку задумал другой, который мог иметь еще более важные последствия. Он послал нескольких финикийских моряков в кругосветное плавание вокруг Африки.^b

«Финикийцы, — говорит Геродот, ^e — отплыв из Эритрейского моря, направились в Южное море. Когда наступила осень, они высадились в той части Ливии, где оказались, и посеяли зерно. Затем они дождались времени жатвы, собрали урожай и снова отправились в море. Проплыв таким образом два года, на третий год они обогнули столбы Геракла и, вернувшись в Египет, рассказали то, во что я не верю, но что другие, возможно, считают правдой: что, плывя вокруг Ливии, они видели солнце справа от себя».

Псамтек был хорошо известен классическим писателям под именем Псамметих. Старинный историк Диодор живописно описывает его вступление на престол. Мы предпочитаем процитировать старинный перевод Бута, 1700 год.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ САБАХ [ШАБАК] И ПСАММЕТИЧ

[728-612 гг. до н. э.]

«Спустя долгое время на престол взшел некий Сабах, эфиоп, превосходивший всех своих предшественников в почитании богов и доброте к своим подданным. Любой человек может судить и иметь явное доказательство его мягкого характера в том, что, когда законы выносили самый суровый приговор (я имею в виду смертную казнь), он изменил наказание и издал указ, согласно которому осужденные должны были работать в городах в цепях, и благодаря их труду он возвел много гор и проложил много удобных каналов; полагая, что таким образом он не только смягчит суровость наказания, но и вместо того, что было бесполезным, будет способствовать общественному благу благодаря услугам и труду осужденных.

«О его необычайной набожности можно судить также по его сну и отречению от престола; ибо покровительствующий бог Фив, казалось, говорил с ним во сне и сказал ему, что он не сможет долго править в Египте счастливо и процветающе, если не порежет на куски всех жрецов, когда он пройдет среди них со своей стражей и слугами; и поскольку этот совет повторялся часто, он наконец послал за священниками со всех концов и сказал им, что, если он останется в Египте еще надолго, то, как он понял, он вызовет недовольство Бога, который никогда прежде ни в снах, ни в видениях не приказывал ничего подобного. И что он предпочитает уйти и лишиться жизни, будучи чистым и невинным, чем вызвать недовольство Бога или наслаждаться короной Египта, запятнав свою жизнь ужасным убийством невинных.

«Итак, в конце концов, отдав королевство в руки народа, он вернулся в Эфиопию. После этого в течение двух лет в стране царила анархия, но народ погрузился в беспорядки, междоусобные распри и убийства друг друга, и двенадцать главных вельмож королевства соединились торжественной клятвой, создали сенат в Мемфисе и приняли несколько законов для лучшего управления и укрепления взаимного мира и верности, после чего взяли на себя королевскую власть и авторитет.

«После того как они очень дружно правили королевством в течение пятнадцати лет (в соответствии с соглашением, которое они взаимно поклялись соблюдать), они занялись строительством гробницы, где все они могли бы лежать вместе; так как при жизни они были равны по своей власти и авторитету и всегда относились друг к другу с любовью и уважением, так и после смерти (будучи похороненными вместе в одном месте) они могли бы продолжать прославлять свои имена в одном и том же памятнике.

«С этой целью они поставили перед собой задачу превзойти всех своих предшественников в величии своих произведений: возле озера Мирис в Ливии они построили четырехугольный памятник из полированного мрамора, каждый квадрат которого имел длину в фурлонг, для любопытных резьб и других произведений искусства, которым не было равных среди тех, кто пришел после них. Когда вы входите внутрь стен, перед вами предстает величественное сооружение, поддерживаемое колоннами, по сорок с каждой стороны. Крыша была сделана из цельного камня, на котором были искусно вырезаны стойла и кормушки для лошадей, а также другие прекрасные произведения искусства, расписанные и украшенные разнообразными картинками и изображениями; там же были изображены портреты царей, храмы и жертвоприношения в самых красивых цветах. Стоимость и величественность этой гробницы, начатой этими царями, были таковы, что (если бы они не были свергнуты до ее завершения) никто после них не смог бы превзойти их в величии и великолепии их творений. Но после того, как они правили Египтом пятнадцать лет, все они, кроме одного, лишились своей власти следующим образом.

[655-612 гг. до н.э.]

«Псамметик Саитский [Псамтек I], один из царей, чья провинция находилась на побережье моря, торговал со всеми видами купцов, особенно с финикийцами и греками; благодаря чему обогатил свою провинцию, продавая свои собственные товары и импортируя товары из Греции, он не только стал очень богатым, но и завоевал интерес со стороны других народов и князей; по этой причине он вызвал зависть остальных царей, которые из-за этого начали войну против него. Некоторые древние историки рассказывают историю о том, что оракул сказал этим князьям, что тот из них, кто первым выльет вино из медного сосуда богу, почитаемому в Мемфисе, станет единственным правителем всего Египта. Когда жрец принес из храма двенадцать золотых кубков, Псамметик снял шлем и вылил из него вино в

качестве жертвы. Увидев это, его соратники не стали казнить его, а лишили престола и сослали в болота, граничащие с морским побережьем.^[10]

«Независимо от того, было ли это причиной, или же, как сказано выше, зависть, что породило между ними разногласия и разнородность, известно, что Псамметик нанял солдат из Аравии, Кarii и Ионии и в сражении под городом Монимфис одержал победу. Некоторые из царей другой стороны были убиты, а остальные бежали в Африку и не смогли больше бороться за королевство.

«Псамметик, теперь завладевший всем, построил портик у восточных ворот храма в Мемфисе в честь этого бога и окружил храм стеной, поддерживаемой колоссами высотой двенадцать локтей вместо колонн. Он также награждал своих наемных солдат многими крупными наградами сверх обещанного им жалованья».^с

Возвращаясь к более поздним и менее доверчивым историкам, следует отметить более авторитетное описание этого периода.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ЕГИПТЕ

[655-612 гг. до н.э.]

Когда Ашшурбанапал вновь подчинил мелких князей Египта, он никого не благоволил так, как Неку I из Саиса. Последний пал в битве против Танут-Амена; его сын Псамтек искал убежища у ассирийцев и был возвращен ими в свои владения. Как только обстоятельства позволили, он сбросил ассирийское иго, как и его отец до него. В то же время он взялся за дело, начатое его предшественником и отважным предком Тефнехтом, — подавление мелких князей и объединение Египта. Царь Гиг из Лидии послал ему на помощь войска карийцев и ионийцев, которые, по словам Геродота, в один день высадились в Египте и были использованы Псамтеком против его соперников. Вскоре за первыми наемниками последовали другие; они составили костяк армии царя.

Что происходило в отдельных сражениях, неизвестно; то есть мы не имеем сведений о битвах с ассирийцами. Но около 655 года цель была достигнута, Египет освобожден и объединен. Чтобы надежно укрепить свою власть, царь женился на Шепенапет, дочери царицы Амениритис.

Главными противниками нового правителя, несомненно, были наемники, организованные в воинскую касту, Ма, которые делили землю под властью Эфиопии и Ассирии. Геродот сообщает, что 240 000 воинов, «стоявших слева от царя», ушли в Эфиопию под предводительством Псамтека, поскольку в течение трех лет их не сменяли в гарнизонах; царь, поспешивший за ними, не смог убедить их вернуться. Хотя это повествование является легендарным в отношении огромного числа, факт явно вписывается в историю того времени, что значительное число воинской касты, не желавшее подчиняться новым обстоятельствам, покинуло землю, было принято царем Напаты и колонизировало долину Верхнего Нила.

Уже упоминалось, что Псамтек, чтобы защитить себя от нового вторжения ассирийцев, также обратился к Азии. Как Аахмес I после изгнания гиксосов инвестировал Шерохан в Палестине, так и Псамтек в течение двадцати девяти лет вел войну против Ашдода, пока не завоевал город. Его власть, по-видимому, не простиралась дальше Первого водопада на юг. Его внук, Псамтек II, первым выступил против Эфиопии. К его времени, вероятно, относятся надписи, которые греческие, карийские и финикийские солдаты высекли на колоссах храмов Абу-Симбел на своих родных языках. Южная Нубия не оставалась завоеванной долго. Три крепких пограничных крепости — Элефантина на юге, Дафна на востоке и Марей на западе — в основном определяли границы египетской власти.

Новое государство, в котором после двухсот лет анархии вновь было установлено царство фараонов, было лишь частично национальным. Династия, как следует из ее названия, была не египетского происхождения, а, по всей вероятности, ливийского. Войска, которые могли собрать князья Саиса, несомненно, в основном состояли из ливийцев, а особую особенность им придавали наемники, прибывшие через море (). В последующие дни ионийцы и карийцы, которые были колонизированы в «лагерях» между Бубастисом и Пелузием, на самой опасной восточной границе страны, были главной опорой трона; при Уах-аб-Ра [Априсе] их число увеличилось до тридцати тысяч человек.

[612-596 гг. до н.э.]

Таким образом, с самого начала цари восстановления, как и Птолемеи, занимали гораздо более свободное положение, что подняло их далеко над их предшественниками. Они, явно намеренно, держали Саис в качестве резиденции, хотя Мемфис почитался как старейшая столица, а сооружения строились на руинах древних Фив. С полным осознанием они вели значительную торговлю. Сын Псамтека, Неку II (612-596), начал строительство канала от Нила до Красного моря; он отправил финикийский флот в кругосветное плавание вокруг Африки, который вернулся в Средиземное море через три года после отправления из Суэца. Флот содержался как в Аравийском, так и в Средиземном море.

С греками, которые в прежние времена приезжали в Египет только как пираты или были загнаны туда штормом, но теперь стремились привлечь все побережья Средиземного моря к своей торговле, были начаты активные переговоры. От торговли с ними возникла многочисленная каста переводчиков. Неку II посылает подношения в Брандихе; к его сыну, Псамтеку II, прибыла посольская делегация из Элиды; египетские божества начинают становиться известными грекам: в то время как среди азиатов, близких по культуре и

обычаям к египтянам, царили активные переговоры и взаимное влияние, эллины, имевшие совершенно иной характер и более активные в торговле, оставались чужими для египтян. К ним относились с подозрением и накладывали на них ограничения. Аахмес был первым, кто выделил им место в Навкратисе, к югу от Саиса, где они приобрели влияние и собственность и могли организоваться в независимую общину, но греческим купцам было запрещено плавать по любой другой ветви Нила.

Внутренне XXVI династия во всех смыслах несет на себе отпечаток восстановления. Наступил конец страшного кризиса, и были предприняты попытки восстановить условия, которые, как считалось, существовали в древности, то есть ввести абстрактный идеал.

Поэтому египтяне держались более отстраненно от чужеземцев, тщательно соблюдая все законы чистоты; бог чужеземцев и враждебных сил, до сих пор почитаемый Сет, был изгнан из пантеона, его имя и изображение были стерты повсюду; также полностью исчезли божества, заимствованные у сирийских соседей, такие как Астарт и Анаты. В религии они вернулись к древнейшим законам; были возрождены мертвые формулы гробниц пирамид, вновь возобновилось поклонение ранним царям Мемфиса, Снеферу, Хуфу, Саху-Ра.

Искусство этого периода носит архаичный характер, представляя собой период расцвета, отличающийся совершенством и аккуратностью форм, но лишенный всякой оригинальности. В письменности делается все возможное, чтобы подражать старым образцам. Естественно, что таким образом не удавалось достичь относительной простоты и естественности древних времен; наследие тысячелетнего развития, бесконечная магия и формальный ритуал с его утомительной системой и мертвыми фразами тщательно сохраняются и постоянно усиливаются. Если, согласно греческим сообщениям, египтяне верили в переселение душ после смерти в тело другого существа и в то, что, пройдя через все животные на суше, в море и в воздухе, они возвращались к человеческой форме через три тысячи лет, то эта доктрина, которая нигде не встречается в оставшихся нам рукописях, могла возникнуть в это время из их представлений об условиях после смерти и о единственности всей жизни. Египет, который познали греки, был хорошо сохранившейся мумией первобытных времен и впечатлял их своей уникальностью и древностью, а также стимулировал каждого отдельно, но уже не был в состоянии пробудить новую жизнь.

В социальной сфере, если верить сообщениям греков, произошло разделение классов. Священники составляли исключительную касту, и их достоинство было наследственным; за ними следовал полностью исключительный класс воинов, состоящий из потомков Ма, разделенных на каласирианцев и гермотибианцев. Священники, как и воины, освобождены от налогов и владеют большей частью сельскохозяйственных земель, которые они сдают в аренду крестьянам за большие суммы денег. Остальная часть земли является королевским владением. Далеко ниже привилегированных классов находится масса народа, рабочие, производители, купцы, наконец, пастухи дельты, семитского происхождения, и жители дельты, живущие рыболовством в болотах, которые в Египте считаются нечистыми. Теоретически здесь также можно сформулировать принцип, что каждый класс образует отдельную касту; что на практике это не выполнялось, нам сообщает Геродот в II, 147, что пастухи, будучи нечистыми, могли вступать в брак только внутри своей касты. Из этого мы можем сделать вывод, что другим кастам было разрешено вступать в смешанные браки.⁴

ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И КОНЕЦ ЕГИПЕТСКОЙ АВТОНОМИИ

С XXVI династией занавес практически навсегда опустился над египетской автономией. Повторяющаяся борьба между Азией и Африкой возобновилась с катастрофическими последствиями для народа Нила. Здесь мы имеем дело с персидским завоеванием, и в частности с деяниями Камбиза.

Неку правил шесть лет по Манефону, шестнадцать по Геродоту, и эта последняя цифра подтверждается двумя стелами во Флоренции и Лейдене. Его сын, Псамметх II, которого Геродот называет Псаммисом (596), правил шесть лет и умер по возвращении из похода в Эфиопию. Вероятно, именно во время этой экспедиции некоторые греческие и финикийские солдаты вырезали свои имена на ноге одного из колоссов Абу-Симбела.

Во время правления Уах-аб-Ра, Априса греков (591), Сирия и Палестина были ареной важных событий. Мелкие народы этих стран, угрожаемые халдейской властью, пытались спасти свою независимость с помощью Египта.

Навуходоносор, царь Вавилона, сначала направил свои войска против царства Иудеи, которое пало, несмотря на запоздалое и неэффективное вмешательство Египта. Иерусалим был взят, а народ увезен в плен. Еврейские пророки, в гневе на Египет, предсказали ему судьбу Иудеи, и, если верить Иосифу Флавию, эти предсказания сбылись, поскольку, как говорят, Навуходоносор победил и убил Уах-аб-Ра и покорил Египет. Но Геродот и Диодор ничего не говорят об этом поражении и, напротив, упоминают о морской победе Априса над финикийцами и киприотами. Исследования М. Ренана привели к обнаружению руин храма, построенного египтянами в Гебеле, что, по-видимому, указывает на то, что они оставались хозяевами страны.

Уа-аб-Ра предпринял попытку подчинить греческую колонию Кирену, и, поскольку было бы неразумно противопоставлять своих греческих союзников народу той же расы, он использовал в этой экспедиции только местные войска, которая оказалась неудачной (). Египетские солдаты, полагая, что он предпринял ее исключительно для того, чтобы избавиться от них, подняли восстание. Чтобы успокоить их, Уах-аб-Ра послал офицера по имени Аахмес, чья добродушие понравилось солдатам. Когда он обращался к ним, один из них надел ему на голову шлем, и раздался крик, что они должны сделать его своим царем. Он не стал ждать, пока его уговорят, и сразу же встал во главе мятежников.

Узнав об этом, Уа-аб-Ра приказал одному из тех, кто остался ему верным, привести Аахмеса к нему живым или мертвым. Посланник получил только очень грубый ответ, и когда он вернулся, царь приказал отрезать ему нос и уши. Возмущенные египтяне немедленно перешли на сторону Аахмеса. Уа-аб-Ра во главе своих карийских и ионийских наемников, числом в тридцать тысяч, выступил против мятежников, которые были гораздо более многочисленны. Он был разгромлен и в качестве пленника возвращен в дворец, который ранее принадлежал ему. Аахмес сначала относился к нему с уважением, но египтяне настаивали, чтобы он был выдан им и задушен. Он правил двадцать лет. Аахмес похоронил его в гробнице его предков и женился на дочери Псамтека II, чтобы присоединиться к династии Саитов.

Аахмес II, хотя и стал царем в результате реакции национальной партии против иностранца, тем не менее проявил к грекам еще большее благосклонность, чем его предшественники. Он разрешил им поселиться в Навкратисе, на Канопическом рукаве Нила, и построить храмы своим богам. Один из этих храмов, Эллинаион, был построен на

общественные средства главными греческими городами Азии. Отдельные храмы были посвящены Аполлону милесийцами, Гере самайцами и Зевсу эгинянами. Аахмес отправил свою статую в несколько городов Греции, а когда храм в Дельфах был уничтожен пожаром, он пожелал внести свой вклад в сбор средств на его восстановление и предложил талант квасцов из Египта. Он заключил союз с киренцами и женился на одной из дочерей этой страны; он также вступил в союз с Поликратом, тираном Самоса, и с Крезом, царем лидийцев. Он не вел войн, за исключением войны с киприотами, которых он подчинил данью. В основном он занимался, как и Псамтек, развитием торговли Египта. Как и он, он воздвиг памятники в Саисе и Мемфисе, которые больше не существуют, но о которых Геродот говорит с восхищением. В Лувре находится монолитная капелла из розового гранита, датируемая правлением Аахмеса, а в Британском музее хранится саркофаг одной из его жен, царицы Анхнес, которая долгое время проживала в Фивах. Считается, что гипогей Ассасифа, недалеко от Гурны, относятся к сайтской эпохе. Один из них по своим размерам и богатству не уступает ни одной из гробниц Бибан-эль-Молука. Это гробница первосвященника, который был одновременно и королевским чиновником.

Аахмес был не более чем солдатом удачи, и, по-видимому, торжественный этикет древних египетских царей утомлял его. Проведя утро в отправлении правосудия, он остаток времени проводил за столом со своими друзьями. Некоторые придворные указывали ему, что он подрывает свой авторитет. Он отвечал, что тетива лука не может быть всегда натянута. В начале своего правления он был презираем из-за своего скромного происхождения. Поняв это, он переплавил золотую чашу, в которой мыл ноги, сделал из нее золотую статую бога и предложил ее для публичного поклонения.

«Так было со мной, — сказал он, — я был плебеем, а теперь я ваш царь; окажите же мне честь и уважение, которые мне полагаются». Народ понял аллегорию и в конце концов привязался к этому разумному человеку, который серьезно относился к своей профессии царя. Именно от него, по словам Геродота, афиняне позаимствовали свой знаменитый закон против праздности.

«Он приказал каждому египтянину ежегодно заявлять номарху о своих средствах к существованию. Тот, кто не соблюдал закон или не мог доказать, что живет честным трудом, карался смертью. Афинянин Солон позаимствовал этот закон у Египта и ввел его в Афинах, где он действует до сих пор, потому что он мудрый и в нем нет никаких недостатков».

Геродот говорит, что Египет никогда не был счастливее и процветал больше, чем во время правления Аахмеса, и что в то время в этой стране было двадцать тысяч густонаселенных городов и деревень.

Все это процветание должно было исчезнуть в один день, потому что Египет был на грани гибели, как Ниневия, Иерусалим, Сарды и Вавилон, без предварительного упадка, в результате одной из тех внезапных и сокрушительных бурь, которые сметают монархии.

В Азии только что возникла новая империя. Персия поглотила Мидию и подчинила себе Халдею и Малую Азию. Лидия пала так быстро, что Аахмес не смог прийти на помощь своему союзнику Крезу. Кир, основатель Персидской империи, оставил Египет в покое, и тот постарался не вызывать беспокойства; но его сын Камбиз почувствовал необходимость расширить свои владения, и, поскольку при отсутствии причин для войны всегда найдутся предлоги, вот тот, который он привел, или который, возможно, был придуман задним числом.

Говорили, что Кир попросил Аахмеса прислать ему лучшего врача по заболеваниям глаз, которого можно было найти в его владениях. Этот врач хотел отомстить египетскому царю, который оторвал его от жены и детей, чтобы отправить в Персию. Он убедил Камбиза

потребовать дочь Аахмеса, рассчитывая на отказ, который несомненно будет расценен как оскорбление. Аахмес хорошо знал, что Камбиз не сделает его дочь царицей, а превратит в рабыню гарема; он послал дочь Уах-аб-Ра. Та раскрыла уловку персидскому царю и потребовала от него отомстить за своего отца, убийцей которого был Аахмес. Камбиз пришел в ярость и решил начать войну с Египтом.

Пустыня, которую армия не могла пересечь менее чем за три дня марша, защищала Египет со стороны Азии. Следуя совету Фанеса, греческого офицера и дезертира из египетской армии, Камбиз обеспечил себе союз с арабским царем, который разместил верблюдов, нагруженных мешками с водой, вдоль всего маршрута, по которому должны были следовать персы. Город Пелузий, который был ключом к Египту, был осажден Камбизом. Полиен рассказывает, что он велел собрать собак, кошек и ибисов и поставить их перед своей армией; египтяне не осмелились стрелять из луков из-за боязни поразить священных животных, и город был взят без сопротивления. Аахмес только что умер после сорока четырех лет правления (528 г.). Его сын Псамметх III, Псамметит у Геродота, вышел навстречу врагу. Греческие и карийские наемники, находившиеся на службе у египетского царя, узнав о предательстве своего бывшего вождя Фанеса, отомстили его детям.

«Они привели их в лагерь, — пишет Геродот, — и, поставив между двумя армиями миску, перерезали им горло на глазах у их отца, смешали их кровь с вином и водой в миске и, когда все вспомогательные войска выпили, бросились в бой».

Сражение было ожесточенным и кровавым; многие погибли с обеих сторон, но в конце концов египтяне потерпели поражение и в беспорядке бежали в Мемфис. Камбиз призвал город сдаться; толпа уничтожила митиленский корабль « », на котором плыли послы, убила его экипаж и протащила их тела по цитадели. Город был взят, а Псамтек приведен к завоевателю. Он правил всего шесть месяцев.

ЗВЕРСТВА КАМБИЗА

[525 г. до н. э.]

Камбиз обошелся с ним с крайней жестокостью и приказал привести его перед город вместе с некоторыми другими египтянами.

«Дочь царя, — пишет Геродот, — была одета как рабыня и отправлена с кувшином в руках на поиски воды вместе с несколькими другими молодыми девушками из знатных семей. Они прошли, плача, мимо своих плененных отцов, которые стонали от унижения. Псамметит [Псамтик III] увидел их и опустил глаза к земле. Затем Камбиз велел провести перед ним своего сына и две тысячи молодых людей того же возраста с веревками на шеях и удилами во рту. Их вели на смерть, чтобы отомстить за митиленцев, убитых в Мемфисе, ибо королевские судьи постановили, что за каждого убитого в тот раз человека должно быть казнено десять египтян из первых семей. Псамметит увидел их и узнал своего сына, но в то время как другие египтяне вокруг него плакали и сетовали, он сохранял то же выражение лица, что и при виде своей дочери. Когда молодые люди прошли, он заметил старика, который обычно ел за его столом. Этот человек, лишенный своего имущества и вынужденный жить на милостыню, умолял о пощаде солдат и даже Псамменита и египетских пленников, приведенных на окраину города. Псамменит не мог сдерживать слез; он бил себя по голове и звал своего друга. Трое стражников, назначенных охранять его, сообщили об этом Камбизу. Тот был удивлен и послал гонца к Псаммениту, который спросил его:

«Камбиз, твой господин, спрашивает, почему, не заплакав и не застонав, когда ты видел, как твою дочь обращались как с рабыней, а твоего сына вели на казнь, ты проявляешь интерес к судьбе этого нищего, который, насколько мы знаем, не является ни твоим родственником, ни союзником».

Он ответил: «Сын Кира, несчастья моего дома слишком велики, чтобы плакать о них, но судьба друга, когда-то счастливого, а в старости вынужденного просить милостыню, кажется мне достойной слез».

«Этот ответ был передан и показался справедливым. Египтяне говорят, что Крез, прибывший в Египет в свите Камбиза, заплакал, и персы, которые были там, тоже заплакали. Даже Камбиз почувствовал некоторую жалость. Он приказал привести Псамменита к нему и его сына, чтобы исключить его из числа тех, кто должен был быть казнен.

Те, кого послали искать ребенка, не нашли его живым; он был убит первым. Они подняли Псамменита и привели его к Камбизу. Он остался в свите и не подвергся насилию. Ему даже вернули бы власть над Египтом, если бы он не был заподозрен в подстрекательстве к беспорядкам; ибо персы обычно чтят детей царей и возвращают им троны, утраченные их отцами. Но Псамменит, вступив в заговор, получил свое наказание. Камбиз признал его виновным в подстрекательстве египтян к восстанию, и он выпил бычьей кровью и умер на месте.

«Из Мемфиса Камбиз отправился в Саис, и как только он достиг гробницы Амасиса [Аахмеса], он приказал эксгумировать труп, избивать его палками, вырывать волосы и бороду, колоть его прутьями — короче говоря, подвергать его всевозможным надругательствам. Палачи вскоре устали издеваться над безжизненным телом, из которого они не могли ничего вырвать, так как оно было забальзамировано. Тогда Камбиз приказал сжечь его, не уважая святыни. Действительно, персы верят, что огонь — это бог, и ни их закон, ни закон египтян не разрешают сжигать мертвых. Таким образом, Камбиз совершил в этом случае поступок, который осуждается законами обоих народов».

Нарушая гробницу человека, узурпировавшего трон Египта, Камбиз, возможно, рассчитывал на то, что сможет сплотить легитимистов, поскольку таким образом он представил себя мстителем и наследником Уа-аб-Ра. Из надписей на статуэтке в Ватикане следует, что в первые дни своего завоевания он старался не оскорблять религию побежденных. Он приказал эвакуировать великий храм Нит, где разместились некоторые персидские войска, и отремонтировал его за свой счет. Он даже проявил такое рвение, что был посвящен в тайны Осириса. Но это явное и полностью политическое почтение не могло длиться долго.

СМЕРТЬ ПСАММЕТИХА [ПСАМТЕКА III]

Религиозные символы египтян, внешние формы их поклонения вызывали глубокое отвращение у персов, чья религия во многом напоминала строгий монотеизм семитских народов. Эта антипатия, которая только ждала случая проявиться, вспыхнула после неудачной экспедиции Камбиса против Эфиопии. Вместо того чтобы подняться по Нилу до Напаты, он выбрал более короткий путь через пустыню.

Провизия закончилась, и его солдаты были вынуждены пожирать друг друга. Он вернулся, потеряв много людей, а затем узнал о полном уничтожении другой армии, которую он послал против аммонитян и которая была погребена под вихрями песка. Он был возмущен этой катастрофой, и, поскольку египтяне, естественно, приписали ее мести богов, его ярость обрушилась на египетскую религию.

«От Асуана до Фив и от Фив до Мемфиса, — говорит Мариетт, — он проложил свой путь разрушениями: храмы были опустошены, гробницы царей вскрыты и разграблены». Мумия царицы Анхнес, жены Ахмеса, была вырвана из саркофага в глубине погребальной усыпальницы за Рамессеумом и сожжена, как и мумия самого Ахмеса. Когда этот саркофаг, который сейчас находится в Лондоне, был обнаружен французским офицером, в нем были найдены останки обугленных костей, по словам Шампольона Фигеака, некоторые из которых сохранили следы позолоты.

«Когда Камбиз вернулся в Мемфис, — говорит Геродот, — бог Апис, которого греки называют Эпафос, явился египтянам. Как только он показался, они надели свои самые богатые одежды и устроили большие празднества. Камбиз, полагая, что они радуются неудаче его войска, вызвал к себе магистратов Мемфиса и спросил их, почему, не проявив радости, когда впервые увидели его в своем городе, они проявляют ее теперь, после его возвращения и после того, как он потерял часть своей армии. Они ответили ему, что их бог, который обычно очень долго не появлялся, только что явился, и что египтяне привыкли праздновать это явление публичными торжествами. Услышав это, Камбиз сказал, что они лгут, и наказал их смертью за ложь. Когда их убили, он приказал священникам явиться к нему и, получив от них тот же ответ, сказал им, что если какой-либо бог проявляет себя

египтянам, то он не будет скрываться от него, и приказал им привести к нему Аписа. Священники немедленно отправились на его поиски.

«Этот Апис, который является тем же самым, что и Эпаф, рождается от коровы, которая не может больше рожать потомство. Египтяне говорят, что эта корова зачинает Аписа от молнии, которая спускается с неба. Вот отличительные признаки теленка, которого они называют Аписом: он черный, с белым квадратом на лбу; на спине у него изображение орла, на языке — жука, а волосы на хвосте у него двойные.

«Как только жрец привел Аписа, Камбиз, как сумасшедший, вытащил меч, чтобы пронзить ему живот, но ударил только по бедру. Затем, начав смеяться, он сказал жрецам:

«О, тупицы, разве бывают такие боги, сделанные из плоти и крови и уязвимые для удара стали? Этот бог достоин египтян, но вам нечего радоваться тому, что вы попытались посмеяться над нами».

«После этого он приказал избить их для этой цели назначенными людьми и приказал убить всех египтян, которые праздновали праздник. Так празднества прекратились, а священники были наказаны. Апис, раненный в бедро, умирал, лежа в храме, и когда он умер, священники похоронили его, не сообщая об этом Камбизу. Что же касается самого Камбиза, то, по словам египтян, он, и без того не отличавшийся здравым смыслом, с тех пор был поражен безумием в наказание за свое преступление».

Среди погребальных стел Аписа, найденных Мариеттом при раскопках Серапеума в Мемфисе и хранящихся ныне в Египетском музее Лувра, есть две, связанные с фактами, описанными Геродотом: одна, надпись на которой почти нечитаема, содержала эпитафию Аписа, умершего во время правления Камбиза и родившегося, по-видимому, в двадцать пятом году правления Аахмеса. Согласно каталогу, у нас есть его саркофаг, изваянный по приказу Камбиза. Другая — эпитафия быка, умершего в четвертый год правления Дария.

«Мы полагаем, — говорит М. де Руже, — что это тот же самый Апис, которого Камбиз в ярости ранил, когда, возвращаясь из неудачной эфиопской экспедиции, он застал египтян, предающихся ликованию, сопровождавшему торжества по случаю теофании нового Аписа (в 518 г. до н. э.)». Если это так, то этот Апис должен был прожить после ранения почти пять лет.

[522-332 гг. до н. э.]

Дарий хотел исправить ошибки своего предшественника и попытался примирить египтян. Он казнил сатрапа Арианда, чья тирания уже вызывала восстания, и, узнав, что Апис только что умер, присоединился к общественному трауру и пообещал сто талантов золота тому, кто найдет нового Аписа. Он посетил великий храм Птаха и хотел бы поместить свою статую там рядом со статуей Сесостриса [Рамсеса II]. Жрецы сказали ему, что он еще не сравнится с подвигами Сесостриса, поскольку не покорил скифов. Дарий не обиделся на эту демонстрацию национальной гордости; он просто ответил, что если проживет столько же, сколько Сесострис, то постарается сравниться с ним. Он построил великий храм Амона, руины которого сохранились до наших дней, в оазисе Фивы. Наконец, он завершил строительство канала, который Сети I и Неку II хотели проложить между Нилом и Красным морем. По словам Диодора, его память почиталась египтянами, которые причислили его к числу своих великих законодателей.

Однако персидские цари, составлявшие XXVII династию, не смогли завоевать признание Египта. В отличие от царей-пастухов, они не приняли его религию, язык, письменность и обычаи, и поэтому всегда оставались для него чужаками. Их власть редко была деспотичной,

но все же она прерывалась восстаниями, которые всегда находили поддержку в греческих республиках.

Спустя сто двадцать лет Египет восстановил свою независимость под властью трех местных династий: XXVIII, XXIX и XXX. Но через шестьдесят четыре года он снова ее утратил из-за трусости своего царя, который бежал в Эфиопию, не вступив в бой, как Менептах бежал перед Нечистым. Египет был во второй раз завоеван персами, и Охус возобновил безумства и грабежи Камбиса (340 г. до н. э.).^b

XXVIII династия считается состоящей из одного только царя, поскольку после его смерти власть перешла к князьям Мендеса. Этот царь был Амен-рут (Амиртай), 405-399 гг. до н.э., сын Паусириса и внук того Амиртая, который был союзником Инаруса из Ливии. Амен-рут восстал против Персии и стал независимым после смерти Дария II.

Ниа-фаа-рут I, князь Мендеса (399-393), сменил Амен-рута. Он и его преемники — Хакер (393-380), Псамут (380) и Ниа-фаа-рут II (379) — образовали XXIX династию и, заключая союзы с врагами Персии, продолжали поддерживать местное правление в Египте.

Такое положение дел сохранялось и при XXX династии, правившей в Себеннитусе. При первом царе, Нехт-Хор-хебе (Нектанебо I), персы, насчитывавшие двести тысяч воинов, с помощью греческого полководца Ификрата и двадцати тысяч его соотечественников предприняли отчаянную попытку вторгнуться в дельту, но Нектанебо разгромил их под Мендесом. Эта победа обеспечила Египту мир и независимость на несколько лет, в течение которых возродились искусство и торговля.

Правление Тахуса было коротким (364-361), и ему пришлось решать как внутренние, так и внешние проблемы. Он умер в изгнании при дворе Артаксеркса. Нехт-неб-эф (Нектанебо II), 361-340, положил конец своей династии и империи фараонов, просуществовавшей более четырех тысяч лет, поддавшись персам под предводительством Оха (Артаксеркса III).^a

[около 322 г. до н. э.]

Неудивительно, что после восьми лет правления этой второй персидской династии Александр был принят как освободитель и провозглашен сыном Амона, то есть законным преемником древних царей Египта. Самый способный из его полководцев, Птолемей, сын Лага, основал династию, которая, несмотря на свое иностранное происхождение, может считаться такой же национальной, как династия Рамсесов или царей Саитов. Греческое влияние не ощущалось за пределами Александрии. Лагиды уважали религии и обычаи Египта, который стал самым важным из греческих царств, сохранив при этом свою первоначальную цивилизацию. Он сохранил ее даже под властью Рима; и если бы мы не читали надписи, мы никогда не догадались бы, что храмы Эсне, Эдфу, Дендера и Филадельфия относятся к временам Лагидов, Цезарей и Антонинов. Окутанный великим римским единством, Египет не сожалел о своей независимости. Александрия была вторым городом мира, столицей Востока. Философское движение, центром которого она была, стало важным фактором в разработке христианского догмата. Но установление новой религии стало смертельным ударом для древнего Египта, потому что народ умирает, когда он отрекается от своих богов. Эдикты христианских императоров, предписывающие разрушение храмов, нанесли последний удар египетскому искусству. Те памятники, которые не были полностью разрушены, были искажены, чтобы удовлетворить потребности нового культа.

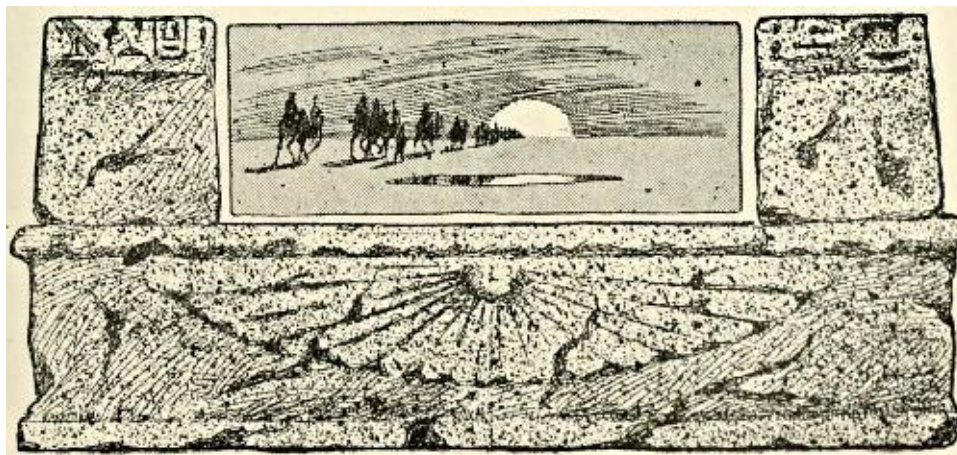
Затем последовало завоевание мусульманами, которые продолжили войну против руин. Наконец, в наши дни внедрение западной цивилизации в Египет нанесло памятникам больше вреда, чем все остальное. Когда наместник хочет построить казармы или сахарный завод, он берет камни из храмов; это позволяет сэкономить средства.

Так сбылось печальное предсказание египетского философа, чьи труды носят имя Гермеса Трисмегиста:

«О Египет, Египет, от твоей религии останутся лишь смутные истории, в которые потомки откажутся верить, и слова, высеченные на камне, рассказывающие о твоей набожности. Скифы, индийцы или другие варварские соседи будут жить в Египте. Божество вновь вознесется на небеса. И Египет станет пустыней, овдовевшей от людей и богов».^{[b](#)}

СНОСКИ

[\[10\]](#) [Геродот рассказывает эту историю несколько иначе.]

ГЛАВА IX. НАВЫ И ОБЫЧАИ ЕГИПТЯН

Если бы я хотел одним словом охарактеризовать особенности и доминирующие черты египетского менталитета — как бы неудовлетворительны ни были такие общие определения в других отношениях — я бы сказал, что интеллектуальное

превосходство этого народа заключалось в его научной глубине, в понимании, которое проникало или стремилось проникнуть с помощью магии во все глубины и тайны природы, даже в ее самые сокровенные бездны. Весь ум и характер египтян были настолько научны, что даже архитектура этого народа имела астрономическое значение, гораздо большее, чем у других народов древности. Я уже имел возможность говорить о глубоком и таинственном значении их отношения к мертвым. Во всех естественных науках, в математике, астрономии и даже в медицине они были учителями греков; и даже самые глубокие мыслители среди последних, пифагорейцы, а затем и сам великий Платон, черпали у них первые элементы своих учений или, по крайней мере, уловили первые очертания своих могущественных спекуляций. Здесь, в месте зарождения иероглифов, находилась главная резиденция мистических таинств; и Египет всегда был родиной многих истинных, а также многих ложных секретов. — ШЛЕГЕЛЬ.

Обычаи, отличные от наших, всегда кажутся странными. Так, египтяне, если смотреть на них с точки зрения современного европейца или американца, кажутся очень странным народом. А поскольку на основе недостаточных данных легко делать обобщения, то многие представления об египтянах, которые, по-видимому, не отражают их реальную сущность, стали общепринятыми. Чем больше изучаются памятники и чем ближе мы подходим к реальной жизни народов древности, тем менее странными кажутся эти народы.

Действительно, когда мы начинаем ценить их жизнь такой, какая она была на самом деле, удивительно, насколько «естественной» и человеческой она кажется. Конечно, у каждого народа и в каждой последующей эпохе были свои особенности, но в целом народы самой далекой древности лучше всего понимать, если думать о них как о очень похожих на нас в общем плане своих чувств, желаний и мыслей. Так, например, мы видели, что современные египтологи полностью развеяли некогда распространенное представление о том, что египтяне были торжественным, угрюмым народом, думавшим только о будущей жизни. С другой стороны, более верным представляется мнение, что они были необычайно общительным и веселым народом. Соблюдение определенных религиозных обрядов, которые производят на нас такое сильное впечатление, потому что отличаются от наших собственных обычаев в этом отношении, несомненно, не имело для них того значения, которое мы им придаем.

Даже в вопросах, которые, как кажется, наиболее ярко подтверждаются записями на памятниках, легко впасть в заблуждение, если слишком настойчиво настаивать на том, что обнаруженные таким образом черты принадлежат исключительно определенному народу. Так, например, в вопросе о консерватизме, который обычно называют доминирующей чертой национального характера египтян. Они, безусловно, были консервативны. Но таковы все живые существа, которые долгое время остаются в одной и той же неизменной среде обитания. Основой цивилизации является консерватизм, который заставляет каждое поколение крепко держаться за унаследованные обычаи. История обычаев, языка, религий, короче говоря, всей культуры, показывает, как упорно каждый народ, достигнув определенной стадии, держится за традиции своего прошлого.

Кажется, что народ, как и отдельный вид животных, рано или поздно достигает состояния равновесия по отношению к своей среде и больше не меняется, за исключением случаев, когда меняется среда. В Египте физическая среда, по-видимому, мало изменилась за исторический период, а географические условия были таковы, что люди там были в значительной степени изолированы от внешних влияний. Отсюда и наблюдаемая медленность изменений в обычаях этого «странного» народа.

Однако, даже признавая все это, не следует, как мы уже отмечали, слишком увлекаться египетским консерватизмом. Самый беглый взгляд на их историю показывает много заметных изменений в их радикальных обычаях от века к веку, даже в относительно короткий период, доступный для нашего изучения. Были времена, когда великие пирамиды и храмы были в моде; были времена, когда они были совершенно игнорированы.

Даже обычай бальзамирования мертвых, столь поразительная особенность, в той или иной степени подвергался колебаниям моды.

Необходимо иметь в виду, что период египетской истории, доступный для нашего изучения, от начала достоверных записей до окончательного падения и исчезновения древнего Египта как нации, согласно средней хронологии, составлял всего около двух с половиной тысяч или трех тысяч лет. Теперь остается открытым вопрос, можно ли для каждой египетской идеи или обычая, которые оставались относительно неизменными на протяжении всего этого периода, найти сегодня среди самых прогрессивных народов мира аналогичную идею или обычай, которые могли бы доказать по крайней мере столь же долгую историю. Чтобы привести лишь один пример, каждая цивилизованная нация на земном шаре сегодня так же тесно связана с религиозными обрядами, как и египетское государство. И за единственным исключением, рассматриваемые религиозные системы господствовали над своими подданными, практически не изменившись, в течение периода, равного всей рассматриваемой истории Египта. Конфуцианство, брахманизм, буддизм, зороастризм, иудаизм — каждая из этих религий имеет почти тридцативековую историю; каждая из них зародилась в эпоху суеверий, которую мы склонны считать гораздо более отсталой по сравнению с нашим «просвещенным» временем; и все же каждая из них удерживает миллионы своих приверженцев так же жестко и неумолимо, как когда-то культ Осириса удерживал египтян. Имея в виду этот единственный пример, мы сможем более объективно оценить египетский «консерватизм» как проявление универсальной человеческой черты, а не как особенность «странного» народа.

Хотя мы подчеркнули мнение, что египтяне были очень похожи на другие народы в своих основных чертах характера и привычках, не следует упускать из виду, что между обычаями восточных и западных народов проходит довольно четкая граница, и что египтяне были по сути восточными народами.

ПОЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ

Одной из наиболее типичных черт восточного менталитета является почтение к власти, выражающееся в готовности принять авторитарное правление. Несомненно, ни одному египтянину не приходило в голову, что он может вообще избавиться от царей. Представление о царе как главе государства было настолько глубоко запечатлено в сознании народа, что сама возможность существования государства без авторитарного главы была практически немыслима.

Но, читая о крайнем почтении, проявляемом к египетским царям, можно получить неверное представление об их реальном статусе. Нас традиционно учили считать египтян кротким, миролюбивым народом, глубоко проникнутым религиозными чувствами и привыкшим смотреть на своего царя почти как на бога и оказывать ему божественные почести. Несомненно, так и было в отношении внешних и ощутимых условий, и, без сомнения, средний египтянин воспринимал королевскую власть как нечто совершенно священное. Но под поверхностью придворной жизни везде существует противоположное течение, которое сам монарх никогда не может игнорировать, как бы мало его существование ни признавалось большинством его подданных. Профессор Эрман с большой проницательностью подчеркнул влияние этих скрытых факторов на реальную жизнь египетского монарха. Он утверждает, что условия, окружавшие египетский двор, не отличались от условий, существовавших при тронах других восточных монархов, и очень ярко указывает на различие между теоретическим и реальным положением правителя. Теоретически король является абсолютным правителем; его воля — закон, вся собственность принадлежит ему; даже жизни его подданных находятся в его власти. Но на

практике ситуация совсем иная. Рядом находятся старые советники отца короля, чьим приказам подчиняются клерки и чиновники; старые богатые семьи, которым нужно ублажать; генералы войск, обладающие реальной властью, которую необходимо уважать; и священники, которые всегда ограничивают королевскую власть. Кроме того, всегда есть родственники, которые претендуют на трон. В больших семьях восточных деспотов всегда происходит своего рода лотерея, чтобы определить, кто из детей унаследует власть, и обязательно найдутся матери, которые считают, что их дети были ущемлены. Хорошо известные истории матерей Соломона и Кира Младшего иллюстрируют эту точку зрения.

«Даже самые могущественные правители, — говорит профессор Эрман, — постоянно боялись своих родственников, о чем свидетельствует протокол суда за государственную измену. Царствование Рамсеса III было, безусловно, блестящим; в стране наконец воцарился мир, а священники были подкуплены огромными подарками и строительством храмов. Его царствование было настолько блестящим, насколько это было возможно. И все же при нем также царили страшные силы, которые разрушили каждую из этих династий, и, возможно, только счастливой случайностью он сам избежал этой участи. В его собственном гареме поднялась измена, возглавленная выдающейся женщиной по имени Ти, которая, несомненно, была королевской крови, если она действительно не была его матерью или мачехой. Какой принц был выбран претендентом на корону, мы не знаем (в папирусе указан псевдоним), но мы видим, как далеко зашло дело до того, как оно было раскрыто; дважды женщины гарема писали своим матерям и братьям: «Возбудите народ и поднимите враждебные духи, чтобы начать вражду против короля». Одна из женщин написала своему брату, который командовал войсками в Эфиопии, и определенно приказала ему прийти и сразиться с королем. Когда видишь, сколько высокопоставленных чиновников участвовали в измене или знали о ней, то понимаешь, какая опасность нависала над таким восточным королевством».

Будет полезно иметь в виду эту корректирующую точку зрения при рассмотрении положения египетского царя, как оно представлено в монументальных надписях и изображениях. Но эта точка зрения никоим образом не меняет того факта, что народ в целом был абсолютно подчинен идее царской власти. Некоторые отдельные лица могли стремиться свергнуть того или иного монарха, но только для того, чтобы поставить на его место другого. Идея отмены самой монархии никогда не приходила им в голову. Эта идея зародилась на европейской земле, спустя долгое время после упадка древнего Египта.

От монархов до армий и методов ведения войны был один шаг, хотя в Египте эта связь не была столь тесной и близкой, как в случае со многими другими народами. Мы видели, что египтяне не были преимущественно воинственным народом, но, в конечном счете, война вошла в их историю жизни в той же степени, что и в историю жизни любого другого народа, и был один период в Новом царстве, когда, как мы видели, египтяне стали завоевательным народом. Как главный монарх этой эпохи, Рамсес II очень любил записывать свои деяния в монументальной форме, поэтому у нас есть очень полные данные для интерпретации методов ведения войны этим народом в эту эпоху. В этих методах нет ничего особенно уникального. Египетская армия состояла в основном из ополченцев, вооруженных луками и копьями. Кавалерия, состоящая из рот колесничих, возглавлялась самим царем. Конное дело еще не вошло в военное дело. При осадах использовались штурмовые лестницы и тараны. Памятники показывают нам, что солдаты тренировались под звуки горнов, как и в современной армии. Одним словом, в военных обычаях египтян XVIII и XIX династий не было ничего особенного, отличающего их от других народов того времени, и эти методы, как мы увидим, не претерпели значительных улучшений вплоть до примерно тысячи лет спустя, когда македонская фаланга, обученная Филиппом и Александром по принципам,

впервые разработанным великим фиванцем Эпаминондом, внесла новый элемент в ведение войны.

Царь был представителем божества, и его королевская власть напрямую происходила от богов. Он был главой религии и государства; он был судьей и законодателем; он командовал армией и вел ее на войну. Он имел право и обязанность председательствовать на жертвоприношениях и возливать возлияния богам; и, когда он присутствовал, он имел привилегию быть высшим священником.

Скипетр был наследственным, но в случае отсутствия прямого наследника право на престол определялось близостью родства или правом брака. Король всегда принадлежал к военному или священническому сословию, и князья также принадлежали к одному из них.

Армия и священство были двумя профессиями, которыми занимались все люди высокого ранга, поскольку военно-морской флот не был эксклюзивной службой; «длинные корабли Сесостриса» и других царей командовали генералы и офицеры, взятые из армии, как это было принято у турок и некоторых других народов современной Европы до недавнего времени. Закон также находился в руках священников, так что существовало только две профессии. Как и следовало ожидать, большинство царей принадлежали к военному сословию, и в славные дни египетской истории младшие принцы обычно выбирали ту же профессию. Многие занимали должности в королевском дворе, некоторые из самых почетных из которых были веерами по правую руку от своего отца, королевскими писцами, управляющими зернохранилищами или землями, а также казначеями короля; они были генералами кавалерии, лучниками и другими корпусами или адмиралами флота.

Принцы отличались знаком, висевшим сбоку головы, который заключал в себе или изображал прядь волос, символизирующую «сына», в подражание юному богу «Гору, сыну Исиды и Осириса», который считался образцом для всех принцев и типом королевской добродетели. Хотя египтяне брили голову и носили парики или другие головные уборы, детям разрешалось оставлять определенные пряди волос; и если сыновья царей задолго до достижения ими зрелого возраста отказывались от этого юношеского обычая, знак прикреплялся к их головным уборам как знак их ранга принцев или для того, чтобы показать, что они не достигли царского достоинства при жизни своего отца; по тому же принципу, что испанский принц, независимо от возраста, продолжает называться «инфантом».

И любопытно, что этот древний народ уже принял принцип, согласно которому король «не может совершать ошибок»: и пока он был освобожден от вины, все проклятия и зло были направлены против его министров и тех советников, которые давали ему вредные советы. Идея о том, что король «никогда не умирает», также содержалась в их общей формуле «жизнь была дана ему навечно».

Любовь и уважение проявлялись не только к правителю при его жизни, но и продолжались после его смерти; и то, как были отпразднованы его похороны, свидетельствовало о том, что, хотя их благодетель больше не был с ними, они сохранили благодарность за его доброту и восхищение его добродетелями.

Говорят, что египтяне были разделены на касты, подобные индийским, но, хотя между различными слоями общества существовала четкая граница, они, по-видимому, были скорее классами, чем кастами, и человек не обязательно следовал профессии своего отца. Сыновья,

правда, обычно принимали ту же профессию или ремесло, что и их родители, и положение каждого зависело от его занятия, но дети священника часто выбирали армию в качестве своей профессии, а дети военного могли принадлежать к священничеству.

Священники и военные занимали самое высокое положение в стране после семьи царя, и из их числа выбирались его министры и доверенные советники, «мудрые советники фараона», а также все главные государственные чиновники.

Священники делились на различные ранги — главные священники, или понтифики; пророки; судьи; священные писцы; сфрагисты, которые осматривали жертв для жертвоприношения; столлисты, одевающие или хранящие священные одежды; носильщики святынь, знамен и других священных символов; священные скульпторы, рисовальщики и каменщики; бальзамировщики; хранители священных животных; и различные должностные лица, занятые в процессиях и других религиозных церемониях; под ними были привратники и низшие служащие храма. Был также собственный священник царя; а царские писцы выбирались либо из священнического, либо из военного сословия. Женщины не были исключены из определенных должностей в храме; они были жрицами богов, королей и королев и имели много занятий, связанных с религией.

Долгое существование их системы и отношение к ней со стороны народа также могут служить неким оправданием; и хотя функции судей и исполнение законов давали им необычайную власть, они имели явное право на эти должности, поскольку были создателями кодексов морали и законов, которые они контролировали. Вместо того чтобы ставить себя выше короля и подчинять его своей власти, как беспринципные эфиопские священники, они признавали его главой религии и государства (); они также не стояли выше закона; ни один из них, даже сам царь, не мог править по своей произвольной воле; его поведение подвергалось испытанию его подданными после его смерти, народу разрешалось обвинять его в плохом правлении и не допускать его погребения в гробнице в день похорон.

Но хотя правила священства, возможно, устраивали египтян в древние времена, поскольку определенные институты были приспособлены к людям в конкретных условиях общества, они ошибались, поощряя веру в легенды, которые они знали как неправдивые, вместо того, чтобы очищать и возвышать религиозные взгляды народа, и совершали ошибку, считая свою негибкую систему совершенной и подходящей для всех времен. В результате появились злоупотребления; легкое верие, которое и без того постыдно поощрялось, усилилось до такой степени, что поработило разум и парализовало способность людей к размышлениям; в результате египтяне поддались самым грубым суевериям, которые в конце концов вызвали всеобщее насмешки и презрение.

Следующими по рангу после жрецов были военные. Им была отведена одна из трех частей, на которые была разделена земля Египта по указу Сесостриса [Рамсеса II], чтобы, по словам Диодора, «те, кто подвергали себя опасности на поле боя, были более готовы подвергаться опасностям войны из-за интереса, который они испытывали к стране как владельцы земли; ибо было бы абсурдно доверять безопасности общества тем, кто не имел ничего, что ему было бы интересно сохранить». Каждому солдату, независимо от того, находился ли он на службе или нет, предоставлялось двенадцать аруров земли (чуть больше восьми английских акров) бесплатно; еще одной важной привилегией было то, что ни один солдат не мог быть брошен в тюрьму за долги; Бокхорис [Бакенранф], автор этого закона, считал, что было бы опасно предоставлять гражданской власти право арестовывать тех, кто был главной защитой государства. С юности их обучали обязанностям и требованиям, предъявляемым к солдатам, и тренировали во всех упражнениях, которые подготавливали их к активной службе; для этой цели, по-видимому, была создана своего рода военная школа.

Каждый человек был обязан обеспечить себя необходимым оружием, наступательным и оборонительным, а также всем необходимым для военной кампании; от него ожидалось, что он будет готов выйти на поле боя, когда это потребуется, или нести гарнизонную службу. Основные гарнизоны были размещены в укрепленных городах Пелузий, Марая, Эйлейтия, Гераклеополис, Сиена, Элефантина и других промежуточных пунктах; и значительная часть армии часто призывалась воинственными монархами для вторжения в чужую страну или для подавления восстаний, которые время от времени вспыхивали в завоеванных провинциях.

Вся военная сила, состоящая из 410 000 человек, была разделена на два корпуса: каласирии и гермотибии. Они предоставляли отряд людей для выполнения обязанностей королевской гвардии, для чего ежегодно отбиралось по 1000 человек из каждого корпуса; каждый солдат получал дополнительный паек в размере «пяти мин хлеба, двух мин говядины и четырех арустеров вина» в качестве суточного рациона на время службы.

Каласирии (*Клашр*) были самыми многочисленными и насчитывали 250 000 человек в то время, когда Египет был наиболее густонаселенным. Они населяли номы Фивы, Бубастис, Афтис, Танис, Мендес, Себеннитус, Атрибис, Фарбетус, Тмуис, Онуфис, Анисис и остров Миекфорис, который находился напротив Бубастиса; а гермотибы, которые жили в Бусирисе, Саисе, Хеммисе, Папремисе, на острове Просопитис и в половине Нато, составляли остальные 160 000 человек. Именно здесь они проживали, находясь в отставке от военной службы, и в этих номах находились их фермы или участки земли, что способствовало развитию трудолюбия и поддержанию интереса к активной занятости.

Помимо местных войск, у них были наемные войска, которые набирались либо из народов, вступивших в союз с египтянами, либо из тех, кто был ими завоеван. Они были разделены на полки, иногда дисциплинированные так же, как египтяне, хотя им разрешалось сохранять свое оружие и костюмы; но они не были наравне с местными войсками; у них не было земли, и они просто получали жалованье, как и другие наемные солдаты. Страбон говорит о них как о наемниках, и миллион человек, о которых он упоминает, должно быть, включал этих иностранных вспомогательных войск. Когда они были официально зачислены в армию, их считали ее частью, и они сопровождали победоносные легионы по возвращении из зарубежных завоеваний; иногда они помогали выполнять гарнизонную службу в Египте вместо тех египетских войск, которые оставались для охраны завоеванных провинций.

Сила армии заключалась в лучниках, чье мастерство в основном способствовало успеху египтян, как и наших предков; их важность проявляется в том, что египетский «солдат» изображается как стоящий на коленях лучник, часто предваряемый словом *Klashr*, преобразованным Геродотом в *Calasiris*. Они сражались либо пешком, либо на колесницах, и поэтому могут быть отнесены к отдельным категориям конного и пешего корпуса; они составляли большую часть обоих флангов. Несколько подразделений тяжелой пехоты, разделенных на полки, каждый из которых отличался своим особым оружием, составляли центр; а кавалерия [в более поздние периоды] прикрывала и поддерживала пехоту.

ВОЕННОЕ ОРУЖИЕ

Наступательным оружием египтян были лук, копье, два вида дротика, праща, короткий прямой меч, кинжал, нож, фальшион или *ensis falcatus*, топор или тесак, боевой топор, топор на длинном древке, булава или дубина, а также лисан — изогнутая палка, похожая на ту, что до сих пор используется современными эфиопами. Их защитное оружие состояло из металлического шлема или стеганого головного убора; кураса, или доспеха, изготовленного

из металлических пластин или стеганого металлическими полосами, и большого щита. Главным средством защиты солдата был щит, длина которого равнялась примерно половине его роста, а ширина — как правило, удваивала его. Чаще всего щит был покрыт бычьей кожей ворсом наружу, иногда укреплен одним или несколькими металлическими ободами и оббит гвоздями или металлическими штифтами, а внутренняя часть представляла собой деревянный каркас.

Египетский лук представлял собой круглый кусок дерева длиной от пяти до пяти с половиной футов, сужающийся к обоим концам. Их стрелы имели длину от двадцати двух до тридцати четырех дюймов; некоторые были деревянными, другие — тростниковыми; часто они были снабжены металлическим наконечником и крыльями из трех перьев, приклеенных продольно и на равных расстояниях на другом конце стрелы, как на наших стрелах. Иногда вместо металлического наконечника в тростник вставлялся кусок твердого дерева, заканчивающийся длинным заостренным концом.

Копье, или пика, было деревянным, длиной от пяти до шести футов, с металлическим наконечником, в который вставлялся стержень и крепился гвоздями. Наконечник был из бронзы или железа, часто очень большой и с двойным лезвием. Копье, более легкое и короткое, чем копье, также было деревянным и, как и копье, вооружено прочным обоюдоострым металлическим наконечником в форме удлиненного ромба или листа, плоским или увеличивающимся в толщине в центре, а иногда сужающимся до очень длинного острия.

Праща представляла собой кожаную ремешку или плетеную веревку, широкую в середине и имеющую петлю на одном конце, с помощью которой она крепилась и прочно удерживалась рукой; другой конец заканчивался хлыстом, который выскальзывал из пальцев при броске камня. Египетский меч был прямым и коротким, длиной от двух с половиной до трех футов, обычно имел двойное лезвие и сужался к острой стороне. Его использовали для рубки и колющих ударов. У них также был кинжал.

Топор, или тесак, был небольшим и простым, редко превышал два или два с половиной фута в длину: он имел одно лезвие, и не встречается ни одного случая, когда бы двойной топор напоминал *bipennis* римлян. Лезвие боевого топора по форме напоминало парфянский щит: сегмент круга, разделенный сзади на два меньших сегмента, три конца которых были прикреплены к рукояти металлическими штифтами. Он был из бронзы, а иногда (как показывает цвет на картинах) из стали; длина рукояти была равна или превышала длину лезвия более чем в два раза. Длина боевого топора составляла около трех футов, но, по-видимому, им было сложнее владеть, чем предыдущим, из-за большого веса металлического шара, к которому было прикреплено лезвие; и, как и булава, он требовал сильной и ловкой руки.

Боевой молот был очень похож на боевой топор, но без лезвия. Он был из дерева, обвязан бронзой, длиной около двух с половиной футов и снабжен угловым металлическим элементом, выступающим из рукояти, который, возможно, был предназначен для защиты, хотя во многих случаях на картинах изображается рука, расположенная над ним во время нанесения удара. В древние времена, когда исход сражения часто решался личной доблестью, умелое обращение с таким оружием имело большое значение; и отряд решительных ветеранов, возглавляемый доблестным вождем, сеял панику в рядах врага. Изогнутая палка или дубина (называемая *лусан*, «язык») использовалась как тяжеловооруженными и легковооруженными войсками, так и лучниками; и хотя она не выглядит грозным оружием, опыт современности дает достаточно свидетельств ее эффективности в ближнем бою.

Шлем обычно был стеганым; и хотя, как говорят, египтяне носили бронзовые шлемы, они в основном предпочитали первые, которые были толстыми и хорошо проложенными, что обеспечивало отличную защиту головы без неудобств, связанных с металлом в таком жарком климате. Некоторые из них спускались до плеч, другие — лишь на небольшое расстояние ниже уровня ушей, а вершина, заканчивающаяся тупым концом, была украшена двумя кисточками. Они были зеленого, красного или черного цвета; более длинные, которые менее плотно прилегали к затылку, были оторочены по нижнему краю широкой каймой, а в некоторых случаях состояли из двух частей — верхней и нижней складок. Другой, который носили копейщики, многие пехотные подразделения и колесничие, также был стеганым и спускался до плеч с бахромой, но не имел кистей и, плотно прилегая к верхней части головы, расширялся к основанию, а передняя часть, покрывавшая лоб, была сделана из отдельного куска, прикрепленного к другой части. Нет изображений египетских шлемов с гребнем, но шлем шарданов, когда-то врагов, а затем союзников фараонов, показывает, что они использовались задолго до Троянской войны.

Внешняя поверхность кольчуги или доспеха из чешуевидных пластин состояла из примерно одиннадцати горизонтальных рядов металлических пластин, надежно закрепленных бронзовыми штифтами; в области горла был вставлен более узкий ряд пластин, над которым находились еще два ряда, завершающие воротник или покрытие шеи. Ширина каждой пластины или чешуйки составляла чуть более дюйма, одиннадцати или двенадцати из них хватало, чтобы покрыть переднюю часть тела; а рукава, которые иногда были настолько короткими, что доходили менее чем до середины локтя, состояли из двух рядов подобных пластин. Многие, а точнее, большинство кольчуг не имели воротников; в некоторых рукава были несколько длиннее, доходили почти до локтя, и их носили как тяжелая пехота, так и лучники. Обычный корсет мог быть длиной чуть менее двух с половиной футов; иногда он покрывал бедра почти до колен; и чтобы он не давил на плечи, его перевязывали поясом и затягивали на талии. Но бедра и часть тела ниже пояса обычно покрывались килтом или другой одеждой, не связанной с корсетом; Многие из легкой и тяжелой пехоты были одеты в стеганые жилеты той же формы, что и доспехи, которые они заменяли; некоторые носили корсеты, доходившие только от талии до верхней части груди и поддерживаемые ремнями через плечо, которые были обшиты бронзовыми пластинами.

ЕГИПЕТСКИЙ СОЛДАТ

Тяжеловооруженные войска были снабжены щитом и копьем; некоторые — щитом и булавой; а другие, хотя и редко, боевым топором или топором на длинном древке и щитом. Они также носили меч, фальшион, изогнутую палку или *лисан*, простую булаву или топорик, которые можно рассматривать как их дополнительное оружие. Легкие войска имели почти такое же вооружение, но их защитная броня была легче; пращники и некоторые другие сражались, как и лучники, без щитов.

Колесничный корпус составлял очень большую и эффективную часть египетской армии. Каждая колесница вмещала двух человек, как *дифросы* (δῖφρος) у греков. В некоторых случаях она перевозила трех человек: колесничего или воина и двух вождей, но это было редким явлением, за исключением триумфальных процессий, когда два принца сопровождали царя в его колеснице, неся царский скипетр или *веера*, и требовали третьего человека для управления вожжами. На поле боя каждый имел свою колесницу с колесничим; а знаки его должности были прикреплены сзади широким поясом, так что его руки были свободны для использования лука и другого оружия. Возничий обычно стоял с внешней стороны, чтобы иметь свободную руку для кнута, и это меньше мешало пользоваться луком, чем греческий обычай ездить с внутренней стороны, который был принят в Греции как более удобный для метания копья. Когда египетский дворянин отправлялся в поездку для удовольствия или в гости к другу, он садился в колесницу один и сам управлял ею, а лакеи и другие слуги () бежали перед и позади колесницы; иногда лучник использовал свой лук и выполнял функции своего собственного колесничего.

На сценах сражений в египетских храмах царь изображается один в своей колеснице, без колесничего, с вожжами, привязанными к его телу, в то время как он натягивает лук, чтобы стрелять в врага; хотя возможно, что колесничий был опущен, чтобы не мешать главной фигуре. У царя всегда была «вторая колесница» на случай непредвиденных обстоятельств, как, например, у Иосии, когда он был побежден Неку, и такая же колесница сопровождала его на государственных мероприятиях. На каждой колеснице всего колесничного корпуса находилось по два воина, товарища равного ранга; а колесничий, сопровождавший вождя, был доверенным лицом, как мы видим по знакомой манере, с которой один из них изображен беседующим с сыном великого Рамсеса.

При вождении египтяне использовали кнут, как герои и колесничие Гомера; и этот кнут или короткая палка обычно использовались даже для вьючных животных и волов за плугом, предпочитая их острым прутьям. Кнут состоял из гладкой круглой деревянной ручки и одной или двух ремней: иногда он имел кожаный или веревочный хлыст длиной около двух футов, скрученный или плетеный; к нижнему концу была прикреплена петля, что позволяло лучнику использовать лук, пока он висел на его запястье.

Когда герой сталкивался с вражеским вождем, он иногда спускался со своего колесницы и, заменив лук и колчан копьем, боевым топором или палашом, вступал с ним в рукопашную, как греки и троянцы, описанные Гомером; а безжизненное тело врага, оставленное на поле боя, было лишено оружия его товарищами. Иногда раненый противник, неспособный к дальнейшему сопротивлению, просил и получал пощаду от победителя, после чего его уносили с поля боя на его колеснице; а обычные пленники, сложившие оружие и сдавшиеся египтянам, обращались с ними как с военнопленными и отправлялись в связках под конвоем в тыл, чтобы быть представленными монарху и украсить его триумф после окончания конфликта. Затем перед ним пересчитывали руки убитых, и это количество убитых врагов должным образом регистрировалось, чтобы увековечить его успех и славу его правления.

Египетские колесницы не имели сидений, но их нижняя часть состояла из рамы, переплетенной ремнями или веревками, образуя своего рода сеть, чтобы благодаря своей эластичности облегчить движение повозки без рессор. Это также обеспечивалось размещением колес как можно дальше назад и переносом большей части веса на лошадей, которые поддерживали ось. То, что колесница была деревянной, достаточно доказано скульптурами, на которых видны рабочие, занятые ее изготовлением; а тот факт, что более трех тысяч лет назад они уже изобрели и широко использовали форму оси, которая была введена в нашей стране только в девятнадцатом веке, является примером правдивости утверждения Соломона «нет ничего нового под солнцем» и показывает мастерство их рабочих в то далекое время.

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ БОЯ

Когда принималось решение о походе против иностранного государства, каждая провинция предоставляла свою квоту людей. Войсками обычно командовал сам царь, но в некоторых случаях на эту должность назначался генерал, которому доверялось единоличное ведение войны. Место сбора обычно устанавливалось в древние времена в Фивах, Мемфисе или Пелузиуме, и войска, собравшись в окрестностях, оставались там в лагере, ожидая лидера похода. Как только он прибывал, производились необходимые приготовления; приносилась жертва богам, чья помощь запрашивалась в предстоящем сражении; и после того, как отдавались приказы о выступлении, подавался сигнал трубой; войска выстраивались в шеренги, и каждый солдат в рядах глубоко кланялся королевскому генералу и готовился следовать за ним на поле боя. Затем, как сообщают нам Клеменс и скульптуры, под звуки барабанов начался поход; впереди шли колесницы, а король, сидя в своей боевой колеснице и сопровождаемый своими главными офицерами, несущими *веера*, занял свое место в центре, перед ним и за ним шли отряды пехоты, вооруженные луками, копьями или другим оружием, в зависимости от их соответствующих корпусов.

При начале атаки на открытом поле снова прозвучал сигнал трубы. Лучники, выстроившиеся в линию, сначала обрушили на фронт врага град стрел, а затем значительная масса колесниц пошла в атаку; тяжелая пехота, вооруженная копьями или дубинами и прикрытая щитами, одновременно продвигалась в плотном строю, фланги которой прикрывали колесницы и кавалерия, и давила на центр и фланги врага, в то время

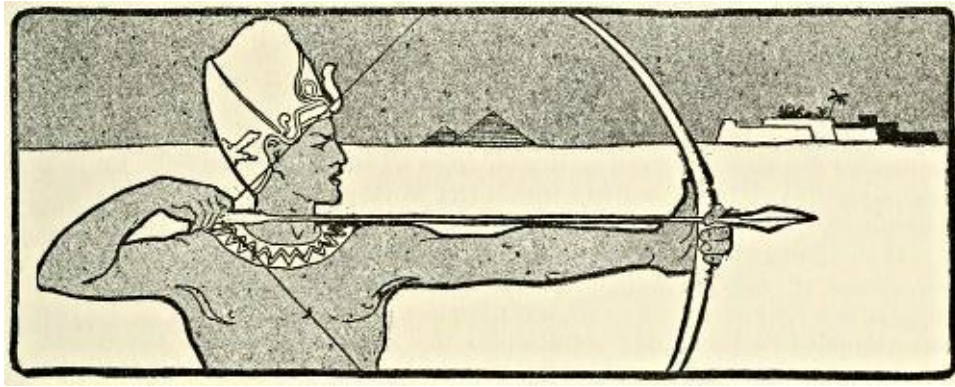
как лучники продолжали обстреливать вражеские колонны стрелами, пытаясь внести беспорядок в их ряды.

Их способ ведения войны не был похож на способ ведения войны народами, находящимися в зачаточном состоянии или в состоянии варварства; и из числа взятых ими в плен очевидно, что они щадили павших, просивших пощады; а изображения людей, убитых египтянами, которые их догнали, предназначены для того, чтобы намекнуть на то, что произошло в пылу сражения, а не на какую-либо безрассудную жестокость со стороны победителей. Действительно, в морском сражении Рамсеса III египтяне, как на кораблях, так и на берегу, спасают врага, чей галеон затонул, от водной могилы; и гуманность этого народа, художники которого считают это добродетелью, достойной того, чтобы быть запечатленной среди славных деяний их соотечественников, убедительно доказана.

Те, кто просил пощады и сложил оружие, были пощажены и отправлены с поля боя в оковах; а руки убитых, отрезанные и сложенные в кучи перед царем, сразу после сражения были пересчитаны военными секретарями в его присутствии, которые таким образом установили и доложили ему число убитых врагов. Иногда перед ним таким же образом выкладывали языки, а иногда и другие части тела; во всех случаях это было предназначено для подтверждения потерь врага, за что солдаты получали соразмерное вознаграждение, делимое между всей армией, причем захват пленных, вероятно, давал право на более высокую премию, которой пользовался исключительно захватчик.

Оружие, лошади, колесницы и добыча, захваченные на поле боя или в лагере, также собирались, и те же офицеры составляли отчет о них и представляли его монарху. Добыча иногда собиралась на открытом пространстве, окруженном временной стеной, обозначенной на скульптурах изображением щитов, поставленных вертикально, с плетеной калиткой, на внутренней и внешней стороне которой стояла сильная стража, а часовые ходили взад и вперед с обнаженными мечами. Спартакским воинам, несущим караульную службу, запрещалось иметь при себе щиты, чтобы, лишённые этого средства защиты, они были более осторожны и не засыпали; похоже, что такой же обычай существовал и у египтян, поскольку стражи, несущие караульную службу у ворот лагеря, вооружены только мечами и булавами, хотя и принадлежат к тяжеловооруженному корпусу, который в других случаях обычно носит щиты.

Система регулярных укреплений была принята в самые ранние времена. Крепости имели четырехугольную форму; стены из сырого кирпича были толщиной пятнадцать футов, а высотой часто достигали пятидесяти футов, с квадратными башнями, расположенными через определенные промежутки вдоль каждой стороны. Но хотя некоторые из них сохранились после прихода к власти XVIII династии, практика укрепления городов, по видимому, была прекращена, и крепости или укрепленные города не использовались, за исключением окраин пустыни и пограничных районов, где требовались крупные гарнизоны. Вместо них храмы были снабжены высокими пирамидальными каменными башнями, которые, выступая за пределы стен, позволяли осажденным контролировать и обстреливать их, в то время как парапетная стена над воротами защищала солдат, защищавших вход; а весь план внешней стены окружения был реализован с помощью большого грубого кирпичного ограждения *теменоса*, внутри которого стоял храм. Таким образом, каждый храм был отдельной крепостью и считался достаточной защитой для себя и для города, как и сплошная стена, для защиты которой требовался большой гарнизон; и ни Фивы, ни Мемфис, две столицы, не были городами-крепостями.

ЕГИПЕТСКИЙ ЛУЧНИК

Полевой лагерь имел форму квадрата или параллелограмма с главным входом на одной из сторон; ближе к центру находились палатки генерала и главных офицеров. Палатка генерала иногда была окружена двойным валом или рвом, ограждавшим две отдельные зоны: внешняя содержала три палатки, вероятно, заместителей генерала или офицеров штаба; стражи спали или дежурили под открытым небом. Другие палатки разбивались за пределами этих ограждений; а рядом с внешним кольцом отводилось место для кормления лошадей и вьючных животных, а также место для размещения колесниц и багажа. Рядом с палаткой генерала, в пределах той же зоны, хранились алтари богов или все, что имело отношение к религиозным вопросам, знамена и военный сундук; священные символы хранились под навесом, в ограждении, похожем на ограждение палатки генерала.

При атаке укрепленного города они наступали под прикрытием стрел лучников и либо сразу приставляли лестницы к валам, либо приступали к обычной осаде: в этом случае, подойдя к стенам, они располагались под прикрытием тестудо и сотрясали и выбивали камни из парапета с помощью своего рода тарана, управляемого и приводимого в движение группой людей, специально выбранных для этой службы; но когда место сопротивлялось этим атакам, и ни *куп-де-мен*, ни лестница, ни таран не приносили успеха, они использовали тестудо для укрытия и защиты саперов, пока те подрывали место; и, безусловно, из всех народов египтяне были наиболее склонны прибегать к этой военной уловке, благодаря своему большому опыту в подземных раскопках и прокладке шахт через твердую породу.^b

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

Тема нравов и обычаев египтян вызывает особый интерес почти у всех исследователей египетской истории. Трудно избавиться от ощущения, что в египетской жизни есть что-то таинственное и оккультное, и тысячи людей с восхищением и трепетом взирают на монументальные остатки этого народа, не обращая ни малейшего внимания на странно звучащие имена монархов или детали их политической истории.

Со времени исследований французов под руководством Наполеона, которые привели к монументальной публикации под редакцией Шампольона^c и его соратников, некоторые сведения о жизни египтян стали общеизвестными. Дополнительный свет на эту тему пролила публикация подробного труда Лепсиуса «*Denkmäler*» (^d). Но первое полное изложение социальных условий древнего Египта было сделано благодаря исследованиям Уилкинсона, который посвятил этому предмету лучшие годы своей жизни и чьи публикации до сих пор являются стандартным авторитетным источником. Тщательное исследование памятников и проницательные выводы, сделанные Уилкинсоном на основе увиденного,

позволили ему создать картину египетской жизни, которая по своим основным чертам редко уступает работам более поздних исследователей.

Из более поздних египтологов лишь немногие не проявили интереса к этому этапу египетской истории. Бирч,ⁱ Масперо,^m Мариетт,ⁿ Шабас,^f Бадж,^a Петри,^e Ренуф^d — все они занимались различными этапами египетской жизни. Амелия Б. Эдвардс^e популяризировала знания специалистов в широко читаемых публикациях, а Георг Эберс,^k сам являясь специалистом высочайшего уровня, еще больше распространил интересные аспекты этой темы через свои романы. В последние годы область, которой занимался Уилкинсон, с большим успехом освоил профессор Адольф Эрман из Берлинского университета, достойный преемник Лепсиуса. Профессор Эрман воспользовался самыми обширными и критическими исследованиями египетских писаний, что позволило ему дополнить работу Уилкинсона в некоторых важных направлениях, в частности в отношении вопросов судебного разбирательства и деталей государственного управления — тем, которые, к сожалению, из-за нехватки места мы не можем здесь полностью раскрыть. В своей работе *«Aegypten und Aegyptisches Leben im Altertum»* профессор Эрман обобщил источники, к которым египтологи должны обращаться для получения информации о жизни этого народа. Он говорит нам, что письменные источники евреев дошли до нас в столь сильно переработанном виде, что их следует с осторожностью принимать как отражение жизни Египта раннего периода.

Писания греков, главным из которых в этой области является Геродот, важны с точки зрения определенных особенностей позднейшей египетской жизни. Иеродот говорит нам о том, что видит турист, «не знающий языка, путешествующий в течение нескольких месяцев по чужой стране», но, естественно, он не может предоставить нам адекватную или достоверную информацию о более ранних периодах египетской истории, которые сейчас представляют наибольший интерес, поскольку отражают Египет в период его могущества и процветания.

Чтобы узнать о тех ранних временах, мы должны обратиться к самим египетским памятникам. Эти монументальные остатки бывают четырех типов, а именно:

- (1) Надписи на стенах храмов и на памятниках.
- (2) Королевские гробницы.
- (3) Папирусы с надписями, представляющие литературу страны, и
- (4) папирусы другого рода, представляющие письма, документы и другие деловые бумаги.

Что касается надписей, которые составляют значительную часть египетских памятников и которые, естественно, в первую очередь привлекли внимание исследователей, можно сказать, что в целом они весьма разочаровывают, поскольку их «надписи и изображения касаются почти исключительно поклонения богам, жертвоприношений и процессий, или же они представляют собой пафосные гимны богам, или, возможно, содержат информацию о том, что такой-то царь построил это святилище из вечных камней для своего отца-бога, который вознаградил его за этот благочестивый поступок, даровав ему жизнь длиной в миллионы лет. Если в качестве исключения мы находим надпись, рассказывающую нам о военных подвигах правителя, то они изложены в таком официальном стиле и стереотипной формуле, что мало что можно почерпнуть из них для познания египетской жизни».

Гробницы гораздо более подходят для наших целей, поскольку они содержат изображения событий из домашней жизни покойного, а также различные орудия, утварь и безделушки, которые он мог использовать при жизни. Но, к сожалению, таким образом

изображен только ранний период египетской жизни. Более того, реликвии, найденные в гробницах, иногда вводят в заблуждение, поскольку, по-видимому, стало обычным делом поставлять предметы, изготовленные специально для этой цели, а не использовать предметы, которые умерший действительно мог использовать при жизни.

Папирусы, представляющие литературное наследие древнего Египта, гораздо менее информативны, чем можно было бы ожидать; большинство из них имеют магический или религиозный характер, наиболее ярким примером чего является *«Книга мертвых»*, бесчисленные редакции которой сохранились целиком или частично. Они дают ценные сведения о нравственной природе египтян и представляют большую ценность для исследователей религии и философии, но, естественно, мало что рассказывают о повседневной жизни людей.

Большую часть светских рукописей составляют школьные учебники, предназначенные для того, чтобы побудить юных учеников к добродетели и знаниям, вполне в духе современных книг, особенно последнего поколения. Они также не дают ничего, кроме случайных сведений о реальной жизни народа. Что касается ценности для этой цели романов, которые составляют столь важную часть литературного наследия египтян, то здесь можно сказать не больше. Это романы в современном понимании этого термина. Не было школы реалистов, которая побуждала бы писателя обращаться к современной природе в поисках моделей; поэтому, как метко замечает Эрман, страна, описанная в этих произведениях, «не Египет, а сказочная страна».

При изучении литературы прошлого всегда удивляет то, с какой легкостью опускаются детали повседневной жизни. Такой писатель, как Геродот, рассказывает много интересного о нравах и обычаях вавилонян, египтян, персов и даже скифов, но он почти ничего не говорит о повседневной жизни своего народа, самих греков, за исключением косвенных упоминаний или для того, чтобы показать контраст. Точно так же египетские писатели, если бы они посетили Грецию, несомненно, много рассказали бы о странных обычаях этого «варварского народа», но им никогда не приходило в голову вдаваться в подробности повседневной жизни своего собственного народа.

Причина этого достаточно очевидна. Писатель пишет в основном для современной аудитории, и было бы скучно и нелепо заполнять свои страницы подробностями о вещах, которые составляют часть самых элементарных общих знаний каждого читателя (). Какой грек стал бы слушать Геродота, если бы тот решил заполнить свои страницы прозаическими рассуждениями о том, как его слушатели и читатели строили свои дома, одевались, питались и занимались своими повседневными делами? Каждая строка такого рассуждения была бы полна увлекательного интереса для потомков, но потомки мало интересовали самого писателя. Точно так же обстоит дело и с современными произведениями.

Если рассмотреть в этом свете первый попавшийся роман, то можно удивиться тому, как многое принимается как само собой разумеющееся и как мало даже самый реалистичный рассказ может рассказать человеку, совершенно не знакомому с нашими нравами и обычаями, о точных деталях нашей повседневной жизни. Даже газеты, которые, казалось бы, высеивают самую суть жизни, в большинстве своем не содержат конкретных упоминаний о повседневных бытовых вещах, отсутствие которых в древних произведениях наполняет нас таким сожалением. Поэтому неудивительно, хотя и прискорбно, что относительно богатые запасы египетской литературы в конечном итоге дают лишь неполную и несовершенную картину нравов и обычаев народа.

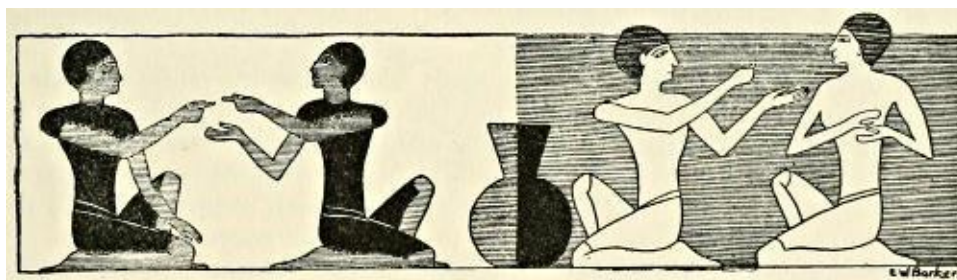
К оставшемуся источнику информации — папирусам с письмами и деловыми документами — исследователь может обратиться с большей уверенностью. Здесь мы видим людей, которые больше не позируют сознательно для осмотра, а ведут свою реальную

жизнь и выражают свои истинные чувства. Так же как современный биограф считает, что он дает наиболее глубокое представление о характере своего героя, когда цитирует его личные письма, так и эти письма и связанные с ними документы древних египтян дают нам, пожалуй, самое ясное представление о подлинном характере этих людей, и именно те, кто наиболее внимательно изучал эти документы, были наиболее сильно впечатлены сходством между подлинными чертами характера древних и современных народов. Что, например, может показаться более современным, чем отчет о полицейском расследовании предполагаемого ограбления гробниц царей в Мемфисе, которое произошло во времена Рамсеса IX из XX династии, около 1100 года до нашей эры?

Отчет профессора Эрмана, переписанный с папируса, рассказывающий об этом расследовании, читается как полицейская колонка современной газеты. Похоже, что банды воров, соблазненные богатыми трофеями, которые всегда хоронили вместе с древними царями, пытались проникнуть в различные пирамиды, где покоились тела этих монархов, и в некоторых случаях им это удавалось. Слухи об этом святотатстве дошли до губернатора города, и было начато расследование. Разногласия между различными властями, ссоры и ревность, о которых свидетельствуют документы, и конечный вердикт, который оставляет нас в некотором сомнении относительно реальных фактов дела, — все эти особенности имеют удивительно современный характер. В качестве интересного продолжения этого расследования можно добавить, что полиция в конце концов была вынуждена признать, что не может справиться с ворами, и что власти, отчаявшись защитить гробницы своих предков, в конце концов прибегли к странному решению — перенести царские изображения в секретную пещеру в отдаленной горе Дейр-эль-Бахари. В этой пещере были помещены мумии выдающихся монархов, в том числе Аменхотепа I, Техутима II, Техутима III, Сети I и, наконец, самого великого Рамсеса II.

Этот унижительный шаг был сделан так тайно, а место укрытия так тщательно охранялось от посторонних глаз, что, по-видимому, когда эти люди умерли, секрет умер вместе с ними. В любом случае, место упокоения величайших правителей Египта было совершенно неизвестно в течение примерно трех тысяч лет и было обнаружено случайно в наше время. В 1881 году, как описано в предыдущем разделе, власти вошли в склеп, который группа феллахов обнаружила примерно десять лет назад, но о котором они хранили в тайне. Возможно, только однажды в истории археологических открытий была сделана столь поразительная находка, вызвавшая такой же энтузиазм как у специалистов, так и у широкой публики, как когда эти изображения великих монархов были извлечены из их гробницы. Священность присуща только недавно умершим, и археологи не испытывают угрызений совести, выставляя в музеях фигуры, которые когда-то правили великим народом и которых их непосредственные преемники почитали как богов.

Из этого краткого анализа следует, что остатки египетских письменных источников во многом дают нам представление о жизни народа, но тем не менее наши знания об этой жизни гораздо более ограничены, чем хотелось бы. После тщательного изучения и анализа последней строки сохранившихся письменных источников остается верным то, что главный источник нашей информации о нравах и обычаях египтян находится не в письменных словах, а в графических изображениях. Так же как иллюстрации современного журнала, если они сохранились, расскажут потомкам гораздо больше о нашей повседневной жизни, чем можно почерпнуть из страниц текста, который они дополняют, так и рисунки, которые так любили египтяне, выполняют аналогичную функцию. Именно благодаря изучению этих рисунков Уилкинсон смог воссоздать жизнь народа, и именно к ним современные исследователи должны обращаться и сегодня.

ЕГИПЕТСКИЕ ФИГУРЫ

(Из памятников)

Рукописи дают нам важные подсказки и намеки, то и дело проливая свет на некоторые темные уголки, но главная история рассказывается не иероглифическими или иератическими свитками, а реальными изображениями. Как уже было сказано, они показывают нам людей в течение ограниченного периода времени, занимающихся обычными делами. Они показывают нам, что египтяне уделяли внимание тем же вещам, что и современные люди. С помощью этих изображений мы можем отправиться вместе с египтянами не только в поля и виноградники, где они трудятся, но и в частные жилища, где мы можем наблюдать, как они пируют, играют на музыкальных инструментах, танцуют и занимаются различными видами спорта и играми.

Мы вынуждены поверить, что он был очень человечным, очень похожим на нас в своих стремлениях и желаниях, даже в способах их реализации; и все же архаичные формы этих изображений настолько странно впечатляют ум, что мы никогда не сможем полностью избавиться от ощущения, что здесь мы имеем дело с существами из другого, совершенно другого мира.

Нечто таинственное, нечто оккультное присуще египтянам, как бы мы ни пытались развеять эту иллюзию. Эта сила, которую жители современного Египта имели над древними греками, сохраняется и по сей день. Они очаровывают умы всех, кто на них смотрит, и никакие рассуждения не могут полностью изгнать это очарование. Мы знаем и верим, что это были обычные смертные, такие же, как мы, и все же, несмотря на это знание, мы *чувствуем*, что в них было что-то совершенно иное. И это суеверное чувство, возможно, лежит в основе таинственного очарования, которое египтяне оказывали на все последующие поколения.

ЕГИПЕТЯНЕ ГЛАЗАМИ ГЕРОДОТА

Как классический мир относился к египтянам, нам ясно показывают страницы Геродота, который говорит как очевидец. Конечно, он говорит о египтянах более поздней эпохи, но его комментарии, вероятно, с небольшими изменениями применимы и к обычаям гораздо более ранних периодов.

Египтяне, живущие в возделанных частях страны, из всех, кого я видел, самые изобретательные, уделяя больше внимания улучшению памяти, чем остальные люди. Чтобы дать некоторое представление об их образе жизни: в течение трех дней подряд каждый месяц они используют слабительные, рвотные средства и клизмы; они делают это из заботы о своем здоровье, будучи убежденными, что болезни тела вызываются различными элементами, поступающими с пищей. Кроме того, мы можем смело утверждать, что после африканцев нет народа, который по здоровью и конституции мог бы сравниться с

египтянами. Этому в значительной степени способствует климат, который здесь не подвержен изменениям: изменения любого рода, и в частности смены сезонов, способствуют развитию и возникновению болезней тела. Хлеб, который они пекут из полбы, они называют циллестис; в их стране нет виноградников, но они пьют напиток, сброженный из ячменя; они питаются в основном рыбой, соленой или высушенной на солнце; они также едят перепелов, уток и некоторых мелких птиц, предварительно только посолив их; но они жарят и варят других птиц и рыбу, которые у них есть, за исключением тех, которые сохраняются для священных целей.

На банкетах богатых, когда гости собираются вставать из-за стола, вокруг них носят маленький гроб, содержащий точную копию мертвого тела: его размеры иногда составляют один, но никогда не более двух локтей, и, показывая его гостям по очереди, носильщик восклицает: «Взгляните на эту фигуру, после смерти вы сами будете похожи на нее; пейте же и будьте счастливы». Таковы обычаи, которые они соблюдают на праздниках.

Они с удовлетворением следуют обычаям своих предков и не приемлют иностранные нравы. Среди прочего, что заслуживает нашего одобрения, у них есть песня, которая также используется в Финикии, на Кипре и в других местах, где она носит другое название. Из всего, что удивило меня в Египте, ничто не озадачило меня больше, чем мое любопытство узнать, откуда египтяне узнали эту песню, так полностью напоминающую греческую «Линус»: она является самой древней из всех их песен, и они называют ее «Манерос». У них есть предание, что Манерос был единственным сыном их первого монарха; и что, умерев преждевременно, они учредили эти меланхоличные мелодии в его честь, составив свою первую и в более ранние времена единственную песню.

Египтяне превосходят всех греков, за исключением лакедемонян, в почтении, которое они оказывают старшим: если молодой человек встречает старшего, он немедленно отступает в сторону, чтобы пропустить его; если старший входит в комнату, молодые люди всегда встают со своих мест; эта церемония не соблюдается ни одним из греков. Когда египтяне встречаются, они не разговаривают, а выражают глубокое почтение, кланяясь с опущенной рукой до колена.

Их одежда, которую они называют каласирис, сделана из льна и имеет бахрому внизу; поверх нее они накидывают своего рода шаль из белой шерсти, но в этих шерстяных одеждах им по религии запрещено как хорониться, так и входить в любое священное здание; это особенность тех церемоний, которые называются орфическими и пифагорейскими: тот, кто был посвящен в эти тайны, никогда не может быть похоронен в шерстяном одеянии, для чего существует священная причина.

Египтяне также запомнились тем, что они первыми придумали, какой месяц или день следует посвятить каждому божеству; они также, наблюдая за днями рождения, осмеливаются предсказывать конкретные обстоятельства жизни и смерти человека: это делают поэты Греции, но египтяне, безусловно, открыли больше чудесных вещей, чем все остальное человечество. Всякий раз, когда происходит какое-либо чудо, они записывают подробности и отмечают последующие события: если впоследствии они наблюдают какой-либо подобный случай, они приходят к выводу, что результат будет таким же. Искусство гадания в Египте ограничено некоторыми из их божеств. В этой стране есть оракулы Геракла, Аполлона, Минервы и Дианы, Марса и Юпитера; но оракул Латоны в Буто ценится больше, чем все остальные: оракульное общение не регулируется какой-либо фиксированной системой, а получается по-разному в разных местах.

Подголовники для умерших

(Сейчас находится в Британском музее)

Искусство медицины в Египте практикуется следующим образом: один врач специализируется на одной болезни; конечно, есть большое количество людей, которые практикуют это искусство; некоторые лечат заболевания глаз, другие — головы; некоторые лечат зубы, другие знакомы со всеми заболеваниями кишечника; в то время как многие занимаются лечением менее заметных болезней.

Что касается похорон и траурных церемоний, то всякий раз, когда умирает какой-либо важный человек, женщины из его семьи, измазывая свои головы и лица грязью, оставляют труп в доме и бегают по улицам в сопровождении своих родственников, с разорванной одеждой, обнаженной грудью и сильно бия себя: мужчины со своей стороны поступают так же, после чего тело отправляют к бальзамировщикам.

Если египтянин или иностранец найден убитым крокодилом или утонувшим в воде, город, ближайший к месту обнаружения тела, обязан бальзамировать его, оказать ему все уважение и затем поместить в какое-нибудь освященное место: ни друзья, ни родственники не имеют права вмешиваться; весь процесс проводится жрецами Нила, которые сами хоронят тело с таким уважением, которого безжизненный труп вряд ли заслуживает.

Они выражают отвращение к обычаям Греции и, по правде говоря, ко всем другим народам. Это замечание относится, за одним исключением, к каждой части Египта (). Хеммис — место, заслуживающее значительного внимания в Фиваиде, оно находится недалеко от Неаполя и примечательно храмом Персея, сына Даны. Этот храм имеет квадратную форму и окружен пальмами. Вестибюль, который очень просторный, построен из камня, а на вершине установлены две большие мраморные статуи. Внутри освященного ограждения стоят святыня и статуя Персея, который, как утверждают жители, часто появляется в стране и в храме. Иногда они находят одну из его сандалий, длиной в два локтя, и всякий раз, когда это происходит, по всему Египту царит плодородие. В его честь устраивают публичные игры по греческому обычаю. По этому случаю проводятся всевозможные гимнастические упражнения. Победители получают в награду скот, жилеты и шкуры. Однажды меня побудили спросить, почему Персей появляется только перед ними и почему они отличаются от остального Египта празднованием гимнастических упражнений. В ответ они сообщили мне, что Персей был уроженцем их страны, как и Данаос и Линкей, которые совершили путешествие в Грецию и от которых, по их словам, Персей был потомком в прямой линии. Этот герой посетил Египет с целью, как утверждают греки, привезти из Африки голову Горгоны. Случайно оказавшись среди них, он увидел своих родственников и был ими узан. Имя Хеммис он знал ранее от своей матери, и он сам учредил игры, которые они продолжали праздновать.

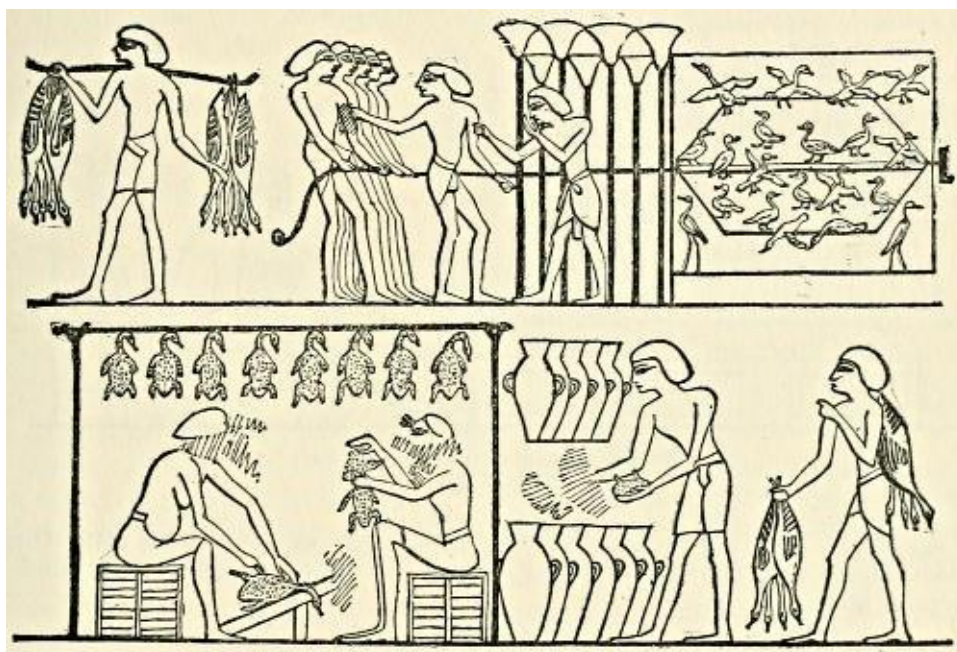
То, что я описал, — это нравы тех египтян, которые живут в верхних частях страны. Те, кто живет на болотистых землях, ничем существенным не отличаются.

Как и греки, они ограничиваются одной женой. Чтобы легче добывать себе средства к существованию, они используют следующий прием: когда вода поднимается до

максимальной отметки и все их поля затоплены, на поверхности появляется огромное количество растений рода лилий, которые египтяне называют лотосами: срезав их, они сушат их на солнце. Семена этого цветка, похожие на семена мака, они запекают и делают из них своего рода хлеб; они также едят корень этого растения, который имеет круглую форму, приятный вкус и размер яблока. Существует второй вид лотоса, который растет в Ниле и напоминает розу. Плод, который растет на конце корня, похож на осиное гнездо: в нем содержится несколько ядер размером с оливковую косточку, которые очень вкусны как в свежем, так и в сушеном виде. Что касается библиуса, который является однолетним растением, то после сбора в болотистой местности, где он растет, его верхушки срезают и используют для различных целей. Остальную часть, длиной почти в локоть, едят или продают. Чтобы сделать это блюдо еще более изысканным, многие предварительно обжаривают его. Для значительной части этого народа рыба является основным продуктом питания; они сушат ее на солнце и едят без дополнительной подготовки.

Жители болотистых мест используют масло, которое они называют кики, выжатое из растения *Sillicyprian*. В Греции это растение растет самопроизвольно, без какого-либо возделывания, но египтяне сеют его на берегах рек и каналов; там оно дает плоды в большом количестве, но с очень сильным запахом: после сбора они получают из него, путем трения или прессования, маслянистую жидкость, которая распространяет неприятный запах, но по качеству при сжигании она не уступает оливковому маслу.

Египтяне имеют средство против комаров, которых здесь удивительно много. Поскольку ветер не позволяет этим насекомым подниматься далеко от земли, жители более высоких частей страны обычно спят в башенках. Те, кто живет на болотистой местности, используют следующий заменитель: у каждого человека есть сеть, с помощью которой они ловят рыбу днем, а ночью используют для защиты. Они накрывают свои кровати сетями и спокойно спят под ними. Если бы они спали в своей обычной одежде или под простынями, комары не преминули бы их мучить, чего они даже не пытаются делать через сетку.

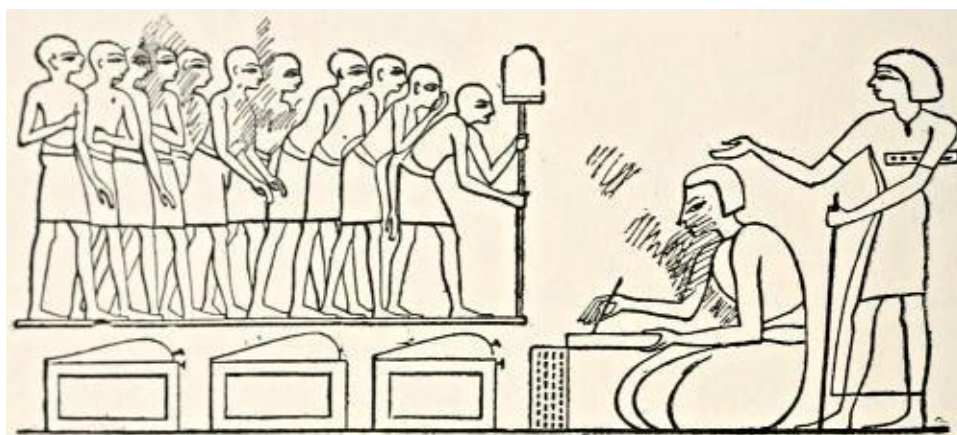
Охотники, ловящие гусей, и птицеводы

(Уилкинсон)

Их грузовые суда построены из вида колючего дерева, которое напоминает лотос Кирены и из которого добывают смолу. Из этого дерева они вырезают доски размером примерно в два локтя в квадрате: после того, как они располагают их в форме кирпичей и прочно скрепляют между собой, они устанавливают с боков скамейки для гребцов. Они не используют искусственно вырезанную древесину, а скрепляют доски вместе с корой библиуса, из которой делают веревки. У них есть один руль, который проходит через киль судна; их мачта сделана из того же терна, а паруса сформированы из библиуса. Эти суда тянут по суше, потому что, если ветер не очень благоприятный, они не могут плыть против течения. Когда они плывут по течению, они бросают с носа судна преграду из тамариска, скрепленную тростником; у них также есть перфорированный камень весом в два таланта; его опускают на корму, закрепив веревкой. Название этого вида корабля — барис, который быстро тянет вперед вышеупомянутая преграда, движимая течением. Камень на корме регулирует ее движение. У них огромное количество таких судов, и некоторые из них имеют грузоподъемность в несколько тысяч талантов.

Во время паводка Нила видны только города, возвышающиеся над водой, как острова Эгейского моря. Пока продолжается паводок, суда не ограничиваются руслом реки, а пересекают поля и равнины. Те, кто направляется из Навкратиса в Мемфис, проходят мимо пирамид; однако это не обычный маршрут, который пролегает через вершину дельты и город Керкасор. Если из моря и города Канопус путешественник желает пройти по равнинам в Навкратис, он должен пройти через Антиллу и Архантрос.

Из этих мест Анфилла является наиболее значительным: кто бы ни был правителем Египта, оно вечно отнесено к доходам царицы и предназначено для особой цели — снабжения ее сандалиями; это наблюдается с тех пор, как Египет стал вассалом Персии. Я полагаю, что другой город получил свое название от Архандера, сына Пфия, зятя Даная и внука Ахея. Возможно, существовал и другой Архандер, поскольку это имя явно не египетское.¹

Лица, подлежащие регистрации

(Уилкинсон)

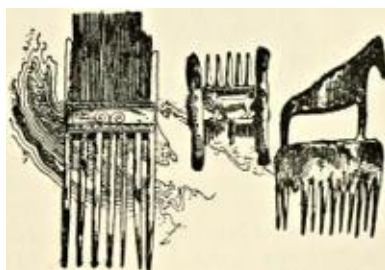
Вот и все о обычаях египтян, как их видел Геродот. Оставив теперь современную точку зрения, давайте попробуем найти современное толкование.

ЖИЛИЩА НАРОДА

Из всех различных институтов древних египтян, по словам величайшего толкователя египетских обычаев, ни один не представляет такого интереса, как те, которые касаются их общественной жизни; и когда мы рассматриваем положение других стран в ранние века их расцвета, с X по XX век до нашей эры, мы можем с уважением смотреть на прогресс, которого они тогда достигли в цивилизации, и признать те блага, которые они принесли человечеству за время своего существования. Ведь, как и другие народы, они сыграли свою роль в великом плане развития мира и внесли свой вклад в предначертанный прогресс человечества; ведь страны, как и отдельные люди, обладают определенными качествами, которые, отличаясь от качеств их предшественников и современников, предназначены для выполнения своих необходимых обязанностей в должное время. Интерес к египтянам объясняется тем, что они были первопроходцами или первым известным нам народом, который добился большого прогресса в искусстве и нравах цивилизации, что для периода, в котором они жили, было очень почетным и намного превосходило достижения других царств мира. Мы также не можем не отметить разницу между ними и их азиатскими соперниками, ассирийцами, которые даже в гораздо более поздний период имели большие недостатки азиатской жестокости — сдирали кожу заживо, пронзали кольями и пытали своих пленников, как это делали персы, турки и другие восточные народы до настоящего века; этот упрек не может быть отнесен к древним египтянам. Будучи доминирующей расой той эпохи, они неизбежно оказывали влияние на других, с которыми вступали в контакт; и именно таким образом цивилизация продвигается через различные стадии своего развития; каждый народ стремится улучшить уроки, извлеченные из опыта соседей, чьи институты он ценит или считает полезными для себя. Именно так активный ум талантливых греков искал и совершенствовал уроки, извлеченные из опыта других стран, особенно Египта; и хотя в конце VII века до н. э. последний утратил свое величие и престиж превосходства среди народов мира, он по-прежнему оставался центром обучения и прибежищем ученых философов; а злоупотребления, последовавшие за падением империи, еще не привели к деморализации последующих времен.

В отношении к женщинам они, по-видимому, были намного более прогрессивны, чем другие богатые сообщества той же эпохи, имея обычаи, очень похожие на обычаи современной Европы; и такое уважение проявлялось к женщинам, что им отдавалось предпочтение перед мужчинами, а жены и дочери царей наследовали трон наравне с мужскими ветвями королевской семьи. Эта привилегия не была отменена, несмотря на то, что она не раз приносила им проблемы, связанные с оспариванием престола: иностранные короли часто претендовали на право на трон через брак с египетской принцессой. Это было не просто влияние, которым женщины часто обладают в самых деспотичных восточных обществах, и не политическое значение, присуждаемое отдельному лицу, как, например, султане Валиде, королеве-матери в Константинополе; это было право, признанное законом как в частной, так и в общественной жизни.

Как и во всех странах с теплым климатом, бедные слои египетского населения в основном жили на открытом воздухе, а дома богатых были построены так, чтобы летом в них было прохладно: благодаря продуманному расположению проходов и дворов в них свободно циркулировал свежий воздух.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ РАСЧЕСКИ

(ныне в Британском музее)

Дома строились из сырцового кирпича, оштукатуривались и окрашивались в яркие цвета, которые так нравились египтянам; богато украшенные особняки имели многочисленные дворы и архитектурные детали, заимствованные из храмов. Бедные люди довольствовались очень простыми жилищами; их потребности легко удовлетворялись как в плане жилья, так и в плане питания; их дома состояли из четырех стен с плоской крышей из пальмовых ветвей, уложенных поперек расколотого финиковой пальмы в качестве балки и покрытых матами, обмазанными толстым слоем грязи. В доме была одна дверь и несколько маленьких окон, закрытых деревянными ставнями. Поскольку дождь почти никогда не шел, грязевая крыша не смывалась в гостиную; и этот домик скорее служил укрытием от солнца и кладовой для их вещей, чем обычным домом, как в других странах. Действительно, большую часть года хозяева спали на крыше, и, поскольку большую часть работы они выполняли на открытом воздухе, их легко было убедить, что дом для них гораздо менее необходим, чем гробница.

В их планах дома в городах, как и виллы в сельской местности, варьировались в зависимости от прихоти строителей. План некоторых из первых состоял из ряда комнат по три стороны двора, который часто был засажен деревьями. Другие состояли из двух рядов комнат по обеим сторонам длинного коридора с входным двором со стороны улицы; а третьи были расположены в виде комнат вокруг центральной площадки, похожей на римское *имплувиум*, вымощенной камнем или с несколькими деревьями, резервуаром или фонтаном в центре. Иногда, хотя и редко, к входной двери с улицы вела лестница.

Небольшие дома часто соединялись между собой и образовывали непрерывные стороны улиц; внутренний двор был общим для нескольких жилых домов. Другие, более скромные, состояли просто из комнат, выходящих в узкий проход или прямо на улицу. У них был только подвал или первый этаж, и лишь немногие дома превышали два этажа над ним. В основном они состояли из одного верхнего этажа, и хотя Диодор говорит о высоких домах в Фивах высотой в четыре и пять этажей, картины показывают, что лишь немногие имели три этажа, а самые большие редко имели четыре, включая подвал, как он это делает.^{[b](#)}

Слуга, подающий гостю цветок лотоса

Мумии кошек

(ныне в Британском музее)

ГЛАВА X. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ

Эта страна настолько густо населена божествами, что найти бога легче, чем человека. — Петроний.

Немногие вещи так трудно понять, как религия чужого народа. Действительно, перед нами постоянно возникает слишком много примеров того, что даже среди одного и того же народа, где идеи основаны на одних и тех же авторитетах, возможны большие расхождения во мнениях. Поэтому вряд ли можно ожидать, что какой-либо народ полностью поймет религиозную веру другого народа. Еще больше усложняет дело то, что все великие религии имеют восточное происхождение и восходят к донаучной эпохе. Существенной характеристикой как восточного, так и ненаучного мышления является его неопределенность. Арабский историк, даже в наши дни, любит предаться абсурдным риторическим полетам. Он усыпает свои страницы гротескными метафорами, использует самые гиперболические преувеличения, не избегает самых вопиющих противоречий и на все это набрасывает завесу туманного мистицизма.

Если это верно для восточного стиля сочинения, когда он применяется к серьезным, основанным на фактах повествованиям, то, конечно, нельзя ожидать ничего более определенного, когда речь идет о религии. Поэтому неудивительно, что священные книги всех великих религий написаны в стиле, хорошо рассчитанном на то, чтобы запутать ум любого, кто подходит к ним с каким-либо другим настроением, кроме предвзятой веры. Это в равной степени относится как к египетской, так и ко всем другим восточным религиям. С другой стороны, данные, предоставленные нам для интерпретации египетской веры, гораздо более обильны, чем те, которые доступны в случае большинства других великих религий древности.

Несмотря на путаницу, неопределенность и кажущееся противоречие, присущие египетским записям, вероятно, верно, что можно сформировать достаточно правильное представление, по крайней мере в общих чертах, об эволюции и развитии, а также о конечном состоянии веры, которая доминировала среди народов Нила в течение по крайней мере трех тысяч лет. Безусловно, доступны по крайней мере общие черты развития этой веры, и они тем более заслуживают представления, что могут быть одновременно рассмотрены как иллюстрация вероятной эволюции веры других народов.

Наиболее очевидным и поразительным фактом, привлекающим внимание исследователя египетской религии, является огромное количество богов: Ра, Гор, Осирис, Исида, Тму, Амон, Сет — список можно продолжать почти бесконечно. Кроме того, существует немалая путаница в отношении точного статуса различных богов, названных выше. При беглом осмотре может показаться, что египтяне более позднего периода сами не имели четкого представления о том, сколько богов действительно входило в иерархию, или о точной идентичности наиболее важных из них. И, по-видимому, так и было на самом деле.

Единственным рациональным объяснением этой путаницы, по-видимому, является предполагаемый факт, что в ранний доисторический период различные общины Египта, еще не объединенные под единым правительством (), имели каждая свое особое божество. Это местное божество, ревностно заботившееся об интересах своего народа, естественным образом приобретало большую или меньшую значимость в зависимости от роста или упадка общины, над которой оно властвовало. Кроме того, в связи с перемещением части населения из одного сообщества в другое, с самого раннего времени, вероятно, существовала постоянная тенденция к смешению атрибутов различных богов, поскольку человек, переселявшийся из одной деревни в другую, вряд ли мог полностью забыть местного бога, который ранее был главным объектом его поклонения. Затем, когда после централизации правительства одна община или другая становилась доминирующей, в последующие века, вероятно, наблюдалась тенденция к подчеркиванию важности того или иного местного бога.

Таким образом, ясно, что во времена Нового Царства, когда Фивы стали столицей и главным центром империи, Амон, местный бог Фив, приобрел важность, которой ему до сих пор не придавали значения. В конце концов, даже стало обычным отождествлять Амона с Ра, величайшим богом из всех или царем богов, и в употреблении появилось сложное имя Амон-Ра. Различные другие имена были образованы путем аналогичного смешения атрибутов, главным образом, возможно, из-за естественной тенденции отождествлять своего местного бога с богом, обладающим более широко признанной властью. Если немного поразмыслить, становится ясно, что все это вело к признанию важнейшего центрального бога, который в определенной степени управлял и контролировал иерархию менее значимых божеств. Но, по-видимому, с самых ранних времен существование такого всемогущего бога признавалось повсеместно.

Можно даже усомниться в том, что какая-либо религия, достойная этого имени, может не прийти к такому выводу. Человеческий разум естественным образом прослеживает путь от следствия к причине, и хотя он не может вполне ясно понять идею единственной конечной причины, он не может уйти от анализа, который приводит к этой идее.

С этой точки зрения можно утверждать, что египетская религия, как и любая другая религия, является монотеистической; безусловно, она стремилась к монотеизму, и, безусловно, эта концепция лучше всего соответствует естественному складу восточного ума. Естественнo пытаться представить себе в духовном мире состояние вещей, не сильно отличающееся от условий реального мира, и народ, у которого не было более высокого представления о государственном устройстве, чем мысль об автократии, возглавляемой единственным верховным монархом, был бы странно неверным своим психологическим предрассудкам, если бы он не смог представить себе подобное состояние вещей, существующее в иерархии богов.

Однако наряду с этой тенденцией к монотеизму всегда существует противоположная тенденция к умножению божеств. Основание нового города или колонии рано или поздно влекло за собой создание бога, который возглавлял бы новое сообщество. Если сначала для этой цели переносили старого бога, то местная ревность наверняка требовала бы божества, которое было бы заинтересовано исключительно в местном сообществе. Опять же, обожествление царей и, возможно, других умерших знатных лиц неизбежно приводило к постоянному пополнению списка богов. Но не следует полагать, что это множество второстепенных божеств обязательно противоречило основной идее монотеизма в случае египтян, так же как умножение святых не влияет на статус христианской религии.

Над всеми другими богами, от начала до конца, всегда существовало представление о Ра, Несотворенном, автократе небес. Гор, бог солнца, который каждый день сражался в интересах человечества против злобного демона Сета, или Сутеха, и который каждую ночь терпел поражение, только чтобы снова ожить и возобновить сражение с каждым следующим утром, был богом великой и широко признанной силы. Однако, как показывает история, он не был полностью отождествлен, как иногда предполагалось, с верховным богом Ра. Последний обладал некой неосязаемостью, некой неопределенностью, несовместимой с очевидной визуальной реальностью бога солнца или с существованием любого другого бога, чьи качества можно было бы четко определить. По самой своей природе концепция Ра была расплывчатой. Он олицетворял последний анализ мысли, от которого ум отшатывается в ошеломлении и признает себя побежденным.

Хотя мы едва ли можем сомневаться в том, что именно таким было положение верховного бога Ра в умах самых философских мыслителей Египта, тем не менее очевидно, что существовала постоянная тенденция ассоциировать качества различных других богов с качествами верховного божества; другими словами, возвышать меньшее божество до царства богов, подобно тому, как важный подданный может время от времени возвышаться до земного царства.

Наиболее ощутимые усилия в этом направлении были предприняты в конце XVIII династии Аменхотепом IV, который впоследствии стал известен как Хун-Атен, «великолепие солнечного диска», и которого более поздние поколения охарактеризовали как еретического царя. Этот монарх стремился подчинить, если не уничтожить, всех второстепенных богов, установив царствование только бога солнца как верховного, возможно, единственного божества. Эта попытка не увенчалась успехом, и последовавшая за ней реакция привела к тому, что старая религия укрепилась еще больше, чем когда-либо, в своих прежних верованиях и обрядах. Тем не менее, эта попытка представляет большой исторический интерес, отчасти потому, что она показывает, что идея существенного

монотеизма, лежащая в основе поверхностного многобожия, была распространена в Египте и даже получила официальное признание примерно в то же время, когда египтяне удерживали в плену детей Израиля. В данном случае не имеет значения, в какой степени идеи последних могли быть подвержены влиянию этого сильного течения египетской мысли.

Только что было сказано, что реакция на ересь поклонения солнцу сделала старую веру более прочной, чем прежде. Никогда больше не предпринималось заметных и заметных попыток отойти от древней веры. Какие бы изменения ни были внесены, религия в целом оставалась неизменной на протяжении всей остальной истории Египта. Но эта неизменность, далеко не являясь особенностью египтян, является историей каждой великой теологической системы. Основой такой системы является опора на авторитет прошлого. Неизменной опорой традиционной веры является консерватизм, лежащий в основе всей цивилизации и, как ни парадоксально это может показаться, всего прогресса. Консерватор, устремив взгляд в прошлое, твердо стоит на пути прогресса, крича «Стоп!» каждому нововведению. Однако в период жизнеспособности нации эта попытка перекрыть поток прогресса приводит, в лучшем случае, к временной стагнации, поскольку время от времени давление новых идей достаточно, чтобы разорвать узы. Но может наступить время, когда жизнеспособность нации будет подорвана, и когда сила консерватизма сможет противостоять всем прогрессивным движениям.

Такое время наступило в Египте как раз в ту эпоху, когда народы Персии и Греции готовились вступить в мировую борьбу, и с того времени традиционная теология, представленная священничеством, стала доминировать в Египте, а некогда могущественная цивилизация долины Нила перестала удерживать свои позиции. Записи, которые нам оставили другие народы о египетских условиях, относятся исключительно к этому позднему периоду и поэтому всегда должны восприниматься с определенной осторожностью. Тем не менее, что касается более осязаемых вещей, которые они описывают, то они, возможно, не сильно отличаются от того, что было бы, если бы они были написаны тысячу лет назад. Они рассказывают нам о великих пирамидах, которые были гробницами царей, о странных обычаях мумификации мертвых и о поклонении животным, настолько грубом по своему характеру, что современному человеку это почти невообразимо. Пирамиды, безусловно, относятся к древней эпохе; более того, они все еще стоят, бросая вызов времени, чтобы свидетельствовать о правдивости греческих рассказов. Мумии сохранились в бесчисленном количестве, и если поклонение животным исчезло с приходом новой религии после македонского вторжения, нет никаких оснований сомневаться в существенной точности, что касается чисто внешних проявлений, рассказов о нем, которые сохранили для нас греки.

Поэтому нам следует обратиться к страницам Геродота и Диодора за описанием внешних обрядов, практикуемых египтянами, всегда помня, что это свидетельство чужеземных, хотя и сочувствующих свидетелей, но почти не сомневаясь, что это свидетельство по крайней мере столь же беспристрастно, как и любое, которое современный потенциальный интерпретатор может извлечь из монументальных записей.

Общее впечатление, которое складывается даже при беглом рассмотрении этого вопроса, состоит в том, что религия египтян, несмотря на свои весьма поразительные особенности внешних обрядов, по сути своей мало отличалась от других великих религий. Она была политеистической, но с основополагающей концепцией монотеизма. Ее главные обряды подразумевали непоколебимую веру в бессмертие души. Ее основные учения были по сути моральными в соответствии с лучшими представлениями того времени. И если со стороны казалось, что она развивала гротескные ритуалы и смесь расплывчатых теистических

концепций, то и в этом отношении она вряд ли может претендовать на уникальность среди восточных религий.^а

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ПОДВЕРЖЕНИЯ

Геродот дает интересное описание некоторых религиозных обрядов, практиковавшихся в его время. Он говорит:

Жрецы богов, которые в других местах носят длинные волосы, в Египте носят короткие. В других местах принято, в случае смерти, чтобы самые близкие родственники стригли волосы в знак скорби; но египтяне, которые в другое время носят коротко стриженные головы, в этом случае позволяют волосам расти. Другие народы не допускают животных к месту своего трапезы, но в Египте они живут вместе с людьми. Пшеница и ячмень являются обычными продуктами питания в других странах, но в Египте они считаются низкими и постыдными; рацион здесь состоит в основном из полбы, вида зерна, которое некоторые называют зеа. Тесто они замешивают ногами, а при удалении грязи и навоза не гнушаются использовать руки. Мальчиков, за исключением тех мест, которые позаимствовали этот обычай отсюда, в других народах оставляют такими, какими их создала природа, а в Египте их обрезают. Мужчины имеют два жилета, а женщины только один. В отличие от обычаев других народов, египтяне крепят веревки к парусам с внутренней стороны. Греки, когда едят или считают с помощью счетных палочек, идут слева направо, а египтяне — справа налево; несмотря на это, они упорно утверждают, что греки едят слева направо, а они сами всегда справа налево. У них есть два вида букв (), один из которых предназначен для священных предметов, а другой используется в обычных случаях [иероглифические и иератические знаки].

Их почитание божеств доходит до крайней степени суеверия: одним из их обычаев является питье из медных кубков, которые они по общепринятой традиции очищают каждый день. Они настолько заботятся о чистоте, что носят только льняную одежду, причем всегда свежeweстиранную; и именно из соображений чистоты, которую они ценят гораздо выше красоты, они практикуют обрезание. Каждые три дня их священники бреют все части тела, чтобы предотвратить появление паразитов или каких-либо загрязнений у тех, кто занимается служением богам: священники также обязаны носить особую одежду; у них есть одна льняная одежда, а их обувь сделана из библуса [папируса]; они моются в холодной воде два раза в течение дня и столько же раз ночью; действительно, было бы трудно перечислить все их религиозные обряды, которые они выполняют с суеверной точностью. Взамен священнослужители обладают многими и большими преимуществами: они не обязаны потреблять какую-либо часть своего домашнего имущества; каждый из них имеет часть священных яств, приготовленных для него, помимо большого ежедневного пайка говядины и гусей; у них также есть вино, но им не разрешается питаться рыбой.

Бобы не сеют ни в одной части Египта, и жители не едят их ни вареными, ни сырыми; священники даже не смотрят на эту бобовую культуру, считая ее чрезвычайно нечистой. У каждого бога есть несколько священников-служителей и один священник высшего достоинства, который председательствует над остальными; когда кто-то из них умирает, его место занимает его сын.

Они считают быков священными для Эпафа, и перед жертвоприношением их тщательно осматривают: если на теле быка обнаруживается хотя бы один черный волос, он считается нечистым; для этой цели специально назначается священник, который осматривает животное в стоячем положении и в положении на спине: также вытягивается его язык, и священник наблюдает, нет ли на нем пятен, указанных в священных книгах, о которых я

расскажу ниже. Также осматривается хвост, каждый волос которого должен расти в естественной и надлежащей форме: если во всех этих случаях бык оказывается без пороков, священник прикрепляет библию к его рогам; затем он наносит смесь земли, на которой остается отпечаток его печати, и животное уводят; эта печать имеет такое большое значение, что принесение в жертву животного, на котором ее нет, считается смертным преступлением.

Я перехожу к описанию их способа принесения в жертву: приведя животное, предназначенное и помеченное для этой цели, к алтарю, они разжигают огонь; на алтарь выливают возлияние вина; торжественно призывают бога, а затем убивают жертву; после этого отрезают ей голову и снимают шкуру с туши; на голову насыпают множество проклятий: те, у кого поблизости есть рынок, несут ее туда и продают греческим торговцам; если у них нет такой возможности, они бросают ее в реку. Они посвящают голову, желая, чтобы все зло, угрожающее тем, кто приносит жертву, или Египту в целом, обрушилось на эту голову.^[11] Эта церемония, касающаяся головы животного, и этот способ возлияния вина на алтарь, без исключения соблюдаются всеми египтянами: вследствие вышесказанного ни один египтянин ни при каких обстоятельствах не станет есть голову животного. Что касается осмотра жертв и церемонии их сжигания, то у них есть разные методы, в зависимости от различных случаев жертвоприношения.

Теперь я расскажу более подробно о богине, которую они считают первой из своих божеств и в честь которой отмечают свой величайший праздник. После предварительной церемонии молитв они приносят в жертву быка; затем снимают с него шкуру, вынимают кишки, оставляя жир и рубцы; после этого отрезают ноги, плечи, шею и концы поясицы; остальную часть туши начинают тонким хлебом, медом, изюмом, инжиром, ладаном и различными ароматическими веществами; после этого они сжигают ее, поливая пламя большим количеством масла: пока жертва горит, зрители, постившиеся перед церемонией, бичуют себя; все завершается пиром из остатков жертвы. Все египтяне приносят в жертву быков без пороков и телят; самки посвящены Исиде и не могут быть использованы для этой цели. Это божество изображается в виде женщины и, как греки изображают Ио, с рогами на голове; по этой причине египтяне почитают коров гораздо больше, чем любое другое скот. Ни один мужчина или женщина из них не поцелует грека, не воспользуется ножом, плевательницей или любой другой бытовой утварью, принадлежащей греку, и не съест даже мясо животных, которые по их закону считаются чистыми, если оно было нарезано греческим ножом. Если какой-либо из этих животных умирает, они распоряжаются его тушей следующим образом: самок бросают в реку, самцов закапывают в окрестностях города, а в качестве отметки оставляют один, а иногда и оба рога, торчащие из земли: они остаются так в течение определенного времени, пока не начнут гнить, после чего из Просопитиса, острова в дельте, протяженностью девять скенов и содержащего несколько городов, отправляется сосуд, предназначенный для этой конкретной цели. Атарбехис, один из этих городов, в котором находится храм Венеры, предоставляет сосуды для этой цели, которые отправляются в разные части Египта: они собирают и транспортируют кости животных, которые все закапываются в одном назначенном месте. Этот закон и обычай распространяется на любое скот, который может умереть, так как сами египтяне никого не убивают.

Те, кто поклоняется в храме фиванского Юпитера или принадлежит к округу Фив, воздерживаются от овец и приносят в жертву коз. Те же божества получают в Египте

различные формы поклонения; только церемонии Исиды и Осириса, который, как они говорят, не кто иной, как греческий Бахус, остаются неизменными; в храме Мендеса и во всем округе Мендеса козы сохраняются, а овцы приносятся в жертву. Почитание мендесцев к этим животным, и в частности к самцам, столь же велико и всеобще: оно распространяется и на козопасов. Есть один козел, который почитается больше остальных, и его смерть серьезно оплакивается всем округом мендесцев. В египетском языке слово «Мендес» используется как для обозначения Пана, так и для обозначения козла.

Египтяне считают свинью нечистым животным, и если они случайно прикоснутся к ней, то немедленно бросаются в воду вместе с одеждой. Это предубеждение приводит к тому, что все свинопасы, хотя и являются уроженцами Египта, не допускаются в храмы: с людьми такого рода старательно избегают брачных связей, и они вынуждены вступать в брак только с представителями своей профессии. Единственные божества, которым египтяне приносят в жертву свиней, — это Бахус и Луна; им они приносят жертвы, когда луна в полнолунии, после чего едят мясо. Почему они приносят в жертву свиней именно в это время, а не в другое, египтяне имеют среди себя традицию, которую деликатность не позволяет мне объяснить. Вот как они приносят это животное в жертву Луне: как только его убивают, они отрезают конец хвоста, который вместе с селезенкой () и жиром заворачивают в кауль и сжигают; остатки, которые в любое другое время они бы презирали, они съедают во время полнолуния, когда совершается жертвоприношение. Бедные делают фигурки свиней из муки, которые, предварительно испеки, приносят в жертву на алтаре.

В день праздника Бахуса, во время ужина, каждый человек перед дверью своего дома приносит в жертву свинью. Свинопас, у которого они ее купили, после этого может забрать ее. За исключением этой жертвы свиней, египтяне празднуют праздник Бахуса так же, как и греки.^b

ДАРЫ И БОГАТСТВА ХРАМОВ

Есть некоторые очень практические особенности управления храмами, которые Геродот совершенно упустил из виду, но которые были выявлены благодаря усилиям современных ученых. Некоторые из них замечательно указаны профессором Эрманом:

Не последнюю роль в обретении священниками Нового царства той власти, которая в конечном итоге победила саму королевскую власть, сыграло их богатство. Этим они были обязаны подаркам, и, насколько мы можем судить, в основном подаркам от царей; лишь изредка мы встречаем случаи, когда пожертвования делали частные лица. С самых ранних времен все правители были заняты этим роковым делом (некоторые, как благочестивые цари V династии, больше других); даже в Древнем царстве многие храмы достигли такого процветания, что даже обладали собственными вооруженными силами.

Золотой век храмов начался с азиатских походов XVIII династии. Приблизительное представление о дарах, которые Техутимос III делал Амену, можно получить из остатков надписи в Карнаке: поля и сады лучших земель Юга и Севера, земельные владения на возвышенностях, где росли сладкие деревья, дойные коровы и быки, а также большое количество золота, серебра и лазурита; затем плененные азиаты и негры — по меньшей мере 878 душ — мужчины, женщины и дети, — которые должны были наполнять житницы бога, прясть и ткать, а также возделывать его поля. Наконец, он отдал Амену три завоеванных им города — Эн-Хеугса, Йену-Аму и Хуренхара, которые должны были платить богу ежегодную дань. Поскольку почти каждый правитель Нового Царства хвастается почти одинаковыми словами о том, что он проявил свою набожность на практике, сначала хочется считать эту постоянную самовосхваление фараонов, как и многое другое в египетских

текстах, обычной пустой фразой. Но в этом случае наши сомнения зашли бы слишком далеко, поскольку по крайней мере некоторые из царей действительно делали храмам подарки, превосходящие все, что можно было бы считать вероятным. Счастливый случай, сохранивший для нас великий папирус Харриса, позволяет нам привести в качестве доказательства цифры. Царь Рамсес III оставил после своей смерти обширный манифест, в котором он подробно перечисляет все, что он сделал для святилищ своей страны за тридцать один год своего правления. Цифры в этих списках, очевидно, взяты из отчетов государства и различных храмов и, следовательно, заслуживают доверия.

Эта великая запись, занимающая папирусный свиток длиной 1333 фута и состоящий из 79 страниц большого размера, разделена на пять разделов в соответствии с получателями подарков. Первый раздел содержит подарки храмам Фив, затем следуют подарки Гелиополису, Мемфису и более мелким святилищам страны (); наконец, пятый раздел содержит общую сумму всех пожертвований.

Сложив вместе аналогичные предметы из пожертвований, дани и жертвоприношений, мы получаем основные статьи доходов египетских храмов за тридцать один год, примерно следующие: около 1 тонны (1015 кг 336 г) золота; около 3 тонн (2993 кг 964 г) серебра и эквивалент серебра; 940 кг 3 г черной бронзы; около 13 тонн (13 059 кг 865 г) бронзы; около 14 фунтов (7 кг 124 г) драгоценных камней; 1 093 803 штуки драгоценных камней; 169 городов, 1 071 780 участков пахотной земли; 514 виноградников и садов; 178 кораблей; 133 433 раба; 514 968 голов скота (особенно волов); 680 714 гусей; 494 800 рыб; 2 382 605 фруктов; 5 740 352 мешка кукурузы; 6 744 428 хлебов; 256 460 кувшинов вина; 466 303 кувшина пива; 368 461 кувшин ладана, меда, масла и т. д., 1 933 766 единиц.

Чтобы дать читателю представление о тех огромных суммах, о которых здесь идет речь, я могу заметить, что даже в наше время, когда стоимость металлов так сильно снизилась, количество драгоценных металлов, о которых идет речь, стоило бы около четырех миллионов марок (около 1 000 000 долларов или 200 000 фунтов стерлингов). И не следует забывать, что на тех же шесть или семь миллионов египтян, которые в дополнение к государственному налогу должны были производить эти сокровища *«ad majorem dei gloriam»*, одновременно возлагалось строительство храмов Мединет-Абу, Карнак, Тель-эль-Техуде и других. Поистине, силы маленькой страны были чрезмерно задействованы в непродуктивных целях поклонения.

Но что делало эти условия настолько нездоровыми, так это непропорциональное распределение потраченных сокровищ. Если бы многие храмы страны участвовали в этих дарах на равных, ни один из них не достиг бы крайней степени власти и богатства. Но, вероятно, по политическим мотивам, которые мы теперь уже не можем определить, Рамсес III отдал предпочтение одному храму самым пристрастным образом, и именно тому, которому его предшественники уже предоставили самые богатые дары. Это было святилище Амона в Фивах, которое получило львиную долю всех даров щедрого правителя.

Так, например, из 113 433 рабов, которых Рамсес раздал, не менее 86 486 досталось Амону; из 493 386 голов скота — 421 362; из 1 071 780 участков земли — 898 168; из 514 виноградников — 433; и так далее: 2756 золотых и серебряных изображений богов были предназначены исключительно для него, как и девять иностранных городов; даже здесь следует считать исключительно скудным подарком то, что он получил только 56 из 160 египетских городов. В целом, вряд ли будет ошибочным предположить, что из общего количества подарков три четверти попали в сокровищницы Амена; из 86 486 рабов бог Хонсу и богиня Мут получили в общей сложности только 3908.

Поскольку ранние правители Нового царства также стремились наполнить сокровищницу своего любимого бога Амона, этот бог в конечном итоге обладал ресурсами, по сравнению с

которыми ресурсы всех других богов были ничтожны, и опять же именно документ Рамсеса III позволяет нам оценить это в цифрах.

Если сравнить эти цифры, то можно с уверенностью сказать, что в эпоху XX династии Амон из Фив владел как минимум в пять раз большим имуществом, чем бог солнца из Гелиополиса, и в десять раз (если не больше) большим, чем Птах из Мемфиса. И все же именно эти два бога ранее были самыми почитаемыми и, безусловно, самыми богатыми () во всей стране. Огромный размер храмовой собственности, конечно, требовал гораздо более сложной системы управления, чем та, которая была необходима для скромных владений древних святилищ. Даже в одном из крупных храмов Среднего царства его сокровища, зернохранилища и делопроизводство могли вести определенные члены священнического колледжа, поскольку связанные с этим работы можно было выполнять параллельно; помимо низших слуг в этих храмах почти не было постоянных чиновников. В Новом царстве все было совсем иначе: священники больше не могли управлять без посторонней помощи и привлекали к этому целую армию чиновников. Это относится ко всем храмам, но, конечно, особенно к храму Амона в Фивах. Этот бог обладал общим управлением домом, т. е. храмовой мебелью; у него были специальные отделы для сокровищ, земель, амбаров, волов и крестьян, и каждый из этих отделов имел своего надзирателя княжеского ранга и своего писца. Есть также старший главный писец Амона, который ведет реестр имущества святилища Амона-Ра (). А поскольку в большом храме Нового Царства строительство новых зданий и реставрационные работы никогда не прерываются, у него есть также собственное управление строительством, которому подчиняются все работы; конечно, предусмотрено также необходимое количество рабочих и ремесленников всех видов, от маляров до каменщиков. Для обеспечения порядка в храме и на поместьях бог имеет свои собственные вооруженные силы с высшими и низшими офицерами, а поскольку среди его подданных часто происходят очень светские события, у него есть также своя собственная тюрьма. О большом штате подчиненных чиновников, которые, должно быть, существовали в такой администрации, мы, конечно, знаем очень мало, поскольку этот класс держится в тени. Тем не менее, такие люди, как надзиратели жертвенных складов, привратники всех видов и парикмахеры, оставили нам памятники и, следовательно, должны были пользоваться определенным процветанием.

То, что мы здесь изложили относительно управления храмом, было бы еще более интересно, если бы мы знали о взаимоотношениях всех этих должностей и о том, как случилось, что то одни, то другие оказались объединены в одних руках. То, что первосвященник присваивал себе, по крайней мере номинально, то одну, то другую, особенно важную должность, вполне понятно; но остается неясным, как, например, управление строительством может в одно время передаваться в качестве второстепенной функции главному писцу, а в другое время — управляющему амбарами, тем более что первый, кроме того, руководил быками бога, а второй имел под своей защитой казну и «сверял все договоры в храме Амена». Кроме того, характерно, что эти высокопоставленные храмовые чиновники часто являются также государственными чиновниками; постепенное преобразование старого царства в священническое государство XXI династии, которым правят первосвященники Амона, уже явно проявляется в таких двойных должностях. Тем не менее, царская власть не подчинялась духовной без сопротивления, и вполне возможно, что как реформа Хун-Атона, так и беспорядки в конце XIX династии, когда в храмы не приносились жертвы, были в значительной степени вызваны попыткой противостоять индивидуальной и растущей власти жречества Амона. Надо признать, что последнее вышло из обоих испытаний сильнее, чем когда-либо. [c](#)

Роскошь египетских храмов тем более удивительна, что она была направлена на простых животных. Это поклонение животным произвело глубокое впечатление на авторов классической эпохи. Описание Диодора особенно полно и ярко.

ДИОДОР О ПОЧТЕНИИ ЖИВОТНЫХ

Поклонение и почитание животных среди египтян многим кажется совершенно странным и необъяснимым явлением, заслуживающим изучения; ведь они поклоняются некоторым существам даже сверх меры, как живым, так и мертвым, например кошкам, ихунемонам, собакам, коршунам, птицам ибисам, волкам, крокодилам и многим другим подобным. Я постараюсь объяснить причину этого, сначала кратко рассказав о них. Прежде всего, они посвящают участок земли каждому виду животных, которых почитают, выделяя средства на их кормление и уход. Некоторым из этих божеств египтяне благодарят за излечение своих детей от болезней, например, бреют им головы, взвешивают волосы и весят их золотом или серебром, а затем отдают эти деньги тем, кто ухаживает за животными. Коршунам, когда они летают, они громко кричат и бросают им на землю куски мяса, пока те их не возьмут. Кошкам и ихунемонам они дают хлеб, смоченный в молоке, гладят их и балуют, или кормят кусочками рыбы, пойманной в реке Нил. Таким же образом они обеспечивают пищей других животных в соответствии с их видами.

Они не только не отказываются от почитания своих животных и не стыдятся их, но, напротив, гордятся ими, как высшим поклонением богам, и носят специальные знаки и знамена чести для них по городу и стране; по этой причине те, кто ухаживает за животными (будучи видными издали), почитаются и поклоняются всем, падая на колени. Когда кто-то из них умирает, его заворачивают в тонкое полотно, с воем бьют себя в грудь и уносят, чтобы засалить, а затем, помазав кедровым маслом и другими веществами, которые придают телу ароматный запах и надолго сохраняют его от гниения, хоронят в тайном месте. Тот, кто умышленно убивает любое из этих животных, подлежит смертной казни; но если кто-либо убивает кошку или птицу ибис, умышленно или нет, его непременно утаскивают на смерть толпа, и иногда самым жестоким образом, без какого-либо формального суда или приговора. Из страха перед этим, если кто-нибудь случайно находит какое-либо из этих животных мертвым, он держится в стороне и с прискорбными воплями и протестами сообщает всем, что он нашел его мертвым.

Таково религиозное почитание, внушенное сердцам людей по отношению к этим существам, и настолько упорно каждый склонен поклоняться им и почитать их, что даже в то время, когда римляне собирались заключить союз с Птолемеем, и все люди считали своим важным делом ласкать и проявлять всю возможную вежливость и доброту к тем, кто прибыл из Италии, и из страха из всех сил старались не дать ни малейшего повода для обиды или войны, тем не менее случилось так, что когда римлянин убил кошку, народ в смятении бросился к его жилищу, и ни князя, посланные королем, чтобы отговорить их, ни страх перед римлянами не смогли спасти этого человека от ярости народа, хотя он сделал это против своей воли; и я рассказываю об этом не понаслышке, а был сам очевидцем этого во время моего путешествия в Египет. Если эти вещи кажутся невероятными и похожими на басни, то те, о которых мы расскажем далее, будут выглядеть еще более странными. Ведь сообщается, что в то время, когда в Египте был голод, многие были доведены до такого отчаяния, что по очереди питались друг другом; но ни один человек не был обвинен в том, что он хотя бы немного попробовал этих священных существ. Более того, если в доме найдут мертвую собаку, вся семья бреет свои тела и устраивает громкие причитания (). И что самое удивительное, если в доме, где умерло какое-либо из этих животных, есть вино, хлеб или

другие продукты, то согласно их суеверию, их нельзя использовать ни для каких целей. А когда они были за границей на войне в чужих странах, они с большим плачем привезли с собой в Египет мертвых кошек и коршунов, в то время как сами были готовы умереть с голоду из-за нехватки провианта.

Кроме того, какие религиозные обряды они совершали в честь Аписа в Мемфисе, Мневиса в Гелиополисе, козла в Мендесе, крокодила в озере Моэрис и льва, содержавшегося в Леонтополисе, и многих других подобных, легко описать, но очень трудно поверить, если только человек не видел этого сам. Эти животные содержатся и кормятся на освященной огороженной территории, и многие великие люди обеспечивают их пищей, не жалея средств и затрат; они постоянно дают им муку из лучшей пшеницы, фрументи, всевозможные сладости с медом, а также гусей, иногда жареных, а иногда вареных; а для тех, кто питается сырым мясом, они обеспечивают птиц. Не говоря уже о том, что они тратят огромные средства на кормление этих существ, они не жалеют сил, чтобы мыть их в горячих ваннах, помазывать их самыми драгоценными мазями и надушивать их самыми сладкими ароматами. Они также предоставляют им самые роскошные постели для сна, с достойной мебелью, и чрезвычайно заботятся о том, чтобы они размножались друг с другом, в соответствии с законом природы. Они выращивают для каждого из самцов (в соответствии с их видом) самых красивых самок, называют их своими наложницами или возлюбленными и тратят огромные средства на их содержание.

Когда кто-то из них умирает, они переживают так же, как при смерти собственных детей, и тратят на их похороны все свое имущество и даже больше. Когда Апис умер от старости в Мемфисе после смерти Александра и во время правления Птолемея Лага, его хранитель не только потратил все свои огромные сбережения на его похороны, но и одолжил у Птолемея пятьдесят талантов серебра для той же цели. А в наше время некоторые смотрители этих животных растратили не менее ста талантов на их содержание. К этому можно добавить еще и то, что принято среди них в отношении священного быка, которого они называют Аписом. После того, как великолепные похороны Аписа закончились, священники, ответственные за это дело, ищут другого теленка, как можно более похожего на предыдущего; и когда они его находят, все дальнейшие скорбь и плач прекращаются; и священники, назначенные для этой цели, ведут молодого быка [или бычка] через город Нил и кормят его сорок дней. Затем они помещают его в баржу, в которой находится золотая каюта, и так перевозят его как бога в Мемфис и помещают в роще Вулкана. В течение сорока дней, упомянутых выше, никто, кроме женщин, не имеет права видеть его, и они, стоя перед ним, поднимают свои плащи. После этого им запрещают появляться на глазах у этого нового бога. Для поклонения этому быку они приводят следующую причину. Они говорят, что душа Осириса перешла в быка, и поэтому, когда бык посвящается, до сих пор дух Осириса вливается в одного быка за другим для потомков. Но некоторые говорят, что члены Осириса (убитого Тифоном) были брошены Исидой в быка, сделанного из дерева и покрытого бычьими шкурами, и отсюда город Бусирис получил свое название. Многие другие вещи они сказочно рассказывают об Аписе, что было бы слишком утомительно пересказывать. Но поскольку все, что касается поклонения животным, удивительно и действительно невероятно, очень трудно выяснить истинные причины и основания этого суеверия.

Мы уже упоминали, что жрецы имеют частное и тайное объяснение этих вещей в истории богов, но простой народ приводит три причины для своих действий. Первая из них совершенно невероятна и согласуется со старым бредом: они говорят, что первых богов было очень мало, а людей было гораздо больше, и они были настолько злыми и безбожными, что боги были слишком слабы для них, и поэтому превратились в животных,

чтобы избежать их нападений и жестокости. Но потом, говорят они, цари и князья земные (в благодарность тем, кто был первоначальным источником их благополучия) предписали, как тщательно следует кормить тех существ, чью форму они приняли, пока они живы, и как их следует хоронить, когда они умрут.

Другая причина, которую они приводят, заключается в следующем: древние египтяне, по их словам, часто терпели поражения от соседних народов из-за беспорядка и суматохи, царивших среди них при формировании своих батальонов, и в конце концов нашли способ нести знамена или флаги перед своими полками; поэтому они нарисовали изображения этих животных, которых теперь почитают, и прикрепили их на конце копья, которое офицеры несли перед собой, и благодаря этому каждый человек точно знал, к какому полку он принадлежит; и поскольку благодаря соблюдению этого хорошего порядка и дисциплины они часто одерживали победы, они приписывали свое спасение этим существам; и чтобы выразить им свою благодарность, было установлено законом, что ни одно из этих существ, изображения которых ранее носили с собой, не должно быть убито, а должно почитаться с религиозным трепетом и заботой, как описано выше.

Третья причина, приводимая ими, — это польза и преимущества, которые эти существа приносят для общего поддержания и сохранения человеческой жизни. Ведь корова полезна как для пахоты, так и для разведения других коров для тех же целей. Овца окотывается два раза в год и дает шерсть для одежды и украшений, а из ее молока и сливок делают большие и вкусные сыры. Собака полезна как для охраны дома, так и для удовольствия от охоты в поле (), и поэтому их бог, которого они называют Анубисом, изображается с головой собаки, что означает, что собака была охранником как Осириса, так и Исиды. Другие говорят, что когда они сражались за Осириса, собаки вели Исиду и своим лаем и визгом (как добрые и верные помощники инквизиторов) отгоняли диких зверей и отвлекали других, которые стояли на их пути; поэтому во время празднования праздника Исиды собаки возглавляют процессию. Те, кто впервые ввел этот обычай, тем самым обозначили древнюю доброту и хорошую службу этого существа. Кошка также очень полезна против ядовитых укусов змей и смертельного укуса аспиды.

Ихневмон тайно наблюдает за тем, где крокодил откладывает яйца, и разбивает их на куски, и делает это с большим рвением, по естественному инстинкту, без какой-либо необходимости для собственного пропитания; и если бы это животное не было столь полезным, крокодилы размножились бы до такой степени, что на Ниле не было бы возможности плавать: да, сами крокодилы уничтожаются этим животным удивительным и невероятным образом. Ихневмон катается в грязи, а затем, заметив крокодила, спящего на берегу реки с широко открытой пастью, внезапно впивается ему в горло и проникает в его внутренности, а затем прогрызает себе путь через живот и таким образом спасается, убив своего врага.

Среди птиц ибис полезен для уничтожения змей, саранчи и червя-пальмера. Коршун — враг скорпионов, рогатых змей () и других мелких существ, которые кусают и жалят людей до смерти. Другие говорят, что эта птица обожествлена, потому что авгуры используют быстрый полет этих птиц в своих гаданиях. Другие говорят, что в древние времена книга, переплетенная алой нитью (в которой были записаны все обряды и обычаи поклонения богам), была перенесена коршуном и доставлена священникам в Фивы: по этой причине священные писцы носили красную шапку с пером коршуна. Фиванцы поклоняются орлу, потому что он кажется царственной птицей и заслуживает поклонения, подобающего самому Юпитеру. Они говорят, что козел считался одним из богов, как Приап почитается у греков: это существо чрезвычайно похотливо и поэтому должно быть высоко почитаемо.

Этим изображением они выражают свою благодарность богам за многолюдность своей страны.

Священных быков Аписа и Мневиса (говорят они) они почитают как богов по велению Осириса, как за их полезность в земледелии, так и для того, чтобы сохранить почетную и вечную память о тех, кто первым открыл хлебное зерно и другие плоды земли. Однако законно приносить в жертву красных быков, потому что Тифон, который вероломно убил Осириса и был сам казнен Исидой за убийство ее мужа, казался того же цвета. Они также сообщают, что в древности люди с рыжими волосами, как у Тифона, приносились в жертву царями у гробницы Осириса. И действительно, среди египтян очень мало рыжеволосых, но много иностранцев. Отсюда и возникла басня о жестокости Бусириса по отношению к иностранцам среди греков, хотя на самом деле никогда не было царя по имени Бусирис, но гробница Осириса так называлась на египетском языке. Они говорят, что почитают волков как божеств, потому что по своей природе они очень близки к собакам, так как они мало чем отличаются друг от друга, спариваются между собой и рожают щенков.

Они приводят еще одну причину для своего поклонения, но она самая невероятная из всех: они говорят, что когда Исида и ее сын Орус были готовы вступить в сражение с Тифоном, Осирис поднялся из подземного мира в образе волка и помог им, и поэтому, когда Тифон был убит, победители приказали поклоняться этому зверю, потому что день был выигран сразу же после его появления. Некоторые утверждают, что во время вторжения эфиопов в Египет большое количество волков собралось вместе и прогнало врага за пределы города Элафантина, и поэтому эта провинция называется Ликополитикой (); по этим причинам вышеупомянутые звери стали почитаемыми и обожаемыми.

Теперь осталось поговорить об обожествлении крокодила, о причине которого многие спрашивали, поскольку эти звери пожирают людей, но при этом почитаются как боги, которые в то же время являются опасными инструментами многих жестоких несчастий. На это они отвечают, что их страна защищается не только рекой, но в гораздо большей степени крокодилами; и поэтому воры из Аравии и Африки, боясь большого количества этих существ, не осмеливаются пересекать реку Нил, и они лишились бы этой защиты, если бы эти животные были истреблены охотниками.

Но есть и другое объяснение этим явлениям: один из древних царей по имени Менес, будучи преследуемым своими собственными собаками, был вынужден бежать в озеро Морис, где крокодил (чудо, о котором стоит рассказать) поднял его и перенес на другой берег, где в благодарность животному он построил город и назвал его Крокодил; и приказал почитать крокодилов как богов и посвятил им озеро как место, где они могут питаться и размножаться (). Там он построил для себя гробницу в виде четырехугольной пирамиды и лабиринт, который вызывал всеобщее восхищение. Точно так же они рассказывают истории о других вещах, которые было бы слишком утомительно пересказывать здесь. Некоторые считают совершенно очевидным (поскольку многие из них не едят многие плоды земли), что жажда наживы и прибыли заразила их этим суеверием: некоторые никогда не пробуют чечевицу и другие бобы, а некоторые никогда не едят сыр, лук и подобные продукты, хотя Египет изобилует этими продуктами. Тем самым они дают понять, что все должны научиться умеренности и, чем бы ни питались, не должны предавать себя обжорству. Но другие приводят другую причину: они говорят, что во времена древних царей, когда народ был склонен к мятежам и заговорам, один из их мудрых и благоразумных князей разделил Египет на несколько частей и назначил в каждой части поклонение какому-либо животному или запретил какой-либо вид пищи, чтобы таким образом каждый поклонялся своему собственному существу и презирал то, чему поклонялись в другой провинции, и египтяне никогда не могли бы договориться между собой.

Но некоторые приводят следующую причину обожествления этих существ: они говорят, что вначале люди, которые были жестокими и зверскими по своей природе, собирались в стада и пожирали друг друга; находясь в постоянной войне и раздоре, сильные всегда уничтожали слабых. Со временем те, кто был слишком слаб для других (наконец научившись на опыте), объединились в группы и изобразили этих зверей (которых они впоследствии почитали) на своих знаменах, к которым они бежали вместе, когда были напуганы, при каждом случае, и таким образом создавали значительную силу против тех, кто пытался напасть на них. Остальные последовали их примеру, и так все множество объединилось в одно целое; и отсюда произошло, что то существо, которое каждый считал причиной своей безопасности, почиталось как бог, как заслуживающее этого поклонения. И поэтому сегодня народ Египта различается в своей религии, каждый поклоняясь тому животному, которому поклонялись их предки вначале.^d

СОВРЕМЕННЫЙ ОПИСАНИЕ ПОКЛОНЕНИЯ АПИСУ, СВЯЩЕННОМУ БЫКУ

Среди церемоний, связанных с Осирисом, праздник Аписа занимает видное место.

Ведь Осирис почитался также в образе Аписа, священного быка Мемфиса, или в образе человека с головой быка, сопровождаемого именем «Апис-Осирис». Согласно Плутарху, «Апис был прекрасным и красивым образом души Осириса»; тот же автор сообщает нам, что «Мневис, священный бык Гелиополиса, также был посвящен Осирису и почитался египтянами с почтением, уступающим только почитанию Аписа, которого некоторые считают его отцом». Это согласуется с утверждением Диодора, который говорит, что Апис и Мневис были священными для Осириса и почитались как боги по всему Египту; а Плутарх предполагает, что из этих хорошо известных представлений об Осирисе жители Элиды и Аргоса почерпнули идею о Бахусе с головой быка; Бахус считался тождественным Осирису. Геродот, описывая его, говорит: «Апис, также называемый Эпаф, — это молодой бык, чья мать не может иметь других потомков и который, по утверждению египтян, зачался от молнии, посланной с небес, и таким образом произвел на свет бога Аписа. Его можно узнать по определенным признакам: его шерсть черная; на лбу у него белое треугольное пятно, на спине — орёл, под языком — жук, а шерсть на хвосте двойная». Овидий изображает его в различных цветах (). Страбон говорит, что его лоб и некоторые части тела белого цвета, а остальные — черные; «по этим признакам они выбирают нового, который сменит другого, когда тот умрет»; а Плутарх считает, что «из-за большого сходства, которое они видят между Осирисом и Луной, его более яркие и сияющие части затенены и затуманены более темными, они называют Аписа живым образом Осириса и полагают, что он был зачат лучом созидательного света, исходящим от Луны и падающим на его мать в момент, когда она была к этому сильно расположена».

Плиний говорит об Аписе, что «у него было белое пятно в форме полумесяца на правом боку и шишка под языком в форме жука». Аммиан Марцеллин говорит, что белый полумесяц на его правом боку был главным признаком, а Элиан упоминает двадцать девять знаков, по которым его можно было узнать, каждый из которых имел какое-то мистическое значение. Но он утверждает, что египтяне не признавали те признаки, которые были указаны Геродотом и Аристагором. Некоторые полагают, что он был полностью черным, а другие утверждают, что определенные признаки, такие как преобладающий черный цвет и жук на языке, указывают на то, что он был посвящен солнцу, а полумесяц — луне. Аммиан и другие говорят, что «Апис был посвящен Луне, а Мневис — Солнцу», и большинство авторов описывают последнего как черного цвета.

Трудно сказать, прав ли Геродот в отношении особых признаков Аписа. Однако есть свидетельства, найденные в Египте на бронзовых изделиях, что стервятник (а не орел) на

его спине был одной из его характеристик, без сомнения, как и многие другие, придуманных самими жрецами, которые, вероятно, доставляли ему много неудобств и боли, чтобы сделать отметины и шерсть соответствующими его описанию.

Апису принадлежали все чистые быки, выбранные для жертвоприношения; необходимым условием для этого, согласно Геродоту, было полное отсутствие черных пятен или даже одного черного волоса; хотя, как я буду иметь возможность заметить при рассмотрении жертвоприношений, это утверждение историка далеко от точности. Можно также усомниться в том, что имя Эпаф, которым, по его словам, греки называли Аписа на своем языке, было греческого происхождения.

В иероглифических легендах он называется Хапи; а бык, демонстративный и образный знак, следующий за его именем, сопровождается *крестом ансата*, или эмблемой жизни. Редко когда на его голове есть украшения, но фигура Аписа (или Хапи) Осириса обычно носит солнечный шар и аспиду, символ божественного величия, которые также присутствуют на бронзовых фигурах этого быка.

Мемфис был местом, где содержался Апис и где его почитание было особенно распространено. Он не просто рассматривался как эмблема, но, как говорят Плиний и Цицерон, считался «богом египтян», а Страбон называет «Аписа тем же, что и Осирис». Псамтек I построил там величественный двор (украшенный фигурами вместо колонн высотой двенадцать локтей, образующих внутренний перистиль), в котором он содержался, когда выставлялся на публичное обозрение. К нему примыкали две конюшни (*delubra* или *thalami*), упомянутые Плинием, а Страбон говорит: «Перед оградой, где содержится Апис, находится вестибюль, в котором также кормят мать священного быка; в этот вестибюль вводят Аписа, чтобы показать его незнакомцам. После того, как его выводят на некоторое время, его снова забирают обратно; в другое время его можно увидеть только через окно». «Храм Аписа находится рядом с храмом Вулкана, который отличается архитектурной красотой, размерами и богатством украшений».

Праздники и церемонии поклонения Апису

Праздник в честь Аписа длился семь дней; по этому случаю в Мемфисе собиралось большое количество людей. Затем жрецы вели священного быка в торжественной процессии, и все люди выходили из своих домов, чтобы приветствовать его, когда он проходил мимо.

Когда Апис умирал, некоторые священники, выбранные для этой обязанности, отправлялись на поиски другого быка, которого можно было узнать по признакам, упомянутым в священных книгах. Как только его находили, его везли в город на Ниле, готовя к перевозке в Мемфис, где его держали сорок дней; в течение этого периода только женщинам разрешалось его видеть. По истечении сорока дней его помещали в лодку с золотой каютой, подготовленной для его приема, и торжественно везли по Нилу в Мемфис.

Однако Плиний и Аммиан утверждают, что они привели быка Аписа к источнику жрецов и утопили его с большим торжеством, как только истекло время, предписанное священными книгами. Плутарх ограничивает срок его жизни двадцатью пятью годами («квадрат пяти и то же число, что и букв египетского алфавита»), после чего ему было запрещено жить; и, казнив его, они искали другого, чтобы заменить его. Его тело было забальзамировано, и в Мемфисе состоялась грандиозная похоронная процессия, когда его гроб, «положенный на сани, сопровождали жрецы», «одетые в пятнистые шкуры оленят (леопардов), несущие в

руках тирсы, произносящие те же крики и делающие те же жесты, что и поклонники Бахуса во время церемоний в честь этого бога».

Когда Апис умирал естественной смертью, его похороны отмечались с величайшей пышностью; и эта пышность доходила до такой степени, что те, кто был обязан заботиться о нем, часто разорялись из-за тяжелых расходов, которые на них ложились. Однажды, во время правления первого Птолемея, было заимствовано более пятидесяти талантов для покрытия необходимых расходов на его похороны; «а в наше время», — говорит Диодор, — «кураторы других священных животных потратили сто талантов на их похороны».

Египтяне не только оказывали божественные почести быку Апису, но, считая его живым образом и представителем Осириса, обращались к нему как к оракулу и извлекали из его поступков хорошие или плохие предзнаменования. Они имели обыкновение предлагать ему любую пищу рукой: если он брал ее, ответ считался благоприятным; если он отказывался, это считалось зловещим предзнаменованием. Плиний и Аммиан отмечают, что он отказался от того, что ему подарил несчастный Германик; и смерть этого принца, произошедшая вскоре после этого, считалась самым недвусмысленным подтверждением правдивости этих предзнаменований. Египтяне также извлекали предзнаменования, касающиеся благополучия своей страны, в зависимости от того, в какой конюшне он находился. Он имел свободный доступ к этим двум конюшням; и когда он спонтанно входил в одну из них, это предвещало благо для Египта, а в другую — наоборот; и многие другие знаки были получены из случайных обстоятельств, связанных с этим священным животным.

Павсаний говорит, что те, кто желал посоветоваться с Аписом, сначала сжигали ладан на алтаре, наполняли маслом лампы, которые там зажигались, и клали монету на алтарь справа от статуи бога. Затем, приложив рот к его уху, чтобы проконсультироваться с ним, они задавали любые вопросы, которые хотели. Сделав это, они уходили, закрывая оба уха, пока не выходили за пределы священной территории храма; и там, прислушиваясь к первому выраженному кому-либо слову, они извлекали из него желаемое предзнаменование.

Дети, согласно Плинию и Солину, которые в большом количестве присутствовали на процессиях в честь божественного быка, также получали дар предсказывать будущие события; те же авторы упоминают о суеверной вере в Мемфисе о влиянии Аписа на крокодила в течение семи дней, когда праздновали его рождение. По этому случаю ежегодно в Нил бросали золотую и серебряную патеру в месте, названном по своей форме «Бутылкой»; и пока длился этот праздник, никто не подвергался опасности нападения крокодилов, даже небрежно купаясь в реке. Но после шестого часа восьмого дня это уже нельзя было делать безнаказанно. Тогда неизменно наблюдалось, как враждебность этого животного к человеку возвращалась, как будто божество позволяло ему возобновить свои привычки.

Апис обычно содержался в одной из двух конюшен и редко выходил из них, за исключением прилегающего к ним двора, где его приходили посещать незнакомцы. Но в определенных случаях его с большой помпой проводили по городу. Его сопровождали многочисленные стражники, которые прокладывали путь сквозь толпу и не подпускали к нему посторонних, а впереди процессии шел хор детей, воспевающих гимны в его честь.

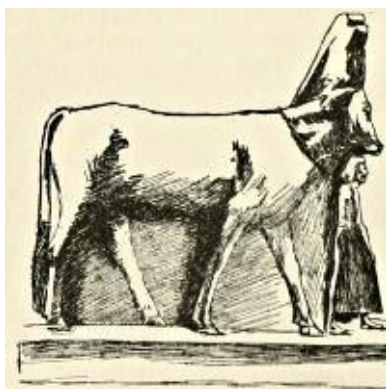
Особое внимание уделялось здоровью Аписа; для него старались добывать самую полезную пищу; и люди радовались, если им удавалось сохранить ему жизнь в полном объеме, предписанном законом. Плутарх также отмечает, что ему запрещалось пить воду из Нила, поскольку она обладала особым свойством откармливать. «Ибо, — добавляет он, — они стремятся предотвратить ожирение как у Аписа, так и у себя самих: всегда заботясь о

том, чтобы их тела были как можно более легкими для их душ, чтобы их смертная часть не угнетала и не утяжеляла более божественную и бессмертную».

В разные времена года проводилось множество праздников, поскольку, как отмечает Геродот, египтяне не довольствовались одним праздником, а ежегодно отмечали их огромное количество. Первое место среди них занимал праздник Дианы (Пакхт), который проводился в городе Бубастис с особой пышностью. На втором месте стоит праздник Исиды в Бусирисе, городе, расположенном в центре дельты, с очень большим храмом, посвященным этой богине, греческой Церере. Третьим по значимости является праздник Минервы (Нит), который проводится в Саисе; четвертым — праздник Солнца в Гелиополисе; пятым — праздник Латоны в городе Буто; шестым — праздник в Папреимсе в честь Марса.^e

Страбон, известный географ древности, посетил Египет в 24 году до н. э. и поднялся по Нилу. Среди других записей о своем путешествии он оставил нам живописный рассказ о том, как он посмотрел на священного быка.

В Гелиополисе, говорит он, мы видели большие здания, в которых жили жрецы. Ибо говорят, что в древности это было главным местом жительства жрецов, которые изучали философию и астрономию. Но теперь уже нет ни таких людей, ни таких занятий. Нам не указали никого, кто бы руководил этими занятиями, а только людей, которые совершают священные обряды и объясняют пришельцам (особенности) храмов.

Плывя вверх по реке, мы встречаем Вавилон, крепкую крепость, построенную некоторыми вавилонянами, которые укрылись там и получили разрешение от царей основать поселение в этом месте. В настоящее время это лагерь одного из трех легионов, гарнизирующих Египет. Есть горный хребет, который простирается от лагеря до Нила. На этом хребте находятся колеса и винты, с помощью которых поднимается вода из реки, и сто пятьдесят заключенных (таким образом) заняты этой работой.

Пирамиды на другой стороне (реки) в Мемфисе хорошо видны отсюда, так как находятся недалеко.

Сам Мемфис, резиденция египетских царей, также находится неподалеку, всего в трех шёнах от дельты. В нем есть храмы, среди которых храм Аписа, который является тем же, что и Осирис. Здесь бык Апис содержится в своего рода святилище и, как я уже сказал, считается богом. Лоб и некоторые другие небольшие части тела у него белые, остальные части — черные. По этим признакам всегда определяется пригодность преемника, когда умирает животное, которому они воздают эти почести. Перед святилищем находится двор, в котором есть еще одно святилище для матери Аписа. В этот двор Аписа иногда выпускают, в частности, для того, чтобы показать его незнакомцам. Его можно увидеть через дверь в святилище, и его разрешают смотреть и снаружи. После того как он немного порезвился во дворе, его возвращают в свой стойло. Храм Аписа находится рядом с Гефестионом (или храмом Вулкана); сам Гефестион построен очень роскошно, как с точки зрения размера наоса, так и в других отношениях. Перед Дромосом стоит колоссальная фигура, высеченная из одного камня. В этом Дромосе обычно устраивают бои быков; быки разводятся специально для этой цели, как лошади. Их выпускают на волю, и они сражаются друг с другом, а победитель получает приз.^f

МЕТОДЫ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ МЕРТВЫХ

Еще более поразительным, чем поклонение Апису, был обычай бальзамирования мертвых, который был в моде на протяжении нескольких тысяч лет. Геродот рассказывает нам о точном методе проведения этой процедуры:

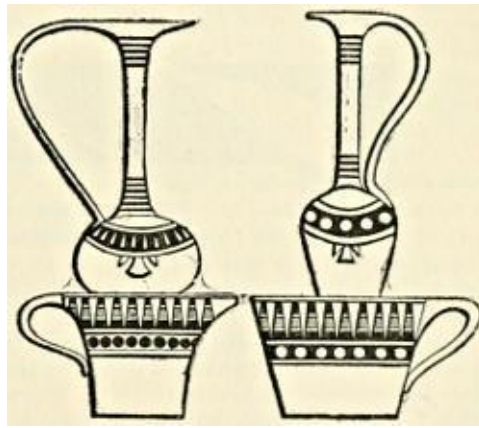
Существуют определенные лица, назначенные законом для осуществления профессии бальзамирования. Когда к ним приносят тело умершего, они показывают друзьям покойного различные модели, изготовленные из дерева с высокой степенью отделки. Самая совершенная из них, по их словам, напоминает человека, которого я не считаю уместным называть в таком контексте; вторая модель дешевле и уступает по качеству исполнения; третья еще более скромна. Затем они спрашивают, какая модель должна представлять покойного: когда цена определена, родственники удаляются, и бальзамировщики

приступают к работе: В самых совершенных образцах своего искусства () они извлекают мозг через ноздри, частично с помощью изогнутого куска железа, частично с помощью введения лекарственных средств; затем с помощью эфиопского камня делают разрез в боку, через который извлекают кишечник; его тщательно очищают, промывая пальмовым вином, а затем покрывают измельченными ароматическими веществами; затем наполняют тело порошком из чистого мирры, кассии и всех других благовоний, кроме ладана. Зашив тело, его покрывают селитрой на семьдесят дней, и это время нельзя превышать; по истечении этого срока тело моют, плотно обматывают хлопковыми бинтами, смачивают смолой, которую египтяне используют в качестве клея; затем его возвращают родственникам, которые помещают тело в деревянный ящик, сделанный в форме человеческой фигуры, и ставят его у стены в хранилище своих умерших. Вышеописанный способ бальзамирования является самым дорогостоящим. Те, кто желает сэкономить, используют следующий метод: они не извлекают кишечник и не делают никаких разрезов на теле умершего, а вводят мазь, приготовленную из кедра; приняв надлежащие меры для того, чтобы введенное масло осталось внутри тела (), его покрывают селитрой на указанный выше срок: в последний день они извлекают введенную жидкость, которая уносит с собой все внутренности и кишечник; селитра разъедает плоть, и остаются только кожа и кости: тело возвращается в таком состоянии, и больше о нем не заботятся. Существует третий способ бальзамирования, предназначенный для бедных. Тело подвергают особому омовению, после чего оставляют в селитре на вышеуказанные семьдесят дней, а затем возвращают. Жены знатных людей и женщины, отличавшиеся красотой или значимостью, после смерти не сразу передаются бальзамировщикам: их обычно хранят в течение трех или четырех дней, чтобы предотвратить любое оскорбление их личности. Один раз произошел такой случай.^b

Диодор дает несколько иное описание методов бальзамировщиков, добавляя некоторые весьма поучительные подробности о погребальных обычаях:

«Хотя мы, возможно, сказали больше, чем необходимо, об их священных существах, тем не менее мы изложили законы египтян, которые являются весьма примечательными. Но когда человек поймет их обряды и церемонии погребения умерших, он будет поражен еще большим восхищением.

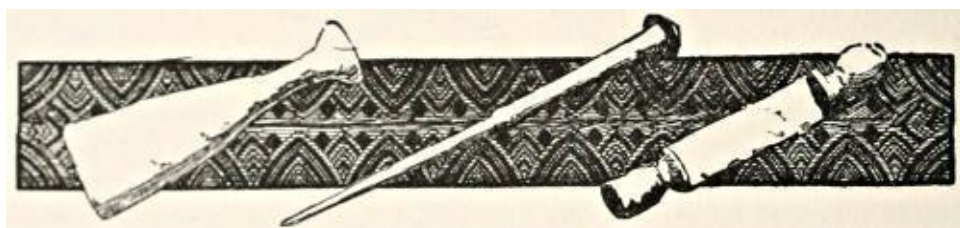
«Ибо после смерти любого из них все друзья и родственники покойного бросают грязь на свои головы и бегают по городу, скорбя и плача до тех пор, пока тело не будет похоронено, и в это время воздерживаются от купания, вина и всех приятных яств, а также от ношения богатых одежд. У них есть три вида похорон: величественные и пышные, умеренные и самые скромные. На первые они тратят талант серебра, на вторые — двадцать мин [около 62 фунтов 10 шиллингов или 300 долларов], на последние — очень небольшие суммы. Те, кто отвечает за обертывание и погребение тела, — это люди, которым это искусство было передано их предками. Они предоставляют семье письменный список всего, что необходимо для похорон, и спрашивают их, каким образом они хотят похоронить тело. Когда все согласовано, они забирают тело и передают его тем, чья обязанность заботиться о нем. Затем их вождь (которого называют писцом), положив тело на землю, отмечает, какую часть левой стороны в направлении кишечника следует разрезать и вскрыть, после чего парасхисты (так их называют) с помощью эфиопского камня вскрывают столько плоти, сколько оправдано законом, и, сделав это, он немедленно убегает со всех ног, а все присутствующие преследуют его с проклятиями и закидывают камнями, как будто он виновен в каком-то ужасном преступлении, ибо они считают его отвратительным человеком, который ранит и наносит насилие телу такого рода или причиняет ему какой-либо вред.

Золотые кувшины и чаши из гробницы РАМСЕСА III

«Но тех, кого они называют тарихеутами [бальзамировщиками], они очень почитают, ибо они являются спутниками жрецов и, как священные лица, допускаются в храм. Как только они подходят к расчлененному телу, один из тарихеутов просовывает руку через рану в грудь мертвеца и извлекает все внутренности, кроме почек и сердца. Другой очищает все кишечник и омывает его финикийским вином, смешанным с различными ароматическими специями. Наконец, омыв тело, они сначала помазывают его маслом кедра и другими драгоценными мазями в течение сорока дней подряд; после этого они хорошо втирают в него мирру, корицей и другими подобными веществами, которые не только подходят и эффективны для длительного сохранения, но и придают телу приятный запах, и таким образом передают его родственникам умершего, причем все части тела настолько целы и неповреждены, что ни одна часть тела не выглядит измененной, вплоть до волос на веках и бровей, так что красота и форма лица остаются такими же, как и раньше. Благодаря этому многие египтяне, помещающие тела своих предков в величественные монументы, могут в совершенстве видеть истинные лица и черты тех, кто был похоронен за много веков до их рождения. Так что, глядя на пропорции каждого из их тел и черты их лиц, они испытывают чрезвычайно большое удовольствие, как если бы те все еще жили среди них.

Кроме того, друзья и ближайшие родственники умершего сообщают судьям и остальным друзьям о времени, назначенном для похорон такого-то по имени, объявляя, что в такой-то день он должен пересечь озеро. В это время сорок судей появляются и садятся вместе полукругом в месте за озером, где корабль (заранее подготовленный теми, кто занимается этим делом) причален к берегу под управлением лоцмана, которого египтяне называют Хароном. Поэтому они говорят, что Орфей, увидев эту церемонию, когда он был в Египте, придумал миф о аде, частично подражая египтянам, а частично добавляя что-то от себя; об этом мы поговорим подробнее ниже.

Инструменты, используемые при бальзамировании

(Сейчас находится в Британском музее)

«Когда корабль находится на озере, каждый по закону имеет право обвинить умершего до того, как гроб будет помещен на борт; и если кто-либо из обвинителей предъявляет обвинение и доказывает, что умерший вел порочную жизнь, то судьи выносят приговор, и тело не может быть похоронено обычным образом; но если информатор будет признан виновным в скандальном и злонамеренном обвинении, он будет подвергнут очень суровому наказанию. Если информатор не появится или информация окажется ложной, все родственники умершего прекращают траур и начинают восхвалять его, но ничего не говорят о его рождении (как это принято у греков), потому что в Египте все считаются одинаково благородными. Но они рассказывают, как покойный воспитывался с детства, о его воспитании до достижения зрелого возраста, о его благочестии по отношению к богам и справедливости по отношению к людям, о его целомудрии и других добродетелях, в которых он превосходил всех (), и они молятся и призывают подземных богов принять покойного в общество праведников. Простой народ принимает это от других и одобряет все, что говорится в его похвалу, громким криком, и также прославляет его добродетели с наивысшей похвалой и восхвалением, как того, кто будет жить вечно с праведными в царстве Юпитера.

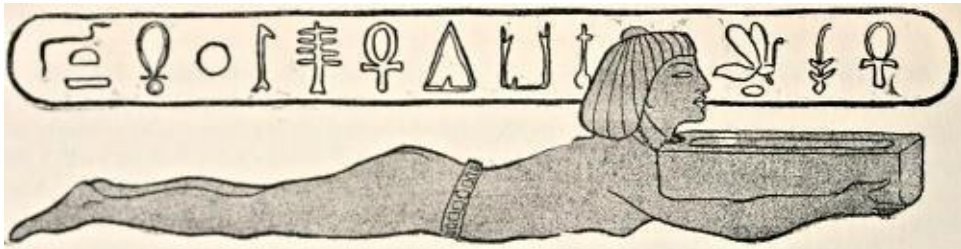
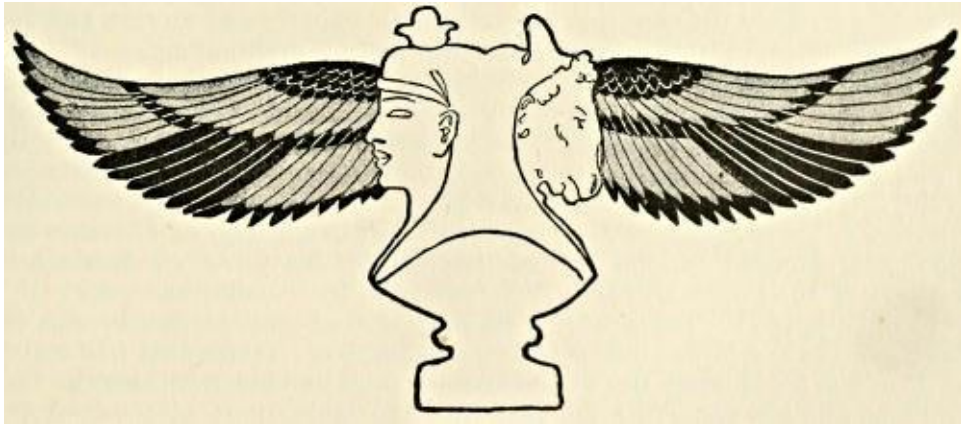
«Затем они (те, у кого есть собственные гробницы) хоронят тела в местах, предназначенных для этой цели; те, у кого нет собственных гробниц, строят небольшую комнату в своих домах и ставят гроб у самой прочной стены здания. Тех, кому отказано в общем погребении, либо потому что они имеют долги, либо потому что осуждены за какое-то ужасное преступление, хоронят в своих домах; и впоследствии часто бывает, что кто-то из их родственников, разбогатеv, выплачивает долги умершего или добивается его оправдания, а затем хоронит своего предка с почестями и великолепием. Ведь среди египтян существует священный закон, согласно которому они должны с наибольшими затратами чтить своих родителей и предков, которые переселились в вечное жилище.

«Среди них также существует обычай отдавать тела своих родителей в залог своим кредиторам, и те, кто не выкупает их в настоящее время, подвергаются величайшему позору, какой только можно себе представить, и после смерти им отказывают в погребении. Можно справедливо удивляться авторам этой превосходной конституции, которые как тем, что мы видим в практике среди живых, так и достойным погребением мертвых, стремились (насколько это было возможно в пределах человеческих возможностей) способствовать честности и верности в отношениях друг с другом. Ведь у греков (в том, что касалось вознаграждения праведных и наказания нечестивых) не было ничего, кроме выдуманных басен и поэтических вымыслов, которые никогда не влияли на людей, побуждая их исправлять свою жизнь, а, напротив, вызывали презрение и насмешки со стороны развратных людей.

«Но среди египтян наказание плохих и награда хороших не рассказывались как пустые сказки, а каждый день видели своими глазами, все сословия были предупреждены о своих обязанностях, и таким образом было осуществлено и продолжено самое точное исправление нравов и упорядоченное общение между ними. Ведь лучшие законы — это те, которые способствуют добродетели и честности и учат людей разумному поведению в мире, а не те, которые направлены только на накопление богатства и учат людей быть богатыми».^d

СНОСКИ

[11] См. Левит, гл. xvi. 21. «И Аарон возложит обе руки свои на голову живого козла и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их во всех грехах их, возлагая их на голову козла». — ПЕРЕВОДЧИК.

ГЛАВА XI. ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Египет остается маяком в глубокой тьме далекой древности. — РЕНАН.

Подавляющее большинство сохранившихся до наших дней остатков египетской цивилизации — это памятники, которые можно отнести к произведениям искусства. Действительно, когда речь заходит о древнем Египте, инстинктивно вспоминаются его художественные памятники: пирамиды, храмы, сфинксы, обелиски и колоссальные скульптуры. Бродя по залам таких великих коллекций, как Британский музей или Лувр, кажется, что искусство было самой жизнью Египта и что значительная часть его населения была занята созданием множества памятников, которые здесь сохранились. Но, конечно, в этой мысли есть определенная иллюзия.

Количество художественных памятников, сохранившихся в Египте, действительно очень велико в совокупности, но нужно помнить, что они представляют собой накопленные сокровища многих веков. Благодаря климату Египта, сохранилась гораздо большая часть его памятников, чем у любого другого народа древности, и об этом факте следует постоянно помнить, когда пытаешься оценить реальное положение искусства в этой стране. Теперь, когда результаты многовекового труда собраны в относительно небольшом количестве коллекций, впечатление, производимое на наблюдателя, естественно, несколько отличается от того, каким оно было бы, если бы он мог увидеть те же памятники в их первоначальном расположении, разбросанных по всему королевству.

Тем не менее, даже с учетом всех выводов, вытекающих из искаженной исторической перспективы, остается фактом, что мы вполне оправдано можем говорить об египтянах как

о исключительно художественной расе. Действительно, было бы абсурдно отрицать это положение в отношении народа, который, насколько известно, первым на земле создал поистине великое и поистине индивидуальное искусство.

Считается удивительным, что греки, которые так высоко ценили и, по сути, сильно переоценивали знания и оккультную мудрость египтян, не были впечатлены их произведениями искусства. Но, если правильно подумать, в этом нет ничего удивительного. Необходимо помнить, что Геродот, который дает нам самые ранние представления о Египте глазами греков, жил в эпоху Перикла, когда шедевры Фидия и его современников постоянно находились перед глазами греческих путешественников как критерий, по которому должны были оцениваться другие произведения искусства. Неудивительно, что, судя по этому критерию, египетские скульптуры не казались замечательными. Геродот не обладал духом антиквара или современного научного историка, и поэтому он не принимал во внимание тот факт, что большая часть скульптур, которые он мог увидеть, была создана почти за тысячу лет до эпохи Фидия; но именно этот факт современные исследователи должны постоянно иметь в виду.

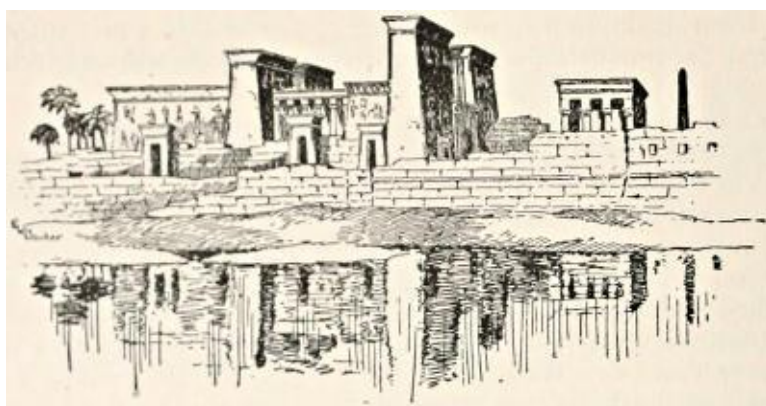
Было бы абсурдно утверждать, что египетские статуи можно сравнить с произведениями искусства Золотого века Греции. Но если вспомнить, что именно египтяне были первопроходцами и первыми указали на возможность лепки из камня; если вспомнить, что, насколько можно судить по сохранившимся остаткам, у египтян не было предшественников, которые хотя бы отдаленно приближались бы к их уровню; когда, одним словом, вспоминаешь, что это искусство было коренным продуктом, почти независимым от внешних влияний, как и любое другое творение человечества, — тогда, и только тогда, можно оценить истинную ценность египетских скульпторов.

Для того, кто подходит к этой работе исключительно с холодным духом современного критика, не затронутого энтузиазмом антиквара, скульптура египтян вполне может быть охарактеризована как крайне грубая. Во-первых, она холодна, жестка, неподвижна, полностью лишена пластичности и динамизма греческих произведений. Во-вторых, она грубо смоделирована. Ни один египетский художник никогда не учился рисовать в современном понимании этого слова или моделировать более чем самым элементарным образом. Сами по себе это, безусловно, радикальные недостатки, и на первый взгляд они делают египетские памятники скорее гротескными, чем приятными для тренированного художественного глаза. Но когда человек прожил достаточно долго среди этих статуй, чтобы более полно проникнуться их духом, когда он научился отбросить классические традиции и несколько ослабить свои стандарты техники, он увидит эти работы в совершенно ином свете. Он признает их титаническим усилием конструктивного гения в тот более ранний и более подлинно творческий период, когда техника еще не была освоена, но когда истинный художественный импульс подталкивал стремящегося к новым и прекрасным идеалам, которых он сам никогда не достигнет, но к которым указывает путь его творчество. Это большое произведение в полном смысле этого слова, это искусство египтян, и тот, кто не может пойти дальше, чем отметить его часто несовершенный рисунок, его несовершенную пластику, навсегда лишен возможности по-настоящему оценить его достоинства. Но, с другой стороны, мечтатель, который видит, как это обычно делают некоторые антиквары, несравненное совершенство в самой его грубости и намеренные художественные эффекты в простых недостатках его техники, — этот энтузиаст упускает истинные уроки египетского искусства так же широко, как и свержкритичный и несочувствующий критик.

Как бы ни различались оценки различных школ критиков, задача историка, по крайней мере, ясна. Он должен рассматривать египетское искусство в его связи со временем и

местом. Для него оно важно из-за его положения в шкале эволюции искусства в мире. И с этой точки зрения, отбросив сразу гиперкритичность и чрезмерный энтузиазм, египетское искусство не может не произвести на наблюдателя впечатление одного из самых чудесных творений человечества.

В то время как Греция еще находилась в зачаточном состоянии, Египет уже давно был ведущей нацией мира; он славился своим великолепием, богатством и могуществом, и все признавали его превосходство в мудрости и цивилизации. Поэтому неудивительно, что греки включили в свое раннее искусство некоторые из наиболее модных в то время форм; и хотя чудесный вкус этого одаренного народа быстро поднял их до уровня совершенства, недостижимого для египтян или других народов, зарождение и первые проявления искусства и архитектуры следует искать в долине Нила (). В древнейших памятниках Греции постоянно преобладают наклонные или пирамидальные линии; колонны в древнейшем греческом стиле почти полностью египетские по пропорциям ствола и форме неглубоких канав без филетов; и примечательно, что древнейшие египетские колонны наиболее похожи на греческие дорические.

ХРАМ НА ОСТРОВЕ ФИЛА

Хотя в предметах роскоши, таких как мебель, вазы и другие вещи, зависящие от прихоти, допускалось большое разнообразие, египтянам было запрещено вводить какие-либо существенные нововведения в изображение человеческой фигуры, которые могли бы изменить ее общий характер; и все предметы, связанные с религией, до последнего сохраняли один и тот же условный тип. Бог в самом позднем храме имел ту же форму, что и на памятниках самого раннего периода; и царь Менес узнал бы Амона или Осириса в птолемеевском или римском святилище. В священных вопросах закон был негибким; и религия, которая часто так много делала для развития и направления вкуса в скульптуре, имела эффект сковывания гения египетских художников. Никакие усовершенствования, полученные в результате опыта и наблюдений, не допускались в способе рисования человеческой фигуры; копировать природу не разрешалось; поэтому было бесполезно изучать ее, и не предпринималось никаких попыток придать конечностям правильное движение. Жрецы установили определенные правила и модели, и ошибочные представления невежественных времен копировались и увековечивались каждым последующим художником. Как говорят Платон и Синезий, египетским скульпторам не позволялось пытаться делать что-либо, противоречащее установленным правилам в отношении фигур богов; им запрещалось вносить какие-либо изменения или придумывать новые сюжеты и привычки; таким образом, искусство и правила, которые его ограничивали, всегда оставались неизменными.

Египетский барельеф, по-видимому, в своем происхождении был простой копией живописи, его предшественницы. Первая попытка изобразить фигуры богов, священные символы и другие сюжеты заключалась в рисовании или раскрашивании их простых контуров на плоской поверхности, а детали добавлялись позже с помощью цвета; но со временем эти формы стали наносить на камень с помощью инструмента, а промежуточное пространство между различными фигурами вырезалось, и когда-то ровная поверхность приобретала вид барельефа. Фактически это было изображение на камне, что, очевидно, является характерной чертой всех барельефов на египетских памятниках () и легко объясняет несовершенство расположения фигур.

Недостаточно развитые в концептуальном плане и, прежде всего, в плане правильного группирования, они были неспособны создавать те комбинации, которые дают истинное выражение; каждая картина состояла из изолированных частей, собранных вместе в соответствии с некоторыми общими представлениями, но без гармонии или заранее задуманного эффекта. Человеческое лицо, все тело и все, что они изображали, были составлены таким же образом из отдельных частей, соединенных одна с другой в соответствии с их относительным расположением: глаза, нос и другие черты составляли лицо, но выражение чувств и страстей полностью отсутствовало; и лицо короля, будь то в разгаре сражения, атакующего вражескую фалангу, или мирно подносящего ладан в мрачном храме, имело одинаковые очертания и одинаковый безжизненный вид. Таким образом, объясняется особенность фронтального вида глаза, введенного в профиль: это было обычное изображение этой черты, добавленное к профилю, и никаких изменений в положении головы не учитывалось.

То же самое происходило с драпировкой: сначала рисовали фигуру, а затем добавляли драпировку, не как часть целого, а как аксессуар; у них не было общего представления, предварительной идеи о том, какой эффект необходим, чтобы отличить воина от священника, помимо впечатлений, полученных от костюма или от предмета, частью которого они были; и одна и та же фигура одевалась в соответствии с характером, который она должна была исполнять. Каждая часть картины задумывалась отдельно и вставлялась по мере необходимости для завершения сцены; и когда стены здания, где должен был быть нарисован сюжет, были точно разбиты на квадраты, фигуры вводились и подгонялись под эту механическую схему. Члены тела присоединялись к туловищу, и эти квадраты регулировали их форму и распределение, в какой бы позе они ни были помещены.

Пропорции человеческой фигуры не всегда оставались неизменными. В IV и других ранних династиях они отличались от пропорций эпохи Августа XVIII и XIX веков; еще одно изменение произошло при Птолемах. Главное изменение коснулось высоты колена от земли, которая в XVIII и XIX веках была выше, чем в древние и более поздние периоды. Вся высота фигуры в барельефах и картинах делилась на девятнадцать частей; стена разбивалась на квадраты в соответствии с предполагаемым размером, и все части размещались в соответствии с установленными позициями; например, колено приходилось на шестую линию. Но длина стопы не была, как в Греции, стандартом, от которого они отсчитывали; поскольку она равнялась 3 промежуткам, ее нельзя было взять за основу 19; хотя высота стопы, равная 1, могла служить единицей измерения.

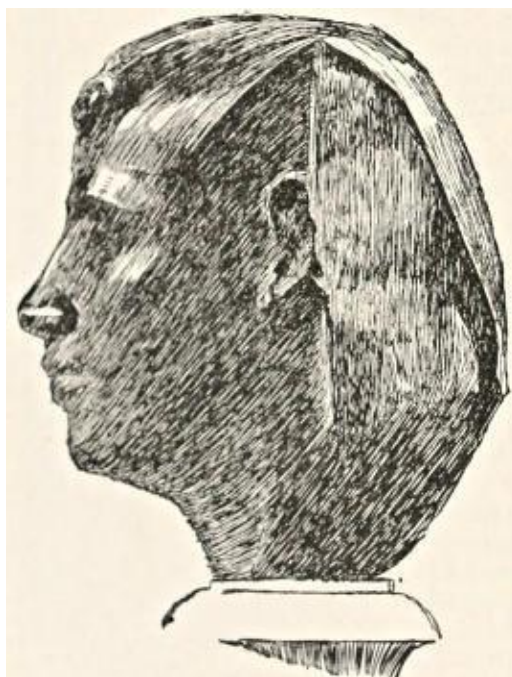
В росписях гробниц допускалась большая свобода в изображении сюжетов, связанных с частной жизнью, ремеслами или нравами и занятиями людей; иногда можно было заметить некоторые признаки перспективы в положении фигур, но попытка была несовершенной и, вероятно, неприятной для египетского глаза, поскольку сила привычки такова, что даже когда копируется природа, иногда предпочитают условный стиль более точному изображению.

В изображении животных, по-видимому, не было таких же строгих ограничений стиля, но от гения, однажды ограниченного, вряд ли можно ожидать больших усилий по подъему или успеха в этой попытке; и то же объединение частей в целое, то же предпочтение профиля и те же жесткие движения наблюдаются в этих изображениях, как и в изображениях человеческих фигур. Редко когда они пытались рисовать лицо спереди, будь то человека или животного; а когда это делалось, то оно сильно уступало профилю и состояло из того же сопоставления частей. Однако следует признать, что в целом характер и форма животных были изображены замечательно; части были соединены с большей правдоподобностью; и не сохранялась та же условность, что и в плечах и других частях человеческого тела.

Способ изображения людей и животных в профиль является примитивным и характерным для зарождения искусства: первые попытки нецивилизованных народов ограничиваются им, и до тех пор, пока не пробуждается гений художников, этот стиль продолжает удерживаться. Благодаря своей простоте он легко понятен; даже самые неопытные зрители воспринимают объект, который должен быть изображен, и для его понимания не требуется никаких усилий. Поэтому, хотя в таких условиях можно создать лишь несколько комбинаций, эти немногие комбинации являются совершенно понятными.

Желание запечатлеть события дало первый импульс скульптуре, а религия — второй. Простой столб из дерева или камня, который изначально был выбран для изображения божества, впоследствии принял человеческий облик, став самым благородным образом силы, которая его создала; хотя *гермы* в Греции не были, как некоторые полагали, источником статуй, а были заимствованы у египетских богов в форме мумий.

Павсаний считает, что «все статуи в древности были деревянными, особенно те, что были сделаны в Египте»; но это, должно быть, было в столь отдаленном периоде, что выходит далеко за пределы известной истории этой страны; хотя вполне вероятно, что когда искусство было в зачаточном состоянии, египтяне ограничивались статуями такого рода; и они иногда воздвигали деревянные фигуры в своих храмах, даже до времен поздних фараонов.

Голова

(Сейчас находится в Британском музее)

Долгое время после того, как люди попытались выделить части фигуры, статуи продолжали оставаться очень грубыми; руки были расположены прямо по бокам до бедер, а ноги были соединены вместе; и в Греции они не вышли за пределы этого несовершенного состояния до эпохи Дедала. К счастью для себя и для всего мира, греки смогли освободиться от старых привычек, в то время как египтяне в поздний период продолжали следовать несовершенным образцам своих ранних художников и навсегда лишились возможности достичь совершенства в скульптуре. и хотя они добились больших успехов в других областях искусства, проявили значительный вкус в формах своих ваз, мебели и даже в некоторых архитектурных деталях, они навсегда остались неспособными к идеальной красоте и к изображению естественных положений человеческой фигуры.

В Египте предписанный автоматный характер фигур эффективно препятствовал любому прогрессу в искусстве скульптуры: конечности были прямыми, без каких-либо попыток изобразить действие или, по сути, какие-либо признаки жизни: это были действительно статуи людей, которых они изображали, а не людей, «живущих в мраморе», в чем они полностью отличались от греческих. Ни одна статуя воина не была высечена в различных позах атаки и защиты; ни один борец, ни *один дискобол*, ни один боксер не демонстрировал грацию, энергию или мускульную силу человека; ни красота, ни чувства, ни элегантность женских форм не были отображены в камне: все было сделано в соответствии с одной и той же неизменной моделью, которая ограничивала человеческую фигуру несколькими условными позами.

Сидящая статуя, будь то мужчина или женщина, изображалась с руками, положенными на колени или скрещенными на груди; стоящая на коленях фигура иногда поддерживала небольшой святилище или священный символ; а когда она стояла, руки были опущены прямо по бокам бедер, одна нога (и всегда левая) была выдвинута вперед, как при ходьбе, но без попытки раздвинуть ноги.

СТАТУЭТКА ФИГУРЫ С ГОЛОВОЙ ЯСТРЕБА

(По Бардону)

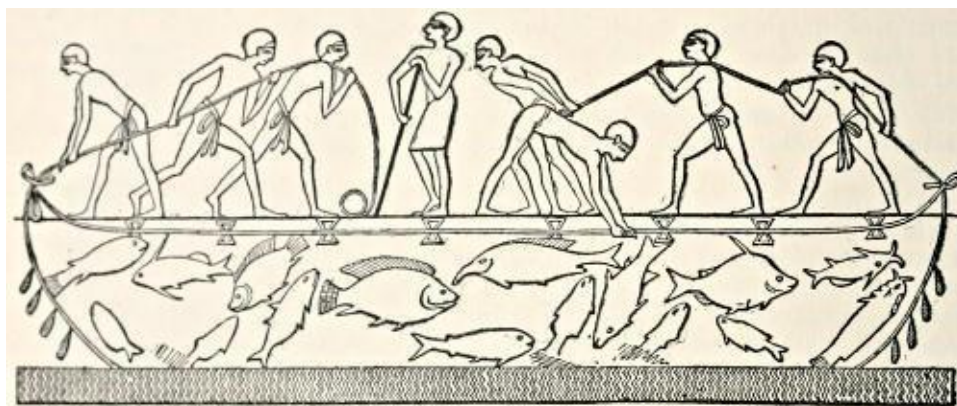
Самые древние египетские скульптуры на всех крупных памятниках были выполнены в виде барельефа и, как обычно в любой период, раскрашены (обелиски и все, что было высечено из твердого камня, некоторые погребальные таблички и другие мелкие предметы, были выполнены в виде инталия); этот стиль оставался в моде до времени Рамсеса II, который широко ввел инталию на крупных памятниках; даже его сцены сражений в Карнаке и Мемфиси выполнены в этом стиле. Рельефы были слегка приподняты над уровнем стены; они обычно имели плоскую поверхность с мягко закругленными краями, что по эффекту значительно превосходило инталию; и следует сожалеть, что в лучшую эпоху искусства, когда дизайн и исполнение были на пике своего развития, был заброшен столь превосходный стиль, который, к тому же, мог бы совершенствоваться пропорционально прогрессу того периода.

Инталия продолжала широко использоваться до прихода к власти XXVI династии, когда вновь был введен низкий рельеф; в памятниках Псамтека и Аахмеса есть многочисленные примеры возрождения древнего стиля. Впоследствии он был повсеместно принят, и возвращение к инталии на крупных памятниках предпринималось лишь изредка, в птолемеевский и римский периоды.

После прихода к власти XXVI династии были предприняты некоторые попытки возродить искусства, которые долгое время пребывали в запустении; и независимо от покровительства правительства, богатство частных лиц щедро использовалось для их поощрения. Во многих частях Египта были построены общественные здания, украшенные богатой скульптурой; город Саис, королевская резиденция фараонов этой династии, был украшен с величайшим великолепием; были сделаны обширные пристройки к храмам Мемфиса и даже к храмам далекого Фив.

Новый импульс, данный искусству, не остался без результата; скульптуры того периода отличаются элегантностью и красотой, которые могут даже побудить некоторых считать их

равными произведениям более ранней эпохи; а в гробницах Ассасифа в Фивах находится много замечательных образцов египетского искусства. Однако тем, кто понимает истинное чувство этой своеобразной школы, очевидно, что, хотя по своей тщательности и отделке они заслуживают самой высокой похвалы, по величию замысла и смелости исполнения они далеко уступают скульптурам Сети и второго Рамсеса.

РЫБАЛКА С ПОМОЩЬЮ ДРАГИ

(Уилкинсон)

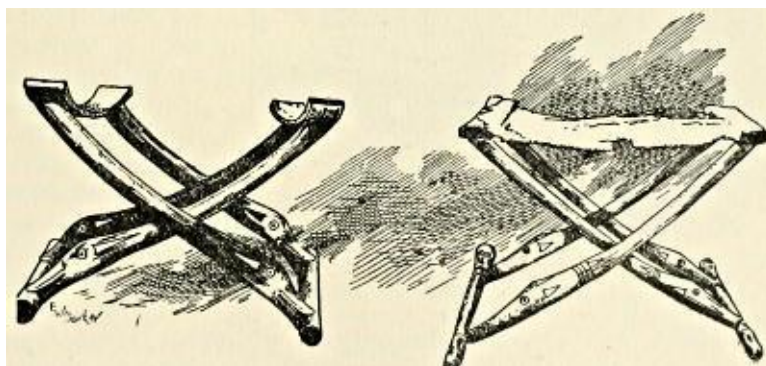
Мастерство египетских художников в рисовании смелых и четких контуров, пожалуй, более достойно восхищения, чем что-либо другое, связанное с этой отраслью искусства; и нигде свобода их рисунка не так заметна, как в фигурах в незавершенной части гробницы Бельцони в Фивах. Они преуспевали только в рисовании, будучи совершенно невежественными в правильном способе раскрашивания фигур; их живопись не была подражанием природе, а лишь гармоничным сочетанием определенных оттенков, которые они хорошо понимали. Действительно, до сих пор гармония ярких цветов глубоко ощущается в Египте и на Востоке; и странно, что в Северной Европе, где теории берутся объяснять уму то, чему глаз еще не научился, как будто грамматику можно написать до того, как язык будет понят, это восприятие практически отсутствует.

Египетская архитектура, очевидно, во многом происходила от имитации различных природных объектов, таких как пальмы и различные растения страны; но египетские колонны не были заимствованы из деревянных опор самых ранних зданий. Колонны были введены в интерьер их домов только после того, как архитектура достигла очень большого прогресса; небольшой первоначальный храм и примитивное жилище состояли всего из четырех стен; и ни колонна, ни ее архитрав не были заимствованы из деревянных конструкций или из дома. И хотя архитрав в Египте, как и в других местах, был заимствован из построенных зданий, этот элемент возник из каменной балки, проходящей от колонны к колонне в храмах. И если квадратные каменные столбы использовались в карьерах, то каменный архитрав был неизвестен египтянам до тех пор, пока они не нашли причину увеличить размеры своих храмов и добавить к ним портик. А то, что портик не был ни необходимой, ни оригинальной частью их храмов, ясно показывают более мелкие святилища, построенные даже в позднее время без него. Некоторые элементы египетской архитектуры, правда, были заимствованы из деревянных конструкций примитивных домов или храмов, как, например, нависающий карниз и тор, идущий по концам стен, который отделяет их от карниза, причем первый представляет собой выступающую крышу из пальмовых ветвей, а второй — каркас из связанных между собой тростников, который удерживал грязь (или кирпичи), составляющие стены.

Поскольку роспись предшествовала скульптуре, орнаменты (в более поздние времена высеченные в камне) сначала изображались в цвете, а лепнина египетских памятников тогда просто наносилась на плоские поверхности стен и колонн. Следующим шагом было высечение их в рельефе. Цветок лотоса, головка папируса, водные растения, пальма и голова богини были среди обычных орнаментов карниза или колонны; и эти любимые мотивы древних времен продолжали повторяться в рельефе в более поздние времена, когда усовершенствованный стиль искусства заменил скульптуру на простое живописное изображение. Но когда квадратный столб постепенно превратился в многоугольную форму, орнаментальные мотивы, не имея достаточно места на его узких гранях, привели к необходимости и изобретению другой формы колонны; и с того времени круглый вал увенчивался капителью в виде пальмы или цветком или бутоном папируса, которые до тех пор были только нарисованы или изображены в рельефе на плоских поверхностях квадратного столба. Отсюда и произошли новые ордера, столь сильно отличающиеся от многоугольных колонн.

Для капителей египтяне часто выбирали предметы, которые были им по душе, такие как лотос и другие цветы, а также различных животных или их головы, которые использовались для формирования карниза, особенно в их домах и гробницах, или для украшения изысканных предметов мебели и одежды.

В этом они допустили ошибку, которую греки, обладавшие более тонким вкусом и способностью к адаптации, справедливо избегали. Эти утонченные люди знали, что в архитектуре традиционные приемы производят гораздо более приятное впечатление, чем объекты, просто скопированные с природы; ведь, помимо несоответствия реального изображения цветов для создания лепнины и других декоративных элементов архитектуры, несовершенная имитация из неподходящего материала производит плохое впечатление.

РЕЗНЫЕ ЕГИПЕТСКИЕ СТУЛЬЯ

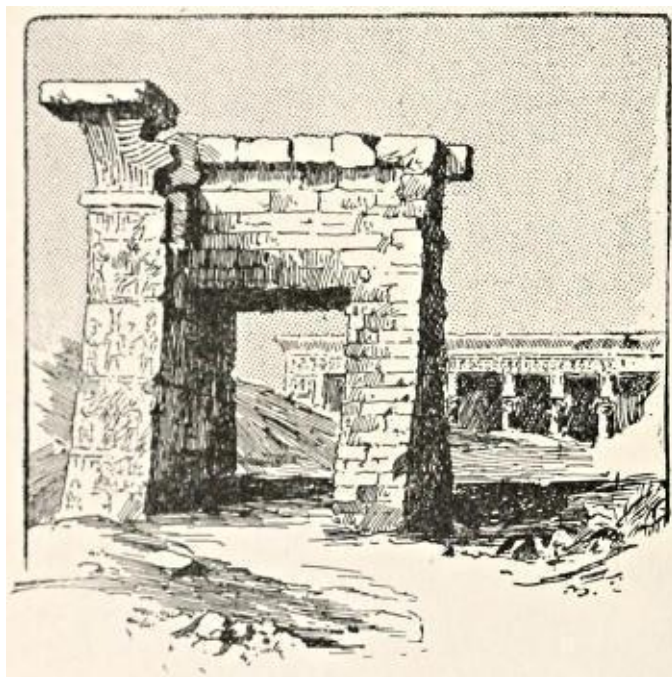
(ныне в Британском музее)

Потолки египетских храмов были окрашены в голубой цвет и усыпаны звездами, символизирующими небосвод (как в ранних европейских церквях); а над центральным проходом, по которому проходили царь и религиозные процессии, были изображены стервятники и другие эмблемы; крылатый глобус всегда занимал свое место над дверными проемами. Все здание, а также сфинксы и другие аксессуары были богато расписаны; и хотя человек, не привыкший видеть стены большого здания, украшенные таким образом, мог бы предположить, что эффект далеко не приятный, никто, кто понимает гармонию цветов, не сможет не признать, что они прекрасно понимали их распределение и правильные

комбинации, и что египетский храм был значительно улучшен благодаря добавлению расписных скульптур.

Позолота использовалась в украшении некоторых декоративных деталей здания и наносилась на пурпурный фон, чтобы придать ей большую насыщенность; пример этого можно увидеть в более крупном храме в Калабши, в Нубии. Она использовалась с умеренностью и не должна была чрезмерно влиять на эффект других цветов, которые египтяне умели правильно сочетать, тщательно избегая таких несочетаемых цветов, как светло-зеленый и клубнично-кремовый.

Египтяне проявили значительный вкус в разумном расположении цветов для декоративных целей; иногда им удавалось добиться успеха в форме, как в случае со многими из их ваз, мебелью и украшениями; и они обладали еще большим знанием пропорций, столь необходимым для их гигантских монументов; но хотя они хорошо знали, как придать своим зданиям эффект величия, обширности и долговечности, они мало понимали в красоте и значительно отставали от греков в оценке формы. Однако редко можно найти народ, который сочетает в себе цвет, форму и пропорции; и даже греки иногда не достигали совершенства в своих красивых вазах, некоторые из которых имеют недостатки в ручках и ножках.

Руины египетского храма

Одной из наиболее важных особенностей египетской архитектуры является тщательно продуманное избегание однообразия в расположении колонн и многих других деталей. Некоторые из них заметны невооруженным глазом, другие же предназначены только для влияния на общее впечатление и незаметны без тщательного изучения. Так, капители колонн в большом зале Карнака имеют разную высоту, некоторые из них опускаются ниже, чем другие, очевидно, с целью исправить однообразие симметричного повторения и избежать утомления зрения излишней регулярностью. Это можно заметить только тогда, когда взгляд находится на одном уровне с нижней частью капителей; и цель этого была только в эффекте, как и в случае со многими изогнутыми линиями, введенными в греческий храм, например, в Парфенон.

Но египтяне часто доводили свою неприязнь к однообразию до крайности, выходящей за рамки того, что оправдывается изучением разнообразия. Там, где они избегали этой крайности, их мотивы были законными; и примечательно, что они были первым народом, чьи памятники предлагают примеры того разнообразия, которое так характерно для сарацинской и готической архитектуры.

Арка использовалась в Египте с самого раннего периода; и грубые кирпичные арки были в общем употреблении при строительстве крыш гробниц по крайней мере еще во времена Аменхотепа I, в шестнадцатом веке до нашей эры. И с тех пор, как в Фивах была обнаружена арка, носящая его имя, были найдены другие арки эпохи Техутимеса III (его четвертого преемника) и Рамсеса V. Судя по тому, что в Бени-Хасане, по-видимому, были сводчатые зернохранилища, арка, по-видимому, была известна еще во времена XII династии.^b

Египетская архитектура долгое время была чудом для более позднего мира, поскольку она была так тщательно украшена странными изображениями животных, богов и символов, которые вызывали беспомощное любопытство. Эти фигуры, какими бы изящными они ни были, не имели чисто декоративного значения. Они были не столько искусством, сколько литературой; не столько литературой, сколько хроникой: одним словом, они были символами странной системы письменности.

ИЕРОГЛИФЫ

Чрезвычайно трудно в краткой форме, да и вообще, дать ясное представление о точном характере этой египетской письменности, которая на протяжении многих веков очаровывала и озадачивала наблюдателей, полностью сбивая с толку все их попытки расшифровать ее. Египтяне были аристократами древности. Правда, греки называли все негреческие народы варварами, но из этого не следует делать вывод, что греки придавали этому термину точное значение, которое он приобрел в более поздние времена. По-видимому, греки на самом деле подразумевали, что язык всех других народов был варварским или непонятным, но они ни в коем случае не считали все другие народы менее цивилизованными, чем себя. Конечно, он действительно относился так к римлянам, персам, скифам и другим современным ему народам, но делал исключение для вавилонян и, в особенности, для египтян. Последних он действительно уважал, как народ, который мог похвастаться древностью цивилизации, о которой Греция не могла и мечтать.

Мудрецы Греции, как мы видели, путешествовали по Египту и сидели у ног египетских жрецов. Нет никаких доказательств того, что их не принимали вежливо, но есть много свидетельств того, что их принимали не более чем без энтузиазма и что они получили лишь поверхностные знания о египетской культуре, поскольку египтяне, как и греки, считали все другие народы варварами и, по-видимому, применяли этот термин в полном соответствии с его современным значением. Для них греки, не меньше, чем другие соседи, были неинтересными выскочками, недостойными серьезного внимания аристократического народа. Считается, что в ранние времена вся торговля внешних народов с Египтом была полностью запрещена египетскими законами. Позже пришельцы силой вторглись в страну, и со временем египтяне, по-видимому, частично смирились с этим новым порядком вещей. Но прошло много времени, прежде чем ученым из внешнего мира было позволено проникнуть в египетские тайны. В частности, у нас нет никаких доказательств того, что кто-либо из древних греков или римлян когда-либо имел малейшее представление о true character of Egyptian writing.

Послушайте, например, странные теории Клавдия Элиана, римского историка III века, который торжественно объяснял иероглифы следующим образом — цитируя причудливую дикцию перевода XVI века:^a

«С ПОМОЩЬЮ КАКИХ СИМВОЛОВ, ИЗОБРАЖЕНИЙ И КАРТИНОК УЧЕНЫЕ ЕГИПТЯНЕ ВЫРАЖАЛИ ТАЙНЫ СВОЕГО УМА

«Когда они хотели выразить гнев и ярость, они изображали льва. Когда они хотели выразить речь, они изображали язык. Когда они хотели выразить плотские удовольствия, они изображали число XVI. Когда они хотели выразить знание, они изображали росу, капающую с облаков. Кошка означала разрушение. Муха означала бесстыдство. Муравей, бегущий в рог, означал запасы продовольствия. Человек, идущий по воде без головы, означал невозможное. Рой пчел, следующий за пчелиным королем, означал послушных подданных. Человек, скрывающий свои интимные части тела руками, означал воздержание. Цветы мака означают болезнь. Вооруженный человек, стреляющий из стального лука, означает восстание. Орел, летящий против солнца, означает ветреную погоду. Сова, стоящая на дереве, означает смерть. Кружево, завязанное множеством узлов, означает взаимную любовь. Книги и свитки означают древность. Лестница, приставленная к стене замка, означает осаду города или крепости. Мул означает женщину с беременным животом. Крот означает слепоту. Чибис, сидящий на грозди винограда, означает обильный урожай. Скипетр с глазом на вершине, смотрящим вниз, означает власть и полицию. Веретено, полное ниток, оторванных от прялки, означает краткость человеческой жизни».^e

Это очень абсурдно, но в классическую эпоху ничего более рационального на эту тему не было известно. Само название, которое греки дали странной египетской письменности, свидетельствует об их незнании. Они называли ее иероглификой, от ἱερός, священный, γλύφειν, вырезать, подразумевая, что эта письменность носит исключительно священный характер, что, как теперь хорошо известно, отнюдь не так. Казалось бы, в более поздние времена, когда после смерти Александра Египет перешел под власть македонских Птолемеев, должны были появиться греки, которые освоили египетскую письменность, так же как, несомненно, были египтяне, которые выучили греческий язык. Однако их число, вероятно, было более ограниченным, чем можно было бы предположить, поскольку греки были французами древности; проникнутые благоговейной любовью к своему языку, они были мало склонны к изучению какого-либо другого. Тем не менее, кажется, что здесь и там должны были быть любознательные умы, которые брались за изучение иероглифов и раскрывали их секреты под руководством египетских наставников; но если такие и были, то до нас дошло мало свидетельств их достижений, и ни одно из них не может дать ни малейшего представления о подлинном характере этих странных надписей.

Примерно в начале нашей эры Египет стал римской провинцией, и вся его культурная жизнь была уничтожена. Иероглифический язык больше не писался и не читался. Задолго до этого язык народа претерпел значительные изменения по сравнению с его древней чистотой, и в дни величия Египта только немногие ученые, в основном священники, могли читать и писать на этом языке. Теперь речь претерпела еще больше изменений, пока наконец, в результате медленных изменений, происходящих с течением времени, не сформировался современный коптский язык как ее прямой потомок. Однако в ранние времена, вероятно, до появления самых древних сохранившихся записей, первоначальная пиктографическая письменность, или собственно иероглифы, преобразовалась в своего рода простую письменность, которую греки называли иератической; и эта письменность в свою очередь претерпела еще одно изменение примерно за четыре или пять веков до нашей эры, когда появилась письменность, называемая энхориальной или демотической, которая

во времена Птолемеев представляла язык египетского народа. Но после полного развала Египта под властью римлян иератическая и демотическая формы письма, а также собственно иероглифы перестали использоваться; и вскоре, как уже было сказано, все три формы стали совершенно непонятны для любого живого человека. С того времени и до начала XIX века записи Египта, сохранившиеся в большом количестве на памятниках, папирусных свитках и мумиях, были закрытой книгой. В этот период ни в Египте, ни за его пределами не было человека, который мог бы сделать больше, чем самые грубые догадки о значении этого странного письма.

В течение примерно двух тысяч лет египетский язык был мертвым языком в полном смысле этого слова, и записи, запечатленные в иероглифах, казалось, навсегда сохраняют свою таинственную тайну от любознательных умов всех поколений людей. Но затем, в начале XIX века, ключ был неожиданно найден, и, к радости научного мира, египетский ящик Пандоры был открыт.

ГАДКА СПХИНКСА

Это произошло благодаря изучению знаменитого Розеттского камня, египетского памятника, который сейчас хранится в Британском музее. На этом камне записаны три набора надписей. Верхний, занимающий около четверти поверхности, представляет собой иллюстрированный свиток, состоящий из цепочек странных очертаний змей, ястребов, львов и т. д., которые даже самые непосвященные признают за иероглифы. Средняя надпись, состоящая из линий, углов и полуизображений, может быть расценена как своего рода сокращенные или стенографические иероглифы. Она называется энхориальным или демотическим шрифтом. Третья, или нижняя, надпись явно греческая. Сейчас известно, что эти три надписи являются переводом одного и того же сообщения, и что это сообщение является «указом жрецов Мемфиса о присвоении божественных почестей Птолемею V Эпифану, царю Египта, 195 г. до н. э.».

«Этот камень был найден французами в 1798 году среди руин форта Св. Юлиана, недалеко от устья Нила в Розете. Он перешел в руки британцев по Александрийскому договору и был передан в Британский музей в 1801 году».

Ценность Розеттского камня заключалась в том, что даже при первом осмотре он давал надежду на разгадку многовековой тайны иероглифов. На протяжении двух тысяч лет секрет этих странных знаков был забыт. Нигде в мире — ни в Египте, ни где-либо еще — ни у кого не было ни малейшего представления об их значении; были даже те, кто сомневался, что эти забавные рисунки действительно имеют какое-то конкретное значение, и задавались вопросом, не являются ли они просто неопределенными символами эзотерического религиозного значения и ничем более. И именно Розеттский камень дал ответ этим скептикам и вернул миру утраченный язык и забытую литературу.

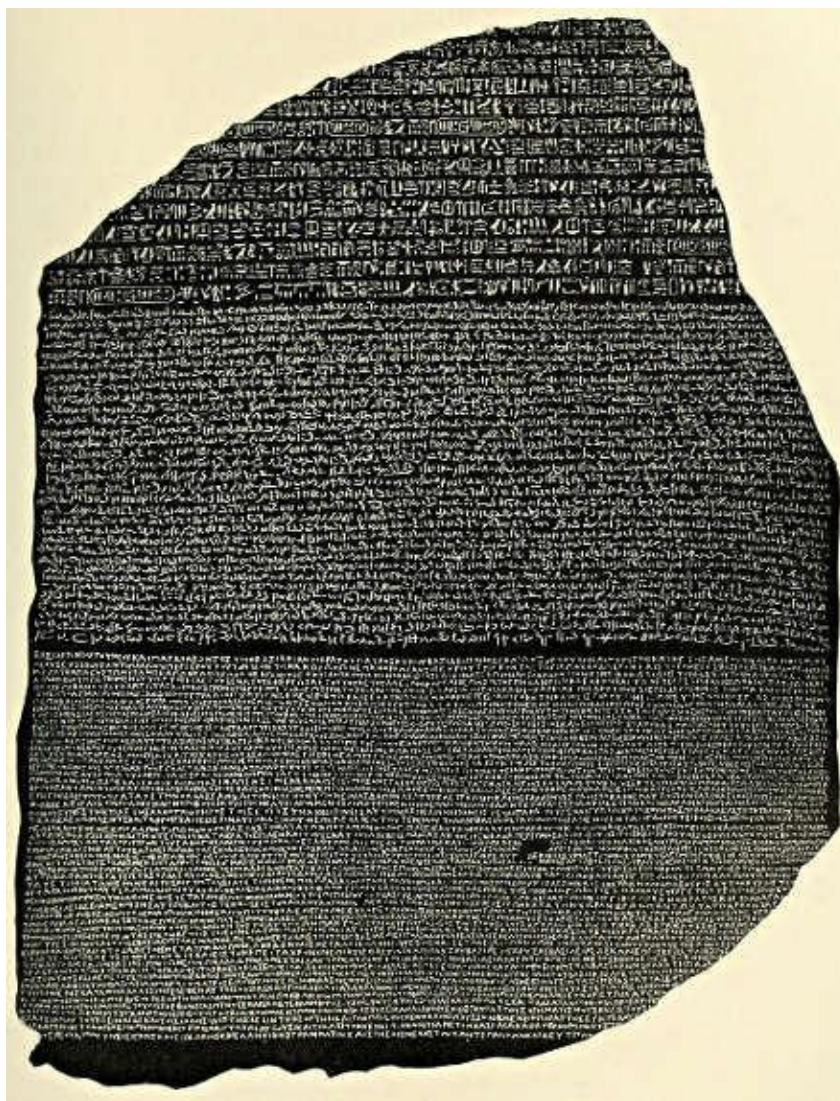
Попечители Британского музея признали, что проблема Розеттского камня была такой, над которой ученые всего мира могли бы исчерпать всю свою изобретательность, и они незамедлительно опубликовали тщательно литографированную копию всей надписи, чтобы иностранные ученые имели равные с британскими возможности для решения этой загадки. Насколько сложной была эта загадка, даже с этим ключом в руках, иллюстрирует тот факт, что, хотя ученые всех стран приложили к ней всю свою изобретательность, за двенадцать лет не было достигнуто ничего больше, чем подтверждение трех или четырех предположений относительно характера верхних надписей, которые, как впоследствии оказалось, были совершенно неверными и вполне вводящими в заблуждение. Это само по себе достаточно, чтобы показать, что обычные ученые могли бы изучать Розеттский камень

до конца времен, не приблизившись к разгадке его тайн. Ключ был, но для его применения требовалась вдохновенная интуиция, то есть проницательная способность догадываться, присущая гениям.

Человек, который взялся за эту задачу, обладал, пожалуй, самым острым научным воображением и самыми разносторонними глубокими знаниями своего поколения — хочется сказать, всех поколений. Ибо это был никто иной, как выдающийся доктор Томас Янг, доказавший колебательную природу света.

Янг случайно обратил внимание на Розеттский камень, и его обычная жажда знаний сразу же привела его к предположению о том, что эта трехязычная надпись может помочь в решении египетских проблем. Решив сразу же попытаться найти решение самостоятельно, он приступил к изучению коптского языка, который, как правильно полагали, был ближе всего к древнеегипетскому языку. Его удивительная способность к изучению языков так помогла ему, что в течение года после начала своих первых попыток он освоил коптский язык, убедился, что древнеегипетский язык действительно похож на него, и даже сделал предварительную попытку перевода египетского свитка. Конечно, его результаты были лишь предварительными. Однако они положили начало нашему знанию о значении иероглифов. Насколько далеко они зашли, с тех пор является предметом горячих споров. Дело не в том, что есть какие-то сомнения относительно конкретных фактов; под вопросом находится точное значение этих фактов. Ведь нельзя отрицать, что Янг не завершил и не довел до совершенства свое открытие, и, как всегда в таких случаях, есть возможность для разногласий относительно доли заслуг каждого из исследователей, участвовавших в этом открытии.

Конкретные открытия Янга были следующими: (1) многие изображения иероглифов обозначают названия фактически изображенных объектов; (2) другие изображения иногда носят только символический характер; (3) множественное число обозначается повторением; (4) цифры обозначаются черточками; (5) иероглифы можно читать как справа налево, так и слева направо, но всегда в направлении, в котором обращены животные и человеческие фигуры; (6) имена собственные окружены высеченным овальным кольцом, образующим то, что он назвал картушем; (7) картуши на сохранившейся части Розеттского камня обозначают только имя Птолемея; (8) что наличие женской фигуры после таких картушей в других надписях всегда обозначает женский пол; (9) что внутри картушей иероглифические символы имеют положительное фонетическое значение, либо алфавитное, либо слоговое, и (10) что несколько разных символов могут иметь одинаковое фонетическое значение.

РОЗЕТТСКИЙ КАМЕНЬ

(Оригинал находится в Британском музее, Лондон)

Каковы именно эти фонетические значения, доктор Янг указал на примере четырнадцати символов, представляющих девять звуков, шесть из которых сегодня признаны как правильно представляющие буквы, которым он их приписывал, а три других — как правильные в отношении их существенного или согласного элемента. Таким образом, ясно, что до этого момента он был на правильном пути и находился на грани полного открытия. Но, к сожалению, он не смог сделать следующий шаг, который заключался в том, чтобы понять, что фонетические значения, приписанные символам в картушах, часто приписывались им и при использовании в общем тексте надписи; другими словами, что использование алфавита не ограничивалось только именами собственными. Это был великий секрет, который упустил Янг, но который смог раскрыть его французский преемник Жан Франсуа Шампольон, работая на основе, заложенной Янгом.

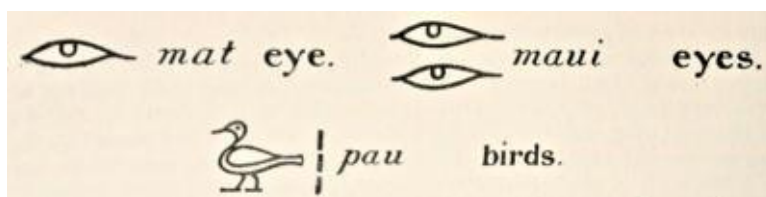
Первые исследования Янг Розета-камня были проведены в 1814 году; его более поздние публикации датированы 1819 годом. Первое объявление Шампольона о результатах исследований появилось в 1822 году; второе, более важное, — в 1824 году. К этому времени, благодаря изучению картушей других надписей, он почти полностью расшифровал алфавит, и «загадка сфинкса» была практически решена. Он доказал, что египтяне разработали

относительно полный алфавит (в основном игнорируя гласные, как и ранние семитские алфавиты) за несколько веков до того, как финикийцы появились в истории. Какое отношение этот алфавит имел к финикийскому, мы будем иметь возможность спросить в другом контексте; на данный момент достаточно знать, что эти странные изображения на египетском свитке на самом деле являются буквами.

Однако даже это утверждение в некоторой степени необходимо уточнить. Эти изображения являются буквами и чем-то большим. Некоторые из них имеют чисто алфавитный характер, а некоторые являются символами другого рода. Некоторые символы обозначают слоги. Другие иногда являются просто обозначениями звуков, а в более широком смысле — обозначениями предметов, как, несомненно, были все иероглифы вначале. Одним словом, это алфавит, но не совершенный алфавит, к которому привыкли современные народы; отсюда и огромные трудности и сложности, с которыми столкнулись первые исследователи.

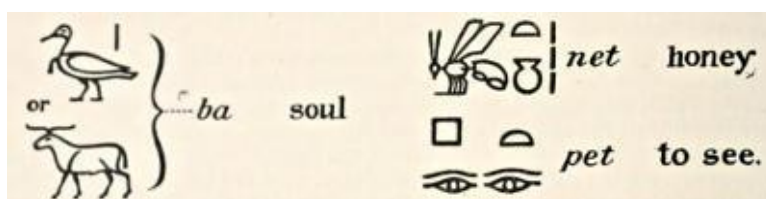
Шампольон не дожил до того момента, когда были разгаданы все тайны иероглифов. Его работу продолжил и развил его ученик Розеллини, а в частности Рихард Лепсиус в Германии; за ним последовали М. Ренуф и Сэмюэл Бирч из Британского музея, а в более позднее время такие известные египтологи, как М. Масперо, Мариетт и Шабас во Франции; докторами Бругшем, Мейером и Эрманом в Германии; доктором Э. А. Уоллисом Баджем, нынешним главой Отдела восточных древностей Британского музея, и профессором У. М. Флиндерсом Петри. Но работа более поздних исследователей в основном заключалась в раскопках и переводе записей, а не в поиске методов.

Теперь давайте более подробно рассмотрим само письмо. С первого взгляда видно, что изображенные объекты, как и следовало ожидать, были знакомы людям, создавшим это письмо. Здесь мы видим египетских ястребов, змей, ибисов и т. п., а также человеческие фигуры, изображенные в грубой, но выразительной манере, характерной для египетского искусства. Но помимо этих знакомых фигур есть множество условных изображений. Есть основания полагать, что изначально они также были изображениями знакомых предметов, но для удобства передачи смысла картинки были заменены условными изображениями. Сейчас известно, что эта египетская письменность имела чрезвычайно сложный составной характер. Часть ее картинок используется как прямое изображение представленных предметов. Рассмотрим несколько примеров:

mat — глаз. *maui* — глаза. *pau* — птицы.

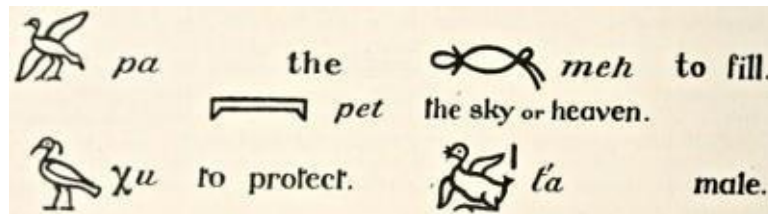
Но, опять же, изображение объекта может обозначать некоторую идею, символизируемую этим объектом, становясь таким образом идеограммой, как в следующих примерах:

сеть мед. ба душа. pet видеть.

Здесь священный ибис или священный бык символизирует душу. Пчела обозначает мед, глаза — глагол «видеть».

И снова египетские изображения могут означать ни изображения вещей, ни идеограммы, а иметь фонетическое значение слога.

pa — тот. meh — наполнять. pet — небо или рай. xu — защищать. t'a — мужчина.

Такие слоговые знаки могут использоваться как по отдельности, как показано выше, так и в комбинации, как мы увидим через мгновение.

Но возможен и другой этап эволюции, а именно использование знаков с чисто алфавитным значением. Египтяне также сделали этот шаг, и их странная конгломератная письменность использует следующий алфавит:

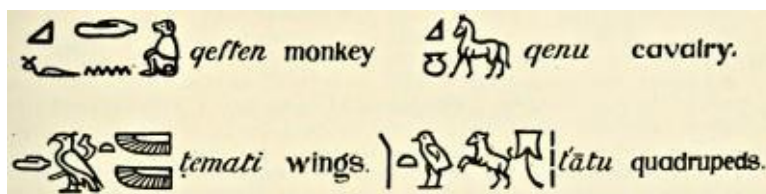
a ā i u b p f m n r l h χ (kh) s ś (sh) k q k̄ t t̄ (th) t' (tch)

Одним словом, египетская письменность прошла все стадии развития, от чисто изобразительной до алфавитной, но с одной странной особенностью: продвигаясь к более поздним стадиям, она сохранила использование примитивных ранних форм. Как образно выразился каноник Тейлор, египетская письменность — это законченная структура, но такая, из которой не были удалены леса.

Следующим шагом было бы удаление теперь бесполезных лесов, оставив чисто алфавитное письмо в качестве завершенной структуры. С современной точки зрения кажется почти невероятным, что такой умный народ, как египтяне, не смог сделать этот шаг вперед. Однако факты говорят о том, что еще во времена строителей пирамид, примерно 4000 лет до нашей эры, египтяне провели замечательный анализ звуков, без которого изобретение алфавита было бы невозможно. Они отделили некоторые из своих иероглифических символов и придали им алфавитное значение. Они научились писать свои слова с помощью этого алфавита, и казалось бы, что в течение нескольких поколений они должны были понять, насколько ненужной была более примитивная форма пиктографического письма, которую этот алфавит естественным образом заменил бы, но на самом деле они так и не осознали эту, казалось бы, простую истину. Поколение за поколением, век за веком они продолжали использовать ту же громоздкую, сложную письменность, и только внешняя нация смогла доказать, что чистый и простой алфавит способен удовлетворить всем требованиям письменного языка.

Таким образом, на практике в иероглифах встречается самое странное сочетание идеограмм, слоговых знаков и алфавитных знаков или настоящих букв, используемых вместе без разбора.

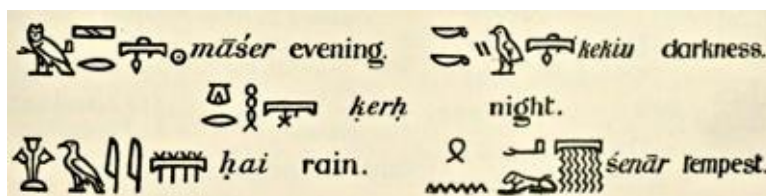
Например, после написания слова слогами или буквами было совершенно не необычным вводить знак, передающий смысл обозначенного предмета, а затем даже дополнять его так называемым детерминативным знаком или рисунком:

qefsten обезьяна. *qenu* кавалерия. *temati* крылья. *t'ātu* четвероногие.

Здесь *qefsten*, обезьяна, написано полностью, но изображение обезьяны добавлено в качестве детерминатива; во-вторых, *qenu*, кавалерия, после написания становится однозначным благодаря введению изображения лошади; в-третьих, *temati*, крылья, хотя и написано подробно, имеет добавленные изображения крыльев; и в-четвертых, *tatu*, четвероногие, после написания имеет изображение четвероногого, а затем изображение шкуры, которое является обычным детерминативом четвероногого, за которым следуют три черточки, обозначающие множественное число.

Эти детерминативы сами по себе настолько интересны как иллюстрации ассоциации идей, что стоит привести еще несколько примеров. Слово *pet*, которое означает «небо» и которое также имеет значение «вверх» или «ровный», в первую очередь представлено тем, что можно считать условным изображением покрытия земли. Но эта картинка, используемая в качестве определителя, любопытно модифицируется при выражении других идей, поскольку она символизирует «вечер», когда к ней добавляется закрытый цветок, «ночь», когда на небе висит звезда, и «дождь или бурю», когда к ней добавляется серия зигзагообразных линий, которые сами по себе обозначают воду.

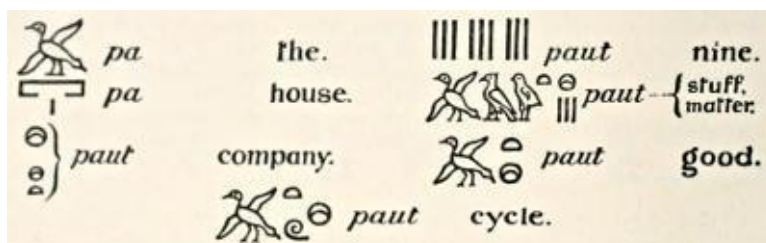
māšer вечер. *kekiu* тьма. *kerḥ* ночь. *ḥai* дождь. *śenār* буря.

В качестве вспомогательных средств для запоминания такие изображения, очевидно, имеют преимущество, но это преимущество, с современной точки зрения, перевешивается громоздкостью системы письма в целом.

Почему была сохранена такая сложная система? Главным образом, без сомнения, потому что египтяне, как и все другие высокоразвитые народы, были консерваторами. Они придерживались своего старого метода после того, как был изобретен более совершенный, точно так же, как половина западного мира сегодня придерживается устаревшей системы мер и весов после введения гораздо более простой десятичной системы. Но этому врожденному консерватизму, несомненно, в значительной степени способствовал тот факт,

что египетский язык, как и китайский, имеет много слов, которые имеют различное значение, что делает необходимым, или, по крайней мере, весьма желательным, либо писать такие слова разными знаками, либо, написав их одинаково, вводить различные детерминативы.

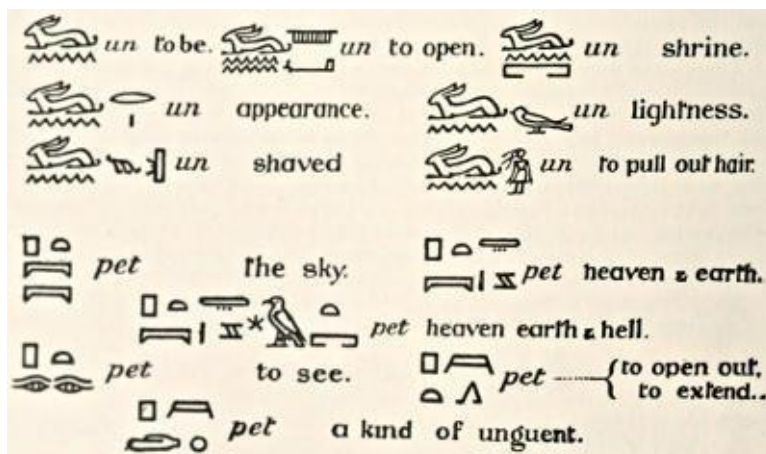
Вот несколько примеров различения слов с одинаковым звучанием с помощью разных знаков:

pa — тот. *paut* — девять. *pa* — дом. *paut* — вещь, материя. *paut* — компания. *paut* — хороший. *paut* — цикл.

Здесь, как можно заметить, используется точно такой же прием, который мы до сих пор применяем, когда различаем слова с одинаковым звучанием с помощью различного написания, например, *to, two, too; whole, hole; through, threw* и т. д.

Но более распространенным египетским методом было использование детерминативных знаков; результаты этого метода кажутся нам весьма необычными. После всего сказанного, следующие примеры будут понятны сами по себе:

un быть. *un* открывать. *un* святилище. *un* появление. *un* легкость. *un* небритый. *un* выдергивать волосы.

pet небо. *pet* небо и земля. *pet* небо, земля и ад. *pet* видеть. *pet* открывать, расширять. *pet* вид мази.

Само собой разумеется, что подавляющее большинство населения Египта никогда не умело писать. Если бы они были к этому привычны, египтяне были бы нацией художников. Даже в нынешней ситуации у значительного числа мужчин, должно быть, было значительно развито художественное чувство, поскольку птицы, животные и человеческие фигуры, постоянно изображаемые на их иероглифических свитках, нарисованы с такой степенью точности, которая, безусловно, превосходит возможности среднестатистического европейца сегодняшнего дня.^{[d](#)}

ЛИТЕРАТУРА

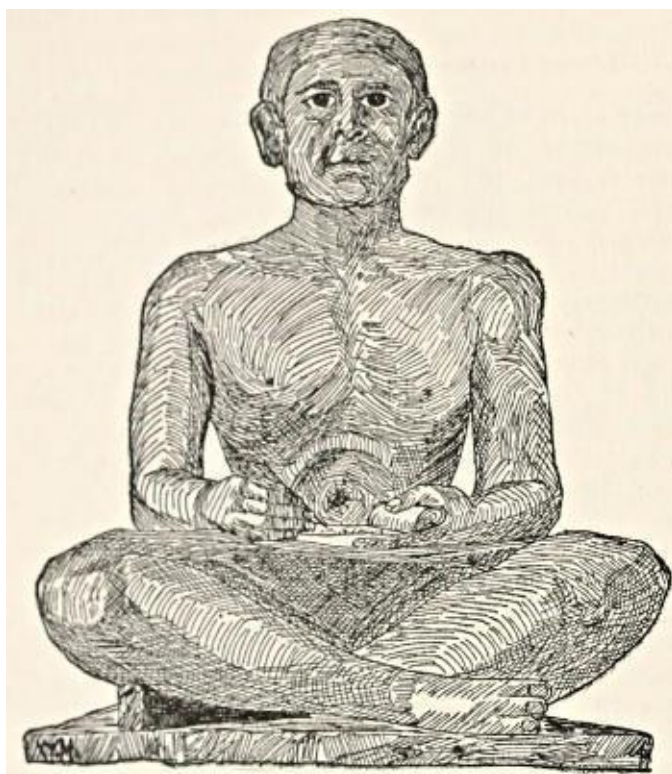
Литературные памятники Египта дошли до нас двумя путями: одним из них являются надписи на стенах и памятниках, о которых только что упоминалось, а другим — папирусные свитки, которые составляли собственно книги. Конечно, основную часть монументальных надписей можно только по любезности отнести к литературе страны. По большей части это записи о политических и религиозных событиях, которые едва ли относятся к области литературы. С другой стороны, есть некоторые примеры более явно литературного характера.

Одной из наиболее важных иллюстраций этого класса надписей является стихотворение, в котором рассказывается о некоторых деяниях Рамсеса Великого, в частности о великой битве, которую этот монарх вел против хеттов. Мы процитировали его в главе, посвященной Рамсесу II. Есть и другие монументальные надписи, которые носят чисто исторический характер, поскольку в них приводятся списки имен царей различных династий. К сожалению, ни одна из этих хронологических надписей не является полной. То же самое можно сказать и о самом важном историческом документе на папирусе — документе, известном как Туринский папирус, поскольку он хранится в музее этого города. Однако стоит отметить, что эти хронологические списки, насколько это возможно, подтверждают список Манефона, о котором упоминалось ранее. Как известно, эти списки Манефона дошли до нас только в виде отрывков, сделанных Иосифом Флавием и другими, поскольку оригинальное произведение было утрачено целиком. Но сравнение этих списков из вторых рук с оригинальными египетскими документами показало, как отмечает профессор Петри, насколько реальной должна была быть история Манефона и насколько большая потеря для современных историков является ее утрата.

Папирусные свитки, на которых записана большая часть литературного наследия Египта, являются настоящими книгами. Книга из сложенных листов — сравнительно современное изобретение. На протяжении всей древности, включая классическую эпоху, свиток был единственной формой книги, которая использовалась, если, конечно, не считать восковые таблички, которые вряд ли можно считать книгами в полном смысле этого слова; по крайней мере, не известно, чтобы они когда-либо использовались для переписывания длинных произведений, предназначенных для продажи, хотя вполне вероятно, что авторы использовали их, по крайней мере, для черновых набросков своих сочинений. Хорошо известно, что в позднюю классическую эпоху свиток из пергамента заменил свиток из папируса, хотя последний долгое время сохранял свою популярность и все еще использовался в исключительных случаях в средние века; но древнеегипетский пергамент был неизвестен, и хотя надписи иногда делались на кусках льна, обычным материалом для изготовления книг был папирус.

Лист папируса изготавливался путем склеивания кусочков внешней коры или коры стебля растения папируса, которые укладывались в два слоя и сушились под давлением. Листы папируса имели ширину от шести или восьми до примерно четырнадцати дюймов и часто достигали нескольких футов в длину. Надписи, сделанные тростниковым пером, не совсем непохожим на современное перо, писались столбиками под прямым углом к длине листа папируса, эти столбики были разной ширины, но обычно удобного для писца при письме и для читателя размера. Если судить по сохранившейся статуе, писец сидел за работой, скрестив ноги, как современный портной. Папирус, конечно, очень хрупкий и скоропортящийся материал, поэтому документы такого рода могут сохраниться только в сухом климате Египта. Однако благодаря необычной атмосфере Египта до нас дошло большое количество этих документов, некоторые из которых датируются третьим тысячелетием до нашей эры. Эти документы представляют различные жанры литературы. Из исторических сочинений наиболее важным является уже упомянутый Туринский папирус. Еще более древний документ известен как папирус Присса, названный в честь его

первооткрывателя Присса д'Авенна. Он представляет собой серию эссе, содержащих моральные наставления и рассуждения об искусстве правильной жизни. Помимо своего содержания, этот папирусный свиток представляет необычайный интерес, поскольку демонстрирует иератическое письмо египтян в его древнейшей известной форме, причем иератические знаки представляют собой значительно видоизмененную курсивную форму иероглифов, упрощенную для быстрого письма. Французский филолог Де Руже считал, что эти иератические знаки легли в основу финикийского алфавита, и многие ученые приняли это заключение, которое, однако, сейчас, по-видимому, будет отвергнуто. Сохранилось значительное количество других сочинений египтян по медицине и математике.

Статуя писца (Пятая династия)

(ныне находится в Лувре)

Есть еще одна форма литературного творчества, которая широко представлена среди папирусных документов. Это религиозное произведение, известное как *«Книга мертвых»*, книга, которая была по сути Библией египтян, многочисленные копии которой в целом или частично сохранились до наших дней. Дополнительный интерес к многим экземплярам *«Книги мертвых»* вызывает тот факт, что в них используются иллюстрации для наглядного представления повествования. Обычно считается, что иллюстрирование книг — это относительно современное искусство, но на самом деле, как доказывают эти документы, это искусство практиковалось древними египтянами более двух тысяч лет до нашей эры.

С чисто литературной точки зрения, наиболее важными сохранившимися на папирусе остатками являются различные более или менее совершенные копии романов и стихотворений. Романы имеют характер, который мы могли бы назвать сказочным, хотя в некоторых из них не отсутствуют элементы реализма; а стихотворения включают любовные песни и другие лирические произведения. Чрезвычайно трудно судить об художественных достоинствах произведений на столь чуждом языке, и египтологи отмечают, что некоторые произведения, по-видимому, были очень популярны в Египте, но

их достоинства утрачены для современного интерпретатора, поскольку даже величайшие современные исследователи едва ли могут претендовать на достаточный уровень владения языком, чтобы оценить тонкости его использования. Однако есть некоторые сказки и стихотворения, которые с точки зрения концепции, мысли и построения, даже по современным меркам, имеют очевидные достоинства.

Как только было восстановлено достаточное количество рассказов древнего Египта, чтобы составить некоторое представление о его популярной литературе, стало видно, что значительную часть составляют истории о путешествиях и приключениях. Но в течение долгого времени не было обнаружено ни одного рассказа о море. Более того, казалось сомнительным, что такой рассказ вообще существует. В греческих и латинских писаниях постоянно повторяется утверждение, что египтяне считали море нечистым и что никто не осмеливался выходить в море по собственной воле, и на основании этого современные исследователи сформировали теорию, что Египет никогда не имел флота или местных моряков.

По их мнению, исследовательские путешествия царицы Хатшепсут и морские победы Рамсеса III были делом рук нанятых финикийцев. Но обнаружение в Санкт-Петербурге рассказа, который переносит нас далеко в XII династию, до того, как финикийцы появились на берегах Средиземного моря, а Египет задумывался о завоевании Сирии, опровергает эти старые представления и заставляет нас поверить, что моряки, которых фараон послал за арабскими духами и товарами, были коренными египтянами.

Сказка «*Выброшенный на берег*» была обнаружена в Императорском Эрмитаже в Санкт-Петербурге М. Голенищевым в 1880 году. Никто не знает, где был найден папирус, как он попал в Россию и даже как оказался в Эрмитаже. Он занял свое место в качестве классического произведения XII династии, как и сказка о *двух братьях* — в XIX династии.

Читая ее, сразу вспоминаешь о *Синдбаде-мореходе*, за исключением того, что змеи, с которыми посчастливилось встретиться Синдбаду, были далеки от тех милых существ, которых описывал египетский моряк. На самом деле нет веских причин считать знаменитую сказку из «*Тысячи и одной ночи*» современной версией египетского рассказа. Любовь моряков к рассказыванию о чудесных приключениях слишком естественна и широко распространена, чтобы мы могли связывать одно с другим.

Сказка о «*Выброшенном на берег*» явно представляет собой теологическую идею, облеченную в форму романа. Таинственный остров — это Остров Двойников, *то есть* дом мертвых душ, а змей — его страж. Путешествие описывает долгий путь в другой мир — путешествие по таинственному западному морю и окончательное достижение дома души. Основная концепция всего этого типично египетская. Возможно, наша оценка египетской литературы не может быть лучше завершена, чем представлением фактического текста этого романа. Наша версия взята из перевода Г. Масперо перевода М. Голенищева оригинального папируса, хранящегося в Императорском Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

«КОВБОЙ: СКАЗКА ДВЕНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ»

Ученый слуга сказал: «Радуйся, о мой вождь, ибо мы только что достигли родины; после того как мы укомплектовали носовую часть корабля и работали веслами, нос корабля коснулся песка. Все наши люди радуются и обнимают друг друга, ибо если другие, кроме нас, благополучно вернулись домой, то ни один из нас не пропал, и, более того, мы дошли до самых дальних пределов Уауата и пересекли земли Сенмута. Вот мы вернулись в мире и вот

мы снова в нашей родине. Послушай, о мой вождь, ибо если ты не поддержишь меня, у меня не будет опоры. Умойся, омой руки, а затем иди, обратись к фараону, и пусть твое сердце убережет твою речь от смущения, ибо если уста человека могут спасти его, то, с другой стороны, его слова могут заставить его скрыть лицо;^[12] поступай по велению своего сердца, и все, что ты скажешь, успокоит меня.

«Теперь я расскажу тебе, что случилось со мной лично. Я отправился в рудники Хонхема и вышел в море на корабле длиной сто пятьдесят локтей и шириной сорок, с сотней пятью лучших моряков в земле Египетской, людьми, которые видели небо и землю и чьи сердца были крепче львиных. Они предсказывали, что ветер не будет неблагоприятным или что его не будет вовсе, но как только мы вышли в открытое море, поднялся порывистый ветер, и когда мы приблизились к берегу, ветер усилился и вздымал волны высотой в восемь локтей. Что касается меня, то я ухватился за доску, но остальные погибли, не осталось ни одного. Волна бросила меня на остров, после того как я провел три дня в одиночестве со своим сердцем. Я лег отдохнуть в зарослях, и меня окружила тьма; затем я отправился на поиски чего-нибудь съедобного. Я нашел инжир и виноград, а также много видов прекрасных овощей, ягод, орехов, дынь всех сортов, рыбу, птиц — ничего не доставало. Я утолил голод и выбросил излишки того, что собрал. Я выкопал яму, разжег огонь и приготовил жертву богам.

Вдруг я услышал голос, похожий на гром, вызванный, как я полагал, волной моря. Деревья задрожали, земля затряслась; я открыл лицо и увидел, что приближается змей. Он был длиной в тридцать локтей, с бородой, свисавшей более чем на два локтя; его тело было как будто инкрустировано золотом на фоне лазурита. Он остановился передо мной, открыл пасть и, пока я стоял перед ним ошеломленный, сказал:

«Что привело тебя, что привело тебя, малыш, что привело тебя? Если ты не скажешь мне, что привело тебя на этот остров, я дам тебе понять, кто ты такой; либо ты исчезнешь, как пламя, либо расскажешь мне то, чего я никогда раньше не слышал и чего я не знал раньше». Затем он схватил меня в свои челюсти, отнес в свое логово и положил меня невредимым; я был жив, здоров и целый.

«Затем он открыл пасть, и пока я молча стоял перед ним, он сказал: «Что привело тебя, что привело тебя, малыш, на этот остров, который находится в море и берега которого окружены волнами?»

Я ответил, опустив руки перед ним.^[13] Я сказал: «Я отплыл к рудникам по приказу фараона на корабле длиной сто пятьдесят локтей и шириной сорок. На нем было сто пятьдесят лучших моряков земли Египетской, которые видели небо и землю и чьи сердца были крепче сердец богов. Они заявляли, что ветер не будет неблагоприятным или даже что его не будет вовсе, ибо каждый из них превосходил своих товарищей мудростью сердца и силой рук, и я ни в чем не уступал им; но когда мы были в открытом море, поднялась буря, и, когда мы приблизились к берегу, ветер еще усилился и поднял волны высотой в восемь локтей. Что касается меня, то я ухватился за доску, но остальные на корабле погибли, и ни один не остался со мной в течение трех дней. И вот я здесь с тобой, ибо меня выбросила на этот остров морская волна».

Тогда он сказал мне: «Не бойся, не бойся, малыш, не показывай на лице печали. Если ты здесь со мной, то это потому, что Бог дал тебе жизнь. Это Он привел тебя на Остров Двойной, где нет недостатка ни в чем и который полон всех благ. Смотри, ты будешь проводить здесь месяц за месяцем, пока не пробудешь на этом острове четыре месяца, тогда из твоей страны прибудет корабль с моряками; тогда ты сможешь уплыть с ними в свою страну и умрешь в своем родном городе. Давай поговорим и будем счастливы; тот, кто любит болтать, может перенести несчастье; позволь мне рассказать тебе, что есть на этом острове. Я здесь окружен

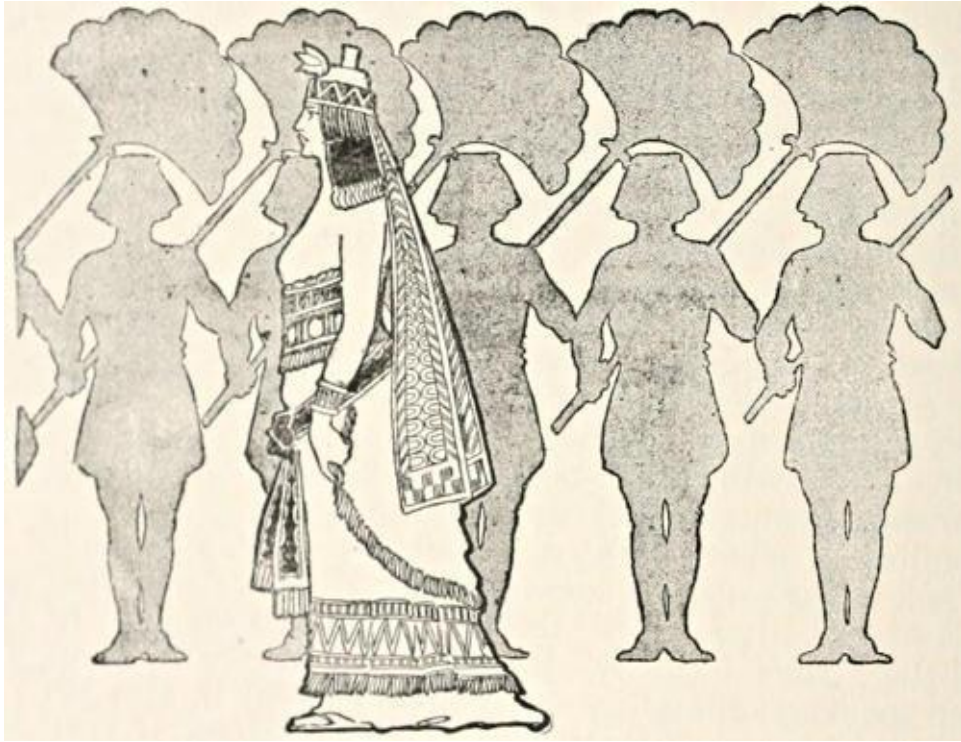
своими братьями и детьми, вместе нас семьдесят пять змей, детей и слуг, не считая молодой девушки, которую мне послала Фортуна, на которую упал огонь с неба и сжег ее дотла. Что же касается тебя, если ты силен и твое сердце терпеливо, ты еще прижмешь своих детей к сердцу и обнимешь свою жену; ты снова увидишь свой дом, и, что самое главное, ты доберешься до своей страны и будешь среди своего народа. Затем он поклонился мне, и я коснулся земли перед ним. «Вот что я могу сказать тебе по этому поводу. Я расскажу о тебе фараону и сообщу ему о твоей величии. Я пошлю тебе краски и благовония для подношений,¹⁴ мази, корицу и ладан, используемый в храмах, тот, который приносят в жертву богам. Я также расскажу всем о том, что благодаря тебе я смог увидеть, и весь народ вместе будет благодарить тебя. Ради тебя я принесу в жертву ослов. Я поймаю для тебя птиц и пошлю тебе корабли, наполненные всеми чудесами Египта, как богу, другу людей в далекой стране, о которой люди не знают».

Он улыбнулся моим словам из-за того, что было у него на сердце, и сказал: «Ты не богат эссенциями, ибо все, что ты перечислил мне, — это всего лишь ладан, а я — властелин земли Пунт, и там у меня есть много эссенций. Но благовония, которые ты собираешься послать мне, на этом острове не так много; и когда ты покинешь его, ты больше никогда их не увидишь, ибо они превратятся в волны».

И вот, корабль появился, как он и предсказывал. Я взобрался на высокое дерево, чтобы разглядеть, кто на нем находится. Я поспешил сообщить ему новость, но обнаружил, что он уже знает об этом, и он сказал мне: «Счастливого пути, счастливого возвращения домой, малыш, пусть твои глаза покоятся на твоих детях, и пусть твое имя останется добрым в твоём городе — это мои пожелания для тебя». Тогда я склонился перед ним с опущенными руками, и он подарил мне эссенции, курительные благовония, помаду, корицу, тую, дерево сапан, порошкообразный сурьму, кипарис, обычные ладан в большом количестве, слоновые бивни, борзых, бабуинов, зеленых обезьян и всевозможные хорошие и драгоценные вещи. Я погрузил все на борт прибывшего корабля и, простершись ниц, поклонился ему. Он сказал мне: «Вот, через два месяца ты прибудешь в свою страну, прижмешь своих детей к сердцу и ляжешь в гробнице». После этого я спустился к берегу к кораблю и позвал моряков на борт. На берегу я поблагодарил владыку острова, а также тех, кто жил на нем.

Когда мы прибыли, во второй месяц, в город фараона, как и предсказывал другой, мы приблизились к дворцу. Я вошел к фараону и преподнес ему все подарки, которые привез в страну с того острова, и он поблагодарил меня перед собравшимся народом. Поэтому он сделал меня своим слугой и позволил мне присоединиться к придворным царя. Посмотри на меня, теперь, когда я снова достиг берега и видел и пережил так много. Выслушай мою молитву, ибо хорошо слушать людей. Кто-то сказал мне: «Стань ученым человеком, мой друг, и ты достигнешь почестей», и вот я достиг их».

Это взято из книги от начала до конца. Автор — писец с ловкими пальцами. Амени-Амен-аа, жизнь, здоровье, сила.^с

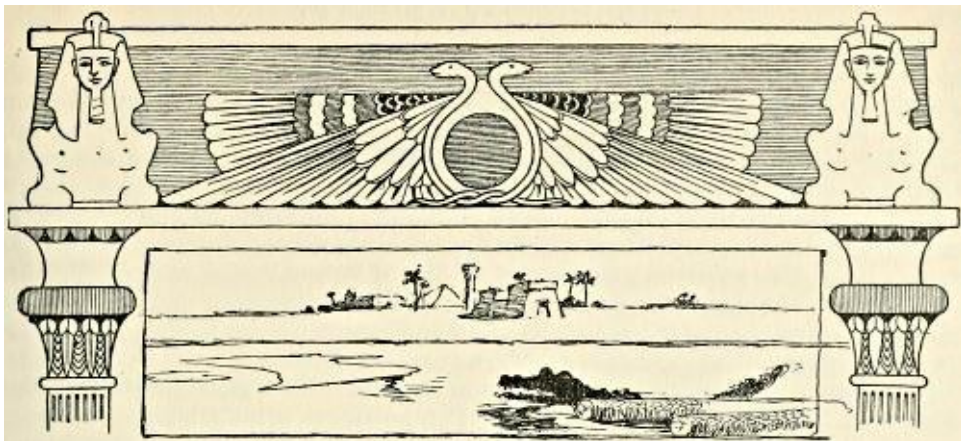
Костюм царицы Древнего Египта

СНОСКИ

[12] Возможно, это отсылка к обычаю закрывать лица преступников, когда их вели на эшафот. Приказ «Закройте ему лицо» был равносителен приговору. — М. МАСПЕРО.

[13] Именно в таком положении памятники изображают просителет или подчиненных перед своими господами. — МАСПЕРО.

[14] Хакону было одним из семи канонических масел, которые предлагались богам и ушедшим духам во время жертвоприношения. — МАСПЕРО.

ГЛАВА XII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РЕЗЮМЕ ИСТОРИИ ЕГИПТА

Следуя ходу египетской истории, изложенному на страницах таких древних авторитетов, как Геродот, Манефон и Диодор, а также таких современных исследователей, как Бругш-паша, Мариетт-паша и профессора Эрман, Масперо и Петри, мы смогли получить достаточно четкое представление о жизни самой прославленной нации древности.

Однако есть одна особенность этой жизни, которая в этой истории остается совершенно неясной, а именно ее начало. Древние, помимо смутных намеков на эфиопское происхождение египтян, признавались, что в основном они совершенно не знают об этом предмете. И нужно признать, что терпеливые исследования современных ученых не смогли полностью приоткрыть завесу этого незнания. Конечно, были выдвинуты различные теории. Херен высказал предположение, что, вероятно, Индия является колыбелью египетской расы. Однако еврейские ученые, естественно, склонялись к тому, что эта колыбель находится в Месопотамии, а некоторые более поздние археологи, в том числе такой авторитетный ученый, как Масперо, считают, что настоящее начало египетской истории следует искать в экваториальной Африке. Но нет никаких достоверных данных, которые позволили бы с какой-либо степенью уверенности судить, какая из этих гипотез, если таковая вообще существует, является верной.

Вся точка зрения современной мысли по этому вопросу за последние полвека странным образом изменилась. До этого времени большинство ученых были твердо убеждены, что, говоря о древних расах, мы имеем дело лишь с периодом примерно четырех тысяч лет до нашей эры. Любая гипотеза, которая могла бы получить признание в то время, должна была соответствовать этому предположению. Но антропологи последних двух поколений полностью развеяли эту давнюю иллюзию, и теперь мы считаем, что история человечества уходит корнями в прошлое на десятки, а может быть, и сотни тысяч лет.

Применяя здравый смысл к истории древних народов с этой измененной точки зрения, сразу становится очевидным, как легко можно следовать ложным следам и прийти к ложным выводам. Предположим, например, что, как полагал Херен и как утверждают некоторые более современные исследователи, черепа египтян и древних индийских народов, сохранившиеся в гробницах соответствующих стран, имеют большое сходство друг с другом. Что, в конце концов, это доказывает? Предположительно, это означает, что эти две широко разнесенные друг от друга нации, возможно, имели общее происхождение. Но это может означать, что египтяне когда-то были эмигрантами из Индии, или, наоборот, что индийцы мигрировали из Египта, или же, что предки обеих наций в более отдаленную эпоху занимали какой-то другой регион, возможно, в совершенно другой части земного шара, чем Индия или Египет. И даже такой вывод пришлось бы принять с большой долей сомнения. Ведь до сих пор следует честно признать, что исследования антропологов ни в коей мере не определили физические характеристики различных рас с достаточной ясностью, чтобы мы могли утверждать о фактическом единстве рас или единстве происхождения, основываясь только на кажущемся сходстве черепов или даже на более всестороннем сравнении физических черт, если бы таковые были доступны.

Более того, любое сравнение, которое пытается связать египтян с индийцами, евреями или эфиопами, является, в конце концов, лишь узким взглядом на предмет, охватывающим сравнительно ограниченный период времени. Если бы было доказано, что первые представители той расы, которая стала известна как египтяне, пришли в долину Нила из Индии, Месопотамии или Эфиопии, этот факт имел бы несомненный исторический интерес, но в конечном итоге он лишь на один шаг продвинул бы нас назад по пути эволюции этой древней цивилизации, и вопрос о том, где же находилась настоящая колыбель этой расы, остался бы открытым. Ведь, как только что было сказано, с современной точки зрения, когда речь идет об эволюции цивилизации, в уме должны возникнуть представления о

десятках тысяч лет, в течение которых, как становится ясно даже при самом беглом размышлении, расы могли мигрировать в разные стороны — на север, восток, запад, юг — и могли менять направление миграции снова и снова, оставляя после себя лишь немногие следы, по которым историки более позднего времени могли бы проследить их путь в своем воображении.

Действительно, существует предание, которое сохранил для нас Диодор, что древние египтяне совершили великое завоевательное путешествие через Грецию и всю Западную Азию до Индии и обратно в район Нила. Мы уже указывали, что такие смутные предания, как это, вероятно, представляют собой расовую память о реальных исторических событиях, конечно, искаженную во всех деталях. Но все это, следует повторить еще раз, является лишь догадкой.

Антропология — самая молодая из наук, и в наши дни она вряд ли достигнет такого уровня знаний, который позволил бы историку решить проблему происхождения любой из более отдаленных рас древности. История таких относительно более новых рас, как евреи, греки и римляне, действительно может быть, по крайней мере предположительно, выяснена в недалеком будущем; но мы должны ожидать, что, вероятно, гораздо более древняя цивилизация Китая, Индии, Месопотамии и Египта еще долго будет ставить в тупик исследователей.

Но даже нынешних знаний достаточно, чтобы полностью изменить точку зрения, с которой современный историк рассматривает эти так называемые древние расы. До тех пор, пока история мира считалась охватывающей лишь около четырех тысяч лет до нашей эры, было совершенно ясно, что, говоря о самых ранних исторических эпохах Египта, речь шла о времени, которое можно было бы по праву назвать детством нашей расы. Люди легкомысленно говорили о «рассвете цивилизации», иллюстрируемом событиями времен строителей пирамид. Но теперь все изменилось, и стало ясно, что мы ничего не знаем о рассвете цивилизации.

Самые ранние записи о Египте, дошедшие до нас, как показано, например, в документе, известном как папирус Присса, который иногда называют самой старой книгой в мире, показывают, что в период, вероятно предшествовавший строительству пирамид, а именно еще во времена II династии, египтяне считали цивилизацию своего времени уже прошедшей свой расцвет. Люди того времени уже устали от упадка эпохи, в которой жили, и с ностальгией вспоминали старые добрые времена, когда, как им казалось, египтяне были великим народом. Как заметил доктор Тейлор, это была странная ирония судьбы, что такие мысли сохранились для нас в древнейшем письменном документе, который уцелел и доступен для нашего изучения. Но мораль здесь совершенно ясна. Профессор Махаффи хорошо его изложил, когда сказал, что, возможно, оправдано считать, что, по сути, древний египтянин, который записал слова папируса Присса, был прав, и что то древнее время действительно было не весной человечества, а настоящей осенью цивилизации. Такая мысль была бы непонятна для ученого любого поколения до нашего, но долгие перспективы времени, которые открылись перед нашими глазами благодаря исследованиям последнего полувека, делают такую странную оценку более чем правдоподобной. Ведь, в конце концов, что такое, скажем, шесть или восемь тысяч лет, которые открываются перед нами как подлинно исторический период существования человека, по сравнению с десятками тысяч лет, которые предшествовали ему?

Как мы видели, почти в самом начале египетской истории существовала раса, которая построила самые гигантские памятники, которые только могла придумать человеческая изобретательность. Конечно, это не было зарождением цивилизации, которая могла бы создать такие произведения. Таким образом, в самом широком смысле, не существует такой

вещи, как древняя история, открытая для наблюдения современного историка. Вся история, которую мы можем знать со времен строителей пирамид до наших дней, с этой точки зрения является, по сути, недавней историей и, как только что было сказано, возможно, лишь историей колебательного упадка в период старения нашей расы. Но, каким бы увлекательным ни было такое представление, для практических целей необходимо смотреть на вещи немного более узко. Тем не менее, широкий взгляд, который рассматривает древних египтян как кровных братьев современных европейцев, будет самой надежной основой для создания летописи всемирной истории.

Профессор Махаффи в том же цитируемом выше контексте указал, что не только в практической цивилизации, но и в оценке всех моральных аспектов продвинутой жизни египтяне двух-, трех-, а может быть, и пяти тысячелетней давности до нашей эры находились на уровне, не отличавшемся по существу от уровня современного христианского мира; и эта мысль, пожалуй, должна быть наиболее ярко запечатлена в сознании каждого, кто хочет извлечь наиболее верный урок из изучения всемирной истории.

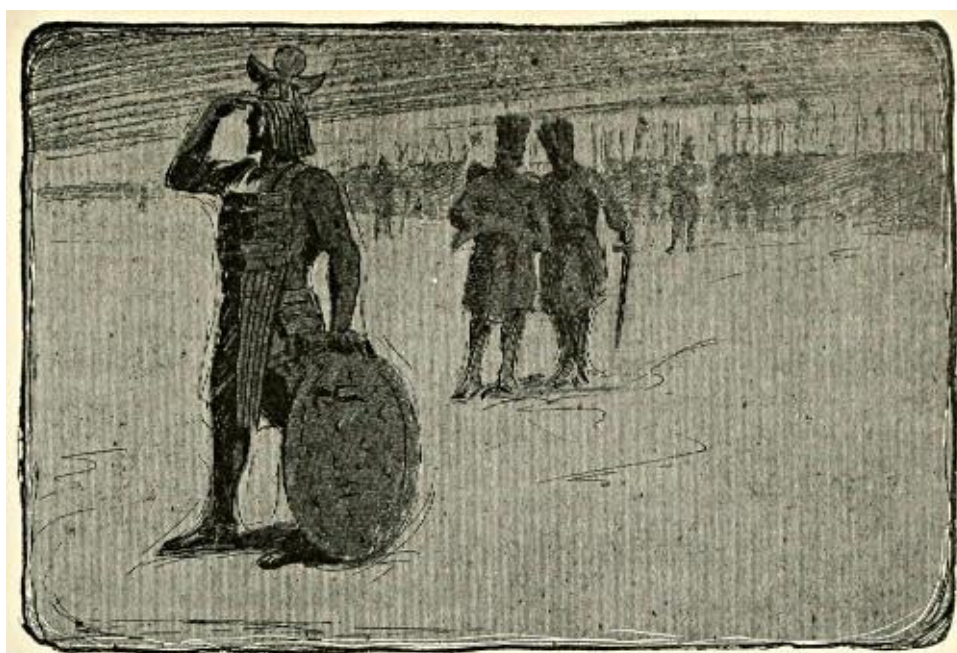
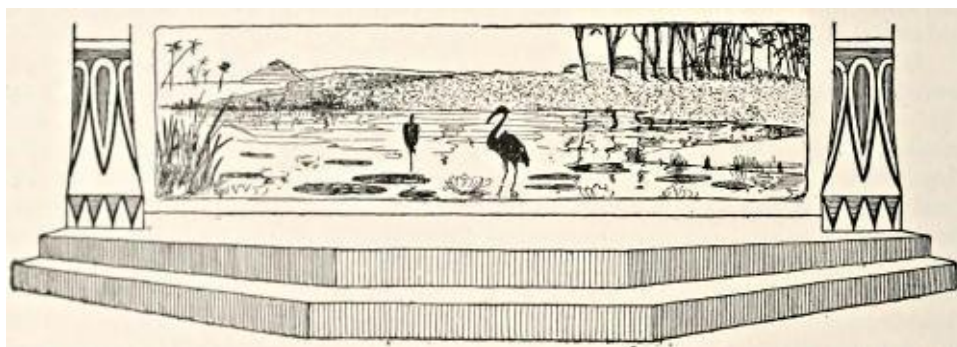
До тех пор, пока древние египтяне будут рассматриваться как странные и необычные представители цивилизации, совершенно чуждой современной, современные люди будут лишены возможности извлечь лучшие уроки из этой древней истории. Но когда, с другой стороны, мы рассматриваем древнего жителя долины Нила как человека с желаниями, эмоциями и стремлениями, почти точно такими же, как наши; человека, борющегося за решение тех же проблем практического социализма, с которыми мы боремся сегодня, — тогда, и только тогда, уроки древнеегипетской истории могут быть поняты нами в их истинном смысле и с их истинным значением. И, пожалуй, это значение будет наиболее ясным, если мы будем постоянно помнить о том, что вся египетская история в течение трех или четырех тысяч лет, отделяющих строителей пирамид от современников Александра, была периодом национального упадка — темным веком, если хотите, в египетской истории.

Вероятно, именно потому, что такая точка зрения оправдана, возникло современное представление, согласно которому египтяне были мистиками, одержимыми религией; ведь на самом деле верно, что на протяжении большей части этого периода египетской истории их народ был подчинен священникам. Еще раз вернусь к фразе профессора Махаффи: «Священники Египта, возможно, бальзамировали цивилизацию Нила, но они определенно убили ее». Однако должно было быть время, когда нация была молодой и полной стремлений, когда ее смешанное население — независимо от происхождения — обладало той энергией, которая присуща только смешанным расам. В те дни были гиганты, не по росту, а по идеям; великие пирамиды, могучий Сфинкс свидетельствуют об их существовании. Затем наступило развитие культуры, сопровождавшееся, конечно, некоторой степенью ослабления мужественности, что сделало возможным появление великой литературы XII династии, а затем священнослужители задушили нацию с такой силой, что, несмотря на суровые и героические борьбы, она так и не смогла полностью освободиться от их гнета. Что именно означает, когда липкая рука непоколебимой теологии сжимает горло прогрессивной цивилизации, мы видим на примере европейского средневековья, из которого мы, в начале XX века, только сейчас пытаемся выбраться после четырнадцати или пятнадцати веков борьбы. Таким образом, наш собственный опыт хорошо подготавливает нас к пониманию египетской истории.

Несомненно, пройдет еще как минимум столетие, а может быть, и два или три, прежде чем жители христианского мира смогут взглянуть на мир с такой же рациональной точки зрения, как Платон в V веке до нашей эры, Цицерон в I веке или Марк Аврелий примерно на два-три столетия позже, когда над Востоком сгустились тучи восточных суеверий. Поэтому

не стоит удивляться, что Египет страдал аналогичным образом в течение аналогичного периода.

В конечном счете, кажется, что именно сходство египетской истории с нашей собственной историей, а не ее загадочные различия, придает ей наибольшее очарование. Различия — это поверхностные детали; сходства же глубоки, как сама человеческая природа. Придя к этому убеждению, мы, как ни странно, полностью изменили прежнюю оценку странного и загадочного народа Нила, но тем самым мы гораздо лучше, чем в противном случае, подготовили себя к пониманию значения всемирной истории.^a

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Время рассеивает твердую угловатость фактов в сияющий эфир. Ни якорь, ни трос, ни заборы не способны удержать факт. Вавилон, Троя, Тир, Палестина и даже ранний Рим уже превращаются в вымысел. Райский сад, солнце, остановившееся в Гибеоне, отныне являются поэзией для всех народов. Кому какое дело, каков был факт, когда мы сделали из него созвездие, висящее на небе как бессмертный знак? — ЭМЕРСОН.

Такова земля, которая, если смотреть на нее глазами более поздних эпох, кажется театром чудес; таковы люди, которым посчастливилось первыми или одними из первых выйти из рядов варваров в фалангу цивилизации. Как, когда и где они сделали этот шаг — или, скорее, совершили этот долгий и медленный подъем — мы не знаем. Но у них самих были традиции, касающиеся их происхождения и ранней истории, некоторые из которых дошли до нас, главным образом через греческих историков.

Конечно, эти традиции нельзя ставить на одну доску с конкретными выводами современных историков. Но, с другой стороны, их и не следует полностью отбрасывать. Мы

живем в мире, удивительно переплетенном парадоксами и иллюзиями. Часто бывает, что даже недавние записи, которые носят полный отпечаток подлинности, на самом деле являются не более чем баснями — смесью предрассудков, лжи, мифов и фетишей. С другой стороны, может случиться так, что чисто вымышленная запись содержит самую суть истории. Действительно, всегда, когда традиция имеет давнюю историю и широко принята среди народа на определенном этапе его развития, такая традиция должна отражать дух своей эпохи.

Это может быть, как обычно бывает с такими баснями, неправдоподобная история о богах и божественных героях, о сверхчеловеческих подвигах и сверхъестественных откровениях; тем не менее, в некотором смысле она исторически верна. По крайней мере, это краткое изложение истории психологии эпохи. Но, как правило, это больше, чем просто история: это идеализированное выражение расовой памяти о реальных событиях — идеализированное, прославленное, преображенное, но, возможно, никогда не созданное без подложки фактов. И насколько бесконечно выразительным становится этот идеализированный отчет! Он сгущает события веков, иногда в одной фразе; он воплощает сущность цивилизации эпохи в притче.

Кто бы отказался от гомеровских легенд с их рассказами о богах и сверхъестественных героях в пользу реалистичных повествований Фукидида? Кто бы отказался от мифов Греции в пользу записей о реальных войнах и завоеваниях? К счастью, нам не приходится делать выбор; мы можем сохранить одну запись, чтобы дополнить и завершить другую. Так должен поступать историк с ранними записями каждого народа, где бы они ни были доступны.

Помимо памятников самих египтян, самым древним свидетельством об этом народе, дошедшим до нас в светской литературе, является рассказ Геродота. Этот рассказ представляет особый интерес, поскольку он дан очевидцем. Геродот путешествовал по Египту примерно в начале V века до н. э., когда Египет только начинал открываться для иностранцев. Похоже, что Геродот не знал языка этой страны, и поэтому он не мог получить столь глубокое знание о народе, какое было бы возможно в ином случае. Есть также подозрение, что египетские жрецы не мало развлекались, наполняя ум Геродота рассказами весьма сомнительной достоверности. Но как бы то ни было, Геродот обладал острым взглядом и оставил нам яркие и интересные описания многих чудес, которые он видел, некоторые из которых представлены здесь. Приводя эти цитаты, мы не будем пока пытаться играть роль критиков, а скорее примем это занимательное повествование таким, каким оно есть.

Очевидно, что во многих моментах этот рассказ носит нелепый характер, но даже эти части рассказа имеют свою ценность. Например, то, что Геродот рассказывает нам о причинах подъема Нила, важно, поскольку показывает отношение греческой мысли к этому необычному явлению. Наивный рассказ Геродота о том, как ветер сбивает солнце с его курса, сам по себе дает ключ не только к пониманию мышления Геродота, но и мышления его современников — ключ, который будет чрезвычайно ценен для оценки достоверности различных исторических сообщений, дошедших до нас из древности. Но, с другой стороны, то, что Геродот рассказывает нам о своих реальных наблюдениях за страной, нравами и обычаями ее народа, имеет огромное значение как современная запись острого наблюдателя и может быть принято, в той мере, в какой оно относится к реальным наблюдениям автора, как исторически точное в полном современном смысле этого слова.

После трудов Геродота самым обширным описанием Египта, дошедшим до нас из древности, является описание Диодора Сицилийского. Этот автор был современником Цезаря и Августа. Он написал очень известную историю мира под названием *«Историческая*

библиотека» в сорока книгах, из которых до нас дошло только около одиннадцати в полном виде.

Неясно, посещал ли Диодор, как Геродот, Египет лично, но он, по крайней мере, был знаком со всеми знаниями и традициями своего времени, относящимися к этой стране. Он жил на несколько веков позже Геродота, когда Египет уже давно был полем иностранных вторжений. Поэтому все, что греки и римляне смогли узнать об истории Египта, было доступно ему, и то, что он рассказывает нам о Египте, имеет особое достоинство, поскольку воплощает практически все классические знания о народе Нила. С его времени до XIX века к западному знанию об истории Египта практически ничего не было добавлено. Некоторые утверждения, которые принимал Диодор, действительно были такими, что современные скептики инстинктивно отвергали бы, но, если не считать этого, история Египта, как ее рассказывает Диодор, была практически той историей, которая была известна западному миру до тех пор, пока в XIX веке не было найдено ключ к египетским памятникам. Уже по этой причине, если не по другим, рассказ Диодора будет представлять особый и непреходящий интерес; но в дополнение к этому, повествование имеет внутренние достоинства, которые делают его достойным сохранения.

Здесь, в самом начале, будет чрезвычайно интересно сравнить и сопоставить его рассказ о Египте с рассказом Геродота. Если мы найдем в нем некоторые вещи, такие как его рассказ о самопроизвольном появлении мышей из ила Нила, которые, кажется, оправдывают то, что цитируется критиками в отношении его легковёрности, с другой стороны, мы найдем в его критическом анализе различных версий происхождения Нила и в его окончательно правильном выборе истинного объяснения ежегодного подъема уровня этой реки явное доказательство того, что он обладал острым критическим умом и иногда использовал его. В то же время будет столь же очевидно, что он в немалой степени обладал способностью писать интересную историю, очень отличающуюся от более сухих записей, составляющих некоторые из его более поздних анналов.^а

Обратимся же к страницам Геродота и послушаем классическое описание Нила.

При более обширных наводнениях Нил затопляет не только дельту, но и часть территории, называемой Ливийской, а иногда и аравийскую границу, и простирается в среднем на расстояние двух дней пути в каждую сторону. О природе этой реки я не смог получить никакой достоверной информации ни от жрецов, ни от других людей. Тем не менее, я особенно хотел узнать, почему Нил, начиная с летнего солнцестояния, продолжает постепенно подниматься в течение ста дней, после чего в течение того же периода времени он так же постепенно спадает, оставаясь на протяжении всей зимы и до возвращения летнего солнцестояния в своем прежнем низком и спокойном состоянии: но все мои расспросы у жителей оказались безрезультатными, и я не смог узнать, почему Нил так отличается по своим свойствам от других рек. Столь же безуспешными оказались мои попытки узнать, почему только эта река не несет с собой ветер.

Головной убор царицы Древнего Египта

Стремясь завоевать репутацию мудрого человека, этот вопрос привлек внимание многих греков. Существовало три различных объяснения этого явления, два из которых не заслуживают особого внимания и заслуживают лишь краткого упоминания; одно из них утверждает, что подъем Нила обусловлен этезийскими ветрами, которые, дуя в противоположном направлении, препятствуют впадению реки в море. Но часто случалось, что ветры из этого направления не дули, а явление Нила оставалось прежним. Можно также заметить, что если бы это была настоящая причина, то то же самое происходило бы и с другими реками, течение которых противоположно этезийским ветрам, которые, имея меньший объем воды и более слабое течение, были бы способны оказывать еще меньшее сопротивление: но есть много рек, как в Сирии, так и в Ливии, и ни одна из них не демонстрирует тех же явлений, что и Нил.

Второе мнение еще менее согласуется с разумом, хотя и более рассчитано на то, чтобы вызвать удивление. Оно утверждает, что Нил обладает этими качествами, поскольку течет из океана, который полностью окружает Землю.

Третье мнение, хотя и более правдоподобное на первый взгляд, на самом деле еще более ложно. Оно просто подразумевает, что Нил образуется в результате таяния снега, который, приходя из Ливии через регионы Эфиопии, впадает в Египет. Но как эта река, спускающаяся из очень теплого климата в гораздо более холодный, может состоять из талого снега? Есть много других причин, которые убеждают любого здравомыслящего человека в том, что это мнение противоречит фактам. Первый и самый весомый аргумент можно извлечь из ветров, которые в этих регионах неизменно горячие: можно также заметить, что дождь и лед здесь совершенно неизвестны. Теперь, если через пять дней после снегопада обязательно должен пойти дождь, что бесспорно так и есть, то из этого следует, что если бы в этих странах был снег, то обязательно был бы дождь. Третье доказательство взято из цвета кожи туземцев, которые из-за чрезмерной жары повсеместно черные; кроме того, не известно, чтобы коршуны и ласточки мигрировали из этой страны: журавли, спасаясь от суровой скифской зимы, также проводят холодное время года здесь. Следовательно, если бы в тех местах, через которые протекает Нил, или в тех, где он берет свое начало, выпадал снег, пусть даже небольшой, разум показывает, что ни одно из вышеупомянутых обстоятельств не могло бы произойти.

Аргумент, который приписывает океану эти явления Нила, скорее похож на басню, чем на правду или здравый смысл. Что касается меня, то я не знаю ни одной реки под названием Океан и склонен полагать, что Гомер или какой-то другой поэт древности сначала придумал это название, а затем ввел его в свои произведения.

Но поскольку я упомянул предыдущие мнения только для того, чтобы их осудить и опровергнуть, от меня, возможно, ожидают, что я выскажу свое собственное мнение по этому вопросу. Я считаю, что Нил выходит из берегов в летний сезон, потому что зимой солнце, отклоняемое бурями от своего обычного курса, поднимается в более высокие слои атмосферы над Ливией. Мою причину можно объяснить без труда, поскольку легко предположить, что в любой области, к которой эта сила приближается больше всего, реки и ручьи этой страны будут пропорционально высыхать и уменьшаться.

Если бы я хотел более подробно остановиться на этом вопросе, я бы сказал, что все это вызвано прохождением солнца через более высокие части Ливии. Поскольку воздух здесь всегда ясен, а жара всегда смягчается прохладными бризами, солнце действует здесь так же, как и в летний сезон, когда оно находится в центре неба. Солнечные лучи поглощают водные частицы, которые под их воздействием поднимаются в более высокие слои атмосферы, где они улавливаются, разделяются и рассеиваются ветрами. И можно заметить, что южный и юго-западный ветры, которые являются наиболее распространенными в этой части света, чаще всего сопровождаются дождем. Однако мне не кажется, что солнце возвращает всю воду, которую оно ежегодно поглощает из Нила; часть, вероятно, удерживается. Когда зима заканчивается, он возвращается в середину неба и снова посредством испарения притягивает к себе воды рек, которые к тому времени значительно увеличиваются за счет дождей и поднимаются до максимальной высоты. Но летом, из-за отсутствия дождей и притягательной силы солнца, они снова уменьшаются (); однако Нил находится в иных условиях: он никогда не получает пользы от дождей, в то время как на него постоянно воздействует солнце, — достаточная причина, по которой он должен быть в зимний сезон пропорционально ниже, чем летом. Зимой только Нил уменьшается под влиянием солнца, которое летом притягивает воду из рек без разбора; поэтому я приписываю солнцу замечательные свойства Нила.

По моему мнению, той же причине можно приписать состояние воздуха в этой стране, который под воздействием солнца всегда чрезвычайно разрежен, так что в более высоких частях Ливии царит вечное лето. Если бы было возможно изменить времена года и поместить северные регионы на юг, а южные — на север, то солнце, изгнанное со своего места северными бурями, несомненно, повлияло бы на высокогорные районы Европы, как оно сейчас влияет на Ливию. Я полагаю, что тогда оно также повлияло бы на воды Истра, как сейчас оно влияет на воды Нила.

То, что с поверхности реки не дует ветер, можно, по-моему, объяснить следующим образом: там, где воздух находится в очень теплом и разреженном состоянии, вряд ли можно ожидать ветра, который обычно поднимается в холодных местах. Я не буду пытаться дать дальнейшие пояснения по этому вопросу, а оставлю его в том состоянии, в котором он так долго находился.

Водонос на Ниле

За все время общения с египтянами, ливийцами и греками я встретил только одного человека, который утверждал, что знает истоки Нила. Это был священник, хранивший священные сокровища в храме Минервы в Саисе. Он уверял меня, что обладает самыми достоверными знаниями по этому вопросу, хотя его утверждения никогда не вызывали у меня серьезного доверия. Он сообщил мне, что между Сиеной, городом в Фивах, и Элефантиной находились две горы, каждая из которых заканчивалась острой вершиной: одна называлась Крофи, другая — Мофи. Он утверждал, что истоки Нила, которые были фонтанами непостижимой глубины, вытекали из центров этих гор; что один из этих потоков разделял Египет и направлялся на север, а другой аналогичным образом текла на юг, через Эфиопию. Чтобы подтвердить свое утверждение о том, что эти источники были бездонными, он рассказал мне, что Псамметих [Псамтек I], правитель страны, проверил это экспериментально: он спустил веревку длиной в несколько тысяч оргий, но не смог найти дна. Это была информация священника, правдивость которой я не берусь определять. Если такой эксперимент действительно был проведен, то, возможно, в этих источниках были определенные водовороты, вызванные отражением воды от гор, сила которых была достаточно, чтобы поднять лот и не дать ему достичь дна.

Я не смог получить никакой другой информации, кроме вышеуказанной, хотя я довел свое расследование до того, что с целью проведения наблюдений сам отправился в Элефантину: о тех частях, которые лежат за этим городом, я могу говорить только на основании информации от других. За Элефантиной местность становится пересеченной; при движении вверх по течению необходимо тянуть судно с каждой стороны с помощью веревки, такой же, как используется для волов. Если веревка оборвется, то сила течения с силой отбросит судно назад. Путь от Элефанты до этого места занимает четыре дня.

Таким образом, не считая той части, которая протекает через Египет, течение Нила известно на протяжении четырех месяцев пути, частично по суше, частично по воде; ведь опыт показывает, что никто не может добраться из Элефанты до Автомоли () за меньшее время. Несомненно, что Нил берет начало на западе, но за Автомоли все неопределенно,

поскольку эта часть страны из-за чрезмерной жары представляет собой суровую и некультивируемую пустыню.

Возможно, не будет неуместным рассказать историю, которую я услышал от некоторых киренцев. Во время экспедиции к оракулу Аммона, по их словам, у них была возможность поговорить с Этеархом, правителем этой страны: среди прочих тем был затронут Нил, и было отмечено, что подробности о его истоке до сих пор совершенно неизвестны. Этеарх сообщил им, что однажды его двор посетили некоторые нассамоны (это африканский народ, населяющий Сирту и участок земли, простирающийся оттуда на восток). Когда он расспросил их о пустынях Ливии, они рассказали следующий случай: некоторые молодые люди, сыновья знатных людей, достигнув зрелого возраста, прославились своим экстравагантным поведением. Среди прочего, они по жребию выбрали пятерых из своих товарищей, чтобы исследовать пустыни Ливии и попытаться превзойти всех предыдущих путешественников в своих открытиях.

Вся часть Ливии, простирающаяся к Северному океану, от Египта до мыса Солозис, который завершает третью часть земли, заселена различными народами ливийцев, за исключением только той области, которая находится во владении греков и финикийцев. Отдаленные части Ливии за побережьем и народы, населяющие ее границы, заселены различными хищными зверями; еще более отдаленная часть страны представляет собой засушливую и безграничную пустыню. Молодые люди, хорошо запасшись водой и провизией, оставили своих товарищей и сначала прошли через заселенную область; затем они пришли в область, заселенную дикими зверями, и, покинув ее, направились на запад, через пустыню.

После многодневного путешествия по бесплодной и песчаной местности они наконец увидели несколько деревьев, растущих на равнине; они подошли к ним и, увидев на них плоды, собрали их. Пока они были заняты этим, несколько человек карликового роста подошли к ним, схватили их и унесли. Они не понимали языка друг друга, но нассамонийцев провели через много болотистых мест к городу, все жители которого были такого же маленького роста и черного цвета кожи. Этот город омывался большой рекой, которая текла с запада на восток и была полна крокодилов.

Таков был рассказ Этеарха, как он был передан мне; он добавил, как мне рассказали киренцы, что нассамонийцы вернулись в свою страну и сообщили, что все встреченные ими люди были волшебниками. Река, омывающая их город, по предположению Этеарха, которое подтверждается вероятностью, была Нил. Нил, безусловно, берет начало в Ливии, которую он разделяет; и если допустимо делать выводы из хорошо известных вещей в отношении тех, которые являются неопределенными и неясными, то он течет по аналогичному маршруту с Истером. Эта река, берущая начало в городе Пирене, среди кельтов, протекает через центр Европы. Эти кельты находятся за Геркулесовыми столбами; они граничат с кинезийцами, самым отдаленным из всех народов, населяющих западные части Европы. В том месте, которое принадлежит истрийцам, милетской колонии, Истр впадает в Эвксинский.

Истоки Истра, протекающего по густонаселенным странам, достаточно известны, но о истоках Нила, омывающего суровые и непригодные для жизни пустыни Ливии, никто не может сказать с точностью. Все знания, которые я смог получить в результате самых тщательных и обширных исследований, я уже изложил выше. Через Египет он направляется к морю. Напротив Египта находятся горы Киликии (), откуда до Синопы на Эвксинском море опытный путешественник может добраться за пять дней: на стороне, непосредственно противоположной Синопе, Истр впадает в море. Таким образом, Нил, протекая через Ливию,

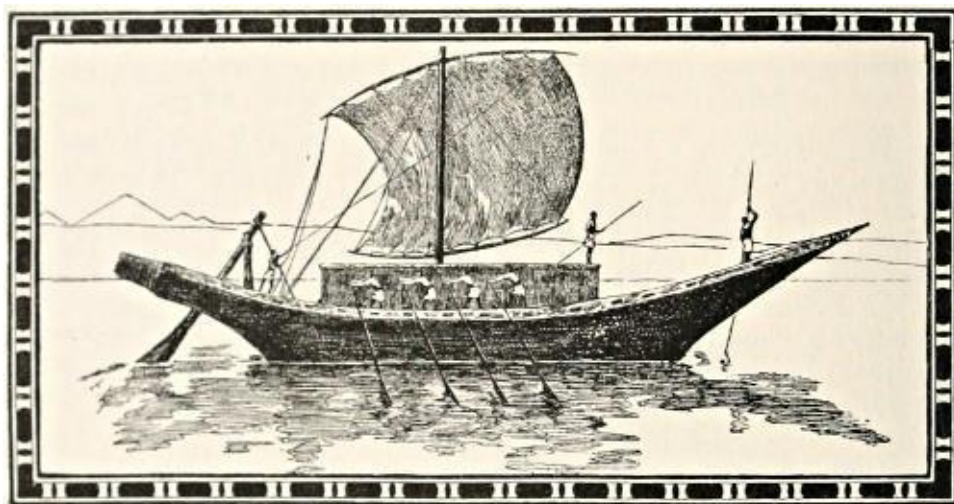
вполне можно сравнить с Истром. Но по этому вопросу я сказал все, что считаю необходимым.[b](#)

ЕЩЕ ОДНО ДРЕВНЕЕ ОПИСАНИЕ НИЛА

Река Нил, по словам Диодора, порождает множество существ разных форм и очертаний, среди которых особенно примечательны два: крокодил и так называемая лошадь. Среди них крокодил из наименьшего существа становится величайшим, ибо он откладывает яйцо размером с гусиное, и после того, как молодняк вылупляется, он вырастает до шестнадцати локтей в длину и живет до возраста человека: у него нет языка, но его тело по природе удивительным образом вооружено. Его кожа полностью покрыта чешуйками необычайной твердости; по обеим сторонам челюстей расположено множество острых зубов, два из которых намного больше остальных. Это чудовище пожирает не только людей, но и других существ, которые приближаются к реке. Его укусы остры и разрушительны, а когтями он жестоко разрывает свою добычу на куски, и раны, которые он наносит, не могут быть излечены ни лекарствами, ни примочками. Раньше египтяне ловили этих чудовищ крючками с сырым мясом в качестве приманки, но в последнее время они стали ловить их с помощью прочных сетей, как рыб; иногда они бьют их по голове железными вилками и таким образом убивают. В реке и соседних водоемах обитает бесконечное множество этих существ, поскольку они очень плодовиты и редко гибнут. Дело в том, что крокодил почитается некоторыми жителями как бог, а для пришельцев охотиться на них и уничтожать их бессмысленно, поскольку их мясо несъедобно. Но природа предусмотрела средство против размножения этого разрушительного чудовища: ибо ихневмон, как его называют (размером с маленькую собаку), бегая вдоль берега, разбивает все яйца, отложенные этим зверем, где бы он их ни находил; и что наиболее достойно восхищения, он делает это не ради пищи или какой-либо другой выгоды, а из естественного инстинкта, исключительно для блага человечества.

Зверь, называемый речным конем, имеет длину пять локтей, четыре ноги и раздвоенные копыта, как у быка. У него по три зуба или клыка с каждой стороны челюсти, которые снаружи кажутся больше, чем у дикого кабана; по ушам, хвосту и ржанию он похож на лошадь. В целом его тело не сильно отличается от тела слона; его кожа более плотная и толстая, чем у любого другого животного (). Он живет как на суше, так и в воде; днем он лежит на дне реки, а ночью выходит на сушу и питается травой и зерном. Если бы это животное было настолько плодовитым, что приносило бы потомство каждый год, оно погубило бы земледельцев и уничтожило бы большую часть зерна Египта. Его часто ловят с помощью многих рук, поражая железными орудиями; когда его находят, его окружают лодками, и те, кто находится на борту, ранят его раздвоенными железными орудиями, бросая в него как дротики; привязывая к железу крепкие веревки, они оставляют его, пока он не истечет кровью и не умрет. Его мясо необычайно жесткое и плохо усваивается. В его внутренних органах нет ничего, что можно было бы съесть, ни кишечник, ни какие-либо другие внутренности.

Помимо вышеупомянутых, Нил изобилует множеством всевозможных рыб; не только свежевыловленных, которые поставляются местным жителям, но и бесчисленным количеством соленых, которые отправляются за границу. В заключение, ни одна река в мире не приносит человечеству больше пользы и не служит ему так, как Нил.

Древний египетский корабль, демонстрирующий метод использования руля, паруса и весел

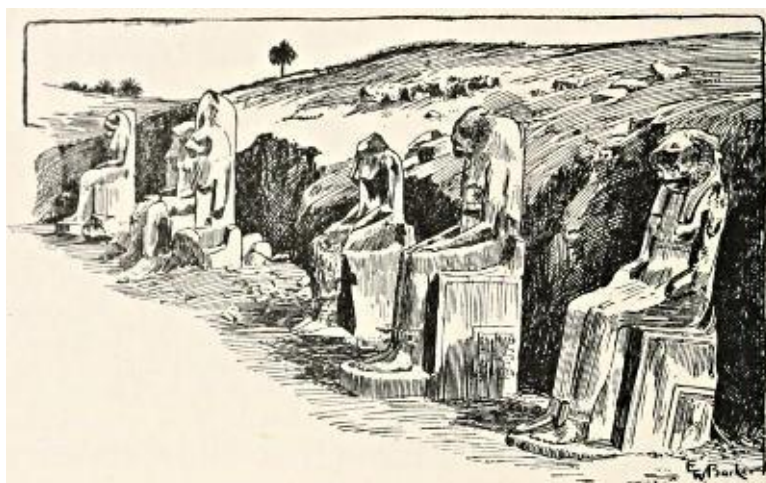
Его наводнение начинается в день летнего солнцестояния и усиливается до осеннего равноденствия; в течение этого времени он приносит с собой новую почву и орошает как возделанную и улучшенную землю, так и ту, которая лежит пустынной и необработанной, до тех пор, пока это устраивает земледельца; поскольку вода течет мягко и постепенно, они легко отводят ее течение, насыпая небольшие земляные валы, а затем, открывая для нее проход, с такой же легкостью снова направляют ее на свою землю, если считают это необходимым. Это так выгодно для жителей и делается с таким небольшим трудом, что большинство сельских жителей пускают свой скот на засеянную землю, чтобы он ел и топтал зерно, а через четыре или пять месяцев они его собирают. Некоторые слегка проходят по поверхности земли плугом после того, как вода спадет, и получают огромный урожай без больших затрат и труда: Но земледелие во всех других странах очень трудоемко и дорого, только египтяне собирают свои плоды с небольшими затратами и трудом. Та часть страны, где после этого полива Нилом сажают виноград, дает самый обильный урожай. Поля, которые после наводнения используются для выпаса стад, дают им такое преимущество, что овцы окотятся два раза в год и стригутся так же часто. Этот приток Нила удивителен для зрителей и совершенно невероятен для тех, кто только слышит об этом; ибо когда другие реки около солнцестояния падают и становятся ниже в течение всего лета, эта начинает расти и продолжает подниматься каждый день, пока не достигает такой высоты, что затопляет почти весь Египет; и, напротив, таким же образом в зимнее солнцестояние она постепенно падает, пока полностью не возвращается в свое русло. А поскольку земля Египта лежит низко и равнинно, города, поселки и деревни, построенные на возвышенностях (насыпанных искусственно), похожи на острова Киклад. Многие из скота иногда оказываются перекрытыми рекой и тонут, но те, кто бежит на более высокие земли, спасаются. Во время наводнения скот держат в сельских деревнях и небольших коттеджах, где для него заранее заготовлены корм и фураж. Но простой народ, освободившись от всех работ в поле, предается праздности, каждый день устраивая пиры и отдаваясь всевозможным развлечениям и удовольствиям. Однако из-за страха перед наводнением египетские цари построили в Мемфисе сторожевую башню, где те, кто занят этим делом, наблюдая за тем, на какую высоту поднимается река, посылают письма из одного города в другой, сообщая, на сколько локтей и пальцев поднимается река и когда она начинает спадать; и таким образом, люди, понимая, когда наступит падение воды, избавляются от своих страхов, и все сразу же предвидят, каким урожаем они будут обладать; и эти наблюдения регистрировались египтянами на протяжении многих поколений.

Существуют большие споры относительно причин разливов Нила, и многие философы и историки пытались объяснить их причины. Некоторые из тех, кто пытался дать свои объяснения, были очень далеки от истины. Что касается Гелланика, Кадма, Гекатея и других древних авторов, то они рассказывали лишь пустые истории и басни. Геродот, более всех других писателей трудолюбивый и хорошо знакомый с общей историей, взял на себя задачу выяснить причины этих явлений, но то, что он говорит, тем не менее, весьма сомнительно, а некоторые вещи кажутся противоречивыми и несовместимыми друг с другом.

До сих пор ни один писатель не утверждал, что он сам видел или слышал от кого-либо, кто утверждал, что видел истоки Нила: поэтому все сводится к мнениям и догадкам, и священники Египта утверждают, что он берет начало в океане, который омывает всю Землю: Но ничто из того, что они говорят, не имеет под собой твердой основы, и они разрешают сомнения с помощью еще более сомнительных вещей; а чтобы доказать свои слова, они приводят аргументы, которые сами нуждаются в доказательстве.

Фалес, считающийся одним из семи мудрецов Греции, придерживается мнения, что этесейские ветры, которые сильно дуют на устье реки, сдерживают и останавливают течение, не давая ему впасть в море, в результате чего река разбухает, ее русло наполняется водой и в конце концов затопляет равнинную и низменную страну Египет. Хотя это кажется правдоподобным объяснением, его легко опровергнуть. Ведь если бы его слова были правдой, то все реки, впадающие в море против ветров Этезея, затопляли бы его таким же образом, чего никогда не наблюдалось ни в одной другой части мира, поэтому необходимо искать другое объяснение, более согласующееся с истиной. Философ Анаксагор объясняет это таянием снега в Эфиопии, и поэт Еврипид (который был его учеником) следует его мнению.

Опровергнуть это мнение не составляет труда, поскольку всем очевидно, что из-за палящей жары в это время года в Эфиопии нет снега. В этих странах нет ни малейших признаков мороза, холода или других проявлений зимы, особенно во время разлива Нила. И даже если предположить, что в высокогорных районах Эфиопии снега много, то утверждение все равно остается ложным: ведь каждая река, наполненная талой водой, испаряется, образуя холодный туман и загущая воздух; но над Нилом, в отличие от всех других рек, не собирается туман, не дуют холодные ветры, а воздух не становится густым и тяжелым. Геродот говорит, что Нил по своей природе таков, каким он кажется во время своего разлива; ибо зимой, когда солнце движется на юг и проходит свой ежедневный путь прямо над Африкой, оно испаряет из Нила столько воды, что он уменьшается вопреки природе; а летом, когда солнце возвращается на север, реки Греции и реки всех других северных стран падают и уменьшаются; поэтому не так уж странно, что Нил в летнее время наполняется, а зимой падает и становится ниже. Но на это можно ответить, что если солнце испаряет столько влаги из Нила зимой, то оно делает то же самое и с другими реками Африки, и поэтому они должны падать так же, как и Нил, чего нигде не происходит во всей Африке, и поэтому рассуждение этого автора является несерьезным; ведь реки Греции поднимаются не из-за удаленности Солнца, а из-за сильных дождей, которые идут в это время. Эфор, который дает последнее объяснение этому явлению, пытается установить причину, но, похоже, не может найти истину.

Колоссальные сидячие фигуры богов

Вся земля Египта (говорит он) образована из реки, и почва имеет рыхлую и пористую структуру, в ней много больших расщелин и углублений, в которых находится большое количество воды, которая зимой замерзает, а летом вытекает со всех сторон, как пот из пор, что приводит к подъему уровня реки Нил. Этот автор не только выдает свое незнание природы мест в Египте, которые он никогда не видел сам, но и то, что он никогда не получал правильной информации от тех, кто был с ними знаком. И действительно, никто не может ожидать какой-либо достоверности от Эфора, который, как можно явно заметить, не считает своим делом во многих вещах объявлять правду.

Философы в Мемфисе привели веские доводы в пользу подъема Нила, которые трудно опровергнуть, и хотя они маловероятны, многие с ними согласны. Они делят Землю на три части, одна из которых — та, в которой мы живем; другая — совершенно противоположная этим местам по временам года; третья — лежащая между этими двумя, которая, по их словам, непригодна для жизни из-за палящего солнца; и поэтому, если Нил выходит из берегов зимой, то ясно и очевидно, что его исток находится за пределами нашей зоны, потому что тогда у нас больше всего дождей. Но, напротив, поскольку он поднимается летом, очень вероятно, что в стране, противоположной нам, наступает зима, где тогда выпадает много дождей, и что эти потоки воды приносятся оттуда к нам: и поэтому никто никогда не сможет найти источники Нила, потому что река протекает через противоположную зону, которая необитаема. И чрезвычайная сладость воды, как говорят, подтверждает это мнение; проходя через тропическую зону, вода кипит, и поэтому эта река слаще любой другой в мире, поскольку тепло естественным образом делает воду слаще. Но эту причину легко опровергнуть, поскольку совершенно невозможно, чтобы река поднималась на такую высоту и стекала к нам из противоположной зоны, особенно если принять во внимание, что Земля круглая. Но если кто-то все же будет настолько упрям, что утверждает, что все так, как говорят философы, я должен коротко сказать, что это противоречит законам природы.

Поскольку они придерживаются мнений, которые по своей природе трудно опровергнуть, и помещают между нами и теми, кто находится на противоположной стороне, необитаемую часть мира, они приходят к выводу, что таким образом они сделали невозможным и недоступным для человеческого разума опровержение их теории. Но справедливо и равноправно, чтобы те, кто утверждает что-либо категорически, доказывали свои слова либо авторитетом, либо силой аргументов. Как так получилось, что только река Нил стекает к нам из другой противоположной зоны? Разве у нас нет других рек, к которым это также

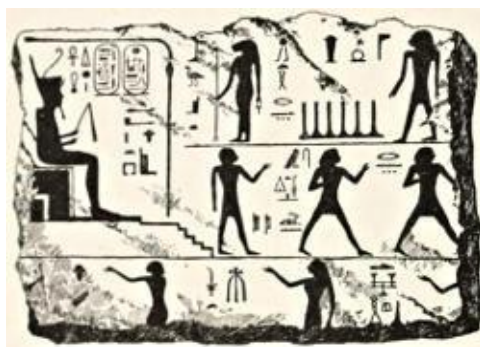
может быть применимо? Что касается причин, приводимых в обоснование сладости воды, то они абсурдны: ведь если вода кипит под палящим жаром и в результате становится сладкой, то она не будет иметь продуктивных свойств ни для рыб, ни для других видов животных и зверей; ведь всякая вода, природа которой изменяется под воздействием огня, совершенно неспособна к размножению живых существ, и поэтому, поскольку природа Нила противоречит этому кипячению и выпариванию воды, мы приходим к выводу, что причины, приводимые в качестве объяснения его полноводья, ложны.

Но ближе всего к истинной причине подходит Агартархид из Книда. Он говорит, что в горных районах Эфиопии ежегодно с летнего солнцестояния до осеннего равноденствия идут непрерывные дожди, и поэтому есть веская причина для того, чтобы Нил был низким зимой, когда он течет только из своих естественных источников, и переполнялся летом из-за обильных дождей. И хотя до сих пор никто не смог объяснить причину этих наводнений, он говорит, что его мнение не следует полностью отвергать, поскольку существует много вещей, противоречащих законам природы, для которых никто не может дать весомого объяснения. То, что происходит в некоторых частях Азии, по его словам, в некоторой степени подтверждает его мнение. Он утверждает, что в пределах Скифии, недалеко от горы Кавказ, после окончания зимы каждый год в течение многих дней подряд выпадает обильный снег; и что в северных частях Индии в определенные периоды времени выпадает обильный град невероятных размеров; а вблизи реки Гидаспис летом идет непрерывный дождь; то же самое происходит в Эфиопии в течение многих дней подряд; и что это беспорядочное вращение воздуха вызывает многочисленные ливни в близлежащих местах; и что поэтому неудивительно, что горные районы Эфиопии, которые находятся намного выше Египта, пропитаны непрерывными дождями, от которых река наполняется и выходит из берегов; тем более что коренные жители этого места утверждают, что так и есть в их стране. И хотя описанные выше явления по своей природе противоречат тем, которые наблюдаются в наших климатических условиях, мы не должны из-за этого не верить им. Ведь у нас южный ветер облачный и бурный, тогда как в Эфиопии он спокойный и ясный; а северные ветры в Европе сильные и яростные, но в тех краях слабые и почти незаметные.

Но, однако (в конце концов), хотя мы могли бы привести множество аргументов против всех этих авторов, касающихся наводнения Нила, тем не менее, тех, которые мы привели выше, будет достаточно, чтобы не выйти за пределы краткости, которые мы изначально для себя установили.

ГРЕЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОКИ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Египтяне сообщают, говорит Диодор, что в начале мира первые люди были созданы в Египте, как благодаря благоприятному климату страны, так и благодаря природе реки Нил. Эта река очень плодородна и способна давать много животных, а также сама по себе дает пищу и питание для произведенных ею существ. Она дает корни тростника, плоды лотового дерева, египетские бобы, которые они называют корсеон, и другие подобные редкости, всегда готовые к употреблению.

Надпись на стене с фигурами красного цвета

(Сейчас находится в Британском музее)

И чтобы доказать, что все живые существа были впервые созданы среди них, они используют такой аргумент: даже сегодня, в определенные времена года, в окрестностях Фив рождаются такие огромные мыши, что вызывают удивление у зрителей; некоторые из них оживают до груди и передних лап и начинают двигаться, а остальная часть тела (которая все еще сохраняет природу почвы) выглядит бесформенной.

Отсюда становится очевидным, что в начале мира, благодаря плодородию почвы, первые люди были созданы в Египте, поскольку ни в одной другой части мира эти существа не появляются; только в Египте можно увидеть эти сверхъестественные роды.

Первое поколение людей в Египте, созерцая красоту высшего мира и с изумлением любясь строением и порядком Вселенной, пришло к выводу, что существует два главных вечных бога, а именно Солнце и Луна, первого из которых они называли Осирисом, а второго — Исидой, оба имени имеют соответствующие этимологии; ибо Осирис в греческом языке означает «существо со многими глазами», что вполне подходит к Солнцу, пронзающему своими лучами каждый уголок и как бы множеством глаз наблюдающему и осматривающему всю землю и море.

Некоторые древнегреческие мифологи также называют Осириса Дионисом и дают ему прозвище Сириус. Некоторые также изображают его одетым в пятнистую шкуру олененка (называемую Небрис) из-за множества звезд, которые его окружают.

Исида, по аналогичной интерпретации, означает «древняя», и это имя приписывается Луне с незапамятных времен. Ей также добавляют рога, потому что ее вид таков в период роста и убывания, напоминая серп, и потому что египтяне приносят ей в жертву быка. Они считают, что эти боги управляют всем миром, лелея и увеличивая все вещи, и делят год на три части (то есть весну, лето и осень) невидимым движением, совершенствуя свой постоянный ход в это время: и хотя по своей природе они очень отличаются друг от друга, тем не менее они завершают весь год с превосходной гармонией и согласием. Они говорят, что эти боги по своей природе вносят большой вклад в рождение всех вещей, один из них имеет горячую и активную природу, другой — влажную и холодную, но оба имеют в себе что-то от воздуха; и что благодаря им все вещи рождаются и питаются. Поэтому каждое отдельное существо во Вселенной совершенствуется и дополняется Солнцем и Луной, чьи качества, как было сказано ранее, пять: Дух или оживляющая сила, Тепло или Огонь, Сухость или Земля, Влага или Вода и Воздух, из которых состоит мир, как человек состоит из головы, рук, ног и других частей. Эти пять качеств они считали богами, и египтяне, которые первыми заговорили внятно, дали им имена, соответствующие их природе, в соответствии с языком, на котором они тогда говорили. И поэтому они называли дух Юпитером, который

является таковым по толкованию, потому что оживляющее влияние исходит от него ко всем живым существам, как от первоначального принципа; и по этой причине он считается общим родителем всех вещей.

Огонь они называли по интерпретации Вулканом и почитали его как великого бога, как того, кто внес большой вклад в создание и совершенствование всех существ.

Землю, как общее лоно всех творений, они называли Метера, как со временем греки, немного изменив одну букву и опустив две буквы, называли Землю Деметрой, которую в древности называли Ген Метера, или Мать-Земля.

Воду или влагу древние называли Океаном, что в переводе означает «питающая мать», и так же понимали некоторые греки.

Но египтяне считают своим Океаном Нил, в котором родились все боги. Ибо только в Египте, среди всех стран мира, есть много городов, построенных древними богами, такими как Юпитер, Сол, Меркурий, Аполлон, Пан, Элитиа и многие другие.

Воздуху они дали имя Минерва, обозначающее нечто, свойственное его природе, и называли ее дочерью Юпитера и считали девой, потому что воздух по своей природе не подвержен разложению и находится в самой высокой части Вселенной; отсюда и возникла легенда, что она была рождена из мозга Юпитера: Говорят, что ее также называют Тритоенией, или Трижды Рожденной, потому что она трижды в году меняет свои естественные качества: весной, летом и зимой; и что ее называли Глаукопис, не потому, что у нее серые глаза (как предполагали некоторые греки, что является слабым предположением), а потому, что воздух кажется серого цвета на вид. Они также сообщают, что эти пять богов путешествуют по всему миру, представляя себя людям то в образе священных живых существ, то в образе людей, то в каком-либо другом образе. И это не сказка, а вполне возможно, если это правда, что они порождают все вещи; и поэт [Гомер], который путешествовал по Египту, в некоторых частях своих произведений подтверждает это явление, как он узнал его от их жрецов.

Боги также, как и странники, приходят издалека

В разных образах появляются в городах,

Наблюдая за добрыми и злыми поступками людей.

И это истории, рассказанные египтянами о небесных и бессмертных богах. Кроме того, они говорят, что есть и другие, земные боги, которые были рождены от первых богов и изначально были смертными людьми, но благодаря своей мудрости и благодеяниям для всего человечества обрели бессмертие, и некоторые из них были царями Египта. Некоторые из них, по толкованию, имели те же имена, что и небесные боги, другие сохранили свои собственные имена. Ибо они сообщают, что Сол, Сатурн, Рея, Юпитер (прозванный некоторыми Аммоном), Юнона, Вулкан, Веста и, наконец, Меркурий правили в Египте; и что Сол был первым царем Египта, чье имя было таким же, как и у небесной планеты, называемой Сол.

Но есть некоторые священники, которые утверждают, что Вулкан был первым из царей и что он был возвышен до этого достоинства за то, что первым открыл использование огня, который был так полезен всему человечеству. Поскольку дерево в горах случайно загорелось от молнии, соседний лес вскоре весь был охвачен пламенем; и Вулкан, придя на это место, был сильно освежен его теплом, поскольку тогда была зима; и когда огонь начал угасать, он добавил в него больше горючего материала и, сохранив его таким образом, призвал других людей, чтобы они могли наслаждаться преимуществами того, что он сам, по его словам, был первым изобретателем.

После этого, как говорят, царствовал Сатурн, который женился на своей сестре Рее и родил от нее Осириса и Исиду; но другие говорят, что это были Юпитер и Юнона, которые благодаря своим великим добродетелям правили всем миром. У Юпитера и Юноны родилось пять богов, по одному на каждый из пяти египетских високосных дней. Имена этих богов — Осирис, Исида, Тифон, Аполлон и Венера. Осирис был интерпретирован как Бахус, а Исида — как Церера. Осирис женился на Исиде, и после того, как он пришел к власти, он многое сделал и осуществил для общего блага и пользы человечества. Ибо он был первым, кто запретил людям есть друг друга; и в то же время Исида открыла способ изготовления хлеба из пшеницы и ячменя, которые раньше росли здесь и там на полях среди других обычных трав и зелени, и использование которых было неизвестно: А Осирис, научив способу и методам возделывания земли и правильному управлению плодами земли, сделал эту смену пищи благодарной; как потому, что она была естественно сладкой и вкусной, так и потому, что люди благодаря этому воздерживались от взаимных убийств друг друга: В доказательство того, что они первыми открыли для себя использование этих плодов, они ссылаются на древний обычай, существующий среди них: Ведь даже сегодня, во время сбора урожая, жители приносят в жертву первые плоды колосов, воя и плача над горстками, которые они приносят, и призывая богиню Исиду: и они делают это в знак должной чести ей за то, что она первая открыла это. В некоторых городах, когда они празднуют праздник Исиды в торжественной процессии, они носят сосуды с пшеницей и ячменем в память о первом изобретении, благодаря заботе и трудолюбию этой богини. Они также говорят, что Исида создала много законов для блага человеческого общества, благодаря которым люди были удержаны от незаконной силы и насилия друг над другом из страха наказания. Поэтому древние греки называли Цереру Темофорой (то есть законодательницей), поскольку она была принцессой, которая первой установила законы для лучшего управления своим народом.

Кроме того, Осирис построил в Египте город Фивы со ста воротами и назвал его в честь своей матери. Но в последующие времена он назывался Диосполис и Фивы; о первом основателе этого города сомневаются не только историки, но и сами египетские жрецы. Некоторые говорят, что он был построен не Осирисом, а много лет спустя египетским царем, о котором мы расскажем ниже в соответствующем месте. Они также сообщают, что он построил два великолепных храма и посвятил их своим родителям, Юпитеру и Юноне, а также два золотых алтаря, больший — великому богу Юпитеру, а другой — его отцу Юпитеру, который ранее правил там и которого они называют Аммоном. Он также воздвиг золотые алтари другим богам, установил различные обряды поклонения им и назначил жрецов для надзора и заботы о святынях. Во времена Осириса и Исиды проектировщики и изобретательные художники пользовались большим почетом и уважением; поэтому в Фивах тогда были ювелиры и медники, которые изготавливали оружие для охоты на диких зверей и другие инструменты для возделывания земли и улучшения земледелия, а также изображения богов и алтари из золота. Говорят, что Осирис был очень увлечен земледелием, что он был сыном Юпитера, воспитанным в Нисе, городе в Счастливой Аравии, недалеко от Египта, которого греки называли Дионисом, в честь его отца и места его образования.

Здесь, недалеко от Нисы (говорят), он открыл для себя использование виноградной лозы, посадил ее и был первым, кто пил вино; он научил других, как ее сажать и использовать, как собирать урожай и хранить и сохранять его. Более всех он почитал Гермеса, обладавшего удивительной изобретательностью и быстрым умом, который находил то, что могло быть полезно человечеству. Этот Гермес был первым (как сообщают), кто научил говорить ясно и выразительно и дал названия многим вещам, которые раньше не имели названий. Он открыл буквы и учредил поклонение богам; он был первым, кто наблюдал движение звезд и

изобрел музыку; он научил борьбе и изобрел арифметику, а также искусство гравировки и резьбы по камню. Он первым изобрел трехструнную арфу, символизирующую три времени года, издающую три разных звука: высокий, низкий и средний. Высокий звук олицетворял лето, низкий — зиму, а средний — весну. Он был первым, кто научил греков красноречию, поэтому его называют Гермесом, оратором или переводчиком. В заключение, он был священным писцом Осириса, которому тот доверил все свои секреты и в основном руководствовался его советами во всех делах. Он (а не Минерва, как утверждают греки) открыл использование оливкового дерева для производства масла.

Кроме того, сообщается, что Осирис, будучи принцем с общественным духом и очень стремящимся к славе, собрал большую армию, с которой он решил пройти по всем обитаемым частям мира и научить людей, как сажать виноград, сеять пшеницу и ячмень. Он надеялся, что, если ему удастся цивилизовать людей и избавить их от грубого и животного образа жизни с помощью такого общественного блага и преимущества, он заложит основу для своей бессмертной славы и чести среди всего человечества, что и произошло. Ведь не только в ту эпоху, но и в последующих поколениях люди почитали среди своих главных богов тех, кто первыми открыли для них подходящую и обычную пищу. Уладив свои дела в Египте и, он передал управление всем своим царством своей жене Исиде, а Меркурия, превосходившего всех других мудростью и благоразумием, он назначил ее главным советником. Но своего близкого родственника Геракла он оставил генералом всех своих войск в своих владениях, человека, которого все восхищались за его доблесть и силу тела. Что касается тех частей, которые лежали близ Финикии и на их морских побережьях, он сделал Бусириса лорд-лейтенантом, а Эфиопии и Ливии — Антея.

Затем, выйдя из Египта, он начал свою экспедицию, взяв с собой своего брата, которого греки называли Аполлоном. Сообщается, что этот Аполлон открыл лавровое дерево, которое все посвящают особенно этому богу. Осирису приписывают открытие плюща и посвящают его ему, как греки посвящают его Бахусу: Поэтому на египетском языке они называют плющ растением Осириса, которое они предпочитают виноградной лозе во всех своих жертвоприношениях, потому что она теряет свои листья, а другая всегда остается свежей и зеленой: это правило древние соблюдали и в отношении других растений, которые всегда зеленые, посвящая мирт Венере, лавр Аполлону, а оливковое дерево Палладе.

Говорят, что два его сына сопровождали своего отца Осириса в этом путешествии, один звался Анубис, а другой Македо, оба были доблестными мужчинами: оба носили необычные кольчуги, покрытые шкурами таких животных, которые напоминали их своей крепостью и доблестью. Анубис был покрыт шкурой собаки, а Македон — шкурой волка; по этой причине эти животные почитаются египтянами как священные. Его спутником был Пан, которого египтяне очень почитают; они не только установили его изображения и статуи во всех храмах, но и построили в Фивах город, названный в его честь, который жители называют Хеммин, что в переводе означает «город Пана». Вместе с ними отправились также те, кто был искусен в земледелии, такие как Маро в посадке виноградников и Триптолем в посеве зерна и сборе урожая.

Когда все было готово, Осирис, поклявшись богам, что не будет стричь волосы до возвращения в Египет, отправился в путь через Эфиопию; именно по этой причине среди египтян до сих пор существует религиозный обряд, согласно которому те, кто отправляется в путешествие за границу, не стригут волосы до возвращения домой. Когда он проходил через Эфиопию, ему представили группу сатиров, которые, как сообщается, были все волосатыми до пояса: Ибо Осирис был человеком, склонным к веселью и радости, и получал большое удовольствие от музыки и танцев; поэтому он взял с собой группу музыкантов, девять из которых были девственницами, превосходными певицами и экспертами во

многих других вещах (которых греки называют музами), а их капитаном был Аполлон; отсюда и название «вождь муз». По этой причине сатиры, которые по своей природе склонны к прыжкам, танцам, пению и всем другим видам веселья, были приняты в состав армии: ибо Осирис не был сторонником войны, не пришел, чтобы сражаться в битвах и решать споры мечом, и каждая страна принимала его за его заслуги и добродетели как бога. В Эфиопии он научил жителей земледелию и возделыванию земли, построил среди них несколько величественных городов, оставил там некоторых в качестве правителей страны, а других — в качестве сборщиков дани.

Пока они были заняты этим, говорят, что река Нил, примерно в период собачьих дней (когда она обычно достигает своего максимального уровня), вышла из берегов и затопила большую часть Египта, особенно ту часть, где правил Прометей, так что почти все жители утонули; так что Прометей был близок к самоубийству от глубокой скорби; и из-за внезапного и сильного извержения вод река была названа Орлом.

Геркулес, который всегда был склонен к высоким и трудным предприятиям и всегда отличался мужественным духом, немедленно устранил прорывы, вернул реку в ее русло и удержал ее в прежних берегах; поэтому некоторые греческие поэты на основе этого факта сочинили басню о том, что Геркулес убил Орла, который питался сердцем Прометея. Самое древнее название этой реки было Океамес, что в греческом произношении звучит как Океанус; позже, после бурного извержения, ее называли Орлом. Наконец, ее называли Египет, по имени царя, который там правил. Последнее название, которое она сохранила до сих пор, происходит от имени Нилеус, царя тех мест.

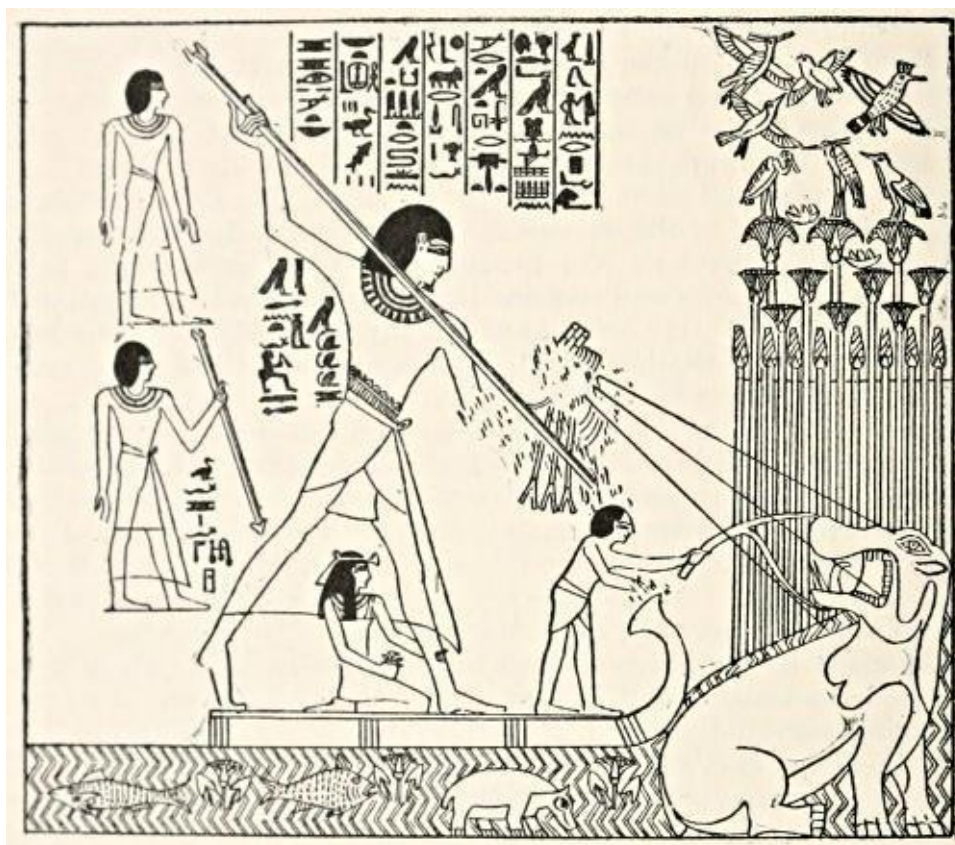
Осирис, прибыв к границам Эфиопии, возвел высокие берега по обеим сторонам реки, чтобы во время паводка она не затопила страну больше, чем было необходимо, и не сделала ее болотистой и топкой; он также построил шлюзы, чтобы постепенно впускать воду в необходимом количестве. Оттуда он прошел через Аравию, граничащую с Красным морем, до Индии и самых дальних обитаемых берегов. Он также построил много городов в Индии, один из которых назвал Ниса, желая сохранить память о том, где он вырос в Египте. В этой Нисе в Индии он посадил плющ, который растет и сохраняется только здесь из всех других мест в Индии или прилегающих к ней частях. Он также оставил много других следов своего пребывания в этих краях, благодаря которым позднейшие жители склонны верить и утверждают, что этот бог родился в Индии.

Он также увлекался охотой на слонов и позаботился о том, чтобы везде были установлены его статуи как вечные памятники его походам. Оттуда он прошел в остальную часть Азии, переправил свою армию через Геллеспонт в Европу и в Фракии убил Ликурга, царя варваров, который противостоял его замыслам. Затем он приказал Маро (в то время уже старику) позаботиться о земледельцах в этой стране, построить город и назвать его Маронео в честь своего имени. Своего сына Македона он сделал царем Македонии, назвав ее в его честь. Триптолему он поручил возделывание и обработку земли в Аттике. В заключение, Осирис, путешествуя по всему миру, нашел пищу, подходящую и удобную для человеческого организма, и стал благодетелем всего человечества. Там, где виноград не рос и не плодоносил, он научил жителей делать напиток из ячменя, по своей крепости и приятному вкусу мало уступающий самому вину. Он привез с собой в Египет самые ценные и богатые вещи, которые только могли предложить эти места; и за многочисленные блага и преимущества, которые он принес, по общему согласию всех людей, он получил награду в виде бессмертия и чести, равной небесным божествам.

После его смерти Исида и Меркурий отпраздновали его похороны жертвоприношениями и другими божественными почестями, как одному из богов, и учредили много священных обрядов и мистических церемоний в память о могущественных делах, совершенных этим

героем, теперь обожествленным. В древности египетские жрецы хранили тайну смерти Осириса в своих собственных регистрах, но впоследствии некоторые из них, не сумев сохранить тайну, проболтались, и так она стала известна за пределами Египта. Говорят, что Осирис, правивший Египтом со всей возможной справедливостью, был убит своим злым братом Тифоном, и что он разорвал его мертвое тело на двадцать шесть частей и дал по одной части каждому из своих соучастников в этом преступлении, чтобы таким образом привлечь их всех к той же ужасной вине и тем самым еще больше побудить их возвести его на трон, защищать и сохранять его власть.

Но Исида, сестра и жена Осириса, с помощью своего сына Ора отомстила за его смерть Тифону и его сообщникам и сама стала владелицей Египетского царства. Говорят, что сражение произошло недалеко от реки, недалеко от города, который сейчас называется Антея в Аравии, названного в честь Антея, которого Геракл убил во времена Осириса. Она нашла все части его тела, кроме половых органов, и, желая скрыть погребение своего мужа, но при этом чтобы все египтяне почитали его как бога, она придумала следующее. Она соединила все части тела, склеив их воском и ароматическими специями, и придала им форму человека размером с Осириса; затем она позвала к себе священников одного за другим и заставила их поклясться, что они не раскроют то, что она им доверит. Затем она в частном порядке сообщила им, что только они будут иметь право похоронить тело царя, и, перечислив многочисленные добрые дела, которые он совершил, поручила им похоронить тело в подходящем месте среди себя и оказывать ему все божественные почести, как богу. Чтобы они посвятили ему одно из животных, выращенных среди них, которое им понравится, и пока оно живо, чтобы они оказывали ему такое же почтение, как и раньше Осирису, а когда оно умрет, чтобы они поклонялись ему с таким же обожанием и почитанием, как Осирису. Но, желая побудить жрецов к выполнению этих божественных обязанностей с помощью прибыли и выгоды, она отдала им третью часть страны для поддержания служения богам и их присутствия у алтарей.

Египетский охотник

Поэтому, в память о добрых делах Осириса, побуждаемые приказами королевы и в ожидании собственной выгоды и преимущества, жрецы точно выполняли все, что им предписывала Исида; и поэтому все сословия жрецов в наши дни считают, что Осирис похоронен среди них. И они с большим почтением относятся к этим животным, которые так давно были освящены, и возобновляют свою скорбь по Осирису над могилами этих животных. Есть два священных быка, один называется Апис, а другой Мневис, которые посвящены Осирису и считаются богами всеми египтянами. Ибо это существо из всех других было чрезвычайно полезно первым изобретателям земледелия, как в отношении посева зерна, так и в отношении других преимуществ, связанных с возделыванием земли, от которых все пожинали пользу. Наконец, они говорят, что после смерти Осириса Исида дала обет никогда не выходить замуж за другого мужчину и провела остаток своих дней, справедливо верша правосудие среди своих подданных, превосходя всех других правителей в своих актах милосердия и щедрости по отношению к своему народу; поэтому после своей смерти она была причислена к богам и, как таковая, удостоилась божественной чести и почитания и была похоронена в Мемфисе, где до сих пор показывают ее гробницу в роще Вулкана.

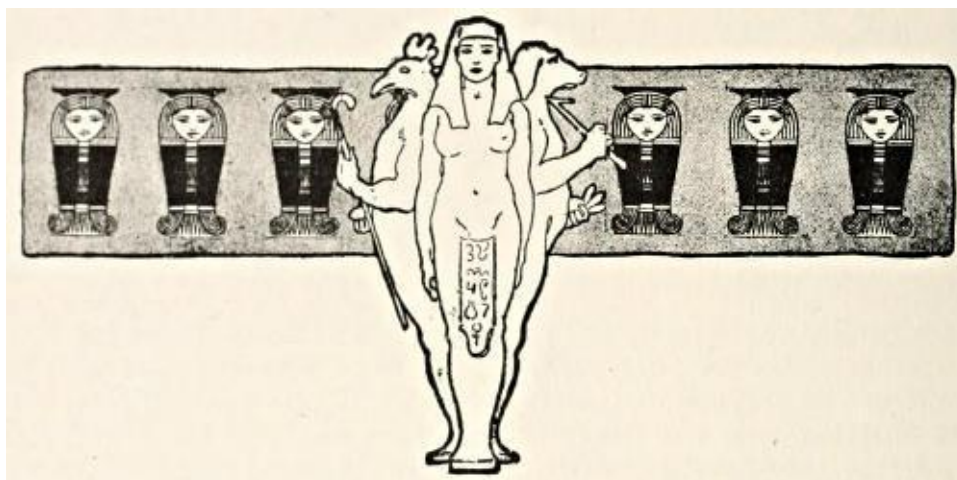
Однако есть те, кто отрицает, что эти боги похоронены в Мемфисе, а не возле гор Эфиопии и Египта, на острове Нил, недалеко от места под названием Филас, которое по этой причине также называют Святым Полем. Они подтверждают это несомненными знаками и следами, оставленными на этом острове, такими как гробница, построенная и воздвигнутая в честь Осириса, религиозно почитаемого всеми жрецами Египта, в которой хранятся триста шестьдесят чаш, которые определенные жрецы, назначенные для этой цели, каждый день наполняют молоком и призывают богов по имени, со скорбью и плачем.

Поэтому, по их словам, найденные части тела Осириса были похоронены таким образом, как описано выше, но его половые члены (как они говорят) были брошены в реку Тифоном, потому что никто из его партнеров не хотел их принять; и все же они были божественно почитаемы Исидой; поскольку она приказала установить изображение этой самой части в храмах и почитать его с религиозным благоговением; и во всех своих церемониях и жертвоприношениях этому богу она приказала почитать эту часть с божественным почтением и почетом. И поэтому греки, после того как они узнали от египтян об обрядах праздников Бахуса и оргиаческих торжествах со всеми их тайнами и жертвоприношениями этому богу, почитали эту часть тела под именем Фаллос.

От Осириса и Исиды до правления Александра Македонского, который построил город, названный в свою честь, египетские жрецы считают более десяти тысяч лет или (как пишут некоторые) чуть менее двадцати трех тысяч лет. Они утверждают, что те, кто говорит, что этот бог Осирис родился в Фивах в Боэтии от Юпитера и Семелы, рассказывают неправду. Ибо они говорят, что Орфей, прибыв в Египет, был посвящен в священные мистерии Бахуса или Диониса и, будучи особым другом фиванцев в Беотии и пользуясь у них большим уважением, в знак своей благодарности перенес рождение Бахуса или Осириса в Грецию.

И что простой народ, отчасти из невежества, отчасти из желания, чтобы этот бог был греком, с готовностью принял эти мистерии и священные обряды среди себя; и что Орфей воспользовался следующим случаем, чтобы закрепить рождение бога и его обряды и церемонии среди греков: Так, Кадм (как говорят) родился в Фивах в Египте и среди других детей зачал Семелу: она зачала от неизвестного и через семь месяцев родила ребенка, очень похожего на Осириса, как его описывают египтяне. Но такие дети не живут долго, либо потому, что это не угодно богам, либо потому, что закон природы не допускает этого. Когда об этом деле дошло до Кадма, который ранее был предупрежден оракулом о необходимости защищать законы своей страны, он обернул младенца в золото и установил жертвоприношения, которые должны были приноситься ему, как если бы Осирис снова появился в этом обличье; и распространил слух, что он был зачат Юпитером, чтобы таким образом почитать Осириса и скрыть позор своей дочери.

Священники говорят, что греки присвоили себе как своих богов, так и полубогов (или героев), и утверждают, что различные колонии были переселены к ним из Египта: Геркулес был египтянином и благодаря своей доблести проник в большинство частей мира и установил столб в Африке; и они пытаются доказать это с помощью самих греков.⁴

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ПРОБЛЕМА ЕГИПЕТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Египтяне, которые притворялись столь древними, триста царей до Амасиса: и, как пишет Мела, 13 000 лет от начала их летописей, которые так хвастались своим знанием древности, ибо они изобрели арифметику, астрономию, геометрию; своим богатством и могуществом, которые хвастались 20 000 городами; но в то же время их идолопоклонство и суеверие были самыми грубыми; они поклонялись, как записывает Диодор Сицилийский, солнцу и луне под именем Исиды и Осириса, а также людям, которые приносили им пользу, или любым существам, которые делали им добро. В городе Бубасти они поклонялись кошке, говорит Геродот, ибису и аистам, быку (говорит Плиний), луку и чесноку, Манобий.

Porrum et cæpe deos imponere nubibus ausi,

Hos tu Nile deos colis.—БЕРТОН, «Анатомия меланхолии».

Несмотря на свет, пролитый на египетскую историю записями с памятников, списки жреца Манефона по-прежнему составляют основу всех вычислений египетской хронологии ранних периодов. Для этого есть несколько причин. Во-первых, сами записи, хотя и составляют в совокупности огромный объем, но, насколько они расшифрованы, все же охватывают лишь отдельные фрагменты длительных периодов времени. В основном отдельные записи являются прославлением деяний одного царя. Некоторые цари оставили скудные записи, и часто даже эти записи были умышленно уничтожены последующими правителями другой династии. Или же царь мог оставить записи о своем предшественнике, но заменить в летописи его имя своим собственным. Даже великий Рамсес II был виновен в таком поступке. Факт такой фальсификации записей, как правило, был бы заметным, но не всегда легко определить, чье имя, которое фальсификатор стер, было правильным.

Однако гораздо более важным препятствием является тот факт, что египтяне, как и все другие народы древности, не имели фиксированной эры, от которой можно было бы отсчитывать время. Они рассчитывали годы с разумной точностью, но никогда не отсчитывали длительные периоды подряд от какой-либо одной даты. Поэтому записи о каком-либо конкретном царе стоят более или менее отдельно или, в лучшем случае, связаны с недавними предшественниками. Если записи о некоторых из этих предшественников были утрачены, этот пробел может быть настолько сомнительным, что ставит под сомнение хронологию длительных периодов или, по сути, всей более отдаленной истории. Таким образом, записи с памятников, несмотря на их большую историческую ценность и увлекательный личный интерес, сами по себе пока не достаточны, чтобы раскрыть всю историю длительной смены египетских династий. Но, к счастью, во многих случаях эти современные записи удивительно совпадают со списками Манефона. Таким образом, вера в эти списки в целом значительно укрепилась, и современный историк, основывая свою египетскую хронологию на Манефоне для периодов, не охваченных известными памятниками, отнюдь не работает в полной неизвестности. Правда, существуют две школы мнений о том, насколько далеко следует заходить в этом доверии: одна школа горячо утверждает, что списки Манефона, вероятно, в некоторых местах являются записями о современных династиях, — поскольку известно, что правительство во многие периоды было

разделено, — и, следовательно, весь период времени, необходимый для династий, перечисленных в списке, должен быть существенно сокращен; другая школа утверждает, что сам Манефон обратил внимание на такие современные династии и исключил их из своего списка, сохранив только одну линию, которую он считал законной преемственностью.

Для обычного студента не имеет большого значения, какая из этих точек зрения верна. Общая точность Манефона признается всеми, и памятники подтверждают его в той мере, что позволяют составить длинный список династий, независимо от того, признается ли его точное число. Если вспомнить, что сам Манефон был, относительно говоря, современником, жившим в III веке до н. э. и, следовательно, писавшим о периодах, которые даже по минимальным оценкам были дальше от его эпохи, чем он от нашей, то неудивительно, что он допустил некоторые ошибки. Но следует также помнить, что его списки, вероятно, не вызывали бы столь горячих споров в наше время, если бы не некоторые скрытые мотивы, связанные с вопросом хронологии. Ключ к разгадке будет очевиден для тех, кто заметит, что в различных оценках египетской хронологии более старые историки — те, кто жил в первые десятилетия XIX века — в целом являются горячими сторонниками более поздней или более поздней даты начала первой династии.

Одним словом, в период, когда вопрос о древности человека все еще был предметом горячих споров, даже самый беспристрастный историк не мог не поддаться влиянию своих предубеждений по этому вопросу на свое суждение о египетской хронологии. Год 2349 до н. э., который он запомнил по библейской пометке на полях как дату, когда история человечества началась заново после всепоглощающего потопа, выделялся в его сознании как опасный знак, который он не должен был пропускать, если только мог этого избежать. Если он предпочитал летоисчисление Септуагинты, то получал еще несколько веков свободы, скажем, до 3250 года до н. э., но это был предельный срок, за которым никакие доказательства не могли его увести.

Между тем историки, не имевшие такого предубеждения, однозначно устанавливали начало египетских династий примерно на тысячу лет раньше. Но их расчеты не могли иметь никакого значения в общем вердикте, пока сохранялась старая оценка древности человека. Однако, как только стало общепризнанным, что долгое время считавшиеся авторитетными даты были неверны, среди египтологов началась реакция. Как только было признано, что человек жил на Земле сотни тысяч лет и что его ранняя цивилизация насчитывает десятки тысяч лет, предвзятость среднестатистического исследователя древней истории изменилась. Та самая человеческая склонность, которая заставляет человека стремиться превзойти своего соседа, привела к тому, что египтологи теперь соперничают со своими единственными конкурентами, ассириологами, в удлинении своих записей, а не в их сокращении. Мы не имеем в виду, что в том или ином случае предвзятость была сознательно признана, но историки — люди, и их суждения, как и суждения других смертных, никогда не бывают полностью свободны от человеческих предрассудков.

Ясно и просто, что в настоящее время нет никаких знаний, которые позволили бы историку с уверенностью установить более отдаленные даты египетской истории. Самое большее, что можно сделать в настоящее время, — это определить минимальные даты, как это делают наиболее авторитетные немецкие авторы, и довольствоваться их указанием, понимая, что они не претендуют на абсолютную точность. Когда, например, профессор Мейер говорит, что минимальная дата основания Старого Мемфисского царства царем Менесом — 3180 год до н. э., он вовсе не подразумевает, что Мариетт не прав, устанавливая ту же дату — 5004 год до н. э., или примерно на две тысячи лет раньше. Он просто имеет в

виду, что при нынешнем состоянии знаний он не считает оправданным выбирать точную дату; однако он уверен, что истинная дата не может быть позднее 3180 г. до н. э.

Таким образом, мы должны признать некоторую свободу в подходе к древнеегипетской хронологии. Конечно, количество возможных вариаций постепенно уменьшается по мере приближения к более поздним векам, но хронология не становится абсолютно фиксированной до тех пор, пока мы не дойдем до сравнительно недавнего периода правления царя Псамтека I, который царствовал примерно в середине VII века до нашей эры.

К счастью, однако, эти неопределенности в точной хронологии мало влияют на наш интерес и удовольствие от изучения египетской истории. Хронология, по словам профессора Петри, является «основой истории». Но это относится скорее к общей последовательности событий, чем к точному указанию лет; и, к счастью, нет никакой неопределенности в последовательности важных событий в египетской истории, даже с самых давних времен. Мы, возможно, не знаем точного года, в котором была построена Великая пирамида, но мы точно знаем, кто ее построил, имена и деяния его предшественников и преемников, а также общую эпоху, в которой происходили эти события. Для любого, кроме специалиста, вряд ли можно требовать большего. И такая же определенность присуща всем другим действительно великим эпохам египетской истории. Обычный студент может быть вполне доволен степенью точности доступных записей и, уделяя лишь небольшое внимание менее важным династиям, вполне может сосредоточить свое внимание на тех кульминационных периодах, когда были совершены великие деяния, которые делают историю Египта памятной для всех поколений людей. Первым из этих периодов, и тем, который сейчас привлекает наше внимание, была эпоха так называемого Древнего царства Мемфиса — эпоха зарождения египетской истории, известной последующим поколениям; но также и эпоха строительства пирамид — самых гигантских и долговечных сооружений, когда-либо созданных человеческим разумом и человеческими руками.

Помимо вопросов хронологии, последовательность основных событий в египетской истории в настоящее время достаточно четко установлена и признана всеми школами египтологов. Мы следовали этому ходу истории под руководством специалистов, посвятивших свою жизнь изучению этого предмета. Однако, возможно, стоит повторить уже сказанное предупреждение о неполноте записей, на которых основано это повествование. Одно дело утверждать, что основные события египетской истории известны в правильной последовательности, и совсем другое — предполагать, что доступно знание обо всех событиях этой истории. На самом деле, следует честно признать, что наши знания о египетской истории в целом действительно скудны. Тут и там выделяются великие события или великие имена, но между ними пролегают долгие промежутки времени, когда за многие поколения не известно ни одного имени.

Однако, в целом, можно предположить, что периоды, отмеченные недостатком записей, были также отмечены недостатком великих событий; и в некотором смысле наша история этих далеких времен имеет более правдивую перспективу, чем хроника более поздних периодов, наполненная незначительными и сбивающими с толку деталями второстепенных событий. Поэтому мы можем без угрызений совести и сожалений сжать повествование о многих поколениях египетской истории в одну строку или абзац, уделяя при этом больше внимания деяниям и достижениям нескольких великих героев, которые прославили египетскую историю.

Но прежде чем перейти к самой истории, было бы хорошо более подробно изучить хронологические основы, на которых покоится наше знание. Эдуард Мейер кратко изложил их. ^a По его словам, из наших источников информации очевидно, что мы можем поставить себя на определенную хронологическую основу египетской истории.

Манефон правильно сохранил ее общие очертания. Он делит царей, начиная с основания царства Менесом и до падения последнего Дария, на тридцать одну правящую династию. Его деление не всегда кажется правильным; например, Туринский папирус делает еще несколько делений из I династии. Тем не менее, порядок Манефона давно стал общепринятым, и по многим причинам его дальнейшее сохранение представляется целесообразным.

Упомянутый выше Туринский папирус, по-видимому, был написан при Рамсесе III, поскольку имя этого царя фигурирует в записях на обратной стороне. Он содержит список египетских царей (предшествующих им династий богов) с указанием лет их правления и, в некоторой степени, их возраста. К сожалению, папирус сильно поврежден, и среди многочисленных мелких фрагментов сохранилось лишь несколько крупных кусков. Однако можно получить общее представление о папирусе, поместив наиболее важные фрагменты на свои места. Он содержит (если страницы в конце не были вырваны) десять столбцов по двадцать семь-двадцать восемь строк и упоминает около двухсот двадцати имен царей, начиная с Менеса и до периода гиксосов или во время него.

Они разделены на династии, которые иногда обозначаются только титулом, а иногда словом «правил», повторяющимся после имени царя. Под более длинными списками приведены общие итоги. В тех немногих случаях, когда цифры папируса были проверены с помощью мемориалов, они оказались верными. Однако автор допустил большую ошибку в итоге XII династии.

Пробелы в папирусе частично заполнены королевскими монументальными табличками, которые в целом носят погребальный характер — на них изображен поздний царь или гражданин, приносящий жертву старым правителям.

Три списка имеют историческое значение:

(1) Плита Сети I в Абидосе, обнаруженная в 1864 году и довольно полная, содержит семьдесят шесть имен. Плита Рамсеса II, ныне находящаяся в Лондоне, является копией этой плиты.

(2) Плита Техутимеса III из Карнака, ныне находящаяся в Лувре, сильно поврежденная и беспорядочно собранная, содержит шестьдесят одно имя.

(3) Плита из гробницы Тунрея в Саккаре (при Рамсесе II, обнаружена в 1860 году) содержит пятьдесят одно имя, из которых сохранилось сорок семь.

Список Манефона в его различных изданиях следует за этими записями. Долгое время считалось, что, восстановив его первоначальный вид, мы получим надежную основу для египетской хронологии. Однако более тщательное изучение показывает, что Манефону нельзя доверять. Там, где мы можем проверить его цифры в более древние периоды, они почти без исключения ошибочны, и это не по вине переписчиков, создателей или составителей; в последовательности имен постоянно встречаются путаница и пробелы. Многочисленные примеры таких ошибок можно увидеть при сравнении списка Манефона с памятниками. Только в отношении XX династии его цифры кажутся достоверными. Необходимо добавить еще одно обстоятельство. Согласно системе Манефона, династии следуют друг за другом, так что он включает фиванскую и современную ему гиксосскую династию в XVII династию и не считает каждую из них отдельной правящей династией. В действительности такие одновременные правительства действительно существовали, и, следовательно, они должны уменьшать даты Манефона, даже если цифры верны. Согласно Манефону (по расчетам Унгера), царь Менес не должен быть помещен в 5613 год до н. э., а значительно позже.

Поэтому мы должны отказаться от поиска абсолютных дат как безнадёжного и ограничиться приблизительным расчетом периодов египетской истории. Генеалогии правящих династий, а также частных лиц, очень полезны, поскольку там, где мы можем проследить родословную на протяжении длительных периодов, мы можем дать приблизительную оценку числа поколений. Таким образом, мы приходим к «минимальным» датам, которыми мы должны довольствоваться на данный момент.

Для длительных периодов с VII по XI династии и с XIV по XVII, которые почти полностью лишены памятников, даты являются чрезвычайно проблематичными. Поэтому даты, указанные для XII династии, для периода пирамид и для Менеса, только доказывают, что их нельзя отнести к более позднему времени, в то время как они оставляют возможность для любого, кто захочет отнести их к более раннему периоду.^b

Вышеупомянутые списки Манефона настолько важны, что требуют более подробного рассмотрения.

ТАБЛИЦА МАНЕТОНА ЕГИПЕТСКИХ ДИНАСТИЙ

Династия	Название династии	Столица	Провинция	Продолжительность	Годы до хиджры	Годы до Рождества Христова
I	Тинис	Харабат-эль-Мадфуне	Гирге	253	5626	5004
II	Тинис	Харабат-эль-Мадфуне	Гирге	302	5373	4751
III	Мемфис	Митрахине	Гиза	214	5071	4449
IV	Мемфис	Митрахине	Гиза	284	4857	4235
V	Мемфис	Митрахине	Гиза	248	4573	3951
VI	Элефантина	Гезире-Асуан	Эсне	203	4325	3703
VII	Мемфис	Митрахине	Гиза	70 дней	4122	3500
VIII	Мемфис	Митрахине	Гиза	142	4122	3500
IX	Гераклеополис	Ахнас-эль-Медине	Бени-Суэф	109	3980	3358
X	Гераклеополис	Ахнас-эль-Медине	Бени-Суэф	185	3871	3249

[illegible]

XXXII	Македонец			27	954	332
XXXIII	Греческий			275	927	305
XXXIV	Римский			411	652	30
		Эдикт Феодосия			241	Г. 381

Никто не может не быть потрясен огромной суммой, к которой приводит нас подсчет династий Манефоном. Благодаря спискам египетского жреца мы действительно переносимся в времена, которые для всех других народов являются чисто мифическими, но для Египта, безусловно, историческими.

Смущенные этим фактом и не находя других способов дискредитировать достоверность и правдивость Манефона, некоторые современные авторы предположили, что Египет в разные периоды своей истории был разделен на несколько царств и что Манефон представляет нам как последовательные некоторые царские династии, которые на самом деле правили одновременно.

Согласно этим авторитетам, например, V династия правила в Мемфисе в то же время, что и VI династия в Элефантине. Нет необходимости доказывать преимущества такого подхода. Сблизив некоторые даты и исправив другие, можно с помощью изобретательного и умного расположения династий почти по желанию сократить период времени, охватываемый списками Манефона; таким образом, в таблице мы имеем дату 5626 г. до Х.Г., то есть до Х.Г. [5004 г. до н.э.], как дату основания египетской монархии, в то время как другие авторы, такие как Бунсен, не уходят дальше 4245 г. до Х.Г. или 3623 г. до н.э.

На чьей стороне правда? Чем больше изучаешь этот вопрос, тем больше понимаешь, как трудно на него ответить. Самым большим препятствием для установления точной египетской хронологии является то, что египтяне никогда не имели собственно хронологии. Использование эры, собственно говоря, было им неизвестно, и до настоящего времени не было доказано, что они считали иначе, чем по годам правления. Кроме того, эти годы были далеки от фиксированной точки отсчета, поскольку иногда они начинались с начала года, в котором умер предыдущий царь, а иногда — с коронации нового царя. Какой бы точной ни казалась современная наука в своих вычислениях, она всегда будет терпеть неудачу в попытках установить то, чего не было у самих египтян. [↵](#)

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква ^a зарезервирована для редакционных материалов]

ГЛАВА I. ЕГИПЕТСКАЯ РАСА И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

^b ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte der Alten Aegyptens*.

^d W.M. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ, из статьи «Египтология» в новых томах девятого издания *Encyclopædia Britannica*.

^a АДОЛЬФ ЭРМАН, *Aegypten und Aegyptisches Leben im Alterthum*.

ГЛАВА II. ДРЕВНИЙ МЕМФИССКИЙ ЦАРСТВО

^b ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.

^d А. ВИДЕМАН, «*Aegyptische Geschichte*».

^e ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

^f Г.К.К. МАСПЕРО, «*Заря цивилизации*» (перевод с французского М.Л. Макклюр).

^a SAMUEL BIRSCH, перевод надписи Уны в «*Записях прошлого*».

^h H.C. BRUGSCH, *Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen*.

ГЛАВА III. ДРЕВНЕЕ ФИВАНСКОЕ ЦАРСТВО

^b Х. К. БРУГШ, *Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen*.

^c Г. К. МАСПЕРО, «*Древняя история народов Востока*».

^d ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^e УИЛЬЯМ БЕЛОУ, переводчик «Истории» Геродота.

^f К.Р. ЛЕПСИУС, *Письма из Египта, Эфиопии и полуострова Синай* (перевод с немецкого Леоноры и Джоанны Б. Хорнер).

^a ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.

^h У. Н. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ, «*История Египта*».

ⁱ ФЛАВИЙ ИОСИФ, «*Труды Иосифа*» (перевод с греческого Уильяма Уистона).

^j МАНЕФОН, цитируется Иосифом Флавием.

ГЛАВА IV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

^b СЭМЮЭЛ БЁРЧ, «*Записки о прошлом*».

^c Г.К.К. МАСПЕРО, «*Борьба народов*» (перевод с французского М.Л. Макклюра).

^a Г.К.К. МАСПЕРО, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*.

ГЛАВА V. ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ДИНАСТИЯ

- [^b](#) Г.К.К. МАСПЕРО, *Древняя история народов Востока*.
- [^c](#) ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.
- [^d](#) Н.С. BRUGSCH, *Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen*.

ГЛАВА VI. НАХОДКА ЦАРСКИХ МУМИЙ

- [^b](#) G.C.C. MASPERO, *La Trouvaille de Deir-el-Bahari*.

ГЛАВА VII. ПЕРИОД УПАДКА

- [^b](#) Г.К.К. МАСПЕРО, *Борьба народов* (перевод с французского М.Л. Макклюра).
- [^c](#) G.C.C. MASPERO, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*.
- [^d](#) EDUARD MEYER, *Geschichte des Alterthums*.

ГЛАВА VIII. ЗАВЕРШАЮЩИЕ СЦЕНЫ

- [^b](#) L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.
- [^c](#) ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).
- [^d](#) ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.

ГЛАВА IX. ОБЫЧАИ И НРАВЫ ЕГИПТЯН

- [^b](#) ДЖ. ГАРДНЕР УИЛКИНСОН, *Популярное описание древних египтян*.
- [^c](#) Ж. Ф. К. ШАМПОЛЬОН, «*Описание Египта*»; «*Египет при фараонах*»; и др.
- [^d](#) П. ЛЕ ПАЖ РЕНУФ, в «*Записках о прошлом*» Бирча.
- [^e](#) АМЕЛИЯ Б. ЭДВАРДС, «*Тысяча миль вверх по Нилу*».
- [^f](#) ФРАНСУА ШАБАС, в «*Записках о прошлом*» Бирча.
- [^g](#) E. A. T. W. BUDGE, *The Book of the Dead*.
- [^h](#) К. Р. ЛЕПСИУС, «*Памятники*».
- [ⁱ](#) СЭМЮЭЛ БИРЧ, «*Записки о прошлом*».
- [^j](#) ГЕРОДОТ, «*История Геродота*» (перевод с греческого Уильяма Белоу).
- [^k](#) ГЕОРГ ЭБЕРС, «*Египетская принцесса*»; «*История Египта*»; и др.
- [^m](#) Г. К. К. МАСПЕРО, *Древняя история народов Востока*.
- [ⁿ](#) ОГЮСТ МАРИЕТТ, «*Краткий обзор истории Египта*».
- [^o](#) У. Н. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ, многочисленные работы; см. библиографию, стр. 302.

ГЛАВА X. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ

- ^b ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).
- ^c АДЛЬФ ЭРМАН, «Египет и египетская жизнь в древности».
- ^d ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).
- ^e ДЖ. ГАРДНЕР УИЛКИНСОН, *Популярное описание древних египтян*.
- ^f СТРАБОН, *География Страбона* (перевод с греческого J. Falconer и Н. С. Hamilton).

ГЛАВА XI. ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

- ^b ДЖ. ГАРДНЕР УИЛКИНСОН, «Популярное описание древних египтян».
- ^c Г. К. К. МАСПЕРО, перевод в *Les Contes Populaires de l'Égypte Ancienne* перевода М. Голенищева оригинального папируса из Императорского Эрмитажа, Санкт-Петербург.
- ^d ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС, «История искусства письма».
- ^e КЛАВДИЙ ЭЛИАН, «Разнообразная история Элиана» (перевод с греческого А. Флеминга).

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

- ^b ГЕРОДОТ, «История Геродота» (перевод с греческого Уильяма Белоу).
- ^c ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, «Историческая библиотека» (перевод с греческого Г. Бутом).

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ПРОБЛЕМА ЕГИПЕТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

- ^b ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.
 - ^c А. МАРИЕТТ, «Краткий обзор истории Египта».
-

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ЕГИПТА

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ, С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

При подготовке настоящей работы редакторы имели возможность ознакомиться с очень большим количеством книг, помимо тех, которые фактически цитируются. Не все из них перечислены здесь; также не было предпринято никаких усилий, чтобы сделать настоящую библиографию полной в других отношениях. Многие названия недавних работ, которые можно было бы легко добавить, намеренно опущены, поскольку студенты могут легко найти их самостоятельно. С другой стороны, в список включено немало работ, которые из-за своей малоизвестности могли бы быть упущены из виду. Некоторые из них имели большое значение в свое время и должны быть учтены всеми, кто интересуется историей развития и исследований в этой области. Другие имели в лучшем случае второстепенное значение, но все же не должны быть полностью забыты. Во многих случаях добавлены краткие критические оценки, чтобы ориентировать будущего исследователя; а в случае более важных авторитетов также приложены биографические заметки.

Адамс, У. М., «Тайна Древнего Египта». The New Review, 1893; «Дом скрытых мест». Лондон, 1895. — **Элиан, Клавдий**, «Изменчивая история Элиана». Лондон, 1576.

Клавдий Элиан был римским гражданином, жившим во II веке н. э., точная дата неизвестна. Хотя он был римлянином, он предпочитал греческий язык латыни и писал все свои работы на первом языке. Его называли «медовым языком» за характер его стиля и «софистом» за его риторическое учение. Два из его произведений сохранились до наших дней: «Разнообразная история», из которой взяты наши отрывки, и книга по естественной истории, которая пользовалась большой популярностью в поздней классической и средневековой эпохах. Оба эти произведения написаны, по-видимому, без какой-либо системы, хотя сам автор заявлял, что его намерением было переходить от одной темы к другой, чтобы поддерживать интерес читателя. Работа по естественной истории, имеющая, конечно, в современности лишь антикварный интерес, никогда не была переведена; но «*Varia Historia*» дважды переводилась на английский язык; мы выбрали для наших отрывков старинный перевод Флеминга, сделанный в 1576 году. Ценность этой работы во многом зависит от того, что она составлена из сочинений еще более древних историков, чьи работы в основном утрачены.

Аmeliно, Э., «География Египта в коптскую эпоху». Париж, 1893; «Краткая история Египта». Париж, 1894; «Новые раскопки в Абидосе», Анжеро; «Египетские монахи». Париж,

1890; *La morale égyptienne*. Париж, 1892; *Les idées morales dans l'Égypte ancienne*. Париж, 1895; *Essai sur l'évolution historique et philosophique des idées morales dans l'Égypte ancienne*. Париж, 1896; *Histoire de la sépulture et des funérailles dans l'ancienne Égypte*. Париж, 1896.—**Аноним**, *Ausführliches Verzeichniss der aegyptischen Altertümer, Gipsabgüsse und Papyrus der Berl. Samml.* Берлин, 1894.

Бэттен, С. Х., Фараон Исхода. Мельбурн, 1880. — **Бенедит**, Г., Храм Филы. Париж, 1895. — **Беркли**, Э., Фараоны и их народ. Лондон, 1884. — **Бирч**, С., «Записи прошлого». Лондон, 18 томов, 1873; «Египет до 300 г. до н. э.». Лондон, 1875; «Две таблички периода Птолемеев» (*Archeologia*, т. 39). Лондон, 1863.

Доктор Сэмюэл Бирч родился в Лондоне 3 ноября 1813 года и умер там же 27 декабря 1885 года. Он был ученым, известным своей глубокой эрудицией и удивительной многогранностью. В раннем возрасте он поступил на работу в Британский музей в отдел древностей, специализируясь в то время на Китае. Позже он стал руководителем отдела древностей, включавшего восточную, классическую, средневековую и раннюю британскую археологию. Он был признан экспертом во всех этих областях, и его публикации охватывают почти весь спектр археологии. Он был новатором как в ассириологии, так и в египтологии. В последней области его публикации многочисленны и разнообразны, одной из самых важных из них является его «Грамматика египетского языка», которая была включена в великое произведение барона Бунзена по истории Египта. Поскольку наука египтологии в то время находилась в переходном состоянии, эта и другие работы доктора Бирча, конечно, сейчас устарели, хотя и не утратили своей ценности. Одной из важнейших редакторских задач доктора Бирча было издание серии под названием «*Записи прошлого*», которая состояла из переводов египетских и ассиро-вавилонских записей. Д-р Бирч сам внес вклад в несколько из них. Он также отличился тем, что был первым переводчиком египетской «Книги мертвых». В некоторой степени д-р Бирч страдал от своей многогранности; будучи известным во многих областях, он не считается выдающимся специалистом ни в одной из них, но всегда будет помниться как новатор в области египтологии.

Бох, А., Мането и период Собачьей звезды. Берлин, 1845. — **Борхардт**, К истории пирамид, *Ztschr. für Aegypt. Spr.*, 1894. — **Будье**, Э., Египетские стихи, метрический демотический. Париж, 1897. — **Бристед**, И. Х., *De hymnis in solem sub rege Amenophide IV conceptis*. Берлин, 1894.—**Бриммер**, М., *Egypt*. Три очерка по истории, религии и искусству Египта. Бостон, 1891.—**Бругш**, Х. К., *Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen*. Лейпциг, 1877, 2 т. *Genesis of the Earth and of Man*. Лондон, 1880. Египетские древности в Берлине. Берлин, 1857. Сборник египетских памятников. Лейпциг, 1862-1863. Географический словарь древнего Египта. Лейпциг, 1877-1880. Тезаурус египетских надписей. Лейпциг, 1883-1891. Религия и мифология древних египтян. Лейпциг, 1890. Египтология, краткий обзор расшифровок и исследований. Лейпциг, 1891.

Генрих Карл Бругш родился в Берлине в 1827 году и умер там же в 1894 году. Он принадлежал к довольно многочисленной группе немецких исследователей, которые были одновременно учеными и дипломатами. Он проживал в Египте не как обычный турист или исследователь, а как чиновник египетского правительства с титулом бея, а позднее паши. Как и его знаменитые соотечественники Нибур и Бунзен до него, он находил время среди своих официальных обязанностей для широкой научной деятельности и вскоре стал известен не только как один из ведущих египтологов, но и как непревзойденный авторитет в области одной из форм египетской письменности, а именно демотической. Его «*История Египта при фараонах*», основанная исключительно на памятниках, является наиболее авторитетным трудом. В основном это работа скорее для ученых, чем для широкой публики,

но она ни в коем случае не лишена общественного интереса, и, несмотря на свой объем, была переведена на английский язык. Читатель помнит, что мы основываем нашу хронологию на системе доктора Бругша — системе, которая, по общему признанию, является искусственной, но, возможно, лучше, чем любая другая, разработанная до сих пор, решает проблемы данного предмета.

Бадж, Э. А. В., «Книга мертвых». Лондон, 1895; «Египетские представления о загробной жизни». Лондон, 1899; «Египетская магия». Лондон, 1899; «Мумия: главы по египетской погребальной археологии». Кембридж, 1893; «Египет в неолитический и архаический периоды». Лондон и Нью-Йорк, 1902.

Эрнест А. Уоллис Бадж, магистр искусств, доктор литературы, член Королевского общества антикваров, хранитель ассирийских и египетских древностей в Британском музее. Доктор Бадж обладает той же глубиной и многогранностью, что и его знаменитый предшественник в Британском музее, доктор Бирч. Список его работ по восточной археологии слишком длинный, чтобы привести его здесь полностью. Среди прочего, он оказал неоценимую услугу будущим студентам этой дисциплины, подготовив элементарный трактат по египетскому языку, а затем и более продвинутую работу для студентов. Он также выполнил тщательный перевод «Книги мертвых», используя последние достижения в области египетских иероглифов, чтобы улучшить предыдущие переводы. Его последняя работа в этой области — популярная история Египта в восьми томах, опубликованная в Лондоне в 1902 году. В дополнение к своей признанной глубокой эрудиции, доктор Бадж обладает высокой степенью литературного таланта и не считает себя выше того, чтобы учитывать потребности неспециалистов и начинающих в области востоковедения. Таким образом, его каталог египетских древностей в Британском музее, который, по-видимому, является лишь путеводителем по коллекции музея, сам по себе представляет собой произведение, имеющее реальную литературную ценность, которое может служить ценным введением в изучение археологии, даже если оно попадет в руки студентов, не имеющих доступа к коллекции, которую оно конкретно описывает.

Бунсен, К. К. Дж., «Место Египта в всемирной истории». Лондон, 1848-1867.

Барон Кристиан Карл Йозиас фон Бунзен родился в Корбахе, Германия, 25 августа 1791 года и умер в Бонне 28 ноября 1860 года. Барон Бунзен обладал врожденными инстинктами ученого, о чем свидетельствуют его многочисленные труды, но его судьба была такова, что в раннем возрасте он был вынужден перейти из области профессиональной науки в дипломатическую, и его исследования проводились в несколько неблагоприятных условиях. Он рано попал под влияние Нибура и планировал посвятить свою жизнь науке, но, став наставником Фридриха Вильгельма III и благодаря королевскому влиянию получив дипломатическую должность в Риме, а затем в Лондоне, он стал более известен как дипломат и государственный деятель, чем как ученый. Тем не менее, он внес большой вклад в популяризацию истории благодаря своей книге «*Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte*» и ее английскому переводу, упомянутому выше. Она имела широкое распространение и, пожалуй, больше, чем любая другая работа, способствовала популяризации относительно новой дисциплины — египтологии. Его книга «*Gott in der Geschichte*» («Бог в истории») также пользовалась большой популярностью. Выдающийся философский характер этих сочинений ценится и по сей день, хотя следует признать, что за последние полвека точка зрения на многие из рассматриваемых в них тем радикально изменилась. Отсюда следует, что в настоящее время интерес к книгам барона Бунзена в значительной степени носит скорее антикварный, чем исторический характер, хотя их нельзя игнорировать никому, кто желает полностью понять рост и развитие науки египтологии.

Кайльо, Ф., «Путешествия по оазисам Фив». Лондон, 1829. — **Казанова**, «Мемуары по истории и археологии Египта». — **Шабас, Ж. Ф.**, в «*Записках о прошлом*» Бирча. Лондон, 1873, 12 томов; «Исследование по исторической древности». Париж, 1873; «Египтологические сборники». Шалон, 1863-1873.

Жозеф Франсуа Шабас родился 2 января 1817 года в Бриансоне; умер 17 мая 1882 года в Версале. Он был специалистом по египтологии, автором многочисленных работ и признанным авторитетом в этой области. Английским читателям он наиболее известен благодаря некоторым переводам, в частности надписей на обелисках, опубликованным в книге Бирча «*Записки о прошлом*». Он не создал ни одного общего исторического труда, который мог бы сделать его имя известным широкой публике, и поэтому он менее известен, чем многие другие египтологи, менее значимые, чем он.

Шайе-Лонг, К., «Египет и его утраченные провинции». Париж, 1892. — **Шампольон, Ж. Ф.**, «Египет под властью фараонов». Париж, 1814; «Описание Египта» и др.; «О иератическом письме древних египтян». Париж, 1824; *Précis du Système Hiéroglyphique des anciens Égyptiens*. Париж, 1824, 2 тома; *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*. Париж, 1835-1845, 4 тома.

Жан Франсуа Шампольон родился в Фигеаке, Лот, Франция, 23 декабря 1790 года; умер в Париже 4 марта 1832 года. Работа Шампольона получила всестороннее внимание в нашем тексте (см. Египет, глава XI) в связи с интерпретацией иероглифов, в которой Шампольон был новатором первого ряда. Его слава основана главным образом на этом достижении, но вся его жизнь была посвящена египтологии, и он всегда остался бы в памяти как один из отцов этой науки, даже если бы не был главным инициатором конкретной работы по интерпретации иероглифов. Естественно, что большая часть его работы была заменена более поздними исследованиями. Это, по сути вещей, неизбежно для работы любого новатора в науке; но, как мы видели, вся современная наука египтологии прочно стоит на фундаменте, заложенном Шампольоном.

Шарм, Г., *L'Égypte archéol. hist. lit.* Париж, 1891. — **Чесни, И.**, *The Land of the Pyramids*. Лондон, 1884.—**Кло-Бег, А. Б.**, *Aperçu général sur l'Égypte*. Париж, 1840; *De la peste observée en Égypte*. Париж, 1840; *Description de l'Égypte; Coup d'œil sur la peste et les quarantaines*. Париж, 1851.—**Кук, Ф. К.**, *Records of the Past*. Лондон, 1873, 18 томов.—**Купер, У. А.**, Краткая история египетских памятников. Лондон, 1876.—**Кори, И. П.**, Древние фрагменты финикийских, халдейских, египетских и других писателей. Лондон, 1826, второе издание, 1832.

Эта работа была переработана Э. Ричмондом Ходжесом в издании, опубликованном в 1876 году, содержащем некоторые улучшения, но без оригинальных греческих и латинских текстов. Работа является чисто компиляцией, состоящей исключительно из фрагментарных остатков различных классических авторов. Она собирает в одном произведении большое разнообразие материалов, многие из которых до сих пор были недоступны для среднего ученого; фрагменты, многие из которых дают нам интересный взгляд на различных исторических персонажей. У нас будет возможность процитировать некоторые из этих отрывков в других контекстах. Оригинальное произведение содержало некоторые неоплатонические подделки, известные как «Оракулы Зороастра», «Герметический кредо» и фрагменты Орфической и Пифагорейской школ, которые были отброшены редактором нового издания как сомнительные по подлинности и малоценные. Однако даже они представляют антикварный интерес, а тот факт, что отрывки приводятся как на языках оригинала, так и в переводе, делает более раннее издание работы, опубликованное самим Кори, по-прежнему особенно ценным.

Куньи, Г., *L'art antique (L'Égypte, etc.)* Париж, 1891. — **Кусьери**, *Storia fisica e politica dell'Egitto delle prime memorie de suoi abitanti al 1842*. Флоренция, 1862, 2 т.

Daressy, I., *Contribution a l'étude de la 21ème dynastie égyptienne* в *Rev. Archéol.* 3e serie 27.— **Davis**, Ch. H. S., *The Book of the Dead*. Нью-Йорк; *Egyptian Mythology*. В *Biblia*, VI, 9.—**Daunou**, P. C. F., *Cours d'études historiques*. Париж, 1842, 20 тт.—**Диодор Сицилийский**, Историческая библиотека. Лондон, 1700.

Более подробное описание *Диодора* и его работы можно найти в Части I в главе, посвященной всемирной истории, а также в примечании в разделе «Египет», Приложение А, стр. 268. Здесь нет необходимости давать дополнительные комментарии, кроме упоминания о переводе, из которого взяты наши выдержки. Как будет видно, он был опубликован в самом начале XVIII века, но так и не был заменен, поскольку немногие ученые решились взяться за перевод автора, чьи труды столь объемны. Даже если бы были доступны более поздние переводы, мы все равно выбрали бы тот, который использовали, из-за его старомодного стиля, который, как уже было сказано, дает обычному читателю лучшее представление о языке оригинала, чем более современный перевод.

Дрио, Э., «Вопрос о Востоке от его истоков до наших дней». Париж, 1898. — **Дюмишен**, Ж., «География древнего Египта». Берлин, 1887; «Строительные документы храмовых комплексов Дендеры». Лейпциг, 1865; «Исторические надписи». Лейпциг, 1867-1869, 2 тома; *Der Grosspalast des Petnamenap*. Лейпциг, 1894; *Karte des Stadtgebietes von Memphis und benachbarter Districte*. Лейпциг, 1895; *Die Flotte einer aegyptischen Königin*. Лейпциг, 1868.

Йоханнес Дюмихен родился 15 октября 1833 года в Вайсхольце, Германия; умер 7 февраля 1894 года в Страсбурге. Доктор Дюмихен был учеником Лепсиуса и Бругша и посвятил всю свою жизнь египтологии. Он совершил несколько путешествий в Египет и написал множество работ, посвященных археологическим особенностям этой страны. Его работы в основном носят технический характер и, хотя и очень ценны для специалистов, не всегда одинаково интересны для широкого круга читателей. Возможно, его самым важным вкладом могла бы стать всеобъемлющая история Египта, над которой он работал для серии *Opusken*, но на момент его смерти она осталась незавершенной, поскольку в ней были рассмотрены только географические и археологические особенности. Работа была завершена Эдуардом Мейером (см. ниже).

Дункер, М., *Geschichte des Alterthums*. Берлин, 1855, 1877 и др., 6 тт.; *History of Antiquity* (перевод Эвелин Эбботт). Лондон, 1877, 6 тт.

Максимилиан Вольфганг Дункер родился 15 октября 1811 года в Берлине; умер 21 июля 1896 года. Произведения Дункера охватывают широкий спектр исторических тем, но он будет запомнен в первую очередь благодаря своей «*Истории древности*», которая после публикации заняла место важнейшего вклада в эту тему. Она была улучшена в последующих изданиях и переведена на английский язык. Ее стилистические достоинства необычайно велики для немецкого произведения, и, разумеется, она была построена на авторитетных источниках с обычной для Германии всесторонностью взгляда. Однако, поскольку она посвящена истории Востока, по многим вопросам она неизбежно устарела, и более научная, хотя и менее популярная работа Мейера в последнее время в значительной степени заменила ее.

Эберс, Г., *Египет*. Лондон, 1880; *Über das hieroglyph. Schriftsystem*, Берлин, 1875.

Георг Мориц Эберс родился 1 марта 1837 года, умер в августе 1898 года. Имя Эберса, вероятно, более известно широкой публике, чем имя любого другого египтолога. Но средний читатель его очень популярных романов, возможно, не знает, что автор был египтологом-специалистом высочайшего уровня. Эберс лично проводил исследования в

Египте, наиболее заметным результатом которых стало открытие папируса, который с тех пор носит его имя, — замечательного документа, посвященного практике медицины в древнем Египте, который остается нашим главным источником знаний по этому предмету.

Эрман, А., «Египет и египетская жизнь в древности». Тюбинген, 1887; «Жизнь в древнем Египте». Лондон, 1894; «Die Entstehung eines Totentextbuches» (Возникновение книги текстов для мертвых), в Ztschr. für Aegypt. Spr. № 32, 1894.

Д-р Адольф Эрман, профессор египтологии Берлинского университета, директор Берлинского музея, член Королевской Прусской академии наук в Берлине и т. д., родился 31 октября 1854 года в Берлине. Профессор Эрман является преемником Лепсиуса на кафедре египтологии Берлинского университета, и считается, что мантия великого египтолога перешла к достойному преемнику. Труды профессора Эрмана в основном касаются грамматических и литературных исследований. Его издания романов древнего Египта являются образцами научной интерпретации. В них приводится оригинальный иератический текст с переводом на египетские иероглифы, латынь и немецкий язык. Такие работы, конечно, предназначены в основном для ученых. Люди, способные на такие научные работы, редко интересуются точным способом представления своего предмета и, как правило, презируют популярную подачу в своих трудах. Но профессор Эрман, следуя примеру таких предшественников, как Херен, написал строго популярную работу о жизни древних египтян, которая является, безусловно, самым полным трактатом по этому предмету со времен Уилкинсона. Читатель не сможет не заметить мастерскую характеристику египетской истории, которую профессор Эрман написал для настоящей работы.

Фергюсон, Дж., История архитектуры. Лондон, 1874, 4 тома.

Джеймс Фергюсон родился в Эйре, Шотландия, 22 января 1808 года; умер 9 января 1886 года. Личная история Фергюсона совершенно не похожа на истории почти всех других англосаксов с подобными достижениями, за исключением Грота, но в некоторых отношениях она очень напоминает историю великого историка Греции. Еще больше она напоминает жизнь Шлимана, великого немца, чье открытие Трои сделало его имя известным каждому. Как и Шлиман, Фергюсон посвятил годы своей молодости чисто коммерческой деятельности и, как и он, добился в ней такого успеха, что приобрел состояние, которое позволило ему уйти на пенсию, находясь еще в расцвете сил. Как ни странно, параллель между этими двумя жизнями еще более усиливается тем фактом, что основным товаром, с которым каждый из них имел дело, был индиго. Но на этом параллель заканчивается, поскольку, как мы помним, центром коммерческой деятельности Шлимана была Россия, а Фергюсон сделал свое состояние в Индии. Как только Фергюсон приобрел состояние, которое позволяло ему уйти на пенсию, он сразу же обратился к области исследований, которая, несомненно, нуждалась в изучении, и сделал эти исследования делом своей жизни. Руководствуясь той же энергией и здравым смыслом, которые принесли ему состояние в коммерческой деятельности, Фергюсон вскоре стал мастером в области архитектуры и вскоре стал известен как главный авторитет в истории архитектуры древности.

Фли, И. Г., «Египетская хронология». Лондон, 1899 (Журнал Британской археологической ассоциации, 1899).—**Фрис**, С. А., «Был ли Израиль когда-либо в Египте?». В журнале «Сфинкс», I, 207-221.

Gagnol, Cours d'histoire ancienne des peuples de l'Orient. Typ, 1891.—**Ganeval**, L., L'Égypte. Лион, 1882.—**Gardner**, A., Naukratis. Лондон, 1889.—**Gau**, F. C., Antiquités de la Nubie, ou monuments inédits des bords du Nil. Париж, 1822.—**Гейерсбург**, К. Х. де, Egypt and Palestine in Primitive Times. Лондон, 1895.—**Жирар**, Description de l'Égypte.—**Голенищев**, Impérial

Inventaire de la Collection égyptienne de l'Ermitage. Санкт-Петербург, 1891.—**Граденвиц**, О., Введение в папирусоведение. Лейпциг, 1900. **Грандбе**, Отчет об египетских храмах. Каир, 1888.—**Гравиер**, И. де ла, Морской флот Птолемея. Париж, 1885, 2 тома.—**Грофф**, В., Дочь фараона. Каир.—**Грусон**, Х., Im Reiche des Liches (Pyramiden nach den ältesten Quellen). Брауншвейг, 1893.—**Гиме**, Плутарх и Египет. Париж, 1898.—**Гутшмид**, А. фон, Kleine Schriften, т. 1. Schriften zur Aegyptologie. Лейпциг, 1889.

Алеви, Жос., Revue Sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne. Париж, 1893.—**Харкнесс**, М. Э., Egyptian Life and History. Лондон, 1884.—**Херен**, А. Х. Л., Ideen ueber die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt, 3 изд. Гёттинген, 1815, 4 тт. Английский перевод: Historical Researches, etc. Оксфорд, 1878, 5 тт.

Арнольд Герман Людвиг Херен родился в Арбергене, недалеко от Бремена, в 1760 году; умер в Гёттингене в 1842 году. Известный автор книги *«Исторические исследования политики, взаимоотношений и торговли карфагенян, эфиопов и египтян»* большую часть своей жизни был профессором истории в Гёттингене; однако в начале своей карьеры он занимал кафедру философии в том же университете, и счастливое сочетание философского и исторического склада ума всегда прослеживается в его трудах. Исторические труды профессора Херена охватывают широкую область, но наибольшую известность ему принесла *«История народов древности»*. В этой работе профессор Херен открыл новые горизонты. Его подход к изложению материала значительно отличался от подхода всех его предшественников. Его целью было не столько освещение политической истории, сколько рассмотрение торговых отношений и социальных обычаев, которые, в конечном счете, являются основными составляющими жизни нации. В частности, он был, пожалуй, первым великим историком, который полностью осознал значение торговых отношений древних народов. Он овладел всеми доступными в его время знаниями по этой теме, и его работа сразу же заняла лидирующее место в этой области. Это почти само собой разумеется, поскольку в немецком университете профессором становится в основном тот, кто обладает научными качествами, позволяющими ему быть авторитетом в любой теме, которую он берется исследовать. Но что гораздо более необычно для немцев, профессор Херен также обладал даром стиля. Его работы не только авторитетны, но и читабельны. Действительно, в этом отношении даже сейчас их превосходят лишь очень немногие работы в области истории. В подтверждение этой особенности работы профессора Херена были сразу переведены как на французский, так и на английский язык () и пользуются широкой популярностью во Франции, Англии и Америке. По самой природе дела, авторитетный характер его работ не мог сохраниться на прежнем уровне, поскольку новые открытия и раскопки на Востоке так изменили наше представление о восточной истории. В этом смысле, конечно, жаль, что профессор Херен не смог написать свою работу после того, как раскопки Лейарда в Ниневии дали новый материал для изучения истории Месопотамии. Тем не менее, насколько это было возможно, история Херена была прочно основана на фактах, которые новые исследования не опровергли, и его работа в целом по-прежнему имеет большую ценность для историков, изучающих этот период. Есть в ней разделы, которые не были ни заменены, ни повторены.

Гегель, Г. В. Ф., Лекции по философии истории. Лондон, 1857. — **Геродот**, История Геродота. Лондон, 1806, 4 тома.

Геродот, прославленный «отец истории» или, как его называет К. О. Мюллер, «отец прозы», родился в Галикарнасе в Малой Азии около 484 г. до н. э. и умер в Хурии, Италия, около 424 г. до н. э.; точные даты неизвестны. Упоминания о Геродоте встречаются в Египте. Здесь хотелось бы добавить несколько слов о переводе, из которого взяты наши отрывки. Разумеется, существует множество переводов Геродота, различающихся по степени

качества. Несомненно, наиболее авторитетным с исторической точки зрения является знаменитый перевод, выполненный профессором Джорджем Роулинсоном при содействии его брата сэра Генри Роулинсона и сэра Дж. Гарднера Уилкинсона примерно в середине XIX века. Однако этот конкретный перевод имеет большую ценность не столько благодаря своему тексту, сколько благодаря научным примечаниям, которые переводчики добавили к нему. Что касается самого текста, то есть по крайней мере один еще более поздний перевод — перевод Маколея — который, возможно, может претендовать на еще более точную передачу смысла. Для использования учеными эти переводы нельзя переоценить, но по-прежнему остается верным, что гораздо более читабельным и, так сказать, похожим на Геродота английским переводом «отца истории» является тот, который был сделан около века назад преподобным Уильямом Белоу (1756-1817), английским богословом, который с 1803 по 1806 год был хранителем печатных книг в Британском музее и создал множество сочинений, которые в свое время имели значительное значение. Его версия Геродота, как справедливо отмечается, не обладает такой же высокой точностью перевода, как некоторые более поздние работы; но, с другой стороны, точность его перевода в лучшем смысле этого слова, а не просто литературной транскрипции, не вызывает сомнений, и современные критики признают, что с точки зрения читабельности Белоу нет равных. И, в целом, можно с уверенностью сказать, что Геродот, который не читается, — это вовсе не Геродот. Белое явно отвергает буквальный подход к переводу, стремясь, как он заявляет в предисловии, как можно точнее передать дух автора наряду с ясным толкованием его текста. Насколько ему это удалось, свидетельствует критическая оценка, в которой о нем говорится, что «что-то в его умственном складе делало его замечательно пригодным для воспроизведения прозрачной простоты и любезной болтливости Геродота».

Hieratische Papyrus aus den Kgl. Museen zu Berlin, hrsg. von der Generalverwaltung Berlin.— **Hommel**, F. Der Babylonische Ursprung der aegyptischen Cultur. München, 1892.

Жакотен, Карта Египта. Париж. 1869.—**Сент-Джон**, Египет и Нубия. Лондон. 1845.—**Джонсон**, В. Э., Египетская наука по памятникам и древним книгам. Лондон, 1892.—**Жорнард**, Э. Ф., Описание Египта. Париж, 1809.

Кайзер, Ф., Египет в прошлом и настоящем. Фрайбург, 1879, 2-е изд. — **Кенрик**, Дж., Древний Египет при фараонах. Лондон, 1850, 2 т. — **Кминек-Шедло**, И., Каталог египетских древностей. Турин, 1895.—**Кралл**, Дж., Studien zur Geschichte des alten Aegyptens, в Sitzber. d. Wiener Acad. d. Wiss. Wien. 1890; Beiträge zur Geschichte der Blennyer und Nubier. Вена, 1898.—**Круммель**, Л., Die Religion der alten Aegypter. Гейдельберг, 1893.

Лассус, L'Art égyptien. Париж, 1898. — **Лоран**, Ф., Études sur l'histoire de l'humanité. Париж, 1865, 18 тт. — **Лаут**, Aegyptische Chronologie. Страсбург, 1877.—**Лефебюр**, L'Importance du nom chez les égyptiens. Sphinx, I; Le contre-charme. Sphinx, I; Rites égyptiens. Париж, 1890.—**Леннорман**, Ф., Chaldean Magic and its Origin and Development. Лондон, 1877.—**Лепсиус**, К. Р., Letters from Egypt. Лондон, 1853; Königsbuch der alten Aegypter. Берлин, 1858; Das Totenreich der égypter. Лейпциг, 1842; Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Берлин, 1849-1859, 12 тт.; Хронология египтян. Берлин, 1848; О некоторых точках соприкосновения египетской, греческой и римской хронологии. Берлинская академия, 1859; О двенадцатой египетской королевской династии. Берлинская академия, 1853.

Карл Рихард Лепсиус родился 23 декабря 1810 года в Наумбурге, Пруссия; умер 10 июля 1884 года в Берлине. Профессор Лепсиус был одним из самых выдающихся египтологов. В зрелые годы он занимал профессорскую должность в Берлине, что само по себе было отличием в этой стране науки. Он совершал поездки в Египет в официальном качестве и лично знакомился с памятниками и записями, которые были предметом его жизненных исследований. Как писатель профессор Лепсиус был менее известен, чем некоторые его

коллеги в этой области, хотя все, что он писал, конечно же, имело отпечаток высочайшего авторитета. Его письма из Египта и Нубии, имевшие более популярный характер, чем другие его сочинения, были переведены на английский язык и широко распространены. Однако следует признать, что его описания знаменитых руин интересны скорее потому, что отражают мнения великого ученого, чем из-за их внутренней литературной ценности.

Lieblein, Aegyptische Chronologie, Christiana, 1863; Recherches sur la chronologie égyptienne. Paris, 1873; Hieroglyph. Namenwörterbuch. Leipsic, 1871-1892; Index alphabétique de tous les mots contenus dans le livre des morts. Париж, 1875; Gammel-aegyptisk Religion populaert fremstillet. Кристиана, 1883-1885; Handel und Schifffahrt auf dem Roten Meer in alten Zeiten. Лейпциг, 1887; Le livre égyptien que mon nom fleurisse. Лейпциг, 1895.—**Лопе**, В., Египет во времена фараонов. Париж, 1889; Флора фараонов. Париж, 1892.

Малер, ред., Materialien zur Chronologie des alten Aegyptens в Ztschr. für äg. Spr. № 32, 1894.—**Маллет**, Д., Les premiers établissements des Grecs en Égypte. Париж, 1893.—**Магризи**, Description topographique et historique de l'Égypte. Париж, 1895. (Перевод с арабского).—**Мариетт**, Choix des monuments et des dessins. Париж, 1856; Le Sérapeum de Memphis. Париж, 1857-1866, 9 частей; Aperçu de l'histoire de l'Égypte. Париж, 1864; Nouvelle table d'Abydos. Париж, 1865; Раскопки, проведенные в Египте, Нубии и Судане. Париж, 1867; Описание раскопок в Абидосе. Париж, 1870-1880, 2 тома; Общий каталог памятников Абидоса. Париж, 1880; Дендера: общее описание великого храма этого города. Париж, 1870-1880, 5 т.; Les papyrus égyptiens du musée Boloq. Париж, 1871-1873, 3 т.; Karnak, Étude historique et archéol. Париж, 1875; Deinri al-Bahari. Париж, 1877; Различные памятники. Париж, 1872-1889; Мастабы древнего царства, под ред. Г. Масперо. Париж, 1882-1886; Путешествие по Верхнему Египту. Париж, 1878 (2-е изд., 1893).

Огюст Эдуард Мариетт родился 12 февраля 1821 года в Булони, умер 18 января 1881 года в Булаке. Он был одним из самых усердных работников и стал одним из величайших авторитетов в области египтологии. Он рано начал свои исследования в Египте, а после основания знаменитого музея в Булаке провел остаток своей жизни на месте, почти без перерыва занимаясь исследованиями и интерпретацией своих археологических находок. Его первые известные раскопки были проведены в Мемфисе, примерно в середине XIX века; позднее он раскопал знаменитый храм в Абидосе. Его публикации очень многочисленны, но в основном они носят скорее научный, чем популярный характер. Он был высшим авторитетом в области иератической формы египетской письменности. Несмотря на технический характер большей части его работ, он пользовался широкой популярностью, отчасти благодаря своей официальной должности директора музея в Булаке. Как и большинство французов, Мариетт мог писать в популярном стиле, когда хотел, и его вышеупомянутая работа «*Aperçu*» (переведенная на английский язык мисс Мэри Бродрик под названием «*Outlines of Ancient Egyptian History*») является одним из самых увлекательных популярных исследований по этой теме.

Мартин, Histoire du monde oriental dans l'antiquité. Париж, 1894. — **Масперо**, Г., Du genre épistolaire chez les égyptiens. Париж, 1872; Sur quelques papyrus du Louvre. Париж, 1875; Études égyptiennes. Париж, 1879-1882; Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Париж, 1886, 4-е изд.; L'archéologie égyptienne. Париж, 1887; Les contes populaires de l'Égypte ancienne. Париж, 1889; Les momies royales de Deir et Bahari. Париж, 1889; Исторические лекции; древняя история; Египет, Ассирия. Париж, 1890; Древняя история народов классического Востока. Париж, 1895; Борьба народов. Soc. Prom. Chr. Know. Лондон, 1896; Исследования по мифологии и археологии Египта. Париж, 1893; Рассвет цивилизации. Soc. Prom. Chr. Know. Лондон, 1897; Руководство по египетской археологии. Париж, 1893; Административная карьера двух высокопоставленных египетских чиновников в конце III династии, в Journal asiatique, т. XV.

Гастон Камиль Шарль Масперо родился в Париже 24 июня 1846 года; член Института, бывший профессор египетской археологии и этнологии в *Коллеж де Франс*, в последнее время директор Египетского музея в Булаке. Профессор Масперо — один из самых известных современных востоковедов, и после смерти Мариетта-паши, чью работу он продолжил в Египте, он, без сомнения, является самым авторитетным французским египтологом. Однако, специализируясь в этой области, он ни в коем случае не ограничивается ею, и его блестящие труды охватывают всю область восточной древности. Хотя профессор Масперо известен во всем мире ученым и признан ими как авторитет в тех вопросах, которыми он занимается, его слава как популярного писателя еще шире. Фактически, в этой области он, пожалуй, не имеет себе равных среди египтологов и востоковедов, как живых, так и умерших. Его работа под названием «*Les Origines*» была переведена на английский язык под названием «*The Dawn of Civilisation*» (*Рассвет цивилизации*), как и сопутствующие ей тома, один из которых носит яркое название «*The Struggle of the Nations*» (*Борьба народов*), но эти более сложные работы ни в коей мере не умаляют важности и авторитета блестящей более ранней работы *Histoire du peuple de l'Orient*, из которой мы будем иметь возможность сделать многочисленные выдержки и которая по какой-то необъяснимой причине до сих пор не была доступна английским читателям. Талант стилиста не является редкостью среди французских историков, но профессор Масперо обладает им в степени, необычной даже среди его соотечественников, и во всей исторической литературе можно найти лишь несколько работ, которые в такой же степени сочетают в себе авторитетность и читабельность, как его работы.

Мелида, «История египетского искусства». Мадрид, 1899. — **Мемуары**, опубликованные членами французской археологической миссии в Каире под руководством Масперо; Мемуары Египетского исследовательского фонда. Лондон. — **Менар**, Л., «Частная жизнь древних». Париж, 1880-1883, 4 тома; *L'histoire des anciens peuples de l'Orient*. Париж, 1883. Эти работы ценны благодаря своему замечательному стилю. Они являются плодом труда скорее писателя, чем египтолога; тем не менее, они основаны на тщательном изучении авторитетных источников, и к ним можно обращаться с уверенностью. — **Меглин**, Ф., *Histoire de l'Égypte*. Париж, 1823. — **Мейер**, Э., *Geschichte des alten Aegyptens*. Берлин, 1887; *Geschichte des Alterthums*. Штутгарт, 1884 и др., 5 тт. (в процессе подготовки).

Эдуард Мейер родился в 1855 году в Гамбурге, Германия; в настоящее время он является профессором древней истории в Университете Галле, который он же и окончил. Исторические исследования профессора Мейера с самого начала были посвящены в основном истории древности. Довольно рано в жизни он разработал план написания всеобъемлющей истории как восточной, так и классической древности, и первый том этой работы под названием «*Geschichte des Alterthums*» (*История древности*) появился в 1884 году. В некоторых отношениях это самая ценная история древности из когда-либо написанных, сочетающая в себе характерные качества немецкой науки с необычной для немецких работ степенью сжатости и достаточно популярным стилем. Первый том истории профессора Мейера посвящен исключительно народам Востока и, пожалуй, представляет собой лучший доступный обзор для тех, кто хочет провести полное исследование египетской истории. К сожалению, работа уже не издается, но обещано новое издание. Более обширная работа по египетской истории была включена в серию *Oncken*.

Милн, «История Египта под властью Рима». Лондон, 1899. — **Минуттоли**, «Über die aegypt. Pigments und Maltechnik der Alten». 1892. — **Мольхов**, Э., «Aegypten und Palästina». Цюрих, 1881. — **Мук**, Ф., «Aegypten's vormetallische Zeit». Вюрцбург, 1880. — **Морган**, Раскопки в Дахшуре. Вена, 1895; Каталог памятников и надписей древнего Египта, составленный Морганом, Буриантом, Легреном, Жекье и Барсантом. Вена, 1894. (Ценные технические

работы.) — **Мюллер**, В. Макс, Кто были древние эфиопы? Филадельфия, 1894; Азия и Египет по древнеегипетским памятникам. Лейпциг, 1895.

Навиль, Храм Дейр-эль-Бахри. Лондон, 1894; Город-склад Питом и путь Исхода. Лондон, 1888. (Ценные работы оригинального исследователя.) — **Норович**, Европа и Египет. Париж, 1898.

Оливье-Борегад, Египетская карикатура. Париж, 1894. — **Осберн**, У., Монументальная история Египта. Лондон, 1854. (Представляет интерес для антикваров.) — **Окли**, У., Египет. Лондон, 1884.

Палмер, У., «Египетские хроники». Лондон, 1861, 2 тома. — **Парсонс**, А. Р., «Новый свет от Великой пирамиды». Нью-Йорк, 1894. — **Партей**, И. Ф. О., «География древнего Египта». — **Патуре**, «Правовое положение женщины в древнем Египте». Париж, 1886.—**Пенса**, Г., Культуры Египта. Париж, 1897. —**Пентаур**, в книге Бругша «Египет». Лондон, 1881, 2 тома. (Произведение, приписываемое Пентауру, представляет собой стихотворение, описывающее подвиги Рамсеса II, такие как *битва при Кадеше*. Однако Пентаур не является его автором, а лишь переписчиком одной из копий этого стихотворения. См. стр. 212.) — **Перринг**, И. С., Pyramids of Gizeh. Лондон, 1839-1842, 3 тома. — **Перро** и **Шипье**, Histoire de l'art dans de l'antiquité. Париж, 1881-1889. (Серия работ этих французских авторов по древнему искусству является одним из важнейших вкладов в эту тему, когда-либо написанных. Работы доступны в английском переводе.) — **Петри**, В. М. Ф., История Египта с древнейших времен до XVI династии. Лондон, 1894; Индуктивная метрология. Лондон, 1877; Планы, описания и теории. Лондон, 1880; Пирамиды и храмы Гизы. Лондон, 1883; Танис I. Лондон, 1885; Танис II, Небешех и Дефенех. Лондон, 1887; Навкратис I. Лондон, 1886; Расовые портреты, 190 фотографий египетских памятников. Лондон, 1888; Исторические скарабеи. Лондон, 1889; Хавара, Биакхму и Арсиноэ. Лондон, 1889; Кахун, Гуроб и Хавара. Лондон, 1890; Телль-эль-Хеси (Лахиш). Лондон, 1891; «Ten Years' Diggings» (Десять лет раскопок). Лондон, 1892; «Tell-el-Amarna» (Телль-эль-Амарна). Лондон, 1894; « » (Древний мир в древнем Египте). Египетские сказки. Лондон, 1894-1895; «Egyptian Decorative Art» (Египетское декоративное искусство). Лондон, 1895; «Syria and Egypt from the Tell-el-Amarna letters» (Сирия и Египет в письмах из Телль-эль-Амарны). Лондон, 1898.

Профессор У. М. Флиндерс Петри родился в 1853 году в Чарлтоне, Англия; доктор права Оксфордского университета, 1893; доктор юридических наук Эдинбургского университета, 1895; в настоящее время является профессором египтологии в Университетском колледже Лондона. Профессор Петри, пожалуй, более известен широкой публике, чем любой другой живой египтолог. Несмотря на то, что он еще относительно молод, он посвятил более двадцати лет почти непрерывному изучению руин древнего Египта. С самого начала он завоевал репутацию первооткрывателя погребенных городов, которую его последующие усилия в полной мере подтвердили. Профессор Петри обладает врожденным инстинктом исследователя, поскольку он является внуком капитана Мэтью Флиндерса, прославившегося своими исследованиями побережья Австралии в начале XIX века. Рассказы о сказочных чудесах Австралии не более увлекательны и удивительны, чем рассказы профессора Петри о давно утраченных и забытых тайнах Египта.

Piehl, Deux déesses égyptiennes (в Mélanges de Harlez). Лейден; Inscriptions hiéroglyphiques recueillies en Europe et en Égypte. Лейпциг, 1895.—**Poole**, R. S., Cities of Egypt. Лондон, 1882; Egypt. Лондон, 1881.

Роулинсон, Г., Egypt and Babylon. Лондон, 1885; Ancient Egypt. Лондон, 1887; History of Ancient Egypt. Лондон, 1881, 2 тома. (Работы каноника Роулинсона по Египту, вероятно, были написаны для завершения его серии восточных историй. Они, конечно, основаны на авторитетных источниках и являются одновременно достоверными и занимательными.) —

Регальди, Древний Египет. Флоренция, 1882. — **Ренуф**, П. ле Паж, Книга мертвых в Proc. Soc. Bibl. Arch., т. XI, 1894-1896; Лекции о происхождении и развитии религии. Лондон, 1880. (Эти работы, написанные преемником доктора Бирча и предшественником доктора Баджа в качестве хранителя египетских и ассирийских древностей в Британском музее, имеют, конечно, полный авторитет. Религиозные аспекты восточной археологии представляли особый интерес для автора, и его работы ограничиваются этой областью и областью филологии.) — **Рейнье**, Л., Состояние Египта после битвы при Гелиополисе. Лондон, 1802; *De l'Égypte sous la domination des Romains*. Париж, 1807.—**Ревилу**, *Lettres sur les monnaies égyptiennes*. Париж, 1895; *Mélange sur la métrologie, l'écon. polit. et l'histoire de l'ancienne Égypte*. Париж, 1895.—**Ригль**, К вопросу о жизни древнеегипетского искусства в поздней античности.—**Робинсон**, К. С., Фараон рабства и исхода. Нью-Йорк, 1887.—**Робиу**, Ф., Религия древнего Египта и иностранные влияния. Париж, 1888.—**Розеллини**, Памятники Египта и Нубии. Пиза, 1832-1844. (Работа одного из самых известных учеников Шампольона по-прежнему представляет интерес и имеет ценность, хотя во многих отношениях она, безусловно, устарела.)—**Руже**, Э. де, Исследования памятников, которые можно отнести к шести первым династиям Манефона. Париж, 1866; *Études sur divers monuments du règne de Tutmes III, découverts a Thèbes par E. Mariette*. Париж, 1861; *Géographie ancienne de la Basse-Égypte*. Париж, 1890. (Имя Де Руже навсегда связано с теорией, согласно которой финикийский алфавит произошел от ранней формы египетского иератического письма. Оригинальная статья, в которой Де Руже выдвинул эту теорию, была случайно уничтожена, и теория не получила широкой известности до самой смерти автора. Ее правильность до сих пор вызывает сомнения, хотя у нее есть способные защитники.)

Сальволини, Ф., «Кампания Рамсеса Великого против Шета». Париж, 1835. (Работа другого известного ученика Шампольона и новатора в области египтологии.) — **Сэйс**, А. Х., «Египет евреев и Геродота». Лондон, 1895; «Древние империи Востока». Лондон, 1844; «Записки о прошлом».—**Шак-Шакенбург**, Египтологические исследования. 1894.—**Скиапарелли**, Книга о похоронах древних египтян. Турин, 1890.—**Шмидт**, О. П., Самопроверяемая хронологическая история Древнего Египта. Цинциннати, 1889.—**Швайнфурт**, Моэрис по последним исследованиям. В Mitteil. Петермана. 1893.—**Сете**, *Untersuchungen zur Geschichte und Alterthumskunde Aegyptens*. Лейпциг, 1900, 3 части (в процессе подготовки).—**Сильвестр де Саси**, Абд-аль-латиф, перевод Саси. Париж, 1810, 3 тома.—**Симайки**, А. А., Римская провинция Египет. Париж, 1892.—**Шарп**, Хронология и география Древнего Египта. Лондон. 1849; История Египта до арабского завоевания. Лондон, 1876, 2 тома. (Работы, которые устарели, но все еще имеют значительную ценность, особенно для более позднего периода египетской истории; написаны в очень увлекательной манере.)—**Смит**, П., Древняя история Востока с древнейших времен до завоевания Александром Македонским. Лондон, 1871.—**Смит**, К., Пьяцци, Наше наследие в Великой пирамиде. Лондон, 1890.—**Шпигельберг**, В., Исследования правовой системы фараонского царства XVIII-XXI династий. Ганновер, 1892; «Расчеты времен Сети I». Страсбург, 1896; «География древнего Египта» Дюмихена. Под ред. Шпигельберга. Лейпциг, 1894; «Новелла в древнем Египте». Страсбург, 1898; «Рабочие и рабочее движение в царстве фараонов при Рамсесах». Страсбург, 1895; «Die erste Erwähnung Israels in eine ägyptischen Text» (Первое упоминание об Израиле в древнеегипетском тексте). Берлинская академия, 1896. — **Станген**, «Aegypten» (Египет). Лейпциг, 1882. — **Штайндорф**, «Aegypten und mykenische Cultur» (Египет и микенская культура). Берлин, 1892; «Grabfunde des mittleren Reiches in den kgl. Museen zu Berlin» (Находки в гробницах Среднего царства в королевских музеях Берлина); «Zur Geschichte der Hyksos» (К истории гиксосов). Лейпциг, 1894; Zur Geschichte der XI Dynastie в Ztschr. für Aegypt. Spr. № 33. 1895; Blütezeit des Pharaonenreiches. Билефельд, 1900.—**Страбон**, География Страбона. (Страбон был одним из величайших географов древности. Уже было сделано несколько обширных ссылок на его работу, и она будет

дополнительно рассмотрена в более поздней книге.) — **Штраус**, В. фон Торней, Der altaegyptische Götterglaube. Гейдельберг, 1890, 2 части. — **Штукен**, ред. Die Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Aegypter. Лейпциг.

Тиле, Histoire comparée des anciennes religions et des peuples sémitiques. Париж, 1882. — **Томкинс**, Х. Г., Campaign of Ramses II against the Kadesh on Orontes. Лондон, 1882. — **Торр**, Сесил, Memphis and Mycenæ and Examination of Egyptian Chronology and its Application to the Early History of Greece. Кембридж. — **Тайлор** и **Сомерс Кларк**, Гробница Себнехта. Лондон. — **Тайлор** и **Л. Гриффит**, Гробница эль-Пахери в Эль-Кабе. Лондон.

Вальбуэна, Р. Ф., Воскресшие Египет и Ассирия. Мадрид, 1895. — **Вайс**, Р. В., Работы, проведенные у пирамид Гизы в 1837 году. Лондон, 1840-1842, 3 тома.

Уоллис, Х., Египетское химическое искусство. Лондон, 1900. — **Уоткинс**, И. В., Популярная история Египта. Лондон, 1886. — **Уотсон**, Г. Х., Искусство и древности Древнего Египта. Лондон, 1843. — **Вендель**, История Египта. Нью-Йорк, 1890. — **Вессли**, Исследования о соотношении греческого и египетского права в царстве Лагидов. Лейпциг, 1891. — **Видеман**, А., Древнеегипетская доктрина бессмертия души. Лондон, 1895; Египетская история. Гота, 1884; История Древнего Египта. Кёльн и Штутгарт, 1891; Религия древних египтян. Мюнхен, 1890, и англ. перевод; Религия древних египтян. Лондон, 1897; О культе животных у древних египтян. Лейден (в сборнике *Mélanges Ch. de Harlez*). (Замечательные работы, сочетающие авторитетное изложение с относительно популярной подачей.) — **Вилькен**, Н., Griechische Ostraca aus Ägypten und Nubien. 1899, 2 тома. — **Уилкинсон**, сэр Г., Popular Account of the Ancient Egyptians. Лондон, 1854, 2 тома; The Egyptians in the Time of the Pharaohs. Лондон, 1857; Manners and Customs of the Ancient Egyptians. Лондон, 1878, 3 тома.

Сэр Джон Гарднер Уилкинсон родился в 1797 году в Хардендейле, Вестморленд; умер в октябре 1875 года. Любой, кто хочет узнать, какими были египтяне, и познакомиться с нравами и обычаями их повседневной жизни, должен обратиться к работам Уилкинсона. Его «Популярное описание древних египтян» с момента публикации стало основным источником информации по этой теме. Уилкинсону посчастливилось заняться изучением Египта в то время, когда эта тема была новой, и он сразу же сделал область нравов и обычаев египтян своей специализацией. Он много путешествовал и долгое время жил в Египте, изучая все доступные памятники этого удивительного народа, в результате чего в конце концов смог воссоздать историю жизни в древнем Египте с точностью, недалекой от очевидца.

Уилсон, сэр У., «Египет прошлого». Лондон, 1881. — **Вольтманн** и **Воерманн**, К., «История живописи». Лондон, 1880, 2 тома. (Одно из наиболее авторитетных произведений по древнему искусству.)

Янг, Т., «Отчет о недавних открытиях в области иероглифики». Лондон, 1823. (Ссылка на связь Янга с открытием значения иероглифов находится в книге II, глава III.)

Цинке, Э. Б., Египет фараонов и хедивов. Лондон, 1873.

ЧАСТЬ III

ИСТОРИЯ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Основана главным образом на следующих источниках

Э. БАБЕЛОН, Э. А. УОЛЛИС БАДЖ, Ф. ДЕЛИЦШ, ЖОЗЕФ ХАЛЕВИ, А. Х. Л.
ХИРЕН, Х. В. ХИЛПРЕХТ, Ф. ХОММЕЛЬ, Л. В. КИНГ, А. Х. ЛЕЙАРД,
Ф. ЛЕНОРМАН, Г. К. К. МАСПЕРО, ЙОАХИМ МЕНАНТ, ЭДУАРД
МЕЙЕР, Дж. ОППЕРТ, Дж. П. ПЕТЕРС, ХУГО РАДАУ, ГЕНРИ
РАУЛИНСОН, Р. В. РОГЕРС, А. Х. СЭЙС, Э. ШРЕЙДЕР,
К. П. ТИЛЕ, Х. ВИНКЛЕР, А. ВИДЕМАН

ВМЕСТЕ С ОЧЕРКОМ О

ОТНОШЕНИЯХ ВАВИЛОНИИ С ДРУГИМИ СЕМИТСКИМИ СТРАНАМИ

АВТОР

ДЖОЗЕФА ХАЛЕВИ

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

КЛАВДИЕМ ЭЛИАНОМ, К. Дж. БАЛЛОМ, Г. Б. БАРТОНОМ, Г. БЕРТИНОМ, СВЯЩЕННЫМ
БИБЛИИ, П. Э. БОТТА, Д. Г. БРИНТОНА, ЭЖЕНА БУРНУФА, ИСААКА ПРЕСТОНА
КОРИ, МАЙКЛА ДЕ ГОЕЖЕ, ДИОДОРА СИКУЛА, АДЛЬФА ЭРМАНА, Э.
ФЛАНДРИН, Г. К. Г. ГЕРЛАНД, Г. С. ГУДСПИД, Г. Ф. ГРОТЕФЕНД,
И. ГУИДИ, Х. ГУНКЕЛЬ, ГЕРОДОТ, ЭДУАРД ХИНКС, МОРРИС
ЯСТРОВ, П. ДЖЕНСЕН, АЛЬФРЕД ДЖЕРЕМИАС, Ч. Х. В. ДЖОНС,
К. ДЖОНСТОН, ФЛАВИЙ ИОСИФ, А. Х. КИН,
А. ВОН КРЕМЕР, КРИСТИАН ЛАСSEN,
Дж. Ф. МАККЕРДИ, М. МОНТГОМЕРИ, Дж. П. МАХАФФИ, Дж. ДЕ МОРГАН, Г. НАГЕЛЬ,
ТЕОДОР НЁЛЬДЕКЕ, В. Г. ПАЛГРЕЙВ, В. М. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ, Т. Г.

ПИНЧЕС, ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, КВИНТУС КУРЦИЙ, Х. РАССАМ, ГЕО.
РАУЛИНСОН, КАРЛ РИТТЕР, Г. К. Э. ДЕ САРЗЕК, В. ШЕЙЛ,
НАТАН ШМИДТ, ДЖОРДЖ СМИТ, К. ЮЛИЙ СОЛИН,
АЛОЙС СПРЕНГЕР, Б. ШТАДЕ, СТРАБОН, В. Х. ФОКС ТАЛБОТ,
Г. ВЕБЕР, ДЖ. ГАРДНЕР УИЛКИНСОН, ГЕНРИ
СМИТ УИЛЬЯМС, В. РАЙТ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

МЕЖПОТАМИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ОТНОШЕНИЯ ВАВИЛОНИИ С ДРУГИМИ СЕМИТСКИМИ СТРАНАМИ. АВТОР: ЖОЗЕФ АЛЕВИ	309
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕСОПОТАМИИ	318
ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД	337
ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВАВИЛОНА	349
ГЛАВА III. ВОЗВЫШЕНИЕ АССИРИИ	366
ГЛАВА IV. ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ ВЕЛИЧИЯ АССИРИИ	397
ГЛАВА V. УПАДОК И ПАДЕНИЕ АССИРИИ	438
ГЛАВА VI. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА	446
ГЛАВА VII. ОБЫЧАИ И НРАВЫ АССИРИИ И ВАВИЛОНИИ	460
ГЛАВА VIII. РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНЯН И АССИРИЙЦЕВ	515
ГЛАВА IX. ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА	534

ОТНОШЕНИЯ ВАВИЛОНИИ С ДРУГИМИ СЕМИТСКИМИ СТРАНАМИ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

ДЖОЗЕФОМ ХАЛЕВИ

Профессор Коллежа де Франс, Париж

Неблагодарность масс, как и отдельных людей, очень часто является наградой великих благодетелей. Египет, молчаливый, гордый и самодостаточный, пользовался уважением и восхищением всех своих соседей, в то время как Греция и Иудея, яркие маяки средиземноморской цивилизации с точки зрения морали и науки, были унижены неизгладимыми клеймами. В современном народном языке «грек» и «еврей» являются настолько оскорбительными прозвищами, что потомки этих двух славных народов стараются избегать использования этих названий при описании своего происхождения.

Вавилония, после своего завоевания и исчезновения со сцены мировой истории, хотя и значительно превосходила своих завоевателей, не избежала этой незаслуженной участи. Для современников ее падения Вавилон — это лишь город куртизанок и безвкусной магии; тем не менее, в дни своей мощи он правил окружавшим его варварским миром не с помощью обнаженного тела и пустых заклинаний. На протяжении тысячелетий она сияла несравненным блеском и озаряла своими оживляющими лучами грубые народы, с которыми она соприкасалась. Ее влияние оставило неизгладимый след даже на цивилизациях Западной Азии и греческого мира, отчасти благодаря финикийцам и арамеям. И если ее исчезновение не вызвало никаких потрясений в ходе прогресса, то это потому, что ее миссия была выполнена задолго до эпохи ее упадка. Со времени правления Ксеркса разграбленный Вавилон постепенно пришел в упадок; к моменту прибытия Александра он уже на три четверти был в руинах. Война диадохов и приход к власти парфянской династии окончательно похоронили его. В то время не было никого, кто мог бы унаследовать его моральное наследие, поскольку наследник уже забрал все, что было ценным и действительно вечным.

Истинная интеллектуальная культура проявляется в наличии письменности. Ее существование в Вавилоне подтверждается документами, датированными пятым тысячелетием до нашей эры. Буквы пока состоят из линейных штрихов, представляющих определенные части человеческого тела, различные виды животных, растений, а также природные или искусственные объекты. Только позднее эти штрихи приобрели клиновидную форму, благодаря которой система письменности получила название «клинопись». Первобытные символы немногочисленны — около пятнадцати — и

соединяются друг с другом, образуя слоговую систему, которая является одновременно идеографической и фонетической.

Внутренняя природа этих значений является ярким доказательством семитского происхождения этой системы и полностью опровергает гипотезу ранних дешифровщиков о том, что до семитов на вавилонской земле существовала чуждая раса под названием «шумеры» или «аккадцы», от которых произошли клинописные символы, а также вся семитская цивилизация Вавилонии. Такие слоги, как *ab*, «отец»; *an*, «бог»; *el*, «чистый, яркий»; *en*, «господин»; *sal*, «слуга, женщина»; *il*, «высокий»; *is*, «дерево, лес»; *ul*, «прошлый»; *tu*, «имя»; *rat*, «канал»; *sag*, «вершина, голова»; *rig*, «растение, зеленый лист» и т. д., взяты из основных семитских слов вавилонского языка, который, за исключением небольших вариаций, был также языком Элама и Ассирии. Нигде и ни в какой период их существования не отмечается каких-либо лингвистических изменений, которые можно было бы приписать проникновению иностранного элемента.

Без риска быть обвиненными в преувеличении, мы можем отнести начало письменности к шестому или даже седьмому тысячелетию до нашей эры; и все же вавилонский язык имеет изношенный и фонетически обедненный характер, который он всегда сохранял по сравнению со своими родственными языками. Это удивительное явление дает представление о чрезвычайной древности не только существования семитов в Вавилонии, но и развития великой цивилизации, создателями которой они были.

Ведь после появления письменных документов на камне и глиняных табличках мы сталкиваемся с самой замечательной древней цивилизацией: монархическими институтами, общинными организациями, процветающим сельским хозяйством, систематической канализацией, металлообработкой, землевладением, обширными торговыми сделками, фиксированными налогами, установлением губернаторов в подчиненных странах. Что касается науки, то развивалась астрономия, существовали обсерватории для изучения движения звезд и затмений. Вавилоняне делили год, месяц и день на части; они установили меры веса и длины и вычисляли квадратные и кубические корни. Рациональная классификация облегчала изучение ботаники и зоологии. С большим тщанием составлялись династические списки, в которых записывались основные исторические события правления. Наконец, духовные потребности народа удовлетворялись обширной мифологической системой, которая утрачена в глубине веков и на основе которой были созданы бесчисленные эпические сказания. Среди них истории о сотворении мира и всемирном потопе, спуске Иштар в Аид, приключениях Гильгамеша и Этанны и т. д. считаются одними из самых прекрасных произведений поэтического воображения. С другой стороны, фетишистский мистицизм доисторических времен трансформировался в ученую магию, которая сочеталась с религиозными и моральными элементами и утверждала, что основана на чудесных фактах, которые, однако, были подтверждены опытом.

Вавилонец, обладавший этими элементами интеллектуальной культуры, несмотря на свои суеверия и реальные пробелы в знаниях, должен был казаться высшим существом по сравнению с соседними племенами, которые имели те же расовые инстинкты, но чье развитие было еще в зародышевом состоянии и происходило в совершенно других условиях. Поэтому неудивительно, что наиболее способные из этих полудикарей поспешили в той или иной степени перенять большую часть вавилонской цивилизации, преимущества которой они научились ценить. Как обычно, сначала была принята видимая и материальная сторона; после более близкого знакомства с вавилонским образом жизни эти народы были очарованы религиозными представлениями и мощным притяжением легенд и магии. Все это постепенно проникло в сознание других семитских народов и настолько прочно вошло в

него, что несколько веков спустя стало неотъемлемой частью их национальной сущности, и в такой степени, что разгадать их истинное происхождение удалось только с помощью кропотливых исследований, которые еще не сказали последнего слова ().

Распространение вавилонской цивилизации за пределы ее первоначальной колыбели достигло своего наибольшего размаха во время славного правления Саргона I, первого монарха, известного тем, что он совершал военные походы в страны Запада. Таким образом, нам предстоит рассмотреть, во-первых, досаргоновскую, а во-вторых, постсаргоновскую эпохи.

До правления Саргона, примерно за три тысячи восемьсот лет до нашей эры, Вавилония успела сформироваться в национальное целое, имеющее одинаковые нравы, говорящее на одном языке и использующее один алфавит. Ни один чужой народ не нарушил эту единство расы и гения, которое включало в себя на востоке жителей Эламской равнины, образуя простое приложение к Вавилонии на той стороне Тигра. Огромный избыток населения хлынул в плодородные равнины, простирающиеся между Тигром и могучей цепью Загрос, и основал маленькие королевства Сути, Лулуби, Намар и, с большим успехом, могущественное королевство Ассирия, которое в годы своего процветания стало самым могущественным военным государством восточного мира.

Эти очень древние колонии часто вступали в конфликт с метрополией, и Ассирии даже удалось на несколько поколений навязать свое железное иго; но, за исключением момента яростной страсти Сеннахериба, Вавилония оставалась для всех них центром света и религиозной тайны. Вавилонские божества имеют свои храмы и служат прототипами для различных локализаций. В Ассирии, в частности, почитаются Иштар Ниневии, Иштар Арбелы, Иштар Кидмура и т. д. Вавилонское происхождение увековечено в новой столице Нинуа (Ниневии), которая является названием местности в Вавилонии, в то время как древняя столица Ашшур напоминает имя древнейшего бога вавилонского эпоса о сотворении мира.

Само собой разумеется, что среди соседних племен, говорящих на разных языках, вавилонское влияние не могло проникнуть так полностью. На юге многочисленные арамейские племена сохраняли свой кочевой образ жизни; в горных районах на востоке сузио-амарды, на севере ванны и митанны, принимая вавилонскую цивилизацию, используют наряду с обычным вавилонским слоговым письмом более ограниченное для записи своих языков. Следы ассирийского влияния в древние эпохи были обнаружены в Каппадокии, что свидетельствует о большой древности Ассирийского царства. Но наиболее важное и продолжительное влияние проявилось в семитском регионе на крайнем западе, в Сиро-Финикии и Палестине.

Благодаря обнаружению табличек из Тель-эль-Амарны, относящихся к периоду правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV, с удивлением было установлено, что в XIV веке до нашей эры вавилонский язык был дипломатическим языком не только западных семитов, но и правителей Египта. Сирия и Финикия тогда составляли вассальную провинцию фараонов, вероятно, в результате завоеваний Тухтимеса III; там можно было бы ожидать использования египетской письменности или, по крайней мере, специального ассирийского типа, но мы видим, что там использовался вавилонский алфавит и вавилонский диалект. Мы вынуждены сделать вывод, что распространение вавилонской культуры было связано с оккупацией Сирии вавилонянами в очень ранний период, когда Ассирия была еще слишком слаба, чтобы преградить путь в страну своего происхождения. История подтверждает правдивость этого, поскольку она сообщает нам, что Саргон I провел три года в Сирии и в конце концов стал ее властелином; в одной из своих морских экспедиций он даже переправился на остров Кипр () и захватил его. Вероятно, что это

вассальное подчинение Сирии Вавилону сопровождалось частыми реакциями и перерывами в непрерывности, во многом из-за политики Египта, который искал выход на север. План по срыву коварных планов фараонов по захвату этой провинции, если не просто по присоединению долины Нила к великой империи Востока, был осуществлен Саргоном I в ходе вторжения в Египет, успех которого зафиксирован в отчете гадателей [Плита предзнаменований]. Его сын Нарам-Син, согласно тем же документам, также вторгся в Египет и убил его царя, имя которого, к сожалению, исчезло из-за поломки таблички. Египет, запуганный, не предпринимал враждебных действий в течение нескольких столетий, что, несомненно, укрепило вавилонскую власть в Сирии при всех династиях, которые последовательно занимали трон в столице Халдеи.

В эпоху Авраама, когда Элам осуществлял господство над Вавилонией, царь последней страны, Хаммураби, Амрафел из Книги Бытия, фигурирует среди царей, сопровождавших эламского сюзерена в его походе против нескольких племен восточной и южной Палестины (Быт. xiv.). Семь веков спустя египетские чиновники Сиро-Финикии переписывались на вавилонском языке с двором Фив. Эта провинция была завоевана полвека назад Техутимесом III, и египетское господство оставило свой след в изобретении финикийского алфавита, что ознаменовало решение порвать с вавилонскими симпатиями в пользу интеллектуальной культуры Египта, главным центром которой должен был стать город Библ.

Причиной этого решения послужило замечательное обстоятельство. В этом городе, где мистические тенденции, по-видимому, преобладали над стремлением к богатству, которое приносили судоходство и торговля, почитали местную богиню по имени Баал-Гебал, «Леди Библа», которая представляла одну из многочисленных семитских богинь, известных под именем Баалат или Белит. Ее отождествляли с великой египетской богиней Исидой, а миф об Осирисе был настолько связан с берегами этого города, что священники Библа считались обладателями истинного значения этих таинств. В основе этого процесса лежало стремление найти основу для согласия между всеми религиозными концепциями цивилизованных народов того времени. В вопросах религии, как и в искусстве и промышленности, роль финикийцев заключалась в том, чтобы служить посредниками, ревностными апостолами, которые видели преимущество в том, чтобы быть полезными варварам после того, как извлекли из них выгоду, и надеялись извлечь еще большую выгоду в будущем.

Таким образом, после примирения с египетской религией экспорт промышленных товаров в долину Нила или подделок египетского искусства, которое было так сильно отмечено религиозным отпечатком, мог бесконечно развиваться во всех регионах Средиземноморья и способствовать процветанию метрополии и ее колоний. Таким образом, после XIV века до нашей эры изобретение алфавитного письма преградило путь распространению вавилонского письма в европейском мире. Древнее духовное наследие тысячелетнего господства Вавилонии, естественный продукт семитского гения, было слишком прочно укоренилось в Сиро-Финикии, чтобы быть полностью затмлено или даже понижено до низшего ранга под давлением египетского влияния.

Египет, с его языком, лишенным всяких выходов, и с его по сути похоронной мифологией, был неспособен произвести движение возрождения среди иностранных народов. Духовное состояние оставалось без заметных изменений, но, поскольку прямой контакт с Вавилонией стал более затруднительным, финикийцы были вынуждены записывать на своем языке свои предковские и божественные традиции, в которых всеобщие элементы, полученные от Вавилонии, всегда оставались преобладающими.

О финикийской литературе в оригинальном языке ничего не известно, но некоторые космогонические данные, взятые из книги Санхониатона Филоном из Библа, отражают мифы, которые могли возникнуть только на земле Вавилона, хотя филэллинский автор не в состоянии точно их интерпретировать. Первозданная пара хаоса, Апасон и Томот, на самом деле являются вавилонскими божествами, предшествующими сотворению мира: Апсу, «океан, бездна», и Тиамат, «море»; но Филон, увлеченный неоплатонической доктриной и путая похожие согласные, приписывает Апасону значение «желание» и, кажется, видит в Тиамат божество Мот, «смерть», символизирующее материю. Другая богиня, Хосартес, напоминает супругу Ашшура, Кишар, имеющую космогонический характер. На сирийско-финикийских памятниках мы часто встречаем имя богини Анаф, носящей титул «сила жизни или живых», но ее мужской супруг не встречается. Вавилонские надписи восполняют этот пробел, очень часто упоминая пару Ану и Анату. Филистия поклонялась главным образом ихтиоморфному богу Дагону, который является ни кем иным, как вавилонским Дагану, связанным с Ану.

Среди других божественных персонажей мы отмечаем в первую очередь Таммуза, супруга Астарты, который был убит кабаном в расцвете молодости. Его смерть оплакивали в течение месяца каждый год, а его воскресение позже праздновали с безумными проявлениями радости. Этот миф о природе, символизирующий прохождение лета и метафорически — прохождение горячей и страстной молодости, основан на вавилонской легенде о Дузу, эпониме месяца с таким же названием (Тамуз), который умер преждевременно и которого богиня Иштар (Астарта), воплощение горячей страсти, тщетно пытается вернуть из царства смерти. Горе и героические усилия богини трогательно описаны в прекрасном стихотворении под названием «*Спуск Иштар в Аид*». Финикийцы оплакивали Таммуза под почетным титулом Адон, Адоним, «господин», откуда и произошло греческое имя Адонис. Из Финикии этот обряд перешел в Грецию, где его отмечали с не меньшей пышностью, а спуск Иштар стал там отправной точкой для нескольких аналогичных легенд.

Менее известен культ вавилонского бога войны Нергала, который имел святилища в Финикии. Среди небесных богов мы идентифицируем Хадада или Хадода, называемого «царем богов», Риммона, Набу, Сина и Мара, называемых вавилонянами Ададом, Рамманом (богом воздуха), Набу, Сином, Аллатом и Мардуком (богом Вавилона). Надписи Самала добавляют к ним Нуска и Беэль-Харрана, один из которых является вавилонским Нуску, а другой — местным Белом вавилонского города Харрана, культ которого был перенесен в город с таким же названием в Верхней Месопотамии.

С очень давних времен некоторые имена вавилонских божеств закрепились в Сиро-Финикии как имена мест и лиц: город Небо в Моаве, пустыня Син и, вероятно, также гора Синай в Аравии Петрейской, крепость Анафот на территории Вениамина; Ана, вождь Исава, Анаф, судья Израиля, Хадад, общее имя царя Арама и царя Идумеи. Столько воспоминаний о превосходстве вавилонской религии ясно доказывают, как ум западных семитов был проникнут и сформирован в постоянную форму их древними хозяевами в эпоху, предшествовавшую оккупации Сирии египтянами. Египет почти ничего не сделал, чтобы изменить тенденции подчиненных народов; он довольствовался сбором налогов и ничего не давал взамен. Поэтому не следует удивляться, что, за исключением морского побережья, египетское господство не оставило следа в цивилизации внутренних районов Сирии. Эти народы, когда они стали независимыми, продолжали культивировать зародыши цивилизации, которые они получили в таком изобилии, но считали их своими собственными творениями.

Переходя к кочевникам северной Аравии, мы сталкиваемся с этнографической неизвестностью, поскольку древние племена распались, а новые образовались, и эта трансформация, безусловно, повторялась несколько раз. До сих пор нет единого мнения по поводу того, говорили ли племена, называвшиеся в древности измаильтянами и цетурианами, на арабском или арамейском языке. Однако несомненно, что фрагменты южных племен истинной арабской расы переселились на север в периоды, которые очень трудно определить. Не так давно утверждалось, что эти нестабильные народы не имели никаких элементов цивилизации, и даже утверждалось, что они были чистым примером не смешанной семитской расы, которой приписывали инстинктивный монотеизм.

Эти предположения были развеяны свидетельствами ассирийских текстов, которые показывают, что арабы имели статуи своих богов. Эти гордые дети пустыни даже подписали соглашение о подчинении правительству Ниневии, чтобы вернуть статуи, которые ассирийцы забрали у них в ходе экспедиции вглубь Аравии. Наличие статуй предполагает существование в оазисах постоянных святилищ, религиозных обрядов и традиционного священства.

Если учесть, что завоевательная нация персов пришла к идее антропоморфных богов только во времена Артаксеркса II и то исключительно под влиянием вавилонского культа, то можно не сомневаться, что поклонение статуям кочевыми арабами в VII веке до нашей эры было вызвано тем же влиянием. Исмаильтяне были особенно преданны Атар Селесте, то есть великой богине Иштар, культ которой распространился из Вавилона среди всех семитов Сирии.

В оазисе Тейма была найдена стела, на которой зафиксированы доходы недавно назначенного священника, предназначенные для покрытия расходов на культ усыновленной божественности, и этот священник одет в одежду вавилонского священства. Такое заимствование тем более примечательно, что одеяния жрецов, совершавших жертвоприношения, в древности имели значение, тесно связанное с религиозными тайнами. Этот факт предполагает присутствие вавилонских наставников в какой-то более ранней эпохе.

Хиджаз является первой провинцией, жители которой принадлежат к арабской расе в собственном смысле этого слова, чей язык и письменность сильно отличаются от языка и письменности арамейского населения севера. Некоторые из этих племен поселились на востоке Сирии, на окраине пустыни, особенно в оазисе Сафа, к югу от Дамаска. Мы должны дожидаться публикации многочисленных граффити, обнаруженных в последнее время, прежде чем сможем составить точное представление о теофорных именах, используемых среди этих племен. Однако здесь встречаются имена Бел и Хадад, но это может быть позднее заимствование от их арамейских соседей. Из северного Хиджаза у нас есть значительное количество надписей и граффити, копии которых пока следует рассматривать с осторожностью, и там же имена Бел, Хадад и сложные имена вавилонского Набу встречаются в списке имен кочевников.

Более интересным является древнее название Мекки, Макораба, которое первоначально обозначало знаменитое центральное святилище региона. Это название происходит от глагола *караба*, который в вавилонском языке означает «поклоняться, благословлять, молиться», что является явным доказательством древнего заимствования из идиомы клинописных текстов. Когда-нибудь мы узнаем, что содержат надписи среднего и южного Хиджаза в плане теофорных имен. Эти надписи безусловно существуют и ждут путешественника, достаточно смелого, чтобы спасти их от полного уничтожения глупыми руками паломников. Знаменитый черный камень Каабы, по-видимому, несет надпись, которую было бы хорошо сфотографировать.

Еще меньше мы знаем о том, что нас ждет в граффити, разбросанных в промежуточной области между Хиджазом и Йеменом; графическая цепь не могла быть прервана в этой широте, которая с древних времен составляла вход в высокоцивилизованное царство Савы и которая, благодаря производству ароматических эссенций, имела торговые отношения с народами Средиземноморья.

Йемен состоял из четырех царств, из которых царство Сабы, по-видимому, было самым древним и могущественным; три других — Катабания, Хадрамаут, Махра или Тафат. О последнем у нас нет никакой информации, относящейся к периоду до ислама, и есть основания полагать, что оно было вассальным государством Хадрамаута. Последнее является преимущественно регионом, производящим специи, а Катабания может считаться древней колонией Хадрамаута, которая была основана на северном пути в коммерческих целях, а позже обрела независимость.

В свою очередь, Катабания основала, опять же на северном пути, еще одну колонию, которая, обретя свободу, назвала себя народом миньяев, по имени главного города Маин. Миньяи оставили следы своей деятельности в Эгре на границе Набатии и в центральном Египте в Оксиринке, где они имели поселение во времена первых Птолемеев; но их присутствие в Египте в персидский период подтверждается вотивной надписью, в которой они благодарят своих богов за то, что те спасли их караван от опасности, угрожавшей ему во время войны между египтянами и мидянами, *то есть* персами. Из Египта они отправляли свои караваны в Газу в Финикии и по всей Сирии.

До этого торговля ладаном и пряностями, по-видимому, находилась в руках сабеев. Соломон (около 1000 года до н. э.) стремился заключить договор с этим народом, чья царица нанесла ему официальный визит в Иерусалим. Можно предположить, что сабейцы также отправляли караваны напрямую в Ниневию и Вавилон через оазисы Неграна, Вади-Давассир и Гебель-Саммар. Благодаря этим почти непрерывным визитам народы южной Аравии имели возможность изучать и практиковать обычаи и обряды, характерные для восточных семитов, например, использование ароматических курений в качестве средства очищения после полового акта. В пантеоне сабеев был Эл (ассиро-вавилонский Илу) в образе божественного персонажа, а не просто как абстрактный термин «бог». Вавилонская Иштар, дочь Сина, превращается в мужское божество Аттар, сын Сина. Многообразие вавилонской богини проявляется также в сабейском Аттаре; каждый из великих религиозных центров Шебы имеет своего собственного Аттара. Набу, вавилонский бог письменности и пророчества, также почитался катабанами в несколько замаскированном виде Анбая. С точки зрения искусства, техника скульптуры и декора часто напоминает вавилонский стиль. Наконец, в царстве Савском мы встречаем ассирийское учреждение *лимми*, или ежегодных архонтов, которое существовало также в Карфагене, но нигде больше на азиатском континенте, и тем более в монархическом государстве.

Мы очень мало знаем о религии агази или семитов Абиссинии; однако дохристианская надпись утверждает, что среди них процветал культ Эла и Астарты (Астарты). В их пантеоне был также Аш-Шуаб (), бог войны по имени Махрам, эквивалент Ниниба или Адара семитов севера.

На противоположной стороне, на крайнем востоке Аравийского полуострова, вдоль Персидского залива, самое важное скопление населенных пунктов образовывало царство Герра. Геррэйцы поддерживали торговые отношения как с Египтом, так и с Халдеей. Один из их городов носил название Билбана, «Бил (Бел) построил», что явно указывает на то, что он принял культ самого популярного вавилонского бога. Напротив этого побережья находится группа островов Бахрейн, на самом большом из которых находится ряд гробниц, в которых были найдены клинописные надписи на вавилонском языке.

Мы обошли весь семитский регион и везде смогли продемонстрировать поразительное влияние Вавилона, несмотря на огромное расстояние во времени и пространстве, отделяющее сходящиеся лучи от их источника излучения. Но прежде чем завершить, мы должны остановиться на одной конкретной территории, территории, которая составляет лишь незаметную точку в этом обширном регионе, но которая, несмотря на свою материальную незначительность, породила нацию, которой суждено было взять на себя славную роль законного наследника великого вавилонского предка и направлять сознание не только семитской расы, но и наиболее цивилизованной части человечества в целом.

Эта нация, которую случай, казалось бы, бросил в мир без защиты, в окружении враждебных элементов, жаждущих ее уничтожения, и чье имя, Израиль, точно символизирует неустанную борьбу против окружающих ее ужасно разрушительных сил, эта нация, говорю я, имела силу преобразовать великолепное политеистическое наследие, унаследованное ею от Вавилона, в монотеистическую теорию поразительной оригинальности. Преобразование древнего наследия произошло только после веков борьбы между лучшей частью нации, партией пророков, и консерватизмом масс, которые повсеместно придерживались древних традиций.

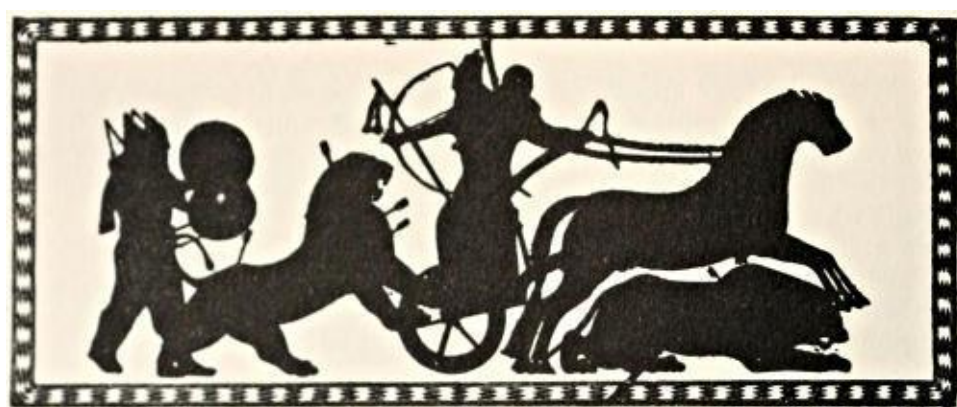
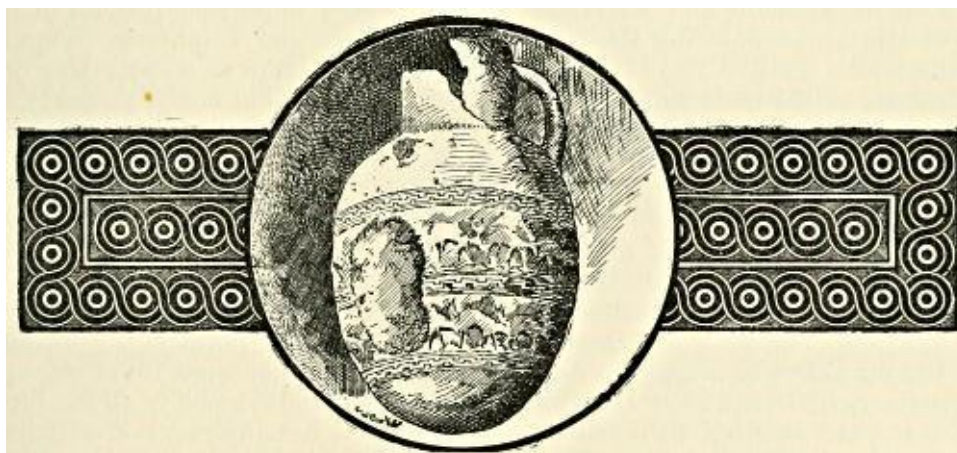
Писания этого монотеистического меньшинства, которое в конце концов наложило свой отпечаток на всю нацию, позволяют нам оценить важность древних элементов, шлак которых был отвергнут в процессе очищения пророков. Книга Бытия сохранила два великих и очень характерных вавилонских эпоса — «Сотворение мира» и «Потоп», — но насколько они различаются по духу, несмотря на близкое сходство в общих чертах и внешней форме.

В вавилонской космогонии хаос, воплощенный в женском драконе Тиамат, первозданном океане, рождает одновременно богов и самых ужасных, злобных чудовищ. Узнав, что боги хотят построить себе более удобное жилище в ее владениях, она собирает свои силы, яростно нападает на клан богов и заставляет их бежать. Они снова объединяются и выбирают своим поборником Мардука, сына Яна, которому удастся победить ужасную предку. Мардук разрезает тело Тиамат на две части и из них создает небо и землю. Затем он приступает к созданию небесных тел и располагает их в неизменном порядке; он наполняет землю растениями и животными и просит богиню Аруру создать человека, которую она лепит из земной пыли.

Этот миф, великолепный как эпическое произведение, слишком груб, чтобы содержать в себе малейший философский принцип. Еврейский мыслитель, сохранив общие черты, устранил всю толпу чудовищных или уродливых божеств, недостойных почитания человеческим родом. Картина не потеряла ничего в своем размахе; но единый, всемогущий бог сначала создает хаотическую материю, а затем организует ее, шаг за шагом, исключительно на благо человеческого рода. Цикл десяти допотопных патриархов, охватывающий миллионы лет, сокращается до шестнадцати столетий и таким образом приводится в соответствие с реальным человечеством. Наконец, потоп, в первобытной легенде являющийся результатом безумной гордыни бога Бела, оправдывается чрезвычайной порочностью людей той эпохи.

Как истинный реформатор, пророческий рассказчик создал на вавилонской основе новую систему, рациональная и моральная сторона которой не боится сравнения с любой другой религиозной доктриной человечества. У греков не могла развиваться и сохраниться никакая религиозная или социальная реформа, основанная на их касте безответственных богов. Египет погиб, не попытавшись подняться над своим грубым поклонением животным.

Только вавилонская культура, благодаря своим гимнам и эпосам, до сих пор остается важным фактором в мировой религии, хотя и в идеализированной гением форме. Материально Вавилон остался лишь воспоминанием, но нежная часть его атомов перешла в энергичную конституцию его духовного наследника, священной книги еврейского монотеизма, чтобы стать общей собственностью человечества.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕСОПОТАМИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ И ХОДА СОБЫТИЙ, А ТАКЖЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

Вавилоняне и ассирийцы были двумя очень важными народами древности, населявшими регион рек Тигр и Евфрат в юго-западной Азии. Греки считали эти народы одним народом и называли их страну Месопотамией, название, которое правильно можно было применить только к части их территории. С другой стороны, сами вавилоняне и ассирийцы считали друг друга чуждыми народами, хотя оба принадлежали к одной семитской расе. Вавилоняне

были более древними, и их территория располагалась на юге, где, по мнению многих ученых, до них проживал народ другой расы.

Хотя территория этой ранней цивилизации была небольшой, народы, входившие в ее состав, были далеко не однородны, а их история не была непрерывной чередой политических смен. Напротив, в ней участвовали по крайней мере две разные расы людей — туранская в ранней истории Вавилона и семитская во всех более поздних периодах — и по крайней мере три последовательных царства или империи, не говоря уже о простых сменах династий. Самый ранний известный нам период — тот, который оставил следы в Ниппуре и Ширпурле, в древней Вавилонии, — имел свою столицу в южной части территории, граничащей с морем; оттуда, по-видимому, цивилизация распространилась на север. Ассириологи не пришли к единому мнению относительно доли несемитской расы в этой ранней цивилизации. Был даже поставлен вопрос, действительно ли существовали так называемые шумеры.^[5] В любом случае, семитские вавилоняне приобрели полный контроль в очень ранний период.

Ассирийское царство, которое стало настоящей мировой империей, имело свою столицу в Калахе, а затем в Ниневии. Оно завоевало и поглотило древнее вавилонское царство, а затем распространило свое господство на восток и запад, в конце концов захватив даже Египет.

В Библии сохранились упоминания о некоторых из его самых известных царей, в том числе о Сеннахириме. Греческие легенды в основном посвящены мифической Семирамиде, предполагаемой основательнице Ниневии, и, по-видимому, мифическому Сарданапалу, который погиб после бесславного правления в результате разрушения Ниневии, которое произошло внезапно и драматично в 606 году до н. э. — однако миф о Сарданапале основан на реальных событиях.

После разрушения Ниневии Вавилон, столица Вавилонии, вновь обрел значение мирового мегаполиса. Навуходоносор, самый известный царь этого периода, осадил Иерусалим и увез израильтян в свою столицу (столицу Вавилонии). Классические источники сохранили воспоминания о великолепии Вавилона в этот период. Существование Новой Вавилонской империи, хотя и было блестящим, было кратким и закончилось свержением Вавилона персами под предводительством Кира в 538 году до н. э. Вавилон не был полностью разрушен, как Ниневия, но он так и не восстановил свою автономию и не вернул себе прежнее значение. В течение двух столетий он был одной из персидских столиц, пока в 331 году до н. э., с падением Персидской империи, не перешел в руки Александра Македонского, который после своих завоеваний на Востоке выбрал его столицей своей новообретенной империи. Но Александр почти сразу умер в своей новой столице, и его смерть стала последним великим мировым историческим событием, произошедшим в Месопотамии. В течение нескольких последующих столетий весь регион, который на протяжении стольких лет был сердцем мировой цивилизации, превратился в бесплодную пустыню, а сам Вавилон, как и Ниневия до него, превратился в засыпанный землей холм руин, местонахождение которого было практически забыто.

Такая судьба была достаточно трагичной, но, в конце концов, она кажется менее жестокой, чем судьба таких народов, как Египет, а в более позднее время — Греция, которые продолжают жить в старости долго после того, как все следы их могущества исчезли. И в любом случае, Месопотамия получила свою полную долю славы, поскольку ни один другой регион земного шара в исторические времена, за исключением, возможно, одного Египта, не занимал так долго положение центра влияния и цивилизации. Если ранние стены храма Бела (Баала) в Ниппуре действительно датируются 6000 или 7000 годами до нашей эры, как, по-видимому, доказывают записи, то в Месопотамии существовала непрерывная, могущественная империя в течение по крайней мере пяти или шести тысяч лет.

Цивилизации Греции, Рима или любого современного государства кажутся по сравнению с ней просто грибами, выросшими из земли.

Изучая историю Египта, мы иногда заглядываем в эту древнейшую азиатскую цивилизацию Вавилонии и Ассирии, и почти невозможно избежать сравнений между этими двумя странами, настолько тесно связаны эти два народа в сознании всех исследователей. Правда, этнологические типы совершенно разные, и эти два народа на протяжении большей части своего существования не смешивались друг с другом. Часто они воевали, и по традиции египтяне в большинстве случаев отбивали, а не приветствовали посягательства со стороны своих азиатских соседей. Тем не менее, их собственные интересы диктовали торговую политику, которая в конечном итоге привела к широкому смешению всех современных цивилизаций древней Западной Азии, и есть многочисленные свидетельства того, что это влияние распространилось и на долину Нила.

Но даже если бы это было не так, даже если бы Египет и Месопотамия были полностью изолированы друг от друга, современному исследователю все равно было бы невозможно разделить эти две цивилизации, настолько много связей между ними. Тот факт, что эти две цивилизации являются самыми древними из известных нам, а также тот факт, что исследователи постоянно задаются вопросом, какой из этих древних народов может претендовать на приоритет в развитии, сами по себе образуют неразрывную связь между ними. Тем не менее, в некоторых отношениях история вавилонян и ассирийцев уникальна, потому что эта почти величайшая из цивилизаций была полностью уничтожена почти до того, как зародилась древнейшая европейская цивилизация. Египет, действительно, утратил свою мощь примерно в тот же период и навсегда лишился автономии, но его пирамиды, храмы и бесчисленные древности остались яркими свидетельствами его бывшего величия; тогда как памятники Месопотамии — руины таких замечательных городов, как Ниппур, Вавилон и Ниневия — были полностью погребены под накопившимися за века отложениями земли и почти полностью исчезли из поля зрения. Более двух тысяч лет названия этих некогда знаменитых городов были лишь воспоминаниями. Никто не знал точно даже их местонахождение, и почти не было известно ни одной древности, которая свидетельствовала бы о былой величии месопотамской цивилизации.

В течение этого долгого периода несколько воспоминаний, сохранившихся в сочинениях Бероса, Диодора, Геродота и нескольких других классических авторов, а также в текстах еврейских писаний, давали все доступные сведения и, по-видимому, все, что когда-либо можно было узнать об одном из самых замечательных народов древности.

Мы уже говорили, что полное уничтожение месопотамской цивилизации придало ей особый интерес. Однако не следует забывать, что по крайней мере еще один очень важный народ древности, а именно хетты, постигла аналогичная судьба. Вероятно, были и другие, имена которых нам даже неизвестны. Но история Месопотамии стоит особняком в том, что она в значительной степени была восстановлена благодаря усилиям современных исследователей. Мы видели, что расшифровка иероглифов привела к гораздо более полному пониманию египетской истории, чем это было возможно ранее; однако, в конце концов, эти новые открытия были достаточны для того, чтобы восполнить пробелы в старой истории, а не для создания совершенно новой. Но в случае с Вавилонией и Ассирией современные исследователи имели практически чистый лист, на котором они могли работать, восстанавливая историю. Ссылки в Библии и классические мифы давали лишь самые смутные очертания. Тем не менее, традиции обладают огромной силой для передачи знаний в неопределенной форме, и на протяжении всех поколений никогда не подвергалось сомнению, что воспоминания о величии Месопотамии имели прочное основание в фактах, хотя лишь немногие историки были достаточно дальновидны, чтобы осмелиться надеяться,

что когда-нибудь появятся более осязаемые доказательства, и даже самый восторженный мечтатель не мог подозревать, что такие записи, которые XIX век вернул нам, были сохранены.

Даже сейчас, оглядываясь назад с точки зрения достигнутых результатов, кажется почти невероятным, что памятники великой цивилизации — сокровища искусства и обширные литературные памятники — были абсолютно скрыты от глаз людей в течение как минимум более двух тысяч лет, а затем были восстановлены практически в их первоначальном состоянии. Однако таковы факты, касающиеся древностей Месопотамии.

АССИРИЙСКИЙ БОГ НАБУ

НАШИ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

Сохранившиеся до наших дней древние источники, посвященные истории Вавилонии и Ассирии, относительно скудны по объему и с исторической точки зрения явно недостоверны. Несомненно, многие классические авторы затрагивали эту тему, но из их сочинений сохранилось лишь несколько. Насколько известно, главным местным историком позднего периода вавилонской истории был Берос. Он был халдейским священником, жившим во времена Александра Македонского, о чем свидетельствуют его собственные сочинения. Он имел доступ к древним документам своей страны () и, как полагают, отлично их использовал. К сожалению, до нас дошли лишь скудные остатки его истории, причем они более или менее искажены в результате переписания, главными переписчиками были Александр Полихистор и Евсевий. Если бы у нас была полная работа Бероса, он, возможно, выполнял бы для Месопотамии ту же функцию, что и Манефон для Египта; но в данном случае остатки работ Бероса служат скорее для передачи некоторых интересных традиций,

особенно в отношении вавилонской космогонии, чем для сохранения каких-либо значительных исторических записей.

Классическим историком, чьи рассказы о вавилонянах и ассирийцах были наиболее широко копированы, был Ктесий. Этот писатель был греком, который в течение семнадцати лет (415-398 гг. до н.э.) служил придворным врачом персидского царя Артаксеркса Мнемона и написал историю Персии, якобы основанную на местных документах. В этой истории Ктесий рассматривал современную ему цивилизацию, но его интересовали скорее живописные традиции, чем трезвые исторические повествования, и сохранившиеся записи имеют в основном характер, который современные критические историки называют сказочным. Оригинальное произведение Ктесия утрачено, но его характер достаточно хорошо установлен благодаря сочинениям других авторов, которые использовали Ктесия в качестве источника. Первым среди них является Диодор, чье описание ассирийцев отражает представления, бытовавшие в классическую эпоху и сохранившиеся в моде до XIX века.

Наиболее достоверные классические описания вавилонян даны Геродотом и Страбоном, которые оба выступали в качестве очевидцев. К сожалению, эти писатели не имели доступа к местным материалам, и их описания, хотя и проливают интересный свет на более позднюю цивилизацию, очень мало помогают нам понять реальную историю величайшего из древних народов Азии.

Сохранилось несколько других фрагментов из классических сочинений, в частности, некоторые отрывки из Абидена, сохраненные благодаря Евсевию. К ним следует добавить многочисленные упоминания о вавилонянах и ассирийцах в библейских писаниях. Однако в совокупности эти классические и восточные традиции дают нам лишь самое смутное представление об истории Месопотамии.

Настоящими источниками этой истории являются оригинальные хроники самих вавилонян и ассирийцев, которые были высечены на каменных плитах и глиняных табличках. Глиняные таблички после высечения высушивались, образуя почти неразрушимые кирпичи. Десятки тысяч таких табличек сохранились под руинами месопотамских городов и были впервые обнаружены в XIX веке. Среди них есть несколько списков царей и другие хронологические документы несколько общего характера. Один документ пытается синхронизировать вавилонскую и ассирийскую историю. Есть также многочисленные таблички, цилиндры и надписи на стенах, которые записывают деяния отдельных царей, включая таких известных монархов, как Сеннахирим. Несомненно, в Месопотамии все еще погребено огромное количество документов, и большая часть найденных надписей до сих пор не расшифрована. Однако было обнаружено и прочитано достаточное количество документов, чтобы восстановить общую картину истории Вавилона и Ассирии; а для некоторых периодов, в том числе для времени наибольшего могущества Ассирии, имеются очень полные записи. Результатом этих недавних открытий стало фактическое замещение старых классических и восточных традиций, касающихся вавилонян и ассирийцев, достоверными историческими записями.

Современные исследователи, которые помогли восстановить историю Месопотамии путем восстановления и расшифровки монументальных надписей, в совокупности составляют большую группу. Главными исследователями самого раннего периода были Ботта и Лейард. Затем появились Френель, Томас и Опперт, за ними последовали Рассам, Джордж Смит, Эрнест де Сарзек; немцы Кольдевей и Мориц, а также американцы Петерс, Хильпрехт и Хейнс.

Работа по интерпретации вновь найденных ассирийских записей началась с сэра Генри Роулинсона в Англии, Эберхарда Шредера в Германии и небольшой группы других исследователей примерно в середине XIX века. Сложности расшифровки записей на

неизвестном языке и чрезвычайно запутанного характера поначалу казались почти непреодолимыми, но с помощью знаний древнеперсидского языка, уже приобретенных в начале века благодаря усилиям Гротефенда и его последователей, а также подсказок, полученных в результате сравнения с ивритом и другими существующими семитскими языками, наконец было достигнуто рабочее знание ассирийского языка. С тех пор расшифровка надписей продолжается без перерыва, и постоянно растущая группа исследователей пополняет наши знания.

Большинство археологов и исследователей, что вполне естественно, предоставили нам личные отчеты о своей работе. Однако работы Ботта были в основном обнародованы благодаря публикациям Виктора Плейса, а в более позднее время Хейзи опубликовал основные отчеты о раскопках Де Сарзека. С другой стороны, Лейард, величайший из всех исследователей Ассирии, дал полные отчеты о своих собственных открытиях, а также интерпретировал памятники и описал их. Он восстановил для нас картину месопотамской цивилизации, как это сделал Уилкинсон для Египта. Из более поздних исследователей, писавших о Вавилонии и Ассирии, наиболее важными являются Мейер, Хоммель, Винклер, Мюрдер и Делицш в Германии; Тиле в Голландии; Ленорман, Бабелон, Менант и Алеви во Франции; Сэйс в Англии и Петерс, Хильпрехт, Харпер и Роджерс в Америке.

Благодаря этим записям история этой древней цивилизации больше не является просто туманным вымыслом традиции, а превратилась в четко очерченную картину. Мы можем проследить не столько происхождение месопотамской цивилизации — ведь истоки национальной жизни ускользают от нас здесь, как и везде, — сколько ее самое раннее развитие в городах древней или южной Вавилонии. Антикварные документы, в сочетании с оценками скорости отложения осадков в устьях рек, позволяют нам хотя бы приблизительно установить даты этой ранней цивилизации. Эти цифры не могут претендовать на точную точность, но ассириологи с некоторой уверенностью утверждают, что они переносят нас в период примерно шести или семи тысяч лет до нашей эры. В это далекое время цивилизация южной Вавилонии уже сформировалась в своих основных чертах. Жители Ура, Ниппура, Ширпурлы и Вавилона уже тогда умели строить сложные дворцы и храмы, вырезать интересные скульптуры, изготавливать украшения из стекла и записывать свои мысли словами, написанными самым сложным шрифтом. Одним словом, основные черты месопотамской цивилизации были полностью сформированы за несколько тысячелетий до нашей эры, и до нас дошло множество доказательств этого факта.

Однако не следует полагать, что записи, извлеченные из руин этих древних столиц, дают нам полную информацию о всем протяжении этого долгого материального существования. Дело обстоит совсем иначе. Исторические записи, сделанные клинописью, охватывают лишь относительно короткие периоды, а есть целые тысячелетия, о которых наши знания по-прежнему весьма фрагментарны. Действительно, история древнего Вавилонского царства в целом известна нам в настоящее время лишь в самых общих чертах. Но кажется почти чудом, что мы знаем хотя бы общую картину этой древней истории.

ДРЕВНИЕ ЦАРСТВА ВАВИЛОНИИ

Самыми ранними известными жителями Вавилонии были люди, о происхождении которых ничего не известно, кроме того, что они не были семитами. Со временем их стали называть то шумерами, то аккадцами. Шумер был южной частью Вавилонии, Аккад — северной. Аккадский язык в настоящее время считается диалектом шумерского, более древней формы.

Цивилизация в этой стране восходит по крайней мере к 6000 году до нашей эры. Между 5000 и 4000 годами до нашей эры этот народ был завоеван воинственной семитской расой, вавилонянами из истории, которые, возможно, пришли из Аравии. Ту часть коренного населения, которую завоеватели не изгнали или не уничтожили, они ассимилировали, постепенно принимая более древнюю цивилизацию.

Хронология более раннего периода в значительной степени является предположительной. Современная хронология начинается с царства Вавилона примерно со времен Хаммурапи. Что касается более ранних царств, то мы в основном следуем датам профессора Роджерса.

Не обращаясь к легендарной истории Вавилонии, рассказанной Беросом, о которой упоминается в других источниках, наши самые ранние сведения об этой земле относятся к стране независимых царств, городам с храмами, составляющими их центры. Правитель часто является патеси или первосвященником.

КОРОЛЕВСТВО КЕНГИ

До 4500 г. до н.э. **Эн-шаг-куш-анна** является царем Кенги, расположенного на юге Вавилонии, но мы не знаем, был ли он шумером или семитом. Он является патеси Эн-лила, позднее Бела. Столицей его царства является Ширпурла-Гирсу (или Сунгир), а религиозным центром — Ниппур. Позже Сунгир стал называться Шумером и дал название всей южной Вавилонии. Главным соперником Кенги было семитское царство Киш на севере, которое Эн-шаг-куш-анна победил, но лишь временно сдержал. Мы не знаем ни одного другого царя Кенги.

Памятники — несколько надписей на вазах, найденных в Ниппуре.

ЦАРСТВО КИШ

Быстро восстанавливается после поражения от Эн-шаг-куш-анны. Некий У-дуг является патеси Киша во время этого возрождения.

4400 **Месилим**, царь Киша, подчиняет Ширпурлу во время правления Лугал-шуг-гура. Это господство сохраняется в течение короткого периода, 4200 пока Э-анна-тум, царь Ширпурлы, не сбрасывает иго. После этого Киш остается очень слабым, но постепенно восстанавливает свою мощь.

3850 **Алушаршид**, последний великий царь Киша перед завоеванием Саргоном I.

Памятники — многочисленные надписи на вазах.

ЦАРСТВО ГИШБАН

4400 **Уш** — патеси, современник Месилима из Киша. Он ведет войну с Ширпурлой по вопросу границ. Гишбан подчиняется 4200 Э-анна-туму из Ширпурлы. После смерти последнего **Ур-лумма**, патеси, вторгается в Ширпурлу и, вероятно, терпит небольшое поражение.

4120 Великое поражение Ур-луммы от Энтемены из Ширпурлы.

4000 **Лугал-заггиси**, патеси, сын Укуша, возглавляет победоносную армию против юга. Вся Вавилония до южного залива подчиняется. Он становится царем Эреха и получает титул «царь всего мира». Он возрождает древние культы Нижней Месопотамии.

Памятники — надписи на вазах.

ЦАРСТВО ШИРПУРЛА

Ширпурла, иногда называемый Лагаш — современный Теллох — расположен к северу от Мугейра, на восточной стороне Шатт-эль-Хай. Самый древний известный нам царь —

4500 **Урукагина** — великий воин и администратор. Он строит и восстанавливает храмы, а также канал для столицы Сунгир (Гирсу). 4400 Один из его преемников — **Эн-ге-гал**, а другой, **Лугал-шуг-гур**, понижен Месилимом из Киша до патеси.

4300 В ослабленном королевстве, находящемся под властью правителей Киша, на трон вступает новая семья во главе с **Ур-Ниной**. Он известен как строитель храмов, но также начинает готовить свое королевство к сбросу ига Киша. Он называет себя царем, хотя его сын по-прежнему является патеси.

Памятники — надписи на вазах.

4250 **Акургал** сменяет Ур-Нину. Он является отцом Э-анна-тума и Эн-анна-тума I.

4200 г. **Э-анна-тум**, герой, освободивший свою страну от рабства Киша, восстанавливает королевский титул. После этого он подчиняет Гишбан и ведет успешные войны против Эреха, Ура, Ларсы, Аза и Уха. Он строит стену вокруг одного из пригородов Ширпурлы, рыть каналы для границ и т. д. Он является великим и мудрым правителем, а также могущественным воином.

Памятники — знаменитая «Стела с изображением стервятника», ныне хранящаяся в Лувре, — множество надписей.

Эн-анна-тум I наследует своего брата Э-анна-тума. Неудачное вторжение в Ширпурлу патеси Гишбана.

4120 г. **Эн-теме-на**, сын Эн-анна-тума I, разбивает и уничтожает армию патеси Гишбана.

Памятники — Конус Эн-теме-на. «Серебряная ваза» — изысканное произведение искусства, помещенное на алтарь бога Нины в Сингуре.

4100 **Эн-анна-тум II**, последний патеси династии Ур-Нина, поскольку его сын Луммаду не носит никакого титула. Завоевание Ширпурлы Лугаль-заггиси из Гишбана.

4100-3800 В Ширпурле правят патеси под властью Лугаль-заггиси и его преемников.

3800-3100 Самый мрачный период в истории Вавилона. Лугал-ушумгал был патеси и вассалом Саргона I. По всей вероятности, цари Агаде правили Ширпурлой до тех пор, пока не были изгнаны второй династией Ура. Из всех патеси, вассальных правителей этого периода, наиболее известны **Ур-Бау** 3500 (?) и **Гудеа** 3300 (?). Правление Ур-Бау, по-видимому, было мирным; Гудеа был воином; он отвоевал территорию Аншана у Элама. Построил храм Нины в Сингуре.

Памятники — многочисленные надписи.

Цивилизация Ширпурлы была высокоразвитой и не содержала семитских элементов.

ЦАРСТВО УР (БИБЛЕЙСКИЙ «УР ХАЛДЕЙСКИЙ») I ДИНАСТИЯ

Первый царь этой династии появляется после завоевания Эреха Лугаль-Заггиси из Гишбана. По-видимому, он сверг Лугаль-Заггиси.

3900 **Лугал-кигубни-дуду**.

Лугал-кисали, его сын.

Их владения включали Ур, Эрех и Ниппур, и, возможно, они завоевали Ширпурлу. Судьба этой династии и имена других ее правителей неизвестны, но, вероятно, она пала под натиском Агаде.

Памятники. — Надписи двух вышеупомянутых царей.

ЦАРСТВО ГУТИ И ЛУЛУБИ

Существуют надписи, относящиеся к двум царям, **Ласирабу** из Гути и **Ану-банини** из Лулуби. По-видимому, они были современниками Саргона I (3800 г. до н. э.).

ЦАРСТВО АГАДЕ

3800 Самая ранняя известная династия — семитская, а первым правителем является **Саргон I (Шаргани-шар-али)**, сын Итти-Бела. Путем завоеваний он основал империю от Элама до Средиземного моря и от крайнего юга Вавилонии до Апирака и Гути.

Памятники — гравированные печати прекрасного исполнения, надписи и договорные таблички.

3750 **Нарам-Син**, сын Саргона, наследует ему. Первый, кто принял титул «Царь четырех сторон света» — великий завоеватель и строитель. Военные кампании против Апирака и Магана (Аравия).

Строит храмы в Ниппуре и Агаде. Храм Э-барра Шамаша в Сиппаре. Именно в этом храме Набонид нашел «пластинку с именем Нарам-Сина», благодаря которой мы можем установить дату его правления.

При Саргоне I и Нарам-Сине в царстве достигнут высокий уровень организации и цивилизации. Появились судьи, музыканты, врачи, хорошие дороги и т. д. Тюрро-Данжен говорит: «Эпоха Саргона и Нарам-Сина, безусловно, знаменует собой кульминационную точку в истории Древнего Востока».

Памятники — надписи.

3700 г. **Бингани-шар-али**, сын Нарам-Сина.

Дальнейшая история царства Агаде до сих пор неизвестна. По-видимому, позднейшие цари постепенно утратили свою власть перед второй династией Ура.

Первый период истории Вавилона теперь завершен. Семиты полностью владеют землей. Главная резиденция власти находится в Агаде, а правители Ширпурлы превратились в патесов.

ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ УРА

Эти цари добавляют к титулу Ура титул «царь Шумера и Аккада», объединяя враждебные элементы Севера и Юга под одним правлением; «восстанавливая, — говорит Радау, — в

древней Вавилонии мир, который был нарушен на многие века, даже со времени первоначального семитского вторжения».

3200 **Ур-гур** властвует как над семитами, так и над шумерами (Агаде и Ширпурла). Его столица находится в Уре. Известен как строитель храмов. Строит храм Теймила Наннару (богу Луны) в Уре, храм Э-анна Иштар в Эрехе, храм Э-барра Шамашу в Ларсе.

Памятники — пирамидальная башня в Ниппуре. Надписи.

3150 г. **Дун-ги I** становится преемником. Продолжает дело своего отца.

Строит храмы Нин-мара, Нины, Нингирсу, Дам-гал-нунны и Эа в Сунгире, Ниппуре и Куте.

Эти двое были предками длинной линии царей, о которых история до сих пор умалчивает. По-видимому, земли на юге Вавилонии были вскоре утрачены, поскольку мы находим

ЦАРСТВО ЭРЕХ

3100-3000 В этот период известны два царя с чисто семитскими именами. **Сингашид**, вероятно, основатель династии, и **Син-гамил**. Вероятная история этого царства заключается в том, что сильная семитская колония на юге Вавилонии обрела независимость и установила царя и столицу в Эрехе. С Син-гамилом нить его истории теряется.

Памятники — надписи, относящиеся к строительству дворца, храмов и восстановлению храмов в Эрехе.

ЦАРСТВО ИСИН

Семитское царство, подобное царству Эреха, основано в Исине на севере. Эти цари распространяют свою власть на Ниппур, Ур, Эриду и, наконец, на Эрах, уничтожив правящую там династию.

Цари добавляют к титулу царя Исына титул «царь Шумера и Аккада», что также свидетельствует о прекращении существования второй династии Ура.

3000 **Либит-Иштар**.

Памятники и цилиндрические надписи.

Другие цари: **Ишбигарра**, **Бур-Син I**, **Ур-Ниниб**, **Идин-Даган**.

2850 **Ишме-Даган**, последний, носящий титул Шумера и Аккада. Его сын Эн-анна-тум является вассалом третьей династии Ура.

Памятники — надписи на табличках.

ТРЕТЬЯ ДИНАСТИЯ УРА

Ранние цари называли себя просто царями Ура.

2800 **Гунгуну** положит конец династии Исына. Его преемниками станут **Ур-гур II** и **Дунги II**, порядок неизвестен.

Они строят много храмов, а Ур-гур II укрепляет стены своей столицы, следовательно, он, должно быть, подвергался нападкам со стороны врагов. У нас есть записи о том, что патеси Ширпурлы все еще существовали в это время.

Памятники — votивные надписи и надписи на печатях.

2700 **Дунги III**. — С этого момента короли добавляют к своему титулу «король четырех частей света», и по этой причине некоторые ученые считают этого короля первым из четвертой династии. За ним следуют **Бур-Син II**, **Гамиль-Син** и **Ине-Син**; последний правил около 2580 года. Мы не имеем сведений о других царях, но около 2450-2400 гг. «Царство четырех частей света» было свергнуто на севере Первой династией Вавилона, а на юге — Нурададом из Ларсы.

Памятники — строительные записи и договорные таблички.

ЦАРСТВО ЛАРСА

2400 Успешное восстание южной Вавилонии против царей Ура. Царство Ларса основано **Нурададом**.

2370 г. **Син-иддин** наследует престол своего отца и расширяет свое царство, захватывая Шумер и Аккад.

2350 **Кудур-нанхунди**, царь Элама, вторгается в южную Вавилонию. При преемнике Кудур-нанхунди, **Кудур-лагамаре** 2340 (**Кудур-дугмале**, вероятно, еврейском **Хедориаомере**), эламиты основывают царство в Ларсе с **Рим-Сином** (**Эри-аку**) во главе. Он принимает титулы Син-иддина. 2312 Последний обращается за помощью к Хаммурапи, царю Вавилона, который побеждает Рим-Сина.

ЦАРСТВО ВАВИЛОН

I ДИНАСТИЯ, 2450-2150 гг. до н.э.

Во времена Шумера и Аккада о Вавилоне не упоминается, однако он, вероятно, приобрел некоторое значение во время господства Исина (3000-2850). Даты теперь более достоверны.

2450 **Суму-аби** свергает династию Ур в Вавилоне, но восстание не распространяется за пределы этого города.

2440 **Суму-ла-илу** — он строит шесть крепких крепостей в Вавилоне.

2405 **Забу** — он строит храм Э-дубар в Сиппаре. Страна, очевидно, находится в состоянии революции, поскольку упоминается претендент на престол Иммеру.

2290 **Апил-Син**.

2370 г. **Син-Мубаллит**.

Единственные памятники этих царствований — договорные таблички.

2342 **Хаммураби** — вероятно, **Амрафел** из Библии, современник Авраама. Создатель объединенного Вавилона, поскольку в 2312 году по просьбе Син-иддина он изгоняет Рим-Сина и эламцев из Ларсы и, присоединив южную Вавилонию к своим владениям, возобновляет титулы « » (великий царь) царей Ура, Исина и Ларсы. Он начинает развивать свое новое царство, прокладывая каналы для водоснабжения. Строит

большой склад для пшеницы в Вавилонии. Расширяет храмы Э-зида и Э-сагила в Борсиппе.

Памятники — письма и надписи.

2287-2150 Остальные цари династии жили в полном мире. Немногочисленные остатки их эпохи свидетельствуют о высокой цивилизации и большом процветании.

Памятники — договорные таблички.

II ДИНАСТИЯ, 2150-1783 гг. до н.э.

2150-1783 Называется династией Уру-Азаг (вероятно, имеется в виду район города Вавилон). Одиннадцать царей шумерского происхождения правят в течение 368 лет. О них мало что известно.

Памятников этой династии не сохранилось.

III ДИНАСТИЯ, 1783-1207 гг. до н.э.

1783 г. Коссаи или касситы (Касшу) из гор Элама основывают династию, первым царем которой становится **Гандиш** или **Гаддаш**. Они вторглись в страну в виде кочующих племен, захватили ее и в конце концов пришли к власти. Культура и цивилизация ассимилированы пришельцами.

1700 **Агум-какриме**, первый царь династии, о котором у нас есть подробные сведения. Его царство больше, чем царство Хаммурапи. Земля Падан подчиняется ему. Некоторые статуи богов, которые были ранее увезены, возвращаются в Вавилон.

1450 **Караиндаш** — в это время мы имеем первые свидетельства взаимоотношений между царствами Ассирии и Вавилонии — договор с Ашшур-бел-ниш-эшу, царем Ассирии, о границе. Строит храм Нане, богине Э-Анны.

1430 **Кадашман-Бел** — он ведет переписку с Аменхотепом III из Египта.

Памятники — письма, найденные в Тель-эль-Амарне.

1420 г. **Бурнабуриаш I** — Современник Пузур-Ашшура из Ассирии, с которым, по-видимому, у него были трудности по поводу вопросов границ. Строит храм богу Солнца в Ларсе.

1410 **Куригалзу I** — Город Дур-Куригалзу назван в его честь. Вероятно, он его перестроил.

Памятники — переписка с фараоном Египта (Тель-эль-Амарна).

1400 г. **Бурнабуриаш II** — его преемник. Долгое и процветающее правление.

Памятники. — Переписка с Аменхотепом IV из Египта. (Тель-эль-Амарна.)

1370 **Харакхардаш** женится на дочери Ашшур-убаллита, царя Ассирии. Его сын **Кадашман-Харбе I** ведет кампанию против суту, которых он побеждает и среди которых он поселяет некоторых из своих подданных.

1360 г. Восстание касситов, которые, завидуя растущему влиянию Ассирии, убивают царя и ставят на трон **Назибугаша**, который терпит поражение и убит Ашшур-убаллитом, царем Ассирии.

1350 **Куригалзу II** — возведенный на престол ассирийским царем, вторгается в Элам и завоевывает город Сузы (или Шушан). Сражение с Бел-нирари, царем Ассирии, с неопределенным исходом.

1340-1286 Непрерывная борьба между Вавилонией и Ассирией при следующих царях: **Нази-Марутташ** (1340), **Кадашман-Турга**, **Кадашман-Буриаш** (1330), **Кудур-Бел** (1304-1299), **Шагаракти-Буриаш** (1298-1286).

1285-1270 Царь Ассирии Тукульти-Ниниб I вторгается в Вавилон, входит в город, забирает сокровища храма и увозит бога Мардука в Ассирию. Это вторжение произошло, вероятно, во время правления **Бибешу**, чьи преемники, **Бел-Шум-Иддин**, **Кадашман-Харбе II** (1277-1275) и **Адад-Шум-Иддин** (1274-1269), скорее всего, были лишь вассалами Тукульти-Ниниба, который в течение семи лет был настоящим царем Вавилона.

1270 г. Вавилоняне поднимают восстание, изгоняют ассирийцев из Вавилона, 1269 г. и провозглашают царем **Адад-Шум-Усура**, под властью которого Вавилон начинает возрождаться. Ассирия подвергается нападению, царь Бел-Кудур-Усур убит, часть ассирийской территории аннексирована.

1238-1224 **Мели-Шипак** — одерживает победу над ассирийским царем Ниниб-Апал-Эшарра, 1223-1211, так что при **Мардук-Апал-Иддине** вавилонское господство распространяется почти на всю долину.

1210 г. При последних двух царях этой династии, **Замаму-Шум-Иддине** и 1209 г. **Бел-Шум-Иддине**, Вавилония подвергалась угрозе со стороны ассирийца Ашшур-Дана.

1207 г. Конец династии в результате семитской революции.

IV ДИНАСТИЯ, 1207-1075 гг. до н.э.

Происхождение этой (Исинской) династии до сих пор остается сомнительным. В ней было одиннадцать царей, из которых четыре или пять нам неизвестны.

1135 г. **Навуходоносор I**, шестой царь, проявляет дух старых времен. Вторгся в Ассирию, но был отбит. Успешно провел кампании против народов Элама и Лулуби, даже проник в Сирию.

Памятники — монолитная надпись о предоставлении земли Ритти Мардуку из Бит-Карзиябка.

1110 г. Во время правления **Мардука-надина-ахе** Тиглатпилесер I из Ассирии вторгается в Вавилон и захватывает столицу.

1083 После смерти **Мардука-шапик-зер-мати**, узурпатора, трон занимает **Адад-апал-иддин**.

1078 Конец династии со смертью **Набу-шума**.

V, VI, VII, VIII ДИНАСТИИ, 1075-728 гг. до н.э.

Серия недолговечных династий, все из которых боролись с растущей мощью Ассирии.

1075 Династия Морских Земель, расположенная в устьях Тигра и Евфрата на берегу Персидского залива, которая впоследствии оказала большое влияние на историю Вавилонии. Эта династия насчитывает только трех царей, которые правили вместе двадцать один год и пять месяцев или, согласно вавилонской хронике, двадцать три года; а именно: **Сибар-Шипак**, убитый и похороненный во дворце Саргона. Во время его правления эламиты разграбили Сиппар и нанесли большой ущерб; **Эа-Мукин-зер**, о котором ничего не известно, и **Кашшу-надин-ахе**. Эти цари занялись восстановлением храма Солнца в Сиппаре.

1053-1033 Династия Морских Земель в Вавилонии, за которой последовала династия Бит-Бази, насчитывавшая также только трех царей: **Эулбар-шакин-шум**, **Ниниб-кудур-усур** и **Силаним-шукамуна**, за которыми последовала династия Элама с единственным царем, имя которого неизвестно.

1027 г. VIII династия. Вавилонский род исчерпал свою силу, теперь он смешался с касситской и другой иностранной кровью.

747 **Набу-насир (Набонассар)** из VIII династии вступает на престол. Период литературной деятельности.

732 **Набу-надинцер**, его преемник, убит **Набу-шум-укином**.

731 **Укинзер** сменяет Набу-Шум-Укина. Тиглатпилесер III вторгается в Вавилон и решает положить конец правлению местных князей в этой стране.

728 **Тиглатпилесер**, царь Вавилона. **Конец Древнего Вавилонского царства.**

АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД, 1830-1120 гг. до н.э.

Ассирия была колонизирована из Вавилонии. Дата точно не известна, но Ниневия существовала уже в 3000 г. до н. э. Первые правители, по-видимому, были подчиненными жрецами-князьями вавилонских царей.

1830-1810 Первыми известными правителями (Ишакке) были **Ишме-Даган** и его сын **Шамши-Адад I**, который построил великий храм в городе Ашшур, посвященный богам Ану и Ададу.

1800-1700 Мало что известно об их преемниках **Игур-капкапу** и **Шамши-Ададе II**, а даты правления **Халлу** и **Иришума** неизвестны.

Памятники — несколько надписей.

1700 г. **Бел-Капкапу** — первый, кто принял титул царя и поэтому считается настоящим основателем монархии, вероятно, Бел-бани, прямым потомком которого, как утверждал Эсархаддон, он был.

1700-1450 мрачный период в истории Ассирии. Мы ничего не знаем о нем, кроме того, что после битвы при Мегиддо (около 1525 г.) правитель Ассирии посылает подарки Техутимесу III.

1450 г. Ассирия теперь признана Вавилонией как независимое царство. Ее правитель, **Ашшур-бел-ниш-эшу**, заключает договор с Караиндашем, царем Кардуньяша (Вавилония), о границах.

1420 **Пузур-Ашшур** заключает договор с вавилонянами о границах.

1400 г. **Ашшур-надин-ахе II**, его преемник, современник Аменхотепа IV, царя Египта. Строит или восстанавливает дворец в Ашшуре.

Памятники — дружеская переписка с Аменхотепом IV в письмах из Тель-эль-Амарны.

1370 г. Наследует **Ашшур-убаллит**, чья дочь Мубаллитат Шеруа выходит замуж за Карахардаша, царя Вавилона. Убийство его сына Кадашмана-Харбе I приводит к вмешательству Ассирии, и на трон восходит внук Ашшур-убаллита Куригалзу. Вавилония теперь частично подчиняется Ассирии. Походы Ашшур-убаллита против шубари.

1360 Его сын **Бел-нирари**, как говорят, завоевал жителей соседних эламских предгорий. Эти ассирийские завоевания привели к конфликту между Куригалзу II и Бел-нирари, в котором победил последний. Результатом стало пересмотр границ между двумя странами.

1350 Его сын **Пуду-илу**, великий воин, значительно расширяет свое царство.

Памятники — несколько кратких надписей.

1345 Его сын и преемник **Адад-нирари I** продолжает завоевания на соседних территориях. Восстанавливает захваченные города. Ведет борьбу с вавилонским царем. Значительно укрепляет могущество царства.

Памятники — бронзовый меч, на котором он называет себя царем Кишшати; надпись, самая старая из найденных с эпонимом.

1330 Его сын, **Салманасар I**, основывает колонии между Евфратом и Тигром в качестве оплота против кочевых народов, проживающих дальше на севере. Подчиняет мусров в северной Сирии. Ассирийцы впервые пересекают Евфрат. Быстро растущее царство прочно укрепляется вплоть до Балиха и, возможно, Евфрата. Новая столица построена в Калахе.

Памятники — две разбитые таблички.

1290 г. При его сыне и преемнике **Тукульти-Ниниб I** возобновляются конфликты между Ассирией и Вавилонией. Вторжение в Вавилонию; захват столицы. Завоеванный город управляется из Калаха, ассирийские офицеры размещаются как на севере, так и на юге страны. Тукульти-Ниниб принимает титул «царя Шумера и Аккада» в дополнение к своим прежним титулам «царя Кишшати» и «царя Ашшура». Это господство над Вавилонией продлилось всего семь лет. Царь погибает в гражданской войне. Самое блестящее правление в истории Ассирии до этого времени. Устойчивый и быстрый прогресс ассирийцев теперь приостановлен.

1280 Быстрый упадок ассирийской мощи при **Ашшурназирпале I**, сыне Тукульти-Ниниба. Нападение на Вавилонию с трудом отражено.

1250 г. Под властью его преемников, **Ашшурнарары** и **Набу-дайана**, ассирийская держава продолжает слабеть, в то время как вавилонская — растет.

1240-1235 гг. При **Бел-Кудур-Усуре** и **Ниниб-Апал-Эшарре** Ассирия подвергается вторжению вавилонян под предводительством Мели-Шипака и Мардука-Апал-Иддина. Все южные и часть северных и западных завоеванных территорий утрачены.

1210 г. При **Ашшур-дане I** восстановление ассирийской власти. Он пересекает Нижний Заб, вторгается на вавилонскую территорию и возвращает Ассирии небольшую ее часть.

1150 г. Дальнейшие завоевания Ассирии под руководством **Мутаккил-Нуску** и **Ашшур-риш-иши**, который в 1140 г. восстанавливает храм Иштар в Калахе.

ВТОРОЙ ПЕРИОД, 1120-885 гг. до н.э.

1120 **Тиглатпилезер I (Тукульти-апал-эшарра, моя помощь — бог Ниниб).**—Он вновь возводит Ассирийскую империю и таким образом записывает свои завоевания: «Во всех сорока двух странах и их царях от Нижнего Заба (и) границы дальних гор до за Евфрата, до земли хеттов и Верхнего моря Заходящего Солнца, с начала моего правления до пятого года моей власти моя рука побеждала». Его великий успех в войне сопровождался удивительной историей мирных достижений. Столица Ассирии была перенесена из Калаха в Ашшур; были восстановлены храмы Иштар, Адада и Бела, отреставрированы и перестроены дворцы.

Памятники — восьмигранная призма, найденная в Калахе: несколько фрагментарных летописей ранних лет его правления.

1090 г. При его преемниках, **Ашшур-бел-кала** и **Шамши-Ададе III**, обоих сыновьях Тиглатпилесера, продолжалось мирное развитие, сопровождавшееся постепенным упадком могущества и величия царства. Прежний царь поддерживает мирные отношения с царем Вавилонии Мардук-шапик-зер-мати, который, таким образом, кажется, считается независимым монархом. Что касается Шамши-Адада I, то он известен нам только как восстановитель храма Иштар в Ниневии.

1050-950 Темные века. Удача Ассирии находится на низком уровне. В этот период правили **Ашшурназирпал II**, **Эрба-Адад**, **Ашшур-надин-ахе** и **Ашшур-эрби**. Последний теряет территории в пользу арамейцев, но, по-видимому, вторгается в Финикию.

950 **Тиглатпилесер II**, называющий себя «царем Кишшати и царем Ассура».

930 г. **Ашшур-дан II**, его сын.

911 **Адад-нирари II** — Возобновление борьбы с Вавилонией. Побеждает Шамаш-мудаммика из Вавилона в битве при горе Ялман, а также его преемника Набу-шум-ишкуна. Ассирийские города переданы Вавилонии. Мирный договор между двумя народами.

890 **Тукульти-Ниниб II** — период слабости проходит. Вавилон перестает создавать проблемы, и ассирийцы начинают требовать дань на севере и западе. Царь разоряет Армению и землю Куммух.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД, 885-722 гг. до н.э.

885 **Ашшурназирпал III** сразу же начинает завоевательные походы. За десять лет вся империя Тиглатпилесера I на севере, востоке и западе, завоеванная или подчиненная с помощью жестоких зверств и варварских разрушений, находится под тяжелым данью.

876 г. Великое вторжение на запад. При его приближении все города от Кархемиша до Тира спешат послать подарки и договориться о дани. Поход заканчивается сбором древесины для храма Иштар в Ниневии.

867 Короткая и кровопролитная кампания против Куммуха, Курхи и страны вокруг горы Масиус. Ашшурназирпал восстанавливает Калах и строит канал для снабжения города водой из Нижнего Заба.

Памятники — королевский дворец, обнаруженный в Нимруде; монолит с описанием его правления, обнаруженный Лейардом в Нимруде; несколько менее значительных надписей.

860 г. Его сын **Салманасар II** продолжает завоевания своего отца с такой же жестокостью. Поход против Наири и первый из многих походов на север и восток, продолжавшихся до 830 г. без реального успеха.

857 г. Арамейцы из Бит-Адини в долине Месопотамии окончательно покорены, и их земли переходят под власть Ассирии.

854 г. Салманасар успешно выступает против коалиции северосирийских князей, Израиля и Финикии. Битва при Каркаре. На государства северной Сирии налагается ежегодная дань.

852 Мардук-надин-шун из Вавилона призывает Салманасара помочь ему против его мятежного брата Мардука-бел-усати. Салманасар нападает и побеждает мятежников, а Мардук-надин-шум правит под ассирийским протекторатом. Царь Ассирии вновь становится реальным правителем Вавилона.

849-834 Походы на запад. Результаты неопределенны, и мало что сделано, кроме подготовки почвы для будущего. Нападение на Бен-Хадада II из Дамаска и его союзников. Иегу посылает помощь против Дамаска, и ассирийцы впервые захватывают Израиль.

827 г. Восстание сына Салманасара Ашшур-данин-апли, которое разделило царство на две враждующие части.

825 Смерть Салманасара.

Памятники — черный базальтовый обелиск с описанием его войн; монолит с барельефным портретом; надписи на воротах из Балауата.

823 **Шамши-Адад IV** после двух лет гражданской войны со своим братом признается законным царем.

822-814 Походы на север, восток и запад для получения присяги на верность.

813 Вторжение в Халдею.

812 Вторжение в Вавилон, где Мардук-балацу-икби отказывается платить дань — решительная победа.

Памятники — надписи.

811 **Адад-нирари III** наследует престол своего отца — правитель, который значительно повышает престиж Ассирии. Успешные походы на западе. Восемь блестящих походов против мидийцев.

796-795 Вторжение в Вавилон — теперь он практически является ассирийской провинцией. Царь пытается стереть все национальные различия. В Ассирии строятся храмы, похожие на вавилонские, а в ритуалы вводятся вавилонские формы.

Памятники — статуя Набу из храма Калах; надписи.

- 782 г. **Салманасар III**, наступает период упадка. Из десяти его походов шесть направлены против растущей мощи Урарту, который пытается отнять у ассирийцев землю Наири.
- 772 год. **Ашшур-дан III** — упадка продолжается. Походы против Дамаска и Хатарикки в Сирии. Два вторжения в Вавилон (771-767).
- 763-758 г. Серия восстаний в различных частях царства.
- 754 г. **Ашшур-нирари II** — правление упадка. Походы против Арпада и Наири, но без попыток взыскать дань.
- 746 г. Восстание в Калахе. Ашшур-нирари исчезает, а вместе с ним и королевская семья, правившая Ассирией на протяжении веков.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД, 745-606 гг. до н. э.

- 745 **Пулу**. Человек неизвестного происхождения получает трон, вероятно, в результате восстания в Калахе. Он принимает имя **Тиглатпилесер (III)** и сразу же приступает к созданию великой мировой империи, начиная с завоевания Вавилонии. Завоевывает обратно земли на юге до Ниппура и реорганизует правительство. Проводит политику создания колоний и переселения пленников. Затем он подчиняет себе беспокойные земли к востоку от Ассирии и посылает своего генерала Ашшур-данин-ани в Мидию. Вторая экспедиция в Мидию (737 г.), но страна остается практически независимой. Он решает сложную проблему на севере, где Аргистис из Урарту отвоевал большую часть территории, а его преемник, Сардурис II, заключил союз со многими северными князьями. Армии Сардуриса и Тиглатпилезера сталкиваются, и первый вынужден отступить.
- 742 Тиглатпилесер, освободившись от Сардуриса, нападает на Арпада, который падает в 740 году. Многие соседние государства посылают подарки. Царь Унки сопротивляется, но вскоре берется в плен, а его страна присоединяется к Ассирии.
- 739 г. Захвачена часть Наири. Тиглатпилесер намеревается разбить коалицию сирийских князей, выступающих против него, нацелившись на Узию Иудейского, главаря коалиции. Менахем Израильский ослабевает и платит Ассирии тяжелую дань, после чего он отказывается от нападений на Иудею, но подчиняет себе всех остальных членов лиги и возвращается домой с данью.
- 735 Поход против Урарту — не завоевывает, но ломает дух страны.
- 734-732 Походы в Сирию. Взятие Дамаска. Ахаз Иудейский приносит дань. Другие земли присоединяются к Ассирии. Взятие Газы.
- 731-729 Он вторгается в Вавилонию, чтобы урегулировать бушующие там внутренние распри. Решает избавиться от местных князей. Укинзер свергнут. Меродах-Баладан из Бит-Якина приносит дань.
- 728 Провозглашен законным царем Вавилона.
- Памятники* — анналы, сильно испорченные Эсархаддоном; плиты из Нимруда; надписи на глиняных табличках.
- 726 г. На престол вступает **Салманасар IV**.

725 Гошеа Израильский в союзе с Шабакком Египетским отказывается платить дань. Салманасар осаждает Самарию.

САРГОНИДЫ, 722-606 гг. до н. э.

722 **Саргон II** — узурпатор вступает на престол. В этом году падает Самария. Жители переселяются в Мидийские горы, а на их место приходят колонисты из Куты.

721 Меродах-Баладан поднимает восстание и провозглашается царем Вавилона. Саргон безуспешно выступает против него. Восстание в Хамате, к которому присоединяются Газа и Самария.

720 г. Конфедерация потерпела поражение при Рафии.

720-710 Непрерывные военные кампании. Успешное нападение на Урарту. Распад коалиции на севере.

717 г. По всей стране устанавливаются ассирийские наместники. Каркемиш перестает существовать.

710 Меродах-Баладан потерпел поражение. Саргон принимает титул «Шакканак», правитель Вавилона.

707 Завершено строительство великого дворца в его городе Дур-Шаррукин (Хорсабад). Стены покрыты великолепными надписями. Он входит в него в следующем году.

Памятники — дворец Дур-Шаррукина с надписями — другие надписи.

705 **Сеннахерим (Син-ахе-эрба)** наследует престол своего отца.

702 г. Посещает мятежную Вавилонию и провозглашает Бела ибни царем.

701 Коалиция против Сеннахериба, образованная сирийскими князьями и Тирхакой из Египта. Ассирия нападает на финикийские города, и большая часть Сирии подчиняется. Битва при Алтаку. Армия Сеннахериба опустошена мором, и он возвращается в Ниневию, которую сделал своей столицей.

700 г. Бел-Ибни под давлением общественного мнения становится враждебным к Ассирии. К нему присоединяются Меродах-Баладан и Мардук-Ушезиб из Халдеи. Сеннахериб наносит им поражение и провозглашает своего сына Ашшур-Надин-Шума царем Вавилона.

694 Походы против халдеев, поселившихся в Эламе. Ашшур-надин-шум пленен эламцами, и коронован Нергал-ушезиб.

692 г. Мушезиб-Мардук провозглашен царем Вавилона. Вместе с эламитами вавилоняне противостоят Сеннахерибу в Халлуле (691 г.) и терпят полное поражение.

689 г. Разрушение Вавилона Сеннахерибом.

688-682 Сеннахериб отсутствует в Аравии.

681 Убийство Сеннахериба его сыновьями Нергалом-шар-эзером и Адармаликом.

681 **Эсархаддон (Ашшур-ахе-иддин)** наследует престол своего отца.

681-672 Девять походов для подавления восстаний в разных частях империи.

672 Разрушение Сидона. На том же месте построен город Кар-Ашшур-ахе-иддин.

670 Эсархаддон появляется в Египте, чтобы наказать Тирхаку. Мемфис взят. Вся страна сдается Эсархаддону, который реорганизует правительство.

668 год Эсархаддон отрекается от престола. Он назначает своего сына Шамаш-шум-укина наместником Вавилонии, а другой его сын, Ашшурбанапал, получает трон Ассирии.

Памятники — «Черный камень», стела Зенджирли; другие надписи.

668 год. **Ашшурбанапал** начинает свое правление.

667 Посылает армию в Египет, которая наносит поражение Тирхаке, отвоевавшему Мемфис. Заговор египетских князей с целью восстановления Тирхаки. Они арестованы и наказаны. Взимает дань с царя Баала Тирского и других князей.

655 Псамтек I из Египта сбрасывает ассирийское иго.

Поход против Элама.

Война с Шамаш-шум-укином, замышляющим заговор против Ассирии, и суровое наказание Вавилонии. Жестокое нападение на Элам за помощь Шамаш-шум-укину и его союзникам. Такая же участь постигает арабов.

Ашшурбанапал прославился как строитель. Украшен храм Э-кур-гал-курра в Ниневии. Завершение восстановления Э-сагила в Вавилоне. Украшение Э-зида в Борсиппе. Реконструкция дворца в Ниневии и строительство и оснащение большой библиотеки. Масштабные строительные работы в Вавилонии и Арбеле. Его правление было славным в деле мира, но Египет был утрачен, и многие иностранные провинции были на грани восстановления своей свободы.

Памятники — многочисленные записи из библиотеки Ниневии.

626-609 Ашшурнапал сменили **Ашшур-этил-или-укинни**, **Син-шум-лишир** и **Син-шар-ишкум (Саракус)**, о которых мы знаем очень мало.

625 Первое появление скифских племен в Ассирии. Они вторгаются в страну и сжигают Калах.

609 г. **Син-шар-ишкум** нападает на Вавилонию, королем которой в это время является Набополассар. Последний вступает в союз со скифским племенем манда, которое нападает на Ниневию.

606 г. Син-шар-ишкум поджигает дворец и гибнет в пламени.

Ниневия, а также Дур-Шаррукин и Ашшур захвачены и разрушены.

Манда захватывают старую землю Ассирии вместе с северными провинциями вплоть до реки Халис. Вавилоняне захватывают южные и сирийско-финикийские владения.
Конец Ассирийской империи.

НОВАЯ ИМПЕРИЯ ВАВИЛОНА

606-538 гг. до н. э.

Набополассар (Набу-апал-усур), ассирийский наместник Вавилонии около 625 года, наконец становится царем и могущественным соперником Ассирии. После разрушения Ниневии он получает свою долю старой империи Ассирии () и продолжает свое правление в мире. Неку II из Египта выступает на Вавилонию. Страна развивается благодаря каналам и великим сооружениям. Восстановлен храм Белит в Сиппаре.

604-562 **Навуходоносор (Nabu-kudur-usur)**. До того, как он становится царем, он побеждает Неку при Кархемише (605). Поход против Иудеи. Иерусалим дважды осаждался в 597 году, когда Иоахин был вынужден сдаться, и на его место был поставлен Маттания, сын Иосии, под именем Седекии; и снова в 586 году, когда город был взят, разграблен и разрушен. Население было депортировано, а Гедалия назначен правителем.

585-573 Осада Тира в течение тринадцати лет. Наконец, в 573 году город был взят, а царь Итобаал II свергнут.

567 г. Вторжение в Египет во время правления Аахмеса II; добыта большая добыча, но без долговременных результатов. Великолепные мирные достижения отражены в многочисленных надписях. Масштабные строительные работы. Стены Вавилона перестроены и сделаны неприступными. Каналы отремонтированы, храмы восстановлены. Храмы в Борсиппе отремонтированы, стены восстановлены, также в Сиппаре, Ларсе, Уре, Дилбате, Базе и Эрехе.

Памятники — многочисленные надписи.

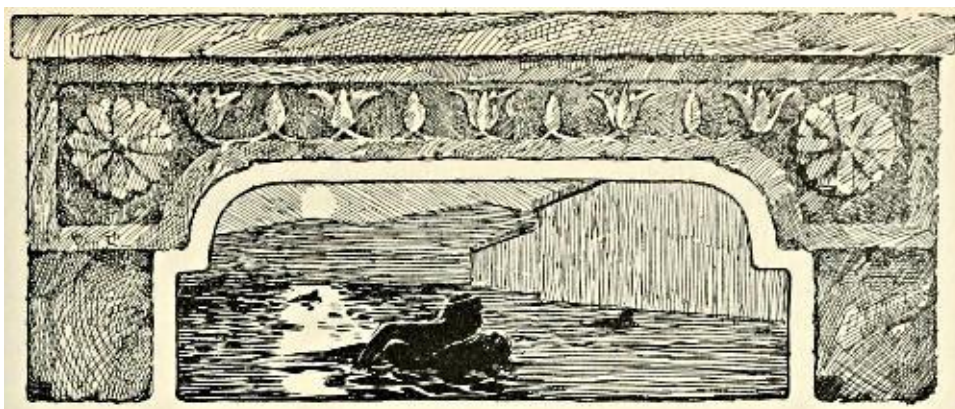
562 **Амил-Мардук** (библейский **Эвил-Меродах**). Надписей не найдено. 560 Убит **Нергалом-шар-усуром (Нерглиссором)**. — При нем Вавилон был украшен и расширен. Храм Эсагила был украшен. Была упорядочена система каналов. Его преемником стал 556 **Лабаш-Мардук**, который был убит после всего девяти месяцев правления, а его преемником стал 555 **Набу-Наид (Набонид)**, узурпатор. В основном занимался строительством и восстановлением храмов. Храм Э-Улбар был восстановлен, а храмы в Сиппаре и Харране в Вавилонии были перестроены.

539 г. Вавилония была завоевана Киром из Элама и Персии.

538 Сиппар взят. Вавилон сдается. Триумфальное вступление Кира в город. **Вавилония становится персидской провинцией.**

СНОСКИ

[\[15\]](#) [Теории тех, кто отрицает существование шумеров, уже были изложены в вводной статье на страницах 309-317 профессором Халеви, лидером антишумерской школы. Однако в настоящее время мнение в основном склоняется в пользу шумерской теории].

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Города были и исчезли; храмы погрузились в землю,
Превратившись в бесформенные руины; пески покрыли
поля, бывшие раями; миллионы сократились
До нескольких сотен голодающих, или исчезли
Со страниц бытия. Теперь мертвые
Единственные обитатели Вавилона;
Цари, по приказу которых народы трудились и проливали кровь,
Герои, которые выиграли многие поля сражений,
Их имена — их хваленые имена — навсегда умерли. — Джеймс Гейтс Персиваль.

С самого начала следует пояснить, что, говоря о месопотамской цивилизации как о едином целом, мы для удобства используем форму выражения, которая не является

исторически точной. Даже слово «Месопотамия» не может быть оправдано при строгом анализе. Это слово происходит из греческого языка и буквально означает «между реками», что явно указывает на тот факт, что значительная часть рассматриваемой территории лежит между реками Тигр и Евфрат. Это слово греки использовали без разбора для обозначения Вавилонии и Ассирии, и его чрезвычайная удобность в качестве общего термина привела к тому, что оно сохранилось вместо более подходящего; однако, как уже было сказано, его нельзя применять со строгой точностью, если не игнорировать его этимологическое значение; ведь, как ни странно, ни Вавилон, ни Ниневия не были полностью расположены на территории, которую описывает греческое слово. Вавилон частично находился на западном берегу реки Евфрат, а Ниневия — на восточном берегу Тигра. Но в общем употреблении, как это часто бывает, точное значение слова «Месопотамия» было упущено, и само слово стало применяться ко всему региону Вавилонии и Ассирии. В этом смысле, а не в более узком, мы сочтем его удобным заменителем более громоздкого названия «Вавилония-Ассирия».

Уже было отмечено, что при изучении истории Месопотамии мы имеем дело с разными расами людей. После длительных споров, в основном между филологами, в настоящее время общепризнанно, что самая ранняя цивилизация южной Вавилонии была создана несемитским народом — шумерами.^[16] По-видимому, именно этому народу принадлежит честь разработки основных черт месопотамской цивилизации, включая изобретение клинописной системы письма. Совершенно неясно, когда именно появился семитский народ, которому в конечном итоге суждено было занять господствующее положение в этом регионе. Исследователи этого вопроса также не пришли к единому мнению о месте происхождения семитов. Некоторые авторы,^[17] такие как фон Кремер, Гуиди и Хоммель, считают, что Вавилония сама по себе была колыбелью этой расы. Другие, в том числе Спренгер, Сэйс, Шрейдер, Де Гое, Райт и Бартон, утверждают, что семиты вторглись в Вавилонию из Аравии. Еще другие, в том числе Палгрейв, Герланд, Бертин, Бринтон, Нёльдеке, Ястроу, Кин и Шмидт, придерживаются африканского происхождения; в то время как модификация этих взглядов, отстаиваемая Видеманом, Де Морганом и Эрманом, предполагает, что и семиты, и хамиты возникли в Аравии и имели общую цивилизацию до того, как хамиты ушли в Африку. Столкнувшись с таким противоречием мнений, историк должен довольствоваться тем, что точные предшественники семитов до их появления в Вавилонии остаются совершенно неизвестными.

Что касается даты зарождения семитской цивилизации в Месопотамии, доктор Джон П. Питерс, используя оценки Эйнсворта относительно объема и скорости образования аллювиальных отложений в верховьях Персидского залива, подсчитал, что побережье должно было сформироваться на этой стороне от места расположения города Ур около 6600 г. до н. э., и эта дата, следовательно, должна представлять собой самый ранний возможный период основания этого города. Ур, по-видимому, был самым южным городом древней Вавилонии, а Ниппур — самым северным. Раскопки доктора Питерса в Ниппуре позволяют ему датировать его основание периодом, предшествующим 6000 г. до н. э., и, возможно, предшествующим 7000 г. до н. э. Он резюмирует свою теорию следующим образом:

«Исходя из различных фактов, приведенных здесь, я полагаю, что первоначальной родиной цивилизации в Вавилонии была полоса земли от Ниппура на юг до окрестностей Ура, а не, как иногда утверждается, область вокруг Вавилонии и на север до Сиппара; хотя последняя область сама по себе более древняя, она, по-видимому, не была более древней как родина цивилизованного человека.

Предки цивилизации Вавилонии, по-видимому, пришли из региона между Ниппуром и тем, что тогда было побережьем Персидского залива. Это также согласуется с традицией,

сохранившейся в более поздних источниках, согласно которой цивилизация пришла в Вавилонию из Персидского залива. Возможно, Эриду, расположенный на Аравийском плато у западного побережья и недалеко от вершины того, что тогда было Персидским заливом, может представлять собой древнейшую столицу этой цивилизации. Как бы то ни было, Ниппур очень рано стал центром цивилизации и религии, будучи основанным в то время, когда все, что находилось ниже Ура, вероятно, еще было под водой. Уже к концу, если не к началу, седьмого тысячелетия до НАШЕЙ ЭРЫ эта полоса земли у устья тогдашнего Персидского залива, по-видимому, была домом цивилизованных людей, и отсюда цивилизация распространилась на север».^f

ЗЕМЛЯ

Земля Евфрата и Тигра лежит между Ираном на востоке и Сирийско-Аравийским районом на западе, от горной цепи Загрос до скалистых высот Ливана и Сирийской пустыни. От гор Армении, где берут начало обе реки, земля постепенно понижается до равнины, простирающейся от места их слияния до места впадения в Персидский залив.

Верхние течения рек, извивающиеся через высокогорную, порой плодородную степную местность, окружены возвышенностями, где рощи платанов и кипарисов чередуются с зелеными лугами и богатым разноцветным цветочным и растительным покровом.

По мере того как земля становится более ровной, эти долины расширяются, превращаясь в плодородные пастбища на берегах рек, в то время как широкая центральная равнина становится все более и более голой и безлесной, пока наконец не заканчивается пустыней, по которой бродят лишь несколько кочевых пастухов со своими стадами и которая полна страусов, дроф и дикой дичи. Этот район известен как межречная (Месопотамия) область, которая простирается в широкую равнину с богатой коричневой почвой, примерно в ста милях выше устья, где две реки максимально сближаются, а берега касаются так называемой Мидийской стены.

Эта равнина, известная своей необычайной плодородностью, а также исторической значимостью, земля «Шинар» семитов и Вавилония греков, так же бездождевна, как Египет, и высохла бы, превратившись в песчаную пустыню, если бы природа и человеческий ум не изобрели способы орошения.

Весной, когда тает снег на армянских горах, обе реки выходят из берегов и орошают жаждущую землю. Это разлитие тихо текущего Евфрата происходит так же регулярно, как и разлитие Нила; широкая полоса воды беспрепятственно затопляет равнину и, как и Нил, оставляет после себя богатую ил почву, а человеческие ресурсы привлекаются для помощи природе путем искусственного отвода воды и строительства плотин, чтобы соседние районы могли участвовать в орошении, удобряющем землю.

Но русло Тигра, которое становится заметно уже по мере приближения к морю, принимает разрушительный поток из восточных и северных гор, и сила воды уносит плодородную почву с полей и превращает равнины в широкую болотистую местность, покрытую камышом и тростником.

Таким образом, перед жителями стояла двойная задача: сдерживать силу потока, чтобы предотвратить разрушительные наводнения, и обеспечить сток питательных вод по каналам и озерам. Поэтому вавилонские равнины были усеяны таким количеством малых и больших каналов, плотин и канав, что гидротехнические сооружения и средства орошения

были источником удивления и изумления для всей древности. Эти каналы, проложенные во всех направлениях и уменьшающиеся в размерах до размеров ручьев, были оснащены бесчисленными машинами и насосными установками. Многие из этих каналов, которые должны были поддерживаться в рабочем состоянии путем постоянной очистки от загрязнений, были засыпаны песком; другие, впадая в Тигр, увеличивали его размеры по мере приближения к морю, в то время как воды Евфрата уменьшались из-за дренажа каналов.^b

Тигр и Евфрат имеют сезоны паводков и несут свои воды по обширной территории, точно так же, как Нил. Этот факт настолько очевиден, что в нем не может быть никаких сомнений, хотя Геродот прямо утверждает обратное, говоря: «Река не затопляет, как в Египте, поля с зерновыми культурами сама по себе, а распространяется по ним с помощью машин». Подъем воды действительно не такой продолжительный, как подъем Нила, но его влияние, тем не менее, явно заметно. Кроме того, вода удерживалась в достаточном количестве, чтобы после падения уровня реки обеспечить орошение системы, расположенной далеко от реки, для сбора урожая зерна. Вся эта система сейчас находится в состоянии полного запустения. Река поднимается и опускается по своему усмотрению, затопляя западный берег и превращая страну в болото. Вред от этого имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Он делает невозможным такой большой сбор зерна, какой существовал, когда эта великая долина была житницей мира, и наполняет землю опасным миазмом, который вызывает лихорадку и делает жителей слабыми и болезненными. В мире есть лишь несколько примеров более печального разложения красивой и плодородной страны.^c

Древние писатели дают самые яркие описания чудес этого района. Ксенофонт хвалит качество и количество фиников, пальмовые рощи, которые тянутся вдоль берегов нижнего течения двух рек и нарушают однообразие ландшафта, и до сих пор очень продуктивны там, где жестокое турецкое правление не превратило сады в пустыню.

Геродот особо подчеркивает природную плодородность страны, поскольку он пишет: «Вавилон, как мы знаем, славится лучшей обработкой земли из всех земель, всегда давая двестикратный урожай, а в очень хорошие годы — трехсоткратный. Листья пшеницы и ячменя достигают в ширину четырех пальцев, и я очень хорошо знаю, но предпочитаю не говорить, до каких размеров вырастают просо и семена, потому что я уверен, что те, кто не был в Вавилоне, не поверят в это. Здесь мало деревьев, нет фиговых деревьев, виноградников, оливковых деревьев. У них нет масла, кроме того, которое они делают из кунжута. Но по всей стране растут пальмы, и их плоды едят, а также делают из них мед и вино».

Сейчас эта страна — почти пустыня, без зданий и растительности, мир башенных руин, которые разнообразят монотонность обширных равнин.

«С этих высот, — пишет Риттер в своей *«Географии»*, — в торжественной тишине этого разрушенного мира виднеется далеко простирающееся зеркало Евфрата, величественно извивающегося через эту пустыню, как царственный паломник среди безмолвных руин своего утраченного царства. Дворцы и храмы, величественные здания превратились в прах и руины; висячие сады и цветущие райские сады превратились в серые, заросшие камышом болотистые марши; и даже там, где когда-то плененные израильтяне вешали свои арфы в королевской столице и пели свои песни скорби о падшем Иерусалиме, осталось лишь несколько неувядающих ив, и тишину не нарушает ни голос радости, ни голос скорби».

Ассирия, горный район между Тигром и горной западной границей Ирана, не так плодородна, как Вавилония, но ее высокое положение дает ей бодрящий климат.

Как и южные равнины, она получает мало осадков, но частично орошается многочисленными реками, текущими на восток и запад к Тигру, а частично — каналами и водопроводами, и благодаря тщательному возделыванию становится достаточно плодородной.

На юге только несколько пальм и кипарисов нарушают монотонность широких возделанных полей, как на вавилонской равнине, но в центре страны находятся Атурия и Арбелита (Адиабена), где Верхний Заб, Забатус или Ликус классических писателей, вливает свои голубые воды в Тигр, и есть плодородные холмы с защищенными долинами, полными кукурузы, вина, кунжута, инжиром, оливками и апельсинами; нефтяные потоки дают свое драгоценное масло, а дальше на север, на границе Армении и Мидии, находятся горные районы, вершины которых увенчаны дубовыми и сосновыми лесами. Восточный район у подножия Загроса (Халонитис) особенно ценится за богатство пальм, фруктовых деревьев и оливок, а страна Арпах (Аррапахитис) в халдейских горах считается родиной Авраама. Отсюда он спустился в речной район центра и поселился в земле вокруг Харрана.

К северу лежат пастбища Месопотамии, чьи широкие равнины стали ареной кровопролитных сражений, и где народы и королевские семьи стремились увековечить свою преходящую власть, основав города, которые в большинстве своем исчезли, не оставив после себя никаких следов. Подобно холмистой местности Ассирии, она постепенно переходит в заросшие травой степи, пока на юге не превращается в пустыню, по безводным просторам которой бродят только кочующие арабы.¹⁸

Насколько мы смогли проникнуть вглубь, в южной части Месопотамии мы находим ряд мелких независимых королевств, управляемых из своих столиц. Наши нынешние знания об этой земле и ее обитателях можно кратко резюмировать.

После того как река Евфрат, с бесчисленными изгибами и крутыми спусками, рассекает Сирийско-Месопотамскую равнину, где она орошает прилегающие к ее берегам районы, она приближается на несколько миль к Тигру, и обе реки орошают совершенно плоскую равнину, пересеченную многочисленными реками и каналами и, по большей части, затопляемую Евфратом летом.

Многочисленные районы по обеим сторонам нижнего течения Тигра и к западу от Евфрата, которые находятся вне зоны орошения, имеют пустынный характер, так как дожди здесь так же редки, как и в Египте. Но орошаемые земли были пропорционально плодородными; по крайней мере, так было в древности и в средние века. Район у устья рек имел болотистый характер с многочисленными болотами и озерами. В древние времена слияние обеих рек на широте около 31° с. ш. образовывало длинную узкую бухту, которая в настоящее время засыпана их отложениями. Аравийская пустыня лежит к западу от Евфрата, или, вернее, на его западном рукаве, Паллакопсе. Земли к востоку от Тигра постепенно поднимаются к дикой горной границе иранского нагорья, которое спускается террасами к Тигру, в который впадают многочисленные реки, которые в древности впадали прямо в море.

В настоящее время большая часть этого района представляет собой болотистую пустыню, по которой бродят только кочевые племена, в то время как в древности и вновь во времена халифов она была превращена в одну из самых плодородных стран мира благодаря тщательному орошению, регулированию и строительству плотин и каналов.^[18]

Самое древнее население этой страны составляло несколько близкородственных рас, которые не имели связи с другими народами Западной Азии, но в ходе исторической эволюции они утратили свой язык и национальность и поглотились соседними расами.

В земле Макан, районе устья двух главных рек, жили шумеры (Шумер, с его главным городом Ур, на Евфрате); а в северной части речной страны (земля Мелуха) от Эреха, ныне Варка, до границ месопотамских степей жили аккадцы, названные так по имени Агаде, их столицы, к северу от Вавилона. К востоку от Тигра, далеко в бездорожных районах гор Загрос, жили воинственные народы коссаяв (ассирийские касху). По своему месту проживания, образу жизни и характеру они явно были предшественниками современных курдов, которые по языку относятся к иранцам. Далее шла земля Элам, или Аншан, как ее называли на языке этой страны, район рек Хоаспер и Эулаос, называемый греками Киссиан, со столицей Шушан, Суза греков.

В то время как коссайцы всегда были диким горным народом, а жители равнин Элама, несмотря на прочную государственную организацию, зависели от своих западных соседей в культурном отношении, Шумер и Аккад (*т. е.* Вавилония) обладали древней и полной, независимо развившейся культурой, которая, хотя и уступала культуре Нижнего Нила по своей внутренней ценности и исключительности развития, возможно, превосходила ее по историческому влиянию. Излишки воды от наводнений распределялись по стране с помощью каналов и дамб. Таким образом, более тесное объединение различных провинций привело к более упорядоченной жизни государства. Храмы великих богов составляли центры различных районов, из которых, как и у египтян, повсюду сначала возникали города Вавилонии.

В Уре (ныне Эль-Мугейр) находился храм бога Луны Сина (или Наннара). В Эриду (ныне Абу-Шахрейн) был храм Эа, древнего бога океана, а в Ларсе (ныне Сенкерех) — храм бога Солнца Баббара (или Шамаша), повелителя города. Последний почитался таким же образом в Сиппаре (ныне Абу-Хабба), а в соседнем Агаде (Аккаде) богиней города была богиня Анунит. На юге находились священные «Врата богов» Ка-Дингира, семитский Вавилон (Вавилон), столица страны. [Позже к ней присоединился город Борсиппа.] Особое почитание пользовался город Эрех (Орхоэ, ныне Варка), святилище богини Наны (Иштар). К северу от Ларсы находился Гирсу; на канале Шатт-эль-Хай, вероятно, был Лагаш (ныне Теллох); к северу от него — город Исин; недалеко от него некоторое время находился главный город всей Вавилонии, Ниппур, который был домом бога Бела. Именно здесь раскопки Пенсильванского университета были столь плодотворными. Примерно в пятнадцати милях к северо-востоку от Вавилона находился Кута (ныне Тел-Ибрагим), божеством которого был Нергал; недалеко от Куты был Киш. На северной границе Вавилонии находились Дур-Куригалзу, почти напротив современного Багдада, и Упи [или Опис].

Поэтому кажется, что светская династия возникла в основном из священства этих храмов, поскольку цари повсеместно находились в тесной связи с городскими божествами, в честь которых они строили или восстанавливали храмы, и до самого последнего дня священническое достоинство занимало первое место в титуле вавилонских царей.⁴

ОРИГИНАЛЬНЫЕ НАРОДЫ ВАВИЛОНА: ШУМЕРЫ

Среди ассириологов складывается общее мнение, что первоначальные народы Вавилона принадлежали к расе, которая не была семитской. Что это была за раса, ученые пока не готовы сказать, хотя склоняются к мнению, что это была индоевропейская раса и, скорее всего, из туранской семьи. Недавно была сделана попытка связать аборигенов с угрофинской ветвью урало-алтайской семьи, но пока еще слишком рано говорить о ее успехе. Но кем бы ни были эти люди, шумеры, они занимали землю Вавилонии, пока не были вытеснены большой волной семитской миграции. Этот факт не остался без возражений, и из рядов филологов раздались громкие утверждения о семитском происхождении вавилонян и о том, что шумерские тексты «не представляют собой настоящий язык, а являются своего

рода шифром, написанным по искусственной грамматической системе». И на протяжении всего следующего обсуждения, написанного профессором Хоммелем, не следует забывать, что профессор Халеви, автор теории шумерских текстов, кратко изложенной выше, по-прежнему отстаивает свою точку зрения и приводит доказательства, которые, по его мнению, являются убедительными.а

Часто отмечается, что южная Вавилония изначально была родиной шумеров, в то время как уже в начале четвертого тысячелетия до нашей эры семитские вавилоняне были поселились в северной Вавилонии, и, как доказывают надписи Нарам-Сина и несколько надписей, датированных временем его отца Саргона (около 3800 г. до н. э.), уже приобрели шумерский характер (и, по аналогии, шумерскую цивилизацию). Что касается южной Вавилонии, то благодаря находкам в Теллохе мы располагаем рядом скульптур — некоторые из них рельефные, другие представляют собой отсеченные головы статуй, датированные периодом между *примерно* 4000 г. до н. э. или ранее и *примерно* 3000 г. Они представляют два разных типа. Один из них характеризуется округлой головой с слегка выступающими скулами, всегда без бороды и обычно с гладко выбритым теменем. К этому типу, безусловно, относятся изображения побежденных врагов на архаичной скульптуре, известной как стела «Гриф», хотя примитивный метод изображения лба и носа одной слегка изогнутой линией дает лишь поверхностное сходство с семитским типом лица. Другой тип — с более удлиненным черепом (долихоцефальный), с густыми черными волосами и длинной струящейся бородой.

Несомненно, не случайно, что головы статуй Телло, большинство из которых, как предполагается, изображают царей, относятся к первому упомянутому (шумерскому) типу, в то время как бронзовые вотивные подношения, которые также носят имя Гудеа, как видно с первого взгляда, несут семиты. И поскольку среди подданных Гудеа, где доминирующей расой были шумеры, были семиты, мы находим тот же семитский тип, четко обозначенный на фигурах вокруг ножки вазы; в то время как группа музыкантов, которые видны на фрагменте барельефа, вероятно, также датированного правлением Гудеа, с покорными жестами приближаются к нему, также должны быть семито-вавилонского происхождения.

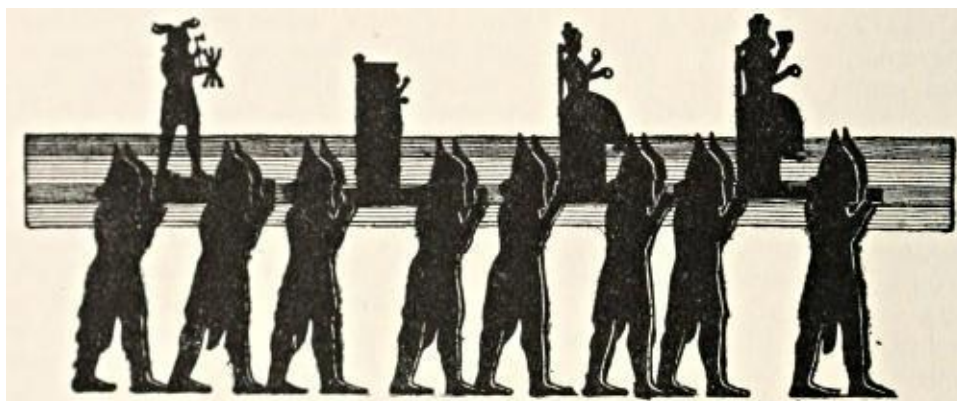
К счастью, древнее вавилонское искусство дает нам возможность не только изучать полностью несемитский язык самых ранних жителей Вавилонии в длинных двуязычных оригинальных надписях, которые можно найти на многих статуях Гудеи, но и увидеть своими глазами внешний облик этого необычного народа и таким образом наблюдать поразительное соответствие несемитских элементов в речи и типе лица. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на древнюю вавилонскую статую женской фигуры, которая сейчас находится в Лувре в Париже. Мы можем с уверенностью предположить, что изображенная женщина является шумеркой, а не семитской вавилонянкой; и поэтому ее можно считать великолепным аналогом статуй Гудеа, которые по всему характеру исполнения напоминают эту статую. Конечно, невозможно с уверенностью определить, изображена ли здесь царица или какая-то другая высокопоставленная дама (предположение, что она является богиней, исключается отсутствием головного убора, который обычно носят богини). Вполне естественно, что с течением времени, особенно в северной Вавилонии, сформировались различные смешанные типы, и многие из лиц, которые мы встречаем, в частности на печатях-цилиндрах, могут быть их изображениями.

То, что шумеры, как и семиты, не были автохтонной расой в Вавилонии, следует из состояния почвы, которую пришлось приспособить для сельского хозяйства и, по сути, для проживания людей с помощью системы каналов. Откуда же тогда пришли шумеры, прежде чем они завладели болотистой долиной Евфрата и поселились там?

В шумерском языке есть слово «Каг» (турецкое «*yer*»), которое означает «страна» (как и турецкое слово). Но в шумерском языке оно также стало означать «гора» и «восток» (поскольку горы находятся только на востоке Вавилонии) — значения, которых нет в турецком слове. Таким образом, это явный признак того, что даже после того, как шумеры поселились в Вавилонии (), горный хребет на медийской границе и то, что лежало за ним, всегда считались ими своей истинной страной, родной землей, откуда они пришли. Очень важно также то, что они изначально не знали ни льва, ни лошади, ни вина (и, следовательно, виноградной лозы), ни пальмы; у них не было для них названий, и они называли льва «большой собакой» (*nug magh*), лошадь — «осликом гор» или «востока», вино — «напитком жизни» (*gish-tin*, от *gash-tin*), а пальму — «деревом Магана» (*mis-magan*) или «прямым» (*ügin*, в семитской форме *mus-ukannu*).

СЕМИТСКИЕ ВАВИЛОНЦЫ

Подавляющая часть вавилонской литературы, а также многие официальные документы царей Вавилона (в более узком смысле этого термина) и Ашшура написаны на языке, который еще в 1849 году был явно признан близким к так называемым семитским языкам Ближнего Востока. Эта связь подтверждается типом, представленным нам в различных статуях и рельефных скульптурах, за исключением, конечно, шумерских скульптур самого древнего периода; хотя в Вавилонии мы часто встречаем гибридный тип, но даже в этом случае семитский элемент несомненен. В головах ассирийских фигур семитские черты очень ярко выражены. Но поскольку вавилоняне и ассирийцы были единой нацией с точки зрения языка и различались по крови только тем, что в первых, по-видимому, было сильное примешение какого-то иностранного элемента, в то время как вторые представляют собой сильно выраженный и гораздо более чистый расовый тип, можно считать доказанным, что этот тип является типом семитских рас, и этот вывод подтверждается как языком, так и строением лица. В предыдущей главе уже отмечалось, что (в отличие от шумеров) семитское население Вавилонии, которое мы встречаем в северной Вавилонии уже в 3800 г. до н. э. и которое преобладало там с 2500 г. до н. э. (или даже раньше), отличалось обильным ростом черных волос и длинных бород.

Религиозная процессия

Из того обстоятельства, что в третьем тысячелетии до нашей эры древние вавилонские цари, проживавшие в Средней Вавилонии (особенно в Нисине и Эрехе), а также в Уре и Ларсе, носили семитские имена, хотя надписи, дошедшие до нас из их царствований, написаны полностью на шумерском языке, мы, вероятно, вправе сделать вывод, что в Средней Вавилонии, где доминирующее шумерское население юга и доминирующее семитское население севера () должно было вступать в наиболее непосредственный

контакт, в то время происходило смешение двух рас в очень больших масштабах. С другой стороны, в северной Вавилонии, где шумеры жили с самого раннего периода, но никогда не приобретали политического значения по сравнению с семитскими иммигрантами, обе расы, вероятно, жили строго отдельно друг от друга вплоть до 2000 г. до н. э. (самая поздняя дата, в которой мы можем быть уверены), поскольку незадолго до этого времени колонисты вышли из северной Вавилонии и основали империю Ассирии. Гораздо большая чистота семитского типа среди ассирийцев, наряду с абсолютной идентичностью их языка и цивилизации с вавилонскими, неизбежно приводит к выводу, что смешение шумерской крови с семитской в Северной Вавилонии либо не началось, либо продвинулось лишь на очень небольшой путь.

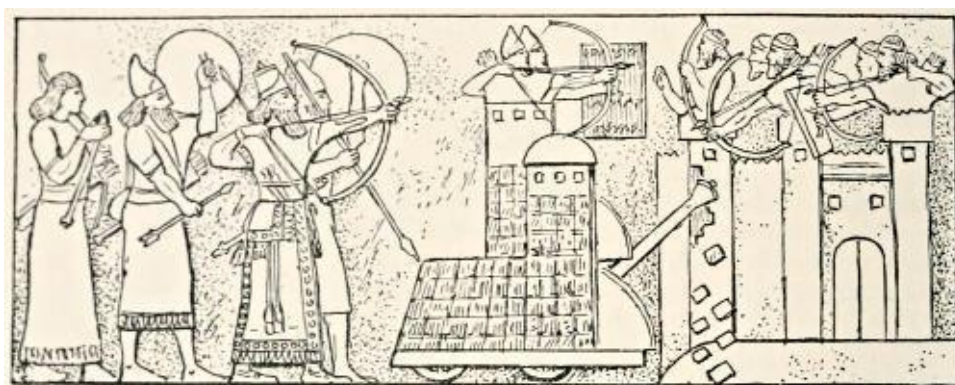
Ассирийский бог

Проверенный таким образом филологией, ассиро-вавилонский язык, наряду с ханаанским (под этим названием мы включаем финикийский, иврит и моавитский), арамейским (сирийский, так называемый библейский халдейский, пальмирский и т. д.) и арабский (под этим названием следует разместить не только сабейский язык южной Аравии, но и эфиопский и амхарский языки Абиссинии), принадлежат к одной четко определенной группе, которую мы давно привыкли называть семитской (ср. Stade's *Geschichte des Volkes Israel*), а народы, которые говорили и говорят на этих языках, известны в этнологии как семиты. С древнейших времен и до наших дней эти народы сохранили уникальную чистоту крови и расового типа; хананеи, изображенные в египетских гробницах XII династии, ассирийские головы на барельефах Ниневии, черты евреев, живущих в настоящее время среди индогерманских народов, и бедуины, которые сегодня бродят по сирийским и аравийским пустыням, — все они демонстрируют настолько заметное семейное сходство, что мы видим, что на протяжении всей истории они могли смешиваться с чуждыми расами лишь в незначительной степени. Вопрос о том, как и по каким причинам семитский тип в Ассирии сохранился в большей чистоте, чем в самой Вавилонии, откуда эмигрировали ассирийцы, был кратко затронут выше.

В этих условиях вполне ожидаемо, что постоянный тип характера, свойственный другим семитам, должен быть обнаружим или, по крайней мере, частично узнаваем у вавилонян и ассирийцев; хотя мы должны учитывать тот факт, что даже в более поздние времена евреи

сохранили многое из своих старых кочевых привычек, что арамейцы ассирийского периода были в основном кочевниками, и что арабы остаются таковыми до сих пор; в то время как с самого начала своего появления в истории семитские жители регионов вокруг Евфрата и Тигра являются оседлым народом с высоким уровнем цивилизации. Многие черты примитивного национального характера, как правило, стираются или изменяются в результате такого продвижения к более высокой стадии цивилизации, в то время как другие, чуждые братским или родственным расам, которые дольше оставались или до сих пор остаются в кочевой стадии, развиваются.

У ассирийцев и вавилонян мы действительно встречаем столько черт, которые инстинктивно напоминают нам об их родстве с теми, кого мы давно знаем по Библии и всеобщей истории, что это полностью подтверждает выводы, сделанные на основе изучения их языка и физического типа. Очень трудно в нескольких словах дать правильное описание семитского национального характера.

Осада города (Ниневия)

Эдуард Мейер в своей в остальном замечательной работе *«Geschichte des Alterthums»* (История древности) говорит: «Очень практичный образ мышления, внимательное наблюдение за деталями, расчетливый интеллект, всегда направленный на практические цели, полный контроль над творениями воображения и неприятие любого свободного полета духа в бесконечное — вот характеристики, которые отличают арабов и финикийцев, евреев и ассирийцев», — суждение, которое, хотя и в целом верно, тем не менее не является исчерпывающим. [Некоторые другие оценки профессора Мейера менее удовлетворительны для профессора Хоммеля, который с полным неодобрением цитирует следующее, утверждая, что они совершенно искажают истинный характер семитского ума: «Эта же отвратительная привычка мыслить прагматично, которая доминирует в Коране и с помощью которой он оказывает свое влияние, лежит в основе человеческих жертвоприношений хананеев, религиозных формул ассирийцев и, наконец, яхвизма» (т. е. религии Ветхого Завета). «Отношение индивидуума к богу рассматривается в строго рационалистическом и расчетливом духе. Этическое или мистическое отношение к божеству совершенно чуждо семитскому менталитету». Сравните эти и другие отрывки того же рода [продолжает профессор Хоммель] с тем фактом, что, напротив, монотеистическая тенденция, более сильная, чем у любой другой расы в мире, и сочетающаяся с идеей искренней преданности всего человека Божеству, была одной из главных характеристик семитского ума в целом (хотя и наиболее развитой среди израильтян).

Правда, жестокость ассирийцев по отношению к иностранным военнопленным, которая часто шокирует нас и отвращает от всего народа, напоминает некоторые случаи подобного недостатка у древних израильтян слишком сильно, чтобы не заставить нас думать об этом как о семитской склонности; но, тем не менее, это всего лишь излишества и наросты,

которые не должны быть приписаны национальному характеру. Семиты по своей природе не жестоки. Если бы это было так, эта черта должна была бы наиболее ярко проявиться у бедуинских арабов, которые на протяжении веков оставались на варварской стадии в религиозных вопросах; однако это не так, а скорее наоборот. У многих рас (некоторые из них индогерманские), о которых в истории записаны самые невыразимые ужасы и акты насилия, мотивом таких действий (или, скорее, преступлений) была чистая жажда крови и пыток, в то время как только что упомянутые жестокости проистекали из темной стороны (должно признать, отвратительной) национальной добродетели: истинного рвения к Святейшему.

РОДИНА ВАВИЛОНСКИХ СЕМИТОВ

По таким вопросам, как степень родства вавилонян и ассирийцев с другими семитами, их первоначальная родина, их последние места остановки и, следовательно, последовательность семитских миграций, Эдуард Мейер придерживается тех же взглядов, что и известный востоковед Спренгером, а именно, что Аравия, *то есть* пустыня в отличие от пахотных земель, с самых ранних времен отправляла излишки своего хищнического и грабительского бедуинского населения в большие пастбищные районы поблизости, то есть в Палестину, на равнину Месопотамии (Арам) а в давние времена — также в северную Вавилонию; что они, так сказать, время от времени складировались там и что все семитские народы, с которыми мы сталкиваемся в состоянии цивилизации в ходе последующей истории, возникли именно таким образом.

«Но эта оригинальная теория была прямо опровергнута более поздними исследованиями, начатыми А. фон Кремером и продолженными Игном Гуиди в Риме, и, в особенности, мной самим, с целью выяснить, какие домашние животные и культурные растения были известны первоначальному семитскому племени. К 1879 году Гуиди и я независимо друг от друга и, в некоторой степени, разными путями пришли к выводу, что первоначальная родина семитов не могла быть Аравия, а должна быть искана дальше на северо-восток. В трактате *«Die sprachgeschichtliche Stellung des Babylonisch-Assyrischen»* мне удалось дополнительно доказать, что народ, который впоследствии стал вавилонянами и ассирийцами, должен был отделиться от общего рода в какой-то части Центральной Азии, где обитал лев, и эмигрировать в северную Вавилонию через один из перевалов Медно-Эламского хребта не позднее пятого тысячелетия до нашей эры. Остальные же пришли через южное побережье Каспийского моря — вероятно, в конце четвертого тысячелетия и в любом случае позже, чем хамиты северной Вавилонии — и вошли в то, что впоследствии стало арамейской Месопотамией, с севера, затем заняли ее и постепенно распространились оттуда в Сирию, Палестину и Аравию». (Хоммель.) Таким образом, в результате последующих ответвлений и миграций они стали арамеями, хананеями и арабами.

Эта теория, с одной стороны, дает первое удовлетворительное объяснение многих моментов, в которых развитие Вавилона в языковом и других отношениях отличается от развития других семитов. С другой стороны, она представляет в самом интересном свете то, что у них есть много общего, поскольку это оказывается первобытным наследием семитской расы.

Весь вопрос о характере семитских миграций и ответвлений не может быть безразличным для историка, как могут возражать некоторые круги; и для правильного понимания истории Вавилонии в самые ранние времена чрезвычайно важно, чтобы мы знали, были ли семитские вавилоняне отдельной ветвью, по сравнению со своими братьями, отношения между которыми были гораздо более тесными, и привело ли начало их миграции их через земли, где росли оливковые деревья, смоковницы, виноградные лозы и другие культурные

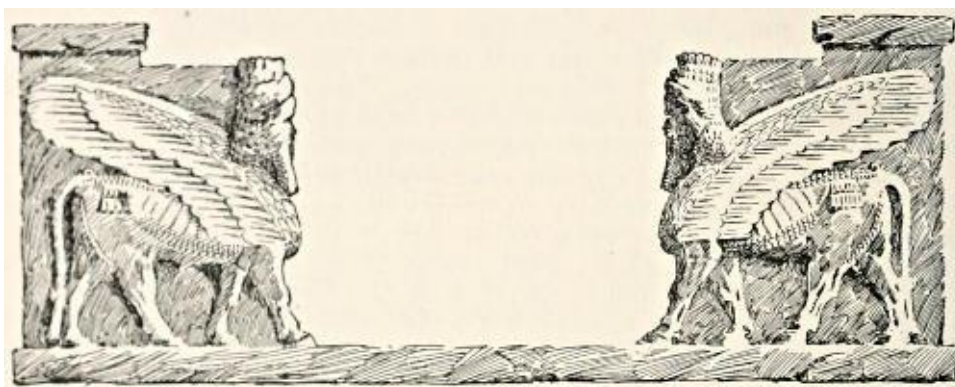
растения, которых не было в Вавилонии; и, наконец, для правильного понимания истории семитской цивилизации необходимо прийти к решению этих вопросов. Тот факт, что в ассиро-вавилонском языке мы не находим следов общесемитского названия (встречающегося в арамейском, ханаанском и арабском языках) для трех вышеупомянутых растений и других растений того же рода, вместе с весомыми филологическими соображениями, является убедительным аргументом в пользу выдвинутой мною теории: а именно, что путь, по которому пришли семитские поселенцы из нижнего течения Евфрата, не пролегал через регионы, где эти растения являются коренными, но что они мигрировали впереди остальных семитов прямо с востока или северо-востока в предсемитскую Азию и оттуда в свою новую родину, Вавилонию.⁴

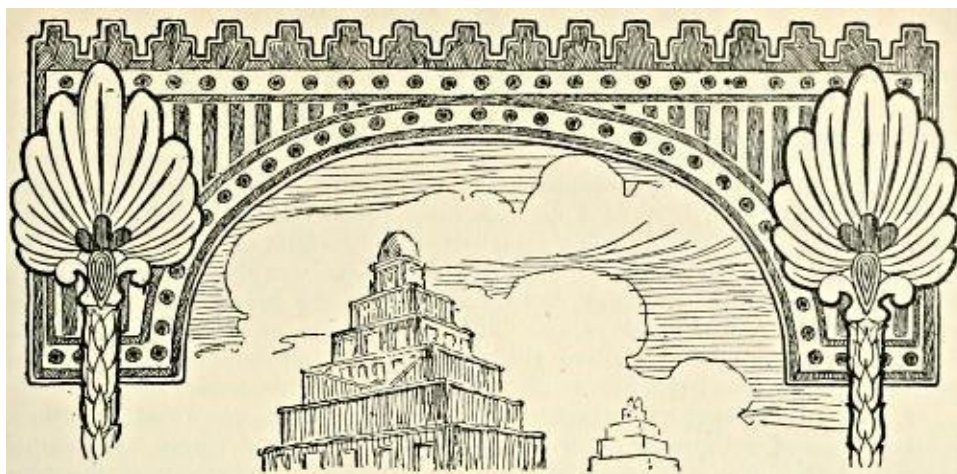
СНОСКИ

[16] [Сравните, однако, вступительную статью профессора Халеви.]

[17] [См. «Набросок семитских истоков» Г. А. Бартона, доктора философии. Нью-Йорк и Лондон, 1902 г.]

[18] [Вся эта система сейчас находится в руинах, по словам Роджерса, который добавляет: «Климат великой долины, по-видимому, мало подходит для воспитания энергичных и сильных людей, поскольку температура на всей ее территории очень высока в летний сезон. Однако вполне вероятно, что в период древней истории ни жара, ни песок не представляли такой угрозы... В период расцвета Вавилона эти песчаные волны (из Аравии) определенно не проникали за пределы Евфрата и вряд ли могли до него дойти».]

ГЛАВА II. ДРЕВНЯЯ ВАВИЛОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Здесь мы имеем дело скорее с пылью истории, чем с самой историей; здесь в записях о его имени появляется изолированный индивид, который исчезает, когда мы пытаемся его ухватить; там — род династии, который внезапно обрывается, помпезные преамбулы, благочестивые формулы, посвящения предметов или зданий; здесь и там — рассказ о какой-то битве или упоминание о какой-то иностранной стране, с которой поддерживались дружеские или торговые отношения — вот и все скудные материалы, из которых можно составить связное повествование. — МАСПЕРО.

Недавние исследования в древней Вавилонии выявили очень большое количество исторических документов, которые рассказывают о важнейших событиях, поскольку они относятся к самым отдаленным периодам древности. В Теллохе, месте древнего города Ширпурла, французские исследователи обнаружили множество интересных материалов, а американцы раскопали и продолжают раскапывать в Ниппуре огромное количество документов, которое по объему может соперничать с обширными архивами из библиотек ассирийских царей. За один сезон раскопок г-н Хейнс совсем недавно обнаружил тысячи табличек с надписями, некоторые из которых датируются периодом, предшествующим времени великих ассирийских царей, столь же далеким, как и время, предшествующее нашему.

Историку следует особо поздравить с тем, что многие из этих древних документов имеют самое непосредственное отношение к его исследованиям. Уже было отмечено, что вавилоняне были гораздо более одарены историческим чутьем, чем египтяне. Они вполне осознавали важность хронологии и, хотя, как и египтяне, не имели фиксированной эры, от которой можно было бы отсчитывать время, они в некоторой степени компенсировали этот недостаток обширными списками царей и «синхронизмами», которые различные монархи приказывали записывать. Некоторые из этих хронологических документов были восстановлены различными археологами, и благодаря им обрывки значительных периодов ранней вавилонской истории теперь известны нам более точно, чем многие гораздо более поздние эпохи западной истории.

К сожалению, эти древние списки в основном состоят из таблиц с именами, имеющими странные и незнакомые звуки. Для среднего читателя эти имена неизбежно отталкивающие. Такие слова, как E-anna-tum, Urumush, Alusharshid, Samsu-iluna, Kadashman-Kharbe, не могут не вызывать недоумения, если они не связаны с какой-либо яркой последовательностью осязаемых событий. И в большинстве случаев имена этих самых ранних правителей Вавилонии, по состоянию наших нынешних знаний, остаются просто именами, лишь изредка вызывающими ассоциации с чем-то осязаемым. Время от времени

мы слышим, что сохранился барельеф того или иного царя, как в случае с Ур-Ниной, «строителем здания, примыкающего к храму Нины в Лагаше» ([191](#)), и в таком случае в воображении возникает любопытный мир ассоциаций при мысли о реальном или предполагаемом подобии, сохранившемся на протяжении более шести тысяч лет. Царь, образ которого таким образом осязаемо предстает перед нами после стольких веков забвения, должен казаться вполне реальной личностью, как бы мало ни было известно о нем или о его достижениях.

Опять же, в случае некоторых других монархов, существуют краткие записи о походах и завоеваниях соседних народов, чьи имена, возможно, сохранились для нас только благодаря этому случайному упоминанию. В таких случаях ум стимулируется к формированию смутных образов неизвестных народов той далекой эпохи, и даже человек с самым скудным воображением не может не испытывать озадаченного удивления по поводу того, какими были эти народы, откуда они пришли и куда исчезли. Но, если на то пошло, сами вавилонские цари и народы, которыми они правили, кажутся достаточно туманными и загадочными, не говоря уже об их соседях. Нынешних знаний ни в коей мере не достаточно, чтобы составить полный список имен этих ранних монархов.

По всей вероятности, в руинах различных городов, которые еще не были исследованы, все еще хранятся списки, которые со временем восстановят нам достаточно полную картину тех долгих периодов времени, которые сейчас кажутся такими туманными. Во многих местах раскопки продолжаются, ежедневно делаются открытия, расшифровываются нерасшифрованные материалы; одним словом, почти ежедневно открываются новые главы этого древнейшего прошлого. Все, что сегодня написано о ранней истории Вавилона, по сути дела, завтра может быть пересмотрено. По крайней мере, это верно в той мере, в какой в ближайшем будущем обязательно будут сделаны дополнения к нынешним неполным знаниям. Однако из этого не следует, что нынешние знания будут полностью заменены. Такие списки царей, которые уже были расшифрованы и охватывают в совокупности значительные периоды времени, в целом можно считать точными и постоянными записями, которые будут дополнены, а не заменены новыми записями будущих открытий. А пока мы должны довольствоваться отрывочными сведениями об отдельных эпохах и упоминаниями отдельных имен, охватывающими, насколько это возможно, три или четыре тысячи лет вавилонской истории в нескольких скудных главах.

Как бы ни было мучительно улавливать лишь отрывки из миров, которые были бы увлекательны, если бы мы могли знать их историю более полно, есть по крайней мере некоторое утешение в мысли, что наше поколение — первое за последние две тысячи лет, которое получило хотя бы небольшое представление об этих эпохах истории. Даже в классическую эпоху ничего не было известно о ранней Вавилонии: сохранившиеся воспоминания о величии Месопотамии относились к более поздней ассирийской истории и Новой Вавилонии. А сами ассирийцы и нововавилоняне обладали лишь небольшой информацией о своих далеких предках, чьи записи были, в основном, полностью скрыты от них, как и от всех последующих поколений людей до нашего времени.

Координировать огромный объем информации, обнаруженной в последние годы и касающейся многочисленных государств, существовавших в Вавилонии в самый ранний исторический период, — это задача, которую с большим успехом взял на себя доктор Хьюго Радау. Следующий отрывок из его недавно опубликованной работы «[1201](#)» (Древняя Вавилония) даст читателю самые последние сведения об этих мелких царствах и позволит ему понять, как более крупные государства поглощали более мелкие и как таким образом был проложен путь к объединению всей Вавилонии под властью одного правителя.

НАЧАЛО ИСТОРИИ

[около 4500 г. до н. э.]

Самым древним царем Вавилонии, о котором у нас есть какие-либо сведения, является Эншагкушанна, который, по нашим оценкам, жил до 4500 г. до н. э. Он называет себя «повелителем Кенги», южной части Вавилонии. Что касается его национальности, был ли он так называемым «шумером» или «семитом», мы не имеем возможности узнать. Помимо «повелителя Кенги», он, по-видимому, имел еще один титул, а именно «царь...». В пробеле, вероятно, содержалось название столицы царства. Он, должно быть, вел войну против Киша в северной Вавилонии, который он называет «злым сердцем». Он одержал победу и преподнес добычу «Энлилю, царю земель». Энлиль — позднее Бел — был главным богом в Ниппуре; соответственно, Ниппур назывался Эн-лиль-ки, «город Энлиля». Следовательно, Энлиль из Ниппура, по-видимому, был богом, который оказывал главное влияние на жителей ранней Вавилонии. Из надписей некоторых патеси^[21] из Ширпурлы, а также из надписей Лугальзаггиси мы знаем, что этот храм находился под контролем царя, который называл себя соответственно *патеси-гал*, «великий патеси». Но у него также был свой «главный местный администратор», *дам-кар-гал*, который, в свою очередь, имел под своим началом нескольких младших жрецов или патеси. Культ этого бога, по-видимому, был хорошо организован; царь, будучи *summus episcopus*, имел под своим началом множество других должностных лиц (жрецов), которые выполняли обычные функции так называемого священства Бела. Несмотря на скудность исторических сведений, они позволяют нам получить представление о состоянии страны и народа в это далекое время. Они показывают нам, что между югом (Кенги) и севером (Киш) велась борьба, которая, несомненно, длилась несколько столетий.

В это время ведущими городами были столица Кенги, *то есть* Ширпурла-Гирсу, как мы увидим позже, а не Эрех (Хильпрехт), Ниппур и Киш.

Однако прежде чем проследить различные этапы развития Киша, необходимо обратить внимание на королевство, называемое в надписях «Ширпурла». Надписи правителей этого королевства создают впечатление о его силе и могуществе, которые предполагают столетия развития. Все, что мы знаем о его искусстве и цивилизации, указывает на то же самое.

ПРАВИТЕЛИ ШИРПУРЛЫ

[около 4500-4100 гг. до н.э.]

Ширпурла — это современный Тел-Ло (или Телло), где Де Сарзек обнаружил надписи, относящиеся к правителям этой династии. Он расположен в пятнадцати часах езды на север от Мугера, на восточной стороне Шатт-эль-Хай, и примерно в двенадцати часах езды к востоку от Варки. В то раннее время город Ширпурла, по-видимому, состоял из четырех частей: Гирсу, Нина, Уруазгага и Эрим. Таким образом, один и тот же царь мог называть себя либо «царем Ширпурлы», либо «царем Гирсу». Эти пригороды были построены различными правителями в честь своих любимых богов или богинь. Является ли Ширпурла правильным прочтением, или же это Сиргулла (Хоммель), мы не знаем. Согласно Пинчесу, «Путеводитель по галерее Куянджик», стр. 7, Лондон, 1883, и «Вавилонские записи», iii, стр. 24, Ширпурла может читаться как Лагаш, и это прочтение принято во всех работах Дженсена в К. В. iii. Мы сохраняем старое прочтение Ширпурла, потому что это написание чаще всего встречается на памятниках.

Правителей Ширпурлы можно удобно разделить на четыре группы:

(1) Династия Урукагины — начиная с этого правителя или его предшественника (предшественников) и заканчивая Лугалшуггуром и его преемником (преемниками).

(2) Династия Ур-Нины, заканчивающаяся Луммадуром.

(3) Патесы между Луммадуром и Ур-Бау.

(4) Ур-Бау и его преемники, заканчивающиеся Гала-Ламой.

Урукагине, самому старшему члену первой династии Ширпурлы, мы присвоили приблизительную дату 4500 г. до н. э. Его величие заключалось не столько в успешных войнах против соседних городов, сколько в обеспечении мирного управления своей страной и городом. Как «царь Гирсу-Ширпурлы», он посвятил свою энергию строительству различных складов, которые должны были вместить «изобилие стран», и воздвиг храмы для различных богов, тем самым демонстрируя свою преданность и благочестие. Он построил «для Нины любимый канал, канал Нина-ки-тум-а», и таким образом обеспечил свой город водой. Бел из Ниппура по-прежнему обладает наибольшим влиянием. Нингирсу («повелитель Гирсу») — главный бог города, под чьим контролем находится столица. Он является *Гудом* или «героем» Энлиля. В несколько более поздних надписях Нингирсу имеет титул *гуд-лиг-га*, «сильный герой» Энлиля. В его надписях упоминаются многие другие боги.

К этой древнейшей династии Ширпурлы принадлежит также некий Эн-гегал («повелитель изобилия» или «очень богатый»). Он, как и Урукагина, называет себя «*лугал* Пур-шир-ла», «царь Ширпурлы». Кроме того, он носит гордый титул «*лугал ки-гал-ла*», «великий царь», и называет себя *шиб (дингур) Нин-гир-су*, «жрец Нингирсу», титул, схожий с титулом *патеси-гал*. Из титула «великий царь» можно сделать вывод, что он, в отличие от своего предшественника, должен был успешно сражаться со своими врагами, которые ранее успешно грабили Ширпурлу; но судьба распорядилась так, что его королевская столица была превращена в резиденцию патеси. Киш, некоторое время назад потерпевший поражение от Эншагкушанны, по-видимому, обрел новую силу. Его царь Месилим стал верховным правителем Ширпурлы, тем самым превратив ее правителей в простых патеси. Нам известно имя только одного из этих самых ранних патеси, а именно Лугал-шуг-гура, который упоминается в надписи Месилима. Похоже, что господство Киша над Ширпурлой продлилось не очень долго. Ширпурла восстановила свою былую славу под властью новой династии, а именно династии Ур-Нины.

[около 4300-4200 гг. до н.э.]

С Ур-Ниной начинается новая династия, вероятно, самая могущественная из ранних вавилонских, продолжительность правления которой простирается от 4300 г. до н.э. до 4100 г. до н.э. Глядя на искусство и надписи этих царей, мы не можем не думать, что в Ширпурле цивилизация должна была быть очень развитой, настолько развитой, что мы вынуждены сделать вывод, что «прошло несколько столетий, прежде чем люди смогли достичь этой стадии цивилизации». Большая часть этих художественных сокровищ хранится в Лувре; надписи, найденные на них, были опубликованы в *Découvertes en Chaldée* и в *Revue d'Assyriologie*.

Первым царем этой династии был Ур-Нина (слуга Нины). Династия Урукагины, должно быть, была полностью уничтожена царями Киша, так что Ур-Нина без труда занял трон. Он, должно быть, был из старинной семьи, поскольку упоминает имена своего отца и деда, которые не носят ни титула патеси, ни титула царя. Как и его предшественник, он, по-видимому, был великим миротворцем. Он построил храмы и различные склады. Отрывок из его надписей, в котором он описывает строительство «стены Ширпурлы», позволяет

предположить, что старый враг, Киш, по-прежнему доставлял ему неприятности, так что он счел необходимым укрепить свою столицу против смертельных врагов с севера.

Сыном Ур-Нины, который унаследовал его трон в Ширпурле, был Акургал. Пока что надписей этого монарха найдено не было. Все, что о нем известно, собрано либо из надписей его сына (Эаннатума), либо из надписей его отца (Ур-Нины). В этих надписях упоминаются восемь сыновей Ур-Нины. Если мы классифицируем их по их росту и возьмем это за основу для определения их возраста, то получим следующий результат:

УР-НИНА

- (1) Лид-да, (2) Му-ри-кур-та, (3) А-ни-кур-ра, (4) Лугал-шир,
(5) А-кур-гал, (6) Нун-пад, (7) Э-уд-бу, (8) Нина-ку-тур-а.

Примечательно, что первенец Лидда упоминается только в одной надписи. Неужели он никогда не унаследовал трон Ширпурлы после своего отца? Неужели Акургал, его пятый сын, предпочтительнее всех остальных унаследовал королевский скипетр и таким образом стал непосредственным преемником Ур-Нины? Как бы ни были интересны эти вопросы, мы пока не можем ответить на них, располагая имеющимися средствами. Мы знаем только то, что и Эаннатум, и Энаннатум I называют себя «сыном Аургугала». Еще один интересный факт заключается в том, что Эаннатум в своей «Стеле стервятников» называет своего отца *лугалом* («царем») Ширпурлы, в то время как в других надписях он называет его только «патеси Ширпурлы». Из этого нельзя сделать особых выводов, поскольку даже Ур-Нина называется Эаннатумом «патеси Ширпурлы». Перевод этого последнего отрывка пока не является окончательным. Однако преемник Ур-Нины — Лидда или Акургал — мог лишиться титула «царь» в результате неудачной войны. Эаннатум, с другой стороны, будучи более успешным, вновь на короткое время возвращает себе титул «царя» после своей победы над Кишем. Последний факт очень важен. Эаннатум прямо говорит нам, что Иннанна дала ему *nam-lugal Kish-ki*, «царство Киша», в то время как правитель Ширпурлы был лишь патеси. Тогда ситуация была следующей:

Ур-Нина, узурпатор, смог провозгласить себя царем Ширпурлы в результате слабости предшествующих ему патеси Ширпурлы, которые были полностью лишены власти царями Киша. Однако преемники Ур-Нины не смогли сохранить титул своего отца. Была ли причиной этого внутренняя разлаженность между сыновьями Ур-Нины? Они лишились титула «царь» и были вынуждены принять титул патеси. Несомненно, их к этому вынудил один из преемников Месилима, *то есть* царь Киша. Эаннатум — великий герой — смог победить старого врага Киша. Ему даже посчастливилось добавить к своему старому титулу «патеси Ширпурлы» титул «царь» (т. е. «Киша»), и, по всей вероятности (), он мог также называть себя «царем Ширпурлы». Преемники Эаннатума называли себя и без исключения называются «патеси Ширпурлы».

[около 4200 г. до н. э.]

После этих предварительных замечаний о титулах различных членов династии Ур-Нины, мы теперь обратим наше внимание на Эаннатума (*т. е.* «Дом небес устойчив»), сына самого Акургала. Мы не можем сказать, правил ли он одновременно со своим братом Энаннатумом I или нет. Тот факт, что сыновья Эаннатума I унаследовали трон Ширпурлы, позволяет предположить, что Эаннатум предшествовал Энаннатуму I. Последний, по-видимому, играл лишь второстепенную роль в ранней истории Вавилонии. До наших дней дошли только две его надписи. Эаннатум, его брат, напротив, является величайшим из всей династии. Деяния этого монарха сохранились для нас на различных памятниках, среди которых наиболее важным является «Стела стервятников». Чтобы получить полное представление о его

времени, мы должны сравнить эту «стелу» с так называемым «конусом» Энтемены. Эти памятники в связи с Галетом А дают нам следующий интересный фрагмент истории:

Бог Ширпурлы (Нингирсу) и бог Гишбана по инициативе Энлиля (бога Ниппура) договариваются установить границы между своими территориями (Конус i, 1-7). Месилим, царь Киша, — современник Лугалшуггура, патеси Ширпурлы, — в качестве верховного правителя Ширпурлы, подтверждает результат этого «установления границ» и воздвигает статую на стыке двух территорий, чтобы обозначить границы территории Ширпурлы с одной стороны и Гишбана с другой (Конус i, 8-12). Однако Уш, некий амбициозный патеси Гишбана, не удовлетворен этим решением. Он уносит статую, установленную Месилимом, а затем вторгается в Ширпурлу, несомненно, с целью расширить свою территорию за пределы ранее установленной границы (13-21). Начинается война между Ширпурлой и Гишбаном.

Месилим, который считает себя оскорбленным этим поступком Уша, встает на сторону Ширпурлы и наносит поражение Гишбану (22-31). Со временем Гишбан снова становится беспокойным. Под руководством своего патеси Гунаммиде он вторгается на территорию Ширпурлы, а точнее в Гуэдин, район, священный для Нингирсу. «Гунаммиде, патеси Гишбана, по велению своего бога... он разрушил Гедин, любимую территорию Нингирсу». Заннатум, укрепив Ширпурлу («он построил стену Урузагага») и победоносно повёл свои войска против Элама и Гишгала, чувствует себя достаточно сильным, чтобы нанести Гишбану смертельный (?) удар. «Он подчинил Гишбан, похоронил двадцать его мертвецов». Сделав это, он возвращает священную территорию, Гедин, Нингирсу; заключает договор с Энакалли, (одним из) преемников Гунаммиде; прокладывает канал «от великой реки (т. е. Евфрата?) до Гедина» и заставляет гишбанцев поклясться никогда больше не вторгаться на священную территорию Нингирсу и не пересекать эту границу.

«В будущем, если (гишбаниты) вновь вторгнутся на территорию Нингирсу, если они пересекут дамбу и канал, если они унесут статую, — в тот момент, когда они вторгнутся, *са-шуш-гал* (т. е. Заннатум) Уту, могущественный царь, которому они поклялись, восстанет против Гишбана».

«Стела стервятников» имеет своей главной целью увековечение этого договора с Энакалли, патеси Гишбана, после того как последний город был побежден Заннатумом. Но Эннатум не удовлетворился этим; он наложил на Гишбан тяжелую дань (), состоящую из одного кару зерна для Нины и одного кару для Нингирсу, помимо 144 000 (?) больших кару. (Конус ii, 19 ff.) Умиротворив Гишбан, Заннатум также направляет свои победоносные войска против Эреха (Варка) и Ура (Ур Халдейский), Ки-Уту (Ларса?) и Аза (на Персидском заливе) — патеси последнего города он убивает — против Мелимме и Аруа. Все эти города находились в окрестностях Ширпурлы. В конце концов он разгромил и победил Зузу, царя Уха. Но даже это не исчерпывает список его побед. Он становится царем Киша — Киша, который так долго был сувереном над Ширпурлой. Как была достигнута эта победа, из сохранившихся надписей пока не ясно. Возможно, в будущем мы найдем рассказ об этой войне.

Заннатум был не только героем на войне, но и мудрым правителем. Он не только обновил три пригорода своей столицы, один из которых — Урузагага — даже окружил стеной, но и улучшил состояние самого Ширпурлы, прокопав различные каналы, которые он посвятил своему богу Нингирсу: Кишедин, который, вероятно, обозначал границу между Гедином и Гишбаном и который гишбаниты должны были поклясться никогда не пересекать; Луммагирнунташагазагаддада, проходящий по территории Нингирсу; и Луммадимшар.

Как мы уже видели, Урукагина был первым, кто построил канал, а именно канал для Нины, который он назвал Нина-ки-тум-а. В конусе Энтемены также упоминаются каналы Луммасирта, Имдубба и Намнундакиггара. Итак, здесь мы видим зарождение самой

характерной черты Вавилонии. Вавилония становится «землей каналов», о которой думал псалмопевец, когда писал трогательный псалом: «У рек Вавилона мы сидели и плакали». Кроме того, Эаннатум не забывал о своем долге перед богами. Он признает, что все, чем он является и что имеет, происходит от его богов. Соответственно, он выражает свою благодарность, воздвигая святилища для Энлиля, Нинхарсага, Нингирсу и Уту, а также восстанавливая старые здания, которые были построены его предшественниками в честь богов, среди которых находится Тираш.

Несмотря на торжественное обещание Гишбана никогда больше не вторгаться на территорию Ширпурлы и не пересекать пограничный канал, он очень скоро — вероятно, в конце правления Эаннатума, или, скорее, в начале правления Эаннатума I — снова становится мятежным, как и раньше. Он вторгается на территорию Гирсу под руководством некоего Урлуммы, патеси Гишбана, пересекает пограничные каналы, построенные Эаннатумом, сносит стелы, воздвигнутые на этих каналах в честь Нингирсу, бросает их в огонь и даже разрушает святилища, которые Эаннатум построил на одном из этих каналов (т. е. Намнундакигарра) в честь Энлиля, Нинхарсага, Нингирсу и Уту, и опустошает страну. Эаннатум незамедлительно поднимается, чтобы наказать «этих собак», которые осмелились нарушить свое торжественное обещание. Была ли эта битва решающей или нет, неясно. Однако, похоже, что Эаннатум I одержал лишь незначительную победу над Гишбаном.

Ибо Энтемена, сын Эаннатума, считает необходимым возобновить войну с Гишбаном. «Он подчиняет Урлумму», т. е. покоряет его, заставляет вернуться в свою страну и преследует его до самого центра Гишбана. Эта триумфальная победа началась с решающей битвы у канала Луммасирта на территории Ширпурлы. «Из его (т. е. Урлуммы) армии он оставил шестьдесят человек на стороне Луммасирта». Из-за тяжелых потерь Гишбан бежал. Энтемена преследовал его, о чем он записывает: «Он оставил кости солдат (Урлуммы) на поле боя.» Многие из этих солдат Гишбана, должно быть, пали, так много, что Энтемена был вынужден «похоронить их мертвых в пяти разных местах».

Прибыв в Гишбан, Энтемена назначает некоего жреца Иннаннааб-ки (или Нин-аб-ки) по имени Или патеси Гишбана, вероятно, после того, как сверг Урлумму. В качестве компенсации за новое достоинство, Энтемена приказывает Или построить на территории Каркара, который также поднял восстание, пограничные каналы и некоторые другие сооружения. Канал, который Эаннатум построил «от великой реки (Евфрата?) до Гедина», Энтемена продлевает до Тигра, а также ремонтирует другие каналы, которые были более или менее разрушены жителями Гишбана, и вновь посвящает их Нингирсу и Нине.

Интересна также подпись на этом конусе:

«Когда люди Гишбана пересекут пограничный канал Нингирсу и пограничный канал Нины с целью опустошить эти территории, пусть Энлиль уничтожит людей Гишбана и людей гор; пусть Нингирсу наложит на них свое проклятие; пусть он поднимет свою великую силу; пусть воины его (Энтемены) города будут полны храбрости; пусть в центре города будет мужество в их сердцах».

С Луммадуром, сыном Эаннатума II, мы подходим к последнему представителю дома Ур-Нины. Нам известно только его имя. Из отсутствия титула патеси после его имени мы можем заключить, что Эаннатум II был последним патеси из рода Ур-Нины и что старые враги, Киш и Гишбан, наконец-то сумели победить Ширпурлу.

Трудно оглянуться на эту династию Ур-Нины, которая, как мы видели, восходит к периоду до 4000 г. до н. э., и не быть впечатленным высокой цивилизацией, культом, множеством зданий и каналов, военным мастерством и стилем письма. Конечно, такой народ не мог возникнуть как *deus ex machina*; у него должна была быть своя история — история,

предполагающая развитие на протяжении еще нескольких столетий. Мы с удовольствием продолжили бы историю преемников Луммадура, но отсутствие материалов не позволяет нам этого сделать. Поэтому, пропустив около двухсот лет в истории Ширпурлы, мы переходим к врагам «героя Нингирсу», *то есть* Кишу и Гишбану (или, лучше сказать, Гишуху).

ЦАРИ КИША И ГИШБАНА

[около 4200-4000 гг. до н.э.]

В стране Киш произошли различные изменения. Говоря об Эншагкушанне, мы видели, что Киш был побежден. Однако со временем он снова укрепил свою мощь. Месилим смог утвердиться в качестве правителя Ширпурлы во времена Лугалшуггура. Его преемники, возможно, сохраняли свою славу в течение значительного периода времени. Однако они не смогли противостоять могучему оружию Эаннатума. Последний не только сбросил старое иго, которое Киш наложил на Ширпурлу, но даже стал «царем Киша». Он, должно быть, полностью лишил Киш его могущества. Так случилось, что Киш был побежден другой державой, о которой мы услышим вскоре.

Так же как Гишбан, после своего поражения от Эаннатума, почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пренебречь торжественным обещанием никогда не вторгаться на территорию Ширпурлы, так и Киш, после своего свержения Эаннатумом, по-видимому, быстро восстановил свою прежнюю мощь. Ведь мы находим некоего Эн-не-угуна, «царя Киша», которого также называют «царем орд Гишбана», стремящегося с помощью этого последнего города расширить власть своей столицы. Однако он был побежден неким Эн-не-угуном (), царем некой страны (имена не могут быть прочитаны из-за поврежденного состояния табличек). «Его статуя», — записывает этот неизвестный победоносный царь, рассказывая о своей победе над Эн-не-угуном, — «его сияющее серебро, утварь, его имущество он унес и преподнес Белу в Ниппуре».

Однако со временем, и, вероятно, вскоре после этого поражения, Киш, похоже, оправился от этого удара. Некий Урзагудду, должно быть, был очень успешен в своих войнах, поскольку, помимо титула «царь Киша», он называет себя также «царем...». К сожалению, здесь снова есть пробел, поэтому мы не можем определить, каким городом он стал царем.

О следующем царе Киша, Лугалтарси, известно очень мало. Мы не можем сказать, в какое время после Урзагудду он жил. Известно только то, что он правил некоторое время до Алушаршида, около 3850 г. до н. э. Его надпись — единственная, известная нам на сегодняшний день — хранится в Британском музее, в ней он описывает строительство Бад-кисала в честь Бела и Иштар. Теперь мы можем отнести Маништусу и Алушаршида к числу царей Киша. Оба процветали примерно в 3850 г. до н. э., до Саргона I.

Читая надписи этих царей, создается впечатление, что с нами разговаривает новая раса, настолько сильно отличается язык, которым пользовались эти правители, от языка их предшественников или любых других царей, с которыми мы сталкивались до сих пор. Здесь мы впервые встречаем так называемые семитско-вавилонские надписи. Это тот же язык, который используется в надписях Шарганишарали и его преемников, в надписях Ласираба, царя Гути, и Аннубанини, царя Лалубу, все из которых были более или менее современниками этих царей Киша. Ученые, которые считают, что мы должны постулировать существование двух разных рас среди жителей ранней Вавилонии, называют царей, писавших в этом стиле, «семитскими царями», а других относят к шумерскому населению. В результате они читают имена этих царей по-семитски. Маништусу становится

Ма-ан-ис-ту-иро (так считает Винклер). Урумуш становится Алу-ушаршид (т. е. «Он — некое божество — основал город»).

Надпись Маништусу, которого мы условно помещаем перед Урумушем, гласит: «Маништуирба, царь Киша, преподнес (это) Белит-Малкату».

Более важным с исторической и лингвистической точки зрения является следующий правитель, который вступил на престол вскоре после предыдущего. Этот правитель — Алушаршид. Из его надписей, найденных на пятидесяти одном фрагменте ваз, которые были раскопаны экспедицией Пенсильванского университета под руководством доктора Петерса и частично опубликованы Хилпрехтом, мы узнаем, что он покорил Элам, расположенный на восточной стороне Тигра, и страну Бара'се (Парасе), из которых он привез эти мраморные вазы и посвятил их своим богам в Ниппуре и Сиппаре.

В течение короткого периода после Алушаршида Киш, по-видимому, сохранял свою прежнюю мощь. Могущество Киша уступило место могуществу Агаде, как мы увидим вскоре. Поэтому, оставив Киш на данный момент, мы обратим наше внимание на другого врага Старого Ширпурлы, а именно на Гишбана.

[около 4000 г. до н. э.]

Примерно в 4000 г. до н. э., вскоре после правления Эаннатума, Гишбан, по-видимому, обрел новую силу и могущество. Он направил свое основное внимание не столько на Ширпурлу, сколько на юг. Вероятно, правители Ширпурлы к этому времени были полностью ослаблены своими старыми врагами (т. е. Кишем и Гишбаном), из которых Гишбан был предназначен сыграть наиболее важную роль в развитии древней вавилонской истории.

Лугальзаггиси, сын Укуша, патеси Гишбана, возглавляет армии Гишбана, которые он ведет к победе на юге. После того как Эрах открыл свои ворота, вся Вавилония до Персидского залива стала легкой добычей для завоевателя. Он, хотя изначально был лишь сыном патеси, становится царем Эреха, да, даже царем «всего мира». «Энлиль, царь земель, даровал Лугальзаггиси царство над миром; он сделал его процветающим перед миром; именно он подчинил его скипетру земли — земли «от восхода солнца до его заката». Он же даровал ему дань этих земель, которые он заставил жить в мире, несмотря на то, что они были подчинены новому режиму». Этими словами Лугальзаггиси признает, как и цари Ширпурлы, что Энлиль, и только Энлиль, даровал ему столь беспрецедентное владение, простирающееся от нижнего моря Тигра и Евфрата (т. е. Персидского залива) до верхнего моря (т. е. Средиземного моря). Став таким образом «повелителем мира», он теперь становится его «*summus episcopus*». «В святилищах Кенги, как патеси земель, и в Эрехе, как первосвященник, они (боги) утвердили его».

Цитируя Хильпрехта: «Вавилония в целом не находила недостатков в этом новом и могущественном режиме. Шумерская цивилизация вышла из застоя и направилась по новым руслам; древние культы между нижними течениями Тигра и Евфрата начали возрождаться, а их храмы засияли новым блеском». Таким образом, наделенный высшей светской и духовной властью, он «наполняет Эрах радостью». Он не забывает и о других представительных городах своего владения: «Ур, как бык, он поднял до вершин небес». «На Ларсу, любимый город Шамаша, он излил воды радости». Его родной город и земля получают особое внимание: «Гишбан, любимый город... он поднял до невиданной мощи». Он, как мудрый правитель и государственный деятель, не только проявляет свою добрую волю

и благосклонность по отношению к более крупным и влиятельным городам, но и защищает более слабые: «Ки-Иннанна-аб он держал в загоне, как овцу, которую собираются стричь».

Действительно, «Лугальзаггиси выделяется на заре (?) вавилонской истории как гигант, заслуживающий нашего полного восхищения за проделанную им работу».

Учитывая, что семитизмы встречаются почти во всех самых ранних надписях, известных нам на сегодняшний день, и что сами правители, возможно, были семитами — давайте признаем это — возникает другой вопрос: когда семиты пришли в эту страну, чтобы побудить коренных жителей использовать выражения, чуждые их собственному языку? Откуда они пришли? На последний вопрос, который неоднократно обсуждался учеными, были даны разные ответы. Некоторые считают Африку родиной семитов, другие — Аравию, а Хильпрехт, который последним высказался по этому вопросу, отводит эту роль Кишу, или, точнее, Харрану, расположенному недалеко к северу от Вавилонии. Согласно его теории, Лугальзаггиси, великий завоеватель из Гишбана (Харрана), был первым семитом, занявшим территорию Вавилонии и тем самым открывшим путь для семитского населения. Но Лугальзаггиси *не предшествовал* Ур-Нине. Ур-Нина, как мы видели, был семитом, следовательно, семиты были в этой стране *до* Лугальзаггиси.

Гишбан — это не Харран, а соседнее государство Ширпурла; следовательно, семиты пришли не из Харрана, а фактически уже занимали всю территорию Вавилонии. Таким образом, два вопроса — когда семиты вторглись в Вавилонию и откуда они пришли — все еще ждут ответа. Возможно, некоторые таблички могут дать нам ключ к решению этой проблемы, но пока что эти таблички не найдены.

около 6000-3800 гг. до н.э.

Но далее, если семиты в столь ранний период, как 4500 г. до н. э. (Урукагина), владели Вавилонией и приняли старый язык страны, который они смешали со своим собственным диалектом, то они, должно быть, долгое время проживали на этой земле. Это означает, что иммиграция семитов произошла не позднее 5000 г. до н.э. и даже раньше, когда шумерская империя начала приходить в упадок. Поэтому мы должны отодвинуть пик влияния шумеров на еще более отдаленный период.

Таким образом, какую бы точку зрения мы ни заняли в отношении этих двух народов и их языков, мы приходим к одному и тому же общему выводу: *цивилизация и история должны восходить по крайней мере к 6000 году до н. э.*

ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ УРА

Об Уре — библейском «Уре Халдейском» — мы уже слышали во времена Заннатума. Он был расположен на западном берегу Евфрата, напротив места, где в него впадает Шатт-эль-Хай. До времени Лугальзаггиси он, возможно, не имел большого значения. Однако этот последний правитель «поднял его, как быка, на вершину неба», поэтому вскоре после Лугальзаггиси мы встречаем двух царей, отца и сына, правивших в Уре. Не исключено, что эта династия сама привела к свержению Лугальзаггиси, о преемниках которого у нас нет информации. Вероятно, она также захватила более северную часть Вавилонии (Ниппур), поскольку мы видим, что оба этих царя дарят вазы Энлилю, «повелителю земель».

Имена этих двух монархов, составляющих *первую* династию Ура, следующие:

Лугалкигубниду и его сын (?); Лугалкисалси.

Их владения простирались на Ур, Эрех и Ниппур, вероятно, также на Ширпурлу, поскольку цари юга не могли бы завладеть Ниппуром, не пройдя через Ширпурлу. Это объясняет, почему мы так мало знаем о Ширпурле в это время. Однако примечательно, что оба эти царя называли себя сначала «царями Эреха», а затем «царями Ура»; с другой стороны, Лугалкигубнидуду прямо говорит, что Энлиль добавил (*tab*) господство (*nam-en*) к царской власти (*nam-lugal*), и это господство было Эрехом. Мы могли бы ожидать, что, если он изначально был царем Ура, то титул «царь Ура» должен был бы стоять первым. Здесь мы имеем аналогию и подтверждение аргумента, использованного в отношении Урзагудду. Последний царь также имел два титула, а именно «царь Киша» и «царь...», и утверждалось, что последний титул, «царь...», был первоначальным, *т. е.* Урзагудду позже стал «царем Киша». Таким образом, здесь «царь Ура» был первоначальным титулом; Лугалкигубнидуду впоследствии стал «царем Эреха».

[около 4000-3800 гг. до н. э.]

Как долго процветала эта династия, сколько правителей входило в ее состав, когда и кем она была свергнута, мы не можем сказать. Однако, вероятно, она была заменена могущественным царством, возникшим на севере (царством Агаде), которому суждено было господствовать над «четырьмя углами мира».

Еще раз — прежде чем мы покинем южную Вавилонию и перейдем на север — мы должны обратить свое внимание на Ширпурлу. Следы, которые мы имеем о жизни Ширпурлы и ее патесов в это время (*т. е.* 4100-3800 гг. до н. э.), являются лишь фрагментарными. Из таблички, недавно опубликованной Тюро-Дангеном в *Revue d'Assyriologie*, нам известен только один патеси. Этот патеси по имени Лугаланда не мог жить очень долго после Луммадура (), поскольку надпись на этой табличке имеет все палеографические особенности надписей Эаннатума. Вероятно, он принадлежал к тем патеси, над которыми, возможно, правили Лугальзаггиси или его преемники.

С следующими двумя патеси, Лугалушумгалом и его сыном (?) Ур-Э, мы подходим к времени Шарганишарали [Саргона], 3800 г. до н. э. Значительный пробел в этом периоде еще предстоит восполнить. Будем надеяться, что будущие раскопки в сочетании с усердием дешифровщиков прольют свет на этот самый мрачный из всех периодов древневавилонской истории.

Упомянув только еще одного патеси, относящегося к этому периоду, Ур-(дингир) Уту(?) — за чьим именем следует [нам?] патеси Уру-ум-ки-ма (*т. е.* Ур) — мы переходим с юга на север Вавилонии, *т. е.* в город Агаде.

ЦАРИ АГАДЫ

Агад, расположенный недалеко от современного Абу-Хаббы, в древности образовывал с Сиппаром двойной город. Он находился недалеко от Евфрата и к северу от Вавилона. Уже в 3800 г. до н. э. в этом городе правили семитские цари, распространившие свою власть на всю Вавилонию.

Находка младенца Саргона

[около 3800 г. до н. э.]

Первым царем, насколько нам известно, был Шарганишарали, которого мы называем Саргоном I. Он был сыном некоего Итти-Бела. Последний не называется ни царем, ни даже патеси. В этом мы можем увидеть подтверждение так называемой «легенды о Саргоне», согласно которой этот монарх был «низкого происхождения со стороны отца» и, следовательно, либо узурпатором, либо основателем династии Агаде. Эта легенда, вероятно написанная в VIII веке до н. э., якобы является копией надписи, сделанной на статуе этого великого царя, и имеет определенное сходство с библейским рассказом о Моисее. В ней говорится: «Я — Шаргена, могущественный царь, царь Агаде. Моя мать была из знатной семьи (?) [другие: была бедной], отца я не знал, а брат моего отца жил в горах. Моим городом был Азипирану, расположенный на берегу Евфрата. Моя мать из знатной семьи (?) (или бедная) зачала меня и родила в тайне. Она положила меня в корзину из шуру (тростника?) и закрыла ее (?) отверстие (?) битумом; она бросила меня в реку, которая не поглотила (?) меня. Река унесла меня и принесла к Акки, водоносу. Акки, черпальщик воды, поднял меня в ... Акки, черпальщик воды, воспитал меня до юности. Акки, черпальщик воды, сделал меня садовником. Во время моей работы садовником Иштар полюбила меня. X + IV лет я осуществлял власть, ... лет я командовал черноголовыми людьми (т. е. семитами) и правил ими» и т. д. Остальная часть этой легенды рассказывает нам о его походе против Дурилу на границах Элама; однако она слишком фрагментарна, чтобы быть связной.

В связи с этой легендой мы хотели бы еще раз обратить внимание читателя на тот факт, что под сомнение ставится не только тождество этого Шаргены с нашим Шарганишарали, его деяния и военные походы, записанные в так называемой «Плита предзнаменований», с датой его правления, но даже само его существование. Ряд новых фактов, связанных со временем Нарам-Сина и Шарганишарали, был обнаружен благодаря публикации большого количества договорных табличек, написанных во время правления этих царей. Эти таблички можно найти в « » в «*Revue d'Assyriologie*», iv, № iii. Поэтому теперь невозможно сомневаться в историчности Шарганишарали, как это делал Нибур.

До публикации Хилпрехтом «Древних вавилонских надписей», часть I, наши знания о Саргоне I почти полностью основывались на «легенде» и «Плитах предзнаменований». Поэтому великие деяния, приписываемые Саргону и Нарам-Сину в «Плитах предзнаменований», считались «чисто легендарными» (так считал Винклер, *Geschichte Babylon. und Assy.*, стр. 38). Другие считали, что его деяния были просто проецированы в прошлое (так Масперо, «Рассвет цивилизации», Нью-Йорк, 1895, стр. 599; «Саргон II — это тот, кто проецировал в прошлое»); третьи, не веря, что Саргон I мог предпринять такие экспедиции и стать практически «царем четырех концов земли», придумали другого царя Саргона (так Хоммель, *Gesch. Baby. und Assy.*, Berlin, 1883, p. 307, note 4; этого Саргона он помещает примерно в 2000 г. до н. э.).

Благодаря раскопкам в Телло и трудам Тьюро-Данжина, мы теперь можем доказать, что утверждения «Плиты предзнаменований» верны почти во всех деталях.

Давайте послушаем, что говорит эта «Плита предзнаменований». Одиннадцать из этих «предзнаменований» приписываются Саргону, а два — Нарам-Сину. Они обычно начинаются с фразы: «Когда луна находилась в таком-то положении», затем Саргон и т. д.

Первое предзнаменование описывает поход Саргона на Элам и его покорение.

Второе предзнаменование рассказывает о том, как он пошел на землю Ахарри (*т. е.* Западную землю), подчинил ее, а его армия покорила *кибрати ирбитта*, *т. е.* «четыре угла мира».

Третье предзнаменование рассказывает, что он принес горе Кишу и Вавилону, построил город по образцу (?) Агаде и назвал его Уб-да-ки, *т. е.* «место (город) мира».

Четвертое предсказание описывает еще одну экспедицию на Запад и захват четырех углов земли. То же самое и в пятом предсказании.

Шестое предзнаменование слишком фрагментарно, чтобы дать какой-либо определенный смысл.

Седьмое предзнаменование дает нам более полное описание похода против Ахарри; он пересекает западный океан и ведет войну против него в течение трех лет, захватывает его, воздвигает там свои статуи и перевозит пленников, которых он взял, по суше и по морю.

Восьмое предзнаменование описывает ремонт одного из его дворцов, который он называет «Э-ки-а-ам и-ни-лик», *т. е.* «дом»: «так давайте пойдем».

В следующем мы слышим о кампании против некоего Каштубиллы из Касаллы, который поднял восстание. Саргон выходит против него, побеждает его и его армию и разрушает мятежную страну.

Десятое, вероятно, является одним из самых важных. Оно гласит: «Саргон, против которого под этим предзнаменованием восстали старейшины всей страны и заперли его в Агаде, — Саргон вышел, победил их, поверг их, подчинил их армию и...».

Последнее предзнаменование рассказывает нам о походе Саргона против земли Сури (), о том, как он победил ее, захватил и уничтожил ее армию.

Два предзнаменования, относящиеся к Нарам-Сину, описывают поход против Апирака (предзнаменование i) и против Магана (предзнаменование ii). В обеих экспедициях Нарам-Син был настолько успешен, что даже взял в плен царей этих стран, а именно: Реш-Раммана (Адада), царя Апирака, и Н. Н., царя Магана.

Согласно этой «Плиты предзнаменований», Саргон I подчинил Элам, «Западную землю», принес беду на Вавилон и Киш, завоевал страну Касалла, подавил восстание, которое

поднялось против него во время его походов, и, наконец, подчинил землю Сури «в полном объеме».¹

[около 3750-2700 гг. до н.э.]

Сын и преемник Саргона, Нарам-Син, продолжил успехи своего отца, вторгшись в Маган, чьего царя он взял в плен. Он принял императорский титул «царя четырех зон» и, как и его отец, был назван «богом». Его даже называли «богом Агаде» (Аккад), что напоминает нам о божественных почестях, которых добивались фараоны Египта, чья территория теперь граничила с Вавилонией. В Диарбекире был найден прекрасно выполненный барельеф, изображающий Нарам-Сина и во многих чертах поразительно напоминающий раннее египетское искусство. Однако вавилонское искусство уже достигло высокой степени совершенства; два цилиндрических печата времен Саргона являются одними из самых красивых образцов искусства гравера по драгоценным камням, когда-либо обнаруженных. Империя была связана дорогами, по которым действовала регулярная почтовая служба, а глиняные печати, которые заменяли марки, теперь хранятся в Лувре с именами Саргона и его сына. По-видимому, была также введена кадастровая съемка, и в одном из документов, относящихся к ней, говорится, что некий Уру-Малик, чье имя, по-видимому, указывает на его ханаанское происхождение, был правителем земли амореев, как вавилоняне называли Сирию и Палестину. Вероятно, что первый сборник астрономических наблюдений и земных предзнаменований был составлен для библиотеки, основанной Саргоном.

Бингани-шар-али был сыном Нарам-Сина, но мы пока не знаем, унаследовал ли он трон своего отца. Другой сын был первосвященником города Туту, а в имени его дочери, Липус-Эаум, жрицы Сина, некоторые ученые усмотрели имя еврейского божества Яхве. Однако, скорее всего, имеется в виду вавилонский бог Эа.

ЦАРИ УРА

Падение империи Саргона, по-видимому, было столь же внезапным, как и ее возвышение. Центр верховной власти в Вавилонии переместился на юг, в Эрех, Исин и Ур. По крайней мере три династии, по-видимому, правили в Уре и претендовали на сюзеренитет над другими вавилонскими государствами. Одна из них, под руководством Гунгуну, успешно перенесла столицу Вавилонии из Исына в Ур. До сих пор неясно, принадлежал ли Гунгуну ко второй или третьей династии Ура; если ко второй, то среди его преемников был бы Ур-Гур, великий строитель, который построил или восстановил храмы бога Луны в Уре, бога Солнца в Ларсе, Иштар в Эрехе и Бела в Ниппуре. Его сыном и преемником был Дунги II, одним из вассалов которого был Гудеа, *патеси* или верховный жрец Лагаша [Ширпурла]. Гудеа также был великим строителем, и материалы для его зданий и статуй привозились со всех концов Западной Азии: кедровое дерево из гор Аманус, камень из карьеров Ливана, медь из северной Аравии, золото и драгоценные камни из пустыни между Палестиной и Египтом, долерит из Магана (Синайский полуостров) и древесина из Дилмуна в Персидском заливе. Некоторые из его статуй « », которые сейчас находятся в Лувре, высечены из синайского долерита, и на коленях одной из них лежит план его дворца с приложенной шкалой измерения. Шесть из этих статуй носили особые имена, и им приносили жертвы, как статуям богов. Гудеа утверждает, что завоевал Аншан в Эламе, и его преемником стал его сын Ур-Нингирсу. Его датировку можно условно установить на 2700 год до н. э.

[около 2700-2340 гг. до н.э.]

Высшие жрецы Лагаша по-прежнему оставались верными Уру, когда последняя династия Ура доминировала в Вавилонии. Династия была семитской, а не шумерской, хотя одним из ее царей был Дунги II. За ним последовали Бур-Син II, Гимил-Син и Ине-Син, чья власть простиралась до Средиземного моря и чьи правления мы знаем по большому количеству современных памятников в виде договоров и подобных деловых документов, а также хронологических таблиц. После падения династии Вавилония перешла под иностранное влияние.

ПРИХОД К ВЛАСТИ ЮЖНО-АРАВИЙСКОЙ ДИНАСТИИ

Суму-аби («Шем — мой отец») из Южной Аравии (или, возможно, Ханаана) стал правителем северной Вавилонии, в то время как эламские завоеватели оккупировали юг. После четырнадцати лет правления Суму-аби преемником стал его сын Суму-ла-илу, на пятом году правления которого была построена крепость Вавилон, и город впервые стал столицей. В договорных табличках упоминаются соперничающие цари Пунгун-ила и Иммеру, правившие одновременно с Суму-ла-илу (или Саму-ла-илу); а при Син-Мубаллите, правнуче Суму-ла-илу, эламиты подчинили всю страну и сделали Эри-Аку, или Ариоха, называемого его семитскими подданными Рим-Сином, царем Ларсы. Эри-Аку был сыном Кудур-Мабука, принца Ямудбала [или Э-мутбала] на восточной границе Вавилонии, а также «губернатора Сирии».

Эламское господство было наконец свергнуто сыном и преемником Син-Мубаллита, Хаммураби, чье имя также пишется как Аммурапи и Хаммурам, и который был Амрафелом из Книги Бытия xiv. 1. Эламиты под руководством своего царя Кудур-Лагамара или Хедорлаомера, по-видимому, захватили Вавилон и разрушили храм Бел-Меродаха, но Хаммураби восстановил свою власть и в тридцатом году своего правления (в 2340 г. до н. э.) разгромил эламские войска в решающей битве и изгнал их из Вавилонии. Следующие два года были заняты присоединением Ларсы и Ямудбала к его владениям и превращением Вавилонии в единую монархию, главой которой был Вавилон.

Восстановление независимости Вавилона сопровождалось великим литературным возрождением, а власть Вавилона распространялась вплоть до берегов Средиземного моря. Было обнаружено огромное количество договорных табличек, датированных правлением Хаммурапи и других царей династии, а также автографы самих царей, в особенности Хаммурапи. Среди последних есть одно, в котором приказывается отправить двести сорок солдат из Ассирии и Ситуллума, что свидетельствует о том, что Ассирия в то время была зависимой от Вавилона. Между Вавилонией и Западом поддерживались постоянные связи, вавилонские чиновники и войска проходили в Сирию и Ханаан, а «аморейские» колонисты поселялись в Вавилонии с целью торговли. Один из этих амореев, по имени Аби-раму или Аврам, является отцом свидетеля, упомянутого в документе, датированном правлением деда Хаммурапи. Амми-сатана, правнук Хаммурапи, по-прежнему называет себя «царем земли амореев», а его отец и сын Амми-садок [или Амми-садугга] носят ханаанские (и южноаравийские) имена Абесух или Абишуа [Эбишум].

Самсу-сатана, сын Амми-цадока, был последним царем первой династии Вавилона, за которой последовала династия одиннадцати шумерских царей, правивших в течение 368 лет. О них известно очень мало; их столица еще не обнаружена, и не найдено никаких торговых документов, датированных их правлением. Они были свергнуты, и Вавилония была завоевана касситами или коссайцами из гор Элама под предводительством Кандиша [Гандиша] или Гаддаса (в 1800 г. до н. э.), которые основали династию, просуществовавшую 576 лет и девять месяцев.

ДИНАСТИЯ КАССИТОВ

Под этим иностранным господством Вавилония утратила свою империю в Западной Азии. Сирия и Палестина обрели независимость, а первосвященники Ашшура провозгласили себя царями Ассирии. Божественные атрибуты, которыми были наделены семитские цари Вавилонии, исчезли в то же время; титул «бога» никогда не присваивался касситскому правителю. Однако Вавилон оставался столицей королевства и святым городом Западной Азии. Подобно правителям Священной Римской империи, принц, претендовавший на власть в Западной Азии, должен был отправиться в Вавилон и быть признанным там приемным сыном Бела, прежде чем его претензии на легитимность могли быть признаны. Вавилон все больше и больше становился священническим городом, живя своим древним престижем и сливая своего правителя с понтификом. С этого момента и до персидской эпохи он был религиозным центром цивилизованного Востока.

Одним из ранних касситских царей был Агум-какрима, который вернул образы Мерадаха и его супруги, которые были увезены в Хани. Позже Кадашман-Бел и Бурна-Буриаш I переписывались с египетскими фараонами Аменхотепом III и Аменхотепом IV (1400 г. до н. э.). Ассирийский царь Ашшур-Убаллит по-прежнему оставался верным своему вавилонскому сюзерену, и между королевскими семьями Ассирии и Вавилонии заключались браки. Кроме того, Вавилония по-прежнему искала возможности восстановить свое прежнее господство в Палестине, которая в результате завоеваний XVIII династии стала египетской провинцией, и вместе с Митанни или Арам-Нахараином и хеттами интриговала против египетского правительства с помощью недовольных заговорщиков на Западе. Однако после смерти Бурна-буриаша гражданская война в Вавилонии привела к вмешательству Ассирии в дела страны, и с этого момента даже номинальное подчинение Ассирии своему старому сюзерену прекратилось.

АССИРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВАВИЛОНА

Между двумя народами часто вспыхивали войны, и в конце концов (около 1280 г. до н. э.) Тукульти-Ниниб из Ассирии, на пятом году своего правления, захватил Вавилон и отправил сокровища Э-сагила, храма Бел-Мерадаха, в Ашшур. В течение семи лет ассирийский монарх правил Вавилонией, затем восстание вынудило его уйти в отставку; на вавилонский трон был возведен Адад-Шум-Усур из местной династии, а Тукульти-Ниниб вскоре после этого был убит своим сыном Ашшурназирпалом I. Ассирия неуклонно усиливалась, в то время как Вавилония все больше и больше приходила в упадок. Салманасар I, строитель Калаха

(ныне Нимруд) в 1300 г. до н. э., нес свои победоносные знамена во всех направлениях, а Тиглатпилесер I расширил Ассирийскую империю до Средиземного моря (1100 г. до н. э.).

[около 1230-745 гг. до н.э.]

Династия касситов пала около 1230 г. до н. э. в результате нападения эламитов, и на смену ей пришла новая династия, возникшая в Исине и просуществовавшая 132 с половиной года. Затем последовала серия недолговечных династий, завершившаяся династией Набу-насира, Набонассара у классических авторов, который взшел на престол Вавилона в 747 г. до н. э. В то время Ассирия находилась в состоянии революции. Гражданская война и эпидемии опустошали королевство, а его северные провинции были отторгнуты Араратом (или Ваном) [Урарту]. В 746 году до н. э. Калах поднял восстание, и 13 числа месяца Айру (апрель) следующего года Пулу, или Пул, принявший имя Тиглатпилесер III, захватил трон и начал проводить новую энергичную политику.^c

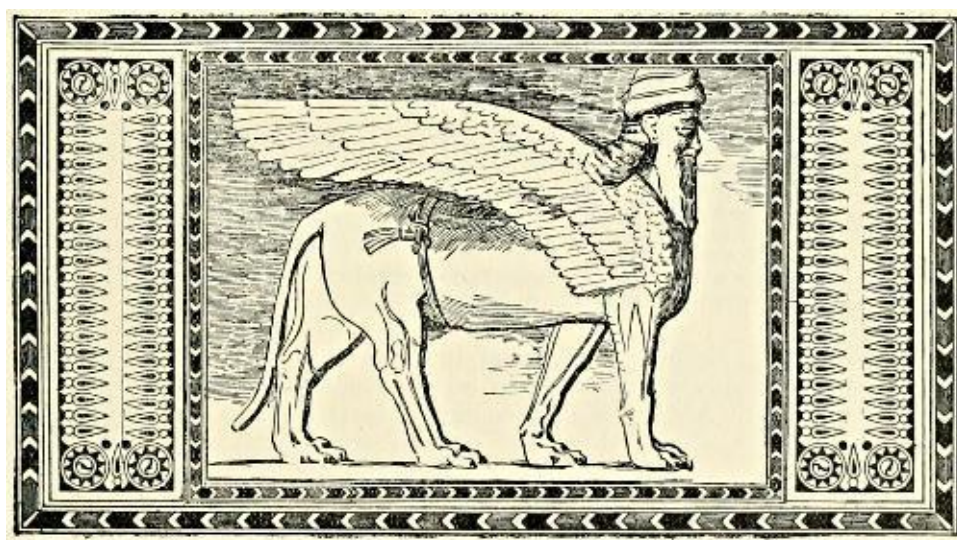
На этом месте целесообразно на время прервать рассказ о Вавилонии, пока мы не проследим происхождение и подъем той ассирийской державы, с которой вскоре связалась судьба Вавилона и которой он подчинялся до разрушения Ниневии, когда Новая Вавилонская империя вышла на исторический авансцену.^a

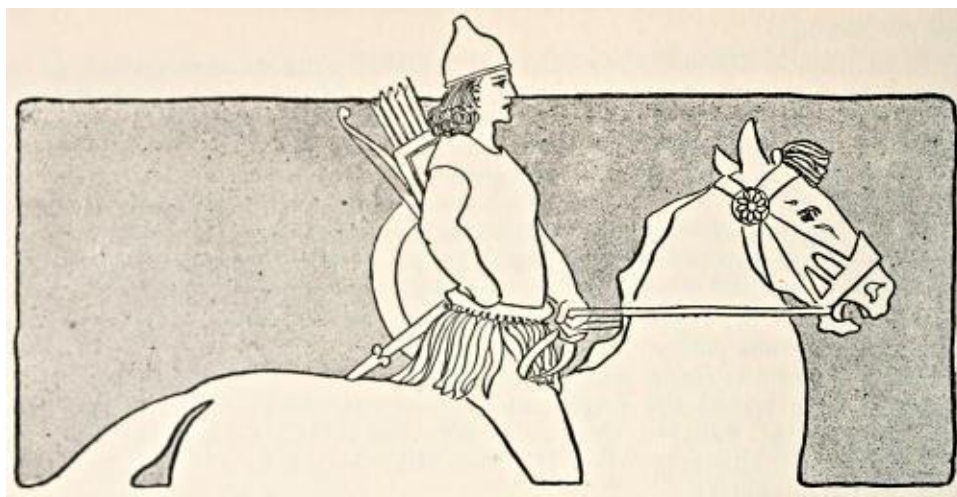
СНОСКИ

[19] [Так некоторые ассириологи читают более общепринятое «Ширпурла». Профессор Хоммель интерпретирует это как «Сиргулла», в пользу чего есть некоторые аргументы.

[20] [Цитируется с разрешения из «Early Babylonian History», Нью-Йорк и Лондон, 1902 г.]

[21] [Патеси был должностным лицом, выполнявшим как священнические, так и административные функции. Мы видим его во главе государства до того, как правитель принимает титул царя, а также в качестве наместника, когда страна была завоевана более могущественной нацией. В этом случае, по-видимому, существовал обычай, согласно которому победивший монарх понижал побежденного до ранга патеси, и в этом качестве он и его преемники продолжали осуществлять местное управление.]

ГЛАВА III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИИ

Вот, ассириец был кедром на Ливане, с красивыми ветвями, с тенистой кроной и высоким ростом; вершина его была среди густых ветвей.

Воды сделали его великим, бездна возвысила его, и реки ее текли вокруг его корней и посылали свои ручьи ко всем деревьям полевым.

Поэтому его высота возвышалась над всеми деревьями поля, и ветви его умножились, и его сучья стали длинными из-за множества вод, когда он вырос.

Все птицы небесные гнездились в его ветвях, и под его ветвями все звери полевые рождали своих детенышей, и под его тенью жили все великие народы.

Так он был прекрасен в своем величии, в длине своих ветвей, ибо его корни были у великих вод. — *Иезекииль*, 31:3-7.

Ассирийская империя в некоторых отношениях уникальна в истории. Несмотря на пресловутую тенденцию истории повторяться, трагическая история этого замечательного государственного образования не повторилась. Оно поднялось до уровня самой могущественной из наций; оно распространилось и приобрело самую обширную империю, какую только можно было увидеть до того времени; его столица, Ниневия, в течение нескольких столетий была метрополией мира. Но в самом разгаре своего имперского взлета она была сражена и полностью разрушена.

Другие империи были поработены, а Ниневия была уничтожена. Само название «ассирийцы» стало лишь воспоминанием и традицией. В конце VII века до н. э. Ниневия была гордой повелительницей мира; два века спустя холмы, покрывавшие ее руины, были отмечены греческим историком Ксенофоном, который прошел мимо них со своей злополучной «десятитысячной армией», как просто реликвии какого-то древнего города с неизвестным названием. Так быстро может пройти величайшая слава! Но продолжение истории еще более удивительно. Как мы видели, эти забытые холмы хранили секреты истории, которые они впоследствии раскрыли исследователям, и наше поколение стало свидетелем восстановления Ассирии в истории. Детали ее истории известны нам лучше, чем истории почти любой другой древней нации. Такое возрождение, подобное фениксу, является подходящим продолжением фантастической истории с ее трагическим финалом, которая вот-вот привлечет наше внимание.

Не следует полагать, что Ассирийская империя внезапно достигла только что упомянутого пика могущества. Напротив, ее подъем был медленным и осуществлялся с перерывами. Естественно, что растущая нация не оставила нам таких исчерпывающих записей о своей истории ранних дней, как те, что дошли до нас из времени ее могущества. Действительно, за несколько веков после того, как Ассирия начала приобретать значение, у нас есть только фрагментарные записи о ее истории. Лишь здесь и там великий монарх настолько неизгладимо запечатлел свои достижения в эпохе, что само время не смогло их стереть. Такие имена, как Саргон II, Салманасар и Тиглатпилесер, запомнились потомкам как имена великих героев, чьи подвиги стремились повторить различные преемники, а чьи имена были взяты на вооружение то узурпаторами трона, то законными потомками королевской семьи, и таким образом дважды увековечены.

Однако только в последнюю тысячу лет до нашей эры монархи Ассирии стали настолько известны нам, что кажутся настоящими историческими личностями в том же смысле, в каком эти термины применяются к Александрам и Цезарям более позднего периода. Такие цари, как Саргон II, Ашшурназирпал, Тиглатпилесер III, Салманасар II и, немного позже, Сеннахирим, Эсархаддон и Ашшурбанапал, оставили после себя столь обширные и столь достоверные записи, что их авторы предстают перед нами в самом ярком свете истории. Нигде за пределами Египта не сохранилось столь полных записей о деяниях древних монархов, как в случае с этими ассирийскими царями. Естественно, что записи прекращаются до разрушения Ниневии; не осталось ни одного ассирийского писца, который мог бы рассказать об этом трагическом событии.

Но теперь сцена перемещается в Вавилон; цари этого княжества поднимают прерванную хронику и на протяжении нескольких поколений снабжают нас историческими документами чрезвычайной важности. А там, где заканчиваются вавилонские записи, начинаются персидские хроники. В свое время они дополняются отчетами греческих историков, начиная с Геродота, так что историческая последовательность практически не прерывается.

Мы видели, что эти ассирийские и вавилонские записи были совершенно неизвестны в более поздние классические времена и с тех пор до их восстановления в конце XIX века. Поэтому особое интересное представляет собой сравнение этих записей с традициями вавилонских и ассирийских героев, которые сохранили классические писатели. В целом, вряд ли можно сказать, что это сравнение льстит классическому мышлению. Ни одна ассирийская табличка не сообщает нам о таком человеке, как Нинус, предполагаемый основатель Ниневии. Нет также никакого царского цилиндра, рассказывающего о могущественных завоеваниях царицы Семирамиды. Действительно, упоминается царица с таким именем, но она является супругой покойного царя Ниневии, и нет никаких записей, которые бы свидетельствовали о том, что ее достижения были в каком-либо отношении примечательными. Таким образом, мы вынуждены сделать вывод, что греческие историки, записывая предполагаемую историю Ассирии, полагались на устные предания. По-видимому, они совершенно не знали содержания подлинных исторических документов, многие из которых все еще были доступны в библиотеках Вавилона, когда Геродот посетил этот город. Однако интересно отметить, что греки имели яркое представление о былой величии Ассирии, даже несмотря на то, что не могли составить четкого и правильного представления о ней. Семирамида была действительно идеализированным воплощением общего представления об ассирийском завоевателе. Имена Саргона, Тиглатпилесера и их преемников были забыты, но их деяния смутно помнились, и из воспоминаний об их реальных завоеваниях возникла концепция мифического правителя, имя которого было

суждено на века заменить имена реальных героев. То, что произошло здесь, является лишь повторением того, что произошло в других местах при аналогичных условиях. Нет мифа без фактической основы. Если бы в Ассирии никогда не было великих завоевателей, легенда о Семирамиде никогда бы не возникла. «Нет дыма без огня» — это максима, которую историк никогда не должен упускать из виду; это максима, которой история Ассирии придает особое значение.

О источниках ассирийской истории было сказано так много, что здесь нужно добавить лишь несколько слов. По мере продвижения вперед у нас будет возможность более подробно остановиться на конкретных записях о различных царях. Однако в дополнение к ним существуют определенные исторические документы более общего характера, которые в значительной степени помогли современным исследователям реконструировать историю Вавилона и Ассирии. Наиболее важными из них являются некоторые вавилонские списки царей и так называемая «Синхронистическая история», в которой синхронизирована смена правителей в Вавилонии и Ассирии. Эти хронологические документы в совокупности не позволяют нам полностью реконструировать историю рассматриваемых длительных периодов, но пробелы в них относительно незначительны, особенно после 1000 года до н. э.; а для более поздних монархов Ассирии записи часто настолько объемны, что содержат точные подробности обо всех важных событиях.

Уже было отмечено, что самая ранняя история Ассирии не менее туманна, чем история ранней Вавилонии. Насколько можно восстановить факты на сегодняшний день, похоже, что в течение нескольких столетий народы, проживавшие к северу от Вавилонии, боролись за господство над более древней цивилизацией юга. Постепенно северяне — ассирийцы, как их стали называть — набирали силу, пока, наконец, в начале XIV века до н. э., при правлении Салманасара I, Ашшур не занял положение, по крайней мере равное Вавилонии. После смерти этого монарха Ассирия, по-видимому, на время ослабла, и только около 1100 года до н. э. появился другой великий монарх, который оставил свой след в истории. Этот новый правитель был известен как Тиглат-Пилесер I. Его называют первым из великих ассирийских завоевателей, хотя, возможно, эта оценка не вполне справедлива по отношению к некоторым из его предшественников. В любом случае, он восстановил влияние Ассирии, подчинил Вавилонию и, как говорят, был первым ассирийским правителем, коронованным как «царь четырех концов земли». Считается, что Ниневия была основана как столица империи во время правления сына и преемника Тиглат-Пилесера, который носил незнакомое имя Ашшур-бел-кала.

Ассирийский принц

[около 950-825 гг. до н.э.]

Любопытно, насколько личность отдельного монарха доминирует в истории эпохи восточных народов. Иллюстрацией этого известного факта служит антитеза в скудности записей примерно за столетие после смерти Тиглатпилесера. Неполные записи появляются снова около 950 г. до н. э., но только спустя три четверти века Ассирия вновь поднимается к периоду могущества. Затем, при Ашшурназирпале, одном из самых предприимчивых и жестоких завоевателей, печать ассирийского влияния была наложена на все окружающие народы. Салманасар II в значительной степени поддержал традиции своего отца, а власть Ассирии была сохранена, если не расширена, следующими правителями, Тиглатпилесером III и Салманасаром IV.

Насколько полно нам известны деяния этих поздних ассирийских монархов, станет ясно на следующих страницах. После них пришли монархи еще более знаменитые, но, возможно, правление Ашшурназирпала (885-860 гг. до н. э.) можно справедливо считать периодом, когда Ассирия достигла своего наивысшего могущества и высочайшего уровня цивилизации. Барельефы из дворца Ашшурназирпала, которые были обнаружены Лейардом и в настоящее время выставлены в Британском музее, в некотором смысле являются наиболее совершенными образцами ассирийского искусства, сохранившимися до наших дней. Правда, художники двух веков спустя разработали более сложную манеру в деталях, но грубые очертания ранних мастеров свидетельствуют о творческом периоде искусства. Модели, созданные в эту эпоху, никогда не изменялись в своих основных чертах на протяжении всей истории Ассирии. Такие сцены охоты, как та, на которой Ашшурназирпал, стоя в своей колеснице, стреляет из лука в разъяренного и раненого льва, пожалуй, никогда не были превзойдены ни одним ассирийским художником более поздней эпохи. Искусство этого времени также демонстрирует относительно большое количество примеров массивных скульптур, таких как быки и львы с человеческими головами. Любопытной особенностью более поздних скульптур является то, что на них обычно имеются надписи, написанные как на пьедестале, так и на самой фигуре. Разумеется, эти надписи повествуют о подвигах великого завоевателя. К сожалению, многие из них являются повторениями, но

даже несмотря на это, они сохраняют относительно полные записи о достижениях великого царя.

Еще более полные записи сохранились о Салманасаре II. В частности, черный обелиск, на котором представлены деяния этого царя как в графических изображениях, так и в обширных надписях, является одной из самых известных ассирийских древностей. Точный характер этой надписи и других упомянутых записей будет подробно описан на следующих страницах.а Прежде чем перейти к собственно истории, давайте изучим театр, в котором разыгрывалась драма, и происхождение актеров.

ЗЕМЛЯ И НАРОД

Земля Ассирии, в более узком смысле этого термина, расположена в основном на левом берегу Тигра и граничит на юге с Нижним Забом. Строго говоря, она не входила бы в состав Месопотамии, если бы не огромное значение Тигра для страны и направление течения других рек, которые делают ее своего рода придатком аллювиальной равнины, а также горные хребты на севере, образующие границу, отделяющую ее от остального мира и, таким образом, естественным образом относящую ее к Месопотамии. Следовательно, как только ассирийцы обрели независимость и начали свою завоевательную деятельность, было естественно, что они сначала расширили свои границы в этом направлении.

Месопотамия состоит из большой низменной равнины, не разделенной никакими физическими барьерами. Поэтому было естественно, что политика всех могущественных правителей этого региона была направлена на политическое объединение всех частей страны, которые и без того были объединены общей цивилизацией и экономической взаимозависимостью. Усилия ассирийцев также были направлены на достижение этой цели, хотя прошло много времени, прежде чем они ее достигли. В царстве Вавилонии, которое утвердило свое господство над всей южной частью равнины и зависимыми от нее провинциями, они сначала столкнулись с противником, достаточно сильным, чтобы сопротивляться им, и все, что им удалось завоевать на тот момент, была северная половина Месопотамии, большая часть которой осталась под их властью и была включена в Ассирийскую империю, так же как и вся Вавилония была включена в Вавилонскую империю. Однако мы увидим, что память о раздельном существовании двух составляющих частей империи на более раннем этапе все еще сохранялась в некоторых обычаях и пережитках гражданского права, точно так же, как и в Вавилонии.

Ассирийцы были семитской расой и, за исключением небольших различий в диалекте, говорили на том же языке, что и семитские вавилоняне. Ассирийская ветвь этой расы сначала составляла аванпост на левом берегу Тигра, где она развивалась несколько иначе, чем семиты, остававшиеся в Месопотамии. У нас есть все основания полагать, что до того, как ассирийцы проникли в эту страну, вся Месопотамия, как северная, так и южная часть, была заселена семитским населением, отличным от арамейцев — которые, вероятно, были недавними иммигрантами — и объединенным общей цивилизацией. Это та раса, которую мы называли вавилонянами, в отличие от шумеров, или, точнее, семитско-вавилонянами, когда речь идет о Вавилонии. Мы абсолютно не знаем, в какой степени эти семиты севера могли ассимилировать элементы более древнего шумерского населения, которое, возможно, выжило, поскольку в самые ранние времена, о которых у нас есть исторические свидетельства, семиты преобладали даже в северной Вавилонии, а тем более в северной Месопотамии.

Ассирийцы, должно быть, развивались по независимой линии, поскольку во всех других отношениях они существенно отличаются от вавилонян. В последних мы познакомились с

мирно настроенным, даже невоинственным народом, занимавшимся главным образом развитием своей цивилизации — качествами, которые, сравнивая их с ассирийцами, мы склонны приписывать их шумерской крови. Последние были, вероятно, самыми воинственными из всех семитских народов Востока и сохранили чистоту своего расового типа, поскольку черты лиц на их скульптурах в значительной степени демонстрируют характеристики, которые сегодня кажутся нам свойственными еврейской расе. Они также отличаются от вавилонян по фигуре, поскольку последние обычно изображаются невысокими и коренастыми, в то время как ассирийцы имеют несколько высокий рост и мощное телосложение.

Земля Ассирии сильно отличается от собственно Месопотамии. Близость горных хребтов делает климат более прохладным, а почва, вероятно, менее плодородной, чем в низинах вдоль реки. Средства транспорта внутри ее границ также были не так хороши, как в собственно Месопотамии, поскольку Тигр составлял только границу, а его быстрое течение делало его менее пригодным для движения, чем Евфрат, который составлял наиболее удобную естественную линию сообщения на равнине Месопотамии.

В Вавилонии мы познакомились со страной, которая развила свою собственную цивилизацию и где жители с гордостью и почтением помнили различные этапы ее экономического и политического развития — чувство, отраженное в религиозных культах древних городов, центров цивилизации. С Ассирией дело обстоит иначе. Эта страна начала играть свою роль в истории Месопотамии с твердым намерением присвоить то, чего достигла Вавилония. У ассирийцев не было таких достижений, освященных тысячелетней историей, которыми они могли бы гордиться в своей стране. Они были запоздалым дополнением к семитской иммиграции. Они чувствовали себя придатком к семитскому населению, уже поселившемуся в Месопотамии, и, следовательно, считали ее древние культы в некоторой степени своими собственными. Этот факт подразумевает бессознательное признание того, что у них не было ничего аналогичного или равноценного, что могло бы противостоять старым центрам вавилонской цивилизации, и, по сути, главные города Ассирии ни в коем случае не могут сравниться по значимости с городами Вавилонии. Самые известные из них обязаны своим расцветом подъему Ассирийской империи или даже, в некоторой степени, прихоти отдельных царей; и когда Ассирийская империя сошла со сцены истории, эти ее искусственные творения были уничтожены вместе с ней.

Вавилония возрождалась после каждого нового удара, потому что ее подъем к занимаемому положению был обусловлен жизненной необходимостью народов предшествующей Азии; в то время как вскоре после падения Ассирийской империи сами названия великих городов Ассирии исчезли из памяти жителей этой земли. Иначе обстоит дело с городами северной Месопотамии, которые принадлежали Ассирийской империи, но существовали до ее подъема и пережили ее падение. Единственным другим исключением среди крупных ассирийских городов является Арбела, которая, находясь на пересечении торговых путей в северную Месопотамию, Армению и Мидию, вероятно, существовала еще до времени Ассирийской империи и сохранила свое значение в более поздний период.

АССИРИЙСКИЕ СТОЛИЦЫ: АШШУР И НИНЕВИ

Самой древней столицей Ассирии был Ашшур, расположенный на правом берегу Тигра, на месте современного Калах Шергат. Первоначально он был резиденцией правителей, называемых патеси, которые, вероятно, были подданными вавилонской монархии. В первой половине второго тысячелетия до н. э. эти правители распространили свое влияние на район, который они называли «землей города Ашшура», и приняли титул «царя». Ашшур всегда почитался как древняя столица, но он находился так далеко на юге (фактически

почти за пределами страны), что вскоре «царям Ассирии» пришлось перенести центр правления в более удобное место. Шалманасер I (около 1300 г.) выбрал своей резиденцией Калах. Естественным результатом этого стало снижение значимости Ассира, поскольку его положение не позволяло ему занимать лидирующие позиции. В более поздние времена он существовал в основном за счет своей старой репутации и пользовался особыми привилегиями, которые были подтверждены даже Саргоном. Он был резиденцией Ассира, главного национального божества. Цари Ассирии, от Шалманасара I до Саргона, держали свой двор в Калахе (Нимруд). Ее значение, по-видимому, снизилось после правления Тиглатпилесера I, поскольку его сын Ашшур-бел-кала перенес столицу в Ниневию, которая оставалась королевской резиденцией до правления Ашшурназирпала. Последний восстановил Калах и так улучшил его, что он оставался столицей до тех пор, пока Саргон не выбрал Дур-Шаррукин (Хорсабад), который, в свою очередь, был заменен Ниневией в качестве столицы.

Ниневия (Нинуа), расположенная выше Калаха, на левом берегу Тигра, напротив современного города Мосул, в настоящее время представлена двумя холмами Кунджик и Неби-Юнус. Это был один из старейших и важнейших городов провинции Ассирия, который с самых ранних времен Ассирийской империи высоко ценился как место поклонения Иштар-Ашшур (), известной как «Иштар из Нинуа», чтобы отличать ее от Иштар из Арбелы. Поэтому мы должны рассматривать его как город, который изначально стоял на равных с Ашшуром и был подчинен патеси последнего города. Он стал королевской резиденцией во время правления Ашшур-бел-кала, сына Тиглатпилесера (или даже раньше), и оставался таковым до правления Ашшурназирпала. Но свою славу столицы и главного города Ассирии, которую он представлял в глазах других народов, он действительно обязан Сеннахерибу. Он построил совершенно новый Ниневию, который должен был достойно продемонстрировать мощь и славу Ассирийской империи. Его преемники продолжали проживать там и способствовали ее великолепию. Эсархаддон и Ашшурбанапал построили там дворцы, и Ниневия стала последним оплотом Ассирийской империи.

В долине Евфрата, в основном на правом берегу, между берегом, где река поворачивает на юго-запад, и Вавилонией, возникли различные государства, которые в силу своей естественной связи с Вавилонией склонялись скорее к этому царству, чем к Ассирии и северной Месопотамии. Это Лаки, Хиндану и (к востоку от последнего) Сухи, или Шухи, который простирался от места около устья Хабера до Вавилонии и до позднего периода находился под вавилонским господством. Эти государства, вероятно, в первую очередь были зависимыми от Вавилонской империи, но с момента падения Вавилонии и подъема Ассирии пользовались фактической независимостью. Ашшурназирпал был первым, кто подчинил этих «правителей», которые до этого времени «не платили дань» ассирийским царям и которых Вавилония поддерживала в их борьбе с Ассирией. Население этих государств состояло из тех же элементов, что и население Месопотамии. Первоначальные семитско-вавилонские поселенцы были вытеснены арамейскими иммигрантами. Это было наиболее очевидно в Лаки, самом западном государстве, которое во времена правления Ашшурназирпала не было однородным политическим образованием, а управлялось различными шейхами. И, вообще говоря, эти государства были полукочевыми содружествами.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИИ

[около 1741-1300 гг. до н.э.]

Город Ашшур изначально был патеси-королевством. Положение Ашшура, по-видимому, указывает на его тесную связь с Вавилонией, а не с северной Месопотамией, и, по крайней мере на данный момент, наиболее вероятно, что мы должны рассматривать его как вассальное государство Вавилонии или Царства четырех частей света. Не следует также игнорировать возможность того, что он мог быть частью царства «Кишшати».

Запись, оставленная ассирийским царем, позволяет нам определить, по крайней мере, один момент времени, когда Ашшур еще был зависимым государством и управлялся патеси. Тиглатпилесер I построил ту часть великого храма Ашшура, которая предназначалась для поклонения богам Ану и Рамману (Ададу), и в оставленной им записи он отмечает, что этот храм был построен патеси Шамши-Ададом, сыном Ишме-Дагана, патеси Ашшура, за шестьсот сорок один год до правления его прадеда Ашшур-дана, шестьдесят лет назад. Соответственно, Ашшуром должны были править патеси шестьдесят плюс шестьсот сорок один год до 1100 года, когда на троне был Тиглатпилесер, а его возвышение до ранга царства должно было произойти позже. Имена двух патеси Ашшура и их отцов известны нам из их собственных надписей. Одного из них, Шамши-Адада, и его отца, Игура-Капкапу, мы можем с одинаковой вероятностью () поместить до или после Шамши, сына Ишме-Дагана, в то время как форма двух других имен, Иришума и его отца Халлу, будучи простой и не имея ничего общего с составным характером более поздних ассирийских имен, позволяет нам предположить, что они относятся к более раннему периоду.

Имена этих шести патесов и их работа по строительству храма Ашшура представляют собой весь наш запас знаний об Ашшуре до того, как он стал королевским городом. Первым ассирийским царем, о котором нам что-либо известно, является Ашшур-бел-ниш-эшу, который представлен нам в «Синхронистической истории» как современник коссайского ^[22] царя Вавилона Караиндаша. Поскольку этот монарх правил примерно в первой половине XV века до н. э., между ним и патеси Шамши-Ададом протекает промежуток более трехсот лет, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что в этот период произошло возвышение Ашшура и основание Ассирийского царства. О обстоятельствах и условиях, при которых произошли эти события, мы ничего не знаем в деталях, но объяснение естественным образом подсказывает состояние Вавилонии. В этот же период Вавилония погрузилась в такую глубокую деградацию, что ее собственные силы уже не могли защитить ее от полчищ захватчиков, и она могла продолжать существовать только под защитой коссайских царей и их армий. Эти беспорядки, которые неизбежно сопутствуют такому положению дел, послужили, как это всегда бывает на Востоке, стимулом для образования новых государств под руководством энергичных и предприимчивых лидеров, и, вероятно, именно этим обстоятельствам царство Ашшур обязано своим возникновением.

Начиная с правления Салманасара I (около 1300 г.), цари Ассирии носят титул «Шар Кишшати» и даже ставят его перед титулом «царь Ассира». «Шар Кишшати» означает «царь мира», и этот титул сформирован по той же схеме, что и вавилонский «царь четырех сторон света». И ассирийский титул, как и вавилонский, не был просто общим по своему значению, но был связан с владением определенным районом и определенными городами.

Сомнительно, подчинила ли Ассирия царство Кишшати с самого начала или же завладела им позднее. Судя по скудным сведениям, доступным нам в настоящее время, вторая гипотеза кажется более вероятной. Первым ассирийским царем, носившем титул «Шар Кишшати», был Салманасар I (около 1300 г.), который присвоил его своему отцу Адад-нирари I (или Рамман-нирари), хотя последний не упоминает его в своих надписях. Шалманасер придает этому титулу такое большое значение, что на паре кирпичей, датированных его правлением, он фактически называет себя только «царем Кишшати» и

опускает царский титул Ассирии; поэтому мы можем сделать вывод, что объединение северной Месопотамии и Ассирии было делом Адад-нирари и Шалманасера.

Это, по крайней мере, одна из фиксированных точек в ранней истории Ассирии, от которой можно проследить развитие империи. До Салманасара мы имеем дело только с маленьким царством Ашшур, которое в основном было вовлечено в борьбу с Вавилонией и ее восточными соседями, а после его времени — с объединенными владениями Ассирии и северной Месопотамии, ведущей силой месопотамской цивилизации против Запада и нападений варваров со всех сторон. Синхронистическая история является нашим основным руководством по истории Ассирии, как и по истории Вавилонии до ее соприкосновения с Ассирией. У нас есть лишь несколько надписей царей этого раннего этапа существования Ассирии, и только с помощью вышеупомянутого документа мы можем более или менее связно проследить ход истории. До правления Ашшур-бел-ниш-эшу, с которого начинается хроника, мы не можем быть уверены ни в чем, кроме большого пробела.

[около 1450-1325 гг. до н.э.]

С Ашшур-бел-ниш-эшу, правившим в первой половине XV века, начинается линия царей с определенной степенью преемственности. О нем самом мы знаем только то, что сказано в «Синхронистической истории», а именно, что он заключил союз с Караиндашем из Вавилона, по которому они гарантировали друг другу владение своими владениями. Его преемником, хотя и не сразу, стал Пузур-Ашшур [вероятно, около 1420 г. до н. э.], о котором нам известно то же самое. Он заключил дружественный союз с Бурна-буриашем.

О его предполагаемом преемнике, Ашшур-надин-ахе, мы знаем из писем его сына Ашшур-убаллита Аменхотепу IV, что он, как и его вавилонский современник, поддерживал связи с царями Египта. В надписи более позднего царя упоминается одно из его сооружений — фундамент дворца в Ашшуре. В остальном, вполне возможно, что он правил до Пузур-Ашшура, а последний, как и Ашшур-Убаллит, был его сыном.

В нашем распоряжении имеется письмо, написанное Ашшур-убаллитом Аменхотепу IV из Египта. В нем рассказывается о подарках, преподнесенных египетскому царю — боевой колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, и печати-цилиндре, — приводится оправдание за запоздалый возвращение египетских послов под предлогом того, что их задержали (кочевые) суту, и содержатся обычные настойчивые просьбы о более богатых подарках в ответ. В Вавилонии Ашшур-убаллит сумел проложить путь для ассирийского вмешательства и таким образом приблизился к цели, к которой стремились все цари Ассирии, — к сюзеренитету над Вавилоном. За исключением попытки Ашшур-нарары и Набу-дайана, которая, по-видимому, ни к чему не привела, маленькое царство Ассирия поддерживало дружеские отношения с Вавилонией и заключило союз, который, вероятно, в большей степени способствовал ее собственной безопасности, чем безопасности другой стороны. Внутренние беспорядки стали предлогом, который впервые сделал возможным его успешное вмешательство в дела Вавилонии.

Убийство вавилонского царя недовольными коссайцами и возведение Назибугаша на престол дали Ашшур-убаллиту прекрасный повод для восстановления «порядка» в Вавилонии и возведения на престол Куригалзу, другого его внука. Адад-нирари упоминает еще одну свою экспедицию против шубари. Его преемник, Бел-нирари I [около 1370 г. до н. э.], хвастается в своей надписи, что он завоевал касху (коссаев) и расширил границы страны. Вероятно, это относится к отдельной кампании против касху, а не к войне с Куригалзу II, в которой он также одержал победу. Последнее предприятие также привело к территориальной экспансии, которая, по-видимому, не была постоянной.

Пуди-илу (около 1350 г.), сын и преемник Бел-нирари, вел войну, как сообщает его сын Адад-нирари, против неизвестных Туруки и Нигимхи, которые, вероятно, жили где-то в направлении Армении, и расширил ассирийскую границу на север (Гутиум). Адад-нирари I (около 1325 г.) оставил надпись, которая была обнаружена в Калах Шергат (Ашшур). Согласно ей, он, как и его предшественники, вел большинство своих войн на северо-восточной границе своего царства и стремился, строя города, возродить процветание региона, занятого шубари, лулуми, гути и касшу на северо-востоке, который был опустошен предыдущими войнами. Его надпись касается в основном зданий, которые он воздвиг в связи с храмом Ашшура. Это первая надпись из Ассирии с точной датой. Она была составлена в лимму (т. е. год пребывания в должности) Шульман-харраду.

Его сын, Салманасар I (около 1300 г.), был одним из могущественнейших ассирийских царей и, вероятно, первым, кто поднял Ашшур до положения, равного, если не превосходящего, положение Вавилонии. Мы не знаем о нем много из оставленных им надписей и поэтому вынуждены полагаться на случайные упоминания последующих царей. Он правил Месопотамией на западе по крайней мере до Балиха, если не до Евфрата, и обеспечил Ассирии владение северной территорией между Евфратом и Тигром, которая впоследствии стала провинциями Гумафен и Софен. Он основал там колонии и заселил их ассирийскими переселенцами, чтобы создать оплот Месопотамии против племен Севера. Позже, когда мощь Ассирии ослабла, эти колонии оказались в тяжелом положении, но они удержались и были укреплены Ашшурназирпалом, для которого они послужили удобной основой для новой ассирийской провинции Тушкан, которую он там основал.

С расширением царства и включением в его состав северной Месопотамии возникла необходимость в другой столице, кроме Ашшура, который находился слишком далеко на юге. Город, который Шалманасер выбрал для этой цели, был Калах, который оставался столицей вплоть до времени Саргона, за исключением периода упадка, последовавшего за правлением Тиглатпилесера I. Его целью при смене резиденции явно было отражение изменившегося положения дел, сложившегося в Ассирии и Месопотамии. Ассирия не должна была быть привилегированным королевством, но две политические организации, Ашшур и Королевство Кишшати, должны были стать равными членами новой империи, каждая из которых сохраняла свой центр соответственно в Ашшуре и Харране, в то время как царь основал свою собственную столицу, чтобы не отдавать предпочтение ни одной из них.

Сын Салманасара, Тукульти-Ниниб I (около 1275 г.) [но, вероятно, несколько раньше] был не менее удачлив в своих начинаниях, чем его отец. Он был первым, кто достиг цели каждого царя Ассирии — господства над Вавилоном. Адад-нирари III в списке своих предков называет его «царем Шумера и Аккада», из чего мы можем с уверенностью заключить, что он занимал такое же положение по отношению ко всей Вавилонии, и в частности к царству Вавилон, какое впоследствии занял Салманасар II, то есть он, должно быть, правил несколькими провинциями всей Вавилонии и осуществлял своего рода сюзеренитет над Вавилоном.

За быстрым подъемом Ассирии, по-видимому, последовал столь же быстрый упадок. На протяжении ста лет мы практически не имеем никакой информации об этом, и даже не знаем имен царей, правивших в этот период. Отсутствие надписей или, во всяком случае, хвастливых записей о правлении более поздних царей, само по себе, кажется, указывает на период унижения, в то время как условия, которые мы находим, когда наши источники информации становятся более обширными, показывают, что вскоре после правления Тукульти-Ниниба, и, следовательно, вероятно, до конца XIII века до н. э., власть Ассирии,

должно быть, была серьезно ограничена и подверглась тяжелым потрясениям. Откуда они возникли, мы увидим вскоре.^b

Едва ли найдется год, в котором не появлялась бы дополнительная информация об этом малоизвестном периоде. Недавно расшифрованный фрагмент вавилонской хроники упоминает ассирийского царя Тукульти-Ашшур-Бела, современника Тукульти-Ниниба, но о взаимоотношениях между этими двумя царями ничего не говорится. Профессор Винклер в *Altorientalische Forschungen*, предполагает, что первый был сыном второго и соправителем, пока тот занимался управлением и покорением Вавилона. Профессор Роджерс так подводит итог жизни Тукульти-Ниниба: «В течение семи лет это правление над Вавилонией сохранялось. Вавилоняне восстали, изгнали ассирийских завоевателей и вновь поставили над собой вавилонянина Адад-Шум-Усура (около 1268-1239 гг. до н.э.). Когда Тукульти-Ниниб вернулся в Ассирию, он обнаружил, что даже его собственный народ поднял восстание под руководством его сына. В последовавшей гражданской войне он лишился жизни, и завершилось самое блестящее правление в истории Ассирии до того времени».

[около 1275-1235 гг. до н.э.]

Этот мятежный сын был не вышеупомянутый Тукульти-Ашшур-Бел, а Ашшурназирпал I. Его правление продолжило период упадка, и считается, что именно в это время Адад-Шум-Усур фактически напал на Ассирию. Далее следуют два царя, Ашшур-нара и Набу-дайн, чьи правления, по-видимому, были современными (около 1250 г. до н. э.). Был найден фрагмент глиняной таблички, содержащий письмо Адад-шум-усура этим двум царям, в котором он упрекает их за глупость, с которой они подняли оружие против него, что свидетельствует о том, что мощь Вавилона все еще росла.^a

Мы не знаем, как произошло, что Ассирия утратила господство, которое она приобрела над Вавилонией при Тукульти-Нинибе, но несомненно, что примерно пятьдесят лет спустя Бел-Кудур-Усур оказался изгнанным в саму Ассирию и был вынужден сражаться за владение своей столицей. [По мнению профессора Роджерса, Мели-Шипак (около 1238 г.) и Мардук-Апал-Иддин (около 1223-1211 гг.) были вавилонскими царями в этой войне. Он датирует смерть Адад-Шум-Иддина 1269 годом, а Адад-Шум-Усура — 1238 годом до н. э., основываясь на недавних просветительских предположениях профессора Хоммеля]. В «Синхронистической истории», которая на данный момент является неполной, говорится, что Ниниб-апал-эшарра (который, вероятно, был сыном Бел-кудур-усура) был вынужден отступить. Вавилоняне, по-видимому, преследовали его и осадили в его собственной столице Ашшуре, где произошла битва, в которой, согласно явному смыслу «Синхронистической истории», ассирийцы были разгромлены. Но эта победа, если она была победой, не могла быть решающей, поскольку после битвы вавилоняне отступили, не предприняв дальнейших попыток вторгнуться в более отдаленные части страны. Поэтому поражение ассирийцев, скорее всего, было скорее успешной обороной своего города. Несмотря на то, что эта зацепка незначительна, она ясно показывает, что в течение некоторого времени Ассирия была вынуждена бороться за свою жизнь против Вавилона и с трудом удерживала свои позиции. Причины такого развития событий следует искать в большом перерыве, связанном с правлением Бел-Кудур-Усура. Титулы вавилонских царей того периода также свидетельствуют о том, что в это время Вавилония фактически вернула себе северную Месопотамию.

Поскольку мы видим, что Тиглатпилесер владел практически теми же владениями, что и Тукульти-Ниниб (хотя Шумер и Аккад ему не принадлежали), ход событий на протяжении всего XII века, от Ниниб-Апал-Эшарры до Ашшур-Риш-Иши, очевиден. Задачей стояла перед

ними была реконструкция утраченных владений, и последующие правители неуклонно и успешно трудились над ее выполнением.

О Ниниб-апал-эшарре в «Синхронистической истории» ничего не говорится, кроме того, что он успешно противостоял вавилонскому нападению, и Тиглатпилесер также не упоминает о каких-либо других его деяниях. Однако последний явно придает ему характер способного полководца, «который правильно руководил войсками Ашшура», вероятно, имея в виду его отступление после смерти Бел-кудур-усура и отражение вавилонского царя.

[около 1200-1116 гг. до н.э.]

Его сын и преемник, Ашшур-дан (около 1200 г. до н. э.), одержал несколько побед над Вавилоном и отвоевал у Самана-шум-иддина (царя Вавилона) некоторые территории за Забом. Тиглатпилесер подчеркивает, что он дожил до глубокой старости (около 1150 г. до н. э.). О его сыне, Мутаккил-Нуску, ничего конкретного не известно. Вероятно, он продолжил дело своих предшественников, поскольку Ассирия постепенно вернула все, что потеряла.

Затем Ашшур-риш-иши (около 1140 г. до н. э.), отец Тиглатпилесера I, сообщает, что он отвоевал Лулуми и Кути, которые ранее были подчинены Адад-нирари, но затем либо попали под власть Вавилона, либо обрели независимость; и что он отразил кочевников, которых Адад-нирари также оттеснил и которые, естественно, воспользовались слабостью Ассирии, чтобы снова наступить. Его война с Навуходоносором I, царем Вавилона, по-видимому, велась главным образом за владение Месопотамией, которую также предназначалось обеспечить поражение кочевников. Весьма вероятно, что он достиг своей цели — эвакуации царства Кишшати, царем которого Навуходоносор называет себя в одной из своих надписей.^b

ПЕРВЫЙ ВЕЛИКИЙ АССИРИЙСКИЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

[около 1116-1050 гг. до н.э.]

Сын Ашшур-риш-иши, Тиглатпилесер I (Ту-культи-апал-эшарра, что означает «Моя помощь — сын Эшарры», *т. е.* бога Ниниба), является первым из великих ассирийских завоевателей. Сразу после вступления на престол он выступил против мушке (мушкайя), чтобы завоевать ранее захваченные ими районы. Мушке (Мешех из Ветхого Завета и Моски из греческих источников) были разгромлены, как и народ кумкухов и горные племена Хари и Курхи, проживавшие на территории от севера Тигра до Верхнего Заба. В следующей кампании была пересечена та же область, но затем царь перешел через Нижний Заб и оттуда продвинулся на север в горы. Вся горная область была присоединена к Ассирийскому царству, и Тиглатпилесер смог приступить к покорению земель западной Армении и Понтиса, куда ассирийские правители никогда раньше не вступали.

Он пересек шестнадцать гор, достиг (то, что он называет землей Наири) верхнего течения Евфрата, который он пересек, и в великой битве победил двадцать пять царей [двадцать три, по другим данным], которые встретили его со своими войсками и боевыми колесницами. Враги были преследованы до берегов Черного моря, где все князья присягнули на верность и обязались платить дань. На обратном пути был захвачен город Милидия, *то есть* Мелитене на Евфрате, который был вынужден платить дань.

Следующая, четвертая кампания царя была направлена против арамейцев, живших в степях Северной Месопотамии; он проник до реки Эфрат () и завоевал несколько мест в окрестностях Кархемиша. Затем последовала экспедиция на восток против [мусри и] тогда еще неизвестного племени кумани. В последующие годы Тиглат-Пилесер проводил кампании на западе. Надпись у истоков Супната, первого восточного притока Тигра, сообщает нам, что он трижды пересек страну Наири (Армению) и подчинил всю страну «от великого моря западной страны до моря Наири». В частности, мы узнаём, что он совершил путешествие на кораблях из Арвада (Арадуса) на Средиземном море, что он охотился в Ливане (он был страстным охотником) и что цари Египта послали ему в подарок несколько редких морских рыб. Весьма вероятно, что одна из поврежденных надписей, которые ассирийские цари разместили на реке Дог (Нахр-эль-Келб, к северу от Бейрута), совсем рядом с памятниками победы Рамсеса II, относилась к Тиглатпилесеру. Он также вел войну против Мардука-надина-ахе из Вавилона, но без успеха; по крайней мере, мы знаем, что в 1110 году до н. э. вавилонский царь унес из ассирийского города изображения богов. [По словам профессора Роджерса, Тиглатпилесер маршировал на Вавилон и был там признан царем четырех частей света].

Однако Тиглат-Пилесер во второй кампании одержал полную победу в битве при Нижнем Забе и захватил все столицы северной половины Аккада: Дур-Куригалзу, двойной город Сиппар, Вавилон и Упи. Степной район на западном берегу Евфрата (земля Шухи или Сухи) также был подчинен им. Так Тиглат-Пилесер создал великое царство, которое включало в себя весь район Евфрата и Тигра до Вавилона, а также горную страну западной Армении и восточной Малой Азии до Понтиса; его верховенство было признано и северной Сирией.

Об организации царства мы знаем только то, что смежные районы, такие как долина Хабуре, восточный Куммух и Курхе, были включены в состав государства и управлялись ассирийскими министрами, в то время как более отдаленные страны сохранили своих родных правителей и были обязаны только уплачивать дань. Царство не имело прочного положения. Мы слышим, что Ашшур-бел-кала (около 1090 г. до н. э.), сын Тиглатпилесера, жил в великом мире с Мардук-шапик-зер-мати, вавилонским царем. Когда после падения последнего на престол взошел Адад-Апал-Иддин, сын Эсагила-Шадуни, Ашшур-Бел-Кала женился на его дочери и привез ее в Ассирию с множеством подарков. [По мнению Роджерса, в это время столица империи, вероятно, была перенесена в Ниневию].

[около 1050-884 гг. до н. э.]

Вавилония, очевидно, восстановила свою полную независимость, хотя ассирийские хроники не сообщают, каким образом это было достигнуто. Преемником Ашшур-бел-калы стал его брат Шамши-Адад (около 1080 г. до н. э.), о котором мы ничего больше не знаем; затем в линии царей следует большой пробел. [Здесь можно вставить имена Ашшурназирпала II около 1050 г. до н. э., Эрба-Адада и Ашшур-надин-ахе.

О царе Ашшур-эрби упоминается только то, что при нем районы, завоеванные Тиглатпилесером, а именно страна Питру на Сагуре близ Кархемиша и город Муткину к

востоку от Евфрата, были захвачены арамейским царем. Это был, очевидно, царь страны Бит-Адини, чье главное владение находилось к востоку от Евфрата, а столица — Тель-Барсип, который, вероятно, является Биреджиком, напротив Зевгмы греков. В начале IX века мы снова получаем более точную информацию об Ассирии и обнаруживаем, что, помимо части горного района к востоку и юго-востоку от Ниневии (), цари теперь владеют только страной на верхнем течении Тигра (вокруг Амиды), Куммухом и большей частью возделываемых земель Месопотамии.

Район на Евфрате, напротив Кархемиша, является независимым и разделен на несколько княжеств (Бит-Адини, Нила, Бит-Бачиани и, дальше на север, Тель-Абнай), точные границы которых до сих пор невозможно определить. Страна на Балихе, по-видимому, осталась ассирийской; очень примечательно, что город Харран не упоминается ни в одной из более поздних кампаний. Район дальше на восток, Нисибис и соседний Гозан, плодородные долины Хабуре и его притоков, даже город Суру в земле Бит-Халупе на Евфрате (Сура, к востоку от Тапсахоса), управлялись ассирийскими министрами. Правительство ассирийских министров в нижней долине Хабуре представляет для нас особый интерес.

Весь район этой реки, а также земля Сангара, расположенная дальше на восток, полны куч и руин, которые отмечают места древних и более поздних времен. Наиболее важными являются руины в месте, которое сейчас называется Арбан на Хабуре. Здесь находятся остатки древнего дворца, построенного в ассирийском стиле, с четырьмя крылатыми быками с человеческими головами, львом с открытой пастью, рельефным портретом воина и т. д. На быках есть надпись «Дворец Мушеш-Ниниба». К сожалению, пока нет возможности установить точную дату постройки этого дворца. Находка скарабеев Техутима III и Аменхотепа III в Арбане и Калахе не является достаточной подсказкой. Когда в 884 году до н. э. ассирийский царь Ашшурназирпал III спустился по Хабуре, Шульман-хаман-илани из Садиккана и Илу-Адад из Шумы принесли ему тяжелую дань. Несомненно, одно из этих двух мест является современным Арбаном, а их правители были полунезависимыми ассирийскими министрами, известными как Мушеш-Ниниб, поскольку имена, письменность и стиль искусства показывают нам, что мы имеем дело не с местным правительством. Население долины Хабуре, несомненно, было арамейским, как и население Харрана и Нисибиса.

[около 1090-885 гг. до н.э.]

XI и X века до н. э. подтвердили полную свободу местного правительства стран Западной Азии. В то время как царство фараонов пришло в упадок из-за старости, в Сирии возникала новая нация, развивающая свою активную интеллектуальную жизнь.

Финикийские купцы распространяли продукты сирийской цивилизации по всем побережьям Средиземного моря, а жители Эгейского моря, уже вступившие в круг культурных народов, соперничая с финикийцами в торговле и мореплавании, один за другим захватывали побережья и тем самым развивали полноценную политическую и интеллектуальную жизнь. Судьба Западной Азии была определена тем, что развитие культуры Сирии не приняло широкой, мощной политической формы, а скорее препятствовало ей. Со времен расцвета царства Хета в Сирии не было великой державы. Поэтому, когда на Тигре под руководством бесстрашного воинственного князя образовалось завоевательное военное государство, оно не встретило серьезного сопротивления.

Успех Ассирии был обусловлен ее военной организацией. Хотя мы мало знаем о ее особенностях, нет сомнений в том, что весь народ считал войну и завоевания настоящей целью существования, и чем успешнее они были, тем больше игнорировали все другие

стороны жизни; в то время как маленькие государства Сирии сделали земледелие, торговлю и промышленность главными занятиями своей жизни, хотя, по-видимому, каждый житель, как и израильтяне, был обязан в случае необходимости взять в руки оружие для защиты своей страны. Единственной великой военной державой был Египет, но его воинская каста состояла из иностранных наемников, которые эксплуатировали страну, хотя с военной точки зрения они, очевидно, не приносили ей больше пользы, чем их сословие в целом в подобных случаях.

Таким образом, исход событий был предreshен. Двухвековые ассирийские походы привели к политическому и национальному падению народов Сирии. Дальнейшее развитие событий привело к уничтожению национальности во всей Западной Азии. Царство Тиглатпилесера I пало вскоре после его смерти, и теперь в наших сведениях об Ассирии наступает более чем столетний пробел. Очень скудные сведения начинаются примерно с 950 года до н. э. В то время правил Ашшур-дан II, упоминаемый как «создатель канала». [Недавно обнаруженная надпись Адад-нирари II говорит о его деде Тиглатпилесере. Поэтому новый Тиглатпилесер, второй с таким именем, теперь включен в список царей, и его правление датируется примерно 950-930 годами до н. э. О нем ничего не известно, кроме того, что его называют «царем Кишшати и царем Ашшура». Царствование Ашшур-дана II теперь датируется 930 г. до н. э., а Адад-нирари II — 911 г. Преемник Ашшур-дана, Адад-нирари II, упомянутый в связи со строительством «Ворот Тигра» (890 г. до н. э.), побеждает царя Шамаш-мудаммика из Вавилона в сражении на горе Ялман и ведет войну против его преемника Набу-шум-ишкуна [который также был побежден и уступил некоторые города]. В мире, заключенном по договору о союзе, граница была установлена вблизи города Тель-Бари, к югу от Нижнего Заба.

Следующий царь, Тукульти-Ниниб II (890-885 гг. до н.э.), сражался в северо-западных горах, и у истоков Супната, первого притока Тигра, он воздвиг свою статую (стелу) рядом со статуей Тиглатпилесера. Несмотря на неоднократные нападения, горные районы на востоке вплоть до озера Ван, главная часть земли Курхи, в основном сохранили свою независимость. Военные усилия этих правителей до сих пор были направлены против народов гор Касджар (Масиус), к югу от Тигра и близ Арамейской Месопотамии, которые, несмотря на многочисленные кампании, так и не были подчинены. Если Нисибис, Гозан, долина Хабур и, по-видимому, также Харран принадлежали ассирийцам под властью Ашшурназирпала, то после XII века они либо остались независимыми, либо были подчинены царями этого периода. На востоке горные народы Хубушкии и Киррури (на Верхнем Забе и вплоть до озера Урумие) являются данниками, а на Нижнем Забе мы находим под властью Ашшурназирпала, ассирийского правителя Дагары, в земле Евфрата, чьи укрепленные цитадели были в основном расположены на берегах реки или, как в Анатолии, на острове, платили дань. Сын Тукульти-Ниниба, Ашшурназирпал III (885–860), сразу после вступления на престол приступил к новым завоеваниям.^c

ПРАВЛЕНИЕ И ЖЕСТОКОСТЬ АШУРНАЗИРПАЛА

[885–880 гг. до н. э.]

Дело завоеваний Тиглатпилесера должно было быть начато заново; Ашшурназирпал ощутил всю силу этой миссии и выполнил ее с жестокостью, достойной героя, которого он взял за образец, а его преемники, как и он, взялись мстить, с оружием в руках, за временное унижение Ашшура.

Едва Ашшурназирпал вступил на престол, как он обратил внимание на свои войска — его боевые колесницы и вооруженные люди были многочисленны и хорошо оснащены; они

были готовы к походу. Первым ударом была поражена земля Нумме. Привыкшие к длительному и непрерывному миру, жители даже не думали о мерах обороны и бежали в горы при приближении ассирийцев, которые без кровопролития захватили города Либе, Сурра, Абуку, Арура и Аруби, расположенные у подножия гор Риме, Аруни и Этини. «Эти величественные вершины, — рассказывает Ашшурназирпал, — возвышаются, как лезвия кинжалов, и только птицы в полете могут достичь их вершин. Местные жители укрепились среди них, как в орлиных гнездах. Ни один из моих предков, царей, никогда не проникал так далеко. За три дня я достиг этих высот; я посеял ужас в их укрытиях, я потряс их гнезда; двести защитников погибли от меча, и я захватил их стадо и богатую добычу. Их трупы усыпали горы, как листья с деревьев, а те, кто спасся, были вынуждены укрыться в пещерах». Эти события напугали мирных жителей района Киррури, которые поспешили из Симиры, Ульмании, Аданита, Харгая и Хараси, чтобы броситься к ногам завоевателя и предложить ему все, что он обычно захватывал — лошадей, волов, овец и медные сосуды. Им был дан ассирийский правитель. Такой был страх во всей Наири, что, пока он еще задерживался в Киррури, Ашшурназирпал принял послов из народов Гозана и Хубушкии, которые прибыли издалека с востока, принеся подарки и прося о цепях рабства.

АШШУРНАЗИРПАЛ

(На основе скульптур в Британском музее)

Из Киррури ассирийский царь направился немного на восток, в район Курхи, поочередно разграбляя не менее дюжины городов, и наконец достиг границ Урарту. Единственное серьезное сопротивление он встретил под стенами Ништума, который дорого заплатил за свою смелость. Эти начальные события были предвестниками будущего, и Ашшурназирпал даже не стал дожидаться следующего года, чтобы возобновить поход. Все еще нося титул «лимму», в 24-й день месяца Абу (июль-август) он отправился опустошать страну, ныне называемую районом Бохтан, расположенную между Тигром и западными отрогами гор Джуди. Здесь находились районы Ниппур и Пазати, включавшие более двадцати важных городов, среди которых были сожжены Аттун (), Атокун (Atkun) и Пилази (Pilazi). Затем

Ашшурназирпал пересек Тигр и вторгся в Куммух, чтобы потребовать ежегодную дань, которую тот забыл предоставить. [Возможно, он отправился туда с целью подавления восстания].

В тот момент, когда он подумывал о том, чтобы продвинуться дальше, к Мосхи, более к северо-западу, гонец принес ему письмо, в котором содержалась следующая новость: «Город Суру (современный Сурие), подчиняющийся Бит-Халупе, поднял восстание; жители казнили своего правителя Хамитая и провозгласили своим царем Ахи-ябабу, сына Ламамана, которого они привезли из Бит-Адини». Взбешенный этой новостью, Ашшурназирпал призвал Ашшура и Адада, пересчитал свои колесницы и солдат и помчался к месту беспорядков, спускаясь по течению Хабура. Его продвижение затруднялось прибытием множества людей, с руками, полными подарков, и устами, полными клятв верности. Среди них были Шульман-хаман-илани из Садиккана, Илу-Адад из Шумы и сотня других.

Город Суру испугался, и мятежники вышли ему навстречу, принеся ключи от цитадели. Они целовали его ноги, но Ашшурназирпал был непреклонен. «Я убил каждого второго из них», — говорит он, а половина оставшихся была обращена в рабство. Ахи-ябаба, пленник, был свидетелем разграбления своего дворца, он видел, как его жен, сыновей и дочерей заковали в цепи, а его покровителей, колесницу, доспехи и сокровища унесли. Он видел, как всех его министров, а также лидеров восстания заживо сняли с кожи. Пирамида, воздвигнутая у городских ворот, была покрыта их кожами; некоторые были замурованы в каменной кладке, другие распяты и выставлены на кольях по бокам пирамиды. Можно было бы с сомнением отнестись ко всему этому и с готовностью посчитать ассирийских монархов хвастунами своей жестокостью, если бы барельефы, которыми они украшали стены своих дворцов и которые сегодня украшают наши музеи, не говорили нашим глазам, а сопровождающие их надписи — нашему разуму. Нам приходится напрягать свой ум, чтобы представить себе более изысканные методы пыток или казни.

Прежде чем Ашшурназирпал вернулся в Ниневию, он совершил военный поход по регионам, расположенным около слияния рек Хабур и Евфрат, которые образовывали страну Лаки. Все мелкие династии этой земли принесли ему дань. Затем он продвинулся до Хиндану на Евфрате, границе страны Шухи. По возвращении в столицу за царем следовала бесконечная вереница рабов, лошадей, волов, овец, колесниц, груженных шерстью и льном, слитками золота, бронзы и железа, медными и свинцовыми сосудами и деревянными конструкциями; добыча, по его словам, была бесчисленна, как звезды на небе. Солдаты захватили всевозможные предметы, и при распределении всему было найдено применение.

В Ниневии царь занялся украшением своего дворца, ожидая весны. В одном из внутренних дворов он воздвиг себе колоссальную статую, а на воротах дворца была высечена история его недавних завоеваний. Ежедневно он был вынужден принимать дань уважения послов, прибывавших со всех концов, чтобы признать его верховную власть, преподнести дары и просить о печальной чести служить такому господину, ибо они на собственном опыте узнали, что городу слишком поздно предлагать свою покорность, когда царь уже стоит у его ворот.

[880-876 гг. до н. э.]

Случилось так, что Ашшурназирпал был *в разгаре праздника*, окруженный своим двором, когда пришла весть о восстании в регионе, расположенном вокруг истоков Тигра. Лидером этого восстания был ассириец по имени Хула, которого в прежние времена Салманасар назначил правителем Дарудамусы и Халзилухи. Царь немедленно выступил в поход и, прибыв к истокам Тигра, разыскал стелы, которые воздвигли его предшественники, Тиглатпилесер () и Тукульти-Ниниб (Tukulti-Ninib), и рядом с ними установил свою

собственную. По дороге он остановился, чтобы взыскать дань с страны Изалла, и взял штурмом города Кинабу, Мариру и Тела. После кровопролитного сражения под стенами последнего города он выколол глаза и отрезал носы и уши пленникам, чьи жизни он пощадил. Хула был заживо снят с кожи.

В этой области, на земле Нирбу, стоял город, который носил имя Ашшура и, вероятно, был построен Тиглатпилесером для контроля над окружающими землями. Поскольку этот город также принял участие в восстании, Ашшурназирпал приказал сровнять его с землей, как и город Тушка, на руинах которого он построил пирамиду, увенчанную его статуей и с надписью, рассказывающей о завоевании земли Наири. Здесь он принимал дань от царей Наири. Округа Уруми и Битуни также принесли свои дары. Но едва Ашшурназирпал отвернулся, как все племена Наири подняли восстание, и ему пришлось вернуться и устроить настоящую охоту на людей в горах.

Этот год был очень насыщенным, и было легко предвидеть, что бедствия, следовавшие за правлением Тиглатпилесера, скоро будут устранены. В ходе трех кампаний Ашшурназирпал пронес факел через часть земли Наири, к югу и востоку от озера Ван, к истокам Тигра, через долину Хабур и вниз по Евфрату. Но, подобно урагану, который проносится и пожирает все на своем пути, ассирийское господство, основанное только на страхе, было обречено на кратковременность и стало шатким, как только наказание было снято.

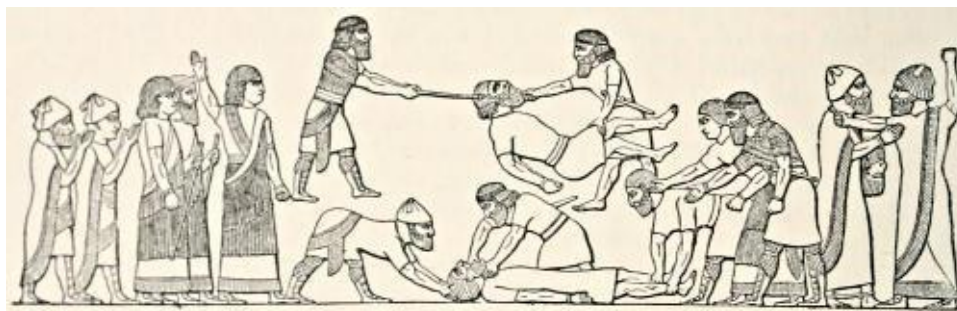
[876-854 гг. до н.э.]

Чувствуя себя в безопасности в направлении Наири, с которым он обошелся так жестоко, Ашшурназирпал обратил свое внимание на плодородные склоны вдоль левого берега Тигра. Он рисковал столкнуться с вавилонянами, но те уже не боялись его, а ослабленные, разрозненные касситские (или коссайские) племена едва ли можно было назвать грозными. Бабиту, Дагара, Бара, Какзи и двадцать других мест подверглись судьбе, уготованной городам, взятым штурмом; сто пятьдесят городов были разграблены и сожжены, а вся земля Нишир была опустошена. Сезон дождей приостановил военные действия, и Ашшурназирпал вернулся в зимние кварталы в Ниневии, но как только погода позволила, в первый день месяца Сиван (май) он вернулся в Замуа. Столицей Замуи был Замри, где проживал царь Амиха, не имевший возможности сопротивляться. Он бежал в горы, куда Ашшурназирпал не осмелился преследовать его, и довольствовался тем, что захватил богатства дворца. Все окружающие районы поспешили предложить свою покорность, за исключением города Мизу, который был взят штурмом.

Следующий год был потрачен на военные походы к истокам Тигра, в земли Куммух, Курхи и Кашиари, где некоторые города, такие как Маттиате и Ирисия, не платили дань или проявляли признаки мятежа. Ашшурназирпал не встретил серьезного или хорошо организованного сопротивления, за исключением стен Бит-Уры в земле Дирра. «Город, — говорит он, — венчает возвышенность, окружен крепкой двойной стеной и возвышается над горой, как большой палец. С помощью Ашшура, моего господина, я атаковал его с моими доблестными воинами и осаждал в течение двух дней со стороны восходящего солнца. Стрелы падали на него, как град бога Адада. Наконец, мои воины, чью ревность я подстегнул, набросились на город, как стервятники. Я взял цитадель, перебил восемьсот человек и отрубил им головы. Я насыпал курган из их трупов перед городскими воротами; пленников обезглавили, а семьсот из них распяли на крестах. Город был разграблен и разрушен; я превратил его в груды развалин». Пройдя оттуда в землю Курхи, Ашшурназирпал совершил те же зверства: двести пленников были обезглавлены, а две тысячи других обращены в рабство. Один из мелких правителей этой земли, сумевший

завоевать благосклонность царя со времени первой войны, по имени Аммибаал, сын Замани, стал ненавистен своему народу из-за своей дружбы с тираном и был казнен своими же офицерами. Царь Ассирии поспешил отомстить за своего верного вассала. Когда виновники увидели надвигающуюся бурю, они попытались отвратить ее, предложив захватчику все, что у них было, и на этот раз он остался доволен.

Под его властью находились все регионы между истоком Супната и границами земли Шабитани с одной стороны; между землей Киррури и землей Килзани с другой, от берегов Заба до города Тель-Бари, который находится выше Забана, от Тель-Са-абтана до Тель-Са-забтана; помимо этого, он присоединил к своей империи города Кимиру и Курату, земли Бирут и Кардуньяш, и наложил дань на всю Наири.

БАРЕЛЬЕФЫ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ АССИРИЙЦЕВ, ПЫТАЮЩИХ ПЛЕННЫХ

(по Лэярду)

Что делать с таким богатством, постоянно накапливающимся в хранилищах Ниневии, и для кого были предназначены это золото, эти драгоценности, эта бронза, эти богатые ткани? Как он мог использовать тысячи рабов, которые рисковали стать столькими лишними ртами, которых нужно было кормить? Ашшурназирпал придумал построить дворец, который превзошел бы самые смелые мечты его предшественников, и определил его местоположение в городе Калах, который был городом его династии.

Британские археологи, которые специально изучали руины Калаха, поразившись сокровищам, найденным под холмом Нимруд, попытались воссоздать по своим представлениям и найденным документам общий вид города во времена Ашшурназирпала, который оставил свое имя и надписи во всех его уголках. «В сильном и благоприятном месте, — говорит Джордж Роулинсон, — на низком отроге Джебель-Маклуб, защищенном с обеих сторон глубокой рекой, новая столица достигла величия. Дворец за дворцом возвышался на своих высоких платформах, богато украшенных резной резьбой по дереву, позолотой, росписью, скульптурой и эмалью, каждый из которых стремился затмить своих предшественников; а каменные львы, сфинксы, обелиски, святилища и храмовые башни украшали пейзаж, разбивая его монотонность разнообразием. Высокая зиккурат (пирамида), примыкающая к храму Ниниба, возвышающаяся над всем, придавала единство огромной массе дворцовых и священных сооружений. Тигр, огибающий всю западную часть основания холма, блестел своими волнами и, удваивая видимую высоту, делал менее заметной главную слабость архитектуры (). Когда заходящее солнце освещало все вокруг великолепными линиями, которые можно увидеть только под восточным небом, Калах, наверное, казался путешественнику, который видел его впервые, как видение сказочной страны».

С пирамиды храма Ниниба ассирийские жрецы наблюдали за движением небесных светил, рассчитывали возвращение затмений и гадали о будущем. В храме, исследованном Лэярдом, повсюду были найдены следы Ашшурназирпала и того, что он сам называет

«славой своего имени». Его портрет был найден десятки раз на барельефах; он имеет все черты коррумпированного и жестокого монарха. Его низкий, отступающий лоб лишен благородства; глаза необычно большие; скулы сильно выступают; ноздри круглого, орлиного носа слишком большие; подстриженные усы, зачесанные и закрученные на концах, открывают толстые, чувственные губы, а подбородок и лицо покрыты тяжелой накладной бородой, которая симметрично спадает на грудь и которую носили все цари. Толстая, короткая шея, широкие плечи и коренастое тело придавали царю крепкий, энергичный вид. Его статуя в Британском музее изображает его стоящим. В одной руке он держит косу, в другой — скипетр. На его груди написано: «Ашшурназирпал, великий царь, могущественный царь, царь легионов, царь Ассирии, сын Тукульти-Ниниба (?), великий царь, могущественный царь, царь легионов, царь Ассирии, сын Адад-нирари, великий царь, могущественный царь, царь Ассирии. Он владеет землями от берегов Тигра до Лабаны [Ливан]; он подчинил своей власти великое море и все земли от восхода до заката солнца».

Через несколько лет после возведения этой статуи Ашшурназирпал не стал бы устанавливать Ливанский хребет в качестве западной границы своей империи, поскольку удача в войне по-прежнему улыбалась ему. Последний период его правления был наполнен двумя великими походами, в которых он покрыл себя славой. Окончательное подчинение средней и нижней части Евфрата, включая землю Кардуньяш, и завоевание части Сирии и Финикии. Восстание в землях Лаки и Шуки на среднем Евфрате стало отличным предлогом для возобновления войны, прерванной работами по благоустройству Калаха. [Он двинулся на Суру, взимая дань на каждом шагу]. Долгое время эта маленькая земля Шуки вела войну с ассирийцами и, несмотря на непрекращающиеся поражения и выплату выкупа, тем не менее сумела удержать свою независимость. Ее правители, по-видимому, поддерживали постоянные дружеские отношения со своими соседями, царями Вавилона, по крайней мере в тех случаях, когда необходимо было сопротивляться людям Севера.

На этот раз шуки снова обратились за помощью к халдеям, которых в надписи, несомненно, по традиции, все еще называют касситами или коссайцами. [Суру был взят, и среди пленных были брат и генерал Набу-апал-иддина, царя Вавилона].

Тогда страх охватил душу слабого Набу-апал-иддина, царя Вавилона, и вся Халдея задрожала. Несчастные войны и междоусобные распри лишили Вавилон возможности бороться с всепроникающим превосходством Ассирии. Тем не менее Ашшурназирпал не говорит, что он вступил в Вавилонию, которую, по-видимому, он даже благоразумно уважал. Он довольствуется тем, что сообщает нам, что он воздвиг свою статую в городе Суру и посеял ужас по всей Халдее и всем землям, орошаемым Евфратом.

В следующем году он был вынужден подавить восстание горцев, населявших южные склоны горы Масиус в самом сердце Месопотамии (). Это было государство Бит-Адини, главными городами которого были Капраби и Тель-Абан. Ашшурназирпал разбил армию из восьми тысяч всадников и привез в Калах две тысячи четыреста рабов для работы по благоустройству своей столицы.

Несмотря на мир, царивший в бассейнах Тигра и Евфрата, ресурсы которых, к тому же, были полностью исчерпаны, Ашшурназирпал теперь решил нанести сильный удар по их западной стороне, которая была полем для грабежей, на которое еще ни один ассириец не ступал. Случай казался благоприятным, поскольку к западу от Евфрата хетты не были в состоянии вести войну; они еще не оправились от страшных ударов, нанесенных им Тиглатпилесером, и их сопротивление в любом случае не было бы очень сильным.

Ашшурназирпал двинулся вперед [начиная с 8-го дня месяца Айру (апрель) 876 года — РОДЖЕРС], пересекая государства Бит-Бахиан, Амила и Бит-Адини до Евфрата, который он пересек на плотках в поле зрения Кархемиша. Он вошел в город без кровопролития, приняв

[illegible]

Ашшурназирпал, защищаемый Нинибом и Нергалом, богами силы, сел на корабль, который он захватил в гавани Арвада, и отправился в морское путешествие, во время которого убил дельфина. Несколько дней спустя он охотился в крутых ущельях Ливана, убивал буйволов и кабанов, захватывая некоторых из них живыми, которых он отправил в Ассирию. Он хвастается тем, что сам убил сто двадцать львов, и утверждает, что эти животные пали жертвой страха перед его всемогуществом. Далее он перечисляет стаи диких животных, которых он загнал обратно в их логова: антилоп, оленей, козерогов, газелей, тигров, лис, леопардов; он также убил несколько орлов и стервятников. Среди этих гор этот истинный сын Нимрода совсем забыл о себе, пока царь Египта, до которого дошла слава о его подвигах, не послал ему поздравительную посольскую миссию с просьбой о дружбе. Когда позже цари Египта и Ассирии встретились на берегу Средиземного моря, это было отнюдь не для взаимных поздравлений и обмена подарками.

После этого Ашшурназирпал повернул на север, в горы Аманус, где он срубил кедры, сосны и кипарисы для своих величественных построек в Калахе. Никто никогда не узнает, сколько усилий и жизней рабов стоила перевозка этих гигантских бревен, срубленных в лесах Амануса, через гористую и бездорожную местность к берегам Тигра.

Ашшурназирпал больше никогда не возвращался на берега Средиземного моря и, как Моисей, лишь мельком увидел землю обетованную, которую его преемники были суждено завоевать и чьи неисчерпаемые богатства они так долго эксплуатировали. Все, что мы знаем об остальной части его правления, — это история незначительных экспедиций, главным образом для сбора дани на севере Месопотамии и вокруг истоков Тигра. Округ Хипани и его столица Хузирина, а также государства Асса, Курхи и Адини подверглись новым испытаниям; город Амида, современный Диарбекир, стал свидетелем возведения пирамиды из человеческих черепов перед его стенами, а три тысячи рабов — тех, кому не выкололи глаза и не распяли — были отправлены в Ниневию, где их заставили копать большой оросительный канал для использования вод Верхнего Заба, по берегам которого были посажены деревья, вырубленные в лесах Сирии.

Последние восемь лет его жизни, по-видимому, были более мирными, чем предыдущие, хотя вряд ли можно предположить, что он прожил их в глубоком покое, который было бы трудно совместить с его бурным и кровожадным характером, а также с ужасным состоянием завоеванных им земель, все из которых пытались вернуть себе свободу. В любом случае, он оставил своим преемникам огромную империю, нерушимую границу и признанное господство Ассирии от Загроса до гор Аманус и от истоков Евфрата до ворот Вавилона.^{[d](#)}

ШАЛМАНЕСЕР II И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Помимо безжалостности своих завоеваний, Ашшурназирпал был известен прежде всего восстановлением города Калах, строительством канала, возведением для себя великолепного дворца, руины которого были найдены в Нимруде, а также строительством или восстановлением великого акведука. Он, который так щедро убивал и сражался, умер в 860 году до н. э. в мире.

Его сын, Шалманасер II (Шульман-ашарид) (860-824 гг. до н.э.), сразу же начал военные действия. После похода на восток (860 г.) он приступил к систематическому завоеванию западных стран. После нескольких походов (859-856 гг.) район Ахуни Бит-Адини по обе стороны Евфрата был полностью подчинен, включен в состав царства и заселен ассирийскими колонистами, а Тель-Баршип на Евфрате был преобразован в ассирийскую резиденцию под названием Кар-Шульман-ашарид (город Шалманасер). Наконец, ему удалось захватить принца, который бежал через Евфрат в горы. Затем последовали походы на запад от Евфрата. В 859 году он дважды разгромил коалицию северосирийских князей, правителей Кархемиша, Патина, Самаала и т. д., к которым присоединились цари Ке и Хилуха; затем он подчинил себе район Аманус и район на нижнем Оронте (страну Патин). В следующем году была окончательно установлена ежегодная дань всех северосирийских государств.

[854-829 гг. до н. э.]

В 854 году до н. э. Салманасар продвинулся дальше на юг. Халман подчинился, но против него в районе Хамата была сформирована сильная коалиция, в которую вошли Хадад-Эзер, или Бен-Хадад II, из Дамаска, Ирхулина из Хамата и Ахав из Израиля. Соседние меньшие государства князей Матину-Баала из Арвада (Арадуса), Бааши из Аммона и т. д. последовали их примеру.

Сирийские государства, очевидно, осознавали всю серьезность угрозы, нависшей над ними; Ахав из Израиля, вероятно, заключил мир с Дамаском, чтобы иметь возможность противостоять ассирийцам. Только финикийские города остались непреклонными; в то время как аравийский князь Гиндибу послал тысячу всадников на верблюдах, а египетский царь даже тысячу воинов. Битва произошла в Каркаре, недалеко от Оронта. Шалманасер хвастается полной победой. [В его надписи говорится: «Я убил четырнадцать тысяч их воинов оружием; как Адад, я обрушил на них потоп, я разбросал их тела тут и там, я заполнил лицо руин их разбросанными солдатами; я забрал у них колесницы, верховых лошадей и упряжных лошадей».]

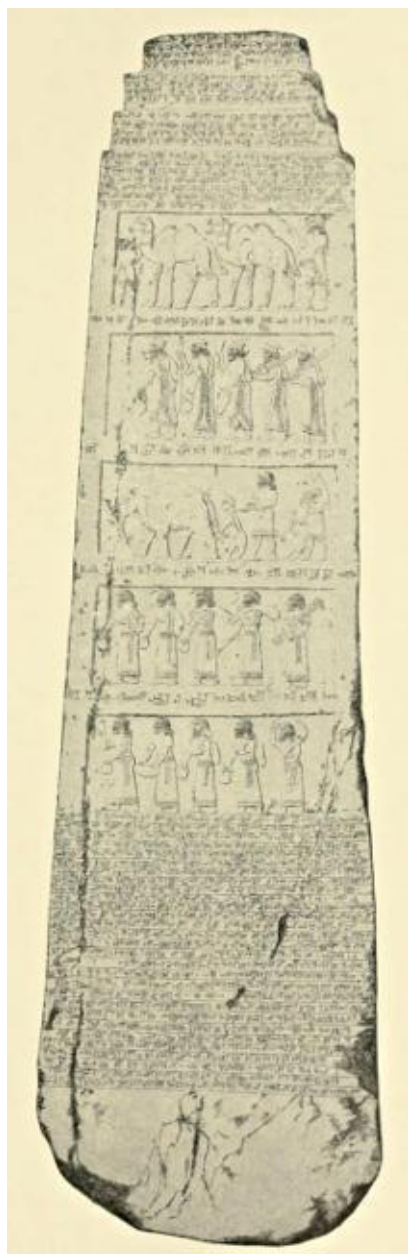
Но он не добился дальнейших успехов, и его власть ограничивалась северной Сирией. В 850, 849 и 846 годах Шалманасер возобновил свои нападения на центральную Сирию, в последний раз с сотней двадцатью тысячами человек, но без особого успеха. Деньги, выплачиваемые в качестве дани, не были большой защитой для князей Северной Сирии: места в округе Кархемиша и в горах Аманус снова и снова подвергались грабежам и пожарам, а жители — массовым убийствам. Только царь Патина, который находился дальше всех и поэтому был самым могущественным из вассалов, по-видимому, был лучше всего обращался.

Пятая кампания, в 842 году, была более успешной, но тем временем революции в Дамаске и Самарии свергли старые династии, и Хазаэль и Иегу взошли на престол. В сражении у подножия горы Ливан Хазаэль был побежден и заперт в своей столице, но Дамаск не был взят. Салманасар опустошил Хауран, а затем отправился на побережье, где Тир и Сидон, а также Иегу из Израиля, платили ему дань. Выплата дани последним (золото, свинец, сосуды и т. д.) изображена на черном обелиске Салманасара. В 839 году кампания была повторена без какого-либо значительного успеха; Тир, Сидон и Библ платили дань. Когда жители

Патина убили своего царя, ассирийский полководец Ашшур-даيان (или Дан-Ашшур) отомстил за смерть верного вассала. Но Шалманасер расширил свое господство в этом районе только на север. В 838 и 837 годах двадцать четыре царя Табала (в Каппадокии), а также царь Милида (Мелитене) были вынуждены платить дань; а в 835 и 834 годах царь Кати из Ке, т. е. Восточной Киликии к западу от горы Аманус, был побежден, а город Тарзи (т. е., по всей вероятности, Тарс) был захвачен и передан его брату Кирри.

Шалманасер II добился такого же успеха на востоке и севере своего царства. После завоевания горного района на Тигре ассирийцы вступили в прямой контакт с могущественной расой алародийцев, чья территория простиралась по обе стороны озера Ван, от истоков Евфрата до земли Гарзан, или Гозан, на озере Урумие. После страшного визита в Хубушкию и ее окрестности, Шалманасер уже в 860 году напал на их царя Араме на востоке. В 857 году он вторгся в его район на западе, перейдя Арсанию. В 845 году он проник до истоков Евфрата, а в 833 году его главнокомандующий Ашшур-даيان повторил ту же кампанию. Похоже, что Араме и его преемник Сидури (или Сардурис) в 833 году в целом провели отважную оборону.

Гораздо больший успех сопутствовал походам против юго-восточных горных племен Урарту на «море земли Наири», т. е. озеро Урумие, и районы Манна, Парсуа, Амада^[24] (Мидия) и т. д. на юге и востоке от него, а также против земли Намри к юго-востоку от Заба. В 844, 836, 830 и 829 годах кампании в этих районах проводились то самим царем, то его главнокомандующим.

ОБЕЛИСК ШАЛМАНЕСЕРА II

Знаменитые изображения на черном обелиске Шалманасера показывают, как царь Суа из Гозана и владыка Мусри (*то есть* восточного горного района) послали ему коллекцию чудесных животных: двугорбых верблюдов, обезьян, носорога, слона и яка, а также золотые, серебряные и бронзовые сосуды и лошадей.

Между крупными походами было несколько небольших сражений: в 855 году в горах Масиус, в 853 году против царей Тел-Абнаи, в 847 году против города Иштарат и страны Яти, районов к югу от истоков Тигра; в 848 году против неизвестной страны Пакарахубуни, к западу от Евфрата, и, наконец, в 831 году против курхи. Черный обелиск свидетельствует, что пустынный район Сухи, расположенный на другом берегу Евфрата, подчиненный Ашшурназирпалом, оставался зависимым, и Мардук-бел-усур из Сухи приносит царю в дань серебро и золото, слоновые бивни, одежды, а также оленей и львов. В 852 и 851 годах Шалманасер продвинулся к Вавилону. Царь Вавилона Набу-апал-иддин только что умер, и его брат Мардук-бел-усате поднял оружие против Мардука-надина-шума, сына Набу-апал-иддина. Шалманасар отправился на помощь законному царю (), разгромил мятежников в двух походах и преподнес богатые дары в священных городах Вавилоне, Борсиппе и Куте

главным богам, восседающим на троне. Затем, продвигаясь дальше на юг, в самую Халдею, он победил царей Бит-Адини и Бит-Даккури и взыскал дань с Муссаллима-Мардука и Якина, правителя морской страны, которая впоследствии была названа в его честь Бит-Якин.

Мы видим, что единство царств Шумера и Аккада теперь исчезло, но к югу от Кардуньяша, района Вавилона, возник ряд более мелких государств. Возможно, юг всегда был отделен от Кардуньяша после завоевания Коссом.

[829-783 гг. до н. э.]

В последние годы правления Салманасара его сын Ашшур-данин-апли восстал против него с большей частью царства, включая Ашшур, Арбелу, город Имгур-Бел, основанный Ашшурназирпалом, Амидо и Тел-Абнай на верхнем Тигре, Забан на Забе и т. д. Но другой сын, Шамши-Адад IV, подавил восстание [и ему потребовалось четыре года упорных сражений, чтобы рассеять оппозицию] и унаследовал трон своего отца. Первые походы нового правителя были направлены против стран Наири, гор к северу и востоку от Тигра, и его генерал Мушаккил-Ашшур проник до «Море заката», то есть до Черного моря. Затем царь напал на Вавилонию; была захвачена целая линия пограничных мест, и [в битве при Дур-Папсукале, на севере Вавилонии] был убит царь Мардук-балацу-икби, которого поддерживали правители Халдеи, Элама, Намри и арамейские племена восточной Вавилонии.

Эта экспедиция была повторена в 813 и 812 годах; другие войны, упомянутые царем в более кратких сообщениях, не могут быть более точно локализованы. Он не предпринимал никаких попыток посягать на права Сирии.

[806-774 гг. до н. э.]

Более значимыми являются успехи [его сына] Адад-нирари III (811-783 гг. до н. э.). На севере и юге все подчиненные до сих пор народы, включая мидийцев, народ Парсуа и т. д., оставались в подчинении. Часто упоминаются походы против Манны, Хубушкии, Намри и Аа. Царь говорит, что его царство простиралось до берегов «великого моря восхода солнца», *то есть* Каспийского моря. В 803 году упоминается поход «к морским берегам» (*то есть* в Вавилонию, а не в Сирию). Как и во времена Салманасара, все цари земли Калди (Халдеи) платили дань; в главных городах Вавилонии царь приносит жертвы, получает богатую добычу и устанавливает границы. Кроме того, было совершено много походов против арамейского племени Итуа, которое жило в Вавилонии, и эти походы повторялись в последующие царствования. «К западу от Евфрата», — говорит Адад-нирари, — «Я покорил землю Хатти, всю землю Ахарри, Финикию, Тир, Сидон, царство Израиля (Бит-Хумри), Эдом и Финикию вплоть до берегов Западного моря и наложил на них налоги и дань». Он особо упоминает о походе против Мари, царя Дамаска, который был осажден в своей столице и вынужден капитулировать, а также выплатить 2300 талантов серебра, 20 талантов золота, 300 талантов бронзы, 5000 талантов железа, так что добыча ассирийского царя была весьма значительной. Эти события невозможно точно определить в хронологическом порядке. В хронологических списках упоминаются походы в 806, 805 и 797 годах против Арпада, Хазаза и Мансуата в северной Сирии. Война против Дамаска была включена в один из них, поскольку она привела к уплате дани финикийскими городами и южными государствами (Израиль, Эдом и Финикия). [Существует надпись этого царствования, в которой Саммурамат упоминается как «госпожа дворца и его владычица». Есть основания предполагать, что это могла быть та женщина, вокруг имени и несомненного престижа которой в столь славном царствовании сгруппировались легенды о Семирамиде. Ни один из предыдущих ассирийских царей не правил такой обширной территорией и не собирал столько дани, как Адад-нирари III, или, как его иногда пишут, Рамман-нирари III. После него наступил период упадка, в который не сохранилось никаких царских надписей, и о котором мы знаем только из кратких записей в списках эпонимов.

[774-745 гг. до н. э.]

Следующий царь Салманасар III (782-773) также отправился в Сирию и вел войну против Дамаска в 773 году, против земли Хатарика в 772 году и против земли Ливана.

Его преемник Ашшур-дан III (772-754) также вел войну против Ливана в 767 и 755 годах и против Арпада в 754 году. Покорение Хамата, вероятно, произошло во время одной из этих экспедиций. Упоминаются сражения против Вавилонии (в районе арамейского племени, Итуа и города Ганнанат) в 777, 771, 769 и 767 годах, в которых, по-видимому, был взят город Калне. Но Шалманасер III был в основном озабочен покорением земли Урарту, алародийцев. Он упоминается не менее шести раз как выходивший против них на поле боя (781-778, 776, 774); но его усилия не увенчались успехом, по крайней мере, длительным.

По всей вероятности, образование великого Армянского царства с городом Ван (Туспа у греков) в качестве центральной точки датируется этим периодом. Его основателем был Сардурис, сын Литиприса, который, вероятно, был тождественен царю Сардурису, завоеванному в 833 году Шалманасером. В двух надписях, написанных на ассирийском языке, он называет себя «царем земли Наири». Его преемники (Испуиниш, Минуас, Аргистис I, Сардурис II) использовали ассирийскую письменность для записи языка своей страны. В той же записи они называют свое царство Биайна, в то время как ассирийцы называют его Урарту. Надписи правителей из династии Сардури () довольно многочисленны и написаны

в ассирийском стиле. В них упоминаются постройки царей в самом Ване, где Аргистис построил цитадель, жертвоприношения и дары Халди и многим другим божествам армянского пантеона, походы и завоевания.

Еще будучи соправителем своего отца Испуиниша, Минуас воздвиг памятники на двух высоких перевалах к югу от озера Урумие, на которых запечатлены его завоевания, а другие надписи рассказывают о его успехах в борьбе с землей Манна и ее окрестностями. Эти сражения, по-видимому, произошли в поздний период правления Адад-нирари III и являются продолжением его походов в восточные горы. Минуас также сражался против земли Альзи, против царя города Милид (Мелитене) и против хетов. Надпись на скале в Арсании под старым замком (недалеко от Палу) описывает, среди прочего, его успехи в этом направлении (). На севере он проник до Аракса и за его пределы; одна из его надписей находится на правом берегу реки напротив Армавира, а две другие, написанные его сыном Аргистисом, — к северу от Еревана. Последний, по-видимому, был самым могущественным правителем Урарту. Длинная надпись на скале цитадели Вана свидетельствует о его успехах в земле Манна, которую он, по-видимому, подчинил, а также на западе, против Мелитене, земли Хатти (Хета) и т. д.

Упоминаются неоднократные победы над ассирийцами, которые, очевидно, были одержаны над Салманасаром III и Ашшурданом III или их генералами. Сардурис II, сын Аргистиса, также был очень успешен в обоих районах. Из его надписей, подтвержденных более поздними событиями, следует, что Мелитене, Куммух, Гургум и другие княжества на Аманусе стали феодальными государствами царства Урарту, которое включало в себя все Армянское нагорье от истоков Евфрата и Аракса до озера Урумие. Как Сардурис II подчинился Ассирии, будет показано позже.

Правление Ашшур-дана III, по-видимому, было гораздо более мирным, чем предыдущие, поскольку в краткой летописи этого периода неоднократно упоминается, что царь оставался «в стране» и поэтому не предпринимал никаких военных кампаний.

Успехи Аргистиса имели огромное значение. В 763–758 годах восстания вспыхнули и во внутренних районах: сначала в городе Ашшур, затем в Арапахитисе (Арпах), городе, расположенном в окрестностях Верхнего Заба, к востоку от Ниневии, и, наконец, в Гузану, в стране Хабур. После своего порабощения Ашшур-дан, как уже упоминалось, еще дважды отправлялся в Сирию (755 и 754 гг.), но с расширением армянской власти в этом направлении ему не удалось сохранить господство над небольшими государствами Сирии.

[747-740 гг. до н. э.]

Следующее правление, правление Ашшур-нирари II (754-745), было еще менее богатым событиями. Он выходил на поле боя только в 749 и 748 годах против горной страны Намри на юго-востоке [и в 754 году против Арпада]. В остальном он оставался «в стране». В последний год его правления летопись упоминает о восстании в Калахе. Несомненно, весной следующего года (746) на трон взошел узурпатор, назвавший себя в честь первого из великих ассирийских завоевателей, Тиглатпилесера.

Свергнутая династия, восходящая к Ишме-Дагану, Шамши-Ададу и древнему Бел-Кап-Капу, беспрерывно удерживала трон более тысячи лет. ^с

ТИГЛАТ-ПИЛЕСЕР III (745-727 гг. до н. э.)

Выдающийся голландский историк Тиле называет нового монарха Тиглатпилесером II, но недавно обнаруженная надпись Адад-нирари II говорит о его деде, Тиглатпилесере, и

поэтому последний, о котором ничего не известно, кроме его имени, теперь обозначается как второй правитель с таким именем. Поэтому герой настоящей главы здесь называется Тиглатпилесером III.

Тиглат-Пилесер III вззошел на престол Ассирии 13-го числа месяца Айру (примерно в апреле) 745 года до н. э. и, по словам Тиле, большую часть своего правления прожил в Калахе и Ниневии, где построил дворцы. Он был, без сомнения, ассирийцем, а не халдеем, как предполагалось ранее. Остается неясным, был ли он законным наследником или даже принадлежал к королевской крови. Его настоящее имя было Пулу (Пул, Порос), и есть основания полагать, что он был либо военачальником, либо младшим сыном царя, который воспользовался смутой в последние годы правления Ашшурнирари II (), чтобы возложить корону на свою голову. Он принял имя великого завоевателя Тиглатпилесера.

Возможно, первые месяцы своего правления он посвятил восстановлению спокойствия в стране и укреплению своей власти на троне. Только в сентябре 745 года (месяц Тасрит) он выступил в поход и обратил свое оружие против Вавилонии. Набонassar (Набу-насир) правил в Вавилоне с 747 года, но о нем ничего больше не известно, хотя, по-видимому, он был создателем нового метода исчисления времени. Однако первая кампания Тиглатпилесера не была направлена против него, по крайней мере, не сразу; его первоначальной целью было уничтожить постоянно растущую мощь арамейцев и халдеев в этой стране. После того как он захватил город Сиппар, расположенный между Тигром и Евфратом, и, возможно, даже Ниппур, а также завоевал Дур-Куригалзу вместе с некоторыми другими менее важными крепостями Кардуньяша вплоть до Укни, он подчинил кочевых арамейцев к востоку от Тигра, реорганизовал управление завоеванной территорией, разделив ее на четыре провинции, над которыми были поставлены ассирийские правители, основал два города [один из них был Кар-Ашшур, а другой, вероятно, Дур-Тукульти-апал-эшарра] в качестве административных центров для сохранения верности новой территории и заселил новые поселения военнопленными. Священники Вавилона, Борсиппы и Куты принесли дары из храмов своих богов в штаб-квартиру царя и таким образом предотвратили опасность, которая угрожала и их городам. На время Тиглатпилесер удовлетворился достигнутыми успехами. В настоящее время он не имел намерения подчинить всю Вавилонию, или, возможно, он еще не был достаточно силен для этого. По-видимому, все, чего он желал, — это обеспечить южные границы Ассирии от вторжений арамейцев и халдеев, которые становились все более и более дерзкими, прежде чем он рискнул бы продвинуться дальше.

Безопасность восточной границы была не менее важна. В 744 году он выступил против вечно буйного Намри, который находился в этом направлении; здесь он также заставил всех покориться его победоносным оружием, проник даже в западную часть будущей Мидии и взимал дань со всех мидийских князей вплоть до восточных гор Бикну. Он не продолжил завоевания лично, а поручил наказание мидийцев, живших дальше на восток, своему генералу Ашшур-данинани, который вернулся с победой, привезя с собой богатую добычу, особенно лошадей. Однако эта страна не была включена в состав империи.

Теперь его руки были свободны для восстановления ослабленной власти Ассирии на западе. Но один из его самых могущественных врагов, который, возможно, уже поднял Намри на сопротивление, а именно Сардурис II из Урарту, или Халдии, пытался помешать этому. Когда Тиглатпилесер достиг Арпада в Сирии, он обнаружил, что его фланг, а когда он хотел продвинуться еще дальше, и его тыл, были угрожаемы значительной армией, во главе которой стоял Сардурис и которая, помимо войск последнего, состояла из войск северных хеттских государств: Мелида, Гургума, Куммуха и Агуси. Союзники потерпели полное

поражение. Сардурис был вынужден покинуть свой лагерь и бежать в поисках убежища. Около 73 тысяч пленных попали в руки ассирийцев.

[740-732 гг. до н.э.]

Следующие три года были неудачными. Когда Тиглатпилесер выступил против Куммуха, он, по-видимому, не оставил достаточного гарнизона в Арпаде, поскольку в 742 году город, а вместе с ним и ключ к западной части страны, оказался во власти его врагов, и он был вынужден осаждать его в течение трех лет. Только в 740 году он взял его, и туда прибыли Кушташпи из Куммуха, Резин из Дамаска, Хирам из Тира, Уриаки из Ке, Писирис из Каркемиша и Тархулара из Гургума, чтобы преподнести ему богатые дары. Один из хеттских князей, Тутамму из Унки, района между Оронтом и Африном, отказался подчиниться. Его столица, Киналия, была взята во второй раз, и вся страна была поставлена под управление ассирийского наместника. В 739 году Тиглатпилесер продолжил свое завоевание к северо-востоку от Арпада, опустошил Килхи, район, принадлежавший Наири, и завоевал Уллубу, где основал ассирийскую столицу под названием Ашшурикиша. Но прошло много времени, прежде чем земля хатти (Сирия) была умиротворена. Между 740 и 738 годами не менее девятнадцати районов, принадлежавших сирийскому царству Хамат, и некоторые другие соседние районы откололись от Ассирии, и из некоторых поврежденных частей надписей можно сделать вывод, что они обратились за помощью к Азарии [Озии], воинственному царю Иудеи. В любом случае, последний в то время осмелился бросить вызов могуществу Ассирии, и Тиглат-Пилесер связал эту враждебную позицию с восстанием народа Хамата. Около 738 года Азария был побежден, и страна Хамат была присоединена к Ассирии. Затем царь прибег к своему излюбленному средству подавления национальных чувств, а именно к массовой пересадке военнопленных. В то время как все князья, имевшие какое-либо значение, и даже арабская царица теперь предлагали завоевателю свою покорность и дары, он получил радостную весть о важных успехах, одержанных его генералами на других границах империи. Восточные арамейцы сбросили ассирийское иго и продвинулись к Забу, но были отброшены назад, хотя и с некоторым трудом. В то же время правитель Луллума беспокоил вавилонян, а правитель Наири сдерживал население на северной границе. Добыча и пленники были отправлены царю в землю Хатти.

В течение следующих трех лет (737-735) он был занят походами на восток и северо-восток. Некоторые районы Мидии, находившиеся тогда под властью вавилонян, теперь перешли под власть ассирийцев. Но самым важным событием этого года был поход на Турушпу, столицу Урарту [Халдеи], резиденцию Сардуриса, на озере Ван. Ни один ассирийский завоеватель не проникал так далеко, и Тиглатпилесеру не удалось взять город, в котором Сардурис укрепился после своего первого поражения, но власть этого опасного соперника была надолго сломлена.

[732-731 гг. до н.э.]

Тиглат-Пилесер теперь был полон решимости подчинить себе запад и не успокоился, пока не подчинил своему владычеству все хеттские и семитские страны до побережья Средиземного моря и границ Египта, за исключением некоторых аравийских районов. На это у него ушло три года, с 734 по 732 год. Непосредственным поводом для этой экспедиции, вероятно, послужило то, что Ахаз Иудейский, угрожаемый Рецином Дамасским и Пекахом Израильским, обратился за помощью к Ассирии. Кроме того, последние два, вероятно, не платили дань, и, вообще говоря, Ассирии не нужно было долго уговаривать, чтобы воспользоваться неспокойной обстановкой. Первая атака была направлена против Рецина. Потерпев поражение в открытом поле, он был вынужден отступить в свою столицу. Здесь

Тиглат-Пилесер запер его «как птицу в клетке»; он завоевал все окружающие города, включая важный город Самала, и продолжил поход, уничтожив, по своему обыкновению, все урожай вокруг Дамаска, тем самым усложнив транспортировку средств к существованию. Он вторгся в Израиль (Бит-Хумри), опустошив целые районы, некоторые из которых он присоединил к своей империи, однако на данный момент оставив столицу в покое. Непосредственной целью теперь была филистимская Газа, чей царь Ханно (Хануну), вероятно, доверяя в Дамаске и Израиле, сначала отказался от своей верности, но теперь, с приближением ассирийской армии, бежал в Египет. Город был взят, и богатая добыча попала в руки победителей. Аскалон, принц которого Митинти предпринял попытку восстания, был наказан — хотя, вероятно, не сразу — и Рукипти, сын Митинти, возведен на престол. Шамши, «царица Аравии в земле Савской», также оказала сопротивление, но была также полностью разгромлена и с трудом спаслась, сохранив жизнь. Ее страна, которую, конечно, не следует путать с Савой на юге, стала ассирийской провинцией. Другие арабские племена подчинились добровольно, в том числе и известное племя Тема; а Тиглатпилесер назначил могущественное племя Идибиил, как ближайшее к Египту, стражами границ у ворот этой все еще могущественной империи. Теперь настала очередь Самарии, единственного города Израиля, который завоеватель еще не покорил. По-видимому, он посетил его, но не осаждал и не взял, однако возвел на престол Осию, который тем временем убил Пекаха, или подтвердил его власть. Прошло больше времени, прежде чем пал Дамаск. Он продолжал сопротивляться еще два года. Вероятно, что затем он был взят.

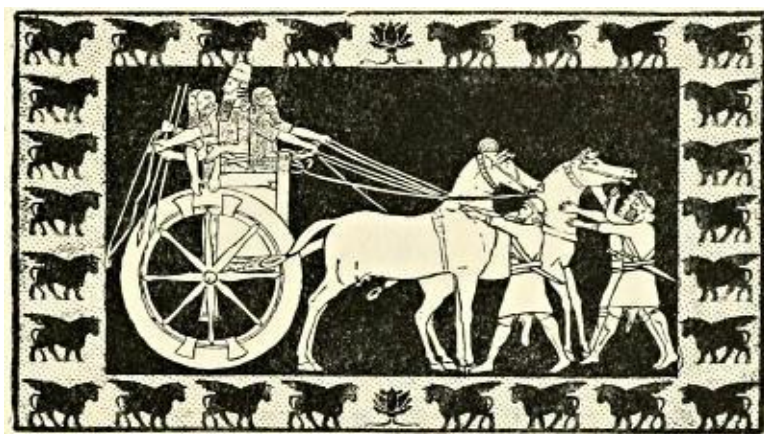
Из всех западных царств теперь остались только Тир и Табал, который находился гораздо дальше на севере. Царь не пошел лично на эти города, но послал Рабсаке, который подчинил их и сменил правительство в Табале, а на Тир наложил налог в размере не менее ста пятидесяти талантов [около 60 000 фунтов стерлингов или 300 000 долларов]. Нельзя с уверенностью сказать, произошло ли это сейчас или позже.

[731-726 гг. до н. э.]

Победив всех мятежных подданных в своей колоссальной империи и внушая страх всем своим соседям, Тиглат-Пилесер теперь чувствовал себя достаточно сильным, чтобы нанести прямой удар по арамеям и халдеям Вавилонии и завоевать сам святой город. В 731 году он рискнул и совершил этот смелый поступок. В самой Вавилонии, по-видимому, никто не сопротивлялся ему, и население, скорее, приняло его как освободителя. Он вступил в Сиппар, Ниппур, Вавилон, Борсиппу, Куту, Киш, Дилбат и Эрех, один за другим, и получил защиту великих богов, принеся им жертвы. Затем он напал на арамейско-халдейское племя Пекуд (Пекод), подчинил его вплоть до границ Элама, продолжил свой победный поход через халдейские государства Бит-Силани и Бит-Шаалли, которые вскоре пали под его оружием. Набу-ушабши, царь бывшего государства, был пронзен колом перед воротами своей столицы, Саррабани, а город был сравнен с землей; Закиру из Шаалли был отправлен в Ассирию в цепях, а столица, которая все еще оказывала сопротивление, была вынуждена сдаться из-за голода. Бит-Амуккани, чей царь Укинзер (Чинзирос), который, по-видимому, был в то время главным вождем халдеев и, следовательно, считался царем Вавилона, не был так легко побежден. Правда, вся страна была разорена, а царь заперт в своей столице Сапии; вылазка гарнизона закончилась неудачей; из страха перед подавляющей силой Ассирии Баласу из Бит-Даккури, Надин из Ларака (Бит-Шала) и даже Мардук-бал-иддин [Меродох-баладан] из Бит-Якина на побережье, человек, который позже стал столь страшным врагом Ассирии, прибыли сюда, чтобы предложить свои дорогостоящие дары и свою покорность; но Сапия не была взята, а Укинзер не был побежден (), так что номинально он еще на год сохранил власть над Вавилоном. Тем не менее, с этого времени Тиглатпилесер не без оснований называл себя царем или верховным правителем Вавилона, царем Шумера и

Аккада; он мог похвастаться тем, что правил от Персидского залива до Дальнего Востока, над побережьями Средиземного моря вплоть до Египта, и что он расширил свое царство дальше, чем любой из его предшественников. Он правил еще три года, насколько нам известно, в основном в мире. О последних двух годах его правления сообщается, что он скрестил руки Бела, то есть получил высшее религиозное посвящение как царь Вавилона. В 727 году Шалманасер IV вступил на престол. Последний правил всего пять лет, и о его коротком правлении мало что известно.

ШАЛМАНЕСЕР IV

Ассирийский царь в своей боевой колеснице

В списке вавилонских царей за эти пять лет стоит не его имя, а имя Улуле, который, как считалось до сих пор, не был ни независимым князем, ни наместником, назначенным Салманасаром, а был ни кем иным, как самим Салманасаром, который, вероятно, также проживал в Вавилоне. Возможно, его поход против Финикии и Израиля пришелся на год его вступления на престол. Причиной войны против Тира, чей царь Элулай в то время стоял во главе финикийских городов, считается экспедиция последнего против хеттов Кипра. Более вероятно, что тирский царь, как и Осия из Израиля, воспользовался смертью Тиглат-Пилесера, чтобы отказаться от верности Ассирии. Салманасар вновь подчинил Осию и взимал с него дань. В то же время он послал в Финикию часть своей армии, которая опустошила всю страну и вновь сделала ее данной. После этого, по-видимому, во всей империи наступило затишье, поскольку следующий год (726) был годом мира. Но спокойствие длилось недолго. Едва ассирийские войска ушли, как Осия обратился к египетскому царю в надежде, что с его помощью он сможет освободиться от ига Ассирии, и с тех пор снова отказался платить дань.

Здесь, вероятно, имел место большой заговор, в котором был замешан и Элулай, поскольку Салманасар теперь выступил против обоих царей. Он взял Хошею в плен, очевидно, после борьбы, опустошил всю землю Израиля, но в Самарии, население которой, скорее всего, подтолкнуло царя к восстанию, он встретил упорное сопротивление. Тем временем весь финикийский материк, либо из страха, либо под давлением превосходящих сил Ассирии, поспешил отречься от Элулея и подчиниться Салманасару. Тирский царь был вынужден отступить в свою крепость на острове Тир, где он был сразу же осажден. Только при преемнике Салманасара Самария была взята после трехлетней осады, а Тир — после пятилетней. Мы не можем не испытывать чувство уважения к этим двум городам, которые без посторонней помощи — помощь Египта, как обычно, не последовала — осмелились бросить вызов гигантской мощи Ассирии.

[Вовсе не бесспорно, что Шалманасер выступил против Элулея и Осии, как утверждает профессор Тиле. Некоторые историки считают, что против царя Тира не было предпринято никаких действий, и поскольку ни в одной из надписей нет упоминаний о пятилетней осаде, Иосиф Флавий, единственный авторитетный источник, ошибочно приписал Салманасару нападение на Тир, которое на самом деле было совершено Сеннахиримом].

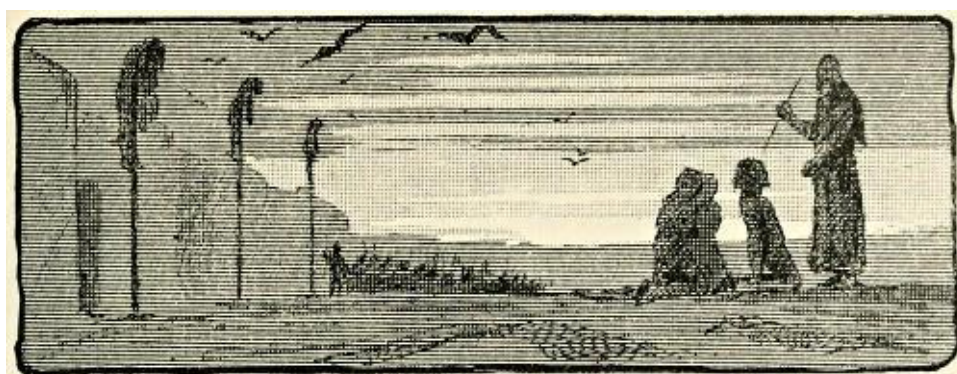
Скудные записи о правлении Салманасара свидетельствуют о материальном процветании. То, что он был, как считалось, слабым правителем, под управлением которого империя пришла в упадок, совершенно не доказано. Его ранняя смерть не позволила ему завоевать такую же славу, как его предшественник, и если сразу после его кончины вассалы империи подняли знамена восстания во всех направлениях, это скорее говорит в пользу влияния его личности, чем против него.^e

СНОСКИ

[22] [Настолько неопределенно, были ли Караиндаш и др. действительно кассайцами, что некоторые ученые, такие как Хилпрехт,^f Гудспид,^g Маккарди,^h и Роджерс,ⁱ сохраняют слово «касситы» или «касситы».]

[23] [Согласно наиболее авторитетному источнику, Махалрат, Майз и Каиз составляли Триполис.]

[24] [Также написано «Мада» в более поздней надписи Адад-нирари III. Это настоящая земля Мидии, которую греки путали с землей Манды.]

ГЛАВА IV. ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ АССИРИЙСКОГО ВЕЛИЧИЯ (722-626 гг. до н.э.)

После смерти Салманасара IV трон Ассирии занял человек сомнительного происхождения, который стал основателем очень могущественной династии. Этот царь, как и некоторые предыдущие узурпаторы, принял имя, известное в ассирийской истории. Он стал известен миру как Саргон II, и Роджерс говорит, что он не был королевской крови; однако Тиле, которого мы будем цитировать, думает иначе.⁴

[722-716 гг. до н. э.]

В 722 году до н. э. Саргон стал царем в Ашшуре. Он был ассирийцем королевской крови, однако, по-видимому, принадлежал к другой ветви династии, чем та, которая правила до Тиглатпилесера III, и, по-видимому, не был близко связан с последним и его преемником. Он хвастается тем, что восстановил древнюю столицу правительства, город Ашшур, его давно узурпированные права, а также Харран, объект его особой милости, его прежние свободы, которые также долгое время были ущемлены. Очевидно, что в определенной степени он выступал в роли новатора, или, скорее, восстановителя древнего порядка.

Самария пала вскоре после его вступления на престол, и часть ее жителей была увезена в изгнание, чтобы позже быть заменена другими. Неясно, присутствовал ли Саргон лично, но несомненно, что он не мог долго уделять внимание западной части империи. Едва умер Салманасар IV, как халдеи отомстили за унижение, которое они потерпели от рук Тиглатпилесера. Мардук-балиддин [Меродах-баладан] из Бит-Якина, в то время самый могущественный из них, поскольку благодаря своевременной капитуляции перед ассирийцами его страна была избавлена от бедствий войны, стал хозяином города Вавилона и теперь правил как царь над всей вавилонской страной. Саргон двинулся на юг, возможно, в надежде вернуть утраченное. Но в этом он не преуспел. Он не рискнул атаковать сам Вавилон, а обратил свое оружие против арамейского племени тумунов, которые сдали своего вождя халдейскому царю. Племя было поработщено и уведено в Сирию. Саргон продвинулся до города Дур-Илу, в пригороде которого он вступил в ожесточенную схватку с союзником Вавилона, эламским царем Хумбанигашем, из которой, по его утверждению, он вышел победителем. Однако эта кампания не принесла дальнейших преимуществ. Элам сохранил свою независимость, а Меродах-Баладан — владение Вавилоном. ным косвенным результатом стало то, что юг узнал Саргона как военачальника, и в будущем старались не беспокоить его.

Опасность угрожала с другой стороны. Сирия поднялась на оружие. Во главе восстания стоял Хамат, где человек низкого происхождения, Я-убиди или Ил-убиди, захватил власть. Арпад, Симира, Дамаск и Самария последовали его примеру. Он нашел поддержку в Ханноне (Хануну) из Газы, который вновь занял трон, и даже в Шабакке,^[25] эфиопском царе Египта, которого несчастная судьба Осии, по-видимому, не отпугнула от попытки измерить свои силы с имперской мощью Ассирии. Еще до того, как союзники смогли объединить свои силы, Саргон, который, вероятно, получил раннюю информацию о том, что происходило в странах Средиземноморского побережья, разбил лагерь перед Каркаром, где Яубиди установил свою штаб-квартиру, взорвал и сжег город, приказал заживо сдирать кожу с главаря и казнить его главных сторонников, пополнил свои войска тремя сотнями воинов, сражавшихся на колесницах, и шестью сотнями всадников из числа побежденных, а затем двинулся на юг против союзных армий Ганнона и Шабакка. В Рафии на египетской границе произошла решающая битва, которая закончилась блестящей победой ассирийцев. Ганнон был взят в плен и увезен в Ассирию вместе с девятью тысячами своих подданных, а Шабакк обязан был своей безопасностью только поспешному бегству, в котором его сопровождал только его главный пастух. Езекия, по-видимому, счел разумным не бросать вызов

победителю; возможно, он даже послал Саргону подарок. Тир, вероятно, также был умиротворен в этом году (720).

Между тем другие враги империи еще не были уstraшены. Весь север, северо-восток и северо-запад с нетерпением жаждали сбросить ассирийское иго. В этом их поддерживали Митатти из Зикирту, Русас из Урарту и Мита из Муске, которые тайно образовали союз, над которым Саргон смог одержать победу только после долгой и ожесточенной борьбы. В 719 году Митатти сумел убедить некоторые города верного Иранзу из Мана поднять восстание, а Русас подчинил себе несколько других городов. Саргон выступил против них с такой энергией, что сами зачинщики осторожно держались в стороне, наблюдая, как их страна опустошается, а большинство ее жителей увозятся на запад, особенно в Дамаск. В 718 году беспорядки проявились в Табале, где Киакки, принц Синухту, отказался платить дань. Но и он вскоре был увезен в плен в Ассирию вместе с семьей тысячами своих подданных, а Матти из Атуна, верный вассал, был наделен властью над провинцией Киакки. В 717 году Саргон был вынужден подавить опасное восстание. Писирис, хеттский принц Каркемиша, который был одним из ключевых городов Запада, при поддержке Миты из Мушхе попытался обрести независимость. Но его город был взят, большинство его подданных увезены, а огромная добыча хранилась во дворце Ашшурназирпала в Калахе, который Саргон восстановил для себя.

[716-715 гг. до н. э.]

Эти беспорядки были ничто по сравнению с войной, которая в 716 году разразилась против Саргона и длилась несколько лет. Русас из Урарту убедил вождей ассирийских провинций Каралла и Ман отделиться, в чем его поддерживали Зикирту и горный регион Умилдиш, которым управлял некий Багдатти. По-видимому, восстание распространилось по всей восточной границе, и князья западной Мидии также взяли в руки оружие. Саргон смело напал на своих врагов. Он начал с ближайшей страны Ман, вскоре захватил Багдатти и приказал его заживо сдирать с кожи. Ведущие деятели Мана возвели на престол Уллусуну (), брата Азы, убитого Багдатти, и заставили его присоединиться к партии Русаса, к которой также перешли князья государств Наири, Каралла и Аллабра, чьи имена, Ашшурли и Итти, указывают на то, что они были ассирийскими дезертирами. Но едва Саргон выступил против них, как Уллусуну и его вельможи были вынуждены предложить свою покорность. Саргон подтвердил прежнего правителя в его королевстве и заставил двух его союзников вместе с другими мелкими вождями вернуться к своей верности. Территорией города Кишешим управлял губернатор Бел-шар-усур, вероятно вавилонец. Саргон дал ей название Кар-Нергал и превратил ее в ассирийскую провинцию. Подобная судьба постигла западный мидийский город Хархар, который изгнал своего правителя Кибабу и обратился за поддержкой к Далте из Эллипи; отныне он назывался Кар-Шаррукин [Город Саргона]. После этого правители других мидийских городов также подчинились.

[715-711 гг. до н. э.]

Но после этих единичных успехов прошло еще много времени, прежде чем восточные государства были умиротворены. В следующем году (715) Русас отнял у Уллусуну двадцать два города, и в этом деле был замешан некий Дайукку, называемый наместником Мана. Хубушкия, государство Наири, и соседние районы стали непокорными, а территория Кар-Шаррукина, присоединенная всего годом ранее, вновь отделилась. В то же время на западе Мита из Мушхе вторгся в ассирийский район Ке [в восточной Киликии] с значительным успехом. Тем не менее, Саргону удалось сохранить превосходство во всех точках. Он отвоевал Кар-Шаррукин, укрепил его еще сильнее, чем раньше, и получил дань уважения от

правителей двадцати двух мидийских городов. Его генерал на западе не довольствовался отвоеванием городов, захваченных Митой, но даже продвинулся на юг до Аравийской пустыни и переселил покоренные там племена в Самарию.

Обеспечив безопасность на западе, Саргон теперь чувствовал себя в состоянии нанести удар по настоящим виновникам всех бедствий на востоке. После того как Ман и некоторые мидийские районы заплатили дань, следующим шагом было начать борьбу с Митатти из Зикирту. Победа над этим князем была настолько полной, что после сожжения его столицы Парды и опустошения его страны он со всем своим народом отправился на поиски нового дома. Труднее было подчинить Русаса, душу конфедерации. Но и это было сделано воинственным царем. Русас был разгромлен среди высоких холмов. Весь его царский дом, насчитывавший около 250 человек, вместе с его всадниками попал в руки победителя, а сам он с большим трудом спасся и скрылся в горах. Русас все еще надеялся на одного из своих союзников; если бы тот выступил на его защиту, все еще не было бы потеряно. Это был Урзана из Музазира, бывший вассал Ашшура, который, однако, присоединился к Русасу как вождь родственного племени. В своей горной стране, защищенной естественными преградами и почти неприступной, он считал себя в полной безопасности. Но бесстрашный дух древних ассирийских воинов не угас в Саргоне. Он благочестиво верил себя защите богов, собрал тщательно отобранный отряд войск и отважился с ними на почти невозможное предприятие. Когда Урзана понял, что доблестный герой действительно приближается со своими ветеранами, он, согласно похвальному обычаю азиатских деспотов, сбежал со всей скоростью в высокие горы, оставив свою столицу и собственную семью на милость врага. Судьба Музазира была теперь предрешена; с большим количеством пленных и необычайно богатой добычей, включая двух великих богов страны, Саргон вернулся в свою страну. Это был смертельный удар для Русаса. Вся структура, столь кропотливо подготовленная, лежала в руинах, и, охваченный отчаянием, он бросился на свой меч.

Когда Саргон таким образом защитил свою империю от опасности, угрожавшей со стороны полудиких варваров севера, он восстановил порядок на северо-западе и западе. Затем он обратился не против главного виновника бедствий, самого Миты из Муске, а против Табала, который находился недалеко и несколько южнее Муске. Амбарис из Табала, которому ранее, когда его отец Хулле был еще жив, Саргон в знак благосклонности отдал в жены одну из своих дочерей и чье королевство он увеличил, предоставив ему Киликию, был настолько неблагодарен, что присоединился к Русасу и Мите. В 713 году Саргон наказал его по заслугам и превратил его страну в ассирийскую провинцию. То же самое произошло с Хамманом и Мелидом в следующем году. Саргон заселил страну иностранными военнопленными и постарался укрепить ее против Урарту и Муске, построив десять крепостей. Продолжая свое продвижение на юг, ассирийская армия на некоторое время остановилась в районе Амануса, а затем, в 711 году, атаковала Гургум в окрестностях Куммуха, который стал ассирийской провинцией.

[711-709 гг. до н. э.]

Очень сомнительно, что Саргон лично участвовал в этих походах. Именно в эти годы он был занят строительством своей новой резиденции Дур-Шаррукин. Несомненно, что разрушение Ашдода, которое завершило кампанию 711 года, было осуществлено не под руководством царя, а под руководством царя Ахимити, которого Саргон установил там, но который был изгнан, и Ямана, человека низкого происхождения, возведенного на трон народом. При приближении ассирийской армии этот герой бежал в Египет, но царь Мелукхи (Египет), опасаясь мести Ассирии, отправил его обратно, скованным железными оковами. Население Ашдода также было уведено и заменено другими племенами. Укрепившись

этими победами, Саргон мог теперь собрать свои силы, чтобы начать войну, которая должна была стать венцом всех его достижений. Это было завоевание Вавилона, который в течение последних двенадцати лет находился во владении халдейского царя Меродах-Баладана.

На это предприятие, которое Саргон проводил с большой осторожностью, ушло два года. Меродах-Баладан был готов к атаке. Он не забыл принять необходимые меры и укрепить свои крепости. В одной из них, Дур-Атхара, которая, вероятно, была ближе всего к Ассирии и оборонительные сооружения которой он приказал укрепить, он сосредоточил всю военную мощь арамейского племени гамбули и послал им на помощь часть своих лучших войск, шестьсот всадников и четыре тысячи пехотинцев. Саргон направился против этой крепости, и пока он ее осаждал, вероятно, другая часть его армии одержала несколько побед на востоке, где ей приходилось сдерживать эламского царя Шутур-нахунди и не давать ему объединиться со своим союзником. Дур-Атхара пал; более восемнадцати тысяч пленных и огромная добыча стали трофеями завоевателя, а остальные защитники поспешно бежали. Ассирийский царь сделал город своей штаб-квартирой; впоследствии он дал ему название Дур-Набу и поставил под управление ассирийского наместника. Племя хамарани, которое жило на берегах Евфрата, в ужасе от приближения его армии уже укрылось в городе Сиппар. Узнав о капитуляции Дур-Атхары и поражении гамбули, арамейские племена Рубу, Хиндару, Ятбуру и Пукуду, которые жили к востоку от Тигра и полагались на защиту Вавилона и Элама, отступили за реку Укни. Ассирийцы перебросили мост через Умлиас, реку к северу от Элама, и захватили там несколько крепостей, после чего некоторые вожди арамейцев принесли дань уважения царю в Дур-Атхаре. Им было поручено новое управление Гамбули. Остальные были атакованы и разгромлены на территории Укни, так что многие из них также подчинились и были подчинены Гамбули. Теперь армия Ассирии, действовавшая к востоку от Тигра, атаковала Элам из Ятбуру, подчинила себе всю окружающую страну, семь княжеств Ятбуру, к которым были присоединены две крепости, завоеванные у Элама, и часть самой эламской территории. Она заставила войска земли Раш, принадлежавшей Эламу, отступить в крепость, а эламского царя — искать убежища в высоких горах своей страны. Обезопасив себя от любого неожиданного нападения с этой стороны, Саргон сам с основными силами перешел Евфрат и вторгся в халдейско-вавилонское государство Бит-Даккури, столица которого, Дур-Ладина, отныне стала его штабом.

Теперь в Вавилоне не осталось места для Меродаха-Баладана. Оказавшись под угрозой с трех сторон и рискуя быть отрезанным Саргоном от своего собственного княжества, он и его войска покинули город ночью и направились в эламскую часть Ятбуру, откуда они могли бы наступать на врага в сотрудничестве с Шутур-нахунди. Но, хотя он и предложил последнему самые дорогие подарки, эламцы еще не забыли полученный урок. Они не хотели подвергать себя новым поражениям и, возможно, потерять и землю, и народ. Меродах-Баладан покинул Ятбуру, не добившись ничего, и собрал свою армию в крепости своей страны под названием Икби-Бел.

Тем временем в Дур-Ладина, в Бит-Даккури, Саргон не только принял подчинение жителей и соседнего Бит-Амуккани, но и власти Вавилона прибыли с торжественной миссией, принеся приглашение войти в священный город, на которое он немедленно согласился. На великом празднике повелителя богов в месяце Шабат- (январь) ему было позволено «пожать руки» великому Бел-Мардуку и Набу, царю вселенной.

Но юг Вавилонии еще не был покорен, поскольку там Меродах-Баладан все еще держал оружие. Он собрал все свои силы в непосредственной близости от своей столицы и в то же время, опасаясь предательства, привел туда население древних городов Ур, Ларса, Кишик и т. д. Были построены крепкие укрепления и вырыты специальные каналы, за которыми он укрепился со своими союзниками. Но великий царь не испугался всех этих препятствий.

Едва началась кампания 709 года, как он двинулся на юг, распределил свои войска по всей линии обороны врага и нанес ему такое страшное поражение, что окопы казались полными крови, а сути, которые пришли на помощь из Бит-Якина, не рискнули атаковать, а поспешно отступили. Затем Саргон напал на вспомогательные войска и убил их, как овец. Теперь ужас охватил главную армию халдеев; Меродах-Баладан поспешно покинул свой лагерь и отступил в свой город. Но и он был вскоре взят после короткой осады, и с этим власть Меродаха-Баладана была сломлена. Неизвестно, попал ли он сам в руки врага или спасся бегством; но, вероятно, имело место последнее, поскольку сразу после смерти Саргона он снова оказался в состоянии действовать, по крайней мере, если Меродах-Баладан, который затем восстал против Сеннахериба, является тем же самым, кого победили Саргон и его сын. Но на время Вавилония была освобождена от арамейско-халдейского господства и снова вздохнула свободно. Саргон восстановил древние права коренных жителей (), которые угнетатели урезали в пользу иностранцев. Он вернул городам южной Вавилонии их похищенных богов; повсюду он проявлял чрезвычайную либеральность по отношению к храмам и древней религии страны. Во всех отношениях он представал как освободитель, мститель оскорбленных богов, восстановитель религии предков, защитник жрецов и всех коренных жителей страны. Его триумф не ознаменовал начало иностранного господства, а, напротив, именно он положил ему конец.

[709-708 гг. до н. э.]

Радость Саргона по поводу своей победы еще более усилилась благодаря посольствам и сообщениям, которые он получал одно за другим. Упер, царь острова Дилмун в Персидском море, принес ему дань уважения, когда тот еще находился в Бит-Якине, и преподнес дорогие подарки. Когда он выступил из южной Вавилонии, чтобы укрепить свое господство в завоеванных странах, в Ирмаи его ждали еще более радостные вести. Даже его великий враг на северо-западе, Мита из Мушхе, который вместе с Русасом возглавлял конфедерацию против Асшура, но был побежден правителем Ке, теперь послал к Саргону послов с подарками и заверениями в верности и преданности. Когда, наконец, царь снова вернулся в Вавилон, к нему прибыли послы из семи округов Кипра, «имена которых никогда не были известны царям, его отцам, со времен правления бога Сина», и которые преподнесли ему ценные дары и поцеловали его ноги. Таким образом, империя могущественного завоевателя простиралась от острова Дилмун в Персидском заливе до острова Кипр в Средиземном море.

Саргон вернулся в Калах в начале 708 года, в свой четырнадцатый год правления как царь Ассирии и третий год как царь Вавилона, после того как провел некоторое время в последнем городе. Пока он находился в Калахе, поживая на лаврах — он сам больше не выходил на поле боя — и оттуда продолжая строительство своей новой резиденции Дур-Шаррукин, недалеко от Ниневии, его армии еще предстояло вести две войны, одну в 708 году, другую, возможно, в том же году, но, вероятно, в следующем. Урарту в определенной степени оправился от ударов, нанесенных ему поражениями и смертью его царя Русаса; и новый царь, Аргистис, начал проявлять беспокойство и убедил принца Муталлу из Куммуха поднять восстание против ассирийского господства. Саргон послал высокопоставленного чиновника с мощной армией и полной королевской властью, который обратил Муталлу в бегство, захватил столицу провинции и таким образом восстановил ассирийское господство. Богатая добыча была отправлена в Калах к царю, и тот предоставил новому наместнику очень сильный гарнизон, чтобы предотвратить любые дальнейшие попытки восстаний и в то же время обеспечить защиту от Аргистиса. Но вновь стало очевидным, что Ассирийская империя, как чисто военная держава, стояла на шатком основании и могла удерживаться только благодаря непрерывным войнам и победам.

Другая война велась за престолонаследие в Эллипи, к северу от Элама. Там, после смерти Далты, который после некоторого сопротивления стал верным вассалом Ассирии, между его двумя сыновьями, Нибе и Ишпабарой, разгорелся спор о наследстве. Первый обратился за помощью к Шутур-нанхунди из Элама, второй — к Саргону. Последний послал семерых своих полководцев, которым удалось победить Нибе, захватить его столицу Марубишти и установить там Ишпабару в качестве царя.

[708-705 гг. до н. э.]

Саргон, который даже в первые годы своего правления, в разгар самых страшных войн, не пренебрегал восстановлением дворцов и храмов в Ниневии и Калахе, теперь полностью посвятил себя реализации давно вынашиваемого плана, исполнение которого он начал еще много лет назад. Новый пригород Ниневии, названный в его честь, должен был стать постоянным памятником его славы и благочестия, а также служить летней резиденцией. Это был Дур-Шаррукин с его храмами различных богов, с его дворцами и садами, чьи стены и ворота, как и у священного города, были обращены к четырем сторонам света и названы в честь высших богов, а его жители, отобранные из военнопленных всех народов, которых царь покорил и поместил под власть ассирийских магистратов, были живым свидетельством его могущественных деяний. 22-го числа месяца Тасрит (сентябрь) 707 года боги были торжественно введены в свои храмы, а 6-го числа месяца Айру (апрель) следующего года царь вступил во владение новой резиденцией. Ему не было позволено долго ею наслаждаться. В 705 году он пал от руки убийцы. [Это вызывает сомнения у некоторых авторитетных источников, которые считают, что он умер естественной смертью].

Саргон, без сомнения, был одним из величайших правителей, сидевших на троне Ассирии и Вавилона. Он был не просто завоевателем, который думал только о расширении своей империи, но и настоящим царем, который заботился о ее благосостоянии. Что больше всего поражает в нем, так это относительная умеренность, которой он отличался от своих предшественников и, в частности, от своего сына и преемника. Ужасы и разрушения войны были неизбежным спутником насильственного подчинения всей Западной Азии, и некоторые упорные мятежники были наказаны в соответствии с варварскими обычаями его эпохи и расы. Но в целом он довольствовался изгнанием завоеванного князя или его пленением. Он также оставался верным политике, впервые проводимой Тиглатпилесером III, а именно укреплению единства империи путем переселения целых народов в другие районы. Но в его записях мы лишь изредка встречаем изысканные жестокости, совершаемые другими ассирийскими царями, и он никогда не останавливается на них с таким самодовольством, как они.^b

СЕННАХЕРИБ

[705-681 гг. до н. э.]

Преемником Саргона II стал его сын Син-ахе-эрба, Сеннахерим из Библии, который правил долго и славно. Период, о котором сейчас идет речь, представляет двойной интерес. Это время, когда Ассирия находится на пике своей мощи; и интерес, который вызывает любая сильная империя, усиливается тем фактом, что ассирийцы этого периода вступили в контакт с народом Израиля. В частности, Сеннахериб носит имя, знакомое всем последующим поколениям, благодаря многократным упоминаниям этого правителя в еврейских писаниях. До того, как были обнаружены записи на ассирийских памятниках, о нем ничего не было известно, кроме упоминания о его катастрофической кампании против Иерусалима и краткого упоминания о его убийстве сыном. Однако теперь имеется множество материалов, рассказывающих о деяниях Сеннахериба. Наиболее важные из этих записей содержатся на больших цилиндрах, которые использовали многие ассирийские цари. Эти цилиндры рассказывают о различных походах великого завоевателя, в том числе о нескольких нападениях на Израиль. Два или три кратких отрывка из хроник Сеннахериба дадут представление о стиле, в котором написаны эти царские документы. Первые два

отрывка, выбранные здесь, были переведены Джорджем Смитом с цилиндра, который сейчас хранится в Британском музее.

Первая колонка этого цилиндра начинается следующим образом:

«Сеннахериб, великий царь, могущественный царь, царь Ассирии, царь четырех регионов, назначенный правитель, поклонник великих богов, хранитель права, любитель справедливости, создатель мира, идущий по правильному пути, хранитель добра. Могущественный принц, воинственный герой, лидер среди царей, гигант, пожирающий врагов, разрушитель оков. Ашшур, великая гора, империя, не имеющая себе равных, предалась мне и возвысила моих слуг над всеми, кто живет во дворцах. От верхнего моря заходящего солнца до нижнего моря восходящего солнца он подчинил моим ногам все темные расы, а упрямые цари избегали войны, покинули свои страны и, как птицы Судинни, ... бежали в пустынные места».^[26]

Вторая колонна содержит запись о походе против хеттов:

«В мою третью экспедицию я отправился в землю хеттов. Элулай, царь Сидона, был охвачен страхом перед могуществом моего владычества и бежал вдаль, посреди моря, а я захватил его страну. Великий Сидон, Малый Сидон, Бит-Ситте, Сарепта Махаллиба, Ушу Альзибу и Акко — его крепкие города, крепости, обнесенные стенами и огороженные, его замки; могущество воинов Асшура, моего господина, поразило их, и они подчинились моим ногам. Я посадил Тубахала на престол царства над ними и установил для него ежегодные, непрекращающиеся налоги и дань моему владычеству. Менахем из Самсимуруны, Тубахал из Сидона, Абдилихити из Арвада, Урумилки из Губала (Библоса), Минтинти из Ашдода, Будуилу из Беф-Аммона, Каммусунадаба из Моава, Маликрамму из Эдома, царей хеттов, всех из прибрежных земель, всех, с дарами и утварью, они принесли ко мне и поцеловали мои ноги, а Зидка, царь Аскалона, который не подчинился моему игу; богов дома его отца, его самого, его жену, его сыновей, его дочерей и его братьев, семя дома его отца, я удалил и отправил его в Ассирию. Шаррулудари, сын Рукипти, их бывшего царя, я назначил над народом Аскалона, и я установил для него дань, причитающуюся моему владычеству, и он исполнял мою волю».

Полная интереса запись о вторжении в Палестину. Как известно, Сеннахериб был ассирийцем, который напал на пастбище, как волк, как записано в волнующих строках Байрона. Еврейский рассказ взят из 2 Царств хх. 35:

СЕННАХИРИМ НА ТРОНЕ

(Лэйард)

«И в ту ночь ангел Господень вышел и поразил в лагере ассирийцев сто восемьдесят пять тысяч человек; и когда они встали рано утром, то увидели, что все они были мертвые трупы. И Сеннахирим, царь Ассирии, ушел, вернулся и поселился в Ниневии. И когда он поклонялся в доме Нисроха, своего бога, Адраммелех и Шарецер, его сыновья, поразили его мечом и бежали в землю Армению. И воцарился вместо него его сын Эсархаддон».а

Едва ли нужно говорить, что на цилиндре, который мы имеем перед собой, нет никаких упоминаний об этом. Восточные писцы, будь то египетские, ассирийские или персидские, редко допускали ошибку, записывая подробности неудачных походов. Несомненно, Сеннахериб однажды безуспешно вторгся в Западную Азию, и вполне вероятно, что чума уничтожила его войска, но это конкретное вторжение вряд ли могло стать благоприятной темой для придворного летописца.

На самом деле, на этом цилиндре записано вторжение в Палестину, но это вторжение с совершенно другими результатами. Послушайте официальный отчет о завоевании Иерусалима, представленный на этом цилиндре Сеннахериба, в переводе доктора Баджа. Писарь передает слова царя от первого лица:

«Я приблизился к Экрону и убил правителей и князей, которые согрешили, и повесил их трупы на столбах вокруг города; жителей города, которые поступали нечестиво и совершали преступления, я считал добычей, но тех, кто не делал этого, я помиловал. Я вывел их царя Пади из Иерусалима и посадил его на престол, чтобы он властвовал над ними, и наложил на него дань.

Затем я осадил Езекию Иудейского, который не подчинился моему игу, и захватил сорок шесть его крепких городов и крепостей и бесчисленные маленькие города, которые были вокруг них, с помощью таранов и штурмовых машин, атак пехоты, мин и проломов (в стенах). Я вывел оттуда 200 150 человек, как малых, так и великих, мужчин и женщин, а также лошадей, мулов, ослов, верблюдов, волов и бесчисленное количество овец, которые я

посчитал добычей. Самого (Езекию) я запер в Иерусалиме, его царском городе, как птицу в клетке. Я насыпал валы против него и мстил любому, кто выходил из его города. Города, которые я захватил, я отнял у него и отдал Минтинту, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Силли-белу, царю Газы, и уменьшил его землю. Я увеличил их прежнюю ежегодную дань и увеличил дары, которые они платили мне. Страх перед величием моего царства одолел Езекию, и Урби и его верные воины, которых он привел в свой царский город Иерусалим для его защиты, дезертировали. И он послал за мной своего посланника в мой царский город Ниневию, чтобы заплатить дань и подчиниться, принеся тридцать талантов золота, восемьсот талантов серебра, драгоценные камни, косметику для глаз... слоновые кушетки и троны, шкуры и бивни, драгоценные породы дерева и различные предметы, тяжелое сокровище, вместе со своими дочерьми, женщинами из своего дворца, а также музыкантами и певицами».

Однако не следует полагать, что либо эта запись об успешном вторжении, либо еврейский рассказ о другом катастрофическом вторжении являются полностью ложными, какими бы преувеличенными ни были факты или каким бы поэтическим ни было их представление. Следует просто понимать, что эти два описания относятся к разным походам или к разным частям одного и того же похода, как позже объяснил профессор Тиле. Некоторые современные толкователи предполагают, что уничтожение войск Сеннахериба на самом деле произошло в результате эпидемии. Сам же царь спасся бегством и вернулся в Ниневию, где продолжал править в течение многих лет. В конце концов он был убит своими собственными сыновьями, как записано в современном вавилонском документе. Чего бы не отдал еврейский ученый, если бы он мог найти современные документы об этих событиях с еврейской точки зрения, вместо того чтобы полагаться на записи, передаваемые, возможно, из поколения в поколение, или, в лучшем случае, копируемые из одной руки в другую на протяжении веков?

Ценность современных документов как записей фактов может быть, конечно, переоценена, поскольку даже в день их возникновения факты можно исказить, преувеличить или преуменьшить; но в любом случае современные документы имеют очевидное преимущество перед документами последующих поколений, которые могут быть не более чем копиями, в разной степени искаженными, более ранних записей. Что касается таких простых фактов, как даты правления древних царей и конкретные детали военных кампаний и завоеваний, то историческая значимость современных записей не подлежит сомнению; отсюда и огромная ценность этих табличек из Ассирии и Вавилона. Но, помимо вопросов исторической ценности, все старое обладает особым шармом, и смотреть на такой документ, как этот цилиндр, и чувствовать, что те самые строки, которые вы просматриваете, когда-то читал сам Сеннахирим, прежде чем он встретил свою безвременную кончину «в 20-й день месяца Тебет» около двадцати пяти веков назад, — это не что иное, как увлекательное занятие.^h

[705-702 гг. до н. э.]

В 705 году до н. э. Сеннахериб, который, возможно, не был полностью невиновен в смерти Саргона, взшел на престол и стал верховным царем как Вавилона, так и Ассирии. Меродах-Баладану, который, возможно, был либо признанным царем Морских земель, либо сыном или тезкой последнего, теперь казалось, что настал благоприятный момент для возвращения престола, утраченного Саргоном. Сеннахериб и его армия поспешили в поход, и хотя, по-видимому, Меродах-Баладан имел на своей стороне все арамейские и халдейские племена и, кроме того, поддержку эламских вспомогательных войск, он потерпел поражение

и таким образом лишился своего царства. По словам ассирийского летописца, это поражение было настолько полным, что халдеец был вынужден бежать в спешке, оставив позади весь свой обоз, а также свою семью и двор. Он правил девять месяцев. Страна была сильно разорена, большие и малые города были захвачены и опустошены, а жители увезены в изгнание. Та же участь постигла всех арабов, арамейцев и халдеев, которые жили в вавилонских городах.

Когда кампания в Халдее подошла к концу, войска были направлены против арамейских племен, которые жили на берегах Тигра и Евфрата. Здесь тоже были разорение и грабежи. Значительная добыча, как и следовало ожидать от этих кочевников, состоявшая в основном из крупного рогатого скота, но включавшая также верблюдов, попала в руки завоевателей, и не менее двухсот тысяч мужчин и женщин были увезены в Ассирию в качестве рабов. Еще хуже пришлось одному небольшому героическому племени, хиримми, которое оказало упорное сопротивление ассирийцам. Когда, наконец, последним удалось победить их, из всех повстанцев они не оставили в живых ни одного военнопленного и повесили трупы на шестах на стене, окружавшей город. Сеннахериб присоединил всю территорию к своему царству, наложив на нее очень умеренный налог в пользу ассирийского бога.

Можно с большой долей вероятности предположить, что царь лично не принимал участия в кампании, а занимался урегулированием государственных дел Вавилона. Его политика прослеживается достаточно четко. Он проявлял враждебность только по отношению к халдеям и их союзникам. Только они были наказаны или увезены. , то есть фактических жителей Вавилона, Эреха, Ниппура, Киша и Харсаг-Каламы, он оставил в покое, а чтобы еще больше расположить их к себе, даже дал им царя из правящего вавилонского рода, а именно молодого Бел-Ибни, чей отец занимал важную должность и который сам с детства воспитывался при ассирийском дворе. Сеннахериб мог надеяться, что тот будет верен Ассирии и в то же время не будет враждебен к вавилонянам, и поэтому он присвоил ему титул «царь Шумера и Аккада».

Установление порядка в Вавилоне было использовано Сеннахерибом для того, чтобы предотвратить опасность, угрожавшую его восточной границе со стороны кочующих там кочевников и горцев, а также для расширения своей империи во всех направлениях. Теперь он напал на касшу и ясубигаллу, под которыми, без сомнения, мы должны понимать тех варварских кассаев и их союзников, чьи потомки, по словам Диодора, еще спустя столетия угрожали безопасности месопотамской границы и были родственниками тех касситов, которые так долго правили Вавилоном. Их надежнейшей защитой была труднодоступность местности. Крутые горные тропы и густые леса затрудняли продвижение ассирийской армии, а для колесниц это было вообще невозможно.

Сам царь возглавил поход, проявив себя достойным преемником бесстрашных героев, которые в предыдущие века основали Ассирийскую империю. Его колесницу часто приходилось нести за ним, и тогда он садился на лошадь или шел пешком во главе своих войск. Сеннахерибу удалось захватить три их крепости. Меньшие населенные пункты он превратил в пепел, а шатры кочевников сожгли. Но для большей безопасности он хотел подчинить дикие племена ассирийскому правлению и заставить их поселиться в постоянных жилищах. Он выбрал Бит-Кидамзах в качестве центра, укрепил его гораздо эффективнее, чем раньше, превратив в грозную крепость, чтобы держать жителей страны под контролем, и заселил его пленниками, которых он увез в предыдущих военных походах. Он велел установить в столице табличку с надписью об истории этой кампании, чтобы страх перед ассирийским оружием оставался живым навсегда. Как только он покорил Касшу, он двинулся на Эллипи. Сеннахериб обрушился на страну как буря. Две королевские резиденции, Марубишти и Аккуду, со всеми меньшими городами были захвачены им и

преданы грабежу и сожжению, а все урожаи были уничтожены, и даже кукурузные поля были преданы огню. С неким удовлетворением Сеннахериб хвастался тем, что превратил Эллипи в пустыню и увёл всё население вместе с его имуществом и движимым имуществом. Когда об этих успехах стало известно, ряд мидийских князей, проживавших на более удалённом расстоянии, поспешили предложить свою подчиненность.

Тем временем внимание царя было обращено на события на западе. Возведение на престол Египта молодого и энергичного Тирхаки, вероятно, в качестве мужа вдовы царя Шабак и опекуна его несовершеннолетнего сына, пробудило у некоторых князей, проживавших на полосах земли вдоль побережья Средиземного моря, надежду, что, заключив с ним союз, они смогут сбросить ассирийское иго. К ним принадлежали Элулай (Лули), царь Тира и Сидона, Седекия (Зидга), царь Аскалона, и, прежде всего, Езекия, царь Иудеи. Последний взял на себя руководство, по крайней мере, на юго-западе.

Третья кампания Сеннахериба была направлена против этой коалиции и, вероятно, приходится на 702 год до н. э. С обычной для себя быстротой ассирийская армия двинулась на Финикию и таким образом атаковала одного из союзников, не дав остальным возможности объединить свои силы. Элулай в спешке бежал на Кипр, где ему все еще принадлежал город Китион, а все его города на материке в течение короткого времени попали в руки ассирийцев. Все князья других мелких финикийских государств пришли, чтобы предложить свою подчиненность.

[701 г. до н. э.]

Сеннахериб немедленно отправляется вдоль побережья к Аскалону, самому южному из восставших государств, и вскоре подчиняет его себе. Царь Седекия, постигает обычная судьба: вместе с богами своего рода, женой, сыновьями, дочерьми, братьями и всей семьей он увозится в Ассирию.

Теперь, когда все побережье было покорено, Сеннахирим обратил свое внимание на Экрон, который находился дальше на север, но ближе к внутренним районам. Однако в Алтаку [Эльтеке], который находился к югу от Экрона и принадлежал ему, он встретил некоторое сопротивление и в то же время был захвачен египетской армией, которая наконец пришла на помощь филистимским городам. Согласно ассирийскому рассказу, она была очень многочисленной и состояла из войск царя Мусури, а также лучников, колесниц и лошадей царя Мелукхи. Тем не менее, что бы ни означали эти два имени в данном случае, можно с уверенностью сказать, что ни сам Тирхака, ни какой-либо другой египетский царь не возглавляли армию, а командовали ею египетские князья и два генерала из числа всадников. Они не оказались равными соперниками могущественному ассирийскому завоевателю. Несмотря на численность своих последователей, они потерпели полное поражение, и то, что все они, князья и полководцы, попали живыми в руки врага, не говорит о их умении и мужестве. В результате этого армия помощи, по-видимому, повернула назад в Египет, так что теперь ничто не мешало Сеннахерибу продолжать свои завоевания в Финикии и Ханаане. Он приказал казнить правящего первосвященника и князей, которые подняли восстание, а их тела выставить на кольях на городских стенах; жителей, которые присоединились к мятежникам, увезли в плен; невиновные, напротив, были отпущены на свободу.

Наконец настала очередь Езекии. Ниже приводится основной обзор того, что ассирийцы рассказывают о кампании против Иудеи. Когда стало очевидным, что даже после свержения своих союзников Езекия не был склонен сдаться на милость своего могущественного врага, последний вторгся в его страну. Сорок крепких городов, помимо цитаделей и бесчисленных небольших населенных пунктов, были осаждены, взяты штурмом, разрушены до основания

или сожжены, и более двухсот тысяч пленных, а также большое количество лошадей, ослов и верблюдов были увезены из них. Самого Езекию Сеннахирим запер в его столице, Иерусалиме (Урсалимму), как «птицу в клетке». Но город находился в выгодном положении и был хорошо укреплен. Езекия не только собрал своих верных воинов, но и нанял ряд арабских солдат. Однако когда те потребовали плату и в случае отказа пригрозили уйти, Езекия — по словам ассирийцев, из страха перед славой Ассира — заплатил тяжелую дань, которую Сеннахирим требовал от него, а именно тридцать талантов золота [около 9000 фунтов стерлингов или 45 000 долларов] и триста талантов серебра, помимо драгоценных камней, деревом и другими предметами, а также отправил в Ниневию своих дочерей и женщин из дворца в сопровождении рабов и рабынь вместе с послом, который одновременно был уполномочен выразить почтение своему господину.

Из этого повествования никто, кто не знаком с официальным стилем ассирийских историков, не догадался бы, что Иерусалим не был взят и что Сеннахериб с остатками своей армии был вынужден как можно скорее покинуть Иудею. Но их дело не было сообщать о неудачах такого рода. Несомненно, в этом описании хода кампании Сеннахериба основные черты верны и изложены в правильном хронологическом порядке. Несомненно, что после свержения Финикии царь считал целесообразным сначала подчинить себе небольшие филистимские государства на побережье, чтобы затем напасть на иудейского царя, который, наконец, когда он был лишен всего, кроме своей столицы, и когда его собственные солдаты дезертировали, был вынужден выплатить требуемый военный налог. Утверждение, что он послал его послом в Ниневию, не может быть верным и, вероятно, было придумано для того, чтобы завершить повествование, не рассказывая о реальном исходе дела.

У нас есть две традиции, касающиеся окончания войны, которые, хотя и различаются в других аспектах, сходятся в том, что неожиданное чрезвычайное событие вынудило Сеннахирима поспешно вернуться в Ассирию. Одна из них — библейская традиция, другая — рассказ Геродота.^b

Библейский рассказ, содержащийся в 2-й книге Царств, мы уже цитировали. Рассказ Геродота касается некоего царя Сетоса, жреца Вулкана (предположительно представляющего Шабак из XXV династии). Этот царь, по словам Геродота, относился к египетским воинам с крайним презрением, как будто он не нуждался в их услугах. Среди прочих унижений он лишил их арур, или полей площадью пятьдесят футов, которые в качестве награды его предшественники давали каждому солдату; в результате, когда Сеннахирим, царь Аравии и Ассирии, напал на Египет с могучей армией, воины, с которыми он так поступил, отказались ему помогать. В этом затруднительном положении жрец удалился в святилище своего бога, перед которым он сетовал на свою опасность и несчастья; здесь он погрузился в глубокий сон, и его божество пообещало ему во сне, что, если он пойдет навстречу ассирийцам, он не пострадает, потому что оно окажет ему помощь. Это видение вселило в него уверенность; он встал во главе своих сторонников и выступил на Пелузий, ворота Египта: ни один солдат не сопровождал отряд, который состоял исключительно из торговцев и ремесленников. По прибытии в Пелузий ночью лагерь врага настолько заразили мыши, что их колчаны и луки, а также то, что крепило их щиты к оружию, были изгрызены в клочья. Утром арабы, обнаружив, что они остались без оружия, в панике бежали и потеряли большое количество людей. Сейчас в храме Вулкана можно увидеть мраморную статую этого царя с мышью в руке и надписью: «Кто бы ты ни был, научись на моем примере почитать богов».^c

Сложив воедино все обстоятельства, в которых несколько противоречивые сообщения сходятся, мы можем представить себе ход событий следующим образом: при наступлении ассирийского царя Езекиа собирает в своей столице отборных воинов, которых

подкрепляют иностранные солдаты, и решает защищать ее. Тем временем ассирийская армия захватывает всю Иудею, берет один укрепленный город за другим, а также все цитадели и небольшие населенные пункты, и Сеннахирим продвигается до Либны, небольшого города, расположенного на юго-западе еврейской территории. Там он узнает, что Тирхака приближается с египетской армией, чтобы сразиться с ним и освободить Иудею. Пока столица еще не находится в его власти, а Иудея, следовательно, не полностью покорена, он не может выступить против него, не потеряв всех завоеванных преимуществ. Поэтому он решит попробовать, не сможет ли он, угрожая Езекии, заставить его сдать город по собственной воле, и посылает к нему послов с письмами, в которых категорически призывает его подчиниться. Но с пророческим пламенем Исаия изливает свой гнев на оскорбления, нанесенные Иегове этим слугой Ассира, и горячо призывает к стойкому сопротивлению.

[701-696 гг. до н.э.]

Тем временем Сеннахирим продолжает свое победоносное шествие, и теперь, когда он владеет всей Иудеей, за исключением столицы, он может отделить часть своей армии. Если Езекия не сдастся по собственной воле, его придется заставить сделать это силой. Сильные войска под командованием Рабшаке, или генералиссимуса, выступили против крепкой крепости и окружили ее со всех сторон. Но на переднем плане этого события выступает именно Рабшаке. Евреи рассказывают о его попытках склонить народ и гарнизон Иерусалима к тому, чтобы они покинули своего царя. Он стремился достичь этой цели с помощью презрительных речей о беспомощности Иудеи.

Езекия, возможно, снова подстегнутый Исаией, который по-прежнему верит в чудесное избавление, не сдается сразу, а некоторое время защищает город от превосходящего врага, хотя это был единственный город, который у него остался, и он был так же изолирован и заброшен, «как хижина в винограднике, как домик в огороде с огурцами». Но в конце концов, когда голод в городе достиг своего пика и среди гарнизона проявились признаки нетерпения и недовольства, он решает подчиниться и посылает гонца в Лахиш, чтобы узнать условия капитуляции. Они очень жесткие. Но выбора больше нет, и он предлагает ассирийским завоевателям требуемую сумму из рук посланника, который впоследствии сопровождает ее в Ниневию. Была ли осада немедленно снята или же было решено держать город под наблюдением до окончания войны с Египтом, мы не можем сказать с уверенностью. Но, как большое несчастье, либо чума, либо какое-то другое природное явление, вскоре поразило ассирийскую армию, и все войско завоевателя, сократившееся до жалкой горстки, покинуло Иудею и Запад, истинные верующие среди египтян и израильтян увидели в этом чудесное избавление, посланное им богами, а последние одновременно сочли это исполнением пророчеств Исаии, которые поначалу не казались сбывающимися.

Конечно, это событие на самом деле не имело того значения, которое ему придавали благодарные египтяне и израильтяне. Хотя оно принесло им облегчение, и армия Сеннахирима была настолько ослаблена, что он счел целесообразным поспешно отступить, его господство над Финикией и Ханааном оставалось в течение долгого времени непоколебимым, и в следующем году он снова выступил в поход с мощной армией. Впоследствии он, по-видимому, снова двинулся на запад и вел особую борьбу против Аравии и Эдома. Но не похоже, что в этой кампании он также вел войну против Финикии, Финикии и Иудеи, как он, безусловно, сделал бы, если бы проявились признаки неповиновения. Наказание было слишком суровым, а страна слишком истощена.

В 700 году до н. э. Сеннахериб снова был нужен в Вавилонии. Это был третий и последний год правления Бел-Ибни в Вавилоне. Сеннахериб привез его в Ассирию вместе со всей его семьей. Он оказался не на высоте задачи, которую ему поручил Сеннахериб.

После побед, которые запугали даже Элам, Сеннахериб отправился в Вавилон и там, вместо Бел-Ибни, посадил на трон своего старшего сына Ашшур-Надин-Шума как царя Шумера и Аккада. Его шестилетнее правление началось в 700 году до н. э., и теперь Сеннахериб считал себя в безопасности от интриг халдейских претендентов.

В течение нескольких лет он действительно имел полную свободу действий на юге. Он использовал это время, чтобы подчинить себе некоторых северо-западных соседей своей империи. Эта кампания, которую ассирийцы считают пятой и которая, вероятно, имела место где-то между 699 и 696 годами, закончилась войной в Киликии. По словам Бероса, она была вызвана вторжением греков, и ассирийская армия одержала победу только после того, как понесла большие потери. Абиден даже упоминает о морском сражении у побережья Киликии, в котором греческий флот потерпел поражение. Оба историка сходятся в том, что Сеннахериб увековечил свои знаменитые деяния, воздвигнув свою статую или установив бронзовые столбы с надписями, и что он построил город Тарс, который назвал Тарсином, так что река Кидн протекала через него, как Аразан (Аралшту) через Вавилон. Как ни странно это может показаться, сами ассирийцы не упоминают об основании этого важного города, но Берос является слишком достоверным свидетелем, чтобы его утверждение можно было отвергнуть.

Еще до 694 года Сеннахериб был занят подготовкой великого плана. Меродах-Баладан искал и нашел в Нагиту, на побережье Элама, убежище и безопасное место, где, как он полагал, его смертельный враг не сможет его достать. После экспедиции последнего против Бит-Якина в 700 году оставшаяся часть населения этой территории сочла целесообразным сесть на корабли со своими богами, как сделал их господин, и переправиться в регион, где тот обосновался. Сеннахериб, по-видимому, опасался, что это новое государство станет источником опасности для провинции, вверенной его сыну, тем более что Меродах-Баладан теперь стал вассалом Элама, древнего и наследственного врага Ассурса. Задача была сложной, особенно учитывая, что Нагиту было недоступно с суши, не проходя через территорию Элама. Среди его пленников были корабли из Хатти, и он заставил их работать в Ниневии на Тигре и в Тель-Барсипе на Евфрате. Корабли были отбуксированы по Евфрату и Тигру [или, возможно, были перевезены по суше на верблюдах]. На них служили тирийские, сидонские и ионийские моряки, которые также были военнопленными. Сам он тем временем с армией выступил к Персидскому заливу и разбил лагерь недалеко от кораблей. Из описания путешествия видно, какое глубокое впечатление эта весьма необычная экспедиция произвела на ассирийцев. Еще до отплытия они неожиданно познакомились с морем, которое, как они полагали, находилось в четырех часах пути; возможно, они знали, что даже так далеко, как Баб-Салимети, река подвержена приливам и отливам, но весеннее наводнение, которое внезапно затопило лагерь и даже проникло в королевскую палатку, застало их врасплох. Им пришлось искать убежища на кораблях и оставаться на них пять дней и ночей, «как в большой птичьей клетке», как говорит Сеннахериб. Неизвестно, было ли этого опыта жизни на корабле достаточно для смелого монарха или он не имел намерения участвовать в морской экспедиции, но известно, что он не покинул берега. Транспортные средства были доставлены к устью Евфрата; в реки были брошены дорогостоящие жертвы Эа, богу моря, среди которых были золотой корабль и золотая рыба, чтобы получить его защиту для флота, а затем он отплыл. Не сообщается, как долго длилось путешествие, а лишь то, что страна, куда они направлялись, лежала у устья Эулай (Улай), главной реки Элама. Там и произошла великая битва, и, конечно же, ассирийцы вышли из нее победителями. Они захватили различные эламские города и

увезли халдеев и все богатства из Бит-Якина, а также ряд арамейцев и захваченных кораблей в Баб-Салимети, где их ждал царь. О Меродах-Баладане не сказано ни слова. Следовательно, он не попал в руки ассирийцев и не был лишен своего суверенитета в результате поражения. По крайней мере, до сих пор эта победа не имела для ассирийцев никакого долгосрочного значения. Похоже, что она просто на некоторое время разрушила процветание халдейской колонии и удержала неутомимого противника от прямых атак. Но эта необычная и дорогостоящая экспедиция показывает, насколько он был страшен и с какой неумолимой ненавистью его дом преследовал дом Саргона.

[696-692 гг. до н.э.]

В то время как ассирийский царь был занят войной на побережье, Халлус, царь Элама, подстрекаемый вавилонянами, которые вовремя покинули город вместе с Меродахом-Баладаном и укрылись у него, вторгся со своей армией в Аккад, проник до Сиппара, где устроил резню, и увез Ашшур-надин-шума в плен в Элам. На вавилонский трон он посадил вавилонянина Сузуба, сына Гахула. Характерной чертой является то, что ассирийский отчет умалчивает о несчастной судьбе, постигшей старшего сына Сеннахирима. Сузуб, вступив на престол, принял имя Негал-ушезиб. Он является Регебелосом из канона Птолемея, и его следует тщательно отличать от халдейского Сузуба, который правил Вавилоном только позднее (692 г.) и под другим именем.

Но новый царь был властелином только части страны. Весь юг все еще находился в руках ассирийцев и должен был быть завоеван им.

Примерно в июне 694 или 693 года ему удалось захватить Ниппур, но его дальнейшее продвижение было остановлено известием о том, что ассирийцы тем временем дошли до Эреха. Сеннахериб немедленно отправил большие войска против царя Элама, которого он справедливо считал главным виновником всех бедствий. Эрах пал и был разграблен, и, нагруженные богатой добычей, включая даже главных богов священного города, ассирийцы продолжили свое наступление. В Ниппуре их ждал Нергал-Ушезиб, и в последовавшей битве он остался победителем. Но его правление было недолгим. Что касается конца его правления, то вавилонские и ассирийские источники сходятся во мнениях. Первые утверждают, что после того, как ассирийцы увезли богов и жителей Эреха, Нергал-Ушезиб был взят в плен в битве при Ниппуре и отправлен в Ассирию. Согласно вторым, он был сброшен с лошади в битве, взят в плен и приведен в цепях к Сеннахерибу, который затем запер его в тюрьме у ворот Ниневии. Эти два рассказа, кажется, дополняют друг друга.

После несчастья, которое постигло их царя, вавилоняне возложили корону на Сузуба Халдейского, который также бежал в Элам. Он правил независимо в течение четырех лет под именем Мушезиб-Мардук. Ассирийцы, следовательно, довольствуются упоминанием о нескольких победах, одержанных ими над эламцами, а также рассказывают, что они взяли Сузуба в плен во время своего похода из Эреха в Ашшур. Они сами практически признали, что Вавилон не попал в их руки, когда сообщили нам, что после пленения Сузуба вавилоняне закрыли ворота своего города перед ассирийцами и оказали упорное сопротивление.

Насколько мы можем судить, вся эта кампания Сеннахериба была политической ошибкой, что не говорит в пользу его прозорливости. На самом деле не было ничего страшного в Меродах-Баладане; настоящая опасность, исходившая от Элама, ускользнула от внимания

ассирийского царя. Морская экспедиция, предпринятая с таким трудом и затратами, была скорее авантюрной, чем славной, и не достигла своей главной цели: главный враг, против которого она была направлена, сохранил свою свободу и свое царство. А тем временем Вавилон остался без защиты, а собственный сын Сеннахериба лишился трона и свободы. Он даже не обеспечил себя достаточными силами, чтобы отомстить за вторжение эламцев и отвоевать утраченные территории. Единственным результатом кампании (не считая добычи и пленных) стало пленение вавилонского царя, место которого сразу же занял другой принц, не менее враждебный. Скудное возмещение за потерю столицы, всей принадлежащей ей территории и собственного сына! При правлении Сеннахериба постоянно было очевидно, что вавилоняне () подчинились игу ассирийцев только под принуждением и что они предпочитали объединиться с Эламом, чем снова подчиняться Саргонидам.

[692-689 гг. до н.э.]

Тем временем в Эламе произошло восстание против Халлуса, возможно, из-за того, что он потерпел неудачу в войне с Ассирией. [Он был убит во время восстания.] Кудур-нанхунди стал царем вместо него. Сеннахериб счел это благоприятной возможностью для нападения на своих старых врагов, эламитов. Вероятно, в 692 году он воспользовался беспорядками в Эламе, чтобы нанести этой стране тяжелый удар. От Расы до Бит-Бурнаки он грабил и разорял все, что хотел. Он ввел ассирийские гарнизоны и передал территорию под управление губернатора. Кроме того, он захватил тридцать пять укрепленных городов. Разрушения были настолько велики, «что дым от пламени покрыл широкое небо, как сильная буря», и ужас, который он сеял, был настолько велик, что Кудур-нанхунди поспешно покинул свою резиденцию в Мадакту и бежал в город под названием Хайдала, который находился высоко в горах. Но природа спасла его от рук ассирийцев. Сеннахериб действительно отдал приказ маршировать на Мадакту, но не смог осуществить свой замысел. Была зима, и в декабре (Тебет) землетрясение в сочетании с ливнями и снежными бурями вынудило его отступить. Горные ручьи были настолько разбухшими, что ни одна армия не могла теперь безопасно переправиться через них. Всего через три месяца Кудур-нанхунди умер «внезапно, не дожив до своего времени», и на трон взошел его брат Умман-минану. Едва Умман-минану принял скипетр Элама, как он дал себя уговорить на союз с Вавилоном против Ассура. В Вавилоне теперь правил Сузуб II, халдеец, Мушезиб-Мардук. После бегства от Сеннахериба в 700 или 699 году он вернулся в Вавилон, где, после несчастий, постигших его тезку, был провозглашен царем, несомненно, к большому огорчению ассирийцев. Когда он послал золото и серебро из сокровищницы Э-сагила, великого храма Мардука и Зарпанита, эламскому царю, он обнаружил, что тот готов немедленно собрать армию и выступить с ней на Вавилон для совместного нападения на Ассирию. Сеннахерим был потрясен тем, что урок, который он преподавал Эламу в предыдущем году, не принес лучших результатов. Но халдеи и эламиты имели веские основания надеяться на успех. Последние победы ассирийцев не принесли долговременных результатов. Ему не удалось завоевать Вавилон. Он был вынужден поспешно отступить из Элама. Он не смог защитить Халдею. Кроме того, цари Вавилона и Элама теперь могли рассчитывать на ряд союзников. Число врагов впечатляло ассирийцев, которые сравнивали их с роем саранчи. «Как сильный ветер, гоняющий дождевые облака по небосводу, так поднималось облако пыли при их приближении». Но, призывая на помощь богов, своих небесных защитников, Сеннахирим рискнул атаковать.

Это была ожесточенная битва; обе стороны сражались с величайшей яростью. Сам Сеннахирим отличался личным мужеством. В шлеме и кольчуге, с копьем и луком, священным луком Ашшура, который носили только цари Ассирии, он стоит в своей боевой

колеснице, как разъяренный лев, и, как сильная буря от Адада, бога бурь, он несется на врага, покрывая равнину трупами, как травой. Его лошади валяются в крови; кровь и осколки убитых прилипают к шесту его боевой колесницы. Отборный отряд эламских вельмож, вооруженных золотыми кинжалами и браслетами, убивают как овец, и эламский полководец и великий визирь Хумбанундаш, человек больших способностей, также падает. Другие были взяты в плен. Однако, по словам ассирийского писателя, который с удовольствием описывает их страдания () в очень образной манере, с потерей палаток и багажа и сотней пятидесяти тысячами убитых, оставленных на поле битвы, цари Элама и Вавилона, а также халдейские вожди смогли уйти. Их преследовали на расстоянии нескольких миль, но поймать их не удалось. В ярких красках, которыми описана эта сцена, есть что-то отвратительное; безжалостная резня и ужасные увечья убитых описываются с кровавым самодовольством. Автор ассирийской таблички хорошо знал, что его жестокий, мстительный господин основал свою славу на таких бесчеловечных деяниях. И все же это не было победой для ассирийцев. Они, возможно, остались владельцами поля сражения, но кровавая битва была настолько нерешительной, что эламиты и вавилоняне также могли претендовать на победу. Потери с обеих сторон, должно быть, были настолько велики, что ни одна из сторон не рискнула продолжить войну. Обе стороны заняли выжидательную позицию, ожидая более благоприятного случая. Распространенное мнение о том, что после битвы при Халлуле Сеннахериб сразу же завоевал Вавилон, является явно ложным и противоречит истинному толкованию как ассирийских, так и вавилонских записей.

Только в 690 или 689 году Сеннахериб нашел благоприятный случай, чтобы рискнуть еще одним нападением на Вавилон. От Элама теперь нечего было бояться. Власть Умман-минану была значительно ослаблена, и вскоре он полностью ее утратил. Ассирийский царь двинулся на Вавилон с той стремительностью, которая отличала все его военные походы и порой была для него невыгодна, но в этот раз его усилия увенчались желаемым успехом. Теперь он направил свои войска против города Мушезиб-Мардука, но не так, как делали его предшественники, в том числе и его собственный отец, которые выступали в роли спасителей, избавлявших народ от узурпатора, и поэтому наносили удар по последнему и его приспешникам, щадя жителей: над городом, который так долго сопротивлялся ему, так многократно и упорно поднимал голову против него, должна была быть совершена страшная месть. Он был буквально стерт с лица земли; ничто не было пощажено; трупы лежали грудami на улицах; все сокровища были разграблены и поделены между солдатами; храмы были осквернены, а боги вырваны из своих святилищ. Затем весь город был предан пламени; стены и валы, храмы и зиккурат (вероятно, две башни Вавилона и Борсиппы) были снесены и брошены в Арахту или другие каналы, а вода из реки и каналов была направлена на руины, чтобы они были затоплены. Место, где стоял священный город, стало неузнаваемым и превратилось в болото. Мушезиб-Мардук сбежал и нашел убежище в Эламе, но Умман-минану, опасаясь мести Ассирии, выдал своего союзника, и тот вместе со своей семьей был доставлен в плен в Ниневию.

Такой поступок вполне мог вызвать страх и ужас даже в самой Ассирии. Сеннахериб сделал то, на что до него никто даже не осмеливался. По отношению к городу, к которому многие ассирийские цари относились с уважением и который никогда не был разграблен, он проявил безжалостность, которую до сих пор проявляли только по отношению к иностранным мятежникам. Теперь он был хозяином Вавилона. В течение оставшихся восьми лет своей жизни он назывался царем Вавилона даже в вавилонском списке царей, хотя в каноне Птолемея этот период упоминается как переходный. Царь Умманалдаш [Хумба-Халдашу], который (7-го числа месяца Адар 690 или 689 года?) сменил Умман-минану на троне Элама и правил восемь лет, оставил ассирийского царя в мирном владении.

Есть достаточные основания предполагать, что это господство над Вавилоном тирана, озлобленного предыдущими неудачами, было правлением террора.

О последних годах правления Сеннахериба достоверные сведения почти полностью отсутствуют (). Экспедиция в Аравию против некоего царя Хазаила (Хазаилу), в ходе которой была взята столица Эдома и божество этого места попало в его руки, безусловно, относится к этому периоду его правления.

[695-681 гг. до н. э.]

Как и большинство ассирийских князей, Сеннахериб, несмотря на свою нестабильную жизнь, был великим строителем. Но он уделял наибольшее внимание восстановлению и украшению своего любимого Ниневии. В начале своего правления он также укрепил этот город внешней стеной и внутренним валом (*дуру* и *шалху*), а в 695 году построил величественный дворец у северо-западной стены, снесший небольшой дворец, который стоял там ранее. Последний пришел в упадок, отчасти из-за переполнения канала, на котором он стоял, отчасти из-за жары солнца. Канал был теперь отведён в другое русло, и на его берегу был построен новый, более величественный дворец, в котором не жалели слоновой кости и дорогих пород дерева. Там царь разбил парк, орошаемый водами Хушура (Хосра), которые были направлены через него, и засадил его деревьями из гор Аманус. В то же время город был расширен и украшен.

Едва было завершено это сооружение, как Сеннахериб приказал снести другой дворец, который находился южнее той же стены. Он служил прежним царям оружейной, складом и конюшней, а теперь стал не только слишком мал, но и обветшал. К нему были добавлены поля, для которых привезли землю, и на этом месте теперь возвышался дворец, не из черепицы, а из тесаного камня по образцу земли Хатти (Арам). Для этого также были использованы кедры из Амануса и огромные колоссы львов и животных, которые были высечены из камня в городе Баладай, а затем покрыты бронзой, и искусные архитекторы расположили их с большой тщательностью и великолепием. Назначение здания осталось прежним: там размещались лошади и всякий скот, складировались вещи и оружие, но теперь оно также служило казармой для национальных войск. Имя царя было высечено на каждой стене.

Сразу после завершения строительства этого здания 20-го дня месяца Адар 691 года, то есть в том же году, когда произошла битва при Халлуле, Сеннахериб приступил к другому, не менее важному делу, которое было завершено и торжественно открыто только после разграбления Вавилона. Это было предприятие, призванное обеспечить город Ниневию хорошей питьевой водой. Необходимо было прокопать ряд каналов, которые одновременно служили для орошения некоторых не возделанных полос земли. В столице, которая таким образом, как бы, родилась заново, старый воин, вероятно, еще несколько лет почивал на лаврах.

В последний период своей жизни Сеннахериб, по-видимому, передал часть своих королевских функций своему сыну Эсархаддону (Ашшур-ахе-иддину), если не сделал его фактически соправителем. Последний не был его старшим сыном, поскольку его имя «Ашшур дарует братьев, или брат» свидетельствует об обратном, но, возможно, он был вторым и, следовательно, прямым наследником престола после смерти или, по крайней мере, в отсутствие старшего сына царя, Ашшур-надин-шума, который был увезен эламитами. Эсархаддон, безусловно, был предназначен отцом для преемства и был его любимцем. Сеннахериб издал указ, согласно которому вся добыча, привезенная из вавилоно-халдейского района Бит-Амуккани, была передана ему, и его имя было одновременно изменено на Ашшур-этилли-укиннибал (Ашшур, господин одолжил сына) —

имя, которое было более подходящим для того, кто теперь занял место старшего сына, но которое, по-видимому, сам Эсархаддон не принял. Его братья, как младшие, так и старшие, были недовольны этим. По крайней мере, двое из них, Шарезер, полное имя которого, вероятно, было Нергал-шар-усур (или Нергилус из Бероса), и Адармалик, оспаривали право на престол, воспользовавшись тем, что Эсархаддон, возглавлявший армию, отсутствовал на северо-западе, вероятно, участвуя в войне с Арменией. Пока Сеннахериб молился в храме, они напали на него и убили, а Нергал-шар-усур занял трон, [но был сразу же смещен. Некоторые исторические источники отрицают его вступление на престол]. Так умер Сеннахериб, 20-го числа месяца Тебет (примерно в декабре) 681 года, от рук своих собственных сыновей.

Из официальных источников, которые являются единственными, которыми мы располагаем, трудно составить представление о характере ассирийского правителя, но записи о правлении Сеннахериба, безусловно, производят гораздо более неблагоприятное впечатление, чем те, которые оставил после себя Саргон. Оба были завоевателями, но один из них проявлял большее уважение к закону и справедливости. Суровый, порой жестокий по отношению к бескомпромиссным противникам, Саргон тем не менее проявлял мягкость там, где милосердие могло гармонизировать с интересами империи. Сеннахериб, с другой стороны, явно наслаждался сценами кровопролития и опустошения, наказывая так, что это вызывало только отвращение своей зверской жестокостью. Разрушение Вавилона, сожжение и уничтожение города, почитаемого за его возраст и важность и столь священного для набожных ассирийцев, было действительно слепой мстью, которая навечно запятнала имя виновника этого преступления. Не менее мужественный и воинственный, чем его предшественники, он был скорее опрометчивым и самонадеянным, чем смелым, а его планы были скорее рискованными, чем хорошо продуманными. Будучи стремительным в атаке, он пренебрегал необходимыми мерами предосторожности и, достигая ближайшей цели, часто терял больше, чем приобретал. Невозможно определить, был ли он причастен к убийству своего отца; то, что он был, как указывает его имя, младшим сыном, не является достоверным доказательством этого, но подозрительным обстоятельством является то, что он нигде не упоминает имя своего прославленного отца. Если он был виновен, то Немезида настигла его. Как царь он был намного уступал Саргону. Только Ниневия могла быть ему благодарна. Вавилон, напротив, который призвал Саргона как своего освободителя, стремился обеспечить свою независимость от него и предпочел его игу дорого купленную защиту Элама. После его смерти, процарствовавшего около двадцати четырех лет, прошло много времени, прежде чем империя стала такой же могущественной и процветающей, как в начале его правления. Вспоминая о Саргоне и Сеннахерибе, мы невольно вспоминаем Кира и Камбиза, которые отличались друг от друга точно так же.^{[b](#)}

ЭСАРХАДДОН И АШУРБАНАПАЛЬ

Как мы уже видели, Сеннахериб был убит своими сыновьями. Похоже, что это событие произошло не сразу после возвращения из катастрофической кампании против израильтян, как можно было бы предположить из еврейских источников, а значительно позже. Эсархаддон, который унаследовал трон своего отца, был вынужден отвоевать королевство у царевубийц, прежде чем он смог безопасно занять трон Ассирии. Однако, похоже, что это не составило для него большого труда, и в течение многих лет он продолжал бесспорно править, не только поддерживая, но и расширяя влияние, которым обладал его отец. Величайшей славой его правления было успешное вторжение в Египет. Мнения о характере Эсархаддона значительно расходятся. Вердикт профессора Тиле, который мы приводим ниже *в полном объеме*, несколько менее благоприятен, чем мнения других авторитетных источников. Возможно, стоит привести более подробное мнение профессора Масперо. Он говорит:

«Эсархаддон — одна из самых замечательных и привлекательных фигур в ассирийской истории. Он был столь же активен и решителен, как Ашшурназирпал или Тиглатпилесер, но не был жесток по отношению к своим подданным или завоеванным народам, как они. Он радовался милосердию так же, как его предшественники радовались безжалостности, и в описаниях его войн больше не упоминается о сожжении заживо пленников, о королях, пригвожденных к воротам своих городов, или о сожжении целых народов. Он с удовольствием восстанавливал руины, которыми его отец и дед покрыли землю, и в первый год своего правления отдал приказ о восстановлении Вавилона, которое было начато в грандиозных масштабах.

«Все халдейские пленники были освобождены, и те, кто хотел работать под руководством архитекторов, могли делать это за плату в виде масла, вина, меда и других предметов первой необходимости; а когда закладывались фундаменты различных зданий, он сам носил специальную одежду каменщиков. Храм Бит-Заггатона, резиденция Мардука, покровителя города, восстал из руин и стен, а королевские замки были возведены выше, чем раньше. За пределами Вавилона Эсархаддон освятил тридцать шесть храмов в Ашшуре и Агаде; они были облицованы блестящими листами золота и серебра.

«Дворец, который он построил в Ниневии на месте старого здания, превосходил все, что до сих пор видели. Карьеры алебаstra в горах Гордиены и леса Финикии поставляли материал для залов; тридцать два хеттских царя на побережье Средиземного моря прислали большие балки из сосны, кедра и кипариса. Крыша была сделана из резного кедрового дерева, поддерживаемого колоннами из кипариса, окруженными золотом и серебром; каменные львы и быки стояли у входов; панели дверей были сделаны из эбенового дерева и кипариса, инкрустированные железом, серебром и слоновой костью. Дворец в Вавилоне был полностью разрушен, а тот, который начали строить в Кале из египетской добычи, так и не был закончен. Завоеватели были очень впечатлены длинными аллеями сфинксов у входа в храмы Мемфиса, и, подражая этой идее, Эсархаддон установил сфинксов, львов и быков у входов в свои здания. Строительство длилось три года (671-669), и оно было завершено как раз настолько, чтобы можно было приступить к отделке, когда в 669 году он тяжело заболел. Два года спустя он умер.

Вероятно, большинство читателей записей, оставленных самим Эсархаддоном, которые, конечно же, являются нашим единственным источником информации по этому вопросу, за исключением нескольких случайных библейских упоминаний, сочтут приведенный выше вердикт профессора Масперо чрезмерно восторженным. Тем не менее, вряд ли можно усомниться в том, что Эсархаддон во многих отношениях был гораздо более замечательной

личностью, чем его отец. Следующий отрывок из одной из надписей Эсархаддона, содержащейся на шестиугольной призме из обожженной глины, найденной недалеко от Ниневии и ныне хранящейся в Британском музее, даст некоторое представление о том, как следует точно интерпретировать слова «привлекательный» и «милосердный» применительно к ассирийскому завоевателю:

«Эсархаддон, царь Шумера и Аккада, (сын Сеннахериба, царя) Ассирии, (сын Саргона) царя Ассирии, (который во имя Ашшура, Бела,) Луны, Солнца, Набу Мардука, Иштар Ниневии и Иштар Арбелы, великих богов, своих господ от восхода до заката солнца, шествовал победоносно, не имея соперников.

«Завоеватель города Сидона, который находится на море, уничтожитель всех его деревень; я выкорчевал его цитадель и резиденцию и бросил их в море. Я разрушил его место правосудия. Абд-милкот, его царь, который бежал от моих рук в середину моря; я поймал его, как рыбу из моря, и отрубил ему голову. Его сокровища, его имущество, золото и серебро, драгоценные камни, шкуры слонов, бивни слонов, дерево дан, дерево ку, ткани, окрашенные в пурпурный и желтый цвета, всех видов, и регалии его дворца я унес в качестве своей добычи. Мужчин и женщин без счета, волов, овец и мулов я увез всех в Ассирию. Я собрал всех царей Сирии и побережья. (Город Сидон) я построил заново и назвал его «Город Эсархаддона». Мужчин, захваченных моей армией, уроженцев земель и морей Востока, я поселил в нем и поставил над ними своих офицеров.

«А Сандуарри, царь Кунду и Сизу, враг и еретик, не почитавший мое величество, который отказался от поклонения богам, доверился своей скалистой крепости и взял в союзники Абд-милкота, царя Сидона. Он написал имена великих богов рядом и доверился их силе, но я доверился Ассуру, моему господину. Как птицу из гор я схватил его и отсекал ему голову. Я свершил суд Ашшура, моего господина, над людьми, которые были преступниками. Головы Сандуарри и Абд-милкота я повесил рядом с головами их вождей, и с пленными, молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, я пошел к воротам Ниневии.

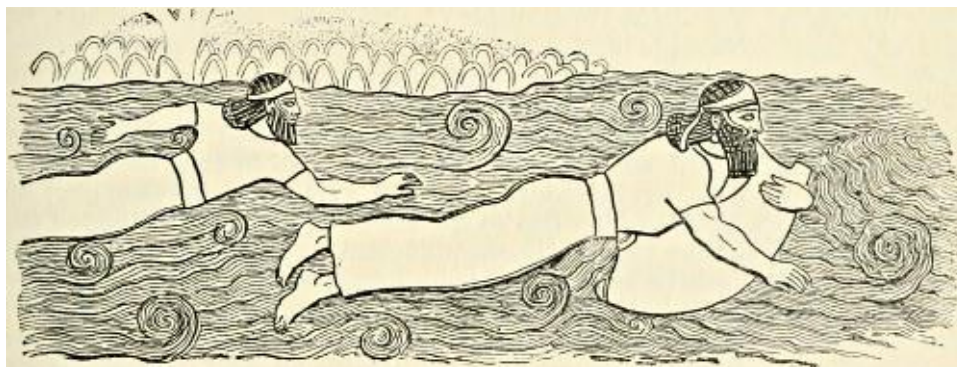
«Я растоптал головы людей Хилакки и Духуки, которые живут в горах, граничащих с землей Табал, которые доверяли своим горам и с давних времен никогда не подчинялись моему игу: я атаковал, захватил и унес добычу из двадцати одного их крепких городов и небольших поселений в их окрестностях; я разрушил, уничтожил и сжег их огнем. Остальным людям, которые не совершали преступлений и убийств, я только наложил тяжелое иго моей империи».

Примечательно, что преемник Эсархаддона, его сын Ашшурбанапал, по-видимому, относился к характеру своего отца так же благосклонно, как и современные люди, по сравнению с его дедом Сеннахиримом. Об этом свидетельствует тот факт, что Ашшурбанапал в различных надписях упоминает «Эсархаддона, царя Ассирии, отца, моего родоначальника», но никогда не упоминает своего деда, о котором он, вероятно, упомянул бы, следуя обычаю, если бы относился к нему с особым уважением. Сам Ашшурбанапал, по крайней мере в молодости, был воином недюжинного качества, но, по-видимому, в первую очередь он был любителем мирных искусств. В тоне его надписей, даже когда он описывает свои завоевания, заметно отличие от надписей его предшественников. Многократно они напоминают человека, любящего удовольствия жизни, а не того, кто радуется нанесению смерти. Ниже приведены слова, которыми он описывает экспедицию против Египта и Эфиопии, а также против Тира, записанные на цилиндре, который сейчас хранится в Британском музее:

«Во время моей второй экспедиции в Египет и Эфиопию я руководил походом. Тандамани [Танут-Амен] услышал о ходе моей экспедиции и о том, что я пересек границы Египта. Он покинул Мемфис и, спасая свою жизнь, бежал в Фивы. Цари, префекты и правители, которых

я поставил в Египте, пришли ко мне и поцеловали мои ноги. После Тандамани () я взял дорогу и отправился в сильный город Фивы. Увидев приближение моей могущественной армии, он покинул Фивы и бежал в Кипкип. Весь этот город (Фивы) я взял в служение Ашшуру и Иштар; серебро, золото, драгоценные камни, обстановку его дворца, все, что там было, одежды из шерсти и льна, великолепных лошадей, мужчин и женщин, два высоких обелиска, покрытых прекрасной резьбой, весом две тысячи пятьсот талантов (более девяноста тонн), стоявшие перед воротами храма, я снял с их мест и привез в Ассирию. Я унес из Фив огромную и бесчисленную добычу. Я отправил своих воинов в поход на Египет и Эфиопию (), и я обрел славу. С полной добычей я мирно вернулся в Ниневию, город моего владычества.

«В мою третью экспедицию я отправился против Баала, царя Тира, живущего посреди моря, который пренебрег моей царской волей и не внял словам моим. Я воздвиг башни вокруг него, захватил его дороги на море и на суше, смирил их дух и заставил их растаять, подчинил их моему игу. Дочь, рожденную его телом, и дочерей его братьев он привел ко мне в качестве наложниц. Яхимелека, своего сына, славу страны, непревзойденную славу, он сразу же послал ко мне, чтобы он поклонился мне. Я принял его дочь и дочерей его братьев с их большим приданым. Я оказал ему милость и вернул ему сына, рожденного от его тела. Якинлу, царь Арвада, живущий посреди моря, который не был покорным моим отцам-царям, покорился моему игу. Он привел свою дочь с многими дарами в Ниневию в качестве наложницы и поцеловал мои ноги. Мукаллу, царь Табала, который нападал на царей, моих отцов, дочь, рожденную от его тела, и ее большое приданое он привез в Ниневию в качестве наложницы и поцеловал мои ноги. Над Мукаллу я установил ежегодную дань в виде великолепных лошадей. Сандашарме из Киликии, который не подчинялся царям, моим отцам, и не исполнял их волю, дочь, рожденную его телом, с многими дарами, в наложницы в Ниневию он привел и поцеловал мои ноги».

Ассирийцы пересекают реку с помощью воздушных мешков

Об Ашшурбанапале как покровителе искусства и литературы мы более подробно поговорим в следующей главе, когда будем рассказывать о содержании его знаменитой библиотеки. Не менее примечательной, чем эта библиотека, была галерея искусств, составлявшая стены столовой великого царя. Теперь мы перейдем к более подробному рассмотрению жизнеописаний Эсархаддона и Ашшурбанапала в интерпретации современного авторитетного источника.^a

ПРАВЛЕНИЕ ЭСАРХАДДОНА (681-668 гг. до н. э.)

[681 г. до н. э.]

Убийцы Сеннахериба действовали не в одиночку, а имели значительное число последователей. Ашшур-ахе-иддин (Ашшур — брат), Эсархаддон, как его называли евреи, который уже был предназначен своим отцом к трону, поэтому должен был завоевать корону, назначенную ему, с помощью меча. Хотя был декабрь (тебет) — Сеннахериб, как мы видели, пал 20-го числа этого месяца — и, следовательно, время, благоприятное для военных операций, прошло, он понял, что в данном случае необходимо действовать быстро (). Он находился со своей армией на северо-западе, но, не теряя ни одного дня, не останавливаясь, чтобы собрать людей, лошадей, колесницы или материалы, даже не запасаясь провизией, и несмотря на снег и бурю, которых можно было опасаться в это время года, он поспешил прямо в Ниневию, «как хищная птица с распростертыми крыльями». В Ханигалбате, местечке, расположение которого нам неизвестно, но которое следует искать в Северной Арамее или рядом с ней [вероятно, недалеко от Мелида], его перехватила армия мятежников. Но они были вскоре разгромлены и рассеяны. Большая часть, скорее всего, перешла на сторону Эсархаддона. Два главаря восстания, его братья, спаслись бегством и были приняты в Урарту. То, что один из них, как хочет нас убедить Абиден, пал в сражении, маловероятно. Тем не менее, несомненно, что они больше никогда не пытались захватить власть. 2-го числа месяца Адар (февраль) восстание было подавлено, и пять недель спустя, 8-го числа месяца Нисан, то есть в начале 681 года до н. э. [профессор Роджерс указывает для этой даты месяц Сиран, 680 год], Эсархаддон вззошел на престол своего отца.

Когда восстание его братьев было подавлено, Эсархаддон действительно прочно удерживал ассирийский трон, но отнюдь не обладал бесспорной властью над всей империей своего отца. Он был вынужден постоянно вести войны и подавлять восстания.

Сын заклятого врага ассирийцев, Меродах-Баладан, которого обычно называют Набу-зиру-киниш-лишир (Набу, веда истинного отпрыска!), естественно, воспользовался замешательством, вызванным убийством Сеннахирима и войной за престол, чтобы отказаться от своей верности и, возможно, уже думал о повторном завоевании Вавилона. С момента вступления на престол Эсархаддона он перестал посылать подарки, требуемые от вассала, а также не назначил посланника, чтобы выразить свою почит новому царю и тем самым признать его верховную власть. Очевидно, он переоценил трудности, с которыми пришлось столкнуться царю, и не предполагал, что тот так скоро подавит восстание и будет в состоянии принять против него решительные меры. Неизвестно, рискнул ли он сам напасть, однако, по-видимому, он уже проник до Ура. Эсархаддон, который находился в Ниневии, когда получил известие о его измене, теперь, безусловно, не мог оставаться там. Но он приказал правителям провинции, граничащей с приморской страной, выступить против мятежного халдея во главе армии, которая была им отправлена, и этого оказалось достаточно. Согласно ассирийским источникам, Набу-зиру-киниш-лишир не дождался нападения, а бежал в Элам. Но это царство уже не было тем, чем было когда-то. Умманалдаш II, который теперь правил там, не был склонен ставить под угрозу мир своего царства и вступать в войну с Ассирией ради чужака; беглец был схвачен и казнен. Наид-Мардук, сопровождавший его в походе на Элам, опасался подобной участи. Он выбрал более мудрый путь: поспешил в Ассирию, подчинился и в награду получил власть над царством своего брата, то есть над всем побережьем. С тех пор он верно платил ежегодную дань.

[677-676 гг. до н. э.]

Не так легко было подавить другое движение на другом конце империи. Вскоре после вступления на престол Эсархаддона, а может быть, даже до этого, некоторые цари западных стран запланировали попытку освободиться от ассирийского ига. Это были цари Сидона и двух других городов, положение которых точно не известно, но которые, безусловно,

находились к востоку от Сидона, а именно Кунду и Сизу. Последними двумя правили Сандуарри, чье имя указывает на то, что он был одним из хеттов или имел к ним отношение, и Абд-милкот, правивший Сидоном. Они должны были поклясться, что восстановят свою независимость объединенными силами, и сражались с большой упорностью. Об этом свидетельствует тот факт, что они не были покорены до четвертого года правления Эсархаддона, а также страшная месть ассирийцев, столь нехарактерная для обычного поведения этого царя. В 677 году Сидон пал под натиском осаждающих войск. Город был разграблен, разрушен и обезлюден. Город и цитадель были «сброшены в море», а место, где они стояли, стало неузнаваемым. Население было уведено в Ассирию вместе со всем имуществом, скотом и сокровищами этого богатого торгового города. Но Эсархаддон, в отличие от своего отца, не получал удовольствия от простого разрушения. На месте прежнего города возник новый. Он назвал его своим именем [Кар-Ашшур-ахе-иддин] и разрешил завоеванным горным народам и жителям побережья Персидского залива поселиться там — старый способ, придуманный Тиглатпилесером, чтобы поглотить чувства национальности и независимости в единстве великой империи. Абд-милкот тем временем бежал, вероятно, на Кипр, поскольку Эсархаддон говорит, что он «вытащил его из моря, как рыбу». Он был пойман, взят в плен и казнен, и в месяце Тасрит следующего года, 676, его отрубленная голова прибыла в Ассирию. Прошло некоторое время, прежде чем Сандуарри был побежден в своей горной стране, но в месяце Адар того же года он постигла та же участь, что и его союзника. Затем в Ниневии состоялся варварский триумф. Все плененные подданные побежденных царей, во главе с великими и выдающимися людьми, были проведены по широким улицам столицы, а двое из самых благородных несли на шеях отрубленные головы правителей. Восстание против верховного царя, которое означало грех против Ашшура, бога богов, когда оно проводилось с таким упорством, как проявили эти два человека, не могло быть наказано достаточно сурово.

Если Эсархаддон намеревался этими жестокими мерами посеять ужас среди царей западных стран, то он достиг своей цели. Хотя, согласно обычаю ассирийских летописцев, писец приписывает рассказ о войне самому царю, тот лично в ней не участвовал, а оставался в Ниневии. Туда прибыли послы двенадцати царей, которых ассирийцы называли просто царями Хатти и царями побережья, а также послы десяти царей, правивших на Кипре, чтобы выразить ему свою почит и преподнести дары.

Когда десять кипрских правителей, имена которых в большинстве своем имеют греческое звучание, присоединились к данью уважения ассирийских, финикийских и ханаанских царей, становится очевидным, что армия Эсархаддона, преследуя бежавшего царя на Кипр, восстановила там ассирийское правление, которое не осуществлялось со времен Саргона.

Все эти князья должны были привезти ему дорогостоящие материалы для строительства его великого дворца в Ниневии. Существует склонность приписывать Эсархаддону особое предпочтение Вавилону и предполагать, что он сделал этот город своей резиденцией, по крайней мере, в конце своей жизни. Однако наши знания о построенном им здании не подтверждают эту точку зрения. Он, безусловно, управлял той частью своего царства, столицей которой был Вавилон, напрямую, а не через вассальных царей, и есть веские основания полагать, что он действительно лелеял намерение обосноваться в Вавилоне; но не менее верно, что для него, как и для его отцов, до назначения Ашшурбанапала вассальным царем Ассирии центром владений была Ассирия, а ассирийская столица была его главной резиденцией.

Хотя Эсархаддон теперь подражал своему отцу в заботе об украшении ассирийской столицы, он не ограничивался этим так исключительно, как его предшественники. Напротив, он хвастается тем, что построил храмы в городах Ашшур и Аккад и украсил их серебром и золотом. О том, что он не пренебрегал Аккадом или Вавилонией, свидетельствует работа, превосходящая все другие начинания, завершенная во время его правления и заказанная им в ранние годы, — восстановление разрушенной столицы.

В Эламе люди с неодобрением смотрели на эту реконструкцию Вавилона ассирийским царем и на восстановление ассирийского правления на этой территории. Поэтому царь Элама Умманалдаш II решил напасть на Эсархаддона в этой части страны. В 675 году, в шестой год правления Эсархаддона, он вторгся в Вавилон с армией, мы не знаем под каким предлогом, и проник до Сиппара. Однако это несчастье не было долговременным. В том же году Умманалдаш умер в своем дворце. Возможно, существует какая-то связь между этими беспорядками в Эламе и походом Эсархаддона против (нам) неизвестной страны Руриза, которую он завоевал в Тебете 673 года. Это можно с уверенностью сказать о мерах, которые он принял против гамбулов. Этот воинственный арамейско-халдейский народ, который когда-то составлял авангард армии Меродах-Баладана, тогда, по крайней мере, жил в болотистой местности, где они жили «как рыбы в середине рек». В то время их царем был Белбаша (Эн-баша?), сын Банану, и в своей труднодоступной стране он смог сохранить свою независимость. Эсархаддон теперь боялся не его и его гамбулов, а того, что он может легко перейти на сторону своего соседа Элама. Белбаша вынужден сделать выбор, и Эсархаддон готовится убедить его неопровержимым аргументом своей силы. Но арамейцы не ждут начала борьбы. Хорошо понимая, что теперь они не могут рассчитывать на помощь Элама, они по собственной воле решают подтвердить свою подчиненность Ассирии и отправляют требуемые подарки. Таким образом, Эсархаддон достигает своей цели. Подчинение было принято, страна пощажена, столица Шапи-Бел чрезвычайно укреплена, принцу было поручено снабдить ее лучниками и защищать ее как «врата, открывающие Элам». Насколько верно судил Эсархаддон, показалось позже, когда его наследник был вынужден наказать сына и преемника Бел-Баши за его интриги с Эламом.

[673-672 гг. до н. э.]

Эти несколько фактов, а также то обстоятельство, что в том же 673 году, вероятно, когда двор находился в Вавилоне, умерла царица, — это все, что мы знаем об истории южного царства при правлении Эсархаддона.

Больше известно о военных походах царя, или, по крайней мере, его армии, поскольку маловероятно, что он сам принимал участие во всех них. Некоторые из них не имеют большого исторического значения или были направлены против племен, местонахождение которых мы больше не можем определить. Мы пропустим их здесь молча. Однако следует обратить внимание на экспедицию против Теушпы, царя киммирцев или киммерийцев, или, точнее, против умман-манда, которые жили на большом расстоянии и впоследствии стали причиной стольких бедствий для Ассирии и Вавилона. Киммерийцы также упоминаются в других записях как враги Ассирии во времена Эсархаддона. Согласно этим источникам, они вступили в большой союз, образованный против Ассирии; во главе его стояли Каштарити из Кар-Кашши, мидийский принц, который, очевидно, жил на границах Элама, и Мамитиарсу, правитель мидийцев из Хартама (), к которым также принадлежали маннеи. По крайней мере, вначале они были успешны, захватили несколько городов, которые сейчас нам неизвестны (Хартам, Кишассу и пять других), и настолько велик был страх, который они таким образом посеяли в Ассирии, что для умиловления богов священнику (*amelu khalti*) было велено совершать священные обряды и праздновать фестивали в их честь с 3-го Айру

по 15-е Абу, то есть в течение ста дней. Исход борьбы не указан в ассирийских записях, но, по-видимому, вавилонская хроника рассказывала о вторжении киммирреев в Ассирию и об их поражении.

Возможно, это дало Эсархаддону возможность отомстить мидянам и с большим упорством вести войну против их страны. Он проник в нее дальше, чем любой из его предков, а именно в землю Патушарра (Патисхория?), которая лежала глубоко на территории Мидии, в окрестностях гор Бикни, где было найдено так много кристаллов. Там правили Шиттир-парна и Эпарна, два могущественных князя, чьи имена, по-видимому, были иранскими. Они были покорены ассирийцами и увезены в Ассирию с богатой добычей, состоявшей в основном из скота, лошадей и колесниц. Это посещение привело к тому, что другие князья из более отдаленных частей Мидии, которые до сих пор не признавали верховенство Ассирии, пришли по собственной воле и предложили свою подчиненность.

На другом конце своей империи Эсархаддон поддерживал свою власть таким же образом. Средством, с помощью которого Ассирия стала и оставалась на протяжении многих веков госпожой Западной Азии, было следование традиционной политике, принципы которой импульсивный Сеннахерим отверг самым достойным сожаления образом, но которая отличала Эсархаддона, а также его деда Саргона. Благодаря разумному сочетанию великодушного прощения, с одной стороны, и сурового наказания, с другой, ему удалось не только укрепить ассирийское господство в северных регионах Аравии, но и расширить его. Верный правилу, согласно которому те, кто подчинился по собственной воле, должны быть немедленно приняты в благосклонность и признаны союзниками, он выслушал просьбу царя Хазаила (Хазаилу) из Кедара, когда тот прибыл в Ниневию и попросил вернуть образы богов, которые были отвезены туда. Эсархаддон вернул их, велел выгравировать на них свое имя и свои знаменитые деяния и вернул их Хазаилу. Но после смерти этого царя он позаботился о том, чтобы его сын Ялу, которого он возвел на престол вместо отца, был еще более тесно связан с Ассирией и платил более высокую дань. На тех же условиях он вернул другому племени, вместе с богами, которых они были ранее лишены, некую принцессу Табуа, которая была уведена из их среды и выросла в королевском дворце в Ниневии, и таким образом восстановил ее в ее положении. Вскоре стало очевидно, что у него была цель в этих знаках благосклонности. Он хотел таким образом проложить себе путь к некоторым арабским племенам, которые все еще были независимыми и поэтому опасными для границ, и которые бродили по земле Базу и горам Хазу. Поход туда был очень трудным, 180 *кашбу каккар* (двойных часов) через засушливую пустыню, полную змей и скорпионов, так что казалось почти целесообразным обеспечить безопасное отступление. Если бы экспедиция против этих отдаленных племен провалилась, мы бы ничего об этом не узнали, по крайней мере из ассирийских источников; но она увенчалась успехом. Шесть арабских царей и две царицы были побеждены и, вероятно, казнены, а их сокровища, боги и подданные были затем увезены в Ассирию; по крайней мере, столько последних, что оставшиеся не смогли защитить себя.

[672-671 гг. до н. э.]

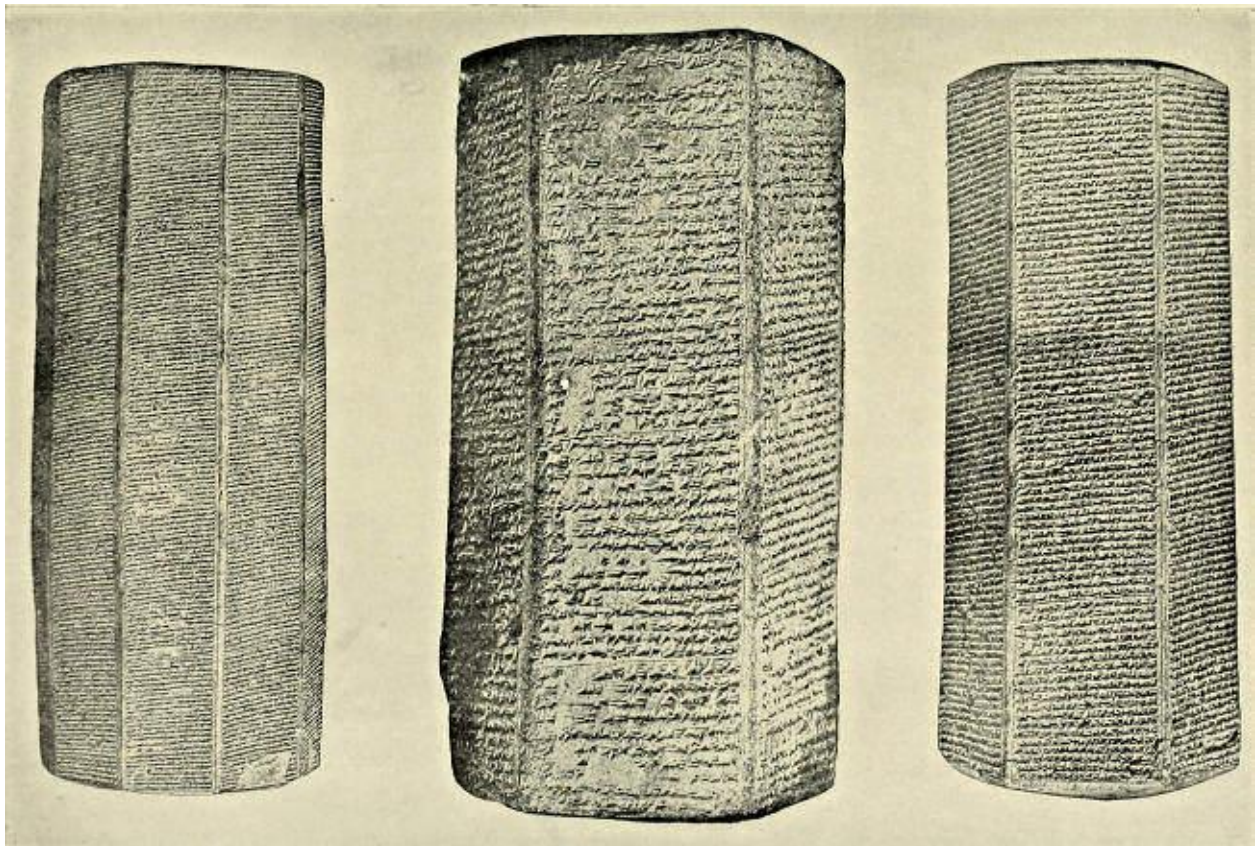
Славой правления Эсархаддона является завоевание Египта, для которого, без сомнения, послужила подготовкой только что описанная арабская кампания. Решающая схватка с Египтом рано или поздно была неизбежна, тем более что Тирхака только что привел раздробленное царство к определенному единству и, очевидно, снова стремился поднять его до положения великой державы.

В 672 году Египет сделал первый шаг. Как обычно, наградой было господство над Западом. Тирхака сумел убедить Баала, царя Тира, порвать с Ассирией, и таким образом

угрожал втянуть в восстание все побережье Средиземного моря. Были приняты оперативные меры, и в нисане 671 года мощная ассирийская армия двинулась на запад. Непосредственной целью был Тир. Он был окружен, а водоснабжение перекрыто. Не дожидаясь падения города, Эсархаддон теперь продвигается на юг и останавливается в Афеке, недалеко от Самарии, откуда в течение пятнадцати дней, с определенной осторожностью и, возможно, не без сопротивления, он ведет свою армию в Рapiху [Рафию] на египетском потоке, который образует границу между этой страной и Ханааном. К сожалению, текст обрывается внезапно, когда начинается повествование о фактической борьбе с Египтом. Но из других источников мы узнаем, что цель была достигнута и Египет завоёван. 3, 16 и 18 числа месяца Таммуз (июнь) были сражены три битвы, в которых ассирийцы одержали победу. Мемфис был взят 12 числа месяца, и хотя Тирхака удалось бежать в свою страну, Эфиопию, его сын и сыновья его брата были взяты в плен.

[671-668 гг. до н.э.]

Эсархаддон теперь фактически был царем Египта и здесь снова проявил себя как благоразумный правитель. Он довольствовался титулом «Царь царей Египта», то есть верховным владычеством над страной. Если бы он присоединил ее к Ассирии, то ослабил бы свою империю, а не укрепил. Его единственной целью было сохранить ее разобщенность и, следовательно, слабость, а также изгнать эфиопов, чтобы положить конец их опасным интригам на западе. Поэтому он не поставил своих генералов, придворных или губернаторов, а постарался привязать к себе провинциальных князей, предоставив им определенную независимость. Единственная опасность для него заключалась в объединенном Египте под властью воинственного царя, на чью помощь могли рассчитывать вечно беспокойные цари Финикии, Финикии и Ханаана; поэтому он довольствовался тем, что получил от провинциальных князей клятву верности Ассирии. Только верховенство Ассура должно было быть явно выражено, поэтому египетское название северной столицы, Саис, было изменено на ассирийское Кар-бель-матати (крепость повелителя земель), а имя сына Неку — на Набу-шезиб-анни (Набу сохранил меня!). После этого Эсархаддон вернулся в Ассирию, и на пути домой он приказал высечь свой королевский образ и рассказ о своем завоевании Египта на скалах у реки Дог (Нахр-эль-Келб) в Бейруте, где, помимо надписей и изображений различных египетских царей, некоторые из его предков также велели высечь свои.

ПРИЗМЫ СЕННАХЕРИБА, ЭСАРХАДДОНА И АШШУРБАНАПАЛА

Завоевание Египта было последним великим делом правления Эсархаддона, которое продлилось всего два-три года. В 670 году он был занят делами Ассирии, о которых, однако, нет подробных сведений. Но к следующему году стало очевидно, что ситуация в Египте не стабилизировалась. Было ясно, что необходима новая экспедиция в долину Нила. Эсархаддон собрал свои войска и предложил сам возглавить их, чтобы утвердить господство Ассирии в Египте. Однако сначала — возможно, потому что он уже предчувствовал свой скорый конец, или потому что не доверял внутренним делам — он назначил своего старшего сына Ашшурбанапала соправителем в Ассирии; если не предполагать, что это было сделано до похода в Аракс () в 671 году, что также возможно. Экспедиция не увенчалась успехом. 10-го числа месяца Аракшамну (Маршешван, примерно октябрь) 668 года, в двенадцатый год своего правления, царь умер, либо в Египте, либо, что более вероятно, не доехав до него.

Как великий царь могущественной империи, Эсархаддон действительно занимает очень высокое положение; хотя он не был более мягкосердечным, чем его предшественник, и не менее суровым в тех случаях, когда необходимо было наказать неповиновение, он действовал не под влиянием неуправляемой страсти, а обдуманно, и эта дальновидная политика позволяла ему всегда выбирать золотую середину между ненужной строгостью и опасной снисходительностью. За несколько лет он укрепил основы ассирийского правления и значительно расширил его; он воздвиг великолепные здания и возродил разрушенный Вавилон из его руин. Подняв своего сына Ашшурбанапала на трон еще при своей жизни, он сделал невозможной борьбу за власть, подобную той, с которой началось его собственное правление, а своим мудрым и твердым правлением он заложил основу для долгого и, по крайней мере в начале, блестящего и славного правления своего сына. Сеннахериб имел мало общего со своим великим отцом; Эсархаддон был достоин быть внуком Саргона.

РАННИЕ ГОДА АШШУРБАНАПАЛА (668-652 гг. до н. э.)

Мы уже видели, что Эсархаддон сделал своего сына Ашшурбанапала вассальным царем Ассирии еще при своей жизни. С торжественной церемонией молодой принц вошел в королевский дворец, построенный его дедом Сеннахерибом, где родился его отец Эсархаддон, вырос и с тех пор держал свой двор, и где он сам, как друг науки и образования, теперь начал собирать обширную библиотеку, которая спустя столетия должна была сделать его деяния и традиции его народа известными западной науке. Там, в присутствии своего отца и братьев, князей, военачальников и великих людей Ассирии, он принял клятву верности от зависимых царей и придворных, призывая имя богов и обязывая их подчиняться его приказам и соблюдать древние законы и учреждения. Это был важный шаг со стороны старого царя. Он действительно не отказался от правления Ассирией. Он оставался царем этой части своего царства, как и других, а достоинство, до которого он возвысил своего сына, было лишь незначительным или вассальным царством, сыновним правительством под его собственным все еще существующим верховным владычеством, в то время как он сам был в первую очередь царем Вавилона, Шума и Аккада, а также царем царей египетских стран. Но именно по этой причине назначение наследного принца вассальным царем Ассирии на самом деле означало превращение этой страны, до сих пор бывшей центром империи и столица которой была резиденцией центрального правительства, в царство, занимающее лишь второстепенное положение, в то время как Вавилон стал резиденцией главного правительства и занял первое место. Стало очевидным, что истинный центр империи переместился в Вавилон и что последний теперь обладал большей жизненной энергией, чем Ассирия.

[668-664 гг. до н. э.]

Смерть Эсархаддона открыла эфиопам перспективу отвоевания утраченных территорий. Было ожидаемо, что Тирхака воспользуется столь благоприятной для него возможностью, и вскоре, без сомнения, уже в 668 году, в Ниневию прибыл гонец с известием о том, что царь Куша вторгся в Египет и не только захватил весь юг страны, но даже торжественно вступил в Мемфис (), город, который Эсархаддон включил в состав Ассирии. Губернаторы, назначенные последним ассирийским царем, не перешли на сторону врага, но и не осмелились сопротивляться ему. При его наступлении они покинули свои главные города и отступили со своими вооруженными силами в пустыню. Ашшурбанапал осознавал всю серьезность событий, поскольку они ставили под угрозу мир в прибрежных районах Средиземного моря. Он сам не вышел на поле боя, но немедленно направил на запад значительные силы под командованием Тартана и других военачальников. Последний продвигался в Египет, совершая те форсированные марши, которыми славилась ассирийская армия, и спешил на помощь правителям, которые находились в тяжелом положении из-за Тирхаки. В Карбаните, или Карбане, городе, расположенном к западу от Канопического рукава Нила, недалеко от его устья, армии вступили в сражение. Поражение египтян было настолько полным, что Тирхака счел целесообразным эвакуировать Мемфис, не давая себе времени на снятие лагеря. Этот лагерь и все вооруженные речные суда эфиопов попали в руки ассирийцев. Тирхака отступил в Фивы и укрепился там.

Ашшурбанапал, который был проинформирован об этих успехах своей армии, решил атаковать врага в Фивах. Но поскольку армия Тартана также понесла большие потери, он приказал Рабшаке, который, по-видимому, командовал гарнизонами Запада, собрать новую армию из солдат и вспомогательных войск под его командованием, принадлежащих всем губернаторам и вассальным царям к западу от Евфрата. Впечатленные поражением, которое потерпел Тирхака, двадцать два царя побережья, равнины и острова Кипр поспешили

подчиниться этому приказу и не только предоставили солдат, но и по требованию верховного царя поставили корабли для блокады побережья и предотвращения возможных попыток восстаний со стороны морских государств на берегах Средиземного моря, а также, возможно, для плавания по Нилу. Эта армия двинулась, чтобы присоединиться к армии Тартана и войскам верных египетских вассалов, и объединенные силы затем выступили против Фив, которые были достигнуты через месяц и десять дней.

Тем временем Тирхака покинул сам город, пока еще было время, и укрепился на другом берегу реки в городе гробниц. Кроме того, он убедил трех главных вассальных царей дезертировать из Ассирии и перейти на его сторону. Это были Шарлудари, принц Пелузия (Сину), Пакруру, правитель Писепта в египетской Аравии, и не кто иной, как сам Неку, царь, которого Эсархаддон поставил во главе всех. Похоже, что они даже проявили инициативу, потому что предпочли иметь правителя из родственной расы в качестве верховного правителя, чем подчиняться иностранцу. Поэтому они предложили заключить союз с эфиопским царем, признав его верховенство, и взяли на себя защиту Нижнего Египта. Если бы их замысел удался, ассирийская армия оказалась бы в окружении вражеских сил и не смогла бы отступить. Но, к счастью для ассирийцев, заговор был раскрыт. Их посланцы были схвачены, письма перехвачены, и их коварные планы были таким образом коварно сорваны.

Но сначала Ашшурбанапал последовал примеру своего отца и помиловал Неку. После того как он заставил его принести клятву верности Ашшуру и возложил на него более тяжкие бремена, чем прежде, он снова надел на него царскую пурпурную одежду и снабдил его символами его должности: золотыми кольцами на руках и ногах, резным мечом в золотых ножнах, лошадьми и колесницами; и так он отправил его обратно в Египет, чтобы тот правил им как глава других вассалов от имени Ашшура. Сам он снова был наделен титулом «Кар-бел-матати, то есть Саис, а его сын Набу-шезиб-анни получил княжество Атрибис в Нижнем Египте, которому также было дано значимое ассирийское имя Лимир-шаку-Ашшур (пусть правитель Ашшура бережется). Другие цари также возобновили свой союз с Ассирией. Но Ашшурбанапал не забыл укрепить гарнизоны и дать тем, кого он помиловал, ассирийских офицеров, чтобы те присматривали за ними.

Некоторое время Египет наслаждался миром под властью Неку и господством Ассирии. Но после смерти Тирхаки Тамут-Амен тоже начал думать о повторном завоевании Египта. Он выступил со своей армией и, как и бывший эфиопский царь, был с восторгом встречен в Элефантине и Фивах как освободитель; затем, укрепив южную столицу, он продолжил свой поход на Мемфис, где впервые встретил сопротивление. Но мятежники, как их называл царь, — это были, конечно, ассирийский гарнизон и войска Неку, правившего Мемфисом и Саисом, — были настолько разгромлены в отчаянной вылазке, что эвакуировались из Мемфиса и отступили в крепости дельты. Некоторые князья во главе с Па-Керером (Пакруру) из Писепта, который всегда с неохотой нес ассирийское иго, пришли предложить свою покорность, которая была милостиво принята. Это был последний раз, когда ассирийская армия проводила кампанию против Египта.

Хотя Ашшурбанапал на некоторое время восстановил свое господство в Египте, по крайней мере на данный момент, оно оставалось непоколебимым в северных провинциях Запада. Самым важным событием, упомянутым в ассирийских летописях тех дней (очевидно, около 664 года), является присоединение Лидии. Ашшурбанапал рассказывает, что лидийский царь, подсказанный сном, который открыл ему великодушие Ашшура, послал своих послов в Ниневию, чтобы просить о союзе и защите великого правителя. Ибо божество сказало ему, что славой этого имени он победит своих врагов. И ему действительно удалось это сделать. Он разгромил киммерийцев. Можно предположить, хотя это и не указано, что Гиг получил от ассирийцев не только признание в качестве

союзника, но и другую помощь. Как бы то ни было, он одержал победу и, после успешного завершения войны, отправил в Ниневию двух киммерийских мятежников с большим подарком. Там они были не только польщены этим знаком уважения, но и не мало смущены тем, что не могли понять новых гостей и не могли объясниться с ними, ибо даже при дворе, где, как говорит ассирийский писатель, встречались языки Востока и Запада, не было никого, кто знал бы язык этих варваров.

Вероятно, по той же причине, что и Гигес, Мукаллу из Табала, его восточный сосед, и Якинлу из Арвада, а также, возможно, Сандашарме из Киликии, поставили себя под покровительство Ассирии. Зная вкусы великого правителя народов, каждый из них послал ему дочь для его гарема с богатым подарком, и, по-видимому, это было обычным обычаем. Некоторые даже, чтобы продемонстрировать свое рвение, послали ему, помимо своих дочерей, дочерей своих братьев и других родственников.

На востоке Ашшурбанапал также продемонстрировал свое по-прежнему непревзойденное военное превосходство. Там, вскоре после или одновременно с египетскими походами, он уже наказал горный народ, набеги которого доставили большие страдания жителям Ямудбала [Э-мутбала] на границе Элама, так что вожди города Дур-илу подали на них жалобы. Он послал войско, которое подчинило племя, привело вождя Тандая живым в Ассирию и увезло большое количество пленников. Царь отправил их в Египет, а на их место заселил опустошенную страну военнопленными из других регионов.

[664 г. до н. э.]

Гораздо более важным было поход против Мана. Причина не указана, но вполне возможно, что царь Мана, Ахшери, провозгласил себя независимым или проявил явное намерение напасть на Ассирию. Если это так, то он поступил слишком поспешно. Как бы ни был Ашшурбанапал далек от воинского духа, ассирийская армия, по крайней мере в начале его правления, была слишком бесстрашной, а ее полководцы слишком доблестными, чтобы кто-либо мог бросить вызов могущественной монархии. Ахшери попытался ночью застать врасплох войска, направленные против него, еще до того, как они пересекли его границы, но ему это не удалось. Маннеи были разгромлены в кровопролитной битве, и на расстоянии шести лиг вокруг их тела покрывали поле сражения. Ничто не помешало победоносной армии войти в Ман, где она razорила восемь великих городов, местонахождение которых нам неизвестно, а также множество небольших населенных пунктов, и таким образом достигла столицы, Изирту. Она была окружена вместе с городами Урбия и Армиджате, и после того, как жители, доведенные до крайней степени, сдались, их увезли, а всю их территорию завоевали и razорили.

Но цель была достигнута. Ужасные страдания войны, обрушившейся на эту несчастную страну, озлобили население против человека, которого они считали виновным в этом, а именно своего старого короля Ахшери. В любом случае, он продемонстрировал свою неспособность защитить свою страну. Вместе со всеми своими братьями, отцом и семьей он был казнен, и ярость народа была настолько велика, что ему даже не предоставили почетную могилу, а бросили труп на улицы его города. Его сын Уалли, уже человек средних лет, был возведен на престол и поспешил признать верховную власть Ассирии. Он послал своего молодого сына в Ниневию, чтобы тот поцеловал ноги монарха, и не забыл послать туда же свою дочь, чтобы пополнить гарем Ашшурбанапала. Его подчинение, конечно же, было принято (), но его ежегодная дань была увеличена примерно на тридцать лошадей. Другие попытки восстания на северо-востоке были вскоре подавлены.

Но в то время как эти беспорядки на северо-востоке были подавлены без особых трудностей, на юго-востоке вскоре появились признаки, предвещавшие ту великую бурю, которая через несколько лет должна была разразиться там и угрожать империи разрушением. Трон Элама по-прежнему занимал Уртаки, который всегда поддерживал дружеские отношения с Эсархаддоном и неоднократно получал от него знаки доброй воли. Ашшурбанапал продолжил политику своего отца и относился к Уртаки как к союзнику, и когда Элам пострадал от сильного голода после продолжительной засухи, он даже не постеснялся протянуть руку помощи. Он послал зерно в пострадавшую страну и не только разрешил подданным Уртаки, бежавшим в его страну, поселиться там, но и позволил им беспрепятственно вернуться на родину, когда снова пошли дожди и был обеспечен достаточный урожай. Если в этом он руководствовался политическими мотивами, то по крайней мере это было разумное и мирное решение. В прокламации, обращенной к эламскому племени Раш и племенам Приморских земель, он мог с полным правом сослаться на эти проявления добрососедства. Но они не помешали Уртаки взять в руки оружие и вторгнуться в Вавилонию.

Похоже, что Ашшурбанапал с трудом мог поверить в полученные новости. Вместо того, чтобы поспешить на место, чтобы предотвратить опасность, как это было в обычае его воинственного отца, он послал гонца, чтобы тот выяснил положение дел и доложил ему об этом. Посланник вернулся с вестью о том, что эламцы нахлынули на Аккад, как рой саранчи, и даже разбили укрепленный лагерь в пределах видимости города Вавилона. Теперь он поспешно собрал армию, которая изгнала захватчиков из Аккада и даже нанесла им поражение на границе. Ассирийский писец с некоторой пафосностью рассказывает о печальной судьбе, которая вскоре постигла всех этих врагов его царя. В год, последовавший за этими событиями, все они умерли: Бел-баша, по-видимому, от ядовитого укуса; Набушум-ереш в результате наводнения; Уртаки и его генералы, в отчаянии, своими руками в присутствии друг друга. Трудно определить, узнал ли рассказчик об этом из достоверного источника или только слышал об этом из слухов, но то, что на самом деле все они умерли вскоре после этого, не вызывает сомнений, поскольку в последующей войне с Эламом на их местах оказались сыновья или преемники.

Корона Элама перешла к Теумману, брату двух предыдущих царей, который был «подобен дьяволу», как говорит наш ассирийский информатор. То, что он был тираном, не гнушавшимся никакими средствами для сохранения своей власти, было также убеждением родственников Умманалдаша и Уртаки, двух последних царей Элама. Один оставил двух сыновей, Кудурру и Пару, другой — трех: Умманигаша, Умманাপпу и Таммариту. Хорошо понимая, что их дядя намерен устранить их со своего пути вместе со всем, что им принадлежало, чтобы обеспечить преемственность своего собственного сына, они покинули свою страну с большой свитой, в которую входили шестьдесят членов королевской семьи и телохранители-лучники, и обратились за убежищем и защитой к Ашшурбанапалу.

Естественно, Теуман не мог оставить это без внимания. Поэтому он поспешил отправить в Ниневию двух послов, эламца Умбадару и халдея Набу-даммика, чтобы через них потребовать выдачи беглецов. Но Ашшурбанапал, ободренный благоприятными предзнаменованиями, снами своих провидцев и оракулами богов, то есть подталкиваемый своим духовенством, руководству которому он всегда подчинялся с благочестивым рвением, решительно отказался выполнить требование Теумана и собрал армию. В месяц Улул она была готова к походу. Он сам не выходил на поле боя, поскольку его армия, возглавляемая одним из его генералов, должна была лишь поддерживать эламские войска Умманигаша, его братьев и двоюродных братьев. Сам Умманигаш был генералиссимусом, хотя и только

номинально. Ассирийский генерал был уполномочен посадить Умманигаша на трон Элама от имени верховного царя Ассирии после завоевания страны.

Теуманн также находился в поле с армией. Но когда он узнал, что войска его соперника и ассирийцев уже вступили в города Дур-Илу, которые находились недалеко от границы его страны и поэтому несколько раз становились ареной борьбы между двумя державами, он повернул назад, оставив западные провинции своего королевства, и укрепился в своей столице Шушане [Суза], которая находилась на восточном берегу реки Улай [современная Карун]. Тем временем союзные ассирийцы и эламиты вступили в королевский город Матакту, который находился к западу от этой реки, и там Умманигаш был коронован царем. Теуман, конечно, предпринял еще одну попытку; из-за повреждений, которые претерпел текст, не совсем ясно, какого рода она была, но из контекста ясно, что он тщетно послал армию, чтобы помешать продвижению своих врагов. Последние, вновь воодушевленные сном, пересекли реку после того, как войска Теумана потерпели поражение при Тул-Лиз, и теперь атаковали сам Шушан. Там происходит решающая битва. Она заканчивается полным разгромом эламитов: начинается великая резня, река заполняется трупами, а бесчисленные женщины бродят по окрестностям, оплакивая погибших. Многие знатные и большое число менее знатных пленников попадают в руки ассирийцев. Все ищут спасения в бегстве. Один из сыновей Теумана, Тамарриту (), который советовал ему не вступать в войну и предсказал ее исход, в отчаянии разрывает на себе одежды. Старший сын, Таммариту, следует за отцом в его бегстве в лес, и когда там ломается колесница царя, их догоняют и обоих убивают. Голова царя отправляется в качестве трофея в Ассирию, где ее выставляют на больших воротах Ниневии, как красноречивое свидетельство могущества Ашшура и Иштар для всего народа. Его зять Уртаки сам умоляет ассирийца отрубить ему голову и отправить ее в качестве хорошей вести Ашшурбанапалу. Еще другие великие люди королевства приходят по собственной воле и подчиняются. Главные магистраты провинции Хидали обезглавливают своего собственного князя Иштарнанди, и один из них сам приносит отрубленную голову своего господина в ассирийский лагерь. Таммариту, третий брат Умманигаша, передает управление этим княжеством ассирийским генералам, а сам Умманигаш входит в Шушан и там коронуется как вассал Ассирии. В знак своей верности он передает представителям ассирийского царя внука Мардука-бал-иддина, более известного под еврейским именем Меровдах-баладан, вероятно, организатора всего сопротивления ассирийскому царю.

Но война не закончилась наказанием Элама. Дунану, сын Бел-баша, принц Гамбула, теперь должен был узнать, что значит встать на сторону врага. Армия, возвращаясь из Элама, врывается на его территорию, завоевывает столицу Шапи-Бел, уводит из нее всех, кто не пал от меча, опустошает все место и бросает руины в воды реки, протекающей вокруг него; после чего разношерстная толпа людей собирается и приводится туда, чтобы заново заселить опустошенную страну.

Это была жестокая месть, которая была совершена над всеми врагами, даже над теми, кто уже был мертв, над их трупами. При триумфальном входе армии в Ниневию Дунану был вынужден нести на шее голову своего союзника Теумана. Когда послы Теумана, оставшиеся в Ниневии, увидели это, один из них в отчаянии вырвал себе бороду, а другой вонзил кинжал в собственное сердце. Дунану был помещен на дыбу в Арбеле и умер в мучениях. Все его братья, включая Самгуну, а также внук Меровдах-Баладана и его братья, также были казнены; вожди Гамбулы были даже заживо сняты с кожи, после того как им вырвали языки как богохульникам высших богов, после чего все трупы были порезаны на куски и разосланы по всей империи в знак верховной власти Ассирии. С изысканной жестокостью Ашшурбанапал даже приказал, чтобы труп его старого противника Тигенны Набу-шум-ереша (), который он специально привез в Ассирию из Гамбула, был изуродован у великих

ворот Ниневии его собственными сыновьями. Еще до того, как все это было завершено, Сардурис III из Урарту, возможно, потому что ему уже угрожали иранские враги, которые вскоре должны были положить конец царству Ван, и он был заинтересован в получении помощи от своего могущественного соседа, отправил к нему посла. Ашшурбанапал не упустил случая представить послов Теумана перед новоприбывшими, чтобы внушить первым сознание своего величия, а вторым дать предупреждающий пример на случай, если их правитель также окажется неверным.

Таким образом, самая большая опасность, которая до сих пор угрожала империи, казалась навсегда предотвращенной, и если когда-либо безжалостная месть была способна лишить покоренные народы желания бороться за свою независимость, то это, безусловно, должно было произойти после такого кровавого суда. Но вскоре стало ясно, что это не принесло никакой пользы. Ассирия только сумела сделать себя еще более ненавистной, чем раньше, и только подняла князей и народы на сопротивление, чтобы больше не терпеть иго палача Азии.

ВОЙНА БРАТЬЕВ (652-648 гг. до н. э.)

Около 652 года разразилась грозная война против Ассирии. Возможно, она долгое время тайно готовилась, прежде чем Ашшурбанапал заподозрил опасность, угрожавшую ему. Он верил, что его примирительная политика обеспечила ему постоянную приверженность вавилонян. Он наделил своего брата Шамаш-шум-укина королевским достоинством, возвысил его до господина всего Шумера и Аккада и предоставил в его распоряжение армию пехотинцев, всадников и колесниц. Он разрешил вернуться тем жителям городов, равнин и ферм, которые покинули страну в период анархии или были увезены. Что касается вавилонян, поселившихся в Ассирии, то он не просто поставил их на один уровень со своими непосредственными подданными, но и относился к ним с особым почтением, сохранил привилегии, предоставленные им Эсархаддоном, и возвысил их до важных должностей, и они даже свободно передвигались по его королевскому двору, одетые в роскошные одежды с золотыми украшениями. Они по-прежнему заявляли о своей покорности ассирийскому господству, но все это время замыслили заговор против царя вместе с Шамаш-шум-укином.

Ассирийский лучник

Первое сообщение об этом заговоре поступило к царю от Кудура, правителя Эреха. Этот верный слуга получил от Син-табни-усура, правителя Ура, информацию о том, что туда прибыли послы от царя Вавилона и что часть народа уже поднялась на восстание. Син-табни-усур не хотел прислушиваться к предложениям Вавилона и поэтому запросил подкрепление. Кудур послал ему пятьсот человек, которые по его просьбе были впоследствии пополнены войсками, принадлежащими правителю Арпахи и Амиды. Но, похоже, Син-табни-усур не смог удержаться до прибытия подкрепления и еще до их прибытия был вынужден перейти на сторону мятежников.

Ашшурбанапал вскоре с ужасом узнал, что движение, душой которого был его нелояльный брат, распространилось с большой быстротой и что беспокойство Кудура было не без оснований. Шамаш-шум-укин послал послов во все стороны, и они не работали напрасно. Все Аккад и Халдея, все арамейцы Вавилонии, все жители Приморских земель присоединились к нему. Его главными союзниками в этом районе были: Набу-бел-шуме, внук Меродаха-баладана, непримиримого врага Ассирии, который теперь был царем Халдеи; Маннуки-Бабили, принц Бит-Даккури; За-шум-баша, принц Бит-Амуккани, и Надан из Пукуду. Умманигаш, царь Элама, который обязан своим тронном Ашшурбанапалу, также был переманен Шамаш-шум-укином. Ашшурбанапал полагал, что может позволить себе навязать эламцу, который был ему так много обязан, условия, которые тот, безусловно, мог выполнить только с большим трудом. Он потребовал возвращения богини Наны из Эреха, которая веками находилась во владении Элама и почитание которой стало настолько популярным, что цари по-прежнему посылали свои дары богине Эреха. Умманигаш не мог удовлетворить это требование, не вызвав всеобщего недовольства в своем царстве, и, несомненно, вследствие этого был тем более склонен прислушаться к предложениям вавилонского принца. Они были подкреплены богатым подарком, для которого были разграблены сокровища храмов Бел-Мардука в Вавилоне, Набу в Борсиппе и Нергала в Куте. Умманигаш немедленно отправил вспомогательные войска в Халдею. Кочевники-гути на ассиро-вавилонской границе, цари Запада во главе с Баалом Тирским и царь Мелукхи, под которым здесь, несомненно, подразумевается Псамтик; Шамаш-шум-укин обнаружил, что и они готовы присоединиться к нему в восстании против Ассирии. Отступничество Гигеса,

царя Лидии, который ранее заключил союз с египетским царем, вероятно, также относится к этому времени, и несомненно, что различные египетские шейхи также перешли на сторону Вавилона. Только народы северо-востока и севера империи, по-видимому, не приняли участия в этом движении. Их сдерживали энергичные правители Амиды и Арпахи, последний из которых даже помешал северу Элама подняться против верховного царя.

Чтобы унять бурю, надвигавшуюся сразу со всех сторон, требовались энергия и мудрость. Ашшурбанапал, для которого религия занимала столь важное место, естественно, в первую очередь обратился к своим богам. Но он не пренебрегал и активными мерами. Однако неясно и маловероятно, что он сам взялся за оружие. Когда в 650 году к нему пришел Таммариту, он находился в Ниневии. Но в предыдущие годы он посылал различные армии для нападения на союзников в разных точках. Как только до него дошла весть из Вавилона, он издал прокламацию вавилонянам, в которой осудил вероломство своего брата как неблагодарность и призвал тех, кому он оказал такую милость, не присоединяться к Шамаш-шум-укину. Правда, эти слова не нашли отклика среди знати Вавилона, но, возможно, они не остались без влияния на настроения народа. В любом случае, последний в конце концов восстал против своего царя. Когда в 657 году войска Умманигаша вторглись в Халдею и Кардуньяш, они столкнулись с ассирийскими войсками. Во главе эламцев стоял сын Теумана, того самого эламского царя, которого Ашшурбанапал казнил и которого Умманигаш выбрал своим генералом, потому что тот хотел отомстить ассирийцам за смерть своего отца. Вместе с ним пришли правители Биллате и Хилму, Зазаз и Пару; Аттумету, капитан лучников, Нешу, эламский полководец, и вавилонский отряд присоединились к ним. Отчет о сражении слишком поврежден, чтобы мы могли сделать какие-либо выводы о нем. Но очевидно, что ассирийцы добились некоторого успеха, о чем свидетельствовала отрубленная голова Аттумету, которая была отправлена Ашшурбанапалу в Ниневию.

Не так-то просто было подчинить себе главного виновника войны. Первым делом Шамаш-шум-укин закрыл все ворота Вавилона, Борсиппы и Сиппара, разместил гарнизоны во всех важных местах и стал хозяином всех городов Вавилонии. В знак того, что он отказался от своей верности, он приказал приостановить все жертвоприношения высшим богам, установленные Ашшурбанапалом, и присвоил все дары, предназначенные им, что вызвало гнев верховного царя больше всего.

Это произошло в 650 году, поскольку, вероятно, в апреле того же года Бел-Ибни был назначен правителем прибрежных земель. Халдея и прилегающие территории теперь также были покорены. Они восстали в предыдущем году после того, как Шамаш-Шум-Укин поднял знамя восстания в 652 году. 4 нисана 651 года внук Меродаха-Баладана, Набу-бел-шуме, собрал армию из аккадцев, халдеев и кардуньяшу (жителей побережья), в которую он включил ассирийцев, которых Ашшурбанапал послал ему в качестве вспомогательных войск или гарнизона. Между 22-м днем месяца Таммуз и 22-м днем месяца Абу того же года к ним присоединился правитель Син-табни-усур, а между 7-м днем месяца Абу и 7-м днем месяца Улул подошли и эламские вспомогательные войска. Но в конце концов ассирийская армия разгромила их всех и заставила эламцев отступить. Набу-бел-шуме последовал за ними со своими войсками в Элам. Ассирийцев, на которых он не мог полагаться, он ранее отправил под командованием надежного полководца в том же направлении, скорее всего под предлогом того, что они будут маршировать против Элама, и таким образом предал их в руки Индабигаша. Возможно, это поражение стало причиной падения Таммариту. По крайней мере, оно должно было последовать вскоре после этого. Юг Вавилонии, безусловно, вновь был подчинен Ассирии к концу 651 года.

Теперь Ашшурбанапал мог сосредоточить свои мысли на нападении на главного мятежника на своей территории. Похоже, что последний снова вступил в отношения с

Эламом и либо лично отправился туда, либо послал туда послов. Но 17-го числа месяца Аракшамну (Маршешван) 651 года воины Ашшурбанапала выступили против его брата. В 650 году они страшным образом ворвались в северную Вавилонию, устроили ужасную резню подданных Шамаш-шум-укина в городах и деревнях, захватили каналы и, наконец, окружили Сиппар, Вавилон и Борсиппу, которые были укреплены вавилонским царем. Осада, должно быть, длилась год или два, поскольку столица была взята только в 648 году.

И она не пала бы тогда — настолько упорно ее защищали — если бы страдания внутри стен не достигли апогея. Голод был настолько ужасен, что осажденные питались плотью своих собственных детей, а за голодом последовала чума. Как отмечает историк, сами боги сражались за ассирийцев. Тогда отчаяние охватило народ. В ярости они схватили Шамаш-шум-укина и бросили его, несомненно, вместе с некоторыми из его спутников, в огонь. Затем город, конечно, был сдан врагу и таким образом избежал судьбы, которую Сеннахериб уже навязал ему. Был проведен строгий суд. Те, кто был причастен к восстанию, из тех, кто избежал меча, голода и чумы, кто спасся во время восстания и поэтому не мог быть сожжен вместе со своим господином, были вытащены из укрытия, где они скрывались, на свет божий и убиты без пощады и милосердия, так что ни один из них не спасся. Тем, кто подстрекал к восстанию и порочил Ашшура, перед смертью вырывали языки. Но самое суровое наказание постигло тех, кто уже был наказан за мятеж дедом царя, Сеннахерибом, и чьи отрубленные конечности теперь бросали собакам и всевозможным хищным зверям. Трупы тех, кто был уничтожен болезнями, голодом и нищетой и которые заполняли улицы Вавилона, Сиппара, Куты и окрестных земель, были утащены и сложены в кучи, а оскорбленные боги и разгневанные богини были умиловлены заботой, которая теперь была оказана их святилищам и алтарям. Все беглецы были помилованы и получили право на жизнь; им было позволено поселиться в Вавилоне. Город не был разграблен. Ашшурбанапал довольствовался добычей из дворца своего мятежного брата, его гаремом, домашними колесницами, военными припасами и знаками его королевского достоинства, и все это он увез в Ассирию вместе с пленными воинами.

[648 г. до н. э.]

На юге страны волнения, по-видимому, продолжались дольше. Аккадцы, халдеи, арамейцы и жители побережья, которые ранее служили Шамаш-шум-укину, а затем подчинились ассирийскому правителю Бел-ибни, теперь по собственной воле вновь восстали против Ашшурбанапала; но ассирийская армия, теперь ставшая армией Вавилона, вторглась на их территорию и вскоре вернула всю страну под власть Ассирии. Назначенные царем правители и князья вновь ввели ассирийские законы и проследили за тем, чтобы ежегодная дань отныне выплачивалась регулярно.

ПОСЛЕДНИЕ ВОЙНЫ АШУРБАНАПАЛА (648-626 гг. до н.э.)

Как уже упоминалось ранее, внук Меродаха-Баладана, Набу-Бел-Шуме, передал в руки Индабигаши войска, которые Ашшурбанапал послал ему для защиты его страны от эламитов и восставших вавилонян. Еще до взятия Вавилона ассирийский царь послал к нему посланника с требованием освободить этих людей. Индабигаш ответил предложениями о мире. По-видимому, он не осмелился рискнуть борьбой с Ассирией, но и не был готов выполнить просьбу Ашшурбанапала; вероятно, для этого партия халдеев и их друзей была слишком сильна в Эламе. После падения Вавилона ассирийцы отправили в Элам нового посланника, сопровождаемого многочисленной армией, с жестким ультиматумом. «Если ты не вернешь этих людей, — гласило послание, — то я приду и разрушу твои города, увезу народ Шушана, Мадакту и Хидалу, свергну тебя с твоего царского престола и поставлю на

твое место другого. Как я ранее уничтожил Теуммана, так я уничтожу и тебя». Но посланник еще не дошел до Дери, когда сторонники войны убили Индабигааша из естественного страха, что он может уступить, и провозгласили царем Умманалдаша, сына Аттумету.

Конечно, последний отклонил просьбу Ашшурбанапала, и война разгорелась с новой силой. Ашшурбанапал теперь намеревался во второй раз установить Таммариту во главе правительства Элама, но эта политика вновь была обречена на провал. Мощная армия, возглавляемая этим претендентом, вторглась на территорию врага, и несколько приграничных городов сразу же подчинились из страха и пришли, чтобы предложить своих людей и скот. Первое сопротивление встретилось в Бит-Имби, некогда королевском городе Элама, «который закрывал переднюю часть Элама, как великий бастион», и был завоеван Сеннахерибом и разрушен до основания. Но позднее эламский царь построил новый Бит-Имби () напротив старого города и окружил его крепкой стеной и укреплениями. Этот город упорно защищался, но был завоеван, а те, кто не подчинился, были обезглавлены, а их губы отправлены в Ассирию в качестве трофеев победы. Капитан лучников Имбаппи, который был зятем эламского царя и командовал в городе, попал живым в руки врага вместе с гаремом, сыновьями бывшего царя Теумана и остальным населением и был увезен в Ассирию.

Этот военный подвиг, по-видимому, имел большое значение, поскольку, как только он дошел до Уманальдаша, тот бежал из Мадакту в горы. То же самое сделал другой принц (Умбахабуа?), который некоторое время правил в Эламе до Уманальдаша, но в связи с восстанием отступил в Бубилу. Он тоже покинул свое жилище и скрылся в низменных районах на побережье. Элам теперь был открыт для ассирийской армии, которая воспользовалась возможностью, чтобы вступить в Шушан и там снова посвятить Таммариту в короли. Но последний понял, что его поставили на трон лишь как теневого царя (). Когда сопровождавшие его ассирийские войска отступили в свою страну, увозя с собой большую часть населения в плен и огромную добычу, он полностью разочаровался и попытался силой предотвратить обнищание страны. Но ему это не удалось. В глазах ассирийцев это было низким неблагодарством; он был свергнут и снова увезен, и перед тем, как окончательно начался обратный марш, по всей Эламе была проведена регулярная кампания, в ходе которой были разграблены главные города. Но в стране не осталось ни одного ассирийского

гарнизона, и нет никаких упоминаний о ее постоянной аннексии. Сразу после ухода ассирийской армии Умманалдаш II вышел из своего укрытия и вновь завладел властью.

Но Ашшурбанапал не удовлетворился этим *отказом* и на этот раз сам послал Таммариту в качестве посла с новым требованием. Оракул, который он спросил у богини Эреха, велел ему вернуть образ богини Наны, который был увезен в Элам несколько веков назад. Напомним, что этот оракул уже служил поводом для втягивания Умманигаша в войну. Теперь оно снова было использовано. Но Умманидаш, как и его предшественник, не мог удовлетворить это требование, не поставив под угрозу свой трон и жизнь. Ему не оставалось ничего другого, как испытать удачу в войне.

Война шла так же, как и в первый раз, но велась с большей энергией и, безусловно, длилась дольше. Был вновь захвачен Бит-Имби, затем страна Раши и город Хаману с его территорией — завоевание, которое ассирийцы сочли достаточно важным, чтобы увековечить его в рельефе. Хотя все это были лишь приграничные территории, Умманалдаш считал целесообразным покинуть Мадакту, западную столицу своей страны, и отступить в Дур-Ундаси, город на другом берегу Улай, но к западу от реки Идиди, которая составляла сильную естественную защиту. Таким образом, он покинул большую часть своей страны, но даже там он не чувствовал себя в безопасности и пересек Идиди, чтобы расположить свои войска за ней в боевом порядке. Ассирийцы продолжили свой триумфальный поход, захватывая один город за другим, и наконец дошли до Дур-Ундаси. Но здесь армия отказалась идти дальше, и прошло два дня, прежде чем они смогли решиться перейти эту, казалось бы, опасную реку. Однако в самый последний момент Иштар из Арбелы, воинственная богиня, чьи жрецы, несомненно, сопровождали армию с переносным святилищем или ковчегом, послала одному из своих провидцев сон, в котором обещала свою помощь, и это восстановило мужество армии. Переход был успешным, армия Умманалдаша () была разгромлена, и двенадцать эламских провинций к востоку от Идиди с четырнадцатью королевскими городами и рядом меньших населенных пунктов были преданы разрушению.

Тем не менее, не было намерения захватить страну, и когда Умманалдаш с остатками своей армии ушел дальше в горы, и, следовательно, на восточной стороне Идиди больше не было опасного врага, который мог бы помешать операциям на западной стороне, ассирийцы вернулись в Шушан. Там была богиня, ради которой и была предпринята вся экспедиция. В прежних случаях, когда Шушан был взят, целью войны было возведение на трон эламского претендента, и тогда восстановление едва ли могло быть потребовано. Но теперь Ашшур воевал против самого Элама, и больше не было необходимости проявлять сдержанность. Богиню вернули в Эрах, в ее святилище Э-хили-анха, «дом власти на небесах», и царь велел построить для нее новые постоянные святилища.

По всей видимости и вопреки своей практике, он сам прибыл в Шушан. По крайней мере, рассказывают, что он сжал руки богини, то есть совершил религиозный обряд в ее святилище, а также получил удовольствие войти во дворец Шушана и сесть на трон наследственного врага Ассирии. Элам был одной из старейших и самых известных монархий Азии, а Шушан был священным городом, резиденцией богов и местом их оракулов. В сокровищнице королевской цитадели были накоплены все те ценности, которые собирали цари Элама «вплоть до царей тех дней» и которые еще не были тронуты победоносным врагом. Немалая часть сокровищ была унесена прежними эламскими царями из Шумера, Аккада и Кардуньяша, а также была коллекция ценностей и драгоценностей с королевскими регалиями, которые прежние цари Аккада, вплоть до Шамаш-шумукина, подарили Эламу в

обмен на его помощь. Все это, вместе со всей роскошью королевского дворца, где проживал богатый и любящий великолепие двор, Ашшурбанапал увез с собой в свои государства. Даже гробницы царей не были пощажены завоевателем: они были разрушены и выставлены на свет божий; даже трупы были унесены, так что тени пришлось бродить без пристанища. Чтобы как можно больше унижить врага, ассирийским солдатам было позволено осквернить те священные леса, на которые ни одна нечистая нога не могла ступить, а затем сжечь их.

В то время как на западе все еще бушевала эламская война, арабы снова поднялись на восстание. Абият, которого Ашшурбанапал назначил вместо Юта-бен-Хазаэля ассирийским вассальным царем Ариби, вступил в переговоры с Натну, принцем Набатей, к которому ранее бежал Юта, но который в то время считал более безопасным искать дружбы с Ассирией. Теперь он позволил себя убедить беспокоить границы западных провинций Ассирии совместно с Абиятом. Чтобы силы в этом районе не оказались недостаточно сильными для отражения совместных атак арабов, из Ассирии была отправлена мощная армия для подавления восстания. Прибыв 25-го числа месяца Сиван в Хадату, которая, вероятно, находилась на восточной окраине этой пустыни, армия беспрепятственно продвинулась к Ларибде, оазису с обильными водными ресурсами, где был разбит лагерь, а затем двинулась на Хураину, недалеко от Ярки и Азалли, все еще в той же пустыне, где произошло первое сражение. Там исаммы, бедуины, поклоняющиеся богу Атарсамаину, и набатейцы попытались остановить дальнейшее продвижение ассирийской армии, но были разгромлены. Победители, запасшись водой из Азалли, двинулись на Курасити. Там снова стояли бедуины, поклоняющиеся Атарсамаину, с Юта-бен-Бир-Дадда и людьми Кедара, но и они уступили, и не только богатая добыча, но и боги Юты, и женщины, вместе с его матерью, попали в руки ассирийцев и были увезены с ними в Дамаск. В ночь на 3-е Абу, после отдыха продолжительностью около сорока дней, ассирийская армия двинулась к городу Хулхулити, к югу от Дамаска, и в горном районе Хулкурина произошло сражение с двумя сыновьями Тери, а именно с лидерами восстания, Абияте и Ааму. Ааму был взят живым, скован цепями по рукам и ногам и отправлен в Ниневию, где Ашшурбанапал приказал его заживо сдирать с кожи. Остатки войск укрылись в укрытиях в горах, но когда ассирийцы установили охрану во всех окрестных местах и перекрыли их запасы воды, они оказались вынуждены сначала убить своих верблюдов, а затем сдаться. Их тоже увезли в Ассирию, и таким образом страна оказалась как бы «затопленной арабами и верблюдами». Юта-бен-Бир-Дадда все еще держался на поле боя со своими войсками, но когда болезни и голод нанесли им страшный ущерб, они пришли к выводу, что не могут противостоять могуществу ассирийских богов, восстали против своего царя и изгнали его. Он был схвачен врагом и отправлен в Ассирию. Там его сын был убит на его глазах собственной рукой Ашшурбанаша, а он сам и его двоюродный брат были прикованы собачьей цепью к Нериб-машуакти-атуати, восточным воротам Ниневии. Царь считал милостью то, что ему удалось спастись живым.

Даже Умманалдаш был обречен попасть в руки ассирийцев. Его собственные подданные восстали против него, возможно, по подстрекательству некоего Умманигаша, сына Аметирры, и он укрылся в горах. Ассирийцы воспользовались этими беспорядками, чтобы вторгнуться в Элам, разжечь огонь восстания и торжественно провести Умманалдаша в свою страну. Древняя монархия, которая так часто угрожала Ассирии, теперь была полностью разрушена. Некоторое время Элам еще продолжал свое унылое существование. Он не был присоединен к Ассирийской империи. Но когда через несколько лет власть последней исчезла, Элам стал легкой добычей для персов, когда принц Сиспис, или Тейспес, из рода Ахеменидов, взойшел на трон Шушана.

Даже не подозревая, что час падения Ашшура наступит так скоро, Ашшурбанапал наслаждался радостью победы. В память обо всех этих триумфах и в знак благодарности

богам за помощь он построил новое святилище для великой богини Ниневии (), супруги Ашшура, и когда оно было готово, он явился в него, чтобы освятить его церемониальными жертвоприношениями, и велел четырем пленным царям — Таммариту, Паз, Умманалдаша и Яуту. Этот варварский триумф был его последним, а также последним для прославленной ассирийской армии.^b

СНОСКИ

[25] [Это слово — Сибэ, который, возможно, является Севе или Со, но многие ученые расходятся во мнениях относительно его личности. См. Винклер,^d Гудспид,^e и Бадж.^f

[26] [Роджерс,^g чей более поздний перевод в некоторых аспектах отличается, читает последнюю строку так: «как сокол, обитающий в расщелинах, они бежали в одиночестве в недоступные места». В колонке II он читает имена Alhzibu, Akko, Tubahal и Hittites как соответственно Ekdippa, Arko, Ethobal и West Lands.]

ГЛАВА V. УПАДОК И ПАДЕНИЕ АССИРИИ

Мы проследили судьбу Ассирии через несколько династий, о которых имеются четкие исторические записи. Но, что любопытно, по мере того как мы продвигаемся вперед, ориентиры исчезают, и мы вступаем в царство мифов, как будто мы движемся назад, а не вперед во времени. Даже при жизни Ашшурбанапала записи становятся неясными, а после него почти ничего достоверно не известно о подробностях. Даже имена его преемников вызывают некоторые сомнения. Единственное, что известно наверняка, — это общий исторический факт, что империя теряла свою мощь, пока не была полностью свергнута скифами и вавилонянами примерно через двадцать лет после смерти Ашшурбанапала —

точная дата этого завершающего события, как и все другие детали той эпохи, более или менее сомнительна.

Наше удивление этим катастрофическим падением тем больше, что мы только что видели Ассирийскую империю на пике своей видимой мощи при Ашшурбанапале. Дворцы, библиотеки и художественные сокровища этого царя, известные нам сегодня, производят непреодолимое впечатление могущественного монарха. Тем не менее считается, что упадок Ассирии начался еще при жизни Ашшурбанапала.

Профессор Роджерс хорошо подытожил впечатление о причине этого упадка. Отметив славу правления в области литературы, наук и искусства и дав Ашшурбанапалу полную похвалу за его достижения в этом направлении, профессор Роджерс продолжает:

Только в войне он потерпел неудачу. Но мечом было основано царство Ассирии, мечом оно присоединяло к себе одно царство за другим, пока не стало мировой империей. Мечом оно проложило путь для продвижения своих торговцев и открыло для цивилизации обширные территории, некоторые из которых, как Урарту, даже переняли его систему письменности. Оно удерживало всю обширную империю вместе мечом, а не благодетельным и бескорыстным правлением. Даже в это царствование варварское обращение с людьми, жаждавшими свободы, было правилом, а не исключением. То, что было основано мечом и поддерживалось мечом, не могло выжить, если меч терял свою остроту, а рука, которая им владела, теряла свою силу или готовность. Это произошло во времена Ашшурбанапала. Он завоевал лишь небольшую часть новой территории, практически не добился прогресса, как и большинство царей, которые были до него. Он не только не добился заметного прогресса, но и фактически отступил, и империя стала меньше. Хуже того, он ослабил оставшиеся границы и не построил крепостей, как это сделали Саргон, Эсархаддон и даже Сеннахериб, для защиты границ от агрессии. Он не приобрел новых союзников и не проявил никакого уважения или дружбы к народам, которые могли бы присоединиться к Ассирии, когда наступит час борьбы между семитами и индоевропейцами. Напротив, его жестокость, совершенно несоответствующая его времени и его положению растущей слабости, его кровожадность, его разрушительные набеги на территории соседей усилили ненависть к Ассирии до страсти. Все это угрожало концом престижа Ассирии, если не полным крахом империи.

Культура, которую лелеял и распространял Ашшурбанапал, была лишь покровом, прикрывавшим наготу ассирийской жестокости. Она так и не стала частью жизни народа. Она не способствовала национальному патриотизму, а лишь национальному упадку. Роскошь заняла место простоты, а слабость победила силу. Самые яркие краски всей ассирийской истории были нанесены только на стены дворцов и храмов. Тени становились все длиннее и глубже, и ночь Ассирии приближалась.^b

Какова бы ни была наша точная оценка этой критики Ашшурбанапала, ясно, что преемники этого монарха не смогли сохранить традиции своих отцов. Ассириологи недавно восстановили для нас имена Бел-закир-ишкуна или Ашшур-этил-или, Син-шар-ишкуна как непосредственных преемников Ашшурбанапала, причем последний, как полагают, был тем, кто занимал трон, когда завоевательные войска Киаксара окончательно разрушили Ниневию до основания.

Можно с уверенностью предположить, что где-то среди еще не обнаруженных сокровищ Месопотамии существуют надписи, более или менее полно описывающие разрушение Ниневии. Но как бы то ни было, таких надписей пока не найдено; по крайней мере, ни одна из них не была расшифрована. В различных музеях Европы и Америки имеется множество материалов, которые еще не были полностью изучены. Чтение надписей, выполненных стреловидным шрифтом, является чрезвычайно сложной задачей; более того, один из

величайших современных востоковедов, возможно, полусутя, утверждал, что только четыре ученых в мире способны уверенно читать ассирийские или вавилонские тексты с оригинальных глиняных табличек. Несомненно, это преувеличение, но оно дает полное представление о трудностях, с которыми сталкивается потенциальный исследователь истории Месопотамии, и в то же время объясняет тот факт, что так много материалов ждут своей очереди и должны долго оставаться неопубликованными, несмотря на важность и интерес исторических тайн, которые они в себе таят. Возможно, как было высказано, история разрушения Ниневии может быть одной из этих тайн, но о правомерности этого предположения должен решить время.

Между тем, в отношении этой конкретной проблемы историк двадцатого века находится в не лучшем положении, чем его предшественник до появления современной ассириологии. Тот, кто хочет представить себе разрушение Ниневии, не имеет иного выбора, кроме как обратиться к таким классическим источникам, как Диодор, придавая тем или иным деталям этой истории ту степень достоверности, которую он считает нужным. Однако можно добавить одно уточнение. Мы, по крайней мере, можем быть достаточно уверены, в отличие от наших предшественников, что последний правитель Ниневии не носил имя, которое ему приписывает классическая традиция. Так же как не было Нина, основателя Ниневии, так и не было Сарданапала, последнего правителя этого знаменитого города. В этом вопросе традиция ошибалась, как и во многих других случаях. Тем не менее, имя Сарданапала еще долго будет символизировать идею последнего правителя Ниневии, чье изнеженное правление и трагическая кончина составляют столь интересную тему для классических писателей.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА И ПАДЕНИЕ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (626-609 гг. до н.э.)

По всей вероятности, Ашшурбанапал прожил до 626 года, и на протяжении всего своего правления он прочно удерживал ассирийский трон, а также царство Вавилон. Элам был лишен власти, Вавилон был завоеван, а жители пустынь на западе были слишком ослаблены и обеднели в результате сурового урока, который им преподали, а также из-за голода и болезней, чтобы представлять опасность. Мидия была еще молода, а Ассирия по-прежнему достаточно сильна, чтобы противостоять первому натиску этого нового завоевательного государства. Помимо своих северо-восточных и северных соседей, государства Малой Азии и жители побережья Средиземного моря были достаточно заняты защитой от варваров, наступавших на них с севера и востока. Египет был действительно независимым, но не мог всерьез думать о завоеваниях в Азии. Состояние Ассирийской империи напоминало затишье перед бурей.

Ассирийский царь в священнических одеждах

В последние годы своей жизни царь, несомненно, предпочитал заниматься мирными делами. Он уже построил много зданий, даже в период своих великих войн. Он продолжил и завершил работу над храмами Ассирии и Вавилонии, которую начал Эсархаддон. К сожалению, в надписи, в которой перечислены основные сооружения, относящиеся к первой половине его правления, лишь изредка упоминаются места, в которых стояли возведенные им храмы. В последние годы правления царя его внимание привлекли стены Ниневии. Они были ослаблены ежегодными дождями и сильными ливнями Адада и просели. Ашшурбанапал восстановил их и сделал более прочными, чем прежде. Когда он увидел, что его великие походы увенчались победой, он наконец приступил к важной работе в Ниневии, городе Бела и Иштар. Бит-Ридути, великий дворец, который Сеннахерим построил и установил в качестве королевской резиденции, пришел в упадок. Этот царь не делал ничего без божеств. И снова сон открыл ему их волю, чтобы он восстановил повреждения дворца. Это было сделано. Принудительный труд ассирийских подданных доставил на телегах камни из трофеев Элама; пленные арабские цари, украшенные соответствующими знаками отличия, участвовали в работе как рабочие. Когда дворец был достроен до вершины и расширен, его окружили благородные земли; и когда при посвящении были забиты жертвы, царь въехал в него в роскошном паланкине и с праздничными ликованием.

Из всех предметов, собранных в этом дворце, царь ценил выше всего библиотеку, которую он основал и которая в настоящее время в основном была раскопана и перевезена в Европу. Ашшурбанапал, без всякого сомнения, был поклонником и покровителем науки и князем, любившим искусство. Он не позволял грабить библиотеки Вавилонии, но велел скопировать литературные сокровища, которые там хранились, включая целые труды по философии, мифологии и поэзии, на ассирийском алфавите и добавить их к историческим записям своих предшественников. Похоже, что он даже сам усердно их изучал и поощрял их чтение. Плоды этих исследований отражены в его собственных мемориалах. На самом деле они имеют определенную литературную ценность, чего не скажешь о сухих хрониках прежних царей. Однако он не был первым, кто основал библиотеку. Не только древние вавилонские цари —

говорят, что даже Саргон I из Агаде — предшествовали ему в этом отношении, но и ассирийские цари показали ему пример. Это, безусловно, относится к Сеннахерибу, в дворце которого в Ниневии, по подсчетам Джорджа Смита, сейчас, вероятно, двадцать тысяч фрагментов ждут исследователя, который найдет время и средства, чтобы их откопать и сделать доступными для западной науки. Но нельзя отрицать, что Ашшурбанапал заслужил благодарность ученых, сделав доступными для своих соотечественников столько сокровищ вавилонских библиотек, а также основав библиотеки в других местах, например, в Вавилоне, и уделяя этим вещам больше внимания, чем любой из его предшественников.

[626-609 гг. до н. э.]

Популярная традиция о падении Ассирийской империи, которая сформировалась в более поздние годы и перешла от персов к грекам, представляет Сарданапала (под которым может подразумеваться никто иной, как Ашшурбанапал) как типичного роскошного, изнеженного, восточного деспота, который забывает о своих королевских обязанностях, наслаждаясь своим гаремом, бросает свою империю на произвол врагов, восставших против него со всех сторон, и, наконец, запершись в своей столице, в отчаянии бросается в огонь вместе со своими женами и всеми своими сокровищами. Сейчас мы знаем, насколько эта картина не соответствует действительности, но из того, что достоверно с исторической точки зрения, мы можем понять, как она возникла. Ашшурбанапал действительно получал удовольствие, наполняя свой женский дворец дочерьми всех покоренных им князей и их ближайших родственников; и эти князья хорошо знали, что нравится верховному царю. Правда, это происходило скорее из любви к показной роскоши, чем из склонности к сладострастию; правда, в этом была и политическая подоплека, потому что таким образом подтверждалось его верховенство и давалось залог дальнейшей покорности; правда, этот обычай был обычным для восточных монархов; но царь, который следовал ему в такой степени, легко мог превратиться в сладострастника в глазах своего народа.

Были также некоторые основания считать его слабым и женоподобным. Великие ассирийские монархи, по крайней мере в годы своей молодости и энергичной зрелости, часто сами вели свои армии к победе. Ашшурбанапал редко, если вообще когда-либо, участвовал в сражениях. Его официальные историки действительно приписывают ему честь всех побед, одержанных во время его правления, но им не удалось скрыть тот факт, что сражения вел его генералы. Тем не менее он отнюдь не был слабаком. О том, что он был заядлым охотником, свидетельствует ряд охотничьих надписей, некоторые из которых сопровождаются рельефами. В любом случае, принц, который мог находить удовольствие в таком мужественном времяпрепровождении, не был изнеженным сластолюбом, хотя и не проявлял себя как воинственный человек.

Трагическая гибель царя в пламени собственного дворца, о которой говорит легенда, могла быть перенесена на него с его брата Шамаш-шум-укина или, что еще более вероятно, с последнего ниневийского царя. Вполне естественно, что он, последний великий царь Ассирии из династии Ашшурбанапала (), должен был, как предполагалось, продолжать править до конца империи, в то время как незначительные цари, которые действительно последовали за ним, были забыты. Короче говоря, Ашшурбанапал не был героем, стремившимся завоевать лавры на поле боя, преодолевая трудности и лишения в дальних походах. Он предпочитал оставаться в своем роскошном дворце и чередовать удовольствия гарема и занятия наукой с королевской охотой на львов. Он был очень набожен и не делал ничего, не посоветовавшись с оракулами своих богов или сновидениями своих провидцев. Если он считал, что достоинство его империи и вместе с ним честь его богов оскорблено упорным восстанием, он мстил за них, как делали его предшественники, с помощью

изобретательных жестоких наказаний, налагаемых как на отдельных лиц, так и на целые страны. Страшные страдания, которые приносила война с врагами Ассирии, чума, заполнявшая улицы трупами, голод, заставлявший родителей убивать своих собственных детей, наполняли его радость. Его главной идеей было единство и обширность его империи. Если он и оставлял меч в ножнах, то любовь к удовольствиям не заставляла его пренебрегать своими обязанностями правителя. Он заботился о том, чтобы его армии всегда были готовы к бою, что было бы невозможно без хорошей организации; и они одержали победу почти над всеми его врагами, удержали его власть против мощной коалиции, так жестоко разгромили грозный Элам, что он так и не оправился от нанесенных ему ударов, и, если не во время его правления, то, по крайней мере, вскоре после него, отразили наступающих мидийцев. Он регулярно передавал свои приказы всем правителям своей империи, а они тщательно информировали его обо всем важном, что происходило в их провинциях. Ни один из его победоносных военачальников никогда не осмеливался обратить оружие против него. Все, включая правителей, признавали его и почитали как своего царя. Таким он был в полном смысле этого слова. В своем дворце в Ниневии в течение сорока двух лет он крепкой рукой держал бразды правления. И это тем более заслуживает уважения, учитывая влияние его личности, поскольку империя была ослаблена из-за его собственных политических ошибок, в частности, из-за переноса центра правительства из Вавилона, который Эсархаддон сделал своей резиденцией, в Ниневию, а также по другим причинам, в результате чего она распалась через несколько лет после его смерти.

После него Ассирией правили по крайней мере два царя, которые, вероятно, были братьями, поскольку один из них, Бел-закир-ишкун, был сыном царя Ассирии и внуком царя Шумера и Аккада, и хотя их имена отсутствуют в надписях, они не могли быть никем иным, как Ашшурбанапалом и Эсархаддоном; а другой, Ашшур-этил-или [который иногда известен под удлинённой формой своего имени, Ашшур-этил-или-укинни], прямо называется сыном и внуком этих правителей. Вероятно, сначала правил Бел-закир-ишкун, а затем другой.^[27] Не сохранилось никаких исторических записей, касающихся судьбы и достижений этих царей или падения Ассирии. Некоторые тексты привели некоторых к выводу, что в этот период скипетром, возможно, владел третий царь, тезка Эсархаддона, но это оказалось весьма сомнительным.

[612-609 гг. до н. э.]

Сразу после смерти Ашшурбанапала, а может быть, даже в последний год его правления, Вавилон отделился от Ассирии, и на этот раз отделение было окончательным. Империя значительно ослабла из-за этого. Север и северо-запад, Урарту и государства Малой Азии, постепенно попали под власть постоянно продвигающихся мидийцев. Ассирийское господство над странами на побережье Средиземного моря теперь существовало только номинально, так что царь Иосия Иудейский смог беспрепятственно провести свою реформу и действовать как хозяин на территории древнего царства Израиля, которое в течение многих лет было ассирийской провинцией. А в 608 году Неку II, царь Египта, смог подумать о расширении своей империи до Евфрата, как в давние времена, и взять в руки оружие против Ассирии с целью отнять у нее все ее западные провинции. Основание новой Вавилонской империи и вторжение египтян, которых ассирийцы уже не могли отразить, а могли только уступить перед вавилонским оружием, описаны в других источниках. Здесь мы упоминаем их лишь как одну из причин, приведших к падению Ассирийской империи. Эта империя больше не существовала, по крайней мере, как правящая держава. Отброшенное к своим прежним границам, древнее ассирийское государство медленно угасало и ждало только смертельного удара.

Этот удар должен был нанести союз мидийцев и вавилонян, и он был частично ускорен, частично задержан большими миграционными потоками киммерийцев и скифов.^с

Хотя замечательная история профессора Тиле появилась недавно, в свет вышло много новой информации о последних днях ассирийского правления в Ниневии, и историки теперь могут отнести завоевание города мандами к правлению Син-шар-ишкуну. Не упуская из виду некоего Син-шум-лишира, который упоминается в нескольких местах как ассирийский царь и, вероятно, правил примерно в это время, но личность которого еще не вышла из исторической тени, можно с уверенностью сказать, что этот Син-шар-ишкун был преемником Ашшур-этил-или. Из договорных табличек, найденных в Сиппаре и Эрехе, мы знаем, что он занял ассирийский трон в 612 году до н. э. и что его владения включали также часть Вавилонии. Более поздние записи показывают, что он был гораздо более сильной личностью, чем его предшественник. В 610 или 609 году он попытался отнять у Набополассара еще больше вавилонских провинций, и преследуемый царь предпринял роковой шаг, обратившись за помощью к народу с севера, который в основном составлял часть великой индоевропейской миграции в Западную Азию. Эти скифские орды, манды, уже положили глаз на богатую Месопотамскую долину, и поэтому призыв Набополассара не остался без внимания. Син-шар-ишкун был действительно отброшен назад, но когда это произошло, манды уже находились на желанной земле. Читатель заметит, что мы только что говорили о мандах, а не о мидянах как о захватчиках Ниневии. Это связано с недавним исправлением исторической ошибки, унаследованной нами от греческих историков. Они просто перепутали мандов, кочевые племена, жившие к северо-востоку от Ассирии в направлении Каспийского моря и являвшиеся классическими скифами, с мадами, или настоящими мидянами. Как говорит профессор Сэйс: «Только после открытия памятников Набонида и Кира наконец выяснилась правда, и оказалось, что история, в которую мы так долго верили, была основана на филологической ошибке». Этот вопрос будет более подробно объяснен в рассказе о Персии.^а

Как и его отец, Киаксар понимал, что мидяне не смогут расширить и удержать свои завоевания на западе, пока ему приходится опасаться соперничества Ассирийской империи, которая до недавнего времени была хозяйкой этих регионов. В результате он применил на практике урок, который его отец получил от ассирийцев. Необученные орды мидийцев явно не могли соперничать с более организованной армией ассирийцев и военным мастерством ассирийских полководцев. Поэтому Киаксар, как и подобает воинственному князю, приступил к реорганизации своей армии, разделив свои войска по образцу ассирийцев на различные роды войск — копейщиков, лучников и всадников — и укрепив свою цитадель Экбатану. Затем он снова рискнул напасть на Ассирию, на этот раз с большим успехом. Ассирийская армия была наконец разгромлена в Ниневии и окружена. Но неожиданное событие пришло на помощь находящимся в тяжелом положении ниневитянам — скифы вторглись в Мидию.

Их вторжение вынудило Киаксара эвакуировать Ассирию, и на время Ниневия снова вздохнула свободно. Но только на короткое время. Киаксар сумел положить конец скифскому господству в своем царстве в течение нескольких лет.

[609-401 гг. до н. э.]

Около 609 года мидийская армия под командованием Киаксара во второй раз появилась у ворот Ниневии. Согласно Беросу, в этой осаде также участвовал вавилонский царь, чей сын Навуходоносор женился на дочери мидийского царя. Легко понять, почему Геродот ничего не знал об этом, ведь его источниками были персы. Но он, безусловно, прав, отводя главную роль мидянам, о которых Абиден не упоминает, поскольку с этого времени они удерживали власть над самой Ассирией; он также прав, относя захват Ниневии к периоду правления Киаксара, а не, как Берос и последовавшие за ним авторы, во время правления Астиага, поскольку последний взшел на престол Мидии не раньше 584 года до н. э. Достаточно того, что Ниневия пала, а Ассирия перешла под власть мидийцев, которые в то же время приобрели господство над Севером и странами Малой Азии вплоть до Халиса. Все остальные провинции падшей империи вплоть до Средиземного моря, включая, вероятно, ту часть древней Ассирии, столицей которой был город Ашшур, а также Харран и Кархемиш, перешли к Вавилонии.

У нас нет исторических сведений о подробностях, связанных с падением Ниневии. История последнего ассирийского царя Ашшур-этил-или, или, как его называют некоторые авторитеты, Саракуса (^[28]), который в отчаянии сжег себя вместе со своим дворцом и сокровищами, является популярным рассказом, который, конечно, не является невозможным, но, вероятно, возник в результате путаницы с концом Шамаш-шум-укина. Ниневия была настолько полностью опустошена, что когда Ксенофонт прошел с Десятью тысячами в 401 году до н. э., он принял руины за остатки мидийских городов, разрушенных персами. Впоследствии, по-видимому, парфяне построили там крепость Нинус. Калах также вновь поднялся из руин после долгого периода запустения. Арбела осталась нетронутой, и поэтому вполне вероятно, что она без сопротивления попала в руки завоевателей. Но ассирийская монархия исчезла навсегда.

[606 г. до н. э.]

Ассирийская монархия исчезла, но не империя, во главе которой стояли цари Ассура. Вызывает удивление, что столь могущественная империя, подчинившая себе на протяжении нескольких столетий всю Западную Азию, могла быть так внезапно свергнута падением столицы. Но это удивление проистекает из неверного представления об истории. События давно подготовили падение Ниневии. Проницательный Эсархаддон уже понял, что будет безопаснее перенести центр империи в Вавилон. Его сын Ашшурбанапал, менее проницательный государственный деятель, чем он, но великий царь и сильный администратор, еще раз попытался обеспечить гегемонию Ассирии. В этом он преуспел, опираясь на благоприятные обстоятельства и влияние своей личности. Но когда скипетр выпал из его сильной руки, потребовалось совсем немного, чтобы положить конец ассирийскому господству, и этот конец был лишь вопросом времени. Однако империя просуществовала еще несколько лет, хотя и не в полной силе. Гегемония теперь снова перешла к Вавилону, но не в полной мере, поскольку, после того как Мидия завоевала Ниневию, львиная доля самой Ассирии досталась Мидийскому царству, вместе с теми северными и северо-западными провинциями, которые были утрачены задолго до этого. Но Ассирия выжила в новой Вавилонской империи, которая продолжила свою политику завоеваний, и греки, которые вскоре после этого стали называть самих вавилонян ассирийцами, были в этом не так уж далеки от истины. Но дни семитского господства стремительно приближались к концу. Даже новая монархия под гегемонией Вавилона могла удерживаться только благодаря силе личности Навуходоносора. Его слабые преемники не

были в состоянии предотвратить распространение мидийской власти и подъем персидской монархии, которая достигла таких размеров благодаря завоеванию Элама, пока гениальный Кир не основал власть, которая вскоре охватила четыре древние империи — мидийскую, эламскую, ассиро-вавилонскую и египетскую — и передала скипетр Западной Азии ариям.

Ощущение облегчения, которое охватило угнетенные народы после падения бича Азии, можно понять из радостных акцентов еврейских пророков. То, на что не осмеливались надеяться Исайя и Михей, Наум и Софония видели приближающимся и действительно происходящим. Наум убежден, что судьба Фив скоро настигнет Ниневию. Ее купцы, многочисленные, как звезды на небе, ее коронованные, ее военачальники, весь ее народ будут рассеяны, как летучие кузнечики, и никто не соберет их. «Все, кто слышат о тебе, будут хлопать в ладоши над тобой, ибо на кого не пролилась твоя нечестивость?» (Наум iii. 19.) А Софония (ii. 13-15), его современник, с удовлетворением наблюдает за опустошением гордого города, который считал себя в безопасности и хвастался тем, что он первый и единственный, но теперь стал опустошенным и местом обитания зверей, в руинах которого поселились выпь и сова.⁴

СНОСКИ

[27] [Сейчас считается, что эти два царя были одним и тем же лицом. См. профессора Хильпрехта в *Zeitschrift für Assyriologie*, т. IV, стр. 164 и далее. «Имя этого царя (Ашшур-этил-или), — говорит профессор Роджерс, — первоначально читалось как Бел-закир-ишкун».]

[28] [Последние открытия в области ассирийской истории склоняют ученых к мнению, что Саракус и Син-шар-ишкун — одно и то же лицо].

ГЛАВА VI. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА

«Могила Валтасара построена,

Его царство прошло,

Он, взвешенный на весах,
Легкий и бесполезный, как глина,
Покров его — государственная мантия,
Его балдахином — камень;
Мидянин у его ворот,
Перс на его троне». — «ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА» БАЙРОНА.

Нигде нет более яркой иллюстрации национального возрождения, чем в истории новой Вавилонской империи. Освободившись от ассирийского рабства, Вавилон, старинный город, вышел на место павшего Ниневии как мировой мегаполис.

Принято было думать и говорить о новой Вавилонской империи как о свидетельстве возрождения древнего народа. В некотором смысле эта точка зрения вполне обоснована. Но не следует полагать, что новые вавилоняне, пришедшие к власти после падения Ниневии, были *подлинными* потомками правителей древней Вавилонии. В старой расе появилась новая кровь; без ее влияния омоложение вряд ли было бы возможным. Пришельцы, которые оказали столь сильное влияние на восстановление и возрождение старой империи, известны как халдеи. Точное происхождение этого народа остается под вопросом. Однако считается установленным, что они были семитами и, следовательно, могли претендовать на родство с вавилонянами и ассирийцами. Они заселили Приморские земли к югу от Месопотамии в ранний период и, как предполагается, были родом из Аравии. В вавилонских и ассирийских анналах они время от времени упоминаются как полуварварский и часто беспокойный народ, разделенный на различные племена, кланы или мелкие княжества, носящие такие незнакомые названия, как Бит-Силани, Бит-Саалли и Бит-Сала.

Современные востоковеды предполагают, что халдеи долгое время присматривались к плодородным регионам севера и даже время от времени были достаточно самонадеянны, чтобы сражаться с вавилонянами и ассирийцами в надежде свергнуть их с трона. Несомненно, что правители севера в разное время вели войны против своих менее цивилизованных соседей из приморских земель. Однако нет однозначных свидетельств того, какую именно роль халдеи сыграли в новом движении, начавшемся в Вавилоне со смертью последнего действительно могущественного ассирийского царя Ашшурбанапала. Имя нового правителя, пришедшего к власти в Вавилоне, было Набополассар, но нельзя с уверенностью утверждать, что он был халдейского происхождения. Однако считается, что влияния, доминировавшие в королевстве под его правлением, были явно халдейскими, хотя, учитывая неопределенность, окружающую всю эту тему, следует признать, что это утверждение гораздо легче сделать, чем доказать. Тем не менее, все, что мы знаем о деградации древних народов в других местах и о крайней трудности возрождения стареющего народа, за исключением смешения рас, склоняет нас к подтверждению теории, что относительно новая для цивилизации раса сыграла главную роль в совершении чуда возрождения Вавилона.

В любом случае, народ, который менее чем за столетие сделал Вавилон великим центром мирового влияния, был известен своим современникам и последующим поколениям скорее как халдеи, чем как вавилоняне. В какой степени старый вавилонский народ участвовал в новой работе, возможно, никогда не будет известно; но этот вопрос относительно неважен, потому что в любом случае историю продолжил народ того же старого семитского происхождения.

Самый блестящий период новой Вавилонской империи наступил вскоре после падения Ниневии, во время правления всемирно известного царя Навуходоносора, монарха,

построившего удивительную стену вокруг города и сказочные висячие сады; завоевателя, который сверг финикийцев и увёл израильтян в плен.

Особый интерес представляет период непосредственных преемников Навуходоносора, поскольку в это время продолжалось вавилонское пленение израильтян, о котором так много писали еврейские авторы. Знаменитый рассказ в Книге Даниила о пире Валтасара с его кратким, но ярким упоминанием о предполагаемом трагическом конце вавилонского царя и о падении самого Вавилона от рук «Дария Мидянина» подарил всем последующим поколениям незабываемые образы. Современные археологи грубо разрушили некоторые из этих дорогих сердцу образов. Так, Книга Даниила упоминает о падении Вавилона следующими словами: «Царь Валтасар устроил великое пиршество для тысячи своих вельмож и пил вино перед тысячей. Вельшачар, вкушая вино, приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые его отец Навуходоносор взял из храма, находившегося в Иерусалиме, чтобы царь, его князья, жены и наложницы могли пить из них... В ту ночь был убит Валтасар, царь халдеев. И Дарий Мидийский, которому было около шестидесяти двух лет, взял царство» (Даниил, 5:1, 2, 30, 31).

[555 г. до н. э.]

Но в последнее поколение были обнаружены надписи, доказывающие, к удивлению всего заинтересованного мира, что в Вавилоне никогда не правил царь по имени Валтасар, и что имя монарха, свергнутого Киром Персидским или Эламским — а не «Дарием Мидийским» — было Набонид. У Набонида был сын, Валтасар, но он никогда не правил. Этот Набонид не был сыном Навуходоносора или его непосредственным преемником, поскольку до его вступления на престол правили три последовательных правителя после Навуходоносора. Из надписей Набонида и Кира, его завоевателя, ясно, что Вавилон был свергнут без борьбы. Надпись на цилиндре Кира рассказывает эту историю: первая часть, переведенная преподобным К. Дж. Боллом, звучит следующим образом: «Он прекратил постоянные жертвоприношения... он (es)установил в городах поклонение Меродаху, царю богов, он возвысил (?) Его имя... неустанным игом он разрушил их всех. На их плач Господь богов очень разгневался... Боги, которые жили среди них, покинули Свое обиталище. В гневе за то, что он привел их в Шу-анну (т. е. Вавилон), Меродах... Он обратился ко всем районам, чьи жилища были разрушены. И (к) народу Шинара и Аккада, который стал как мертвый, Он обратил (Свое внимание?): Он проявил сострадание ко всем землям вместе. Он искал, Он нашел его, да, Он нашел праведного князя, по Своему сердцу, которого Он взял за руку, Кира, царя города Аншана; Он назвал его имя; к царству всего мира Он призвал его по имени. Землю Куту (и) всю Умман-Манду он смирил у своих ног; черноголовый народ, которого его руки покорили, — в верности и праведности он заботился о них. Меродах, великий Господь, хранитель Своего народа, с радостью созерцал его добрые дела и его праведное сердце. Он повелел ему идти в свой город Вавилон; Он направил их на дорогу в Тин-тир (т. е. Вавилон); как товарищ и помощник Он шел рядом с ним. Его великие воинства, число которых, как воды реки, было неизвестно, с оружием наперевес, шли рядом с ним. Без стычек и сражений он ввел его в Шу-анну. Он избавил свой город Вавилон от бедствий; царя Набонида, который не боялся его, он предал ему. Народ Тин-тир в полном составе, вся земля Шинар и Аккад, вельможи и великие люди, поклонились перед ним, поцеловали его ноги, радовались его вступлению на престол; их лица просветлели».

Собственные рассказы Набонида подтверждают эту запись о Кире. Похоже, что еврейские летописцы, наделенные скорее поэтическим воображением, чем спокойным историческим смыслом, перепутали завоевание Вавилона Киром с более поздней кампанией его преемника Дария. Но никакая замена холодных фактов истории не может лишить мир

прекрасной традиционной картины пира Валтасара. Здесь, как и везде, миф должен оставаться воплощением духа истории. Миф и история совпадают в том, что старая династия в новой Вавилонии была свергнута. И с этим свержением скипетр мирового влияния навсегда перешел из рук семитской расы.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ

[615-538 гг. до н. э.]

Эпоха новой Вавилонской империи охватывает период времени с 615 по 538 гг. до н. э., примерно три четверти века. В начале этой книги мы уже обрисовали положение современных цивилизаций на протяжении всей истории Ассирии и новой Вавилонии, но, возможно, стоит кратко повторить положение других народов в эпоху господства новой Вавилонии, чтобы при рассмотрении подробностей вавилонской истории перед нами предстала более четкая картина того времени.

Читая о достижениях Навуходоносора и его преемников, следует помнить, что:

Египет под властью XXVI династии переживает короткий период возрождения как мировая держава; любопытно, что это время совпадает с новым пробуждением его давнего соперника, Вавилона;

В *Индии* примерно в этот же период жил Будда и основал религию, которая будет носить его имя;

Греция и *Рим* находятся в относительной молодости, еще не считая время от фиксированной эры и только начинают вести надежные записи, на которых могут строить будущие поколения. Их цивилизация не сравнима по значимости с цивилизацией Вавилона, который является признанным центром культуры и смотрит на эти «новые» нации на западе как на полных варваров;

Финикия уже давно прошла пик своего могущества; Самария пала; Иерусалим должен стать подчиненным Вавилону;

В *Малой Азии* Сарды, столица Лидии, набирают силу.

Но наступающей нацией эпохи является *Персия*, которая переворачивает ситуацию в отношении своего соседа, Манды, до сих пор более сильной из полуцивилизованной пары наций, и которая, наконец, под руководством Кира захватывает сам Вавилон и берет на себя бесспорную власть над всей юго-западной Азией.⁴

НАБОПОЛАССАР И НЕВУХАДАРЦАР

[626-562 гг. до н. э.]

Набополассар (Набу-апал-усур, *т. е.* «Набу защиты наследника»), согласно канону Птолемея, правил с 625 г. до н. э. (дата его вступления на престол — 626 г.) до 605 г. до н. э., когда он умер, незадолго до победы своего сына Навуходоносора над египтянами при Кархемише, будучи в плохом состоянии здоровья еще до того, как Навуходоносор отправился в Сирию. Мы видели, как сразу после своего вступления на престол фараонов Неку II воспользовался бессилием Ассирийского царства, которое было ослаблено до крайней степени долгими годами вторжений скифов, чтобы проникнуть в район Хамата.

[Он столкнулся с армией Иудеи в Меггидо — том же историческом месте, где тысячу лет назад Техутимос III победил объединенные силы Сирии и Финикии. Царь Иерусалима был убит на поле боя, а его армия, в панике отступая в столицу, провозгласила царем его молодого сына Иоахаза, проигнорировав права Элиакима, старшего сына, вероятно потому, что он был сторонником подчинения Неку. Теперь фараон беспрепятственно продвинулся к Рибле в Коэле-Сирии, где он разбил свой штаб, и, уверенный в своем господстве над Иудеей, приказал Иоахазу явиться к нему. Когда новый царь прибыл, его бросили в цепи, а Элиаким занял его место под именем Иоакима.

Следующей целью Неку было завоевание всей северной Сирии; этот проект он в значительной степени осуществил в 608–606 годах, пока вавилоняне со своими мидийскими союзниками осаждали Ниневию. Он, несомненно, продвинулся до Кархемиша, поскольку именно там в 605 году встретились египетские и вавилонские войска. Судьба Сирии была тем самым предрешена: она стала провинцией Вавилонии, как когда-то была провинцией Ассирии, а Иудея стала вассальным королевством Вавилонии.

[602-587 гг. до н.э.]

Таким образом, Набополассар, умерший в 605 году, когда его сын был в походе на Сирию, лишь немногим не дотянул до того момента, когда он мог бы увидеть, как новое царство Вавилона, которое он основал, вступает в наследство Ассирийской империи, из которой западная провинция была наименее всего способна выжить. Он этого не увидел: вместо этого весть о смерти отца достигла молодого Навуходоносора (Набу-кудур-усур, т. е. «Набу, защити корону») вскоре после победы над египтянами, которая на время решила судьбу Сирии; и, оставив своих полководцев продолжать победное наступление, он был вынужден в спешке вернуться в Вавилон, чтобы принять королевскую корону, которая ждала его. Там он без каких-либо препятствий получил корону из рук великих вельмож и в течение долгого периода своего славного правления, которое длилось сорок два года (604-562), руководил судьбами своей страны, расширял и укреплял ее границы, сделав Вавилонию великой державой, а Вавилон — одним из самых великолепных и прославленных городов древности. Если мы дополнительно примем во внимание, что именно он завоевал Сирию для Вавилонии, то мы не можем не признать его право считаться первым правителем, который полностью завладел Ассирией и укрепил ее.

Среди множества иногда подробных надписей Навуходоносора, найденных в руинах Вавилона и других городов, ни одна не содержит никаких сведений о его походах; но из отрывка в преамбуле великой надписи о царстве мы видим, что, несмотря на его предпочтение строительству и другим мирным занятиям, он был могущественным воином. В ней говорится: «Под его могущественной защитой (т. е. бога Мардука) я прошел через далекие страны, отдаленные горы, от верхнего моря до нижнего моря (т. е., вероятно, от залива Иссус до устья Нила), по дальним путям, по закрытым тропам, где мои шаги останавливались и мои ноги не могли стоять, по дороге трудностей, по пути жажды; я покорил непокорных и взял в плен противников, я правильно направил землю, я заставил захватить народ; я унес с собой плохих и хороших из них, серебро и золото и драгоценные камни, медь, пальмовое дерево и кедровое дерево, все, что было драгоценным, в великолепном изобилии; продукты гор и то, что давало море, я принес в дар большого веса, как богатую дань в мой город Вавилон перед лицом его (бога)». И хотя различные кампании, о которых нам известно, распределены почти по всему его долгому правлению, мы находим упоминание только об одной короткой войне против Аахмеса из Египта в тридцать седьмом году его правления.

Что касается этих войн, то большинство из них было направлено на завершение дела, начатого в битве при Кархемише, и, в частности, на предотвращение дальнейшего вмешательства со стороны Египта и на полное изгнание его влияния с вавилонской территории, которая теперь простиралась до его самых границ. Вероятно, на третьем году после битвы Навуходоносора (то есть в 602 году до н. э.) Сирия была полностью включена в состав Вавилонского царства, что дало ему возможность продемонстрировать свою силу перед Иоакимом, которого Неку поставил царем в Иерусалиме, выступив против него с армией. Желаемый результат не заставил себя ждать, и с 601 по 599 год Иоаким стал вассалом царя халдеев. На четвертый год, в 598 году, царь Иудеи удержал дань, вероятно, по подстрекательству Египта. Когда вавилоняне вторглись в Иудею (вероятно, в начале 587 года), Иоаким только что умер; его сын Иоахин (известный также как Иехония) был осажден в Иерусалиме и, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, сдался Навуходоносору. Он был увезен в плен в Вавилон вместе со своей семьей и почти всеми князьями, воинами, каменщиками и кузнецами; но, оказавшись там, их участь не была тяжелой, поскольку им было позволено поселиться без притеснений и исповедовать свою религию. Большое количество из них жило таким образом в Тель-Абибе (т. е. «куча руин») на канале Хебар [канал, найденный недалеко от Ниппура и ныне называемый Кабару], как мы знаем из хроник Иезекииля, который был одним из них. Иерусалим не был разрушен, но родственник Иоахина, Маттания (другой сын Иосии), был поставлен над немногими оставшимися там жителями в качестве вассала Вавилонии под новым именем Седекия (595-587). Новоназначенный правитель был слабым человеком, который по своей доброй воле был бы верным вассалом; но в конечном итоге, несмотря на предупреждения пророка Иеремии, который полностью осознавал истинное положение дел, он примкнул к воинственной партии, которая полагалась на помощь Египта, и восстал против Вавилонии.

В 589 году Псамтека II (преемник Неку) сменил молодой и воинственный Уа-аб-Ра (Хофра из Библии и Априс из греческих источников), который послал флот на помощь финикийцам в их попытке восстать. После этого Навуходоносор ввел свои войска в Сирию и установил свой штаб в Рибле, старом штабе Неку, чтобы оттуда вести операции против Седекии, Тира и фараона. Как был осажден (589-587) и разрушен Иерусалим, как в то же время была разгромлена армия Уа-аб-Ра и как Тир был осажден (осада длилась тринадцать лет) и вынужден платить дань, если не больше — все эти события также известны нам только из других источников, кроме клинописных надписей, и их подробное описание, по крайней мере в той мере, в какой они относятся к падению царства Иудеи и, таким образом, составляют часть (но не начало) еврейской истории (), доступно каждому читателю в книгах Библии, краткое изложение которых мы привели выше. Что же касается Тира (после осады), то он остался под властью своих собственных царей, хотя и в качестве вассала Вавилонии. Еще хуже была судьба, которая в 587 году постигла Иудею, чьи надежды были так жестоко обмануты, потому что не только город был полностью разрушен (см. трогательные плачи в так называемой Книге Плачей), а царь, ослепленный и скованный, был увезен в плен после того, как увидел, как его сыновья были убиты на его глазах; но, за исключением бедняков, поденных рабочих, абсолютно необходимых для возделывания земли и виноградников, все, кто избежал предыдущей депортации, были увезены вавилонским царем к «водам Вавилона» (Псалом 137).

[587-568 гг. до н.э.]

[Пока его солдаты продолжали долгую и утомительную осаду под стенами Тира, Навуходоносор обратил свое внимание на другое важное дело. Поскольку народ Иудеи и Тира обратился за помощью к Египту, они доставили вавилонскому царю много хлопот. Поэтому Египет должен был понести за это наказание, чтобы он не был склонен повторить

свои действия по отправке армии на помощь Седекии. Была запланирована новая египетская кампания.]

Фрагмент, в начале которого приводится молитва («Ты уничтожаешь моих врагов и радуешь мое сердце»), относит вышеупомянутую кампанию в Египте к 568 году (*т. е.* к тридцать седьмому году правления). Упоминание об этом в отрывке: «37-й год правления Навуходоносора, царя (Вавилонии в земле) Мисир (*т. е.* Египет), чтобы дать сражение, он выступил в поход, и (его войска А-ма)-а-су, царь Мисира, собрались и...» не оставляет сомнений в том, что здесь имеется в виду царь Аахмес или Амасу, поскольку только годом ранее, в 569 году, Аахмес восстал против Уах-аб-Ра и заставил его признать его (Аахмеса) соправителем. Вскоре после этого он стал единоличным правителем Египта и, как таковой, умер в 528 году, незадолго до завоевания Египта персами. Между тем Навуходоносор довольствовался тем, что смирил гордость Египта, и воздержался от завоевания страны, которое, даже если бы оно было успешным, только создало бы трудности для Вавилонского царства. Его главная цель — удержать Сирию и Палестину от египетского влияния — была достигнута благодаря этой кампании.

Из других военных походов Навуходоносора упомянутый (Иеремия xlix. 28-33) поход против бедуинов Кедара и арабских племен, поселившихся к востоку от Палестины, снова приводит нас к границам Запада. Город Тередон, расположенный в устье Евфрата, был основан в это время как оплот против бедуинов и благодаря своему расположению стал, как и Герра на Персидском заливе и Тапсак, Тифса на среднем Евфрате, торговым центром, имеющим некоторое значение. Только во времена Нового царства Вавилонии вдоль Евфрата развилась процветающая торговля, крайними точками которой были Армения и восточное побережье Аравии; а с правления Навуходоносора началась роль его столицы Вавилона как величайшего торгового центра древнего мира, и пословичное значение, которое имя Вавилон сохранило до наших дней, обозначая худшие стороны (роскошь и разнузданность) столицы.

От Вавилона и упоминания о его торговле было бы естественным перейти к зданиям, построенным Навуходоносором, если бы мы не были обязаны сначала упомянуть северо-запад и восток, которые имеют чрезвычайное значение с исторической точки зрения и в которых Навуходоносор сыграл роль посредника, если не больше, между мидянами и лидийцами.

[604-560 гг. до н.э.]

Вернемся к зданиям, построенным Навуходоносором, которые до сих пор являются предметом почти всех обнаруженных надписей, и все они показывают его характер в благоприятном свете. Во всех них мы находим свидетельства отцовской заботы о благополучии своих владений и искренней и сердечной набожности, которая ни в коем случае не оставляет впечатления, что это просто форма речи. Мы можем послушать его собственные слова, предваряющие его рассказ о построенных им зданиях и раскрывающие что-то из его сердца.

«С тех пор как Господь Мардук создал меня и подготовил мое рождение из утробы, с того времени, когда я родился и был создан, я посещал святые места Бога и ходил по путям Бога. Я молился Мардуку, моему Господу; я вознес ему свою притчу в молитве, слова моего сердца пришли (перед ним), и я сказал ему: «Вечный, Святой, Господь всего сущего, для царя, которого ты любишь, чье имя ты называешь по своему благоволению, направь его имя на путь праведный, веди (или охраняй) его по прямому пути. Я, князь, который повинуетя

тебе, я творение твоих рук, ты создал меня, ты вверил мне царское владычество над всем народом, по твоей милости, о Господи, которую ты ниспосылаешь на всех. Научи меня любить твое августейшее правление, пусть страх перед твоей божественностью будет в моем сердце, даруй (мне) то, что угодно тебе, ты, который готовишь мою жизнь». Тогда Высший, Славный, первый среди богов, величественный Мардук услышал мою мольбу и принял мои молитвы, он заставил свое великое величие править благосклонно, он заставил страх Божий пребывать в моем сердце, я боюсь его величества». И заключение гласит: «Вавилон, столицу земли, я основал с холмами леса. Я молился Мардуку, моему господину, и поднял руку: «Мардук, господин, первый среди богов, ты, могущественный князь, ты создал меня, ты поручил мне царское владычество над множеством народов, я люблю величие твоих дворов, как свою драгоценную жизнь. Спаси твой город Вавилон. Я не создал себе другой столицы из всех обитаемых мест. Как я люблю страх перед твоей божественностью и ищу твое величие, так и ты милостиво прими мою мольбу (буквально, поднятие моих рук), услышь мои молитвы. Я — царь, восстановитель, который радуется твоему сердцу, ревностный правитель, восстановитель всех твоих городов. По твоему повелению, о милостивый Мардук, да будет дом, который я построил, вечен, да буду я удовлетворен его изобилием. Да доживу я в нем до старости, да насыщусь я своей славой, да получу я в нем весомую дань от царей всех регионов мира и от всего человечества. От горизонта небес до меридиана и при (?) восходящем солнце да не будет у меня врагов и противников (букв. тех, кто вселяет в меня страх). Да правит мое потомство в нем над черноголовыми людьми во веки веков».

Сам Навуходоносор придавал огромное значение восстановлению храмов Э-сагила и Э-зида, как древнейших святилищ Вавилона, и в своих кратких надписях, оттисках на кирпичах, использовавшихся для строительства этих двух храмов или любого другого сооружения, всегда добавлял к своему титулу царя титул восстановителя храмов Э-сагила и Э-зида. Однако для нас более интересен храм, который упоминается лишь в нескольких словах в длинной надписи, но о котором мы имеем подробное описание в другой, более короткой надписи, а именно храм Семи сфер Неба и Земли, который был построен в семь этажей рядом с (или в виде зиккурата) Э-зида в Борсиппе.

Но хотя Навуходоносор уделял больше всего внимания своему любимому Вавилону (и Борсиппе), он ни в коем случае не пренебрегал другими местами поклонения в стране (). Храм Солнца в Сиппаре, храм пока не идентифицированного бога в городе Баз (Пазиту), храм Иди-Ану (Глаз Ану) в Дилбате, храм Лугал-Амарда (Марад), Э-Анна, храм Иштар в Эрехе, храм Солнца в Ларсе и храм Луны в Эрехе перечисляются один за другим как перестроенные Навуходоносором. Имея на это больше права, чем его отец, он называет себя на одном из цилиндров Абу-Хабба «правителем Шумера и Аккада, заложившим основу земли» (или, как переводит Винклер, «укрепил основы земли»), ибо в действительности его новые творения простирались по всей территории, которая была Шумером и Аккадом, как мы знаем из древней вавилонской истории, начиная с правления Ур-Бау из Ура. Под его властью, после долгого сна (длившегося в некоторых местах тысячу лет) среди руин, вся Вавилония праздновала свое воскресение, и радостные гимны жертвоприношения раздавались по всей земле во время долгого и процветающего правления Навуходоносора, как в дни ее далекого расцвета.

Чтобы завершить картину столицы Навуходоносора, мы должны в заключение бросить взгляд на обширные укрепления, которыми этот царь окружил созданный им город, тем самым защитив его от самого грозного нападения. Навуходоносор не удовлетворился полным восстановлением и расширением этих укреплений (работу, которую начал его отец, поскольку они были вновь повреждены); он включил в них полосу пахотной земли шириной около четырех тысяч локтей (около двух-трех километров) на дальней стороне вала Нимитти-Бел, внутри другой «высокой как гора» стены, и сделал ее частью внешних

укреплений, таким образом создав гигантский тройной пояс валов (или стен) и рвов вокруг города. Но и этого было недостаточно: «Чтобы подавить врага и не дать ему потревожить (тройную) окружающую Вавилон оборону, я окружил землю могучими потоками, сравнимыми с водами моря; пересечь их было все равно что пересечь океан. Чтобы сделать невозможным затопление из их середины (середины этих искусственных русел), я насыпал груды земли и построил вокруг них кирпичные дамбы».

И на этом мы должны попрощаться с этим поистине великим правителем и перейти к его преемникам, которые, к сожалению, не были похожи на него и из которых только последний, по имени Набонид, мог сравниться с ним в своем рвении к восстановлению и украшению различных храмов страны, хотя во всех других отношениях он значительно уступал величию своего могущественного предка. Эта неполноценность и стала причиной того, что Новое Вавилонское царство так быстро пришло к своему неожиданному концу.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НЕВУХАДАРЦАРА

[560-555 гг. до н. э.]

Из канона Птолемея, продолжает Хоммель, мы знаем, что после смерти Навуходоносора (562 г.) Иллоарудамос (вероятно, канцелярская ошибка вместо Иллоарудакос, *т. е.* Амил-Мардук), библейский Эвил-Меродах, вззошел на престол и умер на втором году своего правления (560 г.). Берос называет его сыном Навуходоносора и описывает его короткое правление как несправедливое и развратное, что и стало причиной его убийства Нериглиссором (Нергал-шар-усур), мужем его сестры и, таким образом, зятем Навуходоносора. Фактически, в прямом подтверждении хронологических утверждений канона Птолемея, единственные обнаруженные договорные таблички правления этого царя датируются его вступлением на престол, примерно 22 июля 560 года до н. э. Он упоминается в Ветхом Завете, в последних четырех стихах 2-й книги Царств: «И было в тридцать седьмом году плена Иоахина, царя Иудейского, в двенадцатом месяце, в двадцать седьмой день месяца, что Эвил-Меродах, царь Вавилонский, в год своего воцарения, поднял голову Иоахина, царя Иудейского, из темницы. И он говорил с ним любезно и поставил его престол выше престолов царей, которые были с ним в Вавилоне; и сменил ему тюремную одежду, и он ел хлеб постоянно перед ним все дни своей жизни. И его содержание было постоянным содержанием, данным ему царем, ежедневной нормой на каждый день, все дни его жизни». Очевидно, что Библия здесь имеет в виду Амил-Мардука, поскольку двадцать седьмого Адара 560 года этот царь все еще находился на троне (см. вышеуказанную дату, 4-й Абу), в то время как первая достоверно подтвержденная дата правления Нериглиссора — 25-е Маршешвана, *т. е.* около 10 ноября того же года.

От правления Амил-Мардука у нас нет никаких надписей, но с его преемником Нергалом-шар-усуром (Нергал-шарезером из Библии; Беросом, Нерглиссором, Птолемеевским канон, Нергига-соласаром) дела обстоят лучше. Он правил с 559 по 556 год, так как существуют две надписи на цилиндрах и краткая надпись на кирпиче, которые мы можем отнести к этому правлению. Тема, по-видимому, касается некоторого восстановления святилища Э-зида в Вавилоне. Там, где надпись снова становится разборчивой, царь рассказывает о строительстве канала, воды которого ушли и иссякли, а также о строительстве дворца.

Эти надписи вызывают следующие вопросы. Во-первых, кто был его отцом, Бел-шум-ишкумом, дважды упомянутым в них? Здесь достаточно отметить возможность того, что он может быть тождественен бывшему царю Ассирии, сыну Ашшурбанапала, который, безусловно, правил не более нескольких месяцев. Хронология не препятствует принятию

этой гипотезы. Давайте же предположим, что Бел-шум-ишкум родился около 645 года; тогда ему было бы около двадцати лет на момент смерти Ашшурбанапала и около сорока на момент падения Ниневии, после чего он, вероятно, нашел убежище при вавилонском дворе. К тому времени (606 г.) его сыну Нергал-шар-усуру могло быть около восемнадцати лет; если мы примем это за данность, то в 587 году ему было тридцать семь лет, и в этом году два человека с таким же именем (Нергал-шарецер, Иеремия xxxix. 3) упоминаются среди вельмож Навуходоносора (один среди «князей» в целом, другой среди чиновников высшего ранга), шестьдесят четыре года при его вступлении на престол в 560 г. до н. э. и не ganz siebzig, когда он умер, что дает большую вероятность его отождествления с одним из этих двух Нергал-шарезеров. Еще один вопрос, на который было бы очень интересно найти ответ, касается войн Нергала-шар-усура, поскольку, несмотря на краткость его правления, из двух надписей на цилиндрах ясно, что он действительно вел войны. К сожалению, у нас нет более точной информации по этому вопросу, но если учесть, что уже в 555 году, то есть всего через год после смерти Нергала-шар-усура, в Месопотамии вспыхнули беспорядки такого масштаба из-за «воинов Манды» под руководством их царя Иштувегу (Астиага), то есть медийские орды, что вавилоняне обратились за помощью к Курушу (Киру), царю Аншана, которому действительно удалось отбросить мидийцев, мы можем быть уверены, что самые ранние вторжения манда на вавилонскую территорию (которая после падения Ниневии стала частью Месопотамии) произошли во время правления Нериглиссора. Эта гипотеза прямо подтверждается содержанием рассказа Набонида о вторжении. В таком случае военные предприятия Нериглиссора не увенчались блестящим успехом или, в всяком случае, не привели к полному изгнанию манда из Месопотамии.

ПРАВЛЕНИЕ НАБОНИДА (556-538 гг. до н. э.)

После смерти Нериглиссора в 556 году, согласно Беросу, его преемником стал его сын Лабассарахос или Лабаросоарходос (в надписях Лабаши-Мардук), но, по-видимому, высокопоставленный вавилонянин Набу-наиду («Набу славен»), сын Набу-балацу-икби («Набу предсказал его жизнь»), был немедленно провозглашен царем оппозиционной партией, и хотя Лабаши-Мардук в течение девяти месяцев противостоял Набу-наиду (или Набониду, как его обычно называют), последний датирует начало своего правления со смерти Нериглиссора. Согласно Беросу, Лабаши-Мардук был ребенком и стал жертвой заговора, уже проявив признаки плохого характера.

Согласно канону Птолемея, Набонид правил семнадцать лет, что согласуется с тем обстоятельством, что последняя из многочисленных обнаруженных на данный момент договорных табличек, относящихся к его правлению, датирована 5-м днем месяца Улул (середина августа) его семнадцатого года. Он занимался главным образом восстановлением старых храмов за пределами Вавилона, таких как храмы в Уре, Ларсе, Сиппаре и даже в Харране в Месопотамии, то есть древнейших святилищ в стране; в то время как в Вавилоне, где он, безусловно, проживал, пусть и с перерывами, он, по-видимому, не делал ничего, кроме как продолжал строительство стен на берегу реки.^[29] Набонид руководствовался не только религиозными мотивами, но и интересом к истории и археологии, который превратился у него в настоящую манию. Его надписи дают нам подробную информацию о том, как он раскапывал и искал фундаментные цилиндры этих примитивных храмов, и он не упускает возможности нанести много коварных ударов своим предшественникам (например, Навуходоносору), которые не всегда добросовестно выполняли эту работу и в результате часто строили то, что не было в первоначальном плане. Когда после долгих поисков Набонид находил эти цилиндры, часто зарытые глубоко в земле, он точно

воспроизводил их содержание, часто указывая точное количество лет между своим правлением и правлением древнего вавилонского царя, о котором шла речь, и тем самым предоставляя нам наиболее ценные данные для определения самых ранних периодов вавилонской истории. Таким образом, мы узнали дату правления Нарам-Сима, древнего царя Агаде, Шагаракти-Буриаша [иногда читается как Шагаракти-Шуриаш] и, наконец, как представляется, Хаммурапи (хотя в этом случае расчет неверный), а также многие другие данные, имеющие историческое значение. По этой причине правление Набонида является для нас одним из самых важных в истории Вавилона, но его увлечение археологией, которое, по-видимому, заставило его полностью забыть о мире и, в частности, не заметить опасность, которую победы Кира представляли для Вавилона, принесло ему меньше пользы и в конечном итоге стоило ему трона и свободы.

[555-547 гг. до н. э.]

Мы уже упоминали фрагмент вавилонской хроники, посвященный правлению Набонида и завоеванию Вавилона и всей Вавилонской империи Киром. Теперь мы рассмотрим общественные события правления последнего коренного царя Вавилонии в свете этого текста. В первом году упоминается военная экспедиция с целью покорить князя, имя которого, к сожалению, не сохранилось (или, в лучшем случае, сохранилась только окончание *shu'ishshi*), но которого, возможно, можно считать вождем мидийского племени.

Из первой части надписи на цилиндре Абу-Хаббы мы видим, что если после освобождения Харрана Набонид созвал свои войска с границы Египта и далее до залива Иссус и Персидского залива для строительных работ или сбора строительных материалов, то это были не военные предприятия в строгом смысле этого слова (и это характерно), а просто экспедиции с мирными целями, которые Набониду было тем легче осуществить, что со времени правления Навуходоносора вавилоняне бесспорно владели «Западом» вплоть до египетской границы. Единственным исключением из этого правила, по-видимому, является рассказ о начале первого года (или начале его правления), приведенный в летописи, где, среди прочего, говорится, что «царь созвал своих воинов». Но эта экспедиция, по всей вероятности, была лишь менее трудоемким сбором урожая, оставшимся Набониду после завоевания мидийцев Киром.

Следующим событием, описанным в летописи, является окончательное поражение мидийцев Киром, которое, следовательно, не могло произойти позднее шестого года правления Набонида, то есть 550 года до н. э., и, возможно, произошло раньше.

Описание седьмого года трудно понять, но ясно одно: в те годы Набонид не присутствовал на праздновании Нового года в Э-сагиле, более того, этот праздник вообще не состоялся. Мы не знаем, почему так произошло, но можем предположить, что причиной была иерархическая революция, своего рода вотум недоверия королю, который продолжал свои работы и исследования в храмах Сиппара, Ура, Ларсы и других городов, не обращая внимания на опасность, угрожавшую стране со стороны Кира.

[547-538 гг. до н. э.]

Более важным с исторической точки зрения является отчет о девятом году (547 г. до н. э.). После повторения заявления о несостоявшемся праздновании праздника Бела, он продолжается: 5-го числа месяца нисан мать царя умерла в укрепленном лагере на другом берегу (Ша ам? = ша аммат) Евфрата выше Сиппара; три дня царили траур и плач, в месяце сиван по всей (целой) земле Аккад был объявлен (официальный) траур по царице-матери. В

месяце нисан (этого года) Куруш (Кир), царь земли Парсу, созвал своих воинов и переправился через Тигр ниже Арбелы, чтобы в следующем месяце, Айру, вторгнуться в Малую Азию, «он отнял у царя его серебро и имущество, заставил его собственных детей взойти на [погребальный костер], после того как его дети и царь (сам Кир?) оказались в нем».

Из Геродота мы знаем, что именно в это время состоялась экспедиция Кира против царя Лидии Креза, которая закончилась осадой и падением Сард и падением царства Лидии после нерешительной битвы, которая произошла в Каппадокии, недалеко от Птерии (Богаз-кёй), места, которое прославилось благодаря обнаружению хеттского барельефа. Набонид присоединился к союзу между Лидией, Спартой и Аахмесом из Египта, на который Крез полагался, когда начал войну против Кира; вероятно, он думал, что сможет легко завоевать Мидию и Элам после поражения, которое, как он ожидал, Кир потерпит в Малой Азии. Вавилоняне, по-видимому, не принимали активного участия в борьбе после быстрой победы Кира над лидийцами, но, тем не менее, с этой победой судьба Вавилонии была практически предрешена. Ведь было очевидно, что Кир, который не только правил всей Мидией с момента захвата Экбатаны, но и был бесспорным властелином Армении вплоть до западного побережья Малой Азии и, таким образом, фактически стал императором (или великим царем), при первой же возможности захватит Вавилонию и ее богатые сирийские провинции. Кроме того, с этого момента у него появились веские причины считать Набонида нелояльным соседом, заслуживающим сурового наказания.

В десятом и одиннадцатом годах летопись впервые отмечает пропуск праздника Бела в точно таких же выражениях, как и в случае с седьмым и девятым годами, и когда начинается повествование, мы оказываемся в семнадцатом и последнем году правления Набонида (539 г. до н. э.). После ряда сильно поврежденных предложений повествование продолжается: «В месяце Таммуз (июнь-июль 539 г.) Куруш [Кир] сражался при Кише (?) над каналом Иллат (?) против воинов земли Аккад; народ земли Аккад восстал против рядов солдат, 14-го дня (месяца Таммуз) город Сиппар был взят без сражения, Набонид бежал. На 17-й день (т. е. около 5 июля 539 г.) Угбару (Гобриас), правитель Гути (т. е. района к востоку от Арбелы), и воины Куруша вступили в Э-ки (Вавилон); когда Набонид укрепился в Э-ки (Вавилоне), он был взят в плен. До конца месяца *туккими* (войска?) земли Гути окружали ворота Э-сагила, но на Э-сагила и (другие) храмы не было нанесено никакого оружия, и украшения (т. е. изображения и сосуды храма) не были унесены. 3-го числа месяца Маршешван (Араксамну, т. е. около 19 октября) Куруш вступил в Э-ки, улицы были заполнены людьми, пришедшими посмотреть на его вход, он установил мир в городе; Куруш провозгласил мир всему Тинтиру (Вавилону), он назначил Угбару (Гобриаса), своего наместника, наместником Вавилона, и с месяца Кислева до Адара (ноябрь-декабрь, 539 г. — февраль-март 538 г.) он велел вернуть на свои места богов земли Аккад, которых Набонид привез в Вавилон. В том же (?) месяце, 11-го дня, Угбару умер, и царь скончался; с 27-го числа месяца Адар до 3-го числа месяца Нисан (конец марта 538 года) в Аккаде царила скорбь, все люди расчесывали (букв. расщепляли) свои волосы (?); 4-го числа Камбузия (Камбиз), сын Куруша, отправляется в храм города (?) Хадкаламасумму...» Дальнейший текст поврежден до такой степени, что его невозможно перевести, и, судя по фрагментам строк, которые еще можно расшифровать, он не содержит ничего, представляющего исторический интерес; например, далее речь идет о храме Э-Анна в Эрехе.

Таким образом, мы видим, что сам Вавилон принял царя Кира с распростертыми объятиями, и что, подобно тому как коссайцы узурпировали и долгое время удерживали власть над Аккадом, теперь персы заменили местную династию. Поэтому это событие не было чем-то новым, и, по сути, вавилонская история под руководством Кира и его преемников продолжается по старым канонам, так что трудно понять, почему большинство повествований обрываются на этом месте. Национальная литература и письменность продолжали процветать, но история Вавилонии и Ассирии, последней главой которой было недолгое процветание Нового Вавилонского царства, завершилась вступлением Кира в Вавилон; последующая история Вавилонии представляет интерес только на местном уровне и не имеет дальнейшего значения для мира.

Наконец, что касается важной оригинальной вавилонской надписи о правлении Кира, о которой упоминалось ранее, она в полной мере подтверждает правильность впечатления, которое произвела хроника на каждого непредвзятого читателя. Вавилоняне, во главе с иерархией города Вавилона, были совершенно утомлены слабым правлением Набонида, который, по-видимому, даже не был королевской крови, и приветствовали Кира как освободителя. По приказу Кира ученые вавилонские писцы были поручены составить надпись, и по ее содержанию и формулировкам (которые вряд ли могли быть продиктованы персидским царем) мы можем ясно понять взгляд на ситуацию, принятый священническими кругами страны (которые управляли населением). С самого начала, несмотря на то, что надпись повреждена, мы видим, что Набонид сделан козлом отпущения за все. Он представлен как отправивший «в Ур и другие города оракулы, которые не подобали им» (*т. е.* богам), «ежедневно думавший о зле» (?), «прекративший ежедневные жертвоприношения» и грубо пренебрегавший поклонением богу Мардуку; далее, с тем, что он «позволил укрепления Вавилона прийти в упадок, так что повелитель богов был сильно разгневан и оплакивал это», а также «с гневом, что он привёз (в Э-сагилу) богов (других вавилонских городов), которые были таким образом вынуждены покинуть свои (прежние) храмы.

Тогда случилось так, что Мардук «взглянул на своего друга» и «взял его за руку, Куруша, царя Аншана, так звали его»; «он покорил землю Кути и все войско орд Манда под своими ногами; он заставил черноголовых людей пасть в его руки; в праведности и справедливости он пришел к ним». Бог Мардук «велел ему идти в Вавилон и взять дорогу на Тинтир, как друг и товарищ он шел рядом с ним, множество его войск, число которых, подобно водам реки, было неизвестно, опоясалось оружием и шло рядом с ним; он (Мардук) заставил его войти в Шу-анну (Вавилон) без борьбы и сражения; Вавилон, его город, он с трудом пощадил; Набонида, царя, который не боялся его, он предал в его (Куруша) руки; весь народ Тинтира, все множество Шумера и Аккада, князья и правители, которые подчинились его династии, целовали его ноги и радовались его царскому господству; их лица сияли. Господь, который (приближается) с помощью, который воскрешает мертвых, который своей мощью дарует благодеяния всей земле, милостиво благословляет его (Кира) и уважает его имя. Я, Куруш, царь мира, могущественный царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех сторон света, сын Камбуджии, великий царь, царь города Аншана, внук Куруша, великого царя, царя города Аншана, потомок (*либбалбал*) Сисписа, великого царя, царя Аншана, вечного отпрыска царской династии, чье правление любят Бел и Набу, чтобы сделать добро его сердцу и для переполнения его радости». Затем Кир подчеркивает свое мирное вступление в Вавилон и радость и ликование, с которыми он поселился там, как его войска мирно заняли город, а он сам мирно посетил другие города, как он восстановил их руины и разорвал их цепи (?), как Мардук был милостив к нему и его сыну Камбуджии

(Камбизу), и как «по величественному повелению Мардука все цари, жившие в королевских чертогах, со всех концов поднебесной, от верхнего моря до нижнего моря, а также цари Запада, населяющие [пустыню], и те, кто живет в шатрах», принесли тяжелые дани и поцеловали его ноги в Вавилоне.

«От ... даже до городов Ашшура и Иштар-Дамикту (?), города Агаде, земли Ишнуннак, городов Замбару, Ми-Турну и Дур-Илу, даже до области земли Кути, городов на (берегу) Тигра, где с древних времен было их жилище, я перенес богов, которые жили там, обратно на их места», «богов Шумера и Аккада, которых Набонид, к великому негодованию повелителя богов, приказал привезти в Вавилон, я по приказу Мардука вновь поместил в их святилища в мире».

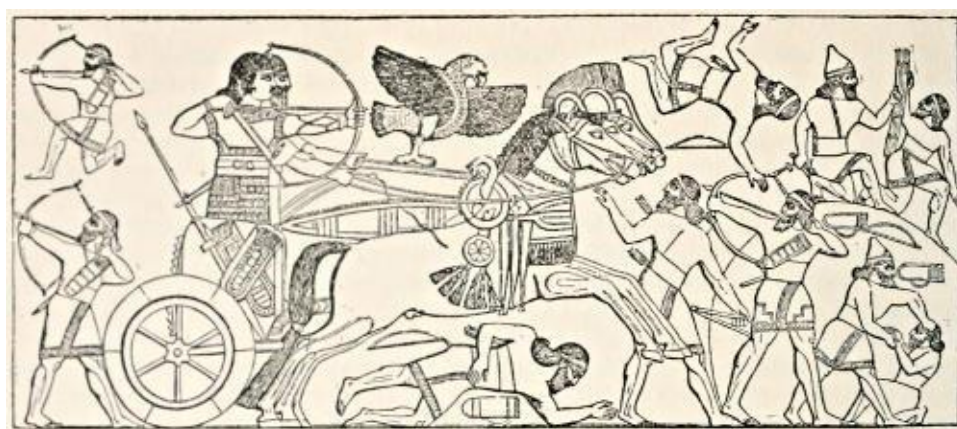
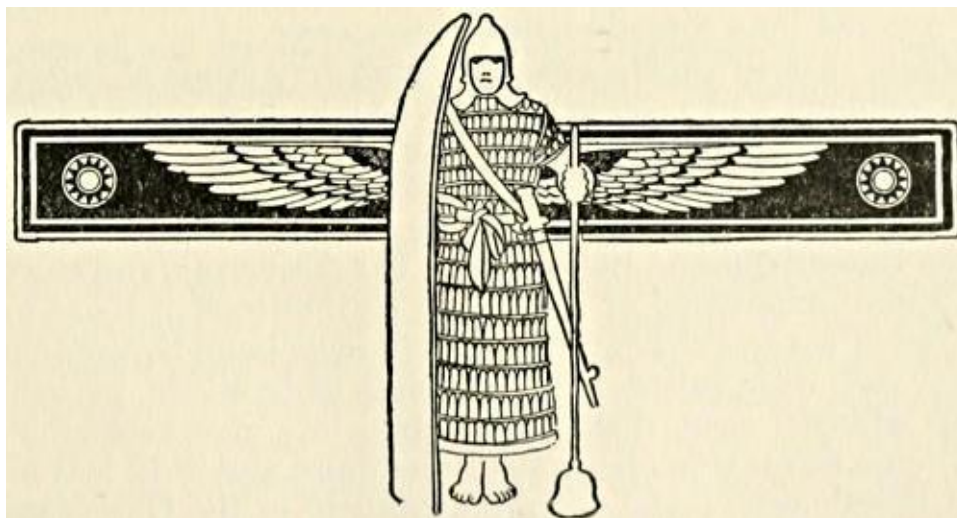
Таков, по сути, смысл (и формулировка) надписи Кира, которая, рассматриваемая в связи с хроникой, дошедшей до нас из правления Набонида (), проливает совершенно новый свет на этот важный вопрос о передаче новой Вавилонской империи Киру Ахемениду. Конец политической независимости Вавилона наступил совсем иначе, чем конец Ниневии; не было кровопролития, осады, суда с огнем и опустошением. Еще одним актом мира было разрешение, данное Киром евреям, жившим в Вавилоне и его окрестностях, вернуться в Святую Землю. Об этом говорится в пророчестве великого неизвестного пророка второй половины вавилонского изгнания, так называемого Второго Исаии (Исаия xliv. до конца). «Господь говорит о Кире: Он мой пастырь и исполнит все, что мне угодно: он скажет Иерусалиму: ты будешь построен, а храму: твой фундамент будет заложен. Так говорит Господь о Своем помазаннике, о Кире, которого я поддержал правой рукой, чтобы он покорил перед собой народы (мидийцев и лидийцев); и я развяжу чресла царей, чтобы открыть перед ним двустворчатые врата, и врата не будут закрыты».

Последние слова невольно напоминают нам о воротах Вавилона, которые сами открылись перед милостивым завоевателем. И это пророчество, не менее чем поведение вавилонских жрецов, показывает, что Кир предшествовала репутация милостивого правителя; ибо какая польза была бы от их готовности подчиниться, если бы Кир был жестоким завоевателем, как другие полуварварские вожди племен? В таком случае, когда Вавилон открыл свои ворота иностранному царю, его ждали грабежи и многие ужасы. Однако, по-видимому, вавилоняне питали твердую надежду, что Кир пощадит их.

Таким образом, история Вавилонии мирно заканчивается на благородной фигуре Кира, принца из династии Ахеменидов, который вызывает нашу самую горячую симпатию. Зародившаяся на вавилонской земле в начале времен, первобытная цивилизация шумеров была доведена до расцвета вавилонскими семитами, а затем получила дальнейшее развитие и перенесена в Ашшур и Ниневию. Там созрели условия, при которых Ассирия стала правящей державой мира. После падения своей империи древняя родина на короткое время стала центром цивилизации, зародившейся там две тысячи лет назад, и эта цивилизация теперь перешла в наследство персам, не для того, чтобы умереть среди них, а для того, чтобы возродиться и просветить, так же как, с другой стороны, черпала новую силу из молодой энергии индогерманской расы, еще не обученной, но обильно наделенной всеми интеллектуальными дарами.^b

СНОСКИ

[29] [Власти, похоже, не могут прийти к единому мнению относительно места проживания Набонида. Профессор Роджерс пишет (*История Вавилона и Ассирии*, т. II, стр. 361): «Он [Набонид] вообще не проживал в Вавилоне, а в Теме, вероятно, незначительном месте, не имевшем никакого влияния на историю».]

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВОИНОВ-ЕВНУХОВ В БОЮ

(Найден в Нимруде) (Лэйард)

ГЛАВА VII. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Всадник поднимает и сверкающий меч, и блестящее копье; и много убитых, и много трупов; и нет конца их трупам; они спотыкаются о трупы. — *Наум* iii. 3.

Следя за политической судьбой Вавилонии и Ассирии, мы время от времени неизбежно заглядываем в условия цивилизации, которые повсюду составляют фон картины. Но желательно рассмотреть некоторые аспекты этой цивилизации более подробно, и в

настоящей книге будет сделана попытка обобщить эти условия в целом и подробно рассмотреть некоторые детали, относящиеся к более интересным или более важным темам. Такая попытка в рамках необходимых пространственных ограничений не может быть полностью удовлетворительной. В частности, необходимо иметь в виду, что мы имеем дело или пытаемся иметь дело с периодом времени продолжительностью не менее трех тысяч лет, даже если мы рассматриваем только минимальный период, охватываемый достаточно точной хронологией.

Очевидно, что за такой длительный период времени в нравах и обычаях народа должны произойти многочисленные изменения, а в различных фазах цивилизации должны развиваться многообразные преобразования. Это было бы верно даже в случае истории одного народа. Но на самом деле, как мы видели, мы имеем дело с четырьмя достаточно разными народами — шумерами, вавилонянами, ассирийцами и халдеями. Попытка кратко изложить разнообразные цивилизации этих четырех народов в течение нескольких тысячелетий в сжатых рамках была бы явно самонадеянной задачей, даже если бы были доступны полные сведения обо всех рассматриваемых периодах. Но мы уже видели, что такие подробности недоступны. От шумеров до нас дошли скудные сведения, от вавилонян — чуть более подробные, а воспоминания халдеев, несмотря на их более поздний период в истории, лишь немногим менее расплывчаты. Именно к ассирийцам следует в первую очередь обращаться за данными, которые в лучшем случае могут дать нам косвенное представление об их предшественниках; и мы должны всегда помнить, что, пытаясь понять вавилонскую цивилизацию, мы в определенной степени смотрим на нее глазами ассирийцев. Тем не менее, следует помнить, что важные изменения в нравах и обычаях любого народа обычно развиваются медленно везде, и что здесь это было особенно верно, потому что мы имеем дело с самой консервативной из рас. Вавилоняне и ассирийцы были родственниками евреев и, без сомнения, в полной мере разделяли то, что Гете называет «упорной настойчивостью» этой расы. Поэтому основные черты их цивилизации, вероятно, оставались неизменными из поколения в поколение.

С другой стороны, следует понимать, что шумеры, какими бы ни были их точные расовые сходства, были народом, очень отличавшимся от семитских рас, которые пришли им на смену. Есть основания полагать, что они были по сути творческой расой, в то время как семиты, и в частности ассирийцы, были в первую очередь копиистами и адаптерами, а не создателями. Похоже, что все основные черты позднейшей ассирийской цивилизации были заложены, если не полностью разработаны, в те ранние дни, когда шумеры доминировали в южной Вавилонии. Даже клинописная система письма со всей ее необычайной сложностью, по мнению филологов, является несомненным свидетельством шумерского происхождения. Но каким бы правильным ни было это мнение, мы вынуждены рассматривать шумеров исключительно в свете их преемников. Монументальные останки, извлеченные из руин дворца Ашшурбанапала, дают нам основные документы для интерпретации цивилизации, которая исчезла примерно за три тысячи лет до появления этого дворца и его документальных сокровищ.

Это примерно то же самое, что изучать нравы и обычаи современных итальянцев, чтобы получить представление о цивилизации Рима во времена Тарквиниев. Параллель на самом деле не так полна, как может показаться на первый взгляд, поскольку во многих отношениях практическая цивилизация изменилась больше в XIX веке, чем за все предыдущие века зафиксированной истории. Без сомнения, цивилизация времен Саргона I имела гораздо большее сходство с временами Ашшурбанапала, чем Рим ранних царей с Римом короля Виктора Эммануила. Тем не менее, мы должны помнить об этом корректирующем взгляде в предполагаемой попытке рассмотреть месопотамскую цивилизацию в целом.

НАШИ ИСТОЧНИКИ

Источники наших знаний о месопотамской истории были довольно полно обсуждены в предыдущих главах. Помимо классических традиций, мы можем полагаться только на памятники. И из них скульптуры являются, безусловно, наиболее важными с точки зрения их влияния на цивилизацию народа.

Письменные надписи дают очень мало информации, за исключением косвенных выводов, которая проливает определенный свет на нравы и обычаи народа. Но, к счастью, ассирийцы, в частности, были очень склонны к изобразительному представлению сцен, по крайней мере, некоторых аспектов своей повседневной жизни; поэтому их барельефы дают нам наиболее четкое представление об их жизненных обычаях. Интерпретация этих барельефов в этом свете впервые была подробно рассмотрена сэром Генри Лейардом, и его объяснения остаются до сих пор наиболее полными и удовлетворительными. Мы будем часто обращаться к его страницам в настоящей книге, дополняя его рассказы некоторыми разъяснениями, в частности, со ссылкой на религиозные и юридические документы, основанные на более поздних прочтениях надписей.

Как бы ни изменились обычаи вавилонян и ассирийцев на протяжении веков, в одном важном отношении, вероятно, не произошло заметных изменений от начала до конца. Это был характер правительства. Как и другие восточные народы, месопотамцы не имели представления о каком-либо другом правительстве, кроме полностью деспотического. Ими правили цари, чья власть была абсолютной, а воля принималась как единственный закон. Смена правительства означала лишь свержение одного царя кем-то, кто, достигнув верховной власти, сам признавался царем.

Но захват и удержание исключительной власти в политическом организме одним человеком предполагает триумф физической силы. Царствование в его восточном проявлении основано на военной силе. Поэтому мы видим, что вавилонский или ассирийский монарх способен заставить себя почувствовать и запомнить в той мере, в какой он является компетентным военным лидером. Чтобы быть великим царем, он должен быть великим завоевателем. История завоеваний — это, по сути, вся история королевских анналов. Как мы видели, это очень кровавая и бесчеловечная история.

Тексты надписей касаются скорее результатов, чем методов. Нам сообщают имена народов, против которых велась война; не забываются списки пленных и добычи, цель, конечно, состоит в том, чтобы увековечить славу завоевателя. С этой целью всегда указывается имя самого завоевателя, повествование обычно ведется от первого лица; но мы никогда не слышим даже имени подчиненного. Только королю принадлежит вся слава.

То, чего не хватает в надписях в плане подробностей о военном искусстве, восполняют ассирийские барельефы. Они изображают армии в действии и позволяют нам составить очень четкое представление о военной одежде, оружии и, в определенной степени, о методах ведения войны ассирийцами. В частности, приводятся подробности о методах штурма, с помощью которых ассирийцы обычно разрушали стены мятежных городов. Тараны и штурмовые башни изображены самым реалистичным образом и являются излюбленным предметом художников — отчасти, несомненно, потому, что они хорошо поддаются изображению, отчасти, возможно, потому, что ассирийцы преуспевали в этой конкретной фазе ведения войны (). Но и другие фазы ведения войны ни в коем случае не упускаются из виду. Даже такие детали, как обезглавливание или сдирание кожи с живых пленников, представлены с ужасающим реализмом.

По уже указанной причине наш текст будет касаться в основном военного искусства, практикуемого ассирийцами, а не их предшественниками. Имеем ли мы в настоящее время возможность определить, были ли какие-либо из орудий или методов, использовавшихся в этот относительно поздний период, придуманы самими ассирийцами? Однако можно предположить, что ассирийский царь применял военное искусство практически так же, как это делали древние вавилонские цари с незапамятных времен.^а

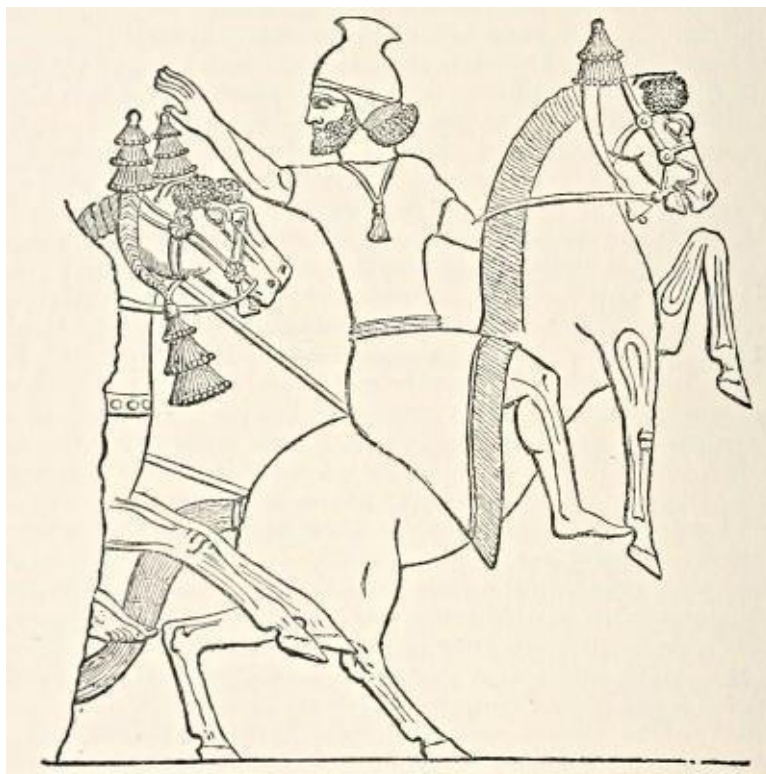
Поскольку ассирийцы обладали дисциплинированными и организованными войсками, вполне вероятно, что они в определенной степени были знакомы с военной тактикой и что их сражения велись по какой-то системе. Мы знаем, что так было у египтян, и их памятники показывают, что среди их врагов также были народы, не чуждые военной науке. У них были резервные войска, они наступали и отступали в строю и выполняли различные маневры. Хотя на ассирийских скульптурах мы не видим попыток реального изображения общего плана сражения (), как на некоторых египетских барельефах, тем не менее, судя по порядку, в котором солдаты выстраиваются перед стенами замка, и по фаланге, которую они, по-видимому, образуют, весьма вероятно, что для отражения атак врага на открытом поле применялись аналогичные средства.

Сам царь в сопровождении своего визиря, евнухов и главных государственных чиновников присутствовал на поле боя и не только командовал, но и принимал активное участие в сражении. Даже [традиционный] Сарданапал, когда его призвали встать во главе своих войск, чтобы встретить вторгшихся [традиционных] мидийцев, проявил мужество, достойное случая, и отразил врагов. Как и персидские монархи, которые сменили его в владении Азией, ассирийский царь, как бы далеко ни находился его трон, сопровождался на войну своими женами, наложницами и детьми, а также огромной свитой слуг. Даже его вельможи сопровождалась аналогичным образом. Их ложа были из золота и серебра, а занавеси — из самых дорогих материалов. На их столах использовались сосуды из тех же драгоценных металлов; их палатки были сделаны из самых дорогих материалов и даже украшены драгоценными камнями. Балдахин или палатка Олоферна были из пурпура, золота, изумрудов и драгоценных камней; и у каждого человека были золотые и серебряные (сосуды) из дома царя. (Иудифь, 2:18.) Эта книга содержит интересное описание роскошного образа жизни великих ассирийских воинов, подтверждая сказанное в тексте и показывая, что персы в этом отношении, как и почти во всех других, подражали ассирийцам. Геродот (Кн. IX, гл. 82 и 83) описывает оборудование, украшенное золотом и серебром, с разноцветными занавесями, а также золотые и серебряные диваны и столы, найденные в шатрах Мардония после поражения персидской армии. Они были оставлены Ксерксом, когда он бежал из Греции. Их сопровождали музыканты, которые изображены на скульптурах идут перед воинами, торжественно возвращающимися с битвы.

За армией следовала толпа продавцов, слуг и конюхов, которые, увеличивая ее размеры, мешали ее передвижению и несли разруху и опустошение в страны, через которые она проходила. Поскольку эта толпа не могла полностью полагаться на снабжение со стороны жителей, которых она безжалостно грабила, с собой везли большое количество провианта, а также скот. Голофернес, выходя из Ниневии со своей армией, взял с собой «верблюдов и ослов для перевозки, в очень большом количестве, а также овец, волов и коз без счета, для пропитания, и много провианта для каждого человека».

Квинт Курций так описывает поход персидской армии: Сигнал был дан из шатра царя, на вершине которого, чтобы его могли видеть все, было установлено изображение солнца из хрусталя. Священный огонь несли на серебряных алтарях, окруженные священниками, воспевающими священные гимны. За ними следовали триста шестьдесят пять юношей, по числу дней в году, одетых в пурпурные одежды. Колесница, посвященная верховному

божеству, или солнцу, была запряжена белоснежными лошадьми, ведомыми конюхами в белых одеждах, несущими золотые жезлы. Лошадь, специально посвященная солнцу, была выбрана по своему размеру. За ней следовали десять колесниц, украшенных золотом и серебром, и кавалерия двенадцати народов, одетая в свои разнообразные костюмы и несущая свое особое оружие. Затем шли персидские бессмертные, числом десять тысяч, украшенные золотыми цепями и одетые в вышитые золотом одежды и туники с длинными рукавами, все сверкающие драгоценными камнями. С небольшим интервалом следовали пятнадцать тысяч знатных людей, носивших почетный титул родственников царя, одетые в одежды, которые по своей роскоши и великолепию больше походили на женские, чем на мужские (). Дорифоры (избранная группа копейщиков) шли впереди колесницы, в которой сидел сам царь, высоко над окружающей толпой. По обеим сторонам этой колесницы были изображения богов из золота и серебра. Ярмо было инкрустировано редчайшими драгоценными камнями. Из него выступали две золотые фигуры Нина и Бела, каждая длиной в локоть. Между ними был помещен золотой орел с распростертыми крыльями. Царь отличался от всех окружающих великолепием своих одежд и цидарисом, или митрой, на голове. Рядом с ним шли двести самых знатных из его родственников. За царской колесницей следовали десять тысяч воинов с копьями, рукояти которых были из серебра, а наконечники — из золота. Замыкали процессию сорок лошадей царя и тридцать тысяч пеших воинов. На расстоянии одного стадиона следовали мать и жена царя в колесницах. Их сопровождала толпа женщин, служанок и дам королей, верхом на лошадях. Пятнадцать колесниц, называемых армамаксами, везли детей царя, их наставников и нянь, а также евнухов. Триста шестьдесят наложниц царя, сопровождавших его, были украшены царским великолепием. Шестьсот мулов и триста верблюдов несли царскую казну, охраняемую лучниками. Друзья и родственники дам смешались с толпой поваров и слуг всех видов. Завершали процессию легко вооруженные войска.

ВРАГ ПРОСИТ ПОЩАДЫ У АССИРИЙСКИХ ВСАДНИКОВ

Армии были снабжены машинами и материалами, необходимыми для осады городов, с которыми они могли столкнуться во время своего похода. Если какие-либо естественные

препятствия мешали приблизиться к замку, такие как лес или река, их, по возможности, устраняли. Реки отводили от своего русла, если они мешали действиям армии; и на скульптурах часто изображаются воины, вырубая деревья, окружающие вражеский город.

Первым шагом в осаде, вероятно, было продвижение тарана. Если замок был построен, как на равнинах Ассирии и Вавилонии, на искусственном возвышении, то из земли, камней или деревьев формировался наклонный плоскостной подъем, достигающий вершины холма, и осаждающие могли подвести свои машины к подножию стен. Эта дорога нередко была покрыта кирпичами, образуя своего рода мощеную дорогу, по которой тяжелые машины могли быть перетащены без особых затруднений.

Этот способ достижения стен города часто упоминается пророками и описан Исaiей: «Так говорит Господь об ассирийском царе: он не войдет в этот город, не выпустит туда стрелу, не подойдет к нему со щитами и не насыплет против него вала». Подобные подходы использовались египтянами. Они не только позволяли осаждающим подталкивать тараны к замку, но и одновременно взбираться на стены, вершина которых в противном случае могла бы оказаться недосягаемой для их лестниц.

Тараны были нескольких видов. Некоторые были соединены с подвижными башнями, на которых находились воины и вооруженные люди. Все это составляло одно большое временное сооружение, вершина которого изображена на скульптурах на одном уровне со стенами и даже башнями осажденного города. На некоторых барельефах таран изображен без колес; возможно, он был построен на месте и не предназначался для перемещения. Подвижная башня, вероятно, иногда не была снабжена тараном, но я не встречал такого изображения в скульптурах. Когда Навуходоносор, царь Вавилона, осаждал Иерусалим, он «построил вокруг него крепости». Эти крепости или башни, если они были стационарными, были прочно построены из дерева; если подвижными, то состояли из легкой рамы, покрытой плетением. Евреям было запрещено рубить и использовать для этой цели деревья, которые дают пищу человеку. «Только деревья, о которых ты знаешь, что они не являются деревьями для пищи, ты должен уничтожить и срубить; и ты должен построить укрепления против города, который воюет с тобой, пока он не будет покорен».

Когда машина, содержащая таран, состояла из простой рамы, не образующей искусственной башни, на нее, по-видимому, иногда набрасывали ткань в виде драпировки, отороченную бахромой и украшенную другими орнаментами. Иногда ее могли накрывать шкурами. Она двигалась на четырех или шести колесах и была снабжена одним или двумя таранами. Способ работы таранов не может быть определен по ассирийским скульптурам. По изображениям на барельефах можно предположить, что они были частично подвешены на веревке, прикрепленной к внешней стороне машины, и что люди направляли и приводили их в движение изнутри. Такой план был принят египтянами, на картинах которых воины, работающие с тараном, видны через каркас. Иногда эта машина украшалась резной или расписной фигурой верховного божества, стоящего на одном колене и натягивающего лук. Искусственная башня обычно занималась двумя воинами: один стрелял стрелами по осажденным, которых он мог с высоты более эффективно атаковать, чем если бы находился внизу; другой держал щит для защиты своего товарища. Нередко воины изображаются выходящими из машины на зубцы крепости.

Иезекииль упоминает все эти способы атаки. «Осаждайте его, — восклицает он, говоря о городе Иерусалиме, — и соорудите против него укрепление, и насыпьте против него вал; разбейте также против него лагерь и поставьте против него тараны вокруг».

Лучники на стенах бросали камни из пращ и стреляли из луков по воинам в искусственных башнях, а остальные осажденные не менее активно пытались сорвать попытки нападающих пробить бреши в стенах. Сбрасывая с крепостных стен двойную цепь или веревку, они ловили таран и могли либо полностью лишить его эффективности, либо ослабить силу его ударов. Однако те, кто находился внизу, поместив крюки над машиной и бросив на них весь свой вес, боролись, чтобы удержать ее на месте.

Осажденные, не имея возможности сдвинуть таран, пытались уничтожить его огнем и бросали в него зажженные факелы или горящие поленья. Но на пламя лили воду через трубы, прикрепленные к искусственной башне. Осаждающие использовали и другие военные машины и инструменты. С помощью своего рода катапульты, по-видимому состоящей из легкой деревянной рамы, покрытой брезентом или кожей, они бросали в осажденных большие камни и дротики, а те, в свою очередь, пытались поджечь ее факелами. Длинный шест с железным наконечником, похожий на копье, использовался для выбивания камней из стен. Также были проложены мины, и нападавшие пытались проникнуть в замок через потайные ходы. Те, кто работал над ними или продвигался к атаке, возможно, были защищены *тестудо*, как изображено на египетских картинах, но эта защита не видна на ассирийских скульптурах. Были предприняты попытки поджечь ворота города, приставив к ним факелы, или взломать их топорами.

Ассирийский лучник

Постоянно практиковалось штурмовое восхождение по лестницам, и, по-видимому, это был самый распространенный способ атаки замка, поскольку лестницы изображены на тех барельефах, на которых не представлены ни таран, ни другие машины. Примечательно, что таран не изображен на скульптурах, обнаруженных до сих пор в Куюнджике, и, насколько мне известно, в Хорсабаде. Поэтому можно предположить, что в период строительства этих сооружений он вышел из употребления. Лестницы для штурма появляются в египетских скульптурах еще в XIX династии. Рамсес III изображен захватывающим город с их помощью в Мединет-Абу. Они доходили до вершины зубцов, и по ним могли подниматься несколько человек одновременно. Пока воины, вооруженные мечами и копьями, взбирались по стенам, лучники, расположенные у подножия лестниц, сдерживали врага и оттесняли его от стен.

Войска осаждающей армии выстраивались в ряды внизу. Король часто присутствовал во время атаки. Спускаясь со своей колесницы, которая оставалась неподвижной на небольшом расстоянии позади него, он стрелял стрелами по врагу. Его сопровождали щитоносец и евнухи, один из которых обычно держал над ним символ королевской власти, зонтик, а другие несли его оружие. Иногда его изображают в колеснице, наблюдающим за ходом сражения или отражающим вылазку. Воины высокого ранга также приезжали на колесницах в сопровождении щитоносцев и колесничих. Визирь и глава евнухов часто появляются среди сражающихся.

Осаждающие воины были защищены, как я уже упоминал, большими щитами из плетеной лозы, иногда покрытыми кожей, которые скрывали всю фигуру. Часто три человека составляли группу: один держал щит, второй натягивал лук, а третий стоял наготове с мечом, чтобы защитить лучника и щитоносца, если враг выйдет из замка. Осажденные укомплектовали зубцы лучников и пращников, которые стреляли в нападающих. На тех, кто находился внизу, также бросали большие камни и лили горячую воду. Женщина с зубцов Тевеца бросила жернов на голову Авимелеха и разбила ему череп (Судьи ix. 53).

Когда таран пробил брешь и начался штурм, на стенах появились женщины, которые, рвя на себе волосы и протягивая руки, умоляли о пощаде. Нередко изображаются и мужчины, присоединяющиеся к просьбам о пощаде. Когда нападавшие овладели этим местом, по-видимому, последовала беспорядочная резня, а город, как правило, был предаван пламени. На барельефах видны воины, обезглавливающие побежденных и вонзающие мечи или кинжалы в их сердца, держа их за волосы. Пленников либо насаждали на колья и подвергали ужасным мучениям, либо уводили в рабство. Способ насаждения на колья, принятый ассирийцами, по-видимому, отличался от того, который до сих пор используется на Востоке. Кол вбивали в тело сразу под ребрами. Когда Дарий взял Вавилон, он пронзил колом три тысячи пленников (Ирод, iii. 159). На барельефе, обнаруженном в Хорсабаде, изображен человек, сдирающий кожу с пленника полукруглым ножом. Скифы сдирали скальпы и кожу со своих врагов и использовали их шкуры в качестве упряжи для лошадей (Ирод, iv. 64).

Женщин, детей и скот уводили завоеватели; а о том, что ассирийцы часто переселяли все население завоеванной страны в отдаленные части своих владений и заменяли его своими колониями, мы узнаем из обращения с народом Самарии. Евнухи и писцы были назначены для инвентаризации добычи. По-видимому, они стояли у ворот и записывали пером, вероятно, на кожаных свитках, количество пленных, овец и волов, а также объем добычи, вывезенной из города. Женщин иногда увозили на волах, и на барельефах их обычно изображают с частью своего имущества — вазой или мешком, возможно, наполненным домашними вещами. Иногда их сопровождали дети, и обычно их изображают рвущими на себе волосы, бросающими пыль на головы и оплакивающими свою судьбу.

После взятия города трон для царя, по-видимому, устанавливался в каком-нибудь заметном месте внутри стен. На скульптурах он изображается сидящим на нем в окружении евнухов и главных чиновников и принимающим пленников, приведенных к нему в оковах. Вожжи падают ниц перед ним, а он ставит ногу на их шеи, как Иисус Навин повелел военачальникам Израиля поставить ноги на шеи пленных царей. Этот обычай долгое время был распространен на Востоке. На скальной скульптуре в Бехистуне Дарий изображен с ногой на шее Гометеса, мятежного магира, провозгласившего себя Бардием, сыном Кира. Когда захватывали менее значимых пленников, им связывали руки за спиной или сковывали руки и ноги железными кандалами.

Их подгоняли ударами копий или мечей воинов, которым они были доверены. На барельефе из Хорсабада пленники ведут перед царем на веревке, прикрепленной к кольцам, продетым через губу и нос. Эта скульптура иллюстрирует отрывок из 2 Царств xix. 28: «Я

вставляю крюк в нос твой и уздечку в губы твои». На барельефе царь изображен держащим веревку, прикрепленную к кольцу, продетому через губы пленника, одному из глаз которого он, по-видимому, пронзает копьем.

На скульптурах из Хорсабада и Куюнджика пленники приносят победоносному царю маленькие модели своих городов в знак подчинения. Подобные модели несут в триумфальных процессиях.

Головы убитых обычно собирали и приносили либо королю, либо офицеру, назначенному для подсчета их количества. Когда были убиты семьдесят сыновей Ахава, их головы отрубили и принесли в корзинах в Изреель. Затем их сложили «в две кучи у входа в ворота» (2 Царств х. 8). Египтяне обычно считали на руках. Этот способ подсчета потерь врага долгое время использовался на Востоке.

Как только солдаты входили в захваченный город, они начинали грабить, а затем спешили унести добычу. Они уводили лошадей, несли на плечах мебель и сосуды из золота, серебра и других металлов и брали в плен жителей, которые, вероятно, становились собственностью тех, кто их захватил. На скульптурах ассирийские воины-ы изображены уносящими в триумфе идов победенных народов или разбивающими их на куски, взвешивающими на весах и делящими осколки. Так Осия пророчествовал, что телец, идол Самарии, будет унесен ассирийцами.

Когда город был разграблен, его обычно поджигали и полностью уничтожали. Окружающая местность также подвергалась опустошению. Если это была столица — место силы и славы — его редко восстанавливали на том же месте, которое считалось несчастливym теми, кто пережил катастрофу и вернулся к руинам.

АССИРИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ КОСТЮМЫ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Костюмы воинов различались в зависимости от их звания и характера службы, которую они должны были выполнять. Те, кто сражался на колесницах и держал щит для защиты царя, обычно были одеты в доспехи из чешуевидных пластин, которые спускались либо до колен, либо до лодыжек. Большое количество чешуек было обнаружено в древнейшем дворце Нимруда. Они были, как правило, железными, слегка рельефными или приподнятыми в центре, а некоторые были инкрустированы медью. Вероятно, они крепились к рубашке из войлока или грубого льна. Такие доспехи всегда изображаются в древнейших скульптурах. В более поздний период использовались другие виды доспехов; чешуйки были больше и, по-видимому, крепились к железным или медным ремням. Доспехи часто были украшены рельефными группами фигур и причудливыми орнаментами в стиле «», но нет оснований полагать, что богатые узоры на груди царей были нанесены на металл.

Воины часто были одеты в вышитые туники, которые, вероятно, были сделаны из войлока или кожи, достаточно толстой, чтобы противостоять оружию, которое использовалось в то время. На скульптурах Куюнджика они обычно изображены в этой одежде. Их руки были обнажены выше локтей, а ноги — ниже колен, за исключением тех случаев, когда они носили кольчужные рубашки, спускавшиеся до лодыжек. На ногах у них были сандалии. Воины на более поздних ассирийских памятниках, особенно на памятниках Хорсабада, отличаются своеобразным украшением, чем-то напоминающим горный филлибег. Оно, по-видимому, прикрепляется к поясу и свисает ниже короткой туники.

На скульптурах Куюнджика и памятниках того же периода одежда солдат, по-видимому, варьируется в зависимости от того, как они вооружены. Те, кто вооружен копьями и щитами, носят остроконечные или гребенчатые шлемы и простые или вышитые туники,

затянутые на талии широким поясом. По плечам проходит своего рода поперечный пояс, украшенный в центре груди круглым диском, вероятно, из металла. Пращники одеты в вышитые туники, которые, как я предполагаю, сделаны из войлока или кожи, и носят остроконечные шлемы с металлическими лапками, спадающими на уши. И копейщики, и прашники имеют поножи, которые, по-видимому, зашнурованы спереди.

Лучники одеты в очень короткие вышитые туники, которые едва покрывают половину бедра, а остальная часть ноги остается полностью обнаженной. Они отличаются от других воинов в основном отсутствием шлема. Простая повязка вокруг висков удерживает волосы, которые собраны в пучок сзади.

Костюм Ассирийского копейщика

Вероятно, эти различные костюмы обозначают людей из разных стран, вспомогательные войска в ассирийской армии, которые использовали наиболее привычное для них оружие и формировали различные корпуса или дивизии. Таким образом, в армии Ксеркса были собраны люди из многих народов, каждый из которых был вооружен в соответствии с обычаями своей страны и сражался по-своему. Возможно, мы можем идентифицировать на ассирийских скульптурах несколько костюмов, описанных греческим историком как ношенные теми, кто составлял огромную армию персидского царя.

Оружием ранних ассирийцев были копье, лук, меч и кинжал. Праща не представлена в древнейших памятниках как ассирийское оружие, хотя и использовалась покоренными народами; возможно, она была введена позднее (). Луки были двух видов: одни длинные и слегка изогнутые, другие короткие и почти угловатые; оба вида, по-видимому, носили одновременно те, кто сражался на колесницах.

Стрелы, вероятно, были сделаны из тростника и хранились в колчане, перекинутом через спину. Однако за королем и высокопоставленными государственными чиновниками следовали слуги, которые несли колчаны и снабжали своих господ стрелами. Лук натягивали к щеке или уху, как у саксов, а не к груди, как у греков. Острие стрел было из железа и меди, несколько экземпляров из этих материалов были найдены в руинах. В бою лучник обычно держал две стрелы в запасе в правой руке; они были помещены между пальцами и не мешали движению руки при натяжении лука. Во время марша он обычно нес большой лук на плечах, предварительно продев голову через него. Лук короля нес слуга. Меньшие луки часто помещались в колчан, особенно теми, кто сражался на колесницах.

Кожаная или льняная защита прикреплялась ремнями к внутренней стороне левой руки, чтобы защитить ее при выпуске стрелы. Мечи носили на левой стороне, подвешивая их на ремнях, проходящих через плечи или вокруг талии; некоторые были короткими, а другие длинными. Я уже упоминал о красоте украшений на рукояти и ножнах.

Кажется, что кинжал носили все, как в мирное время, так и во время войны; даже священники и божества изображаются с ними. Их носили без различия на левой и правой стороне, или, возможно, на обеих сторонах одновременно. Обычно два, а иногда и три кинжала вставлялись в одну ножницу, которая продевалась через пояс. Рукояти, как я уже упоминал, были очень богато украшены и часто имели форму головы барана, быка или лошади, были сделаны из слоновой кости или редких камней. Иногда к рукояти или ножнам прикреплялась небольшая цепочка, вероятно, для того, чтобы удерживать их на месте. Среди руин Нимруда был найден кинжал, похожий по форме на кинжалы скульптур; он сделан из меди. Рукоять выдолблена, чтобы в нее можно было вставить драгоценные камни, слоновую кость или эмаль.

Копье ассирийского пехотинца было коротким, едва превышающим рост человека; копье всадника, по-видимому, было значительно длиннее. Железное острие копья из Нимруда хранится в Британском музее. Стрела, вероятно, была из прочного дерева, а не из тростника, как у современного арабского копья. Большая дубина с железным наконечником, упомянутая Геродотом среди оружия, которым вооружались ассирийцы, не представлена на скульптурах, если, конечно, описание историка не относится к булаве, оружию, широко распространенному среди них и часто встречающемуся на барельефах. Это оружие состояло из короткой рукояти, вероятно, деревянной, к которой была прикреплена головка, очевидно металлическая, в форме цветка, розетки, льва или быка. К концу рукояти была прикреплена ремешок, по-видимому, кожаный, через который продевалась рука. Я не нашел ни одного изображения воинов, использующих топор, за исключением случаев, когда они рубили деревья, чтобы расчистить местность перед осадой. Однако он часто встречается среди оружия тех, кто сражался на колесницах, и носили его в колчане вместе со стрелами и коротким угловатым луком.

На барельефах Куянджика среди ассирийских войск часто изображаются пращники. Праща, по-видимому, состояла из двойной веревки с ремешком, вероятно, из кожи, для крепления камня; ее раскачивали над головой. Пращник держал второй камень в левой руке, а у его ног обычно видна куча гальки, готовой к использованию. Из нескольких отрывков у Ксенофонта мы узнаем, что персидские пращники были чрезвычайно искусны, использовали очень большие камни и могли беспокоить своих врагов, находясь вне досягаемости их дротиков или стрел.

Копье часто включается в число оружия ассирийских колесничих, но воины не изображаются как использующие его в бою. Оно носилось в колчане среди стрел.

Щиты ассирийцев были разных форм и из разных материалов. На более древних барельефах чаще всего изображается круглый щит, сделанный из кожи или металла, а в некоторых случаях, возможно, из золота и серебра. Царь Соломон изготовил триста щитов из чеканного золота, по три фунта золота на каждый щит (1 Царств х. 17). Слуги Хадад-Эзера, царя Зовы, носили золотые щиты (2 Царств 8:7). Щит Голиафа был из меди. Его держали за ручку, прикрепленную к центру. Легкие продолговатые щиты из плетеного лоза, которые носили аналогичным образом, также встречаются в ранних скульптурах, но щиты круглой формы, по-видимому, обычно использовались колесничими.

На задней части колесниц, а также у воинов часто можно увидеть щиты в форме полумесяца, узкие и загнутые наружу на концах. Лицевая сторона украшена рядом угловатых выпуклостей, или зубцов, в центре которых находится голова льва. В скульптурах

Хорсабада круглый щит часто богато украшен. Он напоминает, как по форме, так и по украшениям, щиты, которые сейчас носят курды и арабы и которые изготавливаются из кожи бегемота. На барельефах Куюнджика некоторые воины носят овальные щиты, очень выпуклые и достаточно большие, чтобы покрывать большую часть тела. Центр и внешний край украшены бугорками.

Щит, использовавшийся во время осады, скрывал всего воина и полностью защищал его от стрел врага. Он был изготовлен из лозы или кожи и снабжен в верхней части изогнутым концом или квадратным выступом, похожим на крышу, расположенным под прямым углом к корпусу щита, который, возможно, служил для защиты голов бойцов от снарядов, выпущенных со стен и башен. Вероятно, именно такие щиты использовали персидские лучники в битве при Платеях. Лучники, сражавшиеся пешком или на колесницах, сопровождалась щитоносцами, чья задача заключалась в том, чтобы защищать их от вражеских стрел. Иногда один щит защищал двух лучников. Щитоносец обычно был вооружен мечом, который он держал наготове для защиты. Царь всегда сопровождался этим офицером в своих войнах, и даже в мирное время один из его евнухов обычно носил круглый щит для его использования. Этот щитоносец, вероятно, был лицом высокого ранга, как и в Египте. На некоторых памятниках позднего ассирийского периода он изображен с двумя щитами, по одному в каждой руке.

Большая часть силы ассирийской армии состояла из колесниц и всадников, о которых часто упоминается в священных писаниях. Колесницы, по-видимому, использовались царем и высшими государственными чиновниками, которых никогда не видели в бою на лошадях и, за исключением осад, пешком. В них помещалось два или три человека. Царя всегда сопровождали два слуги — воин, защищавший его щитом (которого в мирное время заменял евнух, несущий зонтик), и колесничий. Главных воинов также часто сопровождали их щитоносцы, хотя чаще всего только колесничий.

Колесница использовалась как во время осады, так и в открытом бою. Царь и его воины часто изображаются сражающимися на колесницах с врагом под стенами замка или сошедшими с колесниц, чтобы стрелять из луков по осажденным. В последнем случае лошадей держат пешие конюхи (). Когда царь на своей колеснице участвовал в триумфальной процессии, лошадей вели вооруженные люди. Колесницу также сопровождали пешие люди.

Всадники составляли не менее важную часть ассирийской армии, чем колесничие. — «Ассирийцы, одетые в синее, капитаны и правители, все они — желанные молодые люди, всадники, едущие на лошадях» (Иезекииль, 23:6). Всадники изображены на древнейших скульптурах Нимруда. Как отмечает сэр Гарднер Уилкинсон (*Ancient Egyptians*, Vol. I, p. 288), примечательно, что всадники нигде не изображены на памятниках Египта, хотя из многочисленных отрывков священных писаний несомненно следует, что кавалерия составляла важную часть египетской армии. Я уже упоминал, что дисциплинированные кавалерийские подразделения были изображены на барельефах Куюнджика. Из Книги Юдифи мы узнаем, что у Олоферна было двенадцать тысяч всадников-лучников (Юдифь, 2:15). У Соломона было двенадцать тысяч всадников (3 Царств, 10:26). Сам царь никогда не изображается верхом на лошади, хотя часто можно увидеть богато убранную лошадь, по-видимому, предназначенную для него, — возможно, чтобы он мог бежать, если бы лошади его колесницы были убиты, — которую ведет воин и которая следует за его колесницей.

В самых ранних скульптурах лошади, за исключением тех, которые ведут за колесницей царя, не имеют попонок или седел. Всадник сидит на голой спине животного. Однако в более поздний период, по-видимому, появилась своего рода подушка; а в скульптуре в Куюнджике

было изображено высокое седло, не отличающееся от того, которое сейчас используется на Востоке.^b

ИСКУССТВО МИРА В ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ

Пожалуй, ничто другое не имеет такого жизненно важного значения в истории народа, как его контакты с другими народами. Только такие контакты, как представляется, могут в какой-то мере помочь народу избавиться от летаргии возраста или преодолеть гнет обычаев и суеверий.

Изолированная нация не выходит за пределы определенной стадии эволюции. Она узнает несколько секретов и, кажется, не в силах узнать другие самостоятельно. Только через контакты с другими сообществами она может улучшить свои обычаи, получить новые идеи, приобрести лучшие привычки мышления и поведения. Мы уже указывали, как Египет извлек выгоду в этом отношении благодаря иностранным связям, которые появились с вторжением завоевательных племен с юга и востока.

Однако Вавилон занимал гораздо более благоприятное положение, чем Египет, для контактов с другими народами, не только через такие воинственные каналы, но и через еще более благотворные каналы мирной торговли. Взгляд на карту показывает, что Месопотамия занимает самый центр мира древней цивилизации. Протягивая руку, так сказать, в ту или иную сторону, она вступала в контакт со всеми цивилизованными народами того периода, за исключением Китая. Она была связующим звеном между Персией и Индией, с одной стороны, и Лидией, Сирией и Египтом, с другой. Даже китайские идеи были в некоторой степени доступны через посредничество Индии. Ни одна другая великая нация древности не может сравниться с Вавилонией в этом отношении; и, возможно, это было самой важной причиной, по которой эта небольшая полоса плодородной земли между двумя великими реками поддерживала непрерывную цивилизацию, в целом постоянно развивающуюся, тысячелетие за тысячелетием.

Чтобы правильно понять развитие месопотамской цивилизации, из которой непосредственно выросла наша собственная культура, необходимо уделить внимание торговым отношениям, которые были столь важным фактором национального роста, без которого, по сути, такая цивилизация, как Вавилон и Ниневия, не могла бы возникнуть.

Но, конечно, торговля способствует развитию местной промышленности. Нация должна быть производителем полезных товаров, прежде чем она сможет надеяться мирным путем обеспечить себя товарами, производимыми другими нациями. В связи с торговыми отношениями нации мы должны изучить также ее внутреннюю промышленность, то есть, в широком смысле, условия ее сельского хозяйства и производства. Мы должны также рассмотреть социальные обычаи, которые вытекают из этих промышленных условий и основываются на них, а также законы, которые являются официальным выражением общественного интеллекта — показателем общественного сознания эпохи.^a И сначала мы имеем честь процитировать человека, который сам видел Вавилон, то есть, конечно же, Геродота.

ВАВИЛОН И ЕГО ОБЫЧАИ, ОПИСАННЫЕ ОЧЕВИДЦЕМ

Ассирийцы владеют многими столицами, но их самым сильным и известным городом является Вавилон, который после разрушения Ниневии стал королевской резиденцией. Он расположен на большой равнине и имеет форму идеального квадрата; каждая сторона, по всем подходам, имеет длину 120 стадий; таким образом, площадь, занимаемая всем городом,

составляет 480 стадий. [Различные сведения о протяженности стен Вавилона приводятся следующим образом: Геродот указывает 120 стадий с каждой стороны, или 480 по окружности. Плиний и Солин указывают 60 римских миль, что при восьми стадиях в миле согласуется с Геродотом. Страбон указывает 385 стадий. Диодор, ссылаясь на Ктесия, указывает 360, а на Клитарха, сопровождавшего Александра, — 365; и, наконец, Куртий указывает 368. По всей вероятности, 360 или 365 — это верные данные о длине окружности.

Вавилон занимает столь обширную территорию, а его внутренняя красота и великолепие превосходят все, что мне известно. Он окружен очень широким, глубоким и полным воды ровом; стена за ним имеет высоту двести царских локтей и ширину пятьдесят; царский локоть превосходит обычный на три цифры. [Эти меры, взятые из пропорций человеческого тела, более постоянны, чем любые другие. Стопа человека среднего роста () и локоть, то есть расстояние от кончиков пальцев до локтя, всегда составляли соответственно около двенадцати и восемнадцати дюймов. — БЕЛОУ.]

Здесь я считаю правильным описать, для чего использовалась земля, выкопанная из траншеи, а также особый способ, которым они строили стену. Земля из траншеи сначала складывалась в кучи, а когда ее набиралось достаточное количество, из нее делали квадратные кирпичи и обжигали в печи. В качестве цемента они использовали смесь нагретого битума, который, смешанный с верхушками тростника, укладывался между каждым тридцатым рядом кирпичей. Обложив таким образом стенки траншеи, они приступили к строительству стены таким же образом, на вершине которой, напротив друг друга, они возвели небольшие одноэтажные сторожевые башни, оставив между ними пространство, через которое могла пройти и развернуться колесница с четырьмя лошадьми. По периметру стены, на разном расстоянии, было сто массивных ворот из меди, петли и рамы которых были из того же металла. В восьми днях пути от Вавилона находится город под названием Ис [Хит], рядом с которым течет река с тем же названием, впадающая в Евфрат. С течением этой реки частицы битума спускаются в сторону Вавилона, с помощью которых были построены его стены. Великая река Евфрат, которая с ее глубокими и быстрыми потоками берет начало в Армянских горах и впадает в Красное море, делит Вавилон на две части. Стены соединяются и образуют угол с рекой на каждом конце города, где начинается бруствер из обожженного кирпича, который продолжается вдоль каждого берега. Город, в котором много домов высотой от трех до четырех этажей, регулярно разделен на улицы. Через эти параллельные улицы проходят поперечные аллеи к реке, проложенные через стену и бруствер и защищенные равным количеством маленьких медных ворот.

Первая стена укреплена по всем правилам; внутренняя стена, хотя и менее массивная, имеет почти такую же прочность. Кроме того, в центре каждой части города есть круглое пространство, окруженное стеной. В одном из них стоит королевский дворец, занимающий большое и хорошо защищенное пространство. Храм Юпитера Бела занимает другое, огромные медные ворота которого можно увидеть и по сей день. Это квадратное здание, каждая сторона которого имеет длину в два стадиона. Посередине возвышается башня, глубина и высота которой составляют один стадион, на которой, как на основании, построены семь других башенок, расположенных в правильном порядке. Подъем находится снаружи, который, извиваясь от земли, продолжается до самой высокой башни; а посередине всего сооружения есть удобное место для отдыха. В последней башне находится большая часовня, в которой стоит роскошно украшенная кушетка, а рядом с ней — стол из чистого золота; но в этом месте нет статуи. Никому не разрешается спать здесь; но комнату занимает женщина, которая, как утверждают халдейские жрецы, выбрана их божеством из всего народа в качестве объекта его удовольствий.

У них есть традиция, в которую нелегко поверить, что их божество входит в этот храм и ночью отдыхает на этом ложе. Подобное утверждение делают и египтяне из Фив, поскольку во внутренней части храма фиванского Юпитера точно так же спит женщина. Предполагается, что ни одна из этих двух женщин не имеет никаких отношений с противоположным полом. В таком же положении находится жрица храма Патары в Ликийи. Здесь нет постоянного оракула, но всякий раз, когда ожидается божественное откровение, жрица обязана провести предыдущую ночь в храме.

В этом храме есть также небольшая часовня, расположенная ниже в здании, в которой находится фигура Юпитера в сидячем положении с большим столом перед ним; эти предметы, а также основание стола и сиденье трона, сделаны из чистого золота и, по оценке халдеев, стоят восемьсот талантов. Снаружи этой часовни находятся два алтаря: один из золота, другой огромных размеров, предназначенный для жертвоприношения взрослых животных; только те, которые не покинули своих матерей, могут быть принесены в жертву на золотом алтаре. На большом алтаре во время ежегодного праздника в честь своего бога халдеи регулярно сжигают ладан на сумму в тысячу талантов. Раньше в этом храме стояла золотая статуя высотой двенадцать локтей; однако я упоминаю об этом по информации халдеев, а не по собственному знанию. Дарий, сын Гистаспа, пытался зловещими средствами завладеть ею, не смея открыто взять ее, но его сын Ксеркс впоследствии захватил ее, казнив священника, который пытался помешать ее перемещению. Помимо украшений, которые я описал, в храме хранится много подношений от частных лиц.

Среди различных правителей Вавилона, которые способствовали укреплению его стен и украшению его храмов, и о которых я упомяну, когда буду говорить об ассирийцах, было две женщины; первая из них звалась Семирамида, которая предшествовала второй на пять поколений. Эта царица воздвигла определенные насыпи, которые действительно являются замечательными сооружениями. До тех пор вся равнина подвергалась сильным наводнениям от реки. Другая царица звалась Нитокрис. Будучи женщиной исключительного ума, она не только оставила после себя многочисленные сооружения, о которых я расскажу ниже, но и, заметив растущую мощь и неумный дух мидийцев, а также то, что Ниневия и другие города пали жертвой их амбиций, привела свои владения в состояние максимальной обороноспособности. Для этого она проложила ряд каналов выше Вавилона, которые своим расположением сделали Евфрат, ранее текший к морю почти по прямой линии, настолько извилистым, что на пути к Вавилону он трижды достигает Ардерики, ассирийской деревни; и до сих пор те, кто желает пройти от моря вверх по Евфрату до Вавилона, вынуждены трижды за три дня заходить в Ардерику. Берега, которые она подняла, чтобы сдерживать реку с обеих сторон, действительно удивительны своей огромной высотой и прочностью. На значительном расстоянии выше Вавилона, немного отклонившись от течения, она приказала выкопать огромное озеро, заглубляя его до тех пор, пока не дошли до воды. Его окружность составляла не менее четырехсот двадцати стадий. Земля из него была использована для насыпей реки, а берега рва или озера были укреплены и выложены камнями, привезенными туда для этой цели. Этими работами она преследовала, прежде всего, цель ослабить силу течения с помощью множества изгибов, а также сделать судоходство в Вавилон как можно более трудным и утомительным. Все это было сделано в той части ее владений, которая была наиболее доступна мидянам, с целью держать их в неведении о своих делах, не давая им никаких коммерческих стимулов. Укрепив и обе эти конструкции, она приступила к реализации следующего проекта. Город был разделен рекой на две отдельные части, и в времена прежних царей любой, кто хотел перейти с одной стороны на другую, был вынужден переправляться на лодке. Для решения этой проблемы, которая доставляла всем большие неудобства, она предложила следующее решение, и огромное озеро, которое она ранее затопила, стало еще одним средством для укрепления ее

славы. Приобретя большое количество крупных камней, она изменила русло реки, направив ее в подготовленный для этого канал. Когда канал наполнился, естественное русло реки высохло, и набережные по обеим сторонам, рядом с небольшими воротами, ведущими к воде, были выложены кирпичами, закаленными огнем, подобными тем, которые использовались при строительстве стены. Затем она почти в центре города из вышеупомянутых камней, прочно скрепленных железом и свинцом, возвела мост. По нему жители проходили днем по квадратной платформе, которая снималась вечером, чтобы предотвратить акты взаимного грабежа. Когда вышеупомянутый канал был полностью заполнен водой, а мост полностью закончен и украшен, Евфрат был возвращен в свое первоначальное русло; таким образом, и канал, и мост были, по общему признанию, чрезвычайно полезны для населения. Вышеупомянутая царица прославилась еще одним примером изобретательности. Она велела возвести свою гробницу над одними из главных ворот города, расположив ее так, чтобы она была хорошо видна всем. На ней была надпись: «Если кто-либо из моих преемников, правителей, будет испытывать крайнюю нужду в деньгах, пусть откроет мою гробницу и возьмет столько денег, сколько сочтет нужным; если же его нужды не так велики, пусть воздержится; этот эксперимент может оказаться опасным». Гробница оставалась нетронутой до времени правления Дария. Он был одинаково возмущен тем, что ворота стали бесполезными, и тем, что приглашение стать богатым так долго игнорировалось. Следует отметить, что ворота были бесполезны из-за общего нежелания проходить через место, над которым лежало мертвое тело. Дарий открыл гробницу, но вместо богатств он увидел только мертвое тело с надписью следующего содержания: «Если бы твоя алчность не была столь же низкой и ненасытной, ты не потревожил бы покой мертвых». Таковы предания об этой царице.

Среди многих других доказательств, которые я приведу ниже, о могуществе и величии Вавилона существует следующее. Помимо субсидий, которые ежемесячно выплачиваются персидскому монарху, все его владения обязаны в течение года обеспечивать его и его армию пропитанием. Один только Вавилон обеспечивает продовольствием на четыре месяца, а остальная Азия — на восемь, так что ресурсы этого региона считаются достаточными для третьей части Азии. Правительство этой страны, которую персы называют сатрапией, считается самым благородным в империи. Когда Тритон, сын Артабаза, был назначен королем на этот пост, он ежедневно получал по артабе серебра. Артаба — это персидская мера, которая превышает аттический медимн примерно на три хенаки. Помимо лошадей для военной службы, эта провинция содержала для нужд правителя конюшню из восьмисот жеребцов и шестнадцати тысяч кобыл, причем на двадцать кобыл приходилась одна лошадь. Кроме того, у него было такое огромное количество индийских собак, что четыре больших города в окрестностях Вавилона были освобождены от всех других налогов, кроме налога на их содержание.

У ассирийцев мало дождей, однако земли орошаются, а плоды земли питаются за счет реки. Она, в отличие от египетского Нила, не обогащает страну, выходя из берегов, а распределяется с помощью ручного труда или гидравлических двигателей. Вавилонский район, как и Египет, пересечен множеством каналов, самый большой из которых, продолжающийся с юго-востока от Евфрата до той части Тигра, где стоит Ниневия, способен принимать грузовые суда. Из всех стран, которые я видел, эта страна является самой плодородной в отношении зерна. Они даже не пытаются выращивать фруктовые деревья, такие как виноград, оливки и инжир, но почва настолько хорошо подходит для зерна, что урожай никогда не бывает меньше двухсоткратного. В особенно благоприятные сезоны он иногда достигает трехсоткратного. Колосья их пшеницы, как и ячменя, достигают размера четырех пальцев. Я сам был свидетелем того, на какую огромную высоту вырастают просо и кунжут, но не знаю, как это описать. Я хорошо понимаю, что те, кто не посещал эту страну,

сочтут все, что я могу сказать на эту тему, нарушением вероятности. У них нет масла, кроме того, которое они добывают из кунжута. Пальма — очень распространенное растение в этой стране и, как правило, плодоносное. Они выращивают их как фиговые деревья, и они дают им хлеб, вино и мед. Процесс выглядит следующим образом: они прикрепляют плоды того, что греки называют мужским деревом, к тому, которое дает финики; таким образом, червь, содержащийся в первом, проникает в плод, созревает и не дает ему опасть незрелым. Мужские пальмы содержат насекомых в своих плодах, так же как дикие фиговые деревья. Из всего, что я видел в этой стране, после самого Вавилона, самым большим любопытством для меня были лодки. Те, которые используют те, кто приезжает в город, имеют круглую форму и сделаны из кожи. Их строят в Армении (), в районах выше Ассирии, где борта судов (), сделанные из ивы, снаружи покрыты кожей и не имеют различия между носом и кормой, а имеют форму щита. Выстилая дно лодок тростником, они загружают на борт свой товар и отправляются в путь по течению. Основным предметом их торговли является пальмовое вино, которое они везут в бочках. Лодки имеют по два весла, по одному на каждого человека; один гребет к себе, другой отталкивается от себя. Эти лодки имеют очень разные размеры; некоторые из них настолько велики, что могут перевозить грузы стоимостью до пяти тысяч талантов; на меньших из них перевозится один осел, на больших — несколько. По прибытии в Вавилон они распродают весь свой груз, продают ребра своих лодок, маты и все, кроме кож, которыми они покрыты; их они кладут на ослов и с ними возвращаются в Армению. Скорость течения слишком велика, чтобы их возвращение по воде было возможным. Возможно, это и является причиной, по которой они делают свои лодки из кожи, а не из дерева. По возвращении с ослами в Армению они делают другие суда таким образом, как мы описали выше.

Их одежда такова: у них есть два жилета, один из льна, доходящий до ног, другой поверх него, сделанный из шерсти, и белый пояс, соединяющий все это. Их обувь имеет особый фасон, хотя и напоминает обувь фиванцев. Они носят длинные волосы, покрытые тюрбаном, и щедро пользуются духами. У каждого человека есть перстень с печатью и трость или палка, на конце которой вырезано яблоко, роза, лилия, орел или какая-нибудь другая фигура, поскольку иметь палку без украшения незаконно.

В своем описании их законов я должен упомянуть один, мудрость которого я не могу не восхищаться и который, если я не ошибаюсь, используют также энецы, которые имеют иллирийское происхождение. В каждом из их нескольких округов этот обычай соблюдался каждый год: их девственницы, достигшие брачного возраста, собирались в назначенное время и в назначенном месте. Сюда приходили и мужчины, и какой-нибудь государственный чиновник продавал с аукциона молодых женщин одну за другой, начиная с самой красивой. Когда она была продана, и, как можно предположить, за значительную сумму, он приступал к продаже следующей по красоте, считая само собой разумеющимся, что каждый мужчина женится на купленной им девушке. [Геродот здесь упускает одно обстоятельство, которое, на мой взгляд, имеет значение для доказательства того, что эта церемония проводилась с достоинством. Она проходила под надзором магистратов, а суд контролировал браки молодых женщин. Трое мужчин, уважаемых за свою добродетельность и стоящих во главе своих племен, приводили молодых женщин, достигших брачного возраста, на место собрания и там продавали их с помощью глашатая.—ЛАРШЕР. Если обычай продавать молодых женщин тому, кто предложит самую высокую цену, был характерен для вавилонян, то обычай покупать женщину, предназначенную в жены, и давать отцу сумму денег за ее руку был гораздо более распространенным. Он практиковался среди греков, троянцев и их союзников и даже среди божеств.—БЕЛЛАНЖЕР.]

Более состоятельные вавилонские юноши с большим рвением и соперничеством боролись за самых красивых девушек; те из простого народа, кто желал жениться, как будто у них было мало возможностей для личного самосовершенствования, довольствовались более скромными девушками с приданым. Когда глашатай продавал самых красивых, он выбирал следующую по уродливости или деформированную девушку; она также выставлялась на продажу и отдавалась тому, кто давал за нее меньше всего денег. Эти деньги были выручкой от продажи красивых девушек, которые таким образом были вынуждены выделять долю тем, кто был деформирован или менее красив, чем они сами. Никому не разрешалось находить пару для своей дочери, и никто не мог увести купленную женщину, не дав сначала гарантии, что сделает ее своей женой. Если он не соглашался, ему возвращали деньги. Не было никаких ограничений в отношении места жительства; покупателями могли быть и жители других деревень. Это, хотя и было самым мудрым из всех их учреждений, не сохранилось до наших дней. Одно из их более поздних постановлений было принято для наказания насилия в отношении женщин и предотвращения их вывоза в другие места; ведь после того, как город был взят, а жители ограблены, низшие слои населения были доведены до такой крайности, что они продавали своих дочерей в проституцию.

У них есть еще одно учреждение, которое заслуживает похвалы за свои благотворные тенденции. Больных среди них выносят на какую-нибудь публичную площадь; у них нет врачей, но прохожие в общем спрашивают больного о его недуге, чтобы, если кто-нибудь сам страдал от подобной болезни или видел ее проявления у другого, он мог рассказать о процессе, с помощью которого он сам выздоровел или с помощью которого, в любом другом случае, он знал, как избавиться от болезни. Никто не может пройти мимо больного молча или не поинтересовавшись характером его недомогания.

Перед погребением их мертвецов помазывают медом, и, как египтяне, они любят похоронные плачи. Всякий раз, когда мужчина вступает в интимную связь со своей женой, он садится над освященным сосудом, содержащим горящие благовония; женщина делает то же самое. Утром они оба идут в баню; пока они не сделают этого, ни один из них не прикоснется к домашней утвари. Этот обычай соблюдается также в Аравии.

У вавилонян есть один обычай, который вызывает крайнее отвращение. Каждая женщина, уроженка этой страны, обязана однажды в жизни посетить храм Венеры и проституировать себя перед незнакомцем. Женщины высшего сословия не упускают даже этой возможности отделиться от своих подчиненных; они едут в храм на роскошных колесницах в сопровождении многочисленной свиты слуг и садятся у входа. Так поступают многие, в то время как большая часть, увенчанная гирляндами, садится в притворе, и там всегда много людей, которые приходят и уходят. К каждому сиденью прикреплена веревка или шнур, с помощью которых незнакомец может определить свой выбор. Женщина, однажды занявшая это место, не имеет права возвращаться домой, пока какой-нибудь незнакомец не бросит ей монету и, уведя ее подальше от храма, не воспользуется ее телом. Обычно мужчина, давая деньги, говорит: «Да будет богиня Милитта благосклонна к тебе!» Милитта — это ассирийское имя Венеры. Данные деньги идут на священные нужды, и их нельзя отказывать, какими бы небольшими они ни были. Женщина не имеет права делать никаких различий, но обязана сопровождать любого, кто предлагает ей деньги. Затем она приносит богине умиловительную жертву и возвращается в свой дом, чтобы больше никогда не поддаваться на подобные или какие-либо другие условия. Те, кто отличается элегантностью и красотой, не задерживаются надолго, но те, кто имеет менее привлекательную внешность, иногда остаются от трех до четырех лет, не в силах выполнить условия закона. Следует отметить, что жители Кипра имеют похожий обычай.

В дополнение к вышеприведенному описанию вавилонских обычаев можно отметить, что среди этого народа есть три племени, которые питаются исключительно рыбой. Они готовят ее следующим образом: высушив на солнце, они измельчают ее в ступе (), а затем просеивают через кусок тонкой ткани; после этого они формируют из нее лепешки или пекут как хлеб.^с

Вышеприведенное описание Геродота относится к состоянию Вавилона в начале V века до н. э., примерно через пятьдесят лет после свержения Киром новой Вавилонской империи. Город по-прежнему оставался под влиянием Персии, поскольку Вавилон был одной из столиц «Великого царя». Этот отчет имеет особую ценность, поскольку является единственным описанием, данным очевидцем из западного мира, которое дошло до нас из столь раннего периода.

Геродот видел все глазами грека эпохи Перикла, и сейчас признано, что когда он описывает свои личные впечатления, ему можно полностью доверять. Поэтому его рассказ по-прежнему имеет полную ценность как дополнение к записям на памятниках. Очень жаль, что греческий историк остался в неведении о самих памятных записях, хотя было бы странно, если бы он смог их расшифровать, поскольку греки, как известно, не были знакомы ни с каким языком, кроме своего собственного.

Описание Вавилона, данное великим географом Страбоном, которое будет представлено в следующей главе, относится к периоду, недалекому от начала христианской эры, и поэтому переносит нас вперед по сравнению с политической историей, рассказанной в предыдущих книгах. В это время Вавилон перестал быть столицей, хотя и оставался важным городом. С момента написания Геродотом прошло около пятисот лет. Александр сверг персов, а империя Александра, в свою очередь, была свергнута. Тем не менее, мы можем предположить, что старый город Вавилон — самый древний город, сохранивший свое влияние в то время — не претерпел больших изменений, за исключением того, что его древние памятники превратились в руины. Особый интерес представляет это описание последних этапов жизни города, который пережил столько перемен судьбы и просуществовал через столько смен политического калейдоскопа.

Вероятно, Страбон, как и Геродот, пишет как очевидец. В любом случае, его рассказ имеет полный авторитет, поскольку исходит от одного из величайших и наиболее научных древних географов, который в дополнение к своим географическим знаниям обладал острым историческим чутьем.^а

ПОЗДНЕЕ КЛАССИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВАВИЛОНА

Вавилон расположен на равнине. Стена имеет окружность 385 стадий и толщину 32 фута. Высота пространства между башнями составляет 50, а высота башен — 60 локтей. Дорога на стенах позволяет колесницам с четырьмя лошадьми легко разъезжаться. Поэтому среди семи чудес света считаются эти стены и висячие сады; сады имеют форму квадрата, каждая сторона которого составляет четыре плетра. Они состоят из сводчатых террас, расположенных одна над другой и опирающихся на кубические колонны. Колонны полые и заполнены землей, чтобы можно было сажать деревья самого большого размера. Колонны, своды и террасы построены из обожженного кирпича и асфальта.

Подъем на самый верхний этаж осуществляется по лестнице, а сбоку от нее находятся водяные машины, с помощью которых специально назначенные для этой цели люди постоянно занимаются подъемом воды из Евфрата в сад; река, ширина которой составляет один стадион, протекает через центр города, а сад находится на берегу реки. Там же находится гробница Бела. В настоящее время она находится в руинах, так как, как говорят,

была разрушена Ксерксом (). Это была четырехугольная пирамида из обожженного кирпича, высотой в стадион, а длина каждой из сторон составляла стадион (). Александр намеревался отремонтировать ее. Это было большое предприятие, и для его завершения требовалось много времени (десять тысяч человек два месяца убирали насыпь из земли), так что он не смог осуществить то, что намеревался, прежде чем болезнь быстро привела его к концу. Ни один из его преемников не занялся этим делом; другие работы также были заброшены, и город пришел в упадок, отчасти из-за персов, отчасти из-за времени и из-за безразличия македонцев к подобным вещам, особенно после того, как Селевк Никатор укрепил Селевкию на Тигре, недалеко от Вавилона, на расстоянии около трехсот стадий.

И этот принц, и все его преемники уделяли этому городу особое внимание и перенесли в него столицу империи. В настоящее время он больше Вавилона; другой город в значительной степени заброшен, так что никто не колеблется применить к нему слова одного из комедиографов о Мегалополисе в Аркадии:

«Великий город — великая пустыня».

Из-за нехватки древесины балки и колонны домов были сделаны из пальмового дерева. Они обматывают колонны веревками из скрученного тростника, окрашивают их в разные цвета и рисуют на них узоры; двери покрывают слоем асфальта. Они высокие, и все дома сводчатые из-за нехватки древесины. Поскольку страна бесплодна, большая ее часть покрыта кустарником и не дает ничего, кроме пальм. Это дерево в наибольшем количестве растет в Вавилонии. Оно встречается в Сузиане, а также в большом количестве на персидском побережье и в Кармании.

Они не используют черепицу для своих домов, потому что здесь не бывает сильных дождей. То же самое и в Сузиане, и в Ситацене. В Вавилоне было выделено место для проживания местных философов, называемых халдеями, которые в основном занимаются изучением астрономии. Некоторые из них, не одобряемые остальными, заявляют, что разбираются в генетиологии, или составлении гороскопов. Есть также племя халдеев, которые населяют район Вавилонии в соседстве с арабами и морем, называемым Персидским морем. Есть несколько классов халдейских астрономов. Некоторые носят имя Орчени, некоторые Борсиппени, а многие другие, как будто разделенные на секты, распространяют разные учения по одним и тем же предметам. Математики упоминают некоторых из них, таких как Циденас, Набуриан и Судин. Селевк из Селевкии также является халдеем, как и многие другие выдающиеся люди. Борсиппа — город, посвященный Диане и Аполлону. Здесь находится большая фабрика по производству льна. В этом городе в изобилии водятся летучие мыши, гораздо больше по размеру, чем в других местах. Их ловят и солят для еды.

Страна вавилонян окружена на востоке сусами, элимами и паретакенами; на юге — Персидским заливом и халдеями вплоть до аравийских мессенцев; на западе — аравийскими скенитами вплоть до Адиабены и Гордии; на севере — армянами и мидянами вплоть до Загроса и народами, проживающими вокруг этой реки.

Страна пересечена множеством рек, крупнейшими из которых являются Евфрат и Тигр; после индийских рек реки в южных частях Азии считаются вторыми по величине. Тигр судоходен вверх по течению от устья до Описа и до современной Селевкии. Опис — это деревня и торговый центр для окрестных мест. Евфрат также судоходен вверх по течению до Вавилона, на расстояние более трех тысяч стадий. Персы, опасаясь вторжений извне и с целью предотвратить подъем судов по этим рекам, построили искусственные водопады. Александр, прибыв туда, уничтожил столько из них, сколько смог, особенно те (на Тигре от моря) до Описа. Но он уделил большое внимание каналам, поскольку Евфрат в начале лета выходит из берегов. Он начинает наполняться весной, когда тает снег в Армении; поэтому

вспаханная земля была бы покрыта водой и затоплена, если бы не было отвода избыточной воды Нила. Отсюда и возникли каналы. Их содержание требует больших трудозатрат, поскольку почва глубокая, мягкая и податливая, так что ее легко смывает течением; поля остаются обнаженными, каналы засыпаются, и скопления ила вскоре забивают их устья. Кроме того, избыток воды, стекающий в равнины у моря, образует озера, болота и тростниковые заросли, которые снабжают тростником, из которого плетут всевозможные сосуды; некоторые из этих сосудов могут содержать воду, если их покрыть асфальтом, другие используются в естественном состоянии. Из тростника также делают паруса, которые похожи на маты или изгороди.

Возможно, полностью предотвратить наводнения такого рода невозможно, но долг хороших правителей — оказывать всю возможную помощь. Необходимая помощь заключается в предотвращении чрезмерного переполнения путем строительства дамб и в предотвращении засыпания рек, вызванного накоплением ила, путем очистки каналов и устранения заторов в их устьях. Очистка каналов выполняется легко, но строительство дамб требует труда многочисленных рабочих. Поскольку земля мягкая и податливая, она не выдерживает веса надлежащей массы, которая оседает, и сама уносится, что создает трудности при строительстве дамб в устьях. Необходимо быстро закрывать каналы, чтобы предотвратить вытекание всей воды. Когда каналы высыхают летом, они вызывают высыхание и реки; а если уровень реки низкий (до закрытия каналов), она не может вовремя снабдить каналы водой, в которой выжженная и иссушенная земля нуждается в очень больших количествах, поскольку нет разницы, будут ли посевы затоплены из-за избытка воды или погибнут от засухи и нехватки воды. Судоходство по рекам (источник многих преимуществ) постоянно затрудняется обеими вышеупомянутыми причинами, и исправить это невозможно, если только устья каналов не будут быстро открываться и быстро закрываться, а каналы не будут удерживаться и сохранять среднее состояние между избытком и недостатком воды.

Аристобул рассказывает, что сам Александр, когда он плыл вверх по реке и руководил курсом лодки, осмотрел каналы и приказал своим многочисленным последователям очистить их; он также перекрыл некоторые устья и открыл другие. Он заметил, что один из этих каналов, который вел более непосредственно к болотам и озерам перед Аравией, имел устье, с которым было очень трудно справиться и которое было трудно закрыть из-за мягкой и податливой природы почвы; поэтому он открыл новое устье на расстоянии тридцати стадий, выбрав место с каменистым дном, и к нему было отведено течение. Но при этом он принимал меры предосторожности, чтобы Аравия не стала полностью недоступной из-за озер и болот, поскольку она и без того была почти островом из-за большого количества воды (которая ее окружала). Он намеревался стать хозяином этой страны, и уже подготовил флот и места сбора, построил корабли в Финикии и на Кипре, некоторые из которых были отдельными, а другие состояли из частей, скрепленных болтами. Эти суда, после того как их доставили в Тапсак, расположенный в семи днях пути, должны были быть транспортированы по реке в Вавилон. Он построил другие суда в Вавилонии из кипарисов, растущих в рощах и парках, поскольку в Вавилонии дефицит древесины. У коссеев [коссаев] и некоторых других племен запасы древесины невелики.

По словам Аристобула, предлогом для войны послужило то, что арабы были единственным народом, который не послал своих послов к Александру, но истинной причиной была его амбиция стать повелителем всего мира.

Когда ему сообщили, что они поклоняются только двум богам, Юпитеру и Вакху, которые дают человечеству самое необходимое для существования, он предположил, что после своих завоеваний () они будут поклоняться ему как третьему богу, если он

позволит им сохранить прежнюю национальную независимость. Таким образом, Александр занялся расчисткой каналов и тщательным изучением гробниц царей, большинство из которых расположены среди озер.

Эратосфен, говоря об озерах вблизи Аравии, говорит, что вода, не находя выхода, прокладывает подземные ходы и по ним доходит до келе-сирийцев, а также сжимается и проталкивается в районы около Риноколуры и горы Казиус, где образует озера и глубокие ямы. Но я не знаю, вероятно ли это. Ведь разливы воды Евфрата, которые образуют озера и болота вблизи Аравии, находятся недалеко от Персидского моря. Но перешеек, который их разделяет, не является ни большим, ни скалистым, так что более вероятно, что вода пробилась в этом направлении в море, либо под землей, либо по поверхности, чем что она пересекла такую сухую и выжженную почву на протяжении более шести тысяч стадий: особенно, если мы заметим, что на полпути этого пути расположены Ливан, Антиливан и гора Казиус.

Таковы, итак, рассказы Эратосфена и Аристобула.

Но Поликлеит говорит, что Евфрат не выходит из берегов, потому что его русло проходит через обширные равнины; что некоторые из гор (которые его питают) находятся на расстоянии двух тысяч стадий, а горы Косса — едва ли на расстоянии одной тысячи стадий, что они не очень высоки и не покрыты толстым слоем снега, и поэтому не вызывают таяния больших масс снега, поскольку самые высокие горы находятся в северных частях выше Экбатаны; к югу они разделены, распространены и гораздо ниже; Тигр также принимает большую часть воды (которая стекает с них) и таким образом выходит из берегов.

Последнее утверждение явно абсурдно, потому что Тигр спускается в те же равнины (что и Евфрат), а вышеупомянутые горы не одинаковы по высоте: северные более возвышенные, южные более широкие, но менее высокие. Однако количество снега следует оценивать не только по высоте, но и по ориентации. На одной и той же горе больше снега на северной стороне, чем на южной, и снег дольше держится на первой, чем на второй. Поскольку Тигр получает воду от талого снега из самых южных частей Армении, которые находятся недалеко от Вавилона, и поскольку этого снега не так много, поскольку он идет с южной стороны, он должен переливаться в меньшей степени, чем Евфрат, который получает воду с обеих сторон (северной и южной), и не только с одной горы, но со многих, как я уже упоминал в описании Армении. К этому мы должны добавить длину реки, обширную территорию, которую она пересекает в Великой и Малой Армении, большое пространство, которое она занимает в своем течении, выходя из Малой Армении и Каппадокии, после выхода из Тавра на пути к Тапсаку (образуя границу между Сирией внизу и Месопотамией), а также большую оставшуюся часть страны до Вавилона и до ее устья, что в сумме составляет тридцать шесть тысяч стадий.

Вот, что касается каналов (Вавилонии).

Вавилония производит ячмень в большем количестве, чем любая другая страна, поскольку говорят о трехсоткратном урожае. Пальма дает все остальное — хлеб, вино, уксус и муку; из нее также получают все виды тканых изделий. Медники используют камни плодов вместо угля. Когда они размягчаются от замачивания в воде, они служат кормом для откорма быков и овец.

Говорят, что в одной персидской песне перечислены триста шестьдесят полезных свойств пальмы.

В основном они используют масло кунжута, растения, которое редко встречается в других местах.

Асфальт в большом количестве встречается в Вавилонии. Эратосфен описывает его следующим образом:

Жидкий асфальт, который называется нефтой, встречается в Сузиане; сухой, который может быть превращен в твердое вещество, — в Вавилонии. Его источник находится недалеко от Евфрата. Когда эта река выходит из берегов во время таяния снега, источник асфальта также наполняется и переливается в реку, где большие комки затвердевают и становятся пригодными для строительства из обожженных кирпичей. Другие говорят, что жидкий вид также встречается в Вавилонии. Что касается твердого вида, я описал его большую полезность в строительстве зданий. Говорят, что плетут лодки (из тростника), которые, когда их смазывают асфальтом, прочно уплотняются. Жидкий вид, называемый нефтой, имеет необычные свойства. Когда его подносят к огню, он загорается; и если тело, смазанное им, поднести к огню, оно горит пламенем, которое невозможно потушить, кроме как большим количеством воды; с небольшим количеством воды оно горит еще сильнее, но его можно затушить и потушить грязью, уксусом, квасцами и клеем. Говорят, что Александр, в качестве эксперимента, приказал обливать нефтой мальчика в ванне и подносить к его телу лампу. Мальчик оказался охвачен пламенем и погиб бы, если бы окружающие не потушили огонь, обливая его большим количеством воды, и таким образом спасли ему жизнь.

Посейдоний говорит, что в Вавилонии есть источники нефти, некоторые из которых производят белую, а другие — черную нефть; первая из них, то есть белая нефть, которая притягивает пламя, представляет собой жидкую серу; вторая, или черная нефть, представляет собой жидкий асфальт и используется в лампах вместо масла.

В древности столицей Ассирии был Вавилон; сейчас он называется Селевкия на Тигре. Рядом с ним находится большая деревня под названием Ктесифон. Парфянские цари обычно делали ее своей зимней резиденцией, чтобы избавить селевкийцев от бремени обеспечения жильем скифских воинов. Благодаря могуществу Парфии Ктесифон можно считать скорее городом, чем деревней; благодаря своим размерам он способен разместить большое количество людей; парфяне украсили его общественными зданиями, снабдили товарами и дали толчок развитию искусств, приносящих прибыль его хозяевам.

Цари обычно проводили там зиму из-за здорового воздуха, а лето — в Экбатане и Гиркании, привлеченные древней славой этих мест.

Как мы называем страну Вавилонией, так и ее жителей мы называем вавилонянами, не по названию города, а по названию страны; однако дело обстоит не совсем так в отношении даже уроженцев Селевкии, как, например, Диоген, стоический философ [который имел прозвище вавилонянин, а не селевкиец].⁴

Теперь мы перейдем от классических описаний, касающихся нравов и обычаев месопотамцев, к более современным интерпретациям. Описание торговых отношений вавилонян, приведенное в следующем разделе, по-прежнему имеет полную силу, несмотря на то, что оно было написано до того, как современные раскопки создали новую науку ассириологию. Ни один из более поздних авторов не изучал условия торговли и коммерции в древности так глубоко, как Херен, и его описания по-прежнему являются наиболее информативными из доступных. Монументальные изображения и надписи, несмотря на то, что они многое рассказали нам о политической истории, искусстве, литературе и науке месопотамцев, очень мало добавили к нашим знаниям о мирных отношениях восточных народов, о которых свидетельствуют их торговые отношения. Случайные упоминания классических авторов по-прежнему составляют основу наших знаний по этому предмету, а

ассирийские памятники, если они и проливали какой-либо свет на эту тему, то в основном служили для подтверждения наших предыдущих выводов. Так, чтобы привести один пример, изображения на черном обелиске Салманасара II показывают нам таких животных, как обезьяны и слоны, принесенных в дань завоевателю, что самым недвусмысленным образом подтверждает основанное на Ктесии и Страбоне убеждение, что ассирийцы поддерживали торговые отношения с Индией.

Однако повествование Херена будет дополнено описаниями нравов и обычаев рассматриваемого народа, основанными на более поздних исследованиях памятников, как изобразительных, так и документальных. Мы уже отмечали, что скорее скульптуры, чем письменные документы, дают нам представление о повседневной жизни народа. Однако некоторые вопросы, такие как те, которые касаются юридических сделок, мы не могли бы узнать, если бы не надписи.⁴

ТОРГОВЛЯ ВАВИЛОНЦЕВ

Как европейцы попадают в новый мир, как только пересекают Альпы, говорит Херен, так и азиатские путешественники испытывают столь же поразительный контраст, спускаясь с горных районов Персии и Мидии, или Ирак-Аджеми, на равнину древнего Вавилона и современного Багдада, столицы Ирак-Арабии. Здесь наиболее ярко проявляется та часто загадочная и необъяснимая связь, которая существует между климатом и странами, и даже между климатом и жителями. Манеры людей, их жилища, их одежда — все это отличается. В то время как в Персии и Мидии одежда, хотя и длинная, была плотно прилегающей к телу, здесь, напротив, она свободная и струящаяся. Черная шапка из овечьей кожи, покрывавшая голову, уступает место высоким и гордым складкам тюрбана, а пояс с единственным ножом заменяется дорогой шалью и богатым кинжалом. «При входе в город халифов, — говорит современный путешественник (Портер, ii, 243 и далее), — я увидел улицы, заполненные людьми в самой разнообразной одежде и с самыми разными оттенками кожи. Вместо низких жилищ, характерных для Персии, здесь стояли многоэтажные дома с плотно закрытыми решетчатыми окнами. Большой базар был полон людей, и я видел со всех сторон бесчисленные магазины и кофейни. Шум голосов и шелест шелка напоминали гудение роя пчел. Даже сейчас, хотя и являясь лишь тенью своего бывшего великолепия, Багдад по-прежнему остается великим караван-сараям Азии». Но какая перемена произошла в нравах и образе жизни! Жесткий этикет персидского двора исчез; тон общества, отношения между полами стали менее сдержанными, и все свидетельствует о удовольствии и сладострастии. Хотя в жаркий сезон раскаленное небо заставляет жителей днем укрываться в подземных погребах, они наслаждаются мягкой прохладой ночи под открытым небом на крышах своих домов. Прекрасная температура зимних месяцев, с середины ноября до февраля, компенсирует неудобства лета, хотя в то же время она предлагает непреодолимые стимулы для всех видов чувственных удовольствий.

Наверняка в прежние времена было то же самое. Можно ли предположить, что те, кто спускался по Евфрату из королевских городов Персии и Мидии в великий торговый город, не видели перед своими глазами того же зрелища? Но чем является современный Багдад по сравнению с древней столицей Востока? Какие толпы, должно быть, когда-то заполняли улицы и площади этого города, когда здесь собирались караваны Востока и Запада, экипажи кораблей, торговавших на юге; когда халдейские и персидские правители со своими бесчисленными свитами сделали его своей резиденцией; когда он был торговым центром

мира и великим центром притяжения для всех народов! Как оживленными и оживленными должны были быть эти заброшенные места в прошлом, где теперь все тихо, за исключением криков бедуинов или рычания льва!

Описания древнего Вавилона, данные еврейскими и греческими писателями, рисуют перед нами картину богатства, великолепия и пышности, хотя в то же время и менее приятное представление о роскоши и разврате. Их банкеты доходили до отвратительного излишества, а удовольствия за столом переходили в разврат; более того, в тот самый момент, когда победоносные персы ворвались в город, князя Вавилона были заняты празднествами; а Валтасар предался опьянению в компании тысяч своих вельмож, когда рука, написавшая на стене королевского банкетного зала и предсказавшая его приближающуюся судьбу, пробудила его к ужасающей реальности его положения. Но это полное разложение нравов было особенно заметно у представителей другого пола, среди которых не было и следа той сдержанности, которая обычно преобладает в восточном гареме. Поэтому пророк, осуждая падение Вавилона, описывает его под образом роскошной и сладострастной женщины, которая с головой бросается в рабство с того места, где она сидит так женственно. Более того, на этих оргиях появлялись женщины, которые доходили до того, что снимали с себя одежду и вместе с ней всякое чувство стыда; более того, как сообщает Геродот, существовал даже религиозный закон, согласно которому каждая женщина была обязана однажды в жизни проституироваться перед незнакомцами в храме Милитты и не имела права отвергать ни одного из тех, кто к ней обращался.

Основной причиной такого разврата нравов были богатство и роскошь, являвшиеся следствием расширения торговли, которую Вавилон обязан был своему географическому положению. Климат и религия повлияли на остальное.

Я уже имел возможность отметить это выгодное положение Вавилонии, в котором она, вероятно, превосходила все другие страны Азии. Оно создавало прекрасные условия для сухопутной торговли, но было столь же удобным для морского и речного судоходства. Две большие реки, протекавшие по обе стороны от него, казались естественными каналами торгового общения с внутренними районами Азии, а Персидский залив ни в коей мере не представлял для мореплавателей таких же трудностей и опасностей, как Аравийский.

Если добавить к этому описания древних авторов о промышленности, нравах и гражданских учреждениях Вавилона, станет очевидным, что он обязан своим великолепием и богатством тем же причинам, которые в более поздние времена стали поводом для развития обширной торговли в городах Багдаде и Басре. Они единодушно описывают вавилонян как народ, любящий роскошь и привыкший к множеству искусственных потребностей, которые они не могли бы удовлетворить, если бы не торговые отношения со многими странами, некоторые из которых были очень отдаленными. В их частной жизни, особенно в одежде, дороговизна, по-видимому, была для них важнее удобства или полезности. Их публичные праздники и жертвоприношения сопровождались огромными расходами, особенно на драгоценные духи, которые они могли получать только из зарубежных стран. Сырье, необходимое для их знаменитых производств — лен, хлопок, шерсть и, возможно, шелк — либо не производилось на их земле, либо, по крайней мере, не в количествах, достаточных для их потребления. Наконец, многие из их гражданских институтов были такого характера, что могли быть рассчитаны только на город, в который постоянно приезжали чужестранцы. Только этим принципом можно объяснить не только их обычай выставять больных на рыночной площади, чтобы они могли встретить кого-нибудь, кто смог бы прописать им лекарство, но и, в частности, вышеупомянутый закон, который обязывал их женщин проституироваться в храме Милитты, а также публичные аукционы девственниц, готовых к замужеству. Уже отмечалось, что отношения между

полами складываются особым образом в крупных торговых городах, и это поможет объяснить многие примечательные институты нескольких народов Азии.

Какими бы достоверными ни были выводы, сделанные на основе этих принципов, и рассказы о древности в целом, а именно, что Вавилон был великим центром, где собирались все народы и откуда они отправлялись в разные стороны, тем не менее трудно подробно описать торговлю вавилонян и с какой-либо степенью точности определить ее характер и ход. Ее неясные следы, которые все еще остаются, необходимо кропотливо искать только в произведениях греческих и еврейских писателей; однако этот труд не останется без вознаграждения, и общим результатом этого исследования будет картина, которая, хотя и не полная в мелких деталях, все же представит в целом достоверный обзор.

Однако в качестве предварительного шага давайте взглянем на продукты вавилонского мастерства и промышленности, среди которых в первую очередь заслуживает внимания ткачество различных видов. Особая одежда вавилонян состояла частично из шерсти, частично из льна или, вероятно, хлопка. «Они носят, — говорит Геродот, — льняную (или хлопковую) одежду, спускающуюся до ног, поверх которой надевают верхнюю шерстяную одежду и белую (шерстяную) тунику, покрывающую все тело». Эта одежда, которая, должно быть, была слишком теплой для такого жаркого климата, по-видимому, носили скорее для показухи, чем для удовлетворения своих реальных потребностей, и, вероятно, в нее вносились некоторые изменения по мере того, как погода становилась теплее. Однако их тканые изделия не ограничивались бытовым использованием, а экспортировались в другие страны. Ковры, один из главных предметов роскоши на Востоке, которыми обычно были покрыты полы богатых домов, нигде не были так тонко сотканы и не имели таких великолепных цветов, как в Вавилоне. На них были изображены чудесные индийские животные, грифоны и другие, с которыми мы познакомились благодаря руинам Персеполя, откуда знание о них было принесено на Запад. Иностранные народы использовали эти ковры для украшения своих гаремов и королевских залов; действительно, этот вид роскоши, по-видимому, нигде не был так распространен, как среди персов. У них не только полы, но даже кровати и диваны в домах знати были покрыты двумя или тремя такими коврами; более того, самое древнее из их священных сооружений, гробница Кира в Пасаргаде, была украшена пурпурным ковром вавилонского производства.

Не меньшим уважением пользовалась вавилонская одежда; особенно высоко ценились так называемые синдоны. По-видимому, они обычно были из хлопка, и самые дорогие из них ценились так высоко за яркость цвета и тонкость ткани, что их сравнивали с одеждами из Мидии и отводили для королевского использования; их даже можно было найти в гробнице Кира, которая была богато украшена всевозможной мебелью, использовавшейся персидскими царями при жизни. Превосходство вавилонских одежд и ковров не вызывает удивления, если учесть, как близко Вавилон находился к Кармании с одной стороны и к Аравии и Сирии с другой, а в этих странах производился самый тонкий хлопок.

Крупные ткацкие предприятия были не только в столице, но и в других городах и небольших поселениях Вавилонии, которые, как говорят, Семирамида построила на берегах Евфрата и Тигра и которые она назначила торговыми центрами для тех, кто ввозил товары из Мидии и Персии. Эти промышленные города также были, как скоро будет показано в отношении Описа, центрами наземного транспорта. Самым известным из них был Борсиппа, расположенный на Евфрате, в пятнадцати милях ниже Вавилона, и упоминаемый в истории еще до времени Кира. Это были главные фабрики по производству льна и хлопка, и они существовали еще во времена Страбона.

Помимо этого, вавилоняне, по-видимому, изготавливали все виды одежды и все предметы роскоши: такие как сладкие воды, которые были в общем употреблении и, вероятно,

необходимы из-за жаркого климата; трости, изящно украшенные фигурками животных и другими предметами, а также элегантно гравированные камни, были в общем употреблении среди вавилонян.

Эти камни начинают образовывать особый класс, поскольку редкости, называемые вавилонскими цилиндрами, стали менее редкими. Многие из них, несомненно, служили печатями, поскольку на Востоке печать заменяет подпись или, во всяком случае, делает ее действительной, как мы все еще видим на образцах вавилонских документов. То же самое можно сказать и о цилиндрах. Ярким примером совершенства, которого достигли вавилоняне в искусстве огранки драгоценных камней, является коллекция М. Дороу, в которой есть цилиндр из яшмы с клинописной надписью и изображением крылатого Изеда, или Гения, в струящемся вавилонском одеянии, изображенного в момент, когда он каждой рукой давит страуса, птицу Аримана. Эти различные изделия и произведения искусства предполагают наличие обширной торговли, поскольку необходимые материалы, должно быть, импортировались из других стран.

Из того, что уже было приведено, не может быть никаких сомнений в том, что Вавилон поддерживал оживленную торговлю с основными странами Персидской империи. Персидские и мидийские правители не только украшали свои дома изделиями вавилонского мастерства, но и персидские цари проводили большую часть года в этом городе со всеми своими многочисленными слугами, к которым прибавлялись сатрапы, демонстрировавшие в той же столице роскошь, лишь немногим уступавшую королевскому великолепию. Благодаря этой тесной связи между главными провинциями Персии и Вавилонии, страна, лежащая между ними и Сузами, стала самой густонаселенной и культурной в Азии; от Вавилона до Суз, которые находились в двадцати днях пути, была проложена дорога, достаточно удобная для того, чтобы без затруднений перевозить по ней багаж армии. Однако исследование сталкивается с большими трудностями по мере продвижения на восток за пределы Персии, хотя основная страна, с которой они торговали, то есть Персидская Индия, или нынешняя Belur-land, и прилегающие к ней районы, откуда вавилоняне импортировали многие из своих наиболее ценных товаров, дают ясное представление о направлении и масштабах этой торговли.

Первым товаром, который, как мы можем с уверенностью утверждать, вавилоняне получали, по крайней мере частично, из этих стран, были драгоценные камни, которые широко использовались ими для изготовления печатей. Ктесий прямо говорит, что эти камни поступали из Индии и что оникс, сардины и другие камни, используемые для изготовления печатей, добывались в горах, граничащих с песчаной пустыней. Свидетельства современных путешественников подтверждают, что рассказ этого автора заслуживает полного доверия и что даже в настоящее время лазурит встречается там в самом совершенном виде; и если к этому добавить, что то, что Ктесий рассказывает об Индии, несомненно, в основном относится к этим северным странам, мы должны считать вероятным, что камни, о которых идет речь, находились в горах, о которых мы говорим; а что касается сапфира древних, то есть нашего лазурита, я не сомневаюсь, что он родом из этой страны. Решающее доказательство предоставляет Теофраст, более поздний автор, но заслуживающий доверия. «Изумруды и яшмы, — говорит он, — которые используются в качестве украшений, происходят из пустыни Бактрии (Коби). Их ищут люди, которые отправляются туда верхом на лошадях во время северного ветра, который сдувает песок и таким образом обнаруживает их». «Самый большой из изумрудов, называемый бактрийским, — говорит он в другом месте, — находится в Тире, в храме Геркулеса. Он образует довольно большой столб». Однако, как справедливо заметил один современный автор, в упомянутом нами отрывке из сочинения Ктесия есть некоторые указания, которые,

по-видимому, относятся к горам Гхат, поскольку он говорит о жаркой стране, расположенной недалеко от моря.

Тот факт, что в настоящее время из этих гор, а именно из гор около Камбаи и Бераоха, древней Баригазы, добывают большие количества ониксов, делает это мнение тем более вероятным, что именно эта часть индийского побережья была наиболее известна древним, а их плавание из Персидского залива в эти регионы, как будет показано ниже, не вызывает никаких сомнений. Однако это мнение не должно приводить нас к выводу, что торговля Вавилона ограничивалась этими странами, поскольку не менее достоверно, что они были знакомы с вышеупомянутыми северными районами.

Отсюда вавилоняне также импортировали индийских собак. Эта порода считается самой крупной и сильной из существующих и по этой причине наиболее подходящей для охоты на диких зверей, даже львов, на которых они очень охотно нападают. Большая любовь персов к удовольствиям охоты, которую они считали рыцарским занятием, должна была повысить ценность и полезность этих животных, которые вскоре стали даже предметом роскоши. Персидские вельможи были обязаны держать их в большом количестве, так как они составляли необходимую часть их домашнего хозяйства и свиты; они также привыкли брать их с собой в путешествия и военные походы. Так, как утверждает Геродот, Ксеркс, когда он выступил против Греции, сопровождался бесчисленным количеством собак; и пример, приведенный тем же автором, показывает, до какой степени персидские вельможи и сатрапы довели свою роскошь в этом отношении. Тритантахм, сатрап Вавилона, посвятил содержанию этих индийских собак не менее четырех городов своего правительства, которые были освобождены от всех других налогов. Легко определить масштабы этой отрасли торговли, если принять во внимание, что, как можно предположить, эти собаки размножались в стране.

Родина этих животных, по словам Ктесия, была той же, откуда добывались драгоценные камни. И это свидетельство древнего автора было подтверждено современным путешественником; Марко Поло в своем описании этих регионов не забыл упомянуть о больших собаках, которые были способны даже побеждать львов.

Третьим, не менее важным видом продукции, которую персы и вавилоняне получали из этой части мира, были красители, в том числе кошениль, или, вернее, индийская лакка. Самое древнее, хотя и не совсем точное описание этого насекомого и дерева, на котором оно обитает, также встречается у Ктесия. По его словам, оно произрастает в стране у истоков Инда и производит красный цвет, напоминающий киноварь. Сами индийцы используют его для окрашивания своей одежды, которой он придает цвет, превосходящий по красоте краски персов.

Страбон сохранил для нас от Эратосфена знания о дорогах, по которым товары из индийских районов, граничащих с Персидской империей, доставлялись в ее главные города, и особенно в Вавилон. Обычная магистраль, проходящая через густонаселенные и возделанные районы, сначала шла в северном направлении, чтобы избежать грабительских племен, которые населяли пустыню между Персией и Мидией. Она продолжалась вдоль южной части этой пустыни до одного из самых знаменитых ущелий в Азии, называемого Каспийскими воротами, через которое она вела в Гирканию и Арию. В этой последней стране, пролегая вдоль подножия высоких и лесистых Гирканских и Парфянских гор, дорога оттуда поворачивала на север в сторону Бактры. Это та же дорога, по которой Александр следовал в своем походе против бактрийцев; и хотя он иногда покидал ее, чтобы атаковать жителей соседних гор, он всегда возвращался на нее. У Арриана она носит название великой военной дороги.

Великий торговый путь в Индию был таким же, как и этот, до Арии. Здесь, однако, он принимал другое, то есть восточное направление, в то время как другой продолжался на север к Бактре. Оттуда он вел к Профтасии, Арахоту и Ортоспане, где разделялся на три ветви. Один из них шел на восток к границам Индии; возможно, второй имел аналогичное направление, с небольшим отклонением на юг; а третий поворачивал на север в сторону Бактрии и образовывал великую дорогу, по которой Индия сообщалась с этой страной и ее столицей, Бактрой. Этот город следует считать торговым центром Восточной Азии. Его название принадлежит народу, который с момента своего первого упоминания не перестает давать повод для исторических подробностей.

Мы не можем сомневаться в том, через чьи руки товары из Индии поступали в Бактру. Из вышесказанного очевидно, что жители стран, граничащих с Малым Тибетом и другими, или северные индийцы Геродота и Ктесия, формировали караваны, которые путешествовали в золотую пустыню, и что именно от этих людей Западная Азия получала ингредиенты для окрашивания, а также лучшую шерсть.

«Страна, где добывают золото и где обитают грифоны, — говорит Ктесий, — чрезвычайно пустынна. Бактрийцы, которые живут по соседству с индийцами, утверждают, что грифоны охраняют золото, хотя сами индийцы отрицают, что они делают что-либо подобное, поскольку у них нет нужды в этом металле; но (говорят они) грифоны опасаются только за своих детенышей, и именно их они и защищают. Индийцы отправляются в пустыню вооруженными отрядами по тысяче или две тысячи человек. Но мы уверены, что они не возвращаются из этих экспедиций до третьего или четвертого года».

Из вышесказанного ясно, что индийцы, о которых здесь идет речь, были не кто иные, как жители северной Индии; а под пустыней, где они нашли золото, следует понимать песчаную пустыню Коби, граничащую с Тангутом на западе и Китаем на севере. Однако что касается рассказа Ктесия о том, что караваны из тысячи или двух тысяч человек отправлялись в эту пустыню и возвращались через три или четыре года, груженные золотом, — куда еще могло вести это путешествие, как не в богатые страны в самой отдаленной и восточной части Азии? Я с удовольствием оставляю читателю право судить, насколько вероятна эта гипотеза. Действительно, эта отдаленная неясность мешает нам составить четкое представление, но в этой самой неясности есть определенное очарование.

Мы обязаны Страбону за описание дороги, по которой товары из Вавилона доставлялись к берегам Средиземного моря. Она пролегла в северном направлении через середину Месопотамии и достигала Евфрата недалеко от Антемусии, в двадцати пяти днях пути, где поворачивала на запад к Средиземному морю. Это могла быть только караванная дорога, потому что для взаимной защиты от грабительских кочевых племен, скенитов, которые населяли пустыню, или для обеспечения безопасного прохода путем уплаты выкупа, требовалась многочисленная компания купцов. Я не могу с уверенностью утверждать, что эта дорога широко использовалась при персидской династии, но это в высшей степени вероятно, учитывая, что древние редко или никогда не меняли дороги.

Другая великая военная дорога, описанная Геродотом от станции к станции и ведущая в Сарды и другие греческие торговые города в Малой Азии, была построена персидскими царями с огромными затратами. Несомненно, что политические причины были основным стимулом для создания этой дороги, потому что персы, когда они воевали с греками, едва ли придавали столь большое значение какой-либо из своих провинций, как Малой Азии, с которой они очень хотели поддерживать и сохранять непрерывную связь. Но из описания Геродота мы также узнаем, что это была торговая дорога, по которой караваны путешествовали из главных городов Персии в Малую Азию. По его словам, дорога

начиналась не в Вавилоне, а в Сузах; однако близость этих двух городов и их тесная связь, о которой говорилось выше, делают это обстоятельство несущественным.

Эта главная дорога Азии, когда-то столь знаменитая, не претерпевшая никаких изменений, кроме тех, которые были вызваны ее различными границами, в настоящее время обычно используется караванами из Исфахана в Смирну; Тавернье дал нам ее полное описание. Ее нынешний маршрут пролегает от Смирны до Токата, а оттуда до Еревана. Изменилась только последняя половина пути, поскольку, чтобы попасть в Исфахан, путешественник теперь движется на северо-восток, мимо озера Урумие, тогда как древние, напротив, не углубляясь так далеко на восток, склонялись больше к югу и следовали по течению Тигра.

В целом, однако, древние и современные дороги сходны в одном отношении, причину чего объясняет Геродот: они предпочитали более длинный путь более короткому, чтобы путешествовать через заселенные страны и в безопасности. Прямая дорога привела бы их через середину степей Месопотамии, где о безопасности не могло быть и речи из-за бродячих грабительских орд. Поэтому в древности, как и в настоящее время, они выбирали северный маршрут вдоль подножия Армянских гор, где путешественники были в безопасности от нападений.

Что касается остального, то деление на станции было явно принято для удобства караванов. Согласно Геродоту, расстояние между каждой станцией составляло пять парасангов, что соответствовало семи-восемью часам пути; из Тавернье мы узнаем, что это именно то расстояние, которое караваны из груженных верблюдов обычно преодолевали за день; но караваны из лошадей путешествовали гораздо быстрее. Однако, поскольку эта дорога была абсолютно безопасной, нет сомнений, что отдельные купцы и путешественники совершали это путешествие в одиночку.

Третья ветвь вавилонской торговли во внутренних районах Азии имела северное направление, в частности, в Армению. Армяне имели преимущество в виде реки Евфрат, по которой они доставляли свои товары в Вавилон, и среди них главным был виноград, который не произрастал на земле Вавилонии. Геродот описал эту навигацию, и от него мы узнаем, что корабли или плоты армян были построены аналогично тем, которые в настоящее время можно увидеть на Тигре под названием «килеты». Каркас был только из дерева; он был покрыт кожей, наложенной на тростник, и имел овальную форму, так что не было разницы между кормой и носом. Их наполняли товарами, особенно большими бочками с вином, а затем везли вниз по течению с помощью двух весел. Размеры этих барок значительно варьировались; Геродот наблюдал некоторые, грузоподъемность которых оценивалась в более чем пять тысяч талантов [т. е. около 12 000 тонн по самым скромным оценкам]. По прибытии в Вавилон проводники продавали не только груз, но и каркас; однако кожи перевозили обратно по суше на ослах, которых они привозили с собой для этой цели, поскольку, как заметил историк, сила течения не позволяла им вернуться вверх по реке: так, в Германии рыночные лодки, которые спускаются по Дунаю в Вену, никогда не возвращаются, а продаются вместе с товарами, которые они перевозят.

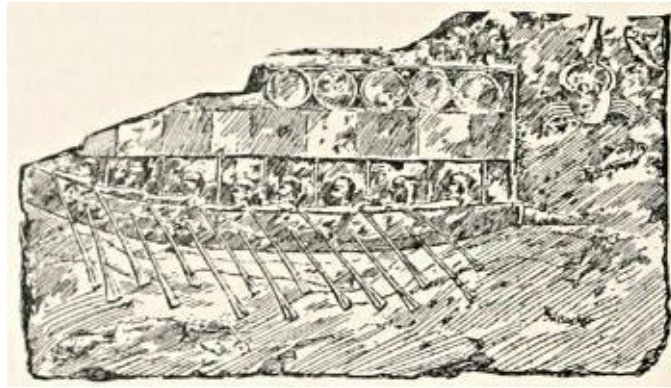
Мы приходим к выводу, что судоходство по Евфрату должно было быть очень важным, если вспомнить о тех великих работах, которые были сделаны для его обеспечения. Геродот говорит о нем как о чем-то необыкновенном; и действительно, если верить, как вполне вероятно, что эта торговля ограничивалась потреблением Вавилона, она, безусловно, должна была быть очень значительной, учитывая огромное население города и особенности его почвы, которая, давая избыток одних продуктов, неизбежно была совершенно бедна другими. Поэтому вавилоняне были вынуждены импортировать из

северных регионов те предметы первой необходимости, которые не производились на их собственной земле; и мы получим более четкое представление об этой торговле, если вспомним, что Геродот под названием Армения включает не только горный район, который можно назвать собственно Арменией, но и всю эту богатую и плодородную страну, северную Месопотамию.⁴

КОРАБЛИ У АССИРИЙЦЕВ

Ассирийцев не считают морским народом, однако из исследований Лэйарда мы узнаем, что они также выходили в море на кораблях.

Хотя ассирийцы были в основном народом, проживавшим в глубине суши, их завоевания и экспедиции, особенно в более поздний период, привели их к контактам с морскими народами. В результате на памятниках Хорсабада и Куянджика мы часто встречаем изображения морских сражений и операций на побережье. В древнейшем дворце Нимруда были обнаружены только барельефы с изображением реки; однако они дают нам представление о формах судов, очевидно ассирийской постройки — все те, что изображены в скульптурах Хорсабада и Куянджика, вероятно, принадлежали союзникам или врагам. Можно предположить, что реки, по которым плавали древние ассирийцы и которые изображены на их барельефах, были Тигр, Евфрат и Хабур.

БАРЕЛЬЕФ АССИРИЙСКОЙ ГАЛЕРЫ

Геродот так описывает вавилонские суда более позднего периода: «Лодки, используемые теми, кто приезжает в город (Вавилон), имеют круглую форму и сделаны из кожи. Они строятся в Армении, в районах выше Ассирии. Ребра судов сделаны из ивовых ветвей и сучьев и снаружи покрыты кожей. Они круглые, как щит, без различия между носом и кормой. Дно лодок выстилают тростником (или соломой) и, взяв на борт груз, в основном пальмовое вино, плывут по течению. Лодки имеют два весла, по одному на человека; один гребет к себе, другой отталкивается от себя. Эти суда имеют разные размеры; некоторые из них настолько велики, что могут перевозить грузы стоимостью в пять тысяч талантов [1 000 000 фунтов стерлингов или 5 000 000 долларов]. На меньших лодках перевозится один осел, на больших — несколько. По прибытии в Вавилон лодочники распродают свои товары, а также предлагают на продажу ребра и тростник (или солому). Затем они загружают ослов шкурами и возвращаются с ними в Армению, где строят новые суда».

Когда-то я был склонен полагать, что описание Геродота относится к плотам, которые до сих пор строят на реках Месопотамии и используют, как известно, для перевозки скульптур из Нимруда в Бассуру. Материалы, из которых они изготовлены, точно соответствуют тем, что упоминает греческий историк, и в Багдаде с ними по-прежнему обращаются так же, как в его время в Вавилоне. Но лодки, которые вызывали удивление Геродота, по-видимому, были более прочно построены и могли перевозить животных, для чего современные плоты не подходили. Вероятно, они были больше похожи на круглые суда, которые сейчас используются в Багдаде, построенные из ветвей и иногда покрытые шкурами, на которые наносится битум, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Лодки, обычно используемые для перевозки грузов и животных в нижней части Тигра и Евфрата, а также для паромной переправы на всех участках этих рек, построены из досок тополя, грубо соединенных железными гвоздями или деревянными штифтами и покрытых битумом.

На барельефе из древнейшего дворца Нимруда изображены два вида лодок. На более крупном судне находится царь в своей колеснице со свитой и евреями. Оно приводится в движение как веслами, так и людьми, тянущими его. Меньшее судно похоже на то, которое описывал Геродот. Нос не отличается по форме от кормы, и два человека сидят лицом к лицу у весел.

На этом барельефе также изображены люди, поддерживающие себя на надутых шкурах — способ пересечения рек, который до сих пор широко практикуется в Месопотамии.

Более крупные лодки управлялись длинным веслом, к концу которого была прикреплена квадратная или овальная доска. Это весло удерживалось на месте веревкой, прикрепленной к деревянному штифту на корме. Благодаря этому устройству рулевой имел значительный

контроль над судном и мог двигать его или поворачивать нос по своему усмотрению. Этот способ управления и движения лодок до сих пор преобладает на реках Месопотамии.

Суда на скульптурах из Хорсабада свидетельствуют о значительном прогрессе в знаниях о судостроении. То, что они принадлежали не ассирийцам, а какому-то союзному народу, по-видимому, указывает на особый костюм изображенных на них фигур.^[30] Форма судна не лишена элегантности; оно напоминает морское чудовище, с носом в форме головы лошади и кормой в форме рыбьего хвоста. Несколько человек стоят у весел. Мачта, поддерживаемая двумя веревками, увенчана ящиком, или, как его называют в техническом языке, «вороньим гнездом», в котором на египетских галерах часто находился лучник.

Но именно в скульптурах Куянджика были найдены суда, изображенные с наибольшим совершенством. Судя по их расположению на барельефах по отношению к осаждающей армии, можно предположить, что они принадлежали не самим ассирийцам, а народу, с которым они воевали и который, по-видимому, они победили. Море здесь также было обозначено с помощью рыб и морских животных, таких как медузы и акулы. На берегу стоял замок, и жители, подвергшиеся нападению с суши, покидали город и укрывались на своих судах.

Более крупные галеры на этих барельефах имели особую форму и, как мне кажется, могут быть отождествлены с судами, которые до относительно позднего периода использовались жителями великих морских городов сирийского побережья — народами Тира и Сидона. Их высота над водой по сравнению с глубиной киля была весьма значительной. Носовая часть поднималась перпендикулярно от низкого острого носа, который напоминал лемех и, вероятно, был из железа или другого металла, поскольку, как и у римской галеры, предназначался для потопления или вывода из строя вражеских кораблей. Корма была изогнута от киля и заканчивалась острием высоко над верхней палубой. Было два ряда гребцов, но из скульптур не ясно, были ли они разделены палубой или просто сидели на скамейках, расположенных на разной высоте в трюме. Над гребцами находилась палуба, на которой стояли вооруженные люди. Эти суда имели только одну мачту, к верхушке которой был прикреплен очень длинный реек, удерживаемый веревками. На скульптурах паруса были изображены свернутыми. На барельефах обычно изображалось по восемь гребцов с каждой стороны. Видны были только головы гребцов верхнего яруса; нижний ярус был полностью скрыт, а весла проходили через небольшие отверстия, или иллюминаторы, в бортах судна.

Помимо описанного мною судна, на тех же барельефах изображено более мелкое судно. Оно также имеет два ряда гребцов, но нос и корма устроены иначе, чем у более крупной галеры, и оба имеют одинаковую форму, поэтому их невозможно отличить друг от друга, кроме как по положению гребцов. Они возвышаются над водой и имеют плоскую верхнюю часть с выступающим наружу носом. Это судно не имело мачты и двигалось исключительно с помощью весел (). На верхней палубе видны вооруженные копьями воины и женщины.

По скульптурам невозможно определить размер судов, так как относительные пропорции между ними и фигурами, которые они содержат, не сохранились. Наиболее вероятно, что четыре гребца в каждом ярусе являются лишь условным числом, и поэтому мы не можем по ним судить о длине корабля. В ассирийских сооружениях пока не найдено изображений морских сражений, как на памятниках Египта. Скорее всего, не будучи морским народом, ассирийцы, как и позже персы, использовали флоты своих союзников в своих морских экспедициях, предоставляя воинов для обслуживания кораблей.^b

ЗАКОНЫ ВАВИЛОНЦЕВ И АССИРИЙЦЕВ

Чувство справедливости и ее осуществление играют большую роль в истории любой нации, и нам посчастливилось обладать некоторыми сведениями о судах и обычаях Ассирии.

Ашшурбанапал открыл свою библиотеку не только для документов, исходящих от царей, но и как хранилище коллекций законов, судебных решений и договоров между частными лицами.

Ассииро-халдейское законодательство основывалось на законах и обычаях, которые уже действовали в шумерской цивилизации. Большое количество табличек, написанных на обоих языках, дают нам первоначальный текст закона и соответствующий ассирийский перевод. Другие, написанные на ассирийском языке, полны цитат из шумерских текстов.

Прежде всего, это длинный фрагмент законов, касающихся семьи, написанный на ассирийском и шумерском языках. Они гласят следующее:

«Таким образом, судья вынес следующее решение: «Если сын (имеет право) сказать своему отцу: «Ты не мой отец», он (сын) может продать его, обращаться с ним как с залогом и отдать его в качестве оплаты, как деньги.

«Если сын (имеет право) сказать своей матери: «Ты не моя мать», он может отрезать ей волосы, собрать людей и выгнать ее из своего дома.

«Если отец (имеет право) сказать своему сыну: «Ты не мой сын», он (отец) может запереть его в своем жилище и в погребке.

«Если мать (имеет право) сказать своему сыну: «Ты не мой сын», она может запереть его в своем жилище и в верхних комнатах.

«Если жена (имеет право) отвергнуть своего мужа и сказать ему: «Ты не мой муж», она может бросить его в реку.

«Если мужчина (имеет право) сказать своей жене: «Ты не моя жена», он может потребовать выплатить ему полмины серебра.

«Если управляющий позволяет рабу сбежать, если тот умирает, становится нетрудоспособным или заболевает в результате плохого обращения, он (управляющий) должен выплачивать полхина зерна в день (хозяину раба)».

В этих древних записях мы также находим законы, касающиеся собственности. Одна табличка, по-видимому, относится к наблюдениям шумерского земледельца, которые были предложены ассирийским земледельцам VII века до нашей эры. Прежде всего, указаны лучшие условия для выращивания сельскохозяйственных культур, время посева, расчет дохода, обработка почвы, орошение и вредные животные, которые необходимо уничтожить.

Очевидно, что, несмотря на разницу в собственности или богатстве, проценты всегда одинаковы, а расчет процентов по разным суммам в контрактах показывает, что цифры соотносятся друг с другом.

Кредиты могли предоставляться с процентами или без них; они могли предоставляться с обеспечением или без него, и эти обеспечения были разного характера:

«За проценты на свои деньги... Он дал в качестве обеспечения... Дом, поле, сад, рабыню, раба».

Обмены были частыми, и из данных на табличках известны основные предметы обмена:

«Они обменяли дом на деньги. Они обменяли поле на деньги. Они обменяли сад на деньги. Они обменяли рабыню на деньги. Они обменяли раба на деньги».

Судебные процессы присущи человеческой природе и всем эпохам. Судебные разбирательства проводились в Ниневии, Ассирии и Халдее. По этому вопросу следующая аксиома, используемая судьями и адвокатами, прекрасно подходит и сегодня:

«Тот, кто не слушает свою совесть, судья не будет слушать его право».

Должно быть, существовал довольно сложный процессуальный кодекс, поскольку найдены следы апелляционной юрисдикции, в которой верховный правитель был окончательным судьей.

Шумерские законы также закрепляли форму индивидуальных договоров. Подпись «qatatu» была существенной чертой договора.

Подпись ставилась путем проставления печати. Один фрагмент этих табличек свидетельствует об этом обычае, который сохранился на Востоке с древнейших времен до наших дней. Геродот упоминает о существовании печатей как об особенности вавилонян.

«Каждый вавилонянин, — говорит он, — имел свою печать для личного пользования». Ассирийское слово «кунук», как и наше слово «печать», обозначает как инструмент, так и отпечаток, который он оставляет на пластичной земле.

Было найдено большое количество частных деловых контрактов, касающихся всех обычных жизненных сделок между частными лицами, на которых стоит оттиск печати: контракты купли-продажи или обмена; контракты займа или аренды; признания долгов с гарантией залога или движимого имущества. Они читаются как записи нотариальной конторы. Эти контракты, как и все документы дворцовой библиотеки, написаны на традиционных кирпичах. Их легко отличить от других документов по внешнему виду. После нескольких строк, посвященных именам договаривающихся сторон, мы видим отпечатки их печатей, а иногда отпечатки трех ногтей.

Общий смысл их договоров легко понять; положения сформулированы формальным языком, который исходит из характера отношений двух сторон в соответствии с предметом их соглашения. Как правило, эти договоры составлены очень просто. Они начинаются с указания имен и должностей сторон, которые собираются заключить соглашение, путем проставления своей печати или оттиска ногтя, который ее заменяет.

Не все стороны договора обязаны выполнять эту формальность; это касается только тех, кто имеет титул «dominus negotii» — продавца, арендодателя, кредитора, тех, кто «держит перо», как говорится в современном выражении.

Место, отведенное в тексте для печати или оттиска, показывает нам, что их печати имели разные формы. Поскольку многие из этих драгоценных камней дошли до нас и их большое количество находится в наших публичных и частных коллекциях, не лишним будет описать их более подробно.

Как правило, это твердые камни, ограненные и отполированные различными способами. Некоторые имеют коническую форму или форму усеченной пирамиды, на основании которой выгравирован рисунок. Иногда печать имеет форму сфероида или эллипсоида. Многие имеют цилиндрическую форму, рисунок выгравирован на поверхности цилиндра, и оттиск получают, прокатывая его по пластичной земле. Для этой цели были огранены все виды драгоценных камней; изучение этих драгоценных камней и их рисунков представляет большой интерес для студентов, изучающих искусство.

После оттиска печати указывается предмет договора, затем его характер и сумма, которая иногда выплачивается сразу, а иногда по частям; в некоторых случаях оговаривается обеспечение.

Что касается денежных ссуд, то проценты, как правило, устанавливаются договаривающимися сторонами. Если в договоре ничего не сказано по этому поводу, то, по-видимому, имеется в виду общий закон, вероятно, тот, который упоминается выше.

Измерения, объемы, сметы и цены указываются с большой точностью, что позволяет определить важность вопроса, обсуждаемого в договоре. Форма составления договора указывает на то, что соглашение было заключено в присутствии магистрата, который, если можно так выразиться, придавал достоверность условиям, согласованным между сторонами, от которых они не могли отказаться без уплаты штрафа или возмещения убытков. Как правило, штраф вносился в казну Иштар в Арбеле или Ниневии; затем судья постановлял возместить уплаченную сумму с добавлением определенной суммы в качестве компенсации ущерба. Договор часто содержал более или менее развернутую молитвенную формулу, тем самым ставя исполнение соглашения под покровительство богов. Договор заканчивается именами свидетелей и их статусом и датируется днем, месяцем и годом его составления.

Таким образом, составленный договор передавался специальному должностному лицу, которое регистрировало его в государственном хранилище, надзор за которым было поручено ему.

Вот несколько договоров, которые помогают нам понять методы составления договоров и дают представление о характере наиболее распространенных сделок той эпохи. Сначала приводим договор о продаже раба; он сформулирован следующим образом:

Продажа раба

Печать Набу-рихтава-усура, сына Ахардису, жителя Хасаи, рабочего Зиккара Иштар, из города ...

Печать Тебетая, его сына, печать Силима Бина, его сына, владельцев проданного раба.

Девушка Тават-хасина, рабыня Набу-рихтав-усура... И Нитокрис приобрела ее за шестнадцать драхм серебра... для своего сына Таху в связи с его женитьбой. Она будет рабыней Таху. Цена окончательно установлена. Кто бы ни оспаривал это передо мной в будущем, в любую эпоху, будь то Набу-рихтав-усур, его сыновья, сыновья его сыновей, его брат, сыновья его брата или кто-либо другой, или его поверенный, желая аннулировать сделку между Нитокрис, ее сыновьями или сыновьями ее сыновей, должен будет заплатить десять мин серебра за отмену этого договора, и она не будет продана. Шапимаю, пастух, Белшум-усур, сын Юданани Римбел, сын Ату, являются тремя мужчинами, наследниками женщины из-за связывания ее рук (ее первого брака) и процентов с заработной платы Кармеона, который должен был унаследовать (если бы он жил).

Свидетели: Ахардису, Зиккар-нипика, Мутумхису, Хасба.

В месяце Улул (август), в последний день года Ашшур-саду-сакил.

Как и прежде, председательствуют Юм-Шамаш, Путаинпаите, Ату, Набу-иддин-ахе.

Этот документ является одним из самых любопытных из имеющихся у нас. Прежде всего, в нем упоминается имя египетской женщины, Нитокрис (Nitit-eqar), а затем имя ее сына Таху, который также носит египетское имя.

Продавец — дочь Набу-рихтав-усур; его сыновья выступают в качестве родственников для продажи своего раба, то есть слуги своего дома. Деньги должны быть выплачены не

Нитокрис или прямым потомкам, а третьим лицам, которые также указаны; это три наследника некоего Кармеона, который был бы наследником, если бы был жив.

Вот еще один случай того же рода:

Продажа раба

Печать Хатаи, владельца раба. Лу-ахи — раб, выставленный на продажу. И Даннаи приобрел его у Хатаи за двадцать драхм серебра. Цена была окончательно установлена, раб был оплачен и передан; теперь сделка не может быть аннулирована. Любой, кто в будущем будет требовать передо мной (недействительности соглашения, должен будет заплатить штраф). Свидетели: Шамаш, Химар, Забда, Хараман, Маннуахи, Зиккар, Шамаш.

В месяце Улул (август), пятый день года Набу-бел-иддин. В присутствии Зиккара Шамаша, должностного лица.

Договоры такого рода встречаются довольно часто, и они поднимают вопрос об одном аспекте истории древнего рабства, который было бы интересно прояснить. Каково было происхождение этих рабов, которые в то время были предметом торговли, которые, по-видимому, не попадали под действие закона о побежденных и которых так легко увозили после захвата города? У нас нет информации по этому вопросу, и мы должны ограничиться регистрацией того, что нам дают вышеупомянутые тексты.

Владелец раба, Хатай, является сирийцем, а раб, Лу-ахе, — ассирийцем, проданным другому ассирийцу, Даннаи, за сумму, равную 3 фунтам стерлингов [15 долларам].

Иногда договор не так прост. Могут возникнуть сложности в отношении прав собственности или способа ее передачи. Также интересно изучить статус договаривающихся сторон. Один факт кажется универсальным: иностранец — финикийец, еврей или египтянин — имел те же гражданские права на заключение договоров, продажу или покупку, что и ассирийские подданные.

Вот договор другого рода. Он касается продажи дома. Вместо печати стороны поставили отметки, вдавив ногти больших пальцев рук в глину.

Продажа дома

Ногть Шарлудари, ноготь Ахашуру, ноготь женщины Амат-Сулы, жены Белдуру, главы трех легионов, владельцев продаваемого дома. Дом в процессе строительства с балками, колоннами, материалами, расположенный в городе Ниневе, граничащий с домом Маннуки-ахе, граничащий с домом Анкии, граничащий с рынком. И Сил-Ашшур, египетский офицер, приобрел его за мину денег короля у Шарлудари, Ахашшура и женщины Амат-Сулы, жены своего мужа. Цена была окончательно установлена, дом оплачен и куплен, аннулирование договора не допускается.

Независимо от того, кто бы ни был, в будущем, и независимо от того, в какую эпоху, даже среди этих лиц, оспаривает право и договор Сил-асшура, должен заплатить десять мин серебра. Свидетели: Шушанку, офицер царя, Хармаза, глава трех легионов, Разу, капитан корабля, Набу-дур, офицер, Хармаза, капитан корабля, Син-шар-усур, Зидка.

Шестнадцатый день месяца Сиван (май) года Заза, префект города Арпад (1692 г. до н. э.).

Перед Шамаш-укин-ахе, Литтуру, Набу-шум-иддином.

Этот акт примечателен, прежде всего, именами договаривающихся сторон, по которым мы теперь можем понять, что людям разных национальностей было разрешено заключать договоры в Ниневии наравне с ассирийцами. Так, имена свидетелей Шушанку и Хармаза являются египетскими, и их первоначальную форму можно легко восстановить. Имя женщины Абат-Сула является финикийским и указывает на имя неизвестного божества; буквально оно означает «слуга Сулы».^f

КОДЕКС ХАММУРАБИ

Мы намеренно подошли к теме месопотамского права с ассирийской стороны, потому что ассирийские законы представляют собой более поздние формы разработки старых вавилонских кодексов, на которых они основаны. В заключение, однако, мы представим в полном объеме самый старый из известных и в настоящее время самый известный из этих древних кодексов, кодекс царя Хаммурапи, чтобы читатель мог сам судить о характере судебной и феодальной системы, которая была в моде в Вавилонии в третьем тысячелетии до нашей эры. Этот необыкновенный документ заслуживает самого пристального изучения со стороны любого, кто хоть немного интересуется эволюцией человеческого общества. До относительно недавнего времени имя Хаммурапи, правителя, который первым объединил государства долины Евфрата под одной властью и таким образом основал Вавилонскую империю, было практически неизвестно, тогда как сейчас у нас есть большой объем материалов, относящихся к его правлению — его надписи, письма и, наконец, самое важное из всего, его свод законов. Трудно получить более чем смутное представление о стране только по ее названию или по спискам ее царей и их военных подвигов, а это все, что мы имеем о большинстве ассирийских и вавилонских царей. Настоящая жизнь народа полностью ускользает от нас. Уже одна эта причина делает этот свод законов неоценимо ценным, потому что, содержа законы, которые регулировали социальную и коммерческую жизнь народа, вплоть до мельчайших деталей, он дает представление о реальном состоянии страны.

Однако, помимо его значения для вавилонской цивилизации, этот кодекс является одним из важнейших памятников в истории человечества. Это самый старый из известных существующих сводов законов, предшествующий Моисееву закону по крайней мере на тысячу лет и более древний, чем законы Ману. Он составлял основу вавилонского законодательства до падения империи и был составлен царем, жившим около 2300 года до н. э., чье правление простиралось от Тигра до Средиземного моря. Хаммураби обычно отождествляется с Амрафелом, современником Авраама, и нет сомнений, что эти законы были частью традиций, которые евреи принесли с собой в свою новую родину.

Открытие кодекса

Памятник, содержащий эти законы, был найден не в Вавилоне, как можно было бы ожидать, а в Сузах (Шушане) в так называемом Акрополе. Это открытие было сделано французской археологической экспедицией под руководством М. де Моргана в декабре и январе 1901-1902 годов. Памятник представляет собой блок черного диорита высотой почти восемь футов. Он был сфотографирован и опубликован с транскрипцией и переводом отцом В. Шейлом, ^g ассириологом экспедиции, в *Mémoires de la Délégation en Perse*, том IV, *Textes Élamites Sémitiques*. Вся надпись была переведена доктором Х. Винклером ^h в *Der Alte Orient*, 4 Jahrgang, Heft 4, 1902, а сам кодекс — преподобным Ч. Х. У. Джонсом, ⁱ *The Oldest Code of Laws in the World*, Эдинбург, 1903.

На лицевой стороне камня изображен барельеф, на котором Хаммурапи получает законы, высеченные ниже, от Шамаша, бога солнца и бога права, изображенного сидящим на троне. Царь стоит перед ним в уважительной позе. В надписи несколько раз упоминается тот факт, что законы были даны Шамашем; поэтому очень интересная теория, высказанная в лондонской газете «*The Times*» 14 апреля 1903 года, о том, что бог на картинке — это Бел, не имеет под собой серьезных оснований. Эта теория более тесно связывала бы кодекс с библейским повествованием. Цитируем газету «*The Times*» (1): «Старый Бел был богом, который обитал на горе мира, давал законы людям и носил на груди скрижали судьбы. Таким образом, мы имеем любопытное доказательство существования традиции закона, данного на горе, задолго до того, как Моисей получил его на Синае».

Под барельефом на аверсе находится шестнадцать колонок текста, состоящих из 1114 строк, а на реверсе — двадцать восемь колонок, состоящих из 2510 строк. Пять колонок на аверсе были стерты, а камень заново отполирован, вероятно, чтобы освободить место для надписи победоносного эламского царя, который увез камень из Вавилона в Сузы. Возможно, одно из страшных бедствий, которые Хаммурапи в надписи призывает богов наслать на любого, кто оспаривает его памятник, постигло несчастного эламца.

Надпись выполнена красивым четким архаичным шрифтом, который часто использовался для королевских надписей даже после того, как вошло в употребление курсивное письмо. Существует множество табличек того же периода, написанных курсивным шрифтом, некоторые из них имеют отпечатки печатей архаичным шрифтом. Около семисот строк надписи посвящены провозглашению титулов царя, его заботе о подданных, причинам возведения памятника, проклятиям в адрес любого, кто посмеет повредить его. Некоторые отрывки напоминают величие некоторых частей Псалмов. Надпись начинается так:

«Когда Ану, верховный царь Ануннаков, и Бел, повелитель неба и земли, определяющий судьбу вселенной, Мардуку, старшему сыну Эа, богу справедливости, земная власть была назначена, среди Игиги он был возвеличен, назвал Вавилон своим августейшим именем, возвысил его во всем мире, в сердце (этого города) установил вечное царство, основания которого тверды, как небо и земля, — тогда Ану и Бел называли меня по имени, Хаммураби, великий принц, боящийся бога, чтобы установить справедливость в стране, уничтожить злых и низких, чтобы сильные не угнетали слабых, чтобы идти вперед, как Шамаш (солнце) над черными головами (т. е. людьми), чтобы дать свет миру, чтобы способствовать процветанию народа...»

Сразу после кодекса Хаммурапи продолжает: «Справедливые указы, которые установил Хаммураби, мудрый царь; для земли он обеспечил надежный закон и счастливое правление. Хаммураби, защищающий царь, я есть. От черных голов, которых Бел дал мне, чтобы я был пастухом, над которыми Мардук назначил меня, я не держался в стороне, не отдыхал; я обеспечил им места мира; я открыл путь через крутые перевалы и послал им помощь. С помощью могучих рук, которыми наделили меня Замама и Иштар, с помощью ясного взгляда, который даровал мне Эа, с помощью храбрости, которую дал мне Мардук, я искоренил врагов вверху и внизу, покорил глубины, установил процветание страны, обеспечил безопасность жителей домов; я не допустил существования повода для страха. Великие боги избрали меня. Я — приносящий мир пастырь, чей посох прямой (т. е. скипетр справедлив), добрая тень, которая распространяется над моим городом; я принял в свое сердце народы Шумера и Аккада, под моей защитой я дал им жить в мире, укрыл их своей мудростью, чтобы сильные не угнетали слабых; чтобы давать советы сиротам и вдовам, я поднял их головы в Вавилоне, городе Ану и Бела, ; в Э-сагиле, храме, чьи фундаменты тверды, как небо и земля, чтобы говорить о справедливости в стране, решать спорные вопросы, исправлять зло, я написал свои драгоценные слова на моем памятнике; перед моим

изображением, как у царя справедливости, я поместил их... По велению Шамаша, великого судьи неба и земли, справедливость воцарится в земле; по приказу Мардука, моего господина, никакое разрушение не коснется моей статуи. В Э-сагиле, которую я люблю, мое имя будет помниться вечно; угнетенный человек, имеющий повод для жалобы, придет перед моим изображением царя справедливости, прочтает надпись, поймет мои драгоценные слова, надпись объяснит ему его дело, он увидит свое право, его сердце возрадуется, (и он скажет): «Хаммураби — господин, который подобен отцу для своих подданных, он заставил бояться слова Мардука»... Хаммураби, царь праведности, которому Шамаш дал закон, — это я».

Надпись содержит также много упоминаний о публичных работах и исторических событиях, что делает ее одной из самых важных исторических записей, когда-либо обнаруженных. Одно упоминание об Ассуре (Ассирии) особенно важно. Оно встречается во введении к кодексу и описывает восстановление «его защитного бога в городе Ассуре». Имя Ашшур снова встречается в письме, написанном Хаммурапи к Син-идиннаму, а также в частном письме того периода, первое из которых было опубликовано г-ном Л. В. Кингом в 1901 году ^(k).

Теперь перейдем к самому кодексу, в котором особенно примечательны следующие моменты. Идея ответственности очень четко закреплена: человек, нанявший животное, был ответственен за это животное; если это была лодка, он был ответственен за лодку; если он хранил что-либо для другого человека или перевозил что-либо другому человеку, он был ответственен за это, пока предмет находился в его руках. То же самое касалось строителей: если человек строил дом, он был ответственен за его прочность; врач был ответственен за жизнь своего пациента.

Во-вторых, мы замечаем важность оформления всего в письменной форме — брак без письменного договора был недействителен; человек, который принимал товары на хранение, агент, который получал товары от торговца, если у него не было документа, подтверждающего это, не мог требовать юридической помощи в случае разногласий. У нас есть бесчисленные договорные таблички этого периода, содержащие печати и имена свидетелей именно таких сделок, как предусмотрено в кодексе, которые показывают, насколько хорошо соблюдался этот принцип.

Закон возмездия или *jus talionis* является еще одной важной особенностью, так как он также занимает видное место в Моисеевом кодексе. Это выражается в известной фразе «око за око, зуб за зуб». Попытка сделать наказание точно соразмерным преступлению доходит до такой степени, что если дом обрушился и убил владельца, строитель подлежал смертной казни, если погиб сын владельца, убивали сына строителя. В нескольких законах мы замечаем особо гуманные положения, показывающие, что царь действительно заботился об интересах своих подданных, и что его слова на надписи и его желание быть отцом для своего народа не были пустыми хвастовствами. Это особенно заметно в положении, касающемся должников (пункт 45), в положениях о наследовании и, в частности, в пункте, касающемся больной жены (148).

Не следует предполагать, что все законы, содержащиеся в кодексе Хаммурапи, датируются его правлением. Некоторые из них были гораздо старше, о чем свидетельствует разница в представленных уровнях культуры. Некоторые даже назначают разные наказания за одно и то же преступление (см. пункты 6 и 8). Как указал профессор Ястроу¹, испытание водой не могло быть изобретено в тот же период, что и подробные положения о наследовании имущества.

Так называемые шумерские внутренние законы, которые очень похожи на те, что мы имеем перед собой, были известны еще до открытия кодекса Хаммурапи и, как известно,

уже использовались в то время. Кодекс содержит около 280 статей и составлен в относительно систематическом порядке. Из-за ограниченности места невозможно привести все положения в подробностях (). Было решено рассмотреть каждую категорию законов в целом, в некоторых случаях приводя лишь краткое изложение категории.^[31]

Разные положения

1. Если человек накладывает заклятие на другого человека (*т. е.* обвиняет его) и проклинает его, но не может этого доказать, тот, кто наложил заклятие, будет казнен.

2. Если человек накладывает заклятие на другого человека и не может этого доказать, тот, на кого было наложено подозрение, должен пойти к реке и окунуться в нее. Если река захватит его, тот, кто наложил заклятие, получит его дом. Если река покажет, что он невиновен, и он не пострадает, тот, кто наложил на него подозрение, будет казнен. Тот, кто погрузился в реку, должен забрать дом того, кто наложил на него заклятие.

3. Если человек обвинил свидетелей в судебном процессе в злонамеренности и не доказал своих слов; если судебный процесс касался жизни (и смерти), этот человек будет казнен.

4. Если он послал свидетелям зерно и серебро, он понесет наказание по иску.

5. Если судья вынес приговор, принял решение и зафиксировал его в письменной форме, а затем аннулировал свой приговор, этот судья за изменение своего решения будет привлечен к ответственности; он должен будет выплатить двенадцатикратную сумму наказания, назначенного в его решении, и будет публично отстранен от своего судейского кресла. Он не должен возвращаться и не должен заседать в суде вместе с другими судьями.

6. Если человек украл имущество у бога или из дворца, этот человек должен быть казнен; и тот, кто получил украденное имущество из его рук, должен быть казнен.

7. Если человек купил или получил на хранение серебро, золото, раба или рабыню, вола, овцу, осла или что-либо другое из рук сына другого человека или раба другого человека без свидетелей или договора, то этот человек будет казнен как вор.

8. Если кто-либо украл вола, овцу, осла, свинью или лодку, принадлежащие богу или дворцу, он должен вернуть их в тридцатикратном размере; если они принадлежат знатному человеку, он должен вернуть их в десятикратном размере; если у вора нет ничего, чем он мог бы заплатить, он должен быть казнен.

9. Если кто-либо, потерявший что-либо, найдет свою утраченную вещь в руках (во владении) другого; если человек, у которого была найдена утраченная вещь, скажет: «Торговец продал ее мне, я заплатил за нее в присутствии свидетелей», а владелец утраченной вещи скажет: «Я приведу свидетелей, которые знают о моей утрате», то покупатель должен привести продавца, который продал ему эту вещь, и свидетелей, в присутствии которых он ее купил, а владелец утраченной вещи должен привести свидетелей, которые знают о его утрате: судья должен рассмотреть их слова, и свидетели, в присутствии которых была совершена покупка, и свидетели, которые знают о вещи, должны дать показания перед Богом. Продавец является вором и должен быть казнен. Владелец потерянного предмета получит этот предмет; покупатель получит обратно деньги, которые он заплатил, из дома продавца.

10. Если покупатель не приведет продавца, который продал ему вещь, и свидетелей, в присутствии которых он ее купил; если владелец утраченной вещи приведет свидетелей, знакомых с его вещью, покупатель является вором и должен быть казнен; владелец получит свою утраченную вещь.

11. Если владелец утраченного предмета не приведет своих экспертов-свидетелей, то он является злоумышленником; он ложно обвинил, он должен быть казнен.

12. Если продавец умер, покупатель получает из дома продавца пятикратную сумму судебных издержек.

13. Если у этого человека нет свидетелей под рукой, судья даст ему отсрочку на шесть месяцев. Если через шесть месяцев его свидетели не явятся, этот человек является злодеем и должен нести расходы по иску.

14. Если кто-либо похитит несовершеннолетнего сына человека, он должен быть казнен.

Правила, касающиеся рабов

15. Если кто-либо вывел из ворот дворцового раба или дворцовую рабыню, раба знатного человека или рабыню знатного человека, он будет казнен.

16. Если кто-либо укрывает в своем доме беглого раба или рабыню из дворца или дома знатного человека и не выдает их по приказу *управляющего*, хозяин дома будет казнен.

17. Если кто-либо поймал беглого раба или рабыню в поле и привел их обратно к их хозяину, то хозяин раба должен дать ему два сикля серебра.

18. Если этот раб не назовет своего хозяина, то его следует привести во дворец; его дело будет расследовано; его следует привести к его хозяину.

19. Если он оставит этого раба в своем доме, и если позже раб будет найден в его руках, то этот человек будет предан смерти.

20. Если раб сбежит из дома того, кто его поймал, то этот человек должен поклясться владельцу раба во имя Бога, и он будет освобожден.

Положения, касающиеся грабежа

21. Если кто-либо проломил дыру в доме, перед этой дырой его убьют и похоронят.

22. Если кто-либо совершил грабеж и был пойман, он должен быть убит.

23. Если грабитель не пойман, то человек, который был ограблен, должен предъявить перед Богом претензию на все, что у него было украдено, и город и его правитель, на территории и в пределах которых произошло ограбление, должны вернуть ему все, что он потерял.

24. Если это была жизнь, город и правитель должны заплатить одну мину серебра его народу.

25. Если в доме человека вспыхнет пожар, и кто-то, пришедший туда, чтобы потушить его, поднимет глаза на имущество хозяина дома и возьмет имущество хозяина дома, то этот человек будет брошен в огонь.

О аренде и возделывании земли

Особые правила регулировали владения чиновников или констеблей, работавших на короля. По-видимому, им были предоставлены государством земли, которые были неотчуждаемыми; они не могли продавать их, передавать по завещанию жене или дочери

или отдавать в залог за долги. В отсутствие владельца он мог передать землю на хранение другому лицу, чтобы тот управлял ею от его имени. Обычно этим занимался сын или жена. Трехлетнее отсутствие или невыполнение обязанностей лишало его права на землю. Никто не мог послать вместо себя заместителя под страхом смертной казни как для себя, так и для заместителя. Офицеры короля могли покупать землю по собственному праву, которой они могли свободно распоряжаться по своему усмотрению (), а также могли продавать землю, которая принадлежала им по должностному праву, другому офицеру.

42. Если кто-либо взял поле для возделывания и не вырастил на нем зерно, он будет обвинен в невыполнении своих обязанностей на поле; он должен будет отдать владельцу поля зерно, равное по количеству урожаю соседнего поля.

43. Если он не возделывал поле, оставил его лежать, он должен отдать владельцу поля зерно, равное урожаю соседнего поля; а поле, которое он оставил не возделанным, он должен вспахать, засеять и вернуть его владельцу.

44. Если кто-либо нанял невосстановленное поле на три года, чтобы вскрыть (обработать) его, но забросил его, не вскрыл поле, то на четвертый год он должен вспахать поле, прополоть его, засеять и вернуть владельцу поля, а также отмерить 10 ГУР зерна за каждые 10 ГАН.

45. Если человек сдал свое поле в аренду земледельцу для получения урожая и получил свой урожай, а затем пришла буря и уничтожила урожай, убыток несет земледелец.

46. Если он не получил урожай со своего поля, но отдал свое поле на половину или треть доли, то зерно, которое находится на поле, владелец и возделыватель должны разделить в соответствии с их договором.

47. Если возделыватель, поскольку в первый год он не получил своего пропитания (?), поручил возделывать поле другому, владелец поля не должен винить этого возделывателя, его поле было возделывано; во время сбора урожая он должен получить зерно в соответствии с договором.

48. Если у человека есть долг, а буря опустошила его поле и унесла урожай, или если зерно не выросло из-за нехватки воды, в том году он не должен отдавать зерно кредитору; он должен замочить свою табличку (в воде, *т. е.* изменить ее) и не платить проценты за тот год.

49. Если кто-либо занял деньги у купца и отдал ему вспаханное поле, засеянное зерном или кунжутом, и сказал ему: «Возделывай поле, собери урожай и заberi зерно или кунжут, которые на нем находятся», — когда возделыватель вырастил зерно или кунжут на поле, во время сбора урожая владелец поля должен забрать зерно или кунжут, которые находятся на поле, и отдать купцу зерно в обмен на деньги с процентами, которые он взял у купца, и на содержание возделывателя.

50. Если он дал ему (уже) возделанное поле (с зерном) или поле с кунжутом, то владелец поля должен получить зерно или кунжут, которые находятся на поле; деньги и проценты он должен отдать купцу.

51. Если у него нет денег, чтобы заплатить ему, он должен отдать купцу кунжут, равный по стоимости деньгам, которые он получил от купца, с процентами в соответствии с тарифами короля.

52. Если земледелец не вырастил зерно или кунжут на поле, его договор не изменяется.

О каналах

Каналы, построенные Хаммурапи, часто упоминаются в его надписях, поэтому мы ожидаем найти упоминание о них в его законах. Пункты 53-56 связаны с этой темой:

53. Если кто-либо из-за лени не поддерживает свои дамбы в исправном состоянии и не выполняет свои обязанности, и если в его дамбе образовалась брешь и поля затоплены водой, то человек, в чьей дамбе образовалась брешь, должен возместить зерно, которое он уничтожил.

54. Если он не в состоянии возместить зерно, он и его имущество будут проданы, а люди, чье зерно унесло водой, разделят (выручку).

55. Если кто-либо открывает свои оросительные каналы, чтобы впустить воду, но проявляет небрежность, и вода затопляет поле его соседа, он должен отмерить последнему зерно пропорционально урожаю соседнего поля.

56. Если кто-либо впустит воду, и она затопит урожай на поле его соседа, он должен отмерить ему 10 ГУР зерна за каждые 10 ГАН (земли).

Каждый земледелец имел сложную систему небольших водотоков, покрывающих его землю, в которые он в определенные времена впускал воду из главного канала. Когда он поливал свое поле, он снова перекрывал соединение, но если он забывал это сделать, вода продолжала поступать и в конечном итоге затопляла землю его соседа.

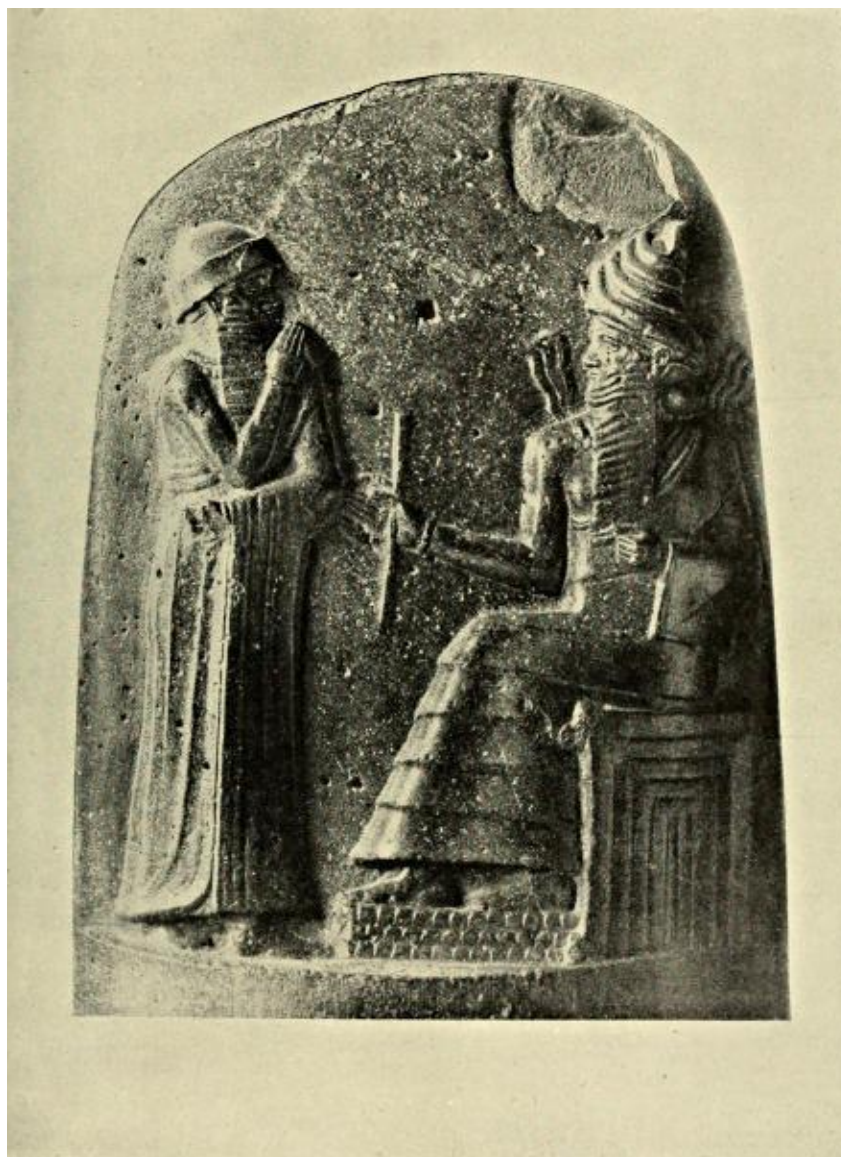
Если пастух без разрешения выпасал свое стадо на поле, он был обязан вернуть владельцу определенное количество зерна. Любой, кто без разрешения срубил дерево, должен был заплатить половину мины серебра.

Около тридцати пяти пунктов, с 65 по 100, были стерты. Этот пробел был частично заполнен из старых фрагментов другой предполагаемой копии этого кодекса, хранящейся в Британском музее. Один из этих дополнительных фрагментов касается аренды жилья: если арендатор заплатил аренду за весь год, а арендодатель выселяет его до окончания срока, арендодатель должен вернуть арендатору пропорциональную часть денег, которые тот ему заплатил.

Торговля, долги

Обратная сторона стелы начинается с продолжения законов, регулирующих торговые отношения, которые чрезвычайно важны, поскольку демонстрируют высокоразвитую систему. Если агент не находил возможности для сделки там, куда он отправился, он должен был вернуть капитал купцу; то же самое происходило, если с ним случалось какое-либо несчастье в том месте, куда он отправился. Если его ограбили по дороге, он должен был поклясться перед Богом, что потеря произошла не по его вине, и тогда мог уйти свободным. Агент должен был составить письменное заявление о полученных товарах и получить квитанцию о выплаченных купцу деньгах. Без этой квитанции он не мог претендовать на свои деньги в случае разногласий.

Любопытно, что продавцами вина, по-видимому, были женщины. В пункте 109 мы читаем: если виноторговец, когда в его доме собираются мятежники, не арестует их и не доставит во дворец, то этот виноторговец будет казнен. 110. Если верующая, не проживающая в храме, откроет таверну или войдет в таверну, чтобы выпить, она будет сожжена.

БОГ ШАМАШ ДИКТУЕТ КОДЕКС ЗАКОНОВ ЦАРЮ ХАММУРАБИ

Законы, касающиеся долгов, рассматриваются в пунктах 113-119. Человек мог быть заключен в тюрьму за долги или, как в Моисеевом кодексе, он мог продать свою жену и детей в рабство за долги, но только на три года. Мы имеем особенно печальную картину тюрьмы того периода в письме, датированном правлением Хаммурапи. Оно написано заключенным человеком своему хозяину. Он описывает место своего заключения как «дом нужды» и просит еды и одежды, чтобы не умереть и не быть съеденным собаками. Если должник умирал естественной смертью в заключении, дело считалось закрытым, но:

116. Если заключенный умер в месте заключения в результате побоев или жестокого обращения, владелец заключенного должен призвать своего купца к ответу. Если этот человек был свободнорожденным, его сын (купца) должен быть убит; если он был рабом, он должен заплатить треть мины серебра и лишиться всего, что он ему дал.

117. Если кто-либо имеет долги, продает жену, сына или дочь за золото или отдает их в рабство, они должны трудиться три года в доме своего покупателя или надсмотрщика; на четвертый год он должен отпустить их на свободу.

118. Если он отдает мужчину или женщину в рабство, и если купец передает их дальше, продает за деньги, то протеста не будет.

119. Если кто-либо имеет долг и продает раба, который родил ему детей, деньги, которые заплатил купец, владелец раба должен вернуть ему и выкупить своего раба.

Пункты 120-126 касаются хранения зерна и другого имущества у другого лица. Требовалось письменное соглашение, и лицо, получившее в хранение имущество, несло ответственность за вверенное ему имущество.

120. Если кто-либо хранил свое зерно в доме другого для хранения, и в зернохранилище произошла катастрофа, или хозяин дома открыл зернохранилище и вынул зерно, или если он оспаривает всю сумму, которая была ему передана на хранение, владелец зерна должен предъявить свои права на зерно перед Богом, и хозяин дома должен вернуть владельцу в полном объеме зерно, которое он взял.

Внутреннее законодательство, развод, наследование

Законы, касающиеся внутреннего законодательства, особенно интересны, поскольку показывают положение женщин. Из других документов того периода мы знаем, что они могли владеть имуществом от своего имени и вести дела, и здесь мы видим, что их положение уважалось.

127. Если кто-либо обвинил верующего или жену мужчины и не доказал (свое обвинение против) этого мужчины, его следует привести перед судьей и клеймить на лбу.

Для законного брака был необходим договор:

128. Если кто-либо женился на женщине, но не заключил с ней договора, эта женщина не является женой.

Если мужчина был взят в плен и во время его отсутствия его жена вышла замуж за другого, при том что в доме были средства к существованию, ее топили. Но если у нее не было средств к существованию, ее поступки считались оправданными. Если в последнем случае муж возвращался, его жена должна была вернуться к нему, но дети от второго брака оставались с отцом. Если мужчина был беглецом и покинул свой родной город, но через некоторое время вернулся и захотел снова жить со своей женой, она не должна была возвращаться к нему.

Законы о разводе были очень похожи на те, которые существуют сегодня в мусульманских странах. Если женщина не имела детей, а ее муж хотел развестись с ней, она получала свое приданое и брачную долю и возвращалась в дом своего отца. Если она родила детей, а ее муж все равно хотел развестись с ней, она получала, помимо брачной доли, достаточно средств для воспитания детей; а когда они вырастали, из всего, что они получали в виде наследства (), они должны были отдать ей долю сына. Она также могла свободно выйти замуж снова. Если женщина была разведена по своей вине, она ничего не получала.

141. Если жена мужчины, живущая в его доме, решает уйти, сеет раздор, растрчивает его имущество, пренебрегает своим мужем, ее следует привлечь к ответственности. Если ее муж говорит: «Я отвергаю ее», он должен отпустить ее и не давать ей ничего за развод. Если ее муж скажет: «Я не отвергаю ее», то ее муж может взять другую жену; эта (первая) жена должна остаться в доме своего мужа как рабыня.

Женщина, которая хотела развода, если она могла доказать вину мужа в этом, могла забрать свой приданой и уйти домой; но если вина была на ней, ее бросали в воду.

Особенно гуманным является следующее положение:

148. Если кто-либо взял жену, и она заболела, и если он настроен взять другую жену, он может взять (ее), но свою жену, которая заболела, он не может отвергнуть, она должна жить в доме, который он построил, и пока она жива, он должен содержать ее.

149. Если эта женщина не желает жить в доме своего мужа, он должен отдать ей приданое, которое она принесла из дома своего отца, и она должна уйти.

150. Если кто-либо дал своей жене поле, сад, дом или имущество и оставил ей запечатанную табличку, то после (смерти) ее мужа ее дети не должны оспаривать ничего с ней. Мать должна оставить свое наследство ребенку, которого она любит; брату она не должна его давать.

Законы о наследовании более подробно рассматриваются в пунктах 162-184:

162. Если кто-либо женился на женщине, и она родила ему детей; если эта женщина умерла, ее отец не имеет права требовать ничего из ее приданого; ее приданое принадлежит ее детям.

163. Если кто-либо женился на женщине, и она не родила ему детей; если эта женщина умерла, и если приданое, которое этот мужчина взял из дома своего тестя, было возвращено тестем, то муж не имеет права претендовать на приданое этой женщины, оно принадлежит дому ее отца.

164. Если его тесть не вернул ему приданое, он должен вычестить из ее приданого все ее приданое; а ее приданое он должен вернуть дому ее отца.

165. Если кто-либо дал своему сыну, первому в его глазах, поле, сад и дом и написал для него табличку; если впоследствии отец умер, то когда братья делят имущество, он должен оставить себе подарок, который дал ему отец; кроме того, они должны поделить между собой имущество отцовского дома поровну (с ним).

166. Если человек взял жен для своих сыновей, но для своего младшего сына жену не взял, и если впоследствии отец умер, то когда братья делят имущество отцовского дома, младшему брату, который не взял жену, помимо его доли, они должны дать деньги на приданое и заставить его взять жену.

167. Если мужчина женился на женщине, если она родила ему детей, если эта женщина умерла, если впоследствии он взял другую жену, которая родила ему детей, и если впоследствии отец умер: дети не должны делить имущество по материнской линии; они должны взять приданое своей матери; имущество своего отца они должны разделить поровну.

168. Если кто-либо решил лишить своего сына наследства и говорит судье: «Я лишаю своего сына наследства», судья должен расследовать это дело; и если сын не совершил тяжкого преступления, которое привело бы к лишению его наследства, отец не должен лишать своего сына наследства.

169. Если он совершил тяжкое преступление против своего отца, вплоть до лишения его сыновства, то в первый раз он (отец) должен отвернуться от него; но если он совершит тяжкое преступление во второй раз, отец должен лишить своего сына сыновства.

170. Если жена родила мужу детей, и если его слуга родил ему детей; если отец при жизни сказал: «Вы мои дети» детям, которых родила ему его служанка, и считал их детьми своей жены, то после того, как этот отец ушел в мир иной, имущество отцовского дома дети жены и дети служанки разделят поровну. При разделе дети жены выбирают (первыми) и берут.

171. А если отец при жизни не сказал детям, которых родила ему его рабыня: «Вы — мои дети», то после того, как отец ушел в мир иной, дети рабыни не будут делить имущество

отцовского дома с детьми жены. Свобода рабыни и ее детей будет обеспечена. Дети жены не могут требовать от детей рабыни рабства. Жена должна взять свой приданой и подарок, который ей дал муж и записал для нее на табличке, и остаться в доме мужа. Пока она жива, она должна хранить их и не отдавать за деньги; после ее смерти они принадлежат ее детям.

172. Если муж не дал ей подарка, она получит всю свою приданую часть; и из имущества дома мужа она возьмет часть, как сын. Если ее дети заставляют ее уйти из дома, судья расследует дело, и если вина возлагается на детей, эта женщина не должна уходить из дома мужа. Если же женщина твердо решила уйти, то подарок, который дал ей муж, она должна оставить своим детям. Приданое, которое она получила от отца, она должна оставить себе, а мужа она должна выбрать по своему усмотрению.

173. Если эта женщина, туда, куда она вошла, родила детей от своего второго мужа, и если впоследствии эта женщина умрет, ее приданое должны разделить между собой ее первые и поздние дети.

174. Если она не родила детей от второго мужа, ее приданое должны получить дети от первого мужа.

175. Если свободнорожденная женщина вышла замуж за дворцового раба или раба знатного человека и родила детей, владелец раба не может предъявлять права на детей свободнорожденной женщины.

176. И если свободнорожденная женщина вышла замуж за дворцового раба или раба знатного человека, и если, когда он женился на ней, она вошла в дом дворцового раба или раба знатного человека с приданным из дома своего отца, и с того момента, как они основали свой общий дом, приобрели имущество; если впоследствии либо раб дворца, либо раб знатного человека умер, то свободная женщина заберет свое приданое, а все, что ее муж и она приобрели с момента начала совместной жизни, они разделят на две части: одну половину заберет владелец раба, а другую половину заберет свободная женщина для своих детей.

176 а. Если свободная женщина не имела приданого, все, что она и ее муж приобрели с момента начала совместной жизни, они должны разделить на две части. Половину получает владелец раба, а половину — свободная женщина для своих детей.

177. Если вдова, чьи дети еще маленькие, решила перейти в другой дом, не посоветовавшись с судьей, она не должна этого делать. Когда она переходит в другой дом, судья должен расследовать, что осталось от дома ее прежнего мужа; и имущество дома ее прежнего мужа должно быть передано ее новому мужу и этой женщине (ей самой), и им должна быть выдана табличка. Они должны содержать дом и воспитывать детей; они не должны отдавать посуду за деньги. Покупатель, который купит посуду, принадлежащую детям вдовы, потеряет свои деньги; имущество вернется его владельцу.

178. Если посвященная или даровавшая обет женщина, которой отец дал приданое, имеет табличку, на которой он написал для нее, но не написал: «После нее она может дать тому, кому захочет», не разрешил ей все желания ее сердца; то после того, как отец уйдет в мир иной, ее поле и сад должны быть взяты ее братьями, и в соответствии со стоимостью ее приданого они должны дать ей зерно, масло и шерсть и удовлетворить ее сердце. Если ее братья не дали ей зерна, масла и шерсти в соответствии со стоимостью ее приданого и не удовлетворили ее сердце, она должна отдать свое поле и сад земледельцу, который ей

нравится, и ее земледелец должен содержать ее. Поле, огород и все, что дал ей отец, она будет хранить до конца своих дней, но не будет продавать за деньги и не будет отдавать другому; ее наследство принадлежит ее брату.

179. Если посвященная или даровавшая обет женщина, которой отец дал приданое и написал ей табличку, и на табличке, которую он ей написал, написано: «имущество, которое (кому) ей угодно отдать (пусть отдает)», позволил ей исполнить все желания ее сердца: после того, как отец ушел в мир иной, ее имущество после ее смерти она должна отдать кому угодно; ее братья не должны с ней спорить.

180. Если отец не дал своей дочери, невесте или женщине, давшей обет, приданое, то после того, как отец ушел в мир иной, она получит из имущества отцовского дома долю, равную доле одного сына. Пока она жива, она будет владеть ею; после ее смерти ее имущество перейдет к ее братьям.

181. Если отец поклялся Богу в посвящении в храмовую девственницу и ушел в мир иной, она получит долю в имуществе отцовского дома, равную одной трети доли одного из его детей. Она будет владеть ею до конца своих дней. После ее смерти ее имущество перейдет к ее братьям.

182. Если отец своей дочери, поклоннице Мардука из Вавилона, не дал приданого, табличка не была написана; после того, как отец ушел в мир иной, она должна разделить с братьями имущество отцовского дома; треть своей доли как его дитя (она должна получить). Контроль над ним не должен уходить от нее. Посвященный Мардуку должен передать ее имущество после ее смерти тому, кому она пожелает.

183. Если отец дал своей дочери от наложницы приданое, выдал ее замуж и написал ей табличку, то после того, как отец ушел в мир иной, она не будет иметь права на долю в имуществе отцовского дома.

184. Если мужчина не предоставил своей дочери от наложницы приданое, не выдал ее замуж, то после того, как отец ушел в мир иной, ее братья должны предоставить ей приданое в соответствии со стоимостью отцовского дома и выдать ее замуж.

Законы об усыновлении

185. Если мужчина взял маленького ребенка в качестве сына на свое имя и воспитал его, то этот приемный ребенок не подлежит возврату.

186. Если мужчина взял маленького ребенка в качестве сына, и если, когда он взял его, он обидел его отца и мать, то этот приемный ребенок должен вернуться в дом своего отца.

187. Сын раба, служившего во дворце, или сын женщины, давшей обет, не может быть возвращен.

188. Если ремесленник взял ребенка на воспитание и научил его своему ремеслу, никто не может подать жалобу.

189. Если он не научил его своему ремеслу, то приемный ребенок должен вернуться в дом своего отца.

190. Если мужчина, взяв маленького ребенка в качестве сына и воспитав его, не считает его своим сыном, то приемный сын должен вернуться в дом своего отца.

191. Если человек, который взял маленького ребенка за сына и воспитал его, впоследствии создал семью и обзавелся детьми, и если он решил изгнать приемного ребенка, то этот ребенок не должен уходить. Его приемный отец должен дать ему из своего имущества одну треть доли сына, и тогда он может уйти. Он не должен давать ему поля, сада и дома.

192. Если сын любимого раба или сын женщины, давшей обет, скажет отцу, который его воспитал, и матери, которая его воспитала: «Ты не мой отец, ты не моя мать», то ему вырежут язык.

193. Если сын любимого дворцового слуги или сын женщины, давшей обет, узнал дом своего отца и возненавидел отца, который его воспитал, и мать, которая его воспитала, и ушел в дом своего отца, ему вырвут глаза.

194. Если мужчина отдал своего сына кормилице, и если его сын умер на руках кормилицы, и если кормилица без согласия его отца или матери вскормила другого ребенка, она должна быть привлечена к ответственности, и за то, что она вскормила другого ребенка без согласия отца и матери, ей должны отрезать груди.

Законы возмездия

195. Если сын ударил своего отца, ему отрежут руки.

196. Если кто-то лишит зрения свободнорожденного человека, то и его лишат зрения.

197. Если кто-либо сломал конечность свободнорожденного человека, его конечность должны сломать.

198. Если он лишил зрения дворянина или сломал конечность дворянина, он должен заплатить одну мину серебра.

199. Если он выбил глаз рабу свободнорожденного человека или сломал конечность рабу свободнорожденного человека, он должен заплатить половину его цены.

200. Если он выбил зубы человеку, равному ему, то ему выбьют зубы.

201. Если он выбил зубы освобожденному рабу, он должен заплатить одну треть мины серебра.

202. Если кто-либо нанес ущерб здоровью человека, стоящего выше него, он будет публично подвергнут шестидесяти ударам кожаным кнутом.

203. Если он нанес ущерб здоровью человека, равного ему, он должен заплатить одну мину серебра.

204. Если он нанес ущерб здоровью освобожденного раба, ему отрежут ухо.

205. Если раб человека нанес вред здоровью свободнорожденного человека, ему отрежут ухо.

206. Если человек ударил другого во время ссоры и ранил его, а тот человек поклялся: «Я не ударил его умышленно», он должен заплатить врачу.

207. Если тот умрет от ударов, он должен поклясться снова, и если это был свободный человек, он должен заплатить половину мины серебра.

208. Если это был вольноотпущенник, он должен заплатить треть мины серебра.

209. Если кто-либо ударил свободнорожденную женщину и вызвал у нее выкидыш, он должен заплатить десять сиклей серебра за то, что было в ее утробе.

210. Если эта женщина умрет, то его дочь будет казнена.

211. Если это была освобожденная рабыня, которую он ударил и вызвал выкидыш, он должен заплатить пять сиклей серебра.

212. Если эта женщина умрет, он должен заплатить половину мины серебра.

213. Если он ударил служанку мужчины и вызвал выкидыш, он должен заплатить два сикля серебра.

214. Если эта служанка умрет, он должен заплатить треть мины серебра.

Правила, касающиеся врачей и ветеринарных хирургов

215. Если врач лечил человека от тяжелой раны бронзовым скальпелем и вылечил его, или вскрыл опухоль бронзовым скальпелем и вылечил глаз человека, он должен получить десять сиклей серебра.

216. Если это был вольноотпущенник, он получит пять сиклей серебра.

217. Если это был раб человека, то владелец раба должен дать врачу два сикля серебра.

218. Если врач лечил свободнорожденного человека от тяжелой раны бронзовым скальпелем и привел его к смерти, или вскрыл опухоль этого человека бронзовым скальпелем и повредил ему глаз, то ему отрубят руки.

219. Если врач лечил раба освобожденного раба от тяжелой раны бронзовым скальпелем и привел его к смерти, он должен вернуть раба за раба.

220. Если он вскрыл его опухоль бронзовым скальпелем и повредил ему глаз, он должен заплатить половину его цены деньгами.

221. Если врач вылечил сломанную конечность человека или исцелил его больное тело, пациент должен заплатить врачу пять сиклей серебра.

222. Если это был освобожденный раб, он должен заплатить три сикля серебра.

223. Если это был раб человека, то владелец раба должен дать врачу два сикля серебра.

224. Если врач, лечащий волов и ослов, вылечил вола или осла от тяжелой раны, то владелец вола или осла должен заплатить врачу в качестве вознаграждения одну шестую часть шекеля серебра.

225. Если он лечил вола или осла от тяжелой раны и причинил ему смерть, он должен заплатить четверть его цены владельцу вола или осла.

Незаконное клеймение рабов

226. Если цирюльник-хирург без согласия владельца раба клеймил раба несмываемым знаком, то такому цирюльнику отрубают руки.

227. Если кто-либо обманет цирюльника-хирурга и заставит его клеймить раба несмываемым клеймом, то этого человека убьют и похоронят в его доме. Цирюльник поклянется: «Я не клеймил его сознательно», и он будет невиновен.

Правила, касающиеся строителей

228. Если строитель построил для кого-либо дом и закончил его, то за каждый сар дома он должен дать ему два сикля серебра в качестве вознаграждения.

229. Если строитель построил для кого-то дом и не укрепил свою работу, и если построенный им дом обрушился и убил владельца дома, то этот строитель должен быть предан смерти.

230. Если он убил сына владельца дома, то сын этого строителя должен быть убит.

231. Если он убил раба владельца дома, то он (строитель) должен отдать владельцу дома раба за раба.

232. Если он уничтожил имущество, он должен восстановить все, что уничтожил; и поскольку дом, который он построил, был некрепким и обрушился, он должен за свой счет восстановить обрушившийся дом.

233. Если строитель построил дом для кого-то и не сделал его фундамент прочным, и стена обрушилась, то этот строитель должен за свой счет укрепить эту стену.

Правила, касающиеся судоходства

234. Если лодочник заделал (?) лодку стоимостью 60 гур для человека, он должен выплатить ему два сикля серебра в качестве вознаграждения.

235. Если лодочник заделал лодку для человека и не укрепил свою работу; если в том же году эта лодка была введена в эксплуатацию и получила повреждение, лодочник должен исправить эту лодку и укрепить ее за свой счет; и он должен передать укрепленную лодку владельцу лодки.

236. Если человек сдал свою лодку лодочнику в аренду, и лодочник был небрежен, посадил лодку на мель или разрушил ее, то лодочник должен выплатить владельцу лодки компенсацию.

237. Если человек нанял лодочника и лодку и загрузил ее зерном, шерстью, маслом, финиками или любым другим грузом; если этот лодочник проявил небрежность, посадил судно на мель и уничтожил все, что в нем было, лодочник должен возместить ущерб за посаженное на мель судно и все, что он уничтожил из того, что в нем было.

238. Если человек посадил лодку на мель и вновь спустил ее на воду, он должен заплатить половину ее стоимости серебром.

239. Если человек нанял лодочника, он должен давать ему 6 гур зерна в год.

240. Если грузовой корабль столкнулся с паром и посадил его на мель, владелец посаженного на мель корабля должен заявить перед Богом обо всем, что было уничтожено в корабле, а (владелец) грузового корабля, который посадил на мель паром, должен возместить ущерб кораблю и всему, что было уничтожено.

Правила, касающиеся найма животных, ведения сельского хозяйства, заработной платы и т. д.

241. Если человек заставил вола выполнять слишком тяжелую работу, он должен заплатить одну треть мины серебра.

242. Если человек нанимает (вола) на один год, он должен заплатить 4 ГУР зерна в качестве платы за работу вола.

243. За наем вола для перевозки грузов (?) он должен выплатить 3 гура зерна его владельцу.

244. Если кто-либо нанял вола или осла, и если на поле лев убил его, убыток несет его хозяин.

245. Если кто-либо нанял вола и привел его к гибели из-за плохого обращения или ударов, он должен вернуть вола за вола владельцу вола.

246. Если кто-либо нанял вола и сломал ему ногу или порезал затылок, он должен вернуть вола за вола владельцу вола.

247. Если кто-либо нанял вола и выбил ему глаз, он должен выплатить владельцу вола половину его стоимости серебром.

248. Если кто-либо нанял вола и сломал ему рог, отрезал хвост или повредил ноздри, он должен заплатить четверть его цены серебром.

249. Если кто-либо нанял вола, и Бог (случайность) поразил его, и он умер, тот, кто нанял вола, должен поклясться именем Бога и будет невиновен.

250. Если разъяренный вол, находящийся на его попечении, затолкнул человека и убил его, то это дело не может быть передано в суд.

251. Если вол толкнул человека (рогами) и при толчке показал ему свой порок, и если он не затупил рога, не запер вола: если этот вол затолкнул свободнорожденного человека и убил его, он должен заплатить половину мины серебра.

252. Если это раб человека, он должен заплатить треть мины серебра.

253. Если человек нанял человека, чтобы тот жил на его поле, и снабдил его семенным зерном (?) и волами, и обязал его возделывать поле; если этот человек украл зерно или растения, и они были изъяты у него, ему отрубят руки.

254. Если он взял семенное зерно (?) для себя и измотал волов, он должен возместить ущерб в соответствии с количеством взятого им зерна.

255. Если он сдал в аренду волов этого человека или украл зерно, не дав ему вырасти на поле, то этого человека следует привлечь к суду, и за 100 ГАН земли он должен отмерить 60 ГУР зерна.

256. Если его община (клан) не возьмет на себя его дело, его следует оставить в поле среди волов. (?)

257. Если человек нанял жнеца, он должен дать ему 8 ГУР зерна за один год.

258. Если человек нанял воловника (?), он должен дать ему 6 ГУР зерна за один год.

259. Если кто-либо украл из поля колесо для полива (Gis-Apin), он должен заплатить владельцу колеса 5 сиклей серебра.

260. Если он украл ведро для полива (¹³²¹) или плуг, он должен заплатить три сикля серебра.

261. Если человек нанял пастуха для выпаса скота и овец, он должен заплатить ему 8 гур зерна в год.

262. Если человек, волы или овцы... [камень здесь поврежден].
263. Если он уничтожил быков или овец, которые были ему даны, он должен возместить их владельцу быка за быка и овцу за овцу.
264. Если пастух, которому были отданы на выпас волы и овцы, получил свою плату, о которой было договорено, и его сердце довольно; если он уменьшил количество волов или овец, уменьшил потомство, он должен дать потомство и продукцию в соответствии со словами своего соглашения.
265. Если пастух, которому были переданы на выпас волы и овцы, обманул, изменил цену или отдал их за деньги, он будет привлечен к суду и должен будет вернуть владельцу волов и овец в десятикратном размере того, что он украл.
266. Если в овчарне произошло бедствие от Бога или если лев убил, пастух должен очиститься перед Богом, а владелец овчарни должен нести ответственность за бедствие, произошедшее в овчарне.
267. Если пастух был небрежен и в овчарне причинил ущерб, пастух должен возместить ущерб, который он причинил в овчарне, волами и овцами и отдать их владельцу в хорошем состоянии.
268. Если человек нанял вола для молотьбы, его наем составляет 20 КА зерна.
269. Если он нанял осла для молотьбы, то его наем составляет 10 КАЛО.
270. Если он нанял молодое животное для молотьбы, его наем составляет 1 КА зерна.
271. Если кто-либо нанял волов, повозку и возчика, он должен заплатить 180 КА за один день.
272. Если кто-либо нанял только телегу, он должен заплатить 40 кало за один день.
273. Если кто-либо нанял поденного рабочего, с первого дня года до пятого месяца он должен платить ему 6 ШЕКЕЛЕЙ серебра в день; с шестого месяца до конца года он должен платить ему 5 **шекелей** серебра в день.
274. Если кто-либо нанимает ремесленника, — заработная плата ... составляет 5 ШЕКЕЛЕЙ серебра; заработная плата кирпичника (?) составляет 5 шекелей серебра; заработная плата портного составляет 5 шекелей серебра; заработная плата каменотеса (?) ... ШЕКЕЛЕЙ серебра; заработная плата ... шекелей серебра; заработная плата ... шекелей серебра; заработная плата плотника — 4 ШЕКЕЛЯ серебра; заработная плата ... 4 шекеля серебра; заработная плата ... шекелей серебра; заработная плата каменщика ... шекелей серебра — в день он должен давать.
275. Если кто-либо нанял (паром?), его наем составляет 3 ШЕКЕЛЯ серебра в день.
276. Если он нанял грузовой корабль, он должен дать 2½ ШЕКЕЛЯ серебра в день в качестве арендной платы.
277. Если кто-либо нанял лодку вместимостью 60 ГУР, он должен платить одну шестую шекеля серебра в качестве арендной платы.

Правила, касающиеся покупки рабов

278. Если кто-либо купил раба или рабыню, и до конца месяца на него обрушилась болезнь бенну, он должен вернуть его продавцу, а покупатель должен забрать обратно деньги, которые он заплатил.

279. Если кто-либо купил раба или рабыню и на него поступила жалоба, продавец должен ответить за эту жалобу.

280. Если кто-либо купил мужчину или женщину-раба другого человека в чужой стране; когда он прибыл в страну и владелец мужчины или женщины-раба узнал свою собственность; если этот мужчина или женщина-раб являются уроженцами этой страны: без денег он должен даровать им свободу.

281. Если они из другой страны, покупатель должен заявить перед Богом о деньгах, которые он заплатил; владелец раба или рабыни должен отдать торговцу деньги, которые он заплатил, и вернуть своего раба или рабыню.

282. Если раб сказал своему хозяину: «Ты не мой хозяин», его следует привести на суд как раба, и его хозяин должен отрезать ему ухо.

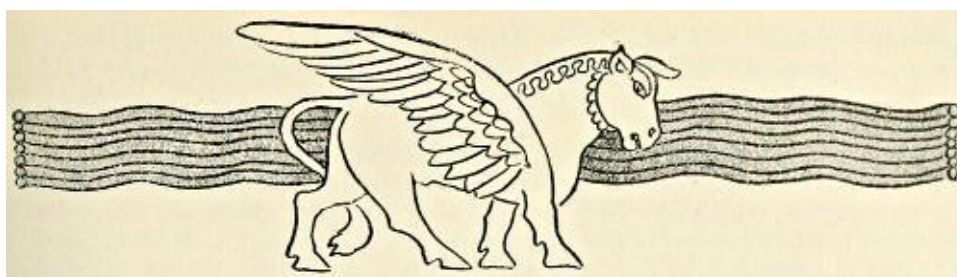
Представив этот замечательный свод законов в полном объеме, вряд ли необходимо комментировать его подробно. Он заслуживает самого пристального изучения со стороны всех, кто интересуется нравами и обычаями этого далекого периода. До раскопок в Месопотамии ни один историк не мог и надеяться, что нам когда-нибудь представится столь разнообразное и авторитетное изложение законов, которые регулировали жизнь общества в любой части мира в третьем тысячелетии до нашей эры. Благодаря нерушимости материалов, на которых писали вавилоняне, это кажущееся чудом событие теперь произошло, и мы находимся на пути к получению гораздо более точных и достоверных знаний о культуре этого древнего народа, чем мы когда-либо сможем получить о европейских народах, живших на две тысячи лет позже. Законы, которые регулировали жизнь греков и римлян в более ранний период, а также подробности о практических аспектах их цивилизации, в большинстве своем сохранились для нас только благодаря традициям, которые совершенно не обладают аутентичностью такого оригинального документа, как этот кодекс Хаммурапи. Пески Египта недавно подарили нам папирусный свиток, на котором записан знаменитый трактат Аристотеля о конституции Афин; и то рвение, с которым этот документ изучают студенты, занимающиеся греческой историей, само по себе свидетельствует о скудности авторитетных документов, касающихся классического мира этого относительно недавнего периода. Поэтому особенно приятно иметь возможность вернуться к гораздо более отдаленному периоду и узнать, как бы из первых рук, такие интересные подробности о законах, которые регулировали социальные отношения этих предшественников греков. Тот факт, что самая ранняя европейская цивилизация, несомненно, во многом уступала этой более отдаленной цивилизации Востока, придает дополнительную важность этим замечательным документам из древней Вавилонии.^а

СНОСКИ

[30] Однако небольшие лодки аналогичной конструкции изображены на барельефе, который, по-видимому, представляет сцену на ассирийской реке или озере.

[31] [Перевод основан на упомянутых во введении источниках, а также на сравнении с вавилонским текстом, приведенным в транскрипции В. Шейла.⁹¹

[32] [Египтяне называют это устройство *шадуф*. Оно служит для забора воды из канала для орошения и приводится в действие вручную, в то время как колесо для той же цели (*сакие*) приводится в движение животным.]

ГЛАВА VIII. РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНЦЕВ И АССИРИЙЦЕВ

Писателю любой национальности всегда чрезвычайно трудно оценить особенности другого народа, даже в том, что касается его политической и социальной истории. А когда мы обращаемся к вопросу о религии, эта трудность становится практически непреодолимым препятствием. Очевидно, что необходимо приложить усилия, но мы никогда не можем быть полностью уверены в результатах, по крайней мере, если не знаем конкретных предубеждений отдельного интерпретатора. Возможно, мы не сможем лучше проиллюстрировать эти трудности, чем двумя короткими цитатами, каждая из которых содержит оценку влияния Вавилона в целом и его религиозного влияния в частности.

Одна из этих оценок звучит так:

«Несмотря на мастерство и знания вавилонян, а также их замечательные достижения в искусстве и науке, они имели религию самого низкого и унижительного рода. Истинное понимание природных явлений было невозможно, а прогресс за пределами поверхностного восприятия вещей был остановлен религией, в которой было множество богов, которые, как полагали, нерегулярным и капризным образом вызывали все изменения в природе и все несчастья, происходившие с людьми; таким образом, предвидение и медицина были

заброшены, а бесполезные молитвы и бесполезные жертвоприношения приносились, чтобы умиловить божеств, которые, как полагали, держали судьбу человечества в своих руках».

Другая оценка совершенно иная:

«История Вавилонии представляет более широкий интерес, чем история Египта, благодаря ее более тесной связи с общей историей человечества и замечательному влиянию, которое ее религия, наука и цивилизация оказали на весь последующий прогресс человечества. Ее религиозные традиции, унесенные израильтянами, вышедшими из Ура Халдейского (Бытие xi. 31), стали благодаря этому замечательному народу наследием всего человечества, а ее наука и цивилизация через греков и римлян стали основой современных исследований и прогресса».

Интересно, что эти противоречивые оценки встречаются в одной и той же книге, и разделены между собой всего несколькими страницами. Вероятно, они были написаны разными людьми, поскольку издание, из которого мы цитируем, было опубликовано после смерти автора и «отредактировано и обновлено» другим писателем. Джордж Смит был автором, А. Х. Сейс — редактором, и оба они являются выдающимися ассириологами, поэтому любая цитата из их работ должна считаться высоконадежной. Так что же из этого верно? Имели ли вавилоняне «религию самого низшего и наиболее униженного вида» (), или же это была религия, которая оказала «значительное влияние на весь последующий прогресс человечества», поскольку была принята евреями и через них стала «наследием всего человечества»?

Или, опять же, эти две цитаты менее противоречивы, чем кажутся, и каждая из них является правильным утверждением с определенной точки зрения? Действительно ли вавилонская религия, которую, как говорят, заимствовали евреи, содержала в себе элементы как величия, так и деградации, и поэтому ее можно было интерпретировать так или иначе, в зависимости от того, какой элемент рассматривался в данный момент? Возможно, это более справедливый взгляд. Возможно, эти две фазы можно найти в любой религии. В любом случае, у нас будет много поводов цитировать противоречивые мнения, пытаясь докопаться до истины о религиях различных народов, которые предшествовали нам. И, безусловно, иногда мы будем оставаться в сомнении относительно истинного характера рассматриваемой религии. До тех пор, пока секты христианского мира не смогут прийти к согласию между собой относительно правильного толкования конкретных записей, которые составляют их общую основу, мы вряд ли можем надеяться полностью справедливо интерпретировать религиозные размышления людей другого гения.

Следующее описание ассирийской религии, сделанное Иоахимом Менаном, основано на изучении документов из библиотеки Ашшурбанапала и, как будет видно, представляет собой изложение некоторых деталей данной темы, а не попытку всестороннего анализа. Тем не менее, его подробное описание этих деталей, возможно, даст читателю более четкое представление об ассирийской религии, чем то, которое можно было бы получить из более общего изложения. Как уже отмечалось, любая интерпретация тайн восточной религии при нынешнем состоянии наших знаний неизбежно оставляет желать лучшего.

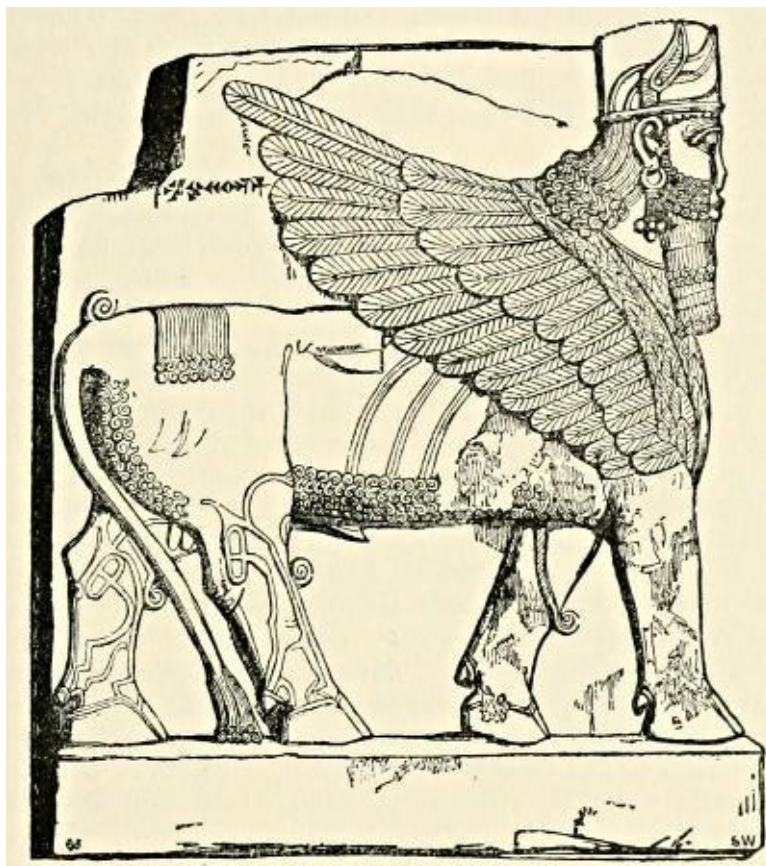
В настоящее время довольно трудно различить связь, которая объединяла науку с астрологией, а астрологию с религией. Ассирио-халдейская догма не сформулирована в тексте, по которому мы могли бы понять ее целиком, и поэтому мы вынуждены искать ее следы в фрагментах из разных источников и разных времен, не имея возможности придать им единство, которое они, должно быть, имели в своей полной форме; другими словами, мы не можем воссоздать ассирийский пантеон в целом.

Самого поверхностного изучения достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с очень сложным политеизмом, но нет текста, который объяснял бы иерархию, которая, должно быть, царила в небесном мире. На вершине этой иерархии можно увидеть божество, единое и в то же время делимое. Догма провозглашает это божество в некоторых отрывках, но когда мы хотим узнать его точную индивидуальность, оно ускользает от нас, так что мы можем ухватить только абстракцию. Мы принуждены верить в небесную иерархию существ, населяющих высший мир и подчиненных всемогущему Богу, который управляет богами, миром и людьми. Он восседает на троне в пространствах, недоступных нам в нашем состоянии, и появляется только в легендах; его сила вмешивается только тогда, когда порядок вселенной находится под угрозой, как мы увидим в легенде об Иштар, когда богиня жилищ мертвых желает удержать дочь Сина в темном жилище, где она так смело удерживается.

Этот всемогущий Бог, по-видимому, недоступен для людей; второстепенные божества вращаются вокруг него и, как и он, кажутся чистыми духами. В религиозной практике можно увидеть собрание божеств, чьи отношения с человечеством более осязаемы. Эти боги принимают более определённую форму, как правило, человеческую, часто соединённую с формой различных животных, рыб, быков или птиц (). Крылья, по-видимому, имеют только одно символическое значение — обозначать существ высшего порядка.

Эти боги имеют довольно четкую иерархию, двенадцать из них известны как «великие боги». Тот, кто кажется главным, меняется в зависимости от местности и времени. На него, по-видимому, влияют политические завоевания, и он меняется в зависимости от военных успехов, которые дают преимущество той или иной местности, где его культ является доминирующим.

В Ниневии богом, который, по-видимому, занимал высшее место в небесной иерархии, является Илу; его характер не определён более точно, и его символ часто представляет собой лишь абстрактное изображение божества.

(Лэйард)

В исторических текстах ассирийских царей мы находим перечень великих богов, к которым взывали правители земли; их число и порядок не всегда постоянны, но среди них мы можем упомянуть: Илу (Ана), которого в Ниневии часто путают с Ашшуром; затем Бел (Баал); и, наконец, Ану. Эти три божества представляются отражением богов высшего мира, о которых мы уже упоминали, но которым мы не смогли присвоить имена. Затем следуют боги, более тесно связанные с видимым миром: Син, бог Луны; Шамаш, бог Солнца; Бин (Рамман или Адад), бог высших слоев атмосферы, арбитр небес и земли, бог, управляющий бурями.

Ряд божеств, по-видимому, особенно посвящен надзору за планетами: Адар над Сатурном, Мардук над Юпитером, Нергал над Марсом, Иштар над Венерой, Набу над Меркурием.

Иштар, кажется, всегда обладает своеобразной и особой индивидуальностью, несмотря на то, что у каждого из великих богов есть супруга, которую часто призывают вместе с ним и которая, кажется, дополняет его. Роль великих супругов великих богов не до конца понятна; в случае с Иштар мы видим фигуру Белтис, чье имя преобразуется и часто становится похожим на имя Иштар, коллективное название всех женских божеств; те, чьи имена кажутся более постоянными, — это Зарпанит, богиня, которая особенно олицетворяет плодородный принцип вселенной, и Тасмит, богиня мудрости. Все женские божества, кажется, имеют прямые отношения с человечеством, но они часто исчезают в высшем и недоступном мире, а затем раскрываются только через вторичные влияния. Вторичные боги, число которых бесконечно, рождаются от этих божественных пар; табличка из библиотеки Ниневии дает нам список двенадцати сыновей Ану с их атрибутами; от этих сыновей рождаются другие божества, но их происхождение мы не можем проследить. То же самое происходит и с другими великими богами.

В Вавилоне божества те же, но иерархия другая; Бел, по-видимому, заменил Илу (Ану), а Мардук занял место Ашшура. Легко увидеть, что эти теогонии происходят из общего источника, который с каждым днем становится для нас все более доступным, но который мы еще не исследовали достаточно, чтобы понять его точную природу.

Художественное развитие, которого халдеи достигли с древнейших времен, позволяет нам легко предположить, что мы должны обнаружить в изображенных памятниках то, что тексты еще не раскрыли нам. К сожалению, мы не можем определить значение фигур на гравированных камнях, пока не получим полного просвещения из текстов. Значение символа нельзя угадать; кроме того, самое большее, что мы можем сделать, это распознать на всех этих изображениях фигуры четырех или пяти божеств — Илу, Набу, Мардука, Иштар и Зарпанит. Кроме того, есть особая причина, по которой мы должны быть предельно осторожны в наших сравнениях: мы знаем, что когда ассирийцы захватывали вражеский город, они уносили с собой изображения чужих божеств и возвращали их владельцам, предварительно нанеся на эти изображения имена ассирийских богов. Поэтому мы не должны слишком доверять ассирийским надписям при определении образа божества, поскольку подобные действия могли повторяться в каждой кампании. Таким образом, мы, несомненно, можем объяснить тот факт, что, хотя во всей Месопотамии абстрактное понятие божества упоминалось под именем Илу, на памятниках Ахеменидов оно фигурирует как Ормузд.

Ассиро-халдейский культ имел очень торжественный ритуал; у нас уже есть большое количество гимнов, обращенных к главным божествам; и поскольку каждый месяц и каждый день месяца находились под покровительством определенного божества, можно понять, что ассиро-халдейский ритуал, должно быть, имел значительное развитие. Существовали гимны, посвященные Набу, Сину, Шамашу, Ануиту, Огню и Стихиям. Вот гимн, который может дать представление о лирической поэзии, многочисленные фрагменты которой хранились в библиотеке Ниневии:

«Господи, освещающий тьму, проникающий в мрак. Добрый Бог, поднимающий тех, кто находится в унижении, поддерживающий слабых. Великие боги обращают свои взоры к твоему свету. Духи бездны с нетерпением созерцают твое лицо. Язык хвалы обращается к тебе как одно слово. Их головы ищут свет южного солнца. Как обрученный, ты покоишься, полный радости и милости. В своей великолепии ты достигаешь пределов Небес. Ты — Стандарт этого широкого мира. О Боже, люди, живущие вдали, созерцают тебя и радуются».

Религиозные церемонии были связаны с внешним поклонением; все они заканчивались молитвой или жертвоприношением. Сцены, выгравированные на цилиндрах, дают нам представление об этих церемониях; обычно мы видим священника в позе поклонения или молитвы, иногда одного, но часто перед алтарем, на котором лежит объект поклонения или то, что будет принесено в жертву. Наиболее обычной жертвой является баран или козленок. Ассирийские цари никогда не начинали важную экспедицию, не призвав богов и не проведя религиозных церемоний; после победы они приносили жертву на границах вновь завоеванных государств. Эти жертвоприношения обычно проводились под открытым небом; тем не менее, в Ассирии и Халдее было много храмов; их традиционная форма — ступенчатая пирамида (зиккурат); в каждом городе было один или два храма такого типа, покровительствованных одним из божеств ассирийского пантеона.

Плита из библиотеки дает нам список этих различных святилищ, где дары верующих умножались и накапливались до тех пор, пока война не рассеяла их.

Космогония занимает большое место на табличках из библиотеки Ашшурбанапала. Среди всех этих табличек известность приобрели те, которые относятся к сотворению мира, в частности к истории потопа. Эти древние традиции образуют целое, которое требует самого пристального внимания. Какие бы филологические объяснения ни принимались, есть один доминирующий момент, который придает этим остаткам неоспоримую важность, и это их связь с утверждениями Моисея. Несомненно, что падение Ниневии предшествовало вавилонскому пленению, а Библия в ее нынешнем виде появилась после возвращения из плена. Поэтому не без интереса сравнить библейские рассказы с текстом, который не мог быть изменен со дня, когда он был погребен под руинами ассирийского дворца. Но это еще не все: эти древние ассирийские легенды на самом деле являются переводом шумерского текста, который Ашшурбанапал скопировал и перевел из библиотек нижней Халдеи, и мы точно знаем, что эти тексты предшествуют правлению древнего Саргона и, следовательно, на несколько веков более древние, чем время, когда Авраам, вероятно, покинул Халдею.

Несомненно, здесь не место для обсуждения чисто филологических вопросов; мы просто скажем следующее: когда мы допускаем ошибку при переводе гимна, обращенного к богу Сину, и применяем его к совершенно другому божеству ассирийского пантеона, это достойная сожаления ошибка; но такая ошибка, даже самая грубая, не повлияла бы на наши нынешние предубеждения. Иначе обстоит дело, если мы обращаемся к тексту, который может повлиять на наши глубокие убеждения, будь то для их укрепления, борьбы с ними или объяснения их происхождения. В Англии и других протестантских странах открытия Джорджа Смита приобрели огромную известность, и его переводы принимаются с энтузиазмом и уверенностью, которые не оправдываются строгой критикой. Во Франции

эти открытия с самого начала вызывали меньший интерес, и ассириологи, изучающие легендарные тексты, подходили к ним с беспристрастностью, что в большей степени способствовало получению научных и правильных исторических результатов.

Тем не менее, из этих источников и авторитетных работ переводы попали в элементарные книги, где их пытались использовать для поддержки предвзятых идей, часто изменяя их истинный смысл. Мы не можем слишком решительно выступать против таких действий. Безусловно, не является новым принципом, что беспристрастная наука должна с совершенной объективностью тщательно изучать все книги, легенды и документы, которые привлекают внимание человеческого разума.

История сотворения мира состоит из нескольких табличек, текст которых был опубликован в 1875 году в *«Трудах Общества библейской археологии»*. Этот текст включает шесть фрагментов, составляющих часть серии табличек, обозначенных в Ассирии под названием «Энува» (т. е. «Раньше»).

АССИРИЙСКАЯ ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ

С тех пор, как Джордж Смит впервые опубликовал эти таблички, были обнаружены различные другие фрагменты, и, пожалуй, самым важным новым открытием стало обнаружение г-ном Л. В. Кингом таблички, содержащей упоминание о сотворении человека. Он обнаружил, что в серию входит семь табличек, и опубликовал все известные на тот момент материалы в своей книге *«Семь табличек сотворения мира»*. Следующие выдержки взяты из его перевода:

Когда на высоте небо еще не имело названия,
И земля внизу еще не носила имени,
И первобытный Апсу, который их породил,
И хаос, Тиамат, мать их обоих, —
Их воды смешались,
И не было ни поля, ни болота;
Когда еще не было созвано ни одного из богов,
И никто не носил имени, и никакие судьбы [не были предначертаны]
Тогда были сотворены боги посреди [неба]
Были сотворены Лакму и Лахаму [.....]
Века увеличивались [.....]
Затем были созданы Аншар и Кишар, и над ними [.....]
Дни были длинными, затем появился [.....]
Ану, их сын,
Аншар и Ану [.....]
И бог Ану [.....]

Далее следуют три таблички, рассказывающие о восстании Тиамат и ее поражении, о чем будет сказано позже.

Пятая табличка начинается так:

Он (Мардук) создал места для великих богов;
Звезды, их образы, как звезды зодиака, он закрепил.
Он установил год и разделил его на части;
Для двенадцати месяцев он закрепил три звезды.
.....

Он заставил сиять бога Луны, ему он доверил ночь.
Он назначил его, существо ночи, определять дни.

Остальная часть таблички довольно сильно повреждена. Шестая начинается так:

Когда Мардук услышал слова богов,
его сердце подсказало ему, и он придумал [хитроумный план].
Он открыл рот и обратился к Эа [сказав]:
То, что он задумал в своем сердце, он передал [ему]:
«Я возьму свою кровь и создам кости,
Я создам человека, чтобы человек мог... [.....]
Я сотворю человека, который будет обитать [на земле],
Чтобы служение богам было установлено и чтобы [их] святилища [были построены].
Но я изменю пути богов и изменю [их пути];

Вместе они будут угнетаемы, и к злу [они.....]»

И Эа ответил ему и произнес слова:

Остальная часть таблички слишком фрагментарна для перевода. Седьмая табличка содержит пятьдесят титулов Мардука.

Помимо этих семи табличек, есть еще несколько, содержащих другие описания сотворения мира. Одна из них касается сотворения скота и полевых зверей.^a

Когда боги на своем собрании сотворили [мир]

И сотворили небеса и образовали [землю]

И привели в существование живые существа [.....]

И [создали] скот полевой, и зверей полевых, и существ [города],—

После того, как [они.....] живым существам [.....]с

Остальная часть слишком повреждена, чтобы понять что-либо, кроме отдельных слов.

ВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ

Тот факт, что эти таблички, как и многие другие вавилонского происхождения, были найдены в ассирийской библиотеке, показывает, что ассирийцы переняли свою религию, как и остальную часть своей культуры, от вавилонян. Действительно, ассирийские мифы, религиозные доктрины и обряды настолько похожи на мифы, доктрины и обряды материнской страны, что, говоря о вавилонской религии, обычно подразумевают и ассирийскую. В свою очередь, вавилонская религия находилась под большим влиянием шумерской, которая была астральной религией. Имена богов написаны с использованием тех же идеограмм, хотя, несомненно, произносились по-разному. Многие тексты написаны на шумерском языке с межстрочными ассирийскими переводами.

Вавилонская религия, как мы видим, сначала существовала в форме местных культов. Каждый город с окружающими его районами имел своего бога, власть которого была верховной. Так, Ану почитали в Эрехе, Бела — в Ниппуре, Эа — в Эриду, Сина — в Уру, Шамаша — в Ларсе и Сиппаре. Когда эти города начали объединяться в политические системы, боги также были объединены в организованный пантеон, в котором политическая ситуация влияла на отношения между богами. Так, когда Вавилон стал столицей империи, его особый бог, Мардук, стал лидером среди богов.

Вторая характерная черта вавилонской религии заключается в том, что она основана на природных явлениях. Мифы являются мифами о природе. История первоначального творения была в некотором роде прототипом того, что происходило каждый год. Земля покрыта водой от зимних дождей (состояние хаоса). Весеннее солнце (Мардук) сражается с водой (Тиамат) и побеждает ее; появляется земля, рождаются всевозможные зеленые растения и жизнь. История о потопе, возможно, относилась к ежегодным наводнениям, к которым, возможно, добавлялись сильные ветры и приливные волны с юга. Такие наводнения происходили в исторические времена. Спуск Иштар в нижний мир знаменует осень, когда все высохло и сгорело под палящим летним солнцем. Иштар отправляется на поиски воды жизни, что в вавилонском мире было наиболее подходящей метафорой, потому что вода действительно была жизнью страны. Без нее земля была засушливой и пустынной,

как сегодня; с ней же ее пышная растительность привела к тому, что регион вокруг Вавилона стали называть садом богов (Карадуниаш).

Легенда о сотворении мира, в том виде, в каком она дошла до нас, должна была быть написана после укрепления империи со столицей в Вавилоне, потому что в этой истории Мардук, хотя и является одним из младших богов, становится поборником и лидером остальных. Плиты, на которых записана эта легенда, теперь обычно называются «Энума Элиш», «Когда наверху», по первым словам текста. Мы уже видели начальные строки рассказа, относящиеся к сотворению богов, и последнюю часть, рассказывающую о сотворении животных и человека. Приведенная здесь версия сотворения мира практически совпадает с той, которую Берос дает о вавилонянах, которая встречается у Евсевия и которую он цитирует из Полихистора (см. Приложение А).

В начале был хаос, состоящий из водной массы. Существовали только два существа — Апсу, Глубина, и Тиамат, вселенская мать. Эти два существа представляют два формирующих элемента, из союза которых были созданы боги. Сначала родились Лакхму и Лахаму, затем Аншар и Кишар, а после долгого перерыва — другие великие боги. Тиамат, породив богов, возненавидела их и создала множество чудовищ, чтобы помочь ей в борьбе с ними, и отдала приказ своему сыну Кингу. Она родила «гигантских змей, острых, как зубы, и безжалостных — она наполнила их тела ядом, как кровью». Аншар посылает своего сына Ану против Тиамат, но тот боится встретиться с ней. После того как и Эа был отправлен безрезультатно, Мардук предлагает вступить в бой, но сначала требует, чтобы другие боги признали его своим чемпионом. Аншар созывает великих богов на пир, сообщает им обо всем, что произошло, и призывает их назначить Мардука своим защитником. Боги так и поступают и приветствуют его следующими словами (перевод ассирийских текстов основан на переводе Дженсена [4](#) в его «Космологии вавилонян»):

Ты самый почитаемый среди великих богов

Твоя судьба не имеет равных, твой указ — Ану.

Мардук, ты самый почитаемый среди великих богов

Твоя судьба не имеет равных, твой указ — Ану.

Отныне твое слово не будет изменено,

Поднимать и опускать будет в твоей власти;

То, что выходит из твоих уст, будет установлено

Твоему решению не будет сопротивления.

Никто из великих богов не переступит твоих границ

.....

Мардук, наш мститель,

Мы даруем тебе власть над всем миром.

Чтобы проверить его силы, боги кладут перед Мардуком одежду и велят ему приказать ей исчезнуть и снова появиться по его слову. Когда он совершает это чудо, боги довольны и восклицают: «Мардук — царь». Мститель, вооружившись для сражения, выходит навстречу Тиамат и ее войску, взяв с собой свою молнию, копье и сеть; за ним следуют семь ветров, которых он создал. Мы возобновляем рассказ с того момента, когда Мардук вызывает Тиамат на бой:

«Стой! Я и ты, давайте сразимся вместе...»

Когда Тиамат услышала эти слова

Она стала похожа на безумную и потеряла рассудок.

Тогда Тиамат закричала дико и громко

Ее члены задрожали до самых оснований,

Она произнесла заклинание и произнесла формулу,

И у богов войны она попросила их оружие.

Они приблизились, Тиамат и Мардук, мудрые среди богов,

Они вышли на битву, приблизились, чтобы сразиться...

Тогда господин расправил свою сеть и окружил ее.

Он выпустил злой ветер, который был за его спиной.

Когда Тиамат открыла рот на всю ширину,

Он послал в нее злой ветер, чтобы она не могла закрыть губы.

Наполнил ее живот ужасными ветрами

Ее сердце было... и она широко раскрыла пасть.

Он схватил копье и пронзил ей живот

Пронзил ее внутренности и пронзил ее сердце.

Он победил ее и уничтожил ее жизнь,

Бросил ее тело и встал на него.

Когда он убил Тиамат, вождя,

Ее сила была сломлена, и ее войско рассеяно

И боги, ее помощники, которые шли рядом с ней

Задрожали, испугались и повернули назад.

После того, как Мардук расправился с мелкими мятежниками

Он вернулся к Тиамат, которую он победил

Он разрезал ее на две части, как рыбу

Он поместил одну половину в качестве покрытия для небес,

Поставил перед ней засов и назначил стража

И приказал ему не выпускать ее воды.

Остальная часть легенды посвящена сотворению мира и упоминается в других источниках. Профессор Гункель ¹ (в своей работе «*Schöpfung und Chaos*») говорит об этом мифе, что потомки Тиамат, морские чудовища, являются звездами в созвездиях зодиака. Звезды — это дети ночи. Мардук — весеннее солнце, которое сражается с водами, в конце концов подчиняет их себе и дает жизнь растительности. Эта история о Мардуке и его борьбе с драконом иногда отождествляется с историей о Христе. Вавилоняне, по-видимому, также праздновали праздник в новом году, когда солнце отклонялось от экватора и покидало

созвездие Водолея. Можно сказать, что это знаменовало рождение весны. Три месяца спустя, когда бог становился достаточно сильным, он сражался с водами (Тиамат Син) и побеждал.

Вавилоняне представляли себе Землю в виде конусообразной горы, окруженной водой. Над ней простирался купол неба, за которым находился небесный океан и обитель богов. В куполе были две врата, через которые бог солнца Шамаш выходил утром и входил ночью. Луна и звезды находились внутри купола и не проходили через него, как солнце. Под толстой корой земной поверхности все пространство было заполнено водой, а внутри коры находился Араллу, дом мертвых и земля «без возврата». Он, как полагали, был окружен семью стенами. Хотя настоящий дом богов находился за куполом неба, они обычно жили на земле и имели свою советскую палату на горе восхода солнца, возле ворот, через которые Шамаш выходил утром.

Вавилонские боги очень человечны. Они рождаются, живут, любят, сражаются и даже умирают, как люди на земле. Это представление является полностью материалистическим. Альфред Иеремиас^k говорит об этой религии: «Практическая черта проходит через религию жителей долины Евфрата. Их боги — боги живых; они активно взаимодействуют с ними как помощники во всех действиях, как спасители от всякого зла. Весь религиозный интерес сосредоточен на потребностях этого мира. Здесь нет места для тревожных размышлений и философствований о том, откуда и куда уходит душа, что так характерно для египтян. Смертью заканчивается сила и жизнь, надежда и утешение. Поэтому их религия как таковая имеет мало общего с представлениями о другом мире».

Имена главных богов уже были упомянуты. Помимо *илани рабути*, великих богов, существовало множество меньших богов и большое количество добрых и злых духов. Болезни и недуги, как полагали, приносили демоны, дети подземного мира, выполнявшие приказы Аллату и Нергала, правителей подземного царства. Главным посланником Аллату был Намтар, демон чумы. Аннунаки также выполняли ее поручения по уничтожению. Вавилоняне жили в постоянном страхе оскорбить какого-либо из этих божеств, и большая часть их литературы была посвящена магическим формулам и молитвам о помощи и защите. Перед тем как предпринять какое-либо действие, было принято выяснять, благоприятны ли предзнаменования. Некоторые дни считались особенно несчастливыми, и в них ничего нельзя было делать. Семь, четырнадцать, двадцать один и двадцать восемь дней каждого месяца были среди несчастливых. Таким образом, позднее еврейский шаббат, по-видимому, изначально был несчастливым днем, а не святым. Хьюго Винклер выдвинул оригинальную теорию о том, почему тринадцать всегда считалось несчастливым числом. Чтобы привести вавилонскую календарную систему лунных месяцев в соответствие с солнечным годом, необходимо было ввести дополнительный месяц. Этот тринадцатый месяц считался помехой и мешал вычислениям. Поэтому тринадцать стало считаться лишним, несчастливым числом. Для этого дополнительного месяца был назначен другой знак зодиака, а именно знак ворона.

Очень многие из найденных при раскопках табличек содержат предзнаменования. Предзнаменования извлекались из снов, из соединения звезд и планет, из землетрясений, затмений, короче говоря, из всех природных явлений. С этим была связана магическая литература, гимны и покаянные псалмы. Если все меры предосторожности человека оказались тщетными и болезнь все же настигла его, существовали магические формулы, которые могли спасти его от страданий, определенные молитвы или гимны, которые он мог произносить. У каждого вавилонянина был свой бог и богиня-покровители, покровительству которых он, возможно, был передан при рождении, но для умиловления бога необходимо было вмешательство жреца. Следующая молитва, взятая

из таблички, использовавшейся в качестве молитвенника для жрецов и кающихся, взята из [книги](#) Кинга «Вавилонская религия и мифология»:

О мой Бог, гневный, прими мою молитву, о моя богиня, гневная, прими мою мольбу. Прими мою мольбу и успокой свой дух. О моя богиня, посмотри на меня с состраданием и прими мою мольбу. Пусть мои грехи будут прощены, пусть мои проступки будут стерты. Пусть запрет будет снят, пусть узы будут ослаблены. Пусть семь ветров унесут мои вздохи. Я отправлю прочь свою злобу, пусть птица унесет ее в небеса. Пусть рыба унесет мое несчастье, пусть река сметет его. Пусть звери полевые заберут его от меня. Пусть текущие воды реки омоют меня.

Чтобы выяснить, почему зло обрушилось на человека, задавались такие вопросы, как приведенные ниже, некоторые из которых свидетельствуют о высоком уровне морального кодекса:

Разлучил ли он отца с сыном или сына с отцом? Разлучил ли он мать с дочерью или дочь с матерью? Разлучил ли он брата с братом или друга с другом? Отказался ли он освободить пленника? Лишил ли он заключенного света? Совершил ли он грех против бога или богини? Он совершил насилие над человеком старше себя? Он сказал «да» вместо «нет» или «нет» вместо «да»? Он использовал фальшивые весы? Он принял ложный отчет? Он установил ложный ориентир? Он вломился в дом своего соседа? Он приблизился к жене своего соседа? Он пролил кровь своего соседа?

На одной старой табличке с шумерским межстрочным переводом пораженный человек обращается к Мардуку как к заступнику:

Злое проклятие, подобное демону, обрушилось на человека

Горе и беда обрушились на него

Злое горе обрушилось на него

Злое проклятие, заклинание, болезнь

Злое проклятие убило этого человека, как ягненка.

Его бог покинул его тело,

Его богиня-хранительница покинула его,

Он покрыт горем и бедами, как одеждой, и он подавлен.

Тогда Мардук увидел его

Он вошел в дом своего отца Эа и сказал ему:

«О мой отец, злое проклятие, подобное демону, обрушилось на этого человека».

Дважды он обратился к нему и сказал

«Я не знаю, что сделал этот человек и чем его можно вылечить».

Эа ответил своему сыну Мардуку:

«О мой сын, что ты не знаешь, что я могу тебе сказать?

О, Мардук, что ты не знаешь, что я могу тебе сказать?

То, что знаю я, знаешь и ты,

Иди, мой сын Мардук,

Отведи его в дом очищения

Сними с него заклятие, сними с него заклятие».

Очень пессимистичный взгляд на жизнь отражен в следующей жалобе больного человека, приведенной Иеремией: «День вздыхает, ночь — потоком слез; плачет месяц, а год — страданием».

Мы уже видели образцы вавилонской гимнологии. Следующий гимн Сину, переведенный из работы Шрейдера « » (Сравнительная гимнология древних народов) о клинописных надписях, демонстрирует настоящий религиозный пыл:

Господи, правитель богов, единственный великий на небе и земле,

Отец Наннар, Господь, Бог Амар, правитель среди богов

.....

Милосердный, благодатный отец, в чьих руках находится жизнь всей земли.

О Господи, твоя божественность подобна далекому небу, подобна широкому морю, полному величия.

Тот, кто создал землю, основал храм, назвал его по имени

Отец, создатель богов и людей, который велел построить жилища, установил жертвоприношения

Который призывает к владычеству, дает скипетр, решает судьбу на далекие дни,

Могущественный вождь, глубины которого не видит ни один бог

Храбрый, чьи колени никогда не устают, кто открывает путь для богов, своих братьев,

Кто проходит славный из глубин небес к их высотам,

Открывающий врата небес, дающий свет всем людям.

Отец, создатель всего, который смотрит на живые существа... который думает о...

Господи, который выносишь приговор для небес и земли, чей указ никто не изменяет

Который держит огонь и воду, который направляет живые существа, Какой бог подобен тебе?

.....

Кто велик на небесах? Только Ты один велик.

Кто велик на земле? Только Ты один велик.

Когда Твое слово звучит на небесах, Игиги падают ниц;

Когда твое слово звучит на земле, Ануннаки целуют землю.

Когда Твое слово мчится ввысь, как бурный ветер, оно приносит изобилие пищи и питья,

Когда Твое слово опускается на восток, зелень прорастает,

Твое слово делает скот и стада тучными, умножает живых существ.

Твое слово приводит к возникновению права и справедливости, так что люди говорят о справедливости.

Твое слово — это далекое небо, скрытый подземный мир, который никто не может проникнуть,

Твое слово, кто может его понять, кто равен ему?

О Господи, у тебя нет соперника в небесах в господстве, ни на земле в силе, среди богов, твоих братьев.

ЭПОС О ГИЛГАМИШЕ

Тесная связь между мифологией и религией едва ли нуждается в особом упоминании. Великий эпос вавилонян и ассирийцев — эпос о Гильгамеше — представляет для нас особый интерес, поскольку содержит вавилонскую историю о потопе. Имя героя ранее читалось как Издбар, как показывает следующая цитата из книги [Иеремии](#) в его работе «Издбар-Нимрод».⁴

Эпос, который в VII веке хранился в королевской библиотеке Ниневии как ценное национальное достояние, дает нам представление о вавилонской истории далекого прошлого. Поэма в основном посвящена «царям, правившим землей в былые времена», и городу, «который был старым» во время потопа, а сама эпопея восходит к очень древним временам. Действие происходит в городах района Евфрата: Уруке (Эрехе), Ниппуре, «городе кораблей», Шериппаке и Вавилоне. Географический горизонт простирается за пределы этих городов до горы Нисир, к востоку от Тигра, и на юг, за горную местность Машу, вплоть до Персидского залива. Центральным объектом интереса является город Урук, называемый *Урук сунури*, «хорошо охраняемый». Среди аристократии этого города выделяется Издубар, «совершенный в силе, как горный бык, превосходящий героев в могуществе». Он преодолевает зависть своих сограждан и устанавливает коренное царство, а именно, побеждая тирана Хумбабу, который, судя по его имени, был эламского происхождения. Была сделана попытка соотнести этот исторический фон с национальным восстанием Вавилонии, которое, согласно Беросу, привело к падению Элама (), эламской династии, правившей в 2450-2250 гг. до н.э. То, что эта традиция действительно восходит к той эпохе, доказывают вавилонские печати-цилиндры древнейших царей, на которых, несомненно, воспроизведены сцены из эпоса, а возможно, и связь эпоса с определенными созвездиями зодиака.

Более важным, чем исторический, является мифологический фон. Поскольку вавилонская религия не принадлежала к «аристократии книжных религий», трудно сформировать систему из обилия религиозной литературы, взгляды которой были подвержены влиянию различных народных мнений. Поэтому изображение божественного мира, как оно представлено в законченном эпосе, является более важным. Как и в надписи царя Набунаида, написанной 2000 лет спустя, здесь мы находим две великие божественные триады: Ану, Бел, Эа, которые представляют три части мира согласно вавилонским представлениям (небо, земля, океан), и Шамаш, Син, Иштар, которые представляют главные небесные тела (Солнце, Луна, Венера).

Отношения между богами и людьми изображены в наивной детской манере, как у Гомера. Иштар пытается завоевать любовь героя Издубара. Шамаш устанавливает дружбу между героем и Эбани, три великих бога Ану, Бел и Эа шепчут ему секреты на ухо. Когда Иштар однажды поднимается из города на небо к своему отцу Белу, боги из страха перед поднимающимся потоком «приседают, как собаки, у врат неба»; они слетаются, как мухи, вокруг жертвы и «вдыхают приятный запах».

Здесь следует отметить одну примечательную особенность эпоса, а именно важность, придаваемую снам. Все действие приводится в движение бесчисленными снами, с помощью которых боги показывают людям будущее и дают им советы. Такой взгляд характерен для вавилонской и ассирийской религии. Древневавилонскому царю Гудеа во сне показывают план храма. Ашшурбанапал, вступив на престол, получает ободряющее обращение от жреческого сословия, основанное на сне его деда Сеннахериба, а во время своих походов его солдатам посылаются вдохновляющие сны от богини войны.⁵

О времени создания этого эпоса ничего определенного не известно. Мы не знаем, была ли копия в библиотеке Ашшурбанапала сделана с вавилонского оригинала или нет. Маловероятно, что весь текст был написан за один раз или одним автором.

Эпос о Гильгамеше состоит из двенадцати табличек. Они повреждены и сломаны в некоторых местах, что оставляет пробелы в истории, но они достаточно хорошо сохранились, чтобы мы могли проследить основную линию сюжета. В начале эпоса город Эрех страдает от тяжелого несчастья — длительной осады. Жители находятся в бедственном положении, а боги ничего не делают, чтобы им помочь. Осада длится три года, в течение которых ворота города остаются закрытыми. Затем появляется Гильгамеш, но из-за поврежденного состояния таблички остается неясным, является ли он завоевателем или освободителем. Вероятно, он был первым, поскольку его правление было очень суровым, и люди жаловались на его тираннические действия. В своем отчаянии они обращаются к богине Аруру, которая в других источниках ассоциируется с Мардуком в создании человечества, с просьбой создать человека, который будет соперничать с Гильгамешем в силе и могуществе. Аруру создает Эа-бани, существо, все тело которого покрыто длинными волосами, как у женщины. Верхняя часть его тела похожа на мужскую, но ноги у него как у зверя. Это странное существо живет среди зверей в поле, ест и пьет вместе с ними.

Гильгамеш, опасаясь, что Эа-бани будет послан богами против него, посылает человека по имени Охотник, чтобы тот поймал его и привел в Эрех. Охотник три дня поджидает его, но из-за его великой силы боится напасть на него и возвращается в город. Тогда Гильгамеш посылает с Охотником проститутку из храма, чтобы соблазнить Эа-бани. Этот план удается. Эа-бани из любви к проститутке Ахат бросает свой скот и поддается на уговоры Ахат вернуться в Эрех и встретиться с Гильгамешем. Здесь невольно вспоминается история Адама и Евы. Там тоже женщина искушает мужчину и приводит его к цивилизации.

Эа-бани хочет сравнить свою силу с силой Гильгамеша, но во сне ему дают предупреждение не делать этого. Гильгамешу также во сне сообщают о приходе Эа-бани, и богиня, к которой он обращается за толкованием своего сна, советует ему подружиться с приближающимся героем. Однако для того, чтобы убедить Эа-бани стать спутником и другом Гильгамеша, необходимо вмешательство Шамаша, бога солнца.

Затем два героя отправляются на борьбу с эламским тираном Хумбабой. Эпос рассказывает о долгом и трудном пути, который им предстоит пройти, об их страхе и о чудесной кедровой роще, в которой расположена крепость Хумбабы. Гильгамешу снится несколько обнадеживающих снов, которые подбадривают их, и в конце концов им удается убить тирана. По возвращении Гильгамеш имеет несчастье навлечь на себя недовольство Иштар. Богиня просит его о любви и предлагает ему стать ее мужем. Однако он отвергает ее, упрекая ее в жестоком обращении с ее бывшими любовниками, в том числе с Таммузом, которых она все бросила и уничтожила. Иштар, разгневанная отказом, спешит к своему отцу Ану, который создает божественного быка, чтобы тот напал на Гильгамеша. Тот, однако, с помощью Эа-бани, сумел победить быка. Он приносит его великолепные рога в жертву Шамашу и гордо хвастается, что победит Иштар так же, как и быка. Но на этом его успехи заканчиваются. Эа-бани умирает, вероятно, пораженный Иштар, а сам Гильгамеш поражен ею страшной болезнью, которая наполняет его сердце ужасом при мысли, что он должен умереть, как его друг.

Издубар плакал по своему другу Эа-бани;

В печали он лег на поле.

«Я не умру, как Эа-бани,

Скорбь проникла в мою душу.

Я боюсь смерти

И не хочу ложиться на поле».

Гильгамеш решает найти Сит-Напиштима и умолять его помочь ему избавиться от болезни и смерти. После различных приключений он приходит к горе Машу, горе заката, ворота которой охраняют люди-скорпионы. Они впускают его, и он путешествует в густой тьме в течение двадцати четырех часов, прежде чем выходит на солнечный свет и проходит мимо дерева и рощи с драгоценными камнями вместо плодов. Затем он приходит к морскому побережью, которым правит принцесса Сабитум. Она советует ему найти Арад-Эа, бывшего пилота Сит-Напиштима, который, возможно, сможет перевезти его через воды. Арад-Эа соглашается, строит лодку с помощью Гильгамеша, и они отправляются в путь вместе. Самая сложная часть путешествия — переход через «воды смерти». Наконец, они достигают острова, где живет Сит-Напиштим, который по просьбе Гильгамеша рассказывает историю своего спасения от потопа (перевод с [Jeremias](#)):

Сит-Напиштим сказал ему, Гишдубе (Гильгамешу):

«Я открою тебе, Гишдуба, нечто сокровенное.

И я расскажу тебе тайну богов.

Шуриппак, город, который ты знаешь, — он расположен на берегах Евфрата,

этот город древний. Боги, обитающие в нем,

их сердца побудили великих богов вызвать потоп.

Там был их отец Ану, их советник, могущественный Бел,

их глашатай Ниниб, их вождь Эн-ну-ги.

Нинигизаг (Эа) был с ними и передал их слова тростниковой хижине, говоря: «О тростниковая хижина, о тростниковая хижина! О стена, стена!

Камышовая хижина, услышь! Стена, пойми!

Ты, человек из Шуриппака, сын Убаратуту,

Построй дом, построй корабль, оставь свое имущество, спаси свою жизнь.

Оставь свое имущество и спаси свою жизнь.

Возьми с собой на корабль живые семена всех видов,

Корабль, который ты построишь.

Его размеры должны быть измерены;

его ширина и прочность должны соответствовать друг другу.

Ты поместишь его в океан».

Я понял и сказал Эа, моему господину:

«Смотри, мой господин, что ты повелел

Я послушаюсь и выполню.

Но как я отвечу городу, народу и старейшинам?»

Эа открыл рот и сказал мне, своему рабу:

«Вот что ты им ответишь:

Поскольку Бел ненавидит меня

Я больше не буду жить в вашем городе и не буду класть голову на землю Бела.

Я спущусь в глубины и буду жить с Эа, моим господином.

Тогда он пошлет на вас обильный дождь.

Множество птиц, множество рыб,

Множество животных, обильный урожай...

Эти строки слишком повреждены, чтобы иметь какой-либо смысл. Согласно некоторым интерпретациям, Сит-Напиштим уверяет своих сограждан в грядущем процветании, чтобы они не сомневались в его уходе; другие, напротив, указывают, что Сит-Напиштим не скрывал грядущего потопа. Затем Сит-Напиштим рассказывает, как он построил корабль, приводит его размеры и рассказывает, что он поместил в него. Он продолжает (перевод Иеремии из ⁴):

«Я поднял на корабль всю свою семью и своих подданных,

скот, диких животных, ремесленников — всех вместе я поднял на борт.

Шамаш назначил сигнал:

«Вечером повелитель тьмы пошлет сильный дождь.

Тогда войдите в корабль и закройте дверь».

Наступило назначенное время;

повелитель тьмы послал сильный дождь вечером.

Я боялся начала дня;

я боялся смотреть на день.

Я вошел в корабль и закрыл дверь.

Пилоту корабля, Пузуру-Белу, лодочнику,

я доверил корабль и все, что в нем было.

Когда появился первый рассвет

Черная туча поднялась с основания неба

В ней гремел Рамман.

Набу и Мардук шли впереди.

Они продвигались как лидеры над горами и землей.

Урагал поднял якорь;

Ниниб вышел вперед и вызвал бурю.

Аннунаки подняли свои факелы;

Они осветили землю своими лучами.

Гром Раммана поднялся до небес;

Все светлое превратилось в тьму».

Рамман затопил землю, буря бушевала целый день, сильный ветер гнал воду, как горы, на людей.

«Брат не видел своего брата, людей было невозможно различить; на небе

боги боялись потопа.

Они дрожали, они поднялись на небо Ану.
Боги прижались, как собаки, к границам неба.
Иштар кричала, как рожаящая женщина.
Госпожа богов громко плакала
«Бывший человек снова превратился в глину
Потому что я посоветовала злое дело на совете богов».

Иштар жалуется, что ее потомство стало похожим на рыбью икру, и боги плачут вместе с ней. Однако через шесть дней буря утихает, море успокаивается. Сит-Напиштим смотрит в окно и плачет при виде того, что встречает его взгляд. Человечество превратилось в глину, мир весь покрыт морем. Через двенадцать дней появляется земля, и корабль застревает на вершине горы Нисит, где и остается в течение шести дней.

«Когда приблизился седьмой день,
я выпустил голубку и отпустил ее. Голубка летала туда и сюда,
но, не найдя места для отдыха, вернулась.
Тогда я выпустил ласточку и отпустил ее. Ласточка летала туда и сюда,
Но, не найдя места для отдыха, вернулась.
Тогда я выпустил ворону и отпустил ее.
Ворон улетел и увидел, что вода убывает,
Он приблизился и закаркал, но не вернулся.
Тогда я вывел (всех), принес жертву четырем ветрам;
Я совершил возлияние на вершине горы,
Я выложил сосуды по семь штук,
Под ними я положил тростник, кедровое дерево и ладан.
Боги почувствовали запах. Боги почувствовали приятный запах.
Боги собрались, как мухи, вокруг господина жертвоприношения».

Когда прибывает Иштар, она горько обвиняет Бела в уничтожении человечества и не позволяет ему приблизиться к жертвоприношению. Бел, со своей стороны, злится, что кто-то из людей спасся. Эа вмешивается, упрекает Бела за его поступок и говорит ему, что в будущем для наказания человечества будет использовано другое средство. Бел принимает упрек и сам выводит Сит-Напиштима и его жену из корабля и благословляет их. Затем их переносят на остров у «устья рек», где они будут жить вечно.

Выслушав эту историю, Гильгамеш излечивается от своей болезни Сит-Напиштимом, который также рассказывает ему о растении, обладающем способностью продлевать жизнь. Гильгамеш отправляется с Арад-Эа на его поиски, и их поиски действительно увенчиваются успехом; но позже в пути демон крадет растение, и Гильгамеш с грустью возвращается домой. Здесь он продолжает скорбеть о своем потерянном друге Эа-бани. В своем желании увидеть его снова он обращается поочередно к Белу, Сину и Эа с просьбой помочь ему, но

они бессильны ему помочь. Именно Нергал, бог мертвых, удовлетворяет его просьбу и «открывает землю, позволяя духу Эа-бани выйти из земли, как дуновение ветра». Когда его просят описать подземный мир, Эа-бани сначала отвечает: «Я не могу тебе рассказать, мой друг, я не могу тебе рассказать», затем он предлагает ему сесть и плакать, пока он дает ему мрачное описание этого места, которое заканчивается следующими строками (перевод Иеремиаса):

«Он лежит на кушетке и пьет чистую воду.

Тот, кто был убит в битве — ты видел это, я видел это —

его отец и мать держат его голову,

А его жена стоит на коленях рядом с ним.

Тот, чье тело лежит на поле — ты видел это, я видел это —

Его душа не находит покоя в этом мире.

Тот, чья душа не имеет никого, кто бы о ней заботился — ты видел это, я видел это.

Осадок из чаши, остатки пира — то, что выбрасывают на улицу, — вот его пища».⁴

На этом эпос заканчивается. Было высказано предположение, что все произведение составляет солнечный миф и разделено на двенадцать частей, соответствующих двенадцати месяцам. Согласно этой теории, шестая табличка, относящаяся к Иштар, ее отношению к Таммузу и другим ее любовникам, соответствует шестому месяцу. Это месяц, когда все кажется сухим и мертвым после жаркого летнего солнца, и в этом месяце праздновался праздник Таммуза, характерной чертой которого было плача по Таммузу, о чем говорится в Иезекииле viii. 14. Седьмая табличка, рассказывающая о болезни Гильгамеша, соответствует седьмому месяцу, следующему за летним солнцестоянием, когда сила природы, кажется, ослабевает, и это приписывалось болезни солнца.

Спуск Иштар в Аид

Эта идея более полно раскрывается в легенде о спуске Иштар в подземный мир. Возможно, что эта история рассказывалась в связи с только что упомянутым праздником Таммуза. Иштар изображается спускающейся в нижние царства, вероятно, в поисках своего молодого мужа. Картина, которую она дает нам о представлениях вавилонян о жизни после смерти, очень ценна. Стихотворение начинается так:

В землю без возврата, в землю...

Иштар, дочь Сина, приклонила ухо.

К дому тьмы, жилищу Иркаллы

К дому, из которого никто, кто входит, никогда не возвращается

К дороге, с которой нет возврата.

В дом, в котором тот, кто входит, лишается света,

Где пыль — их питание, а грязь — их пища.

Они не видят света, они живут во тьме.

Они одеты, как птицы, в одежду из перьев.

На дверях и затворах лежит пыль.

Когда Иштар достигла ворот земли без возврата

Она обратилась к стражу у ворот
«Страж, открой ворота,
Открой ворота, я войду.
Если ты не откроешь ворота, и я не войду,
Я ударю по двери, я сломаю засов,
Я ударю по порогу и сломаю дверь.
Я воскрешу мертвых, чтобы они пожрали живых,
Мертвые будут многочисленнее живых!»
Привратник открыл рот и сказал
Обратился к могущественной Иштар:
«Остановись, моя госпожа, не ломай ее,
Я пойду и объявлю твое имя королеве Аллату».

Затем привратник сообщает Аллату, что ее сестра Иштар стоит у ворот. Богиня недовольна этой новостью, но приказывает привратнику открыть ворота и обращаться с ней в соответствии с «древними законами». Эти законы требовали, чтобы она снимала часть своей одежды у каждого из семи ворот подземного мира, пока не останется обнаженной перед тронем его богини. У первых ворот привратник снимает с нее корону, и она спрашивает: «Почему, о привратник, ты снимаешь великую корону с моей головы?» Он отвечает: «Войди, о госпожа, ибо таковы приказания повелительницы мира». У каждого ворот Иштар протестует против того, что с нее снимают украшения, и каждый раз привратник дает ей один и тот же ответ.

Когда Иштар предстает перед Аллату, та приказывает своему посланнику Намтару поразить богиню болезнью во всех частях тела. Но пока Иштар удерживается в нижнем мире, вся жизнь на поверхности земли останавливается. Боги требуют ее освобождения. Специально создается существо, чтобы вернуть ее обратно. Остальная часть истории и значение этого мифа и мифа о потопе рассказываются К. П. Тиле [a](#) следующим образом:[a](#)

История о спуске Иштар в подземный мир является несомненно мифом о природе, который живописно описывает ее спуск в подземный мир в поисках источников живой воды, вероятно, центральной силы света и тепла в мире. Когда она оказывается там в плену у Аллату, богини смерти и мира теней, и даже подвергается всевозможным болезням, весь рост и размножение в мире останавливаются, так что боги созывают совет и решают потребовать ее освобождения. В соответствии с этим Эа создает чудесное существо, своего рода жреца, называемого «его свет сияет», который должен найти источник жизни и которому Аллату не может противостоять, как бы она ни ругала и ни проклинала. Богиня освобождается, возвращается в верхний мир и возвращает к жизни своего мертвого возлюбленного Таммуза, оросив его водой бессмертия. Этот миф не является космологическим или этическим, но уже стал чисто антропоморфным повествованием, физическая основа некоторых эпизодов и деталей которого часто неясна и которое имеет тенденцию укреплять веру в бессмертие. Рассказ о потопе, который мы имеем в нескольких версиях и который сам по себе был составлен из различных частей, некоторые из которых неоднородны, выдаёт тот факт, что он был составлен политеистом и возник из мифа о природе. Но мифы о природе как таковые уже так далеко остались позади автора, в изображении богов есть такой наивный юмор, все происходит так по-человечески — достаточно вспомнить жалобу Иштар на то, что она создала людей, но не создала рыб,

хитрое оправдание, которым Эа оправдывается перед Белом за то, что спас своего любимца от запланированного последним уничтожения, достаточно только услышать, как мудрый Эа поучает Бела за его неразумную и слепую страсть, и как великая Иштар объявляет, что он лишился своей доли жертвы, а затем увидеть, как он молча признает свою вину, сопровождая человека, из-за спасения которого он так возбудился, и возвысил его вместе с его семьей до места среди богов — нужно только подумать обо всем этом, чтобы понять, что рассказчик использовал мифологический материал только для того, чтобы описать падение греховного человечества и в то же время напомнить своим слушателям, что боги всегда имеют в своем распоряжении средства, такие как голод, мор и дикие звери, чтобы наказать злодея.⁹

Вавилонское представление о жизни после смерти было особенно мрачным. Не было никакой надежды на что-то лучшее. Высшим состоянием счастья считалось лежать на кушетке и пить чистую воду; даже для благочестивых это было мрачным местом. И не было никакой возможности сбежать от этого. Сит-Напиштим говорит Гильгамешу в этой связи, что смерть приходит ко всем (мы снова переводим из версии Иеремии¹⁰):

Пока строятся дома,
Пока заключаются договоры,
Пока братья ссорятся,
До тех пор, пока существует вражда,
Пока реки несут свои волны [в море]

.....

Ануннаки и великие боги определяют судьбу
И Мамметум, создатель судьбы, вместе с ними.

Они определяют жизнь и смерть,

Дни смерти неизвестны.⁴

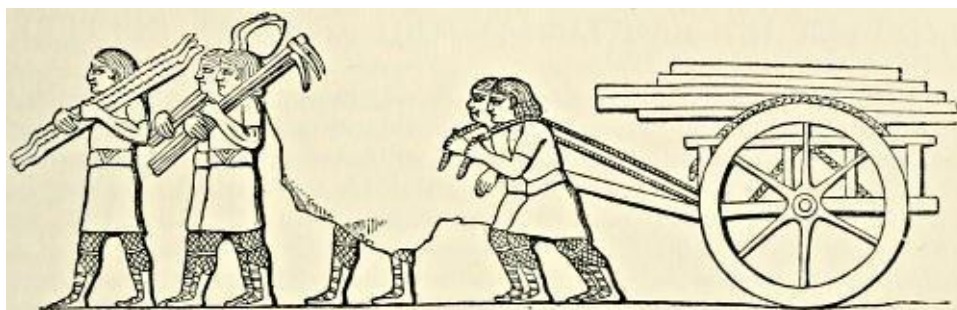
Мы видели легенду, рассказывающую о посещении нижнего мира; есть две легенды, рассказывающие о посещении небес. Одна из них связана с Этаной. В библиотеке Ашшурбанапала находилась серия табличек, содержащих легенду об Этане. Одна часть истории рассказывает о том, как Шамаш помог Этане найти растение, которое помогло бы его жене при родах. Другая рассказывает о том, как Этана поднялся на небо на спине орла. Они останавливаются на разных этапах, чтобы посмотреть на землю под ними. На первой остановке: «Земля выглядит как гора, море стало озером». Они летят дальше, и орел снова призывает Этану посмотреть на землю. На этот раз море выглядит как пояс вокруг земли. В следующий раз, когда он смотрит, море превратилось в простую канаву садовника. Достигнув ворот Ану, Бела и Эа, орел хочет лететь дальше и убеждает Этану сопровождать его в обитель Ишта г. Они летят, пока земля не становится просто «грядкой», но здесь опрометчивая попытка орла достичь самых высоких регионов, похоже, наказывается. Оба падают с небес на землю. Другая часть легенды рассказывает об обмане, устроенном орлу змеем при помощи Шамаша, в результате которого орел умирает мучительной смертью.

Вторая история о посещении небес встречается в легенде об Адапе. Эта легенда была найдена на одной из табличек, обнаруженных в Тель-Амарне. Адапа — сын бога Эа, который, согласно легенде, служит в его храме. Однажды, когда он ловил рыбу в море, южный ветер опрокинул его лодку. Адапа сражается с южным ветром и удаётся сломать ему крылья, так что он не дует в течение семи дней. По истечении этого времени Ану, находящийся в раю, замечает, что южный ветер не дует, и спрашивает о причине. Узнав об этом, он очень разгневан, что кто-то осмелился вмешаться в дела его творений. Он приказывает привести Адапу к себе. Эа даёт своему сыну совет относительно его поведения, рассказывая ему, как заручиться благосклонностью двух стражей у ворот, одним из которых является Таммуз. Он говорит ему дальше: «Когда ты предстанешь перед Ану, они предложат тебе пищу смерти — не ешь ее. Они предложат тебе воду смерти — не пей ее. Они предложат тебе одежду — надень ее. Они предложат тебе масло — помажь себя им». Затем Адапа достигает небес, и все происходит так, как сказал ему Эа. Только еда и вода, которые ему предлагают, являются пищей жизни, а не смерти, и таким образом Адапа теряет свой шанс на вечную жизнь. Ану смотрит на него с удивлением и восклицает: «О Адапа, почему ты не ел и не пил? Теперь ты не можешь жить». Здесь, как и в случае с Адамом в библейской истории, чье имя, кстати, возможно, идентично имени Адапа, мы видим, что человек был обманут. В обоих случаях ему говорят, что пища и вода жизни принесут ему смерть, хотя вавилонская история отличается от библейской тем, что первая свободно и с радостью дарует человеку знание, представленное одеждой и маслом для помазания, которые можно рассматривать как символы цивилизации.

В долине Евфрата религия была очень тесно связана с реальной жизнью народа. Храмы были складами и банковскими учреждениями; священники были юристами и писцами. Каждая историческая надпись содержит упоминание о богах. Победа была достигнута благодаря их вмешательству. Ничто не было задумано без них. Их праздники были великими событиями года. Немецкое археологическое общество недавно обнаружило старую улицу для процессий между Вавилоном и Борсиппой, по которой изображение бога Набу несли во время его ежегодного визита к Мардуку в Вавилоне. Эта улица была украшена глазурованными цветными плитками, изображающими величественную процессию львов и других зверей, что свидетельствует о высоком уровне художественного таланта.

Вавилонская религия явно демонстрирует свое развитие. На самом раннем этапе мы видим веру в множество духов и демонов, которых можно было контролировать с помощью магии. Затем наступает период местных культов, за которым следует организованный пантеон, в котором мы видим слабые признаки концепции одного бога, проявляющегося во многих формах.

Подводя итог словами Тиле: из всего сказанного видно, что религия вавилонян на раннем этапе достигла сравнительно высокой степени развития. Она еще не пересекла границу монотеизма, но оставалась теократическим, монархическим политеизмом; тем не менее, она очень приблизилась к этой границе. К богам мифологии уже относились с большой свободой, и отвращение, которое вызывали некоторые из их поступков, не скрывалось. Уже сформировалось сравнительно чистое и возвышенное представление о высшем божестве, даже если оно называлось разными именами. Какой бы поверхностностью и формальностью, каким бы количеством суеверий и магических обычаев ни было сопряжено божественное поклонение, в нем не отсутствовали глубокие религиозные чувства и нравственная серьезность, что особенно ярко проявляется в покаянных псалмах.^{[a](#)}

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РАБОЧИХ И ТЕЛЕГИ

(по Лейарду)

ГЛАВА IX. ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Из всех открытий, касающихся месопотамской цивилизации, которые были сделаны в результате исследований Ботта, Лэйарда и их последователей, ни одно, пожалуй, не является более интересным, чем те, которые показали положение, которое искусство заняло в те далекие и забытые времена. Всегда помнили, что здесь возникали и падали могущественные политические империи, как бы смутно ни сохранились подробности истории. Также помнили, что эти народы имели религии с теми же основными элементами, что и иудейские верования, но о том, что они развивали художественный дух и художественное мастерство, намного превосходящие любые другие народы того времени, было полностью забыто. Однако, как мы видели, самыми яркими и заметными из памятников, восстановленных в результате исследований, были произведения искусства. Мы уже видели многие из них на предыдущих страницах, и нет необходимости рассматривать их здесь очень подробно; более того, это было бы совершенно невозможно в рамках необходимого объема. Нас интересуют исторические связи развития месопотамского искусства, а не детали самого искусства. Тем не менее, мы коснемся некоторых аспектов этой темы более, чем вскользь.

Происхождение вавилонско-ассирийской цивилизации теряется в мраке доисторических времен, как и происхождение египетской и китайской цивилизаций. Мы увидим, что даже их древнейшие памятники демонстрируют высокий уровень художественного мастерства и предполагают длительное развитие. Тексты на древнейших памятниках уже написаны клинописью; пиктографическая письменность, из которой она, вероятно, произошла, уже вышла из употребления, что свидетельствует о большом прогрессе цивилизации. Что касается происхождения этой культуры, то выдвигались различные предположения. Согласно наиболее распространенному из них, она была заимствована вавилонянами у несемитской расы, которая населяла эту страну до них, а затем постепенно распространилась с Персидского залива, где она зародилась или куда была завезена извне, на север.

Утверждение, что цивилизация в Вавилонии зародилась на берегах Персидского залива и оттуда распространилась на север, является чистым предположением, но предположением с высокой степенью вероятности. В этом направлении указывает старая легенда вавилонян, как ее передает Берос, которая описывает происхождение цивилизации — легенда о божественном человеке-рыбе Оанне, который утром вышел из Эритрейского моря, научил жителей Халдеи, которые еще жили как животные, искусствам и наукам, а вечером снова исчез под волнами. Этот бог-рыба давно признан богом, который так часто изображается на вавилонских и ассирийских памятниках, и теперь уже вряд ли можно сомневаться, что он, бог вод, или, скорее, источник света и огня в водах, является богом Эа. Этот бог со своим окружением, без сомнения, является коренным жителем южной Халдеи. Самым древним и важным центром его культа является Эриду, расположенный недалеко от моря. Его сын

Мардук и связанный с ним бог, которого семиты называют Набу, особенно почитаются на островах и побережье Персидского залива. Таким образом, если легенда прослеживает культуру халдеев от наставлений этого бога, то это и есть происхождение традиции, согласно которой его поклонники, которые, должно быть, были моряками и жителями морского побережья, принесли эту цивилизацию в Халдею.

В соответствии с этим, указы Эа и магические формулы Эриду, его главного города, расположенного у моря, неоднократно упоминаются как очень святы и могущественные, а также как очень древние; кроме того, самые старые изречения и традиции, известные нам по эпосу «Гильгамеш», относятся именно к местам на побережье моря или недалеко от него. Эти места были также центрами могущественных государств, как и царство Ур, а самые древние памятники халдейской цивилизации, которые до сих пор стали нам известны, были найдены в южной Вавилонии в Теллохе.

Однако, где бы ни было ее происхождение, великий возраст вавилонской культуры, ассирийская культура является лишь более поздней ветвью которой, не вызывает сомнений. Цилиндры Саргона I, а также статуи, найденные в Телло, демонстрируют высокую степень развития и предполагают существование искусства, имеющего за собой уже долгую историю. То, что египетская культура моложе и даже происходит от вавилонской, и что последняя, таким образом, является самой древней в мире и в то же время была прародительницей всех других цивилизаций древности, как утверждал (Хоммель), естественно, не может быть доказано и до сих пор остается сомнительным, но не является невозможным. И наиболее примечательным фактом является то, что, по крайней мере, пластическое искусство никогда больше не смогло достичь тех высот, которых оно уже достигло в такой далекой древности.

Это не означает, что вавилоняне не развивали дальше цивилизацию, элементы которой они получили от своих предшественников. Они ассимилировали ее и развивали самостоятельно; можно даже предположить, что они усовершенствовали ее в более чем одном отношении и применили для более высоких целей. Они также внесли в нее многое, что было им свойственно. Насколько это было так — что у них было заимствовано, а что оригинально, пока не может быть определено в деталях. В любом случае, мы не имеем права приписывать их несемитским учителям, как это часто бывает, все варварское, жестокое и отталкивающее, что до сих пор характеризует их обычаи, а также все суеверия, до сих пор связанные с их религией.

Коренные жители превосходили семитов в художественном духе и способностях, возможно, также в торговле и мореплавании, и последние, вероятно, подражали первым, но редко достигали их уровня и никогда не превосходили их. С другой стороны, семиты придавали больше глубины и серьезности своей религиозной жизни; энергично проводили в жизнь монархический принцип как в религии, так и в государстве; упростили письменность; обогатили литературу, которая таким образом стала более практичной, благодаря замечательным эпическим повествованиям, особенно эпическим поэмам, и даже предприняли попытку написать историю. Кроме того, благодаря организации способной армии, воинственным талантам своих царей и полководцев, а также своему неуклонному характеру и стойкой воле, они создали государства, которые пережили самые бурные потрясения и изменения и веками правили всеми своими соседями. Если в некоторых вопросах они отставали от своих предшественников, то в других значительно превосходили их. Представление о том, что один народ принимает культуру другого, как надевает чужое платье, столь же нелепо, как представление о том, что нация теряет свою индивидуальность и самобытность, как только учится чему-то у другой. Греки, которые, как теперь доказано, многое заимствовали у восточных народов, и персы, которые, как всем известно,

заимствовали большую часть своей цивилизации у Вавилона, доказывают обратное. Народ, который принес свою культуру на южные побережья Вавилонии и, вероятно, также на побережья Элана и передал ее еще некультурным расам, жившим там, по-видимому, принадлежал к той мирной, торговой расе, которую евреи называли «сынами Куша», которая была похожа на финикийцев и относилась к той же категории; раса, которая, хотя и ревностно охраняла свою независимость, не была агрессивной, но склонялась к колонизации и дальним путешествиям. Эти жители побережья вместе с племенами, проживавшими в глубине страны, были затем завоеваны семитами, возможно, после долгих сражений. Однако, если они, как всегда, стали учителями своих завоевателей, культура, которая развивалась под их влиянием, тем не менее была творением и, следовательно, неотъемлемой собственностью вавилонян.

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА

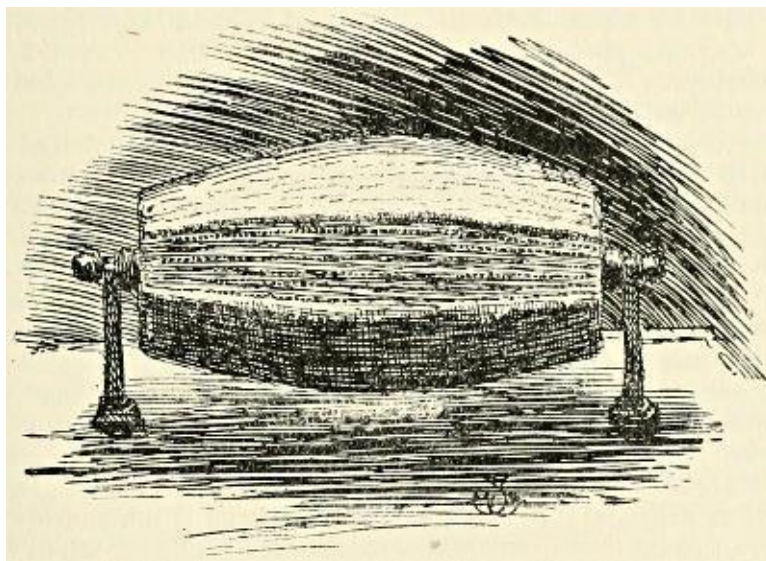
О том, насколько высокого уровня цивилизации достигли вавилоняне, свидетельствует тот факт, что изобретение письменности было для них давно свершившимся фактом. Самые древние известные нам надписи, которые, безусловно, датируются 4000 годом до нашей эры, уже написаны шрифтом, который из-за сходства со вторым египетским стилем письма был назван иератическим, и было доказано, что этот иератический стиль письма развился из более древних иероглифов, давно вышедших из употребления.

Неизвестно, использовались ли для письма какие-либо другие материалы, кроме камня или глины, и использовалось ли в таком случае слоговое письмо. Предполагается, что вавилоняне и ассирийцы также использовали, и, возможно, сначала исключительно, папирус, кожу и другие мягкие материалы для письма, а на камне или глине выгравировали только то, что хотели сохранить. Это вполне вероятно, хотя у нас нет таких рукописей. Ведь, естественно, первые материалы не могли выдержать вавилонский климат так же хорошо, как египетский, и только последние из них устойчивы к огню и воде. Однако факт остается фактом: на барельефах изображены писцы, записывающие число убитых на мягком материале, вероятно, коже, а также на твердых табличках. Не установлено окончательно, писали ли они также книги или письма на папирусе или коже.

Как бы ни было древним наследием письменность вавилонян и ассирийцев и как бы ни были они обязаны ранним халдеям за единую форму и структуру всей системы, клинопись, в которой они записывали свой язык, была их собственным изобретением в более чем одном отношении, поскольку они не бездумно использовали то, что было под рукой, а сознательно модифицировали и изменяли его.

Письмо также использовалось вавилонянами и ассирийцами в чисто литературных целях. Повествования, легенды или стихи вырезались на глиняных табличках, и если в случае более объемных произведений двух сторон, покрытых микроскопическими знаками, было недостаточно, использовалась серия таких табличек, которые были четко обозначены и пронумерованы, так что фактически представляли собой листы книги. Как правило, на каждой табличке высекали название всего произведения, как это было принято у евреев, а также первые слова и первые слова следующей таблички. Эта литература, даже если она ограничивается произведениями воображения, сравнительно богата. Хотя в этом отношении она, возможно, не равна литературе некоторых все еще существующих народов, таких как китайцы, арабы, персы и индийцы (), а также литературе древних Греции и Индии, которая в последней стране растет так же буйно, как ее растительность, с другой стороны, она превосходит в этом отношении литературу других семитских народов, включая евреев. Это доказывается не только обнаруженными на сегодняшний день письменными источниками, но и каталогами книг в вавилонских библиотеках или

аналогичных произведениях в других местах. Однако было обнаружено достаточное количество хорошо сохранившихся источников, чтобы мы могли составить мнение о литературном таланте вавилонян и убедиться в том, насколько разнообразно они его развивали.

Обжигаемый глиняный цилиндр Саргона II, царя Ассирии, 722-705 гг. до н.э., с надписью, содержащей хронику его похода

В литературном смысле ассирийцы находятся примерно в таких же отношениях к вавилонянам, как римляне к грекам: ученики, которые никогда не равнялись со своими учителями, хотя, насколько можно судить, даже в относительном выражении римская литература стоит выше греческой, чем ассирийская по отношению к вавилонской. Ассирийцы были воинственным народом и ориентировались на практические идеи: их целью было создание могущественной империи и сохранение своего господства. Поэтому они были более заинтересованы в истории, чем в произведениях воображения; чисто литературные произведения мало их привлекали. Только гораздо позже в них пробудилось желание познакомиться с произведениями вавилонян в этой области и приобрести как можно больше для себя. И, возможно, даже здесь интерес к древним религиям и национальным традициям сыграл большую роль, чем любовь к поэзии.

Ассирийцы, по-видимому, больше интересовались тем, что можно назвать наукой того периода, чем литературой. И в этом они также следовали примеру вавилонян и не достигли ничего, кроме того, что завладели сокровищами вавилонских библиотек. Престиж, которым пользовались вавилоняне в древности как первые культиваторы науки, хорошо известен, хотя некоторые считали, что они позаимствовали его у египтян. Без сомнения, они достигли наибольшего превосходства в древности в знании астрономии. Калисфен прислал Аристотелю астрономические наблюдения из Вавилона, которые, согласно самым умеренным оценкам, относятся к 1903 году до Александра, т. е. 2324 году до н. э., и в этом нет ничего невероятного. Количество затмений, упомянутых на астрономических табличках, позволяет сделать вывод о том, что период записей расчетов был еще более длительным. Возможно, что зиккураты храмов, которые изначально имели религиозное значение, по крайней мере в Ассирии, использовались в качестве обсерваторий. Было даже высказано предположение, что вавилоняне имели какой-то телескоп, и это предположение основано на находке линзы в руинах и на том факте, что они были знакомы с планетой Сатурн, которая невидима невооруженным глазом; но это не кажется вероятным. Одно можно сказать наверняка: они дали названия созвездиям, особенно знакам Зодиака, которые частично сохранились до наших дней. Они знали пять планет и очень точно отличали их от

других небесных тел. Они наблюдали с большой точностью затмения Солнца и Луны, возможно, также солнечные пятна, кометы, орбиту Венеры и положение Полярной звезды; но у них были очень наивные представления о причинах затмений и характере других небесных явлений. Естественно, Млечный Путь не ускользнул от их внимания. Они даже рассчитывали регулярное повторение затмений Луны, а также ее фазы.

Некоторые из сохранившихся математических таблиц доказывают, что они достигли больших успехов в арифметике и высшей математике, столь необходимых для изучения астрономии. Преобладающей системой была шестидесятеричная, с единицей 60, но, по-видимому, была известна и использовалась десятичная система. Однако, несмотря на признание высокой ценности этих исследований, они едва ли заслуживают названия науки. Эти исследования, безусловно, не проводились из любви к науке. Главной целью, без сомнения, было узнать волю богов в отношении будущего. Сама наука математики была подчинена искусству гадания. Астрономия была второстепенной целью, астрология — главной. Искали знания о том, что должно произойти, когда повторятся определенные фазы звезд и небесных тел. Все наблюдения за планетами, кометами и другими звездами, за затмениями и другими явлениями были непосредственно связаны с событиями на Земле, которые в какое-то время в прошлом совпадали с ними и, следовательно, должны были повториться.

Никакие другие отрасли науки, кроме астрономии, не культивировались ради самих себя. Их наука о медицине была основана почти исключительно на магии и, по крайней мере, насколько позволяют судить сохранившиеся надписи, казалась более примитивной, чем египетская. Они действительно, как и ведические индийцы, использовали внешние и внутренние лекарства, но, вероятно, считали их заклинаниями; каких бы успехов они ни достигли в медицине, записи о ней в древних надписях доказывают, что они были несколько меньше, чем то, что мы знаем о ведических врачах и их методах лечения. Таким образом, говорить о физических, географических, грамматических и мифологических сочинениях вавилонян и ассирийцев — это скорее преувеличение, если только речь не идет о мифах и легендах, относящихся к уже обсуждаемой литературе.

Есть различные причины предполагать, что каждая из вавилонских библиотек, согласно исследованиям нескольких религиозных и научных школ, имела свой особый характер. Ассирийские библиотеки, с другой стороны, будучи более поздними, имели более общее и разнообразное содержание.

Предположение, что эти библиотеки были предназначены для широкой публики, не имеет под собой достаточных оснований и является весьма маловероятным. Вероятно, они были созданы в первую очередь для ученых и писцов царя, а также для его личного использования (), для обучения его сыновей и будущих чиновников, а также для хранения государственных архивов. Они ни в коей мере не доказывают, что культура, образование и эрудиция были достоянием всех классов в Ассирии.^h

Эпистолярная литература

В то же время большое количество обнаруженных письменных частных документов — писем и договорных табличек — показывает, что письмо не было чем-то необычным для народа в целом.

С одной точки зрения, эти старые письма являются наиболее интересной формой вавилонской литературы, поскольку они лучше всего отражают реальную жизнь народа. На первый взгляд может показаться, что переписка на глиняных табличках была неудобной, но большинство этих маленьких писем были не больше обычного конверта, а некоторые из них

были длиной всего два-три дюйма и легко помещались в кармане. Некоторые из них были вложены в внешний глиняный конверт, который часто содержал копию настоящего документа.

В связи с кодексом Хаммурапи особенно интересна его переписка с одним из его чиновников, Син-идиннамом, потому что в этих письмах мы находим упоминания о тех же предметах, которые рассматриваются в законах. Во всех них мы видим, как Хаммурапи занимается мельчайшими делами своего царства, проявляя личный интерес ко всему. Похоже, что получить внимание царя было относительно легко. Он получал письма с жалобами на вещи, которые мы, возможно, сочли бы недостойными внимания могущественного царя, и, похоже, он тщательно обдумывал все.

Письма Хаммурапи были отредактированы и переведены г-ном Л. В. Кингом из Британского музея. Они также были переведены д-ром Г. Нагелем ¹ для докторской диссертации в Берлине и опубликованы в *Beiträge zur Assyriologie*, т. IV. Некоторые из последних переводов приведены ниже. ^а

Скажи Сину-идиннаму: так говорит Хаммураби. Нарам-Син, пастух стад, сказал: «Наши пастушки были отданы вождям войск». Так он сказал. Пастушки Апил-Шамаша и Нарам-Сина не должны быть отданы солдатам. Теперь пошли к Этил-хи-Мардуку и его товарищам, чтобы они вернули пастушек Апил-Шамаша и Нарам-Сина, которых они взяли.

Скажи Сину-идиннаму: так говорит Хаммураби. Весь канал был выкопан, но он не был прокопан до самого Эреха, так что вода не поступает в город. Кроме того... на берегу канала Дуру произошло обрушение. Эта работа не слишком тяжела для людей, находящихся под твоим командованием, чтобы выполнить ее за три дня. Сразу же по получении этого письма выкопай канал со всеми людьми, находящимися под твоим командованием, до самого города Эрех, в течение трех дней. Как только ты выкопаешь канал, выполни работу, которую я тебе поручил.

Скажи Син-идиннаму: так говорит Хаммураби. Туммуму из Ниппура сообщил мне следующее: «В местечке Унабуру (?) я хранил семьдесят тонн зерна в зернохранилище (?). Авель-илу открыл зернохранилище и забрал зерно». Так он мне сказал. Смотри, я посылаю к тебе Туммуму с этим. Пусть Авель-илу предстанет перед тобой. Рассмотрим их спор. Зерно, принадлежащее Туммуму, которое взял Авель-илу, он должен вернуть Туммуму.

Скажи Син-идиннаму: так говорит Хаммураби. Смотри, я приказал и послал Син-айаба-иддина, Гузалу и Шатамму на войну. Они придут к тебе в Ур-на-пур () 12-го дня Маршевана. Когда они придут к тебе, продолжай с ними. Коров и стада твоей провинции помести на хранение. Также Набу-малик, Илу-надитум, Шамаш-мушалим, Син-усили, Тарибум и Идин-Нинша должны пойти с тобой и принять участие в войне.

Скажи Сину-идиннаму: так говорит Хаммураби. Сразу же после получения этого письма созови к себе всех хранителей твоего храма и Арди-Шамаша, сына Эрибана, пастуха храма Шамаша, вместе с их полным отчетом. Отправь их в Вавилон, чтобы они дали отчет. Пусть они едут день и ночь. Через два дня они должны быть в Вавилоне. ¹

У нас также есть примеры частной переписки того же периода, демонстрирующие стиль писем, которые вавилоняне писали друг другу. Следующие замечания и переводы писем взяты из диссертации, в которой приводятся письма времен Хаммурапи.

Незначительное содержание некоторых из этих писем показывает, что в то время написание писем было общепринятым обычаем, и снова и снова на первый план выходит теория о том, что уже существовала относительно регулярная почтовая служба. Эти письма также показывают, насколько далеко простиралась вавилонская торговля во второй половине III века до нашей эры. Каждое письмо проливает новый свет на то далекое прошлое и помогает нам составить все более точную картину повседневной жизни древних вавилонян. Ниже приведены несколько примеров, дающих представление о стиле писем.

Скажи моему отцу: так говорит Эльмешу. Да сохранят Шамаш и Мардук жизнь моего отца навеки. Да будешь ты, мой отец, здоров, да будешь ты жить. Да поднимет защищающее божество моего отца голову моего отца в знак благосклонности. Я написал, чтобы поприветствовать моего отца. Да продлится навеки процветание моего отца перед

Шамашем и Мардуком. После того как Син и Рамман произнесли твое имя, отец мой,^[33] ты, отец мой, сказал следующее: «Как только я прибуду в Дер-Аммизададуга на канале Шарку, я вскоре pošлю тебе ягненка с пятью минами серебра». Так ты сказал, отец мой. Отец мой заставил меня ждать, но ты ничего не прислал. Теперь, после того как ты, мой отец, отправился к королеве Тарибу, я послал письмо своему отцу. Ты, мой отец, никогда добровольно не посылал никого, кто приносил (даже) серебряный сикль. В соответствии с ... Сина и Раммана, которые благословили моего отца, пусть мой отец pošлет мне то, чего я жажду, чтобы мое сердце не скорбело, и я буду молиться за своего отца Шамашу и Мардуку.

Скажи моему господину: так говорит Белшуну, твой раб. С тех пор как я заключен в тюрьму, ты, мой господин, поддерживаешь меня жизнью. По какой причине мой господин пренебрегает мной уже пять месяцев? Дом, в котором я заключен, — дом нужды. Теперь я послал к тебе Мар-абумли (стража ворот[?]) с письмом. Я также болен. Пусть мой господин сжалится надо мной, pošлет мне зерно и овощи, чтобы я не умер. Пришлите мне также одежду, чтобы прикрыть мою наготу. Пусть он (Мар-абумли) принесет либо полсикля серебра, либо две мины шерсти, пусть он принесет это для моего обслуживания. Не отправляй Мар-абумли с пустыми руками. Если он вернется с пустыми руками, собаки съедят меня. Как ты, мой господин, так и все жители Сиппара и Вавилона знают, что я заключена в тюрьму без вины; я была заключена в тюрьму не из-за *билишу*. Ты, мой господин, послал меня за реку за маслом, но люди Суту- встретили меня и взяли в плен. Скажи доброе слово слуге великого визиря царя. Пошли, чтобы я не умер в доме нужды. Пошли один *ка* масла и пять *ка* соли. То, что ты послал недавно, не было доставлено. Что бы ты ни послал, пошли это под надежной охраной.

Скажи моему отцу: так говорит Зимри-ера. Да даруют Шамаш и Мардук моему отцу вечную жизнь. Иби-Нинша, младший брат Нури-илишу, напал на Набу-атпалама и избил его; он также произнес в мой адрес оскорбления, которые невозможно терпеть. Я изобью этого молодого человека! За что он проклял меня? Я еще ничего не сказал этому человеку. Я подумал про себя: «Я pošлю к отцу, пусть он примет решение по этому делу, а потом я поговорю с этим человеком». Теперь я послал табличку Набу-атпаламу, чтобы получить информацию по этому делу. Встань! Прими решение по этому делу, пришли свое суждение, дай (?) слово.

К секретарю купцов Сиппара, Яхруру, скажи: так говорит Амидатитана. Торговец шерстью сообщил мне следующее: «Я написал секретарю купцов Сиппара, Яхруру, чтобы он отправил свою пряжу в Вавилон, но он не отправил свою пряжу». Так он сообщил мне. Почему ты не отправил свою пряжу в Вавилон? Поскольку ты не побоялся сделать это, то отправь — как только увидишь эту табличку — свою пряжу в Вавилон.^[34]

Аппе скажи: так говорит Гимил-Мардук. Да сохранит тебя Шамаш. Я поговорил от твоего имени с этим человеком, и он сказал: «Пусть он придет, чтобы он мог говорить». А таблички, которые ты взял для изучения, возьми их в соответствии с твоим исследованием и приди быстро.

Скажи Этил-Шамаш-иддине: так говорит Авел-Рухати. Да сохранят тебя Шамаш и Иштар; я в порядке. Хумтани дал Амти-Шамашу 8½ *кат* и 15 шелков серебра. Мусалимме я дам деньги, где он прикажет. Я иду на службу к дочери царя. Я быстро pošлю то, что ты желаешь. Отправь ответ на мою табличку.⁴

Среди большого количества сохранившихся писем удалось найти более одного, написанного одним и тем же человеком, и, сопоставив их, составить некоторое представление о жизни и характере автора. Среди них особо выделяются письма некоего Бел-Ибни. Они содержат упоминания об исторических событиях, упомянутых на памятниках, тем самым добавляя ценные детали к этим довольно скудным записям о событиях. Сам Бел-Ибни был генералом в армии Ашшурбанапала. Ниже приводится перевод одного из этих писем, выполненный доктором К. Джонстоном,^{—k} в «Эпистолярной литературе ассирийцев и вавилонян» в Журнале Американского восточного общества, т. XVIII.a

Господину царей, моему господину, твоему слуге Бел-Ибни! Да даруют Ашшур, Шамаш и Мардук долголетие, здоровье ума и тела господину царей, моему господину! Шума, сын Шам-иддины, сын Гахала, сын сестры Таммариту, бежав из Элама, достиг (страны) Дакха. Я взял его под свою защиту и перевез из Дакхи (сюда). Он болен. Как только он полностью поправится, я pošлю его к царю, моему господину.

К нему пришел гонец (с новостью), что Надан и пукудеанцы из Тиля () ... встретились с Набу-бел-шумате в городе Таргибати и дали нейтральную клятву: «Согласно договоренности, мы будем присылать вам все новости, которые

услышим». Чтобы закрепить сделку (?), они купили у него пятьдесят голов скота, а также сказали ему: «Наши овцы будут пастись на пастбищах (?) среди убанатов, чтобы ты мог доверять нам». Теперь (я должен посоветовать) посланнику моего господина, царя, прийти и дать Надану ясно понять следующее: «Если ты пошлешь что-либо в Элам на продажу, или если хотя бы одна овца попадет на эламские пастбища (?), я не оставлю тебя в живых». Царь, мой господин, может полностью положиться на мой отчет.⁴

Профессор Делицш в статье в *Beiträge zur Assyriologie*, т. I, озаглавленной *Beiträge zur Erklärung der babylonisch-assyrischen Briefliteratur*, привел перевод письма царя к тому же Бел-Ибни:

Слова царя Бел-Ибни: Да радуется мое приветствие твоему сердцу! Что касается твоего сообщения о пукудеанцах на реке Чарру — в будущем тот, кто любит дом своих господ, должен сообщать своим господам все, что он видит и слышит. Смотри! Пока ты информируешь меня о причине твоего сообщения.⁴

Обжигаемые глиняные таблички из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии

Некоторые письма проливают свет на религиозные церемонии, другие представляют собой сообщения астрологов о том, благоприятны ли знаки на небе для определенных начинаний. Есть еще письма от врачей, рассказывающие о пациентах, находящихся под их наблюдением. Следующий текст переведен доктором Джонстоном:⁴

Царю, господину моему, рабу твоему, Арад-Нана! Сердечно приветствую господина моего, царя! Да даруют Адар и Гула здоровье ума и тела господину моему, царю. Сердечно приветствую сына царя... Что касается пациента с кровотечением из носа, Раб-Муги сообщает: «Вчера, ближе к вечеру, было сильное кровотечение». Эти повязки наложены не научно. Они помещены на крыльях носа, затрудняют дыхание и спадают при кровотечении. Пусть их поместят в ноздри, тогда воздух не будет поступать и кровотечение остановится. Если это устроит моего господина, царя, я пойду завтра и дам указания; (а пока) дайте мне знать, как он себя чувствует.⁴

Сохранилось несколько писем некоего Иштар-дури, который, по-видимому, жил во время правления Саргона (722-705 гг. до н.э.) и, возможно, был тождественен одноименному эпониму 714 года. Доктор Джонстон перевел его сообщение королю:⁴

Царю, господину моему, рабу твоему Иштар-дури! Приветствую царя, господина моего! Я немедленно посылаю к господину моему, царю, в сопровождении моего посланника врачей Набу-шум-иддина и Набу-эрба, о которых я говорил царю, господину моему. Пусть они будут допущены к царю, господину моему, и пусть царь, господин мой, беседует с ними. Я не раскрыл (им) истинных фактов, но ничего им не сказал. Как повелел царь, мой господин, (так) и было сделано.

Шамаш-бел-укур прислал из Дер сообщение: «У нас нет надписей, которые можно было бы разместить на стенах храма». Поэтому я посылаю к царю, моему господину, (с просьбой) написать одну надпись и немедленно отправить ее, (а также) быстро написать остальные, чтобы их можно было разместить на стенах храма.

Было много дождей, (но) урожай собран. Да будет сердце царя, моего господина, в радости!⁴

ИСКУССТВО

Искусство занимает слишком видное место в жизни вавилонян и ассирийцев, и они создали слишком много оригинального и своеобразного, чтобы эта история могла пройти мимо этого вопроса в молчании. Даже простой набросок их культуры был бы неполным без него. В то же время необходима большая осторожность. При определении хронологической последовательности недатированных памятников так много зависит от субъективной оценки и эстетического суждения, что без длительного и добросовестного изучения истории искусства можно допустить серьезную ошибку. А определение дат в значительной степени влияет на представление о прогрессе вавилонско-ассирийского искусства; эстетическое суждение — на решение о характере, независимости и ценности этого художественного творчества.

И здесь, как и в языке, религии и всей цивилизации этого народа, ясно проступает единство вавилонско-ассирийской расы. Какие бы различия ни существовали между вавилонским и ассирийским искусством в представлении о деталях, в некоторых особенностях техники, в выборе сюжетов, в основе они едины. Оно всегда характеризовалось как национальная школа, в которой преобладает один и тот же характер, так что произведение искусства, будь то из Теллоха, Вавилона, Ниневии или Калаха, сразу показывает свою связь с ней. Все различия являются лишь оттенками, изменениями, вызванными временем. Это особенно заметно, если учесть, какой материал, например, использовался для строительства. В Вавилонии трудно добыть камень, там нет скал. Следовательно, этот материал, который приходилось привозить издалека и который поэтому был дорог, хранился как драгоценные и другие металлы для украшения всего здания, для колонн, барельефов, посвячительных надписей и т. д., или для создания прочного фундамента, в то время как для самих зданий использовались высушенные и обожженные кирпичи. У ассирийцев этой проблемы не было. Превосходный камень, который легко обрабатывался, находился в непосредственной близости, и ассирийцы знали, как его тесать и обрабатывать. Несмотря на это, они подражали вавилонскому обычаю и использовали в основном кирпичи для своих зданий. Они предпочитали постоянно ремонтировать эти храмы и дворцы, которые быстро приходили в упадок, или заменять их другими, чем отходить от традиционного способа строительства своих предков.

Был поднят вопрос о том, не было ли вавилонско-ассирийское искусство дочерью египетского. Без сомнения, ассирийское искусство, по крайней мере, находилось под его влиянием. Все найденные до сих пор предметы из слоновой кости являются явными подражаниями египетским мотивам, хотя они, безусловно, не были изготовлены египтянами, а некоторые из них датируются временем Ашшурназирпала. Лotosовый орнамент, который так часто используется в качестве украшения храмов, также указывает на египетское происхождение. Однако, возможно, образцы не были заимствованы непосредственно у египтян. Некоторые блюда и чаши для подношения напитков, которые встречаются в Месопотамии, а также в Западной Азии и Южной Европе, явно украшены египетскими картушами, иероглифами и символами, но в такой отличной форме, что ни один египтянин не мог бы их изготовить; на этих предметах на границе или на обратной стороне арамейскими буквами указано имя мастера. Таким образом, ясно видно, что эта египетская мода проникла в Ассирию под влиянием арамейских художников.

Однако, даже если признать, что египетские узоры были скопированы ассирийцами относительно поздно, а египетские мотивы были заимствованы у египетских художников, это ни в коем случае не означает, что вавилонско-ассирийское искусство в целом было египетского происхождения. Это можно было бы доказать только на основе древнейших памятников, найденных в Вавилонии. Когда впервые стали известны произведения

искусства Теллоха, считалось, что они имеют большое сходство с произведениями египетского искусства. Они демонстрировали ту же простоту и наивность, те же бритоголовые головы и лица, а также многие другие совпадения. Однако знатоки искусства считают иначе. Сходство действительно велико, но тщательное изучение показывает независимость вавилонского искусства от египетского. Так, в древнейших памятниках проявляются те же особенности, правдивость и сила, которые в более позднем развитии искусства ассирийцев были столь сильно преувеличены, в то время как в египетских фигурах они полностью отсутствуют.

Еще одно сходство обнаруживается между древнейшими пирамидами в долине Нила и вавилонско-ассирийскими зиккуратами. Однако, во-первых, пирамиды имели совершенно иное назначение, чем зиккураты, а во-вторых, не следует забывать, что вавилонская храмовая архитектура сильно отличается от египетской. Если и есть какая-то зависимость, то она не со стороны халдеев; они не заимствовали свое искусство у египтян. В то же время сходства настолько замечательны, особенно между древними халдейскими статуями и древнейшими произведениями египетской скульптуры, такими как статуи Шафры, Хуфу и Ра-ем-ке, что мы вынуждены здесь, как и в случае с письменностью, предположить наличие общего источника, из которого обе ветви развивались независимо и по-своему.

Важные открытия, сделанные французским консулом Де Сарсаком в Теллохе, впервые пролили свет на древнее халдейское искусство, из которого произошло все вавилонско-ассирийское искусство. Вопрос о том, являются ли найденные там произведения искусства семитскими или несемитскими, нас здесь не интересует. Скорее всего, это второе. В любом случае, мы имеем дело с цивилизацией, предшествовавшей периоду расцвета известного семитского господства в Вавилонии.^[35] Там был обнаружен храм размером 53 на 31 метр, который имеет ту же основополагающую планировку, что и более поздняя халдейская архитектура, то есть конструкция из обожженного кирпича на фундаменте из высушенного кирпича, углы точно совпадают с сторонами света (а не с боковыми сторонами, как в Египте), зиккурат в центре, и все это, как видно по оттилкам на камнях, датируется временем священника-князя Гудры, известного из других источников, который перестроил или основал этот храм. Кроме того, было обнаружено большое количество больших и маленьких произведений искусства, цилиндров, рельефов, бронзовых предметов, особенно статуй, которые были собраны либо уже упомянутым правителем, либо другими священниками-князьями или царями.⁴

Перед началом строительства храма или дворца проводилась религиозная церемония, соответствующая тому, что мы сегодня называем закладкой краеугольного камня. Набунаид рассказывает, что в руинах древнейших халдейских храмов он искал фундаментный камень, *теме*, который были заложены первыми царями, и что ему посчастливилось найти этот краеугольный камень, в то время как несколько его предшественников проводили раскопки безрезультатно. В наши дни были найдены такие цилиндрические трубки, покрытые плотным, трудноразборчивым письмом, которые были помещены в небольшие ниши по углам фундамента, обращенные к четырем сторонам света. Так, в Нимроде Роулинсон организовал раскопки в одном из углов башни, будучи уверенным, что найдет предметы, подобные тем, которые были найдены в других местах. Он рассказывает о своем открытии следующим образом: «Через полчаса была обнаружена небольшая полость. «Принесите мне», — сказал Роулинсон человеку, ответственному за раскопки, — «принесите мне посвященный цилиндр». Рабочий засунул руку в отверстие и показал цилиндр; присутствующие не могли поверить своим глазам и с изумлением смотрели друг на друга. Цилиндр, покрытый надписями, был извлечен из тайника, где он, вероятно, был помещен руками самого Навуходоносора и где пролежал двадцать девять веков». В ходе плодотворных раскопок, которые он проводил в Телло, Де Сарсак сделал похожие открытия.

«Я нашел, — сказал он, — на глубине едва ли более тридцати сантиметров под первоначальным слоем почвы четыре куба из крупных кирпичей и битума, размером восемьдесят сантиметров в каждую сторону. В центре этих кубов была полость размером двадцать семь сантиметров на двенадцать и глубиной тридцать пять. Эта полость, заполненная желтым песком, содержала бронзовую статуэтку, изображающую то мужчину на коленях, то стоящую женщину, а иногда и быка. У подножия каждой статуи, обычно вмонтированной в битум, которым была выстлана полость, были найдены две каменные таблички, одна белая, другая черная. На черной плите обычно была надпись клинописью, похожая или почти похожая на надпись, высеченную на бронзовой фигурке». Кроме того, Де Сарсак вместо статуэток нашел глиняные конусы в форме больших гвоздей с полусферическими головками и надписью вокруг стержня.^{[m](#)}

Считается, что в этом древнем искусстве можно выделить три этапа развития. К первому относятся рельефы, изображающие сцены войны и погребения, которые до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения, нарисованные очень неуклюже и сравнительно грубо и примитивно. Этот этап представляет собой младенчество искусства. Ко второй стадии относятся восемь статуй Гудеа и одна статуя Ур-ба-у, которые с большим мастерством и тонким художественным чувством высечены из твердого камня, по-видимому, диорита.

Сила, которая характеризует скульптурные произведения вавилонян и особенно ассирийцев, уже проявляется, хотя и без той преувеличенной мускулатуры и суставов, которые так характерны для последних. Особенно тщательно проработаны руки и ноги. Головы полностью отличаются от волосатых и бородатых ассирийских или даже ранних вавилонских голов. Они идеально выбриты, но иногда, по-видимому, украшены искусственной прической или чем-то в этом роде; все так же, как в Египте. Кроме того, видна попытка изобразить складки драпировок (), чего мы не находим ни у вавилонян, ни у ассирийцев, ни у египтян, а только позднее у персов и греков. В третий, так называемый классический период, относятся произведения искусства наиболее совершенного исполнения, которые демонстрируют решительный прогресс, среди которых есть картины, на которых борода и волосы проработаны с величайшей тщательностью.

Было бы чрезмерным скептицизмом отрицать, что эти произведения искусства превосходят по древности почти все, что было найдено в Вавилонии до сих пор. Единственным исключением может быть прекрасный цилиндр времен Саргона I, если предположить, что этот монарх правил около 3800 г. до н.э. и что это произведение искусства относится к его времени. Но это ни в коем случае не установлено как факт.

Нельзя также отрицать, что эти творения раннего халдейского искусства, хотя в некоторых случаях и являются лишь слабыми попытками, в других же достигают такой совершенной законченности, что в последующие периоды они никогда не превосходились и редко равнялись.

Здесь мы имеем дело с ситуацией, схожей с той, что сложилась в Египте, где, например, при царях четвертой династии скульптура достигла такого совершенства, которому ничего более позднего даже близко не приблизилось, и где древнейшие произведения искусства имеют ценность, которой не может похвастаться ни одна из египетских скульптур последующих веков. Таким образом, в обеих этих странах наблюдается раннее, удивительно быстрое развитие, за которым следует стремительный упадок; даже в последующие блестящие эпохи не было предпринято ни одной успешной попытки сравниться с результатами первого расцвета. Такое явление тем более поразительно, если учесть, что эти более поздние эпохи, будь то в Египте, Вавилоне или Ассуре, ни в коем случае не были периодами упадка, а демонстрировали, хотя и с постоянными колебаниями, заметный

прогресс в литературе, науке, государственном управлении и общей культуре. Вероятно, причина кроется в различиях между расами. Художники, вырезавшие статуи царя Шафра, были не более семитами, чем, судя по внешнему виду и типам лиц изображенных монархов, скульпторы, увековечившие царя Гудеа. Позже египетское население все больше и больше подвергалось влиянию семитских элементов, и под растущим влиянием семитов искусство пришло в упадок.

Только при Саитах, которые, безусловно, не были потомками расы, смешанной с семитской кровью, искусство вновь поднялось на высоту, напоминавшую о славных днях древнего царства. Таким образом, раннее халдейское искусство было предшественником искусства Вавилонии и Ассирии, а семиты Вавилона и Ассира проявили себя как прилежные ученики, одаренные подражатели, которые придали своим произведениям отпечаток собственного гения; но они никогда не были больше, чем учениками и подражателями, они никогда не создавали ничего оригинального, что могло бы сравниться с ранним халдейским искусством. Семитская раса занимает одно из ведущих мест в истории цивилизации и обладает большим талантом. Но в архитектуре и скульптуре она всегда работала в тесном сотрудничестве с иностранными мастерами и никогда не создавала ничего действительно великого самостоятельно.^[36] Чем дальше она удаляется от древних центров, где все еще жила великая традиция прежнего высокоразвитого искусства, тем более неумелыми становятся ее произведения в этой области. Доказательством этому служат Ассирия, где семитская кровь была чище, чем в Вавилонии, и которая, безусловно, уступала в искусстве последней, Финикия, Палестина и Аравия. Только когда семиты передали старую традицию, которую они, по крайней мере, сохранили, ариям, персам и грекам, произошло независимое более высокое развитие пластического искусства. Как бы то ни было, с точки зрения искусства вавилоняне и ассирийцы занимают первое место среди семитов (), но этим они обязаны ранним халдеям.

Характер вавилонско-ассирийского зодчества в целом оставался примерно таким же с самых ранних времен до разрушения нации. Архитектор, более чем любой другой художник, зависит от характера имеющегося в его распоряжении материала, а в Вавилонии это были почти исключительно глиняные плитки, высушенные на солнце или обожженные в огне. Первые, которые в Вавилонии изготавливались с большим мастерством, обычно использовались для фундаментов, либо просто укладывая их слоями, либо скрепляя влажной глиной или смолой, либо, как в подвалах ассирийских дворцов, используя их в еще влажном состоянии, чтобы под давлением надстройки они могли соединиться в одну прочную массу. Для покрытия стен использовались обожженные плитки. Эмалированные или глазурованные кирпичи использовались в тех частях здания, которые были наиболее подвержены воздействию влаги или погодных условий. В Ассирии, где камень был недорогим, его также использовали в качестве внешнего покрытия стен. Однако это единственное важное отклонение, которое позволили себе ассирийские архитекторы. Хотя им было бы проще возводить более красивые, более приятные и, безусловно, более прочные здания из камня, они не смогли подняться до этой попытки, хотя им нужно было только выполнить и использовать в большей степени то, что уже было найдено в Халдее. В этом направлении действительно был сделан небольшой шаг.

Вавилоняне уже знали, как делать деревянные столбы или колонны, вероятно, покрытые металлом, и использовали их в более легкой архитектуре, как, например, в *наосе*, или балдахине над фигурами богов. Ассирийцы не только скопировали это, но и построили каменные колонны, и нельзя отрицать определенную оригинальность и изящество капителей и оснований их колонн. Однако колонна никогда не играла такой важной роли в их архитектуре, как, например, в греко-римской и даже в египетской. В своих великих зданиях они почти рабски придерживались дизайнов, передаваемых из века в век. Вопрос о

том, имели ли здания более одного этажа, ранее почти повсеместно признавался фактом, но в настоящее время он в целом отрицается и действительно трудно поддается определению. Руины не дают однозначной поддержки ни одной из теорий, но на нескольких рельефах изображены двухэтажные здания.

Кирпичное строительство неизбежно создает определенную монотонность, которая здесь усугубляется отсутствием окон. Чтобы сгладить эту монотонность, прибегали к остеклению, окраске или деревянным элементам, если использование колонн было исключено; иногда применялись более художественные приемы, такие как выступающие пилястры, которые в Халдее были несколько грубыми, но богато украшенными в Ассирии; а также мозаика конической формы или украшения в виде ваз на стенах. Верхние камни стен были украшены зубцами. Внутренние, а также внешние стены были покрыты камнем до определенной высоты, а выше — полихромным слоем штукатурки. Широко использовались украшения из слоновой кости и, в особенности, из бронзы. Несмотря на все это, вавилонские и ассирийские здания производят впечатление массивности, почти неуклюжести, а украшения кажутся детскими, ничтожными и банальными. Отсюда также непропорциональность длины и ширины, то есть удлинённая форма комнат, крыша которых, не поддерживаемая колоннами, должна была опираться на боковые стены, а ширина зависела от длины кровельных балок.

С другой стороны, почти исключительное использование плитки имело то преимущество, что было практически необходимо широко использовать арочные и сводчатые конструкции. Нельзя с уверенностью утверждать, что халдейские архитекторы были изобретателями этих конструкций, которые ранее ошибочно приписывались этруским, поскольку они также встречаются в Египте, хотя там используются редко. Однако, без сомнения, вавилоняне и ассирийцы значительно усовершенствовали их и умели использовать с большим мастерством. От ложного свода, который образуется путем выпячивания каждого последующего слоя камня над предыдущим, до готового свода, все виды представлены ими. Не только все подземные каналы и канализации, своды из каменной кладки, но и все ворота заканчивались сводами, и даже потолки некоторых квартир, особенно тех, которые находились в той части дворцов, которая, по-видимому, была гаремом, были полностью или частично сводчатыми.

Вавилоняне и ассирийцы построили множество больших городов, окруженных мощными стенами, обширные дворцы и своеобразные храмы. Их невозможно перечислить здесь или даже описать в общих чертах.

Однако можно коснуться нескольких важных моментов. Во-первых, следует отметить, что в то время как в Египте монументальными сооружениями были гробницы и храмы, в Вавилоне и Ассуре это были в основном дворцы. Хотя на строительство храмов не жалели ни сил, ни средств, они были меньше дворцов, к которым в некоторых случаях, безусловно, были пристроены.

Гробницы строились с большой тщательностью, чтобы предотвратить быстрое разложение тел, однако жители Месопотамии так и не достигли такого же совершенства в бальзамировании тел, как египтяне: они также были оборудованы всем, что, согласно их вере, было необходимо для умерших, но они были сложены друг на друга и таким образом скрыты от глаз. Искусство не тратилось на них; с другой стороны, однако, все известные средства искусства использовались для украшения резиденций царей и земных жилищ богов самым великолепным и роскошным образом. Их размеры постоянно увеличивались. Ранний халдейский дворец, обнаруженный в Теллохе, имел площадь всего 53 метра в длину и 31 метр в ширину; так называемый Васевас в Варке (Эрехе) имел 200 метров в длину и 150 метров в ширину; дворец Саргона II в Дур-Шаррукине занимал площадь около 10 гектаров и

содержал 30 открытых дворов и более 200 апартаментов. При Саргонидах комнаты также стали больше. Одна из комнат во дворце Сеннахериба была почти такой же длины, как весь дворец в Телло, *то есть* 46 метров в длину и 12 в ширину. Другая комната во дворце Эсархаддона, которая должна была иметь размеры 15 на 12 метров, осталась недостроенной, вероятно, из-за сложности строительства. Дворец Ашшурбанапала был несколько меньше, но все же имел величественные пропорции. Великий дворец Навуходоносора II, состоявший из старого дворца его отца и нового, построенного им и соединенного со старым, еще не был достаточно исследован, но, судя по описаниям, он, должно быть, превосходил по великолепию, если не по размеру, все дворцы его предшественников. Все дворцы были построены по одному плану и содержали отдельные жилые помещения для царя и его двора, для его жен, для низших придворных чиновников и, как представляется, также храм с различными святилищами и башней.

О вавилонско-ассирийских храмах пока известно слишком мало, чтобы с какой-либо уверенностью судить об их архитектурном стиле. Здесь и там были найдены остатки храмов, но пока не доказано, что здания, обозначенные как храмы, действительно использовались в религиозных целях. Большинство храмов, по-видимому, были небольшими и, во всяком случае, не предназначались для больших собраний. Алтарь находился снаружи, и, следовательно, религиозные обряды, как правило, должны были проводиться там.

В каждом крупном городе было много храмов, но всегда только одна зиккурат. Она составляла лишь одну часть главного храма, хотя и самую заметную. Существовали различные виды таких башен, из трех или более, иногда семи этажей, на которые можно было подняться по одной наклонной плоскости, окружающей все здание, или по двум наклонным плоскостям, поднимающимся с двух сторон. План некоторых из них представлял собой идеальный квадрат, других — параллелограмм; однако все они опирались на массивную основу и, по-видимому, увенчивались небольшим святилищем.

Хотя эти главные храмы, включая зиккурат, не были равны по размеру королевским дворцам, они, тем не менее, были внушительными зданиями, и башни, в частности, были возведены с большой тщательностью и большими затратами. Было бы неправильно делать из этого соотношения храмов и дворцов вывод, что ассирийцы были менее религиозны и более рабопенны, чем египтяне, которые, будучи полностью подчиненными догме бессмертия, уделяли больше внимания гробницам умерших царей, чем жилищам живых. Ценные украшения и скульптуры, которые ассирийцы и вавилоняне дарили своим богам, свидетельствуют об их набожности. На самом деле весь дворец был священным сооружением, в котором представитель божества жил на земле вместе со своим богом и рядом с ним.

Уже было кратко упомянуто о помощи, которую архитектура получала от других видов искусства. Есть еще несколько деталей, на которые следует обратить внимание в связи с этим. Как ассирийцы, так и вавилоняне были искусными мастерами по бронзе. Доказательством этому служат бронзовый порог длиной 1,5 метра, найденный в Борсиппе, с очень изящными украшениями в виде розеток и квадратов, и, в особенности, бронзовые ворота в Балавате, относящиеся к IX веку до н. э., которые являются шедеврами своего рода, а также большое количество других останков.

Живопись также использовалась для украшения как внешней, так и внутренней поверхности стен. Орнаменты и фигуры с большим мастерством наносились на штукатурку, в данном случае *на фреску*, или на плитку, которая впоследствии глазировалась. Эти плитки иногда соединялись, образуя одну картину. Из сохранившихся образцов таких работ видно, что живопись достигла довольно высокого уровня в Вавилоне и Ассуре. Рисунок и

группировка часто очень удачны, а обработка часто имеет определенную широту. Эти картины также важны тем, что по ним видно, насколько преобладала условность в ассирийской скульптуре. В живописи нет ни преувеличенной мускулистости, ни почти неуклюжей силы скульптурных фигур. Борода и волосы не так жестко завиты, как в скульптурах, а свисают более свободно и естественно.^{—h} Недавно Немецкое восточное общество (Deutsche Orient Gesellschaft) обнаружило в Вавилоне прекрасный образец глазурованной плитки. Он находится на так называемой Процесссионной улице, ведущей из Вавилона в Борсиппу; по обеим сторонам улицы были стены, облицованные цветной плиткой с изображением величественной процессии львов и других животных, очень художественно нарисованных.^a

Скульптура, в большей степени, чем живопись, использовалась для украшения зданий, ее произведения покрывали большую часть стен дворца и украшали ворота, дворы, террасы и апартаменты. Материалом, который использовали скульпторы в Халдее, обычно был ценный камень, который было трудно добыть, такой как базальт, долорит, диорит; в Ассирии обычно использовались более распространенные и легко обрабатываемые породы, такие как алебастр и песчаник. Различие в материалах, естественно, влияло на саму работу. Часто встречаются также фигуры из литой бронзы.

В надписях вавилонских царей часто упоминаются колонны, воздвигнутые в честь богов, некоторые из которых были сделаны из чистого золота или серебра, а другие только покрыты драгоценным металлом. Ассирийские цари также упоминают о таких посвящениях. Естественно, колонны из драгоценных металлов не сохранились, но было найдено большое количество каменных столбов. Возможно, это случайность, что большинство скульптур в полном объеме происходит из Вавилона, а большинство барельефов — из Ассирии. Предметы этих сохранившихся скульптур имеют в основном религиозный или исторический характер. Но редко появляются изображения быта монарха или других социальных кругов.

Только однажды изображен банкет, устроенный царем Ашшурбанапалом и его царицей. В остальных случаях на барельефах не появляются женщины, за исключением пленниц. В целом, по сравнению с египтянами и особенно с греками, здесь прослеживается небольшая тенденция к изображению женской красоты и грации. Обнаженная женская фигура изображается редко, а если и изображается, то в отталкивающе реалистичной форме, как в случае с маленькими фигурками богини-матери. Веселые или комические сцены, которые не отсутствуют даже в египетских рельефах и виньетках, здесь никогда не встречаются. Однако не следует делать поспешных выводов из этого и забывать, что большинство сохранившихся рельефов происходят из дворцов, немногие — из храмов, еще меньше — из гробниц, а из частных резиденций — вообще нет. Это, несомненно, одна из причин, по которой изображения быта или частной жизни так редки. На самом деле, в нескольких гробницах были найдены рельефы, сюжеты которых напоминают любимые изображения в египетских гробницах. Наиболее распространенными, безусловно, являются сцены, связанные с религиозной и общественной жизнью.

При обработке этих объектов правда часто приносится в жертву определенным условностям. Так, например, ламасси и шеи, львы и быки с человеческими головами, имеют пять ног, чтобы всегда показывать четыре, независимо от того, смотрят ли на них спереди или сбоку; головы обычно изображаются в профиль с глазами в анфас, но иногда в анфас, хотя изображение представляет собой вид сбоку для зрителя, что также было обычным явлением в Египте; так же неестественны жесткие завитки волос и бороды. По-видимому, в Египте никогда не предпринималось попыток создавать портреты исторических личностей, и индивидуальные различия в ранге и положении можно распознать только по предметам

второстепенного значения. Однако по этому поводу все еще существуют некоторые сомнения. Действительно, наблюдается большая однородность, но нельзя не заметить попытку хотя бы дифференцировать черты лица. Если не брать во внимание все аксессуары, черты лица различаются между королями и высшими придворными, с одной стороны, и низшими воинами, с другой, между мужчинами и евнухами, между взрослыми и молодежью. Везде, где художники Месопотамии не были ограничены условностями, — особенно в изображении животных, — они превосходили по точности, правдивости и силе изображения все другие народы древности, за исключением, пожалуй, греков. Это особенно верно в отношении изображения местных животных, однако иностранные животные также изображались с большим мастерством, хотя их изображение свидетельствует о меньшей практике. Даже в изображении териантропных божеств они остаются максимально верными природе и с большим вкусом и тактом позволяют человеческим атрибутам фигуры преобладать. Везде, где возможно частично или полностью отойти от традиции, их талант проявляется поистине удивительным образом. Их единственным заметным недостатком является преувеличенный реализм, который проявляется не только в чудовищном изображении мышц и суставов, но и в отвратительных деталях обнаженных фигур Астарты.

Слишком мало скульптур нового вавилонского царства сохранилось, чтобы можно было судить о состоянии искусства в этот период. Хорошо известная резьба Навуходоносора II на камне заставила бы нас высоко оценить его, если бы не убедительные доводы, свидетельствующие о том, что, хотя она и является подлинной, она является работой иностранного, вероятно кипрского, художника.

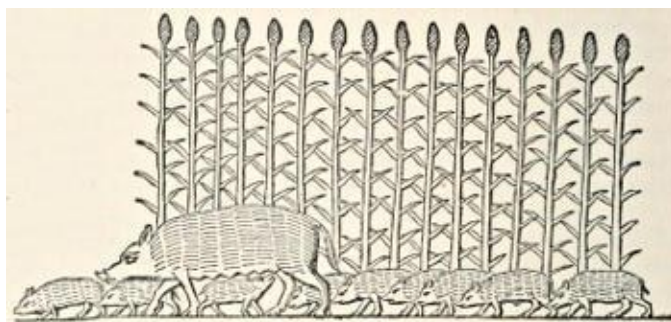
Нет сомнений в том, что искусство музыки было широко распространено среди вавилонян и ассирийцев, поскольку на рельефах очень часто изображаются музыканты на религиозных праздниках (), во время триумфальных приветствий победоносного царя и на торжествах. Они играют поодиночке или в ансамбле, а также аккомпанируют пению. Музыкальные инструменты бывают разных видов, а музыканты, которые иногда очень изящно одеты, не всегда являются евнухами и бывают разного возраста.

В целом следует признать, что ассиро-вавилонский народ был склонен к искусству и с талантом и успехом культивировал различные виды искусства. Если бы они, в частности ассирийцы, смогли освободиться от традиций, они могли бы превзойти своих предшественников и учителей. Однако они занимались искусством не ради самого искусства, а как средство прославления богов или царей, и, по крайней мере, исторические рельефы в большинстве своем являются не более чем иллюстрациями к надписям, своего рода военными отчетами в картинках. Они не были таким художественным народом, как греки. Тем не менее, они достигли в этом отношении большего и лучших результатов, чем все другие народы их расы, взятые вместе. И хотя в некоторых особых случаях они, возможно, уступали египтянам, в других они значительно опережали их. Ассирийцы, следуя примеру вавилонян, проявили свои художественные таланты также в производстве своих промышленных товаров; искусство и промышленность были для них тесно связаны.

Среди произведений, которые следует здесь рассмотреть, в первую очередь следует упомянуть сотни печатей, которые сохранились до наших дней и количество которых не будет казаться столь удивительным, если вспомнить, что каждый вавилонянин и ассириец высокого положения имел свою личную печать. В древние времена они всегда, а в более поздние времена, как правило, имели форму цилиндров с отверстием в центре, которые носили на шее, подвесив на шнурке. Оттиск делался путем прокатывания их по влажной глине. После VIII века появляются конические и полусферические печати. Эти цилиндры изготавливались из многих различных материалов, сначала из легко поддающихся резьбе, а позднее из более твердых, таких как порфир, базальт, железистый мрамор, серпентин,

сиенит и гематит. Затем стали использоваться полудрагоценные камни: яшма, агат, оникс, халцедон, горный хрусталь, гранат и т. д. На самых старых камнях изображенные объекты были скорее намечены углублениями и штрихами, чем фактически выполнены и вырезаны; но постепенно было достигнуто большое мастерство, и на твердых камнях также появились красивые резьбы. Исполнение, конечно, сильно варьировалось не только в зависимости от таланта художника, но и в зависимости от ранга и богатства человека, заказавшего работу. Выбираемые сюжеты в основном носят религиозный характер: поклонение богине, принесение жертвы, различные символы, такие как крылатые животные, солнце, луна и звезды, и очень часто дерево жизни, в тени которого стоят два человека или которое охраняют два гения. Под властью нового Вавилона и под властью Ахеменидов глиптика как искусство быстро пришла в упадок.

Похоже, что керамическое искусство сначала не занимало особо высокого положения в Вавилонии. Глиняные вазы и утварь, в течение долгого времени изготавливавшиеся вручную, в древнейшие времена были грубыми и нехудожественными. Однако постепенно, с появлением гончарного круга, они стали более изящными по форме, а к концу ассирийского периода стали покрываться эмалью и украшаться цветными узорами. Тем не менее, вавилонское керамическое искусство не может соперничать с греческим, хотя и превосходит египетское. Стекло, конечно, не было найдено в больших количествах, но в его производстве был достигнут довольно значительный прогресс. Ассирийцы и вавилоняне продемонстрировали особые навыки в обработке металлов. Бронза, смесь меди и олова, была им известна в самые ранние времена. Они знали о железе раньше египтян и, безусловно, использовали его гораздо шире. Предметы из золота встречаются чаще, чем из серебра, а свинец используется редко. Украшения, такие как браслеты, серьги и ожерелья, обычно отливались из драгоценных металлов и часто инкрустировались жемчугом. Свидетельством высокоразвитой культуры можно считать то, что они использовали не только ложки, но и вилки, роскошь, появившуюся в Европе только в конце средневековья, а также то, что туалетные принадлежности, такие как расчески, булавки и т. д., были украшены с величайшей тщательностью и мастерством.

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИКОЙ СВИНОМАТКИ И ПОРОСЕНКА СРЕДИ КАМЫШЕЙ

(Лэйард)

Ассирийцы также были более искусными в механике, чем египтяне, и не уступали им в сельском хозяйстве. Два барельефа, один ассирийский, другой египетский, дают нам возможность сравнить, как каждая из этих наций преодолевала трудности, связанные с перемещением и установкой своих огромных каменных колоссов. Видно, что ассирийцы знали, как использовать рычаг, чего не знали египтяне, и что они принимали гораздо более серьезные меры предосторожности, чтобы не опрокинуть колоссов. Хорошо известно, как вавилоняне и ассирийцы, как и египтяне и китайцы, использовали ирригацию. На тех же табличках, где были записаны их военные подвиги, правители часто упоминали о прокладке каналов, регулировании и углублении русел рек, «обеспечивающих воду для постоянного использования городом и страной», и связывали с ними свои имена. Из-за более высокого расположения своей страны по сравнению с южными соседями ассирийцам приходилось преодолевать большие трудности при осуществлении таких работ, но это не мешало им соперничать с ними. Один канал, ведущий от Верхнего Заба и одного из его притоков, орошал область между этой рекой и Тигром, а также снабжал столицу Калах питьевой водой.

Сеннахериб сделал нечто подобное для Ниневии, которая вместе со своими окрестностями полностью зависела от дождей. Он построил сеть каналов, которые питались частично от Хушура, а частично от небольших горных ручьев гор Аккад и Таш. Здесь также были достигнуты две цели: обеспечить Ниневию хорошей питьевой водой и сделать окружающую местность плодородной, поскольку царь засадил ее многими видами растений, среди которых была и виноградная лоза. Цветоводство также активно поощрялось царями Вавилона и Ассира. Они восхищались красивыми парками, в которых разводили и выращивали странных иностранных животных. Мардук-бел-иддин, царь Бит-Якина, по-видимому, тот же, который в свое время завоевал Вавилон, владел шестьюдесятью семью огородами и шестью парками, каталог которых сохранился до наших дней, хотя он постоянно воевал или защищался от мести ассирийцев.^{[h](#)}

АССИРИЙСКОЕ ИСКУССТВО

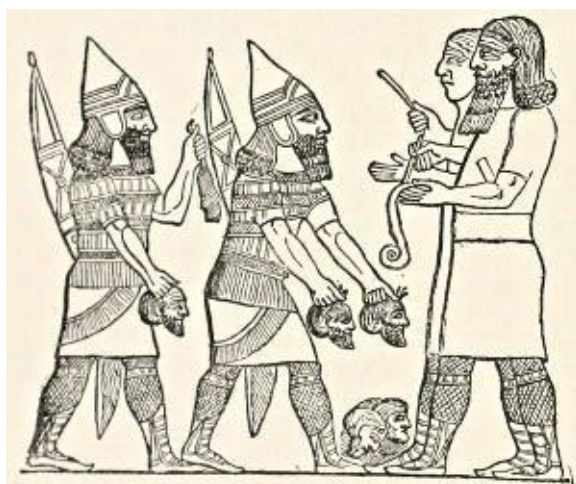
Но мировые исторические связи месопотамского искусства лучше всего прослеживаются при изучении более поздних и лучше сохранившихся образцов ассирийского ремесла. Именно ассирийцы более непосредственно заимствовали у египтян при развитии своего искусства и передали художественные импульсы, с одной стороны, персам, а с другой — грекам. Вопрос о том, в какой степени сами ассирийцы находились под влиянием микенского искусства ранней Греции, вызывает разногласия среди исследователей этой темы, и мы не будем здесь на него вдаваться.

Невозможно изучать памятники Ассирии, не убедившись в том, что люди, которые их создали, обладали навыками в области скульптуры и живописи, а также знаниями в области дизайна и даже композиции, что свидетельствует о высоком уровне цивилизации. Очень примечательно, что самые древние руины демонстрируют эти знания в самом совершенном виде, достигнутом ассирийцами. Барельеф, изображающий охоту на льва, который сейчас находится в Британском музее, является хорошей иллюстрацией самой ранней известной школы ассирийского искусства. Он значительно превосходит скульптуры Хорсабада, Куюнджика или более поздних дворцов Нимруда по энергичности исполнения, элегантности форм и тому, что французы метко называют *mouvement*. В то же время он явно отличается от них очевидной попыткой композиции — художественным расположением групп. Скульпторы, работавшие в Хорсабаде и Куюнджике, возможно, приобрели больше навыков в обращении со своими инструментами. Их работы часто превосходят работы более ранних художников по тонкости исполнения — например, в деталях черт лица — и по смелости рельефа; но даже самое поверхностное знакомство с ассирийскими памятниками показывает, что они значительно уступали своим предкам в высших отраслях искусства — в трактовке темы, красоте и разнообразии форм. Этот упадок искусства, после внезапного достижения наивысшего совершенства на ранней стадии, является фактом, характерным почти для всех известных нам народов, древних и современных. В Египте древнейшие памятники демонстрируют самые чистые формы и самые изящные украшения. После определенного периода наблюдается быстрое отставание, и состояние искусства служит приблизительным указателем эпохи большинства его памятников. В истории греческого и римского искусства этот внезапный подъем и быстрый упадок также хорошо известны. Даже смены королевских династий оказывали влияние на искусство, как показывает беглый взгляд на памятники той части Востока, о которой мы специально говорим. Так, скульптура Персии, как и скульптура Ассирии, достигла своего расцвета во времена первых монархов и постепенно пришла в упадок до падения империи. После греческого вторжения она возродилась при первых царях из рода Аршакидов, поскольку греческий вкус по-прежнему оказывал влияние на иранские провинции. Насколько быстро искусство деградировало до самых варварских форм, в изобилии доказывают медали и памятники поздних Аршакидов. Когда Сасаниды восстановили старую персидскую монархию и ввели древнюю религию и священные обряды империи, искусство, по-видимому, вновь получило временный импульс. Монеты, драгоценные камни и наскальные скульптуры первых царей этой династии отличаются значительной элегантностью, духом дизайна и красотой форм. Но упадок под их правлением был столь же быстрым, как и при их предшественниках. Еще до того, как Хосров поднял славу и мощь империи до наивысшей точки, искусство быстро деградировало. К временам Йездигерда оно стало еще более грубым и варварским, чем в последние дни Арсакидов.

Этот упадок искусства можно объяснить тем, что в период становления народа или после какого-либо значительного события, оказавшего решающее влияние на его нравы, религию или политическое устройство, природа была главным, если не единственным, объектом изучения. Когда был достигнут определенный уровень мастерства и не произошло никаких резких изменений, которые могли бы пошатнуть устоявшийся порядок вещей (), художник, вместо того чтобы пытаться имитировать то, что он видел в природе, принял за правильные изображения работы своих предшественников и сделал их своими образцами и моделями. В некоторых странах, таких как Египет, религия, возможно, способствовала такому результату. В то время как воображение, как и руки, были скованы предрассудками и даже законами, или в то время как лень или невежество приводили к простому рабскому копированию того, что было сделано ранее, легко представить, как быстро могло произойти отклонение от правильности формы. Поскольку каждый передавал ошибки своих предшественников и добавлял к ним свои собственные, неудивительно, что вскоре все это

превратилось в одну большую ошибку. Есть основания опасаться, что эта предписываемая любовь к подражанию оказала не меньшее влияние на современное искусство, чем на искусство древних.

Поскольку самые ранние образцы ассирийского искусства, которые мы имеем, являются лучшими, естественно сделать вывод, что либо существуют другие, еще не обнаруженные памятники, которые могли бы продемонстрировать постепенное развитие, либо такие памятники когда-то существовали, но давно исчезли; в противном случае следует сделать вывод, что те, кто воздвиг древнейшие ассирийские сооружения, черпали свои знания непосредственно от другого народа или просто подражали тому, что видели в чужой стране. Некоторые склонны рассматривать стиль и характер этих ранних скульптур как чисто египетские. Но в способе обработки и исполнении есть такое несоответствие, что египетское происхождение ассирийского искусства представляется мне вопросом, вызывающим значительные сомнения. То, что у них общего, можно считать первыми попытками любого народа определенного интеллектуального уровня подражать природе. Отсутствие относительных пропорций в фигурах и незнание перспективы — полный глаз в профиль и тела мертвых, разбросанные над или под главными фигурами — столь же характерны для всех ранних произведений искусства, как и для грубых попыток детей рисовать. Только в более поздних памятниках Ниневии мы находим явные и прямые следы египетского влияния: в сидящих сфинксах и изделиях из слоновой кости из Нимруда, в орнаментах в форме лотоса из Хорсабада и Куянджика; возможно, также в бытовавшем тогда обычае вставлять имя царя или замка на или непосредственно над их скульптурными изображениями. Ни орнаменты самого раннего дворца Нимруда, ни костюмы, ни сложные вышивки на одеждах с группами человеческих фигур и животных, ни мифологические символы не имеют египетского характера; они демонстрируют совершенно иной вкус и стиль.

БАРЕЛЬЕФ ПИСЦОВ, ЗАПИСЫВАЮЩИХ ЧИСЛО УБИТЫХ

(Лэйард)

Основное различие между ассирийским и египетским искусством, по-видимому, заключается в том, что в одном из них гораздо строже соблюдались условные формы, чем в другом. Угловатая манера исполнения, столь заметная в египетских памятниках даже в изображении каждого предмета, не заметна в ассирийских. Если бы искусство этих двух

стран происходило из одного источника — или одно было бы подражанием другому — то оба они, несомненно, продемонстрировали бы одну и ту же поразительную особенность. Ассирийцы, менее скованные, стремились более точно подражать природе, какими бы грубыми и неудачными ни были их попытки; и это подтверждается постоянными попытками показать мышцы, вены и анатомические пропорции человеческой фигуры.

Мы не должны упускать из виду утверждение Моисея Хоренского — несомненно, основанное на древних традициях, если не на прямых исторических свидетельствах, — что когда Нинус основал Ассирийскую империю, эта страна уже была заселена народом, далеко продвинувшимся в цивилизации и знании искусств и наук, чьи произведения завоеватели стремились уничтожить. Кем был этот народ, мы сейчас даже не можем предположить. Та же загадка висит над происхождением искусств в Египте и Ассирии. Возможно, до появления каких-либо условных форм они происходили из общего источника — от народа, чье само название и свидетельства о существовании которого, возможно, исчезли еще до появления традиций.

Памятники Ассирии дают нам очень важные данные о происхождении многих отраслей искусства, которые впоследствии достигли высшего совершенства в Малой Азии и Греции. Я полагаю, что влияние Ассирии на Малую Азию было двояким. Во-первых, прямым, в период наибольшего процветания ассирийской монархии или империи, когда, как было показано, власть ее царей распространялась на эту страну; во-вторых, косвенным, через Персию, после разрушения Ниневии. О влиянии, оказанном на искусство Западной Азии в период ранней оккупации ассирийцами, до сих пор обнаружено мало следов, если только замечательные памятники на месте древнего Птери, или Птериума, не относятся к этому периоду. Очевидная связь между божествами и священными символами, почитаемыми в различных частях Малой Азии, и божествами и символами Ассирии будет особо отмечена ниже. Если признать ассирийское происхождение этих памятников и религиозных символов, то мы без труда сможем распознать влияние Ассирии на искусство и обычаи Малой Азии. Древности этой страны, предшествовавшие хорошо известному периоду персидской оккупации, были мало изучены. До сих пор обнаружено лишь несколько остатков более ранней эпохи. Я не сомневаюсь, что такие остатки существуют, возможно, погребенные под землей. Весьма вероятно, что по мере появления дополнительных материалов для исследования мы будем все больше убеждаться в этом ассирийском влиянии, на которое указывает Геродот, когда он заявляет, что основатель царства Лидия был потомком Нина, а также другие авторы, которые упоминают сирийское или ассирийское происхождение многих народов Малой Азии.

Но второй, или косвенный, период этого влияния очень полно и всесторонне иллюстрируется памятниками Малой Азии времен персидского господства. Известная связь между этими памятниками и архаическими формами греческого искусства делает эту часть исследования важной и интересной. Мраморы из Ксанта, приобретенные для Англии сэром Чарльзом Феллоузом и ныне хранящиеся в Британском музее, являются замечательными иллюстрациями тройной связи между Ассирией и Персией, Персией и Малой Азией, а также Малой Азией и Грецией. Если бы эти мраморы были правильно сгруппированы и размещены в хронологическом порядке, они стали бы очень полезным уроком и позволили бы даже поверхностному наблюдателю проследить постепенный прогресс искусства от его первобытной грубости до самых классических концепций греческого скульптора. Не то чтобы он обнаружил бы какой-либо стиль, чистый ассирийский или греческий, в его наивысшем совершенстве, но он смог бы увидеть, как более точное подражание природе, постепенное утончение вкуса и дополнительные исследования преобразовали жесткие и строгие линии ассирийцев в плавные драпировки и классические формы высочайшего уровня искусства.

Я назвал этот второй период периодом *косвенного* влияния, потому что искусство тогда не проникало в Малую Азию напрямую из Ассирии, а передавалось туда через персов. Ассирийская империя существовала уже на протяжении веков и обладала верховной властью над Азией, прежде чем ее оспаривали царства Персии и Мидии, объединенные под властью одного монарха. Персы, вероятно, были грубым народом, не обладавшим ни собственной литературой, ни искусством, но заимствовавшим все, что у них было, у своих цивилизованных соседей. У нас нет более ранних образцов персидской письменности, чем надпись с именем Кира на руинах, предположительно являющихся его гробницей, в Мурхаубе [Пасаргарде]; нет и более ранних памятников персидского искусства, чем здания и скульптуры Персеполя и другие памятники, которые без сомнения можно отнести к царям династии Ахеменидов. Уже было показано, что письменность персов была заимствована у ассирийцев, и с такой же легкостью можно доказать, что их скульптуры происходят из того же источника. Памятники Персеполя подтверждают это без всякого сомнения. Они демонстрируют точно такой же стиль, такие же формы, такие же особенности в расположении барельефов на стенах, такие же входы, образованные гигантскими крылатыми животными с человеческими головами, и, наконец, такие же религиозные символы. Если бы эта идентичность проявилась только в одном случае, мы могли бы приписать ее случайности или просто случайному общению; но когда она пронизывает всю систему, мы едва ли можем сомневаться в том, что одна была точной копией, подражанием другой. То, что особенности персеполийских скульптур были заимствованы из памятников второй ассирийской династии, то есть из позднего ассирийского периода, можно доказать сходством форм украшений и костюмов многих фигур. Так, головные уборы крылатых чудовищ, образующих порталы, высокие, квадратные и богато украшенные в верхней части, напоминают головные уборы в Хорсабаде и Куюнджике и отличаются от круглых, без украшений головных уборов более древних фигур в Нимруде.

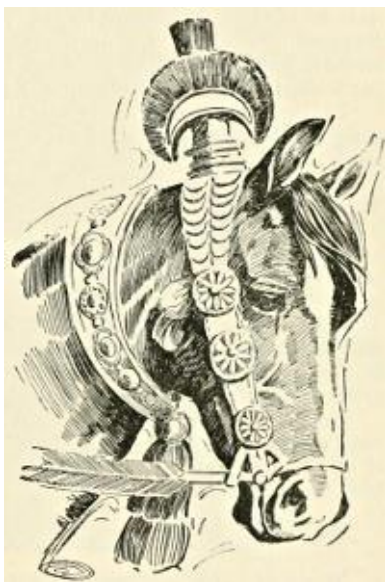
Процессии воинов, пленников и дарителей дани в Персеполе во всех отношениях похожи на те, что изображены на стенах Нимруда и Хорсабада; мы видим тот же стиль исполнения фигур, тот же способ изображения глаз и волос. Персидский художник ввел складки в драпировку, но, за этим исключением, он определенно не превзошел свой ассирийский образец. Напротив, его работа значительно уступает ей в общем расположении групп и в элегантности деталей.

Откуда персы получили колонны и другие архитектурные орнаменты, использованные в Персеполе, определить, возможно, сложнее. Мы видели, что колонны были известны поздним ассирийцам, хотя, по-видимому, они не использовались при строительстве их дворцов. Таким образом, персы могли частично позаимствовать свои знания у них, а частично, и, возможно, в основном, у египтян, которых они уже завоевали до основания Персеполя. Следует отметить, что капители их колонн часто принимают форму ассирийских религиозных символов, например, быка, в то время как другие их части по форме украшений, хотя и не по пропорциям, почти напоминают египетские.

Персы привнесли в Малую Азию искусство и религию, которые они получили от ассирийцев. Так, гробница Гарпии и памятник, обычно приписываемый Харпагу в Ксанте, а также другие, еще более древние остатки, демонстрируют все особенности скульптуры Персеполя и в то же время постепенный прогресс в манере исполнения — введение действия и чувства, а также знание анатомии, — что отличает азиатское искусство от греческого. Несмотря на явное улучшение в расположении драпировок и в изображении человеческой фигуры, даже в самых поздних произведениях персидского периода в Малой

Азии мы по-прежнему замечаем отсутствие каких-либо попыток придать чувства чертам лица или даже показать человеческое лицо более чем в профиль.

Многие архитектурные орнаменты, известные ассирийцам, перешли от них, прямо или косвенно, в Грецию. Ионическая колонна является тому примером. Кроме того, в самых ранних памятниках Ниневии мы видим изящный орнамент, обычно называемый жимолостью, который так широко использовался в Греции и до сих пор применяется чаще, чем любой другой орнамент. В Ассирии, как я уже отмечал, он наделялся священными свойствами и был либо символом, либо объектом поклонения. То, что сходство между ассирийским и греческим орнаментом не является случайным, кажется, бесспорно доказывается чередованием лотоса или тюльпана, каким бы ни был этот цветок, с жимолостью, количеством листьев или лепестков цветка и тем, что в обоих случаях они выходят из полукруга, поддерживаемого двумя усиками или завитками. Тот же орнамент встречается даже в Индии, на доске, установленной Ашокой в Аллахабаде (около 250 г. до н. э.); но был ли он введен греками — что, судя по дате возведения памятника, вскоре после македонского вторжения, вполне вероятно — или же происходит непосредственно из другого источника, я не могу с уверенностью сказать.

АССИРИЙСКАЯ УПРЯЖЬ

Тот факт, что ассирийцы обладали утонченным вкусом, не вызывает сомнений, если учесть, что они изобрели орнамент, который впоследствии греки, с небольшими дополнениями и усовершенствованиями, так широко использовали в своих классических памятниках. Другие, не менее красивые орнаменты постоянно встречаются в древнейших барельефах Нимруда. Священный бык с распростертыми крыльями и дикий козел представлены на коленях перед мистическим цветком, который является главным элементом описанной выше каймы. Те же животные иногда изображаются поддерживающими диски, цветы и розетки. Птица или человеческая фигура часто заменяют быка и козла, а простой цветок превращается в дерево, несущее много цветов одинаковой формы. Это дерево, очевидно являющееся священным символом, имеет сложную и изящную форму и является одним из самых заметных орнаментов ассирийской скульптуры.

Цветы на концах ветвей часто заменяются в более поздних ассирийских памятниках и на цилиндрах еловыми или сосновыми шишками, а иногда фруктами или орнаментом, напоминающим гранат.

Гильош, или переплетенные полосы, постоянно встречающиеся на греческих памятниках и до сих пор широко используемые, были также хорошо известны ассирийцам и были одним из их самых любимых украшений. Они были вышиты на их одеждах, выбиты на их оружии и колесницах и нарисованы на их стенах. Эта чистота и элегантность вкуса в равной степени проявлялась в одежде, оружии, мебели и украшениях ассирийцев. Одежды царя были вышиты с особой тщательностью. Часть, покрывающая его грудь, обычно была украшена не только цветами и завитками, но и группами фигур, животными и даже сценами охоты и сражений. В других частях его одежды были использованы похожие узоры, а по краям были расположены ряды кисточек или бахромы. Серьги, ожерелья, браслеты и браслеты на руку были самых изящных форм. Застежки и концы браслетов часто имели форму голов баранов и быков, напоминая наши современные украшения. Серьги, как правило, на более поздних памятниках, особенно на барельефах Хорсабада, имеют форму креста.

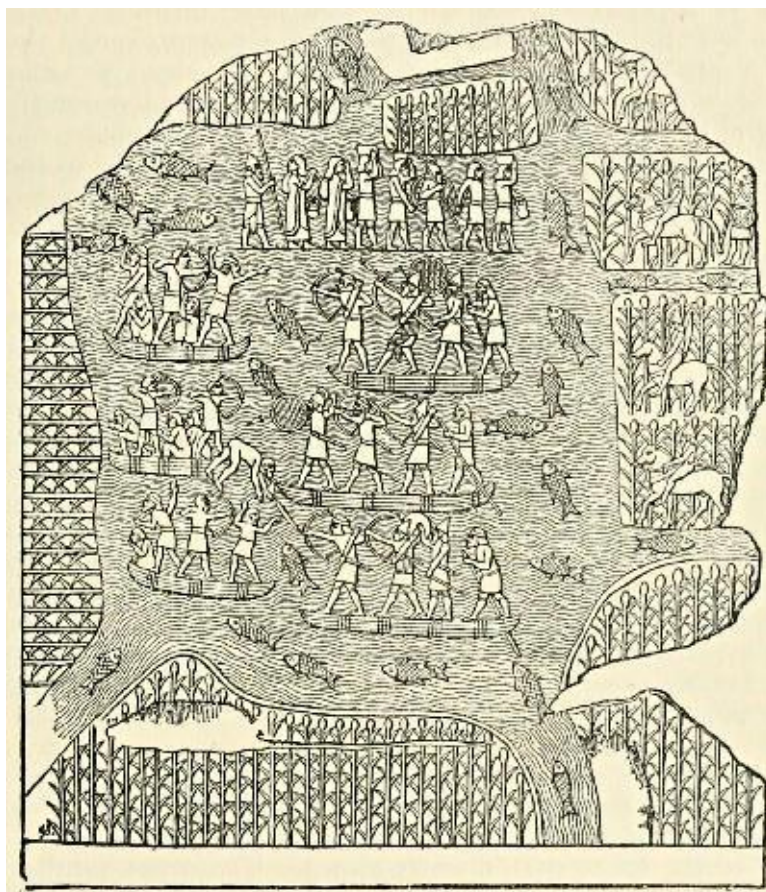
В оружии ассирийцы не уступали даже грекам в элегантности дизайна. Рукоять меча часто украшалась четырьмя львиными головами: две с частью шеи и плеч составляли поперечину или защиту, а две другие с вытянутыми челюстями вставлялись в рукоять. Конец ножен составляли два целых льва, сцепленные друг с другом, с головами, повернутыми наружу, и открытыми пастьми. Иногда все ножны были гравированы или тиснены группами человеческих фигур, животных и цветов. Рукояти кинжалов были не менее богато украшены, иногда имея форму головы лошади, быка или барана. Ножны часто заканчивались головой птицы, к которой была прикреплена кисточка. Часть лука, к которой прикреплялась тетива, имела форму головы орла. Колчан был богато украшен группами фигур и причудливыми узорами.

Украшения в виде голов животных, в основном льва, быка и барана, были очень распространены даже в частях колесницы, упряжи лошадей и домашней мебели. В этом отношении ассирийцы походили на египтян.^b

АССИРИЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ИСКУССТВА

Изучение искусства той или иной страны интересно, в первую очередь, конечно, как исследование выражения красоты или портрета национальных типов и идеалов. Однако изучение не должно на этом заканчиваться, необходимо также учитывать влияние каждой школы на эволюцию мирового искусства. Эта фаза ассирийского искусства была рассмотрена редактором в статье под названием «Влияние современных исследований на сферу мировой истории», вступительном эссе к тому III новых томов девятого издания *Энциклопедии Британника*, из которого здесь можно привести цитату.^a

Тот, кто хочет увидеть иллюстрированную историю эволюции греческого искусства, должен пойти в Британский музей и пройти от египетского зала с его гротескными колоссами к ассирийским залам с их чудесными барельефами, а затем к мраморам Элгина из Парфенона. В частности, художественные сокровища ассирийской коллекции заслуживают самого пристального внимания. Например, в галерее Ниневии, где собраны коллекции странных ассирийских книг, стены повсюду украшены барельефами, которые были найдены в засыпанном дворце, где когда-то хранились литературные сокровища.

Битва в болотах южной Месопотамии

(Лэйард)

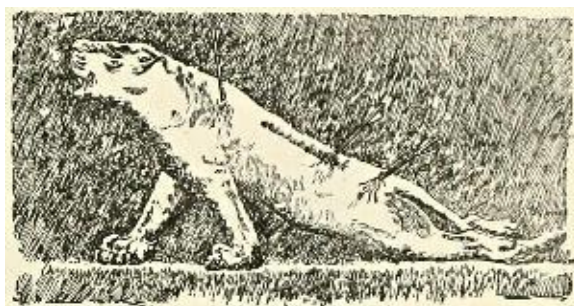
Похоже, что цари той далекой эпохи и той далекой страны были не только покровителями литературы, но и ценителями искусства; и художественные сокровища их дворцов, безусловно, составляют самую яркую, если не самую важную, часть памятных вещей, которые они оставили нам. Чем внимательнее рассматриваешь эти фигуры в низком рельефе, тем более удивительными они кажутся. Они занимают место египетских скульптур в круглом виде; и если на первый взгляд они менее впечатляют, чем великие саркофаги, гротескные боги и колоссальные фигуры животных этого народа, то при более внимательном рассмотрении они оказываются бесконечно более выразительными и несравненно более художественными. Ведь эти плоские скульптуры изображают не только богов и священнические сцены, но и повседневные дела и события ассирийской истории. Барельеф явно был центральным элементом ассирийского искусства. Даже великие быки и львы, охранявшие входы во дворец, были лишь частично отделены от фона, и фресковая статуя царя Ашшурназирпала демонстрирует ту же тенденцию. Полностью округлые статуи не были им неизвестны, о чем свидетельствуют несколько примеров, но их настоящая *сила* заключалась в настенном декоре в виде барельефов. И судя по тому, что нам показали руины, художники в основном проявляли свое мастерство не на стенах храмов, а на стенах дворцов царей. Совершенно очевидно (), что эти великие завоеватели древности были очень человечны, очень похожи на своих преемников более поздних времен. Они любили, когда их героические деяния, реальные или мнимые, прославлялись перед всем миром и постоянно напоминали им самим. Так что на этих стенах можно найти целые истории в кратком изложении — войны, завоевания, победы; штурм городов, убийство врагов, ведение пленных и принесение дани подчиненными народами — короче говоря, все, кроме

поражений Ассирии; придворный художник, верный своим цветам тогда, как и сейчас, никогда не совершал ошибки, изображая их.

Как исторические свидетельства, эти скульптуры имеют неоценимую ценность как за то, что они рассказывают о политической истории, так и за то, что проливают свет на возможности и ограничения античного искусства. Но прежде чем вы решитесь судить ассирийского художника по последнему критерию, вам необходимо пройти в зал Ашшурназирпала, а оттуда — в соседний зал, где *на прежнем месте* были размещены настенные росписи столовой последнего из великих ассирийских царей, Ашшурбанапала, воспроизводя эффект, который они производили в дворце Ниневии в VII веке до нашей эры. Здесь вы можете сразу увидеть как другую сторону королевской жизни в Ассирии, так и другой этап развития ассирийского искусства. Теперь темой является не война, а охота. Король Ашшурбанапал изображен в погоне за козлом, диким ослом, львом. Король, конечно, возвышается над своими слугами, хотя и не в гротескной диспропорции, как на египетских картинах. Для восточного сознания такой чрезмерный рост казался неотъемлемой частью королевского положения. Вспоминается, как мать Дария, взятая в плен при Иссе, приняла Гефестиона за царя, потому что он был выше Александра; и как Агесилай, когда он отправился в Египет в качестве союзника египтян, был подвергнут презрению, несмотря на свою славу, из-за своего низкого роста; и нельзя не задаться вопросом, как бы выглядели ассирийские и египетские монархи, если бы их сфотографировали. Как бы то ни было, у придворного художника, по-видимому, не было никаких сомнений относительно того, что его резчик должен был показать в этом отношении, и король всегда можно было отличить по его росту, независимо от его королевских одежд. Тем не менее, примечательно, что в отличие от египетского искусства, реалистичный взгляд ассирийского скульптора никогда не позволял ему изображать царя как Бробдингага среди пигмеев, как это делали египтяне. В лучшем случае он на голову выше окружающих.

Королевский охотник преследует свою добычу иногда пешком, чаще всего стоя в своей колеснице. Его оружием обычно является лук, иногда копье; в одном случае он сражается с львом, схватив его за пасть, и пронзает добычу сердце коротким мечом. Спокойное достоинство и королевское хладнокровие, с которыми выполняется этот подвиг, наверняка обеспечили художнику высокое и прочное место в королевской милости. Однако действия человеческих фигур в этих скульптурах всегда спокойны и умиротворенны, что, возможно, свидетельствует о сдержанной силе или, возможно, об ограниченности художника. Как бы то ни было, настоящая сила художника не проявляется в человеческих фигурах. Конечно, они частично сильно анатомизированы; в основном они пропорциональны и, в отличие от египетских фигур, имеют плечи, нарисованные в правильной перспективе. Но лица неподвижны, бесстрастны; глаза не находятся в перспективе, и в целом они не могут претендовать на высокую оценку как произведения искусства, если смотреть на них с абстрактной современной точки зрения. Если рассматривать их в контексте своего времени, они достаточно замечательны, настолько они опередили все, что, как мы можем предположить, было достигнуто в мире того времени. Но они далеко не соответствуют стандарту, который тот же художник сам установил для нас в своих композициях с изображением животных. Кажется, что человеческие фигуры были выполнены по памяти, в то время как формы животных явно взяты с натуры. Действительно, когда мы обращаемся к этим фигурам животных, мы можем критиковать их не с оговоркой относительно их возраста, а с точки зрения современного искусства, и как отдельные фигуры они не вызовут нареканий. Три основных канона — «пропорция, действие, вид» — были успешно выполнены. Львы угрюмо прячутся в своих клетках, яростно бросаются в бой или корчатся в агонии по воле художника. Лвица со сломанным стрелой позвоночником, волочащая свои парализованные задние лапы, — настоящий шедевр. То же самое можно сказать о многих

фигурах коз, бегущих и шагающих диких ослов и собак. В целом эти фрески с изображением животных просто великолепны. Стоит приехать в Лондон из самой отдаленной страны, чтобы увидеть эти скульптуры из дворца древнего ассирийского царя.

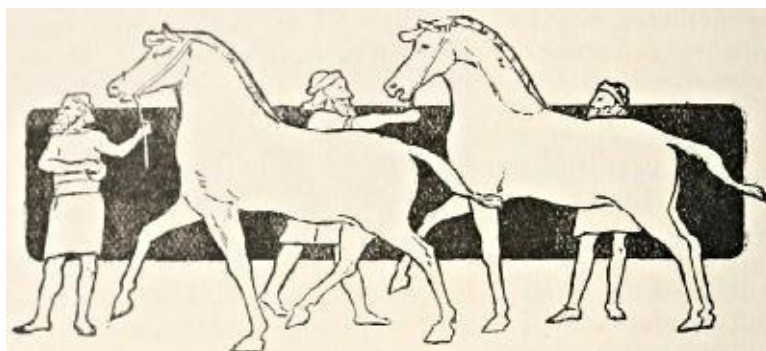
БАРЕЛЬЕФ РАНЕНОЙ ЛЬВИЦЫ

(ныне в Британском музее)

Тем не менее, хотя эти барельефы имеют внутреннюю ценность как произведения искусства, их главная ценность заключается в том, что они рассказывают об эволюции искусства в мире. До их открытия считалось, что жесткий формализм египетской скульптуры представлял собой полный расцвет догреческого искусства, а само греческое искусство появилось внезапно, скорее как новое творение, чем как эволюция. Но кирка и лопата Лэйарда в Ниневии развеяли эту иллюзию. Ведь эти сокровища искусства, которые лежали там под слоями веков, оказались огромным прорывом по сравнению с египетскими образцами, именно в направлении того реализма, которым отличается греческое искусство.

Если мы хотим оценить, насколько прямым и недвусмысленным был импульс, который умирающая нация передала молодой в области искусства, нам нужно всего лишь пройти несколько шагов в Британском музее от ассирийских залов до чудесного зала, где хранятся трофеи лорда Элгина из оскверненного Парфенона. Посмотрите на фриз барельефа, который носит волшебное имя Фидия. Если что-то и может примирить нас с актом, лишившим Грецию ее бесценных реликвий, так это тот факт, что они нашли пристанище здесь, рядом со своими восточными прототипами, где полмиллиона посетителей в год могут по крайней мере получить возможность усвоить урок о том, что прогресс человечества — это накопление, рост, строительство на фундаменте; и, в частности, что греческое искусство, не меньше других форм человеческой культуры, было эволюцией, а не изолированным чудом. Ибо что такое фриз Парфенона, к которому мы теперь подходим, только что покинув дворцы Ниневии, как не ассирийская фреска, адаптированная к потребностям и идеалам другой расы и развитая гением новой цивилизации? Различаются ли по своей концепции профилированные фигуры в низком рельефе, бегущие вместе, от профилированных фигур дворцов, которые мы только что покинули? Лошади на фризе Парфенона кажутся почти выпрыгнувшими из дворцов Ашшурбанапала. Они приобрели некоторую гибкость конечностей, изменили свою позу, безусловно, благодаря новой среде. Но их тип не изменился так сильно, как могла бы измениться настоящая порода лошадей за столько поколений. Обратите внимание на голову, самую типичную и характерную черту этого греческого скакуна. Линия за линией это та же голова, не считая убранства, которую мы только что видели в Ниневии. Здесь даже присутствуют недостатки ассирийского рисунка — слишком маленькое и тонкое лицо, отступающая нижняя челюсть, крошечные уши, слишком полная и «пухлая» шея. Возможно, в природе не было таких лошадей, но ассирийский художник так их себе представлял; греки скопировали эту концепцию; и искаженный тип будет передаваться из поколения в поколение итальянцам эпохи

Возрождения, классическим художникам Испании, Нидерландов, Германии и Франции; да, даже художникам XIX века. Придворный художник восточного принца IX или X века до нашей эры создает определенный идеал, и, следуя ему, определенный тип скульптурной лошади, которую художник, вырезавший ее, никогда не видел, появляется перед колесницей на Триумфальной арке Наполеона в Париже XIX века.⁴

Барельеф с изображением лошадей

Если месопотамское искусство и литература были забыты в последующие века, то халдейская наука не разделила их судьбу. Слава вавилонской астрологии и астрономии была еще свежа в памяти греков времен Диодора, как мы увидим, и любопытно отметить, что даже в этот относительно поздний период, когда Греция уже далеко прошла вершину своего развития, образованные греки рассматривали халдейскую науку как нечто, выходящее за рамки науки их собственной нации. Кажется, что образованные греки смотрели на вавилонскую цивилизацию с тем же почтением, которое «современные» европейские народы испытывают к самой Греции. Значимо и то, что сами вавилоняне, даже в период своего упадка, продолжали считать греков, наряду с остальным внешним миром, «варварами» в более широком смысле этого слова, чем его понимали греки.

Старая цивилизация всегда так относится к молодой, независимо от фактических относительных достоинств обеих. Именно египетский жрец прочитал знаменитому греку следующую лекцию: «О, Солон! Солон! Вы, эллины, всего лишь дети, и среди вас нет ни одного старика, который был бы эллином. В моем представлении вы все молоды. Среди вас нет старых представлений, передаваемых древними традициями, ни науки, состарившейся с возрастом»; но те же слова вполне мог произнести и жрец Халдеи. От Диодора мы узнали, что египтяне очень ревностно охраняли секреты своей науки от греков, которые путешествовали и пребывали там с явной целью их изучения; и есть основания полагать, что примерно такой же прием был оказан греческому путешественнику в Вавилонии, поскольку Геродот, по-видимому, узнал там очень мало, кроме того, что ему дали его собственные непосредственные наблюдения.

Но насколько вавилоняне были правы в своей интеллектуальной высокомерности, современный мир не имел достаточных оснований судить, кроме общих утверждений, подобных утверждению Диодора, до тех пор, пока не были обнаружены записи из библиотек. Тогда стало очевидным, что как оригинальные научные исследователи вавилоняне ничем не уступали своим современникам из Нила, а может быть, даже превосходили их; что, короче говоря, они в полной мере заслуживали похвалы, которую им высказывала классическая традиция. Народ, который так преуспел в теоретической науке, не меньше, чем в искусстве, литературе и практической цивилизации, имеет много оснований считаться ведущей нацией древности.^а

КЛАССИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ХАЛДЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И АСТРОЛОГИИ

«Здесь будет уместно сказать несколько слов о халдеях (как их называют вавилоняне) и их древности, чтобы не упустить ничего достойного внимания», — говорит Диодор, как переводит его в 1700 году Бут.

«Будучи самыми древними вавилонянами, они занимают в государстве такое же положение и обладают таким же достоинством, как египетские жрецы в Египте: поскольку они посвящены божественному служению, они посвящают все свое время изучению философии и особенно славятся искусством астрологии. Они увлечены гаданием и предсказыванием будущих событий и занимаются очищением, жертвоприношениями или другими заклинаниями, чтобы отвратить зло или привлечь удачу и успех. Они также искусно владеют искусством гадания по полету птиц и толкованию снов и чудес и считаются истинными оракулами (в предсказании будущего) благодаря своему точному и тщательному изучению внутренних частей жертвоприношений. Но они достигают этого знания не так, как греки; халдеи учатся ему по традиции от своих предков, сын от отца, которые все при этом свободны от любых других публичных должностей и обязанностей; а поскольку их родители являются их наставниками, они учатся всему без зависти и с большей уверенностью полагаются на истинность того, чему их учат; и, будучи обученными этому знанию с самого детства, они становятся самыми известными философами (поскольку этот возраст наиболее способен к обучению, в котором они проводят большую часть своего времени). Но греки в большинстве своем приходят к этому изучению неопытными, неподготовленными и неспособными, и им требуется много времени, чтобы достичь знания этой философии: и после того, как они провели некоторое время в этом изучении, их часто отзывают и заставляют бросить его, чтобы заработать на жизнь и пропитание. И хотя некоторые из них усердно занимаются философией, но ради прибыли эти самые люди являются самоуверенными, то и дело выдвигая новые и высокие идеи, и никогда не следуют по стопам своих предков. Но варвары, постоянно придерживаясь одного и того же, достигают совершенного и четкого знания в каждой детали.

«Но греки, ловко ухватываясь за любую возможность получения прибыли, создают новые секты и партии и, споря и ссорясь по поводу главных вопросов из-за своих противоположных мнений, вводят своих учеников в заблуждение; и, не зная и сомневаясь, на чем остановиться как на истинном, их умы колеблются и находятся в неопределенности всю свою жизнь, неспособные дать определенное согласие ни на что. Ибо если кто-либо только рассмотрит самые выдающиеся секты философов, то обнаружит, что они сильно расходятся между собой и даже противостоят друг другу в самых важных частях своей философии. Но вернемся к халдеям. Они считают, что мир вечен, не имел определенного начала и не будет иметь конца; но все согласны с тем, что все вещи упорядочены, и эта прекрасная конструкция поддерживается Божественным Провидением, и что движения небес не происходят случайно и по собственной воле, а по определенной и предначертанной воле и назначению богов.

«Поэтому, благодаря длительным наблюдениям за звездами и точному знанию движений и влияния каждой из них, в чем они превосходят всех остальных, они предсказывают многие вещи, которые должны произойти.

Они говорят, что пять звезд, которые некоторые называют планетами, а они — толкователями, наиболее достойны внимания как за свои движения, так и за свое замечательное влияние, особенно та, которую греки называют Сатурном. Самую яркую из них, которая часто предвещает многочисленные и великие события, они называют Сол, а четыре другие — Марс, Венера, Меркурий и Юпитер, как и наши астрологи. Они дают этим звездам имя толкователей, потому что только они своим особым движением предвещают грядущие события и вместо Юпитера заранее объявляют людям о благоволении богов;

тогда как другие звезды (не входящие в число планет) имеют постоянное обычное движение. Будущие события (говорят они) иногда предвещаются их восходом, иногда закатом, а иногда цветом, что могут наблюдать те, кто внимательно следит за ними; иногда они предвещают ураганы, иногда ливни, а иногда и чрезмерную засуху (). По их словам, они часто предвещают появление комет, затмения Солнца и Луны, землетрясения и все другие различные изменения и замечательные явления в воздухе, предвещающие добро и зло не только для народов в целом, но и для королей и частных лиц в частности. Под влиянием этих планет, по их словам, находятся тридцать звезд, которые они называют « совещающимися богами », половина из которых наблюдает за тем, что происходит под землей, а другая половина обращает внимание на действия людей на земле и на то, что происходит на небесах. Один раз в десять дней (говорят они) одна из звезд высшего порядка спускается к звездам низшего порядка, как посланник, посланный свыше, а затем другая звезда поднимается от нижних звезд к верхним, и это их постоянное естественное движение, которое продолжается вечно. Главы этих богов, по их словам, двенадцать, каждому из которых они приписывают месяц и один знак из двенадцати знаков зодиака.

« Через эти двенадцать знаков проходят Солнце, Луна и пять других планет. Солнце за год, а Луна за месяц. Каждой из планет они присваивают свой собственный курс, который выполняется по-разному за меньшее или большее время в зависимости от того, как их движения быстрее или медленнее. Эти звезды, по их словам, имеют большое влияние как на хорошее, так и на плохое в рождении людей; и, учитывая их различную природу, можно заранее предсказать, что произойдет с людьми в будущем. Как они предсказывали будущее другим царям в прошлом, так они поступили и с Александром, который победил Дария, и с его преемниками Антигоном и Селевком Никатором; и все произошло так, как они предсказывали, о чем мы расскажем подробнее в более подходящее время. Они также предсказывают судьбы частных лиц с такой точностью, что те, кто убедился в правдивости этих предсказаний на собственном опыте, считают это чудом, недоступным для человека. Вне круга зодиака они описывают двадцать четыре звезды, двенадцать к северному полюсу и столько же к южному.

Те, которые мы видим, они относят к живым, а другие, которые не видны, они считают созвездиями для мертвых и называют их « » — судьями всего. Луна, по их словам, находится в самой низкой орбите и, будучи ближе всего к Земле (потому что она такая маленькая), она заканчивает свой путь за короткое время не благодаря скорости своего движения, а благодаря короткой длине своей орбиты. В том, что они утверждают (что она имеет лишь заимствованный свет и что, когда она затмевается, это вызвано вмешательством тени Земли), они согласны с греками.

« Их правила и представления о солнечных затмениях слабы и скудны, и они не осмеливаются точно предсказывать их, ни устанавливать для них определенное время. Они также имеют свои собственные представления о Земле, утверждая, что она похожа на лодку и является полый, и чтобы доказать это и другие вещи, относящиеся к строению мира, они приводят множество аргументов; но давать подробный отчет о них, как мы полагаем, было бы несовместимо с нашей историей. Но любой человек может справедливо и правдиво сказать, что халдеи намного превосходят всех других людей в знании астрологии и изучали ее больше, чем любое другое искусство или науку. Но количество лет, в течение которых, по словам халдеев, представители их профессии посвящали себя изучению этой естественной философии, невероятно; ибо когда Александр был в Азии, они подсчитали, что прошло четыреста семьдесят тысяч лет с тех пор, как они впервые начали наблюдать за движением звезд. Но чтобы не отклоняться слишком далеко от намеченной нами темы, пусть того, что мы сказали о халдеях, будет достаточно».⁴

ВАВИЛОНСКИЙ ГОД

Вавилонский год, по словам Эдуарда Мейера, состоял из простых лунных месяцев (двадцать девять или тридцать дней), которые, как и у греков и мусульман, определялись по ходу самой Луны.

Чтобы этот год совпадал с ходом солнца, вставлялся дополнительный месяц; в древние времена это, по-видимому, делалось после первого или шестого месяца.

Этот год с названиями его месяцев был принят евреями во время изгнания и до сих пор используется ими. Начало их года (нисан) приходится на время весеннего равноденствия. У вавилонян не было непрерывной хронологии; они датировали годы по правлению царей или, скорее, отмечали год по какому-либо важному событию, которое произошло в нем. Таким образом, мы видим такие даты, как «30-го Адара шестого года после завоевания Нисина царем Рим-Сином».

Позже в Вавилоне, а также в Ассирии, они просто считали годы правления царей со дня их вступления на престол. Остаток года, в течение которого умер предшественник, поэтому считался первой частью первого года нового правления и очень часто назывался «началом правления» данного царя.

Хронологические вычисления велись от той же отправной точки, что и в Египте. Они считают календарный год, в котором царь вступает на престол, его первым годом, и, следовательно, его смерть происходит в первый год правления его преемника. Это метод канона Птолемея, одного из важнейших хронологических памятников древности. Это список, начинающийся с Набонассара (около 747 г. до н. э.), в котором перечислены местные и персидские цари Вавилонии, к которым добавлены египетские правители вплоть до Александра. Он является дополнением к астрономической работе Птолемея и был предназначен для прояснения отрывков, относящихся к вавилонским, а позднее и к александрийским хронологическим методам. Он является достоверным и подтверждается памятниками. Однако, используя его, необходимо помнить, что все даты египетского «нечеткого» года (и египетских месяцев) уменьшены. Поэтому первый год эры Набонассара начинается 1-го Техути, 26 февраля 747 г. до н.э.

В Ассирии существует также вторая, гораздо более распространенная форма обозначения лет. С очень раннего времени (еще в XIV веке) было принято называть год в честь какого-либо высокопоставленного чиновника. Такой год называется *limtu*, «эпонимный год». Конечно, у них были непрерывные списки этих эпонимов, и мы восстановили несколько фрагментов. Списки за годы с 893 по 666 являются полными, а с помощью фрагментов мы можем уйти еще дальше в прошлое. Цари часто использовали эту систему, а частные лица регулярно использовали этот эпоним.

Некоторые копии списков содержат сведения об изменениях в правлении и краткие описания важных внутренних и внешних событий конкретных лет. Таким образом, упомянутое в них солнечное затмение 15 июня 763 г. до н. э. может быть астрономически зафиксировано, и полученные таким образом даты точно совпадают с данными канона Птолемея. Таким образом, хронологическая история этой эпохи определена совершенно точно.^e

ВАВИЛОНСКИЙ ДЕНЬ И ЕГО ДЕЛЕНИЕ НА ЧАСЫ

Поскольку это вавилонский метод исчисления дат, интересно отметить, по какому плану они делили день. Исследования в этой области проводил неутомимый ирландец Эдвард

Хинкс, из статьи которого «Об ассиро-вавилонских мерах времени» в *«Трудах Королевской ирландской академии»* мы цитируем.^a

Начну с дня и его деления.

Наши знания по этому вопросу в основном почерпнуты из таблички в Британском музее, обозначенной К. 15. Моя статья была зачитана в Королевской ирландской академии в 1854 году и опубликована в двадцать третьем томе *«Трудов»*, в котором обсуждалась эта табличка (). Поскольку в этой статье были допущены некоторые незначительные филологические ошибки, я повторю здесь ее суть, исправив эти ошибки.

Теперь я переведу надпись на табличке следующим образом, опуская обычную благословенную формулу. «В шестой день месяца Нисан день и ночь равны; шесть казабов [кашбу] составляет день; шесть казабов [кашбу] составляет ночь». Очевидно, что эта надпись фиксирует наблюдение равноденствия, и я вернусь к ее рассмотрению с этой точки зрения. В настоящее время я только замечу, что она указывает на двойное деление дня, или *Nycthemeron*; а именно, первое — на день в собственном смысле этого слова и ночь, которые в данном случае были равны, хотя обычно это не так; второе — на двенадцать равных казабов [кашбу].

Я перехожу ко второму делению дня на двенадцать казабов [kashbu]. Каждый из них, если не учитывать погрешности наблюдений, соответствовал двум часам *среднего солнечного времени*, которое мы используем в обычной жизни. Слово «казаб» [кашбу] происходит от еврейского корня, означающего «проваливаться», которое применяется к высохшим ручьям. Это указывает на первоначальное значение «вытекание», а именно воды, которая была налита в сосуд с небольшим отверстием в дне. Вавилоняне измеряли время с помощью клепсидр, которые, когда были наполнены, опустошались за два часа среднего времени. Такие клепсидры обеспечивали достаточно точное деление дня на двенадцать казабов [кашбу], если первая начинала работать в полдень, вторая — когда первая заканчивала работу, и так далее до тринадцатой, которая, согласно « », начинала работать в следующий полдень, независимо от того, заканчивала ли двенадцатая свою работу, уже закончила ее или в ней еще оставалось немного воды.

Казаб [кашбу] упоминается как обычная мера времени в более чем одном отрывке. Расстояние от материка до острова в Персидском заливе, как говорят, составляет тридцать казабов [кашбу] (Ботта, 41. 48), так же как расстояние от Кипра до Сирии, как говорят, составляет семь дней (Ботта, 38. 41). Кроме того, в Раулинсоне, 42. 13, Сеннахирим говорит об убийстве своих врагов на протяжении путешествия или марша в два казаба [кашбу]. Такое использование этого слова, на мой взгляд, является убедительным доказательством того, что клепсидра была в общем употреблении среди ассирийцев и вавилонян и не ограничивалась только астрономами.

Мне не кажется, что есть какие-либо основания предполагать, что вавилоняне когда-либо знали деление дня от восхода до заката на двенадцать часов, продолжительность которых варьировалась в зависимости от времени года, и деление ночи от заката до восхода на двенадцать аналогичных часов. Такое деление использовалось египтянами и было перенято у них греками, но вавилоняне и ассирийцы ничего о нем не знали. Здесь я могу заметить, что некоторые современные авторы допустили странную ошибку, предположив, что клепсидра была изобретена так поздно, как в III веке до нашей эры, и в Александрии. Эти авторы смешали две совершенно разные вещи: первоначальное изобретение клепсидры, отмечающей среднее солнечное время, которое восходит к далекой древности и почти наверняка принадлежит вавилонянам, и адаптацию клепсидры к *сезонным* (καίρικαί) часам египтян и греков, которая была осуществлена в то время и в том месте, о которых

упоминают эти авторы. Я не встречал никаких подразделений казаба [кашбу], и я очень сомневаюсь, что вавилоняне имели какие-либо средства для их обозначения.¹

АССИРИЙСКАЯ НАУКА

Точные науки культивировались в Ассирии с самых ранних времен, и естественные науки также не были заброшены. Зоология, ботаника, минералогия широко представлены в библиотеке Ниневии, и поскольку все эти таблички содержат как шумерский, так и эквивалентный ассирийский текст, мы вправе полагать, что ниневитяне в этом отношении по-прежнему следовали традициям своих предшественников.

Мы находим списки животных, расположенных в определенном порядке, что указывает на попытку классификации; так, собака, лев и волк находятся в одной категории, а бык, овца и коза — в другой. В перечислении различных животных очень очевиден замысел установить роды и семейства и различить виды. Таким образом, у нас есть семейство, включающее крупных плотоядных: собаку, льва и волка; затем у нас есть различные виды в семействе собак — такие как сама собака, домашняя собака, гончая собака, маленькая собака, собака Элама и т. д. Научная сторона этой классификации проявляется в легко узнаваемом обстоятельстве: после общего названия следует специальная номенклатура, относящаяся к научной классификации, с которой, по-видимому, были знакомы ассирийцы.

Среди птиц очевидны аналогичные попытки классификации. Различаются птицы быстрого полета, морские птицы или болотные птицы. Насекомые образуют очень многочисленный класс; мы видим целое семейство, виды которого различаются в зависимости от того, нападают ли они на растения, животных, одежду или дерево. Растения, по-видимому, классифицируются в зависимости от их полезности или того, какую услугу они могут оказать промышленности. На одной табличке перечислены виды использования дерева в зависимости от его пригодности: для строительства дворцов, судов, изготовления телег, сельскохозяйственных орудий и даже мебели. Минералы занимают большую часть этих табличек. Они классифицированы по своим качествам, золото и серебро составляют отдельный раздел, драгоценные камни — еще один, но нет никаких указаний на то, на какой основе была установлена эта классификация.

Если мы перейдем от естественных наук к географии, то обнаружим, что последняя находится в синтетическом и довольно запутанном состоянии. Тем не менее, несколько списков дают нам ряд названий городов, рек и гор, расположенных в соответствии с их географическим расположением, что мы можем легко проверить. Иногда данные носят практический характер, и за названиями следуют упоминания о природных или промышленных продуктах местности, их доходах от налогов или дани. Но наукой, которая особенно культивировалась в Ассирии и которую ученые Ашшурбанапала с величайшей тщательностью связывали с древними халдейскими традициями, была астрономия.

Эта наука, конечно, не зародилась в Ниневии; греки учат нас, что астрономические наблюдения впервые были сделаны в нижней Халдее за 1903 года до Александра, а значит, за 2226 года до Рождества Христова. Какова бы ни была ценность этой даты, традиция этого происхождения встречается в трудах ассирийцев, которые постоянно ссылаются на наблюдения своих предшественников. Ашшурбанапал послал этих ученых в старые школы Месопотамии, Ура, Сиппара, Агаде, Вавилона, чтобы они там впитали элементы науки, которая была славой южной империи. В VII веке до нашей эры наблюдения проводились в Ниневии. К этому времени постоянные звезды уже давно отличались от планет; были рассчитаны сидерические обороты, деления года, путь солнца в разных созвездиях зодиака, периодическое возвращение затмений и даже прецессия равноденствий. Эти достижения

подразумевают длительные и добросовестные наблюдения, особый интеллект для их проведения и простые методы строгих вычислений.

Мы не знаем, какими инструментами ассирийцы-халдеи наблюдали за звездами. Вероятность ошибки при наблюдениях невооруженным глазом, очевидно, очень велика, и ошибки могут быть исправлены только с помощью многократных операций и самых точных вычислений. Известно, что определение периодичности лунных затмений основано на знании цикла из 223 лунных месяцев, которые периодически возвращают те же самые затмения (). Несомненно, что ассирийцы-халдеи должны были знать и другой цикл из 22 325 лунных циклов, равный 1805 тропическим годам плюс 8 дней, или 1805 юлианским годам по 365¼ дней, после чего затмения возвращаются с еще большей точностью в том же порядке. Сколько времени потребовалось человеческому разуму, чтобы наблюдать и понять достаточное количество лунаций, чтобы объединить полученные данные и вывести закон, который сформулировал Метон и назвал своим именем?

Что касается солнечных затмений, то их цикл настолько велик, что начало наблюдений, на которых основывались бы расчеты их периодичности, уводит нас в период, который находится далеко за пределами исторической эпохи. Диоген Лаэртский оценивает его в 48 863 года. За это время было наблюденно 373 лунных затмения и 832 солнечных затмения. Когда они обратили свое внимание на вычисления, полученные в результате этих наблюдений, ассирийско-халдейцам очень помогла их система записи чисел. Их числовая система с легкостью поддавалась самым сложным вычислениям. Мы должны довольствоваться изложением результатов. Как мы говорили минуту назад, наблюдения проводились при Ашшурбанапале; царь посылал астрономов в разные точки для изучения небесных явлений, и результаты их работы отправлялись ему. Вот как были сформулированы эти отчеты:

«Королю, моему господину, его покорный слуга Иштар-иддин-апал, главный астроном города Арбела, пишет следующее: Мир и счастье королю, моему господину, и да процветает он долго.

«В 29-й день я наблюдал узел Луны, но облака заслонили поле наблюдения, и мы не смогли увидеть Луну.

В месяце Себат (январь) 1-го дня года Бел-харан-садуя (648 г. до н. э.).»

Результат этой миссии был неудовлетворительным. Затмение было предсказано, но, хотя состояние атмосферы не позволило провести наблюдение, подтверждение этой неудачи доказывает тщательность, с которой отмечались все обстоятельства, которые могли бы послужить объяснением этого явления. Вот наблюдение, которое было полностью успешным:

«Директору наблюдений, моему господину, его покорный слуга Набу-шум-иддин, великий астроном Ниневии, пишет следующее: Да будут Набу и Мардук благосклонны к директору этих наблюдений, моему господину.

«На 15-й день мы наблюдали узел Луны, и Луна была затмена».

Вот более сложное наблюдение:

«Моему господину, царю, да будут благосклонны боги Набу и Мардук, да даруют великие боги моему господину, царю, долгую жизнь, блага плоти и удовлетворение сердца.

«27-го дня луна исчезла; 28-го, 29-го и 30-го дня мы непрерывно наблюдали узел затмевающего солнца. Затмения не произошло. В первый день (следующего месяца) мы видели луну в первый день месяца Таммуз (июнь) над звездой Меркурий, о которой я ранее отправил наблюдение моему господину, царю. В своем движении в день Ану, вокруг звезды пастуха (планеты Венера), она была видна в убывании: из-за дождя рога были не очень

хорошо видны, и так было на всем ее пути. В день Ану я отправил наблюдение ее соединения моему господину, царю. Оно было продолжительным и было видно над звездой Колесницы в ее движении в день Баала; оно исчезло в направлении звезды Колесницы.

«Царю, моему господину, мир и счастье».

Открытие прецессии равноденствий обычно приписывают Гиппарху. Именно он рассказал об этом грекам и оценил ее годовое значение от 36 до 39 секунд, но несомненно, что он узнал об этом в Халдее и получил элементы для своих вычислений из астрономических наблюдений, сделанных на нижнем Евфрате. Все астрономические знания ниневийских ученых имели одну и ту же точку отсчета.

За две тысячи лет до нашей эры, со времен царя Агаде по имени Шаррукин (Шаргани-шар-али), более известного как Саргон I (Древний), прецессия равноденствий была наблюдаемым и рассчитанным фактом, поскольку она уже привела к достаточному сдвигу в календаре, чтобы потребовать корректировки. Саргон придал своему веку блеск, который только повторяли ученые Ниневии. В его время в Агаде была библиотека, о важности которой мы можем судить по фрагментам, сохранившимся в Ниневии. Мы уверены, что в те далекие времена уже были определены основные разделы уранографической карты. Неподвижные звезды были обозначены в соответствии с различными группами или созвездиями (), которые были известны под именами, сохранившимися до наших дней.

Помимо этих неподвижных звезд, знаки зодиака были точно определены в той части небесного свода, которую тексты обозначают именем *harranu* (путь), то есть путь звезд. Этими звездами были планеты. Халдеи знали семь из них, и они были известны им под следующими именами: Шамаш, солнце; Син, луна; Алап-Шамаш, Сатурн; Рус, Юпитер; Ашбат, Венера; Сулпа-саду, Марс; Нивит-Ану, Меркурий. Ученые из Ниневии позаимствовали свои астрономические знания у халдеев; они использовали календарь в том виде, в каком он был им передан, и в таком виде он использовался всеми народами с древнейших времен до наших дней.

Ассирийский год состоял из двенадцати лунных месяцев. Он начинался с новолуния, предшествующего весеннему равноденствию. На известной табличке день равноденствия зафиксирован следующим образом: «В шестой день месяца нисан (март) дни и ночи равны (и составляют) шесть кашбу для дня и шесть кашбу для ночи. Да будут Набу и Мардук благосклонны к королю, моему господину».

Чтобы исправить ошибку, возникающую в результате разницы между лунным и солнечным годом, вставлялся дополнительный месяц, продолжительность которого обязательно варьировалась в зависимости от обстоятельств. Ниневитские таблички предлагают нам календари, составленные в соответствии с различными требованиями жизни. Некоторые из них являются чисто научными и показывают нам деление года на дни, месяцы и сезоны. Другие составлены с учетом потребностей религии и сообщают нам, по дням, о праздниках, посвященных божествам, которых призывают или почитают специальными церемониями. Третьи, по-видимому, учитывают распространенные суеверия; таким образом, дни отмечаются особым знаком в зависимости от того, считаются ли они благоприятными или бедственными. Мы видим таблицы, составленные для указания влияния звезд на каждый день года, с упоминанием соответствующих молитв, чтобы умиловить благоприятные предзнаменования и отвести роковые.

Не следует преувеличивать важность этих последних документов; они связаны с суевериями, распространенными во все времена и во всех странах; и в древнем Востоке, как и везде, эти верования представляют собой лишь одну из самых любопытных, но наименее интересных фаз отклонений человеческого разума.⁴

СНОСКИ

[33] [Вероятно, это означает, что отец был призван на высокую должность.]

[34] [Это письмо от царя Амидатитаны, третьего царя с конца первой вавилонской династии. Оно является примером обычного стиля королевского письма.]

[35] Описание этих памятников и история их открытия, а также выводы, которые можно сделать из них для истории искусства в Месопотамии, приведены в альбоме репродукций Де Сарсака [l'Art Chaldéen], а также в работе Л. Херзея *Les fouilles de Chaldée* в *Revue Archéologique*, 1881, новая серия, т. xlii, стр. 56 и далее, а также 257.

[36] Здесь, конечно, имеются в виду только архитектура и скульптура в целом, без отрицания того, что семиты, в том числе вавилонские и ассирийские, в отдельных случаях достигли оригинальности в исполнении и в определенных жанрах, как, например, в воспроизведении форм животных.

Вавилонский царь на охоте на льва

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Такова судьба империи: Ашшур поднялся

Там, где стояли древние троны и гордые воины;

До того, как мемфийский жрец выбрал свои заповеди,

Люди много рассуждали о высшем благе;

До того, как появилась Троя или Ксант окрасился кровью,

Армии выстраивались в страшных боевых порядках:

Они сражались — их слава увяла в зародыше;

Они погибли — вместе с ними прекратилось господство тиранов;

Наступили новые войны, появились новые герои — их история ушла в прошлое. — Джеймс Гейтс Персиваль.

Любопытный парадокс заключается в том, что наши знания об этой древнейшей цивилизации являются самыми новыми и самыми свежими сведениями, с которыми приходится иметь дело современной истории. Халдеи, ассирийцы и вавилоняне, о достижениях которых мы сегодня так уверенно говорим, прожили свою национальную жизнь и исчезли с лица земли как народы в основном до того, как цивилизация зародилась в Европе, и в течение двух тысяч лет они были лишь воспоминанием.

Исследователям XIX века суждено было буквально выкопать из земли их утраченные записи и прочитать секреты их забытой истории. Как мы увидим, это были удивительные секреты, но прежде чем мы перейдем к ним, будет интересно вспомнить воспоминания, которые на протяжении многих веков служили историей этих замечательных народов. В нескольких выдержках мы можем изложить суть всего, что мир помнил об этой удивительной цивилизации со времен Геродота и Диодора до середины XIX века. Это смесь фактов и легенд, которая по-прежнему вызывает живой интерес, тем более что теперь мы можем сравнить ее с более достоверными записями, обнаруженными в наше время. Помимо своего внутреннего интереса, классические записи имеют в этом отношении уникальное значение.

Что касается конкретных классических авторитетов, о которых идет речь, то мы уже познакомились с Диодором и Элианом в первой части этой работы. Еще один автор, которого мы сейчас будем цитировать, — это Берос. Что касается этого автора и точного статуса его работы, то мы не можем сделать ничего лучшего, чем процитировать следующую критическую оценку из книги «*Babylone et la Chaldée*» Йоахима Менана.

«Берос происходил из священнической семьи и родился в Вавилоне около 330 г. до н. э. Он сам является авторитетным источником информации о том, что был современником Александра Македонского. По словам Татиана, он был самым ученым из всех азиатских историков. Он был глубоко сведущ в древних традициях своей страны и преподавал их грекам, благодаря которым они дошли до нас. Витрувий сообщает нам, что он покинул Вавилон и уехал жить на остров Кос, где открыл школу астрологии. Он изобрел, или, по крайней мере, ввел среди греков особый вид измерения времени. До сих пор сохранились фрагменты астрологических трудов, к которым Берос приложил свое имя, и благодаря особому интересу писателей, заимствовавших из его работ, слава астролога, возможно, превосходит славу историка. Плиний (VII. 37) утверждает, что афиняне воздвигли ему золотую статую в гимназии за его чудесные предсказания.

«Он написал на греческом языке, около 280 г. до н. э., историю древней Халдеи и посвятил ее Антиоху Сотеру. Работа состояла из трех томов, из которых мы сейчас обладаем лишь несколькими отрывками, сохранившимися в хрониках нескольких историков, живших в разные периоды и о которых, возможно, стоит упомянуть. Прежде всего, это Флавий Иосиф, великий историк евреев, родившийся в Иерусалиме в 33 году н. э.; затем Святой Климент, александрийский катехизатор (родился в начале II века н. э., умер в 217 году), Евсевий, епископ Кесарии (автор *Символа Никейского*, жил с 267 по 338 год), и, наконец, Георгий Синкелл (названный так по должности, которую он занимал при епископе Константинополя, умер около 800 года). Эти писатели взяли из Бероса только то, что было необходимо для их целей, и, по-видимому, никто из них лично не был знаком с трудом ученого халдея.

«Например, Синкелл, чьи сочинения отличаются поспешностью и отнюдь не лишены ошибок, заимствует свои цитаты у Евсевия, которого он часто притворяется исправлять. Евсевий, по-видимому, обязан Юлию Африкану, писавшему в III веке нашей эры, а тот, в свою очередь, упоминает о своей обязанности перед Александром Полихистором, процветавшим за двадцать пять лет до Рождества Христова. Полихистор, в свою очередь, берет свои ссылки из Аполлодора, который жил несколькими годами ранее. Иосиф Флавий, по всей вероятности, использовал Александра Полихистора в качестве источника, хотя и не упоминает об этом. Климент Александрийский имел под рукой труды царя Юбы Мавританского, который правил около 30 года до нашей эры и, по-видимому, черпал свой материал, к сожалению, слишком ограниченный по объему, из тех самых трудов Бероса, которому он доверял больше всего.

«Одно можно сказать наверняка: первоначальный текст Бероса, прошедший через столько рук и подвергшийся сокращениям и искажениям, должен был значительно измениться.

Берос имел свободный доступ к тем знаменитым библиотекам глиняных табличек, которые описывает Плиний и важность которых была выявлена современными исследованиями. Как и в Ниневии, в Вавилоне, Борсиппе, Орхое [Эрехе] и в крупных городах Халдеи существовали архивы, содержавшие национальные традиции, к которым халдейский священник был обязан прибегать.

«Во времена Бероса записи в этих архивах понимали не только в Вавилоне, но и во всей Западной Азии. Ассиро-халдейский язык до времени Селевкидов и даже в первом веке до нашей эры все еще записывался клинописью. Таким образом, Берос имел возможность обращаться к этим ценным источникам, и мы знаем, что он это делал. Уже в бесценных обломках этих любопытных архивов были обнаружены фрагменты, подтверждающие слова Бероса, и эти находки только заставляют нас еще больше сожалеть о том, что безвозвратно утрачено».

Теперь мы рассмотрим некоторые части истории Бероса, переписанные более поздними историками.⁴

СОТВОРЕНИЕ МИРА И ПОТОП, ОПИСАННЫЕ ПОЛИИСТОРОМ

Берос в первой книге своей истории Вавилонии сообщает нам, что он жил в эпоху Александра, сына Филиппа. Он упоминает, что в Вавилоне с величайшей тщательностью хранились письменные свидетельства, охватывающие период около пятнадцати тысяч лет, и что эти письменные источники содержали истории о небесах и море, о рождении человечества, о царях и о памятных деяниях, которые они совершили.

В первую очередь он описывает Вавилонию как страну, расположенную между Тигром и Евфратом, изобилующую пшеницей, ячменем, окросом и кунжутом, а в озерах произрастают корни, называемые гонга, которые пригодны для пищи и по питательности схожи с ячменем. Там также росли пальмы и яблони, а также различные фрукты; были рыбы и птицы, как летающие, так и обитающие на озерах. Он добавляет, что те части страны, которые граничили с Аравией, были безводными и бесплодными, но те части, которые лежали на другой стороне, были холмистыми и плодородными.

Ассирийская лодка

(Из памятников)

В Вавилоне (в те времена) собиралось множество людей разных народов, которые населяли Халдею и жили незаконно, как полевые звери.

В первый год из той части Эритрейского моря [Персидского залива], которая граничит с Вавилонией, появилось животное, лишенное разума, по имени Оаннес [возможно, то же самое, что и Ану], все тело которого (согласно рассказу Аполлодора) было телом рыбы; под головой рыбы у него была еще одна голова, а под ней — ноги, похожие на человеческие, присоединенные к рыбьему хвосту. Его голос и речь были четкими и человеческими; его изображение сохранилось до наших дней.

Это Существо привыкло проводить дни среди людей, но в то время не принимало пищу; оно даровало им знания в области литературы, наук и всех видов искусств. Он научил их строить города, возводить храмы, составлять законы и объяснил им принципы геометрических знаний. Он научил их различать семена земли и показал, как собирать плоды; короче говоря, он научил их всему, что могло смягчить нравы и гуманизировать их жизнь. С тех пор к его наставлениям не было добавлено ничего существенного в плане улучшений. А когда солнце садилось, это существо, Оаннес, снова уходило в море и проводило ночь в глубине, ибо оно было амфибией. После этого появились другие животные, подобные Оаннесу, о которых Берос предлагает рассказать, когда он дойдет до истории царей. Кроме того, Оаннес писал о происхождении человечества и его гражданской политике; и следующее является смыслом того, что он сказал:

«Было время, когда существовала только тьма и бездна вод, в которой обитали самые отвратительные существа, порожденные двойным началом. Появились люди, некоторые из которых были снабжены двумя крыльями, другие — четырьмя, а третьи — двумя лицами. У них было одно тело, но две головы: одна — мужская, другая — женская; точно так же и в своих органах они были и мужчинами, и женщинами. Другие человеческие фигуры имели ноги и рога коз; некоторые имели копытные ноги; а другие соединяли заднюю часть тела лошади с телом человека, напоминая по форме гиппоцентавров. Там же разводили быков с головами людей и собак с четырьмя телами, заканчивающимися на концах хвостами рыб. Короче говоря, там были существа, в которых сочетались конечности всех видов животных. В дополнение к ним были рыбы, рептилии, змеи и другие чудовищные животные, которые принимали форму и облик друг друга. Все это было запечатлено в храме Бела в Вавилоне.

«Человеком, который, как полагали, руководил ими, была женщина по имени Оморока [греческая форма арамейского слова «Амкья», «океан»]; что на халдейском языке означает «Талат», на греческом — «Таласса», «море», но что можно было бы также интерпретировать как «Луна». Когда все было в таком положении, пришел Бел и разделил женщину пополам:

из одной половины он создал землю, а из другой — небо; и в то же время уничтожил животных, находившихся внутри нее. Все это (говорит он) было аллегорическим описанием природы. Ибо, поскольку вся вселенная состоит из влаги, и животные постоянно рождаются в ней, вышеупомянутое божество сняло свою голову, после чего другие боги смешали вытекающую кровь с землей, и из нее были созданы люди. По этой причине они разумны и обладают божественным знанием.

«Этот Белус, под которым они подразумевают Юпитера, разделил тьму, отделил Небеса от Земли и привел вселенную в порядок. Но животные, не выдержав преобладания света, погибли. Увидев огромное незанятое пространство, хотя и плодородное по своей природе, Белус приказал одному из богов отрезать себе голову и смешать кровь с землей, чтобы из нее сформировать других людей и животных, способных выдержать воздействие воздуха. Белус также сформировал звезды, солнце, луну и пять планет».

(Таково, по словам Александра Полихистора, изложение, которое дает Берос в своей первой книге. Во второй книге содержалась история десяти царей халдеев и периоды продолжительности каждого царствования, которые в совокупности составляли 120 саров, или 432 000 лет, доходя до времени Всемирного потопа. Александр, перечисляя царей из писаний халдеев, после Ардата IX переходит к X, которого они называют Ксисутру, следующим образом:)

После смерти Ардата его сын Ксисутр правил 18 саров. В его время произошел великий Потоп, история которого описывается следующим образом. Божество Кронос явилось ему в видении и предупредило, что на пятнадцатый день месяца Дезиус [или Дезия, *т. е.* май и июнь] произойдет наводнение, которое уничтожит человечество. Поэтому он велел ему написать историю начала, хода и завершения всех вещей; и закопать ее в городе Солнца в Сиппаре; и построить корабль, и взять с собой в него своих друзей и родственников; и перевезти на борт все необходимое для поддержания жизни, вместе со всеми различными животными, как птицами, так и четвероногими, и без страха довериться глубине. Спросив божество, куда ему плыть, он получил ответ: «К богам», после чего он вознес молитву о благе человечества. Затем он повиновался божественному наставлению и построил корабль длиной в пять стадий и шириной в две. В него он поместил все, что приготовил, и в последнюю очередь перевез туда свою жену, детей и друзей.

После того как на землю обрушился потоп и со временем он спал, Ксисутр выпустил из корабля птиц, которые, не найдя ни пищи, ни места, где можно было бы присесть, вернулись к нему. Через несколько дней он выпустил их во второй раз, и они вернулись с ногами, испачканными грязью. Он сделал третью попытку с этими птицами, но они больше не вернулись к нему, из чего он заключил, что поверхность земли появилась над водой. Поэтому он проделал отверстие в корабле и, выглянув наружу, обнаружил, что корабль пристал к склону какой-то горы; после чего он немедленно покинул его вместе со своей женой, дочерью и лоцманом. Затем Ксисутр поклонился земле, построил алтарь, принес жертвы богам и вместе с теми, кто вышел из корабля вместе с ним, исчез.

Те, кто остался внутри, обнаружив, что их товарищи не возвращаются, покинули судно со многими сетованиями и непрерывно зывали имя Ксисутра. Они больше не видели его, но могли различить его голос в воздухе и слышать, как он увещевал их уважать религию, а также сообщал им, что благодаря своей набожности он был перенесен, чтобы жить с богами, и что его жена, дочь и лоцман получили ту же честь. К этому он добавил, что они должны вернуться в Вавилонию и, как было предписано, искать в Сиппаре писания, которые они должны были донести до всего человечества; кроме того, он сказал, что место, в котором они находились, было землей Армении [на иврите Арарат]. Остальные, услышав эти слова, принесли жертвы богам и, обогнув землю, отправились в путь к Вавилонии.

Судно, таким образом, сеяло в Армении, и часть его до сих пор остается в Коркирских [или Гордийских] горах Армении; люди соскребают битум, которым оно было покрыто снаружи, и используют его в качестве противоядия и амулета. А когда они вернулись в Вавилон и нашли письменности в Сиппаре, они построили города и воздвигли храмы: и Вавилон был таким образом заселен вновь.

ДРУГИЕ КЛАССИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

О халдейских царях

Это история, которую нам передал Берос. Он рассказывает нам, что первым царем был Алорус [или Ур, вавилонское божество] из Вавилона, халдеец: он правил десять саров; после него были Алапарус и Амелон, которые пришли из Пантибиблona [греческая форма Сиппара]; затем Амменон Халдейский, во времена которого появился Мусарус Оаннес, Аннедот из Эритрейского моря. (Но Александр Полихистор, предвидя это событие, сказал, что он появился в первый год; но Аполлодор говорит, что это было через сорок саров ()); Абиден, однако, делает второго Аннедота появляющимся через двадцать шесть саров (twenty-six sars). Затем на престол вступил Мегалар из города Пантибиблona; он правил восемнадцать саров; после него Даон, пастух из Пантибиблona, правил десять саров; в его время (говорит он) из Эритрейского моря вновь появился четвертый Аннедот, имевший ту же форму, что и предыдущие, — форму рыбы, смешанную с формой человека. Затем восемнадцать саров правил Эведорах из Пантибиблona; при нем из Эритрейского моря появился еще один персонаж, подобный предыдущим, имевший ту же сложную форму, смешавшую в себе рыбу и человека, по имени Одакон. (Все они, говорит Аполлодор, подробно и обстоятельно рассказали все, что им сообщил Оаннес; об этом Абиден не упоминает). Затем царствовал Амемпсинус, халдеец из Ларанхи [или Ларисы]; он был восьмым по счету и царствовал десять саров. Затем царствовал Отиарт, халдеец из Ларанхи; он царствовал восемь саров. После смерти Отиарта его сын Ксисутр царствовал восемнадцать саров: во время его правления произошел великий потоп. Таким образом, общее число царей составляет десять, а срок их совместного правления — сто двадцать саров. [Из Евсевия.]

О халдейских царях и Великом потопе

Столько о мудрости халдеев.

Говорят, что первым царем страны был Алорус, и что он объявил, что Бог назначил его пастырем народа: он царствовал десять саров; теперь сар считается равным трем тысячам шестистам годам; нер — шестистам; а сос — шестидесяти.

После него Алапарус правил три сара: ему наследовал Амилларус из города Пантибиблон, который правил тринадцать саров: во время его правления из моря появился второй Аннедот, полудемон, очень похожий по внешнему виду на Оаннеса: после Амиллараса правил Амменон () из города Пантибиблona в течение двенадцати саров; затем Мегаларус из того же места правил в течение восемнадцати саров; затем Даос, пастух, правил в течение десяти саров, он был из Пантибиблona [Сиппара]; во времена его правления из моря на сушу вышли четыре двойных человека, которых звали Эведокус, Энеугамус, Энеубул и Анементус; затем, во времена Эведореска, появился еще один Анодаф. После них правили другие цари, и последним из всех был Сиситр [Ксисутр]: так что в целом число царей составило десять, а срок их правления — сто двадцать саров. (И, среди прочего, имеющего отношение к предмету, он продолжает так о Потопе): После Эведореха правили некоторые другие, а затем

Сиситр. Божество Кронос предсказало ему, что на пятнадцатый день месяца Дезий будет ливень, и велело ему сдать все письменности, которые были в его владении, в город Солнца в Сиппаре. Сиситр, выполнив эти повеления, немедленно отплыл в Армению и вскоре был вдохновлен Богом. На третий день после прекращения дождя Сиситр, в качестве эксперимента, выпустил птиц, чтобы определить, спал ли потоп. Но птицы, пролетев над безбрежным морем и не найдя места для отдыха, вернулись к Сиситру. Он повторил эксперимент с другими птицами. И когда на третьей попытке он добился успеха, поскольку птицы вернулись с ногами, испачканными грязью, боги перенесли его из числа людей. Что касается судна, которое до сих пор находится в Армении, то жители имеют обыкновение изготавливать из его дерева браслеты и амулеты. [Из Евсевия.]

О Вавилонской башне

Говорят, что первые жители Земли, гордясь своей силой и размерами и презирая богов, взялись построить башню, вершина которой должна была достигать неба, на месте, где сейчас стоит Вавилон; но когда она приблизилась к небу, ветры помогли богам и обрушили сооружение на его создателей; и его руины, как говорят, находятся в Вавилоне; и боги ввели разнообразие языков среди людей, которые до того времени все говорили на одном языке: и между Кроносом и Титаном разразилась война. Место, где они построили башню, теперь называется Вавилон, из-за смешения языков; ибо смешение языков евреи называют Вавилон.^{[137](#)} [Из Евсевия.]

Об Аврааме [?]

После Потопа, в десятом поколении, среди халдеев был один человек, известный своей справедливостью и великими подвигами, а также своим мастерством в небесных науках. [Из Евсевия.]

О Набонассаре

Только со времени правления Набонассара халдеи (с которых копируют греческие математики) точно знакомы с небесными движениями: ибо Набонассар собрал все памятные вещи царей, предшествовавших ему, и уничтожил их, чтобы перечисление халдейских царей начиналось с него. [Из Синкелла.]

О разрушении Иудейского храма

Он (Набополассар) послал своего сына Навуходоносора с большой армией против Египта и Иудеи, когда ему сообщили, что они восстали против него; и таким образом он покорил их всех, поджег храм, который был в Иерусалиме, и полностью изгнал наш народ из своей страны, переселив его в Вавилон, и наш город оставался в запустении в течение семидесяти лет, до дней Кира, царя Персии. (Затем он говорит, что) этот вавилонский царь завоевал Египет, Сирию, Финикию и Аравию и превзошел своими подвигами всех, кто царствовал до него в Вавилоне и Халдее. [Из Иосифа Флавия.]

О Навуходоносоре

Когда Набополассар, его (Навуходоносора) отец, услышал, что правитель, которого он поставил над Египтом и провинциями Коэле-Сирии и Финикии, поднял восстание, он решил наказать его за преступления и для этой цели доверил часть своей армии своему сыну Навуходоносор, который к тому времени достиг зрелого возраста, и послал его против мятежника: и Навуходоносор сразился с ним, победил его и вновь подчинил страну своему владычеству. И случилось так, что его отец, Набополассар, заболел смертельной болезнью и умер в городе Вавилоне, процарствовав двадцать девять лет.

Небухадрецар, как только получил известие о смерти своего отца, привел в порядок дела Египта и других стран и поручил некоторым из своих верных офицеров () пленников, которых он взял из евреев, финикийцев, сирийцев и народов, принадлежащих к Египту, чтобы они провели их с той частью войск, которая имела тяжелые доспехи, вместе с остальной частью его багажа в Вавилонию: тем временем с несколькими сопровождающими он поспешно пересек пустыню и прибыл в Вавилон. Прибыв туда, он обнаружил, что халдеи верно управляли его делами и что главный из них сохранил для него царство: таким образом, он получил во владение все владения своего отца. Он распределил пленников по колониям в наиболее подходящих местах Вавилонии и украсил храм Белуса и другие храмы роскошным и благочестивым образом из добычи, которую он захватил в этой войне. Он также восстановил старый город и добавил к нему еще один снаружи, и так укрепил Вавилон, что никто из тех, кто мог бы осадить его впоследствии, не имел бы возможности отвести реку, чтобы облегчить вход в него: он достиг этого, построив три стены вокруг внутреннего города и три вокруг внешнего. Некоторые из этих стен он построил из обожженного кирпича и битума, а некоторые — только из кирпича. Когда он таким образом замечательно укрепил город и великолепно украсил ворота, он также добавил новый дворец к тем, в которых жили его предки, примыкая к ним, но превосходя их по высоте и великолепию. Любая попытка описать его была бы утомительной: однако, несмотря на его огромные размеры и великолепие, он был построен за пятнадцать дней. В этом дворце он возвел очень высокие проходы, поддерживаемые каменными колоннами, и, посадив так называемый висячий рай и наполнив его всевозможными деревьями, он сделал вид дворца точным подобием горной местности. Он сделал это, чтобы порадовать свою царицу [Амитис], потому что она выросла в Мидии и любила горную местность. [Из Иосифа Флавия.]

О халдейских царях после Навуходоносора

Навуходоносор, занимаясь строительством вышеупомянутой стены, заболел и умер после сорока трех лет правления; после чего его сын Эвила-Меродах сменил его на троне. Однако его правление было незаконным и неправомерным, и он стал жертвой заговора, который был организован против его жизни Нериглиссором, мужем его сестры, после того как он проправил около двух лет.

После его смерти Нериглиссор, глава заговорщиков, завладел царством и правил четыре года.

Его преемником стал его сын Лабаросарход [Лабаша-Мардук], который был еще ребенком и правил девять месяцев; за свое неподобающее поведение он был схвачен заговорщиками и казнен через пытки.

После его смерти заговорщики собрались и единодушно возложили корону на голову Набонида, человека из Вавилона и одного из лидеров восстания. Именно в это время были построены стены города Вавилона, защищавшие берега реки, из обожженного кирпича и битума.

В семнадцатый год правления Набонида Кир вышел из Персии с большой армией и, завоевав всю остальную Азию, поспешно продвинулся в страну Вавилонию. Как только Набонид понял, что тот наступает, чтобы атаковать его, он собрал свои войска и выступил против него, но был разгромлен, бежал с несколькими своими сторонниками и заперся в городе Борсиппе. После этого Кир взял Вавилон и отдал приказ снести внешние стены, потому что город казался настолько крепким, что осада была практически невозможна. Оттуда он двинулся на Борсиппу, чтобы осадить Набонида, но Набонид сдался ему, не удерживая город. Поэтому Кир обошелся с ним по-доброму, предоставив ему поместье в Кармании, но изгнал из Вавилонии. Набонид прожил остаток своей жизни в этой стране, где и умер. [Из Иосифа Флавия.^[38]]

О празднике Сакея

Берос в первой книге своей «Вавилонской истории» пишет: в одиннадцатом месяце, называемом Лоос [июль], в Вавилоне пять дней празднуется праздник Сакея, во время которого по обычаю хозяева должны подчиняться своим слугам, одного из которых водят по дому, одетого в царскую одежду, и его называют Зоганес. [Из Афиней.]

Фрагмент Мегасфена о Навуходоносоре

Абиден в своей истории ассирийцев сохранил следующий фрагмент Мегасфена, который говорит: что Навуходоносор, став более могущественным, чем Геракл, вторгся в Ливию и Иберию [Испанию], и, подчинив их себе, распространил свои завоевания на жителей берегов по правую сторону моря. Кроме того, халдеи рассказывают, что, поднимаясь в свой дворец, он был одержим каким-то богом; и он воскликнул и сказал:

«О вавилоняне! Я, Навуходоносор, предсказываю вам бедствие, которое вскоре должно произойти и которое ни мой предок Бел, ни его царица Белтис не в силах отвести от судьбы. Придет персидский мул и с помощью ваших богов наложит на вас иго рабства; его создателем будет мидянин, тщеславный ассириец. Прежде чем он предаст моих подданных, о, пусть его поглотит море или водоворот, и память о нем будет стерта навсегда; или пусть он будет изгнан и будет бродить по пустыне, где нет ни городов, ни следов людей, в одиноком изгнании среди скал и пещер, где обитают только звери и птицы. Но для меня, прежде чем он замыслит эти злодеяния, будет уготована более счастливая судьба».

Сказав это, он скончался, и его преемником стал его сын Эвильмарух [Эвиль-Меродах], который был убит своим родственником Нериглисаресом; а Нериглисарес оставил своего сына Лабассоараска; и когда он тоже был насильственно убит, корону получил Набонидох [Набонид], который не имел никакого отношения к королевской семье; и во время его правления Кир захватил Вавилон и даровал ему княжество в Кармании.

А о восстановлении Вавилона Навуходоносором он [Мегасфен] пишет так: Говорят, что вначале все было водой, называемой морем; что Бел изменил это состояние вещей и назначил каждому свое место; и он окружил Вавилон стеной; но со временем эта стена исчезла; и Навуходоносор снова обнес его стеной, и он оставался таким с медными воротами до времени македонского завоевания. И после других вещей он [Мегасфен] говорит: Навуходоносор, унаследовав царство, построил стены Вавилона в три ряда за пятнадцать дней; и он повернул реку Армакале, приток Евфрата, и Акраканус; и над городом Сиппара он выкопал резервуар для воды, периметр которого составлял сорок парсангов, а глубина

— двадцать локтей; и установил ворота у входа в него, открывая которые, они орошали равнины, и называли их *eschetognomones* (шлюзы); и он построил дамбы против извержений Эритрейского моря и построил город Тередон, чтобы сдерживать вторжения арабов; и он украсил дворцы деревьями, назвав их висячими садами. [Из Абидена.]^b

НИНУС И СЕМИРАМИДА

Читатель, уже ознакомившийся с основными событиями истории Месопотамии, знает, что современные историки ничего не знают ни о царе Нину, ни о какой-либо воинственной правительнице Ассирии. Тем не менее, эта история Диодора — единственное длинное повествование об ассирийских делах, дошедшее до нас из древности — имеет истинную историческую ценность, поскольку показывает, как могут складываться традиции вокруг полузабытых фактов истории. Это повествование интересно еще по одной причине: оно считалось достоверной историей Ассирии в течение примерно восемнадцати столетий — с античных времен до середины XIX века.^a

Азия в древности управлялась, по словам Диодора, своими собственными королями, о которых не сохранилось никаких исторических сведений, ни о каких-либо запоминающихся деяниях, ни даже об их именах.

Нинус — первый царь Ассирии, упомянутый в истории; он совершил много великих и благородных поступков, о которых мы и хотим рассказать.

Он был по натуре воинственным человеком, очень стремился к чести и славе, поэтому заставил самых сильных из своих молодых людей пройти военную подготовку и долгими и непрерывными упражнениями приучил их легко переносить все тяготы и опасности войны.

Собрав отважную армию, он заключил союз с Ариеусом, царем Аравии, которая в то время была полна сильных и доблестных людей. Ибо этот народ неизменно любит свободу и ни при каких условиях не признает иностранного правителя. Поэтому ни персидские, ни македонские цари, которые пришли после них (хотя они и были сильнее в военном отношении), так и не смогли покорить его. Поскольку Аравия частично представляет собой пустыню, а частично засушливую местность из-за нехватки воды (за исключением некоторых тайных колодцев и ям, известных только местным жителям), ее невозможно подчинить никакой иностранной силой.

Поэтому Нинус, царь Ассирии, с принцем Аравии, своим помощником, с многочисленной армией вторгся в Вавилон, который тогда граничил с ним. Ведь нынешний Вавилон в то время еще не был построен, но в провинции Вавилон было много других значительных городов, жителей которых он легко покорил (поскольку они были грубы и неопытны в военном деле) и обложил их ежегодной данью; но он увез короля со всеми его детьми в плен, а затем казнил их. Затем он вторгся в Армению с большой армией и, захватив несколько городов, навел ужас на остальные, и тогда их царь Барзанус, видя, что не в силах противостоять ему, встретил его с множеством богатых подарков и подчинился ему; Нинус, проявив свою великодушие, любезно принял его и даровал ему царство Армении на условии, что тот будет его другом в будущем и будет поставлять ему людей и провизию для его войн, когда у него будет такая необходимость.

Укрепившись таким образом, он вторгся в Мидию, чей царь Фарн, выступивший против него с могущественной армией, был полностью разгромлен, потерял большую часть своих людей и был взят в плен вместе со своей женой и семьей детьми, а затем распят.

Добившись такого успеха и процветания, Нинус стал еще более амбициозным и горячо желал завоевать всю Азию, лежащую между Танаисом и Нилом (так сильно процветание и избыток в приобретении многого разжигают желание получить и достичь еще большего). Для этого он назначил одного из своих друзей правителем провинции Мидия, а сам тем временем выступил против других провинций Азии и за семнадцать лет покорил их все, за исключением индийцев и бактрийцев. Но ни один писатель не дал никакого описания нескольких сражений, которые он вел, ни числа народов, которых он покорил; и поэтому, следуя Ктесию Книдскому, мы только кратко перечислим самые известные и значительные страны. Он завоевал все страны, граничащие с морем, а также прилегающие континенты, такие как Египет и Финикия, Кело-Сирия, Киликия, Памфилия, Ликия, Кария, Фригия, Мизия и Лидия; провинции Трояда и Фригия на Геллеспонте, а также Пропонтида, Вифиния, Каппадокия и варварские народы, прилегающие к Понту, вплоть до Танаса; он также завоевал страны каддусов, тарпиров, гирканов, даков, дербов, карманцев, хоронейцев, борчанцев и парфян. Он также проник в Персию, провинции Сузиана и Каспиана через узкие проливы, которые оттуда называются Каспийскими воротами. Он также подчинил себе многие другие менее значительные народы, перечислять которые здесь было бы слишком утомительно. После многих тщетных усилий и трудов из-за труднопроходимости перевалов и многочисленности воинственных жителей он был вынужден отложить войну против бактрийцев до другого случая.

Вернувшись со своей армией в Сирию, он выбрал место для строительства величественного города: поскольку он превзошел всех своих предков в славе и успехах своих вооруженных сил, он был полон решимости построить город такого величия и великолепия, который не только был бы величайшим в мире в то время, но и таким, что никто из последующих поколений не смог бы легко превзойти.

Он отправил царя Аравии с его армией обратно в свою страну с многочисленной добычей и ценными дарами. А сам, собрав большое количество войск, запасшись деньгами, сокровищами и другими необходимыми для этой цели вещами, построил город у реки Евфрат, который прославился своими стенами и укреплениями; он имел длинную форму, поскольку с обеих сторон он простирался на длину более ста пятидесяти стадий, но два меньших угла составляли только по девяносто стадий каждый, так что окружность всего города составляла четыреста восемьдесят стадий. И основатель не был обманут в этом, ибо никто после него не построил ничего подобного, ни по величине окружности, ни по величественности стен. Стена была высотой в сто футов и настолько широкой, что по ней могли ехать три колесницы бок о бок. На стенах было полторы тысячи башен, каждая из которых была высотой в двести футов. Он назначил, чтобы в городе жили в основном самые богатые ассирийцы, и дал свободу людям любой другой нации (столько, сколько захотят) жить там, и предоставил гражданам обширную территорию, прилегающую к ним, и назвал город своим именем, Нинус.

Завершив здесь свою работу, он выступил с армией против бактрийцев, где женился на Семирамиде, которая была настолько знаменита среди женщин (как рассказывается в истории), что мы не можем не сказать о ней несколько слов в этом месте, поскольку она поднялась с такого низкого положения до такого состояния и степени чести и мирской славы.

В Сирии есть город под названием Аскалон, рядом с которым находится глубокое озеро, изобилующее рыбой, а недалеко от него стоит храм, посвященный знаменитой богине, которую сирийцы называют Дерцето [Дагон]. Она изображается с лицом женщины и телом рыбы, по следующей причине, как сообщают самые разумные из жителей: они говорят, что Венера, разгневанная на эту богиню, заставила ее влюбиться в прекрасного юношу, который

был среди других, приносивших ей жертвы, и зачала от него ребенка, родила дочь; после чего, стыдясь своего поступка, убила юношу, бросила ребенка среди скал в пустыне, а сама от горя и стыда бросилась в озеро и впоследствии превратилась в рыбу; отсюда и произошло, что по сей день сирийцы не едят рыбу, а почитают ее как бога. Говорят, что брошенный младенец был спасен и вскормлен чудесным провидением с помощью большого стада голубей, которые гнездились недалеко от места, где лежал ребенок (); потому что они согревали его своими крыльями и, заметив, где пастухи и другие скотоводы оставляли молоко в соседних хижинах, брали его в свои клювы и, как кормилицы, вставляли свои клювы между губами младенца и вливали ему молоко. А когда ребенку исполнился год и ему потребовалось более питательное питание, голуби кормили его кусочками сыра, которые они выбирали из остального: Когда пастухи вернулись и обнаружили, что их сыр обглодан, они сначала удивились этому, но потом, заметив, как это произошло, не только выяснили причину, но и обнаружили очень красивого ребенка, которого они немедленно унесли в свои хижины и подарили его надзирателю королевских стад и стад (по имени Симма), который (не имея собственных детей) заботливо воспитал юную леди, как свою дочь, и назвал ее Семирамидой, что в сирийском языке означает «голубь», которых сирийцы с тех пор почитали богинями. И вот такие истории рассказывают о Семирамиде.

Когда она выросла и превзошла всех своих сверстниц по красоте, один из высокопоставленных чиновников царя по имени Менон был послан, чтобы провести инвентаризацию стад и стад царя. Этот человек был председателем королевского совета и главным правителем Сирии, и, остановившись по этому поводу в доме Симмы, при виде Семирамиды влюбился в нее, и, много уговаривая, получил ее от Симмы и увез с собой в Ниневию, где женился на ней и имел от нее двух сыновей, Гипата и Гидаспа. А поскольку она была женщиной не только прекрасной внешности, но и замечательных качеств, ее муж был полностью предан ей и никогда не делал ничего без ее совета, который всегда был успешным.

Примерно в это время Нинус, закончив строительство своего города (названного в честь него самого), приготовился к походу против бактрийцев; и, имея опыт величия их сил, доблести их солдат и трудностей прохода в их страну, он собрал армию из лучших людей, которых он мог отобрать со всех концов своих владений; поскольку он потерпел поражение в своей предыдущей экспедиции, он был полон решимости вторгнуться в Бактрию с гораздо более сильной армией, чем раньше. Собрав всю свою армию на общем сборе, он насчитал (как пишет Ктесий) 1700 тысяч пехотинцев, более 210 тысяч всадников и не менее 10 600 колесниц с крюками (). На первый взгляд это число кажется невероятным, но для тех, кто серьезно относится к размерам и густонаселенности Азии, оно не может быть признано невозможным. Ведь если кто-нибудь (не говоря уже о восьмистах тысячах человек, которые были с Дарием в его походе против скифов, и о бесчисленной армии, которую Ксеркс привел с собой в Грецию) обратит внимание на события, произошедшие совсем недавно, даже вчера, ему будет легче поверить в то, что мы сейчас говорим. Ведь на Сицилии Дионисий вывел только из одного города Сиракузы сто двадцать тысяч пехотинцев и двенадцать тысяч всадников; и из одного порта выпустил флот из четырехсот кораблей, некоторые из которых были с тремя рядами весел, а другие с пятью. А римляне незадолго до времен Ганнибала собрали в Италии из своих граждан и союзников армию, насчитывавшую чуть менее миллиона воинов; и все же вся Италия не может сравниться по численности населения с одной провинцией Азии. Но это может в достаточной мере убедить тех, кто рассчитывает древнюю густонаселенность стран по нынешнему обезлюдению городов.

Поэтому Нинус, выступив с этими силами против бактрийцев, разделил свою армию на две части из-за узости и труднопроходимости переходов. В Бактрии есть много больших и густонаселенных городов, но один из них особенно известен, он называется Бактрия, в

котором дворец царя по величию и великолепию, а цитадель по прочности намного превосходят все остальные.

В то время там правил Оксиарт, который призвал всех, кто был способен носить оружие, и собрал армию из четырехсот тысяч человек. С ними он встретил врага в проливе, вторгшегося в его страну, где он позволил Нину войти с частью своей армии: когда он увидел, что вошло достаточное количество войск, он напал на них на открытой равнине и сражался с такой решимостью, что бактрийцы обратили ассирийцев в бегство и, преследуя их до ближайших гор, убили сто тысяч своих врагов; но после того, как вошла вся армия, бактрийцы были превзойдены по численности, разгромлены и все бежали в свои города, чтобы каждый защищал свою страну. Нинус легко подчинил себе все остальные крепости и замки, но сама Бактрия была настолько сильна и хорошо укреплена, что он не смог ее взять, что привело к долгой и утомительной осаде, так что муж Семирамиды (который находился там в лагере царя), страдая от любви и не терпя больше разлуки с женой, послал за ней, а она, будучи и благоразумной, и мужественной, и обладала другими благородными качествами, с радостью воспользовалась возможностью продемонстрировать миру свою природную храбрость и решительность; и чтобы с большей безопасностью совершить столь долгое путешествие, она надела такую одежду, в которой было невозможно различить, мужчина она или женщина; и она была сшита так, что благодаря ей она не только сохранила свою красоту от воздействия жары во время путешествия, и в то же время была более подвижной и готовой к любому делу, которое она хотела предпринять, будучи молодой и энергичной дамой; и этот вид одежды пользовался таким высоким уважением, что мидяне, когда они стали владыками Азии, носили платье Семирамиды, а персы после них — то же самое.

Как только она прибыла в Бактрию и наблюдала за ходом осады, как атаки проводились только в открытых и ровных местах, наиболее подходящих для вторжения, и что никто не осмеливался приблизиться к цитадели из-за ее естественной прочности и укреплений, а те, кто находился внутри, уделяли больше внимания защите нижних и более слабых частей стен, чем замка, где они пренебрегали охраной, она взяла с собой нескольких человек, умевших лазать по скалам, и с их помощью с большим трудом перебралась через глубокий ров и овладела частью замка; после чего она дала сигнал тем, кто штурмовал стену на равнине (). Тогда те, кто находился внутри города, внезапно охваченные паническим страхом из-за взятия замка, в отчаянии от дальнейшей обороны покинули стены.

Когда город был взят таким образом, король очень восхитился доблестью женщины и щедро вознаградил ее, а также был настолько увлечен ее красотой, что использовал все возможные аргументы, чтобы убедить ее мужа отдать ему свою жену, обещая ему в награду за его доброту выдать за него свою дочь Сосану замуж. Но тот категорически отказался, после чего король пригрозил ему, что, если он не согласится, то вырвет ему глаза.

Менон, испугавшись угроз царя и одолеваемый любовью к его жене, впал в безумную ярость и сразу же повесился. И это стало поводом для возвышения Семирамиды до царского положения и достоинства.

Нинус, завладев всеми сокровищами Бактрии (где было много золота и серебра) и уладив свои дела по всей провинции Бактрии, вернулся со своей армией в свою страну.

Впоследствии у него родился сын от Семирамиды по имени Ниньяс, и он умер, оставив свою жену королевой-регентшей. Она похоронила своего мужа Нину в королевском дворце и воздвигла над ним холм из земли удивительных размеров, высотой в девять стадий и шириной в десять, как говорит Ктесий: Так что город, стоящий на равнине недалеко от реки Евфрат, с холмом (на расстоянии многих стадий) выглядит как величественная цитадель. И

говорят, что он сохранился до наших дней, хотя Ниневия была разрушена мидянами, когда они разгромили Ассирийскую империю.

СЕМИРАМИДА СТРОИТ ВЕЛИКИЙ ГОРОД

Семирамида была по натуре высокопарной и амбициозной, стремясь превзойти всех своих предшественников в славных деяниях, и поэтому посвятила все свои мысли строительству города в провинции Вавилон; и с этой целью, обеспечив архитекторов, художников и все необходимое для работы, она собрала два миллиона человек со всех концов империи, чтобы задействовать их в строительстве города. Он был построен таким образом, что река Евфрат протекала по его середине, и она окружила его стеной длиной триста шестьдесят стадий, украшенной множеством величественных башен; и таково было величие и великолепие этого сооружения, что стены были такой ширины, что по ним могли проехать шесть колесниц в ряд. Их высота превосходила все представления людей, которые слышали о них (как сообщает Ктесий Книдский). Но Клитарх и те, кто впоследствии отправился с Александром в Азию, писали, что стены имели длину триста шестьдесят пять стадий; царица построила их такой длины, чтобы количество стадий соответствовало количеству дней в году. Они были построены из кирпича, скрепленного серой; по словам Ктесия, их высота составляла пятьдесят оргий, но, как сообщают некоторые более поздние авторы, всего пятьдесят локтей, а ширина была чуть больше, чем позволяла проехать двум колесницам. На стене было двести пятьдесят башен, высота и толщина которых соответствовали размерам стены. Неудивительно, что на стене такого большого периметра было так мало башен, поскольку во многих местах вокруг города были глубокие болота, и поэтому было решено, что нет смысла возводить башни там, где они были естественным образом укреплены. Между стеной и домами вокруг города оставалось пространство шириной двести футов.

Чтобы работа была выполнена быстрее, каждому из ее друзей было выделено по фурлонгу, с учетом всех расходов, необходимых для выполнения их частей, и было приказано, чтобы все было закончено в течение года; что было тщательно выполнено с одобрением королевы, она затем построила мост через самую узкую часть реки, длиной в пять фурлонг, уложив опоры и столбы арок с большим искусством и мастерством на дне реки на расстоянии двенадцати футов друг от друга. Чтобы камни были более прочно соединены, их скрепили железными крюками, а стыки заполнили расплавленным свинцом. Перед опорами она изготовила и установила защитные сооружения с острыми углами, чтобы принимать воду, прежде чем она ударялась о плоские стороны опор, что заставляло воду постепенно и плавно обтекать широкие стороны опор, так что острые углы пересекали поток и сдерживали его силу, а их округлость постепенно ослабляла уменьшала силу течения. Этот мост был покрыт большими досками из кедра, кипариса и пальмы, имел тридцать футов в ширину и по искусству и любопытству не уступал ни одному из сооружений Семирамиды. По обеим сторонам реки она возвела набережную, широкую как стена, и с большими затратами продлила ее на сто стадий. Она также построила два дворца на каждом конце моста на берегу реки, откуда она могла обозревать весь город и проходить, как по ключам, в самые удобные места в нем, когда у нее была такая необходимость. А поскольку Евфрат протекает через центр Вавилона, направляясь на юг, дворцы расположены один на восточной, а другой на западной стороне реки; оба построены с чрезвычайными затратами и расходами. Западный дворец имел высокую и величественную стену, построенную из хорошо обожженного кирпича, длиной в шестьдесят стадий (); внутри нее была построена еще одна стена круглой формы, на которой перед обжигом

кирпичей были изображены всевозможные живые существа, словно оживающие, выполненные с большим искусством в ярких цветах. Эта стена имела длину сорок стадий, толщину триста кирпичей и высоту (как говорит Ктесий) сто ярдов, на которой были башни высотой сто сорок ярдов.

Третья и самая внутренняя стена непосредственно окружала дворец, имела длину тридцать стадий и значительно превосходила среднюю стену как по высоте, так и по толщине; на этой стене и башнях были изображены фигуры всевозможных живых существ, искусственно выраженные в самых ярких цветах. Особенно было изображено общее охота на всевозможных диких зверей, каждый высотой четыре локтя и выше; среди них можно было увидеть Семирамиду на лошади, пронзающую леопарда дротиком, а рядом с ней ее мужа Нинуса в сражении с львом, пронзающего его копьем. К этому дворцу она также построила три ворота, под которыми находились апартаменты из латуни для развлечений, в которые проходили проходы, открываемые с помощью определенного механизма.

Этот дворец значительно превосходил дворец на другом берегу реки как по величине, так и по украшениям. Ведь внешняя стена того дворца (построенного из хорошо обожженного кирпича) имела в окружности всего тридцать стадий. Вместо любопытных изображений зверей там были медные статуи Нина и Семирамиды, высокопоставленных чиновников и Юпитера, которого вавилоняне называют Белусом; а также были изображены армии, выстроенные в боевом порядке, и различные виды охоты, что доставляло большое удовольствие и развлечение зрителям. После всего этого на низменной местности в Вавилоне она углубила место для пруда квадратной формы, каждый квадрат которого имел длину триста стадий, выложенного кирпичом и зацементированного серой, а глубина всего пруда составляла пятьдесят три. Сначала она направила в него реку, а затем проложила проход в виде свода от одного дворца к другому, арки которого были построены из прочного и крепкого кирпича и с обеих сторон покрыты битумом толщиной в четыре локтя. Стены этого свода были толщиной в двадцать кирпичей и высотой в двенадцать футов, помимо арок, а ширина составляла пятнадцать футов. Эта работа была завершена за двести шестьдесят дней, после чего река была возвращена в свое прежнее русло, так что, протекая над всей конструкцией, Семирамида могла переходить из одного дворца в другой, не пересекая реку. Она также построила две медные ворота на обоих концах свода, которые просуществовали до времени Персидской империи.

В центре города она построила храм Юпитеру, которого вавилоняне называют Белусом (как мы уже говорили ранее), о котором писатели расходятся во мнениях, а сооружение к настоящему времени полностью разрушилось из-за долгого времени, поэтому ничего определенного о нем сказать нельзя: Однако очевидно, что он был чрезвычайно высоким, и благодаря этому халдейские астрологи точно наблюдали за заходом и восходом звезд. Все сооружение было построено из кирпича, скрепленного серой, с большим искусством и затратами. На вершине она поместила три статуи из чеканного золота: Юпитера, Юноны и Реи. Статуя Юпитера стояла в позе, как будто он шел; она была сорока футов в высоту и весила тысячу вавилонских талантов. Статуя Реи весила столько же и сидела на золотом троне, по обе стороны от которого стояли два льва, один у ее колен, а рядом с ними — две огромные серебряные змеи, весившие по тридцать талантов каждая. Здесь же стояла статуя Юноны, весившая восемьсот талантов, которая правой рукой сжимала змею за голову, а левой держала скипетр, украшенный драгоценными камнями.

Для всех этих божеств был поставлен общий стол из чеканного золота, длиной сорок футов и шириной пятнадцать, весом в пятьсот талантов: на нем стояли две чаши весом в тридцать талантов, а рядом с ними столько же кадильниц весом в триста талантов: Там же были поставлены три золотые чаши для питья, одна из которых, посвященная Юпитеру,

весила двенадцать сотен вавилонских талантов, а две другие — по шестьсот каждая; но все они были кощунственно унесены персидскими царями. С течением времени дворцы и другие сооружения либо полностью разрушились, либо сильно обветшали, так что сегодня лишь небольшая часть Вавилона заселена, а большая часть, находившаяся внутри стен, превратилась в пахотные земли и пастбища.

Рядом с цитаделью находился также так называемый Висячий сад, построенный не Семирамидой, а более поздним правителем по имени Кир для куртизанки, которая, будучи по происхождению персидкой (как говорят), жаждала лугов на вершинах гор и просила царя создать искусственную плантацию, чтобы имитировать землю в Персии. Этот сад имел площадь в четыреста футов, подъем к нему был как на вершину горы, и в нем были здания и помещения, переходящие одно в другое, как в театре. Под ступенями подъема были построены арки, расположенные одна над другой, плавно поднимающиеся постепенно, которые поддерживали всю плантацию. Самая высокая арка, на которой была устроена платформа сада, была высотой пятьдесят локтей, а сам сад был окружен зубцами и бастионами. Стены были очень крепкими, построенными с немалыми затратами и расходами, толщиной двадцать два фута, а каждый вылазной проход был шириной десять футов. Над несколькими этажами этого сооружения были уложены балки и опоры из огромных массивных камней, каждый длиной шестнадцать футов и шириной четыре.

Крыша над всем этим сначала была покрыта тростником, обмазанным большим количеством серы, затем на нее были уложены двойные черепицы, скрепленные между собой твердым и прочным раствором (таким, как мы называем гипсом), а поверх всего этого было покрытие из свинцовых листов, чтобы влага, проникающая через землю, не разъедала фундамент. На все это была насыпана земля достаточной глубины, чтобы на ней могли расти самые большие деревья. Когда почва была выровнена и разглажена, на ней были посажены всевозможные деревья, которые своей величественностью и красотой могли радовать зрителей. Арки (которые стояли одна над другой и благодаря этому пропускали достаточно света) содержали в себе множество величественных комнат всех видов и для всех целей. Но в одном из них находились определенные механизмы, с помощью которых из реки через определенные трубопроводы и транспортные средства из платформы сада забиралось большое количество воды, и никто снаружи не знал, что происходит. Этот сад (как мы уже говорили) был построен в более поздние века.

Но Семирамида построила также другие города на берегах Евфрата и Тигра, где она основала рынки для продажи товаров, привезенных из Мидии, Паретацены и других соседних стран. Ведь после Нила и Ганга Евфрат и Тигр являются самыми величественными реками всей Азии, берут свое начало в горах Аравии и находятся на расстоянии 1500 стадий друг от друга. Они протекают через Мидию и Паретацену в Месопотамию, которая, находясь посередине между этими двумя реками, получила от них свое название; оттуда, проходя через провинцию Вавилон, они впадают в Красное море. Эти реки очень большие и протекают через различные страны, что значительно обогащает торговцев, ведущих торговлю в этих краях; поэтому соседние места полны богатых торговых городов, что значительно повышает славу и величие Вавилона.

Семирамида также велела вырубить из гор Армении большой камень длиной сто двадцать пять футов и шириной и толщиной пять футов; его она перевезла к реке с помощью множества упряжек волов и ослов, там погрузила на корабль, благополучно доставила по воде в Вавилон и установила на самом видном месте, как замечательное зрелище для всех зрителей. Из-за своей формы он называется обелиском (Obelos по-гречески означает «шпажка») и считается одним из семи чудес света. В Вавилоне

действительно есть много замечательных и удивительных вещей, но среди них не менее удивительным является огромное количество серы, которое вытекает из земли. Ее так много, что она не только обеспечивает все потребности в строительстве таких великих и могущественных сооружений, но и простые люди собирают ее в больших количествах, а когда она высохнет, сжигают вместо топлива; и хотя его добывают бесчисленные толпы людей, как из огромного источника, он по-прежнему остается таким же обильным, как и раньше. Рядом с этим источником есть небольшой, но очень сильный и бурный родник, из которого выделяется сернистый и густой пар, который мгновенно убивает любое живое существо, приблизившееся к нему; поскольку дыхание надолго останавливается, а вся сила дыхания уходит из-за силы испарения, тело сразу же раздувается так, что части вокруг легких полностью охватываются пламенем.

За рекой находится болото, вокруг которого лежит корка земли; если кто-то, не знакомый с этим местом, попадает в него, сначала он плавает на поверхности, но когда добирается до середины, его сильно увлекает вглубь, и, пытаясь спастись, он как будто застревает в чем-то, и все его попытки выбраться оказываются тщетными. Сначала онемеют его ступни, затем ноги и бедра до поясницы (), в конце концов все его тело оцепенеет, и тогда он погружается на дно, а вскоре после этого выбрасывается мертвым на поверхность. Вот и все о чудесах Вавилона.

СЕМИРАМИДА НАЧИНАЕТ СВОЮ КАРЬЕРУ ЗАВОЕВАТЕЛЬНИЦЫ

Когда Семирамида закончила все свои работы, она с большой армией вторглась в Мидию и разбила лагерь у горы под названием Багистан; там она разбила сад площадью в двенадцать стадий: он находился на равнинной местности и имел большой фонтан, который орошал весь сад. Гора Багистан посвящена Юпитеру, и с одной стороны сада есть крутые скалы, высотой в семнадцать стадий от вершины до основания. Она вырезала кусок нижней части скалы и велела высечь на нем свой собственный образ и сто своих стражников, которые стояли вокруг нее. Она также написала на скале сирийскими буквами, что Семирамида поднялась с равнины на вершину горы, уложив друг на друга выюки и узы животных, которые следовали за ней.

Отправившись отсюда, она пришла в Хаон, город в Мидии, где разбила лагерь на возвышенности, откуда она заметила чрезвычайно большую и высокую скалу, где она создала еще один очень большой сад в самом центре скалы и построила на нем величественные дома для удовольствий, откуда она могла наслаждаться прекрасным видом на сад и наблюдать за армией, разбившей лагерь внизу, на равнине; Будучи очень довольна этим местом, она осталась здесь на значительное время, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, поскольку она воздерживалась от брака, чтобы не быть смещенной с поста правителя, и в то же время выбирала самых красивых полководцев в качестве своих любовников, но после того, как они ложились с ней, она отрезала им головы.

Отсюда она двинулась к Экбатане и прибыла к горе Зархеум, которая простиралась на многие фурлонги и была полна крутых обрывов и скалистых утесов, так что пройти через нее можно было только по длинным и утомительным изгибам и поворотам. Чтобы оставить после себя вечный памятник своему имени и сократить путь, она велела срубить скалы и засыпать долины землей, и так за короткое время и с огромными затратами проложила открытый и ровный путь, который до сих пор называется Путем Семирамиды.

Когда она прибыла в Экбатану, расположенную на низкой и ровной равнине, она построила там величественный дворец и уделила ему больше внимания и усилий, чем любому другому месту. Поскольку город испытывал нехватку воды (поблизости не было

источников), она обеспечила его обильным запасом хорошей и полезной воды, доставленной туда с большим трудом и затратами, следующим образом: Есть гора под названием Оронт, расположенная в двенадцати стадиях от города, чрезвычайно высокая и крутая на протяжении двадцати пяти стадий до вершины; на другой стороне этой горы есть большое озеро, которое впадает в реку. У подножия этой горы она прокопала канал шириной пятнадцать футов и глубиной сорок футов, по которому она доставляла воду в большом количестве в город. И это то, что она сделала в Мидии.

Затем она прошла через Персию и все остальные свои владения в Азии, и по всему пути она выравнивала местность, сравнивая с землей скалы и горы. С другой стороны, в равнинных странах она возводила возвышенности, на которых иногда строила гробницы () для своих офицеров и командиров, а иногда — города и поселки. На протяжении всех своих походов она всегда возводила возвышенность, на которой устанавливала свой павильон, чтобы оттуда можно было обозревать всю свою армию. Многие из ее деяний в Азии сохранились до наших дней и называются «делами Семирамиды».

Затем она прошла через весь Египет и, завоевав большую часть Ливии, отправилась в храм Юпитера Гаммона, где спросила оракула, сколько ей осталось жить. Оракул ответил ей, что она покинет этот мир и впоследствии будет вечно почитаема некоторыми народами Азии, когда ее сын Ниньяс будет замышлять против нее заговор.

Выполнив все это, она вторглась в Эфиопию и, покорив многие места в ней, получила возможность увидеть то, что было там очень примечательным и удивительным. Говорят, что там есть квадратное озеро, сто шестьдесят футов в окружности, вода в котором имеет цвет киновари и необыкновенно сладкий вкус, очень похожий на старое вино; но оно обладает таким чудесным свойством, что любой, кто его пьет, сразу же сходит с ума и признается во всех своих прежних грехах; но некоторые с трудом верят в это.

Эфиопы имеют своеобразный способ хоронить своих мертвецов: после того как они бальзамируют тело, они обливают его расплавленным стеклом, а затем помещают его на столб, чтобы тело было хорошо видно через стекло, как сообщает об этом Геродот. Но Ктесий из Книда утверждает, что это сказка, и говорит, что тело действительно бальзамируют, но стекло не льют на обнаженное тело, потому что оно так обожгло бы и изуродовало тело, что оно не могло бы сохранить никакого сходства с умершим. Поэтому они делают полые статуи из золота, помещают в них тела, а затем заливают расплавленным стеклом эти статуи, которые ставят на высоком месте, и таким образом через стекло можно увидеть статую, похожую на умершего. Он говорит, что так они хоронили богатых людей; Но тех, кто был менее состоятельным, они помещали в статуи из серебра; а для бедных они делали статуи из глины, и у каждого было достаточно стекла, потому что в Эфиопии его в изобилии и оно доступно для всех жителей. Но мы более подробно поговорим о обычаях и законах эфиопов, о продуктах этой земли и других вещах, достойных внимания, когда мы перейдем к рассказу об их древностях, старых баснях и легендах.

СЕМИРАМИДА ВТОРГАЕТСЯ В ИНДИЮ

Семирамида, уладив свои дела в Египте и Эфиопии, вернулась со своей армией в Азию, в Бактрию. И теперь, имея большую армию и наслаждаясь долгим миром, она испытывала сильное желание совершить какой-нибудь знаменательный подвиг своими войсками. Узнав, что индийцы были величайшей нацией во всем мире и обладали самой большой и богатой территорией из всех других, она решила начать против них войну. В то время царем был Стабробат, который имел бесчисленные войска и много слонов, храбро вооруженных и приспособленных для того, чтобы вселять ужас в сердца своих врагов. Индия превосходила

все другие страны по красоте своей местности, будучи орошаемой во всех местах многими реками, так что земля давала каждый год двойной урожай; и благодаря этому была настолько богата и изобиловала всем необходимым для жизни человека, что постоянно снабжала жителей такими вещами, которые делали их чрезвычайно богатыми, так что никогда не было слышно о каком-либо голоде среди них, поскольку климат был настолько благоприятным и удачным; и по этой же причине там обитает невероятное количество слонов, которые по мужеству и силе тела намного превосходят африканских. Кроме того, эта страна богата золотом, серебром, медью, железом и драгоценными камнями всех видов, как для прибыли, так и для удовольствия.

Все это, разнесшись за границей, так возбудило дух Семирамиды, что (хотя ей и не было дано никакого повода) она все же решилась на войну с индейцами. Но, зная, что ей понадобятся большие силы, она разослала депеши во все провинции с приказом губернаторам набрать лучших молодых людей, которых они смогут найти, и распорядилась, чтобы каждая провинция и страна посылала солдат в пропорции, соответствующей ее величине; и приказала всем снарядиться новым оружием и доспехами и через три года явиться на общее сражение в Бактрии, вооруженными и экипированными во всех отношениях. Отправив корабельных мастеров в Финикию, Сирию, на Кипр и в другие места, граничащие с морским побережьем, она подготовила для них подходящую для этой цели древесину и приказала им построить суда, которые можно было бы разобрать и перевозить из одного места в другое, куда ей заблагорассудится. Поскольку река Инд, граничащая с этим королевством, была самой большой в тех краях, ей требовалось много речных судов, чтобы пройти по ней и подавить индийцев. Но поскольку вблизи этой реки не было леса, ей пришлось перевозить суда туда по суше из Бактрии.

Кроме того, она считала, что значительно уступает индийцам в количестве слонов (которые были ей абсолютно необходимы), поэтому она придумала завести животных, похожих на слонов, надеясь таким образом навести ужас на индийцев, которые верили, что слоны водятся только в Индии.

С этой целью она приобрела триста тысяч черных быков и раздала их мясо группе простых ремесленников и парням, которые должны были играть роль сапожников, и приказала им сшить шкуры и набить их соломой, чтобы имитировать форму слона, и в каждого из них она посадила человека, чтобы управлять ими, и верблюда, чтобы нести их, так что издалека всем, кто их видел, они казались настоящими животными.

Те, кто был задействован в этой работе, трудились над ней днем и ночью в месте, которое было обнесено стеной для этой цели, и у каждых ворот стояла стража, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, с тем чтобы никто не видел, что они делают, и чтобы об этом не разнеслась молва и не дошла до ушей индийцев.

Таким образом, за два года она подготовила корабли и слонов, а на третий год собрала все свои силы в Бактрии. Ее армия состояла (как говорит Ктесий) из трех миллионов пехотинцев, двухсот тысяч всадников, ста тысяч колесниц и ста тысяч всадников на верблюдах с мечами длиной в четыре локтя. Лодки, которые можно было разобрать на части, составляли две тысячи; их верблюды перевозили по суше, как и ложные слоны, о чем мы уже говорили ранее (). Солдаты приучали своих лошадей к этим искусственным зверям, часто приводя их к ним, чтобы те не испугались при виде их; Персей повторил этот прием много веков спустя, когда ему предстояло сражаться с римлянами, у которых в армии были слоны из Африки. Однако этот прием не принес ни ему, ни ей никакой пользы, как станет ясно из результатов, о которых будет рассказано чуть позже.

Когда индийский царь Стабробат услышал об этих великих армиях и могущественных приготовлениях против него, он сделал все, что мог, чтобы превзойти Семирамиду во всем. И сначала он построил из больших тростников четыре тысячи речных лодок: ведь в Индии эти тростники растут в изобилии около рек и болот, так густо, что человек едва может их проникнуть; и суда, сделанные из этих тростников (говорят), чрезвычайно полезны, потому что они никогда не гниют и не подвергаются воздействию червей.

Он также очень усердно занимался подготовкой оружия и путешествовал по всей Индии, и таким образом собрал гораздо более многочисленную армию, чем Семирамида. К прежнему количеству слонов он добавил еще, которых добыл на охоте, и снабдил их всем, что могло сделать их страшными в глазах врагов, так что их многочисленность и полнота вооружения во всех отношениях казались выше силы и мощи человека, чтобы противостоять сильному удару этих существ.

Сделав все эти приготовления, он послал послов к Семирамиде (которая в то время шла на него), чтобы пожаловаться и упрекнуть ее за то, что она начала войну без каких-либо провокаций или обид с его стороны; в своих личных письмах он упрекнул ее в распутном образе жизни и поклялся (призвав богов в свидетели), что, если он победит ее, то прибьет ее к кресту. Прочитав письма, она улыбнулась и сказала, что индиец вскоре сможет оценить ее доблесть по ее поступкам. Когда она подошла со своей армией к реке Инд, она обнаружила, что флот врага выстроился в боевой порядок; после чего она немедленно выстроила свой собственный флот, укомплектовала его самыми отважными солдатами и вступила в сражение, при этом распорядившись так, чтобы ее сухопутные войска были готовы на берегу для оказания помощи в случае необходимости. После долгого и ожесточенного сражения, в котором обе стороны проявили доблесть, Семирамида в конце концов одержала победу, потопила тысячу вражеских кораблей и взяла в плен большое количество солдат. Воодушевленная этим успехом, она захватила все города и острова, расположенные на реке, и увезла сто тысяч пленных. После этого индийский царь отвёл свою армию (как будто он бежал от страха), но на самом деле, чтобы заманить своих врагов перейти реку.

Семирамида, видя, что все идет по ее плану, построила (с огромными затратами) широкий мост из лодок через реку и переправила через него все свои войска, оставив только шестьдесят тысяч для охраны моста, а остальной частью армии преследовала индийцев. Она разместила ложных слонов впереди, чтобы вражеские разведчики могли сразу сообщить королю, какое множество слонов было в ее армии. И ее надежды не были обмануты, ибо когда шпионы сообщили индейцам, какое огромное количество этих животных надвигается на них, все они были потрясены и спрашивали друг друга, откуда у ассирийцев столько слонов: Но обман не мог долго оставаться в тайне, потому что некоторые из солдат Семирамиды, наказанные за небрежность при несении караульной службы (из страха перед дальнейшими наказаниями), сбежали и перешли к врагу, разоблачив их обман насчет слонов; после чего индийский царь сильно воодушевился и распорядился распространить весть об обмане по всей армии, а затем немедленно выступил со всеми своими силами против ассирийцев, а Семирамида, с другой стороны, поступила так же.

Когда они приблизились друг к другу, индийский царь Стабробат разместил свою конницу и колесницы в авангарде на значительном расстоянии перед основными силами своей армии. Королева разместила своих ложных слонов на таком же расстоянии от основной части своей армии () и смело приняла атаку врага; но индийские всадники были чрезвычайно напуганы, поскольку на расстоянии призраки казались настоящими слонами, а лошади индийцев (привыкшие к этим животным) смело и бесстрашно неслись вперед; но когда они подошли ближе и увидели животных, отличных от обычных, а запах и все остальное было для них почти странным и новым, они впали в великий ужас и смятение, набросились друг на друга, так что некоторые всадники упали с лошадей на землю, а другие (как это часто бывает) убежали прямо в середину врагов.

Тогда Семирамида, быстро воспользовавшись своим преимуществом, с отрядом отборных воинов напала на них, разгромила их и заставила отступить к основным силам. И хотя Стабробат был несколько удивлен этим неожиданным поражением, он все же вывел свою пехоту против врага, поставив слонов в авангард. Сам он находился на правом фланге, сидя на величественном слоне, и совершил яростную атаку на саму царицу, которая в тот момент находилась напротив него, на левом фланге.

И хотя ложные слоны в армии Семирамиды поступали так же, они выдержали сильный удар противника лишь недолго, ибо индийские животные, будучи чрезвычайно сильными и крепкими, легко сбили и уничтожили всех, кто противостоял им, так что произошла великая резня; некоторых они растоптали, других разорвали на куски зубами, а третьих подбросили

в воздух хоботами. Земля была покрыта горами трупов, и повсюду были видны только смерть и разрушение, так что все были полны ужаса и изумления, и никто не смел больше держать строй или ряды.

После этого вся ассирийская армия бежала, а индийский царь встретил Семирамиду и сначала ранил ее стрелой в руку, а затем (развернувшись) дротиком в плечо, после чего царица (ее раны не были смертельными) бежала и благодаря быстроте своего коня (который намного превосходил других, преследовавших ее) смогла уйти. Но все направились к мосту из лодок, и такое огромное множество людей скучилось в одном узком проходе, что солдаты королевь погибли, затоптанные друг другом, и (что было странно и необычно) лошади и пехотинцы лежали в беспорядке, переплетаясь друг с другом.

Когда они наконец добрались до моста, а индейцы были у них на пятках, паника была настолько велика, что многие с обеих сторон моста упали в реку. Но когда большая часть оставшихся перебралась на другой берег, Семирамида приказала перерезать веревки и штыри моста, после чего лодки (которые были ранее соединены между собой и на которых находилось большое количество индейцев, не участвовавших в преследовании) разделились на много частей и были унесены в разные стороны силой течения. множество индейцев утонуло, а Семирамида оказалась в безопасности, имея между собой и своими врагами такую преграду, как река. Тогда индийский царь, предупрежденный знаменами с неба и мнениями предсказателей, отказался от дальнейшей погони. А Семирамида, обменяв пленных в Бактрии, вернулась с едва ли третьей частью своей армии.

Чуть позже, когда Семирамида подверглась нападению евнуха по вероломному замыслу своего сына, она вспомнила прежний ответ, данный ей оракулом в храме Аммона, и поэтому простила его, не наказав того, кто был главным заговорщиком. но, отдав ему корону, приказала всем повиноваться ему как своему законному царю () и немедленно исчезла, как будто она была перенесена к богам, согласно словам оракула. Некоторые в своих баснях говорят, что она превратилась в голубя и улетела с стаей этих птиц, которые присели на ее дворец: И поэтому ассирийцы поклоняются голубю, веря, что Семирамида была возведена на престол среди богов. И таким был конец Семирамиды, царицы всей Азии, кроме Индии, после того как она прожила шестьдесят два года и правила сорок два. И это то, что о ней сообщает Ктесий Книдский в своей истории.

ДРУГОЙ ВЗГЛЯД НА СЕМИРАМИДУ

Афиней и некоторые другие писатели утверждают, что она была прекрасной проституткой, и по этой причине царь Ассирии влюбился в нее, сначала принял ее в свою милость, а в конце концов она стала его законной женой и убедила мужа предоставить ей единоличную и абсолютную власть над царским правительством на пять дней. Взяв в свои руки скипетр и королевский мантию, в первый день она устроила роскошный банкет и великолепные развлечения, на которые пригласила генералов армии и всю знать, чтобы они были внимательны ко всем ее приказам.

На следующий день, имея в своем распоряжении и великих, и малых, она заключила своего мужа в тюрьму. А поскольку она была смелой и дерзкой натурой, способной и готовой взяться за любые великие дела, она легко завоевала королевство, которым правила до самой старости, и прославилась своими многочисленными великими и чудесными деяниями. И это то, что историки по-разному рассказывают о ней.^c

Второй рассказ о Семирамиде, который Диодор резюмирует в заключительном абзаце выше из «Афиней и некоторых других писателей», по-видимому, был широко принят в

классическую эпоху. Та же история рассказывается Элианом, и ее стоит процитировать, хотя бы ради причудливости стиля перевода Флеминга XVI века.

«О Семирамиде одни говорят то, другие — другое, и среди всего прочего (как заслуживающее вечной памяти) записано, что она была самой красивой, самой милой дамой и королевой во всем мире, хотя она мало заботилась о своей прекрасной фигуре, своей превосходной привлекательности, своей ангельской грации и не уделяла внимания украшению и наряджанию своего тела роскошными одеждами и королевскими мантиями. Случилось так, что эта Семирамида, благодаря слухам и славе о ее непревзойденной красоте, была приглашена в Ассирию, чтобы царь этой страны мог насладиться видом ее беспримерного величия, в присутствии которого она явилась в соответствии с содержанием послания.

«Царь Ассирии, едва бросив на нее свой похотливый взгляд, сразу же воспламенился к ней страстью. После того, как определенные обстоятельства прошли, она потребовала от царя богатое вознаграждение, а именно: царскую мантию, управление Азией в течение пяти дней подряд и абсолютную власть во всех делах, совершаемых в царстве. Царь удовлетворил просьбу царицы, не высказав никакого возражения. В заключение, когда она заняла трон величия и получила все (без исключения) в свои амбициозные руки, она приказала убить короля, лишив его власти, и сразу же стала владеть скипетром и императорской короной над всей Ассирией.^d

ПРАВЛЕНИЕ НИНИЯСА ДО САРДАНАПАЛА

Чтобы завершить наше рассмотрение классических традиций, касающихся Ассирии, мы должны выслушать то, что Диодор рассказывает нам о преемниках Семирамиды. Сравнение его рассказа со списками ассирийских монархов, известными нам сегодня, покажет, насколько сильно была упрощена перспектива ассирийской истории в классическом представлении и насколько расплывчатыми казались очертания исторической картины. Не были запомнены даже имена величайших восточных монархов, хотя воспоминания об их деяниях не были полностью забыты. В последующих главах мы увидим, как имена и точные записи о деяниях были восстановлены в истории. Можно добавить, однако, что до сих пор не было найдено ни одного достоверного рассказа о разрушении Ниневии. Несмотря на все известные факты, живописная история Сарданапала, рассказанная Диодором, может быть правдивой в основном, хотя маловероятно, что имя последнего правителя Ниневии указано верно. Тем не менее, не следует забывать о довольно театральном характере греческого представления о восточных обычаях.

Следует добавить, что современные историки не совсем согласны относительно точного периода ассирийской истории, к которому относятся истории о Сарданапале. Леннормант был склонен полагать, что греческая традиция основывалась на воспоминаниях о относительно раннем разрушении Ниневии. Известно, что Ассирийская империя пережила частичное затмение после своего первого периода величия, и вполне возможно, что какой-то неизвестный царь примерно X века до н. э. был прототипом Сарданапала. Однако большинство современных историков склонны думать, что греческая история действительно относится к окончательному разрушению Ниневии () и что Ашшурбанапал был историческим монархом, чьи смутно запомнившиеся деяния легли в основу основных черт этой истории. Тот факт, что Ашшурбанапал был таким великим ценителем литературы и искусства, придает определенный оттенок этому предположению. Разумеется, Ашшурбанапал не был последним правителем Ниневии, и греческий миф, если он основан

на его жизни, ошибочно связывает его с окончательной катастрофой.а Вот как рассказывает эту историю Диодор:

Ниньяс, сын Нинуса и Семирамиды, вступил на престол и правил мирно, ничем не походив на свою мать в плане доблести и военного дела. Он проводил все свое время, запершись в дворце, так что его никто не видел, кроме наложниц и евнухов; полностью предавшись удовольствиям, он отбросил все заботы и все, что могло быть утомительным и хлопотным, поместив все счастье царя в грязном потворстве всякого рода сладострастию. Но чтобы править более уверенно и внушать страх всем своим подданным, он каждый год набирал из каждой провинции определенное количество солдат под командованием нескольких генералов и, приведя их в город, назначал над каждой страной такого губернатора, которому он мог доверять больше всего и который был наиболее предан ему. В конце года он набирал столько же солдат из провинций и отправлял прежних домой, сначала взяв с них клятву верности. Он поступал так, чтобы его подданные, видя, что у него всегда готовая большая армия в поле, из тех, кто был склонен к непокорности или мятежу (из страха наказания), продолжали твердо соблюдать должное повиновение. Еще одной причиной ежегодной смены было то, что офицеры и солдаты могли время от времени распускаться, прежде чем они успевали хорошо познакомиться друг с другом (). Длительное пребывание на военной службе настолько улучшает навыки и укрепляет мужество и решимость командиров, что они часто замышляют заговор против своих князей и полностью отказываются от верности.

Его уединенная и скрытая жизнь была прикрытием для его развратного образа жизни, и в то же время (как будто он был богом) никто не смел ни малейшим образом высказаться против него. И таким образом (создавая полководцев своей армии, назначая губернаторов в провинциях, назначая камергеров и чиновников своего двора, назначая судей в своих странах и распоряжаясь всеми другими делами так, как он считал наиболее выгодным для себя), он проводил свои дни в Ниневии.

Почти так же жили все остальные цари в течение тридцати поколений, в непрерывной линии преемственности от отца к сыну, вплоть до самого правления Сарданапала; во времена которого империя ассирийцев перешла к мидянам, просуществовав более 1360 лет, как говорит Ктесий Книдский в своей второй книге. Но нет нужды перечислять их имена или сколько времени каждый из них правил, поскольку ни один из них не сделал ничего достойного упоминания, за исключением того, что, возможно, стоит упомянуть, как ассирийцы помогли троянцам, отправив им войска под командованием Мемнона, сына Титона.

Ибо когда в Азии правил Теутамус, двадцатый по счету от Ниньяса, сына Семирамиды, греки под предводительством своего полководца Агамемнона, как говорят, воевали с троянцами, и в то время ассирийцы были господами Азии уже более тысячи лет. Ибо Приам, царь Трои (будучи князем под властью Ассирийской империи, когда на него была объявлена война), послал послов просить помощи у Теутама, который прислал ему десять тысяч эфиопов и столько же из провинции Сузиана, а также двести колесниц под командованием Мемнона, сына Титона. В то время Тифон был правителем Персии и пользовался особым расположением царя среди всех других князей. Мемнон был в расцвете сил, силен и храбр, и построил дворец в цитадели Сузы, которая сохранила название Мемнония до времени Персидской империи. Он также проложил там общественную дорогу, которая до сих пор называется Дорогой Мемнона. Но эфиопы из Египта оспаривают это и говорят, что Мемнон был их соотечественником, и показывают несколько древних дворцов, которые (по их словам) до сих пор носят его имя и называются Дворцами Мемнона.

Несмотря на то, как обстоят дела в этом вопросе, все же общепринятой и неизменной истиной считается, что Мемнон привел в Трою двадцать тысяч пехотинцев и двести колесниц и прославил свою доблесть великой честью и славой, убив и уничтожив многих греков, пока в конце концов не был убит в засаде, устроенной для него фессалийцами. Но эфиопы вернули его тело, сожгли его и привезли его кости в Тифон. И все это, по словам варваров, записано о Мемноне в историях их царей.

Сарданапал, тридцатый от Нина и последний царь ассирийцев, превзошел всех своих предшественников в лени и роскоши; помимо того, что его никто из его семьи не видел, он вел крайне изнеженную жизнь: погрузившись в удовольствия и развратные забавы, он одевался в женские одежды и прят тонкую шерсть и пурпур среди толп своих наложниц. Он также раскрашивал свое лицо и украшал все тело другими приманками и дошел до такой степени сладострастия и грязной нечистоты, что сочинил стихи для своего надгробного памятника с приказом своим преемникам высечь их на его могиле после его смерти (), которые были переведены греком с варварского языка (эпитафия, более подходящая для быка, чем для человека, говорит Аристотель):

То, чем я когда-то насыщался, теперь я наслаждаюсь,

И развратные страсти все еще владеют мной.

Все остальное, что ценят смертные,

Я презираю, как грязь.

Будучи таким развращенным в своих нравах, он не только сам пришел к жалкому концу, но и полностью разрушил Ассирийскую монархию, которая просуществовала дольше всех, о которых мы читаем.

Ибо Арбакс, мидянин, храбрый и благоразумный человек, генерал войск, которые каждый год отправлялись из Мидии в Ниневию, был подстрекаем правителем Вавилона (своим соратником, с которым он был в близких отношениях) к свержению Ассирийской империи. Этот полководец звали Белесис, он был самым известным вавилонским жрецом, одним из тех, кого называли халдеями, экспертом в астрологии и гадании; он пользовался большой репутацией благодаря предсказаниям будущих событий, которые сбывались. Среди прочего, он сказал своему другу, мидийскому полководцу, что тот должен свергнуть Сарданапала и стать властелином всех его владений. Арбак, прислушавшись к его словам, пообещал ему, что, если его замысел увенчается успехом, Белесис станет главным правителем провинции Вавилон. Будучи полностью убежденным в правдивости предсказания, как будто он получил его от оракула, он вступил в союз с правителями остальных провинций и, устраивая для них пиры и лаская их, завоевал их сердца и привязанность. Он также поставил перед собой важную задачу увидеть царя, чтобы наблюдать за его образом жизни и поведением; с этой целью он подарил золотой кубок евнуху, который ввел его в присутствие царя, и он полностью понял его развратный и изнеженный образ жизни. Увидев его, он презрел и возненавидел его как гнусного и никчемного негодяя и после этого еще более усердно приступил к выполнению того, что халдеец ранее объявил ему. В конце концов он сговорился с Белесисом настолько, что сам убедил мидийцев и персов перейти на его сторону, а тот привлек вавилонян в союз. Он также поделился своим замыслом с царем Аравии, который в то время был его особым другом.

И вот, когда срок службы армии подошел к концу, на смену ей пришли новые войска, а прежние были разосланы по разным странам. Тогда Арбакс убедил мидийцев вторгнуться в Ассирийскую империю и привлек персов, обещав им свободу, чтобы они присоединились к конфедерации. Белесис таким же образом убедил вавилонян отстаивать свою свободу. Он

также послал послов в Аравию и убедил того принца (который был его другом и бывшим гостем) присоединиться к конфедерации.

Когда же истек годовой срок, все они с большим количеством войск собрались в Ниневии, якобы для того, чтобы по обычаю отслужить свою очередь, но на самом деле для того, чтобы свергнуть Ассирийскую империю. Общее число солдат, собравшихся из этих четырех провинций, достигало четырехсот тысяч человек. Все они (находясь теперь в одном лагере) созвали военный совет, чтобы обсудить, что делать дальше.

Сарданапал, узнав о восстании, вывел против них войска из остальных провинций; в результате сражения мятежники были полностью разгромлены и с большими потерями оттеснены в горы в семидесяти стадиях от Ниневии.

Второй раз собравшись в Батталии, чтобы испытать свою удачу на поле боя, и теперь, столкнувшись с врагом, Сарданапал велел глашатаям объявить, что тот, кто убьет Арбака Медянина, получит в награду двести талантов золота, а тот, кто захватит его живым (вместе с правительством Мидии), получит вдвое больше. Такую же сумму он обещал тому, кто убьет Белесиса или захватит его живым. Но, не поддавшись на эти обещания, он снова сразился с ними, уничтожил многих из мятежников и заставил остальных бежать в свой лагерь на холмах.

Арбак, удрученный этими неудачами, созвал военный совет, чтобы обсудить, что делать дальше. Большинство было за то, чтобы вернуться в свои страны и овладеть самыми крепкими местами, чтобы подготовиться и снабдиться всем необходимым для дальнейшей войны. Но когда вавилонянин Белесис заверил их, что боги обещали, что после многих трудов и усилий они добьются успеха, и все закончится хорошо, и привел несколько других аргументов (которые он считал лучшими), он убедил их решиться пройти через все опасности войны.

Поэтому была сражена еще одна битва, в которой царь одержал третью победу и преследовал мятежников до гор Вавилона. В этой битве сам Арбакс был ранен, хотя он сражался отважно и убил многих ассирийцев собственноручно.

После стольких поражений и несчастий, следовавших одно за другим, заговорщики полностью отчаялись в победе, и поэтому все командиры решили вернуться в свои страны. Но Белесис, который всю ночь пролежал под открытым небом, наблюдая за звездами, предсказал им на следующий день, что, если они продержатся вместе еще пять дней, то им придет неожиданная помощь, и они увидят огромные перемены, и дела примут противоположный оборот по сравнению с тем, как они обстоят сейчас; он утверждал, что благодаря своим знаниям в астрологии он понял, что боги предвещают это по звездам; поэтому он умолял их остаться на столько дней, испытать его искусство и подождать столько времени, чтобы убедиться в доброте богов.

Все вернулись и ждали назначенного времени, но вдруг пришла весть, что к королю из Бактрии приближаются мощные войска. Тогда Арбакс решил с самыми отважными и быстрыми солдатами армии немедленно выступить против приближавшихся военачальников и либо убедить их перейти на свою сторону ласковыми словами, либо силой заставить их присоединиться к их замыслу. Но свобода была сладка для каждого из них, и сначала капитаны и командиры были легко убеждены, а вскоре после этого вся армия присоединилась к ним, и все вместе составили один цельный лагерь. В то время царь Ассирии, не зная ничего о восстании бактрийцев и возгордившись своими прежними успехами, предавался лени и праздности и готовил животных для жертвоприношения, много вина и другие вещи, необходимые для пира и развлечения своих солдат.

Пока вся его армия пировала и веселилась, Арбак (получив от некоторых дезертиров информацию о безопасности и невоздержанности врага) внезапно напал на них ночью; будучи в полном порядке и дисциплине, он напал на тех, кто был в замешательстве, поскольку он был заранее подготовлен, а другие были совершенно не готовы, и они легко ворвались в их лагерь, устроили большую резню некоторых и заставили остальных бежать в город.

РАЗРУШЕНИЕ НИНЕВИИ

После этого Сарданапал поручил командование всей армией своему шуруну Салемену, а сам взял на себя оборону города. Но мятежники дважды разгромили войска царя, один раз на открытом поле, а второй раз перед стенами города; в последнем сражении Салемен был убит, и почти вся его армия была потеряна, некоторые были убиты в погоне, а остальные (за исключением очень немногих) были перехвачены и не смогли войти в город, и были сброшены в реку Евфрат; и число убитых было так велико, что река окрасилась кровью и сохраняла этот цвет на большом расстоянии и на протяжении всего своего течения.

После того как король был осажден, многие народы (из желания свободы) перешли на сторону союзников; так что Сарданапал, видя, что королевство, по всей вероятности, будет потеряно, отправил своих трех сыновей и двух дочерей с большим количеством сокровищ в Пафлагонию к Котте, губернатору этой провинции, своему самому верному другу; и послал послов во все провинции королевства, чтобы набрать солдат и сделать все другие приготовления, необходимые для осады. Его еще больше воодушевляло то, что он знал древнее пророчество, согласно которому Ниневия никогда не могла быть взята силой, пока река не станет врагом города; это еще больше воодушевляло его держаться, потому что он полагал, что это никогда не произойдет; поэтому он решил выдержать осаду, пока не придет помощь, которую он ожидал из провинций.

Враг, с другой стороны, ободренный своими успехами, с энтузиазмом продолжал осаду, но не мог произвести большого впечатления на осажденных из-за прочности стен, поскольку в те времена еще не были известны баллисты для метания камней, тестуды для возведения насыпей и тараны. Кроме того (по правде говоря), король очень заботился (в том, что касалось обороны города) о том, чтобы жители были обеспечены всем необходимым. Осада продолжалась два года, в течение которых ничего не было сделано, кроме того, что иногда шли атаки на стены, а осажденные были заперты в городе. На третий год случилось так, что Евфрат, разливавшийся из-за непрекращающихся дождей, затопил часть города и разрушил стену длиной в двадцать стадий.

Царь, полагая, что оракул исполнился, поскольку река была явным врагом города, впал в полное отчаяние и, чтобы не попасть в руки врагов, велел соорудить в дворе своего дворца огромную кучу дров, нагромоздить на ней все свое золото, серебро и королевскую одежду, а своих евнухов и наложниц запер в комнате внутри костра, поджег его и сгорел вместе с ними. Когда мятежники узнали об этом, они проникли в город через пролом в стенах () и захватили его. одели Арбака в королевскую мантию, передали ему единоличную власть и провозгласили его царем.

Когда он вознаграждал своих последователей, каждого в соответствии с его заслугами, и назначил правителей над несколькими провинциями, вавилонянин Белесис, предсказавший его восхождение на трон, напомнил ему о своих услугах и потребовал правительство Вавилона, которое он ему ранее обещал. Он также рассказал ему о клятве, которую он сам дал Белу в разгаре войны, что когда Сарданапал будет побежден, а дворец сожжен, он

отвезет пепел в Вавилон и воздвигнет там гору рядом со своим храмом, которая станет вечным памятником всем , которые плыли по Евфрату, в память о том, кто сверг Ассирийскую империю.

Но на самом деле его побудило сделать эту просьбу то, что он был проинформирован о золоте и серебре евнухом (дезертиром), которого он спрятал и укрыл. Арбакс, не зная об этом замысле (поскольку все остальные, кроме этого евнуха, были уничтожены вместе с царем), даровал ему свободу как увезти прах, так и абсолютно управлять Вавилоном, не платя никакой дани. После чего Белесис немедленно подготовил корабли и вместе с прахом увез в Вавилон большую часть золота и серебра. Но когда царь ясно понял обмане, он поручил расследование и решение по делу об этой краже другим военачальникам, которые были его помощниками в свержении Сарданапала. Белесис на суде признал свою вину, и тогда его приговорили к смертной казни.

Но царь, будучи человеком благородным и великодушным и желая украсить начало своего правления знаками своей милости и милосердия, не только помиловал его, но и свободно отдал ему все увезенное золото и серебро; он также не лишил его правительства Вавилона, которое сначала возложил на него, сказав, что его прежние добрые услуги перевешивают последующие проступки. Когда об этой милостивой решимости царя разнеслась весть, он не только завоевал сердца своего народа, но и был высоко почитаем, а его имя прославилось во всех провинциях, и все считали его достойным царства, поскольку он был так сострадателен и милостив к преступникам.

Такую же милость он проявил к жителям Ниневии: хотя он рассеял их по нескольким деревням, но вернул каждому из них их имения, а город сравнял с землей.

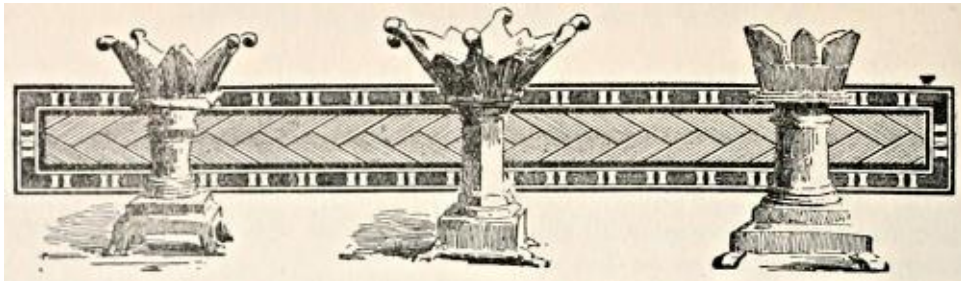
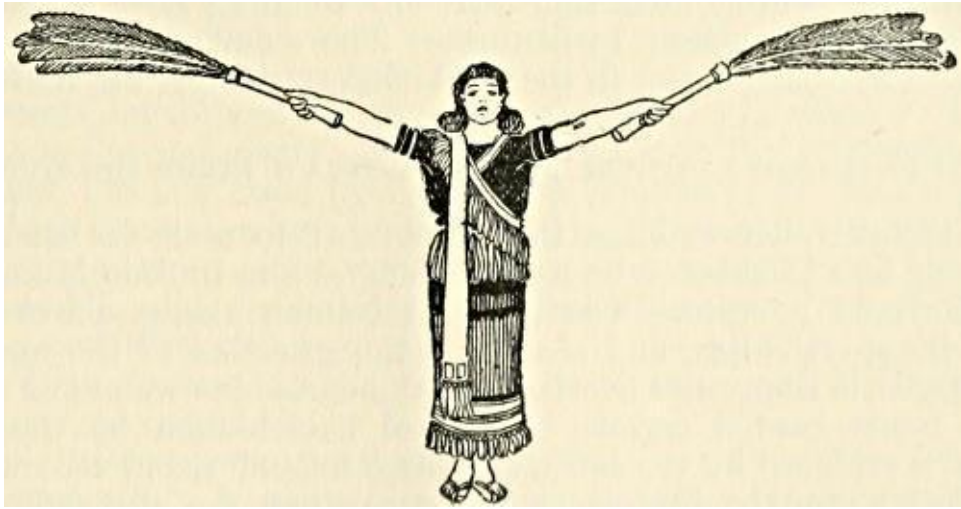
Остатки серебра и золота, которые можно было найти в грудe (а их было много талантов), он перевез в Эхатану, королевскую резиденцию Мидии.

И таким образом Ассирийская империя была свергнута мидянами после того, как просуществовала тридцать поколений: от Нина более четырнадцати сотен лет.^c

СНОСКИ

^[37] [Вавилон — это греческая форма ассирийского Bab-ilu, «Врата Бога». Несколько похожее еврейское слово, означающее «смятение», — Bilbool (от balbel). Отсюда и пошла легенда.]

^[38] [Интересно отметить, что имя последнего коренного царя Вавилонии правильно указано Иосифом Флавием, который, по-видимому, следует здесь греческим писателям, а не каноническим записям своего собственного народа. Последние, как можно вспомнить, заменяют имя Валтасара, которое не носило ни одно из имен исторических вавилонских царей.]

ПРИЛОЖЕНИЕ В. РАСКОПКИ В МЕСОПОТАМИИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Найденные освященные металлические предметы

И слоновой кости таблички, под землей,

Крылатые серафимы и венчаные существа

Когда воздух и дневной свет наполнили курган,

Сразу же превратились в прах.

И, как и они, образы

Внушавшие благоговение и поклонение — даже эти —

Так, пораженная усилением солнца,

Ее слава померкла и исчезла

Из незапамятной Ниневии. — Россетти.

Желание, высказанное Гердером в начале XIX века, чтобы были проведены исследования в районе погребенных городов Вавилонии и Ассирии, было суждено осуществиться в ближайшем будущем. Были обнаружены точные места нахождения различных городов, давно полностью забытых; были проведены раскопки, и на свет были вынесены

погребенные записи, превосходящие по интересу и важности самые смелые мечты. Были обнаружены не только руины городских стен и разрушенных дворцов, но и прекрасно сохранившиеся скульптуры и украшения удивительного художественного совершенства; и, что еще более важно, объемные письменные источники, исторические и литературные, нанесенные на плиты и цилиндры из кирпича — книги того времени — странными клинообразными знаками неизвестного значения, которые современные ученые вскоре сумели расшифровать. Прежде чем перейти к историческим записям, которые они принесли на свет, лучше объяснить, как были достигнуты эти чудесные результаты. Это захватывающая история, которая не имеет точного аналога в истории. История того, как была начата эта работа, рассказывается пионером в области ассириологии сэром А. Х. Лейардом:

РУИНЫ НИНЕВИИ И ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ М. БОТТА

Если бы путешественник пересек Евфрат в поисках таких же руин в Месопотамии и Халдее, какие он оставил позади в Малой Азии или Сирии, его поиски были бы тщетными. Изящные колонны, возвышающиеся над густой листвой мирта, падуба и олеандра; ряды амфитеатра, покрывающие пологий склон и выходящие на темно-синие воды залива, похожего на озеро; богато резной карниз или капитель, наполовину скрытые пышной растительностью, заменяются суровым, бесформенным холмом, возвышающимся над выжженной равниной, осколками керамики и огромными массивами кирпичной кладки, которые иногда обнажаются под зимними дождями. Он покинул землю, где природа по-прежнему прекрасна, где в своем воображении он может воссоздать храм или театр, наполовину сомневаясь, произвели ли бы они более благодарное впечатление на чувства, чем руины, которые он видит перед собой. Теперь он не знает, как придать форму грубым нагромождениям, на которые он смотрит. Те, чьими произведениями являются эти руины, в отличие от римлян и греков, не оставили видимых следов своей цивилизации или искусства: их влияние давно ушло в прошлое. Чем больше он размышляет, тем более неопределенными кажутся результаты. Окружающая обстановка достойна руин, которые он созерцает; опустошение встречает опустошение: чувство благоговения сменяется удивлением, потому что нет ничего, что могло бы облегчить ум, привести к надежде или рассказать о том, что прошло. Эти огромные курганы Ассирии произвели на меня более глубокое впечатление, вызвали более серьезные мысли и более искренние размышления, чем храмы Баальбека и театры Ионии.

В середине апреля я покинул Мосул и отправился в Багдад. Спускаясь по Тигру на плоту, я снова увидел руины Нимруда и получил лучшую возможность их осмотреть. Когда мы приблизились к этому месту, был вечер. Весенние дожди покрыли курган густой зеленью, а плодородные луга, простиравшиеся вокруг него, были усыпаны цветами всех оттенков. Среди этой пышной растительности были частично скрыты несколько обломков кирпичей, глиняной посуды и алебаstra, на которых можно было разглядеть четкие клиновидные знаки клинописных символов. Если бы эти остатки не указывали на природу руин, их можно было бы спутать с естественным возвышением. Длинная цепочка узких холмов, все еще сохраняющих вид стен или валов, тянулась от его основания и образовывала огромный четырехугольник. Река текла на некотором расстоянии от них: ее воды, разбухшие от таяния снегов на армянских холмах, разбивались на тысячи пенящихся водоворотов искусственной преградой, построенной поперек потока. На восточном берегу почва была смыта течением, но прочная каменная кладка все еще противостояла его стремительности. Араб, который вел мой маленький плот, предавался религиозным восклицаниям, когда мы приближались к этому грозному водопаду, над которым нас пронесло с некоторой силой.

Когда мы благополучно миновали опасность, он объяснил мне, что это необычное изменение в спокойном облике реки было вызвано большой плотиной, построенной Нимродом, и что осенью, перед зимними дождями, огромные камни, из которых она была построена, , квадратные и соединенные железными скобами, часто были видны над поверхностью потока.^[39] На самом деле это был один из тех памятников великого народа, которые можно найти на всех реках Месопотамии и которые были построены для обеспечения постоянного водоснабжения бесчисленных каналов, распростертых сетью по всей окружающей местности и которые даже во времена Александра считались произведениями древней нации. Неудивительно, что традиции нынешних жителей этой земли приписывают их одному из основателей человеческого рода! Араб объяснил мне связь между плотиной и городом, построенным Атуром, лейтенантом Нимрода, обширные руины которого тогда предстали перед нами, и его назначение в качестве дамбы, по которой могучий охотник переходил в противоположный дворец, теперь представленный курганом Хаммум Али. Он рассказывал мне об истории и судьбе царей первобытной расы, которая до сих пор остается любимой темой жителей равнин Шинара, когда последние лучи заката исчезли, и я заснул, пока мы скользили по пути в Багдад.

Мое любопытство было сильно возбуждено, и с того момента я решил тщательно исследовать эти необычные руины, когда только у меня будет такая возможность.

Только летом 1842 года я снова проезжал через Мосул по пути в Константинополь. Тогда я спешил добраться до турецкой столицы и, путешествуя по-татарски, не имел времени исследовать руины. Однако я не забыл о Нимруде. Я часто говорил с другими о раскопках в этом и другом кургане, к которому также был привязан особый интерес, и в одно время имел основания надеяться, что некоторые люди в Англии могут быть склонены помочь в этом предприятии. Я даже предложил исследовать руины г-ну Косте, архитектору, который был послан французским правительством вместе с посольством в Персию, чтобы нарисовать и описать памятники этой страны.

По прибытии в Мосул я узнал, что с момента моего первого визита г-н Ботта был назначен французским консулом в этом городе и уже приступил к раскопкам на противоположном берегу реки, в большом кургане под названием Куюнджик. Эти раскопки велись в очень небольших масштабах, и на момент моего проезда были обнаружены только фрагменты кирпича и алебаstra, на которых были выгравированы несколько букв клинописью.

Раскопки в Куянджике

(Лэйард)

Во время неожиданной задержки в Константинополе я вступил в переписку с одним джентльменом из Англии по поводу раскопок, но, за исключением этого случая, никто, казалось, не был склонен помогать или проявлять интерес к такому предприятию. Я также написал М. Ботта, поощряя его продолжать работу, несмотря на явную скудность результатов, и особо обратив его внимание на курган Нимруд, который он, однако, отказался исследовать из-за его удаленности от Мосула и неудобного расположения. Вскоре меня вызвали из турецкой столицы в провинцию, и в течение нескольких месяцев многочисленные дела не позволяли мне обратить свое внимание на руины и древности Ассирии.

Тем временем М. Ботта, не унывая из-за неудачи своей первой попытки, продолжил раскопки на кургане Куянджик: именно ему принадлежит честь открытия первого ассирийского памятника. Это замечательное открытие произошло благодаря следующим обстоятельствам. Небольшая группа, нанятая М. Ботта, работала в Куянджике, когда крестьянин из отдаленной деревни случайно посетил это место. Увидев, что каждый обломок кирпича и алебаstra, обнаруженный рабочими, тщательно сохраняется, он спросил о причине этого, как ему казалось, странного поступка. Узнав, что они ищут резные камни, он посоветовал им попробовать поискать на кургане, на котором была построена его деревня, и в котором, по его словам, много таких вещей, как те, что они ищут, было обнаружено при рытье фундамента для новых домов. М. Ботта, который часто бывал обманут подобными историями, сначала не был склонен следовать совету крестьянина, но впоследствии послал туда агента и одного-двух рабочих.

После небольшого сопротивления со стороны жителей им разрешили прокопать колодец в кургане, и на небольшом расстоянии от поверхности они наткнулись на верхнюю часть стены, которая, как выяснилось при более глубоком раскопе, была построена из резных гипсовых плит. М. Ботта, получив информацию об этом открытии, сразу же отправился в деревню, которая называлась Хорсабад. Он распорядился прокопать более широкую траншею и продвигаться в направлении стены. Вскоре он обнаружил, что открыл камеру,

соединенную с другими и построенную из гипсовых плит, покрытых скульптурными изображениями сражений, осад и подобных событий. Можно легко представить его удивление.

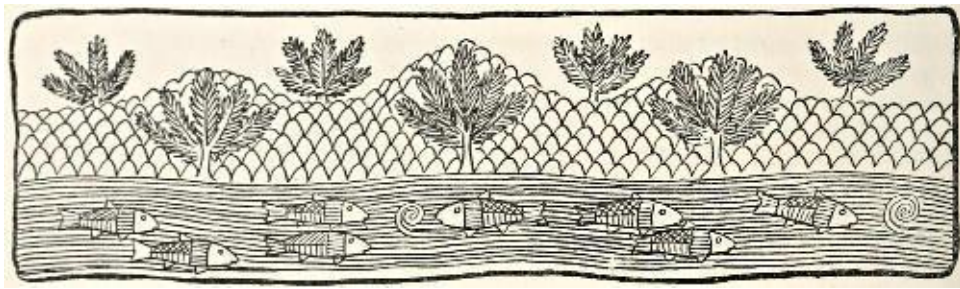
Перед ним внезапно открылась новая история — записи неизвестного народа. Он был в равной степени не в состоянии объяснить возраст и природу памятника. Искусство, проявленное в скульптурах, одежда фигур, мифические формы на стенах — все это было для него новым и не давало никаких подсказок о времени возведения здания и о народе, который его построил. Многочисленные надписи, сопровождавшие барельефы, очевидно содержали объяснение событий, запечатленных в скульптуре. Они были написаны клинописью, или стреловидным шрифтом. Характер этих надписей, по крайней мере, свидетельствовал о том, что здание принадлежало периоду, предшествовавшему завоеванию Александра, поскольку было общепризнанным, что после покорения западной Азии македонцами клинопись перестала использоваться. Но тогда о этом письме было известно слишком мало, чтобы М. Ботта мог сделать какие-либо выводы из особого расположения клиньев, которое отличает разновидности, используемые в разных странах. Тем не менее было очевидно, что памятник принадлежал очень древнему и очень цивилизованному народу; и, судя по его расположению, было естественно отнести его к жителям Ниневии — города, который, хотя и не мог занимать место так далеко от Тигра, должен был находиться вблизи этого места. М. Ботта обнаружил ассирийское здание, вероятно, первое, которое было открыто для обозрения людей со времени падения Ассирийской империи.

М. Ботта быстро понял, что здание, которое было частично раскопано, к сожалению, было разрушено огнем, и что гипсовые плиты, превратившиеся в известь, быстро разрушались под воздействием воздуха. Никакие меры предосторожности не могли остановить это быстрое разрушение, и было страшно, что этот замечательный памятник был раскопан только для того, чтобы окончательно разрушиться. Записи о победах и триумфах, которые долгое время свидетельствовали о могуществе и усиливали гордость ассирийских царей, и которые противостояли разрушительному воздействию веков, теперь исчезали навсегда. Их едва удавалось удержать вместе, пока неопытный карандаш не запечатлел несовершенное свидетельство их прежнего существования.

Почти все, что было обнаружено вначале, быстро исчезло, и та же участь постигла почти все, что было найдено в Хорсабаде впоследствии. Почти жаль, что столь ценный памятник великой нации был таким образом подвергнут разрушению, когда никакие меры предосторожности не могли сохранить его целиком или большую его часть; но что касается цели памятника, то замысел его создателей будет в полной мере осуществлен, а свидетельства их могущества будут более широко распространены и более эффективно сохранены современным искусством, чем это могло бы представить себе самое возвышенное амбициозное воображение.

М. Ботта немедленно сообщил о своем замечательном открытии главной научной организации Франции. Зная мой интерес к его работам по « », он разрешил мне ознакомиться с его письмами и чертежами, когда они проходили через Константинополь, и я был одним из первых, кто узнал о его успехе. И здесь я с удовольствием пользуюсь возможностью упомянуть, с признанием и похвалой, которых они заслуживают, его бескорыстность и щедрость, столь почетные для человека, занимающегося поиском знаний. На протяжении всего периода раскопок г-н Ботта регулярно присылал мне не только свои описания, но и копии надписей, не требуя никаких обещаний относительно того, как я их использую. Те, кто занимался поиском древностей на Востоке, не будут отрицать, что немногие поступили бы так великодушно.

Сообщения М. Ботта были представлены «Академии» г-ном Модем, и этот орган, сразу же осознав важность открытия, немедленно обратился к министру народного образования с просьбой выделить средства для продолжения исследований. Рекомендация была выполнена с той готовностью и щедростью, которые почти всегда отличали французское правительство в делах такого рода. М. Ботта сразу же были выделены достаточные средства для проведения обширных раскопок, а под его руководство был поставлен признанный художник, чтобы зарисовывать те части памятника, которые не могли быть сохранены или перенесены.

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РЫБ, ХОЛМОВ И ДЕРЕВЬЕВ

За исключением нескольких перерывов со стороны местных властей, которые с подозрением относились к целям раскопок, работа велась активно и успешно, и к началу 1845 года памятник был полностью раскопан. Исследования М. Ботта не выходили за пределы Хорсабада; и, обеспечив своей стране множество прекрасных образцов ассирийской скульптуры, он вернулся в Европу с богатой коллекцией надписей, которые стали самым важным результатом его открытия.^b

ОТКРЫТИЯ ЛЕЙАРДА В НИНЕВЕ

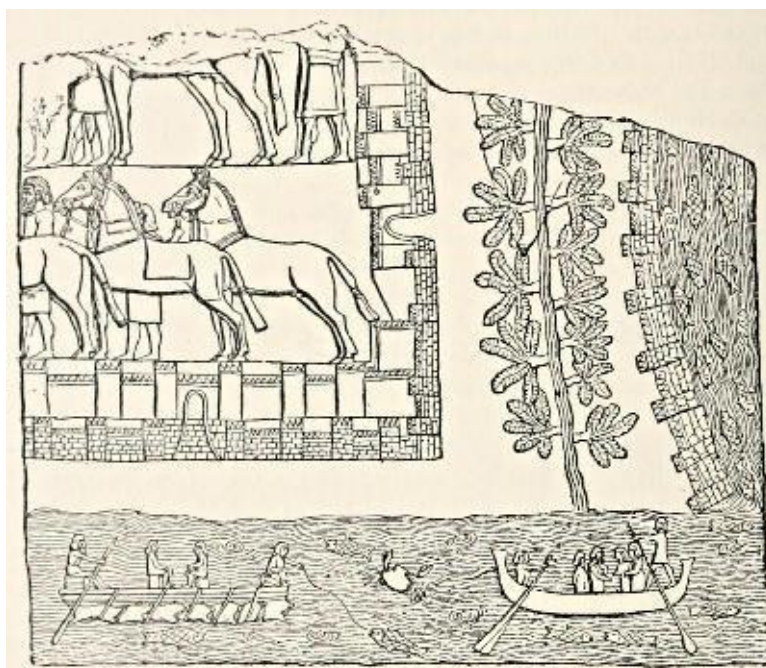
Действительно, очень жаль, что нет места, чтобы продолжить рассказ самого Лейарда о своих открытиях. Однако профессор Хоммель подытожил его чрезвычайно удовлетворительным образом, и его рассказ приводится здесь.

Несмотря на блестящие достижения Ботты, они были полностью затменены тем, что английский государственный деятель сэр (тогда еще мистер) А. Х. Лейард, единственный первооткрыватель Ниневии, достиг в области исследования и познания древности Ассирии благодаря раскопкам, главным образом в Куюнджике и Нимруде, но также и в Неби-Юнусе, Калах-Шергате и других курганах в окрестностях Ниневии; эти раскопки проводились при содействии Хормузда Рассама, который впоследствии продолжил их. Мы помним, как еще в 1840 году Лейард горячо желал провести некоторые раскопки. Он без зависти приветствовал удачную находку Ботты и был первым, кто в нескольких письмах в газете «*Мальта Таймс*», которые впоследствии были перепечатаны во многих европейских газетах, привлек внимание общественности к недавно обнаруженному ассирийскому королевскому дворцу, который Ботта сначала отнес к сасанидскому периоду. Затем, осенью 1845 года, долгожданные средства были наконец получены благодаря щедрости английского посла в Константинополе сэра Стратфорда Каннинга (впоследствии лорда Стратфорда де Редклифа), которому Британский музей уже был обязан приобретением дорогостоящих мраморов Галикарнаса. Таким образом, к концу 1845 года Лейард смог приступить к раскопкам. Он приступил к работе над руинами Нимруда, расположенными в пяти часах езды к югу от Мосула, которые привлекли его внимание еще в то время, когда Ботта находился в Мосуле. Он работал в самых тяжелых условиях, гораздо более тяжелых, чем те, с которыми пришлось столкнуться Ботте — чтобы понять, насколько это утверждение не является преувеличением, следует внимательно прочитать собственный отчет Лейарда — поскольку вначале работы приходилось вести в строжайшей тайне, чтобы как можно меньше вызывать подозрения турецких властей и населения.

Не прошло много времени, как усилия Лейарда увенчались успехом. К концу ноября было обнажено несколько барельефов, исполнение которых, по-видимому, превосходило даже скульптуры Хорсабада и которые сопровождались клинописными надписями. Несмотря на многочисленные перерывы, работа велась интенсивно, и были сделаны многочисленные открытия (). Особый интерес представляла гигантская голова одного из колоссальных

крылатых львов с человеческими головами, которых ассирийцы ставили у входа в свои дворцы, чтобы вселить ужас в жителей окрестных районов. Ведь повсюду шептались и верили, что никто иной, как сам Нимрод, восстал из земли. Все это произошло весной 1846 года. Средства на раскопки хватило до середины июня 1847 года, и когда Лейард вернулся в Европу, он раскопал в Нимруде не менее трех великих ассирийских королевских дворцов, а именно: величественный северо-западный дворец, построенный Ашшурназирпалом (884-861 гг. до н.э.) на руинах древнего сооружения (датируемого временем правления Салманасара I, основателя Калаха, *около* 1300 г. до н.э.); центральный дворец, вероятно построенный преемником Ашшурназирпала, Салманасаром II (предшественником библейского Салманасара), где был найден знаменитый черный обелиск; и, наконец, некогда великолепный юго-западный дворец Эсархаддона (681-669 гг. до н.э.). Северо-западный дворец дал самые богатые находки: он также был гораздо лучше сохранился, чем содержимое дворца Саргона в Хорсабаде, где Ботта проводил свои раскопки. Поскольку сэра Стратфорда Каннинга подарил Британскому музею все подвижное, что Лейард обнаружил и вынес на свет, даже в конце этой первой экспедиции Лейарда в Лондон была отправлена коллекция ассирийских древностей (в основном барельефы и надписи), которых больше нигде не было. Неутомимая энергия первооткрывателя Ниневии позволила ему без повреждений доставить ее сначала в Бассору, откуда ценный груз был отправлен на корабль — и это была далеко не самая маленькая часть задачи, которую он так славно начал и теперь еще более славно выполнил.

Следующий период Лейард посвятил обобщению полученных результатов в энергичном повествовании, снабженном множеством иллюстраций, работе под названием *«Ниневия и ее остатки»*, которая была опубликована как раз в тот момент, когда Лейард собирался во второй раз отправиться в Ассирию — на этот раз за счет Британского музея (). Книга произвела огромный фурор в Англии, и ее важнейшим результатом стало то, что отныне правительство обратило свое внимание на раскопки. Так, в 1849 году Лейарду был предоставлен отпуск с его дипломатической должности в Константинополе с целью совершения новых открытий на ассирийской земле, а Хормузд Рассам, который уже был его помощником и как раз в тот момент находился в Лондоне, был отправлен вслед за ним (также официально).

БАРЕЛЬЕФ, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ ГОРОД, РЕКУ С ЛОДКОЙ И ПЛОТОМ, А ТАКЖЕ КАНАЛ

Если в ходе первой экспедиции Лейард ограничился лишь исследованием Нимруда (древнего Калаха), то работа второй экспедиции (1849-1851) была, напротив, практически ограничена развалинами Куюнджика и Неби-Юнуса, места расположения самого Ниневии. Здесь Ботта впервые начал свои раскопки, но совершенно безуспешно, поскольку он просто велел копать на глубину нескольких футов и без какой-либо методики, вместо того чтобы сосредоточиться на останках платформы, на которой были возведены здания, которые он искал. И именно здесь Лэйард, в конце своей первой экспедиции и после того, как был вынужден копать на глубину двадцати футов, обнаружил юго-западный дворец Сеннахериба (705-682 гг. до н.э.). Но настоящие плоды этого открытия теперь стали предметом второго предприятия. Ведь если в этом случае Лейард все еще был занят Нимрудом, то работа там была лишь своего рода подбором остатков, а раскопки и открытия в Арбане, на Хабуре и в Бавиане были, по сравнению с остальным, лишь короткой пробной поездкой, и главным по-прежнему оставалось тщательное исследование и раскрытие великого юго-западного дворца в Куюнджике. Только после того, как это было закончено, он потратил остаток своего времени и денег на посещение Вавилонии (в конце 1850 года), о котором, однако, сам Лэйард говорит, «что они (т. е. открытия среди руин древнего Вавилона) были гораздо меньше и гораздо менее значимы, чем он ожидал»; он также дал первое точное описание курганов Ниффера, древнего Ниппура, к юго-востоку от Вавилона. Все свои впечатления и результаты этой второй экспедиции Лейард изложил в книге *«Открытия в руинах Ниневии и Вавилона»*, работе объемом в семьсот страниц с множеством иллюстраций, а также планами и картами, которая появилась в Лондоне в начале 1853 года.

Эта популярная книга, как и предыдущая, имела огромный успех и вскоре была переведена на немецкий язык; в качестве дополнения к ней были анонсированы великие публикации Лейарда, а именно великолепная работа *«Памятники Ниневии»* и том надписей, который стал предшественником великого труда по надписям, опубликованного Британским музеем в пяти томах (1861-1884).

Но вернёмся к раскопкам Лэйарда, которые он возобновил в середине октября 1849 года в том месте, где прервал их два года назад. Просто невозможно в краткой форме дать ясное представление о том, что Лейард и его рабочие, при содействии Хормузда Рассама, обнаружили до середины 1850 года в юго-западном дворце Сеннахериба, восстановленном Ашшурбанапалом. Любой, кто хочет составить себе ясное представление об этом, должен внимательно прочитать великолепные описания Лейарда. Ассирийская древность поднялась с земли и стала все более и более отчетливой, а язык сотен барельефов был настолько понятен, что даже не понимая надписей, каждый мог составить для себя достаточно четкое представление о нравах и обычаях, жизни и занятиях, короче говоря, о всей цивилизации древних ассирийцев, и это только по иллюстрациям в двух популярных книгах Лейарда. Но самым важным открытием, сделанным в этом дворце, и действительно самым важным по своим результатам из всех ассирийских раскопок, были остатки настоящей библиотеки из тысяч глиняных табличек, которые были сложены в двух комнатах, покрывая пол слоем толщиной в фут. Их собрал реставратор дворца, опытный царь Ашшурбанапал (668 г. до н. э., Сарданапал у греков и Аснаппер в Библии) и хранил их частично здесь, частично (вероятно, в двух экземплярах) в других дворцах, в частности в северном дворце, который также находился в Куюнджике и был обнаружен Рассамом. Плиты из серой и желтой глины, найденные в так называемой Львиной комнате северного дворца Ашшурбанапала, в большинстве случаев были разбиты на мелкие или крупные осколки, вероятно, потому что в общей разрухе они упали с верхнего этажа в пространство, где они покрывали пол; однако многие из них остались целыми. Конечно, только более

позднее исследование смогло воссоединить разбитые фрагменты, и то лишь частично; одна из этих табличек, восстановленная путем соединения шестнадцати фрагментов, содержит вавилонскую историю о Потопе, которую Джордж Смит успешно распознал среди тысяч разбросанных фрагментов; читатель поймет, в каком состоянии дошли до нас большинство этих глиняных книжных страниц (если использовать парадоксальное выражение). Размер табличек редко превышает девять на шесть с половиной дюймов, но многие, особенно таблички, содержащие договоры, были значительно меньше. На большинстве из них была надпись: «Серия табличек..., табличка номер...; Дворец Ашшурбанапала, царя вселенной, царя Ассирии...», после чего следовала серия фраз, в основном стереотипных, которые указывают, что данная табличка принадлежит библиотеке Ашшурбанапала, великого коллекционера древней вавилонской литературы, написанной ассирийским шрифтом. На восстановленной табличке о Потопе место подписи « » ясно различимо в первой колонке; это последняя колонка, так как их всегда считают справа налево (а не слева направо). Но особенно ясно для глаза непрофессионала является добавление к подписи, представляющее собой своего рода библиотечную отметку, в отличие от особо ценного гимна Иштар на двух языках (S. M. 954, Британский музей); последний несколько отличается от обычного содержания этих подписей, поскольку вместо обычного предложения здесь приводится целая генеалогия; дословно переведено это звучит так:

«(серия:) ир шимма диммир Нинна» — Жалоба богине Иштар.

(Обычный номер таблички здесь не указан.)

Он написал и выгравировал его, как и оригинал.

«Дворец Ашшурбанапала, царя Ассирии,

сын Эсархаддона, царь вселенной, царь Ассирии, правитель Вавилона,

царя Шумера и Аккада, царя царей Эфиопии и Египта,

царь четырех регионов, сын Сеннахирима,

царя вселенной, царя Ассирии, который доверяет богу Ашшуру и богине Нинлиль, Набу и Ташмиту.

Да будет бог Набу твоим проводником!»

Однако в целом эти подписи выглядели следующим образом:

(Первое слово на следующей табличке.)

«Х-я табличка (из серии, начинающейся так):....

«Дворец Ашшурбанапала, царя вселенной, царя Ассирии, которому Набу и Ташмит прислушались, который взял ясные глаза для подготовки (?) написания табличек, в то время как при царях, моих предшественниках, ничего подобного (nīn shipru shu' ату) не предпринималось — мудрость Набу, (тикип сантакки), полнота красоты, я написал, упорядочил и выгравировал на табличках; чтобы видеть и читать это, я поместил их в своем дворце».

После чего в некоторых примерах следует:

«Да будет светом твоим Ашшур, царь богов!

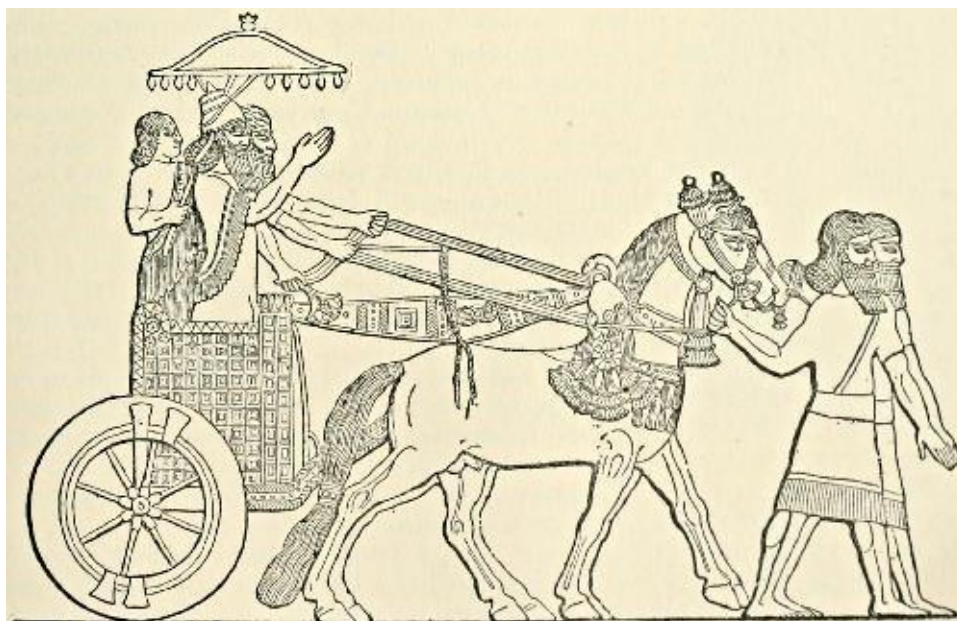
Кто бы ни написал свое имя рядом с моим именем,

да уничтожат его Ашшур и Нинлиль (Белтис) и искоренят его имя и его семья из земли!»

Содержание табличек, на которых Ашшурбанапал велел записать мудрость бога Набу (которого древние отождествляли с Меркурием), было настолько разнообразным, что это трудно себе представить. Они содержали примитивные заклинания и формулы клятв народа Шумера, а также несколько более поздние гимны богам и покаянные псалмы аккадского населения северной Вавилонии, почти все с межстрочными переводами на

семитский язык древнего Вавилона; также легенды семитского характера и эпические поэмы, почти столь же древние, как и аккадские гимны; астрономические и астрологические тексты; исторические надписи (например, надписи Агум-какриме и древнего Саргона); хронологические списки, календари и многое другое; все это было собрано Ашшурбанапалом и передано им потомкам. Трудно сказать, в каком направлении сохранившиеся литературные произведения не проливают свет на древних вавилонян, в культуру которых ассирийцы действительно когда-то были посвящены и которым они во многом обязаны своим собственным достижениям; несомненно, что мы не знали бы ни одного из этих примитивных магических стихов, если бы Ашшурбанапал не велел их переписать заново. И что мы знали бы о шумерах и аккадцах без этих песен? Но этого недостаточно. Большая часть библиотеки Ашшурбанапала состоит из философских пособий по изучению и освоению шумеро-аккадского языка, а также семитского ассирово-вавилонского языка, письменности (так называемого слогового письма) и разговорного языка; эти пособия включают словари, грамматические парадигмы и даже сборники фраз на двух языках.

В то время как Лэйард исследовал юго-западный дворец в Куюнджике, добавляя невообразимые сокровища к тем, которые были приобретены во время его первой экспедиции в эту страну, и находя большое количество новых клинописных текстов так называемого третьего вида ассирийского рода, так что он, казалось, был первым, кто собрал материалы для расшифровки этого вида клинописного письма, оно уже было завершено, по крайней мере в основном, благодаря трудам Солси (1849) и, прежде всего, Генри Роулинсона (1847-1851). Книга Лейарда *«Ниневия и ее руины»*, вышедшая в 1849 году, уже познакомила нас с ассирийской древностью, хотя надписи, сопровождавшие скульптуры, еще не могли дать нам никакой дополнительной информации, проясняющей их. Но в книге *«Открытия в руинах Ниневии и Вавилона»*, вышедшей в начале 1853 года, мы уже находим правильное толкование нескольких ассирийских имен царей, стран, городов и богов, и даже правильное воспроизведение содержания связанных между собой исторических надписей, что Лейард обязан информацией, переданной ему в промежуток времени Генри Роулинсоном и ирландцем Э. Хинксом, который также проявил большую проницательность в этой области исследований. Многочисленные новые исторические документы, которые привез с собой Лэйард, не могли появиться в более благоприятное время; прежде всего, первый из сундуков, содержащих библиотеку Ашшурбанапала, не мог прибыть в Лондон в более подходящий момент. Ведь как только была заложена основа для чтения клинописных текстов на вавилонском и ассирийском языках, все, что было необходимо для продвижения по столь успешно начатому пути, — это новые тексты, и теперь они начали поступать в изобилии.^с

Барельеф, изображающий Тиглатпилесера III

(Найден в Нимруде. — Лейард)

ПОЗДНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Работы по исследованию полностью прекратились в период между 1855 и 1872 годами. Однако был достигнут большой прогресс в расшифровке надписей и популяризации результатов, и общественность была готова оценить величие предстоящей работы.

Важность расшифровки Джорджем Смитом в 1872 году вавилонской истории о Всемирном потопе была сразу же признана, и в январе 1873 года он был отправлен в Ниневию под эгидой газеты «Daily Telegraph». Однако, как только он обнаружил несколько дополнительных фрагментов истории о потопе, газета осталась довольна и отозвала его. Во время второй экспедиции, организованной в том же году Британским музеем, Смит не сделал никаких сенсационных открытий. Работа Смита, хотя и небольшая по сравнению с работой ранних исследователей, принесла много ценных материалов и вызвала большой энтузиазм в Англии. Британский музей отправил его в третью экспедицию в 1876 году, но ему не позволили проводить раскопки, и он умер от лихорадки на обратном пути.

Следующая экспедиция, организованная Хормуздом Рассамом в 1877 году, привела, среди прочего, к идентификации места расположения Сиппара и открытию многочисленных интересных надписей и нескольких красиво украшенных бронзовых пластин с надписями, которые украшали ворота дворца Салманасара II.

В том же 1877 году М. Эрнест де Сарзек, тогда только что назначенный французским консулом в Басре на Персидском заливе, начал серию блестящих исследований, которые он с тех пор проводил более или менее непрерывно. Его энтузиазм в отношении археологических исследований подкреплялся обширными знаниями об условиях страны, и его усилия с самого начала были вознаграждены необычайным успехом.

Первые четыре года были посвящены обширным и систематическим раскопкам Теллоха, большого холма примерно в пяти милях от Шатт-эль-Хай, в южной Вавилонии, который теперь идентифицирован с древним Ширпурлой. Первый сезон ознаменовался

обнаружением двух больших терракотовых цилиндров длиной двадцать четыре дюйма и диаметром двенадцать дюймов. Надписи на этих цилиндрах, содержавшие по две тысячи строк каждый, были самыми длинными из известных на тот момент раннего периода. К концу четырех сезонов работ был раскопан большой храм размером сто семьдесят пять на сто футов, построенный на кургане высотой от шестнадцати до двадцати футов. Кирпичи внешней стены, толщиной пять футов, имели размер один фут в квадрате и были подписаны именем Гудеа. Предметы, найденные внутри храма, оказались очень важными для ранней истории Вавилона. В одной комнате находилось восемь статуй раннего периода, однако все они были без голов, поскольку были изуродованы варварами позднего периода.

Не менее важным было открытие Де Сарзекком в 1894 году комнаты, в которой было найдено тридцать тысяч табличек. Хотя значительная часть из них представляла собой религиозные документы, большинство этих табличек были коммерческими, сельскохозяйственными и промышленными архивами.

Лувр извлек большую выгоду из работы Де Сарзека, поскольку большая часть его находок попала именно туда.

Американские экспедиции были одними из самых успешных в этой области. Экспедиция Вольфа 1884-1885 годов, названная в честь мисс Кэтрин Лориллард Вольф, которая покрыла ее расходы, ограничила свою работу тщательным исследованием всей территории, не только посетив места предыдущих раскопок, но и обследовав много новых курганов. Последующие экспедиции были организованы под эгидой Пенсильванского университета. Первая из них, в 1888-1889 годах, под руководством доктора Джона П. Петерса, с профессорами Х. В. Хильпрехтом и Р. Ф. Харпером в качестве ассириологов, начала раскопки в Ниффере, месте древнего Ниппура. Они столкнулись со многими трудностями со стороны местных племен и турецких чиновников, но им удалось провести тригонометрическую съемку всех курганов и получить большое количество всевозможных древностей. Однако доктор Петерс скромно характеризует экспедицию как «более или менее неудачную».

В 1890 году работы были возобновлены. Были найдены тысячи табличек и различных предметов, которые были отправлены в Императорский музей в Константинополе. Профессор Хильпрехт был отправлен в Константинополь для каталогизации находок. Он выполнил эту работу с большим мастерством и тактом, и султан отблагодарил Пенсильванский университет за его услуги, подарив ему большую часть коллекции.

АССИРИЙСКАЯ СТЕЛА

Третья экспедиция была отправлена в 1893 году под руководством г-на Дж. Х. Хейнса, который был коммерческим директором первых двух экспедиций. За исключением одного короткого перерыва на два месяца в 1894 году, он неуклонно продолжал работу до 1896 года, достигнув того, на что до него не осмеливался ни один европеец. Эта экспедиция и четвертая, которая была организована Хейнсом в 1899 году и к которой в 1900 году присоединился Хильпрехт, добыла многие тысячи табличек и других видов древностей. Эти находки обогатили запас вавилонской литературы огромным количеством текстов религиозного, коммерческого и исторического характера.

Первая немецкая экспедиция 1897 года, как и первая американская, просто исследовала Вавилонию и Ассирию. Затем в 1899 году доктор Роберт Кольдевей, который был членом первой экспедиции, в сопровождении доктора Бруно Мейснера отправился в экспедицию под эгидой Немецкого восточного общества. Они приступили к работе на холме Эль-Каср в Вавилоне, под которым находятся остатки дворца Навуходоносора. Их первым успехом стало обнаружение новой хеттской надписи и множества табличек нововавилонского периода. От их будущей работы можно ожидать больших результатов.

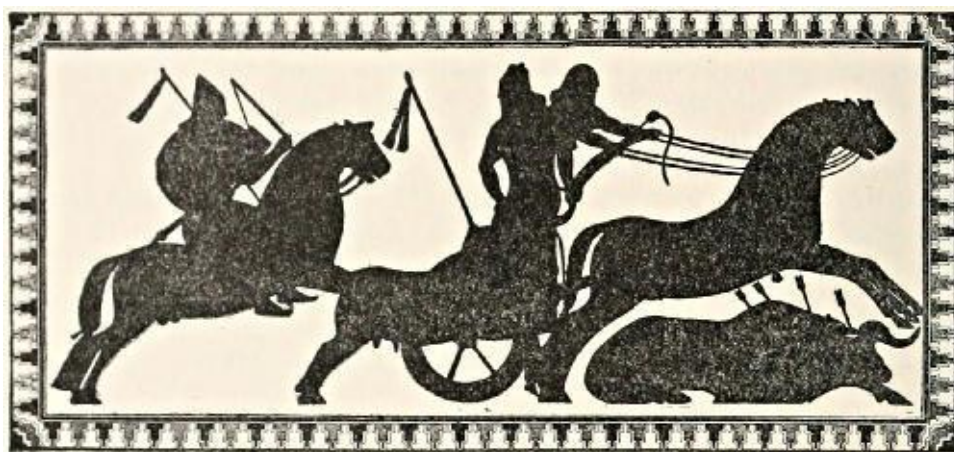
Сами турки, естественно, имеют лучшие возможности для продолжения исследований, поскольку могут рассчитывать на поддержку, а не на противодействие со стороны чиновников, и могут контролировать местное население. На данный момент была отправлена одна экспедиция. Ее возглавил отец Шейл, выдающийся ассириолог, французский доминиканец. Ее полный успех показывает, что если турецкое правительство осознает важность этой работы, можно ожидать новых великих открытий.

Одно из важнейших открытий клинописных надписей было сделано в Тель-эль-Амарне в Египте в 1888 году. Из этих табличек, представляющих собой письма и депеши Аменхотепа III и Аменхотепа IV, а также многих монархов Западной Азии, было получено много ценных хронологических материалов, а также пролит свет на социальные отношения.

Великие открытия последних тридцати лет являются лишь вдохновением для дальнейших исследований. Работа будет продолжаться до тех пор, пока погребенные города не будут полностью возвращены к жизни.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК

Мы довольно подробно следили за ходом раскопок в Вавилонии и Ассирии из-за уникального характера этих находок. Теперь остается рассмотреть результаты этих раскопок с точки зрения их влияния на историю. Ведь, конечно, в данном случае актуальны не столько сами раскопки, сколько материалы, предоставленные работниками в этой области.

СЦЕНА ОХОТЫ С БАРЕЛЬЕФА ВО ДВОРЦЕ АШШУРНАЗИРПАЛА

Нам удалось восстановить огромное количество исторических документов, которых, как уже было сказано, достаточно для того, чтобы воссоздать историю почти забытых народов. Такие исторические документы, которые не встречаются в связи с Грецией или Римом, и даже с цивилизацией средневековья до примерно X века н. э., были найдены в руинах вавилонских и ассирийских городов. Эти документы, как уже отмечалось, имеют форму надписей на фрагментах кирпичей. Эти надписи, выполненные совершенно неизвестными символами, сначала были загадочными, но восточные ученые вскоре сумели их расшифровать. История этой расшифровки должна быть изложена здесь для сравнения с уже представленным рассказом о расшифровке египетских иероглифов. Ни в одном другом случае, кроме этих двух, историку не приходилось иметь дело с таким большим количеством документов, написанных на абсолютно мертвом языке. Необходимо помнить, что так называемые мертвые языки классического мира никогда не были действительно забыты. На протяжении всего средневековья существовало бесчисленное количество ученых, которые владели греческим и латинским языками на профессиональном уровне. Более того, эти языки были основным средством научного общения на протяжении всего темного века. Но вавилонский и ассирийский языки, как и египетский, были мертвыми в полном смысле этого слова, то есть они были совершенно неизвестны людям на протяжении более двух тысяч лет. Их восстановление было одним из чудес науки XIX века; и хотя подробности этого научного подвига не входят в сферу компетенции историка в узком смысле этого слова, они представляют такой всеобщий интерес, что мы поступим правильно, если хотя бы в общих чертах изложим их здесь.

Однако прежде чем перейти к истории расшифровки, было бы неплохо получить представление о количестве, разнообразии и характере исторических документов, о которых идет речь. И, пожалуй, лучший способ сделать это — взглянуть на содержание ассирийских коллекций в Британском музее, уделив особое внимание замечательной библиотеке царя Ашшурбанапала, одного из последних великих правителей Ассирии — замечательной коллекции книг, о обнаружении которой уже упоминалось в предыдущем разделе. Ничто не может дать более яркого представления о характере этой древней восточной цивилизации, чем самый беглый взгляд на образцы книг из этой старинной библиотеки. Осмотрев, пусть даже бегло, этот замечательный набор документов, можно с новым интересом приступить к изучению хронологической истории вавилонян и ассирийцев, понимая, что этот народ, долгое время считавшийся едва ли не мифическим, обладал цивилизацией, по многим существенным чертам удивительно схожей с цивилизацией нашего времени.

СОКРОВИЩА ИЗ НИНЕВИИ

Даже самый беспечный посетитель Британского музея не может не заметить две пары массивных скульптур: в одном случае это крылатые быки, в другом — крылатые львы, оба с человеческими головами, которые охраняют вход в египетский зал, рядом с Розеттским камнем. Каждая пара этих странных существ когда-то охраняла вход во дворец царя в знаменитом городе Ниневе. Стоя перед ними, мысли уносят нас на двадцать семь веков назад, в те дни, когда «кедр Ливана» был «великолепен в своем величии» и был бичом Израиля. При первом взгляде на них нас охватывает волна эмоций, и в памяти звучат волнующие строки Байрона, напоминающие школьные уроки красноречия:

Ассирийцы спустились, как волки на овчарню,

И его когорты сияли в пурпуре и золоте,

И блеск их копий был подобен звездам на море,

Когда голубая волна катится ночью по глубокой Галилее.

Ассириец! Правитель Ниневии! Две тысячи пятьсот лет он был лишь именем и воспоминанием; но здесь стоят великие памятники, свидетельствующие о реальности его бывшего величия.

Эти огромные львы имеют отношение к данной теме из-за надписей, высеченных на их постаментах. С первого взгляда бросаются в глаза странные символы, которыми написаны эти записи, аккуратно высеченные прямыми линиями на камне и при беглом осмотре напоминающие скорее случайные следы от наконечников стрел. Сходство настолько поразительно, что иногда эти символы называют «символами в виде наконечников стрел», хотя более широко они известны как клинописные символы. Странное письмо. Кажется почти невероятным, что его действительно можно интерпретировать и перевести на современный язык. И действительно, интерпретация этого письма была одним из величайших достижений науки XIX века, но об этом мы поговорим чуть позже.

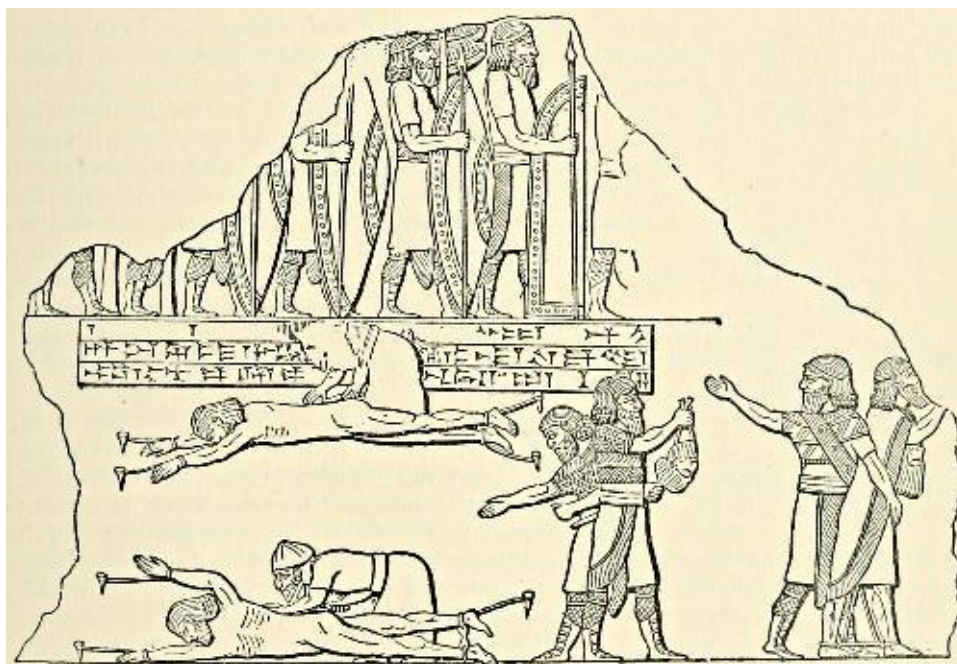
Но, помимо важности, каким интересом должны теперь пользоваться предметы с такой историей, как эти! Например, те самые скульптуры, которые мы видим перед собой, возможно, видел Иона, когда он совершил свое знаменитое путешествие в Ниневию примерно в 700-800 годах до нашей эры. Чуть позже вавилоняне и мидяне восстали против ассирийского ига и напали на прекрасный город Ниневию, практически полностью разрушив его. Но эти великие скульптуры, среди прочего, избежали разрушения и, сразу же скрытые и сохраненные накопившимися за века обломками, стояли там век за веком, и их существование было совершенно забыто. Когда Ксенофонт () прошел мимо этого места со своей злополучной экспедицией десяти тысяч воинов в 400 году до нашей эры, он увидел только холм, который, казалось, отмечал место каких-то древних руин; но слава настолько эфемерна, что грек и не подозревал, что он смотрит на место того города, который всего два века назад был господином мира.

Настолько эфемерна слава! И все же мораль едва ли имеет место в продолжении; ведь мы сегодня, в этом новом, невообразимом западном мире, видим эти памятники величия Ассирии, только что извлеченные из их двухтысячелетнего захоронения, а вместе с ними и записи, которые восстанавливают для нас историю этого давно забытого народа с такой подробностью, которая не была известна ни одному предыдущему поколению со времени падения Ниневии. В течение двух тысяч лет никто не видел этих сокровищ и не знал о их существовании. Сто поколений людей пришли и ушли, ни разу не произнеся имен царей Ашшурназирпала или Ашшурбанапала. И сегодня, после столетий забвения, эти имена возвращены в историю и, благодаря характеру их памятников, обеспечены вечной

славой, которая может почти бросить вызов самому времени. Не было бы ничего странного, а скорее соответствовало бы их предыдущим переменам судьбы, если бы имена Ашшурназирпала и Ашшурбанапала стали привычными словами для будущих поколений, которые забудут о существовании Александра, Цезаря и Наполеона. Ведь когда предполагаемый новозеландец Маколея будет исследовать руины Британского музея, записи древних ассирийцев, по-видимому, будут там в целости и сохранности, чтобы рассказать свою историю, как они рассказали ее нашему поколению, хотя все рукописи и печатные книги, возможно, уже исчезнут, как исчезли хрупкие ткани.

Но прошлое ассирийских скульптур и без того достаточно некромантично, чтобы придумывать для них некромантическое будущее. История их восстановления похожа на блестящий роман из истории. До середины XIX века любознательный студент мог за час или около того узнать все, что было известно на самом деле и в легендах о знаменитом городе Ниневии. Ему достаточно было прочитать несколько глав Библии и несколько страниц Диодора, чтобы исчерпать всю важную литературу по этому предмету. Если он обращался также к страницам Геродота и Ксенофонта, Юстина и Элиана, то они служили главным образом для подтверждения подозрения, что сами греки почти ничего не знали об истории своих знаменитых восточных предшественников.

В ходевающих легендах рассказывалось о первом царе Нине и его чудесной царице Семирамиде, о завоевателе Сеннахириме, о женоподобном Сарданапале, который пренебрег воинственными традициями своих предков, но в конце концов погиб славной смертью вместе с Ниневией в самоубийственном пожаре. И это было все. Сколько в этом было истории, а сколько мифа, никто не мог сказать; и, несмотря на все подозрения в обратном, никто никогда не мог этого узнать. А сегодня перед нами лежат современные записи о городе в таком изобилии, с которым не может сравниться ни одна другая древняя нация, за исключением Египта. Под рукой есть целые библиотеки вавилонских документов, написанных за двадцать или даже тридцать веков до нашей эры. Понятно, что это оригинальные книги, а не копии. Автор того далекого времени обращается к нам напрямую, без посредников-переписчиков. А из еврейских или греческих надписей того же века до нас не дошло ни одной строки; очень малое количество документов может сравниться с этими древними книгами, написанными тысячу лет назад. Когда человек читает Моисея или Исаию, Гомера, Гесиода или Геродота, он следует лишь за перепиской — зачастую несомненно ошибочной и, вероятно, никогда не бывшей совершенной во всех частях — последующих переписчиков более поздних поколений. Например, самая старая известная копия Библии датируется четвертым веком нашей эры — через 1000 лет после того, как были сделаны, прочитаны, похоронены и забыты последние ассирийские записи.

Барельеф из Ассирийского дворца, изображающий Ассирийских солдат, пленников, которых сдирают заживо, клинописные надписи и
Т. Д.

Что касается более ранних месопотамских записей, то они датируются примерно 5000 — возможно, 7000 — годами до НАШЕЙ ЭРЫ: по крайней мере, на 1000 лет раньше периода, назначенного архиепископом Ашером в его давно принятой *хронологии* для создания самого мира. Соломону, жившим около 1000 года до НАШЕЙ ЭРЫ, приписывают заявление о том, что «созданию многих книг нет конца». Современные экзегетики утверждают, что на самом деле эту фразу придумал не Соломон, а более поздний александрийский самозванец; тем не менее, похоже, что в Месопотамии эта фраза была бы вполне понятна не только современникам Соломона, но и поколениям, жившим задолго до появления еврейского народа как такового. В любом случае, был по крайней мере один царь Ассирии — Ашшурбанапал — который жил всего через несколько поколений после Соломона и в дворце которого находилась библиотека, насчитывавшая около 10 000 томов — библиотека, в которой книги были пронумерованы, систематически расставлены на полках, классифицированы и находились под присмотром официального библиотекаря. Из этой библиотеки за последние полвека к нам пришли записи, которые позволили восстановить историю древней Азии.

Если вы хотите увидеть некоторые из этих странных документов, вам нужно пройти всего несколько шагов от крылатого льва здесь, в Британском музее. Между тем, здесь есть и другие скульптуры, которые вы вряд ли сможете пропустить. Проходя мимо львов с человеческими головами и входя в зал Ашшурназирпала, мы увидим другие свидетельства величия Ассирии, которые могут легко отвлечь наши мысли от письменности. Здесь, образуя стену, находятся барельефы, на которых изображена знаменитая сцена охоты на льва; чуть дальше, изображены всевозможные сцены войны; а там — некоторые бытовые сцены, приготовление хлеба или подобных продуктов и их выпечка в печи; а там снова — интерьер конюшни с человеком, серьезно ухаживающим за лошадью, как это делается в любой конюшне сегодня.

Все это не должно отвлекать наше внимание, поскольку эти графические иллюстрации не имеют прямого отношения к письменности. Однако здесь, в конце зала, есть другие барельефы, более относящиеся к нашему нынешнему исследованию. Например, у того

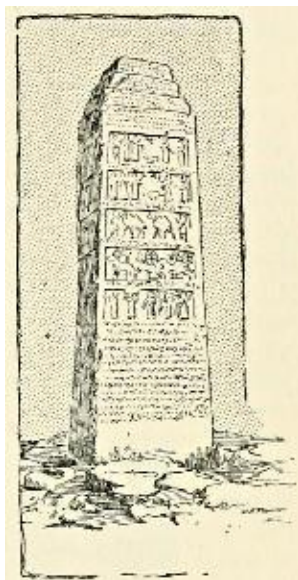
крылатого бога, несущего олененка, на фоне и фигурах изображены прекрасные стрелы, что отличает его от льва, которого мы только что оставили. В зале чуть дальше находятся несколько иллюстраций, представляющих собой другое сочетание изображения и текста. Здесь находится знаменитый обелиск Шалманасера, который, как и все другие предметы, упомянутые до сих пор в ассирийской коллекции, был найден сэром Генри Лейардом в Ниневии. Это практически иллюстрированная книга, рассказывающая словами и текстом о завоевании многих стран царем Шалманасером II.

На фигурах верхнего ряда изображена дань, принесенная «Суа из Гилзани, который принес серебро, золото, свинец, медные сосуды, лошадей и дромадеров». Конечно, следует отметить, что здесь показана только одна сторона обелиска. На остальных трех сторонах в каждом случае изображены другие этапы уплаты дани тем же побежденным врагом. Второй ряд фигур представляет особый интерес, поскольку на нем изображена уплата дани «Яуа, сыном Хумри». По толкованию библеистов, это «Иегу, сын Омри». Покоренный израильтянин приносит «серебро и золото, свинец и чаши, блюда, кубки и другие сосуды из золота», и формы этих сосудов, а также костюмы самих евреев хорошо показаны на иллюстрациях. Третий ряд фигур представляет «уплату дани земли Мусри, состоящей из дромадеров, буйволов, слонов, обезьян и других животных». Гротескные фигуры предполагаемых обезьян с их совершенно человеческими головами дают представление о том, как эти странные иностранные животные воздействовали на воображение ассирийского художника, заставляя его отойти от того тонкого реализма, который он применил при изображении более знакомых животных. Четвертая серия изображений показывает дань земли Сухи, а пятая — не менее значительную дань из страны Патин. Надписи в верхней и нижней частях обелиска содержат подробности завоеваний, в том числе о том, как Шалманасер захватил 1121 колесницу, 470 боевых лошадей и весь лагерь Хазаэля, царя Дамаска.

Возможно, самым любопытным примером экономии материала в импровизированной книге, которую можно увидеть в ассирийской коллекции Британского музея, является изображение бога Набу, которое входит в состав Ниневийской коллекции и находится в зале сразу за обелиском Шалманасара. Здесь, как видно на иллюстрации, подол одежды человеческой фигуры используется в качестве фона для сложной надписи. Эффект получился довольно декоративным и явно уникальным. Эта фигура представляет дополнительный интерес, поскольку иллюстрирует, на что был способен ассирийский художник, когда прибегал к необычному для него приему работы в объемном искусстве. Великие шедевры ассирийского искусства были выполнены в технике барельефа. Однако иногда художники пробовали создавать полноразмерные фигуры, как в данном случае, но вряд ли можно утверждать, что успех этих попыток сопоставим с успехом, достигнутым с помощью другого метода. В столовой Ашшурбанапала, представленной здесь в Британском музее, есть низкие рельефы с охотничьими сценами, которые являются настоящими произведениями искусства. Раненная львица, тащащая свои задние лапы, охотящиеся козы, шагающие дикие ослы — все это настоящие шедевры. Ничего подобного нельзя сказать о боге Набу или о любой другой полной статуе, обнаруженной при раскопках Ниневии. Но, с другой стороны, текстура юбки этого бога придает ей неповторимый характер, вызывающий неизменный интерес.

Дополнительный интерес к этой статуе, как и ко многим другим ассирийским памятникам, вызывает ее отношение к религии этого знаменитого народа. До открытия этих давно погребенных памятников практически все, что было известно о религии вавилонян и ассирийцев, содержалось на страницах Геродота. Он рассказывает странные истории о том, что он видел в храмах Вавилона, где, как он утверждает, все женщины города, независимо от класса или ранга, были обязаны хотя бы раз в жизни проституироваться за

плату. Надписи на памятниках ничего не говорят нам о таких практических аспектах поклонения, как этот, но они показывают, что ассирийцы были очень религиозным народом, в этом отношении очень похожим на своих соседей-евреев. Их религия, по-видимому, также была твердой и самодостаточной, не допускающей никаких сомнений, исходящей из того, что собственное мнение является правильным, что собственные боги являются единственными истинными богами, а весь внешний мир должен рассматриваться как добыча. Дальнейшая иллюстрация этой стороны вопроса привлечет наше внимание, когда мы перейдем к более подробному изучению религиозных писаний ассирийцев.

ОБЕЛИСК САЛМАНАСАР II

(ныне находится в Британском музее)

Еще одна иллюстрация любопытного ассирийского сочетания искусства и литературы представлена в скульптуре льва, охраняющего вход в следующий зал. Этот лев является памятником того же правления, что и лев с человеческой головой у другого входа, но он очень отличается по мастерству исполнения и явно является произведением другого художника. Во-первых, это настоящий лев, а не мифическое существо, за исключением того, что он, как и другой лев, имеет пятую ногу. Ассирийцы, по-видимому, считали, что четыре ноги должны быть видны с любой точки зрения, с которой рассматривается статуя животного, отсюда и такая аномалия. В остальном это гигантское животное имеет много реалистичных черт и представляет большой художественный интерес. В частности, голова выражает чувства самым недвусмысленным образом.

Но самой любопытной особенностью этой скульптуры является то, как надпись переходит с плиты прямо на тело самого животного, а также на его передние ноги. Возможно, это было сделано по приказу царя, просто как удобный способ разместить все желаемые записи о завоевании, но с небольшого расстояния создается любопытное впечатление, будто художник стремился передать ощущение шерсти жестким и формальным образом, в соответствии с традиционным изображением гривы. Также было высказано предположение, что надпись была перенесена на тело льва для его защиты. Среди древних монархов было нередким обычаем соскабливать надписи предшественников и заменять их своими собственными. Такой великий монарх, как Рамсес II в Египте, не стеснялся этого делать, и замечательный случай показан на арабском храме, где беспринципный монарх фактически заменяет свое имя правильным именем строителя на

табличке, утверждающей авторство храма, частью которого является эта табличка. О том, что цари Ассирии имели повод опасаться подобных махинаций, свидетельствуют надписи на книжных табличках в королевской библиотеке в Ниневии, где Ашшурбанапал, сообщив, что книги принадлежат его библиотеке, проклинает любого, кто когда-либо поставит другое имя рядом с его собственным. Возможно, тогда царь Ашшурназирпал решил более надежно передать потомкам записи о своих деяниях, высекая их на спине этого льва, поскольку, без сомнения, скульптура считалась шедевром, и царь, как можно предположить, считал, что художественный вкус может предотвратить святотатство, которое не сможет запретить простая совесть.

БИБЛИОТЕКА ЦАРЯ НИНЕВИИ

Теперь мы подошли к месту в Британском музее, где хранятся некоторые из сокровищ древнего ассирийского царя. Они занимают часть ряда витрин, расположенных в центре зала, известного как Ниневийская галерея. Возможно, не будет преувеличением сказать, что эти коллекции составляют самый необыкновенный набор документов из всех редких сокровищ Британского музея, поскольку они включают не только книги, но и публичные и частные письма, деловые объявления, брачные контракты — одним словом, все виды письменных документов, которые входят в повседневную жизнь интеллигентного и культурного общества.

ФРАГМЕНТ ОБЕЛИСКА САЛМАНАСАРА II

Но каким чудом такие документы сохранились на протяжении всех этих веков? Один взгляд на них раскрывает секрет. Дело просто в материалах, не поддающихся воздействию времени. Каждый из этих ассирийских документов выглядит и на самом деле является ни чем иным, как фрагментом кирпича с надписями, по цвету и текстуре очень похожим на выветренную терракотовую плитку современного производства. Эти плиты обычно имеют овальную или продолговатую форму и толщину около дюйма. Каждая из них изначально была частью кирпичной глины, на которой писец вырезал стрелки с помощью острого инструмента, после чего документ закреплялся путем обжига. Конечно, они довольно хрупкие, как и все кирпичи, и многие из них были более или менее разрушены во время разрушения дворца в Ниневии, но к разрушительному воздействию времени они почти неуязвимы, как и почти все в природе. Именно поэтому эти записи далекой цивилизации сохранились до наших дней, в то время как аналогичные записи более поздних цивилизаций, таких как греческая (), полностью погибли; так же как кремневые орудия пещерных людей дошли до нас в неизменном виде, в то время как железные орудия гораздо более поздней эпохи рассыпались.

Даже бегло взгляните на образцы, выставленные здесь, в музее. Первый витрина, как гласит этикетка, содержит таблички — образцы листов, если хотите — из знаменитых серий «Сотворение мира» и «Потоп». То есть из книги, которая была названа «Халдейским Бытием» и которая вызвала такой ажиотаж, когда Джордж Смит из Британского музея впервые расшифровал часть ее содержания, потому что она, казалось, давала поразительную подсказку о происхождении священной книги евреев. Сегодня еврейские легенды воспринимаются совсем иначе, чем даже пятьдесят лет назад, благодаря прогрессу науки; но эти халдейские истории о сотворении и уничтожении человечества по-прежнему представляют большой интерес как исторические документы в истории умственного развития нашего рода, как за то, что они рассказывают об идеях далеких поколений людей, так и за то, что они научили поколение наших непосредственных предшественников о истинном статусе сравнительной мифологии.

Следует напомнить, что ассирийцы были семитами, близко родственными евреям. Действительно, по преданию, отец Авраам, как и предки ассирийцев, происходил из земли халдеев. Поэтому неудивительно, что эти священные книги ассирийцев полны тех же традиций и выражают в основном те же мысли, что и священные книги евреев. Таким образом, мы имеем здесь очень похожий рассказ о сотворении мира из первобытного хаоса и о гибели всех, кроме избранных, в всемирном потопе. Даже история о том, как с ковчега сначала выпустили одну птицу, потом другую, пока наконец ворон не нашел место для приземления, когда сам ковчег сел на вершине горы, воспроизведена с такой точностью, что практически доказывает общее происхождение этих двух традиций.

Здесь снова рассказывается история о том, как Саргон, один из первых царей Агаде, был выброшен, подобно Моисею, в корзину, чтобы быть спасенным из вод Евфрата сострадательным человеком, обнаружившим его бедственное положение. Есть даже табличка, которая дает намеки на историю строительства Вавилонской башни. И все это проникнуто тем же мрачным, ужасным взглядом на жизнь, который двигал авторами Ветхого Завета. Нам постоянно дают почувствовать угрозу гнева божества; эта религия всегда является религией страха. Щедрость, братская любовь, сострадание, нравственность — в широком смысле эти слова играют лишь небольшую роль в терминологии семитов. Семитские завоеватели были известны своей жестокостью. Они любили преследовать своих жертв, распинать их, сдирать с них кожу заживо. Авторы еврейских и ассирийских книг одинаково описывают эти деяния без содрогания. Они показывают психологу народ, лишенный воображения, которое является источником сочувствия, но проникнутый до глубины души эгоизмом. Легенды священных книг дают дальнейшее подтверждение этим же чертам. Перед нами, среди других только что упомянутых табличек, находятся знаменитые истории о спуске Иштар, богини любви, в подземные области, о испытаниях и опасностях, с которыми она столкнулась там, и о тех, которые обрушились на внешний мир из-за ее отсутствия. Сообщается, что когда наконец высшая сила послала посланника с требованием освободить ее, силы подземного мира с неохотой отпустили ее, но удержали невинного посланника, чтобы мучить его вместо нее; и, вероятно, ассирийскому предсказателю никогда не приходило в голову, что высшие боги могли бы освободить и невинного посланника.

Другой известный набор табличек описывает приключения Гильгамеша, чьи героические испытания и могучие деяния напоминают Геракла из греческой мифологии. В целом, эти религиозные и мифологические тексты дают нам наиболее полное представление о нравственной природе ассирийцев не только в период правления Ашшурбанапала, но и за многие поколения до него, поскольку эти священные книги в основном являются копиями древних вавилонских книг, датированных самыми отдаленными периодами древности.

Плитки из следующего ящика иллюстрируют другую фазу умственной деятельности ассирийцев. Это фактически справочники и учебники, то есть «грамматические плитки, списки клинописных знаков, пояснительные списки слов и т. д., составленные для использования в Королевской библиотеке в Ниневии». Они включают в себя табличку с «словами и фразами, используемыми в юридических документах, которые служат грамматическими примерами; одна колонка написана на шумерско-аккадском языке, другая — ассирийский перевод; также списки словесных образований и пояснительный список слов» — словарь, если угодно! Еще более примечательна табличка с перечнем изобразительных символов с архаичными формами клинописных знаков, которым они, как считалось, соответствовали; этот перечень дополняется другим, в котором сами архаичные формы интерпретируются с помощью «современных» эквивалентов. Эта табличка показывает, что, по убеждению древних ассирийцев, клинопись была разработана в далекой эпохе на основе чисто исторической письменности (что, несомненно, было так), но точная линия этого развития исчезла из памяти людей в поздней эпохе VII века до нашей эры.

Далее идут таблички со списками «Имен птиц, растений, бронзовых предметов, предметов одежды и т. д., для использования в качестве справочника при написании литературных произведений». Затем идут списки чиновников и другие документы, относящиеся к истории Вавилонии-Ассирии, включая исторические надписи Сеннахериба. Далее идет набор писем, публичных и частных, в основном написанных на овальных кусочках глины длиной три-четыре дюйма, иногда снабженных конвертами из того же материала. Из этой

многочисленной коллекции писем наибольшее внимание привлекает то, в котором царь Сеннахериб упоминает о некоторых предметах, подаренных им своему сыну Эсархаддону. Оно широко известно как «завещание Сеннахериба». Рядом с ним находится другое письмо, интересное тем, что оно снабжено конвертом из обожженной глины, в который письмо вложено, как ядро ореха в скорлупу. На конверте надпись: «Королю, моему господину, от Ашшура Ритсуа», и оно заверено двумя оттисками печати писателя.

Кстати, использование печатей было довольно распространенным явлением, особенно в случае официальных документов. Иногда, как в случае с показанной здесь договорной табличкой, свидетель вместо печати ставил отпечаток своего ногтя, что, по-видимому, было эквивалентно «Джон Доу, его знак». Вряд ли можно предположить, что средний ассириец умел писать больше, чем средний грек или римлянин, или, если на то пошло, средний европеец столетие назад. Конечно, писали профессиональные писцы, откуда и возникла необходимость в печатях для подтверждения подлинности даже обычных писем. Несомненно, искусство гравировки драгоценных камней, которое древние халдеи довели до удивительного совершенства, а затем греки и римляне, в последние поколения пришло в упадок в основном потому, что с распространением образования — не говоря уже о клейких конвертах — печати становились все менее необходимыми. Возможно, это искусство возродится в эпоху пишущих машинок. Но если кто-то заговорит о печатях, его будет трудно удержать от поспешного посещения замечательной коллекции в отделе драгоценных камней Британского музея, где греко-римские инталии вытеснят из его головы все мысли о других коллекциях, хотя даже там кипрские находки неизбежно вернут его к вавилонскому образцу, в то время как на данный момент нас интересуют не печати любого рода, а документы, которые они призваны удостоверить.

Эти документы представляют собой самое странное собрание; и все же они не странны, так как очень похожи на официальные записи современной коммунальной жизни. Так, здесь есть одна табличка, датированная примерно 650 годом до нашей эры, в которой записана продажа дома. На другой рассказывается об аренде определенной собственности на срок шесть лет за двенадцать сиклей серебра. И, венчая кульминацию, здесь есть таблички, в которых записаны ссуды денег, настоящие векселя, с тщательно прописанной даже процентной ставкой — двадцать процентов. Мы узнаем, что денежный маклер вел процветающий бизнес в древнем Ниневии. Как близки нам, в конце концов, те дни!

И они кажутся еще ближе, когда мы переходим к табличкам с предсказаниями и прогнозами, основанными на положении звезд и планет, поведении животных и рептилий, полете птиц и появлении новорожденного потомства. Ведь когда речь заходит о суевериях, все народы родственны, а все времена — современны. Сегодняшний европеец, который содрогается, увидев луну над своим левым плечом, является духовным братом ассирийского астролога, который использовал этот «астролябию» для предсказания событий своего ближайшего будущего. И эти заклинания, религиозные и магические обряды, молитвы, гимны, литании — разве они не показывают, что ассирийцы действительно были нашими старшими братьями? Разве эта поднятая завеса открывает нам перспективу трех тысячелетий или только стольких же поколений? По крайней мере, она помогает нам понять — и я сомневаюсь, что какая-либо другая экспозиция могла бы сделать это так же убедительно — насколько медленным, насколько черепашьям является темп человеческого прогресса. Но, в конце концов, как тщетны эти нравоучения, ведь кто не знает, что день, когда Ниневия видела свой расцвет, был лишь вчерашним днем человеческой цивилизации? Если кто-то сомневался в этом раньше, то теперь он не может сомневаться, поскольку он прошел по залам, в которых выставлены реликвии из библиотеки Ашшурбанапала, бегло взглянув на удобные английские подписи.

Естественно, что объем материалов по этой теме постоянно пополняется благодаря новым исследованиям, в частности, исследованиям Опперта в Ниневии и Де Сарзека в Теллохе, которыми французское правительство дополнило ранние коллекции пионера этой работы, Ботты; различными немецкими исследовательскими компаниями; и, более недавно, американской исследовательской экспедицией Пенсильванского университета под руководством доктора Джона П. Петерса, которая добилась таких важных результатов в Ниппуре. Но самым большим хранилищем по-прежнему остается то, что Лейард и его помощник и преемник в этой работе Рассам, а затем Джордж Смит, обеспечили для Британского музея. Другие коллекции дают важные дополнительные сведения, но основная история жизни и истории Ассирии, как она известна нам в настоящее время, рассказывается только в книгах из замечательной библиотеки дворца Ашшурбанапала в Ниневии; и их можно изучать только в Британском музее или в публикациях, которые сотрудники этого учреждения время от времени предоставляют миру.

Взглянув на эти документы впервые, только невнимательный человек не сможет получить более яркое представление о жизни в древности и более правдивую историческую перспективу, чем та, которой он обладал ранее. Более двух тысяч лет греческая культура доминировала в мире, и было принято говорить о греках, как о настоящих изобретателях искусства и культуры, но эти документы привели к более правдивому взгляду на вещи. Здесь мы как бы оглядываемся через головы греков и видим народ, который обладал высокой цивилизацией, когда греки еще были молодой нацией, только выходящей из варварства.

Теперь кажется, что это не что иное, как закон природы, что каждая нация с презрением смотрит на любую другую нацию, которую она считает современной. У высокоразвитого в художественном отношении народа, главная гордость которого — его художественный вкус, это чувство достигает своего апогея. Отношение греков к этому вопросу известно всем. Но столь же неизменным законом природы является то, что каждая нация с почтением смотрит на какую-то более древнюю цивилизацию. Римляне переняли греческое слово «варвар» и применяли его ко всем другим народам, кроме греков. Греки не отвечали им взаимностью. Для них римляне были выскочками, на которых следовало смотреть с ненавистью и презрением. Я не сомневаюсь, что афинский ребенок наносил смертельное оскорбление своему товарищу по играм, называя его римлянином, точно так же как сегодняшний парижский ребенок использует слово «anglais» как самое горькое проклятие в своем словарном запасе. Но когда грек обращал свой взор в другую сторону и смотрел на египетскую и вавилонскую цивилизации, он смотрел в прошлое, и его презрение сменялось почтением, точно так же, как и у современного француза, который с почтением оглядывается на цивилизацию древней Греции и Рима, в то же время совершенно презирая все аспекты цивилизации XIX века, кроме своей собственной.

Греки с радостью признавали, что эти восточные цивилизации расцвели, когда греческая культура еще находилась в зародышевом состоянии. Солтон, законодатель, как сообщается, путешествовал по Египту и пользовался умеренной покровительственной поддержкой египетских жрецов как представитель молодой расы. Геродот, хотя и писал якобы о Персидской войне, посвятил целые разделы своей истории Египту и, как и его соотечественники, без колебаний принимал египетские утверждения о своей огромной древности. Платон даже прожил несколько лет в Египте, как сообщает Диодор, в надежде проникнуть в тайны восточной философии.

Что касается ассирийско-вавилонцев, то, по-видимому, практически никакая история не была слишком фантастической, чтобы не получить определенную долю доверия в классическом мире. Геродот, конечно, приписывает ассирийцам правление в течение

пятисот двадцати лет до падения Ниневии; а Диодор, следуя Ктесию, повышает эту цифру только до примерно тысячи четырехсот лет. Но эти цифры, вероятно, были основаны на смутном понимании того, что собственно Ассирия пережила относительно поздний период расцвета, что, в действительности, соответствовало действительности; а слухи о возрасте вавилонской цивилизации в целом можно лучше всего проиллюстрировать, вспомнив, что Цицерон счел необходимым выразить свой скептицизм по поводу утверждения, которое, по-видимому, было широко распространено в его время, что вавилонские памятники сохранили астрономические наблюдения, относящиеся к периоду более двухсот семидесяти тысяч лет назад. Плиний, с другой стороны, цитируя «Эпигена, писателя, пользующегося первоклассным авторитетом», утверждает, что астрономические записи охватывают только период в семьсот двадцать лет, отмечая также, что Берос и Критодем еще больше ограничивают этот период до четырехсот восьмидесяти лет. Но сам диапазон цифр показывает, насколько совершенно расплывчатыми были представления об этом; и сам Плиний делает вывод о «вечном использовании букв» среди вавилонян, указывая, что даже минимальный период выводит этот вопрос за пределы западной истории.

Но в этом отношении ничто не может быть более ясным, чем свидетельство Диодора, который, писавший примерно через три столетия после того, что мы сейчас называем «золотым веком» Греции, ясно указывает, что в его время не Греция, а Месопотамия считалась классической страной культуры. И мы, современные жители, можем — впервые из всех поколений нашей эпохи — увидеть данные, на которых основывалась эта оценка, и понять, увидев собственными глазами, что легендарная слава древней Ассирии была не мифом, а вполне осязаемой реальностью.

Ассирийское письмо из обожженной глины и фрагмент его разорванного конверта

(ныне хранится в Британском музее)

КАК ЧИТАЛИ АССИРИЙСКИЕ КНИГИ

Но все это время мы следили за историей этих странных книг, принимая за данность их значение, интерпретированное на этикетках, и игнорируя на данный момент великое чудо, связанное с ними, которое заключается не в том, что у нас есть сами материальные документы, а в том, что мы знаем их фактическое содержание. Наборы наконечников стрел на стене, на плите или крошечном кирпиче, безусловно, имеют значение, но как кто-то догадался об этом значении? Это должны быть слова — но *какие* слова? Египетские иероглифы были, по всей справедливости, загадочными; однако, в конце концов, их символы имеют определенную выразительность, тогда как в непрерывной последовательности этих клинописных черточек нет ничего, что могло бы послужить опорой для ума. Тем не менее, современный ассирийский ученый может интерпретировать эти странные записи почти так же легко и уверенно, как классический ученый интерпретирует греческий манускрипт. И это свидетельствует об одном из величайших триумфов науки XIX века, ведь в течение почти двух тысяч лет, до нашего века, не было человека, для которого эти странные надписи были бы столь же бессмысленны, как для самого случайного прохожего, который сегодня смотрит на них с неопределенным

удивлением здесь, в музее. Ведь ассирийский язык, как и египетский, был поистине мертвым языком; он не просто перешел из повседневного употребления в кабинет ученого, как греческий и латинский, а был полностью и абсолютно забыт всем миром. В таком случае, восстановление этого языка является не чем иным, как чудом.

Справедливости ради следует добавить, что это восстановление, вероятно, никогда бы не произошло с ассирийским или египетским языками, если бы эти языки, умирая, не оставили после себя родственных преемников; ведь возможности современной лингвистики, хотя и велики, но не чудодейственны. Но, к счастью, раз развившийся язык не исчезает *полностью*; он просто теряет свою полезность и постепенно вытесняется, а его преемник сохраняет многие следы своего происхождения. Так, например, латынь имеет своих живых представителей в итальянском и других романских языках, а язык Ассирии представлен родственными семитскими языками. Однако, как оказалось, они оказали помощь скорее на поздних этапах изучения ассирийского языка, чем в самом начале, поскольку первая зацепка для расшифровки клинописного письма появилась через несколько иной канал.

Как ни странно, это была трехязычная надпись, которая дала ключ, как в случае с Розеттским камнем, хотя и с очень заметным отличием. Трехязычная надпись, о которой сейчас идет речь, вместо того, чтобы быть небольшим переносным памятником, покрывает поверхность массивного утеса в Бехистуне, в западной Персии. Более того, все три надписи выполнены клинописью и на языках, которые в начале XIX века были совершенно неизвестны. Эта надпись, как поразительный памятник неизвестного значения, была видна нескольким поколениям. Традиция приписывала ее, как мы узнаем от Ктесия через Диодора, легендарной ассирийской царице Семирамиде. Традиция в этом случае совершенно неправа, но только недавно наука смогла исправить эту ошибку. Как теперь известно, надпись была действительно написана около 515 года до н. э. по приказу Дария I, царя Персии, и в ней рассказывается о некоторых его деяниях на трех основных языках его широко рассеянных подданных.

Человеком, который, рискуя жизнью и здоровьем, скопировал эту замечательную надпись и, интерпретировав ее, стал настоящим «отцом ассириологии», был английский генерал сэр Генри Роулинсон. Его подвиг стал еще одним триумфом британцев над теми же соперниками, которые соревновались за Розеттский камень; несколько лет назад французское правительство направило нескольких исследователей специально для того, чтобы скопировать эту надпись, и они доложили, что добраться до надписи невозможно. Но британцы не сдались, и в 1835 году Роулинсон взобрался на опасную высоту и сделал бумажный слепок примерно половины надписи. Дипломатические обязанности отвлекли его от этой задачи на несколько лет, но в 1848 году он вернулся к ней и завершил копирование всех частей надписи, уцелевших от разрушительного воздействия времени. Теперь ученые получили материал для новой науки, которую генерал Роулинсон при содействии многих других вскоре начал развивать.

Ключ к ценности Бехистунской надписи заключается в том, что ее третий язык — древний персидский. По-видимому, древние персы переняли клинопись у своих западных соседей, ассирийцев, но при этом внесли в нее одни из тех существенных изменений и усовершенствований, которые вряд ли возможны, кроме как при переходе от одной расы к другой. Вместо того чтобы создавать из стреловидных знаков множество слоговых символов, включая многочисленные омофоны, как это было и продолжало быть обычным для ассирийцев, персы выбрали несколько из этих символов и приписали им фонетические значения, которые были почти чисто алфавитными. Одним словом, сохранив клиновидный знак в качестве базового штриха своей письменности, они разработали алфавит, проведя тот последний замечательный анализ фонетических звуков, который до сих пор не удался

китайцам, который египтяне осуществили лишь частично и который, по мнению греков, финикийцы внедрили в западный мир. В дополнение к этому чрезвычайно важному шагу, персы ввели небольшой, но очень удобный обычай отделять слова в предложении друг от друга особым знаком, отличаясь в этом отношении не только от ассирийцев и египтян, но и от ранних греческих писцов.

Благодаря этим упрощениям древний персидский язык был практически восстановлен в начале XIX века благодаря усилиям немца Гротенфенда; дальнейшие успехи в этом направлении были достигнуты в это же время Бернуфом во Франции и Лассеном в Германии, а также самим Роулинсоном, который в значительной степени самостоятельно решил проблему персидского алфавита. Таким образом, персидская часть Бехистунской надписи наконец-то могла быть частично расшифрована. Однако само по себе это не очень помогло бы в восстановлении языков других частей, если бы не счастливое стечение обстоятельств, благодаря которому надпись изобилует именами собственными. Как правило, имена собственные не переводятся с одного языка на другой, а транслитерируются так точно, насколько позволяет это сделать особенности языка. Именно тот факт, что греческое слово «Птолемей» было транслитерировано на Розеттском камне, дал первую подсказку о звучании египетских символов. Если бы сохранилась верхняя часть Розеттского камня, на которой изначально было несколько других имен, Янг не остановился бы на том месте, где он остановился в своем расшифровке.

Но удача, которая была одновременно столь благосклонна и столь мучительна в случае с Розеттским камнем, обошлась более мягко с Бехистунской надписью: в персидской части сохранилось не менее девяноста имен собственных, которые были повторены другими буквами в ассирийской надписи. Изучение этих имен дало ключ к звучанию ассирийских символов. Однако расшифровка этих символов, даже с такой помощью, оказалась чрезвычайно сложной, поскольку вскоре стало очевидным, что речь шла уже не о почти совершенном алфавите из нескольких символов, а о слоговом алфавите из нескольких сотен символов, включая многочисленные омофоны, или разные формы для обозначения одного и того же звука. Но с помощью персидского перевода, с одной стороны, и семитских языков, к семейству которых принадлежал ассирийский, с другой, эта сложная задача была постепенно решена. Ведущими исследователями были генерал Роулинсон, профессор Хинкс и мистер Фокс Тальбот в Англии, профессор Жюль Опперт в Париже и профессор Эберхард Шрадер в Германии, хотя вскоре к ним присоединилось множество других ученых.

Этот великий лингвистический подвиг был совершен примерно в середине века. Но подвиг этот был настолько велик, что многие ученые высочайшего уровня, в том числе Эрнест Ренан во Франции и сэр Джордж Корнуолл Льюис в Англии, сначала отказались принять его результаты, утверждая, что ассириологи просто обманули самих себя, создав произвольный язык. В 1855 году по предложению г-на Фокса Тальбота этот вопрос был подвергнут проверке, когда четыре ученых, один из которых был сам г-н Тальбот, а остальные — генерал Роулинсон, профессор Хинкс и профессор Опперт, представили Королевскому азиатскому обществу свои независимые переводы до сих пор непереулаженного ассирийского текста. Комитет общества, в состав которого входил величайший английский историк века Джордж Гроут, вскрыл печати четырех переводов и сообщил, что они однозначно совпадают по основному смыслу и даже удивительно единообразны в отношении фразеологии некоторых пассажей; короче говоря, они настолько близки друг к другу, насколько это возможно для переводов из непонятных текстов любого сложного языка. Это решение придало работе ассириологов, так сказать, официальный статус, и с тех пор надежность их метода никогда не подвергалась сомнению.

Так случилось, что эти кирпичи с надписями из дворца Ашшурбанапала, которые, когда был обнаружен первый из них, были столь же бессмысленны, как и многие пустые плиты, были заставлены раскрыть свое послание. И это чудесное послание, как мы уже видели.

Однако простое удовлетворение смутного любопытства в отношении прошлых традиций было бы лишь небольшой частью интеллектуальной работы, в выполнении которой восточные древности сыграли большую роль. Их послание имело поистине мировое историческое значение. Благодаря этим памятникам из Египта и Месопотамии, исследователь человеческой цивилизации сегодня имеет широкий обзор, который до сих пор был для него совершенно недоступен. До тех пор, пока склепы у Нила и земляные насыпи у Тигра и Евфрата не раскрыли свои секреты, ученые абсолютно ничего не знали о главных вехах цивилизации, более древней, чем VI век до нашей эры. Все, что было за этим, было мифом, сказкой, неподтвержденной традицией. А теперь несомненные памятники цивилизации переносят нас в период, по крайней мере, втрое более древний (). Знаменитая *хронология* архиепископа Ашера, которая так долго доминировала в представлениях людей, ушла в прошлое, и мы узнаем из доказательств, высеченных в камне и неизгладимо запечатленных в кирпичах, что в 4004 году до нашей эры, который в примечаниях к Библии по-прежнему указывается как год Сотворения мира, огромные сообщества людей в широко разбросанных частях земли достигли высокой степени цивилизации. В год, когда, по преданию, первый человек бродил нагим по Эдему, реальный человек жил с тысячами своих братьев в огромных городах, где он строил дома и храмы, воздвигал чудесные памятники, занимался такими искусствами, как стеклоделие, скульптура и живопись, и записывал свои мысли в письменном виде. И с того дня до наших дней тянется нить цивилизации, не прерванная ни всемирным потопом, ни другими катаклизмами.

Конечно, нам говорят, что архиепископ Ашер и его родственники и друзья были просто легковверными и заблуждающимися энтузиастами, которые думали, что обнаружили хронологическую последовательность там, где ее не было; но выдвигать такую точку зрения было явной ересью, пока новые памятники не дали нам основы для создания истинной хронологии. Другие свидетельства действительно доказали древность Земли и самого человека, но древность цивилизации по-прежнему зависит от этих восточных памятников. Хронология древней истории не имеет других достоверных источников, а хронология, как сказал профессор Петри, является «основой истории». Конечно, точная хронология далекой древности ни в коем случае не является столь же фиксированной и надежной, как хотелось бы. Исследователь древности, имеющий дело с более отдаленными эпохами, должен считать веками, а не годами. Но общие очертания вопроса не подлежат сомнению. До тех пор, пока исследователи сталкивались с опасностью наводнения, каждый шаг в ранней хронологии был предметом споров, и каждое более отдаленное столетие должно было бороться за признание. Но теперь, благодаря накоплению доказательств, все это в прошлом, и самые ярые сторонники еврейских записей соревнуются друг с другом в отслеживании свидетельств цивилизации в Египте и Месопотамии, веками и тысячелетиями. Профессор Хильпрехт считает, что недавние раскопки американцев на месте Ниппура позволили отнести свидетельства к 6000 или даже 7000 годам до нашей эры, и никого не беспокоит это предположение, за исключением, возможно, египтологов, чьи записи пока что останавливаются примерно на тысячелетие раньше и которые испытывают некоторую ревность, опасаясь, что их египтяне семи тысяч лет назад окажутся неинтересными выскочками.

Но обратите внимание, как эти новые цифры нарушают баланс истории. Если наши предки восемь или девять тысяч лет назад находились в полном расцвете цивилизации, где же нам искать столь обсуждаемое «зарождение истории»? По этому новому стандарту римляне кажутся нашими современниками в современной цивилизации; «золотой век»

Греции — это вчерашний день; строители пирамид — лишь относительно далекое прошлое. Люди, построившие храм Бела в Ниппуре, скажем, в 5000 году до нашей эры, наверняка чувствовали себя на вершине цивилизации и культуры. Как предположил профессор Махаффи, время пирамид, возможно, было настоящей осенью цивилизации. Где же тогда мы должны искать ее весну? Ответ на этот вопрос, если он вообще есть, должен исходить из того, что мы сейчас называем доисторической археологией; памятники из Мемфиса, Ниппура и Ниневии, охватывающие всего лишь около 10 000 лет, являются свидетельствами более поздней истории.¹

СНОСКИ

^[39] Как известно, Диодор Сицилийский утверждает, что камни моста, построенного Семирамидой через Евфрат, были соединены с помощью подобных железных скоб, а промежутки между ними были заполнены расплавленным свинцом.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «a» зарезервирована для редакционных материалов]

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

^b G. WEBER, *Allgemeine Weltgeschichte*.

^c EDUARD MEYER, *Geschichte des Alterthums*.

^d Ф. ХОММЕЛЬ, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*.

^e R. W. ROGERS, *History of Babylonia and Assyria*.

^f J. P. PETERS, *Nippur*.

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНИИ

Хьюго РАДАУ, «История ранней Вавилонии до IV династии Ура».

^c А. Н. SAYCE, из статьи «Вавилония и Ассирия» в новых томах девятого издания *Encyclopædia Britannica*.

^a Е. А. Т. W. BUDGE, «Жизнь и история Вавилона».

ГЛАВА III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АССИРИИ

^b Х. ВИНКЛЕР, «История Вавилонии и Ассирии».

^c ЭДУАРД МЕЙЕР, «История древности».

Е. BABELON, *Histoire de l'Orient*.

^e С. Р. TIELE, *Babylonisch-Assyrische Geschichte*.

ГЛАВА IV. ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ ВЕЛИЧИЯ АССИРИИ

^b C. P. TIELE, *Babylonisch-Assyrische Geschichte*.

^c ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^a E. A. T. W. BUDGE, *Annals of Shalmaneser II, Sennacherib, and Assurbanipal*.

ГЛАВА V. УПАДОК И ПАДЕНИЕ АССИРИИ

^b Р. В. РОДЖЕРС, *История Вавилонии и Ассирии*.

^c C. P. TIELE, *Babylonisch-Assyrische Geschichte*.

ГЛАВА VI. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА

^b Ф. ХОММЕЛЬ, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*.

ГЛАВА VII. ОБЫЧАИ И НРАВЫ ВАВИЛОНИИ-АССИРИИ

^b А. Х. ЛЕЙАРД, *Ниневия и ее руины*.

^c ГЕРОДОТ, «*История Геродота*» (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^a СТРАБОН, *География Страбона* (перевод с греческого Дж. Фалконера и Х. К. Гамильтона).

А. Н. Л. HEEREN, *Исторические исследования политики, взаимоотношений и торговли основных народов древности* (азиатские народы).

JOACHIM MENANT, *La Bibliothèque du Palais de Ninive*.

ГЛАВА VIII. РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНЯН И АССИРИЙЦЕВ

^b JOACHIM MENANT, *La Bibliothèque du Palais de Ninive*.

^c L. W. KING, *Babylonian Religion and Mythology*.

P. JENSEN, *Cosmologie der Babylonier*.

ⁱ H. GUNKEL, *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*.

ⁱ Л. В. КИНГ, «*Семь табличек сотворения мира*».

^m ЭБЕРХАРД ШРАДЕР, «*Клинописные надписи и Ветхий Завет*», 3-е издание.

ⁿ A. JEREMIAS, *Izdubar Nimrod*.

^a C. P. TIELE, *Babylonisch-Assyrische Geschichte*.

ГЛАВА IX. ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

^b А. Н. LAYARD, *Nineveh and its Remains*.

^c HENRY SMITH WILLIAMS, «Влияние современных исследований на охват мировой истории», вступительная статья в томе III нового издания девятого тома *Encyclopædia Britannica*.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, «*Историческая библиотека*» (перевод с греческого Г. Бутом).

^e ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.

ЭДВАРД ХИНКС, из статьи «Об ассиро-вавилонских мерах времени», в томе XXIV «Трудов Королевской Ирландской академии», 1874.

ЙОАХИМ МЕНАНТ, *La Bibliothèque du Palais de Ninive*.

С. Р. TIELE, *Babylonisch-Assyrische Geschichte*.

ⁱ G. NAGEL, в *Beiträge zur Assyriologie*, т. IV.

ⁱ М. MONTGOMERY, *Briefe aus der Zeit Hammurabis*.

^k С. JOHNSTON, в «Epistolary Literature of the Assyrians and Babylonians» в *Journal of the American Oriental Society*, т. XVIII.

^l ФРИДРИХ ДЕЛИЦШ, статья «Beiträge zur Erklärung der babylonisch-assyrischen Brieflitteratur» в *Beiträge zur Assyriologie*, т. I.

^m Ф. ЛЕНОРМАН, *Histoire ancienne de l'Orient*.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

^b ISAAC PRESTON CORY, *Ancient Fragments*.

^c ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ. *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

CLAUDIUS ÆLIANUS, *The Variable History of Ælianus* (перевод с греческого А. Флемингом).

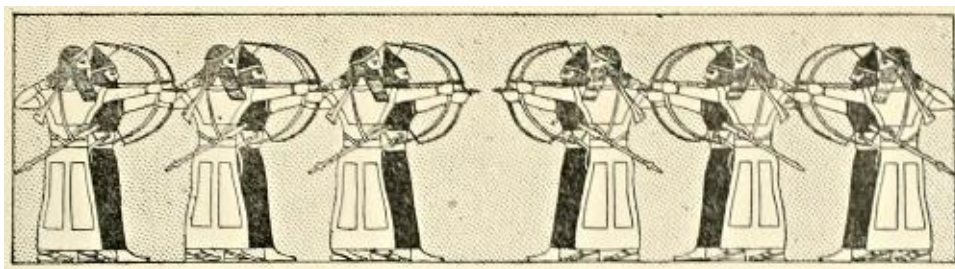
ПРИЛОЖЕНИЕ В. РАСКОПКИ В МЕСОПОТАМИИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

^b А. Н. LAYARD, *Nineveh and its Remains*.

^c Ф. ХОММЕЛЬ, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*.

^d Р. В. РОДЖЕРС, «История Вавилонии и Ассирии».

ⁱ HENRY SMITH WILLIAMS, *The History of the Art of Writing*.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ МЕЗОПОТАМИИ

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ, С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

Элиан, Клавдий, «Изменчивая история Элиана». Перевод А. Флеминга. Лондон, 1576 г. — **Эйнсворт**, У., «Исследования в Ассирии, Вавилонии и Халдее». Лондон, 1842 г.; «Халдеи Центрального Курдистана». — **Амьо**, А., в «Открытиях в Халдее» де Сарзека. Париж, 1814, 2 тома; (в соавторстве с **Ф. Шейлом**) «Надписи Салманасара». Париж, 1890. — **Арес**, А., «Трактат об ассирийской метрологии». Париж, 1891.

Бабелон, Э., Руководство по восточной археологии. Париж, 1888; **Бертен**, Г., Вавилонская хронология и история. Лондон, 1892; The Pre-Akkadian Semites. Лондон, 1886. — **Bewsher**, Lieut., Mesopotamia: Sheriat-el-Beyta to Tell Ibrahim. — **Bezold**, C., The Tell-el-Amarna Tablets in the British Museum. Лондон, 1892; Catalogue of the Cuneiform Tablets in the Kuyunjik collection in the British Museum. Лондон, 1889; Überblick über die babylonisch-assyrische Literatur. Лейпциг, 1886. — **Биллербек**, А., Сузы. Лейпциг, 1893. — **Берч**, С., Записи прошлого. Лондон, 1873, 12 томов. — **Бонавиа**, Э., Флора ассирийских памятников. Лондон, 1894. — **Боскавен**, У. С. Лекции по истории Ассирии. Лондон, 1886; Ассирия и Вавилония. Лондон, 1836. — **Ботта**, П. Э., и **Фландрин**, Э., Памятники Ниневии. Париж, 1849-1850, 5 тт.

Поль Эмиль Ботта родился в Турине 6 декабря 1802 года и умер в Ашере, недалеко от Пуасси, Франция, 29 марта 1870 года. Он был французским консулом в Александрии, а в 1842 году был переведен на должность вице-консула в Мосуле, где он был первым титулярным консулом. В декабре 1842 года он изучал курган, покрывавший правый берег Тигра напротив Мосула; поверхностно исследовал Куюнджик; а затем в Хорсабаде обнаружил (с марта по октябрь 1843 года) остатки города и дворца Дурсарионкина, основанного Саргоном II, царем Ассирии. Предметы, найденные в ходе этих раскопок, были перевезены во Францию в 1846 году и составляют основную часть экспозиции Ассирийского музея Лувра.

Брандис, Дж., Über den historischen Gewinn aus der Entzifferung der Assyrischen Inschriften. Берлин, 1856. — **Браун**, Ф. Т., Ассириология. Нью-Йорк, 1885. — **Брюс**, П., Три надписи Набополассара, царя Вавилонии, 625-604 гг. до н. э.; в Amer. Jour. of Sem. Lang., т. 16, с. 178. Чикаго, 1900. — **Брюннов**, Р. Э., Classified List of All Simple and Compound Cuneiform Ideographs. Лейден, 1887-1889. — **Брустон**, К. А., Les inscriptions assyriennes et l'Ancien Testament. Париж, 1875. — **Budge**, E. A. W., Babylonian Life and History. Лондон, 1884; The History of Esar-Haddon. Лондон, 1880; Annals of Shalmanasser II, Sennacherib and Assurbanipal. Лондон, 1880; A Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities of the British Museum. Лондон, 1900.

Кара, П. К. де, Гли Хетеи-Пеласги. Рим, 1895. — **Картрайт**, Дж., Путешествия по Сирии, Месопотамии и др. Лондон, 1911. — **Кассас**, Л. Ф., Живописное путешествие по Сирии.

Париж, 1799. — **Каваниол**, X., Les monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylone. Париж, 1870. — **Клерк**, Л. де, Antiquités assyriennes. Париж, 1888. — **Клоке**, Л., L'art monumental des égyptiens et des assyriens. Париж, 1896.

Делатр, А. Ж., «Наброски ассирийской географии». Париж, 1883; «Исторические надписи Ниневии» и др. Париж, 1879; «Западная Азия в ассирийских надписях». Брюссель, 1885; «Ассириология за одиннадцать лет». Париж, 1891; «Точность в истории по мнению ассириолога». Лувен, 1888.—**Делицш**, Фридрих, Возникновение древнейшей системы письменности (ältestens Schriftsystems). Лейпциг, 1897; Торговля, право и обычаи в древней Вавилонии (Handel, Recht und Sitte im alten Babylonien) (в Velhagen and Klasing's Monatshefte, Jahr. 13, Vol. II, p. 47. Берлин, 1899); Ассирийские исследования (Assyrische Studien). Лейпциг, 1874.

Фридрих Делицш, сын Франца Делицша, родился в Эрлангене 3 сентября 1850 года. Профессор ассириологии в Берлинском университете, он посвятил себя изучению ассириологии и приобрел широкую известность как ассириолог. Он был назначен профессором ассириологии в Лейпцигском университете. Его труды в основном посвящены Ассирии и жизни древних ассирийцев, он также перевел некоторые работы других историков, в частности «Халдейский рассказ о сотворении мира» Джорджа Смита. В 1902 году он произвел большой резонанс в Германии своей лекцией «Вавилон и Библия», в которой он указал на сходство истории Моисея в камышах с древней легендой о рождении Саргона I, царя Вавилона; отметил вавилонский обычай отдыхать каждый седьмой день, слово «шаббат» (откуда и произошло слово «суббота»), а также многие другие моменты, в которых в Библии прослеживается вавилонское влияние.

Дъелафой, Ж., La Perse et la Chaldée. Париж, 1887. — **Диодор**, С., The Historical Library, Лондон, 1700. — **Дункер**, М., Geschichte des Alterthums. Лейпциг, 1878, 6 тт. Английский перевод: The History of Antiquity. Лондон, 1880, 6 тт.

Эдвардс, К., «Свидетель Ассирии». Лондон, 1893. — **Эппинг**, К., «Астрономические данные из Вавилона». Фрайбург, 1889. — **Эванс**, Г., «Очерк ассириологии». Лондон, 1883.—**Эветтс**, Б. Т. А., Цилиндры Сеннахериба. Лондон, 1889; Надписи о правлении Эвель-Меродаха, Нериглиссара и Лаборосархода. Лейпциг, 1892.

Фер, Х. Л., Les Ruines de Ninive. Париж, 1864.—**Фергюсон**, Дж., Восстановленные дворцы Ниневии и Персеполя. Лондон, 1857.—**Фонтан**, М., Histoire Universelle. Париж, 1881-1889, 6 тт.

Мариус Фонтане родился в Марселе 4 сентября 1838 года. Он был предназначен для карьеры в коммерции и был отправлен французской компанией из Марселя в качестве ее представителя на Восток. Там он познакомился с Фердинандом де Лессепсом и стал его личным секретарем. Благодаря усилиям де Лессепса Фонтане последовательно занимал должность генерального секретаря Суэцкой и Панамской каналных компаний. Фонтан рано увлекся литературной деятельностью и, несмотря на свои служебные обязанности, находил время уделять много внимания политической экономии, религии, науке и истории во всех ее отраслях. В своей «Всеобщей истории» он уделяет много места вопросам расы и первобытных религий в историческом развитии человечества. Мариус Фонтан прославился в основном благодаря своим трудам по истории, но также и благодаря своим исследованиям в странах, расположенных вокруг Суэцкого перешейка.

Фраденбург, Дж. Н., Огонь со странных алтарей. Цинциннати, 1891. — **Фрейзер**, Дж. Б., Месопотамия и Ассирия от древнейших времен до наших дней. Нью-Йорк, 1892.

Гатчет, А. С., Исторические документы XIV века до н. э. (В Amer. Anthropologist, т. 10, с. 121. Вашингтон, 1897.) — **Гинцель**, Ф. К., Астрономические знания вавилонян и их культурно-

историческое значение. Лейпциг, 1901. — **Госс**, В. Х., Еврейские пленники царей Ассирии. Лондон, 1890. — **Гияр**, С., Сборник по ассириологии. Париж, 1883. — **Гудспид**, Джордж С., История Вавилонии и Ассирии. Нью-Йорк, 1903.

Халеви, Ж., Религиозные документы Ассирии. Париж, 1882; Новая эволюция аккадского языка. Париж, 1878; Грамматический обзор ассиро-вавилонской аллографии. Париж, 1885; Очерк надписей Сафа. Париж, 1882; Критические исследования происхождения вавилонской цивилизации. Париж, 1876.

Жозеф Алеви, еврейского происхождения, родился в Адрианополе 15 декабря 1827 года. Он приехал учиться в Париж и получил французское гражданство. В 1868 году он посетил северную Абиссинию, чтобы изучить иудейскую религию фалашей. (Фалаши — это хамитское племя, исповедующее иудейскую религию и утверждающее, что оно происходит от еврейских иммигрантов, последовавших за царицей Савской). В 1869 году он был отправлен в Йемен с миссией Академии надписей и изящной словесности. Он пробыл там два года и привез шестьсот восемьдесят три сабейские надписи. В 1872 году он получил золотую медаль от Географического общества и премию Вольне от Института. Впоследствии он стал профессором эфиопского языка в Высшей практической школе. Он был одним из самых активных сотрудников *Journal Asiatique* и часто писал в Académie des Inscriptions о самых спорных вопросах, касающихся филологии и археологии Востока. Его теории о происхождении народов и языков Месопотамии произвели глубокое впечатление на весь научный мир, и, хотя они встретили ожесточенное сопротивление, они заслуживают всего того внимания, которое положено таким глубоким и неустанным исследованиям.

Харкнесс, М. Э., «Жизнь и история Ассирии». Лондон, 1883. — **Харпер**, Р. Ф., «Ассирийские и вавилонские письма». Лондон, 1892-1902, 8 тт. — **Авет**, Э., «Мемуар о дате написания». Париж. — **Херен**, А. Х. Л., Исторические исследования и др. Оксфорд, 1839, 2-е изд., 5 тт. — **Гегель**, Г. В. Ф., Лекции по философии истории. Лондон, 1857. — **Хельм**, О. (в соавторстве с **Хилпребтом**, Х. В.), Химическое исследование древневавилонских медных и бронзовых предметов и определение их возраста (в Berl. Gesellsch. f. Anthropol. Verh.). Берлин, 1901. — **Гердер**, И. Г. фон, Очерки философии истории человечества. Лондон, 1803, 2 т.

Иоганн Готфрид фон Гердер родился в Морунге, Восточная Пруссия, 25 августа 1744 года. Его образование было в основном частным. Его первые сочинения появились, когда ему было около двадцати лет. Его первая значительная работа, *Fragmente über die neue deutsche Literatur*, появилась в 1767 году. Эта работа привлекла благосклонное внимание Лессинга и сделала его широко известным. В 1776 году он получил должность старшего придворного проповедника и старшего члена консистории в Веймаре. На этой должности он прожил остаток своей жизни. «Он обладал интуицией, которую во многих случаях можно считать пророческой, и которая сделала его первопроходцем, по стопам которого следуют до сих пор». Его «*Исследование философии истории*» естественно сравнивают с работой на ту же тему его современника Гегеля. В свое время оно вызвало настоящий фурор и до сих пор может быть прочитано с интересом и пользой каждым серьезным исследователем истории. Его основная позиция кажется сегодня особенно архаичной, что свидетельствует о совершенно изменившемся взгляде на историю в нашем поколении. Гердер, как и большинство других философских историков своего времени, видел повсюду руку Бога в истории и был твердо убежден, что все человеческие события являются лишь осуществлением божественного плана, общие черты которого были полностью раскрыты человеку. Современный историк стремится быть скорее ученым, чем философом, и он находит мало доказательств того основания, на котором работал Гердер, но рассматривает или пытается рассматривать ход мировой истории как беспристрастный исследователь

фактов и рациональных человеческих мотивов, ни в коем случае не будучи уверенным, что он полностью понимает метафизическое теологическое значение этих фактов и мотивов, если таковое существует. Однако именно по этой причине сочинения Гердера имеют особую ценность, поскольку они не только свидетельствуют о ментальном понимании эпохи, в которой они были написаны, но и одновременно указывают на значительное различие между той эпохой и нашей.

Геродот, «История Геродота». Лондон, 1806, 2-е изд., 4 тт. — **Хеузи**, Л., «Un palais chaldéen». Париж, 1888. La construction du roi Our-Nina d'après les levés et les notes de M. de Sarzec (в Rev. d'Assyr. et d'Archéol., т. 4, с. 87. Париж, 1898).—**Хильпрехт**, Х. В., Вавилонская экспедиция Университета Пенсильвании (Древние вавилонские надписи), Am. Phil. Soc. Филадельфия, 1896; Недавние исследования на землях Библии. Филадельфия, 1896; Недавние раскопки Университета в Ниппуре (в Univ. of Pennsylvania Bul., т. 2, с. 87, и т. 3, с. 373, Филадельфия, 1899).

Герман Хильпрехт родился в Хоэнеркслебене, Германия, 28 июня 1859 года. В настоящее время он является профессором Пенсильванского университета. Профессор Хильпрехт с самого начала интересовался экспедицией Пенсильванского университета в Вавилонию, о которой мы не раз упоминали. Позже он был куратором и научным руководителем экспедиции, в которой г-н Хейнс отвечал за полевые работы в 1893-95 и 1897-1900 годах, после ухода доктора Петерса на пенсию. Хотя он провел всего месяц в полевых работах, он потратил несколько лет на обработку в Константинополе или Филадельфии обширного материала, полученного различными экспедициями, и его результаты, публиковавшиеся время от времени, были повсеместно отмечены как яркие и важные дополнения к нашим техническим знаниям в области ассириологии. Наибольший интерес общественности к этим открытиям, пожалуй, вызван тем, что они проливают свет на чрезвычайную древность вавилонской истории. Доктор Петерс и профессор Хильпрехт уверяют нас, что достоверные записи, полученные в результате раскопок в Ниппуре, относят историю Вавилонии к периоду, по крайней мере, на тысячу лет более раннему, чем дата, приписываемая архиепископом Ашером в его давно известной хронологии создания мира, а последние исследования профессора Хильпрехта подтверждают мнение, что самые ранние записи из Ниппура не более поздние, чем 7000 год до нашей эры.

Хинкс, Э., «Об ассиро-вавилонских мерах времени». Дублин, 1874. — **Хирд**, В. Г., «Монументальные записи». Лондон, 1889. — **Хофер**, Дж. К. Ф., «Мемуары о руинах Ниневии». Париж, 1850.—**Hommel**, F., Geschichte Babylonien und Assyrien. Берлин, 1885; Semitische Völker und Sprachen. Лейпциг, 1881; Abriss der babylonisch-assyrischen und israel. Gesch. Лейпциг, 1880; Der babylonische Ursprung der ägypt. Kultur. Мюнхен, 1892.

Фриц Хоммель родился в Ансбахе 31 июля 1854 года. Профессор семитских языков в Мюнхенском университете. Профессор Хоммель является выдающимся членом группы немецких ученых, которые посвятили свою жизнь востоковедению. Его исследования в основном касаются семитской расы. Его история Вавилонии и Ассирии является одной из самых последних и, безусловно, одной из самых полных и авторитетных работ по данной теме, которые были написаны до сих пор. Поскольку профессор Хоммель еще относительно молод, он, естественно, принадлежит к передовой школе ассириологов (), и его работы можно с уверенностью рассматривать как выражение самых последних достижений в данной области исследований. В частности, профессор Хоммель известен как ярый защитник вавилонского или халдейского происхождения финикийского алфавита в противовес теории де Руже, который приписывал ему египетское происхождение. Большинство публикаций Хоммеля доступны только на немецком языке.

Хауорт, Х. Х., «Ранняя история Вавилонии» (в *Engl. Hist. Rev.*, т. 13, стр. 1, 209, т. 14, стр. 625, т. 16, стр. 1); *On the Earliest Inscriptions from Chaldea* (в *Proc. Soc. Bibl. Archeol.*, т. 21, с. 289, Лондон, 1899).

Ястроу, М., Религия Вавилонии и Ассирии. Бостон, 1898; Набополассар и храм бога Солнца в Сиппаре (в *Amer. Jour. of Sem. Lang.*; Чикаго, 1899, т. 15, с. 65).—**Jensen**, Р., Kish (в *Ztschr. für Assyriologie*; Берлин, 1901, т. 15): *Assyrisch-babylon, Mythen und Epen* (в *Keilschrftl. Bibl.*; Берлин, 1900, т. 6): *Die Cosmologie der Babylonier*. Страсбург, 1890.—**Джонсон**, К., *The Fall of the Assyrian Empire* (в исследованиях в честь Б. Л. Гилдерслива; Балтимор, 1902, с. 113): *The Fall of Nineveh* (в *Amer. Orient. Soc. Journ.*; Нью-Хейвен, 1901, т. 22, ч. 1, с. 20).—**Юстиний**, История мира Юстина. Лондон, 1875.—**Иеремия**, А., Ад и рай у вавилонян. Лейпциг, 1900.

Каулен, Ф., «Ассирия и Вавилония, согласно последним открытиям». Фрайбург, 1891, 4-е изд.—**Кеннеди**, Дж., Ранние торговые связи Вавилонии с Индией и др. Лондон, 1898.—**Кинг**, Л. В., Вавилонская религия и мифология, Лондон, 1899; Письма и надписи Хаммурапи и др. Лондон, 1898-1900, 3 т.

Леонард Уильям Кинг родился в Лондоне 8 декабря 1869 года и получил образование в Рэгби и Королевском колледже Кембриджа. Будучи ассистентом в отделе египетской и ассирийской древности Британского музея, он провел очень обширные исследования в области литературы Вавилонии и Ассирии. Он собрал и систематизировал множество серий клинописных надписей, а также внес значительный вклад в литературу по Вавилонии и Ассирии. Его труды в основном носят довольно технический характер.

Кинс, С., «Graven in the Rock». Лондон, 1891. — **Кнудтзон**, Дж. А., «Assyr. Gebete an den Sonnengott». Лейпциг, 1893, 2 тома. — **Колер**, Дж., и **Пейссер**, Ф. Э., «Aus dem babylonischen Rechtleben». Лейпциг, 1890.—**Кольдевей**, Р., в *Zeitschrift für Assyriologie*. Декабрь, 1887.—**Кралл**, Дж., *Grundriss der altorientalischen Geschichte*. Вена, 1899.—**Крюгер**, Дж., *Geschichte der Assyrier und Iranier, vom XIII, bis zum V. Jahrh. v. C.* Франкфурт, 1856.

Ланглуа, В., *Le Dunuk-Dasch, tombeau de Sardanapale à Tarsovo* (в *Rev. Archéol.*; Париж, 1853, т. 10).—**Лоран**, А., *La Magie et la Divination de l'Orient*. Париж, 1894.—**Лэйард**, А. Х., *Nineveh and its Remains*. Лондон, 1849, 2 т.; Ниневия и Вавилон. Лондон, 1853; Ранние приключения в Персии, Сузиане и Вавилонии. Лондон, 1887; Памятники Ниневии. Лондон, 1849-1854.

Сэр Остин Генри Лейард родился в Париже в семье англичан 5 марта 1817 года. Ранние годы своей юности он провел во Флоренции. Вернувшись в Англию, он начал изучать право. В 1839 году он отправился в длительное путешествие, в основном по Территории Турецкой империи. Здесь он выучил персидский и арабский языки. В 1842 году он провел несколько месяцев, исследуя древности юго-западной Персии. Именно во время этой экспедиции он заинтересовался раскопками, проводимыми М. Ботта на предполагаемом месте Навине. В 1845 году он вернулся в Мосул и начал серию исследований. Материалы, собранные им во время этой экспедиции, значительно обогатили восточный отдел Британского музея, а благодаря найденным клинописным надписям древняя восточная история была полностью реконструирована. В 1852 году он провел вторую серию раскопок в Ассирии, значительно пополнив свои прежние открытия. В том же году он был избран в парламент. В 1854 году он посетил Крым, где стал свидетелем нескольких сражений. В 1855 году он был избран ректором Абердинского университета, а в 1866 году стал попечителем Британского музея. Вскоре после этого он был избран иностранным членом Французского института. В 1869 году он был послом в Испании, а в 1878 году — в Константинополе. Он умер 5 июля 1894 года. Имя этого знаменитого англичанина всегда будет неразрывно связано с зарождением науки ассириологии. Именно благодаря Лэйарду был раскопан некогда знаменитый, но давно почти забытый город Ниневия, а его погребенные сокровища были представлены миру.

История этих раскопок является частью истории Ассирии и Вавилонии и уже была рассказана.

Леманн, К., Altbabylon, Maass und Gewicht. Берлин, 1889; Beiträge zur alten Geschichte. Лейпциг, 1901; Shamasshumukin, König von Babylonien, 668-669 v. C. Лейпциг, 1892; Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung. Лейпциг, 1898.—**Ленорман**, Ф., Les dieux de Babylone et de l'Assyrie. Париж, 1877; Lettres assyriologiques, 2-я серия; Études assyriologiques. Париж, 1879-1880; Chaldean Magic: Origin and Development. Лондон, 1877; Первые цивилизации. Париж; в соавторстве с **Шевалье**, Э., Руководство по древней истории Востока. Лондон, 1869-1870, 2 тома; в соавторстве с **Бабелом**, Э., Древняя история Востока. Париж, 1881-1886.

Франсуа Ленорман родился в Париже 17 января 1837 года; умер там же 10 декабря 1883 года. Получил частное образование. С ранних лет он проявлял особые способности и интерес к изучению восточных языков. Он много путешествовал по Египту, Турции и Греции и прославился своими исследованиями в области аккадских языков. В 1874 году он был назначен профессором археологии в Библиотеке в Париже. Сын археолога с выдающимися заслугами, Ленормант вырос в атмосфере ученой и с ранних лет проявил живой интерес ко всему, что касалось археологии. Он пришел в ассириологию в самом начале ее развития и вскоре стал известен как один из ведущих мастеров в этой области, и его ранняя смерть была повсеместно воспринята как один из самых тяжелых ударов, которые могли быть нанесены восточной археологии. Коллеги Ленормана считали его обладателем особого таланта к своей работе, а его интерес к литературному творчеству был не меньше, чем к науке. Тот факт, что его великое произведение по восточной истории было сразу переведено на английский язык, свидетельствует о его популярности. К сожалению, он не успел завершить свою еще более важную работу по той же теме, которой посвятил последние годы своей жизни.

Линке, А. А., Bericht über die Fortschritte der Assyriologie, 1886-1893. Лейпциг, 1894. — **Линдл**, Э., Die Datenliste der ersten Dynastie von Babylon; в Beiträge zur Assyriologie. Лейпциг, 1901. — **Лофтус**, У. К., Chaldea and Susiana. Лондон, 1857.—**Лотц**, W., Die Imschriften Tiglathpileser I. Лейпциг, 1880.—**Льон**, G., Keilschrifttexte Sargon's, Königs von Assyrien, 722-705 v. C. Лейпциг, 1883.

Маккалестер, С. Х., Вавилон и Ниневия. Бостон, 1892.—**Макфейл**, С. Э., Монументальное свидетельство истории Ветхого Завета. Лондон, 1879.—**Мартин**, Г., Поход Сеннахирима в Палестину и др. Монтбан, 1892.—**Мартин**, Ф., Религиозные тексты Ассирии и Вавилона. Париж, 1900. — **Масперо**, Г. К. К., Древняя история народов Востока. Париж, 1886; Борьба народов. Лондон, 1896; Рассвет цивилизации. Лондон, 1897; Жизнь в древней Ассирии. Лондон, 1892. — **Мейсснер**, Б., Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht. Лейпциг, 1893.—**Менан**, Ж., Babylone et la Chaldée. Париж, 1875; Découvertes assyriennes. La Bibliothèque du palais de Ninive. Париж, 1880; Empreintes de cachets assyrio-chaldéens relevés au Musée britannique sur des contrats d'intérieur privé. Париж, 1883; Les pierres gravées de la Haute-Asie. Recherches sur la glyptique orientale. Париж, 1883, 1886; Les noms propres assyriens; recherches sur la formation des expressions idéographiques. Париж, 1861; Hammourabi (King of Babylon) Inscriptions. Париж, 1873; Les langues perdues de la Perse et de l'Assyrie. Париж, 1890; Annales des rois d'Assyrie. Париж, 1874; Ninive et Babylone. Париж, 1888; Les fausses antiquités de l'Assyrie. Париж, 1888.

Жоаким Менан родился в Шербурге, Франция, 16 апреля 1820 года. Жизнь этого известного востоковеда является еще одним примером практичного человека, который находит время и для самых сложных научных исследований. На протяжении своей долгой жизни, до 1890 года, когда в возрасте семидесяти лет он ушел на пенсию с титулом

почетного советника. Менант вел практическую повседневную жизнь магистрата и занимался этой профессией с такой усердностью и рассудительностью, что достиг наивысших отличий. В то же время он находил достаточно свободного времени, чтобы стать признанным во всем мире одним из самых выдающихся ассириологов. Будучи относительно молодым человеком, когда открытия Ботта, Лейарда и их последователей впервые привлекли внимание всего мира к сокровищам Ассирии, Менан, по-видимому, с самого начала был охвачен желанием исследовать странные надписи из Ниневии. Он был одним из первых, кто занялся изучением странного клинописного письма, и с тех пор до сих пор остается в авангарде постоянно растущего сообщества ассириологов. Список его работ представляет собой не что иное, как череду статей по тем или иным вопросам, наиболее тесно связанным с этой областью. Большинство из них носят технический характер и, следовательно, были доступны лишь ограниченной аудитории. Однако в одном или двух случаях, в частности в случае с небольшой книгой о библиотеке Ашшурбанапала, он спустился на популярный уровень и продемонстрировал свою способность обращаться с самыми заумными темами таким образом, что они становятся увлекательными даже для самых неискушенных читателей. Как ни странно, эта прекрасная маленькая книга до сих пор не была переведена на английский язык, и подобное пренебрежение сопровождало почти все другие публикации автора. Трудно найти объяснение этому пренебрежению, если только это не известная позиция автора по отношению к статусу древних еврейских записей. Не раз он высказывал мнение, что выделение евреев среди народов древности как единственной важной расы своего времени является печальным искажением исторической перспективы. Излишне говорить, что такое мнение противоречит предрассудкам значительной части людей, в том числе и большинства ассириологов.

Менар, Л., *Histoire des anciens peuples de l'Orient*. Париж, 1883. — **Мейер**, Э., *Geschichte des Alterthums*. Штутгарт, 1884 и др., 5 тт., в процессе подготовки. — **Монако**, А., *Orientalia*. Рим, 1891. — **Муке**, Х., *Von Euphrat zum Tiber. Untersuchungen zur alten Geschichte*. Лейпциг, 1899. — **Мюллер-Симонис**, П., *Relations des missions scientifiques*. Вашингтон, 1892. — **Мюрдтер**, Ф., *Gesch. Babylonien und Assyrien*. Штутгарт, 1891.

Нибул, Б. Г., *Лекции по древней истории*. Лондон, 1852, 2 тома. — **Нибул**, М., *Geschichte Assurs und Babels*. Берлин, 1854. — **Нибул**, К., *Die erste Dynastie von Babel* (в *Vorderasiat. Ges. Mitt.*, т. 3, с. 43). Берлин, 1897; *Studien zur Geschichte des alten Orientes*. Лейпциг, 1894; *Die Chronologie der Geschichte Israels, Aegyptens, Babylonien und Assyrien von 2000-700 v. Chr.* Лейпциг, 1895. — **Никель**, Й., *Геродот и исследование клинописи*. Падерборн, 1896.

Опперт, Ж., *Babylone et Chaldée*. Париж, 1874; *L'immortalité de l'âme chez les Chaldéens*. Париж, 1875; *The Real Chronology of the Babylonian Dynasties*. Лондон, 1888 (в соавторстве с Ж. **Менаном**); *Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée*. Париж, 1877; *Histoire des empires de Chaldée et d'Assyrie*. Версаль, 1865 (в соавторстве с Ж. **Менаном**); *Fastes de Sargon*. Париж, 1863; *Expédition scientifique en Mésopotamie*. Париж, 1859-1863, 2 т.; *Fragments mythologiques*. Париж, 1882; *Фрагменты халдейской космогонии*. Париж, 1879; *Установление хронологии последних царей Вавилона*. Париж, 1893; *Положение рабов в Вавилоне*. Париж, 1888; *Ассирийские надписи Саргонидов и фасты Ниневии*. Париж, 1863.

Жюль Опперт родился в Гамбурге 9 июля 1825 года. Профессор Опперт по происхождению немец, но по месту жительства парижанин. Все его восточные исследования были проведены не только в Париже, но и многие из них под прямым покровительством французского правительства, так что французы, пожалуй, вправе считать его почти своим соотечественником. Профессор Опперт обладает той всеобъемлющей эрудицией, которая характерна скорее для немцев, чем для французов. Он филолог и лингвист самого широкого

профиля. К сожалению для широкой публики, его немецкий склад ума проявляется еще больше в его явном пренебрежении к литературным изысканиям. Он — ученый, который работает для ученых, и лишь изредка он пишет что-то, что хорошо доступно широкой публике. Поэтому его имя встречается повсюду в литературе по ассириологии (), но результаты его исследований обычно доходят до широкого читателя, так сказать, через переводчика.

Peiser, F. E., Keilinschriftliche Aktenstücke. Берлин, 1890; Studien zur Oriental. Alterthumskunde. Берлин, 1897. (В Vorderasiat. Ges. Mitt. 1897, 4 тома.); Babylon, Verträge. Берлин, 1890; A Sketch of Babylonian Society (в Smithsonian Institute. Annual Report, 1898. Вашингтон, 1899).—**Перро**, Г., История искусства в Ассирии. Лондон, 1884.—**Петерс**, Дж. П., Ниппур, или Исследования и приключения и т. д. Нью-Йорк и Лондон, 1897, 2 т.; Некоторые недавние результаты раскопок Университета Пенсильвании в Ниппуре (в Amer. Jour. of Archeol., т. 10, стр. 13, 352, 439, Принстон, 1895); Место зарождения древнейшей цивилизации в Вавилоне и дата ее возникновения (в Amer. Orient. Soc. Jour., Нью-Хейвен, 1896).

Д-р Джон Паннетт Питерс ранее был профессором иврита в Пенсильванском университете; в настоящее время является ректором протестантской епископальной церкви Св. Михаила в Нью-Йорке. Более чем на протяжении одного поколения после открытий Ботта и Лейарда и их последователей в Месопотамии, которые были продолжены группами английских, французских и немецких исследователей, Америка не принимала участия в этой работе, но в 1880 году Пенсильванский университет решил исправить это упущение, отправив полностью оборудованную исследовательскую экспедицию. Лидером этого движения и человеком, который лично руководил исследованиями в течение первых двух лет, был профессор Дж. П. Петерс. Благодаря его энергичным усилиям были преодолены бесчисленные трудности, связанные с таким предприятием, и были сделаны некоторые важнейшие открытия. Главным из них было обнаружение вавилонского города Ниппур, места, где находился древний храм Бела, который, как отмечает доктор Петерс, был для многих поколений древних вавилонян и ассирийцев тем же, чем храм в Иерусалиме для народов христианского мира. Его открытия в Ниппуре значительно дополнили работу, сделанную в Вавилоне и Ниневии, и «помогли продвинуть наши знания о цивилизованном человеке на две тысячи лет дальше, чем было известно менее полувека назад». В Ниппуре он обнаружил, вероятно, самый старый из известных храмов в мире. Обе его экспедиции встретили очень ожесточенное и решительное сопротивление со стороны правительственных чиновников и кочевых жителей окрестностей Ниппура, и в основном благодаря его бесстрашной решимости раскопки в конце концов увенчались успехом.

Пинчес, Т. Г., Религиозные представления вавилонян. Лондон, 1893; Заметки. Лондон, 1892; Шумерская или криптография (в Royal Asiatic Soc. Jour.; 1900, стр. 75, 1900); Вавилонские и ассирийские цилиндрические печати Британского музея (в Jour. Brit. Археологической ассоциации; т. 41, с. 396, Лондон, 1885). Бронзовые ворота Балавата в Ассирии (в Журнале Британской археологической ассоциации; т. 35, с. 233, Лондон, 1879); Храмы древней Вавилонии (в Proc. Soc. Bibl. Archeol., т. 22, с. 358, Лондон, 1900).—**Place**, V., Ninive et l'Assyrie. Париж, 1867-1890.—**Pognon**, H., Inscription de Meron-Nerar, roi d'Assyrie. Париж, 1884. Les inscriptions babyloniennes du Wadi Brissa. Париж, 1887.—**Prévost-Paradol**, L. A., Essai sur l'histoire universelle. Париж, 1890, 2 т.

Радау, X., «Early Babylonian History». Нью-Йорк, 1900. — **Рагозин**, З. А., «The Story of Chaldea (Stories of the Nations)». Лондон, 1888; «Media, Babylon and Persia». Лондон, 1889; « Assyria». Лондон, 1888. — **Ранвольф**, Л., Путешествие в Сирию, Армению, Месопотамию. — **Рассам**, X.,

Раскопки и открытия в Ассирии. Лондон; Ашшур и земля Нимрода. Цинциннати, 1897; Вавилонские города. Лондон, 1883.

Хормузд Рассам родился в семье халдейских христиан в Мосуле, Турция, в 1826 году. В 1845 году он познакомился с Остином Х. Лейардом, который в то время исследовал ассирийские руины, и, проявив большой интерес к работе Лейарда, в 1847 году сопровождал его в Англию, где продолжил свои исследования. В 1864 году он был отправлен британским правительством с миссией в Абиссинию, чтобы обеспечить освобождение нескольких европейцев, которые были взяты в плен королем Теодором, но сам был заключен в тюрьму этим королем на два года. Вскоре после своего освобождения он посетил вавилонско-ассирийский регион от имени Британского музея, и во время этой экспедиции и последующих он сделал много важных открытий. Среди этих открытий особое место занимают бронзовые ворота Балавата, относящиеся к временам Салманасара II (858-824 гг. до н.э.), и табличка Абу-Хаббы, на которой записано о восстановлении храма Набу-апал-иддином, современником Салманасара II. Имя Рассам ассоциируется с именем Лейарда и с ранней историей ассириологии. Рассам был в первую очередь исследователем; он помогал Лейарду в его ранней работе в Ниневии, а после того, как Лейард был призван на другие поля деятельности, сам продолжил исследования для британского правительства. Рассам никогда не стал ассириологом в техническом смысле этого слова, довольствуясь в основном сбором материалов, на которых основывались исследования многочисленных ученых. Его величайшим достижением было открытие ныне знаменитой библиотеки Ашшурбанапала. Он сам рассказал об своих открытиях в книгах, которые не получили той известности, которой заслуживают.

Роулинсон, Г., Пять великих монархий древнего мира. 2-е изд. Лондон, 1871; Руководство по древней истории. Оксфорд, 1869; Геродот. Лондон, 1858-75, 4 т.; Статьи в журнале Королевского Азиатского общества; т. X, XI, XII. Лондон, 1885; Клинописные надписи Западной Азии. Лондон, 1861-1891.

Джордж Роулинсон (брат сэра Генри Роулинсона) родился в Чадлингтоне, Оксфордшир, Англия, в 1815 году. Он получил образование в Суонси и в школе Илинг. В 1838 году он с отличием окончил Тринити-колледж в Оксфорде по классической специальности. В 1840 году он был избран членом Эксетер-колледжа. В 1859 году, будучи лектором Бамптона, он прочитал свою знаменитую лекцию «*Исторические свидетельства истинности библейских записей*». В 1861 году он был избран профессором древней истории в Кэмдене, а в 1872 году стал каноником Кентербери. Его исторические труды охватывают почти всю историю Древнего Востока. Кто-то сказал о канонике Роулинсоне, что его ученость имеет своеобразный немецкий характер, и эта критика, по-видимому, в основном справедлива. Немногие другие англичане нашего поколения охватили столь обширную область истории и изучили ее так тщательно, как профессор Роулинсон. Он сделал всю область древней Юго-Западной Азии своей специализацией и в серии широко распространенных книг поделился своими знаниями с миром, причем некоторые из них, например, книга о Парфянской монархии, посвящены народам, которые другие историки в значительной степени игнорировали. Вся эта работа, как уже было сказано, основана на научных исследованиях, которые по праву можно назвать глубокими. Если в своей оценке некоторых частей этой истории, в частности в отношении новых идей о хронологии более отдаленных периодов, профессор Роулинсон и не поспевал за лидерами нового поколения, то это, безусловно, не более, чем можно было ожидать от человека, чьи воспоминания уносят его к самым истокам спора о «времени» (). Каноник скончался в 1902 году.

Роулинсон, Х. К., «Очерк истории Ассирии». Лондон, 1852 г. — «**Записки о прошлом**» (Берч, С.). Лондон, 1873 г., 12 томов. — «**Revue d'Assyriologie**». Париж, 1886 г. и др. — **Рич,**

К. И., *Babylonia and Persepolis: Memoirs on the Ruins of Babylon*. Лондон, 1818.—**Robertson**, H. S., *Voices of the Past from Assyria and Babylonia*. Лондон, 1900.—**Rogers**, R. W., *History of Babylonia and Assyria*. Лондон, 1901, 2 т.

Сахау, Э., Путешествие по Сирии и Месопотамии. Лейпциг, 1885; На Евфрате и Тигре. Лейпциг, 1900.—**Сарзек**, Г. К. Э., де, *Открытия в Халдее*. Париж, 1884-1893, 2 тома.

Гюстав Шарль Эрнест Шоккин де Сарзек родился 11 августа 1836 года. После того как открытия Ботта и Лейарда показали научному миру, какие заброшенные сокровищницы можно найти в Месопотамии, было естественно, что исследователи стали искать другие области древней деятельности, в частности на юге, в Древней Вавилонии и еще более древней Халдее. Среди тех, кто наиболее успешно занимался последней областью, был М. де Сарзек. Его исследования в Телло, одном из древнейших центров месопотамской цивилизации, привели к обнаружению огромного количества интереснейших древностей, во многом отличающихся от тех, что относятся к сравнительно недавнему ассирийскому периоду. В частности, интерес представляют скульптуры в полном объеме, которые, по-видимому, были распространенной формой художественного выражения у древних халдеев, поскольку они отличаются от барельефов, которые были любимым видом скульптуры художников Ниневии. В интерпретации большого количества материалов, которые собрал де Сарзек, ему помогали М. Лайон Хезей и М. Амио.

Сейс, А. Х., *Лекции о религиях древней Ассирии и Вавилонии*. Лондон, 1888; *Древние империи Востока*. Лондон, 1884; *Ассирия: ее князья, священники и народ*. Лондон, 1882; *Вавилоняне и ассирийцы: жизнь и обычаи*. Нью-Йорк, 1899; *Социальная жизнь ассирийцев*. Лондон, 1893; *Введение в ассириологию*. Лондон, 1894; *Расы Ветхого Завета*. Лондон, 1891; *Новый свет от древних памятников*. Лондон, 1884.

Арчибальд Генри Сейс, родился в Ширхэмптоне, недалеко от Бристоля, 25 сентября 1846 года. Заместитель профессора сравнительной филологии в Оксфорде с 1876 по 1890 год; в настоящее время профессор ассириологии в Оксфорде. Известный оксфордский профессор был одним из самых разносторонних и активных востоковедов. Он одинаково хорошо разбирается в Египте, Месопотамии и Ассирии и является настолько неутомимым писателем, что из-под его пера постоянно выходят научные труды на ту или иную тему. Профессор Сейс — отнюдь не затворник, а путешественник с богатым опытом, и в последнее время он привык проводить зимы и весны на плавающем доме в Египте. Он обладает редким достоинством, сочетая высочайшую эрудицию с умением ясно излагать свою тему, и поэтому его работы почти так же хорошо известны широкому читателю, как и специалистам. В каждом поколении есть лишь несколько человек, которые, сочетая эти качества, выступают в роли переводчиков между миром науки и миром обычных смертных, и среди них в нашем поколении профессор Сейс занимает одно из первых мест.

Saulcy, L. F. J. C., de, *Recherches sur la chronologie des empires de Ninive, de Babylone et d'Ekbatane*. Париж, 1854. — **Шефер**, Б., *Die Entdeckungen in Assyrien und Aegypten in ihrer Beziehung zur heiligen Schrift*. Вена, 1896. — **Шмидт**, В., *Assyriens of Aegyptens gamle Historie*. Копенгаген, 1872-1877. — **Шрейдер**, Э., *Cuneiform Inscriptions and the Old Testament*. Лондон, 1873, 2 тома; *Die Höllenfahrt der Istar ein altbabylon. Epos*; Гисен, 1874; *Eine Sammlung von Übersetzungen der wichtigsten Texte (Keilinschriftliche Bibliothek)*. Берлин, 1889-1901, тома 1-6; *Keilinschriften und Geschichtsforschung*. Гисен, 1878.

Эберхард Шрадер родился в Брауншвейге, Германия, 5 января 1836 года. Он учился в гимназии в Брауншвейге и в Гёттингенском университете. Вскоре после окончания учебы в Гёттингене он был назначен профессором иврита и семитских языков в Цюрихе, а позже

занимал соответствующие должности в Гисене и Йене. В 1875 году он получил звание профессора и стал членом Королевской академии в Берлине. Он также редактировал *Keilinschriftliche Bibliothek*. Только некоторые из его работ были переведены на английский язык, наиболее известными из которых являются «Клинописные надписи и Ветхий Завет».

Смит, Г., «Ассирийские открытия». Лондон, 1875; «Ассирия с древнейших времен». Лондон, 1875; «Халдейское Бытие». Лондон, 1881; «История Вавилона». Лондон, 1877; «История Сеннахериба (по надписям)». Лондон, 1878; «История Ашшурбанипала (по надписям)». Лондон, 1871; Ассирия с древнейших времен до падения Ниневии. Нью-Йорк, 1876.

Джордж Смит родился в Лондоне, Англия, 26 марта 1840 года. Говорят, что он впервые заинтересовался ассириологией, когда ему пришлось гравировать несколько клинописных табличек для публикации. Он сразу же занялся изучением этой науки и немного позже был назначен на должность в ассирийском отделе Британского музея. Вскоре он стал одним из величайших продвигателей ассириологии. Вместе с сэром Генри Роулинсоном он отредактировал тома III-IV «Клинописных надписей Западной Азии». В 1872 году он обнаружил среди глиняных книг Британского музея фрагменты истории о Всемирном потопе, похожей на библейскую версию. Вскоре после этого он посетил Ниневию, чтобы продолжить поиски глиняных книг во дворце Ашшурбанапала, и его экспедиция оказалась очень успешной. История о Всемирном потопе оказалась частью великой поэмы, написанной на двенадцати табличках. Он совершил еще две экспедиции для музея, но во время последней заболел лихорадкой и умер в Алеппо 19 августа 1876 года. Джордж Смит был известен среди востоковедов как человек, обладавший особым инстинктом для перевода непонятных текстов. Он посвятил всю свою жизнь востоковедению и был признан одним из ведущих востоковедов.

Шпигель, Ф., Die altpersischen Keilinschriften, 2-е изд. Лейпциг, 1881. — **Страбон**, География Страбона. Лондон, 1854, 3 т. — **Штрассмайер, Дж. Н.**, Babylonische Texte. Лейпциг, 1889; Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon (609-561). Лейпциг, 1889.—**Стрек, М.**, Die alte Landschaft Babylonien nach den arabischen Geographen. Лейден, 1900, 2 т.

Тальбот, У. Х. Фокс (в «Записях прошлого»). Лондон, 1856, 18 т.; Надпись Тиглат-Пилесера I, царя Ассирии, 1150 г. до н. э. (в «Журнале Королевского Азиатского общества»). Лондон, 1857.

Уильям Генри Фокс Тальбот родился 11 февраля 1800 года в Лэйкок-Эбби, недалеко от Чиппенхэма, Англия. Он получил образование в Харроу и Тринити-колледже в Кембридже, где в 1820 году получил премию Порсона. В 1822 году он представил свои работы в Королевское общество, и в том же году начал серию оптических исследований и экспериментов, которые впоследствии сыграли важную роль в фотографии. В связи со своими научными исследованиями он посвятил много времени изучению археологии, а в более позднем возрасте полностью посвятил себя этому делу. Он делит честь с сэром Генри Роулинсоном и доктором Хинксом как один из первых, кто расшифровал клинописные надписи Ниневии. Он умер в Лэйкокском аббатстве 17 сентября 1877 года. Тальбот был мастером в области ассириологии. Он был одним из первых, кто добился успехов в этой области, и в некотором смысле одним из основателей этой науки.

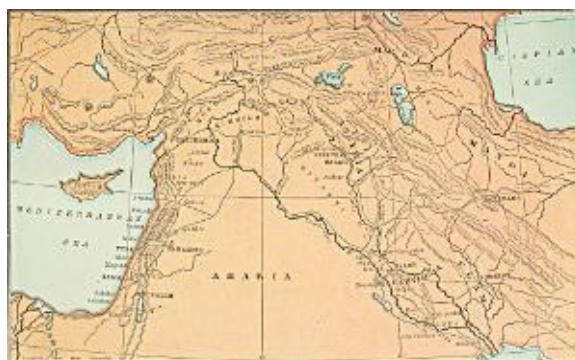
Тейлор, У. К., Справочник по древней истории для студентов. Лондон, 1882. — **Тиле, К. П.**, История Ассирии. Лондон, 1886; Восточная Азия согласно последним открытиям. Лондон, 1894; Сравнительная история египетской и месопотамской религии; Babyl.-assyrg. Geschichte. Гота, 1886-1888, 2 тома. (в Records of the Past). Лондон, 1873, 18 томов.

Корнелис Петрус Тиле родился в Лейдене, Голландия, 16 декабря 1830 года. Он получил образование в университете этого города, уделяя особое внимание изучению философии и истории. В 1877 году он был назначен на кафедру истории и религии в Лейденском университете. Его многочисленные публикации по истории и философии были широко переведены. Профессор Тиле пользуется довольно редкой среди своих соотечественников репутацией космополита. Как авторитет в области древних религий он не имеет себе равных, и его труды почти так же хорошо известны в Германии, Франции, Англии и Америке, как и в его родной Голландии.

Вальбуэна, Р. Ф., «Воскресшие Египет и Ассирия». Мадрид, 1895. — **Ван ден Берг**, Э., «Краткая древняя история народов Востока». Париж, 1883. — **Во**, В. Г. В., «Ниневия и Персеполь». Лондон, 1880.—**Вигору**, Ф., Библия и открытия в Ассирии. Париж, 1887.

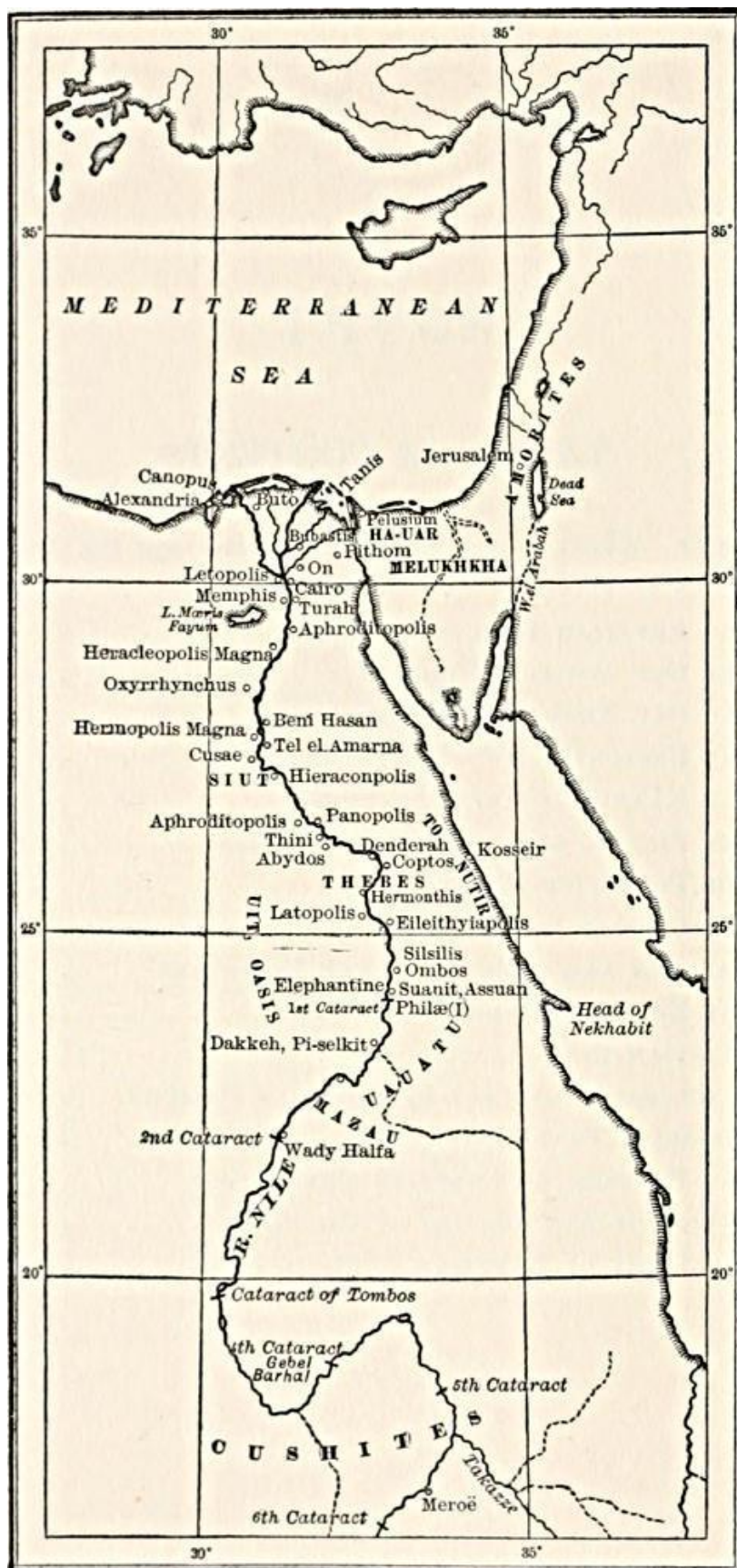
Вахсмут, К., Введение в изучение древней истории. Лейпциг, 1895. — **Вармунд**, А., Вавилонская культура и христианство. Лейпциг, 1882. — **Уорд**, У. Х., Заметки о древних памятниках. Балтимор, 1887; Отчет об экспедиции Вольфа в Вавилонию. Бостон, 1886; Вавилонский кадуцено (в Amer. Orient. Soc. Jour., т. 14). Нью-Хейвен, 1890; История змея и дерева (в Amer. Antiq. and Orient. Jour., т. 20, с. 211). Чикаго, 1898. — **Вебер**, Г., Allgemeine Weltgeschichte. Лейпциг, 1857-1880, 15 тт. — **Вайс**, Дж. Б. фон, Geschichte des Orients. 1886. — **Вайсбах**, Ф. Х., Zur Lösung der sumerischen Frage. Лейпциг, 1897; Über einige neuere Arbeiten zur babyl. pers. Chronologie (в Deutsche Morgenland. Ges. Zeitch., т. 55, с. 195. Лейпциг, 1901).— **Вернике**, К., Geschichte des Alterthums. 1890.—**Уилберфорс**, Р. Ф., The Five Empires. Лондон, 1899.—**Винклер**, Х., Сборник клинописных текстов. Лейпциг, 1893-1894; Исследования по древневосточной истории. Лейпциг, 1889; История Вавилонии и Ассирии. Лейпциг, 1892; Altorientalische Forschungen, Лейпциг, 1893-1897; Völker und Staaten des alten Orients. Лейпциг, 1900.—**Вольтманн**, А. К., History of Painting. Лондон, 1880, 2 тома.—**Вуд**, Р., The Ruins of Palmyra.

Циммерн, Х., Вавилонская и еврейская Книга Бытия. Лондон, 1901.

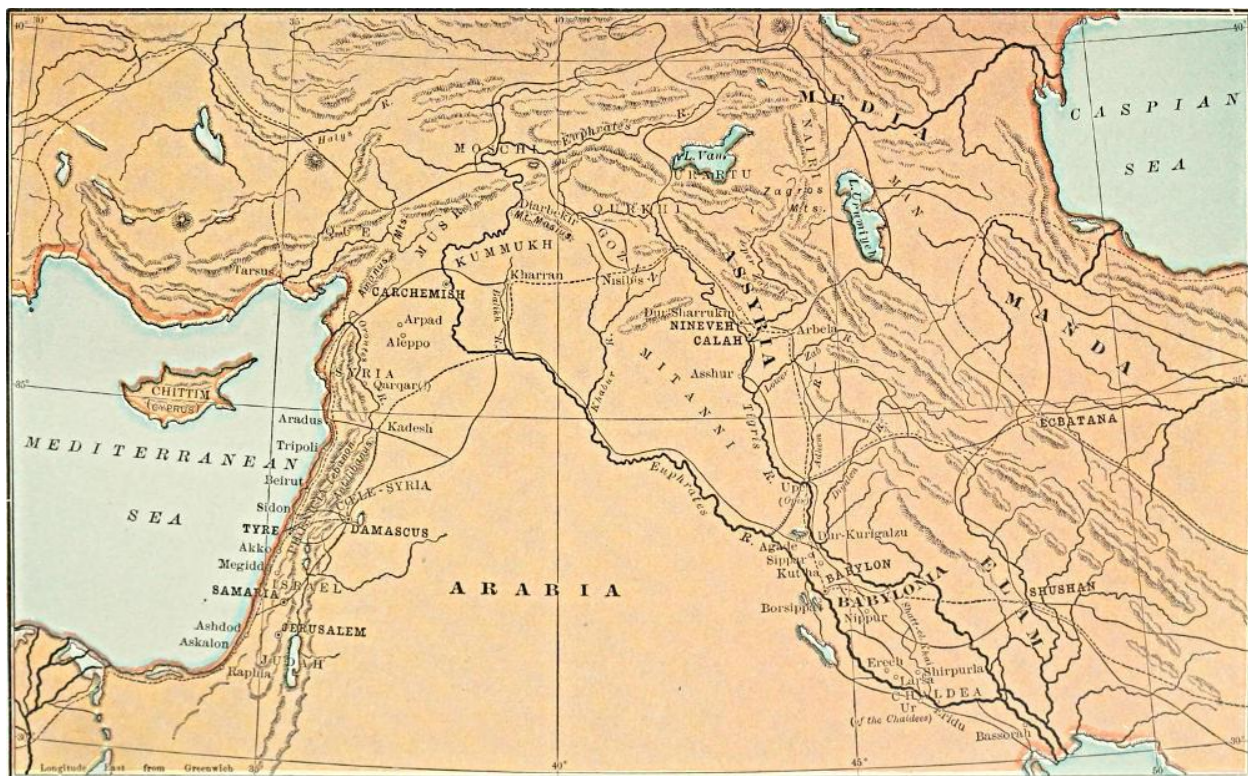

БАВИЛОНІА И АССІРІА.

BORMAY & CO.

назад

назад